
ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG SIGILLUM
VE RI TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ГОДЪ LXIII. — ТОМЪ CCCLXXII. — 1/13 ІЮЛЯ 1899.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ДЕВЯНОСТО-ВОСЬМОЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1899

2807

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ.—КН. 7-я.

ІЮЛЬ, 1899.

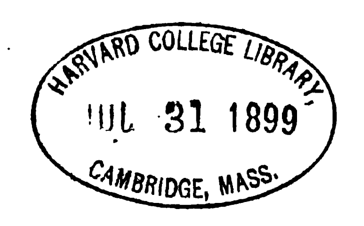
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 7-я. — ІЮЛЬ, 1899.

Стр.

Подписка на годъ, полугодіе и вторую половину 1899 года.
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

ЗАПИСКИ

изъ

ЭПОХИ ГОЛОДА ВЪ 1891—92 ГОДАХЪ.

„Силенъ смиреньемъ, богатъ нищетой".
Русская пословица.

Окончаніе.

VII *).

На слѣдующее утро, первое, чѣмъ мы занялись, было пріисканіе подходящей избы для нашей пекарни. Такая изба нашлась тотчасъ же. Это была пустая бревенчатая съ забитыми окнами хата крестьянина, не жившаго дома и ушедшаго куда-то, уже нѣсколько лѣтъ назадъ, искать счастья. Его братъ, остававшійся хозяиномъ въ Патровкѣ и жившій рядомъ въ жалкой мазанкѣ, охотно сдалъ намъ большую избу подъ пекарню, конечно, за самую ничтожную цѣну. Эта изба была длинная, въ четыре или даже пять оконъ на улицу, съ сѣнями, чуланомъ и маленькимъ дворомъ. Но бѣда была въ томъ, что печка въ ней давно развалилась и приходилось класть новую. Впрочемъ, для пекарни ...о во всякомъ случаѣ необходимо.
...арню мы предполагали открыть возможно бóльшую, такъ ...ечь надо было класть громадную. Сейчасъ же явились ...ъ печники, мѣстные молодые крестьяне—опять солдаты, ...ая свои услуги. Чего было лучше? Помню одного ма-

---

*) ...м. выше: іюнь, 682 стр.

ленькаго коренастаго солдата, потомъ главнаго завѣдывавшаго пекарней и главнаго пекаря. Кажется, звали его Ѳедоромъ. Это былъ уже женатый мужикъ лѣтъ 35, съ окладистой русой бородой, умными, сѣрыми глазами и съ солдатскими манерами и выправкой. Онъ тоже сильно бѣдствовалъ, какъ и всѣ въ селѣ, и съ необыкновенной охотой, готовностью и энергіей, взялся за предложенную ему работу. Онъ сейчасъ же все понялъ, сообразилъ, какую надо печь класть, откуда взять матеріала, чего это будетъ стоить, сколько печка будетъ выпекать хлѣба въ сутки, гдѣ этотъ хлѣбъ будетъ стыть, гдѣ его будемъ вѣшать, гдѣ и какъ мѣсить и т. д. Съ двумя-тремя товарищами у него закипѣла работа. Дня черезъ четыре все было уже готово, и пекарня пошла въ ходъ. Я не могъ налюбоваться и нарадоваться на Ѳедора и его товарищей. Бывало, придешь въ пекарню, войдешь въ сѣни, вездѣ на потолкахъ и въ углу навалены кучи свѣжеиспеченныхъ хлѣбовъ. Идешь дальше. Въ первой половинѣ избы стоитъ громадное корыто, въ которомъ двое или трое молодцовъ, своими сильными, засученными до плечъ мускулистыми руками, на которыхъ жилы напряглись, мѣсятъ тѣсто. Рубахи и лица ихъ бѣлыя отъ муки, выраженія оживленныя, бодрыя. Въ воздухѣ такъ вкусно пахнетъ ржаной мукой и кисловатымъ запахомъ ржаной закваски. Ѳедоръ тамъ у устья печи ворочаетъ лопатой. Отломишь краюшку отъ свѣжаго хлѣба и начнешь ѣсть. Ныньче еще больше выпекли пекаря, такъ что на десять столовыхъ будетъ хватать. Работали иногда и по ночамъ.

Часто, когда я входилъ или выходилъ изъ пекарни, голодные нищіе-побирушки окружали меня, прося хлѣба. Первые дни мы подавали имъ отсюда, но потомъ перестали, потому что толпа народа ежедневно стала собираться здѣсь, ожидая подачки.

Я сказалъ, что не могъ нарадоваться на нашу пекарню, не могъ налюбоваться ея работниками, которые всѣ до одного человѣка были солдаты. Скажу здѣсь кстати, что солдаты вообще были одними изъ лучшихъ нашихъ помощниковъ, самыми честными, надежными и ловкими исполнителями за все время пребыванія на голодѣ. Солдатами были наши пекаря, солдатами же были потомъ многіе, завѣдывавшіе столовыми; сельскіе писаря, фельдшеры, всѣ лучшіе люди въ деревнѣ—изъ солдатъ. Конечно, есть и исключенія изъ этого правила, но правило остается все же правиломъ. Не даромъ въ карточной игрѣ въ короли „солдатъ“ стоитъ выше „мужика“. Я видѣлъ и испыталъ это на дѣлѣ. Съ солдатомъ можно дѣло имѣть, можно ему объяснить, пору-

чить ему что-нибудь, спросить съ него. Съ мужиками другое дѣло. Мужика спросишь бывало:

— Эй, милый человѣкъ, скажи пожалуйста, это куда дорога ведетъ?

Не разъ мнѣ случалось на это получать такой отвѣтъ. Мужикъ остановится, посмотритъ на васъ, какъ на какое-нибудь чудище съ другого свѣта, сдвинетъ шапку на ухо, запуститъ подъ нее пальцы и протянетъ безсмысленно, но внушительно:

— О... о... о...

И пойдетъ дальше, точно онъ дѣло сдѣлалъ и отвѣтилъ вамъ на вашъ вопросъ въ лучшемъ видѣ.

Отъ солдата вы уже навѣрное и никогда не получите такого отвѣта.

Солдатъ же, гвардейцевъ, отправило, какъ уже сказано, Патровское общество ходоками въ Петербургъ, и, конечно, только благодаря ихъ развитости и извѣстнаго рода умѣнію держать себя, говорить, вообще—умѣнію жить, какъ говорятъ французы, они добились толку: тамъ выслушали и поняли ихъ.

Говорятъ, что солдатъ—это порченый мужикъ;—да, конечно, но все-таки этотъ порченый мужикъ въ деревнѣ считается и стоитъ выше своего непорченаго сосѣда.

Наладивъ работы въ пекарнѣ, мы пошли съ И. А. по селу знакомиться, съ внѣшней стороны, съ положеніемъ народа. Вездѣ было то же самое. Хлѣбъ комитетскій доѣли, своего нѣтъ, скотину распродали, завтра поведутъ продавать послѣднюю. Ѣли хлѣбъ да воду въ большинствѣ домовъ, во многихъ избахъ лежали уже тифозные больные, хотя тогда еще не въ сильной степени. Соломенныя крыши, гдѣ были такія, почти всѣ были уже стравлены скотиной. Во многихъ домахъ хлѣбъ былъ съ примѣсями, больше изъ лебеды, а въ иныхъ мазанкахъ и изъ глины. Хлѣбъ этотъ, когда его ѣли, хрустѣлъ во рту, точно вы жевали сахаръ.

Теперь все время за нами по селу, куда бы ни шли, шла и толпа народа.

Наша изба постоянно, съ утра до вечера, была окружена голодающими, и такъ продолжалось всю зиму до самаго отъѣзда. Признаюсь, это осадное положеніе наше не всегда было легко переносить. Нужно прежде всего привыкнуть къ нему, выучиться забывать, что тамъ тебя дожидаются, тогда только можно спокойно выпить чашку чая. Но трудно привыкнуть къ этому, особенно въ первое время и свѣжему человѣку, особенно когда знаешь, зачѣмъ дожидаются тебя всѣ эти просители.

Въ началѣ нашего пребыванія на голодѣ, чувство полнаго безсилія, чувство физической невозможности помочь морю голодавшаго народа кругомъ, не разъ овладѣвало нами. Это претяжелое чувство. Къ счастію, съ первыхъ же дней нашей дѣятельности мы нашли себѣ облегченіе отъ него. Оно состояло въ сознаніи необходимости вѣрить людямъ, довѣрять тѣмъ, которые бы могли помогать народу вмѣстѣ съ нами. И особенно усиливалось это сознаніе, когда почему-либо являлось недовѣріе къ людямъ, когда, прежде чѣмъ начать помощь, хотѣлось самому хорошенько разузнать получше нужду. Тогда чувство безсилія, о которомъ упомянуто, доходило до крайней степени:—Ну, когда же и какъ я могу провѣрить одинъ всѣхъ этихъ просившихъ и нуждавшихся?...

Поэтому съ первыхъ же дней нашей дѣятельности на голодѣ мы взяли за непремѣнное правило довѣрять людямъ, вѣрить и тѣмъ, кто просилъ, а главное, если такіе-то,—солдатъ ли, староста, писарь и т. д.,—желали и могли помогать вмѣстѣ съ нами народу, надо было принимать ихъ помощь сейчасъ же, съ благодарностью и съ полнымъ довѣріемъ. Если священникъ просилъ хлѣба для своего прихода, надо послать ему хлѣбъ и вѣрить, что онъ наилучшимъ образомъ его распредѣлитъ, откроетъ столовыя именно на тѣхъ, на кого надо. Довѣріе къ людямъ было главнымъ залогомъ успѣха нашего дѣла въ тотъ годъ. Только благодаря этому довѣрію, мы могли расширить помощь на широкій районъ.

Обойдя село, мы вернулись съ И. А. домой и застали у насъ Б., пріѣхавшаго съ своего хутора.

У Б. была своя изба въ Патровкѣ, и онъ предложилъ намъ перейти въ нее, какъ въ болѣе просторную и удобную. Эта изба, бывшая раньше подъ кабакомъ, стояла теперь пустой и на болѣе открытомъ и бойкомъ мѣстѣ, чѣмъ наша,—она могла быть вся въ нашемъ распоряженіи; въ ней, по всѣмъ вѣроятіямъ, не было клоповъ,—и потому, поблагодаривъ Б., мы приняли его предложеніе съ радостью. На другой же день мы перешли на новую квартиру.

Но потомъ я не разъ жалѣлъ, что оставилъ избу Михайловны. Все-таки у нея было теплѣе, чѣмъ въ нашемъ новомъ помѣщеніи, и особенно въ чуланѣ, гдѣ мы, по глупости нашей, спали. Однако, мы оставались въ избѣ Б. до конца и уже никуда не переѣзжали изъ нея.

Только на третьи сутки послѣ своего отъѣзда къ вечеру вернулся почтарь изъ Бузулука, привезя съ собой кучу денеж-

ныхъ пакетовъ на мое имя. Въ жизни моей я еще не получалъ такого множества писемъ заразъ. До поздней ночи сидѣли мы съ И. А., распечатывая конверты и считая деньги. Были интересныя, трогательныя письма,—они всѣ хранятся у меня до сихъ поръ,—были письма, смутившія меня.

Напримѣръ, одна дама просила отдать, посылаемые ею 20 рублей, женщинѣ такихъ-то лѣтъ, беременной первымъ ребенкомъ. Ну, гдѣ мнѣ было искать по селу такой бабы?

Были письма слишкомъ длинныя, съ длиннѣйшими разсужденіями о томъ, какъ страдаетъ бѣдный народъ, а мы веселимся, которыя тоже было довольно тяжко читать до конца, особенно когда предстояло завтра и всю зиму возиться съ этимъ страдающимъ народомъ. Были люди, просившіе о „немедленномъ увѣдомленіи“ ихъ въ полученіи денегъ, что также было не легко. Впрочемъ, большинство писемъ было кратко и многія трогательны, какъ уже сказано, особенно—письма бѣдныхъ людей, всегда болѣе добрыхъ и чуткихъ, чѣмъ богатые. Были пожертвованія отъ крестьянъ, фабричныхъ и ремесленниковъ.

Часть полученныхъ денегъ мы тогда же отправили въ Самару въ уплату за хлѣбъ, часть оставили въ Патровкѣ на расходы, платя изъ нихъ возчикамъ, подвозившимъ хлѣбъ со станціи, за помолъ ржи, за топливо въ столовыя, за пшено, капусту и другой приварокъ, который находили на мѣстѣ, т.-е. въ окрестныхъ селахъ.

VIII.

Прошло дней десять, и за это время мы уже до конца успѣли познакомиться съ мѣстной нуждой и могли теперь составить себѣ болѣе вѣрное понятіе о томъ, какъ удобнѣе и лучше помогать народу.

Прежде всего, получивъ первую партію хлѣба, пришлось раздать его самымъ нуждающимся зерномъ и мукой, по 10—15 фунтовъ на ѣдока. Но такими нуждающимися оказалось громадное большинство крестьянъ, исключая все тѣхъ же, давно всѣмъ извѣстныхъ и отмѣченныхъ нами сначала 20—30 домовъ, такъ называемыхъ, богачей. Это было сдѣлано нами, когда столовыя еще были не открыты и когда народъ кругомъ насъ страшно бѣдствовалъ безъ всякой помощи, дотягивая время до слѣдующей земской выдачи. Потомъ, особенно въ ближнихъ селахъ, намъ уже не пришлось прибѣгать къ этой формѣ помощи, по-

тому что здѣсь было открыто нами всего больше столовыхъ, которыя вмѣстѣ съ земской ссудой составляли, если не достаточную, то все же крупную поддержку. Въ другихъ же селахъ, болѣе отдаленныхъ, не разъ приходилось за голодный годъ прибѣгать къ выдачѣ, вмѣсто столовыхъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда нужда была запущена, когда некому было довѣрять дѣло столовыхъ и когда не хватало у насъ самихъ средствъ на привароеъ и топливо.

Столовыя, какъ онѣ ни хороши, все-таки гораздо дороже простой выдачи хлѣбомъ, рожью или мукою. Особенно же дорого онѣ обходились въ самарской губерніи, благодаря главнымъ образомъ топливу. Топлива въ селѣ было мало и продавали его по довольно высокой цѣнѣ.

Вотъ короткая табличка того, что̀ стоили намъ столовыя сравнительно съ выдачей въ нашей Патровской волости. Изъ 6.000 ея населенія нужно было пустить въ столовыя около 1.500, чтобы мало-мальски обезпечить волость. Если считать въ каждой столовой по 40 человѣкъ, то всѣхъ столовыхъ нужно было около 40. Онѣ стоили по 84 рубля каждая въ мѣсяцъ, слѣдовательно, всѣ $40 \times 84 = 3.360$ рублей. Если же выдавать по 10 фунтовъ хлѣба на ѣдока, даже всѣмъ 6.000 крестьянамъ, это стоило бы только 1.500 рублей, считая хлѣбъ по рублю за пудъ, какъ онъ, въ среднемъ, намъ и обходился.

Эти соображенія не разъ наводили насъ на мысль, за время нашей дѣятельности, что не лучше ли было бы тратить деньги прямо на хлѣбъ и раздавать его, чѣмъ на указанные выше лишніе расходы въ столовыхъ. Но послѣдующій опытъ все-таки убѣдилъ насъ въ противномъ.

Столовыя, кромѣ того, что онѣ прямо достигаютъ цѣли того, кто поѣхалъ кормить голодныхъ, т.-е. насыщаютъ ихъ здоровой пищей, имѣютъ еще громадное общественное и, такъ сказать, психологическое значеніе, которое особенно дорого. Во-первыхъ, нуждающіеся люди видятъ въ нихъ искреннее попеченіе о себѣ добрыхъ людей, стоющее настоящаго вниманія и труда, и это ободряетъ и поддерживаетъ ихъ духъ; во-вторыхъ, въ столовыя богачи и сытые не пойдутъ, тогда какъ зерна или муки всякій приметъ, даже и не нуждающійся, и въ-третьихъ, столовыя собираютъ голодный народъ вмѣстѣ,—служатъ мѣстомъ его общенія, чѣмъ вносятъ собой въ тяжелые года бѣдствій элементъ оживленія и утѣшенія въ народную жизнь и среду. Поэтому столовыя, хотя и въ два слишкомъ раза дороже стоющія, чѣмъ простая выдача, всегда останутся лучшей формой помощи голо-

дающимъ, пока они у насъ не переведутся. Я былъ противъ нихъ сначала, но потомъ, наученный опытомъ, увидѣлъ ихъ дѣйствительную пользу и значеніе, и теперь стою за нихъ. Возраженіе, которое дѣлаютъ противъ нихъ и которое я дѣлалъ, что въ нихъ кормятъ людей дòсыта, тогда какъ рядомъ въ селахъ или сосѣднихъ уѣздахъ ѣсть нечего людямъ,—несправедливо. Коли кормить, такъ ужъ кормить дòсыта, такъ, чтобы спасти и отъ болѣзней, отъ цынги и отъ тифа, а не понемножку и не дòсыта, только потому, что есть на свѣтѣ еще худшіе голодные. Тогда можно дойти и до раздачи по фунту или зерну хлѣба на брата, что̀ уже будетъ нелѣпо.

Проживя, какъ сказано, въ Патровкѣ дней десять, мы уже начали помощь. Роздали хлѣбъ, открыли пекарню, откуда продавали теперь дешевый хлѣбъ, а покупали его у насъ бойко; открыли первыя столовыя.

Сначала мы разсчитывали пускать ровно по сорока человѣкъ въ каждую, но потомъ вышло иначе, и въ каждой набиралось по разному числу людей. Въ одной сорокъ, въ другой 50, въ третьей 60 и такъ до 80-ти. Для варева были нарочно устроены печурки съ большими котлами, которые вмазывались въ нихъ сверху. Иначе, варить горячую пищу въ чугунахъ было бы слишкомъ хлопотно хозяйкамъ и хозяевамъ, потому что въ нашихъ столовыхъ тѣ и другіе занимались ими. Мужики почти всѣ были дома, работъ и дѣла у нихъ никакихъ не было, и потому они охотно брали на себя роль „завѣдущихъ“. Такихъ „завѣдущихъ“ у насъ къ концу зимы набрались сотни.

Въ столовыя шли всѣ, и все новые и новые голодные просились въ нихъ. Мы пускали по мѣрѣ открыванія ихъ.

— Три дня не ѣли, ребятенки кричатъ, умираемъ голодной смертью, запишите ради Христа нашихъ,—съ утра до вечера продолжали раздаваться вокругъ насъ просьбы. И приходилось только поспѣвать за ними.

— Три дня не ѣли? Возможно ли это, правда ли это или только слова?

Я не разъ спрашивалъ себя это и, признаться, не вѣрилъ, чтобы людямъ приходилось дѣйствительно такъ плохо, что они ничего не ѣли по три дня. Но очень скоро я повѣрилъ и въ это; увидѣлъ, что даже такое положеніе было возможно въ тотъ годъ.

Я вошелъ разъ, не помню уже зачѣмъ, въ одну избу; мужика не было дома. Дома была только баба, сидѣвшая одна на печкѣ, окруженная кучей бѣлоголовыхъ ребятъ. Я разговорился съ ней.

— А лошади есть?—спросилъ я ее между прочимъ.

— Одна осталась,—отвѣчала баба,—только хозяинъ на ней по сбору уѣхалъ.

И баба улыбнулась мнѣ, Богъ знаетъ почему.

— Ну, а хлѣбъ есть дома?

— Вонъ, краюшка осталась,—отвѣтила баба, указывая на кусокъ хлѣба на полкѣ,—сама третій день нынче не ѣмъ, ребятенкамъ приберегаю. Хозяинъ ужъ не знаю, куда и заѣхалъ. Буранъ на дворѣ. Вотъ мы на печкѣ съ ними и сидимъ, дожидаемся.

И баба опять мнѣ улыбнулась и ласково положила обѣ руки на головы своихъ ребятъ. Лицо ея было широкое, сильное, красивое, зубы бѣлые, какъ снѣгъ, и глаза свѣтились. И я понялъ, что она не лгала мнѣ. Въ этомъ я былъ увѣренъ. Она дѣйствительно третій день не ѣла, эта мать, спасая отъ голода своихъ дѣтей. Хлѣба осталась краюшка, мужа дома нѣтъ, продать нечего, идти за помощью некуда,—да и какъ ей отойти отъ ребятъ? Чтò же оставалось ей, какъ не терпѣніе, какъ не лишеніе себя послѣдняго куска?

И теперь у меня бѣгаютъ мурашки по тѣлу при воспоминаніи объ этой бабѣ. И я повѣрилъ тогда и увидѣлъ самъ, какъ люди не ѣдятъ по три дня, да еще при этомъ улыбаются свѣтлой, почти счастливой улыбкой.

Вотъ гдѣ надо искать героевъ, сильныхъ, мужественныхъ людей, особенно женщинъ, съ волей и характеромъ. Только подойдите къ народу, вглядитесь въ него внимательнѣе, и вы насмотритесь тамъ на нихъ вдоволь. Въ каждой деревушкѣ живутъ они, никѣмъ незамѣченные и непонятые. Падая, отчаяваясь, мучаясь, заброшенные, забытые нами, вынося все то, чтò только можетъ вынести человѣкъ, они живутъ и борятся и умираютъ, наконецъ, завѣщая сыновьямъ своимъ ту же борьбу и то же горе.

Чѣмъ больше открывали мы столовыхъ, тѣмъ все-таки слабѣе становился голодный вопль вокругъ насъ. Во всякомъ случаѣ, тѣмъ меньше просили о хлѣбѣ наши патровскіе, и вмѣсто нихъ, ходоки и уполномоченные, или „маломочные“, какъ ихъ называетъ народъ, изъ другихъ сосѣднихъ селъ и деревень, стали осаждать насъ. Вездѣ былъ такой же голодъ. Надо было, по мѣрѣ силъ и средствъ, откликаться всюду.

— Вашего сіятельства, вашего сіятельства, — цѣлый день раздавались у меня въ ушахъ два надоѣвшихъ, доводившихъ

меня иногда до отчаянія, слова, сказанныя то робкимъ, то умоляющимъ голосомъ.

— Вашего сіятельства, не дай умереть голодной смертью!

И мы все принимали прошенія, приговоры, списки, но часто съ безнадежнымъ чувствомъ безсилія всѣмъ помочь.

И вотъ незамѣтно подошелъ день Рождества Христова. Какъ мы его провели тогда? Какъ провелъ его голодный народъ?

По деревенскимъ улицамъ ходили нищіе, чуть ли не цѣлыми толпами. Въ этотъ день никто уже имъ не отказывалъ, каждый пускалъ къ себѣ Христа славить и подавалъ кусокъ побольше противъ кусочка обыкновеннаго дня.

И въ нашу избу цѣлый день входили побирушки съ сумками за спинами и славили Христа короткой пѣсенью-молитвой. Въ числѣ ихъ приходилъ и Андрюшка, мальчикъ лѣтъ десяти, уже прежде къ намъ не разъ прибѣгавшій за милостыней. Необыкновенный это былъ мальчишка, съ глазами голубыми и свѣтлыми, какъ небо, съ тоненькимъ бойкимъ голоскомъ, наивный, шустрый, смышленый. Онъ всегда радовалъ меня своимъ приходомъ. Одѣтъ онъ былъ плохо, въ сѣренькую худую поддевку и съ материнскимъ платкомъ на головѣ поверхъ шапочки и въ лапоточкахъ.

Въ первый разъ онъ вошелъ къ намъ, скромный и жалкій, сталъ у двери и протянулъ:

— Подайте Христа ради бѣдному.

Потомъ, въ слѣдующіе раза онъ сталъ посмѣлѣе.

— Дайте хлѣбца,—говорилъ онъ попросту:—дома ѣсть нечего. Доѣли весь.

И мы ему давали, конечно.

У Андрюшки былъ отецъ, здоровенный мужичина, спавшій на печкѣ всю голодную зиму и заявившій, что онъ никуда съ печки не тронется потому, что все равно работы нѣтъ, а его Андрюшка, да еще комитетъ, гораздо лучше и вѣрнѣе прокормятъ его, чѣмъ онъ самъ. И Андрюшкинъ отецъ выдержалъ характеръ и пролежалъ такъ до весны. Я изъ любопытства разъ зашелъ къ нему и увидалъ только то, что̀ зналъ раньше. Зато мать Андрюшкина показалась мнѣ рядомъ съ своимъ здоровеннымъ хозяиномъ жалкимъ, болѣзненнымъ существомъ, на силу боровшимся съ трудной жизнью. Кромѣ Андрюшки, у нея было еще человѣкъ пять дѣтей малъ-мала меньше. Андрюшка былъ старшимъ.

— Эка, хорошо какъ у тебя, — говорилъ онъ мнѣ, когда совсѣмъ осмѣлѣлъ съ нами, и мы пускали его въ нашу избу,

какъ завсегдатая,—грамотки по стѣнамъ, столикъ стоитъ, шкапикъ (грамотки были—безчисленныя бумаги, прошенія, повѣстки, карты и т. д., которыя для удобства мы развѣшивали по стѣнамъ). Вотъ у насъ нѣтъ ничего.

— А милостыни ты много сбираешь?—спрашивали мы его.

— Будетъ съ насъ, — отвѣчалъ онъ скороговоркой,—сыты всѣ. — И отецъ, и мать, и ребята. Слава Богу, не оставляютъ добрые люди.

— Какъ же ты милостыню просишь? — спрашивалъ Андрюшку И. А.

— Какъ?—и Андрюшка начиналъ лукаво улыбаться.

— Приду въ избу, стану,—продолжалъ онъ,—да и скажу: подайте ради Христа хлѣбца кусочекъ голодному человѣку.

Эту фразу онъ протягивалъ жалобнымъ голоскомъ.

— А если не подадутъ, — добавлялъ онъ, — скажутъ, Богъ подастъ,—я обернусь къ нимъ, да и скажу повеселѣе: ну, дайте хоть кусочекъ съ ноготочекъ! Засмѣются и подадутъ!

— Ну, а мать, отецъ здоровы? — продолжалъ спрашивать его И. А.

— Мать нездорова, все кровью харкаетъ,—отвѣчалъ онъ наивно.

— А отчего ты въ школу не ходишь учиться?—спросилъ я его какъ-то.

Онъ посмотрѣлъ на меня недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Вишь, побираюсь,—наконецъ отвѣтилъ онъ, почти сердито, хмуря свой лобикъ.

Андрюшка еще любилъ разсказывать о томъ, кто умеръ и сколько столовъ было при поминкахъ умершаго. Въ тотъ годъ покойники многихъ нищихъ прокормили. Помретъ кто, сейчасъ пироги, т.-е. хлѣбы пекутъ и народъ кормятъ.

— Вчерась семь столовъ было на поминкахъ,—разсказывалъ намъ Андрюшка со вкусомъ, — лапшу варили. Лапша длинная разварилась, такъ съ ложки и виситъ. Я былъ. А Марина пришла, сѣла за столъ, весь ротъ съ голодухи полный напихала, было удавилась лапшой этой.

Вечеромъ въ день Рождества ко мнѣ явился мужикъ изъ сосѣдняго николаевскаго уѣзда и бросился мнѣ въ ноги, какъ только вошелъ. Это всегда непріятно, но часто эти кидающіеся въ ноги оказываются самыми бѣдными и жалкими людьми. Такое же впечатлѣніе произвелъ на меня и этотъ мужикъ. Я повелъ его въ общественный амбаръ, гдѣ у насъ былъ сложенъ хлѣбъ, чтобы дать ему пудъ муки.

Когда онъ получилъ муку, онъ опять упалъ передо мной на колѣни и проговорилъ:

— Не оставитъ тебя Господь, что жалѣешь насъ, грѣшныхъ. Не оставитъ тебя Христосъ.

И онъ съ минуту не поднимался, глядя черезъ меня куда-то въ пространство.

— Не меня благодари, а добрыхъ людей, — сказалъ я мужику обычную фразу, когда меня благодарили, и я поспѣшно пошелъ изъ амбара, тронутый искреннимъ тономъ мужицкой благодарности

IX.

На третій или четвертый день Рождества надо было послать на станцію за большой, присланной мнѣ партіей хлѣба. Помню, что по нашему разсчету, на прибывшій хлѣбъ нужно было около 120 лошадей. И вотъ мы повѣстили по всей волости, чтобы на утро выѣзжало, сколько наберется возчиковъ, обѣщая за подводы, если не ошибаюсь, по восьми копѣекъ съ пуда. Въ началѣ и срединѣ зимы платили эту цѣну, потомъ, къ веснѣ, дороже.

Возчиковъ набралось только около девяносто человѣкъ. Они проѣздили на станцію и обратно ровно пятеро сутокъ. Нѣсколько лошадей на полъ-пути пало, большинство же остальныхъ было до того худо, что онѣ насилу везли по 15—20 пудовъ на сани по тогда хорошей, гладкой дорогѣ.

Теперь съ каждой недѣлей у насъ прибавлялось хлѣба, который присылали отовсюду. Десятка два мужицкихъ амбаровъ были заняты имъ до потолковъ, кромѣ двухъ общественныхъ. Всѣ мельницы, которыхъ было десятка полтора въ селѣ, были заняты помоломъ нашей ржи и ячменя. Мельникамъ тоже плохо приходилось въ тотъ годъ. Работы не было, корма скоту не было, многихъ ихъ выключали изъ земскихъ списковъ, отказывая въ ссудѣ, такъ что они бѣдствовали не меньше другихъ и разорялись. Помолъ нашего хлѣба служилъ имъ небольшимъ подспорьемъ. Мы платили имъ по копѣйкѣ съ пуда.

Разъ въ сильный вѣтеръ и снѣгъ пошелъ я на одну изъ ·альнихъ мельницъ. Какъ все послѣднее время, она была окружена подводами и кучкой мужиковъ, толпившихся возлѣ нихъ.

Громадныя крылья скрипѣли и шибко вертѣлись. Два мельника, отецъ и сынъ, оба бѣлые, вспыленные мукой, вышли ко мнѣ на встрѣчу изъ-подъ мельничнаго навѣса.

— Кончаемъ,—громко сказалъ старикъ-мельникъ, указывая

на пустыя мужицкія сани, — на завтра будетъ еще или нѣтъ? Вѣтеръ хорошій. Сыровать маненько хлѣбъ-те, намедни лучше присылали. Мнѣ къ вамъ можно придти вечеромъ по дѣльцу?

— Приходи, приходи, — отвѣтилъ я, подойдя къ мѣшку съ мукой и щупая пальцами ея достоинство. Я уже выучился тогда этой премудрости.

— Распыла немного?—спросилъ я.

— Нѣтъ, ничего... Да безъ этого нельзя, — также громко отвѣтилъ старикъ.

Шумъ отъ жерноновъ стоялъ кругомъ въ воздухѣ. Крылья мельницы громко скрипѣли.

— Стало быть, еще къ вамъ можно присылать? — спросилъ я, слѣдуя за старикомъ во внутренность навѣса, — нынче еще привезутъ шестьдесятъ подводъ, такъ я уже тридцать къ вамъ...

— Ну, ну, что же, присылай, присылай, — отвѣчалъ торопливо мельникъ,—когда можно. Можно, мы ради.

Я постоялъ около него, нѣсколько минутъ посмотрѣлъ на дружную, веселую работу и пошелъ домой. Но только-что я вышелъ изъ мельницы, какъ какая-то баба, вся укутанная и завязанная платками, подбѣжала ко мнѣ сзади.

— Яблочко ты наше садовое, ястребокъ ты нашъ драгоцѣнный, зайди ты къ намъ на минуточку,—заговорила она умоляющимъ, торопливымъ голосомъ, слѣдуя за мной.

Я оглянулся на нее. Лицо ея было мнѣ незнакомо. Морщинистое, худое, изстрадавшееся, какъ тысячи другихъ этихъ бабьихъ лицъ, оно выражало не то безпокойство, не то страхъ, не то сознаніе своего ничтожества и несчастія.

— Чтò тебѣ?—спросилъ я, останавливаясь.

— Яблочко ты садовое, ягодко наше,—причитывала баба,—взойди ты къ мому сыну на минуточку. Умираетъ сынъ.

— Чтò же я могу ему сдѣлать?—спросилъ я:—я пришлю вамъ лучше доктора.

— Нѣтъ, взойди ты къ намъ самъ, ягодка, ну, хоть на минуточку, взгляни только...

Баба такъ пристала ко мнѣ, что я пошелъ за ней, тѣмъ болѣе, что она указала на избу недалеко отъ мельницы, гдѣ она жила.

— Давно хвораетъ сынъ?—спросилъ я ее.

— Давно, давно, третью недѣлю не поднимается, взойди ты только на минуточку, ради Христа, яблочко садовое...

Я взошелъ на минуточку въ избу бабы и окинулъ взглядомъ ея больного тифознаго сына. Онъ сидѣлъ на лавкѣ худой,

слабый, свѣсивъ ноги внизъ и, вѣроятно, приподнявшись при моемъ появленіи. У него болѣла голова, повидимому былъ сильный жаръ, и онъ жаловался на боль во всемъ тѣлѣ. Ему было на видъ не больше тридцати.

Я привожу этотъ случай какъ образчикъ отношенія ко мнѣ народа. Что̀ хотѣла отъ меня эта баба? Дѣйствительно ли она вѣрила въ то, что я взглядомъ исцѣлю ея сына, или просто изъ любопытства она зазвала меня? Богъ ее знаетъ.

Съ этого времени, т.-е. съ Рождества и начала января, болѣзни въ нашей волости все распространялись и дѣлались сильнѣе. Смертность возросла замѣтно, и не проходило теперь дня, чтобы не умирали люди. Въ день двѣ-три смерти были нормальнымъ явленіемъ, а подъ конецъ, въ худшій періодъ эпидеміи, дошло до того, что въ одной Патровкѣ умирало по 7—8 человѣкъ въ день.

Давно уже я писалъ всюду о болѣзняхъ въ нашей мѣстности, усиленно прося помощи, писалъ въ Москву, писалъ въ бузулукское земство, и вотъ, наконецъ, оно прислало намъ сверхштатнаго молодого врача. Но что̀ же могъ онъ бѣдный одинъ сдѣлать со множествомъ больныхъ кругомъ. Вотъ приблизительное количество ихъ по моему личному пересчету въ серединѣ января. Мы обошли все село Патровку изъ двора въ дворъ, сами справляясь, смотря и записывая тутъ же, есть ли больные и сколько ихъ. Село было раздѣлено нами на три части. Въ той части, которую я обходилъ, я нашелъ слѣдующую цифру больныхъ. На 128 дворовъ было съ осени 256 человѣкъ больныхъ. Изъ нихъ 125 человѣкъ выздоровѣло, около 15 умерло, остальные были больны сейчасъ. Они размѣщались въ 46 дворахъ, и большинство ихъ были тифозные. Отсюда видна степень распространенія болѣзней въ тотъ годъ. Потомъ въ февралѣ и мартѣ болѣзни еще усилились, но тогда ко мнѣ пріѣхалъ цѣлый медицинскій отрядъ, собранный по почину П. Д. Долгорукова съ двумя врачами, 4-мя фельдшерицами и 2-мя фельдшерами, отрядъ неутомимо работавшій на эпидеміи до самой весны. Но о немъ—потомъ.

Общій списокъ больныхъ, составленный нами при нашемъ обходѣ, выразился въ цифрахъ: всѣхъ больныхъ на 326 дворовъ было 879, осталось около 400. Я списываю эти цифры съ моей записной книжки 1892 года. Помню, войдешь въ избу и спросишь:

— Есть больные?

— Есть,—отвѣчаютъ (всѣ уже знали, съ какой цѣлью мы обходили село),—да вотъ опочюниваться стали.

Странное слово, не правда ли? Не то „чиниться“, не то „опоминаться“.

Входишь въ другую:

— Есть больные?

— Есть, есть, кормилецъ, у кого нынѣ нѣту; вонъ старуха помираетъ, вчерась мужика схоронили.

Много этихъ старухъ и стариковъ померло въ ту зиму.

У меня служилъ солдатъ бравый, унтеръ-офицеръ Андрей. У него отецъ умеръ. Лежалъ на печкѣ все, легъ спать вечеромъ, утромъ нашли мертвымъ. Бѣдный и добрый Андрей слезу проронилъ, разсказывая объ этомъ. Искренно жалѣлъ отца. Семья ихъ была патріархальная, дружная, недѣленая, въ тридцать душъ.

Въ январѣ вмѣстѣ съ болѣзнями, какъ всегда, наступили страшные морозы съ буранами и вѣтромъ.

Два мальчика, сироты безъ отца, отправились по сбору изъ одного отдаленнаго села бузулукскаго уѣзда. Одному мальчику было лѣтъ 12, другому меньше. Они запрягли свою тощую молоденькую лошадку въ сани и поѣхали, надѣясь себя прокормить и лошадь.

Въ степи нагналъ ихъ буранъ. Имъ стало холодно. Они слѣзли съ саней и побѣжали за ними. Дорога заметена, силъ нѣтъ, и вотъ случилось такъ, что лошадь взяла, да и убѣжала отъ нихъ, а они не могли ее нагнать. Потомъ, должно быть, упали сами на дорогу, выбившись изъ силъ, и вотъ на другой день нашли ихъ два замерзшіе трупика въ степи на дорогѣ подъ снѣгомъ. А лошадь одна домой пришла. Мальчиковъ нашли гдѣ-то недалеко отъ насъ и совсѣмъ близко около одного большого сосѣдняго села. Ихъ пробовали оттереть, но было, вѣроятно, уже поздно.

Около того же времени больше всего приходило къ намъ просителей изъ другихъ селъ и деревень. Слухъ о насъ прошелъ по всему уѣзду, и народъ валилъ къ намъ съ вѣрой въ наше всемогущество, съ надеждой, что хоть мы поможемъ.

Помню, пришелъ мужикъ изъ сосѣдняго села, гдѣ и земскій начальникъ, и старшина; разсказываетъ, что хотѣли придти 100 человѣкъ, но побоялись начальства.

— Старшина, да земскій въ кутузку сажаютъ, — говорилъ онъ плаксивымъ голоскомъ,—чего станешь дѣлать. Какъ просьба, такъ въ кутузку; какъ о нуждѣ станемъ говорить,—ведите, молъ, его въ холодную.

— Хоть бы добрымъ словомъ насъ кто утѣшилъ,—плакалъ передо мной настоящими слезами этотъ мужикъ,—совѣтомъ какимъ, а то, милый мой, какъ станемъ говорить, такъ я, говорить, „васъ всѣхъ съ голоду уморю“! Ты бы хоть общество утѣшилъ теплымъ словомъ, а то плачемъ, всѣ плачемъ, помираемъ съ голоду, да и все тутъ!..

И онъ дѣйствительно плакалъ передо мной и дѣйствительно пришелъ ко мнѣ не за однимъ хлѣбомъ, а еще за словомъ утѣшенія. Хотѣлось бы помочь получше и этому мужику и его односельчанамъ, но пока трудно это было; для одной нашей волости необходимо было заготовить еще 25.000 пуд. хлѣба до весны, а я еще не зналъ, откуда мы наберемъ столько.

X.

Когда узнали, что я поселился въ селѣ Патровкѣ, насъ стали посѣщать разные посѣтители. Раньше другихъ заѣхалъ мѣстный земскій начальникъ, потомъ одинъ изъ уполномоченныхъ отъ Краснаго-Креста, князь Крапоткинъ, потомъ петербургскій корреспондентъ англійской газеты, Steveni. Первый изъ этихъ посѣтителей произвелъ на меня невеселое впечатлѣніе, онъ больше курилъ изъ своей длинной трубки, которую вытащилъ изъ голенища высокаго сапога, и ограничился этимъ, хотя хорошо уже было то, что онъ не сталъ препятствовать мнѣ въ моемъ дѣлѣ; второй мнѣ былъ пріятенъ, какъ человѣкъ свѣжій и вѣрно воспринимавшій впечатлѣнія того времени; онъ, между прочимъ, обходя Патровку, зашелъ въ мазанку къ тому самому вору, котораго избило общество за верченіе амбаровъ. Кн. Крапоткинъ, заглянувъ къ нему въ печку, конечно, не нашелъ ничего въ горшкахъ, кромѣ воды, которая стояла также налитой на столѣ въ чашкѣ; третій мнѣ былъ также очень пріятенъ, но смущалъ насъ тѣмъ, что на немъ было прелегкомысленное пальто англійскаго покроя, а морозы тогда стояли далеко не легкомысленные. Стевени живо отнесся къ положенію народа, фотографировалъ, какъ водится, голодающихъ и обходилъ со мной больныхъ. Онъ написалъ и издалъ впослѣдствіи книгу на англійскомъ языкѣ, подъ названіемъ: „Through famine strikken Russia“. Въ этой книгѣ есть два интересныхъ мѣста. Одно это, когда Steveni описываетъ, какъ народъ принялъ его за великаго князя, когда онъ пріѣхалъ къ намъ въ Патровку, и какъ онъ самъ пренаивно старался разъяснить народу, что онъ вовсе не великій князь, а

простой человѣкъ, корреспондентъ, пріѣхавшій познакомиться съ голодомъ; второе любопытное мѣсто это та глава, гдѣ Стевени удивляется тому, что при страшнѣйшей эпидеміи тифа въ уѣздѣ земская больница въ сосѣднемъ съ Патровкой селѣ была пуста. Стевени спросилъ фельдшера, почему это такъ, и отчего три или четыре кровати, имѣвшіяся въ больницѣ, были не заняты. Фельдшеръ отвѣчалъ, что въ ихъ врачебномъ округѣ 80.000 человѣкъ населенія, поэтому если считать, что $^1/_{100}$ этого населенія больна, то и тогда нужно 800 кроватей. А больныхъ въ то время было не $1^0/_0$, а по крайней мѣрѣ $20—30^0/_0$.

Самымъ частымъ и пріятнымъ нашимъ гостемъ за ту зиму былъ все тотъ же Б. Онъ частенько ѣздилъ къ намъ съ своего хутора и много содѣйствовалъ и помогалъ намъ своимъ спокойствіемъ и знаніемъ народа.

Еще частымъ гостемъ нашимъ былъ башкирецъ Нагимъ. Этотъ пріѣзжалъ къ намъ каждую субботу ночевать потому, что въ воскресенье утромъ ему нужно было ѣхать дальше въ сосѣднее село на базаръ. Нагимъ былъ тоже всегда пріятенъ намъ. Каждую субботу аккуратно у насъ вошло въ привычку, чтобы онъ по вечерамъ, когда всѣ мы уже укладывались спать, разсказывалъ намъ башкирскія сказки. Нагимъ зналъ ихъ много и умѣлъ хорошо говорить.

— Да,—начнетъ онъ, бывало, со вкусомъ,—стало быть, былъ разъ одинъ царь—ханъ по нашему. У этого хана было три сына. Когда умеръ ханъ, взошелъ на престолъ старшій его сынъ. Меньшіе братья ему покорились. Но черезъ нѣкоторое время, отъ внушенія дурныхъ людей—они стали его ослушаться и учинять возмущенія. Меньшого брата звали по имени Мерзванъ. Хотя годами онъ былъ моложе всѣхъ, а умомъ обладалъ больше другихъ. Тогда, чтобы старшій братъ не подумалъ, что онъ, Мерзванъ, хочетъ отнять у него власть, рѣшился онъ уйти въ чужія земли.

Дальше слѣдовалъ обстоятельный разсказъ о томъ, какъ Мерзванъ прощался съ друзьями, и какъ они просили его оставить имъ на память по себѣ книгу. Мерзванъ пошелъ къ хану просить позволенія написать эту книгу, но ханъ, по совѣту визирей, не разрѣшилъ ему сдѣлать этого, пока онъ не разскажетъ въ большомъ сборищѣ людей содержаніе своей будущей книжки. На это Мерзванъ, конечно, согласился, и вотъ на другой день онъ говоритъ длинную рѣчь въ ханскомъ дворцѣ и обличаетъ ею всю ханскую дѣятельность и жизнь.

— Первое, что̀ нужно хану,—говоритъ между прочимъ Мер-

званъ,—это умъ; безъ ума не можетъ быть дѣльнаго правителя. Второе, чтò ему нужно, это—справедливость. А первая несправедливость, это—легкомысліе; и потому, легкомысленный ханъ не можетъ править народомъ. Третье, чтò нужно хану, это бережливость. Расточительный ханъ не можетъ сохранить не только свое, но и чужое добро. Четвертое, чтò нужно хану, это совѣтъ умныхъ и добрыхъ людей. Былъ царь Соломонъ, такъ онъ и то учился мудрости у муравья. Поэтому хану нужно окружить себя хорошими, смышлеными людьми, и тогда больше правильности будетъ въ дѣлахъ его.

— А чтò же теперь у тебя?—спросилъ брата Мерзванъ.—Глупые и пустые люди занимаютъ всѣ должности, а умные сидятъ по угламъ и не участвуютъ въ правленіи?

— Я говорю это вамъ,—обратился Мерзванъ ко всему собранію,—потому что ханъ разрѣшилъ мнѣ говорить; конечно, безъ его позволенія я бы не осмѣлился...

Я со вниманіемъ и интересомъ слушалъ сказки умнаго Нагима, и хотя усталъ до смерти отъ хлопотъ дня, но не могъ заснуть, глядя въ темноту нашей избы. Какой славный былъ этотъ Нагимъ. Онъ умеръ недавно еще не старымъ. Я зналъ его уже давно, чуть ли не съ дѣтства. Онъ пріѣзжалъ къ намъ въ Ясную Поляну дѣлать кумысъ для отца,—онъ служилъ у Б. нѣсколько лѣтъ главнымъ кумысникомъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ башкирцевъ, сознающихъ необходимость руссифицироваться, знать русскій языкъ и грамоту, чтобы не отстать отъ жизни, но неминуемо безвременно погибающихъ отъ трудности бороться, отъ мучительнаго процесса перехода отъ одной культуры къ другой, отъ старыхъ формъ къ новымъ.

Бѣдные башкиры, бѣдныя и всѣ эти иноплеменныя наши народности, затертыя среди русскаго моря, слабѣющія и вымирающія. То ли дѣло было раздолье раньше, хотя тѣмъ же башкирамъ, здѣсь, въ степяхъ по берегамъ Волги и ея притокамъ? Тогда они свободно кочевали по нимъ, держали табуны чудныхъ лошадей, пили кумысъ съ ковыльныхъ богатыхъ пастбищъ, пѣли свои заунывныя дикія пѣсни, ѣли барановъ вволю и славили своего Магомета. Теперь не то; теперь живутъ они въ нищихъ мазанкахъ, уже осѣдло, земель убавилось у нихъ въ 100 разъ, нѣтъ ни кумыса, ни барановъ, ни прежней воли. Хоть бы перекочевали они куда-нибудь въ сибирскія степи,—приходитъ невольно въ голову,—можетъ быть тамъ имъ было бы просторнѣе и лучше. Или, видно, такъ постепенно и вымрутъ они здѣсь на старомъ своемъ пепелищѣ.

А то, бывало, Нагимъ начнетъ разсказывать про Магомета, про то, какъ во время бѣгства его разъ спасли голуби, прилетѣвшія и сѣвшія на то дерево, подъ которымъ онъ сидѣлъ. Тогда погоня, увидавъ голубей, подумала, что подъ этимъ деревомъ искать нечего, разъ птицы на него сѣли. Въ другой разъ Магометъ спрятался въ пещеру, а паукъ свилъ паутину у ея входа. Погоня, увидавъ эту паутину, опять отступила, рѣшивъ, что въ пещерѣ, стало быть, никого не могло быть.

Всѣхъ разсказовъ Нагима я и не припомню, а у него была большая память и порядочная начитанность изъ башкирскихъ и арабскихъ книгъ.

Ходили къ намъ и другіе гости. Ходилъ молодой молоканинъ Братковъ, разсказывавшій намъ про свою секту и про самарскихъ мормоновъ; ходилъ сельскій писарь Чиликинъ, приходилъ и батюшка отецъ благочинный, приходили еще крестьяне изъ богатыхъ, бывалъ старшина. Братковъ—это былъ пріятель моего товарища И. А. Они, бывало, вмѣстѣ усядутся за перегородкой на кровати и начнутъ пѣть мормонскую, яко бы, пѣсенку.

Я до сихъ поръ помню куплетъ изъ нея, но не знаю, насколько она дѣйствительно мормонская,—это надо спросить у Браткова. Мотивъ пѣсни веселый, и при этомъ надо часто притоптывать ногой, какъ дѣлаютъ, будто бы, мормоны и дѣлалъ И. А. Слова слѣдующія:

Какъ на бѣлой на зарѣ,
На веселой сторонѣ,
Веселитесь, мои други,
Живъ я буду, разскажу,
Вамъ всю правду обнажу!

Братковъ, впрочемъ, мало разсказывалъ опредѣленнаго объ этой таинственной сектѣ, хотя о немъ говорили, какъ о молоканинѣ, имѣвшемъ съ ней сношенія и даже думавшемъ перейти въ нее. Вообще мормоны держатъ себя очень скрытно, собранія ихъ бываютъ при закрытыхъ дверяхъ и окнахъ. Входятъ ли они въ экстазъ, какъ хлысты, во время этихъ собраній, или не желаютъ пускать къ себѣ постороннихъ по другимъ причинамъ,—не знаю. Я видѣлъ мормоновъ всего разъ; мнѣ указали на группу ихъ весной на ярмаркѣ. Лица ихъ были худыя съ воспаленными, чувственными глазами и ввалившимися щеками. Ихъ насчитывали въ ближайшихъ селахъ не больше нѣсколькихъ десятковъ. Нѣкоторые жили на хуторахъ.

Писарь Чиликинъ, о которомъ я упомянулъ, былъ мѣстнымъ

поэтомъ-публицистомъ. Бывшій солдатъ, съ заячьей, разсѣченной на двое, верхней губой, смѣтливый и вострый на языкъ, онъ выполнялъ очень удачно свою роль. Стихи свои онъ часто читалъ намъ и приносилъ ихъ цѣлое множество. Многія сочиненія его Братковъ и другіе грамотные патровскіе мужики знали наизусть. Особеннымъ успѣхомъ пользовалось въ то время его произведеніе подъ заглавіемъ:

„Миронъ доказчикъ
Всѣмъ ворамъ приказчикъ"...

Пресловутый Миронъ этотъ во главѣ шайки своихъ товарищей всю осень грабилъ амбары своихъ достаточныхъ односельчанъ. Это было для нихъ что-то въ родѣ пріятнаго и полезнаго спорта. Каждую темную ночь аккуратно они вертѣли по два, по три амбара, гдѣ знали, была пшеница. Наконецъ, они попались. Попался самъ Миронъ и выдалъ своихъ товарищей. Ихъ же и било патровское общество.

Вотъ нѣсколько куплетовъ знаменитой патровской сатиры сельскаго писаря Чиликина. Въ первыхъ куплетахъ говорится о томъ, что Миронъ жилъ раньше хорошо съ дядями своими, но потомъ захотѣлъ отдѣлиться. Дальше слѣдовало:

Теперь Миронъ самъ хозяинъ,
Въ домѣ ни скотинки,
Залѣнился жить въ деревянномъ домѣ
И очутился въ глинкѣ.

Спустилъ что досталось
Не прошло и году,
Голью обозвался
И хлебаетъ воду.

Эхъ, какъ скоро бока подвело Мирону
Съ большой голодухи,
Кишки натощакъ запѣли
У Мирона въ брюхѣ.

Немного обождите, это все мы бросимъ,
Разскажемъ, какъ Миронъ
Съ товарищами бѣдокурилъ
Нынѣшнюю осень.

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ эти дармоѣды
Народъ обижали и творили бѣды...
и т. д.

Мало размѣра, зато много юмора. Помню эти стихи вызывали хохотъ и дружное одобреніе. А самъ авторъ ихъ обли-

вался пòтомъ отъ конфуза, внутренняго волненія и довольства. Вотъ еще одни короткіе стишки его, характерные для того года. Они относятся къ одному зажиточному мужику сосѣдней съ нами деревни, попросившему отъ насъ помощи. Они были такъ кстати и такъ мѣтки, что даже мы обратились съ ними къ этому мужику, когда онъ явился къ намъ. Вотъ они:

Эхъ, дядя Макей,
Грѣхъ тебѣ будить,
Когда ты начинаешь
Милостыню удить!
У тебя пара быковъ
И лошадей пятокъ,
Надо тебѣ за это
На лысину кипятокъ!

Это стихотвореніе произвело настоящій фуроръ среди всѣхъ нашихъ служащихъ, и Андрей съ кухаркой и другими бывшими у насъ тогда мужиками пришли въ неописанный восторгъ. Чиликинъ написалъ его экспромтомъ, какъ только появился у насъ Мокей, которому, конечно, было тутъ же отказано въ помощи.

— Вотъ такъ Чиликинъ,—одобряли его мужики,—это у насъ такой сочинитель, что бѣды. И какъ складно-то выходитъ! На лысину кипятокъ! Вотъ это вѣрно. Ха! Ха! Молодецъ.

XI.

При возникновеніи новыхъ столовыхъ сперва въ нашей волости, потомъ въ сосѣднихъ, мы считали долгомъ навѣщать и наблюдать за ними.

Завѣдывавшіе столовыми хозяева знали это, и другъ передъ дружкой старались отличиться порядкомъ, чистотой и хорошо приготовленнымъ варевомъ. Во всѣхъ столовыхъ, даже въ тѣхъ, гдѣ завѣдывавшими были молокане, передъ тѣмъ, какъ садились за столы, всѣ столовавшіеся пѣли хоромъ молитвы.

Я никогда раньше, живя и зная только наши среднія губерніи, не подозрѣвалъ, чтобы въ народѣ нашемъ могли составляться такіе молитвенные хоры, и чтобы они такъ складно, иногда совсѣмъ хорошо, выходили безъ особенной подготовки и руководителей. Оказалось же, что въ самарской губерніи, въ каждомъ селѣ, въ каждой православной избѣ можетъ составиться такой молитвенный хоръ, и всегда находятся свѣжіе и сильные голоса, благодаря которымъ въ общемъ пѣніе всегда

выходитъ складно. Я не зналъ еще такого свойства самарскаго народа, когда начиналъ столовыя. Но при открытіи ихъ оно сейчасъ же обнаружилось, неожиданно и пріятно поразивъ меня.

Тогда же, въ первый разъ, я понялъ силу и могущество нашей церкви, ея дѣятельность и значеніе, понялъ до какой степени народъ нашъ крѣпко слитъ съ ней. Въ столовыхъ пѣли съ такимъ горячимъ чувствомъ, съ такой осмысленностью, произнося слова молитвъ, съ такой любовью къ этимъ молитвамъ и значенію ихъ, что нельзя было не умилиться и не придти въ одно настроеніе съ пѣвшей вокругъ тебя крестьянской толпой. Нельзя было не увидать того, чего я раньше не видалъ и не хотѣлъ видѣть.

Да, я понялъ многое, многое откинулъ и многое принялъ для себя въ тѣ дни пребыванія моего среди народа, и я благодаренъ этимъ днямъ; благодаренъ тѣмъ людямъ, съ простой и теплой вѣрой стоявшимъ вокругъ меня. Говорятъ, что вѣра нашего народа, вѣра только внѣшняя. Говорятъ, что онъ не знаетъ самъ, во что вѣруетъ. Это неправда. Я самъ видѣлъ ихъ, этихъ сознательныхъ глубокихъ христіанъ, густой толпой наполнявшихъ убогія православныя церкви, самъ видѣлъ, какъ они осмысленно слушали и повторяли слова священниковъ и пѣли дружно всѣ вмѣстѣ любимыя церковныя пѣсни. Я самъ видѣлъ и слышалъ, какъ мужикъ, безграмотный, нищій, повторялъ передо мной всю нагорную проповѣдь наизусть, запомнивъ ее во время церковныхъ службъ, и какъ слезы катились изъ глазъ этого мужика, когда онъ говорилъ умиленнымъ и находящимъ въ этихъ словахъ утѣшеніе голосомъ: „А я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящихъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ“.

Признаться, меня очень поразило все это.

Въ столовыхъ, кромѣ пѣнія молитвъ, столовавшіеся часто собирались за нѣсколько часовъ до обѣда и занимались чтеніемъ Библіи.

Помню, зашелъ я разъ въ одну изъ столовыхъ въ Патровкѣ, помѣщавшуюся въ деревянной, высокой избѣ. Она была биткомъ набита народомъ, столпившимся вокругъ чтеца. Чтецъ сидѣлъ надъ раскрытой Библіей и равномѣрно громко читалъ. Слава Богу, меня не замѣтили, когда я вошелъ,—замѣтили только стоявшіе сзади,—и чтеніе продолжалось. Я прислушался.

— И прошли семь лѣтъ изобилія, которое было въ землѣ Египетской,—читалъ по-славянски съ чувствомъ и разстановкой знакомый мнѣ черноволосый солдатъ-хозяинъ,—и наступили семь

лѣтъ голода, какъ сказалъ Іосифъ. И былъ голодъ во всѣхъ земляхъ, а во всей землѣ Египетской былъ хлѣбъ.

— Ахъ, Господи, Батюшка, Іисусе Христе, — прошептала съ глубокимъ вздохомъ старушка, стоявшая подлѣ меня, подперевъ щеку правой рукой, а лѣвой поддерживая локоть правой.

— Вотъ и насъ добрые люди такъ-то не оставили,—добавила она, взглянувъ на меня.

— Но когда и вся земля Египетская начала терпѣть голодъ,—продолжалъ чтецъ,—то народъ началъ вопіять къ Фараону о хлѣбѣ.

Я долго стоялъ и слушалъ любимый библейскій разсказъ. Когда онъ дошелъ до мѣста: „И поспѣшно удалился Іосифъ, потому что вскипѣла любовь его къ брату его“,—старушка, стоявшая подлѣ меня, стала обильно плакать. Слезы такъ и текли по ея старымъ щекамъ.

— Вотъ и насъ грѣшныхъ,—всхлипывая, повторяла она,— не оставили... Спасетъ Христосъ.

Чтеніе продолжалось, а я тихонько вышелъ изъ столовой, чтобы не нарушать настроенія, навѣяннаго на слушателей.

И какъ разъ выбрали они соотвѣтствовавшее ихъ положенію мѣсто, и съ какимъ пониманіемъ и интересомъ они читали и слушали его.

Меня это искренне и глубоко порадовало тогда.

Отсюда я пошелъ въ больницу, только-что открытую нами, первую больницу для тифозныхъ. Она уже была полна, и для новыхъ больныхъ нехватало кроватей. Больница эта—простая, просторная, деревянная изба, нанятая нами у мужика. Мы хотѣли достигнуть ею двухъ цѣлей. Во-первыхъ, перевозить сюда тѣхъ больныхъ, у которыхъ не довольно ухода дома; во-вторыхъ, вообще поставить надъ тифозными болѣе цѣлесообразный, медицинскій надзоръ. Обѣ эти цѣли, мнѣ кажется, были достигнуты нами, особенно позднѣе, когда пріѣхалъ санитарный отрядъ, и при помощи его, вмѣсто одной больницы, мы могли открыть нѣсколько, а вмѣсто одного доктора у насъ стало ихъ трое, да еще шесть человѣкъ ихъ помощниковъ и помощницъ.

Описывать ли больницу и тяжелыхъ больныхъ въ ней? Всякій, вѣрно, видалъ тифозныхъ и знаетъ ихъ угнетенный видъ, полуоткрытые рты съ труднымъ дыханьемъ, закрытые глаза и порой горячешный бредъ.

Въ больницѣ было тихо и чисто. Свѣтило солнце въ окно. Только одинъ больной, которому становилось лучше, привсталъ

при моемъ появленіи и протянулъ замогильнымъ голосомъ выздоравливающаго тифознаго:

— Пить хочу, а фельдшеръ все не даетъ напиться...

Фельдшеръ Аѳиногенъ или „Финогей", какъ его звали, стоялъ тутъ же и съ доброй улыбкой смотрѣлъ на больного.

— Докторъ не велѣлъ давать пить вволю,—сказалъ онъ мнѣ спокойно.

Я еще нѣкоторое время побылъ и поговорилъ съ фельдшеромъ, и пошелъ изъ больницы.

Подходя къ нашей избѣ, какъ всегда, я увидалъ вокругъ нея кучку разнообразнаго народа. Жалкій татаринъ въ большой шапкѣ и лохмотьяхъ поклонился мнѣ неумѣло, по-татарски. Онъ ничего не сказалъ, но видно было, что онъ просилъ милостыни, помощи. Онъ везъ за собой салазки, въ которыхъ сидѣло двое несчастныхъ, синихъ отъ холода, татарчатъ. Несчастная татарка, жена татарина, выскочила въ это время изъ противоположной избы, куда она забѣгала попросить хлѣба.

— Откуда идешь и куда?—спросилъ я татарина.

— Изъ уральской область, ходили работать искать. Нѣтъ работъ. Домой теперь въ симбирскую губерню.

И опять татаринъ неловко поклонился.

Это тоже одна изъ тѣхъ жалкихъ, чужихъ народностей нашихъ, о которыхъ я уже упомянулъ, затерявшихся, погибающихъ, вѣчно страдающихъ, вмѣстѣ и среди русскаго населенія. Татары деревень приволжскихъ губерній, осѣдлые татары—это что-то такое безпомощное, такое слабое, что удивляешься еще, какъ они до сихъ поръ борятся за существованіе и плодятся себѣ на вящшее горе. Мордва, чуваши, вообще финскія народности—эти какъ-то благоразумнѣе, самостоятельнѣе и прочнѣе монголовъ. Хотя тоже голь перекатная, не лучше нашихъ и хуже ихъ въ томъ смыслѣ, что нашъ и голодный, и больной, и нищій, не унываетъ, да и какъ ему унывать—все свой родной рассейскій, христіанскій народъ кругомъ—всякій подѣлится послѣднимъ кусочкомъ, а тѣ одиноки, да еще многіе изъ нихъ, къ тому же, язычники.

Я подалъ татарину хлѣба и далъ ему монетку. Онъ трогательно обрадовался. Какая-то баба подбѣжала ко мнѣ.

— Вашего сіятельства, къ вашей милости,—начала она,—не дай умереть...

— Что тебѣ?

Я увидалъ сразу по тону бабы, что не за дѣломъ она пришла.

— Вашего сіятельства, къ вашей милости...

— Вижу, что ко мнѣ. Что̀ скажешь?

— Нѣтъ ли лекарствица больному?

— Это у доктора и въ больницѣ...

— А что я хотѣла попросить,—продолжала баба.

— Что̀?

— Нѣтъ ли одежонки какой, сироткамъ...

— Нѣтъ, этого нѣтъ у насъ.

— Ну, хоть рубашонку.

— И этого нѣтъ.

Но баба все не отставала.

— Вашего сіятельства, — продолжала она, — а чайку не дашь хворенькимъ?—Дѣвочка семой день не поднимается.

— Некогда, старуха, — говорю я, уже не безъ досады, — оставь, пожалуйста.

— А, ну, ну, ну, ну,—говоритъ она на это, отступая.

Но черезъ минуту ее опять посѣтила какая-то счастливая мысль, и она снова догоняетъ меня.

— Вашего сіятельства... а что̀ я хотѣла съ тобой поговорить,—слышу я сзади тотъ же надоѣвшій голосъ: — онъ зять мой, а живетъ, стало быть, въ Глинкахъ, лошадка у него, не возьмете на прокормленіе?

— О, Господи Боже мой, да отстанешь ли ты!—наконецъ громко вскрикиваю я, обращаясь къ бабѣ, потому что тутъ еще десять человѣкъ съ прошеніями обступили меня, и каждый ожидаетъ очереди.

Эти старухи, бабы съ просьбами, хуже осеннихъ мухъ, отъ нихъ ничѣмъ не отдѣлаешься. Она идетъ къ тебѣ просить, какъ идутъ брать билетъ въ аллегри. Авось, молъ, вытащу не пустой. Попрошу того и этого, можетъ быть чего-нибудь да дастъ. Намъ, молъ, въ деревнѣ всякая бездѣлица пригодится. И вотъ она пробуетъ счастье. Но гоните этихъ бабъ съ тысячью просьбъ заразъ, не бойтесь и прикрикнуть на нихъ. Въ этомъ нѣтъ грѣха. Онѣ только путаютъ, мѣшаютъ и своимъ примѣромъ развращаютъ другихъ.

Хотя въ сущности я неправъ въ этомъ. Во-первыхъ, никогда и нигдѣ крикомъ не поможешь; во-вторыхъ, какъ ни надоѣдлива баба съ тысячью просьбъ заразъ, какъ ни мѣшаетъ она вамъ,—по справедливости, и если бы было на то время, вамъ все-таки слѣдовало бы выслушать ее и хоть отчасти удовлетворить ея просьбамъ потому, что эта баба дѣйствительно нуждается,—нуждается и въ лекарствѣ больному, и въ хлѣбѣ

семьѣ, и въ кормѣ скоту, и въ одеженкѣ, и въ чайкѣ и сахаркѣ. У ней нѣтъ ничего этого, тогда какъ у насъ всего этого въ избыткѣ, и потому она всегда останется правой передъ нами.

Помню разъ, усталый отъ проведеннаго дня, я хотѣлъ уже запереться отъ народа, какъ какой-то мужичокъ вошелъ въ нашу избу и бросился въ ноги.

— Господи, опять, еще просьбы. Когда же это кончится?

Это чувство нетерпѣнія и даже раздраженія противъ просившихъ, долженъ признаться къ стыду моему, — поднялось во мнѣ.

Мужикъ всталъ.

— Что̀ тебѣ?—почти крикнулъ я на него, еще больше возмущенный и взволнованный, какъ всегда, этимъ паденіемъ на колѣни.

Мужикъ зарыдалъ вмѣсто отвѣта. Наконецъ, онъ вымолвилъ сквозь слезы и рыданія:

— Кормилецъ, дай на хлѣбъ рыльщикамъ. Сейчасъ только хозяйка померла. Схоронить не на что. Остался одинъ съ сиротами. Въ домѣ нѣтъ ничего...

Я молчалъ. Мнѣ стало до боли стыдно за мою горячность, нетерпѣніе и несправедливость.

Мы дали мужику положенныя сорокъ копѣекъ на похороны. Это было уже не въ первый разъ. Иногда мы выдавали на похороны прямо пирогами, изъ нашей пекарни.

XII.

Подошелъ февраль. Въ концѣ этого мѣсяца и въ слѣдующемъ, положеніе народа было наихудшимъ. Страшное развитіе болѣзней отъ усилившихся морозовъ, нужда въ хлѣбѣ и, главное теперь, въ кормѣ скоту стала еще острѣе.

Болѣзни же размножались въ такой прогрессіи, что на меня нашелъ настоящій ужасъ, и я ежедневно писалъ письма во всѣ концы, прося и зовя къ намъ людей на помощь. Но мнѣ долго не отзывались.

Пока былъ только присланъ къ намъ еще земскій врачъ изъ бузулукскаго земства, о которомъ я уже упомянулъ, и который, конечно, мало что̀ могъ сдѣлать одинъ.

Тогда я рѣшилъ самъ еще разъ съѣздить въ Москву за медицинской помощью и новыми товарищами, которые могли бы заниматься нашимъ дѣломъ вмѣстѣ съ нами.

Насъ двухъ съ И. А., разумѣется, далеко не хватало на устройство столовыхъ и наблюденіе за ними, такъ какъ нѣкоторыя были открыты нами за 30—40 верстъ. Хотя завѣдовавшими ихъ были, по большей части, священники, которымъ я вѣрилъ, однако все же слѣдовало иногда навѣщать ихъ.

Въ эту мою поѣздку я пробылъ очень короткій срокъ въ Москвѣ. Опять никого подходящаго себѣ тутъ я не нашелъ, и на обратномъ пути опять заѣхалъ на Донъ къ отцу.

Здѣсь я встрѣтилъ двухъ товарищей, согласившихся ѣхать со мной въ Самару. Одинъ былъ П. И. Б., другой—шведъ Стадлингъ. Конечно, послѣдній не былъ настоящимъ помощникомъ, онъ поѣхалъ въ Самару, чтобы писать оттуда корреспонденціи въ шведскія и американскія газеты, но все же онъ оказался пріятнымъ товарищемъ, а главное, прекраснымъ и добрѣйшимъ человѣкомъ.

Стадлингъ впослѣдствіи издалъ книгу въ Швеціи подъ заглавіемъ: „Изъ голодной Россіи“, гдѣ онъ подробно описываетъ голодъ и нашу дѣятельность того года.

На Дону я получилъ то же впечатлѣніе, что̀ и въ первый мой заѣздъ сюда, т.-е. что нужда здѣсь была гораздо слабѣе нужды самарской, и что кормили въ столовыхъ отлично. Тифозныхъ въ ближнихъ деревняхъ не было, или были только отдѣльныя заболѣванія. Тифъ распространился мѣстами только къ веснѣ. О цынгѣ и не слыхали. Сподручнаго народа у отца было множество, они жили въ помѣщичьей усадьбѣ Раевскихъ.

Вернувшись въ Патровку, я узналъ, что безъ меня посѣтили насъ двое квакеровъ—Бруксъ и Фоксъ,—много сдѣлавшіе для голодающихъ въ тотъ годъ.

Знакомя англійское общество съ русскимъ бѣдствіемъ, они добывали деньги и пересылали намъ. Мнѣ было жаль, что добрые квакеры не застали меня въ Патровкѣ,—было бы интересно познакомиться съ ними.

Но что̀ всего больше опечалило меня по возвращеніи на голодъ, это то, что количество болѣзней еще усилилось въ Патровской волости со времени моего отъѣзда. Обидно было сознавать это. Несмотря на наши десять столовыхъ, несмотря на больницу, несмотря на земскую ссуду, голодный тифъ все-таки свирѣпствовалъ, да еще какой. Вотъ и говори и думай послѣ этого, что мы слишкомъ много помогаемъ, что такъ-называемыхъ достаточныхъ крестьянъ напрасно пускаемъ въ столовыя. Можетъ быть, если бы еще столько же открыть въ Патровкѣ столовыхъ, не было бы здѣсь такой эпидеміи.

Умирали ежедневно. Батюшка, отецъ благочинный, разъѣзжалъ день и ночь по больнымъ, напутствуя ихъ. То и дѣло видно было въ окно, какъ онъ проѣзжалъ то туда, то сюда, сидя въ своихъ саняхъ съ поднятымъ кверху громаднымъ воротникомъ шубы и въ громадной шапкѣ на головѣ.

— Что, батюшка, больныхъ все прибавляется?—спрашивалъ я его иногда, встрѣчая на улицѣ.

— Бѣда чистая,—отвѣчалъ онъ своимъ басомъ:—затаскали совсѣмъ, ныньче 18 разъ напутствовалъ. Да, главное, бѣднота-то какая. Все такъ ужъ и ѣзжу за ничего. Тамъ когда-нибудь сочтемся съ ними.

Ежедневно провозили въ саняхъ гробы, или проносили ихъ на шестахъ по направленію къ церкви.

Пріѣхавъ на мѣсто, новый нашъ товарищъ, П. И. Б., не остался съ нами въ Патровкѣ, а уѣхалъ въ сосѣднюю волость, гдѣ и поселился, въ с. Покровкѣ, верстъ за 25 отъ насъ. Тамъ мы могли открыть теперь новый центръ и складъ хлѣба, что, конечно, упрощало и облегчало дѣло. П. И. Б. прожилъ и проработалъ въ Покровской и сосѣднихъ съ ней волостяхъ до конца голода. Между прочимъ, имъ были открыты столовыя и въ селѣ Гаршинѣ, гдѣ также сильно нуждались. Шведъ же Стадлингъ остался съ нами и поселился на квартирѣ у чахоточнаго волостного писаря, который отвелъ ему коморку.

Писарь таялъ съ каждымъ днемъ, съѣдаемый своей злой болѣзнью и къ веснѣ умеръ, оставивъ не старую вдову.

Иванъ Ивановичъ же, какъ мы прозвали Стадлинга, цѣлый день писалъ свои корреспонденціи, приходя къ намъ въ избу обѣдать, ужинать и набираться новыхъ впечатлѣній и свѣдѣній. Около того же времени пріѣхалъ къ намъ санитарный отрядъ, собранный по инициативѣ П. Д. Долгорукова. Большой радостью и успокоеніемъ было для насъ, когда мы наконецъ узнали, что отрядъ этотъ пріѣдетъ именно къ намъ. Я не жалѣлъ писемъ и телеграммъ, въ которыхъ описывалъ нашу эпидемію, желая отрядъ къ намъ зазвать. И вотъ, наконецъ, насъ услышали. Я сдѣлалъ тогда же вторичный подворный обходъ села, записывая число больныхъ въ немъ. Оно оказалось почти вдвое больше прежняго. Цифру этихъ больныхъ я проставилъ въ одной изъ моихъ телеграммъ въ Самару.

Это подѣйствовало лучше всего. Тогда я получилъ отвѣтную телеграмму, извѣщавшую насъ о томъ, что санитарный отрядъ выѣхалъ къ намъ въ Патровскую волость.

И вотъ онъ пріѣхалъ къ намъ, нашелъ себѣ квартиры и

сейчасъ же началъ свою дѣятельность. Врачи ежедневно объѣзжали или обходили больныхъ, желавшихъ перевозили въ больницы; фельдшера и фельдшерицы ухаживали за ними. Пріѣздъ отряда сильно поднялъ общій духъ села, какъ и поднялъ нашъ. Не такъ страшны казались теперь болѣзни, когда каждый зналъ, что есть за нимъ надлежащій уходъ. Даже И. И. Стадлингъ пріободрился.

Отрядъ работалъ самоотверженно и прекрасно. Половина его переболѣла до весны тифомъ, нѣкоторые члены его очень тяжелой формой, но, слава Богу, никто у насъ не сталъ его жертвой. Одинъ изъ врачей, Т., былъ, впрочемъ, очень не далекъ отъ смерти, и если бы за каждымъ вздохомъ его и біеніемъ пульса не слѣдили его товарищъ врачъ Г. и его помощницы фельдшерицы, то врядъ ли бы Т. поднялся. Послѣ болѣзни онъ изъ здоровеннаго мужчины обратился въ скелетъ, которымъ онъ и смотритъ на группѣ, снятой нами весной въ Самарѣ. Онъ заболѣлъ уже въ концѣ года, когда теплая весна стояла на дворѣ. Земскій врачъ изъ Бузулука также перенесъ тифъ. Молодой студентъ медицинской академіи, жившій въ сосѣднемъ селѣ Землянкахъ, тоже болѣлъ имъ; нашъ фельдшеръ Финогей—тоже; три фельдшерицы—тоже одна за другой. Но члены отряда, какъ я сказалъ, такъ внимательно, умѣло и добро относились и ухаживали другъ за другомъ, что всѣ они уцѣлѣли. Эта умѣлость и добросовѣстность ихъ, конечно, обнаруживалась одинаково и по отношенію къ больному народу. Я лично тоже похворалъ въ февралѣ чѣмъ-то въ родѣ тифа; жаръ былъ около сорока градусовъ цѣлую недѣлю, но я все время одѣвался и былъ на ногахъ.

Когда мнѣ стало легче и я вышелъ на улицу, нѣсколько просителей мужиковъ и бабъ подошли ко мнѣ, прося чего-то и спрашивая, какъ я себя чувствовалъ. Я сказалъ имъ, что мнѣ лучше, хотя я насилу держался на ногахъ.

— Ну, понятное дѣло полегчало, — отвѣчали они мнѣ на это,—развѣ тебѣ можно хворать?.. За тебя вонъ весь уѣздъ Богу молитъ...

Плохо было главное то, что въ комнаткѣ, гдѣ мы спали, былъ въ полу погребъ. Крышка этого подвала была неплотно затворена и изъ-подъ нея дуло немилосердно. Кровать же стояла у меня низкая, безъ матраса, а съ простой натянутой на ней холстиной, какъ разъ надъ подваломъ, такъ что я постоянно студился, вмѣсто того, чтобы лучше устроиться или спать на печкѣ, какъ дѣлаетъ это большинство крестьянства въ холодные

мѣсяцы зимы. Однако я не поддался болѣзни — некогда было хворать, да и я не представлялъ себѣ, какъ и гдѣ можно бы было лежать больному въ нашей обстановкѣ. Развѣ перевезли бы меня въ больницу. И. А. ничѣмъ не болѣлъ всю зиму... Но возвращаюсь къ описанію дальнѣйшей нашей дѣятельности и жизни.

Съ пріѣздомъ отряда, Стадлинга и П. И. Б., еще оживленнѣе пошла наша работа. Отрядъ возился съ больными. Стадлингъ строчилъ корреспонденціи, мы открывали столовыя за столовыми.

По вечерамъ мы часто собирались вмѣстѣ и бесѣдовали. Говорили, конечно, все о томъ же голодѣ, о мѣстныхъ нуждахъ и жизни, о томъ, прекращаются или увеличиваются болѣзни,— пока количество больныхъ прибавлялось,—говорили о томъ, какъ народъ принимаетъ медицинскую помощь, какъ онъ теменъ и въ то же время, какъ хорошъ.

Врачъ Т., большой балагуръ и острякъ, иногда веселилъ компанію, разсказывая смѣшныя стороны изъ своей дѣятельности.

— Знаете, ныньче я прихожу къ Патринымъ,--говорилъ онъ своимъ могучимъ голосомъ,—у нихъ трое тифозныхъ, спрашиваю у бабы: ну, что, была фельдшерица у васъ?—Была.—Ну, что жъ она?—Да совала, совала чего это подъ мышку, да нѣтъ, не помогаетъ.

И Т. покатывался со смѣха, щуря глаза.

— Вы бы ей дали салицилки,—обращался онъ къ фельдшерицѣ,—онѣ въ это больше вѣрятъ, чѣмъ въ градусники.

— А вчера у меня была баба,—начинала тогда разсказывать одна изъ фельдшерицъ:—дайте, говоритъ, пожалуйста, порошковъ, что ли, они называются—хворенькимъ, а то не поднимаются. Я сначала не поняла, что такое порошокъ, но потомъ сообразила, что слово „порошки“ для нихъ равносильно какому-то цѣлебному названію лекарства. Ну и дала, конечно.

— Чтò хуже всего,—продолжались разсказы,—это ихъ діэтетическія понятія. Сырого молочка достать или капустки, для тифознаго,—это первое дѣлò. Сегодня сапожникъ умеръ въ больницѣ только отъ того, что дома жена его напоила сырымъ холоднымъ молокомъ.

— А что такое слово „опочюниваться“?—съ улыбкой спрашивала какая-нибудь изъ фельдшерицъ.

Былъ у санитарнаго отряда и винный погребокъ съ собой для себя и для больныхъ; взяли они его, вѣря тому предразсудку, что если пить вино, можно избавиться отъ тифа. Врачи

отряда слѣдовали этому предразсудку, но тѣмъ не менѣе Т. не спасся, какъ я сказалъ, отъ жесточайшаго тифа.

XIII.

Хлѣбъ продолжалъ прибывать къ намъ. Добрые люди все больше узнавали о нашей дѣятельности, о нуждѣ въ нашей мѣстности, и вотъ вагоны за вагонами отъ Краснаго-Креста, отъ частныхъ лицъ, отъ и черезъ моего отца приходили на станцію Богатое.

Но, какъ ни было много ихъ, съ приближеніемъ къ веснѣ забота, что не хватитъ заготовленнаго хлѣба для столовыхъ, становилась все сильнѣе.

Тревожился я и о томъ, что земство не пришлетъ во-время своего хлѣба въ волости, и тогда, отрѣзанные отъ станціи распутицей, мы совсѣмъ заплачемъ. Я даже съѣздилъ въ Бузулукъ къ предсѣдателю управы за этимъ и просилъ его поспѣшить съ заготовкой хлѣба въ волостяхъ, на весенніе мѣсяцы. Но тамъ подумали объ этомъ и безъ меня.

Уже приближаясь къ веснѣ, получили мы десятка два вагоновъ съ американской мукой, пшеничной и кукурузной, въ аккуратныхъ, бѣлыхъ и чистыхъ мѣшкахъ, со штемпелями различныхъ штатовъ Колорадо, Онтаріо, Квебекъ и другихъ. Эта американская мука имѣла большой успѣхъ у насъ. Изъ нея пекли кукурузныя лепешки, пшеничныя булки, а также мѣсили или заправляли ею варево, которое отъ этого дѣлалось гуще и питательнѣе.

Стадлингъ, благодаря которому въ Америкѣ узнали о насъ, былъ на верху счастія, когда этотъ хлѣбъ пришелъ къ намъ. Его писанія и пріѣздъ, стало быть, не пропали даромъ. Но когда онъ узналъ, что изъ кукурузной муки никто не умѣлъ печь хлѣбовъ, онъ огорчился и пошелъ къ попадьѣ просить ее испечь пробный кукурузный хлѣбъ и научить печь его другихъ въ селѣ.

Матушка испекла прекрасный хлѣбъ, и Иванъ Ивановичъ былъ въ восторгѣ. Онъ спросилъ меня, какъ по-русски выразить матушкѣ благодарность и одобреніе. Въ то время Стадлингъ еще плохо зналъ по-русски. Я научилъ его, и онъ нѣсколько разъ повторялъ фразу, запоминая ее, прежде чѣмъ идти въ домъ священника.

— Матушка, ви пешете хлѣби хорошо американска мука...—

говорилъ онъ десятки разъ подъ рядъ, коверкая русскую рѣчь и очень довольный собой.

Но матушка, конечно, никого не научила печь эти хлѣбы, и кукурузную муку поѣли потомъ, какъ кому пришлось—больше всего лепешками и мѣсивомъ, какъ сказано, а также блинами.

Помню, когда узнали о прибытіи необыкновенной муки въ селахъ, всѣ наперебой хотѣли получить ея хоть немножко. Вотъ, между прочимъ, какое письмо я получилъ отъ Гавриловскаго псаломщика въ тѣ дни:

„Сіятельный графъ! Будьте добръ, пришлите, если возможно, съ предъявителемъ сего съ пудикъ американской крупчатки: я отдамъ съ величайшей благодарностью американцамъ,—этому свободному, какъ морская волна народу,—при первомъ урожаѣ въ нашемъ государствѣ. Я занялъ у своего государства $4^1/_2$ пуда, да вотъ, если вами, сіятельный графъ, будетъ уважена моя просьба, буду американцамъ долженъ 1 пудъ, и все это заплачу — даю слово, даже самому президенту Американскихъ штатовъ.

„Съ чувствомъ глубокаго почтенія къ вашему сіятельству, села Гавриловки, труженикъ учитель-псаломщикъ, не получающій ничего за свой трудъ, Аквилоновъ.—30 марта 1892 г.“

Не правда ли любопытное посланіе? Иронія ли тутъ или правдивость, — кто разберетъ. Одно ясно изъ записки псаломщика,—что онъ такой же голодающій, какъ тысячи остальныхъ кругомъ его, учитель такой же бѣднякъ, какъ его ученики, и что въ деревнѣ, какъ я не разъ наблюдалъ, нуждаются и голодаютъ по-своему не одни крестьяне, а также и всѣ близко стоящіе къ нимъ: священники, учителя, учительницы, писаря.

Кромѣ тифа, другая страшная болѣзнь,—цынга, о которой я раньше не имѣлъ понятія, и которая больнѣе тифа обидѣла и огорчила меня,—появилась въ то время. Чтобы бороться съ нею, мы выписали капусты, гороху и луку, которые роздали по столовымъ. Но, конечно, мало можно было сдѣлать съ уже запущенной, многихъ одолѣвшей болѣзнью. Къ счастію, однако, въ Патровской волости ея было всего только нѣсколько случаевъ.

Помню, въ первый разъ, что я увидалъ цынготныхъ больныхъ, я настолько былъ взволнованъ и пораженъ ихъ видомъ, что долго потомъ не могъ успокоиться, къ большому удивленію земскаго врача сосѣдняго села, давно привыкшаго къ этой болѣзни, какъ онъ, вѣроятно, привыкъ къ голодному тифу и нищетѣ.

Мы вошли съ этимъ врачемъ въ небольшую деревянную избу, носившую названіе больницы для цынготныхъ.

На нарахъ лежали и сидѣли больные. Большинство ихъ были женщины. Одна женщина, помню ее, какъ сейчасъ, маленькая, въ темномъ платкѣ, съ темными глазами стояла передо мной съ ребенкомъ на рукахъ. Ребенокъ, Боже мой, что это былъ за ребенокъ, рядомъ съ нашими, откормленными, толстыми и румяными дѣтьми. Жутко вспомнить. Синеватая блѣдность одутловатыхъ щекъ, какъ у матери, ввалившіеся, старообразные глаза, ручки, бѣлыя съ синими жилками, висѣли, какъ плети. Мать и ребенокъ, оба были въ цынгѣ. У матери на ногахъ,—она отвернула намъ шерстяной чулокъ и показала икру ноги, были темно-синіе громадные кровоподтеки. То же самое было и со всѣми остальными 8—10 больными, лежавшими здѣсь.

На печкѣ сидѣлъ мужикъ. Крупный, волосатый и черный, онъ сидѣлъ неподвижно, свѣсивъ опухшія, страшныя ноги въ лаптяхъ. Лицо его тоже опухло, какъ отъ водянки. По всему тѣлу у этого мужика были тѣ же зловѣщія, страшныя, черныя пятна.

Какая-то апатія, смертельная тоска и безконечное, тяжелое, какъ камень, горе выражались на лицахъ цынготныхъ больныхъ. Они походили на какіе-то еще дышавшіе, еще двигавшіеся, но уже изуродованные, начавшіе разлагаться трупы, дожидавшіеся своего окончательнаго разложенія. И еще нѣсколько дѣтей сидѣло и смотрѣло на меня на нарахъ, сплошь заваленныхъ какими-то бабьими тряпками.

Я не выдержалъ вида ихъ и скорѣе вышелъ изъ больницы. Чувство тоски сжало мнѣ сердце.

И всѣ эти люди больны, страдаютъ только отъ того, что у нихъ хлѣба нѣтъ, что имъ ѣсть нечего, когда у насъ слишкомъ много. Кто испытывалъ это чувство самъ, чувство боли сердечной, раскаянія, негодованія на самого себя и весь міръ людской, при видѣ людского страданія, тотъ пойметъ и уже понялъ меня.

Въ томъ же селѣ, гдѣ была эта больница цынготныхъ, случилось около того же времени событіе съ мѣстнымъ шорникомъ, несчастнымъ пришлымъ, или „страннымъ", т.-е. чужимъ изъ другой губерніи, мужичкомъ Семеномъ, котораго я уже описалъ отчасти въ моемъ разсказѣ: „Вечеръ во время голода".

Этотъ Семенъ въ бреду горячки перерѣзалъ себѣ горло ножемъ. Конечно, онъ сдѣлалъ это не отъ одной только горячки. Кромѣ того, что онъ былъ самъ боленъ, что жена только-что

встала отъ тифа, что ему ѣсть было нечего,—ему всюду отказывали въ помощи. Земство отказало ему какъ „странному“; Красный-Крестъ отказалъ за неимѣніемъ средствъ; наши столовыя, въ которыя двое изъ семьи Семена были записаны, пришли на помощь слишкомъ поздно. Къ тому времени онъ уже свалился въ тифѣ. Не удивительно поэтому, что онъ, даже и не въ бреду, думалъ и желалъ покончить съ собой.

Цѣла ли мазанка этого Семена на берегу рѣчки Съѣзжей въ селѣ Землянкахъ; живъ ли онъ самъ; боленъ ли опять или ходитъ? Тогда мы, слава Богу, поправили его, перевели въ другую избу, кормили. Мазанка его,—это логовище звѣря скорѣе, чѣмъ человѣческое жилище. Хуже логовища, потому что грязнѣе, зловоннѣе, нездоровѣе. Но, говорятъ, что человѣкъ, это—животное, которое ко всему привыкаетъ. Не думаю, однако, чтобы я, напримѣръ, могъ прожить въ Семеновой мазанкѣ дольше недѣли.

Вечеромъ наканунѣ того утра, въ которое мы узнали о томъ, что чуть не зарѣзался Семенъ, заѣхалъ къ намъ изъ Землянокъ нашъ пріятель башкирецъ Нагимъ на обратномъ пути съ базара. Я просилъ Нагима заѣхать въ Землянкахъ на почту, а также къ одному богатому землевладѣльцу изъ крестьянъ С. по дѣлу. Нагимъ попалъ къ нему вечеромъ и попалъ какъ разъ на танцы и веселье по случаю пріѣзда молодого, только-что обвѣнчавшагося, земскаго врача.

Конечно, этотъ шумъ и веселье произвели должное дѣйствіе и впечатлѣніе на Нагима, человѣка чуткаго и поэтому горячо сочувствовавшаго въ тотъ годъ горю народному.

— А тамъ, что дѣлается, бѣды́,—сказалъ онъ намъ, входя въ избу и подавая свѣжую почту,—я скорѣй бѣжать!

И онъ лукаво улыбнулся.

— Гдѣ тамъ? Что̀?

— У С., тамъ дохторъ пріѣхалъ и супруга, такъ раздѣлка идетъ. Бѣды́! Просто на̀, скидавай портка!

И Нагимъ добродушно засмѣялся, морща все свое смуглое симпатичное лицо.

— Какъ „скидавай портка“? Что̀ это значитъ?—смѣясь, спросилъ И. А.

— Да плясъ, танцы, вино...—сказалъ Нагимъ своимъ полунасмѣшливымъ тономъ.—Я ужъ скорѣй утекать. Земскій, стало быть, тамъ всѣ...

Нагимъ остался у насъ ночевать. Онъ водилъ лошадь продавать на базаръ изъ-за нужды и продалъ ее за 5 рублей. Онъ разсказалъ, что лучшія лошади стоили не дороже 15—20 руб.,

а плохія отдавались за 5—6 р. Дѣло въ томъ, что къ этому времени кормъ скотины въ деревняхъ совсѣмъ дошелъ до конца. И тѣ даже, кто побирался на лошадяхъ, надѣясь додержать ихъ до весны, должны были теперь продавать ихъ, потому что нигдѣ корму больше не подавали, а купить приступу не было.

Помню, разъ подъѣхали къ нашей избѣ въ Патровкѣ трое мужиковъ въ саняхъ на тощихъ, жалкихъ лошаденкахъ. Робко, испуганно подошли они ко мнѣ (я стоялъ на дворѣ, разговаривая съ другими мужиками) и попросили хлѣбца. Мы подали имъ.

— А можно намъ взять вотъ оскребочки эти?—спросилъ меня одинъ изъ нихъ, указывая на остатки сѣна въ углу около нашего сарая.

Конечно, я разрѣшилъ имъ это.

Надо было видѣть, какъ набросились эти трое мужиковъ на жалкую труху, остававшуюся отъ нашего сѣна и, наперебой, стали загребать ее въ охабки. Вотъ что̀ такое нужда въ кормѣ скоту. Я увидалъ ее теперь наглядно.

Вообще въ этихъ двухъ мѣсяцахъ, въ февралѣ и мартѣ, какъ я уже говорилъ, голодъ, нужда, болѣзни и горе во всѣхъ видахъ дошли до крайняго своего проявленія.

Недостатокъ хлѣба, неимѣніе корма скоту, больные, чуть ли не въ каждомъ домѣ; лютый морозъ съ метелями—всего этого вмѣстѣ было довольно, чтобы нагнать уныніе и мрачность на населеніе. Безмолвно и безлюдно было на сельскихъ улицахъ, гдѣ крутилъ буранъ, чуть ли не ежедневно; безотрадно и мрачно было въ избахъ. Не было слышно ни громкихъ разговоровъ, ни тѣмъ болѣе пѣсней,—въ продолженіе всего года ихъ не пѣли, всѣ чувствовали, что было не до нихъ.

Батюшка, отецъ благочинный и наши врачи продолжали разъѣзжать по больнымъ, все время напоминая собой серьезность и даже опасность положенія.

Бѣлые, досчатые и, въ формѣ простой четырехугольной длинной коробки, гробы, которые ежедневно провозили мимо оконъ, еще внушительнѣе подтверждали это, говоря, что не трудно и каждому попасть въ такой гробъ и проѣхаться въ немъ къ церкви, а оттуда на кладбище.

На фотографіи, снятой Стадлингомъ съ Патровскаго кладбища того года, видно множество бѣлыхъ новыхъ крестовъ, поставленныхъ на немъ за ту зиму и весну. То же самое замѣтилось и на всѣхъ остальныхъ сосѣднихъ сельскихъ кладбищахъ. Процентъ умершихъ въ тотъ годъ сравнительно съ обыкновенными годами былъ громаденъ.

XIV.

Просыпаюсь. Только-что открываю глаза, и утренніе сны, какая-то смѣсь настоящей моей жизни съ прошлой, улетаютъ изъ соннаго сознанія; жизнь дѣйствительности сразу захватываетъ меня. Я только-что видѣлъ во снѣ что-то про университетъ, про нашу физическую аудиторію, въ которой не было никого и не было потому, что всѣ студенты разъѣхались куда-то. Куда они разъѣхались? На голодъ? Ну, да. Я такъ и думалъ сначала. Я былъ увѣренъ, что университетъ опустѣетъ, что вся Москва опустѣетъ, когда узнается страшное бѣдствіе народа.

И вотъ это дѣйствительно случилось. Пустыя лавки, пустая каѳедра профессора, одинъ только бюстъ Ньютона смотритъ со стѣны. А я-то зачѣмъ пришелъ въ эту пустую мрачную аудиторію? Неужели я не уѣхалъ со всѣми туда? Я прихожу въ волненіе и просыпаюсь. Бревенчатыя стѣны избы передъ глазами, изъ нихъ сыплется на меня мусоръ съ мертвыми прусаками; сверху рѣдкія доски потолка. Голосъ И. А. слышится изъ прихожей.

— Я же говорю вамъ, что нѣтъ; понимаете—сейчасъ нѣтъ, —говорилъ онъ убѣдительно и громко,—а будетъ, сами пріѣдемъ.

— Не дайте умереть, что жъ мы дѣлать станемъ,—раздаются мужицкіе голоса въ отвѣтъ.

Я вскакиваю, наскоро одѣваюсь и моюсь надъ моимъ погребомъ и выхожу къ товарищу. Холодъ въ избѣ, какъ на дворѣ. Пахнетъ кизякомъ. Но самоваръ уже кипитъ въ нашей большой комнатѣ, и жена Андрея, спасибо ей, напекла лепешекъ.

— Да ты пойми, что нѣту, понимаешь, нѣту,—все еще убѣждаетъ мужиковъ И. А.,—мы бы съ радостью.

— Ахъ, Господи,—восклицаютъ мужики,—что жъ теперь дѣлать. Стало быть, приходится вести лошаденку на базаръ! А корова и не поднимается, издыхаетъ видно.

И въ голосѣ мужика прорывается настоящее горе.

— Ну, а ты что̀?—спрашиваетъ кого-то И. А.

Я выхожу къ нему на помощь.

Толпа народа, какъ всегда, и въ прихожей, и въ сѣняхъ, и на дворѣ. Надо обойти ее всю. Начинаю съ начала. Половина народа проситъ о кормѣ, но большинству приходится отказывать, какъ это ни обидно. Что̀ дѣлать, этому бѣдствію мы уже не можемъ помочь.

— Ну, хоть хлѣбца дайте сколько-нибудь,—пристають нѣкоторые,—бѣды. Ни себѣ, ни скотинѣ.

— У васъ вѣдь въ столовыя записаны.

— На этомъ благодаримъ, кабы не вы, такъ намъ умирать бы,—слышится въ отвѣтъ обычная фраза,—да не хватаетъ. Лошаденку послѣднюю продалъ. Теперь амбаришка хочу продавать. Не купите ли на дрова? А то хомутишка да телѣжонка остались. Не возьмете ли себѣ?

— Да сколько же ты получаешь отъ земства, что ты такъ нуждаешься?

— Сколько? Обыкновенно сколько, по 30 фунтовъ. Да у насъ четверо не получають.

— Почему такое?

— Да я, стало быть, да еще братъ не получаетъ,—въ работникахъ, потомъ маленькій, да прописной одинъ.

— Какой прописной?

— Да кто-жъ его знаетъ. Мы сами не знаемъ за чтò его прописали. (Прописать, значило: не записать).

— А что я хотѣла съ тобой погуторить,—подходитъ ко мнѣ баба.

— Ваше сіятельство, общество села Орѣховки уполномочило насъ къ вашему сіятельству,—говоритъ солдатъ маломочный, протягивая мнѣ бумагу.

Около часа проходитъ, пока мы, наконецъ, не очищаемъ избу отъ народа.

И. А. запирается на запоръ, и мы пьемъ чай, бесѣдуя о дѣлахъ. Прежде всего надо набрать 150 подводъ, чтобы выслать ихъ на станцію за хлѣбомъ. Надо заняться новыми прошеніями, счетами, впиской новыхъ приходовъ и расходовъ, отвѣтомъ писемъ. Все это занимаетъ довольно времени. Только около полудня я могу выйти изъ дому.

На улицѣ крутитъ буранъ, завываетъ вѣтеръ. Морозъ нестерпимый, сразу за уши хватаетъ. Въ степи и въ мартѣ, когда солнце за тучами, можетъ быть лютый холодъ. Прежде всего я иду къ молодому мужику, одному изъ четырехъ выбранныхъ для провѣрки лошадныхъ и безлошадныхъ дворовъ въ селѣ. Это молоканинъ Братковъ, пріятель И. А. Списки у него уже готовы. Онъ обошелъ все село съ своими товарищами изъ двора во дворъ, спрашивая и смотря самъ. Оказалось, что на 400 крестьянскихъ дворовъ было 230 безъ лошадей. Съ осени было выпродано изъ села около 800 лошадей. Этого было довольно для меня. По этому примѣру можно было сдѣлать разсчетъ, по

которому около полумилліона лошадей должно было погибнуть за зиму въ губерніи. Главной причиной этого была другая ошибка земства, сдѣланная при описи населенія, а именно, зачисленіе каждой головы скота крупнаго и мелкаго за извѣстное количество пудовъ хлѣба. Эта мѣра была разсчитана на прямое разореніе крестьянъ, между тѣмъ, какъ въ полтора раза увеличенная ссуда могла бы еще поддержать отчасти ихъ хозяйство.

Отъ Браткова я захожу въ нѣсколько столовыхъ. Въ первой я застаю народъ за молитвой. Съ улицы еще слышно пѣніе. Поютъ „Царю небесный“ и поютъ складно, хорошо. Вхожу въ избу. Народъ видитъ меня и кланяется. Подхожу къ хозяйкѣ, которая, стоя у котла, размѣшиваетъ густой гороховый кулешъ, подправленный кукурузной мукой. Кулешъ кипитъ и вздувается буграми. Садятся за столы. Дежурные,—у насъ заведено, что каждый день двое дежурныхъ изъ столующихся помогаютъ хозяйкамъ,—берутъ чашки, и хозяйка наливаетъ въ нихъ кулешъ. Чашки разставляются по столу. Потомъ раздается уже заранѣе развѣшанный и нарѣзанный на куски хлѣбъ. Все въ порядкѣ, всѣ довольны. Начинается ѣда, сопѣніе и пыхтѣніе. Паръ отъ горячей пищи поднимается надъ столомъ.

— Благодаримъ, благодаримъ,—говорятъ голоса,—оживилъ насъ, нечего сказать, оживилъ, благодаримъ, кабы не вы...

Я выхожу изъ столовой, чтобы не смущать ихъ моимъ присутствіемъ. На улицѣ все тотъ же вѣтеръ. На буграхъ за слободой шибко вертятся крылья вѣтряковъ. Но туда я не пойду, хотя бы и надо. И. А. жаловался, что крупно мелятъ нашу рожь.

Иду черезъ рѣчку навѣстить больную фельдшерицу. Она въ томъ же положеніи. Лежитъ среди комнаты въ забытьи, и пузырь со льдомъ на головѣ. Ея товарки или врачи по очереди дежурятъ около нея. Ее остригли бѣдную, и вмѣсто громадной темной косы теперь голая голова. Только что выхожу отъ фельдшерицы, батюшка встрѣчается у воротъ. Онъ вышелъ изъ сосѣдней богатой избы. Подъ мышкой у него пирогъ, т.-е. пшеничный хлѣбъ.

— Что, батюшка, какъ болѣзни? Не лучше?

— Нѣтъ, все хуже,—отвѣчаетъ онъ,—старыхъ такъ всѣхъ коситъ почти, да и молодыхъ стало много порывать. Вчера 23 раза ѣздилъ съ напутствіемъ, да трехъ похоронилъ. Слышали про нашу учительницу-то, тоже свалилась, сердечная. А вонъ видите, еще дожидаются за мной. До свиданія. Что ко мнѣ не гуляете?—дружески и ласково обращается ко мнѣ батюшка на прощаньи:—заходите.

И онъ идетъ куда-то черезъ улицу, прежде передавъ полученный за требу пирогъ своему работнику.

Теперь надо зайти еще къ бѣдной учительницѣ, о болѣзни которой я слышалъ еще утромъ.

Она лежала на своей кровати въ тѣсной, но чистенькой коморкѣ училища, рядомъ съ пустой теперь классной. Какъ и фельдшерица, она была въ забытьи и даже при мнѣ бредила что-то. Она болѣла одной изъ самыхъ тяжелыхъ формъ тифа, а именно—сыпнымъ. Около нея сидѣла ея мать, трогательная и растерявшаяся старушка, недавно къ ней пріѣхавшая изъ города.

— Былъ докторъ?

— Вчера былъ, да ужъ очень плоха она, горитъ ужасно,—отвѣчаетъ мнѣ старушка:—сорокъ одинъ градусъ былъ вчера вечеромъ. Боюсь... боюсь я за нее...

И лицо ея выражаетъ безпредѣльную тревогу. Глаза моргаютъ и смотрятъ на больную.

— Вамъ не нужно ли чего-нибудь?

— Лимоновъ нѣтъ ли у васъ?—робко проситъ старушка:—пить проситъ кисленькаго... А тутъ вѣдь нѣтъ ни у кого.

Я обѣщаю прислать лимоновъ учительницѣ, коли они найдутся у насъ, и выхожу изъ училища. Куча мыслей о томъ, чтò такое эти наши сельскія скромныя и одинокія учительницы, какъ не легка ихъ негромкая и вмѣстѣ важная дѣятельность,—наполняютъ голову.

Дома я застаю все то же. Просители и просители все о томъ же. Опять надо выслушивать ихъ.

Потомъ мы обѣдаемъ, а тамъ опять дѣла и дѣла и, наконецъ, вечеръ. Тогда нашъ сосѣдъ, старый солдатъ Коншинъ, почти каждый день является къ намъ. Это удивительный типъ. Громадный ростомъ, съ густымъ грубымъ басомъ, съ неуклюжими движеніями, онъ любитъ похвастаться и помянуть старину. Лицо у него рябоватое, съ длиннымъ носомъ и спутанной сѣдой бородой, которую онъ, въ минуты сознанія собственнаго величія, растягиваетъ на двѣ стороны въ видѣ бакъ. Одѣтъ онъ въ узкій худой полушубокъ и такую же шапку; онъ безлошадникъ и бѣднякъ.

Станетъ онъ, бывало, въ нашихъ дверяхъ въ живописной позѣ и пойдетъ разсказывать. Чего-чего онъ не наговоритъ. Половину понять нельзя было, да и некогда было его слушать, но кое-что запомнилось отъ него мнѣ навсегда. Сначала начнетъ онъ о голодѣ, потомъ перейдетъ къ солдатскому своему житью, потомъ сведетъ къ мужицкому.

— Что же,—бывало, начнетъ онъ своимъ дюжимъ басомъ, увлекаясь собственной рѣчью,—вотъ я хоть возьмемъ. Лошадь проѣлъ, корову проѣлъ, амбаръ проѣлъ, чего же остается? 30 фунтовъ отъ комитету? Да развѣ этимъ пробавишься? Пудъ и того на двѣ недѣли бы хватило!

Всѣ слова, а особенно слово „пудъ“ выходили у Коншина точно пушечные выстрѣлы.

— Васъ не было,—продолжалъ онъ,—такъ вотъ мой мальчишка изъ-подъ сумы не вылѣзалъ. Да не подаютъ! А внучата кричатъ, все хлѣба просятъ. Чтò дѣлать? Выйдешь вонъ изъ хаты, Богъ съ вами со всѣми, хоть помирайте. Право. Кабы не вы... такъ... и т. д. А какъ народъ дивится, скажу я вамъ, что вы живете здѣсь, и въ голову не возьметъ такой диковины. На чтò мы ему, молъ, нужны? На чтò?—Стало быть, такъ ему хочется помочь вамъ голодающимъ дуракамъ. Да, плохіе нынче стали мы жители. Чтò и говорить. Развѣ такъ мы жили съ отцомъ? Изба большая, десять лошадей имѣли, плугъ, быковъ, а теперь чтò? И куда все подѣвалось—самъ не знаю, пропало, исчезло все... А вѣдь первые жители, можно сказать, были. Сперва раздѣлились, избу большую продали, мазанокъ этихъ налѣпили, потомъ года плохіе, ну и конецъ. Говорятъ, отъ лѣности народъ въ разореніе приходитъ. Нѣтъ! Работать, говорятъ, нужно. Да развѣ мы не работаемъ. Вонъ пошли тамъ лапотники въ плотники, да толку-то мало вышло,—этимъ Коншинъ намекалъ на лѣсныя общественныя работы, какъ извѣстно, плохо удавшіяся повсемѣстно,—себя едва прокормили, да домой всѣ воротились. А говорятъ—лѣность. Все это за грѣхи Господь намъ посылаетъ,—ей Богу!

— У тебя, стало быть, много грѣховъ, Коншинъ?—спрашивалъ старика И. А.

— Грѣховъ? Да порядочно, — добродушно и конфузливо смѣялся Коншинъ:—грѣховъ больше, чѣмъ хлѣба...

— Какіе же?—допытывался И. А.

— Всякіе...—отвѣчалъ Коншинъ.—Вотъ хоть когда на Капказѣ служилъ... Да я на службѣ человѣкъ двадцать этихъ самыхъ ченцовъ перерѣзалъ. А сколько мы ихъ ауловъ пожгли сколько скотины угнали, да поѣли потомъ. Страсть. Намъ ротные командиры сами приказывали, чтобы не церемониться съ ними. Подъ зебры, подъ зебры молоденькихъ-то... Ей Богу...

— Кого подъ зебры?—спросилъ И. А., не понимая и смѣясь.

— А ченцовъ этихъ самыхъ,—продолжалъ Коншинъ съ какимъ-то вдругъ проснувшимся въ немъ азартомъ и остервенѣ-

ніемъ,—мало ли ихъ мы подушили... Разбойники, по дорогамъ грабили... Какъ же? Мы и Уму и Албека брали. Они въ Питеръ послѣдовали подъ висѣлицу... Я самъ ихъ видѣлъ... Я и государя видѣлъ. Подошелъ ко мнѣ, взялъ за пуговицу.

— Съ какого года?—спрашиваетъ.

— Съ 63-го, ваше величество.

— Почему, говоритъ, здѣсь большіе ростомъ?...

И Коншинъ продолжалъ, можетъ быть, и сочиненную имъ исторію.

Мы слушали его, и образъ его, этого интереснаго деревенскаго дикаря, до сихъ поръ остался ярко въ моей памяти. Одно время онъ выправлялъ должность деревенскаго палача въ Патровкѣ, то-есть, сѣкъ народъ, и со вкусомъ разсказывалъ намъ, какъ ловко онъ умѣетъ сѣчь, ровно, мѣтко такъ, что можетъ управлять рукой по своему желанію. Захочетъ больно ударить, будетъ больно. Не захочетъ, такъ и боли не почувствуетъ преступникъ, а со стороны кажется, что его больно бьютъ.

— Я ихъ много тутъ пересѣкъ, — хвастался Коншинъ,— какъ же! лучше меня никто не могъ!

— Эка грѣхъ какой,—замѣтилъ ему И. А.,—и не противно это тебѣ было?

— Съ какой практики противно? — грубо возражалъ Коншинъ:—развѣ ихъ не за дѣло сѣкутъ? Такъ и надо мошенниковъ.

Но врядъ ли онъ когда-нибудь интересовался за что̀ собственно, за какое дѣло, онъ сѣкъ народъ. За неплатежъ ли податей, или за другое какое преступленіе.

XV.

Давно звали меня патровскіе молокане посѣтить ихъ собраніе, давно и мнѣ хотѣлось сдѣлать это, но все некогда было. Наконецъ, въ одно воскресенье утромъ мы пошли. Собраніе происходило въ одной просторной избѣ, на томъ самомъ порядкѣ, т.-е. слободѣ, гдѣ жилъ Симонъ Егорычъ.

На высокомъ крыльцѣ встрѣтилъ насъ молодой, румяный и красивый малый безъ шапки. Онъ снялъ съ насъ тулупы и ввелъ въ просторную горницу. Нѣсколько женщинъ и дѣвокъ, стоявшихъ на крыльцѣ, пока мы входили, вошли вслѣдъ за нами. Изба была полна народомъ, мужиками, бабами, молодыми и старыми. И на всѣхъ нихъ, особенно теперь, когда они были въ сборѣ, лежалъ какой-то своеобразный отпечатокъ. Въ одеждахъ,

въ манерѣ держать себя, кланяться, смотрѣть, улыбаться,—во всемъ видно было отличіе ихъ отъ православныхъ. Насъ провели въ уголъ къ столу, накрытому бѣлой скатертью, и посадили на почетныя мѣста противъ начетчика.

Начетчикомъ въ патровскомъ молоканскомъ обществѣ былъ давно знакомый мнѣ мужикъ, Василій Константиновичъ. Небольшой ростомъ съ длиннымъ носомъ и вострыми глазками, съ степенными манерами и сознаніемъ собственнаго достоинства, онъ представляетъ характерный типъ русскаго сектанта. Лицомъ онъ похожъ на Вольтера.

— Садитесь, садитесь,—началъ онъ скороговоркой, обращаясь къ намъ и ласково улыбаясь,—давно ужъ васъ ожидаемъ.

Нѣсколько минутъ еще помолчали, усаживаясь на мѣста и перешептываясь, потомъ продолжали прерванное нами чтеніе.

Читалъ рыжій и блѣдный молодой мужикъ, сидѣвшій противъ насъ у стола. Читалъ онъ пятую главу отъ Матѳея,—нагорную проповѣдь. Онъ прочелъ 28-й стихъ и остановился; Василій Константиновичъ, начетчикъ, сейчасъ же сталъ объяснять прочитанное своимъ жиденькимъ теноркомъ.

— Стало быть, кто смотритъ на женщину, — началъ онъ привычнымъ заученнымъ топомъ, — этакъ нечисто, нехорошо, тотъ въ душѣ своей, стало быть, согрѣшаетъ съ нею. Потому что Спаситель велѣлъ намъ обхожденіе имѣть съ женщинами чистое, цѣломудренное.

Василій Константиновичъ вдругъ смутился, покраснѣлъ и обтеръ увлажнившійся лобъ рукой.

Рыжій мужикъ продолжалъ читать дальше. Опять съ чувствомъ прочтя стихъ, онъ замолкъ, а Василій Константиновичъ пояснилъ его.

— Ежели, стало быть, тебя постигнетъ искушеніе,—сказалъ онъ убѣдительнымъ, рѣшительнымъ голосомъ,—то борись съ нимъ до послѣдней крайности. Лучше претерпѣвать житейскія всякія лишенія, лучше отказаться отъ житейскихъ благъ, чѣмъ душу загубить. Вотъ этому-то и учитъ тутъ Спаситель. Значитъ, лучше глазъ вырвать изъ себя, чѣмъ все тѣло загубить геенѣ огненной.

— И если правая твоя рука соблазняетъ тебя,—продолжалъ читать нараспѣвъ рыжій молоканинъ,—отсѣки ее и т. д.

Василій Константиновичъ опять пояснилъ этотъ стихъ. Но краснорѣчіе его было довольно однообразно, и толкованія представляли скорѣе простой перифразъ евангельскихъ изреченій, чѣмъ какое-нибудь оригинальное ихъ объясненіе. Однако, тонъ,

съ какимъ Василій Константиновичъ говорилъ простыя народныя словечки, попадавшія въ его рѣчахъ, все-таки придавалъ какой-то болѣе житейскій и понятный всякому смыслъ истинамъ Христовымъ.

Чтеніе продолжалось.

Когда рыжій молоканинъ дошелъ до 39-го стиха и прочелъ его, Василій Константиновичъ, повидимому, приготовился какъ-то особенно старательно объяснять его.

— „А я говорю вамъ: не противься злу, — прочелъ мужикъ.—Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую“..

— Этотъ трудный обѣтъ заказалъ намъ Спаситель,—горячо подхватилъ Василій Константиновичъ,—мало кто можетъ исполнить его. Понятное дѣло, хорошо терпѣть обиды, за зло не платить зломъ, а все-таки рѣдко кто можетъ.

— „И кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду“.

— Вотъ тутъ уже дѣло и до рубашки дошло,—заговорилъ вслѣдъ за чтецомъ голосъ Василія Константиновича, который повидимому расходился все больше и больше:—ежели къ примѣру, придетъ къ тебѣ человѣкъ бѣдный, неимущій, раздѣтый, надо помочь, одѣть его... Накормите голоднаго, одѣньте нагого. .

И Василій Константиновичъ долго и красно по-своему говорилъ на эту тему.

Когда 5-ая глава была до конца прочитана, собраніе поднялось на ноги, и началось пѣніе псалмовъ. Одинъ изъ молоканъ, тотъ же рыжій чтецъ, держалъ теперь въ рукахъ псалтырь, изъ котораго выбравъ какой-то, вѣроятно подходившій дню стихъ, громко нараспѣвъ прочелъ его. Этотъ стихъ пѣніемъ подхватило все собраніе. Сначала запѣли мужскіе голоса протяжно и немного черезъ носъ, потомъ присоединились къ нимъ высокіе женскіе. Пѣли заунывно и медленно. Одинъ короткій стихъ растягивали минутъ на пять и даже больше. И оригинальный, красивый мотивъ молоканской пѣсни разливался все шире и шире, крѣпъ и росъ. Я слышу его сейчасъ въ ушахъ, но, къ сожалѣнію, нельзя передать его здѣсь словами. Что-то грустное и въ то же время властное и могучее слышалось въ немъ, что-то поднимавшее васъ, захватывавшее. Но были въ немъ и некрасивости, непріятно рѣзавшія ухо, какое-то отчеканиваніе звуковъ, особенно на высокихъ нотахъ,—отчеканиваніе, иногда похожее на кряхтѣніе или вздохи. Мотивъ росъ, поднимался, потомъ вдругъ упирался во что-то, начиналъ коле-

баться и падалъ. Пѣніе тогда стихало и, наконецъ, совсѣмъ прекращалось. Тогда читался слѣдующій псаломъ, тѣмъ же тягучимъ, подсказывавшимъ голосомъ. Его опять подхватывали голоса. Я слушалъ съ большимъ интересомъ молоканское пѣніе и долженъ сказать, что оно, особенно, когда вы слышите его въ первый разъ, производитъ впечатлѣніе.

Я, по-настоящему, заслушался. Многіе изъ мужиковъ стояли теперь съ блаженно закрытыми глазами. Невольно и мнѣ захотѣлось сдѣлать то же самое, точно такъ легче было отдаваться звукамъ пѣсни и уноситься и подниматься вмѣстѣ съ ней. Я облокотился на столъ и положилъ голову въ руки. Не помню, сколько времени я сидѣлъ такъ.

Пѣніе кончилось, и я поднялъ голову. Все собраніе зашевелилось. У многихъ глаза увлажнились, и слышалось сморканіе.

Рыжій мужикъ сѣлъ къ столу и опять открылъ Евангеліе. Начетчикъ указалъ ему на 2-ю главу посланія къ Титу. Глава эта короткая, и ее опять прочли всю. Это одна изъ любимыхъ главъ молоканства, какъ предписывающая ясныя и всѣмъ доступныя и понятныя житейскія правила, которымъ молокане стараются слѣдовать. То, что̀ говорится въ ней, „сообразно со здравымъ ученіемъ", со здравымъ смысломъ каждаго, и потому она особенно популярна. Читатель, незнакомый съ этой главой, конечно можетъ всегда прочесть ее.

Василій Константиновичъ опять по-своему сталъ перефразировать стихи, теперь съ еще бо̀льшимъ чувствомъ произнося слова.

Послѣ пѣнія псалмовъ, которыхъ назначеніе у молоканъ „веселить духъ", все собраніе еще оживилось. На лицахъ и въ глазахъ стало свѣтлѣе, начетчикъ еще сильнѣе „загорѣлся духомъ".

— Пусть старички ваши будутъ аккуратны, бережливы, степенны, благопристойны, — заговорилъ Василій Константиновичъ оживленно,—терпѣливы въ любви; старушки ваши, чтобъ одѣвались скромно, по-просту, чтобы не судачили, сплетнями не занимались, чтобъ учили хорошему молодыхъ.

— А рабовъ, работниковъ ли вашихъ или низшихъ себѣ,—оворилъ онъ дальше,—учите, чтобы уважали и слушались васъ, тобы не прекословили, не крали и вѣрны вамъ были духомъ. то обращеніе ко всякому человѣку, все равно и къ другимъ и ъ намъ молоканамъ. Ежели дома будемъ строку блюсти, ну и дѣсь тоже окажемся братьями въ собраніи нашемъ.

Послѣ чтенія главы изъ Тита опять пѣли псалмы, но съ

еще бо̀льшимъ одушевленіемъ. Потомъ опять читали Евангеліе и то мѣсто, гдѣ говорится о необходимости повиновенія властямъ. Третья глава къ Титу начинается напоминаніемъ о покорности властямъ.

Вѣроятно, это мѣсто было выбрано нарочно по случаю моего присутствія въ собраніи и съ желаніемъ показать мнѣ благонадежность секты въ этомъ отношеніи.

Во время собранія то и дѣло новыя, опоздавшія женщины входили въ избу и съ молчаливымъ, полнымъ достоинства и степенности поклономъ садились слѣва вдоль стѣны на лавки. Собраніе было многолюдно. Вѣроятно, около двухъ, трехъ сотъ человѣкъ собралось въ немъ. Конечно, ни образовъ, ничего другого, кромѣ трехъ книгъ: Евангелія, Библіи и Псалтыря, не было въ горницѣ. Собраніе началось съ разсвѣтомъ и кончилось около 12-ти час. дня. Тогда Василій Константиновичъ любезно пригласилъ насъ къ себѣ чай пить. Мы пошли. Съ нами пошло еще двое приглашенныхъ изъ старыхъ и почтенныхъ молоканъ.

Василій Константиновичъ раньше жилъ хорошо, въ полномъ достаткѣ, съ быками и лошадьми, въ просторной, хорошей избѣ; теперь и онъ разорился. Быковъ уже давно нѣтъ, лошадей осталась третья часть, въ избѣ остались „однѣ стѣны",—выраженіе, которое я часто слышалъ въ тотъ годъ, т.-е. изба-то на видъ богатая и большая, но въ ней нѣтъ ничего, кромѣ нужды,—ни скотины, ни хлѣба, ни сѣна.

За чаемъ мы говорили съ Василіемъ Константиновичемъ и другими его гостями о ихъ сектѣ, о прежнемъ ея состояніи и теперешнемъ. Они разсказывали мнѣ, но больше жаловались на свое плохое настоящее сравнительно съ прошлымъ. Причину своего разоренія они искали и видѣли въ засухахъ. Я спросилъ ихъ, подвергается ли ихъ секта преслѣдованіямъ отъ начальства и прибываютъ ли въ нее новые члены. Оказалось, что въ молоканство за послѣдніе года переходили очень немногіе, почти никто, и что переходъ этотъ связанъ съ большими трудностями. Въ прежнее же время цѣлыми семьями и даже „порядками" они отпадали отъ православія, и въ знакъ этого отпаденія толпами приносили священникамъ бывшіе у нихъ въ избахъ образа. Тогда же, въ періодъ возникновенія и процвѣтанія секты, пріѣзжали къ нимъ миссіонеры; съ ними происходили открытые и горячіе бесѣды и споры въ церквахъ, о которыхъ до сихъ поръ осталось множество разсказовъ. Вообще отъ жизни прошлаго въ самарской губерніи дышетъ необыкновенной свѣжестью и мо-

лодой энергіей, чего не осталось и слѣда въ современной степной деревнѣ.

Хотя Патровскіе молокане не жаловались мнѣ на стѣсненія и преслѣдованія ихъ, но въ ту же зиму я былъ свидѣтелемъ того, что ихъ сектѣ далеко не всегда дается какая-нибудь свобода. Ко мнѣ явилось нѣсколько человѣкъ молоканъ изъ сосѣдняго села Коржевки, прося заступиться за нихъ передъ губернаторомъ и испросить съ его стороны разрѣшенія имъ продолжать посылать своихъ дѣтей въ ихъ отдѣльную отъ православной школу. Много лѣтъ они содержали эту свою школу, а теперь имъ вдругъ ее запрещали. Мнѣ не удалось помочь имъ. Потомъ недавно только, а именно въ прошломъ году, преслѣдованія съ новой силой обратились на самарскихъ молоканъ; у нѣкоторыхъ изъ нихъ отняли дѣтей и отдали на воспитаніе въ монастырь. По счастію, эта мѣра оказалась печальнымъ недоразумѣніемъ, по разъясненію одного высокопоставленнаго лица, и недоразумѣніе это теперь исправлено.

Въ бесѣдѣ съ молоканами у Василія Константиновича мы узнали всѣ основанія и обычаи ихъ секты, какъ у нихъ хоронятъ и вѣнчаютъ, какъ вообще они живутъ, почему они называются молоканами и т. д., и только досыта наговорившись съ ними и напившись чаю съ неизбѣжными баранками, мы, наконецъ, простились съ любезнымъ и умнымъ хозяиномъ.

Молоканами они называются потому, что въ постъ ѣдятъ молоко; обрядъ брака у нихъ состоитъ изъ простого благословенія и въ чтеніи особой молитвы и соотвѣтствующихъ мѣстъ изъ Евангелія. Они отвергаютъ всякія внѣшности въ обрядахъ, думая подражать этимъ церкви апостольской.

Въ концѣ концовъ все-таки, насколько я могъ познакомиться за тотъ годъ съ сектой молоканъ, я получилъ о ней понятіе, какъ о сектѣ, отжившей свой вѣкъ и не имѣющей будущности. Конечно, на мѣстное населеніе и на господствующую нашу церковь она не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія, да и имѣть не можетъ, какъ и всѣ другія наши секты, если не будутъ прилагаться къ ней мѣры, подобныя отбиранію дѣтей у молоканъ-родителей, что только возбуждаетъ среди сектантовъ недовольство и усиливаетъ ихъ религіозный фанатизмъ.

XVI.

И вотъ пришла весна—прекрасная, сильная, живительная весна, какая бываетъ только въ степяхъ. Въ одно ясное и теплое утро мы узнали, что мелкая скотина выпущена изъ дворовъ на прилегавшіе къ селу, почернѣвшіе голые бугры.

Съ каждымъ днемъ таяло все сильнѣе. Народъ оживалъ духомъ. Начались заботы о сѣвѣ, о пахотѣ, и къ намъ являлись отовсюду съ просьбами помочь уже не въ хлѣбѣ, а въ сѣменахъ. Земство выдавало слишкомъ мало, выдавало не всѣмъ, по тѣмъ же страннымъ соображеніямъ людей, видѣвшихъ въ овцѣ и теленкѣ столько-то пудовъ пшеницы и столько-то овса. Помощь сѣменами, въ сѣвѣ, была одна изъ самыхъ пріятныхъ помощей въ тотъ годъ. Это была затрата, которая могла вернуть себя въ стократъ при хорошемъ будущемъ урожаѣ. Поэтому мы, при составленіи списковъ нуждавшихся въ сѣменахъ, опять не слишкомъ принимали во вниманіе и безъ того уже разорившихся, такъ-называемыхъ богачей, и имъ давали тоже.

Этой помощью народъ дорожилъ особенно. Сколько истинно благодарныхъ, осчастливленныхъ лицъ я помню, когда они, получивъ изъ амбаровъ сѣмянную пшеницу уносили или увозили ее къ себѣ домой.

Весна, однако, хотя и дружная сначала, попридержалась потомъ—долго тянувшимися ночными морозами. Зато днемъ, когда всходило и свѣтило во всю свою степную мощь солнце, снѣга подавались, овраги и рѣчки трогались, и поля съ каждымъ днемъ оголялись. Самая распутица была какъ разъ на Святой недѣлѣ.

Мы выѣхали въ вечеръ подъ Свѣтлое Христово Воскресеніе съ хутора Б. большой компаніей къ заутрени въ село Гавриловку. Въ эту ночь уже не морозило. Лошади по лощинамъ вязли и барахтались въ мокромъ снѣгу зажоръ по брюхо. Мы ѣхали, кто верхомъ, кто на саняхъ. Но и такъ и этакъ было отвратительно. Хорошъ былъ зато воздухъ, запаха котораго, сколько ни проживешь на свѣтѣ, не забудешь,—степной, весенній воздухъ надъ тающими снѣгами.

У заутрени въ с. Гавриловкѣ церковь была ярко освѣщена и набита народомъ. Мы остановились на квартирѣ одного изъ врачей санитарнаго отряда Т., поселившагося въ Гавриловкѣ съ нѣсколькими фельдшерицами.

Разговляться, хотя мы и не ѣли постнаго постомъ, Б. снова

пригласилъ насъ къ себѣ на хуторъ. Ка̀къ только мы добрались до него?! Теперь дорогу уже совсѣмъ растопило, и нельзя было ступить двухъ шаговъ, чтобы лошадь не провалилась по грудь.

Врачъ Т., ѣхавшій верхомъ, помню, очутился въ ужасномъ положеніи среди степи. Лошадь его завязла по брюхо въ мокромъ снѣгу и не двигалась дальше. Тогда Т. слѣзъ съ нея и сталъ на ноги на снѣгу, который держалъ его на дорогѣ. Но чуть онъ ступалъ шагъ, сейчасъ же самъ завязалъ по поясъ. Наконецъ лошадь онъ выпустилъ изъ рукъ, а самъ кое-какъ выкарабкался изъ снѣга и сѣлъ къ намъ въ сани.

Съ этого дня пошла уже настоящая ростепель.

Мѣстами на южныхъ пригоркахъ стало совсѣмъ сухо.

Разъ выѣхалъ я въ степь верхомъ просто отдохнуть и подышать вольнѣе. Было превосходное теплое утро. Жаворонки заливались, ныряя въ свѣтломъ степномъ небѣ, пахло землей, жизнью, воздухомъ. Два кроншнепа низко пролетѣли вдоль ручья и повернули въ степь. Скотина мычала на дворахъ, и вода журчала внизу въ ручьяхъ, уносясь Богъ знаетъ куда въ море.

Я часто думалъ въ тотъ годъ, глядя на это богатство весенней воды, пропадавшей даромъ, сколько пользы она могла бы принести, если бы задерживали ее такъ или иначе на мѣстахъ, не пуская дальше. Придетъ лѣто и опять будутъ плакаться о влагѣ, которую сами же упустили.

Отъѣхавъ версты двѣ отъ Патровки и въѣхавъ на одинъ изъ такихъ, высохшихъ отъ солнца, теплыхъ южныхъ пригорковъ, я слѣзъ съ лошади. Держа поводъ въ рукѣ, я легъ на землю на спину. Лошадь стала щипать пробивавшуюся уже травку. Чувство необыкновеннаго блаженства наполнило мнѣ душу. То необъяснимое весеннее волненіе отъ какой-то полноты внутренней, которое, конечно, всякій знаетъ, нахлынуло на меня. И мнѣ хотѣлось въ ту минуту вѣчно лежать такъ одному въ степи и смотрѣть на чистое небо и сознавать, что все-таки есть оно, это небо, есть гдѣ-то, и, главное, будетъ, навѣрное придетъ лучшая радостная жизнь, когда не будетъ ни жалкихъ голодающихъ, ни тифозныхъ, ни надоѣвшихъ просителей съ словами „вашего сіятельства"...

— Вашего сіятельства? Отдыхаете?—вдругъ услышалъ я голоса̀ надо мной.

Я привсталъ.

Трое мужиковъ въ полушубкахъ стояли передо мной.

— Отдыхаете въ степи?—опять проговорилъ одинъ изъ мужиковъ.—Мы къ вашей милости.

— Что?—спросилъ я.

— Да на счетъ сѣменовъ. Заставьте вѣчно Богу молить, вашего сіятельства; за чтò же Патровскимъ дали? Мы хуже ихъ жители считаемся?

И мужикъ протянулъ мнѣ бумагу.

— Тутъ самые нуждающіе прописаны,—сказалъ онъ,—всѣмъ обществомъ отмѣчали. Удѣлите сѣменовъ. Что же, мы безъ сѣву должны оставаться?

Я всталъ, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ обратно въ село, сказавъ мужикамъ, чтобы они шли туда же, на нашу квартиру.

Не прошло и двухъ недѣль, какъ снѣга въ степяхъ почти не оставалось, только по низамъ, и начался сѣвъ.

— Теперь „зеленая трава", теперь на „зеленая трава" вмѣстѣ съ лошадьми выѣдемъ, живы будемъ, — шутилъ нашъ пріятель Нагимъ, уже собравшійся перекочевать на хуторъ Б., гдѣ онъ подрядился опять въ кумысники. У Б. уже много лѣтъ существуетъ частное кумысолечебное заведеніе, въ которомъ собирается каждое лѣто съ разныхъ концовъ Россіи человѣкъ 50—60 народу.

Но возвращусь къ началу сѣва, открывшагося въ степяхъ кругомъ Патровки, какъ только земля достаточно просохла.

Сѣвъ въ самарской губерніи отличается отъ сѣва въ нашихъ среднихъ губерніяхъ прежде всего тѣмъ, что носитъ на себѣ какой-то случайный, неопредѣленный и игорный, если можно такъ сказать, характеръ. Тамъ, не такъ какъ здѣсь, непремѣнно засѣеваются все тѣ же полоски, только съ нихъ однѣхъ и можно ждать мужику хлѣба,—тамъ каждый старается на послѣднія деньги арендовать еще на сторонѣ хорошенькой землицы и посѣяться на ней. Сѣютъ, какъ сказано въ первой главѣ, большей частью пшеницу. Несмотря на то, что она родится гораздо хуже ржи, несмотря на то, что рожь и засухи выноситъ легче,—крестьяне все-таки предпочитаютъ ей пшеницу, какъ хлѣбъ болѣе доходный. Но такъ какъ пшеница требуетъ земли гораздо лучшей, такъ какъ она легче пропадаетъ отъ жары, то изъ года въ годъ громадная половина ея посѣвовъ не удается. Поэтому въ самарской губерніи прежде всего нужно, чтобы крестьяне перестали дѣлать эти свои посѣвы пшеницы на истощенныхъ земляхъ, а замѣнили бы ихъ посѣвами озимой ржи. Какъ бы внушить имъ, что у нихъ даромъ пропадаютъ и трудъ, и деньги, при способахъ ихъ хозяйства, и, что старое время, когда дѣвственная земля давала вволю при минимумѣ труда—позади. Помню, я самъ видѣлъ, какъ сѣяли мужики яровую пшеницу на своихъ

полоскахъ, сѣяли подъ борону, и хотя со стороны очевидно было, что съ этихъ своихъ посѣвовъ они ничего не получать, они все-таки надѣялись, что авось Господь какъ-нибудь и уродитъ.

На крѣпкихъ собственныхъ земляхъ, отдохнувшихъ нѣсколько лѣтъ, или земляхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, тоже не распаханныхъ, посѣвы пшеницы еще удаются. Но понятно, что доступъ къ такимъ землямъ возможенъ только тѣмъ немногимъ, такъ-называемымъ богачамъ-крестьянамъ, у которыхъ водятся деньги. Но и тѣ часто разоряются на азартныхъ посѣвахъ пшеницы.

Къ концу апрѣля наша дѣятельность дошла до своего крайняго развитія, и съ этого времени мы уже не расширяли ее, а только поддерживали.

Какъ ни радовала „зеленая трава", конечно ею одной нельзя было прокормиться народу, и столовыя наши, и земская выдача продолжались до іюля.

Столовыя наши были раскинуты по двумъ уѣздамъ въ селахъ, иногда на сто верстъ разстоянія отстоявшихъ другъ отъ друга. Шире помогать было мудрено, да нечѣмъ было. Всѣхъ столовыхъ къ веснѣ мы насчитывали около 208, считая кругомъ по 50—60 человѣкъ въ каждой. Изъ этихъ столовыхъ большинство было въ бузулукскомъ уѣздѣ, остальныя въ николаевскомъ. Онѣ были открыты въ 20-ти слишкомъ волостяхъ, и безъ чего-то 100 селахъ. Завѣдывавшими ими были или священники, или богатые, ненуждавшіеся крестьяне-землевладѣльцы и, наконецъ, мы сами.

Я еще ни разу не останавливался въ предъидущихъ главахъ на способахъ составленія списковъ столовавшихся, которыми мы руководствовались—мнѣ не представлялось это интереснымъ. Но, вспомнивъ ближе всего эту процедуру, я подумалъ, что здѣсь не лишнее будетъ сказать о ней нѣсколько словъ.

Списки нуждавшихся мы составляли разными путями. Во-первыхъ, пробовали обходить и знакомиться съ нуждой сами,—это самый неразумный и трудный способъ узнать что либо; во-вторыхъ, отбирали свѣдѣнія о нуждѣ у мѣстнаго сельскаго начальства писарей, старостъ и старшинъ. Этотъ способъ лучше перваго и иногда вполнѣ годенъ, если личности этого сельскаго начальства вамъ внушаютъ довѣріе и завѣдомо на хорошемъ счету у народа; въ-третьихъ, мы провѣряли деревенскіе списки на мірскихъ сходахъ въ волостяхъ, все равно и въ другомъ

мѣстѣ, что̀ составляетъ несомнѣнно лучшій способъ знакомства со степенью нужды данной мѣстности. Тутъ сходъ будетъ сначала галдѣть въ одинъ голосъ, что всѣ нуждаются, всѣ бѣдны, всѣ ровны, но въ концѣ концовъ, когда вы возьмете карандашъ въ руку и начнете писать, толпа продиктуетъ вамъ черезъ свою общественную совѣсть прежде всего имена настоящихъ бѣдняковъ и будетъ называть вамъ ихъ въ самомъ правильномъ, какой только можно установить, порядкѣ, начиная съ бѣднѣйшихъ и такъ поднимаясь все выше къ такъ-называемымъ богачамъ. Опять довѣріе, полное довѣріе ваше къ сходу обезпечиваетъ, безъ всякаго сомнѣнія, торжество правды и успѣхъ дѣла. Сколько разъ приходилось мнѣ такъ составлять списки нуждавшихся и всегда потомъ, по всѣмъ провѣркамъ, и устнымъ, и опытнымъ, списки эти оказывались справедливыми. Худшій же способъ узнаванія нужды, какъ я сказалъ, это личное изслѣдованіе ея, обыски по амбарамъ и клѣтямъ, заглядываніе въ печки и подполья.

Кромѣ того, что этотъ способъ противенъ и просто не достоинъ человѣка, желающаго помочь другому человѣку и поэтому заранѣе устанавливающаго съ этимъ человѣкомъ открытыя и основанныя на полномъ взаимномъ довѣріи отношенія,—онъ не достигаетъ цѣли тѣмъ, что при желаніи спрятать, можно всегда сдѣлать это такъ, что никто не найдетъ, и стало быть, съ этой точки зрѣнія, обыски неразумны.

Я убѣжденъ, что навѣрное и хоронить бы не стали крестьяне, если бы мы вѣрили имъ на̀-слово. Съ другой стороны, тѣ, кто лежитъ въ тифѣ или цынгѣ, кто побирается, врядъ ли станутъ хоронить что-нибудь, потому что и силъ-то нѣтъ, и хоронить-то нечего.

Тѣмъ не менѣе земство при провѣркѣ списковъ и установленія земской ссуды прибѣгаетъ именно къ этимъ пріемамъ обшариванія и обыскиванія несчастныхъ нищихъ мазанокъ и пустыхъ амбаровъ.

Помню, я самъ въ началѣ нашего дѣла не разъ пробовалъ такъ не довѣрять голодавшимъ, пробовалъ, желая быть добросовѣстнымъ по отношенію къ жертвователямъ и наилучшимъ образомъ употребить ихъ жертвы, заглядывать въ амбары и печки. Какое чувство жгучаго стыда потомъ испытываешь, когда какая-нибудь изстрадавшаяся желтолицая старуха открываетъ вамъ заслонку и показываетъ въ печкѣ горшокъ съ водой, или мужикъ съ смущенной, точно виноватой улыбкой и, вѣроятно, съ болью въ сердцѣ, распахиваетъ передъ вами настежь дверь пустого своего амбаришка, который онъ завтра сожжетъ на дрова

или продастъ кулаку за безцѣнокъ. Повторяю, лучше передать чѣмъ не додать въ года такихъ бѣдствій, какъ описываемый. Лучше вдвое, втрое передать имъ, потому что имъ передать нельзя. Что значитъ передать мужику въ наши тяжелые для него дни? Что значитъ дать слишкомъ много? Если онъ голоденъ, и вы дали ему,—онъ наѣстся; если вы дали ему еще сытому,—онъ накормитъ жену и дѣтей; если еще,—онъ накормитъ и скотину; если будете продолжать помогать ему, онъ покроетъ раскрытую крышу избы, купитъ корову, которой у него нѣтъ, и такъ далѣе безъ конца.

Время пришло, когда мужикъ, построившій наши столицы и города, крѣпости и заводы, желѣзныя дороги и корабли, обмундировавшій милліоны войска, завоевавшій чужія далекія земли и т. д. и т. д., однимъ словомъ, создавшій наше внѣшнее могущество—ослабъ. Онъ отдалъ все изъ себя и изъ той земли, которую онъ обработывалъ, и дальше подавать отказывается. Земля, на которой онъ сидитъ, истощена, какъ и онъ, и тоже не въ силахъ больше брать изъ себя. Между тѣмъ, у него нѣтъ ни достаточной свободы, ни достаточныхъ знаній и умѣнья, чтобы справиться съ этой истощенной землей. И вотъ время пришло, когда мы должны широко придти къ нему на помощь. Мы должны вернуть мужику то, что у него отняли. А если сдѣлать этого уже невозможно, мы должны по крайней мѣрѣ перестать брать у него и научить какъ сдѣлать, чтобы земля могла ему давать снова.

Тяжелое и сложное время подошло къ намъ, это несомнѣнно, признаки его налицо и надо считаться съ ними. Поэтому, еще разъ, не будемъ жалѣть тѣхъ крохъ, которыя мы бросаемъ въ пучину народной нужды, не будемъ жалѣть передать ихъ,—этого нельзя сдѣлать,—а будемъ бояться обратнаго—не додать, когда нужно, потому что тамъ, у корня, начинаетъ сохнуть, и уже немного соковъ остается. Не будемъ жалѣть не только излишка нашего матеріальнаго достатка народу, но пойдемъ къ нему съ тѣми запасами умственными, какіе накопились у насъ и какіе душатъ насъ отъ того, что не находятъ у насъ достаточнаго приложенія, тогда какъ тамъ нѣтъ ни книги, ни знаній, и все только молитъ о нихъ.

Меня часто поражало однако, какъ все-таки, несмотря ни на что,—ни на то, что ѣсть имъ нечего было, что не было во дворѣ ни скотинки, въ печкѣ и желудкѣ хлѣба, что въ сырой мазанкѣ было душно и грязно,—эти голодающіе все-таки улыбались и жили.

Захожу разъ въ избенку, всю занесенную снѣгомъ, пробираюсь къ ней черезъ снѣжные, вырытые лопатой коридоры, вышиной съ мой ростъ, отворяю дверь. Два красивыхъ молодыхъ существа сидятъ рядомъ на лавкѣ у оконца. Молодой красавецъ-парень и молодая бабенка. Мужикъ сидитъ, улыбаясь, и рука его обнимаетъ плечи бабы. Это молодые, только-что обвѣнчавшаяся пара. Это голодающіе, потому что они страшно бѣдствуютъ, у нихъ хлѣба только 30 фунтовъ въ мѣсяцъ отъ земства, и кромѣ этого ничего. Но они счастливые голодающіе, которымъ больше ничего не нужно. Это — любящіе другъ друга, улыбающіеся и довольные.

Я записалъ парня въ одну изъ нашихъ столовыхъ, потому что, какъ сказалъ мнѣ мѣстный священникъ, онъ замучился бѣгать по братьямъ и дядямъ, прося то хлѣбца, то мучицы.

Кто бы могъ сказать, что такая пара нуждается, голодаетъ, глядя на ея полную силъ и здоровья внѣшность? Но стоитъ только вникнуть въ ея положеніе, и сразу дѣлается за нихъ жутко. Сами они, ослѣпленные своей молодой любовью, пока не унываютъ, дойдя постепенно до своего положенія и такъ же постепенно опускаясь все ниже; но свѣжему человѣку, глядя на нихъ внимательнѣе со стороны, нельзя было не ужаснуться за нихъ и за ихъ будущее. Оба эти молодые потомъ хворали страшнымъ тифомъ въ своей мазанкѣ, и оба къ веснѣ выздоровѣли.

Другой разъ, помню, засталъ я старуху, съ улыбкой и оживленіемъ разсказывавшую что-то хозяину у крыльца одной нашей столовой. Старуха была въ лаптяхъ и съ сумой за плечами, побирушка. Я подошелъ къ ней.

— Да вотъ, что̀ же дѣлать станешь, сроду впервые побираюсь,—говорила она радостно,—а надоть. Дѣтки внучата дома сидятъ, ѣсть просятъ. Что жъ, я ихъ хлѣбъ буду ѣсть? Дай, думаю, лучше пойду Христовымъ именемъ пробавлюсь. Ну вотъ и хожу.

Потомъ она добавила, качая головой и глядя на меня:

— Такъ-те, кормилецъ нашъ, батюшка, такъ-те, анделокъ. Эхъ, Господи!

Эта старуха тоже была счастлива по-своему. Счастлива въ своемъ горѣ и нуждѣ. Весеннее солнце ярко свѣтило и грѣло ея старыя кости, она ушла изъ дому, семидесяти лѣтъ, въ первый разъ побираться, ради внучатъ, и сознательный подвигъ ея давалъ ей радость.

Та баба, что̀ сидѣла на печкѣ съ дѣтьми, она тоже была

счастлива въ своемъ положеніи, которое никто бы иначе не назвалъ, какъ горемъ и несчастіемъ?

Вотъ и разбирай послѣ этого, что̀ такое счастіе? Не хлѣбомъ единымъ живъ человѣкъ. Да, это несомнѣнно. Эта истина подтверждается живыми примѣрами. Весь нашъ многотерпѣливый, горемычный и нищій народъ подтверждаетъ ее. Онъ, несмотря на свое горе, несмотря на нищету, по-своему часто счастливъ. Не весь подъ рядъ, это невозможно, исключеній много, не одинаково во всѣ года и дни своей жизни, это тоже невозможно, но все же онъ не такъ несчастливъ, какъ намъ кажется. Одной изъ главныхъ причинъ этому служитъ живой, христіанскій духъ русскаго народа, суть Христова ученія глубоко укоренилась въ его нравахъ и сердцѣ. Каждый шагъ, каждая мысль, каждый поступокъ мужика сопровождается невольнымъ воспоминаніемъ и мыслью объ имени Христовомъ, сопровождается безсознательнымъ вопросомъ: такъ или не такъ это, согласно или противно его ученія. И это глубокое христіанское сознаніе христіанскаго народа, и по духу своему, и по вѣрѣ, служитъ главной причиной того, что онъ и горе свое принимаетъ за радость, и голодъ и нищету переноситъ съ безконечнымъ смиреніемъ.

Коли не хлѣбомъ сытъ, такъ словомъ Божьимъ, и это не на словахъ, а на дѣлѣ, въ самой жизни! Это та всемогучая, живучая, духовная сила русскаго человѣка, которая ничѣмъ не можетъ быть ни подавлена, ни заглушена. Это та сила, которая спасаетъ и спасала Россію, которая отличаетъ ее отъ другихъ странъ.

Христовымъ именемъ утѣшаются, живутъ, имъ же и кормится половина народа, и въ года голодовокъ и бѣдствій не мы съ нашими сравнительно мелкими средствами спасаемъ голодающихъ и кормимъ ихъ, а кормятъ и спасаютъ другъ друга сами эти голодающіе, дѣлясь между собой послѣднимъ хлѣбомъ. Совѣсть бѣдняка, совѣсть крестьянина, у котораго немногимъ больше, чѣмъ у бѣднаго сосѣда, который самъ можетъ завтра дойти до положенія нищаго,—чутче и отзывчивѣе нашей совѣсти, совѣсти господъ, богачей, которую ничто не будитъ, а которую, напротивъ, все больше усыпляетъ и притупляетъ наша жизнь.

Совѣсть народная—это тотъ главный „комитетъ", который открываютъ въ своей средѣ голодающіе въ года бѣдствій, широко и свободно располагая имъ. Безъ этого „комитета", голодовки наши, безъ сомнѣнія, были бы въ тысячу разъ страшнѣе и въ матеріальномъ, и въ духовномъ отношеніи.

XVII.

Въ началѣ этихъ записокъ сказано, что при первомъ же пріѣздѣ моемъ въ Самару, я рѣшилъ оставаться самостоятельнымъ въ дѣлѣ помощи народу, отзываясь на нужду лично и непосредственно отъ себя такъ, какъ она этого будетъ требовать, хотя и соображаясь, конечно, съ помощью земства и Краснаго-Креста, однако дѣйствуя все-таки отъ нихъ отдѣльно. Я такъ и поступалъ съ самой осени. Всю зиму до самой весны дѣла наши шли отлично, никто изъ мѣстнáго начальства не мѣшалъ намъ, а напротивъ, скорѣе всѣ желали содѣйствовать, и содѣйствовали; я уже готовъ былъ радоваться этому, какъ случилась исторія не только недостойная радости, но повергшая насъ въ большое уныніе и грусть.

Но прежде чѣмъ разсказывать объ этомъ случаѣ, я скажу еще нѣсколько словъ о дѣятельности нашихъ столовыхъ, которыя и были причиною непріятности. Конечно, въ нашемъ дѣлѣ того года должны были быть и были ошибки. Конечно, случалось, что мы пускали въ наши столовыя такихъ крестьянъ, которые могли бы пробиться, прожить до новины и безъ насъ. Но такія ошибки были неизбѣжны. Хотя я лично не считаю ихъ за ошибки. Я убѣжденъ, что всѣ тѣ, кто столовался у насъ въ столовыхъ, столовались не напрасно. Если и были среди нихъ немногіе, которые и безъ насъ бы продышали, у которыхъ оставались, кромѣ столовыхъ, какіе-нибудь другіе источники пропитанія, то и слава Богу, этому надо и можно только радоваться. Тогда у нихъ источники эти, стало быть, остались цѣлыми, неизрасходованными, приберeглись на другія насущныя надобности: сѣмена, лошадь, сбрую, телѣжонку и такъ далѣе безъ конца, чтò и требовалось для ихъ же пользы.

Нивелировка помощи народу невозможна, какъ невозможна нивелировка его благосостоянія, нивелировка отдѣльныхъ личностей, характеровъ, жизней. И если уже происходитъ и можетъ какъ-нибудь происходить уравненіе народнаго благосостоянія, то оно происходитъ не отъ насъ, а изнутри самаго народа тѣмъ Христовымъ духомъ, о которомъ сказано, и который дѣйствительно служитъ великимъ внутреннимъ уравнителемъ и силой нашей народной жизни. Намъ же, стороннимъ помогателямъ, думать о сравненіи нуждающихся и тѣхъ, кто обращается къ намъ за помощью,—невозможно. Невозможно и каждому отдѣльному просителю давать именно то, чтò ему нужно.

Есть одна несомнѣнная помощь для всѣхъ нуждающихся и голодныхъ, это—если не хорошее, то достаточное и здоровое питаніе. Потому мы были правы, если прибѣгали, за неимѣніемъ возможности оказать какую-нибудь другую спеціальную помощь, къ этой несомнѣнной общей. Дать лишній кусокъ хлѣба, накормить въ столовой крестьянина, значитъ то же, что спасти дома у него овцу, сѣнца, сѣделку, коровенку, лошаденку и т. д., значитъ поддержать его разоряющееся хозяйство. Не сдѣлать этого, значитъ сдѣлать обратное. Какое же послѣ этого могло быть сомнѣніе въ пользѣ нашего дѣла, когда мы открывали гдѣ-нибудь столовыя и только на бѣднѣйшихъ жителей?

Но оказалось, что не только сомнѣніе, но убѣжденіе въ обратномъ, т.-е. во вредѣ столовыхъ для населенія, еще крѣпко живетъ въ головахъ нѣкоторыхъ лицъ.

Перехожу къ этому странному и прискорбному явленію и извиняюсь за отступленіе и нѣкоторыя повторенія, которыя пришлось сдѣлать.

Итакъ, мы уже радовались, что дѣла наши шли гладко, какъ вдругъ,—именно вдругъ, какъ снѣгъ на голову,—радость и спокойствіе наши были нарушены.

Уже съ весны удалось мнѣ открыть въ виловатовской волости, въ громадномъ селѣ Виловатовѣ, дворовъ въ 500, около 8—10 столовыхъ для бѣднѣйшихъ жителей. Наблюденіе надъ ними взялъ на себя, насколько мнѣ помнится, батюшка,—онъ же провѣрилъ списки ихъ вмѣстѣ со сходомъ, какъ у насъ принято дѣлать. Повторяю еще разъ, что разъ сходъ просилъ помощи, и мы поручали ему составленіе списковъ, онъ всегда дѣлалъ это наилучшимъ и наисправедливѣйшимъ образомъ. Кромѣ того, И. А. ѣздилъ въ Виловатово самъ ознакомиться съ мѣстной нуждой и нашелъ здѣсь, конечно, то же, что и вездѣ. Да и почему было быть здѣсь чему-нибудь особенному, исключительному? Благодаря чему и кому? Можетъ быть, сосѣдству и начальству земскаго начальника, о которомъ сейчасъ зайдетъ рѣчь? Столовыя наши въ Виловатовѣ были открыты и начали благополучно дѣйствовать къ общей радости села. Это продолжалось съ недѣлю. Но вотъ про нихъ узналъ земскій. Это былъ уже другой земскій начальникъ, не тотъ, что курилъ изъ трубки и былъ у насъ въ Патровкѣ, а другой. Онъ прилетѣлъ въ Виловатово самъ, какъ мнѣ говорили, съ нѣкоторой торжественностью и даже недоумѣніемъ, и, крайне взволнованный, приказалъ немедленно закрыть всѣ наши столовыя.

Въ тотъ же день я получилъ отъ рѣшительнаго земскаго

начальника слѣдующее посланіе въ конвертѣ, на которомъ было написано размашистой рукой: „Предписываю такому-то волостному правленію доставить съ нарочнымъ его сіятельству графу Льву Львовичу Толстому".

Я прочелъ письмо земскаго начальника и, признаться, сердце во мнѣ закипѣло. Вотъ это письмо цѣликомъ. Оно стоитъ того, чтобы его привести здѣсь, какъ интересный документъ въ поученіе потомству:

„Милостивый Государь, графъ Левъ Львовичъ!—Меня крайне *опечалило* то обстоятельство, что вы изволите открывать столовыя въ виловатовской волости 2-го земскаго участка безъ всякаго вѣдома для меня, земскаго начальника этого участка. Правительствомъ открыты въ голодающихъ губерніяхъ благотворительные комитеты и сельскія попечительства, которыя *по моему глубокому разумѣнію* (sic), какъ учрежденія, заключающія въ своихъ членахъ болѣе или менѣе точное знакомство съ данной мѣстностью, должны давать нѣкоторый *общій тонъ* характеру мѣстной благотворительности, или, даже не давая сего послѣдняго, хоть указывать частной благотворительности наиболѣе требующія продовольственной помощи села и деревни, а земскимъ начальникамъ вмѣнено въ обязанность заботиться о благосостояніи крестьянскаго населенія подвѣдомственнаго ему участка, между тѣмъ какъ вы, ваше сіятельство, идя въ разрѣзъ общему направленію находящагося подъ *моимъ предсѣдательствомъ* павловскаго благотворительнаго комитета и не увѣдомляя меня о вашемъ желаніи открыть въ виловатовской волости столовыя, какъ бы учреждаете этими столовыми нѣкое государство въ государствѣ. Я съ своей стороны, какъ ближайшій начальникъ надъ виловатовской волостью, думаю, что открытіе вами столовыхъ въ этой волости (исключая с. Покровки) *ничего кромѣ вреда* (?!) для населенія въ смыслѣ *усиленія праздности* (!?) не принесетъ, съ которой потомъ придется *возиться* (?) намъ же земскимъ начальникамъ, ибо вы въ скоромъ времени, вѣроятно, покинете самарскую губернію.

„Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго имѣю честь позволить себѣ усерднѣйше просить ваше сіятельство или, если вамъ это будетъ можно, пожаловать въ мѣсто моего жительства (ст. Марычевка, оренб. ж. д.) для совмѣстнаго обсужденія вопроса объ открытіи столовыхъ въ виловатовской волости, или же прислать ко мнѣ туда же для той же цѣли какое-либо съ вашей стороны довѣренное лицо. Беру на себя нѣкоторую смѣлость надѣяться, что я, какъ человѣкъ окончившій курсъ въ томъ же высшемъ

учебномъ заведеніи, гдѣ вы въ настоящее время изволите воспитываться, могу принести небольшую пользу въ обсужденіи вышеозначеннаго вопроса, тѣмъ болѣе, что вопросъ этотъ такъ близко касается интересовъ 2-го земскаго участка, въ которомъ я имѣю честь состоять земскимъ начальникомъ. Дома я буду до 26 мая (кромѣ 17-го и 18-го). Въ заключеніе, оставаясь въ надеждѣ, что вы благоволите почтить настоящее мое письмо отвѣтомъ, имѣю честь покорнѣйше просить ваше сіятельство принять увѣреніе въ моемъ отличномъ къ вамъ почтеніи—Дм. Слободчиковъ".

„Общій тонъ", „глубокое разумѣніе", „ничего кромѣ вреда и усиленія праздности", „придется возиться намъ, земскимъ начальникамъ" и т. д.—всѣ слова эти мною подчеркнуты нарочно.

Не правда ли милыя слова? Каждый самъ можетъ судить по „общему" тону господина земскаго начальника о его идейныхъ и душевныхъ основаніяхъ. Мило и то, что университетъ тутъ приплетенъ зачѣмъ-то, и то, что я, молъ, вотъ преодолѣлъ всѣ его премудрости, а вы еще молокососъ, только-что въ университетъ поступившій. Не къ славѣ университета хвастаются имъ такіе господа, какъ этотъ земскій начальникъ.

Въ ту минуту, подъ вліяніемъ расходившейся крови, я разорвалъ письмо и бросилъ его подъ столъ въ корзинку; но по совѣту добрѣйшаго И. А., я извлекъ его оттуда и, какъ видите, сохранилъ до сихъ поръ.

Теперь вопросъ былъ въ томъ, что̀ же дѣлать. Нарочный, привезшій письмо отъ земскаго начальника, объяснилъ, что столовыя наши всѣ закрыты, и „народъ плачетъ". Я не хотѣлъ вѣрить его словамъ. Но онъ настаивалъ на ихъ справедливости. Тогда мы рѣшили сейчасъ же ѣхать сами въ с. Виловатово разслѣдовать происшествіе на мѣстѣ. Тройка была запряжена, старикъ-солдатъ Коншинъ, нашъ сосѣдъ, ѣздившій съ нами часто за кучера, сѣлъ на козлы, и мы покатили. Только-что мы выѣхали изъ Патровки, какъ встрѣтили еще посланнаго ко мнѣ, на этотъ разъ съ письмомъ отъ самарскаго губернатора. Мы остановились, и я прочелъ письмо:

„Многоуважамый графъ Левъ Львовичъ.—Не признаете ли возможнымъ пріѣхать въ Самару, чтобы путемъ личныхъ со мной переговоровъ выяснить способъ устраненія нѣкоторыхъ неудобствъ, возникшихъ при устройствѣ, по вашему распоряженію, столовыхъ во 2-мъ земскомъ участкѣ бузулукскаго уѣзда. Съ совершеннымъ къ вамъ уваженіемъ—А. Брянчаниновъ".

„Самара.
„21-го мая 92 г.

Это письмо еще болѣе взволновало меня. Конечно, хорошо было бы поговорить со всегда внимательнымъ и справедливымъ ко всѣмъ, а главное, добрымъ Александромъ Семеновичемъ, но мнѣ рѣшительно некогда было, да и казалось, что не такъ уже это было нужно. Я положилъ полученное письмо въ карманъ, и мы поѣхали дальше.

Проѣхавъ верстъ 60 съ короткимъ отдыхомъ, мы пріѣхали въ Виловатово, и съ трескомъ подкатили къ крыльцу дома священника. Высокая фигура Коншина, сидѣвшаго на козлахъ въ красной генеральской фуражкѣ, полученной имъ отъ меня изъ одной партіи присланнаго для голодающихъ, кажется, изъ Варшавы, стараго платья, тройка бойкихъ сѣрыхъ степныхъ лошадей, наши двѣ фигуры,—все это подняло настоящій переполохъ въ селѣ, и бѣдный батюшка, мирно попивавшій чай на балкончикѣ своего дома, увидавъ еще издали нашъ приближавшійся экипажъ, пришелъ въ неописанное волненіе. Мы видѣли, какъ онъ и вся его семья бросились отъ насъ съ балкончика въ домъ, убирая чашки и самоваръ, точно отъ нашествія непріятеля.

Однако черезъ минуту батюшка снова вышелъ къ намъ на встрѣчу изъ дома. Онъ съ своей стороны подтвердилъ о поступкѣ земскаго начальника и тоже сдѣлалъ удареніе на томъ, что земскій *самъ* пріѣзжалъ закрывать наши столовыя. Батюшка былъ скромный и симпатичный человѣкъ,—обыкновенный типъ степного сельскаго священника. Онъ любезно пригласилъ насъ въ домъ и сталъ поить чаемъ. Однако я все еще не могъ успокоиться и чувствовалъ, что въ происшедшей непріятности и столкновеніи съ администраціей мнѣ непремѣнно надо поступить такъ или иначе. Ничего еще, если бы тутъ не были замѣшаны интересы народа, сильно нуждавшагося въ Виловатовѣ, по общему голосу и батюшки, и потомъ всего села; если бы непріятность эта относилась только къ моей личности,—я, можетъ быть, тогда и не обратилъ бы на нее вниманія и похоронилъ бы ее тутъ, но столовыя были закрыты, народъ бѣдствовалъ, у него былъ отнятъ кусокъ хлѣба и кѣмъ же,—тѣмъ, кто приставленъ помогать и блюсти его интересы. Все это было больше, чѣмъ возмутительно. Тогда я прямо изъ Виловатова отправилъ слѣдующую телеграмму самарскому губернатору:

„Самара. Его превосходительству Александру Семеновичу Брянчанинову. Быть въ Самарѣ не считаю нужнымъ. Прошу васъ сдѣлать надлежащія распоряженія къ устраненію и предупрежденію препятствій моему дѣлу частной благотворительности,

которая по существу своему не должна быть стѣсняема и которой Высочайше дозволена свобода дѣйствій.—Левъ Львовичъ Толстой".

Пославъ эту, можетъ быть, молодую и слишкомъ бойкую телеграмму, я немножко успокоился духомъ.

Мы ночевали эту ночь въ Виловатовѣ у знаменитаго знахаря Кузьмича. У него чистая большая изба, скорѣе домъ съ пріемными комнатами, диванами и зеркалами. Самъ онъ старый старикъ, сѣдой и волосатый, ходитъ за пчелами и доживаетъ свои дни съ чувствомъ оскорбленнаго самолюбія и недовольства предъ тѣми, кто эксплуатируетъ его „ефедру".

— Что жъ, ефедра безъ моихъ примѣсей и приготовленій ничего не стоитъ, та же трава,—говорилъ онъ мнѣ съ грустью и жалобой,—надо ее съумѣть въ дѣло произвесть, а такъ она безъ дѣйствія.

Разумѣется, это была неправда. Примѣсь настойки Кузьмича— та же мята или душица, не имѣющая никакихъ особенныхъ чудодѣйственныхъ свойствъ. Но не слѣдовало бы Кузьмичу огорчаться. Слава Богу, онъ богатъ довольно, все у него есть: и домъ, и хозяйство, и деньги. Какой-то англичанинъ, котораго онъ вылечилъ своей настойкой, даже платитъ ему ежегодную пенсію въ сколько-то фунтовъ. Кузьмичъ, видавшій вѣроятно, какъ доктора пробуютъ пульсъ больныхъ, тоже хватаетъ за руку своихъ паціентовъ, но не тамъ, гдѣ пульсъ, а около локтя, при чемъ онъ дѣлаетъ глубокомысленное лицо.

Мы вернулись въ Патровку.

Черезъ два дня, или на другой же день послѣ нашего посѣщенія с. Виловатова, туда явился опять-таки *самъ* земскій начальникъ и *самъ же* открылъ всѣ наши столовыя.

Нужно ли дѣлать комментаріи къ этому единственному, но достаточному по своей характерности, непріятному происшествію, бывшему съ нами за тотъ годъ?

Комментаріи, кажется, излишни. Все же самъ собой просится, вслѣдъ за изложеніемъ этого случая, вопросъ: когда же будетъ конецъ подобному вмѣшательству администраціи въ дѣла частной благотворительности? И когда же у насъ поймутъ, что акое вмѣшательство, какъ незаконное, несправедливое и недоброе ю самому существу дѣла частной помощи, разъ навсегда должно ы быть запрещено? Въ самомъ дѣлѣ, какое право имѣлъ земскій ачальникъ закрывать наши столовыя? Врядъ ли кто отвѣтитъ а этотъ вопросъ.

Его поступокъ могъ произвести лишь лишнюю смуту въ на-

родѣ, лишній разъ разочаровать его въ мѣстномъ начальствѣ и даже возстановить противъ него.

XVIII.

Въ маѣ и началѣ іюня, мы уже стали сокращать число нашихъ столовыхъ во многихъ селахъ; нѣкоторыя закрывались совсѣмъ—по мѣрѣ того, какъ народъ самъ переставалъ нуждаться въ нихъ, уходя на заработки или работая дома, другіе замѣнялись выдачей пищи на дома, что было для народа теперь удобнѣе въ бойкое весеннее время.

Весна и тепло замѣтно подняли общій духъ, и „зеленая трава", о которой мечталъ Нагимъ, произвела свое дѣйствіе.

Всходы пшеницы уже показались, нѣкоторые на хорошихъ земляхъ благопріятнѣе, большинство же на истощенныхъ и къ тому же плохо обработанныхъ земляхъ, конечно, опять не радовало.

Въ іюнѣ я уже началъ отбирать отчеты отъ завѣдывавшихъ столовыми, и, хотя нужда еще далеко не прекратилась, хотя попрежнему постоянно осаждалъ меня народъ съ разными просьбами, и между прочимъ о лошадяхъ,—такъ какъ мы весной купили и по жребію роздали нѣкоторымъ безлошаднымъ купленный нами табунъ лошадей,—я рѣшилъ къ началу іюля, несмотря ни на что, прикончить все дѣло и уѣхать изъ самарской губерніи. Если бы оставаться здѣсь еще сто лѣтъ, и то бы я не отдѣлался отъ толпы просителей. На послѣднія недѣли до новаго урожая въ селахъ, наиболѣе нуждающихся, мы заготовили впередъ запасовъ муки и приварки для столовыхъ, и, такимъ образомъ, могли уѣхать раньше, чѣмъ столовыя наши окончательно закроются.

Вмѣстѣ съ отчетами, которые присылали мнѣ завѣдывавшіе, почти отъ каждаго общества крестьянъ поступали къ намъ благодарности, необыкновенно краснорѣчиво и витіевато написанныя. Но несмотря на это краснорѣчіе, въ нихъ часто проглядывали искреннія и добрыя чувства къ намъ, лучше всего вознаграждавшія насъ за пережитый годъ.

Писали и благодарили насъ также многіе священники, приходамъ которыхъ мы оказывали помощь. Вотъ образчикъ нѣкоторыхъ благодарностей, полученныхъ нами отъ обществъ, отдѣльныхъ крестьянъ и священниковъ. Онѣ явно доказываютъ, вопервыхъ, какъ тепло относится народъ къ людямъ, желающимъ

имъ добра и жалѣющимъ ихъ, и какъ сознательно и вѣрно они понимаютъ дѣятельность нашу, частныхъ лицъ, какъ представителей многихъ другихъ разбросанныхъ по свѣту добрыхъ людей, отозвавшихся на их нужду. Вотъ, напримѣръ, первыя строки благодарственнаго приговора крестьянъ патровской волости, написанныя, ужъ не знаю чьимъ вдохновеніемъ:

„Мы, такіе-то государственные крестьяне, бывъ собраны въ числѣ столькихъ-то домохозяевъ, въ присутствіи нашихъ сельскихъ старостъ, постановили изложить тѣ невыразимыя чувства благодарности, которыя запечатлѣны въ сердцахъ нашихъ“ и т. д. Дальше слѣдуетъ перечисленіе всего того, что̀ было сдѣлано для нихъ нами. Потомъ повторяется: „Поэтому мы считаемъ долгомъ благодарить Бога, не оставившаго насъ въ нашихъ бѣдствіяхъ, и непрестанно возсылать къ Нему теплыя молитвы за тѣхъ *безчисленныхъ благотворителей* нашихъ, въ чьихъ сердцахъ теплится огонекъ божественной любви“ и т. д.

Вотъ еще начальныя и заключительныя слова одной благодарности, полученной нами:

„Имѣемъ честь благодарить васъ за ваше многоцѣнное благодѣйствіе, которое такъ глубоко проникло въ наше чистосердечное мысліе“ и т. д. Въ концѣ слѣдуетъ: „Прошу васъ будьте довольны въ благодарствіи моемъ, хотя отъ малой части моего неразвитаго смысла и изъ глубины моего чувства“.

Вотъ еще образчикъ благодарственнаго письма:

„Благодарность благодѣтелю нашему, помянувъ Господа нашего Іисуса Христа и государя нашего Александра III Александровича во первыхъ строкахъ нашего письма, благодаримъ тебя Левъ Львовича Толстого за твое попеченіе и духа горѣніе къ намъ голодающимъ“ и т. д.,—очень длинно и все въ томъ же родѣ, все такъ же тепло и чувствительно.

Вотъ еще нѣсколько:

„По своей крайней нуждѣ, мы, Уткинъ, изволили васъ просить ваше сіятельство Левъ Львовичъ; вашимъ сожалѣніемъ вы сожалѣли насъ, въ нашей болѣзни не оставили, и произведена была дочь наша Анна въ больницу. За сіе сердечно благодаримъ васъ и всѣхъ могателей нашихъ, которые щедро и любезно и осторожно обращались съ нами, какъ мать со своими дѣтьми. Еще, мы, Уткинъ, благодаримъ васъ“ и т. д.

Не правда ли очень характерно? Я не выдумываю. Такъ и написано въ прошеніи:

„Мы, Уткинъ“... выраженіе, повторяющееся нѣсколько разъ.

Начало слѣдующаго приговора дышетъ необыкновенной правдивостью и прямо трогательно:

„Отъ искренняго неподдѣльнаго сердца, приносимъ вамъ благодарность въ простотѣ нашего мужицкаго невѣжественнаго обхожденія, но съ духомъ такой радости, что мы всѣ не можемъ удержаться отъ душевнаго умиленія".

Было бы слишкомъ долго перечислять всѣ тѣ безчисленныя посланія, которыя мы получали за тотъ годъ. Хотя жаль мнѣ, что многія такъ и не вошли въ эти записки. Тѣмъ не менѣе читатель видитъ по нимъ, до какой степени чутокъ и добръ народъ, когда онъ чуетъ искреннее и чистое желаніе наше помочь ему, когда подходишь къ нему единственно съ этой цѣлью. Не разъ трогали меня до слезъ „мужицкія невѣжественныя отъ мужицкаго простого сердца" слова и мужицкія слезы, не разъ я умилялся вмѣстѣ съ ними, сознавая всю ихъ горемычную долю, сознавая всю важность этой ихъ доли и страданій. И эти минуты близости духовной съ народомъ остались и останутся навсегда самымъ лучшимъ и дорогимъ для меня воспоминаніемъ. Эти открытыя, полныя довѣрія, лица, смотрящія на тебя, отсутствіе всего мѣшающаго этому довѣрію и общенію между нами, эта постоянная радость сознанія несомнѣнно нужнаго дѣла,— все это было возможно тогда, во-первыхъ, по моему тогдашнему возрасту и настроенію; во-вторыхъ, по той свѣжести народа, среди котораго я жилъ и отношенія его ко мнѣ не какъ къ барину, а какъ къ человѣку; въ третьихъ, благодаря неиспорченному отношенію моему къ этому народу, а его прошлаго я не зналъ, и видѣлъ только его горькое настоящее. Удивительна эта психологія! Отчего здѣсь, въ Ясной Полянѣ, напримѣръ, хотя я уже не тотъ и никогда не буду такимъ, какимъ былъ въ Самарѣ,—отчего здѣсь я не вижу и не хочу видѣть той нужды, которую видѣлъ и искалъ тамъ? Положимъ, нужды здѣсь меньше, но все же она всегда есть. Можетъ быть, если привезти какого-нибудь пламеннаго самарца къ намъ въ Тулу, онъ ужаснется передъ тульской бѣднотой, къ которой мы привыкли?

Профессоръ пражскаго университета, Массарикъ, былъ у отца въ Ясной Полянѣ. Отецъ повелъ его гулять и, какъ всегда водилъ иностранцевъ, по деревнѣ. Войдя въ избу, не изъ бѣдныхъ, Массарикъ не могъ вынести вида ея бѣдности. Онъ выскочилъ на улицу и заплакалъ. А отецъ, кажется, нарочно выбралъ избу достаточную, чтобы не слишкомъ поразить профессора. Что̀ же это такое? Отчего мы чужую, отдаленную отъ нашихъ жизней, нужду видимъ яснѣе, а того, что̀ предъ глазами, не видимъ? Отъ

привычки, конечно, только отъ одной этой привычки. И этимъ объясняется та странная психологія благотворительности, о которой упомянуто, состоящая въ томъ, что мы рѣдко помогаемъ тамъ, гдѣ родились, гдѣ живемъ, а всегда ищемъ и видимъ горе и страданія гдѣ-нибудь на сторонѣ, далеко отъ насъ, тогда какъ люди, стоящіе вблизи тѣхъ ужасовъ, которые мы видимъ, сами не видятъ ихъ, но зато видятъ тѣ, что̀ среди насъ...

Съ установившейся теплой и сухой весной, количество болѣзней вокругъ насъ стало сильно сокращаться. Лежали еще тифозные и на домахъ, и въ нашихъ больницахъ, но новыхъ заболѣваній не было. Лежалъ между прочими въ тифѣ врачъ Т., въ с. Гавриловкѣ. Кризисъ уже кончился, и онъ медленно выздоравливалъ. Я не разъ посѣщалъ его. У него послѣ болѣзни и съ началомъ выздоровленія совершенно пропала способность управлять своимъ голосомъ. Такъ, напримѣръ, когда онъ иногда подзывалъ къ себѣ своего товарища врача Г., то кричалъ такъ, что было слышно въ слободѣ за рѣчкой.

— Вася, а Вася!

Вася подходилъ къ нему изъ другой половины избы и тихо спрашивалъ, что̀ нужно.

— Дай попить,—кричалъ такъ же дико врачъ Т.

— Да что̀ ты орешь-то?—сдерживая улыбку, говорилъ ему милый нашъ Вася Г., сильно утомившійся и спавшій съ тѣла за время голода:—я слышу.

Вообще всѣ мы, „интеллигенты", жившіе на голодѣ, порядочно-таки спали съ тѣла, и, по правдѣ сказать, съ весной уже временами тяготились нашимъ дѣломъ. Но выѣдешь въ степь верхомъ, и опять хорошо станетъ на душѣ.

Мы часто выѣзжали такъ вдвоемъ съ врачемъ Г. и ѣздили на хуторъ Б. Въ степи воздухъ такъ и лѣзетъ въ грудь—цвѣты, просторъ, красота. Мы пустимъ, бывало, лошадей въ карьеръ и летимъ такъ нѣсколько верстъ; потомъ остановимъ ихъ и поѣдемъ рядомъ шагомъ и запоемъ въ два голоса: „Не искушай"... Г. пѣлъ хорошо, я могъ только вторить ему какъ умѣлъ.

На хуторѣ Б. уже были кумысники, и мы пили съ ними кумысъ. Добрый Б. съ самаго начала „зеленой травы", желая поправить мое здоровье, присылалъ намъ съ хутора ежедневно четверть кумыса, которую мы распивали въ Патровкѣ. Но кумысъ, по-моему, только поправляетъ временно здоровье человѣка; послѣ того наступаетъ реакція, и затѣмъ организмъ уже не такъ крѣпокъ и устойчивъ. Я думаю, что настанетъ день,

когда кумысъ будетъ признанъ медициной явно вреднымъ средствомъ, какъ вредны всѣ палліативы.

Но довольно отступленій, довольно записокъ вообще,—перехожу къ послѣднему событію нашего пребыванія на голодѣ, къ нашему отъѣзду изъ Патровки.

Въ началѣ іюля, всѣ отчеты мои уже были получены, я самъ составилъ нашъ общій отчетъ для напечатанія его въ газетахъ, и вотъ можно было скоро оставить самарскую губернію.

Повторяю,—хорошъ ли или плохъ ожидался будущій урожай, но я не могъ больше ни физически, ни нравственно, заниматься нашимъ дѣломъ и долженъ былъ его прекратить. А урожай ожидался средній.

Мы назначили день отъѣзда. Узнавъ объ этомъ, патровское волостное общество захотѣло проводить насъ съ честью. Б. передалъ намъ это. Онъ сказалъ, что патровскіе старики просятъ насъ передъ отъѣздомъ принять ихъ хлѣбъ-соль. Я спросилъ, можно ли обойтись безъ этого, но Б. нашелъ, что это было бы неловко. Мы согласились. Въ чемъ же состояли эти наши проводы? Когда лошади уже были запряжены и стояли наготовѣ, передъ воротами, толпа народа собралась вокругъ нашей избы. Принесли откуда-то столикъ и поставили его на улицѣ передъ нашей дверью. Столикъ накрыли бѣлой скатертью и поставили на него нѣсколько бутылокъ пива. Тутъ же положили большой пшеничный хлѣбъ и поставили соль въ солонкѣ. Собрались старики во главѣ со старшиной, старостами и такъ-называемыми „богатѣями", тѣми же нашими знакомцами молоканами, Василіемъ Коншинымъ, Симономъ и Христофоромъ. Когда мы вышли изъ избы, старики пригласили насъ къ столу, и мы всѣ сѣли. Старшина, потомъ другіе мужики стали изъявлять намъ свою благодарность отъ лица всего общества. Было очень неловко. Мы повторяли ту же фразу: „не насъ благодарите, а добрыхъ людей". Мужики повторяли свое: „кабы не вы, такъ" и т. д.

Потомъ мы стали прощаться. Толпа народу теперь еще прибавилась и заполнила всю улицу и площадь. Мы простились со всѣми нашими отдѣльными знакомыми и сѣли въ плетушку. Только теперь толпа загудѣла, произнося добрыя пожеланія и слова благодарности. Коншинъ въ своей красной фуражкѣ тронулъ лошадей, и мы покатили, махая фуражками народу, который кланялся и бѣжалъ за нами все село вплоть до самаго поля...

Въ городѣ Самарѣ мнѣ пришлось видѣть только отголосокъ этого голода, несомнѣнное послѣдствіе его.

Я посѣтилъ холерную больницу за городомъ. Мнѣ интересно было взглянуть на холерныхъ больныхъ, которыхъ я никогда не видалъ, и испытать, насколько мнѣ будетъ непріятно близко видѣть ихъ.

У входа въ больницу меня опрыскали чѣмъ-то. Въ палатахъ лежало нѣсколько сотъ больныхъ разныхъ степеней. Но они мнѣ не показались такими ужасными, какими представлялись раньше. Одни уже выздоравливали, лежа на кроватяхъ; другіе корчились въ судорогахъ и спазмахъ, и ихъ растирали щетками фельдшера; третьи сидѣли на кроватяхъ. Только при выходѣ изъ больницы я увидѣлъ наглядно значеніе того, что̀ дѣлалось внутри ея. Къ воротамъ подъѣхало три воза, полныхъ до верха досчатыми гробами. Сторожъ сказалъ мнѣ, что часовня и мертвецкая полны труповъ, которыхъ десятками отвозили ежедневно прямо на кладбище.

У насъ въ патровской волости и вообще внутри бузулукскаго уѣзда были пока еще только единичные случаи заболѣваній. По берегамъ Волги и въ городахъ холера была сильнѣе. Позднѣе она проникла и внутрь губерніи, и многіе изъ моихъ бузулукскихъ знакомыхъ стали ея жертвами.

XIX.

Переживъ голодный годъ, невольно хотѣлось всякому изъ насъ, близко соприкасавшихся съ голодавшимъ народомъ, отвѣтить на слѣдующіе два основныхъ вопроса. Первый: почему русскій народъ такъ часто голодаетъ? Второй: какъ сдѣлать, чтобы эти голодовки его прекратились?

Если отвѣтить на первый вопросъ, отвѣтъ на второй вытечетъ изъ перваго самъ собой. Попытаемся же прежде всего отвѣтить на этотъ первый, главный вопросъ, насъ интересующій.

Изъ записокъ моихъ отчасти уже вытекаетъ отвѣтъ на него, по крайней мѣрѣ для меня, отвѣтъ общій, который всякому, мало-мальски знающему жизнь нашего народа, ясенъ и знакомъ. Этотъ отвѣтъ заключается въ томъ, что народъ нашъ бѣдствуетъ прежде всего отъ своей темноты, заброшенности, отъ того, что онъ слишкомъ мало знаетъ, слишкомъ мало культуренъ, что мы его забыли.

Этотъ отвѣтъ невольно возникалъ передо мной послѣ пережитаго голоднаго года, и потому-то, мнѣ кажется, что онъ долженъ вытекать самъ собой также и изъ этихъ записокъ, какъ изъ отраженія того года. Но, если внимательнѣе вдуматься въ

положеніе и жизнь народа, окажется, что не одно просвѣщеніе ему нужно, не отъ одной только некультурности и первобытности своей онъ страдаетъ, а еще и отъ другихъ причинъ. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ стѣсненность народа, неимѣніе у него необходимой для движенія впередъ свободы, неимѣніе для этого никакихъ точекъ опоры. Поэтому второй, одинаковой важности съ первымъ, отвѣтъ на вопросъ, поставленный выше, почему народъ голодаетъ, заключается въ томъ, что у народа нашего, кромѣ тьмы и некультурности его, нѣтъ достаточно необходимой гражданской свободы. Изъ этихъ двухъ основныхъ отвѣтовъ на вопросъ слѣдуетъ все остальное. Изъ нихъ же слѣдуютъ и понятны также отвѣты на второй вопросъ, что̀ нужно для прекращенія нашихъ голодовокъ.

Первое, что̀ нужно для этого,—это дарованіе окончательной свободы народу, второе—просвѣщеніе его. И изъ этихъ двухъ, важнѣйшихъ средствъ, обнимающихъ собой всѣ остальныя, для поднятія уровня народной жизни, неизвѣстно еще, которому изъ нихъ нужно отдать предпочтеніе. Они такъ тѣсно связаны между собой, одно настолько содѣйствуетъ другому и вызываетъ его за собой, что довольно трудно ясно разграничить ихъ. Эти два условія для благополучной общественной жизни человѣка тоже, что̀ воздухъ и свѣтъ для растенія. Чѣмъ больше у него свѣта, тѣмъ больше растетъ оно, и тѣмъ больше поглощаетъ въ себѣ кислорода,—и наоборотъ. Но изъ этихъ двухъ элементовъ свѣта и воздуха все же послѣдній занимаетъ первое мѣсто. Безъ свѣта, и растеніе, и человѣкъ, могутъ прожить нѣкоторое время,—безъ воздуха они погибаютъ сейчасъ же. Поэтому, хотя свобода и просвѣщеніе связаны между собой неразрывно, но надо прежде всего обратить вниманіе на первое, на недостатокъ общественнаго воздуха у нашего крестьянина—и съ этого начать.

Всякому мыслящему и безпристрастному человѣку, желающему блага народа, понятно и извѣстно, въ чемъ прежде всего стѣсненъ мужикъ.

Онъ стѣсненъ прежде всего своимъ общиннымъ владѣніемъ, изъ котораго у него выхода нѣтъ; во-вторыхъ, стѣсненъ онъ тѣмъ, что у него нѣтъ достаточныхъ правъ и законовъ, на которые онъ могъ бы опереться. Вотъ тѣ два основныхъ и несомнѣнныхъ стѣсненія нашего крестьянина, которыя крѣпко держатъ его въ косности и темнотѣ.

Обладаніе правомъ вообще, правами на землю, какъ на личную собственность въ частности, это—тотъ главный рычагъ, посредствомъ котораго человѣкъ поднимается на первую ступень

общественнаго развитія, на какую неминуемо долженъ стать и нашъ крестьянинъ,—на ступень гражданственности. Иначе, ему нѣтъ движенія.

Поэтому безъ личнаго крестьянскаго землевладѣнія, безъ перехода сознанія нашего народа отъ стаднаго къ принципу личному, мы не можемъ двинуться впередъ, не могутъ и крестьяне наши почувствовать себя полноправными гражданами.

Молокане въ селѣ Патровкѣ, да и все тамошнее крестьянство, находили и находятъ до сихъ поръ, что причина голодовокъ частыя и сильныя засухи. Но стоитъ только посмотрѣть или знать, какъ переносятъ тѣ же засухи культурныя земледѣльческія страны, и не только страны, но отдѣльныя мѣстности, даже у насъ въ Россіи, чтобы убѣдиться, что культурно обработанныя пашни и такой же раціональный уходъ за ними не знаютъ засухъ. Эти пашни орошены, защищены лѣсами, оттѣнены плодовыми деревьями, разумно воздѣланы машинами, засѣяны, подходящими мѣсту и климату, хорошими сѣменами. Хозяева этихъ пашенъ смотрятъ на землю не такъ, какъ наши мужики. Для нихъ не земля ихъ кормилица-матушка, а они сами ея кормильцы-батюшки, они отдаютъ ей часть того, что̀ берутъ изъ нея, ухаживаютъ за ней и тогда только ждутъ отъ нея урожая. А у насъ?

Мы видѣли, какъ до сихъ поръ сѣютъ въ самарскихъ степяхъ пшеницу подъ борону и надѣются, что „Господь все-таки уродитъ“. Мы видѣли голыя открытыя степи и среди нихъ, въ 20—40 верстномъ разстояніи другъ отъ друга, громадныя, скученныя и нищія села въ 400—600 дворовъ. Чего же больше? Развѣ не ясно послѣ этого то, что̀ нужно намъ, чтобы перейти отъ всей этой неразумной, темной жизни и обстановки, отъ этихъ нелѣпыхъ первобытныхъ пріемовъ хозяйства—къ болѣе разумнымъ, культурнымъ?

Это должно быть ясно каждому. Ясно и естественно, что для такого перехода прежде всего нужна свобода личности крестьянина, нужны права ему на землю, и затѣмъ уже знанія, могущія руководить имъ. Ясно и естественно, что нельзя хорошо обработать пашню за 30 верстъ разстоянія отъ жилья, да еще разбитую на 20 и больше кусковъ. Нельзя, да и охоты нѣтъ! Ясно, что для того, чтобы это стало возможно, нуженъ переходъ отъ общиннаго хозяйства къ хуторскому, подворному и непремѣнно личному. Этотъ переходъ незамѣтно и медленно уже совершается въ нашихъ степяхъ, какъ и въ среднихъ губерніяхъ; но онъ, стѣсненный и задерживаемый всячески извнѣ,

еще не сталъ тѣмъ общимъ неизбѣжнымъ русскимъ явленіемъ, до котораго доживутъ слѣдующія поколѣнія. Но путь несомнѣнно —этотъ самый.

Говорятъ, что нужда нашего народа зависитъ не отъ матеріальныхъ, а отъ духовныхъ причинъ, что для того, чтобы устранить нужду, надо прежде всего поднять духъ народа.

Конечно, это такъ, но все-таки не совсѣмъ.

Какъ же поднять этотъ упавшій духъ народный? Вотъ что̀ всего интереснѣе. Для этого нужно устранить тѣ же матеріальныя причины и стѣсненія, вслѣдствіе которыхъ упалъ духъ.

Значитъ, отчего же нужда?

Отъ внѣшней, т.-е. матеріальной стѣсненности народа, отъ причинъ матеріальныхъ, а потомъ уже и отъ духовныхъ.

Духовный упадокъ народа, это—не причина нужды, а слѣдствіе ея. Причиной же является несомнѣнно та внѣшняя затрудненность и недостаточность воздуха у нашего крестьянства, о которыхъ сказано.

Очевидно, что какъ ни поднимай духъ народа, оставляя его въ прежнихъ, стѣсненныхъ, внѣшнихъ условіяхъ, врядъ ли можетъ улучшиться его матеріальное благосостояніе, о которомъ идетъ рѣчь.

Посадите американца, свободнаго духомъ, въ нашу общину—міръ, съ нашими законами и порядками, онъ, какъ ни будь свободенъ духомъ, непремѣнно потеряетъ эту духовную свою свободу подъ давленіемъ внѣшнихъ затрудненій.

Значитъ, надо искать причинъ нашей нужды не во внутреннихъ, а прежде во внѣшнихъ условіяхъ народной жизни, и мнѣ кажется, тогда скорѣе мы придемъ къ разрѣшенію занимающихъ насъ вопросовъ первостепенной важности.

Говорить, что нужда народная происходитъ отъ духовныхъ причинъ, все равно, что говорить: больной, умирающій отъ недостатка воздуха и свѣта, умираетъ отъ того, что онъ палъ духомъ. Онъ палъ духомъ отъ того, что у него нѣтъ свѣта и воздуха, нѣтъ достаточнаго притока кислорода въ легкія, и недостаточно сильно его кровообращеніе и біеніе его сердца. А не обратно, то-есть, не отъ того у него нѣтъ воздуха и слишкомъ слабо его кровообращеніе, что онъ палъ духомъ. Mens sana in corpore sano.

Конечно, эти двѣ стороны крѣпко слиты другъ съ другомъ, какъ въ жизни отдѣльной личности человѣка, такъ и въ жизни общества.

Гдѣ начинается вліяніе и воздѣйствіе одной, и гдѣ другой—трудно опредѣлить.

Вопросъ зависимости духа отъ матеріи, и обратно—представляетъ одинъ изъ самыхъ мудреныхъ и далеко неразрѣшенныхъ вопросовъ жизни.

Несомнѣнно, однако, что столь же ошибочно забывать о сторонѣ и условіяхъ духовныхъ, сколько о внѣшнихъ, матеріальныхъ, какъ въ данномъ, такъ и въ другихъ вопросахъ.

Отсутствіе свободы личности, незнаніе своихъ правъ и законовъ, община съ ея порядками, всѣ внѣшнія тяжелыя условія нашего крестьянства, представляютъ, конечно, матеріальныя, а не духовныя причины, держащія его въ постоянной нуждѣ и косности. На эти-то условія и надо обратить вниманіе. Тогда и духъ народа поднимется и проснется его энергія.

Дайте, кромѣ свободы, еще одно великое орудіе культуры въ руки народу, дайте его вволю, щедро и не скупясь,—просвѣщеніе, и вамъ не придется больше заботиться о крестьянинѣ.

Л. Толстой-сынъ.

15-го марта 1899 г.
Ясная Поляна.

ВТОРОЕ ПОКОЛѢНІЕ

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе.

XVI *).

Константинъ Гавриловичъ Асанинъ, владѣлецъ „Плоскаго“, былъ образцовый семьянинъ и хозяинъ отмѣнный. И въ домѣ, и въ имѣніи, всѣ у него ходили по стрункѣ—отъ жены до послѣдней работницы. И всѣ они при этомъ вовсе даже не примѣчали, какъ твердо были натянуты вожжи въ его умѣлыхъ рукахъ. Деспотомъ не назвалъ бы его никто. И супруга его, Татьяна Васильевна, довольно-таки взбалмошная и своенравная особа, въ присутствіи мужа становилась какъ шолковая, хотя за цѣлую четверть вѣка ихъ совмѣстнаго счастія—они только-что отпраздновали серебряную свадьбу—Константину Гавриловичу ни разу не случилось возвысить голосъ, чтобы усмирить не совсѣмъ кроткій нравъ своей половины. Весь секретъ безграничной власти Асанина заключался въ томъ, что онъ всегда хотѣлъ одного и того же, и съ самаго дня, когда женился и сталъ хозяйничать въ „Плоскомъ“—а случились эти два событія одновременно—никогда не отступался отъ принятой программы. Зато и не жаловался онъ на жизненныя невзгоды и на сельско-хозяйственный кризисъ, на своенравіе природы и людей. Сыновей у него не было, но зато судьба наградила его тремя дочерьми. И даже такой урожай на потомство женскаго пола не

*) См. выше: іюнь, стр. 457.

причинялъ ему обычныхъ треволненій. Старшей дочери, Вѣрѣ, минуло двадцать-четыре, и она обѣщала навѣки остаться старой дѣвой, но смирялась передъ этой грустной перспективой и безъ всякой затаенной горечи вся отдалась благотворительности, правда, скорѣе отъ скуки, чѣмъ отъ природнаго милосердія. Вторая, Соня, была годомъ старше Наташи Богушевской, обладала большимъ музыкальнымъ талантомъ и считалась красавицей. Наперекоръ сестрѣ, эти богатые дары внушали ей очень высокое мнѣніе о себѣ и побуждали считать себя обиженной, когда передъ ея совершенствами кто-нибудь не повергался ницъ. Младшая, Надя, рѣзвый, хоть и некрасивый подростокъ, съ неправильными смугловатыми чертами и быстрыми глазенками, ходила въ коротенькихъ платьицахъ и шалила ужасно. Съ тѣхъ поръ какъ Богушевскіе поселились въ „Плоскомъ", всѣмъ тремъ барышнямъ казалось, что стало имъ необыкновенно весело. Лёва былъ невольнымъ предметомъ тайныхъ грезъ серьезной Вѣры, смѣнявшихся припадковъ жестокаго кокетства и притворнаго равнодушія Сони, и безпрестанныхъ поддразниваній Нади. Молодой инженеръ принималъ всѣ эти разновидности женскаго поклоненія съ невозмутимымъ хладнокровіемъ. Немудрено, что три сестры хоть и ничего не знали про его ухаживанія за Леночкой, возненавидѣли ее съ тѣмъ безошибочнымъ женскимъ чутьемъ, которое догадывается о соперницѣ вѣрнѣе, чѣмъ лягавая собака о присутствіи дичи.

Въ знойный іюньскій полдень обитатели „Плоскаго" только-что успѣли отзавтракать, Лёва сидѣлъ на качеляхъ подъ тѣнью старинныхъ липъ, а три барышни Асанины, вмѣстѣ съ Леночкой, составляли вокругъ него плѣнительно смѣющуюся группу. Онъ спокойно наслаждался завидной ролью избалованнаго любимца и съ развязною небрежностью тихо покачивался, снисходительно роняя насмѣшливыя замѣчанія.

Вѣра съ связкою ключей въ рукѣ вотъ уже цѣлыя десять минутъ какъ все собиралась пойти по хозяйству и не уходила. Соня, обнявшись съ Леночкой, притворно ласкалась къ ней, а сама глядѣла темнѣе ночи. Надя взобралась на толстый липовый сукъ и болтала ножками.

— Такъ вотъ-съ, какъ же вы порѣшите, очаровательныя барышни,—усиленно пуская дымъ изъ папироски, небрежно говорилъ Лёва.—Верхомъ поѣдемъ, или въ лодкѣ? Или никуда не отправимся, какъ третьяго дня, и будемъ киснуть въ нерѣшительности?

— Жарко что-то,—томно замѣтила Соня.

— Я уроки должна готовить,—объявила Надя и тутъ же спустилась на землю, причемъ оборвала платье о сукъ.

— Какая ты неловкая,—кисло замѣтила ей Вѣра.—Мнѣ надо счеты сводить за прошлый мѣсяцъ,—добавила она, обращаясь къ Лёвѣ.

— Вотъ видите,—засмѣялся тотъ:—у всѣхъ есть занятія.

А на самомъ дѣлѣ никакихъ уроковъ Надя готовить не станетъ, во-первыхъ, потому, что ей лѣнь, а во-вторыхъ, потому что она лучше любитъ мечтать, когда ей надѣнутъ длинное платье и станутъ за ней ухаживать.

— Соня... Ахъ, нѣтъ, Софья Константиновна, извините, я все забываю, что вы большая.—Соня... Ну, все равно, на этотъ разъ сойдетъ! хоть она и увѣряетъ, что ей жарко, а предложи ей играть въ горѣлки, сейчасъ пустится бѣжать, что̀ дастъ ей возможность показывать свои хорошенькія ножки.

— Вотъ еще, стану я въ горѣлки играть,—запротестовала Соня и сердито отняла руку, обвивавшую станъ Леночки.

— А Вѣра Константиновна,—невозмутимо продолжалъ молодой человѣкъ,—хоть она особа пресерьезная и вѣчно занята хозяйствомъ, больными и еще разными скучными предметами, вотъ ужъ полчаса, какъ стоитъ здѣсь, забывая о своихъ обязанностяхъ.

— Я ухожу,—объявила Вѣра, не трогаясь съ мѣста.

— И прекрасно сдѣлаете. Я ухожу тоже.

Лёва спустился съ качели и принялся застегивать китель.

— Чѣмъ время терять, лучше возьмусь за книги. А коли что-нибудь придумаете, пошлите за мной посольство. Ну, хоть Елену Өедоровну пошлите, которая пока ничего не сказала. Ну, а вы,—обратился онъ къ ней,—что̀ придумали: верхомъ, или въ лодкѣ?

— Я думаю, мы съ братомъ уѣдемъ,—потупясь, отвѣтила Леночка.

— Ну, это вздоръ! Останетесь здѣсь и отобѣдаете. А вечеромъ увидимъ, до чего-нибудь додумаемся. Брату вашему и въ голову не приходитъ уѣзжать. Смотрите, вотъ онъ преважно толкуетъ о серьезныхъ матеріяхъ съ Григоріемъ Александровичемъ и съ моей сестрой.

Въ самомъ дѣлѣ, къ нимъ приближалось со стороны дома цѣлое общество: Наташа, Смолинъ съ своимъ отцомъ и Алеша Макшеевъ.

— Такъ до свиданія-съ. Предоставляю вамъ наслаждаться свѣжестью раскаленнаго воздуха и отправляюсь заниматься.

— Богушевскій, ты куда?—обозвалъ его подходившій Николай Смолинъ, когда Лёва сдѣлалъ уже нѣсколько шаговъ по направленію къ дому.

— Въ свою берлогу погружаться въ науку,—отвѣтилъ тотъ, ускоряя шагъ.

— А вы съ нами? — спросила у молодыхъ дѣвушекъ Наташа.—Мы въ лѣсъ идемъ.

— Не знаю, право,—нерѣшительно отвѣтила Соня и почему-то оглянулась, точно спрашивая совѣта у невозмутимаго голубого неба, ярко сіявшаго сквозь безмолвную, неподвижную листву.

— Она загорѣть боится, — замѣтила Надя. — И совсѣмъ напрасно, загаръ къ тебѣ очень идетъ.

Соня сдѣлала гримасу и неохотно присоединилась къ прочимъ, взявъ Наташу подъ-руку. Было что-то преувеличенно-лѣнивое въ ея походкѣ. Отправилась съ ними и Надя, забывъ про свои уроки. Вѣра извинилась своими неотложными обязанностями хозяйки.

Мужчины шли впереди, разговаривая, барышни понемногу отставали. Соня дулась на то, что скрылся Лёва, а двое другихъ молодыхъ людей не обращали на нее вниманія. Она удерживала Наташу, принявшись болтать съ ней съ притворнымъ оживленіемъ и хорошо зная, что ее тянетъ послушать, что̀ говорилъ Алешѣ Макшееву Смолинъ-отецъ.

— Да,—говорилъ онъ,—я совсѣмъ теперь приросъ къ своей раковинѣ и не хочется мнѣ больше изъ нея выходить. Не мудрено, что молодежи это не нравится. И моему Колѣ здѣсь не сидится. Тѣсно, мелко въ деревнѣ кажется вамъ, молодымъ людямъ. Земство, возня съ хозяйствомъ—все это муравьиная работа. И того въ разсчетъ вы не принимаете, сколько въ природѣ создано крупнаго мельчайшими существами, которыя иной разъ и простому глазу-то незамѣтны. Вы все ищете вырваться изъ родного угла, да въ широкое море пуститься. А кто знаетъ еще, не захлебнетъ ли васъ тамъ волна? Жизнь-то нами строится, домосѣдами, муравьями.

И онъ добродушно засмѣялся. Удивительно пріятный, прямо даже изящный былъ у него смѣхъ. Ни капли горечи не чувствовалось въ его мягкой ироніи. Любилъ онъ свой деревенскій уголъ вполнѣ искренно. И на неподвижность раковины совсѣмъ не походила его долголѣтняя, хоть и скромная дѣятельность.

— Вы все,—продолжалъ онъ,—отъ внѣшняго міра впечатлѣній ищете, а мы, старики, привыкли изнутри себя наматы-

вать свой клубокъ. Повѣрите ли, я вотъ и за границей-то не бывалъ никогда. Не хитрая была, кажется, штука исполнить завѣтную мечту и на свѣтъ Божій посмотрѣть. А вотъ пришлось однѣми книгами пробавляться, и въ мысляхъ рисовать себѣ то, чего увидѣть не удалось. И много насъ такихъ было когда-то—влюбленныхъ въ западную культуру и знавшихъ ее только по наслышкѣ, какъ сказочную красавицу. Вѣдь настоящая-то любовь, пожалуй, та, предметъ которой мы видѣли только въ своемъ воображеніи.

Григорій Александровичъ говорилъ правду. Проживъ почти безвыѣздно въ деревнѣ, онъ зналъ искусство и поэзію запада лучше, быть можетъ, тѣхъ, кто много лѣтъ толкался по Европѣ.

— Правда и то, что теперь не зачѣмъ сидѣть въ своемъ гнѣздѣ, на то слишкомъ ужъ открыты дороги на всѣ стороны. И оттого столько, можетъ быть, людей, не знающихъ хорошенько, по какой изъ этихъ дорогъ имъ пойти. Дѣла сколько угодно, только никто изъ теперешней молодежи этого дѣла хорошенько не любитъ, какъ мы свое любили. Или вы думаете, безъ этой самой любви удалось бы намъ тридцать-пять лѣтъ назадъ уставныя грамоты вводить и „порвать цѣпь великую“ такъ, чтобы не слишкомъ больно пришлось ни мужику, ни барину? Оглянитесь теперь кругомъ: и мужикъ свободенъ давно, и желѣзныхъ дорогъ настроили, и банки завели, и хозяйство знаемъ, и разбогатѣли мы страшно—за мильярдъ бюджетъ перевалилъ, а все трещитъ по швамъ. У свободнаго мужика послѣднюю коровенку продаютъ, а баринъ закладываетъ да закладываетъ по сходной цѣнѣ свою земельку... Не видимъ мы даже передъ собой ничего впереди, ничего не желаемъ, никуда не стремимся. Только умѣемъ Христа ради у казны милостыни просить. И созови насъ туда, на невскія болота, всѣ, чего добраго, пойдемъ въ разбродъ и все сведемъ на какія-нибудь копѣйки. Да изъ-за нихъ еще передеремся. А отчего такъ? Оттого, что самой этой любви въ насъ больше нѣтъ. Нѣтъ главнаго,—ясно сознанной цѣли... А тогда вѣдь только, когда она есть, эта цѣль, все остальное приложится, какъ сказано въ евангеліи. Да, вмѣсто одного яркаго маяка среди открытаго моря, блуждающіе огни пошли по болотамъ.—Что, Коля, голову повѣсилъ?—обратился онъ къ сыну. —Развѣ не правда?

— Любви одной недостаточно, надо вѣрить, — проговорилъ какъ бы нехотя Смолинъ, не глядя на отца.

— А! еще бы! „Умъ изсушили мы наукою безплодной“... Это давно вѣдь сказано, сказано даже не про мое поколѣніе.

А вотъ оправдывается-то оно теперь. И вотъ какъ утрата вѣры за себя мститъ. Къ тому дѣло приходитъ, что въ самомъ знаніи усомнились. И что̀ же тогда останется?

— Красота, — вполголоса отвѣтилъ ему сынъ. — Она насъ къ вѣрѣ и приведетъ.

— Хороша красота! Причудливыя грезы испорченнаго вкуса! Болѣзненныя мечты изнуренной фантазіи, какъ бываетъ болѣзненный аппетитъ у изнуреннаго желудка. Нѣтъ, братъ, нѣтъ, ты самъ вотъ говоришь, что добрый человѣкъ тогда только и хорошъ, когда онъ вдобавокъ и крѣпкій, а не хочешь понять, что безъ узды нравственнаго долга человѣкъ не свободу находитъ себѣ, а только блужданіе безъ цѣли.

Алеша слушалъ молча, и въ его разгорѣвшемся взглядѣ ясно читалось живое сочувствіе тому, что̀ говорилъ старикъ. Тепломъ на него вѣяло и отъ словъ Григорія Александровича, и отъ мягкаго взгляда его умныхъ глазъ, въ которыхъ умъ не потушилъ отзывчивой доброты. И весь онъ, этотъ старикъ, съ своими тонкими, будто выточенными чертами, казался ему воплощеніемъ минувшаго, съ его любовью къ идеалу, съ его неугасимымъ культомъ изящнаго.

— Ты говоришь, блужданіе безъ цѣли, — тихо возразилъ отцу Николай Смолинъ.—А можетъ быть это „блужданіе", какъ ты его называешь, лучше самой цѣли. Можетъ быть, въ немъ-то счастье и есть.

— Полно!—голосъ старика теперь почти зазвенѣлъ. И тонкими пальцами онъ взялъ сына за плечо—молодая сила чувствовалась въ этихъ старческихъ пальцахъ.

— Полно, не клевещи на себя. А если ты въ самомъ дѣлѣ такъ думаешь—стыдись! Насъ обвиняли когда-то, что намъ воли не хватаетъ выполнить свою задачу. Но въ задачѣ этой мы не сомнѣвались. Вы насъ перещеголяли, васъ никуда не тянетъ и раздвоеніе у васъ не въ одной только волѣ, оно заразило и голову и сердце. Вы точно гуляете по жизни. А жизнь не прогулка—жизнь трудъ, упорный трудъ. И въ немъ самомъ, въ этомъ трудѣ должна быть радость и счастье. Вотъ смотри!—онъ взглянулъ на Алешу:—товарищъ твой меня понимаетъ, вижу по его глазамъ. Да, молодой человѣкъ, —обратился онъ уже прямо къ Алешѣ,—нужды нѣтъ, что вы здѣсь пришлый, можетъ быть, старое дерево разучилось побѣги пускать и нужна къ нему свѣжая прививка.

— Ахъ, — воскликнулъ Алеша, — кабы всѣ на васъ были

похожи! Какъ стали бы мы, пришлые, на васъ молиться и вамъ подражать.

— Не подражать,—возразилъ Григорій Александровичъ,— а лучше дѣлать то, чего мы сдѣлать не съумѣли. А правда ваша, не всѣ, далеко не всѣ...—онъ вздохнулъ, оборвавъ на полусловѣ.

Нѣсколько шаговъ всѣ трое прошли молча.

— А барышни, кажется, поотстали,—оглянувшись, замѣтилъ молодой Смолинъ.—Не видно ихъ совсѣмъ. Должно быть, не любы имъ мудреныя рѣчи.

Барышни въ самомъ дѣлѣ отстали по винѣ Сони. Ей не нравились ни Смолинъ, ни Алеша, которому она даже выказывала почти явное пренебреженіе. А еще болѣе ей не нравилось, что двое молодыхъ людей, съ своей стороны, на нее особеннаго вниманія не обращали. И она принялась уговаривать Наташу вернуться домой, притворно жалуясь на палящій зной.

— Мы лучше сыграемъ что-нибудь въ четыре руки. Хочешь?—предложила она.—На что̀ въ лѣсъ идти въ такую жару.

На самомъ дѣлѣ она только хотѣла разстроить прогулку, чтобы помѣшать Наташѣ оставаться съ молодыми людьми. Давно она успѣла подмѣтить, что оба они заинтересованы кузиной, которую она втайнѣ недолюбливала тоже. Не смѣла она только это высказывать явно, зная, что Лёва заступится за сестру.

— Пожалуй,—уступчиво отвѣтила Наташа, хоть ее не особенно тянуло играть въ четыре руки съ Соней.—Не лучше ли почитать что-нибудь вмѣстѣ, коли тебѣ ужъ непремѣнно хочется чѣмъ-нибудь заняться? Что̀ вы объ этомъ думаете, Леночка?

Леночка думала одно, какъ пріятно было, вмѣсто этой надутой, противной Сони, прогуливаться вдвоемъ съ Лёвой Богушевскимъ. И она ловко устроила такъ, что обѣ онѣ съ Наташей, обнявшись, пошли по одной дорожкѣ, приближавшейся къ дому какъ разъ съ той стороны, гдѣ была комната Лёвы. Сестры Асанины свернули по другой.

— Елена Өедоровна,—обозвалъ ее Лёва, высовываясь въ окно, когда съ нимъ поравнялись молодыя дѣвушки.—Куда вы это направляетесь съ такимъ серьезнымъ видомъ?

Леночка остановилась въ притворной нерѣшительности.

— Да собственно никуда,—отвѣтила она робко.

Наташа поднялась по ступенямъ террасы.

— Тебя Татьяна Васильевна ждетъ не дождется! — крикнулъ ей братъ.—Ты про это видно догадываешься? Да?

— Догадываюсь,—засмѣялась Наташа и вошла въ домъ.

— Послушайте, Леночка,—продолжалъ молодой человѣкъ, въ первый разъ называя дѣвушку уменьшительнымъ именемъ.— Неужели вамъ не скучно въ обществѣ здѣшнихъ трехъ грацій? Младшая еще туда-сюда, а двѣ старшія—брр!

— Соня очень красива,—уклончиво отозвалась Леночка.

— Не надо мнѣ такой красоты, съ увѣренностью въ придачу, что весь міръ долженъ быть у ея ногъ. Вотъ вы совсѣмъ другое дѣло?

— Чтò я!—чуть слышно проговорила раскраснѣвшаяся дѣвушка.

— Сами знаете, небось! А я вамъ вотъ чтò предложу: чѣмъ тутъ математику зубрить, пойдемте-ка вдвоемъ туда въ чащу подъ тѣнь старыхъ вязовъ. Не устанете лишній разъ туда пройтись? И солнца не боитесь? Да чего его бояться? Сами вы такая же ясная, веселая, смѣющаяся... Такъ идетъ?..

И прежде чѣмъ Леночка успѣла отвѣтить, онъ уже выпрыгнулъ въ окно и стоялъ возлѣ нея, весь улыбаясь своими большими жгучими глазами.

XVII.

Послѣ обѣда вся молодая компанія собралась прокатиться въ лодкѣ. Всѣ уже были въ сборѣ, какъ Леночка вдругъ хватилась своей шляпы, брошенной въ гостиной или въ залѣ,—она навѣрное не помнитъ. Отыскивая ее, она невольно разслышала, чтò говорилось въ кабинетѣ Асанина, гдѣ хозяинъ громко разговаривалъ съ Григоріемъ Александровичемъ и съ Викторомъ Павловичемъ Холминымъ, тоже пріѣхавшимъ въ этотъ день отобѣдать въ „Плоское“. До ея слуха донеслась нѣсколько разъ повторенная фамилія ея отца, и она остановилась, насторожившъ уши, хоть и сознавала прекрасно, что это не совсѣмъ хорошо.

— А этотъ негодяй Макшеевъ,—звучнымъ своимъ баритономъ говорилъ Холминъ,—Новоспасское отдѣлывать принялся. Хочетъ возстановить усадьбу въ полномъ величіи. Уморительно! Можете вообразить, съ какимъ вкусомъ старый домъ будетъ реставрированъ? Въ бары полѣзли эти хамы, чтò на нашъ счетъ разжились.

Асанинъ на это отозвался только короткимъ смѣхомъ. А Григорій Александровичъ спросилъ:

— А какъ вы про это узнали, Викторъ Павловичъ?

— Да былъ тамъ недавно по... по дѣлу.

Леночка хорошо знала, по какому дѣлу пріѣзжалъ Холминъ, и краска негодованія бросилась ей въ лицо.

— А-а, по дѣлу,—холодно проронилъ Григорій Александровичъ. Онъ догадывался про истину, зная разстроенныя дѣла Виктора Павловича.

— Этотъ Макшеевъ,—заговорилъ владѣлецъ „Плоскаго",—совсѣмъ въ люди вышелъ. Желѣзную дорогу строитъ мимо своего завода. Мой племянничекъ, Лёва Богушевскій, очень поусердствовалъ, чтобы направленіе было какъ можно выгоднѣе для Өедора Степановича. Молодчикъ знаетъ, гдѣ раки зимуютъ. Ему не кажется, будто отъ ворованныхъ денегъ воняетъ. И прекрасное дѣло! Брезгливыми намъ быть не зачѣмъ. Лучше намъ эту кулацкую породу къ себѣ приманить. Будетъ намъ оттого польза! Тщеславіе—ихъ слабая сторона.

— Продавать себя, потому что ничего иного продавать не осталось,—взволнованнымъ голосомъ проговорилъ Смолинъ.—Это вы, что ли, предлагаете, Асанинъ?

— Не продавать себя, а только примириться съ неизбѣжнымъ, хоть и непріятнымъ явленіемъ, и обезвредить его по возможности. Хуже было бы для насъ же самихъ, кабы эти проходимцы въ насъ совсѣмъ не нуждались. Чуетъ мой носъ, что Макшеевъ постарается какъ-нибудь на выборахъ проскочить въ гласные.

— Ну, это мы еще посмотримъ!—громко и самоувѣренно захохоталъ Викторъ Павловичъ.

Леночка болѣе не слушала. На цыпочкахъ она вышла изъ зала, вся сгорая отъ прилива стыда и полудѣтскаго гнѣва. Все удовольствіе отъ прогулки съ Лёвой, каждое слово котораго еще нѣсколько минутъ передъ тѣмъ радостно звучало въ ея ушахъ, было теперь испорчено, позабыто. Она думала объ одномъ лишь—скорѣе отсюда уѣхать, чтобы никогда уже, никогда въ „Плоское" не возвращаться. Да какъ это сдѣлать, когда было только-что рѣшено всѣмъ обществомъ отправиться на рѣку? Она не рѣшалась сказать брату про слышанное...

А на террасѣ, гдѣ ее дожидались, Леночку встрѣтили насмѣшливые и колкіе намеки Сони.

— Гдѣ это вы, душенька, пропадали?—спросила та удивительно мягкимъ голоскомъ.—Или опять съ кѣмъ-нибудь встрѣтились, какъ давеча, когда отправились тайкомъ съ Львомъ Владиміровичемъ? Я изъ своего окна прекрасно видѣла.

Леночка вспыхнула отъ этихъ словъ еще сильнѣе.

— Ну, пойдемте, пойдемте,—поторопилъ Лёва, чтобы придти къ ней на помощь. И крѣпко схвативъ Соню за локоть, онъ сказалъ ей на ухо:

— Смотрите, моя прелестная кузина, чтобы это было въ послѣдній разъ. Я этого не допущу! Слышите?

— Хотѣла бы я видѣть! — вспылила дѣвушка и бросилась впередъ, сбѣгая по ступенямъ.

Катанье удалось не слишкомъ.

Какъ ни хорошо было плыть по гладкой рѣкѣ, блестѣвшей въ румянцѣ заката, какъ ни чудно нѣжилъ и ласкалъ мягкій вечерній воздухъ, весь пропитанный запахомъ луговъ, въ широкой лодкѣ, весело скользившей по водѣ, плохо вторили радостному затишью прозрачнаго іюньскаго вечера.

Соня не переставала дуться, оттого въ особенности, что Лёва и не дѣлалъ попытки съ ней примириться послѣ ихъ маленькой размолвки, и раза два только прервала молчаніе, чтобы сказать кому-нибудь колкость.

Леночка вся ушла въ несвойственное ей тяжелое раздумье, а Лёва, сперва постаравшись ее вовлечь въ шутливый разговоръ, принялся грести двумя веслами съ такимъ сосредоточеннымъ вниманіемъ, будто для него важнѣе этого ничего не существовало. Изрѣдка только онъ вмѣшивался въ разговоръ Алеши и Смолина съ его сестрой. Они втроемъ точно обособились отъ прочихъ.

Алеша говорилъ съ горячимъ восторгомъ о впечатлѣніи, вынесенномъ изъ бесѣды съ Григоріемъ Александровичемъ.

— Какъ вы счастливы, Смолинъ, что у васъ такой отецъ!— невольно вырвалось у него.

И мысленно тотчасъ досказалъ себѣ, какъ далекъ онъ самъ отъ такого счастія.

— Жаль только, что я на него такъ мало похожъ,—отвѣтилъ Смолинъ.

— Берегитесь, Николай Григорьевичъ,—разсмѣялась Наташа,—это не совсѣмъ любезно для меня, вы знаете вѣдь, что по общему приговору мы съ вами настоящіе близнецы по духу?

— Къ сожалѣнію,—проронилъ молодой человѣкъ.

— Часъ отъ часу не легче! Вы этому не рады? Вотъ это мило!

Губы Смолина зашевелились, но не проронили ни слова. Наташа, впрочемъ, и такъ догадалась, что̀ хотѣлъ онъ сказать. Оба они сознавали давно, что какъ разъ это духовное сродство имъ мѣшаетъ сблизиться по настоящему.

— Да, неужели,—заговорилъ опять Алеша,—все наше поколѣніе такъ далеко ушло отъ своихъ предшественниковъ. Неужели мы даже разучились понимать, чтобы можно было чему-нибудь отдаться всей душой?

— Дѣлу отдашься, Алексѣй Θедоровичъ, а не словамъ только. Вы знаете, я очень положительная особа.

— А въ томъ-то и дѣло, что дѣла этого самаго нѣтъ,—несовсѣмъ удачно на этотъ разъ съострилъ Николай Смолинъ.—Или по крайней мѣрѣ непривлекательно оно для нашего брата.

— Именно потому, что оно не настоящее,—вмѣшался Лёва.

— На это различные бываютъ вкусы, Богушевскій. То, что̀ по-твоему настоящее...

Онъ не договорилъ. Да вообще ему говорилось въ этотъ вечеръ какъ-то неохотно, даже съ Наташей. Слова отца на него сильно подѣйствовали. И онъ не могъ преодолѣть вызваннаго ими почти тяжелаго ощущенія.

— Что?—язвительно засмѣялся Лёва.—Руки боишься запачкать? Или только намозолить?.. Что у насъ, право, за урожай пошолъ на брезгливыхъ людей, которые въ сущности палецъ о палецъ ударить не хотятъ? Прежде у насъ были заражены какимъ-то переанализомъ, въ наши дни...

— Перекультурой, коли хочешь,—перебилъ его Смолинъ.

— Да, именно перекультурой.

— Видно, не то культивируемъ, что̀ надо,—сказалъ Алеша и тотчасъ замолкъ.—Ему въ сердце кольнула мысль, какъ мало это слово годилось для его собственной семьи.

Лёва презрительно повелъ плечами.

— А знаете что̀, господа,—сказалъ онъ, бросая весла,—пора бы вамъ тоже взяться за работу, чѣмъ всю эту рацею разводить. А то я въ самомъ дѣлѣ себѣ намозолилъ руки. Или барышенъ призвать на помощь? А то Соня тамъ сидитъ себѣ у руля, да дуется. А Надя только шалитъ.

Надя дѣлала напрасныя усилія, чтобы срывать попадавшіяся имъ на пути водяныя лиліи и скучала не менѣе сестры.

— Да знаете что̀,—рѣзко объявила Соня,—лучше бы намъ причалить гдѣ можно. А то вся эта философія не очень-то забавна!

— Слушаю-съ, Софья Константиновна!—вставая, отвѣтилъ Лёва и схватился за шестъ.

Черезъ минуту они причалили. И выпрыгнувъ на берегъ, понемногу разсѣялись.

Соня ушла впередъ, не скрывая своего дурного расположе-

нія духа. Леночка пошла съ Надей, а Наташа осталась позади съ Алёшей и Смолинымъ. До усадьбы было версты двѣ. Они шли лугами, блестѣвшими отъ росы. Съ близкихъ полей несся крѣпкій запахъ полыни, и освѣжѣвшій воздухъ какъ бы растворялся просыпающимися ароматами ночи. Черное южное небо точно алмазами было усѣяно. Ночь пахучая, безмолвная, широкая, какъ-то разомъ опустилась на землю, внося съ собою не сонную тишину, какъ на сѣверѣ, а какое-то могучее, страстное дыханіе.

Лёва Богушевскій, отдѣлившись отъ прочихъ, полями пробрался на село. Ему хотѣлось чего-то болѣе существеннаго, чѣмъ наскучившая ему болтовня съ барышнями. А тамъ—на то вѣдь и Малороссія—въ стройныхъ, красивыхъ смуглянкахъ недостатка не было...

У Наташи между тѣмъ съ двумя ея спутниками урывками продолжался разговоръ, начатый въ лодкѣ. Что-то неспѣшное, утомленное было въ ихъ рѣчахъ. Тихія звѣздныя ночи часто навѣваютъ такое настроеніе. Будто лѣнь какая-то словами выражать смутно-жуткое чувство, переполняющее грудь.

Смолинъ только-что сдѣлалъ какое-то ироническое замѣчаніе, и вдругъ, кинувъ въ траву недокуренную папироску, объявилъ, что идетъ догонять Софью Константиновну.

— Надо ее утѣшить бѣдняжку,—сказалъ онъ, ускоряя шагъ. —Не давать же ей злиться на насъ всѣхъ.

На самомъ дѣлѣ Соня тутъ была ни при чемъ. Смолину чувствовалось, что его присутствіе почти въ тягость Наташѣ. Онъ читалъ на ея лицѣ невысказанное желаніе остаться вдвоемъ съ Алешей Макшеевымъ.

— Я ему завидую, Наталья Владиміровна,—сказалъ Алеша, когда Смолинъ успѣлъ скрыться въ темнотѣ.

— Завидуете? И какъ разъ теперь?—лукаво спросила дѣвушка.

— Вырости въ такой семьѣ, имѣть такого отца и такіе примѣры... Чего бы я не далъ, чтобы я о себѣ могъ сказать то же самое.

Лицо Наташи мгновенно стало серьезно. Самое теплое сочувствіе на немъ засвѣтилось. Онъ въ первый разъ открыто заговаривалъ съ ней о своихъ, и Наташѣ казалось, что это ихъ сближало лучше прежняго.

— Дѣти не отвѣчаютъ за своихъ родителей,—проговорила она тихо, робко взглянувъ на него.

— Не отвѣчаютъ, да, передъ судомъ по крайней мѣрѣ и

передъ совѣстью тоже. Но какъ заставить другихъ позабыть, а пожалуй и простить...

Послѣднія слова онъ произнесъ, устремивъ на нее быстрый, загорѣвшійся взглядъ. Никогда еще такого жгучаго чувства, такой страстной мольбы она не читала въ глазахъ молодого человѣка. И она отвѣтила такимъ же открытымъ, хоть и болѣе спокойнымъ взглядомъ.

— Могу васъ увѣрить, я не спрашивала себя про это и никакихъ сравненій не дѣлала. Я знаю только васъ, и что бы ни совершилъ кто-нибудь изъ вашихъ родныхъ,—она запнулась на мигъ, говоря это и какъ бы подыскивала осторожно слова,—моего чувства къ вамъ это измѣнить не можетъ.

Волненія не было на лицѣ Наташи, но въ сердцѣ молодого человѣка звукъ ея ровнаго голоса зажегъ цѣлую бурю радостныхъ надеждъ. Словечко „чувство" прозвучало въ его ушахъ какъ обѣщаніе, какъ благовѣстъ. И не помня себя, онъ горячо произнесъ:

— Вы, стало быть, не оскорбитесь, если я скажу вамъ, какъ дороги вы мнѣ?

Она не отняла своей руки, когда онъ схватилъ ее, крѣпко пожимая. Невольно они замедлили шагъ, и голоса прочихъ смолкли теперь совсѣмъ, потонувъ въ темнотѣ ночи. И рѣчь молодого человѣка полилась теперь, какъ освободившійся отъ льда весенній потокъ,—и горячихъ словъ, просившихся на волю изъ переполненнаго сердца, словъ надежды и счастія, онъ удерживать не думалъ.

Наташа слушала, менѣе взволнованная, чѣмъ онъ, но покоряясь какъ-то невольно милому ощущенію, и на ласку его словъ отвѣчала болѣе тихой, болѣе сдержанной лаской во взглядѣ, полускрытой во мглѣ ночи.

— Вы добрый и прямой, я это почувствовала съ первой нашей встрѣчи,—негромко проговорила дѣвушка, когда Алеша умолкъ.—И, кажется, вдобавокъ, изъ тѣхъ, на котораго положиться можно, кто сердцемъ и умомъ не робокъ.

Ясная, звѣздная ночь точно вторила имъ, такая же радостная, какъ ихъ молодыя надежды, такая же глубокая, какъ ихъ зарождавшаяся любовь. Точно одобреніе, сочувствіе они себѣ читали въ блестящемъ мерцаніи звѣздъ, и такъ ушли они въ самихъ себя, такъ удаляла ихъ словно отъ прочихъ тихая бездонная ночь, что ихъ удивило, когда вдругъ выросли передъ ними высокія деревья сада и въ десяти шагахъ отъ себя они увидѣли окружавшую его изгородь.

Въ эту самую минуту спѣшными шагами къ нимъ подходила Леночка.

— Алеша, поѣдемъ,—заговорила она быстрымъ шопотомъ,— право пора.

— Куда ты спѣшишь, Лена? — спросилъ ласково у нея братъ.

И Наташа разсмѣялась, удивившись, отчего ей вдругъ скучно показалось.

— Да не скучно, поздно только.

— Поздно?

— Кажется, очень,—торопливо, съ несвойственнымъ ей волненіемъ повторила Леночка. — И надо мнѣ съ нимъ переговорить.

Наташа обняла ее за талію.

— Ты что-нибудь скрываешь отъ меня? Будь совсѣмъ откровенна, Леночка, что̀ случилось?

— Ничего... Только кузины ваши—твои,—поправилась она, —я думаю имъ очень непріятно, что я... что мы здѣсь бываемъ...

— Ну, это еще бѣда небольшая.

Алеша догадался, однако, по лицу сестры, что есть у нея нешуточная причина торопить отъѣздомъ. И какъ ни хорошо ему было съ Наташей, какъ ни сладко отзывались въ его памяти только-что сказанныя ею слова, четверть часа спустя, онъ вдвоемъ съ Леночкой уже катилъ въ тарантасѣ по дорогѣ въ Новоспасское.

XVIII.

— Что̀ случилось, Леночка?—съ волненіемъ въ голосѣ переспросилъ молодой человѣкъ, едва лошади тронули.

Она отвѣтила не сразу. Теперь ей труднымъ казалось повторить брату рѣзкія слова, осуждавшія Ѳедора Степановича. И жаль ей было тоже нарушить праздничное настроеніе Алеши. На лицѣ его точно отражалось ласковое сіяніе звѣздъ, и весь онъ былъ охваченъ такимъ полнымъ опьяняющимъ счастіемъ, какого не испытывалъ онъ во всю свою жизнь.

— Ну?—спросилъ онъ еще разъ, съ трудомъ отрываясь отъ наполнявшихъ его голову сладкихъ грёзъ,—скажи, въ чемъ дѣло?

— Я думаю, — нерѣшительно заговорила дѣвушка, — я никогда больше не поѣду къ этимъ Асанинымъ.

— Вотъ какъ?..—Онъ улыбнулся, недовѣряя ея неожиданному рѣшенію.—А мнѣ казалось, напротивъ, тебѣ очень весело

у нихъ. Или такъ ужъ дурно къ тебѣ относится эта чванная Соня? И мнѣ, признаюсь, она не нравится.

— Что̀ Соня? Это бы еще ничего!..

Леночка, робѣя и путаясь, все разсказала брату. Лицо его, пока онъ слушалъ, становилось все сумрачнѣе.

— Это они говорили про отца?—тревожно спросилъ онъ.— Всѣ говорили, или одинъ только этотъ Холминъ, который самъ вѣдь отцу обязанъ...

— То-есть, какъ тебѣ сказать? Бранилъ отца только Викторъ Павловичъ. Но чувствовалось, что всѣ они—и Смолинъ, и Константинъ Гавриловичъ, дурного о немъ мнѣнія. Ахъ, Алеша, какъ тяжело видѣть, что отца не уважаютъ, и что на насъ, оттого, что мы его дѣти, смотрятъ какъ-то свысока...

— Да ты не о себѣ думай, Лена, — рѣзко оборвалъ онъ ее;—что̀ намъ за дѣло, ка̀къ на насъ смотрятъ эти господа? Стыдиться своего происхожденія—глупо. За отца жаль, за него стыдно, коли въ самомъ дѣлѣ они говорятъ правду.

— Я не знаю,—обидчиво и въ то же время какъ-то холодно возразила дѣвушка,—правда это или нѣтъ, да и не все ли равно? Если это даже и не правда, намъ оттого не легче. Мнѣ вся кровь въ лицо бросилась, когда я это услышала.

Алеша вспылилъ.

— Да перестань же мнѣ все о своихъ чувствахъ говорить. Важно самое дѣло, а не мнѣніе этихъ господъ. Стыдиться можно только поступковъ, а не словъ.

Отъ его счастливаго настроенія и слѣда не осталось. Грёзы отлетѣли прочь—онъ былъ теперь далеко отъ своихъ недавнихъ жгучихъ и сладкихъ впечатлѣній. И все-таки ему не хотѣлось вѣрить, чтобы на Ѳедорѣ Степановичѣ лежало клеймо общаго презрѣнія. За послѣдніе дни его сомнѣнія насчетъ отца почти разсѣялись. Онъ считалъ его малообразованнымъ, съ виду грубымъ и черствымъ, но все-таки добрымъ человѣкомъ. Словъ какого-нибудь Холмина, который самъ вѣдь пользуется не особенно чистой репутаціей, было недостаточно, чтобы вновь пробудить заглушенныя подозрѣнія. Ему плохо вѣрилось тому, что̀ говорила Леночка, оттого, что онъ вѣрить не хотѣлъ. Слишкомъ было бы горько сказать себѣ, что онъ не имѣетъ уже права бывать въ этомъ домѣ, гдѣ ему пришлось только-что услышать полупризнаніе Наташи...

А въ „Плоскомъ“ между тѣмъ за чайнымъ столомъ шелъ оживленный споръ. Соня, едва-едва разъѣхались гости, принялась исподтишка пускать колкіе намеки по адресу Наташи.

— Про что ты, — говорила она, — скажи, пожалуйста, такъ долго бесѣдовала съ этимъ... съ этимъ Макшеевымъ?

Она притворилась, будто не сразу вспомнила фамилію Алеши.

— Очень, должно быть, было интересно?

— Очень, — коротко и спокойно отвѣтила Наташа.

Соня презрительно повела плечами.

— Удивительная охота, — проронила она, — битый часъ толковать съ этимъ мальчишкой. И откуда они взялись, эти Макшеевы? Отецъ твоего Алеши былъ, кажется, кабатчикомъ или чѣмъ-то въ этомъ родѣ. Удивительно пріятно быть въ обществѣ такихъ людей. Ты знаешь, папа, — обратилась Соня къ отцу, видя, что Наташа болѣе не отвѣчаетъ, — она съ самаго того мѣста, гдѣ мы причалили, вдвоемъ шла съ этимъ студентомъ. Нарочно отъ всѣхъ насъ отстала. Необыкновенно трогательно — ночью, при свѣтѣ звѣздъ...

— Васъ, Соня, — рѣзко вмѣшался Лёва, — должно быть, очень бѣсило, что пришлось вамъ безъ кавалера остаться?

Соня вся вспыхнула, и глазки ея злобно блеснули.

— Хороши были эти кавалеры, нечего сказать, — проронила она, неудачно стараясь придать этимъ словамъ холодную презрительность.

— На безрыбьи, Софья Константиновна, вы знаете? — насмѣшливо отвѣтилъ ей Лёва. — Впрочемъ, напрасно вы такъ ужъ разборчивы, — Смолинъ очень умный малый, а Макшеевъ...

— Ну, того я охотно, — перебила она, — вашей сестрѣ предоставляю.

Константинъ Гавриловичъ, до сихъ поръ невозмутимо покуривавшій сигару, теперь счелъ долгомъ вмѣшаться.

— Видишь, — съ мягкой улыбкой на лицѣ, обратился онъ къ дочери. — Когда принимаешь кого-нибудь къ себѣ въ домъ, мой дружокъ, со всѣми надо быть одинаково любезнымъ. И нечего тамъ разбирать, кто чей сынъ, — запиши себѣ это на память.

Соня была его любимицей, но и ей онъ ничего не спускалъ.

— Однако, — вступилась Татьяна Васильевна, — нельзя тоже всѣхъ и каждаго съ улицы къ себѣ пускать. На что намъ дружбу вести съ семьей этого разбогатѣвшаго мазурика?

— Сынъ его, во всякомъ случаѣ, — съ такой же невозмутимостью возразилъ женѣ Асанинъ, — въ дѣлахъ отца неповиненъ. Ты слышала, какъ сегодня за столомъ онъ хорошо отвѣтилъ Виктору Павловичу, когда тотъ отпустилъ одну изъ своихъ дрянныхъ шуточекъ? Мнѣ очень нравится этотъ молодой чело-

вѣкъ. Горячъ немножко, да это не бѣда. Кто въ двадцать хладнокровенъ и разсчетливъ, тотъ, чего добраго, въ сорокъ...

— Да кровь-то въ немъ какая, Константинъ Гавриловичъ?— волнуясь, настаивала Татьяна Васильевна.—Самъ посуди: вѣдь яблоко отъ дерева...

— Кровь? Полно! Будто изъ нашего брата мало негодяевъ выходитъ? Кровь только задатокъ, а сколько примѣровъ, что при одномъ задаткѣ и остаешься.

— А ты развѣ не знаешь, какъ этотъ Макшеевъ поступилъ съ Владиміромъ Семеновичемъ? Спроси лучше Ольгу Андреевну.

— Ахъ, Татьяна Васильевна,—вдругъ заговорила Наташа, слѣдившая за разговоромъ съ возрастающей тревогой,—не знаю, кàкъ думаетъ про это мама, но у насъ съ братомъ никакого чувства злобы на сердцѣ нѣтъ. Все это случилось давно, очень давно...

— Догадываюсь, чтò у тебя на сердцѣ, — кисло замѣтила Соня.

Наташа не отвѣтила и, поднявшись съ мѣста, молча подошла къ Татьянѣ Васильевнѣ и къ матери. Потомъ она кивнула головой кузинамъ и, пожелавъ имъ доброй ночи, вышла изъ комнаты.

Но съ ея удаленіемъ споръ не прекратился. Татьяна Васильевна не переставала твердить все то же.

Молчаливая Ольга Андреевна томно ей вторила, говоря, что уступила только настойчивымъ просьбамъ сына, когда рѣшилась принимать у себя дѣтей Ѳедора Степановича.

— И все-таки рѣшилась, мама,—вкрадчиво, хоть и чуть-чуть насмѣшливо, вставилъ Лёва.

— Да чтò съ тобой было дѣлать? Просилъ, требовалъ... А кабы твой отецъ зналъ, что эти Макшеевы здѣсь бываютъ...

— Вотъ и не надо, чтобы онъ узналъ, мама,—настаивалъ молодой человѣкъ.

Соня попробовала еще разъ напуститься на Алешу и Леночку, задѣвъ мимоходомъ и Наташу. На этотъ разъ къ ней присоединилась и Вѣра, которую всѣ въ домѣ считали большой умницей, оттого, можетъ быть, что она говорила рѣдко, но всегда съ увѣренностью. Остановленныя Константиномъ Гавриловичемъ, обѣ барышни прикусили язычокъ.

— Конечно,—сказалъ Асанинъ, заканчивая этимъ споръ,— Лёва правъ, не надо, чтобы Владиміръ Семеновичъ про это зналъ. Надѣюсь, Ольга Андреевна не проговорится. А вы тамъ, дѣвчонки, смотрите у меня!..

Съ этими словами онъ всталъ. Въ тотъ же вечеръ у него происходило длинное объясненіе съ женой. Съ глазу на глазъ съ мужемъ Татьяна Васильевна жаловалась, какъ это непріятно держать у себя на хлѣбахъ бѣдную родню, которая въ сущности приходится седьмой водой на киселѣ.

— Владиміръ Семеновичъ мнѣ двоюродный братъ,—оборвалъ ее мужъ,—да и пригодиться онъ можетъ. И какъ еще... Да не въ этомъ дѣло. Я отъ чистаго сердца, а не изъ корысти пригласилъ къ себѣ его жену и дѣтей. Ольга Андреевна, положимъ, скучновата, зато Наташа—прелесть! Прошу съ ними быть совсѣмъ по родственному. И чтобы дѣвчонки эти не смѣли, какъ сегодня вотъ, дѣлать колкія замѣчанія. Помни, когда я что̀ сказалъ, слово мое свято... И про этихъ Макшеевыхъ Владиміру Семеновичу—ни-ни!

Татьяна Васильевна, какъ всегда, преклонилась передъ волей домашняго самодержца. И когда въ слѣдующую субботу Владиміръ Семеновичъ пріѣхалъ, онъ такъ и не узналъ, кто въ его отсутствіе зачастую наѣзжаетъ въ „Плоское“. У него какъ разъ теперь былъ новый поводъ негодовать на Ѳедора Степановича. Онъ недавно слышалъ, въ чьи руки попало Новоспасское и что̀ за обширныя затѣи у его новаго владѣльца.

— Ты слышалъ,—обратился онъ вдругъ за обѣдомъ къ двоюродному брату,—что̀ этотъ Федька Макшеевъ задумалъ? Хочетъ бариномъ настоящимъ зажить, да принимать у себя чуть-ли не всю губернію. И въ земство собирается попасть. Только этому не бывать. Не всѣ же бѣлены у васъ объѣлись, чтобы такому голубчику давать рядомъ съ собою на собраніи сидѣть.

— Ты забываешь,—примирительно и уклончиво возразилъ Константинъ Гавриловичъ,—что Макшеева не мы будемъ въ гласные выбирать.

— Знаю! Есть у нихъ тамъ свои хамскіе выборы... Только можно вѣдь сволочь эту пугнуть хорошенько, чтобы не смѣла она баллотировать такого мерзавца...

— Онъ сила,—коротко промолвилъ Асанинъ, чуть-чуть склонивъ голову.

Владиміръ Семеновичъ вспылилъ.

— Сила?—да, пожалуй, что такъ. Вѣдь съумѣлъ этотъ мазурикъ устроить, чтобы новая дорога мимо его завода проходила. А „Плоское“, небось, въ пятнадцати верстахъ отъ линіи останется. И кто ему это наладилъ, не возьму въ толкъ? Вѣдь стоить это будетъ не дешево и крюкъ придется дать изрядный. Валитъ счастье этимъ прохвостамъ. А еще твердятъ, будто чужое

добро въ прокъ нейдетъ. Пожалуй, изъ-за воровскихъ его денегъ кое-кто изъ нашихъ ему даже кланяться станетъ. Да, Константинъ Гавриловичъ, только мы съ тобой держимся еще.

Асанинъ молча улыбнулся, думая про себя, какъ не пристала эта похвальба его разоренному въ пухъ двоюродному брату.

— Кто знаетъ,—продолжалъ Богушевскій,—можетъ быть и приведется мнѣ гдѣ-нибудь съ Федькой Макшеевымъ встрѣтиться, только не въ добрый часъ это будетъ для него. Напомню ему, чѣмъ онъ былъ и ка́къ нажилъ свои проклятыя деньги.

Владиміръ Семеновичъ ораторствовалъ долго, не встрѣчая особаго сочувствія въ слушателяхъ. Но онъ этого не примѣчалъ. Ему не возражали, и гнѣвные звуки его голоса могли свободно раздаваться среди общаго молчанія.

Посѣщенія свои повторялъ онъ далеко не каждую недѣлю. Богушевскій успѣлъ отвыкнуть отъ семьи, а деревенская жизнь ему никогда не была по сердцу. Жена и дѣти горевали объ этомъ не слишкомъ. Наташу, однако, не покидала тревога, какъ бы не узналъ когда-нибудь отецъ про ихъ знакомство съ дѣтьми Ѳедора Степановича. Одного неосторожнаго слова было достаточно, чтобы раскрыть ему глаза. А кто могъ поручиться хотя бы за Соню?

Но время пока шло, и буря не разражалась. Даже Соня какъ-то припрятала свои коготки, напуганная, должно быть, Константиномъ Гавриловичемъ.

Лёва ѣздилъ часто въ Новоспасское. Ѳедору Степановичу онъ все болѣе нравился. И какъ ни былъ онъ опытенъ, какъ ни туго были затянуты у него и мошна, и сердце, онъ лишь на половину догадался, что̀ за тайные виды на его кошелекъ были у молодого человѣка, когда тотъ развивалъ передъ нимъ разные планы на блестящія промышленныя предпріятія. Ѳедоръ Степановичъ, правда, слушалъ не совсѣмъ довѣрчиво, но Лева все-таки производилъ на него впечатлѣніе своей ясной головой, своими отчетливыми соображеніями.

Зато самъ юный инженеръ былъ далеко не въ восторгѣ отъ Ѳедора Степановича. „Кулакъ проклятый“, — думалъ онъ про себя, — „сжался и не клюетъ! Думаетъ, вся мудрость въ томъ, чтобы деньги свои въ оборотъ не пускать и отъ каждой свѣжей мысли отворачиваться. А я его крупнымъ считалъ,—почти россійскимъ американцемъ. Куда ему! Нахапать онъ умѣлъ—разными мерзкими дѣлишками разбогатѣть. Только, что̀ за прокъ отъ его богатства? Подъ старость будетъ на немъ сидѣть, какъ

собака на сѣнѣ. Развѣ ужъ въ серьезъ, не для потѣхи только, за этой дѣвчонкой пріударить? Скверно что-то на Ѳедькиной дочери жениться, — почище могъ бы себѣ добыть. Только иного пути нѣтъ къ его деньгамъ подобраться.

И молодой человѣкъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ пріударялъ за Леночкой, кружа ей голову все сильнѣе. Ѳедоръ Степановичъ или не замѣчалъ этого, или считалъ за лучшее—Левѣ не мѣшать, а швейцарская мамзель давно получила увольненіе.

XIX.

Ѳедору Степановичу съ дѣтьми рѣшительно не везло. Старшій сынъ не давалъ ему покоя своими просьбами выслать поскорѣе денегъ, и не выходилъ изъ нелѣпыхъ долговъ и еще болѣе нелѣпыхъ кутежей. На него, впрочемъ, отецъ давно махнулъ рукой. Петя, трудолюбивый и разсчетливый Петя, все не хотѣлъ понять широкихъ замысловъ Ѳедора Степановича и оказывался плохимъ хозяиномъ, упускавшимъ десятки рублей изъ-за копѣекъ. Лучшая надежда отца—Алеша, хоть и держался съ нимъ болѣе довѣрчиво и сердечно, чѣмъ прежде, упорно отказывался промѣнять ученую карьеру на дѣловую. Слова Леночки сперва было опять расшевелили въ немъ затихшія подозрѣнія. Но Ѳедоръ Степановичъ теперь высказывался передъ нимъ съ такимъ открытымъ прямодушіемъ и въ нескончаемыхъ спорахъ его съ братомъ такъ рѣшительно принималъ сторону младшаго сына, что Алеша невольно ощущалъ въ себѣ растущее довѣріе къ отцу. И какъ разъ за то, что на Ѳедора Степановича такъ сильно обрушивалась ненависть сосѣдей, онъ готовъ былъ стать теперь на его сторону со всей искренней горячностью своего неопытнаго сердца. Ѳедоръ Степановичъ говорилъ себѣ не разъ, говорилъ съ гнѣвною горечью, что некому послѣ него довершить начатое дѣло, что изъ трехъ разныхъ дорогъ, по которымъ пошли его сыновья, ни одна не ведетъ къ богатству. Глухая злоба его разбирала при этой мысли, вызывая упорную рѣшимость тѣмъ настойчивѣе копить и все копить, и въ концѣ концовъ добиться не денегъ только, но почета и вліянія.

И Ѳедору Степановичу казалось, что онъ достигнетъ цѣли, хоть и чувствовалъ онъ порой, что жить ему остается недолго и подступаетъ къ нему грозный призракъ немощной старости. Онъ сталъ бывать у сосѣдей, и принимали его теперь уже почти на равной ногѣ. Успѣхъ съ постройкой новой дороги открылъ

ему такія двери, въ которыя онъ прежде не смѣлъ бы и стучаться. Какъ будто забыли о его происхожденіи и не совсѣмъ чистомъ источникѣ его богатства. Викторъ Павловичъ, хоть и бранилъ Ѳедора Степановича заочно, выказывалъ ему почти уваженіе. Да и не онъ одинъ, — другіе помѣщики тоже дружили съ нимъ, конечно, въ разсчетѣ на его карманъ: въ этомъ Макшеевъ не обманывался. Да въ сущности, ему было все равно изъ-за какихъ побужденій съ нимъ водили знакомство. А когда онъ съ помощью избирателей не-дворянъ попадетъ въ гласные — склонить ихъ въ свою пользу онъ разсчитывалъ навѣрняка, онъ съумѣетъ на земскомъ собраніи разыграть первую руководящую роль. Съ нимъ вѣдь никто въ уѣздѣ не могъ сравниться по дѣловитости. А тамъ, года черезъ три или четыре, онъ достигнетъ и конечной цѣли своихъ желаній. Недавно его назначили тюремнымъ попечителемъ, ему дали чинъ, и не за горами для него уже личное дворянство. Отчего бы ему подъ конецъ жизни не стать, пожалуй, и предводителемъ? Бывали же тому примѣры?

Внутренно онъ презиралъ себя за эти тщеславныя мечты. Еще болѣе презиралъ окружавшихъ его полуразоренныхъ сосѣдей, которые вѣдь еще годъ назадъ не захотѣли бы пустить его къ себѣ въ домъ. Раньше, въ молодые годы, онъ бы не далъ такой поблажки выросшему подъ старость тщеславію. Тогда онъ все цѣнилъ только на деньги — теперь онъ думалъ иначе. И тайный зудъ сравниться по общественному положенію съ ненавидѣвшими его людьми, которымъ онъ платилъ удвоенною ненавистью, не давалъ ему покоя. Дѣти его, по крайней мѣрѣ, не будутъ считаться хамскими дѣтьми, и свою Леночку онъ когда-нибудь увидитъ настоящей барыней.

Эта самая Леночка, однако, подбавляла къ его тайному раздраженію противъ дѣтей все новые поводы къ недовольству. Съ тѣхъ поръ какъ она познакомилась съ Богушевскими и Асаниными, дѣвочка стала будто выказывать отцу какую-то брезгливую, презрительную нелюбовь. Онъ замѣтилъ это еще въ Петербургѣ. За послѣднее время это выказывалось все яснѣе. Случалось не разъ, что когда Ѳедоръ Степановичъ за обѣдомъ, по старой привычкѣ, облокачивался обѣими руками на столъ, или принимался ѣсть отъ ножа, или въ промежуткѣ между блюдами закуривалъ, роняя пепелъ въ тарелку, Леночка отвернется съ презрительной гримаской на хорошенькихъ губкахъ. А когда, возвращаясь съ полей, онъ входилъ въ комнаты весь запыленный и грузно вваливался въ кресло, по чертамъ Леночки пробѣгало брезгливое выраженіе. Съ нѣкоторыхъ поръ сама внѣшность отца, — его

волосатыя руки съ толстыми короткими пальцами, его неряшливая одежда и всклоченная щетинистая борода, да еще запахъ дегтя, которымъ часто несло отъ его сапогъ,—все это вызывало въ ней что-то похожее на отвращеніе. Она мысленно сравнивала отца съ людьми, которыхъ встрѣчала въ чужихъ домахъ, и говорила себѣ, что на Ѳедорѣ Степановичѣ лежитъ какой-то неизгладимый, плебейскій отпечатокъ, всегда напоминавшій и другимъ, и ей самой, про его низкое происхожденіе. Уже не противъ тѣхъ она возмущалась, кто относился къ Ѳедору Степановичу съ неуваженіемъ, а противъ него, за кого ей не разъ приходилось краснѣть.

Макшеевъ долго спускалъ все это дочери, будто не примѣчая ея поведенія. Но разъ онъ не выдержалъ. Онъ случайно вошелъ въ комнату, гдѣ она сидѣла за книгой, и отыскивая оброненный портсигаръ, задѣлъ на пути стулъ и уронилъ его.

— Ахъ, папа, смотрите,—вскочила она,—вы стулъ мой сломали. И коверъ вы испачкаете совсѣмъ. Видите, какія слѣды отъ вашихъ сапогъ!

Въ этотъ день шелъ дождь и комки мягкой черной земли пристали къ подошвамъ Ѳедора Степановича. Онъ рѣзко обернулся въ сторону дочери. Гнѣвная злоба глубже обыкновеннаго бороздила его сморщенное лицо.

— Ты что, мать моя, бѣлены объѣлась? — напустился онъ на Леночку такимъ громовымъ окликомъ, какого ей никогда еще не доводилось отъ него слышать. Какъ — „твой“ стулъ, говоришь ты? „Твой“ коверъ? Да что̀ твоего въ этомъ домѣ, позволь узнать? И съ чего ты вздумала барышню изъ себя корчить? Выбью изъ тебя спѣсь дурацкую.

— Вы мнѣ читать мѣшаете, папа, — вспыхнувъ до ушей проговорила она своенравнымъ голосомъ.

— Читать мѣшаю? Ха-ха! Прелестно! Хочешь, небось, передо мной прихвастнуть, что умныя книжки почитываешь. А на чьи деньги уму-разуму выучилась? На чьи наряжаютъ тебя, какъ принцессу, неблагодарная дѣвчонка? Своими руками, что-ли, добываешь себѣ деньги на модныя платья? Да знаешь ли ты, что стоитъ мнѣ приказать, и всѣ твои дурацкія тряпки выкинутъ вонъ, а на тебя простой сарафанъ надѣнутъ, да козловые башмаки, и будешь ходить ты у меня замарашкой. Да заставятъ тебя коровъ доить или что-нибудь въ этомъ родѣ. Выкинь дурь изъ головы, Лена, а то плохо будетъ — я шутить съ собой не даю, помни это. А глупая твоя книжонка, вонъ смотри, что̀ я изъ нея сдѣлаю—полюбуйся!

Онъ выхватилъ изъ рукъ дочери изящный французскій томикъ въ желтой оберткѣ и, тутъ же изодравъ гнѣвнымъ движеніемъ сильныхъ рукъ, выкинулъ въ окно.

— Пусть валяется тамъ на дворѣ съ мусоромъ. И съ тобой я такъ же поступить могу—стоитъ захотѣть. Съ простыми дѣвками будешь спать въ одной комнатѣ и черную работу справлять.

Леночка покорилась въ нѣмомъ испугѣ. Ей не вѣрилось, чтобы отецъ исполнилъ свою угрозу. Но мощные раскаты отцовскаго гнѣва все-таки сломили ея строптивость. Вся блѣдная, она стояла передъ нимъ, не зная, что сказать и двѣ слезинки потихоньку выкатились изъ ея глазъ. Это не были слезы раскаянія, и внутренно она еще болѣе прежняго ненавидѣла Өедора Степановича. Но открыто высказывать это Леночка уже не смѣла.

А на самомъ дѣлѣ Макшеевъ совсѣмъ не испытывалъ грознаго раздраженія, какимъ дышали его слова. Въ сущности онъ вѣдь старался всячески превратить дочку въ настоящую барышню. Притаившееся тщеславіе побуждало его страстно желать, чтобы дѣти какъ можно выше поднялись по общественной лѣстницѣ, благодаря его деньгамъ. Вѣдь для нихъ онъ работалъ, не для себя одного—себя переродить въ барина онъ не могъ. Өедоръ Макшеевъ былъ слишкомъ уменъ, чтобъ мечтать объ этомъ. И когда вспышка гнѣва нашла себѣ жертву въ изодранной книжкѣ, въ немъ самомъ она улеглась. Онъ не хотѣлъ только показать это забывшейся дочери. Довольный тѣмъ, что навелъ на нее спасительный трепетъ, онъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ и своимъ крупнымъ тяжелымъ почеркомъ принялся писать Александрѣ Осиповнѣ. Рѣзкіе упреки вылились изъ-подъ его пера. По его мнѣнію, во всемъ была виновата она—и только она. Тутъ въ его душѣ не было уже никакой раздвоенности. Онъ чистосердечно ненавидѣлъ ее, какъ представительницу того именно рода людей, въ которыхъ онъ чувствовалъ себѣ вѣчный, неумолимый, заслуженный укоръ.

За одно съ письмомъ Өедора Степановича, тетя Саша получила другое, отъ Леночки. Едва вышелъ отецъ, она тоже принялась за перо. Въ страстныхъ выраженіяхъ она умоляла тетку придти къ ней на помощь, давая волю своему недоброму чувству къ отцу. Она почти дословно повторила, что ей довелось услышать про Өедора Степановича у Асаниныхъ. Можно было подумать, читая ея горячія строки, что ей въ самомъ дѣлѣ живется невыносимо тяжело. Но Александра Осиповна вычитала изъ ея письма совсѣмъ иное. Въ негодующихъ словахъ дѣвочки

просвѣчивало нехорошее тщеславіе и проснувшаяся въ ея молодомъ сердечкѣ неудержимая жажда удовольствій.

Тетя Саша заволновалась не на шутку и рѣшилась, не откладывая, съѣздить въ Новоспасское. Время, кстати, было теперь свободное. И въ концѣ іюня къ Ѳедору Степановичу неожиданно пришла телеграмма отъ свояченицы съ извѣстіемъ, что она будетъ въ Новоспасскомъ черезъ три дня.

Нельзя сказать, чтобы Макшеевъ этому извѣстію очень обрадовался. Не обрадовалась ему впрочемъ и Леночка, совсѣмъ не ожидавшая, что таковъ будетъ результатъ ея запальчиваго письма. Она поторопилась излить передъ теткой весь свой неукротимый молодой гнѣвъ, вовсе не думая звать Александру Осиповну въ деревню. Да и теперь самый этотъ гнѣвъ, какъ-то улегся. Непріятное впечатлѣніе отъ послѣдней поѣздки къ Асанинымъ успѣло понемногу изгладиться — Лева такъ краснорѣчиво убѣждалъ ее снова тамъ побывать и такъ уморительно высмѣивалъ своихъ кузинъ Асаниныхъ, въ томъ числѣ и хорошенькую Соню, что Леночка не устояла. Онъ недвусмысленно давалъ ей понять, что въ его глазахъ она неизмѣримо выше и привлекательнѣе этой несносной Сони, съ ея глупымъ чванствомъ и нелѣпыми претензіями.

И Леночка поддалась его настойчивымъ просьбамъ. Ужъ на четвертый день послѣ того, какъ разразилась надъ ней гроза отцовскаго гнѣва, она снова побывала съ братомъ у Асаниныхъ. Ѣхала она туда съ затаеннымъ чувствомъ торжества на сердцѣ, предвкушая заранѣе побѣду надъ красавицей-Соней, и при этой мысли ея самолюбивое сердечко наполнялось гордостью. На пути въ „Плоское“ Алеша чуть-чуть поддразнивалъ сестру, напоминая про недавнее рѣшеніе болѣе не бывать у Асаниныхъ.

— Ахъ, Алеша,—защищалась она,—ты не хочешь меня понять, мнѣ не за себя стыдно, а за папашу. Мнѣ все кажется, что на насъ будто пальцемъ указываютъ, оттого что мы его дѣти.

— Вотъ чего тебѣ надо было бы по настоящему стыдиться, Лена,—строго возразилъ ей братъ,—этого нехорошаго чувства. Стыдно то, что въ насъ дѣлается, а не то, въ чемъ мы неповинны. Пойми же это наконецъ...

— Да развѣ я виновата,—краснѣя, воскликнула она,—коли я невольно сравниваю папашу съ тѣми, кого мы встрѣчаемъ у Асаниныхъ: съ Константиномъ Гавриловичемъ, напримѣръ, или съ отцомъ Смолина, или даже съ Холминымъ...

— Ну и выходитъ, что ты судишь, какъ ребенокъ и вдобавокъ, какъ безсердечный ребенокъ. Предъ Холминымъ ужъ

отцу никакъ не приходится краснѣть. Тебѣ нравится въ немъ, что онъ одѣвается хорошо и по-французски говоритъ свободно, и смотритъ бариномъ... А на самомъ дѣлѣ это дрянной человѣкъ и въ сравненіи съ нимъ отецъ во сто кратъ выше по уму и... и по благородству даже. Ты знаешь, мы съ нимъ были у Холмина не далѣе, какъ вчера. Викторъ Павловичъ отца счелъ нужнымъ пригласить отобѣдать, потому что занялъ у него деньги. И лебезилъ же онъ передъ нимъ все время, хоть исподтишка и давалъ чувствовать иногда, что насъ за равныхъ все-таки не считаетъ. Вотъ это-то и подло—это затаенное пугливое тщеславіе, которое прячется ради какихъ-нибудь карманныхъ выгодъ. Отецъ это понялъ отлично и досталось таки отъ него Виктору Павловичу. Заговорили о разныхъ дѣловыхъ вопросахъ—о новой дорогѣ, о положеніи хозяйства—тамъ было еще два-три помѣщика—и толковали они вкривь и вкось, хвастаясь своими познаніями и общественнымъ положеніемъ, а въ сущности выдавали на каждомъ шагу свою безпомощность. Отецъ слушалъ-слушалъ, да все посмѣивался молча, а потомъ взялъ, да и разбилъ ихъ на всѣхъ пунктахъ, доказывая имъ какъ дважды два четыре, что въ своемъ хозяйствѣ они ничего не смыслятъ. Я, положимъ, съ этими вопросами мало знакомъ, а все-таки и я понималъ, что они передъ отцомъ пасуютъ. И жалко мнѣ ихъ стало... А впрочемъ, чего ихъ жалѣть?.. Туда имъ и дорога, коли пропадутъ они окончательно.

— Какъ? Всѣ? И Асанинъ тоже? И Григорій Александровичъ?

— Ну, не всѣ, положимъ. Кое-кто уцѣлѣетъ... Только пора ихъ прошла.

Леночка широко раскрыла удивленные глаза.

— Какъ?—спросила она:—по-твоему лучше у насъ и веселѣе и пріятнѣе, чѣмъ хотя бы въ „Плоскомъ". Неужто ты не чувствуешь, что тамъ—какъ тебѣ это сказать—все природное, родное, свое. А мы ни вѣсть откуда пришли, и всѣ на насъ смотрятъ какъ на чужихъ.

— Ну да, положимъ,—задумчиво и нерѣшительно отвѣтилъ молодой человѣкъ,—ничего хорошаго тутъ нѣтъ, коли старыхъ помѣщиковъ замѣнятъ новые... Послѣднее слово не за нами... Оно впереди—его скажетъ народъ... Ну да, впрочемъ, ты этого понять не можешь...

Онъ умолкъ и углубился въ раздумье. Алеша какъ бы цѣплялся за каждое доказательство правоты и превосходства отца, цѣплялся тѣмъ усиленнѣе, что самъ въ это плохо вѣрилъ. Надняхъ у него произошло опять столкновеніе съ Петей, по-преж-

нему съ тупымъ упорствомъ проводившимъ свою систему мелочного притѣсненія рабочихъ. И снова Өедоръ Степановичъ принялъ сторону младшаго сына. На этотъ разъ онъ даже напустился на Петю грознѣе прежняго.

— Не понимаю тебя, воля твоя, — сказалъ Өедору Степановичу Петя, оставшись съ нимъ вдвоемъ.—Что тебѣ за охота Алешѣ во всемъ потакать. Неужто ты не знаешь, что вѣрнѣе меня никто тебѣ не служитъ. Я у тебя, что цѣпная собака.

— Да,—отвѣтилъ, ухмыляясь, Өедоръ Степановичъ,—цѣпная собака нужна, спору нѣтъ, только надо, чтобы она знала кого ей кусать и когда, въ особенности. А теперь не время зубы точить. Чтò у меня на умѣ — тебѣ не вдомекъ, такъ слушайся по крайней мѣрѣ.

И Петя ушелъ отъ отца, какъ настоящій вѣрный песъ, ворча про себя, но не смѣя открыто не повиноваться.

XX.

Когда Алеша съ сестрой подъѣзжалъ къ усадьбѣ Константина Гавриловича, сердце у него взволнованно билось. Яркое счастіе, блеснувшее въ его жизни послѣ разговора съ Наташей, точно затуманилось. И онъ недовѣрчиво спрашивалъ себя, не сонъ, не призракъ ли было это счастіе. Съ этимъ чувствомъ на душѣ онъ вошелъ въ домъ Асанинныхъ. Но едва онъ спустился съ террасы въ садъ, его сомнѣнія исчезли. Онъ увидѣлъ Наташу, нагнувшуюся надъ клумбой. Она нарѣзывала цвѣты для букета.

Услыхавъ его шаги, она обернулась и съ самой открытой улыбкой протянула ему руку.

— Видите, за какой несерьезной работой вы меня застаете? Гости будутъ къ обѣду, и я хочу набрать цвѣтовъ. Татьяна Васильевна меня просила—я по этой части мастерица, а Соня этимъ заниматься не любитъ—руки боится запачкать.

Соня въ десяти шагахъ отъ нихъ о чемъ-то преважно толковала съ Лёвой, съ которымъ давно успѣла помириться.

Алеша пожалъ руку молодой дѣвушкѣ, и одного прикосновенія этой мягкой, теплой руки было достаточно, чтобы разсѣять его опасенія. Что-то искреннее, твердое было въ ея пожатіи. И счастливое настроеніе уже не покидало его весь этотъ день.

Къ обѣду пріѣхали Холминъ, Григорій Александровичъ, на

этотъ разъ безъ сына,—Николай Смолинъ что-то хандрилъ и не захотѣлъ сопровождать отца,—да еще кое-кто изъ сосѣдей. Разговоръ за обѣдомъ былъ очень оживленный, хоть слышались грустныя, безнадежныя ноты. Особенно громко жаловался Викторъ Павловичъ.

— Разоряютъ насъ,—возглашалъ онъ,—систематически разоряютъ... И если не придутъ къ намъ на помощь — мы пропали, а съ нами заодно пропала и Россія...

— Не слишкомъ ли ужъ за Россію пугаетесь?—мягко возразилъ Григорій Александровичъ.—Да и вспомните, Викторъ Павловичъ, крѣпко стоятъ только на собственныхъ ногахъ, въ подпоркахъ нуждаются одни расшатанныя зданія.

Холминъ всплеснулъ руками.

— Помню-съ, — отвѣтилъ онъ притворно сладкимъ голосомъ,—помню, вы на земскомъ собраніи не разъ это говорить изволили. И, положимъ, вы правы-съ. Мы въ самомъ дѣлѣ походить стали на расшатанное зданіе. Только наша ли это вина, когда насъ вотъ уже тридцать лѣтъ и сверху, и снизу расшатываютъ?

— О крѣпостномъ правѣ не перестали сокрушаться?—съ улыбкою произнесъ старикъ-Смолинъ.

— Какое тамъ крѣпостное право, помилуйте-съ!

Викторъ Павловичъ горько засмѣялся.

— Мы сами въ крѣпостные попали къ поземельнымъ банкамъ. На нихъ только и работаемъ.

— Вольно вамъ было, банки вамъ своихъ денегъ не навязывали.

— Да-съ, не навязывали,—качнувъ головой, возразилъ Холминъ.—Только петлю на шею намъ подставляли. И куда намъ дѣваться было, когда вокругъ насъ одни пьяные негодяи, которые и сами теперь, я думаю, по былымъ временамъ тужатъ, когда порядочнаго рабочаго ни за какія деньги не достать, а хлѣбъ нашъ никому не нуженъ и, за неимѣніемъ покупателей, отдается на съѣденіе мышамъ. Смѣяться надъ этимъ—грѣшно, воля ваша, Григорій Александровичъ.

Ему усердно поддакивали и другіе двое изъ пріѣхавшихъ гостей, тоже завязшіе по шею въ долги.

— А дѣтей на что̀ прикажете воспитывать? — не безъ паѳоса продолжалъ Викторъ Павловичъ, чувствуя себѣ поддержку.— Отъ имѣнія доходовъ никакихъ, а извольте тутъ въ городъ переселяться, чтобы Коленькѣ да Сашенькѣ воспитаніе дать.

Всѣ хорошо знали, что Коленька и Сашенька были ни при

чемъ въ разореніи Виктора Павловича, а причиной его было то, что и теперь, когда наступили тощіе годы, онъ не отставалъ отъ своихъ барскихъ вкусовъ и раза по два въ годъ не могъ устоять противъ искушенія съѣздить въ Петербургъ и тамъ, за какія-нибудь три недѣли просадить чуть ли не половину годового дохода.

— Я думаю,—съ снисходительной мягкостью вставилъ хозяинъ дома,—бѣда въ томъ, что мы вò-время не съумѣли приноровиться къ обстоятельствамъ и хозяйничаемъ спустя рукава, когда надо вести дѣла по-коммерчески.

— Да-съ, по-коммерчески,—хихикнулъ Викторъ Павловичъ.—Знаемъ, что вамъ, Константинъ Гавриловичъ, жаловаться не на что. Сахарный заводъ построили; по-американски хозяйничать изволите, вамъ и книги въ руки. А намъ то,—бія себя въ грудь, продолжалъ онъ:—намъ-то, простымъ смертнымъ, чтò дѣлать? И выходитъ-то на повѣрку, что одно средство осталось—бороду отпустить, въ зипунъ одѣться, да быть собственнымъ приказчикомъ, или пожалуй даже старостой, какъ дѣлаютъ кулаки. Въ этомъ и весь секретъ ихъ побѣды надъ нами, что нѣтъ у нихъ потребности жить по-человѣчески. А мы этого не умѣемъ-съ, не такъ воспитаны. Хоть и приходится хлѣбъ отдавать дешевле, чѣмъ намъ самимъ онъ стоитъ, а кулаками стать не можемъ-съ!..

При словѣ „кулакъ“ яркая краска бросилась въ лицо Алеши. И снова заговорилъ въ немъ стыдъ не за происхожденіе отца, а за то, что на его имени могло лежать пятно кулачества. И дрожащимъ голосомъ онъ заговорилъ, обращаясь къ Холмину.

— Не кулаку придется, Викторъ Павловичъ, послѣднее слово сказать... Есть, къ счастью, выходъ иной. Вы, вотъ, говорите, что хлѣбъ отдаете дешевле, чѣмъ вамъ самимъ онъ обходится... А про то вы забыли, что рядомъ съ вами есть голодные, которымъ не на что его купить и по этой дешевой цѣнѣ?

Холминъ презрительно тряхнулъ плечами, но молодой человѣкъ на это не обратилъ вниманія.

— Для васъ это—товаръ,—продолжалъ онъ:—вы производите его для барыша, и когда барыша этого нѣтъ, онъ въ вашихъ глазахъ теряетъ цѣнность. Но голодному онъ всегда нуженъ, и безобразное это положеніе общества должно кончиться. Коли барышъ промышленника улетучился, это значитъ только, что продукты земли получили свою настоящую, непоколебимую цѣнность. Народу барышъ не нуженъ, лишь бы онъ былъ сытъ.

— Ого, вотъ куда махнулъ,—засмѣялся Лёва,—прямо въ соціализмъ.

— Не знаю, — все болѣе горячась, продолжалъ Алеша,— соціализмъ это или нѣтъ, но по-моему тутъ единственная развязка теперешняго положенія.

Холминъ не возражалъ, оттого ли, что онъ считалъ ниже своего достоинства ломать копья съ юношей, или потому, можетъ быть, что на лицахъ хозяина дома и Григорія Александровича никакого ужаса слова Алеши не вызвали. Константинъ Гавриловичъ даже снисходительно улыбнулся.

— Вы, можетъ быть, и правы, молодой человѣкъ,—сказалъ онъ:—пророча намъ это, только видите, когда наступятъ эти блаженныя времена, никто работать не станетъ, потому что, кому же охота работать на одни орѣхи?

— Капиталисты не станутъ, можетъ быть, — попробовалъ возразить Алеша.

— Ахъ, Боже мой, — съ оттѣнкомъ нетерпѣнія отвѣтилъ Асанинъ, — да кто же не капиталистъ или, по крайней мѣрѣ, кто не желаетъ имъ сдѣлаться? Вѣдь и мужикъ, когда силъ наберется, принимается копить.

Григорій Александровичъ не сказалъ ничего. Изъ-за словъ Алеши онъ видѣлъ нѣчто иное—чистое, искреннее чувство, поднимавшееся въ груди молодого человѣка. Здѣсь, передъ этими чужими сухими людьми развѣнчивать его иллюзію онъ не хотѣлъ. И въ глазахъ старика свѣтилось то настоящее, всепонимающее сочувствіе, которое, не останавливаясь на оболочкѣ мысли, проникаетъ въ самую ея глубь. Но Алеша среди окружающихъ искалъ одного только взгляда, и глаза Наташи ему краснорѣчиво отвѣтили, что она тоже откликнулась на его искреннее, хоть и неопытное увлеченіе.

— Мы когда-нибудь про это поговоримъ на досугѣ,—сказалъ молодому человѣку Григорій Александровичъ, когда они встали изъ-за стола.—Двумя словами такихъ вопросовъ не порѣшишь. И знаете что̀—пріѣзжайте ко мнѣ въ „Васильки“ на дняхъ съ своимъ пріятелемъ, Лёвой.

Долго послѣ обѣда Алеша искалъ случая переговорить наединѣ съ Наташей. И наконецъ онъ улучилъ минуту.

Высыпавшая въ садъ молодежь, наскучивъ игрою въ law-tennis, понемногу разбрелась. Лёва громогласно объявилъ, что сейчасъ осѣдлаютъ лошадей, и они всѣмъ обществомъ поѣдутъ верхомъ. Наташа собиралась подняться на террасу, чтобы идти переодѣваться, какъ ее остановилъ подошедшій Алеша Макшеевъ.

— Кажется,—началъ онъ,—я за столомъ увлекся немножко. Такихъ вещей, пожалуй, не надо бы говорить въ вашемъ обществѣ.

Она повернула назадъ и пошла рядомъ съ молодымъ человѣкомъ вдоль цвѣтника, раскинутаго передъ домомъ.

— Въ этихъ вопросахъ я плохой судья, — отвѣтила она, улыбаясь.—Можетъ быть, это очень стыдно, но представьте себѣ, что я никогда ими серьезно не задавалась. Мелькнутъ они порою у меня въ головѣ, да и улетучатся незамѣтно.

— Будто?—настаивалъ Алеша. — Это на васъ не похоже. Не можетъ быть, чтобы васъ никогда не безпокоило то, въ чемъ самая глубокая, самая мучительная задача нашего поколѣнія.

— Не то чтобы не безпокоила,—она проговорила это почти извиняясь,—но я ихъ разрѣшала по-своему, по-женски. Добро надо дѣлать когда можешь, вокругъ себя, хотя бы оно было и крошечнымъ. То-есть, попросту, надо быть добрымъ. Ну, я и старалась быть такой, да и то не всегда. А заглядывать въ даль, стремиться за облака, вы знаете, я до этого не охотница. Такой ужъ меня природа сдѣлала. Я не стараюсь карабкаться на высокія горы, съ меня довольно и маленькихъ, но зато ближайшихъ, досягаемыхъ вершинъ.

Въ ея словахъ было какъ бы осужденіе тому, что онъ говорилъ за обѣдомъ. А между тѣмъ, онъ не только не разслышалъ въ нихъ такого осужденія, онъ понялъ, что молодой дѣвушкѣ его чувство сродни, хоть и не раздѣляетъ она, можетъ быть, его мыслей. Въ одинъ аккордъ сливаются вѣдь очень несхожіе звуки.

— Да и у меня,—отвѣтилъ молодой человѣкъ,—полной увѣренности нѣтъ. Есть одно только, горячее, искреннее желаніе, чтобы исчезли когда-нибудь между людьми поводы оспаривать другъ у друга каждый кусокъ хлѣба.

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но позади нихъ уже слышался громкій голосъ подбѣгавшаго къ нимъ Лёвы.

— Куда ты, Наташа? Воротись!—кричалъ онъ.—Опять съ Макшеевымъ принялись важныя матеріи разбирать? Охъ, ужъ эти мнѣ философы! Всѣ васъ дожидаются—лошади поданы.

И прерванную бесѣду такъ и пришлось отложить до другого раза. Весь этотъ вечеръ имъ все не давали оставаться вдвоемъ. Лёва какъ будто нарочно сторожилъ ихъ во время катанья, то-и-дѣло дразня сестру. Но имъ было и такъ легко на душѣ, невысказанная близость чувствовалась и безъ словъ, и въ общемъ молодомъ смѣхѣ будто звучала для нихъ особая, имъ однимъ понятная, сердечная нота.

Было уже поздно, когда вернулись съ катанья. Лошадей оставили на мельницѣ, гдѣ на берегу озера всѣмъ обществомъ

пили чай и оттуда рощею возвратились пѣшкомъ. Лёва съумѣлъ такъ устроить, чтобы вдвоемъ съ Леночкой незамѣтно отстать отъ прочихъ.

Дѣвушка послушно замедлила шагъ и слегка зардѣвшись, невольно улыбалась въ отвѣтъ на весь тотъ вздоръ, которымъ такъ самоувѣренно сыпалъ молодой человѣкъ. Глазки ея то стыдливо опускались, то украдкою опять вскидывались на Лёву, и улыбка въ нихъ вспыхивала на мигъ. А въ сущности ее ничуть не пугало, а только забавляло то, что̀ говорилъ ей молодой человѣкъ, все ближе, все откровеннѣе всматриваясь въ нее горячими черными глазами. Не испугалась она и того, что рука его, крадучись, незамѣтно обвила ея станъ, и Лёва, оборвавъ на какой-то недосказанной шуткѣ, скользнулъ быстрымъ поцѣлуемъ по ея розовымъ губкамъ. Правда, Леночка мгновенно отпрянула отъ него, освободившись отъ его руки, но едва-ли это было не оттого лишь, что въ полутьмѣ она разслышала, какъ затрещали сучья и кто-то чуть-чуть замѣтно хихикнулъ въ отдаленіи. И Леночка не ошиблась: это была Соня, подкравшаяся къ нимъ и подслушавшая весь ихъ разговоръ.

XXI.

Когда Александра Осиповна пріѣхала въ „Плоское", три дня спустя, она сразу увидѣла, что потревожилась напрасно. Леночка не казалась забитой и несчастной. Совсѣмъ даже напротивъ: шаловливыя искорки то-и-дѣло вспыхивали въ ея зрачкахъ. Зато она какъ-то пугливо сторонилась отъ тетки, словно прячась отъ ея зоркихъ, хоть и добродушныхъ глазъ и повторяя не разъ, какъ ей совѣстно, что Александра Осиповна изъ-за нея пустилась въ такой долгій путь.

— Чего ты извиняешься, душенька?—твердила тетя Саша, пристально вглядываясь въ ея, будто сконфуженное личико.— Мнѣ путешествіе не въ тягость. Я рада чистымъ воздухомъ подышать. А у васъ, ты говоришь, все идетъ теперь ладно? Ну, тѣмъ лучше, поживемъ—увидимъ...

Леночка очень хорошо понимала, что тетя Саша недовѣрчиво за ней слѣдитъ. И маленькая ея тайна обнаружилась очень скоро. Лёва подъ какимъ-то предлогомъ уже на другой день послѣ пріѣзда тети Саши побывалъ въ Новоспасскомъ, и съ перваго же взгляда на встревоженное, зарумянившееся личико дѣвушки Александра Осиповна догадалась, въ чемъ дѣло.

— Что, къ вамъ часто ѣздитъ молодой Богушевскій?—спросила она въ тотъ же день у Ѳедора Степановича.

— Довольно часто. Онъ мнѣ большую услугу оказалъ.

— Ну, я думаю, не за этимъ онъ сюда жалуетъ, — отозвалась она на его разсказъ, какъ ловко молодой человѣкъ измѣнилъ проектированное направленіе дороги. — Напрасно вы его сюда пускаете. Онъ, кажется, Леночкѣ совсѣмъ голову вскружилъ, а въ ея годы это никуда не годится.

Но Ѳедоръ Степановичъ только засмѣялся въ отвѣтъ.

— Э-э, пускай себѣ! Чего тутъ бояться? Мнѣ даже смѣшно глядѣть, какъ мой Алеша врѣзался въ дочку Владиміра Семеновича, а за Леночкой пріударяетъ его сынокъ. Какъ знать, можетъ, современемъ одну изъ двухъ парочекъ обвѣнчаемъ. А то, пожалуй, и обѣ... Законъ, правда, не велитъ, да что̀ законъ? Для тѣхъ, у кого деньги—онъ не писанъ...

И самодовольно покачиваясь, Ѳедоръ Степановичъ добавилъ:

— А не дурно будетъ, признайтесь, коли выйдетъ что-нибудь въ этомъ родѣ?

— Берегитесь,—строго и холодно промолвила тетя Саша,— не вышло бы у васъ чего-нибудь иного. Если Богушевскій только что-нибудь узнаетъ...

— Пускай себѣ, я его не боюсь. Неизвѣстно еще, кто кому честь окажетъ, коли сосватаемъ нашихъ дѣтей. Поглядѣли бы, какъ я сталъ теперь за панибрата со всѣми здѣшними воротилами. Да и не мудрено: у нихъ у всѣхъ давно карманы пусты, и передъ набитымъ кошелькомъ всѣ они пасовать готовы. Не дальше, какъ сегодня, посмотрите вотъ—онъ взялъ съ письменнаго стола распечатанный конвертъ и подалъ его Александрѣ Осиповнѣ,—я получилъ отъ Виктора Павловича Холмина приглашеніе быть у него съ моими въ четвергъ. Праздникъ затѣваетъ на весь уѣздъ.

— И вы поѣдете?

— Разумѣется, поѣду!

Ѳедоръ Степановичъ выпрямился во весь ростъ, и глаза его блеснули.

— Прошли тѣ времена, когда съ Ѳедькой Макшеевымъ знаться не хотѣли. Теперь во мнѣ заискиваютъ. Кромѣ двухъ-трехъ изъ этихъ господъ, развѣ не я изъ всего уѣзда богаче. И некого мнѣ трусить, нечего стыдиться. Могу теперь всѣмъ имъ прямо въ глаза глядѣть...

— Не слишкомъ ли вы уже заноситесь высоко, Ѳедоръ Степановичъ? Берегитесь!—повторяю вамъ. Не всѣ передъ день-

гами преклоняются. А такимъ богатствомъ, какъ ваше, гордиться нечего.

Но онъ махнулъ рукой и только захохоталъ въ отвѣтъ.

— А что,—вполголоса добавила Александра Осиповна,—признались вы передъ Алешей, откуда ваши деньги?

Самодовольство Макшеева исчезло мигомъ, и гнѣвомъ задрожалъ теперь его голосъ.

— Чтобъ я сказалъ про это Алешѣ? Да ужъ не собираетесь ли вы, чего добраго, ему насплетничать на меня? Не совѣтую—у меня руки длинныя!

Изъ-за этой угрозы слышалась, однако, плохо скрытая тревога.

— На этотъ счетъ вы можете быть покойны. Вы меня, кажется, хорошо знаете, Ѳедоръ Степановичъ,—было хладнокровнымъ отвѣтомъ тети Саши.

— То-то!.. Мы теперь съ Алешей живемъ душа въ душу. Желаніе ваше исполнилось, если оно только было искренне. Я на него пожаловаться не могу, да и онъ на меня тоже, кажется. Дурь, правда, у него изъ головы не вышла. Ну да все же онъ ужъ не то, что̀ прежде. Вникаетъ въ дѣла понемногу, входитъ во вкусъ... Я имъ доволенъ. Нѣжничаетъ съ народомъ немножко, ну да и это пройдетъ современемъ. Я пока ему не мѣшаю. Готовъ даже лишнимъ рублемъ пожертвовать, чтобы его потѣшить. Постарше будетъ, отучится и отъ этого. Пойметъ деньгамъ цѣну.

Александра Осиповна сомнѣвалась, чтобы сбылось когда-нибудь это предсказаніе. Но шурину возражать она сочла излишнимъ. И странное дѣло, какъ ни старалась тетя Саша поддержать семейный миръ и сблизить Алешу съ отцомъ, что-то ей кольнуло въ сердце при мысли, что племянникъ можетъ довѣриться этому самому отцу и, чего добраго, подчиниться его вліянію. Разговоръ съ Алешей на другой же день послѣ ея пріѣзда оставилъ въ душѣ тети Саши смутное, не совсѣмъ хорошее впечатлѣніе. Молодой человѣкъ говорилъ про отца совсѣмъ инымъ языкомъ, чѣмъ прежде, онъ готовъ былъ теперь заступиться за него, въ негодованіи на тѣхъ, кто, добиваясь его денегъ, не стыдился заочно позорить его имя. Макшееву удалось, очевидно, ввести сына въ заблужденіе. А скрытое злословіе его тайныхъ недруговъ довершило дѣло, какъ бы смывая въ глазахъ Алеши сомнительное прошлое Ѳедора Степановича. Тетя Саша не разъ порывалась раскрыть ему глаза, сказать, что̀ за человѣкъ его отецъ, и ка̀къ онъ нажилъ свое богатство. Но она еще

разъ подавила въ себѣ готовое вырваться признаніе, и свою правдивость вновь принесла въ жертву домашнему миру.

На слѣдующее воскресенье, на четвертый день послѣ пріѣзда Александры Осиповны, Алеша отправился къ Григорію Александровичу.

Подъѣзжая къ „Василькамъ", онъ чувствовалъ, будто собирается войти въ иной, болѣе высокій, болѣе чистый міръ.

Уютно и весело глядѣла небольшая усадьба, вся окруженная зеленью, съ быстрою, свѣтлою рѣчкой, протекавшей подъ стариннымъ садомъ. Невольное ощущеніе прочнаго, тихаго мира охватывало каждаго, кто подъѣзжалъ къ ней. Чувствовалось какъ-то сразу, что здѣсь ровно и честно протекала жизнь многихъ поколѣній, что владѣльцевъ никуда не тянуло изъ ихъ скромнаго уголка, и новые порядки не внесли въ эту жизнь ни тревоги неразрѣшимыхъ вопросовъ, ни суетливой жажды болѣе широкой жизни. Какъ на старомъ, крѣпкомъ деревѣ поднимается вѣтка за вѣткой, выростали одно за другимъ поколѣнія рода Смолиныхъ, и дѣти мирно вступали въ наслѣдіе отцовъ, продолжая ихъ дѣло, не враждуя другъ съ другомъ и постепенно обновляясь за-одно съ медленной, незамѣтной смѣной годовъ.

Григорія Александровича Алеша засталъ въ кабинетѣ—обширной комнатѣ, проходившей черезъ весь домъ, съ широкими окнами на двѣ стороны. Лучшимъ ея убранствомъ служили высокіе шкафы, наполненные сверху до низу книгами. И стоило пробѣжать названія этихъ книгъ, чтобы убѣдиться, какъ много разнообразнаго прочелъ на своемъ вѣку хозяинъ „Васильковъ". Среди этихъ вѣрныхъ друзей, говорившихъ ему на разныхъ языкахъ и раскрывавшихъ передъ нимъ все богатство человѣческой мысли, отъ древнихъ классиковъ до великихъ художниковъ пера, недавно сошедшихъ въ могилу, протекла его нетороплива жизнь. Только на самыхъ послѣднихъ годахъ будто обрывалась его любознательность, новѣйшіе современники, иностранные и русскіе, почти отсутствовали въ библіотекѣ Григорія Александровича. Онъ сидѣлъ за одной изъ книгъ Сенеки, когда вошелъ Алеша.

— А! молодой человѣкъ!—вставая, привѣтствовалъ его Смолинъ.—Сдержали слово—это хорошо. И вашъ пріятель Богулевскій тоже здѣсь. Они съ сыномъ куда-то пошли. А я, признаюсь, въ этотъ палящій жаръ люблю здѣсь уединяться, у меня тутъ всегда прохладно. Не обезсудьте старика, вы меня за Сенекой застали. Люблю классиковъ перечитывать. Теперь это

почти смѣшнымъ кажется. Ихъ позабыли оттого, должно быть,—засмѣялся онъ,—что слишкомъ усердно вдалбливаютъ классицизмъ въ юные мозги...

— Чтò?—спросилъ онъ, улавливая взглядъ Алеши, озиравшагося вокругъ:—васъ удивляетъ такое обиліе книгъ у помѣщика средней руки? Гдѣ намъ, провинціаламъ, столько перечитать? А все это въ самомъ дѣлѣ перечитано. И вы, чего добраго, подумаете, что это благодаря помѣщичьему бездѣлью? Умственное сибаритство сороковыхъ годовъ? Вѣдь я почти современникъ той эпохи. Надъ нами много смѣялись, идеалистами да баричами насъ обзывали, а все же, кажется, мы родинѣ послужили... Видите,—добавилъ онъ, улыбнувшись,—какимъ я старческимъ самохвальствомъ зараженъ и болтливостью тоже. Пойдемте, однако, отыскивать нашихъ молодыхъ людей. Кстати, я вамъ садикъ свой покажу.

Онъ взялъ со стола широкополую соломенную шляпу и трость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости.

— Пойдемте... За мной, помимо книгъ, другая еще страсть водится,—люблю въ свободное время деревья разсаживать. И много удалось развести такого, чего въ другихъ садахъ не отыщете.

Проходя черезъ террасу, Григорій Александровичъ похвастался передъ Алешей пышно расцвѣтшей магноліей,—это былъ въ самомъ дѣлѣ рѣдкій по красотѣ экземпляръ, и тутъ же, доставъ изъ кармана садовыя ножницы, старательно подстригъ лишнюю вѣтку, нарушавшую общую гармонію дерева.

— Вамъ кажется, можетъ быть, что это я напрасно, вѣтка смотрѣла такой здоровой. А я вотъ знаю, что она вытягивала лишніе соки, и цвѣтка отъ нея не дождаться. Много,—добавилъ онъ, смѣясь,—такихъ пышныхъ жировыхъ побѣговъ и среди „зеленой“ молодежи.

Они спустились въ садъ, гдѣ въ самомъ дѣлѣ на каждомъ шагу виднѣлась рука заботливаго хозяина.

— А чтò,—спросилъ Алеша,—Николай у васъ кажется скучаетъ въ деревнѣ?

— Скучаетъ, да. Оттого, что нѣтъ у него здѣсь самообмана, кажущагося оживленія, какое даетъ большой городъ. Ну, я не отчаяваюсь. Современемъ пойметъ, что самообмана этого совсѣмъ не нужно. Въ сущности натура его сродни деревенской тишинѣ. Онъ самъ только пока этого не понимаетъ.

Не долго имъ пришлось отыскивать молодыхъ людей. Нико-

лай и Лёва попались имъ на встрѣчу на первомъ же поворотѣ. Завидѣвъ Алешу, оба они какъ-то смущенно переглянулись.

— Не говори ему ничего, пожалуйста,—шепнулъ Николаю Смолину Лёва.—Я самъ лучше ему скажу, только попозже. Или даже не скажу совсѣмъ... Узнаетъ и безъ насъ. А ты какъ будто не радъ извѣстію?

Въ самомъ дѣлѣ Николай Смолинъ вовсе не глядѣлъ особенно веселымъ. Поздоровавшись съ Алешей, онъ будто чувствовалъ какое-то смущеніе.

— Удивительно у тебя безкорыстная натура,—опять шепнулъ Лёва.—Другой бы на твоемъ мѣстѣ...

Алеша замѣтилъ странную натянутость въ обращеніи съ нимъ товарищей, но о причинѣ онъ догадаться не могъ.

— А какого вы, Макшеевъ, тотъ разъ,—съ притворною развязностью засмѣялся Лёва,—страху напустили на Виктора Павловича.—Много онъ про васъ говорилъ потомъ. Можно развѣ такія ужасныя вещи проповѣдывать степнымъ помѣщикамъ?

— Вотъ было чего пугаться... Видно, сознаютъ эти господа, что не прочна у нихъ почва подъ ногами.

— А я вѣдь съ вами тоже не согласенъ,—началъ Григорій Александровичъ.—Ваше лекарство хуже самой болѣзни. И удивляюсь я, право, какъ оно молодежи такъ нравится. Въ юные годы рвешься къ борьбѣ, къ дѣятельности, а исполнись когда-нибудь ваше пророчество, всякой борьбѣ насталъ бы конецъ. Шутка сказать, была бы отнята у людей главная пружина—соревнованіе.

— Да, нечего сказать,—засмѣялся Николай,—скука вышла бы изрядная. У всѣхъ одинаковая увѣренность въ сегодняшнемъ днѣ, и никакой причины стремиться къ завтрашнему.

— Да развѣ соревнованіе можетъ быть только изъ-за куска хлѣба?—воскликнулъ Алеша.

— А то изъ-за чего же?—насмѣшливо спросилъ Лёва.—Споконъ вѣку палка оказывалась у тѣхъ, кто обладалъ смёткой, да крѣпкими мускулами. А у кого палка, у того, извѣстное дѣло, и все остальное.

Свѣтлыя искорки забѣгали по сѣрымъ глазамъ Григорія Александровича и съ обычнымъ мягкимъ юморомъ онъ замѣтилъ Лёвѣ:

— Ну, и вашъ рецептъ не совсѣмъ годится. Въ сущности, господство крѣпкихъ и умныхъ—это тоже кулачное право, какъ и власть грубаго большинства. А вся заслуга нашего вѣка, все наше превосходство надъ стариной—въ уваженіи къ личности,

въ томъ, что права какого-нибудь одного человѣка такъ же святы и ненарушимы, какъ интересы многихъ. Въ домъ гражданина Англіи никто не можетъ войти безъ его согласія, кромѣ развѣ одного суда.

— Да кто же примиритъ тогда,—съ разгорѣвшимся лицомъ перебилъ его Алеша,—нужды большинства съ правами личности?

— Кто?—улыбнулся Григорій Александровичъ, остановившись:—да все то же уваженіе къ человѣку, кто бы онъ ни былъ, слабый или сильный. Уваженіе, безъ котораго настоящей культуры нѣтъ и быть не можетъ. И только оно побуждаетъ каждаго признавать въ другомъ то же право, какое требуетъ для себя. И вотъ почему голое господство силы, не смягченное милосердіемъ, такъ же мало годится, какъ сплошное уравненіе. Положимъ, это мечта, иллюзія, но кто вѣруетъ въ будущее, не долженъ отчаяваться, что когда-нибудь эти счастливыя времена настанутъ.

Лёва чуть замѣтно хихикнулъ. Григорій Александровичъ только взглянулъ на него, не сказавъ ни слова. Съ минуту царило молчаніе. Николай Смолинъ, видимо, перебиралъ въ головѣ не совсѣмъ ясно сложившіяся мысли, полубезсознательно обивая своей тросточкой головки высокихъ полевыхъ цвѣтовъ. Григорій Александровичъ, видя это, сперва поморщился, а потомъ остановилъ сына, не вытерпѣвъ.

— Перестань, Николай, ты знаешь, я видѣть не могу, когда убиваютъ что-нибудь живое безъ повода.

Николай послушался тотчасъ и съ утомленнымъ видомъ опустился на скамейку.

— А,—произнесъ онъ какъ бы нехотя,—сколько разъ мнѣ доводилось прислушиваться къ такимъ спорамъ... И странно одно мнѣ кажется, всѣ какъ будто увѣрены, что завтрашній день непремѣнно долженъ быть лучше сегодняшняго, а между тѣмъ...

Онъ не договорилъ.

— Что „между тѣмъ?"—спросилъ его отецъ.

— Да то,—нехотя отвѣтилъ Николай,—что жалкое человѣчество, какъ больной въ кровати, только поворачивается съ боку на бокъ и не перестаетъ воображать, что ему непремѣнно станетъ легче. Въ одномъ развѣ поумнѣли—распознали суть всѣхъ такъ-называемыхъ „направленій". И поняли, что всѣ они одинаково никуда не годятся... И среди толковыхъ людей все меньше охотниковъ участвовать въ нелѣпой комедіи ихъ вѣчной борьбы. Предпочитаютъ сидѣть въ партерѣ и шикать плохимъ актерамъ.

— Да,—горько вставилъ Григорій Александровичъ,—съ такими взглядами, правда, не легко служить родинѣ.

— Служить? Кому служить?

Николай тряхнулъ плечами.

— Ты говоришь—родинѣ? То-есть, другими словами—добиваться карьеры. Приносить пользу другимъ, а не себѣ—про это мечтаютъ одни наивные люди. Чтò же ты меня карьеристомъ хотѣлъ бы видѣть? Или прикажешь служить такъ-называемой наукѣ, у которой ни на одинъ вопросъ нѣтъ положительнаго отвѣта? Или, чего добраго, народу, человѣчеству? Ради того, можетъ быть, что по однимъ мы всѣ отъ какой-то допотопной обезьяны происходимъ, а по другимъ - мы созданіе Высшей силы, исполнители какой-то непостижимой для насъ воли? И какъ рѣшить, кто изъ нихъ правъ. Когда самъ-то нашъ разумъ—это подобіе Высшаго разума, что-то ужъ очень плохимъ оказывается и довѣриться ему такъ же трудно, какъ чувствамъ, которыя насъ обманываютъ на каждомъ шагу. И выходитъ, что толковому человѣку осталось всего два исхода... или сидѣть, сложа руки, и жить въ свое удовольствіе, или работать для барыша. Вотъ и выбирай чтò лучше.

— Но одно-то въ васъ все-таки осталось,—горячо вступился Алеша:—привязанность къ вашему отцу, которому была бы великая радость видѣть васъ около себя. Это вѣдь по крайней мѣрѣ не условно, не призрачно. И не призрачна тоже польза, какую вы можете принести живущему вокругъ васъ темному люду. Неужели и это вамъ не доставило бы никакой радости, никакого удовлетворенія?

Николай Смолинъ отвѣтилъ вполголоса, не вскидывая даже на Алешу своихъ опущенныхъ глазъ.

— Доставило бы, можетъ быть. Даже навѣрно. Хотя въ сущности, это совсѣмъ нераціональное ощущеніе, и никто мнѣ доказать не въ состояніи, что у меня въ самомъ дѣлѣ есть какія-то обязанности къ этому темному люду... И кончится оно, вѣроятно, тѣмъ, что я отдамся этому нераціональному ощущенію и буду, какъ многіе, безполезно киснуть въ деревенскомъ углу. Одного только не будетъ никогда: не стану носиться съ иллюзіей, будто я какое-то великое дѣло творю.

На этомъ разговоръ оборвался. У всѣхъ какъ-то прошла разомъ охота продолжать споръ. И все остальное время, проведенное Алешей въ „Василькахъ", Григорій Александровичъ, уже не поднимая никакихъ тревожныхъ вопросовъ, показывалъ только молодому человѣку свои посадки. А въ глазахъ старика что-то

доброе свѣтилось, что-то похожее на благодарность за теплыя слова Алеши.

— Жаль мнѣ его, бѣднаго,—опять шепнулъ Лёвѣ Николай Смолинъ, когда Алеша уѣхалъ.

— Чего тутъ жалѣть? И тебѣ въ особенности? Съ такимъ горемъ помириться можно...

А про себя онъ мысленно добавилъ: „Мнѣ-то во всякомъ случаѣ папаша не помѣшаетъ на Леночкѣ жениться, если только захочу"...

XXII.

Темнѣло уже, когда Алеша Макшеевъ подъѣзжалъ къ Новоспасскому. Почти у самой околицы какой-то совсѣмъ юный паренекъ, должно быть его поджидавшій, отдѣлился какъ-то вдругъ среди полутьмы отъ каменной стѣны сарая и робко, хоть и быстро, подошелъ къ молодому человѣку.

— Вы Алексѣй Ѳедоровичъ будете? Ѳедора Степановича, значитъ, сынокъ?—спросилъ онъ хриплымъ, негромкимъ голосомъ.

— А чего тебѣ надо?—спросилъ Алеша.

— Письмо къ вамъ есть... Плоскинская барышня вамъ доставить наказала.

И онъ торопливо сунулъ молодому человѣку запечатанный конвертъ.

— Кто тебѣ это далъ? Какая барышня, скажи толково?—закидалъ его Алеша торопливыми вопросами.

Но паренекъ, едва исполнилъ порученіе, пустился бѣжать что было мочи, и тощая его фигурка мигомъ окунулась въ темноту.

Алеша поспѣшилъ къ крыльцу на своихъ бѣговыхъ дрожкахъ и собирался пройти въ свою комнату, какъ его поразила вдругъ какая-то суматоха въ домѣ. Въ сѣняхъ были разбросаны чьи-то вещи, громкіе голоса раздавались изъ кабинета Ѳедора Степановича, потомъ захлопнулась дверь, и тотчасъ затѣмъ показалась на порогѣ рослая, плечистая фигура Сергѣя Макшеева.

— Какъ, ты здѣсь? Когда ты пріѣхалъ?

— Часа два назадъ, небольше. И ужъ успѣлъ, какъ слѣдуетъ поругаться съ фатеромъ. Слышалъ, небось, какъ онъ на меня оралъ? Все по старой причинѣ, разумѣется. Ну, да это

ничего, обойдется. Я съ нимъ, какъ съ упрямою лошадью—пофыркаетъ, поломается, а возьмешь его за поводъ какъ слѣдуетъ...

— Какъ тебѣ не стыдно, Сережа?

— Говорятъ тебѣ, ничего, сойдетъ. Безпутный я человѣкъ, извѣстно это давно, и какъ на меня ни кричи, да и самъ я какъ ни старайся, толку изъ меня не выйдетъ. Да и съ какой стати скажи пожалуйста мнѣ на себя постъ накладывать? Ни на что я не гожусь, самъ это знаю, а у батьки денегъ куры не клюютъ. Все одно, значитъ. Пропадать когда-нибудь придется, это ужъ навѣрняка, а пока унывать незачѣмъ... Ей, Ѳомка,—окликнулъ онъ долговязаго мальчугана въ синей рубахѣ и высокихъ сапогахъ, съ поразительно тупымъ равнодушіемъ глазѣвшаго на молодыхъ господъ. — Тащи мои вещи наверхъ въ мою комнату. Ну, а ты Алешка, какъ поживаешь?

И Сережа своей мощной рукой обнялъ шею брата, чмокнувъ его мясистыми губами и обдавая крѣпкимъ запахомъ табаку и водки.

— Зайди ко мнѣ, хочешь?

Алешу разбирало нетерпѣніе прочитать только-что полученное письмо. Но онъ все-таки поднялся за братомъ въ небольшую скудно-меблированную комнату во второмъ этажѣ, которую Сережа въ свои пріѣзды всегда занималъ.

— Брось куда-нибудь, хоть на полъ—вотъ такъ,—отпустилъ Сергѣй Ѳомку и снова обратился къ брату.

— Ты что-то блѣденъ, Алешка, и будто встревоженъ чѣмъ-то? Что̀ съ тобой, разсказывай?

Онъ грузно усѣлся на кровати, держа Алешу за обѣ руки и съ любовью вглядываясь въ его лицо мутными сѣрыми глазами.

Но Алешѣ разсказывать не хотѣлось, и онъ отдѣлался какимъ-то неопредѣленнымъ отвѣтомъ.

— Ты лучше про себя что-нибудь повѣдай,—добавилъ молодой человѣкъ.

— Ну, секретничать хочешь со мной—твое дѣло,—добродушно отвѣтилъ Сережа.—А про меня что̀ толковать—старая пѣснь—въ долгу, какъ въ шелку. И отъ винища этого проклятаго отстать не въ силахъ... Была со мной исторія недавно съ товарищемъ, чуть было до барьера меня не довела... Ну, уладилъ кое-какъ... Словомъ, ничего. А все-таки скверная это жизнь, самъ понимаю. Ну, постой, коли ты разсказывать не

хочешь, давай я хоть себя въ порядокъ немножко приведу. А то весь въ пыли, да и не умывался слишкомъ цѣлыя сутки.

Сережа подошелъ къ столику возлѣ кровати и налилъ себѣ воды въ тазъ. Потомъ онъ раскрылъ чемоданъ и принялся выбрасывать оттуда вещи на полъ. Онъ не сразу отыскалъ, что̀ было нужно. Вещи передъ отъѣздомъ были уложены поспѣшно и въ безпорядкѣ. Вдругъ среди бѣлья Алеша замѣтилъ что-то блестящее, металлическое.

— Что̀ это?—воскликнулъ онъ, подходя.—Пистолетъ?

— Даже цѣлая пара. Совсѣмъ новенькіе. И отличной системы, погляди-ка! Это я по случаю несостоявшейся дуэли пріобрѣлъ.

Алеша машинально взялъ изъ руки брата пистолетъ и, разсѣянно повертѣвъ его въ своей, бросилъ назадъ въ чемоданъ.

— Э, да ты, братецъ, поосторожнѣе—они заряжены. Не лучше ли ихъ на всякій случай убрать подальше, а то, чего добраго...

И Сережа бережно взялъ обѣ смертоносныя игрушки и заперъ ихъ въ ящикъ стола, но ключъ оставилъ въ замкѣ.

— Кто знаетъ,—разсмѣялся онъ,—можетъ быть, пригодится для чего-нибудь иного—порой мнѣ приходитъ въ голову, что не отвертѣться мнѣ отъ сквернаго конца...

— Полно! Что за дикія мысли!—невольно вздрогнувъ, перебилъ его Алеша.—Такіе, какъ ты, не застрѣливаются.

— И какъ еще застрѣливаются! На это, дружокъ мой, указки нѣтъ. Закрутитъ въ урочный часъ голову шальная мысль, и самъ не знаешь, какъ это выйдетъ—дуло къ виску—и бацъ!

Онъ коротко засмѣялся, и невеселый звукъ этого смѣха замеръ среди молчанія. Пламя свѣчи на комодѣ разгорѣлось сильнѣе, озаривъ поблѣднѣвшее лицо Алеши, у котораго сердце сильно застучало въ груди.

— Ну, Сережа, — сказалъ онъ какимъ-то неестественнымъ глухимъ голосомъ,—у меня дѣло есть, спѣшное дѣло. Пойду къ себѣ, а черезъ полчаса, коль хочешь, вернусь опять.

— Нѣтъ ужъ, братъ, лучше не приходи. Пожелаю тебѣ пока доброй ночи и завалюсь спать. Усталъ какъ собака.

Братья разстались. Войдя въ свою комнату, Алеша дрожащей рукой чиркнулъ спичкой и зажегъ свѣчу на письменномъ столѣ. Потомъ онъ торопливо досталъ изъ кармана письмо и не безъ труда разорвалъ конвертъ — пальцы ему повиновались плохо.

Онъ прочелъ слѣдующее:

„Мнѣ непремѣнно надо васъ видѣть завтра. Будьте въ 11 часовъ въ Моховомъ лѣсу, около поляны, гдѣ пасѣка. Я постараюсь не заставить васъ дожидаться. Вчера произошелъ неожиданный случай, о которомъ я должна вамъ сообщить“.

Вмѣсто подписи, стояла одна только буква „Н“. Молодой человѣкъ никогда не видалъ почерка Наташи, но онъ, разумѣется, ни минуты не усомнился, кѣмъ были написаны эти строки. Радость и боязнь одновременно имъ овладѣли,—радость, что онъ увидитъ ее съ глазу на глазъ, и въ то же время боязнь, не произошло ли чего-нибудь неожиданно-грознаго, могущаго надолго, пожалуй даже навсегда, разрушить всѣ его надежды. Онъ не спалъ всю ночь и поднялся чѣмъ свѣтъ. Нервный ознобъ пробѣгалъ по всему его тѣлу. Случайно онъ увидѣлъ себя въ зеркалѣ и почти испугался — лицо его было мертвенно-блѣдно. Отъ вчерашней радости будто и слѣда не оставалось.

Сѣренькій день тускло вставалъ надъ полями, весь укутанный мглистымъ туманомъ. Такіе дни и на югѣ выпадаютъ иногда въ самую середину лѣта. Тишина стояла полная, когда Алеша, много раньше назначеннаго срока, заложилъ бѣговыя дрожки и погналъ лошадь, что было мочи, по дорогѣ въ Моховой лѣсъ. До мѣста, выбраннаго Наташей, было верстъ семь: оно приходилось какъ разъ на полъ-дорогѣ между Новоспасскимъ и усадьбою Константина Гавриловича. „Моховымъ лѣсомъ“ назывался сухой пригорокъ, посреди котораго высоко поднимались рѣдкіе дубы, а вокругъ нихъ, гдѣ недавно произведена была порубка, цѣпкій кустарникъ расползался по сѣрому мху. Когда Алеша подъѣхалъ къ рощѣ, тѣнь отъ деревьевъ на опушкѣ пересѣкла ему дорогу, странное унылое чувство защемило у него въ груди, то особое чувство, какое вызываетъ иногда полное уединенное безмолвіе. Кругомъ во всю широкую даль полей не видно было ни души. Все точно замерло, и въ самомъ лѣсу, какъ часто бываетъ въ сѣрый день, не слышно было живого существа. Ни птичьяго свиста, ни жужжанія пчелъ, ни быстро-дрожащаго полета легкокрылаго насѣкомаго. Вѣтра не было тоже, хотя изрѣдка точно болѣзненная дрожь пробѣгала по рѣдкой листвѣ верхушекъ. Молодой человѣкъ взглянулъ на часы—еще половина одиннадцатаго. Доѣхавъ до мѣста, онъ соскочилъ съ дрожекъ и привязалъ лошадь къ стволу дерева. Сперва онъ хотѣлъ здѣсь дожидаться Наташи и усѣлся-было на мху, но тревожное чувство не давало ему оставаться въ покоѣ—минуту спустя онъ былъ уже на ногахъ и тревожно принялся расхаживать взадъ и впередъ, нетерпѣливо вглядываясь въ широкую даль.

Такъ прошелъ цѣлый часъ, мучительный, безконечный. И вотъ, когда онъ уже почти отчаявался, пріѣдетъ ли она, легкое облако пыли вдругъ показалось по отлогому склону пригорка, спускавшагося къ „Плоскому". Еще минуты двѣ, и онъ ясно могъ разглядѣть гнѣдую лошадь, ѣхавшую рысью. Еще минута, и Наташа была возлѣ него, съ обычной, доброй, прямой улыбкой въ глазахъ. Только на этотъ разъ ему показалось, что это была очень грустная улыбка.

— Опоздала, извините, — начала она, подавая руку.—Что, скажите откровенно, пришла вамъ въ голову мысль, чтобы я могла не сдержать слова?

Онъ покачалъ головой.

— А представьте себѣ, это чуть было не случилось. Соня такъ и не отставала отъ меня все утро, точно она догадывалась. Мнѣ не малаго труда стоило ускользнуть отъ надзора.

Онъ помогъ ей соскочить на землю и повелъ ея лошадь подъ уздцы. Они пошли рядомъ.

— Мнѣ необходимо было васъ видѣть, — заговорила опять молодая дѣвушка,—чтобы сообщить вамъ недобрую вѣсть... недобрую для насъ обоихъ. Надо, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время, чтобы вы не показывались въ „Плоскомъ". Въ субботу отецъ былъ у насъ и узналъ... узналъ черезъ Соню, что вы и сестра ваша къ намъ ѣздите...

— Какъ?—перебилъ ее Алеша:—до сихъ поръ это оставалось тайной для Владиміра Семеновича?

— Да... Мы рѣшили про это пока ему не говорить... Лёва и я, и Константинъ Гавриловичъ тоже. Вы мнѣ довѣряете, надѣюсь, Алексѣй Өедоровичъ? — добавила она, замѣтивъ тревогу и смущеніе на его лицѣ.—Вполнѣ довѣряете?

— Значитъ, — воскликнулъ молодой человѣкъ, не отвѣчая прямо на вопросъ, — есть все-таки какая-то нехорошая тайна, которую отъ меня скрывали до сихъ поръ? Есть у вашего отца причина...

— Есть одно,—спокойно возразила Наташа,—предубѣжденіе отца противъ Өедора Степановича, основанное на какихъ-то старинныхъ недоразумѣніяхъ, которыхъ я не знаю и не хочу знать.

Она прямо и смѣло глянула на Алешу, ясно говоря ему этимъ взглядомъ, какъ дорогъ онъ ей.

— Но,—запальчиво возразилъ молодой человѣкъ,—если вы сочли нужнымъ предупредить меня, если двери вашего дома для меня теперь закрыты...

Она перебила его опять все такъ же ласково и спокойно:

— Неужели самолюбіе въ васъ такъ сильно, что изъ-за него вы даже не рады меня видѣть? Не понимаете, что я съ отцомъ не заодно. И этого съ васъ не довольно?

Волна счастія прилила къ сердцу Алеши, когда онъ услыхалъ это. Ему захотѣлось покрыть ея руку поцѣлуями, привлечь ее къ себѣ, сказать ей, наконецъ, про свою любовь—но онъ сдержался.

— Наташа, милая, — проговорилъ онъ только, останавливаясь, и краска бросилась въ его блѣдное лицо,—вы... вы сами не знаете, какъ я жаждалъ такой минуты, гдѣ бы я могъ видѣться съ вами съ глазу на глазъ и все сказать вамъ съ полною искренностью. Отчего же къ этой радости должно примѣшиваться чувство стыда за что-то нехорошее въ прошломъ. Вѣдь поймите, какъ ни счастливъ я васъ видѣть, я не могу позабыть, что я сынъ человѣка, котораго вашъ отецъ, повидимому, имѣетъ право...

Слово „презирать“ готово было у него сорваться, и Наташа это поняла. Почти безсознательно она приложила на мигъ свою тонкую ручку къ его губамъ, чтобы не дать имъ произнести это слово.

— У моего отца свои причуды,—проговорила она тихо,—вы не обязаны съ ними считаться. Я, видите, ихъ не раздѣляю.

Удерживаться Алеша былъ долѣе не въ силахъ. Онъ выпустилъ поводъ, и схвативъ ея ручку, прильнулъ къ ней страстнымъ поцѣлуемъ.

— Стало быть,—заговорилъ онъ взволнованнымъ голосомъ, и глаза его заблестѣли,—вы меня не стыдитесь за это прошлое, каково бы оно ни было?..

Дѣвушка не отнимала своей руки, и все нѣжнѣе становился взглядъ ея большихъ глазъ.

— Такъ скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, каково это прошлое? Я все хочу знать. Теперь никакой стыдъ для меня не страшенъ.

Она потупилась передъ его воспаленнымъ взглядомъ.

— Говорю же я вамъ, что сама не знаю ничего и не хочу знать. Васъ я... уважаю,—другое слово просилось ей на языкъ, но она его не выговорила,—и вы не отвѣчаете за своего отца, если даже онъ въ чемъ-либо провинился. Знайте,—она снова подняла голову, и рѣшимость опять заблистала въ ея глазахъ,—знайте, что̀ бы ни случилось, я не измѣню... своего мнѣнія о васъ.

Кровь теперь громко застучала у него въ головѣ—ему захотѣлось бо̀льшаго.

— Только мнѣніе? Да скажите же—скажи, Наташа, чтò я давно жажду услышать — что ты меня любишь, какъ я тебя люблю—на всю жизнь.

— На всю жизнь, — прошептала она, тихо склоняя голову къ нему на плечо, и весь дрожа отъ избытка счастія, онъ осыпалъ ея лицо горячими поцѣлуями...

Цѣлый часъ еще они проговорили вдвоемъ, но Алеша ужъ не спрашивалъ, чтò случилось въ „Плоскомъ" въ пріѣздъ Владиміра Семеновича.

А случилось вотъ чтò: съ той самой минуты, когда Соня подстерегла Леночку съ молодымъ Богушевскимъ, она твердо рѣшилась отомстить, не разбирая средствъ и не страшась даже отцовскаго гнѣва. И когда Владиміръ Семеновичъ въ субботу пріѣхалъ и по обыкновенію сталъ разспрашивать, кто перебывалъ въ „Плоскомъ" за недѣлю, Соня будто невзначай, съ притворной наивностью назвала Макшеевыхъ.

— Макшеевы?—закипятился Владиміръ Семеновичъ?—Какіе Макшеевы?

— Да не знаю хорошенько, — съ невинностью во взглядѣ отвѣтила Соня, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ грознаго выраженія на лицѣ Константина Гавриловича.—Тутъ по сосѣдству, верстахъ въ пятнадцати, кажется, есть имѣніе Новоспасское. Его купилъ недавно какой-то Макшеевъ... Ну, его дѣти сюда и ѣздятъ.

— Да, Новоспасское купилъ не кто иной, какъ Ѳедька, мой бывшій приказчикъ—воръ и мошенникъ, какихъ мало. И ты пускаешь сюда, — накинулся онъ на Асанина, — это мужицкое отродье—дѣтей такого мерзавца?

Константинъ Гавриловичъ сказалъ нѣсколько словъ въ защиту Алеши и Леночки, называя ихъ очень милыми. Но сказалъ это онъ небрежно, хорошо сознавая, что никакіе доводы на двоюроднаго брата не подѣйствуютъ.

— Ты у себя дома, Константинъ, и я помню, что не имѣю права вмѣшиваться. Но если ты хоть на каплю имѣешь ко мнѣ уваженія, прошу тебя сюда больше не пускать этой дряни! Да и не понимаю тебя, признаюсь, что за охота съ такими людьми знакомство водить?!

— Вы бы лучше спросили у Наташи, — будто невзначай проронила Соня, — чтò ей такъ понравилось въ Алешѣ Макшеевѣ?

Владиміръ Семеновичъ остолбенѣлъ. Негодованіе его не могло даже вылиться словами—оно сдавливало ему горло. Чтобъ род-

ная дочь, чтобъ его Наташа могла...—Глаза его налились кровью, блуждая по комнатѣ и какъ бы ища, на комъ вылить свой гнѣвъ. И гнѣвъ этотъ, на минуту сдержанный удивленіемъ, разразился надъ дочерью:

— Если въ тебѣ нѣтъ стыда... если ты, дрянная дѣвчонка, съ сыномъ этого мазурика вздумала путаться,—Владиміръ Семеновичъ уже не разбиралъ словъ,—я покажу тебѣ, что у тебя есть отецъ, который не допуститъ до такого срама, чтобы дочь его шуры да муры заводила съ сыномъ проворовавшагося приказчика... О, кабы мнѣ только гдѣ-нибудь встрѣтить этого Ѳедьку—проучилъ бы я его! Слышалъ, что его принимать стали на равной ногѣ: и все изъ-за его награбленныхъ денегъ—стыдъ и срамъ!

Владиміръ Семеновичъ долго ораторствовалъ на эту тему, расхаживая крупными шагами по террасѣ, гдѣ происходила эта сцена. Наташа ему не отвѣчала, но про себя она твердо рѣшила, что своей любви къ Алешѣ она не принесетъ въ жертву отцовскимъ предразсудкамъ. И теперь только, можетъ быть, молодая дѣвушка отчетливо поняла, какъ она его полюбила.

XXIII.

Въ четвергъ, 29-го числа, былъ праздникъ въ Корсовкѣ, имѣніи Виктора Павловича Холмина, задавшаго пиръ на весь уѣздъ, по случаю или, вѣрнѣе, подъ предлогомъ именинъ своего старшаго сына, Павлуши. На самомъ дѣлѣ, этотъ долговязый и довольно-таки безтолковый шестнадцатилѣтній мальчуганъ тутъ былъ ни при чемъ. Тщеславіе, не покидавшее Холмина, несмотря на разстройство дѣлъ, заставляло его добиваться предводительства, въ надеждѣ затѣмъ попасть въ вице-губернаторы и сдѣлать административную карьеру. Стародавняя нехитрая подкладка уѣздной дипломатіи, основанная на сытныхъ обѣдахъ и усердномъ подговариваніи, была пущена въ ходъ, чтобы создать Виктору Павловичу небывалую популярность. Всѣ близкіе и дальніе сосѣди были созваны отъ мала до велика. И хотя большинство ихъ не явилось на зовъ будущаго кандидата въ уѣздные вожди, все же собралось въ Корсовку не мало гостей. Благодатный уголъ, въ которомъ лежало имѣніе Холмина, хоть и пострадалъ значительно за послѣдніе годы, не представлялъ еще, однако, картины полнаго разоренія, какъ многіе черноземные уѣзды. Это не мѣшало, конечно, собравшимся передъ обѣдомъ

въ кабинетѣ хозяина обмѣниваться давно извѣстными, безнадежными жалобами.

Одинъ только Константинъ Гавриловичъ, да Смолинъ, да еще кое-кто, у кого дѣла были въ порядкѣ, не принималъ участія въ этомъ грустномъ хорѣ, предпочитая вести иныя не столь праздныя бесѣды. Тутъ шла рѣчь о новыхъ правительственныхъ мѣрахъ, о народномъ образованіи, о тарифахъ, и затѣвалось крупное дѣло—устройство земледѣльческаго синдиката.Но большинство въ этомъ разговорѣ не участвовало, слишкомъ хорошо чувствуя, что крылья у нихъ ужъ подрѣзаны.

Былъ здѣсь и Ѳедоръ Степановичъ, котораго Холминъ тоже пригласилъ съ дочерью и сыномъ, какъ нужнаго человѣка. Леночка принарядилась къ поѣздкѣ и глядѣла очень хорошенькой въ своемъ новенькомъ платьицѣ. Александра Осиповна уговаривала ее не ѣхать, вполнѣ откровенно твердя и ей, и шурину, что незачѣмъ соваться не въ свой кругъ. Да и казалось тетѣ Сашѣ, что не совсѣмъ полезно для Леночки показываться въ большомъ обществѣ, гдѣ ея скороспѣлое тщеславіе могло только найти себѣ лишнюю нездоровую пищу. Но Леночка такихъ совѣтовъ и слышать не хотѣла. Юная ея головка слишкомъ ужъ разгорячилась, напередъ мечтая объ ожидавшихъ ее успѣхахъ. А Ѳедоръ Степановичъ потворствовалъ жгучему желанію дѣвочки поблистать новымъ туалетомъ и, чего добраго, заткнуть за поясъ даже болѣе взрослыхъ. Алеша тоже не поддержалъ тетки. Онъ зналъ, что его ожидаетъ новая встрѣча съ Наташей, и ему хотѣлось, чтобы всѣ въ этотъ день, въ особенности сестра, чувствовали себя такими же счастливыми, какъ онъ.

И надежда не обманула его. Едва успѣли Макшеевы пріѣхать—цѣлыхъ три экипажа подкатили къ крыльцу, привозя съ собой обитателей „Плоскаго". Алеша не могъ бы догадаться, увидавъ Константина Гавриловича и его семью, что всего только за нѣсколько дней произошла бурная сцена, разсказанная ему Наташей. Константинъ Гавриловичъ поздоровался съ нимъ привѣтливо, а съ его отцомъ хотя нѣсколько сухо, но вполнѣ вѣжливо. Соня не подавала виду, что недавно сдѣлалась виновницей такой передряги. Она глядѣла смиренницей и протянула ему руку какъ ни въ чемъ не бывало. Ольга Андреевна тоже, очевидно, не раздѣляла взглядовъ мужа. Извинившись передъ хозяевами, что Владиміръ Семеновичъ не можетъ пріѣхать, потому что дѣла задерживаютъ его въ городѣ, она взглянула на Алешу скорѣе съ виноватымъ, чѣмъ съ разгнѣваннымъ выраженіемъ на лицѣ. Впрочемъ, Ольга Андреевна умѣла только сми-

ренно проливать слезы, а гнѣваться давно ее отучила слишкомъ ужъ тяжелая жизнь. Одинъ только Лёва смотрѣлъ немного искоса на товарища съ насмѣшливымъ выраженіемъ въ глазахъ. „Видно, еще не знаетъ, что̀ случилось,—подумалъ онъ,—а коли знаетъ... Да, впрочемъ, мнѣ какое дѣло—ему кашу расхлебывать придется“.

Алеша замѣтилъ ироническую улыбку пріятеля, но ему было не до этого. Въ глазахъ Наташи онъ читалъ такую искреннюю и такую довѣрчивую близость, въ самомъ пожатіи ея руки было столько откровенно-дружескаго, что весь остальной міръ будто пересталъ для него существовать съ той минуты, какъ они встрѣтились. Имъ незачѣмъ было даже уединяться отъ прочихъ—среди общей пестрой болтовни они чувствовали ясно, что есть у нихъ тотъ особый дорогой міръ, котораго не можетъ испортить ничье непрошенное прикосновеніе. Тихая, благодарная радость наполнила сердце Алеши, совсѣмъ изгладивъ изъ его памяти тревожныя мысли о прошломъ.

И когда ему случайно довелось на нѣсколько минутъ остаться съ Наташей вдвоемъ на террасѣ, откуда вся молодежь шумною гурьбой высыпала въ садъ, они, уже не заглядывая въ это прошлое, заговорили о томъ, что̀ предстояло впереди, точно и сомнѣваться нельзя было, что будущее имъ принадлежало вполнѣ. И тутъ они поняли какъ-то разомъ, что̀ за перемѣна совершилась въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Ужъ не украдкою только, а съ полною увѣренностью, что каждый изъ нихъ имѣетъ право знать касающееся другого, они принялись толковать о своихъ планахъ. Алеша съ радостью говорилъ, что отецъ уже не противится его желанію занять каѳедру, что осенью онъ уѣзжаетъ въ Германію и пробудетъ цѣлый годъ въ двухъ тамошнихъ университетахъ. А тамъ широкая плодотворная дѣятельность раскрывалась передъ нимъ. Наташѣ теперь не менѣе улыбалось избранное ею поприще, и хотя они не сказали ни слова о своей любви, эта любовь проникала все ихъ существо, чувствовалась въ каждомъ взглядѣ.

Ихъ разговоръ былъ прерванъ Николаемъ Смолинымъ, только-что пріѣхавшимъ изъ „Васильковъ“.

— Видите,—сказалъ онъ весело, обращаясь къ Наташѣ,—я вышелъ изъ добровольнаго затворничества и, кажется, стряхнулъ съ себя хандру. Отчасти благодаря ему,—добавилъ онъ, указывая на Алешу.—Я былъ очень недоволенъ собой все это время—я сознавалъ, что огорчаю отца, а между тѣмъ соглашаться съ его взглядами не могъ. Ну, теперь, кажется, наша

скрытая размолвка прошла. Мнѣ стало ясно за послѣдніе дни, что говорила во мнѣ одна только русская матушка лѣнь, которая такъ охотно прикрашивается разными иными названіями. Мое избалованное привередничанье—это было не что иное, какъ неохота взяться за какое-нибудь опредѣленное дѣло. Ну и, кажется, я съ этой неохотой справился.

— И сейчасъ повеселѣли. Видите, какъ это хорошо,—сочувственно отозвалась Наташа, знавшая, что за ней, пожалуй, главная вина въ охватившей-было Смолина хандрѣ. Она охотно постаралась бы его утѣшить совсѣмъ, если бы только это было въ ея власти. А Смолинъ угадалъ ея мысль и, смѣясь, добавилъ:

— Хочу вамъ доказать, Наталья Владиміровна, что другую свою блажь я тоже выкинулъ изъ головы. По крайней мѣрѣ воображаю, что выкинулъ.

Совсѣмъ иныя рѣчи велись между тѣмъ среди представителей старшаго поколѣнія. Мужчины собрались передъ обѣдомъ въ столовой вокругъ обильной закуски, дамы въ гостиной довольно уныло толковали о мѣстныхъ сплетняхъ и о домашнемъ хозяйствѣ.

Ѳедоръ Степановичъ, разрѣшившій себѣ уже три рюмочки полынной, совсѣмъ пріободрился и даже чуть-чуть хваталъ черезъ край. Раза два онъ рѣзко, почти грубо, оборвалъ кое-кого изъ мѣстныхъ господъ, не примѣчая даже, что у Константина Гавриловича и у Смолина отъ его словъ губы складывались въ презрительную улыбку.

— Да надо же, наконецъ,—громко ораторствовалъ онъ,—признаться въ настоящей правдѣ. Не кризисъ виноватъ, господа, а никто, какъ вы сами. Вѣдь много лѣтъ сряду дѣла шли какъ нельзя благополучнѣе, и кто же велѣлъ вамъ этимъ не воспользоваться? Сколотить бы копѣйку, завести хозяйство по настоящему, и главное, поучиться,—такъ не приходилось бы теперь...

Слова его были прерваны громкимъ звономъ бубенчиковъ. Кто-то еще подъѣхалъ къ крыльцу. Викторъ Павловичъ бросился въ сѣни принимать гостя, и оттуда послышался громкій, немного жирный, самодовольный голосъ. Ѳедоръ Степановичъ насторожилъ уши: голосъ ему показался знакомымъ. Минуту спустя, Владиміръ Семеновичъ Богушевскій входилъ въ залъ съ хозяиномъ дома.

— Не разсчитывалъ къ вамъ сегодня явиться, а вотъ собрался-таки,—извинялся онъ.—Были дѣла, несмотря на праздникъ. Но сплавилъ ихъ раньше, чѣмъ думалъ, и маршъ на поѣздъ! А со станціи къ вамъ извозчика нанялъ, и, кажется, по-

палъ къ самому обѣду... Почти незванымъ гостемъ,—добавилъ онъ все тѣмъ же самодовольно-веселымъ тономъ и принялся здороваться съ присутствующими. Какъ начальникъ отдѣленія банка, въ которомъ всѣ нуждались, онъ былъ въ губерніи едва-ли не самымъ популярнымъ человѣкомъ. На всѣхъ лицахъ онъ видѣлъ радушіе, на многихъ умильную улыбку, готовую превратиться въ настоятельную просьбу. Но Богушевскій съумѣлъ отдѣлаться отъ сыпавшихся на него корыстныхъ любезностей—онъ сильно проголодался и спѣшилъ приложиться къ закускѣ. Едва онъ подошелъ къ столу, взглядъ его упалъ на Ѳедора Степановича, и лицо мгновенно измѣнилось. Багряный румянецъ залилъ ему щеки. Жилы на вискахъ натянулись, глаза налились кровью, и гнѣвная морщина легла между бровями. На мгновенье онъ оставался неподвижнымъ, глядя въ упоръ на Макшеева, потомъ обернулся къ хозяину дома и громкимъ дрожащимъ голосомъ сказалъ:

— Кто это у васъ тутъ, Викторъ Павловичъ, позвольте спросить? Это ужъ не Ѳедька ли Макшеевъ попалъ въ число вашихъ гостей?

Ѳедоръ Степановичъ вздрогнулъ и что-то подтолкнуло его броситься впередъ, но онъ такъ и застылъ на мѣстѣ. Самоувѣренности его мигомъ не стало. Она потухла вдругъ, какъ задутое пламя свѣчи... Всѣ прочіе стояли вокругъ въ нѣмомъ ожиданіи бури. А кое-кто, предвкушая крупный скандалъ, злорадно улыбался.

— Извините, господа,—продолжалъ Владиміръ Семеновичъ, возвышая голосъ,—коли я позволю себѣ нарушить общее праздничное настроеніе. Но уважаемый всѣми нами Викторъ Павловичъ и вы, кажется, тоже не подозрѣваете, кто здѣсь посреди васъ и съ кѣмъ вы ведете знакомство. Такъ ужъ я позволю себѣ вмѣсто нашего милаго хозяина расправиться съ этимъ человѣкомъ какъ слѣдуетъ!

И говоря это, протянутой лѣвой рукой онъ прямо указывалъ на Макшеева. Дамы, услыхавшія первые гнѣвные звуки голоса Владиміра Семеновича, показались въ дверяхъ гостиной, вызванныя оттуда любопытствомъ, а самъ Ѳедоръ Степановичъ попробовалъ стушеваться, совершенно растерявшись передъ грознымъ окрикомъ Богушевскаго.

— Макшеевъ, ни съ мѣста!—остановилъ его Владиміръ Семеновичъ:—коли тебѣ наглости хватило втереться въ общество порядочныхъ людей, такъ изволь слушать! Пусть всѣ узнаютъ, что ты такой. Этотъ человѣкъ,— и онъ подступилъ совершенно

близко къ Ѳедору Степановичу, который будто съежился весь подъ его негодующимъ взглядомъ,—этотъ человѣкъ, господа, безнаказанно грабилъ и отца моего, и меня, пользуясь нашимъ слѣпымъ довѣріемъ. Это въ награду за то, что его отцу, такому же мошеннику, какъ онъ самъ, батюшка вольную далъ, а его самого еще мальчикомъ приблизилъ къ себѣ. Да, Ѳедька Макшеевъ, сынъ нашего бывшаго крѣпостного, и съизмальства лѣтъ воровать научился. Ну и мастеръ онъ былъ по этой части, нечего сказать! Коли у бывшаго крѣпостного мальчишки такія деньги завелись, сами можете судить, какъ онъ ихъ добылъ. Помнишь, мерзавецъ,—обратился онъ вдругъ къ Ѳедору Степановичу, глядя на него въ упоръ,—помнишь, какъ я расправился съ тобой, когда узналъ про твои шашни? Помнишь? Не бойся,—захохоталъ онъ,—руки своей я вторично марать не стану, только выгоню тебя отсюда, какъ подлеца и мазурика!

Макшеевъ, пока говорилъ все это Владиміръ Семеновичъ, пугливо оглядывался на прочихъ, ища хоть бы на одномъ лицѣ признаковъ сочувствія или, по крайней мѣрѣ, жалости. Но тщетная это была надежда. На всѣхъ лицахъ онъ прочелъ одно глубокое, холодное презрѣніе. И скрытое бѣшенство, поднимавшееся у него въ груди, долго не въ силахъ было сдвинуть этой, давившей его тяжести. Но теперь оно вырвалось наружу.

— Да какъ вы смѣете?—хриплымъ голосомъ зашипѣлъ онъ.

— Какъ я смѣю? Ты еще разговаривать хочешь? Не доказательствъ ли тебѣ надо? Да стоитъ взглянуть на твое воровское лицо, чтобы сомнѣній на этотъ счетъ ни у кого не осталось. Вонъ! Чтобы духу твоего здѣсь не было! Двадцать слишкомъ лѣтъ ты обкрадывалъ меня и почти нищимъ сдѣлалъ, а теперь, благо въ здѣшнемъ краю про тебя ничего не знаютъ, ты вообразилъ, что тебя станутъ въ порядочные дома пускать? Вспомни одно хоть, что по моей только милости въ Сибирь тебя не упекли, вотъ гдѣ тебѣ мѣсто! Да, спасибо тебѣ, Асанинъ,—обратился онъ вдругъ къ Константину Гавриловичу,—это все благодаря тебѣ, сперва дѣтей этого мазурика, а потомъ и его самого принимать стали, великое тебѣ спасибо!

Раскаты гнѣва Владиміра Семеновича дошли наконецъ и до террасы.

— Кто это? Чей это голосъ?—изумился Алеша, и вдругъ его поразило поблѣднѣвшее лицо Наташи.—Она стояла неподвижно въ безмолвномъ ужасѣ.—Кто это?—повторилъ Алеша.—Или...—онъ догадался. Молніей блеснула передъ нимъ истина.—

Вашъ отецъ? Да?—спросилъ онъ почти съ дикимъ выраженіемъ въ глазахъ и тутъ же опрометью бросился въ столовую.

— Смолинъ, пойдите за нимъ! удержите его!—чуть слышно умоляла дѣвушка. И она тоже бросилась вслѣдъ за Алешей.

Но молодой человѣкъ уже подходилъ къ Владиміру Семеновичу, разслышавъ послѣднія его слова.

Въ этотъ мигъ одно только чувство въ немъ говорило—неудержимое желаніе вступиться за отца, не разбирая, правъ онъ или нѣтъ.

— Господинъ Богушевскій,—проговорилъ онъ, дрожа отъ волненія,—вы забываетесь, и если никто вамъ этого не напоминаетъ...

Владиміръ Семеновичъ скрестилъ руки на груди, смѣривъ юношу презрительнымъ взглядомъ. Онъ былъ выше его цѣлой головой.

— Ахъ, это достойный сынокъ достойнаго папеньки?—сказалъ онъ.—Тотъ самый, который... И вы хотите, молодой человѣкъ, можетъ быть, у меня удовлетворенія требовать? Такъ извольте же сперва посмотрѣть на своего батюшку, такими ли глядятъ напрасно оскорбленные люди? Васъ я не знаю и счетовъ у меня съ вами нѣтъ никакихъ. Не ваша вина, коли вамъ довелось быть сыномъ вора и мошенника.

Рука Алеши поднялась, чтобы отомстить за отца, но Владиміръ Семеновичъ безъ труда схватилъ ее, сжимая въ своихъ желѣзныхъ пальцахъ.

— Не горячитесь,—сказалъ онъ. Ему какъ-то жалко стало вдругъ юношу, и почти мягко прозвучали его слова.—Понимаю, что вамъ очень тяжело. Вамъ приходится безвинно отвѣчать за другого.

Онъ выпустилъ руку Алеши изъ своей, и рука эта повисла, какъ безжизненная.

Глаза молодого человѣка остановились на лицѣ Ѳедора Степановича, пристально на него взглянули и опустились. Теперь въ нихъ было одно горе, отчаянное, непоправимое горе. Слишкомъ ужъ ясно прочелъ онъ на этомъ лицѣ приниженное, тупое сознаніе вины. И Макшеевъ не вынесъ взгляда, брошеннаго на него сыномъ. Медленной, тяжелой поступью, несмотря ни на кого и шатаясь, какъ пьяный, онъ отошелъ въ сторону, не зная даже хорошенько, куда идетъ. Словно ощупью онъ пробрался къ дверямъ. Никто изъ присутствующихъ уже не обращалъ на него вниманія.

— Мнѣ васъ жалко, молодой человѣкъ,—продолжалъ Богу-

шевскій, обращаясь къ Алешѣ.—Да, жалко. У васъ что-то прямое, честное въ глазахъ, вы какъ будто на отца не похожи.

Алеша стоялъ какъ бы въ забытьи. Слова Владиміра Семеновича только доходили до его слуха, не проникая въ сознаніе.

— Но все-таки я не могу допустить знакомства между вами и моими дѣтьми. Сына Ѳедора Макшеева, поймите это, я принимать къ себѣ не могу.

Тутъ старикъ Смолинъ, подойдя къ Владиміру Семеновичу, тихо взялъ его за руку.

— Богушевскій,—сказалъ онъ негромкимъ, но строгимъ голосомъ,—будетъ. Съ отцомъ вы покончили, а сына оставьте въ покоѣ. Онъ не заслужилъ этихъ жесткихъ словъ.

Заступничество Григорія Александровича пробудило Алешу изъ минутнаго оцѣпенѣнія. Онъ поднялъ голову, оглянулъ присутствующихъ, и густая краска залила ему щеки. Глаза его блуждали, какъ у сумасшедшаго. Онъ замѣтилъ протянутую къ нему руку старика Смолина и невольно оттолкнулъ эту руку. Случайно его безпокойный, почти безумный взглядъ встрѣтился съ лицомъ стоявшей немного позади Наташи. Глубокая скорбь была на этомъ лицѣ. Дѣвушка хотѣла подойти къ нему, но Алешѣ стало вдругъ будто еще тяжелѣе. Онъ тряхнулъ головою, точно силясь отогнать что-то безобразное, ужасное и, нервнымъ, порывистымъ движеніемъ схвативъ себя за голову, ринулся вонъ изъ комнаты.

— Бѣдный мальчикъ,—сказалъ ему вслѣдъ Константинъ Гавриловичъ.

Наташа хотѣла пойти за нимъ, но отецъ ее остановилъ.

— Стой! Куда ты? Не пущу!

Онъ сжалъ ей руку до боли. Наташа хотѣла вырваться, но отецъ ее не выпустилъ.

— Ты моя дочь,—помни это. И я заставлю тебя слушаться.

— Николай Григорьевичъ,—умоляющимъ голосомъ обратилась дѣвушка къ Смолину,—пойдите хоть вы за нимъ, остановите его.

Николай Смолинъ поспѣшилъ исполнить ея просьбу, но Алеши отыскать ему не удалось. Отъ прислуги только узналъ онъ, что Алеша, какъ выбѣжалъ изъ дому, такъ и пустился безъ оглядки по дорогѣ. Николай спросилъ себѣ лошадь и пять минутъ спустя скакалъ въ Новоспасское. Еще нѣсколько минутъ, и онъ настигъ Алешу. Его поразило выраженіе лица пріятеля, когда онъ его окрикнулъ. Это не было ни горе, ни гнѣвъ, ни отчаяніе, а что-то еще болѣе глубокое, потрясающее—полный раз-

рывъ со всѣмъ окружающимъ міромъ, съ самою жизнью, читался на истерзанныхъ чертахъ молодого человѣка. Никогда потомъ не могъ Смолинъ забыть этого выраженія.

— Чего вамъ отъ меня надо? — хриплымъ голосомъ спросилъ Алеша:—оставьте меня.

Что-то злое было и въ голосѣ его, и въ глазахъ.

Смолинъ пробовалъ успокоить Алешу, предлагалъ ему пойти съ нимъ хотя бы до самаго Новоспасскаго. Но попытки утѣшенія только усиливали злобное отчаяніе Алеши. Онъ грубо оттолкнулъ отъ себя участіе Смолина.

Не надо мнѣ ни васъ, ни кого другого, понимаете! Всѣ вы мнѣ одинаково противны, ненавистны! Хоть одно вы за мной признайте—право быть одному...

А Өедоръ Степановичъ, пока его сынъ, оттолкнувъ отъ себя товарища, съ тупымъ отчаяніемъ на сердцѣ, спѣшилъ по дорогѣ въ Новоспасское,—Өедоръ Степановичъ, едва вышелъ на крыльцо и почувствовалъ струю свѣжаго воздуха, опомнился разомъ. Могучій приливъ гнѣва возвратилъ ему и сознаніе, и силы.

— Чего вы на меня глядите?—окрикнулъ онъ хихикавшихъ при видѣ его лакеевъ.—Лошадей мнѣ, экипажъ, скорѣй! И дочь мою позовите, она въ саду. Отецъ ее требуетъ къ себѣ, такъ и скажите!—властно скомандовалъ онъ.

Нѣсколько минутъ спустя вся испуганная и блѣдная, не зная хорошенько, что̀ случилось, Леночка сидѣла въ коляскѣ рядомъ съ разгнѣваннымъ отцомъ. Ни слова не проронилъ онъ до Новоспасскаго. Голова его повисла на грудь, и злобная, тяжелая, но все-таки строптивая дума засѣла за его сморщеннымъ лбомъ. Когда они проѣхали мимо Алеши, дѣвушка захотѣла остановить экипажъ, но Өедоръ Степановичъ молча схватилъ ее за руки и сердито мотнулъ головой. Коляска поѣхала далѣе, растерянная Леночка не смѣла спрашивать, что̀ случилось.

XXIV.

Смеркалось уже, когда Алеша добрался до Новоспасскаго. Онъ шелъ не оглядываясь, не примѣчая встрѣчныхъ, и одно чувство у него было на душѣ—смутное желаніе уйти отъ чего-то, точно какой-то ужасный призракъ гнался за нимъ все время. А тамъ впереди его ждало что-то, чего онъ самъ опредѣлить бы не могъ. Что-то глухое, темное, гдѣ можно было укрыться и не

ощущать болѣе этого давящаго, злого, невыносимаго стыда. Онъ не въ силахъ былъ размышлять надъ своимъ положеніемъ, разобраться въ томъ, чтò давило ему грудь. Онъ зналъ одно только —все, чтò было ему дорого еще за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, любовь милой дѣвушки, дѣятельность, такъ еще недавно ему рисовавшаяся впереди—все это разомъ для него перестало существовать. Порой въ его головѣ мелькали обрывками слова, какими онъ обмѣнивался съ Наташей тамъ, на террасѣ Холминскаго дома. И горькая насмѣшка, холодная и злая, какъ насмѣшка надъ покойникомъ, поднималась въ его измученномъ сердцѣ.

Когда онъ вошелъ въ сѣни, тамъ никого не было. Домъ казался опустѣлымъ. Маятникъ у стѣнныхъ часовъ громко, неестественно громко повторялъ свои мѣрные удары, да изъ кабинета Ѳедора Степановича глухо слышались тяжелые шаги.

Но вотъ на лѣстницѣ съ верхняго этажа показался свѣтъ. Кто-то нагнулся надъ перилами, держа въ рукѣ свѣчу, и мягкій и добрый голосъ тети Саши послышался сверху:

— Алеша, ты вернулся наконецъ! Пойди сюда—это я!

Молодой человѣкъ быстро поднялся по ступенямъ, радуясь, что первое, встрѣченное имъ живое существо была тетя Саша. У нея, у этой искренно преданной ему женщины онъ найдетъ утѣшеніе. Но едва это слово промелькнуло у него въ головѣ, онъ отогналъ его. Развѣ кто-нибудь могъ отыскать для него утѣшенія? Развѣ самыя нѣжныя, любящія слова могли стереть то неизгладимое, ужасное, чтò произошло тамъ?..

Медленно, тяжело онъ взошелъ во второй этажъ. Мгновенная усталость его охватила. Но это было не простое утомленіе отъ длиннаго пути,—это было утомленіе жизнью, отъ котораго уже отдыха нѣтъ.

— Голубчикъ, милый, — обнимая его, твердила Александра Осиповна.

Полубезсознательно онъ прошелъ за нею въ ея комнату. Она цѣловала его, и слезы скатывались на его щеки. Но вдругъ онъ оттолкнулъ ее гнѣвнымъ, почти грубымъ движеніемъ.

— Не плачьте! Не зачѣмъ! Вы знали это давно. Зачѣмъ, зачѣмъ не говорили вы мнѣ правды? Вѣдь рано или поздно...

— Да развѣ легче было бы узнать это раньше?—шопотомъ спрашивала она.

Алеша топнулъ ногой и принялся нервно ходить по маленькой комнатѣ. Тутъ только она разглядѣла его страшное, мучительно-злое лицо.

— Алеша, дружокъ мой, послушайся меня,—твердила Александра Осиповна.—Теперь не время объ этомъ говорить. Пойди, успокойся, прилягъ.

— Успокоиться?! Ха-ха!—засмѣялся Алеша. Онъ почувствовалъ вдругъ, что силы къ нему вернулись, какъ бы влитыя въ него припадкомъ гнѣва.—Какъ вамъ не стыдно говорить о покоѣ? Нѣтъ и не можетъ быть его для меня! Развѣ...

Неясная мысль, черная, какъ безлунная полночь, мысль все время носившаяся передъ нимъ, пока онъ шелъ по дорогѣ, теперь ясно предстала передъ его воображеніемъ. Алеша засмѣялся вторично.

— Не говорите этихъ ненужныхъ словъ. Надо спѣшить, надо...

Онъ схватилъ себя за голову.

— Да что̀, что̀ надо?—воскликнулъ онъ болѣзненно: — что̀ я могу теперь сдѣлать? Ничего въ будущемъ нѣтъ. А прошлое —оно замарано, и ничѣмъ не смыть этого пятна. Ни отца нѣтъ у меня больше, ни...

— Повѣрь мнѣ—она не перестанетъ тебя любить.

— Полноте! Что это за любовь? Любовь къ сыну бывшаго крѣпостного приказчика, обокравшаго ея отца? Да и я не захочу этой любви. Мнѣ стыдно, что я мечталъ объ этомъ, а она знала, знала все. Сынъ вора,—онъ проговорилъ это какъ бы про себя,—сынъ человѣка, котораго публично обезчестили, и у котораго ни одного слова не нашлось въ свою защиту.

Алеша вдругъ поднялъ голову.

— Гдѣ онъ? Гдѣ Өедоръ Степановичъ?—Слова „отецъ“ онъ выговорить не могъ.

— Ты развѣ хочешь къ отцу? Теперь? — испуганно спросила она.

— Хочу. Да. Я потребую отъ него. — Онъ схватился за ручку двери.—Это единственное, что̀ осталось мнѣ сдѣлать. Пустите меня.

Александра Осиповна хотѣла удержать его, но онъ вторично ее оттолкнулъ и бросился вонъ изъ комнаты, туда, откуда за нѣсколько минутъ раздавались тяжелые шаги, въ кабинетъ отца.

Өедоръ Степановичъ не походилъ теперь на того забитаго, безпомощнаго человѣка, который въ столовой Холминскаго дома, клоня голову, выслушивалъ сыпавшіяся на него оскорбленія. Сжимая кулаки, онъ метался какъ разъяренный звѣрь изъ угла въ уголъ, и бѣшеныя восклицанія то-и-дѣло срывались съ его губъ.

— А, это ты?—рѣзко обернулся онъ, услыхавъ сына.—Чтò тебѣ надо?

— Я пришелъ вамъ сказать...

— Зачѣмъ не говоришь ты мнѣ больше ты, какъ всегда?—гнѣвно сверкнувъ зрачками, окликнулъ Өедоръ Степановичъ Алешу.

— Я пришелъ вамъ сказать, — повторилъ Алеша съ поразительнымъ спокойствіемъ, — что вы должны, понимаете ли, должны,—онъ возвысилъ голосъ,—возвратить Богушевскому награбленныя у него деньги. Я этого требую, какъ имѣющій несчастіе носить ваше опозоренное имя.

Сперва Өедоръ Степановичъ не повѣрилъ ушамъ, чтобы Алеша могъ посмѣть такъ говорить съ нимъ. Это сразу не укладывалось въ его пониманіи. Но вдругъ бѣшенство хлынуло къ нему въ голову и сперва вылилось ѣдкимъ смѣхомъ.

— Воз-вра-тить? Да ты съума сошелъ? Возвратить этому человѣку, который... ха-ха-ха!

— Котораго вы обокрали,—отчеканилъ Алеша.

— Чтò? Чтò? — онъ бросился къ сыну, подставляя къ его лицу стиснутые кулаки.—Молчи, щенокъ! Ты бѣлены объѣлся должно быть! Ты думаешь, Өедоръ Макшеевъ проститъ когда-нибудь то, чтò случилось тамъ? Или, чего добраго, самъ прощенія попроситъ? Хорошо ты меня знаешь! Болванъ!

Онъ сильно потрясъ сына за плечо и оттолкнулъ въ сторону.

— Благодари Бога,—захрипѣлъ онъ,—что я еще настолько помню себя, а то...

Алеша покачалъ головой.

— Вы ничего не можете мнѣ сдѣлать. Да и никто не можетъ. Послѣ того, чтò мнѣ довелось тамъ услышать, худшаго уже на свѣтѣ ничего нѣтъ. Значитъ, вы не согласны? Помните, это моя послѣдняя просьба!

Өедоръ Степановичъ расхохотался.

— Удивительный въ самомъ дѣлѣ человѣкъ! Твоя послѣдняя просьба! Нашелъ чѣмъ испугать!

Волна ярости опять поднялась въ немъ, и онъ закричалъ, что было мочи:

— Вонъ, щенокъ! Вонъ! Чтобы и духу твоего здѣсь не было!

Онъ схватилъ со стола первый попавшійся ему предметъ—это была тяжелая бронзовая чернильница—и швырнулъ ее въ сына. Но задрожавшая рука невѣрно направила ударъ, чернильница пролетѣла мимо, и черныя пятна забрызгали стѣны и полъ.

Алеша взглянулъ на отца долгимъ, грустнымъ, какъ бы прощальнымъ взглядомъ и вышелъ молча. Отцовская рука уже ничѣмъ не могла оскорбить его.

Ночь между тѣмъ наступила, тихая, мягкая лѣтняя ночь, вся озаренная полнымъ мѣсяцемъ. Чуткое безмолвіе наполняло обширный домъ, но это было какое-то тревожное, грозное безмолвіе. Молодого человѣка потянуло на воздухъ, комнаты давили его душной пустотой. А въ саду совершенно иное затишье стояло,— ласкающее, нѣжное. Лунный свѣтъ мягко струился по листьямъ деревьевъ, ярко блестѣла трава, окропленная росой. Алеша съ жадностью вдохнулъ въ себя пахучій воздухъ, наполненный благоуханіемъ расцвѣтавшихъ липъ. Но ароматная свѣжесть ночи не принесла ему успокоенія. Натянутые нервы, какъ струны, готовы были задрожать отъ малѣйшаго звука, преувеличенно отозваться на каждое прикосновеніе внѣшняго міра. А кругомъ все глубоко молчало. Безсознательно Алеша спустился въ садъ, и ему необыкновенно гулкимъ показался звукъ его шаговъ по каменнымъ ступенямъ террасы. Песокъ хрустѣлъ подъ его ногами, сонная птица зашевелилась гдѣ-то въ вѣтвяхъ, онъ прислушался, но все умолкло опять, и среди полной, необъятной тишины ему будто слышался какой-то шепчущій и все-таки неуловимый голосъ, насмѣшливо твердившій, что для него все кончено, что какъ бы ни прекрасна была яркая ночь, ему она уже не можетъ принести ни радости, ни успокоенія... Успокоенія... да... Гдѣ-то оно есть... оно поджидаетъ, стережетъ его... И снова онъ ясно увидѣлъ передъ собой, какъ тамъ, на дорогѣ что-то черное, неподвижное, мертвенно-ужасное. Алеша пошелъ по дорожкѣ, самъ не зная куда, и все яснѣе сказывалось ему, что нѣкуда идти, что нигдѣ на землѣ нѣтъ уже для него ни счастія, ни работы, ни будущаго... А между тѣмъ такъ еще недавно, всего за три дня, когда онъ возвращался отъ свиданія съ Наташей, молодая безконечная радость наполняла его душу, и такъ вѣрилось въ счастіе!.. Теперь, если бы даже сама Наташа передъ нимъ предстала и повторила, что она любитъ его, и почувствовалъ бы онъ на губахъ ея поцѣлуи, онъ отвернулся бы отъ нея. Даже она не въ силахъ была возвратить ему потерянное. Онъ бы не захотѣлъ ея любви, потому что эта любовь была теперь запачкана навсегда, отравлена позоромъ его отца.

Загляни онъ въ себя поглубже, поискреннѣе, Алеша нашелъ бы, можетъ быть, на самомъ днѣ сердца болѣзненное желаніе еще разъ увидать дорогую дѣвушку, услышать снова изъ ея устъ, что на дѣтей не падаетъ отцовская вина. Но онъ за-

глушалъ въ себѣ это тайное желаніе, какъ нѣчто постыдное, малодушное. Смыть память о случившемся было не въ ея власти, а нести тяжесть отцовскаго позора Алеша не хотѣлъ. Да и она не захотѣла бы теперь, — повторялъ онъ себѣ,—протянуть ему руку—онъ увидѣлъ это на ея лицѣ тамъ, въ столовой Холминскаго дома, когда взглянулъ на нее случайно въ послѣдній разъ. И при мысли, что всего за нѣсколько часовъ онъ могъ по-дружески говорить съ дочерью Владиміра Семеновича Богушевскаго, злобная насмѣшка поднялась въ немъ — насмѣшка надъ своей потерянной жизнью, надъ судьбой, захотѣвшей его сдѣлать такъ не похожимъ на отца, чтобы потомъ заставить такъ живо ощутить позоръ отцовскаго наслѣдства. И онъ захохоталъ горько. И среди ночной тишины весь садъ будто повторилъ его смѣхъ.

— Алеша, — услыхалъ онъ вдругъ чей-то слабый окрикъ, раздавшійся вблизи.

Молодой человѣкъ остановился. Въ нѣсколькихъ шагахъ на скамейкѣ онъ увидѣлъ сестру. Она позвала его второй разъ.

— Ты? Леночка?—Онъ подошелъ къ ней и, опустившись возлѣ дѣвочки, нѣжно обвилъ ея станъ рукою.—Зачѣмъ ты здѣсь одна?

— Ахъ, Алеша, объясни мнѣ, я ничего не понимаю,—что̀ случилось? Отчего папа увезъ меня изъ Корсовки передъ самымъ обѣдомъ, и уѣхали мы, ни съ кѣмъ не простившись?

— Ты не знаешь? Не догадываешься?—отвѣтилъ онъ, наклоняясь къ ней, и его кольнуло въ самое сердце, когда она напомнила про то, что̀ случилось въ Корсовкѣ. Но онъ не могъ бы теперь сказать ей что-нибудь рѣзкое.—Тѣмъ лучше,—добавилъ онъ,—и не надо тебѣ знать.

Леночка продолжала, не слушая:

— И ты потомъ, когда мы обогнали тебя на дорогѣ... какой былъ у тебя странный видъ... Я хотѣла остановить коляску, взять тебя съ собой, но папа не позволилъ. Да и теперь смотри, ты совсѣмъ запыленный, волосы у тебя спутались, да и лицо̀ такое блѣдное...

— Я не успѣлъ себя привести въ порядокъ—это правда,—отвѣтилъ онъ.—Да и не надо, теперь незачѣмъ.

— Да что̀ же случилось такое?—голосъ ея звучалъ все тревожнѣе. — Какая-нибудь непріятность съ отцомъ, должно быть? Видно, тетя была права, когда говорила, что незачѣмъ ѣздить въ Корсовку...

— Да, незачѣмъ,—коротко отозвался Алеша.

— И, стало быть,—продолжала дѣвушка,—мы больше туда

не поѣдемъ? И къ Асанинымъ тоже? И все это изъ-за папаши? И опять мнѣ придется сидѣть здѣсь одной въ этомъ скучномъ, пустомъ домѣ.

Онъ не могъ долѣе слушать. Дѣтскія сожалѣнія Леночки слишкомъ больно отзывались въ его сердцѣ.

— Лена, — сказалъ онъ строго, невольно отстраняясь отъ нея.—Не объ этомъ надо теперь думать.

— Да, что же такое, наконецъ, случилось?—нетерпѣливо и тревожно повторила она.

— Что случилось?—почти безсознательно отозвался онъ на вопросъ Леночки.—Да, хоть ты еще ребенокъ, но и для тебя, видно, настаетъ пора узнать суровую сторону жизни—что дѣлать? Можетъ быть, и для тебя много горя впереди. Приготовься къ этому.

Эти загадочныя слова только растравили безпокойную тревогу дѣвушки.

— Да зачѣмъ ты говоришь такъ странно?—скрестивъ руки, настаивала она.—Скажи все, наконецъ, прямо скажи.

— Одно тебѣ скажу, милая моя, — грустно отвѣтилъ онъ, принимаясь нѣжно гладить ея волосы.—Будь ко всѣмъ добра. Привыкай къ мысли, что не все въ жизни одно веселье, не забывай про бѣдныхъ, слушайся тетю...

Онъ снова нагнулся къ ней, и блѣдныя его губы коснулись ея лба. Удивительно холоднымъ показалось ей прикосновеніе этихъ губъ.

— Ахъ, это все не то!—нетерпѣливо мотнула она головкой.—Я вижу, что по милости папаши мнѣ придется здѣсь затворницей сидѣть. А ты мнѣ лекцію какую-то читаешь.

Алеша взглянулъ на нее съ печальнымъ укоромъ въ глазахъ и медленно поднялся. Въ эту самую минуту съ сельской церкви медленно среди ночной тишины раздались мѣрные удары колокола. Онъ вздрогнулъ, точно въ грустномъ торжественномъ звонѣ ему послышалось какое-то неумолимое напоминаніе. Колоколъ прозвонилъ десять разъ.

— Прощай, Лена. Я вижу, ты меня не понимаешь. Послѣ когда-нибудь поймешь. Прощай.

— Да ты куда?—удивленно спросила она, всматриваясь въ его лицо.

— Такъ... Никуда...

— Да ты придешь чай пить? Пора.

Она тоже поднялась со скамейки.

— Приду послѣ. А теперь—прощай.

Онъ почувствовалъ, что слезы готовы брызнуть изъ его глазъ, и поспѣшно отвернулся.

Леночка съ недоумѣніемъ глянула ему вслѣдъ и еще разъ окрикнула брата, но голосъ ея замеръ въ тишинѣ. Ночь уже успѣла скрыть Алешу въ своихъ темныхъ объятіяхъ.

Наклонивъ голову на грудь, онъ прошелся по густой липовой аллеѣ, куда лишь изрѣдка сквозь частую листву брызгами падалъ свѣтъ мѣсяца. Ощущеніе холода охватило его, медленно, неудержимо подступая къ самому сердцу. И еще сильнѣе, чѣмъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, онъ почувствовалъ, что ему нѣкуда и незачѣмъ идти, и не укрыться нигдѣ отъ давившаго его горя. У конца аллеи онъ повернулъ назадъ, невольно замедляя шагъ по мѣрѣ того, какъ приближался къ дому.

А оттуда все слышнѣе раздавался гнѣвный голосъ Ѳедора Степановича. Онъ говорилъ съ Петей. И каждое слово теперь отчетливо долетало до слуха Алеши.

— Дуракъ ты, что ли, или не понялъ, зачѣмъ я тебѣ приказывалъ мягко обращаться съ народомъ и все мужикамъ спускать. Тогда надо было, а теперь,—ну ихъ къ чорту! все лопнуло. Всѣ мои планы! Такъ взыскивай же съ нихъ все—до послѣдней копѣйки! Хорошо, видно, я съумѣлъ добрякомъ прикидываться, коли и ты въ это повѣрилъ.

Чувство холода еще сильнѣе овладѣло Алешей. И теперь это былъ не холодъ только — было отвращеніе. Нѣтъ, ни съ отцомъ, ни съ братомъ Петей, ему не зачѣмъ уже встрѣчаться. Вотъ еще съ Сережей развѣ... Онъ вѣдь добрый...

И при мысли о Сережѣ одно воспоминаніе блеснуло у него въ головѣ—пистолеты, запертые братомъ въ ящикѣ стола. Можетъ быть, они тамъ еще. Да, навѣрно тамъ, и ключъ еще въ замкѣ...

Онъ поспѣшно обогнулъ домъ и спросилъ у попавшагося ему Ѳомки, гдѣ братъ Сергѣй.

— Сергѣй Ѳедоровичъ домой не приходили-съ, — отвѣтилъ тотъ.

Алеша осторожно поднялся по лѣстницѣ во второй этажъ, стараясь, чтобы не разслышали его шаговъ. Изъ-подъ двери комнаты Александры Осиповны виднѣлся свѣтъ. Невзначай половица заскрипѣла подъ ногами Алеши. Онъ остановился, притаивъ дыханіе. Онъ долженъ былъ какъ воръ подкрадываться туда, гдѣ его поджидала смерть.

Дверь растворилась, и Александра Осиповна вышла. Она остановилась на площадкѣ, прислушиваясь. Но племянника она

не замѣтила. Темнота скрывала его отъ глазъ Александры Осиповны. Съ минуту она постояла на мѣстѣ и вернулась въ свою комнату, заперевъ за собою дверь. Неопредѣленное безпокойство не покидало ее весь этотъ вечеръ.

Алеша беззвучно прошелъ въ комнату брата, ярко освѣщенную полнымъ мѣсяцемъ. Окнами она выходила на дворъ. Все здѣсь еще оставалось въ томъ же безпорядкѣ, какъ въ день пріѣзда Сергѣя. Раскрытый чемоданъ лежалъ на полу, вещи были разбросаны по стульямъ.

Алеша подошелъ къ столу. Онъ не ошибся. Ключъ оставался въ замкѣ, и раскрывъ ящикъ, онъ увидѣлъ пистолеты, заблестѣвшіе въ свѣтѣ мѣсяца. Алеша взялъ одинъ изъ нихъ и внимательно осмотрѣлъ. Пистолетъ не былъ разряженъ. Онъ медленно опустилъ его на столъ—рука его дрожала. Въ послѣднюю минуту, когда ничто не мѣшало ему исполнить рѣшеніе, молодая жизнь громко зароптала въ немъ, упорно отворачиваясь передъ ужасомъ смерти. Сердце билось такъ сильно, что онъ слышалъ его удары.

„Неужели я трушу“?—промелькнуло у него въ головѣ, и приложивъ къ груди руку, онъ будто хотѣлъ принудить къ покою возмутившееся сердце.—„Чего мнѣ бояться?—говорилъ онъ себѣ. —Жить нельзя, нельзя съ этимъ непоправимымъ срамомъ... А тамъ... тамъ ничего вѣдь нѣтъ. Всего одинъ мигъ, и вѣчное... молчаніе...“

Но что-то въ немъ не повиновалось этимъ доводамъ. Онъ заглянулъ въ самую глубь своихъ убѣжденій и съ ужасомъ понялъ, что твердой увѣренности въ немъ нѣтъ, что въ сущности онъ только упрямо твердилъ, повторяя чужія слова, будто ничего нѣтъ за гробомъ, а на самомъ дѣлѣ онъ знаетъ про это такъ же мало, какъ и всѣ прочіе люди...

Въ комнатѣ было душно. Алешѣ вдругъ болѣзненно захотѣлось вдохнуть въ себя живую струю ночного воздуха, взглянуть еще разъ на этотъ широкій міръ, который онъ такъ возненавидѣлъ въ этотъ день, и который все-таки былъ такимъ прекраснымъ.

Онъ раскрылъ окно и всѣмъ существомъ какъ бы окунулся въ тихую, свѣтлую ночь, надъ которой такъ мирно блестѣла луна. Обширный дворъ былъ совершенно пустымъ. Ни звука не было слышно. Тѣни деревьевъ, палисадники передъ домомъ длинными полосами ложились на землю. Онъ простоялъ такъ нѣсколько минутъ въ неподвижности, позабывъ, что время идетъ и могутъ его хватиться, могутъ придти и помѣшать.

Вдругъ ему почудился слабый звукъ конскихъ копытъ по

гладкой дорогѣ. Онъ прислушался. Звукъ приближался, становился явственнѣй.

— Да что же я дѣлаю? Или я и взаправду...—И снова онъ устыдился своего малодушія. Рѣшительно, быстро онъ подошелъ къ столу и схватилъ пистолетъ. Мысли его приняли вдругъ иное направленіе.—Если я ошибался,—сказалъ онъ себѣ,—если тамъ есть кто-то, кому извѣстны мои мысли и кто станетъ меня судить, онъ все-таки не осудитъ меня... Я вѣдь иначе не могу.

И все-таки Алеша простоялъ еще неподвижно нѣсколько минутъ, безсознательно держа пистолетъ въ нетвердой рукѣ. Вдругъ его точно пробудилъ отъ оцѣпенѣнія стукъ подскакавшей лошади. Кто-то соскочилъ съ сѣдла, громко крикнулъ въ сѣни... Чьи-то шаги послышались снизу. Нельзя было долѣе медлить... Послѣдняя, рѣшительная волна заколебавшейся воли хлынула ему въ грудь, и уже не чувствуя дрожи въ рукѣ, онъ подставилъ холодное дуло къ виску и спустилъ курокъ...

А подскакавшій къ крыльцу верховой былъ посланный отъ Наташи съ письмомъ къ нему, въ которомъ она говорила еще разъ, что не перестала его любить и не перестанетъ никогда...

Четыре года прошло съ тѣхъ поръ. И за это короткое время много измѣнилось въ судьбѣ людей, про которыхъ шла рѣчь въ этомъ разсказѣ.

Ѳедоръ Степановичъ не живетъ уже въ Новоспасскомъ, и все хозяйство сдалъ на руки Пети. Черствый онъ былъ человѣкъ, но и его непреклонный нравъ сломила ужасная смерть младшаго сына. Оставаться въ домѣ, на стѣнахъ котораго была еще, казалось ему, кровь этого сына, Ѳедоръ Макшеевъ не могъ. Да и неудержимо тянуло его прочь изъ края, гдѣ рухнули всѣ взлелѣянныя имъ надежды. Онъ переселился въ другую губернію, гдѣ у него тоже было имѣніе, и постарался-было попрежнему оттуда вести свои обширныя дѣла, но прежней терпкой силы въ немъ уже не было. И ровно три года послѣ Алешиной смерти, надъ нимъ грянула новая бѣда: его сразилъ параличъ. Здоровье, понемногу правда, вернулось, онъ могъ почти свободно двигаться, и крѣпкая натура сулила впереди еще многіе годы. Но воля ослабла, и ясный, твердый умъ затуманился. Да и не было уже причины стараться. Петя могъ, конечно, вести разсчетливо дѣла, но преемника себѣ Ѳедоръ Степановичъ въ немъ не видѣлъ. Петя оставался такимъ же грубымъ, неотесаннымъ и мелкимъ. А старшій, любимый сынъ

Сергѣй, хоть и угомонился-было и сталъ радовать отца, обѣщая со временемъ отстать отъ безпорядочныхъ привычекъ,—радовалъ его недолго. На волчьей охотѣ, неосторожно толкнувъ двустволку отъ дерева, Сережа нечаянно пустилъ себѣ въ грудь двойной зарядъ. Еще тѣснѣе сдвинулось будущее надъ ослабѣвшимъ старикомъ.

Да и отъ Леночки ему не было утѣшенія. Послѣ самоубійства Алеши она прямо возненавидѣла отца и рѣшительно отказалась съ нимъ оставаться. Александра Осиповна увезла ее въ Петербургъ, но и съ теткой Леночка жила недолго. Невыносимо скучной ей казалась скромная обстановка дома Александры Осиповны. Молодость быстро стерла тяжелую память о недавнемъ горѣ, и неразборчивая во вкусахъ дѣвушка жаждала одного—быструю смѣну удовольствій, какія бы эти удовольствія ни были. Ея маленькій романъ съ Лёвой Богушевскимъ не привелъ ни къ чему. Но и это разочарованіе ее огорчило ненадолго. Еще въ послѣднемъ классѣ гимназіи она стала ѣздить съ подругами на всякіе танцовальные вечера, иногда даже тайкомъ отъ Александры Осиповны. На какомъ-то балу она познакомилась съ оперившимся недавно гродненскимъ гусарчикомъ, безъ труда плѣнившимъ ее черными, какъ смоль, глазами съ красивымъ ментикомъ и шпорами въ придачу. Дома было такъ скучно, что она дала себя уговорить и обвѣнчалась съ гусарчикомъ въ какой-то пригородной церкви. Онъ зналъ, что у Леночки богатый папенька. И хотя надежды его сбылись не сразу—вмѣсто приданаго, Ѳедоръ Степановичъ послалъ дочери свое проклятіе — гусарчикъ не унывалъ, разсчитывая, что отецъ Леночки не вѣченъ и едва-ли ее лишитъ совсѣмъ наслѣдства.

А Владиміръ Семеновичъ Богушевскій на старости лѣтъ процвѣтаетъ. Ни бодрость духа, ни красивая осанка, его не покинули, хоть ему уже стукнуло шестьдесятъ.

Лёва процвѣтаетъ тоже. Его дѣла пошли быстро въ гору, и онъ уже зарабатываетъ изрядныя деньги, съумѣвъ въ то же время обезпечить за собой прекрасную репутацію. На Леночкѣ онъ не женился, сказавъ себѣ, что незачѣмъ огорчать этимъ отца, когда деньги къ нему валятъ и безъ того, и есть у него подъ рукой кузина Соня, у которой приданое, чего добраго, не хуже. Константинъ Гавриловичъ богатѣлъ вѣдь съ каждымъ годомъ. Соня, влюбленная по уши въ мужа, очень скоро расцвѣла въ пышную красавицу, у которой, правда, уже далеко не воздушная талія, но зато нравъ ея сталъ необыкновенно кроткимъ. Мужъ

держитъ ее твердо въ рукахъ, измѣняя ей ровно настолько, чтобы возбуждать немного ея ревность, не доводя до разрыва.

Съ сестрой Наташей онъ видится рѣдко. Она осталась вѣрною себѣ и твердо идетъ по намѣченной дорогѣ, вся отдавшись своему призванію и почти находя въ немъ счастіе. Смерть Алеши наложила тѣнь грусти на ея молодость, и какъ разъ оттого, что тѣнь эта не проходитъ, горе не надломило ее, придавъ лишь еще болѣе мягкости ея свѣтлому, прямодушному нраву. Память Алеши словно нашептываетъ ей одновременно и тихую грусть, и бодрое утѣшеніе, становясь для нея какъ бы невидимымъ спутникомъ жизни.

И Николай Смолинъ сталъ на вѣрную, хоть негромкую дорогу. Онъ внялъ настояніямъ старика-отца и сдѣлался его помощникомъ. А когда минуло ему двадцать-пять, онъ вошелъ въ составъ мѣстнаго земства и много занимается школами. Скучновато ему порою въ „Василькахъ", мало отвѣчающихъ его эстетическимъ наклонностямъ. Но онъ утѣшаетъ себя мыслью, что красота не въ одной обстановкѣ жизни, что сущность ея, пожалуй, важнѣе формы, хоть и не было это мнѣніемъ древнихъ. И что прекрасными бываютъ не однѣ только грандіозныя картины. И понемногу „Васильки" незамѣтно пріобрѣтаютъ для него затаенную, тихую прелесть.

Изрѣдка онъ переписывается съ Наташей, которую не видалъ вотъ уже четыре года. Въ дружескомъ, веселомъ тонѣ его писемъ слышится иногда скрытая полунасмѣшливая грусть.

„А что,—писалъ онъ ей разъ,—какъ вы думаете: когда мы встрѣтимся, наконецъ, большую найдемъ мы другъ въ другѣ перемѣну? И не страннымъ ли вамъ покажется, что я такъ и сижу сиднемъ на своей деревенской мели и не стремлюсь я даже въ открытое море"?

Они свидѣлись разъ совсѣмъ неожиданно. Лѣтомъ случается Николаю заглядывать на одинокую могилу возлѣ Новоспасской церкви. Простой чугунный крестъ безъ надписи на гладкой каменной плитѣ—единственное украшеніе этой могилы. Двѣ ивы, склоняющія надъ нею поникнувшія, скорбныя вѣтви, посажены ни кѣмъ инымъ, какъ Смолинымъ. Онъ приходитъ сюда не то чтобы молиться—этому онъ еще не совсѣмъ научился, а вспоминать. И чувствуетъ онъ себя добрѣе, мягче, когда тамъ побываетъ.

Въ одинъ тихій августовскій день—солнце пряталось за дымкою узорчатыхъ облаковъ — онъ засталъ стоящую на колѣняхъ могилы дѣвушку въ темномъ платьѣ. Она подняла голову, услы-

хавъ его шаги, и онъ сразу убѣдился, что Наташа не измѣнилась ничуть. Только нѣжнѣе еще и тоньше стали ея молодыя черты, которымъ жизнь придала еще болѣе изящества, нисколько не затронувъ ихъ свѣжести. Они встрѣтились какъ старинные друзья, просто, съ искренней, хоть и негромкой радостью. И оба какъ-то почувствовали сразу, что стали они лучше за эти четыре года.

— Вотъ видите, — улыбнулся онъ, отойдя немного въ сторону и обмѣнявшись съ нею несложнымъ разсказомъ о только-что минувшихъ годахъ,—жизнь привела насъ на очень различные пути. А все же мнѣ сдается, что между нами по прежнему есть какое-то странное сходство... И если это сходство до сихъ поръ не мѣшало намъ идти врозь, неужели оно никогда не позволитъ намъ сойтись по настоящему, когда ничто насъ въ сущности не разъединяетъ?

Она не отвѣтила и улыбнулась только. А легкій вѣтерокъ, зашелестившій листвою ивъ, точно нашептывалъ, что дорогой имъ обоимъ покойникъ сталъ для нихъ какъ бы невидимымъ связующимъ звеномъ.

К. Головинъ.

ПРІЯТЕЛИ

РАЗСКАЗЪ.

I.

Карета остановилась у воротъ большой барской дачи на одномъ изъ петербургскихъ острововъ. Сидѣвшій на скамеечкѣ дворникъ опрометью подбѣжалъ, скинулъ шапку и отворилъ дверцу. Изъ кареты вышла дама, которую нельзя было бы назвать молодою, но въ которой все—отъ элегантнаго костюма до походки—ясно свидѣтельствовало о нежеланіи быть признанною за пожилую женщину. Маленькая парижская шляпа кокетливо сидѣла на ея сильно разработанныхъ щипцами волосахъ, а густая сиреневая вуалетка давала всему лицу тотъ выгодный лиловатый отсвѣтъ, въ которомъ сплываются желтизна кожи и опасная свѣжесть чуть-наведенной краски. Нарядная накидка, покрывавшая плечи, позволяла замѣтить сохранившуюся стройность таліи.

Придерживая юбку и осторожно ступая по горбамъ булыжника, дама прошла въ ворота и остановилась у запертаго наглухо подъѣзда.

— Прикажете, ваше сіятельство, отпереть?—спросилъ, снова снимая шапку, шагавшій за нею дворникъ.

— Я думаю! Какой глупый вопросъ!—отозвалась брюзжащимъ тономъ дама.—И пошли ко мнѣ господина... господина Хохорева. Надѣюсь, онъ здѣсь?

— Точно такъ, ваше сіятельство.

Дворникъ, завидя кого-то во дворѣ, широко взмахнулъ рукою, словно подавалъ сигналъ тревоги, а самъ бросился отпирать подъѣздъ.

Черезъ минуту, княгиня Дарья Владиміровна Сосницкая, медленно озирая потолки и стѣны, прошла рядъ комнатъ. Окна были закрыты, въ воздухѣ чувствовалась сырость и терпкій нежилой запахъ. Часть мебели стояла подъ чехлами. На зеркалахъ лежалъ налетъ, сквозь который получалось странное, точно посыпанное пепломъ отраженіе.

— Какая гадость! Никакого присмотра,—нѣсколько разъ сквозь зубы проговорила сама съ собой княгиня.—Этотъ Хо-хоревъ лѣнтяй, больше ничего.

Она произносила его фамилію по-складамъ, находя, что такъ она звучитъ забавнѣе.

Изъ угловой „боскетной“ княгиня прошла въ боковую комнату. Тамъ стояла низенькая мягкая мебель, на окнахъ виднѣлись жалузи и занавѣски, и чувствовалось уютнѣе, чѣмъ въ остальномъ домѣ. Княгиня оглянулась довольнымъ взглядомъ, и на ея еще не потерявшихъ красивое очертаніе губахъ мелькнула странная улыбка, какъ будто въ мысляхъ ея возникло что-то особенно интересное...

Слѣдомъ за нею слышались спѣшные, ровные шаги, и въ комнату вошелъ господинъ лѣтъ пятидесяти-пяти, высокій, чуть-чуть сутуловатый, очень приличнаго вида, одѣтый въ нѣсколько поношенное, но хорошее платье. Длинная, съ сильной просѣдью, голова его казалась еще длиннѣе отъ зачесанныхъ книзу бакеновъ и густыхъ, черныхъ, дугообразныхъ бровей, словно подпиравшихъ покатый лобъ. Изъ-подъ этихъ бровей нерѣшительно смотрѣли каріе глаза, мягкіе и неглубокіе, но, вѣроятно, красивые въ молодости.

Вошедшій поклонился съ достоинствомъ, и довольно свободно пожалъ протянутые ему два пальца.

— Простите, мы не ждали вашего посѣщенія, княгиня,—сказалъ онъ, слегка отставляя ногу:—вѣроятно, прокатиться пожелали?

— Садитесь, мнѣ надо два слова вамъ сказать,—произнесла, не отвѣчая на вопросъ, княгиня.—Мужъ назначилъ за дачу сто-двадцать-тысячъ, не такъ ли?

— Совершенно вѣрно.

— Но я нахожу, что это дешево. Теперь цѣны очень подымаются. Меньше ста-сорока-тысячъ нельзя продать, это наша крайняя цѣна. Сто-сорокъ-тысячъ. Заходилъ кто-нибудь смотрѣть? Есть покупатели?

Княгиня говорила быстро, постукивая по мраморному сто-

лику рукою въ перчаткѣ и не переставая оглядывать сидѣвшаго передъ ней господина нестѣсняющимся, зоркимъ взглядомъ.

— Мы не дѣлаемъ публикацій, это ненужно,—продолжала она, не дожидаясь отвѣта,—но это ваше дѣло найти покупателя, мосьё... Хохоревъ.—Вѣдь вы имѣете же какія-нибудь знакомства, сношенія? Мнѣ говорили, есть коммиссіонеры... но не самой же мнѣ разыскивать ихъ. Вы управляющій, это ваше дѣло. И чтобы васъ заинтересовать, я убѣдила мужа назначить въ вашу пользу три процента съ продажной суммы. Вѣдь это больше четырехъ тысячъ, мосьё... Хохоревъ; для васъ это не лишнее, не правда ли?

Длинное лицо управляющаго выразило волненіе; онъ весь покраснѣлъ, поднялъ брови, губы его какъ-то жадно раздвинулись подъ усами.

— Это великодушно, княгиня; чрезвычайно великодушно...—проговорилъ онъ умягченнымъ тономъ.—Не лишнее? Хе-хе... Вамъ извѣстно мое положеніе. Бывшій предводитель дворянства, помѣщикъ. Представитель принципа... и пристроенъ чуть не изъ милости. Самъ когда-то имѣлъ нахлѣбниками потомственныхъ дворянъ уѣзда. Дворянскихъ сиротъ на свой счетъ въ кадетскіе корпуса отправлялъ... И не расточилъ, не размоталъ, а пострадалъ отъ землевладѣльческаго кризиса. До послѣдней минуты боролся, вѣрилъ въ принципъ. Локомобили отъ Лильпопа выписывалъ, на собственныя средства ѣздилъ въ Петербургъ проводить уставъ землевладѣльческаго бюро...

Княгиня съ видомъ нетерпѣнія постучала рукой по столу.

— Знаю, знаю,—сказала она.—Мы всѣ пострадали. Мужъ такъ и говоритъ о васъ, что вы—жертва кризиса. Но я очень рада, если эти три процента васъ устраиваютъ. Такъ вы постарайтесь. Чѣмъ дороже продадите, тѣмъ выгоднѣе будетъ для васъ, вы понимаете? Но меньше ста-сорока-тысячъ мы не согласимся.

— Я займусь—и все сдѣлаю. У меня подходящія знакомства, связи. Клевцовъ, напримѣръ,—вы не слыхали?—спросилъ Хохоревъ.

Княгиня отрицательно, съ брезгливымъ видомъ, потрясла головой.

— Извѣстнѣйшій экономистъ, дѣлецъ, какихъ мало; иногда отдаетъ статьи въ печать,—пояснилъ Хохоревъ.—Потомъ—Букинъ, бывшій гласный, домовладѣлецъ Петербургской-стороны, чрезвычайно выдающаяся личность.

— Ну, все равно; только чтобъ я сама ни съ кѣмъ, кромѣ васъ, не имѣла дѣла,—сказала княгиня, и поднялась.

Хохоревъ тоже всталъ. Его волненіе все разросталось, подмывало его, ему хотѣлось говорить.

— А вы окончательно рѣшили не переѣзжать нынѣшнимъ лѣтомъ на дачу?—спросилъ онъ.

— Какая тутъ дача: мужъ еще по горло въ дѣлахъ, весь іюнь долженъ въ городѣ прожить, а потомъ мы за границу уѣдемъ, —отвѣтила княгиня и направилась по пустымъ комнатамъ.

— Жалко, жалко продавать дачу-то: вѣдь родовая! императоромъ Павломъ жалованная!—говорилъ Хохоревъ, поспѣвая за нею слѣдомъ.—Постараюсь, по крайней мѣрѣ, чтобы не иначе, какъ въ дворянскія руки попала.

Княгиня пріостановилась и обвела глазами потолокъ и стѣны.

— Это пустяки, кто больше дастъ, тому и продадимъ,— возразила она.—А у васъ тутъ и паутина, и пыль, и сыростью пахнетъ. Надо бы лучше присматривать, мосьё Хохоревъ.

Хохоревъ вдругъ сдѣлалъ удивленное лицо, сощурился и медленно повертѣлъ головой въ разныя стороны.

— Паутина? скажите пожалуйста!—произнесъ онъ разочарованнымъ тономъ.—Но это оттого, что никто не живетъ. Это прямо оттого. У меня у самого былъ такой случай: позади главной усадьбы стоялъ у меня флигелекъ...

— Взгляните на зеркала: гадость, плѣсень!—перебила его княгиня, и провела по пыльному налету кончикомъ зонтика.

Хохоревъ подошелъ, слегка пожимая плечами, и мазнулъ по зеркалу пальцемъ.

— Удивительно! непостижимо! — произнесъ онъ. — Знаете, княгиня, я все больше убѣждаюсь, что здѣшній климатъ требуетъ борьбы на жизнь и смерть. Онъ прямо враждебенъ всякой хозяйственности, княгиня. Представьте себѣ, что въ сараѣ висѣла какая-то старая сбруя—и вся сопрѣла, буквально сопрѣла отъ сырости.

— Климатъ вы ужъ оставьте такимъ, какъ онъ созданъ, а въ домѣ велите все вычистить,—прервала его княгиня.—Я на-дняхъ заѣду, посмотрю. Въ хорошую погоду открывайте окна, провѣтривайте.

Хохоревъ слегка взмахнулъ своими длинными руками.

— О, княгиня, это такъ легко!—воскликнулъ онъ.—Я желалъ бы получить отъ васъ болѣе сложныя приказанія, чтобъ доказать свое усердіе. Провѣтривать... mais c'est rien du tout!

Княгиня шла дальше. Въ послѣдней большой залѣ она снова остановилась, и повернулась къ Хохореву въ полъ-оборота. Лицо ея почему-то слабо вспыхнуло подъ вуалеткой.

— Я какъ-нибудь сама пріѣду сюда показать дачу одному господину, который хотѣлъ бы купить ее...—объявила она слегка пониженнымъ голосомъ.—Мы тутъ разсмотримъ планы... вы положите ихъ въ той комнатѣ за боскетной, гдѣ мы сидѣли. Мы съ нимъ потолкуемъ, поторгуемся...

Лицо управляющаго выразило тревогу.

— Вы имѣете въ виду покупщика?—спросилъ онъ.

— Да, имѣю въ виду; по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, что онъ могъ бы купить, — отвѣтила Дарья Владиміровна.—Но его еще надо убѣждать, склонять...

— О, княгиня, а мои три процента?—воскликнулъ съ сокрушеніемъ Хохоревъ.

— Вы ихъ во всякомъ случаѣ получите, объ этомъ не безпокойтесь.

Хохоревъ снова взмахнулъ руками, потомъ склонилъ голову, и поймавъ ручку княгини, почтительно приникъ губами къ черной перчаткѣ.

II.

Подсадивъ владѣлицу дачи въ карету и граціозно помахавъ въ воздухѣ какой-то странной, мягкой, потертой шляпой, Хохоревъ скорыми шагами прошелъ черезъ дворъ и почти взбѣжалъ на крылечко маленькаго флигелька, часть котораго была предоставлена ему въ личное пользованіе.

Тамъ, въ первой комнатѣ, сидѣли пожилой господинъ и молодая дѣвушка. Пожилой господинъ былъ облеченъ въ отставной кавалерійскій сюртукъ не особенной свѣжести. На коротко остриженной головѣ его и въ громадныхъ толстыхъ усахъ, расходящихся колечками, серебрилась сильная просѣдь, которую онъ слегка подкрашивалъ лиловатаго тона помадой. Молодая дѣвушка была его дочь. Худощавая, со впалою грудью, съ лицомъ землистаго цвѣта и такого же оттѣнка волосами, она никакъ не могла назваться хорошенькой. И, кажется, сознаніе своей внѣшней непривлекательности глубоко вонзилось во все существо ея, залегло въ каждой чертѣ ея лица. Все въ ней, начиная съ полузакрытыхъ коричневыми вѣками глазъ и кончая какимъ-то скуднымъ покроемъ чернаго шерстяного платьица, говорило объ отреченіи отъ радостей жизни.

Эти посѣтители уже съ часъ какъ забрались къ Хохореву. Имъ нечего было дѣлать дома, гдѣ-то на Выборгской-сторонѣ. Двѣ маленькія комнатки ихъ, позади извозчичьяго двора, были

насквозь пропитаны удушающей кислотой скверняго петербургскаго жилья, смѣшаннымъ запахомъ дешеваго буфета и конюшни. Хорошая, жаркая погода неодолимо гнала вонъ. А у Хохорева благодать: воздухъ дачный, маленькій паркъ съ бесѣдкой въ полномъ его распоряженіи, и кромѣ того неистощимое и ничего не стоющее наслажденіе задушевныхъ разговоровъ. Поэтому Провъ Ивановичъ Колотыгинъ почти каждый день таскался на Каменный, въ управительскій флигелекъ, и иногда бралъ съ собою Ѳимочку, на томъ простомъ основаніи, что дома ей нечего дѣлать.

Колотыгинъ былъ военный человѣкъ до мозга костей, и на всѣ явленія жизни смотрѣлъ съ военной точки зрѣнія. Дворянскій принципъ, которымъ поглощенъ былъ Хохоревъ, занималъ его въ слабой степени; дворянина онъ понималъ только въ офицерскомъ мундирѣ; но, тѣмъ не менѣе, въ ихъ образѣ мыслей встрѣчались многочисленныя точки соприкосновенія, и потому ихъ бесѣды всегда были чрезвычайно пріятны для обоихъ.

— Недолго васъ княгиня продержала,—сказалъ Колотыгинъ, успѣвшій во время отсутствія хозяина ускоренно выпить два стакана чаю. — Ѳимочка предлагала въ садъ пойти, да я побоялся—вдругъ княгинѣ вздумается туда заглянуть. Это, скажетъ, что̀ за незнакомыя личности шляются?

— Ахъ, папаша, я бы умерла со стыда!—воскликнула Ѳимочка, слегка даже затрепетавъ.

Хохоревъ подошелъ къ столу, и одной рукой, держа другую въ карманѣ брюкъ, нацѣдилъ себѣ стаканъ чаю. Лицо его имѣло замысловатое и нѣсколько даже высокомѣрное выраженіе.

— Да-съ, княгиня на минуточку заѣзжала, только этотъ заѣздъ многаго стоитъ,—произнесъ онъ, вперяясь въ Колотыгина загадочнымъ взглядомъ.

Тотъ встрепенулся.

— А ну?—отозвался онъ.—Новости какія-нибудь?

— Новости такія, что вашъ покорный слуга можетъ хорошую копѣйку зашибить, — отвѣтилъ Хохоревъ, размѣшивая ложечкой въ стаканѣ.—Княгинѣ или князю, какъ по всему видно, деньги до зарѣзу нужны. Велѣно продать дачу какъ можно скорѣе, и на такихъ условіяхъ, что я самостоятельно всѣмъ распоряжаюсь и получаю въ свою пользу три процента съ продажной суммы. А сумма-то, вы понимаете, не маленькая.

Колотыгинъ потупился, расправивъ колечки усовъ, и произнесъ:

— Гм... Новость, само собою, пріятная. Вѣдь за дачу, пожалуй, тысячъ сто дадутъ?

— Нѣтъ-съ, мы меньше полтораста и разговаривать не станемъ,—возразилъ Хохоревъ.—Земля въ этой мѣстности теперь чрезвычайно въ цѣнѣ.

— Оно такъ, да покупателя-то сыскать надо, — замѣтилъ Колотыгинъ.—А покупатель у насъ кто?—Купецъ.—А купцу это дѣло не съ руки.

— Почему же не съ руки?

— А потому, что фабрику здѣсь не разрѣшатъ.

— Онъ и не будетъ фабрику строить, а разобьетъ на участки, да дачъ нагородитъ, или порознь распродастъ. Или же самъ жить будетъ. Тутъ много купцовъ живутъ, по-барски.

Завязался продолжительный споръ, во время котораго явилось новое лицо.

Это былъ тотъ самый Клевцовъ, котораго Хохоревъ рекомендовалъ княгинѣ, какъ извѣстнѣйшаго экономиста и дѣльца. Высокій, корявый, съ вылѣзшими бровями и бородой, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, въ конецъ прогорѣвшаго. Длинный сюртукъ съ лоснящимися бортами и локтями, и какіе-то странные, необычайно короткіе, словно обрѣзанные ботинки, очень способствовали этому впечатлѣнію.

— О чемъ, господа, разсужденіе имѣете? — спросилъ онъ, поздоровавшись со всѣми.

Ему объяснили.

— Что-жъ, три процента—это правильное коммиссіонерское вознагражденіе, — сказалъ онъ. — Стало быть, нѣкоторый гешефтъ?

И онъ, осклабляясь, потеръ свои красныя руки.

— Дѣло въ томъ, чтобы найти покупателя,—отозвался Хохоревъ, внезапно напуская на себя озабоченный видъ. — Князь и княгиня вполнѣ полагаются на меня и просятъ распорядиться самостоятельно.

— Да чтò вы въ этихъ дѣлахъ понимаете, Алексѣй Сергѣевичъ?—возразилъ Клевцовъ.—Шагу ступить не умѣете. Совсѣмъ это не ваша спеціальность. Гдѣ вы тамъ будете искать покупателя? Тутъ нужна ловкость. Надо тереться среди денежныхъ людей, заинтересовать ихъ, придумать аферу. Сырьемъ эту штуку за хорошія деньги не продашь.

— Цѣна на землю очень ростетъ, — замѣтилъ Колотыгинъ.—Знаете, вотъ, домишко рядомъ съ Букинымъ? Десять лѣтъ назадъ за него восемь тысячъ было заплачено, а теперь тридцать даютъ.

— Такъ тò у проспекта, и участокъ мелкій, — возразилъ

Хохоревъ.—Такой участокъ всякій мелочникъ, или зеленщикъ, купитъ. А это барская дача—на любителя.

Онъ запустилъ руку въ задній карманъ, досталъ оттуда крошечный, сложенный носовой платокъ и, не развертывая его, вытеръ имъ себѣ лобъ.

— Уфъ, заморился я: погода жаркая. Стаканчикъ чаю разрѣшите налить?

Ѳимочка вызвалась услужить ему, и подавая стаканъ, бросила на раскраснѣвшуюся лысину экономиста благоговѣйный взглядъ. Она питала къ Клевцову тайныя и совершенно платоническія симпатіи.

— Я вамъ вотъ что̀ скажу, Алексѣй Сергѣевичъ,—заговорилъ снова Клевцовъ:—дѣло это такого рода, что можно дачку за полъ-цѣны спустить, а можно и тройную цѣну взять. Это отъ умѣнья зависитъ.

— А вы помогите, Андрей Яковлевичъ, — сказалъ Хохоревъ.—Я готовъ на такое условіе, что если кто помимо меня найдетъ покупателя, тому я изъ моихъ трехъ процентовъ десять процентовъ уступаю.

— Серьезно это говорите?—оживился Колотыгинъ.

— Вотъ, при свидѣтеляхъ,—подтвердилъ Хохоревъ.

Клевцовъ, сощуривъ свои бѣлыя рѣсницы, взглянулъ на хозяина насмѣшливо, и посвисталъ.

— Думаете, почтеннѣйшій, что̀ на дурака напали? — сказалъ онъ.—Нѣтъ-съ, меня не проведете. Это что̀ же за условіе такое? На него только дуракъ пойдетъ. Я, можетъ быть, на тройную цѣну покупателя найду, а вы мнѣ десять процентовъ? Нѣтъ, вы мнѣ предѣльную цѣну объявите, и тогда что̀ выше—пополамъ.

— Княгиня сказала, меньше какъ за полтораста тысячъ не отдастъ.

— Полтораста? Фю-фю! Дороговько цѣнитъ.

— Не отдастъ меньше.

— Ну, хорошо, допустимъ—полтораста тысячъ,—продолжалъ Клевцовъ.—Вотъ, если я найду покупателя до этой цѣны, вы имѣете четыре съ половиной тысячи, и изъ нихъ мнѣ десять процентовъ уступаете. А если продадимъ, примѣрно, за двѣсти тысячъ, то княгиня получаетъ сто-семьдесятъ пять, а двадцать пять мы дѣлимъ пополамъ.

Хохоревъ задумчиво провелъ по губамъ кончикомъ языка.

— Я не могу предложить княгинѣ такія условія, — сказалъ онъ.

— Вотъ пустяки, не можете!—воскликнулъ, подкинувъ головой, Клевцовъ.—Найдите удобную минуту, съумѣйте объяснить. Вѣдь и для нея же выгоднѣе такъ.

— Но, знаете, мои отношенія къ князю совсѣмъ другія,— возразилъ Хохоревъ.—Я у нихъ поставленъ, какъ свой братъ-дворянинъ. Имъ извѣстно мое прошлое: бывшій предводитель дворянства, человѣкъ принципа... Самъ когда-то вспомоществовалъ лицамъ своего сословія. Помѣщичьихъ сиротъ въ кадетскіе корпуса пристроивалъ...

— И дѣло, что въ корпуса: по крайней мѣрѣ люди изъ нихъ выходили!—одобрительно замѣтилъ Колотыгинъ.

— Все это прекрасно, но тутъ дѣло, дѣловая сдѣлка,—возразилъ Клевцовъ.—Наша обязанность соблюсти интересы владѣльцевъ, и мы ихъ соблюдемъ. А вы должны имъ это разъяснить.

Хохоревъ задумчиво повелъ глазами на каждаго изъ присутствовавшихъ.

— Главное дѣло, господа, искать покупателей, — сказалъ онъ.—Вотъ и будемъ искать. А тамъ, если посчастливится свыше ста-сорока тысячъ...

— Почему свыше ста-сорока?—прервалъ Клевцовъ, подозрительно поднявъ брови.

— Ну, десять тысячъ я скидываю на свой страхъ,—объяснилъ, нѣсколько замявшись, Хохоревъ.—Княгиня сказала: полтораста, но если дѣло наладится, она, вѣроятно, согласится и на сто-сорокъ.

— Прекрасно, мы такъ и будемъ считать: сто-сорокъ! Полтораста и сто-сорокъ—не одно и то же, — строго замѣтилъ Клевцовъ.—Такъ вотъ-съ, будемъ подыскивать покупателя. А тѣмъ временемъ, отчего бы намъ не переселиться въ нашу бесѣдку? Теперь какъ разъ такой часъ, что всѣ на „пуантъ“ ѣдутъ.

Предложеніе было принято, и всѣ направились въ садъ.

III.

Бесѣдка, которую Клевцовъ называлъ „нашей“, потому что друзья засѣдали тамъ каждый вечеръ, находилась у самой рѣшетки сада. Круглый столъ и стулья стояли на возвышеніи, и оттуда отлично можно было наблюдать за катившимися по шоссе экипажами.

Колотыгинъ, какъ только всѣ разсѣлись, постучалъ косточками пальцевъ по столу и сказалъ:

— А вѣдь, собственно говоря, надо бы для начала... того... выпить за успѣхъ дѣла!

Клевцовъ потрогалъ пальцами носъ, потомъ потеръ руки.

— Справедливо замѣчено, очень справедливо. Ну-ка, Алексѣй Сергѣевичъ, въ счетъ будущихъ барышей?—отнесся онъ къ хозяину.

Хохоревъ вскочилъ, порылся въ жилетномъ карманѣ, и вытащилъ оттуда нѣсколько мелкихъ бумажекъ.

— Прекрасно, господа, прекрасно; я съ удовольствіемъ...—проговорилъ онъ, и вышелъ, чтобъ отыскать дворника.

Ѳимочка повернулась къ Клевцову и навела на него благоговѣющій взглядъ.

— Ужъ вы, Андрей Яковлевичъ, всегда первый во всякомъ обществѣ!—произнесла она восхищеннымъ тономъ.

— Въ какомъ же смыслѣ?—спросилъ Клевцовъ.

— Да ужъ такъ! — объяснила Ѳимочка, продолжая наивно любоваться имъ.—Дѣло-то это—кàкъ вы разомъ повернули!

— Потому что по моей части,—скромно отвѣтилъ Клевцовъ.

Колотыгинъ громко крякнулъ.

— Оно, можетъ быть, и по вашей части, а только еще неизвѣстно, кто скорѣе покупателя найдетъ,—сказалъ онъ.—У меня тоже кое-какая идея на этотъ счетъ есть.

— У тебя, папа? — съ удивленіемъ обернулась къ нему Ѳимочка.

Клевцовъ иронически улыбнулся и потеръ колѣни.

— Идея — не покупатель, — сказалъ онъ. — А позволите узнать, чтò такое именно?

— А вотъ чтò такое: мы эту дачу въ казенное вѣдомство продадимъ!—воскликнулъ Колотыгинъ, привставъ и упершись лѣвымъ кулакомъ въ бедро, какъ дѣлаютъ кавалеристы, сидя въ сѣдлѣ.

— Какъ же это вы продадите? — насмѣшливо спросилъ Клевцовъ.

— Какъ? Возбудимъ вопросъ въ печати, вотъ какъ!—еще громче воскликнулъ Колотыгинъ, ударяя костями пальцевъ по столу.—Вы читали мою статью объ устройствѣ санаторій для отставныхъ штабъ-офицеровъ? Дѣло величайшей важности, патріотическое дѣло. Я за ту статью тысячу признательностей получилъ отъ боевыхъ товарищей. Генерала Самопалова знаете? Руку мнѣ подалъ, сказалъ: еслибъ вы у меня служили, я умѣлъ

бы васъ оцѣнить. Оттисковъ статьи просилъ, да въ редакціи не заготовили... Такъ вотъ-съ! Тамъ вопросъ поднятъ теоретически, а тутъ я прямо, такъ сказать, пальцемъ ткну: вотъ она, санаторія-то, пожалуйте!

Голосъ Колотыгина звучалъ подобно рогу, лицо побагровѣло, колечки усовъ дрожали. Клевцовъ уже не улыбался, а немножко какъ бы смутился.

— Положимъ, идея недурна, а все-таки... наврядъ ли,— произнесъ онъ нерѣшительно.

— Ну, нѣтъ-съ, не наврядъ ли,—возразилъ Колотыгинъ.— Я и вторую, и третью статейку загну—прочитаютъ! Это не то, что въ редакціяхъ тамъ господа сочинители маракуютъ, а за полною моею подписью, съ обозначеніемъ чина и званія. Тутъ видно будетъ, что это не статейка для чтенія, а голосъ изъ среды боевого сословія. Какъ бы отъ имени тѣхъ, кто, прослужа вѣрою и правдою, уповаетъ найти пристанище...

— Такъ-то такъ, да долга пѣсня,—замѣтилъ Клевцовъ.

Хохоревъ вернулся, предшествуемый дворникомъ, въ рукахъ котораго осторожно раскачивался подносъ съ двумя бутылками кахетинскаго и стаканами. Вино розлили.

— За успѣхъ нашего общаго дѣла!—предложилъ Хохоревъ.

Ему сообщили объ идеѣ Колотыгина. Хохоревъ ее одобрилъ, но согласился также и съ Клевцовымъ, что долга пѣсня.

— Вѣдь вотъ,—замѣтилъ онъ,—хорошо, что у военныхъ свое вѣдомство есть, которое и печется о нихъ. А развѣ для нашего брата, разореннаго дворянина, не нужны также подобныя санаторіи? Да кто о нихъ озаботится? Вотъ и оказывается, что я былъ правъ, когда въ своей запискѣ о нуждахъ первенствующаго сословія указывалъ на необходимость учредить министерство дворянскихъ интересовъ.

— Министерство дворянскихъ интересовъ? — переспросилъ Клевцовъ.

— Непремѣнно. Потому что эти интересы теперь уже окончательно выяснились, опредѣлились, и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ обозначилась ихъ тѣснѣйшая связь съ важнѣйшими интересами государства,—отвѣтилъ Хохоревъ.—Я въ своей запискѣ доказываю неопровержимыми умозаключеніями, что Россія не можетъ ступить шагу впередъ, пока не удовлетворены справедливыя притязанія дворянства. Дворянскій вопросъ стоитъ во главѣ всего.

— Онъ долженъ быть рѣшенъ на почвѣ нравственно-экономической, согласно съ завѣтами народнаго духа,—вставилъ Клевцовъ.—Откуда пошло разореніе дворянства? Вы скажете: отъ

эмансипаціи. Неправда! Эмансипація, въ сущности, не удалась потому, что дворяне и крестьяне остались чуждыми другъ другу. А они должны были слиться на экономической почвѣ, на почвѣ всенародной бѣдности. Да, да, бѣдности, которая есть высшій удѣлъ и высшее счастье такой страны, какъ наша. Мы учимся политической экономіи у европейцевъ, тогда какъ у насъ должна быть совсѣмъ другая, своя политическая экономія. Всякое стремленіе разбогатѣть для насъ гибельно. Россія была самобытна и счастлива, пока не знала роскоши. Кто разорилъ ее? Иноземная роскошь, и вся эта такъ-называемая культура. Вонъ, вонъ, взгляните: эти барыни въ парижскихъ шляпахъ да мантильяхъ, прожигательницы...

Онъ повернулся къ рѣшеткѣ, и, размахивая руками, указывалъ на быстро мчавшихся въ колясках разряженныхъ дамъ.

— Вотъ откуда ваше дворянское разореніе пошло,—продолжалъ, все повышая голосъ, Клевцовъ.—На французскую падаль накинулись. Культуру, видите ли, подавай намъ; безъ бутылки бордо не можемъ за столъ сѣсть. Устрицы, омары, шампанское по деревнямъ развозить стали. А вы бы, вотъ, въ высокія голенища влѣзли, застегнули бы на крючки косоворотку, да и пошли бы въ поле, землю ковырять. Небось, не разорились бы тогда...

Хохоревъ поморгалъ своими опускающимися вѣками и покачалъ головой.

— Не то, Андрей Яковлевичъ, не то,—сказалъ онъ.—Дворянство—культурное сословіе. Дворянину нельзя съ мужикомъ слиться. Дворянину и омаръ, и шампанское нужны, потому что онъ вырабатываетъ вкусъ, культуру. Вѣдь нужна же государству культура?

— Промышленная, да. Заводы, фабрики нужны, а омаръ не нуженъ. Омаръ въ моей программѣ упраздняется, — возразилъ Клевцовъ.

— И неправильно,—настаивалъ Хохоревъ.—Потому что, съ высшей точки зрѣнія, что̀ такое омаръ? Омаръ есть утонченность. Теперь, я васъ спрашиваю: нужна ли государству утонченность? Очевидно, нужна, потому что она выражаетъ собою цвѣтеніе. Дворянство—цвѣтъ страны. Дворянину и омаръ нуженъ, и шампанское нужно, и вотъ эти барыни нужны.—Онъ кивнулъ головой въ сторону улицы. — И потому государство должно поставить дворянина такъ, чтобъ у него все это было.

Колотыгинъ подмигнулъ Клевцову.

— Хе-хе! вотъ когда сказалось!—произнесъ онъ.—Баринъ

вы, Алексѣй Сергѣичъ, совсѣмъ баринъ. Вамъ бы этакъ тыщёнокъ тридцать годового доходу, съ маіората какого-нибудь. Тогда и вы теперь на „пуантъ" ѣхали бы, въ собственной коляскѣ, да съ знакомыми француженками перемигивались бы...

Хохоревъ грустно поднялъ кверху свои усталые глаза.

— Да, господа, баринъ я; это у меня есть; этого у меня никто не отниметъ...—сказалъ онъ.

— Потому и пропадаете, — замѣтилъ Клевцовъ. — Барство попало въ нашу исторію случайно, подъ иноземнымъ вліяніемъ. А ужъ особенно новое барство, съ культурными утонченностями, омарами да шампанскимъ. Ему у насъ почвы нѣтъ. Наша почва —бѣдность, суровая и смиренная бѣдность. И всегда нашъ народъ бѣднымъ останется, сколько ни развращайте его. Дайте ему лишнія деньги, онъ ихъ пропьетъ, а богатѣть не станетъ. Потому что нашъ народъ любитъ быть бѣднымъ. Это главный тезисъ нашей національной политической экономіи.

Хохоревъ удивленно поднялъ брови.

— Ну, ужъ это вы того...—замѣтилъ онъ.

— Знаю, непонятно для васъ, потому что ново, — продолжалъ Клевцовъ, воодушевляясь и слегка краснѣя.—А только это такъ. Современемъ поймутъ и признаютъ, что другой русской, самобытной экономической теоріи нѣтъ и быть не можетъ.

— То-есть, что мужикъ любитъ быть бѣднымъ?—переспросилъ Хохоревъ.

— Именно,—подтвердилъ Клевцовъ.—Вотъ, какъ карась любитъ, чтобъ его жарили въ сметанѣ, такъ мужикъ любитъ жить въ своей бѣдности, темнотѣ и смиреніи. Неужели вы думаете, что великій народъ, создавшій могущественнѣйшее въ мірѣ государство, оставался бы тысячу лѣтъ бѣднымъ и темнымъ, если бы не любилъ этой бѣдности и темноты?

Хохоревъ и Колотыгинъ казались озадаченными. Ѳимочка глядѣла на Клевцова благоговѣйно; лицо ея имѣло такое выраженіе, какъ будто она готова была сейчасъ, сію минуту полюбить свою бѣдность.

Хохоревъ, наконецъ, надумался, и сказалъ:

— Стало быть, только тотъ бѣденъ, кто любитъ такимъ быть? А вотъ я не люблю, да мало ли что̀! И у васъ въ карманахъ свиститъ не потому, что вы отъ денегъ бѣгаете, а потому, что изъ разныхъ вашихъ тамъ гешефтовъ ничего не выходитъ.

— Ничего не выходитъ?!—воскликнулъ запальчивымъ тономъ Клевцовъ.— И не выйдетъ, и не можетъ выйти, потому что насъ

иноземцы заѣли. Куда ни плюнь, вездѣ или нѣмецъ, или французъ, или англичанинъ. А тутъ еще бельгійцы понаѣхали. Всѣ они на нашемъ братѣ, русскомъ человѣкѣ, сидятъ, и по шеѣ насъ погоняютъ. Всѣ наши дѣла у нихъ въ рукахъ, и всѣ наши рубли у нихъ за пазухой звенѣть будутъ. А пусть бы освободили насъ отъ иностранцевъ, мы бы показали себя. Узнали бы, что̀ такое русская смётка...

— Вотъ вы обдѣлайте съ вашей русской смёткой наше дѣльце, сыщите покупателя тыщёнокъ на двѣсти, — сказалъ Хохоревъ.

— И сыщу, очень просто,—отвѣтилъ Клевцовъ такимъ тономъ, какъ будто покупатель уже сидѣлъ въ пустомъ боковомъ карманѣ его сюртука.

— Вотъ и сыщите.

— И сыщу.

Ѳимочка, ставшая-было лицомъ къ рѣшеткѣ сада, повернулась и тихо всплеснула руками.

— Ахъ, если бы найти какое-нибудь серьезное, симпатичное дѣло! Отдаться ему всей душой!—неожиданно заявила она.

На нее посмотрѣли и ничего не отвѣтили.

IV.

На другой день, часа въ три, къ воротамъ дачи подъѣхалъ на извозчикѣ молодой офицеръ, и, подозвавъ дворника, спросилъ:

— Это дача князя Сосницкаго?

— Такъ точно.

— Пустая?

— Пустая.

Офицеръ спрыгнулъ съ пролетки.

— Такъ ты, любезный, вотъ что̀... Сейчасъ сюда пріѣдетъ княгиня, понимаешь? Она желаетъ показать мнѣ домъ. Я имѣю желаніе купить...—объяснилъ офицеръ, напряженно, въ упоръ глядя дворнику въ глаза, словно желая загипнотизировать его.— Желаю, понимаешь, купить... если дѣло подходящее. Но раньше, само собою, надо все осмотрѣть, ознакомиться; сразу эти дѣла не дѣлаются. Понялъ ты меня?

— Очень понимаемъ-съ,—проговорилъ дворникъ.

— Такъ вотъ, любезный, отопри домъ, я подожду княгиню, —продолжалъ офицеръ.—Она должна сейчасъ пріѣхать.

— Слушаю-съ. А кромѣ прочаго, у насъ тутъ управляющій, онъ все и показать можетъ, и на счетъ цѣны...

— Управляющаго мнѣ не надо: я съ самой княгиней переговорю.

Дворникъ отперъ подъѣздъ, впустилъ офицера, и сейчасъ же побѣжалъ сообщить обо всемъ въ управительскомъ флигелѣ.

Хохореву очень не понравилась новость. Хотя княгиня и обѣщала во всякомъ случаѣ уплатить ему три процента, но онъ предпочиталъ найти покупщика, который далъ бы больше ста-сорока тысячъ. Въ умѣ его, почему-то, цѣнность дачи очень возросла со вчерашняго дня.

Во всякомъ случаѣ, ему хотѣлось взглянуть, что̀ за покупщикъ такой. Онъ взялъ шляпу и отправился въ большой домъ.

Офицеръ стоялъ въ угловой комнатѣ, у окна, откуда открывалась улица. Это былъ высокій, узко-плечій мужчина на длинныхъ, здоровыхъ ногахъ. Заслышавъ шаги, онъ нетерпѣливо обернулся, и на поклонъ Хохорева небрежно кивнулъ головой.

— Что̀ вамъ угодно?—спросилъ онъ недовольнымъ тономъ.

Хохоревъ отрекомендовался и пояснилъ, что, будучи давно хорошо знакомъ съ княземъ, принялъ на себя, отъ нечего дѣлать, обязанности завѣдующаго дачей.

— Очень можетъ быть, но я пріѣхалъ сюда, чтобъ говорить съ княгиней,—отрѣзалъ офицеръ.

Хохоревъ сказалъ, что онъ очень понимаетъ, но такъ какъ княгиня еще не пріѣхала, то онъ могъ бы дать господину поручику всѣ необходимыя свѣдѣнія, показать ему службы, садъ и все прочее.

Лицо офицера выразило рѣшительное желаніе отвязаться отъ предлагаемыхъ услугъ.

— Когда надо будетъ осмотрѣть, я осмотрю,—сказалъ онъ нелюбезнымъ тономъ.

— А относительно цѣны—вамъ извѣстно?—продолжалъ, не особенно смущаясь этой нелюбезностью, Хохоревъ.—Ныньче земля въ этой мѣстности чрезвычайно поднялась. И потомъ, позвольте васъ предупредить, мы продаемъ на наличныя.

— А мнѣ позвольте васъ предупредить, что я ни въ какихъ посредникахъ не нуждаюсь, и имѣю дѣло только съ самими владѣльцами,—еще болѣе нетерпѣливо отрѣзалъ офицеръ, и кивнувъ управляющему головой, снова повернулся къ окну.

„Фью-фью, какой сердитый“, — подумалъ Хохоревъ, выходя на дворъ.— „Кажется, не хамъ какой-нибудь съ нимъ разгова-

ривалъ, а такой же баринъ, какъ и онъ. Покупатель!.. да еще есть ли у тебя на что̀ купить-то"?

Къ воротамъ подъѣхала карета княгини. Хохоревъ бросился отворить дверцу.

— Васъ ожидаетъ покупатель, молодой человѣкъ, военный!.. —сообщилъ онъ. — Я предлагалъ показать все, объяснить, но онъ говоритъ, что желаетъ съ вами лично.

— Да, да, я сама веду съ нимъ переговоры,—отвѣтила княгиня, вылѣзая изъ кареты. — Это очень основательный покупщикъ, очень основательный...

— Я не говорилъ ему цѣны, княгиня,—продолжалъ Хохоревъ, идя за нею.—Надо побольше просить, теперь цѣны очень подымаются.

— Предоставьте мнѣ, это ужъ мое дѣло,—нетерпѣливо сказала княгиня, и исчезла въ подъѣздѣ.

Хохоревъ не вернулся къ себѣ, а сталъ ходить по двору, волнуясь и напуская на себя видъ чрезвычайной распорядительности. Онъ отдалъ съ десятокъ совершенно ненужныхъ распоряженій дворнику, даже сдѣлалъ какое-то замѣчаніе цѣпной собакѣ, и даже собственными руками откатилъ въ уголъ двора водовозную бочку.

Въ калитку шмыгнулъ Колотыгинъ, на этотъ разъ безъ Ѳимочки, и поздоровавшись съ Хохоревымъ, значительно подмигнулъ на карету.

— Опять пріѣхала?

— Да. Съ покупателемъ сидитъ,—объяснилъ Хохоревъ.

— О! кто-жъ такой?

— А кто его знаетъ. Офицерикъ какой-то.

Колотыгинъ задумчиво повелъ усами.

— А вамъ надо было бы перехватить его,—сказалъ онъ.— Пусть бы съ вами имѣлъ дѣло, вотъ и все. Мы бы его и втравили тыщёнокъ въ двѣсти.

Хохоревъ взмахнулъ руками.

— Ужъ пробовалъ. Куда тамъ! Не подступайся. „Я, говоритъ, никакихъ посредниковъ не желаю",—отвѣтилъ онъ.

— Вотъ какъ!—протянулъ Колотыгинъ.—Это, я думаю, оттого, что вы штатскій. Гордый офицеръ не станетъ со штатскимъ разговаривать. Вотъ со мной, со своимъ братомъ военнымъ человѣкомъ, онъ поговорилъ бы.—А руководящая у меня готова.

— Что̀ такое?—спросилъ Хохоревъ.

— Руководящая замѣтка для газеты. Я захватилъ съ собою, чтобы прочесть вамъ.

Хохоревъ увелъ пріятеля къ себѣ. Колотыгинъ взялся рукой за стулъ, нѣсколько разъ перевернулъ его, отыскивая удобное освѣщеніе, наконецъ сѣлъ, медленно разстегнулъ сюртукъ, и досталъ изъ бокового кармана сложенные по-канцелярски листы бумаги.

— У меня приступъ хорошъ, тепло очень вышло,—сказалъ онъ. — Вотъ, прислушайтесь: „Кому не случалось любоваться стройными, блестящими рядами воиновъ, когда они, развертываясь въ лучахъ солнца, молодецкимъ шагомъ выступаютъ"... Тутъ, понимаете, картина... „Какое русское сердце не билось въ груди, когда"... Понимаете, это для теплоты. А тутъ сейчасъ переходъ... „Но все въ мірѣ имѣетъ свою оборотную сторону. Блестящій воинъ, къ которому нѣкогда обращались нѣжные взоры столичныхъ красавицъ, отслуживъ вѣрой и правдой нѣсколько десятковъ лѣтъ, чувствуетъ себя наконецъ утомленнымъ, дряхлыхъ, недужнымъ"... Тутъ я прямо къ цѣли, понимаете? Вѣдь тепло вышло, а?

— Тепло, — согласился Хохоревъ. — Вы думаете, напечатаютъ?

— Это-то? Съ руками оторвутъ!—воскликнулъ Колотыгинъ. —Ныньче этими вопросами горячо интересуются; особенно если съ чувствомъ написано, чтобъ за ретивое хватало. Ретивое-то вѣдь у каждаго есть.

— У васъ талантъ,—произнесъ Хохоревъ, въ самомъ дѣлѣ склоняясь къ мнѣнію, что у его пріятеля есть талантъ.

— Колотыгинъ пропустилъ между пальцами колечки усовъ.

— Ужъ тамъ талантъ или нѣтъ, а горячо подать умѣю. Въ комъ есть русское чувство, того проойметъ,—опредѣлилъ онъ.— Однако, надо сейчасъ же въ редакцію снести; я къ вамъ только по дорогѣ забѣжалъ. До свиданія.

Хотя съ Выборгской на Каменный было вовсе не по дорогѣ, но Хохоревъ не возражалъ и не удерживалъ Колотыгина. Провожая его, онъ какъ будто соображалъ, сколько можетъ выйти строкъ въ статьѣ, и какой составится гонораръ.

А Колотыгинъ, выйдя на аллею, прошелъ шаговъ тридцать, до первой скамейки, и сѣлъ. Онъ вовсе не торопился въ редакцію, а хотѣлъ дождаться, пока выйдетъ изъ большой дачи покупатель, и если окажется возможнымъ, то заговорить съ нимъ.

Онъ просидѣлъ такимъ образомъ съ полчаса. Наконецъ, карета княгини отъѣхала, а слѣдомъ за нею пошелъ пѣшкомъ по

аллеѣ молодой офицеръ. Колотыгинъ медленно поднялся ему на встрѣчу, и приложился къ козырьку.

— Не вы ли, господинъ поручикъ, желали бы купить дачу князя Сосницкаго? Извините за безпокойство, но какъ дѣло въ нѣкоторомъ отношеніи меня касается...—обратился онъ къ офицеру.

Тотъ покосился на него нѣсколько сбоку—и пріостановился.

— Съ кѣмъ имѣю честь?—спросилъ онъ отрывисто.

Колотыгинъ назвалъ себя, тряхнувъ плечами, по старой привычкѣ къ эполетамъ.

— Заинтересованъ я дѣломъ собственно потому, что управляющій, дворянинъ Хохоревъ, мой большой пріятель, — пояснилъ онъ.—Дворянинъ и бывшій предводитель, но по теперешнему положенію дѣлъ стѣсненъ. Достойнѣйшій, между тѣмъ, человѣкъ, и было бы крайне пріятно услужить ему.

Офицеръ поднялъ съ недоумѣвающимъ видомъ брови, и пошелъ впередъ.

— Не понимаю, въ чемъ дѣло,—проговорилъ онъ на ходу отрывисто.

— А дѣло, изволите видѣть, просто въ томъ, что если господинъ Хохоревъ окажетъ содѣйствіе при продажѣ дачи, князь извѣстнымъ образомъ будетъ ему признателенъ, — продолжалъ, идя рядомъ, Колотыгинъ.—Человѣкъ же онъ достойный, и хотя не состоялъ въ военномъ званіи, но дворянинъ въ душѣ.

— Но я веду переговоры съ самой княгиней, — возразилъ офицеръ.

— Да вѣдь дѣло-то серьезное, его въ полчаса не сдѣлаешь; зачѣмъ же княгинѣ самой безпокоиться, когда у нея управляющій дачею есть, и притомъ же благородный человѣкъ, бывшій предводитель...—замѣтилъ Колотыгинъ.

По губамъ офицера промелькнула улыбка, которую онъ тотчасъ скрылъ.

— Ну, это ужъ дѣло княгини,—сказалъ онъ.

— Совершенно вѣрно, но зачѣмъ же безпокоить княгиню, если можно съ управляющимъ покончить, — повторилъ Колотыгинъ.—Съ нимъ и о цѣнѣ вамъ свободнѣе было бы переговорить...

Офицеръ, не останавливаясь, поднялъ руку къ козырьку.

— Я предпочитаю обойтись безъ посредниковъ,—отвѣтилъ онъ, и прибавилъ шагу, съ видимымъ намѣреніемъ отдѣлаться отъ пристававшаго къ нему неизвѣстнаго человѣка.

Колотыгинъ слегка развелъ руками, какъ бы выражая душевное сожалѣніе, и тоже дотронулся до козырька.

„Не клюнулъ, чортъ его бери совсѣмъ“, — подумалъ онъ, сконфуженно отставая отъ офицера. — „Кремень человѣкъ, по всему видно, и фанфаронъ: своимъ братомъ, военнымъ, гнушается“.

V.

Дни шли за днями. Въ бесѣдкѣ, по прежнему, каждый вечеръ сходились пріятели, смотрѣли на проѣзжавшія по шоссе коляски, обмѣнивались мыслями, и иногда вступали въ легкіе споры. Раза два въ недѣлю къ нимъ присоединялся Агавъ Захарьевичъ Букинъ, домовладѣлецъ Петербургской-стороны, лѣтъ двадцать состоявшій гласнымъ въ думѣ, но наконецъ выпертый оттуда на послѣднихъ выборахъ. Это былъ маленькій сѣденькій человѣчекъ, съ покрытымъ синими жилками лицомъ лисьяго типа, очень суетливый и надоѣдливый. Онъ считалъ себя глубочайшимъ знатокомъ всѣхъ вопросовъ городского хозяйства, ненавидѣлъ какую-то партію въ думѣ, и предсказывалъ блестящую будущность не только всей вообще Петербургской-сторонѣ, но и Плуталовой улицѣ, гдѣ у него былъ домъ. Онъ былъ весь радостно подавленъ возвышеніемъ цѣнности земли въ этой части города. Тутъ онъ видѣлъ возмѣщеніе обиды, нанесенной ему думскими выборами. За этимъ явленіемъ онъ слѣдилъ денно и нощно, и ни одна продажа и покупка участка не ускользала отъ его вниманія.

— А у насъ, на Плуталовой улицѣ, Застрѣчкинъ продаетъ домъ, по семидесяти рублей за сажень ему ужъ даютъ,—заявлялъ онъ иногда радостнымъ тономъ.—Легко ли сказать: по семидесяти рублей сажень! А вѣдь десять лѣтъ назадъ по двадцати рублей покупали.

Къ Каменноостровскому проспекту онъ относился съ такимъ благоговѣніемъ, какъ въ былое время берлинцы къ своей „Unter den Linden“.

— Въ бульваръ хотятъ обратить, въ бульваръ!—сообщалъ онъ.—Германское общество „Геліосъ“, говорятъ, электрическій кабель будетъ прокладывать. Электричествомъ освѣщаться будемъ, вотъ какъ-съ! А Губошлеповъ, милліонеръ Губошлеповъ, приторговываетъ участокъ, чтобы домъ-дворецъ строить. Слышно тоже, что финансовое вѣдомство будетъ возводить громадныя постройки для какихъ-то своихъ надобностей. По сто рублей сажень, вотъ какъ-съ. А лѣтъ черезъ десять и по двѣсти будетъ, по двѣсти рубликовъ!

Постройка Троицкаго моста тоже до чрезвычайности поглощала его вниманіе. Онъ слѣдилъ за ней, какъ будто это была хозяйственная работа въ его собственномъ имѣніи. Почти каждое утро, въ своемъ зеленоватаго цвѣта пальто и въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ, онъ отправлялся на набережную, проникалъ, не взирая на противодѣйствіе сторожей, во всѣ мастерскія, и такъ приставалъ къ инженерамъ, что тѣ разъ согласились даже спустить его въ кессонъ.

— Подвигаются, подвигаются работы; капитальнѣйшимъ образомъ взялись за дѣло,—сообщалъ онъ затѣмъ Хохореву, Колотыгину и Клевцову.—Вотъ, какъ откроютъ мостъ, тогда наша Петербургская-сторона все равно что на Дворцовую площадь въѣдетъ. Съ центромъ столицы мостикъ насъ свяжетъ.

И вся эта хлопотливая, юркая, постоянно взвинченная заинтересованность Букина исходила не изъ одной только домовладѣльческой жадности. Ему было очень пріятно соображать, что стоимость его дома быстро повышается, но онъ радовался не за себя только, а за всю эту часть города, которую онъ какъ бы считалъ своею настоящею родиной. Онъ былъ влюбленъ въ Петербургскую-сторону, въ ея улицы, площади, церкви, дома, заборы, въ городовыхъ на перекресткахъ, въ запахъ укропа и лука, тянущійся съ огородовъ, въ вечернее оживленіе Каменноостровскаго проспекта и даже въ его грязь. Онъ, кажется, готовъ былъ жалѣть, что тысячи резиновыхъ шинъ поминутно уносятъ брызги этой грязи куда-то въ чужія мѣста...

Хохоревъ присоединилъ Букина къ условію, заключенному имъ съ Клевцовымъ и Колотыгинымъ. Букинъ, какъ и слѣдовало ожидать, принялъ дѣло чрезвычайно горячо къ сердцу.

— Эту дачу нельзя какъ-нибудь продать; тутъ продешевить—Боже упаси. Дѣло это, вы понимаете, должно всему тонъ дать,—заговорилъ онъ, взмахивая сѣдыми рѣсницами и подходя, по привычкѣ, вплотную то къ одному, то къ другому изъ пріятелей. Тутъ, вы понимаете, надо такую цѣну взять, чтобъ она отразилась на всемъ районѣ.

— Вѣдь это, Агавъ Захаровичъ, не городъ, а дачная мѣстность,—возразилъ Клевцовъ.

— Не городъ? Какъ же это не городъ, если Троицкій мостъ свяжетъ острова съ центромъ столицы? Вы не понимаете значенія Троицкаго моста,—напустился на него Букинъ.—Съ постройкой Троицкаго моста, что Каменный островъ, что Лѣтній садъ, будетъ одно и то же. А относительно цѣнъ, какъ вы полагаете? По сю или по ту сторону моста можетъ быть большая

разница? Вѣдь не можетъ? А если на Троицкой площади цѣна земли будетъ немногимъ поменьше, чѣмъ на Дворцовой набережной, то для всей Петербургской-стороны—знаете, чѣмъ пахнетъ?

— Чѣмъ бы ни пахло, только на своей Плуталовой улицѣ вы этого запаха долго не почувствуете,—ядовито выразился Клевцовъ.

Букинъ готовился вспыхнуть, но сейчасъ же укротилъ себя, такъ какъ, при всей своей надоѣдливости, былъ человѣкъ смирный, и проговорилъ другимъ тономъ:

— Вы думаете, мнѣ разбогатѣть поскорѣе хочется? Этимъ я, можетъ быть, менѣе васъ всѣхъ озабоченъ. Но я вѣрю, глубоко вѣрю въ блестящую будущность этой части города, вотъ что̀. Да-съ, Петербургъ будетъ рости въ этомъ направленіи; для меня это такъ же ясно, какъ... какъ хорошая погода...

— А мнѣ ясно, что мы должны стараться устроить дѣло какъ можно скорѣе, а потому сумасшедшихъ цѣнъ нельзя запрашивать,—возразилъ Клевцовъ, придавая своему нѣсколько корявому лицу необычайную значительность.

— Вы упускаете, господа, изъ виду самое главное,—прервалъ споравшихъ Хохоревъ, и сдѣлалъ плавный жестъ рукою, словно хотѣлъ разъединить и сейчасъ же вновь мирно соединить ихъ.—Главное—вопросъ дворянскій. Я разсматриваю предстоящую намъ задачу, какъ явленіе дворянскаго кризиса. Великолѣпная, жалованная дача, истинно-барская усадьба, ускользаетъ отъ именитаго рода, владѣвшаго имъ болѣе столѣтія. Къ кому перейдетъ это достояніе? Неужели мы допустимъ, чтобъ въ этихъ старинныхъ покояхъ, гдѣ, быть можетъ, еще ощущается присутствіе тѣней царственной знати XVIII вѣка... тѣней Потемкина, Румянцева — какъ знать? — И чтобъ въ этихъ покояхъ поселился какой-нибудь „самъ“ изъ фруктоваго магазина...

— Ну, ужъ до этого намъ никакого нѣтъ дѣла,—возразилъ Клевцовъ.—Это обстоятельство постороннее. Кому выгоднѣе будетъ продать, тому и продадимъ.

— Съ дѣловой стороны, оно, конечно... но принципъ, Андрей Яковлевичъ, принципъ! — почти вкрадчиво произнесъ Хохоревъ.

— А съ принципа вашего три процента — это сколько на деньги будетъ?—ядовито возразилъ Клевцовъ, и подперся обѣими руками въ бока.

Присутствовавшая тутъ Ѳимочка словно затрепетала отъ пронизавшаго ее чувства наслажденія..

— Ахъ, ужъ вы, Андрей Яковлевичъ, ужъ вы... надо вамъ язычокъ булавкой наколоть!—произнесла она восторженно.

Клевцовъ снисходительно усмѣхнулся.

— За что же это, Евѳимія Провна?—спросилъ онъ.

— Да ужъ ясно за что. Ужъ вы когда скажете что-нибудь...—проговорила Ѳимочка, и отвернулась. Изъ впалой груди ея вырвался едва слышный вздохъ.

— Все это, господа, прекрасно,—вмѣшался Колотыгинъ,—но мы только разговариваемъ, а дѣло ни съ мѣста. Надо покупателя искать, вотъ что. Я по своей части сдѣлалъ: завтра моя статейка появится въ печати, и тогда мы нащупаемъ почву.

— Пустяки,—возразилъ Букинъ;—все это, я вамъ долженъ сказать, прямо мое дѣло. Я здѣсь свой человѣкъ, коренной домовладѣлецъ. Я всѣхъ тѣхъ, которые могутъ купить дачу, еще по думѣ лично знаю. Кромѣ меня, никто этого дѣла не устроитъ.

Ѳимочка, стоявшая нѣсколько минутъ спиной ко всѣмъ, медленно повернулась.

— Ахъ, еслибъ найти серьезное, симпатичное дѣло!—уныло произнесла она.—Такъ тяжело жить безъ призванія, безъ цѣли.

Отецъ бросилъ на нее косой взглядъ, исполненный смутной укоризны.

— А скажите,—обратился Клевцовъ къ Хохореву:—покупатель, котораго княгиня сама нашла, заѣзжалъ послѣ того?

— Вчера былъ, и опять съ княгиней съѣхался,—отвѣтилъ Хохоревъ.—Планы отъ меня потребовали, и очень долго разсматривали. Потомъ вмѣстѣ прошли по двору и по саду. Пожалуй, что и въ самомъ дѣлѣ у нихъ сладится.

— Сладится? хе-хе!—усмѣхнулся Клевцовъ.

— Ну, у васъ сейчасъ свое на умѣ!—съ неудовольствіемъ замѣтилъ Хохоревъ, но въ то же время подумалъ: „А оно подозрительно, въ самомъ дѣлѣ подозрительно. Не похожъ онъ на покупателя, совсѣмъ не похожъ“.

Букинъ пожелалъ узнать, что за покупатель такой? Ему объяснили; но Колотыгинъ ничего не сказалъ о своей неудачной попыткѣ переговорить съ молодымъ офицеромъ. И у домовладѣльца Петербургской-стороны явилась такая же точно мысль—подкараулить этого таинственнаго покупщика и постараться овладѣть имъ, но такъ, чтобы никто изъ пріятелей не зналъ объ этомъ до поры до времени.

А на длинномъ лицѣ Хохорева блуждала загадочная улыбка. Онъ безпрестанно подымалъ свои круглыя брови, какъ будто то помогало ему думать. Въ мозгу его медленно ворочалась за-

брошенная туда мысль. „Этотъ Клевцовъ претонкая штука,— думалъ онъ. — Очень можетъ быть, что княгиня не совсѣмъ равнодушна къ своему офицеру. Надо наблюдать, непремѣнно надо наблюдать. Оно во всякомъ случаѣ недурно, потому что я все-таки тутъ при чемъ-нибудь. Я, можно сказать, даже отвѣтственъ за все происходящее на дачѣ“...

VI.

И Хохоревъ сталъ наблюдать. Такъ какъ княгиня пріѣзжала обыкновенно около четырехъ часовъ, то онъ къ этому времени выходилъ изъ своего флигелька, прогуливался по двору, выглядывалъ за ворота на улицу. Разъ онъ замѣтилъ невдалекѣ маленькую фигурку въ фуражкѣ съ краснымъ околышкомъ, очень напоминавшую Букина. Хохоревъ вышелъ на аллею и направился на встрѣчу, но фигурка, мелькнувъ еще разъ за деревьями, вдругъ скрылась.

„Неужели это не Букинъ? А если Букинъ, то куда онъ провалился“?—съ недоумѣніемъ спросилъ себя Хохоревъ.

То, дѣйствительно, былъ Букинъ. Онъ уже съ полчаса прогуливался мимо дачи, въ надеждѣ подкараулить офицера и вступить съ нимъ въ разговоръ. Неожиданно увидя Хохорева, выглядывающаго изъ калитки, онъ заподозрилъ его въ такомъ же точно намѣреніи, и не желая выдать себя, поспѣшилъ притаиться за деревомъ. Черезъ минуту онъ снова выглянулъ на аллею, но вмѣсто Хохорева увидѣлъ высокаго молодого офицера, соскочившаго съ извозчичьей пролетки и направлявшагося къ дачѣ князя Сосницкаго. Офицеръ нѣсколько подозрительно оглянулся, такъ какъ внезапное появленіе человѣка изъ-за дерева казалось не совсѣмъ обыкновеннымъ.

„Это долженъ быть онъ самый“,—подумалъ Букинъ, и пошелъ вслѣдъ за нимъ, стараясь догнать его.

Онъ былъ уже въ двухъ шагахъ за его спиной, когда изъ калитки дачи снова высунулась фигура Хохорева. Букинъ прибѣгнулъ къ прежнему маневру и юркнулъ за дерево. Но офицеръ оглянулся въ ту самую минуту, и этотъ прячущійся и слѣдящій за нимъ неизвѣстный человѣкъ показался ему окончательно подозрительнымъ. Онъ повернулся и прямо подошелъ къ нему.

— Что̀ такое это значитъ? почему вы подглядываете за мной? и что̀ вамъ здѣсь нужно?—строго обратился онъ къ нему.

Букинъ оторопѣлъ, но попробовалъ изобразить на лицѣ улыбку, и приподнялъ фуражку.

— Я не подглядывалъ, это вамъ показалось... — сказалъ онъ. — Но, съ другой стороны, дѣйствительно... искалъ случая вамъ представиться...

— Что такое? Что вамъ нужно?—повторилъ офицеръ.

— По поводу покупки дачи. Будучи кореннымъ домовладѣльцемъ Петербургской стороны и знатокомъ всѣхъ здѣшнихъ условій и обстоятельствъ... — проговорилъ Букинъ, и смутился: глаза офицера смотрѣли еще строже, и все лицо его сдѣлалось почти грознымъ.

Прошло нѣсколько мгновеній. Офицеръ какъ будто дѣлался все выше, а Букинъ все ниже. Наконецъ, первый схватилъ второго за рукавъ.

— Скажите прямо: по какому случаю вы за мною подсматриваете? кто васъ подослалъ? — грозно проговорилъ поручикъ.—Предупреждаю: я шутокъ не люблю.

— Вы ошибаетесь, вотъ ей-Богу ошибаетесь,—проговорилъ совсѣмъ опѣшенный Букинъ.—Я не отъ васъ скрывался, а вонъ отъ того господина, который выглядываетъ изъ калитки; отъ господина Хохорева...

Офицеръ оглянулся; Хохоревъ, съ любопытствомъ слѣдившій за ними, теперь въ свою очередь юркнулъ въ калитку.

— Я, вотъ ей-Богу же, ни о чемъ такомъ и въ помышленіи не имѣлъ,—продолжалъ лепечущимъ голосомъ Букинъ.—Я только на счетъ дачи. Очень интересуюсь дѣломъ, такъ какъ самъ—домовладѣлецъ здѣшней мѣстности. Я и за постройкой Троицкаго моста слѣжу. Помилуйте, вѣдь блестящая будущность предстоитъ. Разстояніе исчезнетъ, острова свяжутся съ центромъ столицы. Все-равно какъ еслибы эта дача въ Лѣтній садъ въѣхала. Черезъ три года стоимость удесятерится...

Офицеръ, словно подавленный этимъ потокомъ лепечущаго и пришепетывающаго краснорѣчія, молча созерцалъ домовладѣльца Плуталовой улицы, не совсѣмъ ясно понимая его. Потомъ онъ сердито передернулъ плечами, выпустилъ рукавъ, который все еще держалъ въ рукѣ, и проговорилъ внушительно:

— Я уже предупредилъ васъ, что не охотникъ до шутокъ. Поэтому совѣтую вамъ никогда впередъ не попадаться мнѣ на глаза! Слышите? А не то, сожалѣть будете...

И съ этими словами онъ повернулся и быстро зашагалъ къ калиткѣ. Букинъ постоялъ, удрученный тягостнымъ впечатлѣ-

ніемъ, развелъ руками, и направился въ противоположную сторону.

Хохоревъ, не желая попадаться на глаза поручику, свернулъ въ садъ, но заслышавъ стукъ подъѣзжавшей кареты, выбѣжалъ за ворота. Ему хотѣлось непремѣнно поговорить съ княгиней и какъ-нибудь намекнуть, что хотя онъ догадывается о настоящемъ содержаніи ея разговоровъ съ поручикомъ, но она можетъ вполнѣ положиться на его скромность и преданность.

Онъ отворилъ дверцу кареты, и не безъ ловкости высадилъ княгиню.

— Поручикъ уже здѣсь, ожидаетъ васъ,—доложилъ онъ съ едва замѣтной, но замысловатой улыбкой.

— Давно? — спросила княгиня, слегка покраснѣвъ подъ вуалеткой.

— О, нѣтъ, всего нѣсколько минутъ...—отвѣтилъ Хохоревъ, идя рядомъ съ ней.—Не имѣлъ времени соскучиться, даже при самомъ нетерпѣливомъ ожиданіи. Ваше сіятельство такъ аккуратны, какъ ни одна женщина.

Онъ произнесъ это такимъ страннымъ тономъ, что княгиня подозрительно взглянула на него.

— Въ дѣлахъ женщина должна быть такъ же аккуратна, какъ и мужчина,—сухо сказала она.

— О, да, дѣла...—не проговорилъ, а словно пропѣлъ Хохоревъ.—Но къ чему такая избалованная и, позвольте выразиться, такая интересная женщина, какъ вы, станетъ заниматься дѣлами, когда у нея есть управляющій?

Княгиня опять взглянула на Хохорева, какъ бы ища на его лицѣ поясненія къ сказанному. И то, что̀ она прочла на его лицѣ, заставило ее снова покраснѣть, не столько отъ замѣшательства, сколько отъ досады.

— Вѣроятно, это оттого происходитъ, что бываютъ дѣла... серьезнѣе управляющихъ,—сказала она рѣзко.

Хохоревъ почувствовалъ, что только злитъ княгиню, и не зналъ, какъ выпутаться. Онъ покорно склонилъ голову, и проговорилъ обиженнымъ тономъ.

— Я вижу, что вы имѣете мало довѣрія къ своему управляющему, тогда какъ могли бы вполнѣ разсчитывать на его безпредѣльную преданность. Я дворянинъ, княгиня, и смѣю прибавить—джентльменъ...

И съ этими словами онъ съ размахомъ открылъ дверь въ большую залу, и снова наклонилъ голову. Княгиня прошла мимо, не удостоивъ взглянуть на него.

Засунувъ руки въ карманы брюкъ и сложивъ губы такимъ образомъ, какъ будто собирался посвистать, Хохоревъ вышелъ на дворъ, и покачиваясь на тонкихъ ногахъ, съ недовольнымъ видомъ прогулялся нѣсколько разъ мимо своего флигелька. Онъ былъ очень обиженъ самоувѣреннымъ тономъ княгини, которая совсѣмъ не хотѣла принимать его предложеній преданности.

„Ну, да еще посмотримъ, посмотримъ“...—думалъ онъ, отшвыривая носкомъ попадавшіеся на дорогѣ камушки.—„Я еще найду способъ показать княгинѣ, что кое-что тоже смекаю. Она оцѣнитъ благородство стараго дворянина“...

Повернувшись на каблукахъ, онъ увидѣлъ Букина, проворно шмыгнувшаго въ калитку.

— А, Агавъ Захаровичъ, стало. быть, больше не играемъ въ прятки?—обратился къ нему Хохоревъ, съ ядовитымъ выраженіемъ подымая круглыя брови.

Букинъ, пожимая ему руку, сдѣлалъ невинные глаза, и рѣшительно отъ всего отперся.

— Я прямо изъ дому, только-что окончилъ интересную работу, спѣшилъ вамъ показать, — заявилъ онъ, вытаскивая изъ бокового кармана сложенный нѣсколько разъ листъ александрійской бумаги. — Три дня сидѣлъ, не разгибая спины. Прямо скажу, что кромѣ меня никто не могъ бы исполнить этой работы. Тутъ, видите ли, на планѣ сдѣлана расцѣнка земли всей Петербургской-стороны, съ островами. По участкамъ все обозначено, и цѣна каждой сажени по самымъ послѣднимъ сдѣлкамъ выведена. Ни въ управѣ, ни у градоначальника такого плана нѣтъ. Тысячи рублей за него мало. Пойдемте-ка къ вамъ во флигелекъ, я на столѣ разложу; а не то въ саду, въ бесѣдкѣ можно...

Въ эту минуту въ калиткѣ показался Колотыгинъ съ дочерью. Въ рукахъ у него была толстая пачка нумеровъ газеты.

— Вышла, сегодня вышла! — закричалъ онъ еще издали, хлопая свободной рукой по пачкѣ.—Несемъ, несемъ къ вамъ...

— На первой страницѣ напечатали!—досказала Ѳимочка.

— Тутъ для васъ двадцать штукъ, — продолжалъ Колотыгинъ, нàскоро здороваясь.—Раздайте нашимъ. Надо подогрѣть публику. А своего брата, военную косточку, ужъ я знаю, кàкъ поджечь. Заговорятъ, будьте спокойны!

— Статья такъ тепло написана,—проговорила Ѳимочка болѣе чѣмъ всегда унылымъ голосомъ, словно ее искренно огорчала эта теплота статьи.

— Тутъ ваша княгиня, я карету видѣлъ,—сказалъ Коло-

тыгинъ:—а какъ уѣдетъ, мы сейчасъ за бутылочкой марсалы пошлемъ. Сегодня я угощаю, чортъ возьми!

VII.

Прошло еще недѣли двѣ. Пріятели продолжали ежедневно собираться и оживленно толковать о продажѣ дачи. Клевцовъ увѣрялъ, что нашелъ капиталиста, который непремѣнно пріѣдетъ смотрѣть усадьбу.

— Такой, батюшки, капиталистъ, которому двѣсти тысячъ выбросить, все равно, что мнѣ рюмку водки выпить,—объяснялъ онъ.—Мнѣ только неловко торопить его, потому что я имѣю въ виду еще другое съ нимъ дѣло, поважнѣе этого.

— Ахъ, Андрей Яковлевичъ, ужъ вы такой... вамъ, по-моему, только и заниматься самыми крупными дѣлами,—восклицала при этомъ Ѳимочка.

Но капиталистъ не являлся, и дѣло вообще не двигалось.

Княгиня за это время раза три пріѣзжала на дачу, и каждый разъ молодой офицеръ ожидалъ ее. Хохореву какими-то путями удалось узнать, что фамилія его Ерлицкій, и что въ полку, гдѣ онъ служитъ, его вовсе не считаютъ богатымъ человѣкомъ. Это утвердило его въ прежнихъ подозрѣніяхъ, но ничего не подвинуло.

Однажды княгиня пріѣхала нѣсколько раньше своего обычнаго часа, и Хохореву показалось, что она была взволнована. Офицера еще не было. Хохоревъ счелъ долгомъ дворянина-джентльмена пройти вслѣдъ за нею въ залу и занять ее разговоромъ. Но княгиня молча сняла шляпу, понюхала изъ находившагося при ней въ сумочкѣ флакончика, сказала, что въ городѣ очень душно, такъ что у нея голова разболѣлась, и попросила оставить ее одну.

Какъ только Хохоревъ удалился, она прошлась нѣсколько разъ по залѣ, потомъ остановилась передъ окномъ въ угольной комнатѣ, и принялась смотрѣть вдоль улицы. Лицо ея въ самомъ дѣлѣ выражало безпокойное нетерпѣніе.

Княгинѣ шелъ тридцать-девятый годъ. Молодость ея прошла. Она никогда не была красавицей, но ея продолговатое, нервное лицо съ смѣлыми глазами, нерусскимъ носомъ и всегдашней пренебрежительной полу-улыбкой на тонкихъ губахъ, многимъ нравилось. Съ годами, такая наружность не могла сильно пострадать. Княгиня сохранила стройную талію и легкость всей

фигуры. Кожа ея стала желтѣе, но она дѣятельно боролась съ этимъ недостаткомъ всѣми средствами парфюмернаго искусства. Вокругъ глазъ и надъ бровями образовались морщинки, надъ уголками рта обозначились усики. Но она хотѣла оставаться моложавой, и ей не противорѣчили. Только выраженіе глазъ безжалостно старило ее. Это было выраженіе перегорѣвшей, уставшей, износившейся души, и странный блескъ зрачковъ еще болѣе подчеркивалъ его. Про нее говорили въ свѣтскомъ обществѣ, будто она морфинистка; вѣроятно, именно это выраженіе глазъ подало поводъ къ такому предположенію. Но на самомъ дѣлѣ княгиня еще не прибѣгала къ морфію. Она хотѣла жить тѣми остатками крови и нервовъ, какіе еще чувствовала въ себѣ.

Прошло минутъ десять. Ерлицкій, наконецъ, показался, соскочилъ съ извозчичьей колясочки и вошелъ въ домъ.

— Вы уже здѣсь, вы ждали... неужели я опоздалъ?—произнесъ онъ еще издали, торопливо вынимая часы.

— Нѣтъ, нѣтъ, это я рано пріѣхала, — сказала княгиня, протягивая ему обѣ руки.—Я очень разстроена, у меня съ мужемъ было объясненіе.

— Что̀ такое?—встревожился Ерлицкій.

— У него есть какія-то подозрѣнія,—продолжала княгиня. —Не говоритъ прямо, но изъ намековъ можно понять, что кто-то навелъ его на наши слѣды. Можетъ быть, вчера онъ слышалъ что-нибудь изъ нашего разговора? Эти ковры и портьеры хуже предательства. Я завтра же велю все снять и убрать на лѣто.

Ерлицкій безпокойно поморгалъ рѣсницами.

— А мнѣ приходитъ въ голову, нѣтъ ли тутъ настоящаго предателя,—сказалъ онъ.—Откровенно сказать, мнѣ очень подозрителенъ вашъ управляющій... или кто онъ такой? Старичокъ, который тутъ все вертится.

— Хохоревъ? Этотъ испанскій дворянинъ изъ Балахны?—презрительно усмѣхнулась княгиня.—Мнѣ самой онъ подозрителенъ. Онъ все хочетъ намекнуть, что о чемъ-то догадывается. Мужъ взялъ его прямо изъ жалости, какъ ни къ чему негоднаго старикашку.

— Но представьте себѣ, что еще какой-то господинъ выслѣживаетъ тутъ меня,—сказалъ Ерлицкій. — Надняхъ я чуть не схватилъ его за шиворотъ, когда онъ крался за мной и прятался за деревьями. А еще раньше, какая-то фигура въ отставномъ мундирѣ подкараулила меня при выходѣ, и пристала по поводу покупки дачи... Я увѣренъ, что все это—одна шайка.

— Каково!—всплеснула руками княгиня.—Но неужели этотъ господинъ Хохоревъ могъ осмѣлиться... Какая низость!

Ерлицкій довольно равнодушно пожалъ плечами.

— Анонимная записочка, продиктованная кому-нибудь изъ пріятелей, чтобъ не узнали почерка—это такъ легко и просто!—сказалъ онъ.

— Но что же дѣлать?—произнесла уже нетерпѣливо княгиня.

— Объ этомъ не думайте, есть тысяча способовъ все устроить,—отвѣтилъ Ерлицкій.—Прежде всего, конечно, надо прекратить видѣться здѣсь.

— Очевидно, надо прекратить,—согласилась княгиня.

Она обвела глазами комнату, въ которой они теперь находились.

— Но какъ грустно покидать этотъ уголокъ, Поль!—произнесла она меланхолически, и опустилась на низенькую оттоманку.

Ерлицкій присѣлъ на такое же низенькое кресло и вытянулъ свои длинныя ноги.

— Покидать все равно пришлось бы,—сказалъ онъ:—у меня скоро лагери начинаются, а вы за границу уѣдете.

— Какъ вы равнодушно объ этомъ говорите!—печальнымъ тономъ укоризны отозвалась княгиня.—Знаете, Поль, я начинаю думать, что вы совсѣмъ не любите меня...

Онъ посмотрѣлъ на нее благосклонно, и такъ же благосклонно усмѣхнулся.

— Это зависитъ оттого, какъ понимать любовь... — сказалъ онъ.

— Да, разумѣется; и я боюсь, что мы понимаемъ ее неодинаково,—продолжала княгиня.

— А я не замѣчалъ этого,—возразилъ онъ.—Мнѣ, напротивъ, казалось, что мы оба—достаточно матеріалисты, чтобъ смотрѣть на эти вещи болѣе или менѣе одинаково.

Желтая кожа княгини покрылась слабымъ румянцемъ. Она почти возмущалась этимъ свѣжимъ юношей, въ которомъ нашла такъ мало наивной впечатлительности и воспріимчивой неопытности сердца. Его послѣдняя фраза звучала грубостью.

— Поль, какъ у васъ мало... иллюзій!—сказала она.

Онъ опять усмѣхнулся благосклонно.

— Вы разсуждаете по-женски, княгиня,—возразилъ онъ.

— Разумѣется; еще бы я стала разсуждать по-мужски!—отвѣтила она.—Но мнѣ кажется, мужчина обязанъ понять въ женщинѣ—женщину. И въ особенности въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ мы находимся, мы оба...

Ерлицкій посмотрѣлъ на нее вопросительно, и перегнулся на одинъ бокъ, чтобы вытащить изъ кармана рейтузъ большой серебряный портсигаръ, весь покрытый монограммами, гербами и золотыми факсимиле полковыхъ товарищей.

— Вы разрѣшите?—спросилъ онъ, закуривая папиросу.

Княгиня разсѣянно кивнула головой. Ее раздражало, что онъ ограничился однимъ вопросительнымъ взглядомъ, какъ будто его совсѣмъ не интересовало, что̀ она хотѣла сказать.

— Нашъ романъ не совсѣмъ похожъ на всѣ романы,—возобновила она разговоръ.—Вы знаете, что между нами огромная разница лѣтъ. Вы почти мальчикъ, тогда какъ я... уже старушка.

— О, княгиня!—съ живостью протестовалъ Ерлицкій.—Вы не для того это говорите, чтобъ вызвать опроверженія? Они не нужны, вы сами знаете, что сохранили всѣ charmes молодости, что вами скорѣе можно увлечься, чѣмъ сотнями молоденькихъ женщинъ, не знающихъ что̀ дѣлать съ своею молодостью...

Онъ наклонился, овладѣлъ ея рукою и сталъ цѣловать ее медленно, перебирая всѣ пальцы.

— Комплиментовъ мнѣ не нужно,—продолжала княгиня.—Я бы хотѣла, чтобъ вы меня немножко поняли. Безъ пониманія это выходитъ ужасно банально. Женщина, которая на десять лѣтъ старше мужчины... какая пошлость!

„На пятнадцать",—мысленно поправилъ ее Ерлицкій, и засмѣялся своимъ благосклоннымъ, ободряющимъ смѣхомъ.

— Я совсѣмъ не хочу заглядывать въ ваше метрическое свидѣтельство,—сказалъ онъ.—Развѣ это такая большая рѣдкость—романъ, гдѣ женщина... немножко старше мужчины?

— Не перебивайте меня, я хочу объясниться до конца,—продолжала княгиня.—Когда-нибудь надо же, чтобъ вы меня поняли. Почему такъ случилось, что героемъ моего романа сдѣлались именно вы, котораго скорѣе могутъ принять за моего младшаго брата? Развѣ я не сознавала этой несимметричности, этой нелѣпости? Развѣ я не понимала, что нашъ романъ, въ концѣ концовъ, рискуетъ возмутить насъ самихъ, и мы можемъ сдѣлаться смѣшны въ глазахъ другъ друга?

Ерлицкій сдѣлалъ протестующій жестъ, но княгиня ударила го тихонько по рукѣ, и продолжала:

— Да, я это понимала, и все-таки послушалась не разсудка, а смутной потребности сердца. Вѣдь въ нашей природѣ :сть стремленіе къ противоположному. Мнѣ казалось, что мы › вами—двѣ противоположности. Я состарилась нравственно

раньше и больше, чѣмъ физически. Это съ нами почти со всѣми такъ бываетъ, съ женщинами нашего круга. Мы живемъ не жизнью, а какою-то поддѣлкою жизни. Это великолѣпная поддѣлка, полная разнообразныхъ впечатлѣній, суеты, роскоши, но все это сухо, безплодно и банально. Послѣ тридцати лѣтъ, у каждой изъ насъ чувствуется въ душѣ какая-то роковая выемка, какое-то неизлечимое нравственное худосочіе. Въ физической жизни мы все-таки когда-нибудь дышимъ свѣжимъ воздухомъ, чувствуемъ здоровый голодъ, ѣдимъ потихоньку черный хлѣбъ; а наше нравственное существованіе обставляется такимъ образомъ, что къ намъ не проникаетъ ни одно живое, свѣжее, здоровое впечатлѣніе. Мы живемъ въ вѣчной, никогда не освѣжаемой духотѣ. Даже счастливые браки у насъ какъ-то быстро перерождаются, даже случайное счастье тотчасъ вянетъ. И получается усталость—не та, которую испытываетъ много жившее сердце, а усталость отъ плохого питанія, отъ безплодной суеты, отъ условности и поддѣльности всей этой мертвой жизни...

Ерлицкій сначала съ любопытствомъ слушалъ княгиню, потомъ лицо его приняло скучающее выраженіе, потомъ на губахъ его опять появилась благосклонная, какъ будто соболѣзнующая улыбка.

— Вы разочарованы, княгиня...—проговорилъ онъ тономъ, въ которомъ слышался оттѣнокъ собственнаго превосходства.

Княгиня досадливо тряхнула головой.

— Совсѣмъ нѣтъ,—возразила она.—Напротивъ, моя болѣзнь —отсутствіе всякихъ очарованій. Я просто „усохла", какъ говоритъ моя горничная. И все окружающее меня тоже „усохло", и потому не заставляетъ меня волноваться. Я не могла бы увлечься человѣкомъ съ такой же выемкой въ душѣ, какую сознаю въ себѣ. Но вы—вы показались мнѣ свѣжѣе другихъ, въ васъ еще есть что-то очень молодое и—какъ бы это сказать—сырое, кадетское...

Ерлицкій чуть-чуть насупился: опредѣленіе, сдѣланное княгиней, показалось ему почти оскорбительнымъ.

— Не знаю, не могу судить о себѣ... — сказалъ онъ нѣсколько обиженнымъ тономъ.

Княгиня посмотрѣла на него внимательнымъ, задумчивымъ взглядомъ. Досада, что ее опять не поняли, снова отразилась въ ея глазахъ. Но она откинула голову на подушку оттоманки и протянула ему обѣ руки.

— Ну, довольно философствовать, не правда ли? Вѣдь это тоже мѣшаетъ жить...—сказала она.

Теперь у Ерлицкаго блеснуло въ глазахъ влюбленное выраженіе. Онъ бросилъ папироску, и опустился на колѣни у ногъ княгини.

VIII.

Хохоревъ въ это время сидѣлъ въ бесѣдкѣ съ Клевцовымъ, Колотыгинымъ и Ѳимочкой. Пріятели были какъ будто не въ духѣ: съ тѣхъ поръ, какъ у нихъ явилось общее дѣло по продажѣ дачи, они становились все больше недовольны другъ другомъ.

— Что же вашъ капиталистъ? сколько времени его ждать? Вы бы въ другомъ мѣстѣ кого-нибудь поискали бы,—обратился Хохоревъ къ Клевцову.

— И въ другомъ мѣстѣ найдемъ, за нами дѣло не станетъ, — отвѣтилъ какъ ни въ чемъ не бывало Клевцовъ.—Вы думаете, эти дѣла легко дѣлаются? И дѣлались бы, еслибы всѣмъ намъ не сѣли на головы иностранцы. Они все такъ тутъ облѣпили, что русскому человѣку и не продраться сквозь нихъ.

Колотыгинъ провелъ пальцами по колечкамъ усовъ.

— Правда; что правда, то правда,—произнесъ онъ.

— Да еще бы! — воскликнулъ Клевцовъ, поощренный поддержкой.—Изъ-за иностранцевъ, да инородцевъ, нашему брату русскому человѣку нигдѣ ходу нѣтъ. Вы думаете, я вотъ такъ болтался бы тутъ съ вами, еслибъ меня иностранцы не душили? Да не будь этой нѣмчуры проклятой, я бы вотъ какія дѣла дѣлалъ!

И онъ поднялъ руки къ самому потолку бесѣдки, и затѣмъ развелъ ихъ, желая наглядно показать громадность предвосхищенныхъ у него дѣлъ.

— Я тоже всегда это говорила, — вмѣшалась Ѳимочка.— Что теперь можетъ найти русская дѣвушка? Вездѣ требуютъ или француженку, или нѣмку. Ужъ вы, Андрей Яковлевичъ, всегда вѣрно скажете.

— Оттого и русскаго духу мало въ обществѣ, что всѣ у насъ отъ француженокъ, да отъ нѣмокъ получаютъ воспитаніе,— замѣтилъ Колотыгинъ. — А къ чему это? Мало развѣ у насъ своихъ образованныхъ дѣвицъ? Я бы запретилъ и пускать въ Россію иностранныхъ воспитательницъ, да учительницъ.

— Нѣтъ, это что; онѣ хоть для языковъ нужны; а вотъ этихъ агентовъ всякихъ, да дѣльцовъ, да разныхъ тамъ какихъ-то представителей акціонерныхъ обществъ—вотъ этихъ я дѣйствительно не пропускалъ бы въ Россію,—продолжалъ Клевцовъ.

—Помилуйте, вѣдь всѣ дѣла наши къ иностранцамъ въ руки переходятъ. Сегодня иду я по Невскому, вижу: копаютъ подлѣ панели, и палатка поставлена. А на палаткѣ, какъ бы вы думали, надпись: „Кёльнъ на Рейнѣ"! Какъ вамъ покажется, а? Въ русской столицѣ, на главной улицѣ, нѣмчура свой адресъ выставляетъ! Да позвольте васъ спросить, кто же здѣсь хозяева: мы, или они?

Хохоревъ и Колотыгинъ, вмѣсто отвѣта, съ удрученнымъ видомъ понурили головы.

— А все потому, что ослабѣло русское дворянство,—замѣтилъ послѣ молчанія Хохоревъ:—съ дворянствомъ и все русское ослабѣло. А поддержать не хотятъ. Экономію соблюдаютъ, дворянскія имѣнія съ молотка продаютъ, а того не понимаютъ, чтò они въ каждомъ русскомъ дворянинѣ теряютъ!

И Хохоревъ трижды ударилъ себя въ грудь, и затѣмъ воздѣлъ руки съ выраженіемъ полнаго сокрушенія.

Но въ ту же минуту лицо его внезапно исказилось, и онъ весь перегнулся къ рѣшеткѣ сада, за которою мелькнула на всѣхъ рысяхъ коляска съ сидящимъ въ ней господиномъ лѣтъ пятидесяти, весьма приличнаго и даже внушительнаго вида.

— Боже мой, князь! князь пріѣхалъ!—пролепеталъ Хохоревъ, хватаясь длинными руками за голову. — Чтò же теперь будетъ?

На него словно столбнякъ нашелъ, глаза сдѣлались мутны, а лицо точно посинѣло. Онъ рванулся-было изъ бесѣдки, потомъ опять пригнулся къ рѣшеткѣ, и кончилъ тѣмъ, что съ безпомощнымъ видомъ хлопнулъ себя по отвислымъ карманамъ пиджачка.

— Бѣгите же, бѣгите, предупредить надо, — толкнулъ его Клевцовъ.

— Куда тамъ! князь уже въ подъѣздъ входитъ,—заявилъ Колотыгинъ, и почему-то выпрямился и съ бравымъ видомъ дернулъ рукой по усамъ.

Хохоревъ, наконецъ, выбѣжалъ во дворъ и остановился, не зная, чтò предпринять. Дверь отъ подъѣзда была захлопнута. Хохоревъ поднялся на ступеньки и осторожно, стараясь не произвести шума, отворилъ ее. Но дверь изъ передней въ залу была также захлопнута, и Хохоревъ, постоявъ подъ нею, не рѣшился повернуть ручку замка, и спустился снова на дворъ.

Въ саду, въ бесѣдкѣ, разговаривали почему-то шопотомъ.

— Скандалъ перваго разряда,—говорилъ Клевцовъ, вытягивая носъ и потирая руки.

— Погодите еще, чѣмъ кончится,—вставлялъ Колотыгинъ: —у князя, можетъ быть, въ карманѣ револьверъ положенъ.

— Ахъ, какъ страшно!—взвизгивала Ѳимочка и зажимала пальцами уши, какъ будто уже видѣла взведенный курокъ.

Только-что появившійся Букинъ, узнавъ въ чемъ дѣло, не соглашался съ предположеніемъ Колотыгина.

— Никогда этого не можетъ быть, чтобы князь, столь почтенная особа, и сталъ стрѣлять,—утверждалъ онъ.—Просто, онъ княгинѣ разводъ дастъ, какъ обыкновенно.

— Ужъ кому-кому, а нашему Алексѣю Сергѣевичу первымъ дѣломъ перепадетъ,—говорилъ Клевцовъ.—Такого ему дворянина-джентльмена пропишутъ, что чудо!

— Ахъ, Андрей Яковлевичъ, ужъ вы всегда лучше всѣхъ скажете!—восторженно восклицала Ѳимочка.—Не желала бы я попасть къ вамъ на язычокъ!

Хохоревъ, засунувъ руки въ карманы и позабывъ про оставшуюся въ бесѣдкѣ шляпу, ходилъ взадъ и впередъ по двору въ неописанномъ волненіи. Ему тоже представлялись разные страхи: князь могъ имѣть при себѣ револьверъ; княгиня могла держать въ сумочкѣ флакончикъ съ ядомъ; Ерлицкій, въ запальчивости, могъ прибѣгнуть къ саблѣ. И во всѣхъ этихъ ужасахъ, создаваемыхъ разстроеннымъ воображеніемъ, Хохоревъ чувствовалъ себя прикосновеннымъ лицомъ. Какъ посмотритъ князь? Не сочтетъ ли онъ его виновнымъ въ содѣйствіи преступному роману?

Спустя минутъ десять, дверь подъѣзда открылась, и на ступенькахъ показались: сначала княгиня, за нею князь, а позади Ерлицкій. Княгиня быстро, не оглядываясь, прошла къ калиткѣ; Ерлицкій бокомъ обошелъ князя, приложившись на ходу къ козырьку, и тоже скрылся за калиткой. Князь пріостановился, болѣе обыкновеннаго поднявъ плечи, и повелъ вокругъ хозяйскимъ взглядомъ.

Это былъ довольно моложавый для своихъ лѣтъ мужчина, особенно въ шляпѣ, закрывавшей его лысину. Гладко выбритое лицо, слегка подкрашенные усы и пріятный запахъ духовъ, распространявшійся отъ него даже на воздухѣ, свидѣтельствовали, что заботы о наружности были не послѣдними въ числѣ его привычекъ.

Немножко отставивъ правую руку, опиравшуюся на тросль съ затѣйливымъ набалдашникомъ, онъ граціознымъ жестомъ лѣвой руки поманилъ къ себѣ управляющаго. Хохоревъ приблизился съ глубокимъ поклономъ.

— Вотъ что̀, мой любезнѣйшій... извините, не могу вспомнить вашего имени,— заговорилъ князь.

Хохоревъ назвалъ себя, при чемъ голосъ его, отъ сухости въ горлѣ, какъ-то странно свистнулъ.

— Да, да, припоминаю. Вы, кажется, хлопотали получить у меня мѣстечко вслѣдствіе совершенно разстроенныхъ дѣлъ?— продолжалъ князь, озирая управляющаго спокойными, но недобрыми сѣрыми глазами.

— Именно, вслѣдствіе совершеннаго разстройства,—пробормоталъ Хохоревъ.—Сдѣлался жертвою землевладѣльческаго и дворянскаго кризиса. Боролся до послѣдняго изнеможенія, пока родовое имѣніе не было продано съ молотка.

— Припоминаю, припоминаю, — подтвердилъ князь. — Все это, я долженъ вамъ сказать, представляло для меня плохую рекомендацію. Я согласился устроить васъ здѣсь на дачѣ прямо по человѣческому состраданію, и притомъ въ видѣ опыта; не иначе какъ въ видѣ опыта. Я могъ думать, что возложенныя на васъ обязанности, какъ совершенно пустыя, будутъ вамъ по плечу.

Хохоревъ, не предчувствуя ничего хорошаго, блѣднѣлъ, округлялъ брови и мигалъ.

— Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ я ни разу не заѣзжалъ на дачу,—продолжалъ князь.—Сегодня заѣхалъ и нашелъ, что завѣдываніе ею находится въ плохихъ рукахъ. Вы очень плохо присматриваете, любезнѣйшій, извините, опять позабылъ...

— Алексѣй Сергѣевичъ,—не сказалъ, а пропищалъ Хохоревъ.

— Да, да; но не въ томъ дѣло,—продолжалъ князь.—Присмотру за дачей никакого. Въ большой залѣ по угламъ паутина, зеркала засижены мухами; чувствуется сырость—понимаете, сырость! А тутъ для чего же это бревно какое-то валяется?— вдругъ спросилъ князь, увидавъ полусгнившую колоду подлѣ садовой рѣшетки.

— Вотъ повѣрите ли, князь, самъ не могу понять, откуда эта колода,—отвѣтилъ Хохоревъ, разведя руками.—Дворникъ говоритъ: съ прошлаго года. Но почему, отчего, зачѣмъ? Непостижимо!

Князь, не слушая его, шелъ въ садъ.

— И тутъ тоже запущеніе, полное запущеніе,—продолжалъ онъ, помахивая тростью.—На дорожкахъ трава и голый щебень. Сухіе сучья не срѣзаны. Дернъ не остриженъ и растетъ какъ

ему вздумается. Безпорядокъ, полнѣйшій безпорядокъ. А это что за народъ такой въ бесѣдкѣ?

И князь въ изумленіи остановился передъ павильономъ, откуда, тѣснясь другъ къ другу, смущенно глядѣли на него Клевцовъ, Колотыгинъ, Букинъ и Ѳимочка.

— Я васъ спрашиваю, что это за народъ такой? Почему они разгуливаютъ у меня въ саду?—обратился князь уже сердитымъ тономъ къ управляющему.

— Это, ваше сіятельство, мои хорошіе знакомые, достойнѣйшіе люди,—проговорилъ сюсюкающимъ голосомъ Хохоревъ.

— Колотыгинъ, Провъ Ивановичъ, боевой полковникъ.

Князь круто повернулся и пошелъ назадъ.

— Это, однако, чортъ знаетъ, что такое; какихъ-то своихъ пріятелей въ садъ напустили, вы еще танцовальные вечера въ большомъ домѣ устроите?—проворчалъ онъ совершенно раздраженнымъ тономъ.—Я не могу дальше сохранять за вами это мѣсто. Никакъ не могу. Я посадилъ васъ здѣсь въ видѣ опыта, а теперь вижу, что даже и опыта не слѣдовало дѣлать. Я пришлю сюда лицо, которому вы потрудитесь передать все.

Хохоревъ уныло опустилъ голову.

— Ваше сіятельство, вѣдь это значитъ меня на улицу вышвырнуть. Вѣдь я ни крова, ни пропитанія не буду имѣть,—жалобно проговорилъ онъ.—Вѣдь я старикъ, ваше сіятельство. Я дворянинъ. Я на службѣ своему сословію потерялъ свое достояніе. Должна же быть какая-нибудь солидарность.

Но князь не слушалъ его: онъ былъ очень радъ, что нашелся предлогъ отдѣлаться отъ управляющаго такимъ образомъ, что увольненіе его являлось какъ бы внѣ всякой связи съ непріятнымъ сегодняшнимъ приключеніемъ. А простить подозрѣваемую связь его съ этимъ приключеніемъ князь не былъ расположенъ. Да и съ другой стороны, какой же это управляющій?

Князь быстрыми шагами прошелъ черезъ дворъ, сѣлъ въ коляску и крикнулъ: „на Стрѣлку!“ Ему хотѣлось подышать хорошимъ воздухомъ, обдумать все случившееся и успокоить взбудораженные нервы.

Хохоревъ, снова заложивъ руки въ карманы и низко опустивъ голову, вернулся въ бесѣдку. На него накинулись съ разспросами.

— Абшидъ! съ абшидомъ можете поздравить!—объявилъ онъ.—Уволенъ въ чистую. Лишился крова и пристанища.

Пріятели обмѣнялись оторопѣлыми взглядами.

— Однако!—произнесъ Клевцовъ.

— А какъ же наше дѣло?—напомнилъ Букинъ:—для кого же мы хлопотали?

Хохоревъ отвѣтилъ ему только унылымъ взглядомъ.

Букинъ посѣменилъ ногами, поскребъ ногтемъ бороду и вдругъ положилъ обѣ руки на плечи Хохореву и сказалъ:

— Ну, дружище, не унывай. Пока что, переѣзжай ко мнѣ въ Плуталову улицу, а тамъ увидимъ.

Хохоревъ обнялъ его и прослезился. Но чувство своей неумѣлости, негодности и безпомощности сегодня давило его, кажется, еще больше, чѣмъ когда онъ выселялся изъ своей проданной съ молотка усадьбы.

В. Авсѣенко.

ПО СѢВЕРНЫМЪ ОКРАИНАМЪ АФРИКИ

Путевые очерки.

ПО ЕГИПТУ.

I.—Отъ Александріи до Каира.

Начиная со второй половины текущаго столѣтія, Африка стала служить поприщемъ для колонизаторскихъ попытокъ со стороны европейскихъ державъ. Даже объединившаяся Германія, не обладавшая до сихъ поръ собственными заморскими поселеніями, завела теперь также свои колоніи по западнымъ и восточнымъ побережьямъ чернаго материка. Для европейскихъ народовъ, однако, въ переселенческомъ отношеніи, споконъ вѣку, всего важнѣе были земли, раскинутыя по сѣвернымъ окраинамъ Африки, а между этими областями первое мѣсто занимаетъ, конечно, Нильская долина. И дѣйствительно, находясь на порогѣ трехъ частей свѣта и служа въ настоящее время какъ бы ключомъ къ Суэзскому каналу, Египетъ за послѣднія десятилѣтія пріобрѣлъ весьма важное значеніе для европейскихъ мореходныхъ державъ. Имѣя въ виду ближе ознакомиться съ его современнымъ состояніемъ и съ возникающимъ колонизаторскимъ движеніемъ въ Нильскую долину, я выѣхалъ изъ Одессы на пароходѣ „Русскаго Общества“ и въ 1897 г. ноября 30-го прибылъ въ Александрію. Не останавливаясь въ этомъ городѣ, я съ парохода отправился на станцію желѣзной дороги, съ тѣмъ, чтобы переѣхать прямо

въ Каиръ. Поѣздъ въ 9 часовъ утра двинулся по плотинѣ. Съ правой ея стороны синѣло озеро Маріутъ, а съ лѣвой—тянулся каналъ Махмудіе, которымъ воды Нила соединяются съ гаванью. Затѣмъ вскорѣ показались зеленѣющія поля, перерѣзанныя каналами, изъ которыхъ вода, при посредствѣ зубчатыхъ колесъ, приводимыхъ въ движеніе буйволами, переливалась по засѣяннымъ нивамъ. По проложеннымъ вдоль каналовъ валамъ пробирались пестрыя толпы разноплеменнаго люда: среди пѣшеходовъ проѣзжалъ верхомъ на осликѣ смуглый арабъ; туземецъ-феллахъ велъ за собою медленно выступавшаго верблюда, на горбѣ котораго сидѣла закутанная въ черную фату женщина. По низменностямъ паслись темносѣрые буйволы съ горбатыми холками, овцы съ жирными хвостами. По болѣе возвышеннымъ площадямъ, не заливаемымъ рѣкою, расположились мѣстами сѣрыя жалкія деревушки съ ихъ слѣпленными изъ нильскаго ила лачужками; финиковыя пальмы раскинули надъ ними свои перья-листья. Все по пути было полно жизни и привлекало взоры обиліемъ новыхъ предметовъ. Вотъ показалась густая рощица сикоморъ, а за ней забѣлѣли стѣны домовъ и мечети, возлѣ которой возвышался стройный минаретъ. Поѣздъ подкатилъ къ станціи незначительнаго мѣстечка. На дебаркадерѣ громадными грудами лежали мѣшки съ зерномъ и тюки съ хлопкомъ. Послѣ трехъ подобныхъ остановокъ по дорогѣ, мы въ исходѣ перваго часа пополудни прибыли въ Каиръ.

Странное впечатлѣніе производятъ африканскіе города, въ родѣ Каира, на европейскаго туриста. Переѣзжая въ первый разъ изъ Европы въ Африку, онъ ожидаетъ встрѣтить въ этомъ не такъ еще давно мало доступномъ черномъ материкѣ новыя для него своеобразныя проявленія національнаго быта. Но на первыхъ порахъ ему приходится сильно разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, едва успѣетъ онъ, подъѣхавъ къ станціи, сдать носильщику багажъ и выйти изъ вагона, какъ на дебаркадерѣ встрѣчаетъ его цѣлая вереница коммиссіонеровъ. У каждаго изъ нихъ на околышкѣ фуражки красуется изображенное золотыми буквами имя отеля въ городѣ; а на улицѣ у подъѣзда вытянулся рядъ омнибусовъ, какіе выѣзжаютъ обыкновенно на станцію для пріема пассажировъ. Тутъ же стоятъ извозчичьи коляски, готовыя къ услугамъ пріѣзжихъ. Словомъ, все то же, чтò въ любомъ изъ европейскихъ городовъ. Мало того, проѣзжая въ одномъ изъ омнибусовъ по улицамъ Каира, я увидѣлъ такіе же многоэтажные дома съ роскошными галантерейными и другими магазинами, такіе же рестораны и ко-

фейни, какъ въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ. Вотъ мы проѣхали по Оперной площади (Place de l'Opera), откуда то и дѣло отходитъ нѣсколько трамваевъ; тутъ же стоятъ омнибусы и извозчичьи коляски парой; по широкимъ тротуарамъ толпятся одѣтые по-европейски пѣшеходы, среди которыхъ изрѣдка мелькаютъ туземные костюмы. По каменнымъ торцовымъ мостовымъ, обгоняя проѣзжающіе экипажи, быстро проносятся такіе же, какъ вездѣ въ европейскихъ городахъ, велосипеды. Стоило ли для всего этого переѣзжать черезъ Средиземное море и подвергаться разнымъ безпокойствамъ, безъ которыхъ не обходится подобный переѣздъ! Въ гостинницѣ встрѣчаютъ васъ тѣ же низкопоклонные портье и лакеи, какими отличаются въ особенности нѣмецкіе отели. Вамъ отводятъ такой же, какъ вездѣ въ Европѣ, роскошно драпированный, но вообще не очень комфортабельный номеръ съ большими зеркалами и съ обширною кроватью, увѣнчанной балдахиномъ. Вотъ только когда я вышелъ въ большой садъ при отелѣ,—то въ виду пальмъ, банановъ и великолѣпныхъ цикусовъ, въ виду этой пышной тропической растительности, слабый намекъ на которую у насъ можно встрѣтить развѣ въ оранжереяхъ, я вполнѣ увѣрился, что нахожусь не въ Европѣ, а въ болѣе жаркомъ поясѣ. Когда же на другой день я пошелъ бродить по городу и, выбравшись изъ европейскаго квартала, очутился на главной улицѣ стараго туземнаго Каира, которая, подъ именемъ Муски, до сихъ поръ почти сохранилась въ своемъ первобытномъ видѣ,—я еще нагляднѣе убѣдился въ томъ, что дѣйствительно прибылъ въ африканскій городъ.

И въ самомъ дѣлѣ, надо прежде всего замѣтить, что ширина этой улицы Муски не превышаетъ двадцати шаговъ, притомъ вмѣстѣ съ узкими тротуарами; и во всю эту ширину ея движется плотная толпа разноплеменнаго люда, какого мнѣ нигдѣ не приходилось встрѣчать: между одѣтыми въ европейскій костюмъ пѣшеходами разныхъ національностей гордо шествуютъ въ своихъ бѣлыхъ бурнусахъ смуглые арабы, щеголевато разодѣтые въ цвѣтные кафтаны персы, туземные пѣхотинцы съ красными фесками; тутъ же пробирается въ балахонѣ синяго цвѣта феллахъ, или въ грубой рубахѣ темнолицый нубіецъ; верхомъ на ослѣ ѣдетъ чалмоносный турокъ, а надъ самой толпой вытянулась губастая морда верблюда съ большою кладью на горбѣ. Кажется, яблоку негдѣ упасть въ этой тѣснотѣ; а между тѣмъ, когда на улицѣ появляется коляска парой съ иностранцами, то толпа раздвигается, и коляска безпрепятственно, никого не задѣвъ, проѣзжаетъ далѣе. Даже большія фуры, занимая чуть ли не

цѣлую треть мостовой въ ширину, провозятся парою воловъ среди этой сутолоки. По обѣ стороны улицы тянутся настежь открытые магазины съ бакалейнымъ товаромъ, съ готовыми платьями, сапогами и всякою обувью, а мѣстами на обширныхъ четыреугольныхъ желѣзныхъ столахъ, подогрѣваемыхъ снизу печкой, стоятъ рядами мѣдные цилиндрическіе котелки. Хозяева тутъ же натягиваютъ на нихъ красныя фески, потомъ накрываютъ ихъ сверху такими же нагрѣтыми котелками, и утюжатъ такимъ образомъ фески, которыя затѣмъ снимаются съ этихъ цилиндровъ точно новыя.

Въ иномъ городѣ, въ родѣ Парижа, напримѣръ, подобное многолюдство расплывается по широкой авеню, такъ что тамъ безъ труда можно обозрѣть публику; но здѣсь, въ узкихъ предѣлахъ улицы толпа своею сплоченностью и разнохарактерностью просто ошеломляетъ непривычнаго наблюдателя. А тутъ еще на мою бѣду ко мнѣ привязался смуглолицый мальчуганъ, предлагая для чего-то свои услуги и то и дѣло повторяя: „бахшишъ, бахшишъ!" Оказалось, онъ, почуя новопріѣзжаго, требовалъ за что-то подачки. Какъ я ни старался уйти отъ него, но онъ не отставалъ. Наконецъ, свернувъ съ главной улицы направо въ переулокъ, въ которомъ тротуаровъ вовсе не оказалось—и было не болѣе шести шаговъ въ ширину, а толпа была еще болѣе плотная,—я успѣлъ-таки ускользнуть отъ назойливаго мальчугана и сталъ осторожно подвигаться по извилинамъ базара, переходя изъ одной его галереи въ другую. Въ этихъ своеобразныхъ базарахъ галереи, или ряды, покрываются для защиты отъ солнечныхъ лучей сверху цыновками. Каждому товару отведенъ здѣсь особый рядъ. Въ одномъ изъ нихъ торгуютъ исключительно коврами, которые выдаются обыкновенно за персидскіе; въ другомъ—старымъ туземнымъ оружіемъ, которое, впрочемъ, нерѣдко изготовляется на какомъ-нибудь англійскомъ заводѣ; въ третьемъ—красными и желтыми туфлями, какія носятъ обыкновенно арабы. Затѣмъ, слѣдуютъ ряды, въ которыхъ продаются сѣдла и сбруи, также бѣлые шерстяные бурнусы; далѣе, въ табачныхъ лавкахъ выставлены черешневые чубуки съ янтарными мундштуками и глиняными трубками. Словомъ, на базарѣ предлагаются всякіе идущіе на потребу туземцевъ товары, доставляемые съ разныхъ концовъ Востока, главнымъ складочнымъ мѣстомъ котораго служитъ Каиръ. Среди неумолкаемаго гула въ толпѣ раздаются рѣзкіе крики продавцевъ финиковъ, апельсиновъ, свѣжей воды и вообще прохладительныхъ напитковъ.

Протѣсняясь въ этой шумной сумятицѣ и любуясь красиво

размѣщенными въ лавкахъ товарами, я увлекся до того, что окончательно заблудился и не зналъ, какъ выбраться изъ этого лабиринта рядовъ. Завидѣвъ издали красную феску темнолицаго полисмена, я обратился къ нему съ вопросомъ по-англійски, какъ мнѣ выйти на главную улицу Муски? Не говоря ни слова, онъ взялъ меня за руку повыше локтя и повелъ по галереѣ. Куда, думалъ я, ведетъ онъ меня? Пройдя такимъ порядкомъ шаговъ триста, онъ подвелъ меня къ другому стоявшему въ галереѣ полисмену, назвалъ ему требуемую улицу и сказалъ, чтобы онъ проводилъ меня туда. Новый полисменъ тѣмъ же порядкомъ повелъ меня по извилинамъ базара далѣе и передалъ третьему полисмену, который, наконецъ, вывелъ меня на улицу Муски и, пожавъ мнѣ на прощанье руку, вернулся назадъ къ своему посту. Эти туземные блюстители общественнаго порядка, какъ видно, выводятъ обыкновенно изъ базарнаго лабиринта заблудившихся въ немъ иностранцевъ, и надо отдать имъ полную справедливость, они исполняютъ свою обязанность безкорыстнымъ и радушнымъ образомъ. Выбравшись, благодаря имъ, на главную улицу, я по ней вышелъ на Оперную площадь, и вновь очутился въ знакомомъ уже мнѣ европейскомъ кварталѣ.

Однако, эта первая прогулка по старому городу съ его базарами убѣдила меня, что въ такой толкучкѣ мнѣ не легко будетъ разобраться съ нахлынувшими разомъ новыми разнообразными впечатлѣніями; а потому я рѣшился на первыхъ порахъ моего пребыванія въ Египтѣ уѣхать изъ многолюднаго города въ болѣе тихое укромное мѣстечко. Съ этою цѣлью я на другой же день отправился по желѣзной дорогѣ на югъ, въ городокъ Гелуанъ, куда и прибылъ послѣ получасового переѣзда.

II.—Гелуанъ.

Новый городокъ Гелуанъ находится въ двѣнадцати слишкомъ верстахъ къ югу отъ Каира среди Аравійской степи. Вѣдь и Каиръ тоже расположенъ въ Аравійской пустынѣ, примыкая лишь западной стороной къ правому берегу Нила. Но Гелуанъ лежитъ верстахъ въ пяти отъ рѣки среди песчаной площади, такъ что составляетъ въ нѣкоторомъ родѣ искусственный оазисъ. Въ гостинницѣ, въ которой я остановился, проживалъ пріѣхавшій сюда изъ Одессы русскій паціентъ. Когда я обратился къ нему съ вопросомъ, не можетъ ли онъ познакомить меня съ окрестностями города, то получилъ въ отвѣтъ: „Здѣсь нѣтъ никакихъ

окрестностей!" Онъ хотѣлъ этимъ, конечно, выразить, что городъ со всѣхъ сторонъ окруженъ песчаной пустыней. Значитъ, воды Нила, даже во время сильнаго разлива, вовсе не доходятъ до Гелуана.

Несмотря на свое пустынное положеніе, городокъ развивается довольно успѣшно. Благодаря своему сухому, теплому, даже въ зимніе мѣсяцы, чрезвычайно чистому воздуху, благодаря въ особенности сооруженнымъ лѣтъ тридцать тому назадъ купальнямъ на здѣшнихъ теплыхъ сѣрныхъ водахъ, Гелуанъ сталъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе привлекать къ себѣ европейцевъ, чающихъ исцѣленія отъ сѣрныхъ ключей и отъ здороваго воздуха. Въ этомъ отношеніи паціенты въ настоящее время нерѣдко предпочитаютъ долину Нила даже самой Италіи, этой излюбленной съ давнихъ поръ, классической лечебницѣ Европы.

Своими прямыми чистенькими улицами, взаимно-пересѣкающимися подъ прямымъ угломъ, своими новенькими каменными домами городокъ напомнилъ мнѣ такіе же возникающіе молодые города на дальнемъ западѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Строенія въ Гелуанѣ сооружены исключительно изъ бѣлаго песчаника, который цѣлыми плитами доставляется въ городъ изъ окрестныхъ каменоломенъ. Печей, разумѣется, въ жилыхъ комнатахъ совсѣмъ не водится, такъ какъ зимой здѣсь и безъ того довольно тепло. Полы вездѣ состоятъ изъ каменныхъ плитокъ, въ родѣ изразцовъ, которыя постилаются обыкновенно цыновкой изъ нильскаго тростника. Надо еще замѣтить, что стѣны въ комнатахъ здѣсь не оклеиваются бумажными обоями, а просто красятся, какъ то̀ дѣлалось и у насъ встарь. Это, конечно, немало предохраняетъ жилища отъ насѣкомыхъ, особенно отъ клоповъ, которые здѣсь весьма плодовиты. Мухъ вообще немного, но комары все-таки залетаютъ въ комнату, а потому постель на ночь покрывается кисейною занавѣской. Въ городѣ находится католическая церковь съ колокольней, протестантская капелла и мечеть съ минаретомъ. Все это выстроено изъ того же бѣлаго камня. На южномъ концѣ города расположены купальни, близъ которыхъ на улицѣ сильно отзывается водосѣрнымъ газомъ. Недалеко отсюда разведенъ прекрасный густо поросшій садъ, а надъ его желѣзными рѣшетчатыми воротами значится надпись: „Jardin public". Несмотря на такую надпись, я въ немъ почти никогда не могъ застать гуляющей публики. Но на другомъ концѣ города, противъ станціи желѣзной дороги, разведенъ другой садъ, и при немъ открыто казино̀. Здѣсь въ праздничные

дни бываетъ большое стеченіе публики; много гостей пріѣзжаетъ даже изъ Каира. При каждой изъ гостинницъ,—а ихъ числомъ пять или шесть въ Гелуанѣ—разведенъ садъ, почти даже при каждомъ домѣ, такъ что городокъ съ его зданіями изъ бѣлыхъ плитняковъ производитъ весьма пріятное впечатлѣніе, и съ перваго раза никакъ не подозрѣваешь, что онъ выстроенъ на пескахъ Аравійской степи.

Однако, для того, чтобы создать подобный оазисъ, необходимо было оросить почву. На такой конецъ и устроенъ водопроводъ, которымъ нильская вода доведена до самаго Гелуана. И какая пышная растительность развилась здѣсь подъ вліяніемъ живительной влаги! Тутъ зрѣютъ теперь и финикъ, и бананъ, не говоря уже о лимонѣ и апельсинѣ. Мало того, пользуясь водопроводомъ, жители по направленію къ Нилу отъ города провели аллею, усадивъ ее съ обѣихъ сторонъ индійскими акаціями. Это высокорослое, тѣнистое дерево вывезено изъ Остъ-Индіи и въ настоящее время весьма распространено въ Египтѣ. Оно легко разводится и скоро достигаетъ высокаго роста.

Въ какую сторону, впрочемъ, вы ни вздумали бы выйти изъ города, вездѣ очутитесь въ безплодной пустынѣ. Пробираясь по пескамъ на западъ, по направленію къ Нилу, я увидѣлъ среди песчаной степи нѣчто въ родѣ бесѣдки, подъ навѣсомъ которой пробивается теплый водосѣрный ключъ. Тутъ обыкновенно кто-нибудь изъ туземцевъ, арабъ или феллахъ, мыли свои ноги и руки. Совершивъ омовеніе, каждый затѣмъ поднимался по ступенькамъ на устроенную возлѣ источника каменную площадку и, обратившись лицомъ къ востоку, преклонялъ колѣни и читалъ свою молитву, умоляя пророка объ исцѣленіи томящаго недуга.

Проходя далѣе на западъ по проведенной аллеѣ, я, верстахъ въ трехъ отъ города, добрелъ до черты, гдѣ пустыня примыкаетъ къ зеленѣющимъ площадямъ, орошаемымъ водою Нила. Иныя поля густо поросли высокими стеблями дурры, другія—маисомъ или сахарнымъ тростникомъ. На свѣжей, не успѣвшей еще совсѣмъ просохнуть послѣ наводненія пашнѣ я засталъ феллаха, облеченнаго въ синюю самодѣльную рубаху изъ бумажной матеріи. Онъ вспахивалъ сырую, довольно рыхлую почву орудіемъ, которое едва-ли заслуживаетъ названія плуга: оно оказалось самаго первобытнаго устройства и ничѣмъ не отличается отъ тѣхъ орудій, какими пахали при Моисеѣ, въ чемъ легко убѣдиться не только по сохранившимся съ той эпохи изображеніямъ, но даже по выставленнымъ въ египетскомъ музеѣ

близь Каира образцамъ древнихъ плуговъ. Это орудіе состоитъ изъ дышла съ двумя ярмами, въ которыя впрягается пара воловъ, и изъ приспособленнаго къ нему короткаго рычага съ желѣзнымъ клинообразнымъ наконечникомъ, который какъ бы замѣняетъ собою сошникъ. Пахарь управляетъ этимъ орудіемъ при посредствѣ приспособленной къ нему рукоятки. Земля этимъ плугомъ не переворачивается, а только разбивается кое-какъ на комья. Несмотря на скудную пахоту, такая воздѣлка здѣшней почвы, судя по всходамъ пшеницы, оказывается довольно удовлетворительной. Тутъ же по близости на другомъ полѣ нѣсколько феллаховъ раздѣлывали землю ручными мотыками подъ бобы.

Подходя къ берегу Нила, я увидѣлъ передъ собою довольно густую рощу финиковыхъ пальмъ. Это драгоцѣнное дерево, повидимому, лучше всего преуспѣваетъ группами; въ одиночку приходилось встрѣчать эту пальму только въ городахъ. Вообще надо замѣтить, что никакой египетскій пейзажъ немыслимъ безъ финиковой пальмы. Плодъ ея составляетъ обычную пищу феллаха, который, помимо того, питается еще дуррой и маисомъ, изрѣдка рисомъ, еще рѣже мясомъ. Финиковая пальма цвѣтетъ въ мартѣ и апрѣлѣ, а въ августѣ и сентябрѣ появляются подъ верхними листьями крупныя грозди темнокрасныхъ плодовъ. Дерево, кора его и самые листья пальмы идутъ въ дѣло, а сиропообразный сокъ, получаемый изъ ствола, даетъ крѣпкое вино, такъ что эта пальма—одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ достояній туземцевъ. Однако, имъ не дешево обходится этотъ даръ природы: за каждое дерево правительство взимаетъ пошлину въ размѣрѣ $2^1/_4$ піастровъ [1]). Такой налогъ обременителенъ для феллаха тѣмъ еще болѣе, что не каждое дерево и не каждый годъ оно даетъ обильный плодъ. Финики потребляются жителями или въ свѣжемъ, или высушенномъ видѣ. Свѣжій плодъ весьма вкусенъ; по тѣмъ финикамъ, какіе привозятся къ намъ, мы не можемъ даже судить о чрезвычайно пріятномъ вкусѣ свѣжаго плода.

Шагахъ въ пяти пониже рощи, Нилъ катитъ свои темнобурыя илистыя воды. Рѣка въ настоящее время, т.-е. въ первыхъ числахъ декабря, вступила уже въ свои берега, наполнивъ водою примыкающіе къ ней каналы. На берегу свалены были груды бѣлыхъ каменныхъ плитъ, добываемыхъ въ каменоломняхъ Аравійской пустыни. Эти плиты при мнѣ нагружались на стоявшія у берега парусныя барки и потомъ перевозились на

[1]) Около 25 коп.

другую сторону Нила, который въ этомъ мѣстѣ разливался почти на версту въ ширину. Во времена фараоновъ, подобные камни точно также перевозились съ аравійскаго берега на ливійскій для постройки тѣхъ остроконечныхъ темнобураго цвѣта пирамидъ, которыя виднѣлись на другой сторонѣ рѣки. Какъ разъ напротивъ того мѣста, гдѣ я стоялъ, на другомъ берегу находился древній Мемфисъ.

Внизъ по рѣкѣ, къ сѣверу, приходили на парусахъ суда, нагруженныя частью мѣшками съ зерномъ, частью цыновками, а не то также и тюками хлопка. На встрѣчу имъ небольшой пароходъ влекъ за собой на буксирѣ вверхъ по Нилу барку, на палубѣ которой сооружены были каюты для пассажировъ. Это судно занято было торговцами-арабами, которые направлялись въ южныя области для закупки туземныхъ товаровъ, съ тѣмъ, чтобы снабдить ими базары въ Каирѣ. А тамъ, вдали по рѣкѣ два феллаха, шагая по-поясъ въ водѣ, бичевой влачили порожнюю барку.

Непосредственно за финиковой рощей, на песчаномъ прибрежномъ подъемѣ, не заливаемомъ водою во время разлива, расположилась деревушка туземцевъ, состоящая изъ двухъ дюжинъ жилищъ. Эти темносѣрыя, небольшія, низкія лачуги слѣплены изъ нильскаго ила. Онѣ лишены оконъ; открытый входъ внутрь завѣшивается только цыновкой; кровли покрываются иногда пальмовымъ листомъ, а не то бамбукомъ. Онѣ вообще напомнили мнѣ сакли туркменовъ въ нашемъ закаспійскомъ краѣ,—только здѣшнія лачуги гораздо хуже туркменскихъ.

Домашній скарбъ смугловатаго феллаха состоитъ изъ нѣсколькихъ корзинъ и лукошекъ, изъ глиняныхъ пористыхъ кувшиновъ, въ которыхъ ключевая вода сохраняется въ свѣжемъ видѣ, а также изъ иныхъ деревянныхъ посудинъ и изъ мѣднаго котла. Кромѣ того, по угламъ внутри лачуги валяются двѣ-три овчины; земляной полъ покрытъ иногда цыновкой изъ нильской осоки. Когда феллахъ, окончивъ работу, остается дома, то сидитъ обыкновенно наружи, подъ тѣнью акаціи или иного дерева, и, отдыхая, куритъ трубку, а жена его тутъ же занята пряжей или инымъ рукодѣльемъ. Около полудня она готовитъ скудный харчъ, который тутъ же наружи и потребляется семьей.

На ночь въ лачугѣ размѣщается не только семья феллаха, а также его куры, овцы съ ягнятами и козы, если только ему посчастливилось раздобыть что-нибудь въ родѣ подобной живности. Крупный скотъ, ослы и верблюды, коровы, и буйволы, остаются, конечно, наружи; для нихъ иногда возлѣ жилища устраивается

открытый загонъ изъ бамбука. Все это представляется въ самомъ первобытномъ жалкомъ состояніи, и если при фараонахъ жилье египетскаго поселянина не было лучше, то оно навѣрное не было хуже, оттого что ничего худшаго себѣ и представить нельзя. По всему видно, что прогрессъ многовѣковой цивилизаціи какъ бы вовсе не коснулся этого народа, предки котораго считаются представителями древнѣйшей культуры на землѣ.

Прямые потомки первобытныхъ египетскихъ поселянъ, феллахи, называя себя чадами Египта, какъ бы самимъ Провидѣніемъ испоконъ вѣка обречены на то, чтобы воздѣлывать почву въ угоду проникавшихъ въ ихъ родной край чуждыхъ властителей. Господствуя въ богато-одаренной отъ природы странѣ, фараоны уже обременяли простой народъ тяжкими повинностями и томительными, зачастую непроизводительными, работами. А потомъ, въ чьи бы руки ни переходила Нильская долина, но феллахъ—или въ качествѣ крѣпостного пахаря, или въ состояніи свободнаго земледѣльца—неизмѣнно выносилъ на своихъ плечахъ бремя государственныхъ налоговъ, во всѣ времена составлявшихъ главный источникъ правительственныхъ доходовъ; такъ что ему самому приходилось ограничиваться лишь скудными остатками своихъ трудовъ. Всего сильнѣе надъ феллахомъ тяготѣютъ поземельныя, составляющія почти двѣ трети общей суммы государственныхъ доходовъ. Сверхъ того, его обременяютъ еще косвенные налоги, въ особенности на табакъ и соль. При жалкомъ жилищѣ и ограниченной пищѣ, феллахъ для покрытія своей наготы довольствуется синей рубахой изъ грубой бумажной матеріи и шерстяными штанами. Только въ холодную погоду накидываетъ онъ на плечи какую-то самодѣльную хламиду или просто одѣяло изъ козьей шерсти. Темнорусую голову онъ покрываетъ обыкновенно шерстянымъ колпакомъ бураго цвѣта, плотно облегающимъ его коротко остриженное темя. Онъ ходитъ обыкновенно босикомъ; иногда только обувь его состоитъ изъ темныхъ бумажныхъ чулокъ и козловыхъ туфель. Нечего удивляться послѣ этого, что феллахъ вѣчно попрошайничаетъ и, при встрѣчѣ съ иностранцемъ, неминуемо пристаетъ къ нему съ требованіемъ бахшиша; а полунагія дѣти его, завидѣвъ издали новаго пришельца въ ихъ край, устремляются на него со всѣхъ ногъ изъ своего селенія и безотвязно преслѣдуютъ его своимъ крикомъ, прося подачки.

Понятно, что, пребывая въ такомъ безвыходномъ бѣдственномъ состояніи, феллахъ совершенно равнодушно относится ко всякимъ, не касающимся непосредственно его личности, событіямъ

и къ политическимъ или соціальнымъ переворотамъ въ его родной странѣ. Ему все равно, кто бы ни царствовалъ въ ней,—онъ не чаетъ выхода изъ своего печальнаго экономическаго положенія, тѣмъ болѣе, что онъ какъ бы по преемству уже отличается робкими, миролюбивыми свойствами: не даромъ Страбонъ уже заявлялъ, что „нравы у египтянъ смягченные". А сверхъ того, проникнутое фанатизмомъ ученіе Корана, въ силу котораго все въ жизни человѣка предопредѣлено свыше, еще болѣе побуждаетъ феллаха безропотно переносить тяжкій гнетъ и несправедливое бремя. При всемъ томъ, онъ трудолюбивъ, и круглый годъ безъ перерыва трудится въ полѣ, а орошеніе почвы въ особенности требуетъ съ его стороны значительныхъ усилій.

Феллаховъ вообще въ Египтѣ считается свыше 80 процентовъ всего населенія, состоявшаго въ 1897 году изъ 9.500.000 душъ. Они большею частью занимаются земледѣліемъ; немногіе лишь разсѣяны по городамъ и служатъ отчасти работниками въ домахъ, отчасти погонщиками ословъ, на которыхъ жители разъѣзжаютъ верхомъ по городу или по его окрестностямъ.

Прямыми потомками древнихъ египтянъ признаются также копты, которые частью до настоящаго времени исповѣдуютъ христіанскую вѣру, тогда какъ феллахи еще въ VII-омъ столѣтіи арабами силою были обращены въ магометанство. Копты, которыхъ насчитывается около шести процентовъ всего населенія, попадаются чаще всего въ городахъ и пользуются гораздо бо̀льшимъ довольствомъ чѣмъ феллахи. Между коптами встрѣчаются даже весьма богатые купцы. Многіе изъ нихъ служатъ кассирами при желѣзныхъ дорогахъ и при банкахъ, также драгоманами при консульствахъ, писцами у нотаріусовъ, а иногда и управляющими домовъ и помѣстій. Въ толпѣ ихъ можно узнать по тому, что они носятъ обыкновенно синюю или черную чалму. Иные облекаются, впрочемъ, въ отвѣчающія ихъ званію, иногда очень дорогія, одежды, какъ, напримѣръ, драгоманы при консулахъ. Цвѣтъ ихъ лица нѣсколько свѣтлѣе, чѣмъ у феллаховъ. Всѣ эти потомки древнихъ египтянъ, какъ видно, совершенно забыли языкъ своихъ предковъ и прибѣгаютъ во взаимныхъ сношеніяхъ къ общеупотребительному въ Египтѣ арабскому нарѣчію.

Проживая въ Гелуанѣ, я въ самой гостинницѣ успѣлъ уже о накомиться съ типами разнородныхъ національностей, насе-л ющихъ современный Египетъ. Самъ хозяинъ отеля, родомъ г екъ, переселился сюда съ острова Крита. Замѣтимъ вообще, ч о европейскіе переселенцы, группируясь въ національные к ужки, называемые обыкновенно колоніями, составляютъ около

полутора процента всего населенія въ Египтѣ. Изъ нихъ численностью преобладаетъ колонія грековъ. Затѣмъ, слѣдуютъ итальянцы, французы и англичане. Русскихъ въ Египтѣ проживаетъ немногимъ болѣе пятисотъ человѣкъ. Греческіе переселенцы занимаются коммерческими дѣлами: болѣе богатые негоціанты открываютъ винныя лавки, рестораны или гостинницы, а мелкіе торгаши промышляютъ преимущественно продажею губокъ. Нашъ хозяинъ, водворившись лѣтъ десять тому назадъ въ Гелуанѣ, соорудилъ здѣсь свой отель. Дѣятельный, изворотливый, онъ суетился съ утра до вечера, самъ наблюдалъ за кухней, ѣздилъ въ Каиръ за припасами, лично подавалъ кушанье гостямъ за общимъ столомъ.

Въ этомъ дѣлѣ ему помогалъ нанятый при гостинницѣ нубіецъ. Этотъ туземецъ съ лицомъ темнобураго цвѣта, въ пестрой рубахѣ и съ красной феской на головѣ, прибылъ сюда съ береговъ верхняго Нила, изъ области, лежащей между первымъ и вторымъ катарактами, гдѣ вообще обитаютъ нубійцы. Тамъ они занимаются обыкновенно земледѣліемъ. Но переселившіеся въ Каиръ и другіе сѣверные города нубійцы поступаютъ большею частью въ качествѣ прислуги въ гостинницы, также въ магазины, или нанимаются въ кучера, конюхи и тому подобныя должности. Сверхъ того, они служатъ зачастую матросами на нильскихъ пароходахъ, такъ какъ лучше другихъ туземцевъ знакомы съ теченіемъ верхняго Нила, а въ особенности съ опасными для плаванія катарактами. Иные нубійцы научаются говорить по-французски и по-англійски, такъ что служатъ переводчиками для европейскихъ туристовъ. Разнося за общимъ столомъ блюда, нашъ нубіецъ никогда не снималъ съ своей головы фески, которая, какъ извѣстно, пользуется особенной привилегіей, такъ что ни слуги, ни гости, не обнажаютъ головы, если носятъ феску.

При гостинницѣ служитъ еще совершенно черный негръ изъ Судана. Онъ убиралъ садъ и дворъ, чистилъ сапоги постояльцевъ и исполнялъ иныя подѣлки при домѣ. Дополняя нашъ перечень разныхъ національностей, прибавимъ еще, что за общимъ столомъ трапезовало человѣкъ десять нѣмцевъ, два-три француза, около двадцати англичанъ и англичанокъ, наѣхавшихъ въ Гелуанъ для поправленія своего здоровья.

Этимъ, впрочемъ, не ограничились разноплеменные типы, съ какими мнѣ пришлось ознакомиться въ городѣ. Въ торговыхъ его лавкахъ встрѣчались евреи, армяне и еще турки въ бѣлыхъ чалмахъ. Водворившись въ странѣ со временъ подчиненія Египта турецкому султану въ XVI-омъ столѣтіи, они долгое время зани-

мали въ странѣ высшія государственныя должности. Но за послѣднія десятилѣтія ихъ смѣнили англичане, так что нынѣ потомки турецкихъ властителей промышляютъ большею частью торговлей по разнымъ городамъ.

Проходя по проложенной къ Нилу акацiевой аллеѣ, я по утрамъ постоянно встрѣчалъ большія толпы туземнаго люда, который съ противоположной Ливійской пустыни переѣзжалъ каждый день на баркахъ на нашу аравійскую сторону рѣки. Тутъ попадались арабы, перевозившіе на верблюдахъ въ городъ для продажи разныя издѣлія въ родѣ цыновокъ или корзинъ. Сопровождавшія ихъ жёны облекались съ головы до ногъ въ черныя фаты, такъ что на виду оставались одни только глаза. На ихъ рукахъ и ногахъ красовались серебряные браслеты. Жёны болѣе бѣдныхъ феллаховъ шли просто съ открытыми лицами; но завидѣвъ меня издали, всякій разъ закрывались широкими рукавами до самыхъ глазъ. Онѣ съ ливійской стороны, какъ изъ болѣе обильнаго садами края, приносили на продажу въ городъ корзины съ апельсинами и бананами, а сверхъ того арбузы. Сродни арабамъ считаются бедуины, которыхъ также нерѣдко приходилось видѣть въ толпѣ. Но только въ наше время бедуинъ ужъ не гарцуетъ на ворономъ конѣ, а смиренно трусѣтъ на жалкомъ осликѣ, чуть не волоча ноги по землѣ. Это племя, частью осѣдлое, частью кочующее, промышляетъ преимущественно скотоводствомъ. Пользуясь никѣмъ не занятыми по окраинамъ пустыни площадями, покрытыми иногда сухою, скудною травой, бедуины живутъ по своимъ особымъ деревнямъ, и прокармливая кое-какъ стада овецъ и козъ по тощимъ пастбищамъ, продаютъ ихъ затѣмъ въ сосѣднiе города. Иные изъ бедуиновъ содержатъ по нѣскольку верблюдовъ и съ выгодой занимаются перевозкой клади, въ особенности—бѣлыхъ каменныхъ плитъ изъ каменоломенъ къ берегу рѣки. Нѣкоторые служатъ проводниками къ пирамидамъ или торгуютъ по базарамъ преимущественно турецкимъ оружiемъ, сѣдлами и сбруей. Они, также какъ арабы чистой крови, отличаются болѣе темнымъ, чѣмъ феллахи, почти бронзовымъ цвѣтомъ лица съ небольшою черною бородой. Съ цвѣтною чалмою на головѣ и съ перекинутымъ съ одного плеча на другое бѣлымъ бурнусомъ, бедуинъ, подобно арабу, съ презрѣнiемъ взираетъ на жалкаго феллаха и своимъ строгимъ, проявляющимъ чувство собственнаго достоинства взоромъ невольно внушаетъ къ себѣ уваженiе со стороны туземцевъ.

Я и съ другихъ также сторонъ нерѣдко посѣщалъ окрестности города, которыхъ не хотѣлъ признавать мой знакомый изъ

Одессы. Въ этихъ окрестностяхъ раскинулась голая песчаная пустыня. Она, впрочемъ, не стелится плоской равниной, а напротивъ, поднимается постепенно террасами, такъ что представляетъ то возвышенныя площади, то каменистые холмы. Вотъ на этихъ-то пустынныхъ возвышенностяхъ и встрѣчаются иногда селенія арабовъ и бедуиновъ. Хозяинъ гостинницы предостерегалъ меня, чтобы я не слишкомъ удалялся отъ города, увѣряя, что бедуины зачастую нападаютъ на проникающаго въ ихъ раіонъ чужестранца. Близъ Гелуана тоже расположилась одна изъ такихъ деревень; при ней на холмѣ стоитъ даже выстроенная изъ камня вѣтреная мельница. Здѣшнія жилища бедуиновъ болѣе, чѣмъ лачуги феллаховъ, походятъ на обиталища цивилизованныхъ жителей: каменные, хотя и грязные, дома снабжены не только дверями, но также окнами. По всему видно, что обитатели этихъ деревень среди пустыни пользуются бо̀льшимъ довольствомъ, нежели земледѣльцы среди плодородныхъ полей. Я удивлялся только, какъ люди могли селиться среди такой безводной пустыни? Вскорѣ, однако, я убѣдился, что не въ дальнемъ разстояніи отъ деревни пробивается изъ земли ключъ отличной прѣсной воды. Надъ этимъ ключомъ жители соорудили навѣсъ, подъ которымъ въ нишѣ придѣланъ кранъ. Сюда по утрамъ изъ деревни приходили женщины съ высокими глиняными кувшинами. Наполнивъ ихъ ключевою водою изъ крана, онѣ ловко переносили на головахъ тяжелые кувшины.

Самая поверхность на возвышенныхъ площадяхъ состоитъ мѣстами изъ хрящеватаго песку, а мѣстами изъ каменистыхъ глыбъ. Мнѣ иногда случалось переходить по неровнымъ скалистымъ плитнякамъ. Надо вообще замѣтить, что эта Аравійская пустыня гораздо суровѣе и возвышеннѣе, вообще гористѣе Ливійской. Поднявшись на одну изъ песчаныхъ площадей, я увидѣлъ бѣлые могильные камни арабскаго кладбища, а недалеко отъ него находилось также другое—христіанское. Судя по надписямъ на мраморныхъ плитахъ, которыхъ оказалось около тридцати числомъ, тутъ похоронены бо̀льшею частью нѣмцы, умершіе въ Гелуанѣ. На одной изъ плитъ я прочелъ, впрочемъ, русскую надпись; подъ изображеніемъ креста тутъ значилось:

„Милка
Камбурова.
8-го ноября,
1894 г.“.

Меня заинтересовала еще надпись на другой плитѣ, подъ

которой похороненъ нѣмецъ, по фамиліи Шёнембергъ. Здѣсь были начертаны три строки:

Wer im Gedächtniss seiner Lieben lebt,
Der ist nicht todt, der ist nur fern;
Todt ist nur—wer vergessen ist [1]).

Пробираясь далѣе къ сѣверо-востоку отъ города, я иногда поднимался на болѣе возвышенную террасу, откуда открывался передо мной обширный видъ на молодой городокъ съ его бѣлыми зданіями и цвѣтущими садами, на дальнія зеленѣющія поля, а за ними на синѣющую гладь нильской воды, по которой шли на парусахъ барки, и на ливійскій берегъ съ его пирамидами, раскинутыми по мѣстности древняго Мемфиса. Внизу подъ ногами въ глубокомъ обрывѣ увидѣлъ я тѣ каменоломни, изъ которыхъ добывается камень для городскихъ построекъ. Этотъ бѣлый песчаникъ попадается тутъ подъ хрящеватой почвой толстыми слоями, глыбами аршина въ два-три толщиной. Ихъ взрываютъ порохомъ. Потомъ мѣстные бедуины обдѣлываютъ эти глыбы при посредствѣ желѣзной кирки и перепиливаютъ пилой на четыреугольныя плиты аршина въ полтора въ квадратѣ. Со дна обрыва эти плиты перевозились при мнѣ частью на тачкахъ, а не то на верблюдахъ въ городъ или къ рѣкѣ. Къ инымъ каменоломнямъ отъ станціи желѣзной дороги проложены рельсы, такъ что камень оттуда возится по желѣзной дорогѣ даже въ Каиръ для построекъ. Этимъ камнемъ вообще пользовались уже съ древнѣйшихъ временъ, и несмотря на то въ нѣдрахъ земли остаются еще неистощимые его запасы.

На одной изъ такихъ пустынныхъ площадей я какъ-то разъ увидѣлъ разостланныя для просушки на солнцѣ темно-бурыя лепешки. Осмотрѣвъ ихъ, я узналъ, что онѣ состоятъ просто изъ скотскаго позема. Эти лепешки, какъ оказалось, замѣняютъ жителямъ топливо. Дѣло въ томъ, что въ странѣ—большихъ лѣсовъ нѣтъ; не рубить же въ самомъ дѣлѣ дорогія финиковыя пальмы на дрова! Такъ называемый у насъ въ Малороссіи кизякъ служитъ у хохловъ такимъ же топливомъ, но только у нихъ навозъ сушится кирпичиками, а не круглыми лепешками, какъ здѣсь у арабовъ. Впослѣдствіи мнѣ не разъ приходилось видѣть, какъ дѣти по проѣзжимъ дорогамъ, даже по улицамъ города, подбираютъ руками пометъ разныхъ животныхъ и, собравъ его въ корзины, относятъ домой, съ тѣмъ, чтобы намять изъ него ле-

[1]) Не умеръ тотъ, кто въ памяти своихъ друзей живетъ,—онъ только далеко отъ насъ,- а умеръ лишь, кто позабытъ.

пешки и высушить ихъ на солнечномъ припекѣ. Такимъ образомъ, какъ у насъ въ Малороссіи, такъ и здѣсь въ Египтѣ, жители необходимый для удобренія полей навозъ безпощадно сжигаютъ въ печахъ, предполагая, будто это удобреніе не пригодно для ихъ почвы.

Въ Нильской долинѣ топливомъ служатъ еще кусты хлопка послѣ его сбора; въ окрестностяхъ Гелуана сборъ былъ оконченъ въ началѣ ноября. Въ первый разъ мнѣ случилось видѣть эти оголенныя хлопковыя поля, когда я ходилъ къ дворцу матери хедива. Туда ведетъ параллельная съ нильскимъ берегомъ аллея старыхъ густыхъ акацій. По обѣ ихъ стороны раскинулись поля дурры, сахарнаго тростника и отчасти хлопка. Вдоль аллеи къ деревьямъ привязаны были на длинныхъ веревкахъ туземные буйволы. Шерсть у нихъ темно-сѣраго цвѣта, рога въ видѣ серповъ наклонены назадъ, такъ что ложатся чуть ли не на самую холку, снабженную горбомъ. Какъ видно, при настоящемъ состояніи здѣшняго скотоводства, буйволы и всякій иной скотъ кормятся весьма скудно, тѣмъ болѣе, что выгоновъ и пастбищъ по нильской долинѣ не водится. И вотъ хозяева размѣщаютъ своихъ буйволовъ по аллеѣ, вытянутой версты на двѣ. Приставленныя къ скоту дѣвочки набираютъ листья растущей по сторонамъ дурры и подкидываютъ ихъ животнымъ, которыя съ жадностью бросаются на такой, не особенно обильный кормъ. Между этими, свирѣпо озиравшими меня, буйволами я съ оглядкой прошелъ по аллеѣ до самаго дворца. При немъ разведенъ садъ и огородъ. Тутъ по грядамъ росли бобы, тыквы, томаты и большое количество лопатообразнаго кактуса изъ вида опунцій. Недалеко отъ дворца стоитъ сахарный заводъ. На хлопковыхъ поляхъ кусты были срублены и большими грудами въ видѣ хвороста свалены по окраинамъ полей, окруженныхъ валомъ. Эти груды на верблюдахъ перевозятся въ городъ и служатъ топливомъ. Хлопокъ составляетъ одинъ изъ главныхъ доходовъ сельскихъ хозяевъ въ Египтѣ. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только ознакомиться нѣсколько ближе съ здѣшнимъ земледѣліемъ. Избѣгая повтореній, я соберу здѣсь къ одному мѣсту тѣ свѣдѣнія, какія мнѣ удалось собрать по части здѣшняго сельскаго хозяйства какъ на аравійской, такъ и на ливійской сторонѣ.

III.—Очеркъ сельскаго хозяйства.

Представить хотя бы даже поверхностный очеркъ своеобразнаго египетскаго полеводства немыслимо безъ предварительнаго краткаго описанія Нила, по возможности, на всемъ его протяженіи по странѣ. Это—настоящій кормилецъ Египта, и Геродотъ уже говоритъ, что земля, прилегающая къ рѣкѣ—даръ Нила. Если бы не повторяющіеся изъ года въ годъ разливы рѣки, то весь край слился бы съ Аравійской и Ливійской пустынями въ одну песчаную степь въ родѣ Сахары. А потому Наполеонъ мѣтко выразился, сказавъ: „Если бы Нилъ не вошелъ въ пустыню, то пустыня подошла бы къ Нилу!" Какъ въ нашемъ Закаспійскомъ краѣ, такъ и въ Египтѣ, земледѣліе оказывается возможнымъ только тамъ, гдѣ почва орошается водою рѣки,—и тѣмъ болѣе, что въ нильской долинѣ дожди составляютъ большую рѣдкость.

Нилъ, какъ извѣстно, образуется изъ сліянія двухъ рѣкъ, вытекающихъ изъ экваторіальныхъ странъ, а именно, изъ обильнаго водою Бахръ-эль-Абіада, или Бѣлаго-Нила, который при городѣ Хартумѣ сливается съ Бахръ-эль-Азрекомъ, или Синимъ-Ниломъ, который выходитъ изъ Абиссинскихъ Альпъ и уноситъ изъ этихъ горныхъ высотъ оплодотворяющій долину илъ. Потомъ, нѣсколько ниже по теченію, въ соединенный Нилъ вливается еще единственный притокъ—Атбара. Вытекая изъ Абиссиніи, онъ также вноситъ въ главную рѣку плодотворную тину. Однако, Синій-Нилъ даже вмѣстѣ съ Атбарой, но безъ Бѣлаго, не былъ бы въ состояніи наполнить водою русло рѣки въ такой мѣрѣ, чтобы вода ея могла разлиться по пустынѣ. Надо еще замѣтить, что, начиная отъ самаго сліянія обѣихъ рѣкъ, т.-е. отъ города Хартума, на протяженіи почти двухъ-тысячъ верстъ, Нилу предстоитъ преодолѣть шесть катарактовъ, которые, въ родѣ нашихъ днѣпровскихъ пороговъ, представляютъ не маловажныя препятствія для судоходства. Зато, впрочемъ, они же сильно задерживаютъ стремительное теченіе быстрыхъ водъ, такъ что безъ этихъ катарактовъ Нилъ не разливался бы по пустынѣ, напротивъ, порывистымъ потокомъ устремился бы въ нѣсколько дней прямо къ морю. Затѣмъ, рѣка обмелѣла бы, пожалуй, на цѣлый годъ, такъ что культура по ея берегамъ была бы просто немыслима. Протекая подъ городомъ Каиромъ, Нилъ, верстахъ въ двадцати къ сѣверу отъ него, разбивается на два рукава и, образовавъ такимъ образомъ перерѣзанную въ раз-

ныхъ направленіяхъ каналами Дельту, вливается въ море при городахъ Розеттѣ и Даміеттѣ.

Разливы Нила совершаются съ извѣстною правильностью: въ началѣ лѣта, проливные дожди въ тропическомъ поясѣ обрушаются сперва въ бассейнъ Бѣлаго-Нила, а немного времени спустя послѣ того—также и въ бассейнъ Синяго. Первый изъ нихъ несетъ изъ болотъ зеленоватыя, насыщенныя органическими веществами нездоровыя воды свои, такъ что въ Каирѣ рѣка около 10-го іюня начинаетъ понемногу подниматься. Вскорѣ, вслѣдъ затѣмъ, устремляются къ сѣверу красноватыя, илистыя воды вытекающаго съ абиссинскихъ возвышенностей Синяго-Нила и отчасти Атбары, такъ что въ половинѣ іюля воды рѣки сильно разливаются, наводняя берега. Въ исходѣ сентября уровень Нила достигаетъ наибольшей высоты и остается въ такомъ положеніи почти до послѣднихъ дней октября. Съ этой поры воды начинаютъ сперва быстро, а потомъ медленно сбывать, съ тѣмъ, чтобы въ началѣ іюня дойти до низшаго уровня.

Такіе, въ своей совокупности вообще правильно повторяющіеся изъ года въ годъ, разливы подвергаются, однако, нѣкоторымъ колебаніямъ въ разные года. Отъ этихъ колебаній, отъ большаго или меньшаго уровня, достигаемаго водами Нила, зависитъ урожай предстоящаго года: если по устроенному близъ Каира водомѣру вода достигаетъ около 19 метровъ высоты надъ моремъ, то можно надѣяться на успѣшный урожай; если же она не достигаетъ этого нормальнаго уровня, то много земли лишено будетъ орошенія, и край потерпитъ недородъ. Для устраненія такого бѣдствія на Нилѣ, верстахъ въ двадцати-пяти къ сѣверу отъ Каира, сооружена въ большихъ размѣрахъ плотина, или запруда, окончательно достроенная въ 1891-мъ году. Благодаря этому громадному сооруженію, вода въ рѣкѣ можетъ быть поднята свыше одного метра надъ ея естественнымъ уровнемъ. Если, наконецъ, вода значительно превыситъ нормальный уровень, то большая часть страны можетъ подвергнуться сильному опустошенію отъ чрезмѣрнаго разлива и потерпѣть еще болѣе тяжкія бѣдствія.

Въ настоящее время, Нилъ вліяетъ на культуру страны двоякимъ образомъ: сперва путемъ естественнаго наводненія, которое сопровождается осадками плодотворнаго ила на почву, а потомъ еще путемъ искусственнаго орошенія.

Первымъ способомъ, т.-е. естественнымъ наводненіемъ, Египетъ пользовался уже во времена фараоновъ. На такой конецъ въ древности уже сооружена была весьма цѣлесообразная си-

стема бассейновъ и каналовъ по обоимъ берегамъ Нила. Эти бассейны образованы при посредствѣ валовъ: во-первыхъ, продольныхъ—или параллельныхъ съ берегами Нила, а во-вторыхъ, поперечныхъ,—которыми вода задерживается и отдѣляется отъ непосредственно смежныхъ бассейновъ. Послѣдніе, впрочемъ, соединяются между собою каналами, которыми вода, по мѣрѣ надобности, переливается изъ одного бассейна въ другой. Дѣло въ томъ, что уровень земли въ Египтѣ образуетъ площадь, слегка покатую съ юга къ сѣверу, такъ что эти бассейны постепенно спускаются какъ бы террасами. Такимъ путемъ вода, выступивъ изъ береговъ, медленно разливается по полямъ, при чемъ не размываетъ ихъ, не сноситъ почвы, не образуетъ овраговъ и не даетъ землѣ быстро засыхать. Напротивъ, она успѣваетъ осадить наносимый илъ, который, смѣшавшись съ измельченнымъ пескомъ пустыни, и образуетъ собственно плодородную почву. Однако, этотъ илъ отнюдь не въ состояніи замѣнить собою все то удобреніе, какое требуется для возстановленія плодородія почвы, такъ что на самомъ дѣлѣ поля изъ года въ годъ сильно истощаются: въ древности, какъ извѣстно, Египетъ слылъ житницей извѣстнаго тогда міра, а въ настоящее время наши украинскія степи своимъ урожаемъ много превосходятъ египетскія хлѣбныя поля. Сверхъ того, такъ какъ за послѣднее время цѣны на хлѣба сильно упали, то земледѣльцы въ Египтѣ, которые ограничиваются воздѣлкою однихъ зерновыхъ продуктовъ, не въ состояніи болѣе удовлетворить всѣмъ своимъ нуждамъ; они неминуемо должны прибѣгнуть къ производству болѣе драгоцѣнныхъ продуктовъ, а именно—хлопка и сахара. Но эти продукты требуютъ много воды и притомъ въ самую жаркую пору, среди лѣта, когда наводненіе давно уже завершилось. Тутъ-то и оказалось необходимымъ прибѣгнуть къ искусственному орошенію при посредствѣ особо сооруженной для того системы каналовъ.

Эта система орошенія была введена лишь въ первой половинѣ текущаго столѣтія, но окончательно приспособить ее удалось только съ сооруженіемъ вышеприведенной плотины на Нилѣ, въ 1891 году. Въ настоящее время, искусственнымъ орошеніемъ пользуются почти три-четверти всей культурной площади въ Египтѣ. Надо еще замѣтить, что каналы, въ которые вода поступаетъ во время разлива рѣки, были въ то же время углублены и расширены, такъ что теперь вода сохраняется въ нихъ въ теченіе всего лѣта. Изъ нихъ же оплодотворяющая влага переливается по мѣрѣ надобности на поля, такъ что земле-

дѣлецъ пользуется своей почвой круглый годъ и въ состояніи теперь воздѣлывать и хлопокъ, и сахаръ, которые именно лѣтомъ нуждаются въ орошеніи. Для того, чтобы перелить воду изъ каналовъ на поля, прибѣгаютъ къ разнымъ болѣе или менѣе усовершенствованнымъ средствамъ.

Гуляя по полямъ, я зачастую наблюдалъ, какъ двое феллаховъ, стоя на краю канала другъ противъ друга, держали каждый въ рукахъ по два конца веревки, къ противоположнымъ концамъ которой былъ привязанъ котлообразный коробъ, сдѣланный изъ пальмовыхъ листьевъ. Черпнувъ имъ воду изъ канала, они съ размаху переливали ее въ примыкающее поле, поросшее сахарнымъ тростникомъ. Этотъ первобытный способъ орошенія называется у феллаховъ—„наталь".

Такимъ путемъ, однако, вода можетъ быть поднята не свыше одного метра. Для болѣе высокаго подъема прибѣгаютъ къ инымъ средствамъ. Въ разныхъ мѣстахъ, какъ на берегу самаго Нила, такъ и при каналахъ, показываются длинные, торчащіе кверху шесты, подобные тѣмъ очипамъ, или такъ называемымъ журавлямъ, какими у насъ по деревнямъ пользуются иногда при колодцахъ для подъема прицѣпленнаго къ канату ведра съ водой. Но ведро при такомъ шестѣ на берегу Нила замѣняется такою же корзиной, какъ при „наталѣ". Эти очипы въ Египтѣ называются „шадуфъ". Ими вода изъ каналовъ можетъ быть поднята втрое выше, чѣмъ при посредствѣ „наталя".

Въ иныхъ мѣстахъ, особенно въ нижнемъ Египтѣ, феллахи пользуются машиной въ родѣ Архимедова винта, также водоподъемными колесами, приводимыми въ движеніе приводомъ, къ которому впрягается буйволъ или верблюдъ. Къ окружности вертикальнаго колеса приспособленъ канатъ съ глиняными кувшинами, которыми вода черпается изъ канала и при посредствѣ желоба переливается въ поле. Эта машина называется *сакіе*. Въ крупныхъ сельскихъ хозяйствахъ для подъема воды стали прибѣгать даже къ паровой силѣ: локомобили приводятъ въ движеніе насосы, которыми вода поднимается изъ каналовъ на значительную высоту.

Ознакомившись хотя поверхностно съ средствами орошенія въ Египтѣ, мы теперь лучше можемъ представить себѣ крайне своеобразную, можно сказать, единственную въ своемъ родѣ систему египетскаго полеводства, на которое наводненіе и орошеніе оказываютъ выдающееся вліяніе. Замѣтимъ прежде всего, что полеводство въ Египтѣ вообще въ каждый годъ разбивается на три культурные періода, или сезона, а именно: 1) зимняя

культура, называемая по-египетски *шетви*, производится отъ ноября до мая; 2) лѣтняя—по-египетски *сефи*—отъ апрѣля до октября; 3) осенняя—*нили*,—отъ августа до октября.

Не вслѣдствіе ли такого раздѣленія культуры на три сезона въ году возникло господствовавшее мнѣніе, будто съ египетскаго поля снимается по три жатвы въ годъ. Этого, конечно, никогда не было; правда, однако, что нѣкоторые участки подвергаются въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ двойной воздѣлкѣ. Вслѣдствіе этого, въ Египтѣ представляется странное явленіе: на дѣлѣ оказывается, что въ одинъ и тотъ же годъ въ странѣ воздѣлывается большее количество участковъ, нежели сколько имѣется ихъ въ цѣломъ составѣ. И дѣйствительно, въ Египтѣ считается, примѣрно, пять милліоновъ федановъ пахотной земли [1]), а въ теченіе года воздѣлывается на самомъ дѣлѣ свыше шести милліоновъ. Вообще тамъ, гдѣ введено искусственное орошеніе, почва засѣвается разными растеніями четыре, а иногда и пять разъ въ три года, а тамъ, гдѣ пользуются однимъ только наводненіемъ,—семь разъ въ шесть лѣтъ.

Въ зимній сезонъ воздѣлываются обыкновенно: пшеница, ячмень, бобы, чечевица, клеверъ, вообще разные кормовые продукты; въ лѣтній—исключительно такія растенія, которыя лѣтомъ нуждаются въ сильномъ орошеніи, а именно, хлопокъ, сахарный тростникъ и рисъ; наконецъ, въ осенній сезонъ разводятся кукуруза, дурра и разные огородные продукты. Надо еще замѣтить, что въ крупныхъ хозяйствахъ вообще соблюдается правильная плодосмѣнность, такъ что у нихъ клеверъ играетъ важную роль не только какъ кормовой продуктъ, но еще болѣе какъ растеніе, поддерживающее плодородіе почвы.

Однако, до настоящаго времени въ Египтѣ болѣе всего воздѣлывается все-таки пшеница. Этотъ древнѣйшій египетскій продуктъ занимаетъ почти пятую часть всей культурной площади въ Нильской долинѣ. Пшеница сѣется обыкновенно тотчасъ же по окончаніи наводненія, въ октябрѣ. Иногда ее разсѣваютъ прямо въ сырую, не успѣвшую еще обсохнуть почву, почти не подвергая ее обработкѣ плугомъ. Жатва начинается въ южныхъ областяхъ среди апрѣля, а въ сѣверныхъ—въ началѣ мая. Свезенные съ поля снопы разстилаются на плотно утрамбованной площадкѣ и подвергаются тутъ же молотьбѣ при посредствѣ весьма страннаго орудія: называемое по-египетски *норагъ*, оно состоитъ изъ деревянныхъ полозьевъ, снабженныхъ тремя желѣз-

[1]) Феданъ почти вдвое менѣе нашей десятины: онъ=1302 кв. саж.

ными цилиндрами. Пара воловъ влекутъ эту неуклюжую машину, шагая кругомъ по разобраннымъ снопамъ, и такимъ образомъ, не только при посредствѣ цилиндровъ, но также своими копытами разминаютъ и треплятъ солому, отдѣляя отъ нея зерно, а вмѣстѣ съ тѣмъ—примѣшивая къ нему свой пометъ. Потомъ сорное зерно провѣвается точно такъ же, какъ это дѣлается у насъ по деревнямъ, подбрасывая его лопатою на вѣтеръ. Понятно, что послѣ такой молотьбы зерно отзывается весьма непріятнымъ вкусомъ отъ помета. Оттого-то туземцы, потребляя свою пшеницу, примѣшиваютъ къ ней значительное количество русской; такъ что въ настоящее время изъ Одессы въ Александрію вывозится ежегодно около 400.000 пудовъ зерна. Въ крупныхъ имѣніяхъ мнѣ случалось, однако, видѣть большія паровыя молотилки извѣстнаго завода Клейтона. Въ такихъ хозяйствахъ вообще пользуются орудіями новѣйшаго устройства, англійскими плугами и боронами, даже жатвенными машинами.

Послѣ пшеницы наибольшее количество пашни занимается маисомъ и дуррой. Ограничиваясь въ своемъ хозяйствѣ почти одними зерновыми продуктами, феллахи воздѣлываютъ также ячмень, а сверхъ того еще бобы и иныя огородныя овощи на собственную потребу. Вслѣдствіе этого продукты зимняго сезона и занимаютъ самую обширную площадь культурныхъ земель. Въ осенній сезонъ воздѣлывается уже вдвое менѣе федлановъ, а въ лѣтній даже вчетверо менѣе, чѣмъ въ зимній. Въ этотъ лѣтній сезонъ почти одни только крупныя хозяйства и пользуются собственно искусственнымъ орошеніемъ для производства хлопка и сахара.

Изъ всѣхъ продуктовъ, какіе воздѣлываются въ сѣверной части Нильской долины, особенно въ Дельтѣ, одинъ только хлопокъ и вознаграждаетъ съ нѣкоторымъ избыткомъ расходы по полеводству. Онъ-то и служитъ однимъ изъ главныхъ предметовъ экспорта. Изъ Египта за границу въ 1897 году было вывезено отличнаго хлопка около 255.000.000 килограммъ. Изъ этого количества почти половина доставлена была въ Англію; затѣмъ наибольшее количество тюковъ выпало на долю Россіи, которая пріобрѣла почти столько же, сколько досталось Италіи, Австріи и Франціи, вмѣстѣ взятымъ. Даже въ Соединенные-Штаты Сѣверной Америки, снабжающіе всю Европу этимъ товаромъ, было ввезено нѣкоторое количество египетскаго хлопка, такъ какъ по качеству онъ превосходитъ американскій, а потому на фабрикахъ пользуются египетскимъ продуктомъ для производства пряжи высшаго достоинства. Сверхъ того, изъ Египта вывозятся еще

хлопковыя зерна, главнѣйше въ Англію. Такимъ образомъ, благодаря значительнымъ выгодамъ, выручаемымъ съ хлопковыхъ полей, воздѣлка этого продукта за послѣднее десятилѣтіе стала распространяться въ широкихъ размѣрахъ, и если землевладѣльцы не позаботятся о надлежащемъ удобреніи, то почва ихъ скоро будетъ истощена до послѣдней крайности.

Такимъ же весьма цѣннымъ и сильно истощающимъ почву продуктомъ оказывается сахарный тростникъ, разводимый въ крупныхъ помѣстьяхъ, особенно въ южныхъ областяхъ по верхнему Нилу. Въ теченіе лѣта, тростниковое поле орошается даже чаще, нежели хлопковое. Близъ Гелуана, я въ декабрѣ засталъ тростникъ еще на корню въ полномъ ростѣ. Жатва его длится, начиная со второй половины декабря до апрѣля. Сахаръ также составляетъ одинъ изъ важныхъ предметовъ экспорта. Въ 1897 г. изъ Египта было вывезено около 73.000.000 килограммъ тростниковаго сахара.

Обильнымъ орошеніемъ пользуются, сверхъ того, для воздѣлки риса, которая, впрочемъ, ограничивается лишь нѣкоторыми областями въ Нижнемъ-Египтѣ, преимущественно по прибрежью Средиземнаго моря. Однако, всѣ эти выгодные предметы заграничнаго сбыта въ состояніи производить, какъ было упомянуто, одни только крупныя хозяйства, располагающія значительными капиталами.

Вообще, надо замѣтить, землевладѣніе въ Египтѣ подчиняется крайне ненормальнымъ условіямъ. Въ немъ преобладаетъ крупное землевладѣніе. Почти двѣ-трети культурной площади въ долинѣ Нила составляетъ собственность крупныхъ владѣльцевъ, которые рѣдко сами занимаются хозяйствомъ, а большею частью взимаютъ лишь ренту съ своей земли. Остальная треть предоставляется среднему и мелкому землевладѣнію, такъ что огромная масса настоящихъ земледѣльцевъ, а именно феллахи, отчасти также арабы, вовсе не обладаютъ землей и кое-какъ пробиваются наемнымъ трудомъ, или арендуя земли за высокую цѣну. При всемъ томъ, эти феллахи цѣпко льнутъ къ своей почвѣ; а потому въ странѣ, почти лишенной фабрикъ и заводовъ, предложеніе земледѣльческаго труда превышаетъ даже спросъ въ сельскомъ хозяйствѣ, и издѣльный трудъ оплачивается весьма скудно.

Въ глазахъ египтянъ, и не только бѣднаго класса феллаховъ, но также богатыхъ капиталистовъ, земля пользуется важнымъ значеніемъ, тѣмъ болѣе, что въ странѣ еще весьма мало развита фабричная промышленность. Вслѣдствіе этого, капиталисты въ Египтѣ и стараются пріобрѣсть земельную собственность.

Въ этомъ случаѣ, они пользуются отчасти безвыходнымъ положеніемъ безземельныхъ феллаховъ. Послѣдніе не только представляютъ избытокъ дешевыхъ рабочихъ для сельскихъ хозяевъ, но и сами арендуютъ землю по мелкимъ участкамъ у крупныхъ владѣльцевъ за крайне дорогую плату. Только обуявшею всѣхъ вообще египтянъ сильною привязанностью къ почвѣ и объясняется то обстоятельство, что за послѣднее десятилѣтіе земли сильно поднялись въ цѣнѣ: въ настоящее время, по нашему разсчету, десятина обходится около 400 и даже до 1.000 рублей на наши деньги. Правда, валовой доходъ съ этихъ земель гораздо выше, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, но если къ высокой цѣнѣ за земли присоединить еще весьма значительный поземельный налогъ, взимаемый правительствомъ, то въ дѣйствительности окажется, что рента, получаемая владѣльцами, вовсе не такъ высока: она не превышаетъ пяти или шести процентовъ съ затраченнаго капитала, и то лишь при болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Значительное количество земель относится къ государственнымъ имуществамъ и управляется особыми правительственными коммиссіями. Крупными собственниками оказываются также мечети, школы и иныя благотворительныя заведенія; потомъ, нѣкоторые богатые паши; наконецъ, общества Суэзскаго канала и поземельнаго кредита (Credit foncier Egyptien).

Дѣло въ томъ, что землевладѣльцы, заложивъ свои имѣнія въ обществѣ поземельнаго кредита, зачастую оказываются несостоятельными, такъ что ихъ владѣнія подлежатъ продажѣ съ молотка. Но, слѣдуя уставамъ своей вѣры, магометане не покупаютъ земель своихъ несостоятельныхъ единовѣрцевъ; а потому общество поневолѣ удерживаетъ такія имѣнія за собой и поручаетъ завѣдывать ими своимъ управляющимъ, избираемымъ обыкновенно изъ европейскихъ переселенцевъ.

Крупные землевладѣльцы вообще не живутъ въ своихъ имѣніяхъ, а предоставляютъ своимъ агентамъ распорядиться въ нихъ хозяйствомъ или отдать земли въ аренду. Въ послѣднемъ случаѣ, владѣніе разбивается обыкновенно на мелкіе участки, которые отдаются за дорогую плату феллахамъ на три года, а иногда и на шесть лѣтъ. Снимая землю на короткій срокъ, арендаторъ старается за это время извлечь изъ нея всевозможныя выгоды и потому прибѣгаетъ къ самому хищническому способу хозяйства. Только въ такихъ имѣніяхъ, которыя владѣльцами поручаются опытнымъ управляющимъ, встрѣчаются болѣе раціональныя системы сельскаго хозяйства.

Собственники среднихъ землевладѣній, обладающіе около ста

десятинъ или менѣе, по преимуществу копты, иногда сами хозяйничаютъ въ своихъ имѣніяхъ, нанимая рабочихъ; но чаще всего отдаютъ свои земли феллахамъ изъ положенной доли, иногда исполу, а не то изъ третьей части получаемыхъ продуктовъ.

Въ самомъ плачевномъ состояніи находится, конечно, мелкое землевладѣніе. Оно состоитъ обыкновенно изъ десяти и менѣе десятинъ, которыми владѣетъ лишенный всякихъ денежныхъ средствъ феллахъ. Воздѣлывая съ своей семьей землю даже тщательнѣе, нежели то производится въ крупныхъ и среднихъ имѣніяхъ, феллахъ, уплативъ поземельныя и другіе поборы, едва пробивается, проживая, какъ говорится, „изъ руки въ ротъ“. Въ случаѣ плохого урожая, онъ поневолѣ прибѣгаетъ къ займамъ и становится жертвой ростовщиковъ; такъ что въ концѣ концовъ его участокъ продается съ молотка и присоединяется къ иному большому имѣнію, увеличивая такимъ образомъ количество крупнаго землевладѣнія въ странѣ. Въ такомъ-то далеко не благопріятномъ состояніи находится въ настоящее время земледѣліе въ этомъ искони земледѣльческомъ краѣ. Дѣло въ томъ, что естественныя богатства страны распредѣлены до такой степени несправедливо, что наиболѣе трудящійся классъ пахарей рѣшительно не въ состояніи воспользоваться всѣми производительными средствами своей почвы, а потому окончательно лишенъ матеріальнаго благосостоянія. Если, сверхъ того, вспомнимъ о чрезвычайной дороговизнѣ земель, то понятно будетъ, что нормальная земледѣльческая колонизація изъ Европы немыслима въ Египтѣ.

Обложенный значительнымъ поземельнымъ налогомъ, внося сверхъ того не малую пошлину за каждое финиковое дерево, феллахъ обремененъ еще косвенными налогами, а именно, на табакъ и соль. Въ прежнее время, мелкіе землевладѣльцы сами воздѣлывали хотя незначительное количество табаку на собственную потребу. Но въ 1890 году правительство совсѣмъ запретило разводить на египетской землѣ табакъ, именно съ цѣлью содѣйствовать такимъ путемъ болѣе обильному ввозу греческаго и турецкаго табаку, съ тѣмъ, чтобы взимать зато по возможности болѣе значительный таможенный доходъ. Вслѣдствіе такой фискальной мѣры, феллаху, пристрастному къ куренію, приходится дорого платить за продуктъ, который онъ легко могъ бы добыть на своей землѣ.

Соль точно такъ же обложена значительнымъ налогомъ. Такъ какъ всѣ эти обременительные для народа поборы совершаются

правительствомъ отчасти по необходимости содержать на свой счетъ находящееся въ настоящее время въ Египтѣ англійское войско и сверхъ того цѣлую массу англійскихъ чиновниковъ, то англичане, какъ непосредственно заинтересованные въ этомъ доходѣ, сами строго слѣдятъ за исправнымъ сборомъ всякихъ налоговъ. Такъ, между прочимъ, въ гостинницу, въ которой я проживалъ въ Гелуанѣ, при мнѣ прибылъ англійскій агентъ, которому поручено было преслѣдовать контрабанду соли. Онъ по утрамъ на зарѣ отправлялся вдвоемъ съ опытнымъ проводникомъ на двухъ ходкихъ верблюдахъ въ окрестныя пустыни на ловлю контрабандистовъ.

Эд. Циммерманъ.

ИЗЪ М. ГЮЙО

ГРУППЫ МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО

Гробница Медичи.

I.—Утренняя заря.

Какъ, видно, въ тягость ей разсвѣта наступленье!
Въ изнеможеніи поникнувъ головой,
Склоненною во снѣ,—съ тревогой и тоской
Она колеблется, прервать ли сновидѣнье?
—Ты содрогаешься; испугъ въ твоихъ чертахъ;
Какая мысль тебѣ внушаетъ этотъ страхъ?
Рука приподнята, уста полуоткрыты,
И съ отвращеніемъ блуждаетъ взоръ очей...
О, дѣва чистая! приди въ себя скорѣй!
Взгляни: тамъ, гдѣ поля густой травой покрыты,
Тамъ на холмахъ, взгляни, бѣлѣющей толпой
Уже дрожатъ лучи, предвѣстники разсвѣта;
Послушай: цѣлый міръ зоветъ тебя съ тоской,
Ждетъ пробужденія, ждетъ ласки и привѣта.
Блесни-жъ, обрадуй насъ! Пускай исчезнетъ тьма,
И разлетятся съ ней видѣнія ночныя!
Но медлишь ты?.. сковалъ твои уста нѣмыя
Зловѣщій сонъ?..
„Увы! дѣйствительность сама,
Не сонъ меня гнететъ, презрѣнье мнѣ внушая.
О, если-бъ то былъ сонъ! о, если бы могла я
Всю жизнь отъ глазъ моихъ, какъ призракъ, отогнать!

Но я могу ее—лишь свѣтомъ озарять!
Залитый кровью городъ, жертвъ и палачей,—
Все, какъ сообщница насилія земного,
Должна я золотить огнемъ своихъ лучей,
Раскинувъ, какъ шатеръ, сводъ неба голубого!
Пойми: я слышу стонъ, проникнутый мольбой,
Стонъ многихъ праведныхъ, безсильныхъ предъ судьбой;
Такъ какъ же думать мнѣ о ласковыхъ долинахъ,
О чистыхъ ручейкахъ и дѣвственныхъ вершинахъ?
Морщины у меня ложатся на челѣ,
Румянецъ слезы жгутъ,—и красота былая
Вмигъ вянетъ какъ цвѣтокъ, какъ правда на землѣ!
О вы, мои лучи,—ты, ясность неземная,—
Когда удастся вамъ блеснуть въ душѣ людей?
Вы разгоняете мракъ ночи, мглу тумана,—
Гоните-жъ изъ сердецъ мракъ злобы и обмана!
Пусть правды торжество разсѣетъ зло скорѣй,
И въ міръ, съ приходомъ дня, придетъ и обновленье...

Но нѣтъ! мой гнѣвный лучъ туда стрѣлой летитъ,—
Чтобъ въ немъ же расцвѣло, ликуя, преступленье!

О, пусть вернется ночь! пусть вѣчно мракъ царитъ"!..

II.—Вечеръ.

Нѣтъ силъ, онъ изнемогъ; напрасный конченъ бой.
Поникъ челомъ къ землѣ, безсильно свѣсивъ руки,
Поверженный герой,—разбитый, полный муки,—
И въ грудь усталую вползаетъ мракъ ночной.
Онъ преданъ! Гдѣ же Богъ,—Богъ истины святой?!
Не хочетъ вѣрить онъ... Но меркнутъ упованья;
Какъ небеса, предъ нимъ грядущее темно.
—И нѣтъ забвенія! И прошлыя страданья
Все ярче, все страшнѣй...
Увы! такъ суждено:
Тамъ, гдѣ ужъ нѣтъ надеждъ, насъ ждутъ воспоминанья.

III.—Ночь.

Grato m'è il dormir e più l'esser di sasso...
Микель-Анджело.

„Какое счастье спать, быть глыбою холодной!
Все позабыть: позоръ, стонъ нищеты голодной,
Не видѣть ничего, не слышать шума дня...
О! не буди меня!“

IV.—День.

Вотъ, наконецъ, и онъ,—разящій, гнѣвный мститель,
Залитый солнцемъ день! Ужасный властелинъ
Губительныхъ лучей, то—гордый исполинъ,
То богъ разгнѣванный, то Геркулесъ-спаситель!
Дрожатъ чудовища: какъ бурною грозой,
Титанъ сметаетъ ихъ однимъ своимъ дыханьемъ...
Онъ пробуждается; привсталъ онъ надъ землей,
Приподнялъ голову, грозя съ негодованьемъ
Протянутой рукой,—и весь трепещетъ онъ
Сверхчеловѣческимъ усиліемъ...
Народы,—
Вставайте! заблисталъ грядущій день свободы.
О, побѣжденные! то вами онъ зажженъ.
Какъ пламя, росъ вашъ гнѣвъ волной неудержимой;
Онъ охватилъ весь міръ и вспыхнулъ въ небесахъ!..
Да! въ этомъ днѣ живетъ вашъ духъ неукротимый,
И ваше мужество горитъ въ его лучахъ!

И. Тхоржевскій.

КАНИКУЛЫ

ПОВѢСТЬ.

V *).

Послѣ нестерпимыхъ жаровъ, изсушившихъ растительность и доведшихъ до невмѣняемаго состоянія людей,—совершенно неожиданно наступила дождливая погода. Дождь зарядилъ непрерывный, холодный, точно осенью. Солнце зарылось и запуталось въ цѣлые вороха такихъ сердитыхъ и упрямыхъ тучъ, что казалось, будто онѣ рѣшили никогда больше не дозволять ему пробиться на свободу. Зелень въ садахъ поправилась, но стояла тоскливая, измокшая и обвисшая. Покуда нельзя было носу высунуть, такъ какъ, за отсутствіемъ мостовой, „пути сообщенія“ попортились. Выходили изъ дому только тѣ, кого гнала на улицу неотложная нужда, такъ что унылый пейзажъ лишь изрѣдка оживлялся одинокими фигурами. Эти фигуры выступали съ медлительностью и осторожностью, старательно лавируя между колдобинами, наполненными жидкой грязью, и высоко подобравъ кверху все, что̀ можно подобрать, вслѣдствіе чего онѣ дѣлались похожи на какую-то особую породу голенастыхъ, появляющихся на свѣтъ Божій исключительно въ дождь.

Женя скучала „до зарѣзу“, какъ она сама про себя говорила. Всѣ въ домѣ были чѣмъ-нибудь заняты, только она одна ни къ чему не могла себя приткнуть и просто не знала, что̀ съ собою подѣлать. Алла неистово читала Шекспира; Гриша таинственно сидѣлъ у себя на чердакѣ, благо капитальная крыша

*) См. іюнь, 551 стр.

старинной постройки не пропускала дождя,—и Женя, предоставленная самой себѣ, пришла въ совершенное уныніе.

— Скучно, скучно,—вопила она, лежа на своей кровати и мѣшая Аллѣ читать.—Если этотъ проклятый дождь затянется еще на недѣлю, я окончательно рехнусь!.. Вѣдь нужно же такую гадость, лучше бы ужъ жара была... хоть вечеромъ можно было жить...

— Займись чѣмъ-нибудь,—совѣтовала Алла.

— Да чѣмъ?

— Ну, читай, играй, шей, что̀ хочешь...

— А я ничего не хочу. Я хочу хорошей погоды,—пойти куда-нибудь.

Алла пожимала плечами, не видя возможности помочь горю.

Гриша дождемъ нисколько не тяготился, несмотря даже на то, что надо было каждый день ходить на урокъ. Зато какъ хорошо читалось подъ однообразный шумъ дождя, какъ хорошо думалось и мечталось. Хотя мечтательность онъ и не считалъ свойственной ему, все же предстоящая „новая жизнь“ располагала его таки предаваться сладкимъ, хотя и неопредѣленнымъ грезамъ о будущемъ. Но онъ быстро стряхивалъ съ себя эту сладкую неопредѣленность настроенія и энергично принимался за чтеніе, которое, наоборотъ, приводило его въ совершенно опредѣленное состояніе духа.

Какъ-то вечеромъ, когда дождь лилъ ожесточеннѣе, чѣмъ когда-либо, а вѣтеръ трепалъ деревья, какъ бѣшеный,—дверь Гришиной дачи робко скрипнула и пропустила мокраго съ головы до пятъ посѣтителя.

— У тебя никого нѣтъ?.. Ты одинъ?—прокартавилъ тихій, слабый голосъ, выходящій изъ-подъ огромныхъ, отвороченныхъ книзу полей шляпы, съ которой при малѣйшемъ движеніи гостя ручьями лила вода, такъ что тотъ, не чувствуя въ себѣ достаточно мужества совсѣмъ ее снять, старался только по возможности меньше вертѣть головой.

— Одинъ, одинъ, милости просимъ,—весело отозвался Гриша, отодвигая книгу и протягивая гостю руку:—разболокайся, дружище...

— У меня руки мокрыя,—прозвучало изъ-подъ шляпы,—я раздѣваться не могу... Съ Николаемъ Александровичемъ несчастіе.

Гриша помертвѣлъ.

— Ну?!—задохнувшимся голосомъ вскрикнулъ онъ:—я вчера у него былъ на минутку—все обстояло благополучно... Что̀ же?..

— Видимо, кто-то донесъ. Былъ обыскъ, ничего не нашли...

Гриша вздохнулъ легче.

— Но тѣмъ не менѣе въ двадцать-четыре часа изъ губерніи вонъ... И даже говорилъ мнѣ одинъ знакомый урядникъ, что не миновать ему „казенной квартиры", такъ какъ, кромѣ обвиненія въ устройствѣ школы безъ разрѣшенія начальства, его еще подозрѣваютъ въ близкомъ знакомствѣ съ рабочими. Это пахнетъ скверно. Нужно пойти къ нему...

— Идемъ.

Гриша торопливо, дрожащими руками надѣлъ шинель; потушилъ свѣчу, и оба вышли. Моментально съ ногъ до головы ихъ окатилъ ливень, вѣтеръ напрягъ всѣ усилія, чтобы сорвать съ нихъ хоть что-нибудь, и грязь угрюмо зачмокала подъ ихъ высокими сапогами. Идти было трудно, а разговаривать и того труднѣй. Впрочемъ, и не до разговоровъ имъ было.

Шли они долго, поворачивая изъ одного узенькаго переулочка въ другой и стараясь держаться возлѣ плетней и заборовъ, гдѣ грязь была не такъ глубока. Наконецъ, они подошли къ низенькому домику, стоящему въ глубинѣ пустыннаго двора. Дождь смылъ со стѣнъ его всю известку и обнаружилъ бурую глину, заполняющую щели между жиденькими бревнами, составлявшими, такъ сказать, скелетъ строенія. Вся пропитанная водой соломенная, тоже бурая, крыша огромныхъ и нелѣпыхъ размѣровъ казалась невѣроятно тяжелой и какъ бы вдавливала нижнюю часть дома въ землю. Окна безъ ставень подслѣповато и привѣтливо мигали на встрѣчу молодымъ людямъ сквозь сплошные потоки, стекающіе съ крыши. Въ маленькихъ сѣнцахъ было темно, и только на шумъ, произведенный приходомъ Гриши и его пріятеля, открылась какая-то дверь, которая пропустила струю свѣта, позволившаго разобрать куда идти дальше.

— Кто тамъ?—раздался откуда-то сердитый женскій голосъ: —кого этоноситъ въ такую погоду?

— Мы къ Николаю Александровичу, Прися... Можно къ нему?—торопливо и взволнованно спросилъ Гриша, совлекая съ себя шинель, съ которой сбѣгали цѣлые каскады.

— Можно, коли есть охота,—отвѣтилъ голосъ нѣсколько мягче, но съ странной, не то удивленной, не то насмѣшливой интонаціей. Усиленно потопавъ о глиняный полъ ногами, чтобы сбросить съ сапогъ хоть сколько-нибудь налипшей на нихъ грязи, молодые люди, слегка согнувшись, прошли въ низенькую дверь, ведущую въ небольшую горницу, которую, повидимому, старались держать чрезвычайно опрятно. Старанія эти, впрочемъ, не до-

стигали полнаго успѣха, такъ какъ на чистомъ некрашеномъ полу все же валялись окурки и спички, постель была смята, и на столѣ, между кучкою старыхъ, истрепанныхъ книгъ, валялись куски чернаго, раскрошеннаго хлѣба, остовъ селедки на бумажкѣ и ютилась бѣлая, почти пустая, бутылка отъ водки.

Первой, кого увидѣли вошедшіе, была хохлушка, не особенно молодая, одѣтая въ темную юбку, вышитую сорочку и повязанная „хусткой“ въ знакъ того, что она уже не дѣвушка. Лицо ея, совершенно обыкновенное, могло только привлечь вниманіе острымъ и проницательнымъ взглядомъ небольшихъ, насмѣшливыхъ глазъ, дѣлавшихъ всю эту ординарную наружность удивительно интеллигентной.

— Чи не поставить самоваръ?—кинула она вопросъ сидѣвшей въ углу, на корточкахъ у сундука личности, и голосъ ея, красивый и до странности выразительный, зазвучалъ мягко и кротко,—это былъ тотъ самый сердитый раньше голосъ, окликнувшій посѣтителей.

— А что ты думаешь, и поставь,—отвѣтила личность, подымаясь на ноги на встрѣчу гостямъ.

Одинокая свѣча, перенесенная для удобства къ сундуку на стулъ, освѣщала снизу невысокаго человѣчка съ длинными до плечъ жиденькими свѣтлыми волосами, клинообразной бородкой и опущенными книзу усами.

— Ага, Максимовъ и Лашинскій!.. Радъ васъ видѣть, господа... Застали меня за „приведеніемъ моихъ дѣлъ въ порядокъ“ передъ путешествіемъ...

— Укладываетесь?—отрывисто спросилъ Гриша, кусая губы.

— Нѣтъ, сортирую учебныя пособія, кой-что раздарить хочу на память... У меня вѣдь сборы не долго продлятся,—улыбнулся Николай Александровичъ, переставляя свѣчу со стула на столъ, при чемъ невѣрныя, колеблющіяся тѣни сбѣжали съ его лица, и оно предстало во всемъ своемъ добродушіи, очень тощее, со лбомъ, изрѣзаннымъ морщинами во всѣхъ направленіяхъ, ясными, какъ у дитяти, глазами и большимъ малиновымъ носомъ. Въ общемъ онъ по обличію смахивалъ на захудалаго дьячка-идеалиста, любящаго кутнуть и безъ всякой горечи предоставившаго другимъ пользоваться остальными преимуществами земными благами.

— Куда же вы думаете отсюда?—своимъ слабымъ и разбреннымъ, точно по складамъ, голоскомъ, спросилъ, наконецъ рѣшившійся разстаться съ своей шляпой Лашинскій, вопросительно вытягивая впередъ длинную, какъ у гуся, шею, соеди-

няющую неуклюжее, точно какое-то лѣнивое, туловище съ востроносой птичьей головкой.

— Куда *я думаю?* Я опасаюсь, что мнѣ думать не понадобится... Маршрутъ мой начинается губернскимъ городомъ, гдѣ мнѣ предписано кой-кому явиться, и ужъ тамъ собственно и подумаютъ за меня, какъ мнѣ быть... Удивляюсь только, кому это понадобилось сдвигать меня съ насиженнаго мѣстечка.

Онъ засмѣялся.

— Экіе,—промычалъ Гриша, хрустнувъ пальцами.

— Чего тамъ „экіе",—повелъ плечомъ хозяинъ:—просто это кто-нибудь, составившій обо мнѣ превратное мнѣніе... Вѣдь бываютъ же такіе, не разузнаютъ путемъ въ чемъ дѣло—и бацъ! —подозрительное отношеніе къ человѣку готово. Въ такихъ случаяхъ, попросту, дѣйствуетъ неправильно понятый принципъ пользы, ни болѣе, ни менѣе.

— Да! Личной выгоды,—сердито перебилъ его Гриша:—кому-то понадобилось выслужиться, вотъ и не постѣснился съ вами.

— Конечно,—убѣжденно, съ большимъ спокойствіемъ подтвердилъ Николай Александровичъ:—разъ къ чему человѣкъ приставленъ, онъ будетъ исполнять свои обязанности, потому что не только самъ онъ хочетъ ѣсть, но потому, что и всѣ близкіе ему люди тоже хотятъ ѣсть... Противъ этого нечего возразить.

— Не всякая тоже и обязанность хороша,—проскандировалъ Лошинскій такимъ любезнымъ тономъ, какъ будто комплиментъ кому-нибудь говорилъ.

— Не всякій тоже и понимать можетъ, почему одна обязанность хороша, а другая дурна,—въ тонъ ему отвѣтилъ Николай Александровичъ:—для этого таки кой-что надобно! Да и обязанность выполняется, другъ мой, не потому, что она хороша, или нехороша, а потому, милый, что у людей аппетитъ. Аппетитъ не удовлетворяется моральными сентенціями. И притомъ, нельзя же требовать отъ людей такого героизма, чтобы они вдругъ перестали думать о своемъ желудкѣ. Я не говорю,—конечно, возможно и это, возможно и почти не думать,—но это только, когда есть какой-нибудь великій уравновѣшивающій стимулъ въ смыслѣ высшихъ интересовъ... А гдѣ ихъ набрать, этихъ высшихъ интересовъ?.. Для этого нужно, чтобы всѣ могли „просвѣтить свою душу свѣтомъ просвѣщенія"... А какъ мы еще далеки отъ этого желаннаго времени!..

— Значитъ, такъ ужъ только запастись терпѣньемъ и больше

ничего?—иронически спросилъ Лошинскій, не очень медлительно на этотъ разъ.

— Эхъ, мой милый, помните, что жажда знанія стоитъ непосредственно за аппетитомъ, а пожалуй они идутъ рука объ руку. Поэтому, памятуйте всегда великую истину—„гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно“,—такъ, кажется? Стремленіе ѣсть и стремленіе знать вѣдь лежатъ въ самой природѣ человѣка, и ни отъ того, ни отъ другого, никогда и ничѣмъ нельзя будетъ отбить охоты. Значитъ, унывать совершенно не слѣдуетъ. Вотъ же ко мнѣ ходили душъ сорокъ ребятишекъ победнѣй, изъ тѣхъ, кому негдѣ и не у кого учиться. Вѣдь никто ихъ за хвостъ не тянулъ, другъ отъ дружки узнавали обо мнѣ и являлись сами. Робкіе, грязные, полуголодные собирались въ этой моей горенкѣ, и посмотрѣли бы вы, сколько энергіи обнаруживали они въ охотѣ учиться. Вѣдь многихъ изъ нихъ бьютъ, и жестоко бьютъ, за шлянье „къ учителю“, а они все-таки „шляются“, что подѣлаешь! Только теперь...

Голосъ его дрогнулъ. Минуту спустя онъ тихо и не безъ усилія вымолвилъ:

— Что это за славная дѣтвора... Какъ я успѣлъ привыкнуть къ нимъ... У меня вѣдь дѣтей нѣтъ...

Всѣ молчали. Молодые гости не рѣшались еще предлагать какіе-либо вопросы, которые могли бы быть хозяину непріятны. Теоретическій разговоръ казался неподходящимъ къ данной минутѣ. Николай Александровичъ сохранялъ обычное, свойственное ему, расположеніе духа, но гостямъ его было не по себѣ. Каждый молча вспоминалъ про себя, чѣмъ былъ обязанъ этому добродушному, доброжелательному человѣку. Въ памяти вставало много часовъ, урывкой и украдкой проведенныхъ самымъ симпатичнымъ образомъ, въ живыхъ и горячихъ разговорахъ и спорахъ на самыя разнообразныя темы.

Но Николаю Александровичу показалось, что послѣднія его фразы отдаютъ сантиментальностью. Онъ тряхнулъ своими плоскими косицами и, смѣясь, рѣшительно заявилъ:

— Куда бы мнѣ ни пришлось отсюда направить стопы свои—я все равно вездѣ буду „учительствовать“. Это мое призваніе, вотъ и все. Съ должности меня согнали, что же мнѣ дѣлать, какъ удовлетворить моему влеченію? Не могу, просто не могу жить, если не вижу вокругъ себя нѣсколькихъ грязныхъ жадныхъ мордочекъ, съ бойкими глазенками и звонкими голосами! Подите же, какіе вкусы бываютъ!.. И, какъ подумаешь,

кому только мѣшать это можетъ?!.. Фу-ты, сколько еще странныхъ людей на свѣтѣ.

У входной двери кто-то зашлепалъ и завозился. Молодые люди безотчетно вздрогнули, при чемъ Гриша безумно разсердился на себя за это невольное нервное движеніе. Брови Николая Александровича слегка сжались, глаза выразили опасеніе. Но тревога оказалась ложной—это, просто-на-просто, Прися вносила самоваръ. Зоркіе глаза ея замѣтили эту тревогу. Поставивъ бурлящій и выбрасывающій клубы густого пара самоваръ на столъ, она засмѣялась полудобродушно, полунасмѣшливо и спросила:

— Небось, страшно стало?.. А только чего бы намъ, добрымъ людямъ, гостей бояться?.. Кто бы ни пришелъ — просимъ до хаты! Развѣ уже мы такіе, что и ходить къ намъ нельзя? А если нельзя, такъ какъ бы это и вамъ, паничи, лиха какого не было, что къ намъ зашли... Сколько тутъ разговору было—по какой причинѣ дѣти сюда цѣлымъ табуномъ бѣгаютъ, по какой причинѣ братья мои и знакомые съ сахарнаго заводу сюда захаживаютъ!.. Ей-Богу, уже и гостей принять нельзя, страшный судъ видно скоро...

— Правду сказать, я не хотѣлъ бы, чтобы васъ у меня увидѣли... Людская подозрительность такъ велика, — прикрывая безпокойство шуткой, сказалъ хозяинъ: — чего добраго и васъ взяли бы на примѣту, а вамъ это было бы не полезно, милые...

— Вотъ еще вздоръ какой,—негодуя остановилъ его Гриша:— что это въ самомъ дѣлѣ, уже и провѣдать васъ нельзя?! Ничего намъ не станется, пускай являются...

— А вы намъ при нихъ маленькую лекцію по политической экономіи прочтите, — подхватилъ Лошинскій, даже прищуривъ глаза отъ восхищенія собственной идеи:—пускай и они бы послушали!

— Ахъ, дѣти вы, дѣти, — засмѣялся Николай Александровичъ, заваривая чай.

Прися пронзительно посматривала на нихъ по-очереди, и на ея лихорадочно веселомъ лицѣ проступило вдругъ выраженіе жгучей боли.

— Послѣдній разъ я вамъ вечерній самоварчикъ подаю,— упавшимъ голосомъ вдругъ вымолвила она, устремивъ на Николая Александровича взглядъ, полный тоски.

Въ рукахъ у того звякнули стаканы, которые онъ разставлялъ. Не поднимая на нее глазъ, онъ тихо и внушительно вымолвилъ:

— Ну, умница моя, не киснуть! Безъ горя не проживешь,

а если наше горе можетъ быть на пользу другимъ, такъ отъ такого горя и плакать не надо. Самъ Христосъ зналъ, небось, что не сносить ему головы, а вѣдь не пожелалъ избѣгнуть этого... Вотъ, по стопамъ Его и всякій долженъ стараться слѣдовать...

— Такъ тò Христосъ... Ишь сказалъ!..

— Такъ Христа, хорошая моя, распяли, а я только въ другое мѣсто переѣхать долженъ,—улыбнулся тотъ.

— А я вѣдь не переѣду, — совсѣмъ-совсѣмъ тихо, точно захлебнувшись, пролепетала Прися:—одна останусь!

Николай Александровичъ поднялъ на нее свои дѣтскіе глаза и остановилъ на ней взглядъ, ставшій проникновеннымъ и почти строгимъ.

— Останешься *не одна*... Съ тобою останутся всѣ тѣ, кого я любилъ и кто меня любилъ. На твои руки я оставляю ихъ— люби, какъ меня любила... помогай, наставляй... Ты у меня вѣдь у... у... умницей была,—едва справившись съ затрепетавшими губами, сказалъ онъ ей:—да и, кто знаетъ, чего добраго, наступитъ время и опять будемъ вмѣстѣ... Говóрятъ, только гора съ горой не сходится.

Прися медленно и скорбно покачала головой и ничего на это не возразила.

— Писать я тебѣ буду,—продолжалъ Николай Александровичъ, не сводя съ нее глазъ:—небось, грамотная уже и хорошо грамотная, еще другихъ можешь теперь поучить... Друзья наши будутъ тебя навѣщать...

— Конечно!.. Разумѣется!—съ увлеченіемъ подтвердили оба гостя.

— Ужъ если чего знать не будешь—у нихъ спрашивай, въ чемъ совѣта надо тебѣ будетъ—къ нимъ обращайся, авось и имъ въ свой чередъ отплатишь когда-нибудь... Помни, что всѣ обязаны помогать другъ другу, и что плохъ тотъ человѣкъ, къ которому тяжело идти за помощью.

— Убѣжитъ, ей-Богу, весь убѣжитъ!—со смѣхомъ, похожимъ на сдержанный плачъ, воскликнула Прися, бросаясь къ самовару.—Что-то слишкомъ долго возилась она возлѣ него, отвернувъ отъ присутствующихъ физіономію.

— Ну, не давай ему убѣгать; лучше мы его выпьемъ,—веселымъ тономъ рѣшилъ Николай Александровичъ, принимаясь разливать чай съ искусствомъ холостяка.

Завязался общій разговоръ, все-таки состоявшій главнымъ образомъ изъ осторожныхъ и деликатныхъ разспросовъ о томъ,

что̀ приблизительно думаетъ предпринять Николай Александровичъ. Тотъ отвѣчалъ со всевозможной обстоятельностью, причемъ молодые люди явственно убѣдились, что онъ весьма далекъ отъ унынія и даже, напротивъ, полонъ самаго упорнаго, самаго настойчиваго желанія извлечь изъ своихъ силъ и способностей все, что̀ возможно.

Прися, впрочемъ, почти не принимала участія въ разговорѣ, хоть внимательно слушала. Грусть исчезла съ ея лица и какъ бы скрылась въ самую глубь ея темныхъ глазъ. Она съ скромнымъ достоинствомъ подсѣла къ столу и разсѣянно отпивала маленькими глотками чай.

Въ наружную дверь громко трижды постучали.

— Зинько̀,—сказала Прися, вставая пріоткрыть дверь изъ горницы въ сѣни,—какъ сдѣлала, когда пришелъ Гриша съ товарищемъ.

— Добрѝ-вечіръ,—раздался еще изъ сѣней сипловатый баритонъ, очень пріятнаго звука:—а и бисова-жъ погода, матери іи трясця... Думалъ, не дойду... Такъ и сбиваетъ съ ногъ... Эге-ге, панове братци, такъ тутъ и вы!..

Черный, худой и лохматый гигантъ, малорусская національность котораго всѣми буквами отпечаталась на всемъ его существѣ и только еще ярче выступала на фонѣ претенціознаго и совершенно безобразнаго „пиджака", крѣпко потрясъ руку Николая Александровича, затѣмъ Присину и потомъ, прежде чѣмъ поздороваться съ молодыми людьми, постоялъ съ минуту передъ ними, подбоченясь и критически разсматривая ихъ изъ-подъ нависшихъ бровей яркими, какъ угольки, насмѣшливыми, какъ у Приси, глазами.

— Ну, и мало же въ васъ соку, панове братци,—замоталъ онъ неодобрительно своими черными лохмами:—говорилъ я вамъ— пейте горилку, здоровья прибавится... Все не пьете, небось?.. Ну, то-то и есть! Эхъ, ужъ и люблю же я ее, горилочку, якъ родную матинку... Да что тутъ—и отъ родной матери радости столько не увидишь, какъ отъ одного полуштофика... Выпьешь, и такая дѣлается радость, какъ будто тебѣ и нивѣсть, что хорошее подарили... Вотъ она, милая, вотъ она... Думаете, безъ гостинцу въ гости хожу?...—Онъ вытащилъ изъ огромнаго кармана своихъ штановъ огромную бутылку и торжественно поставилъ ее на столъ.

Прися нахмурилась и гнѣвно сказала брату:

— Сколько разъ я тебѣ говорила—не смѣй сюда водку таскать! Пропитая твоя душа... Другихъ бы хоть не трогалъ!

Зинько сконфузился.

— Да вѣдь передъ отъѣздомъ только... Сама присылала извѣстить... Я и думалъ — не грѣхъ счастливой дороги пожелать... Какъ же безъ угощенія?.. Я жъ отъ щираго сердца!..

— Ну, не сердись, Прися, — мягко и тоже какъ бы конфузливо, — обратился къ ней и Николай Александровичъ: — лучше закусочки какой приготовь... колбаса тамъ у насъ была...

Прися не безъ труда преодолѣла неудовольствіе, но все же, улыбнувшись терпѣливой, немного усталой улыбкой, поднялась готовить закуску.

— А я, было, книжечки ваши хотѣлъ вамъ собрать принести, да вы прислали мнѣ сказать, что не нужно, что мнѣ на память ихъ оставляете... Спасибо же вамъ! У насъ тутъ нигдѣ, кромѣ какъ въ Кіевѣ, либо въ Одессѣ, и не достанешь такихъ... Одинъ Шевченко—прочитаешь какой-нибудь стихъ, даже пяткамъ холодно станетъ... Ну, Кольцовъ—это уже будетъ не тотъ табакъ!.. Не пропечетъ ажъ до самыхъ печенокъ, нѣтъ!.. Кацапскимъ манеромъ разговоръ ведетъ... Читаешь, читаешь, да иной разъ и не разберешь, что̀ тамъ у него, къ чему... Заохотился до него одинъ у насъ... самъ кацапъ, ему и кацапская книжка мила... Если будетъ ваше позволеніе, Кольцова бы я ему подарилъ... Хоть онъ и кацапъ, а хлопецъ ничего, хлопецъ славный... И то сказать (въ одной мы смѣнѣ, у одной печи жаримся), какъ поскидаемъ съ себя все до штановъ, да замажемся копотью, да всякой дрянью, ни одна живая христіанская душа не разберетъ, который изъ насъ хохолъ, а который кацапъ... Что̀ у хохла, что̀ у кацапа—одинаково бока болятъ послѣ работы... Ха-ха!..

Гриша и Лошинскій переглянулись.

Зинько склонилъ голову къ плечу и, молодцовато закрутивъ длинный казацкій усъ свой, объявилъ наивно хвастливымъ тономъ:

— Ужъ и я самъ, сдается мнѣ, скоро пѣсни надумывать стану... Смотрѣлъ я это вчера на Хведю, товарища моего, и надумалъ:

Породнило насъ не счастье, не воля,
Породнила насъ да тяжка недоля...

Онъ самодовольно посмотрѣлъ на всѣхъ и воскликнулъ утвердительнымъ тономъ:

— Что̀?.. Худо выдумалъ, скажете?!.. Да я бы еще длиннѣе надумалъ, только времени не было.

— Нисколько не худо, — съ восторгомъ поддержалъ автора

Лошинскій, влюбленно глядя на худую и даже истощенную, но статную и съ слѣдами дикой, своеобразной красоты фигуру.

— Ну, онъ на такія штуки мастеръ,—отозвалась изъ смежной съ горенкою кухни Прися, собиравшая закусить:—языкъ у него ловко привѣшенъ, еще лучше, чѣмъ большой колоколъ въ монастырѣ.

— Ужъ и баба,—подмигнулъ Зинькò компаніи!—отбрѣетъ, не нужно и бритвы... А однакоже скажу, если бы я могъ языкомъ такъ здорово звонить, какъ монастырскій колоколъ звонитъ — зналъ бы я, охъ, зналъ бы кому и про чтò отзвонить!

— Какъ бы тебѣ прежде не назвонили, — угрюмо засмѣялась Прися въ кухнѣ.

— А хоть и назвонятъ!.. Нашли „переля́канаго"... Это пугались только при царѣ-горохѣ, когда „людей было трòхи", а теперь народъ „хвабрый" пошелъ...

Прися внесла закуску, стаканчики, очистила мѣсто на краю стола, разставила тарелки, хлѣбъ, и снова принялась за свой чай.

Николай Александровичъ и Зинькò выпили по одной, другой, третьей, закусили и весьма оживились. Гриша и Лошинскій, хоть и не пьющіе, вынуждены были выпить „по одной, ради отъѣзда", въ непривычныя головы чуточку ударило, и остальная часть вечера прошла для нихъ въ какомъ-то едва уловимомъ туманѣ, стаканчики были довольно-таки основательные.

— А чтò я вамъ разскажу,—обратился Зинькò къ честной компаніи: — какая исторія со мной приключилась!.. Сватаютъ меня!

— Будто ты дѣвчина,—усмѣхнулась Прися:—не слыхала я до сихъ поръ, чтобы до паробка сватовъ засылали... Развѣ въ „прі́ймаки" хотятъ взять?

— Угадала, бисова баба,—хлопнулъ себя по колѣну Зинькò, изумленный догадливостью сестры:—Прокопъ Омельченко своей Наталкѣ жениха подбираетъ.

— Огò!.. Богачъ!.. Что же ты?—спросила Прися, первыя восклицанія которой прозвучали достаточно издѣвательски и даже ехидно, чего, впрочемъ, Зинькò не замѣтилъ.

— А какъ бы ты думала? Поднесъ сватамъ „гарбуза"... Иначе, какъ на барышнѣ—не женюсь, такъ и сказалъ имъ! Ну и смѣху тутъ было...

Гриша и Лошинскій смотрѣли на Зинька́ во всѣ глаза. Николай Александровичъ, слегка осовѣвшій, подперевъ голову рукой, пристально созерцалъ какую-то неопредѣленную точку въ пространствѣ и, повидимому, о чемъ-то сосредоточенно размы-

шлялъ. Со двора доносилось звучное бульканье и хлопанье снова усилившагося дождя.

— Пожалуй, что и пора бы тебѣ жениться,—вдумчиво выговорила Прися, серьезно взглядывая на брата: — не велико счастье тоже и одинокимъ жить...

Зинькò заволновался, глубокая складка легла между его бровями, глаза сверкнули.

— Что и говорить!.. Всякому хочется пару имѣть по сердцу. Только трудно мнѣ найти такую, какъ мнѣ нужно. Не всякая баба мнѣ и подойдетъ! Взять хоть Наталку—и красива, и богата, а не привернется къ ней мое сердце. Чтò она такое—баба, какъ баба, больше ничего. Работать, правда, можетъ какъ нашъ братъ, мужикъ, силища у ней лошадиная, замужъ пойдетъ, еще-того больше сработаетъ, да и дѣтей, по дорогѣ, присмотритъ—все-то это такъ, такъ!.. А мнѣ этого мало—и конецъ! Только и слыхали мы отъ самаго нашего рожденія, что про работу—кто посильнѣе, да поретивѣе, да кто больше за день дѣла передѣлаетъ... Эхъ!!.. Будто уже на свѣтѣ ничего и нѣту, кромѣ работы... Не на лошади вѣдь хочется жениться... А у насъ куда ни глянь—лошади, а не бабы!.. Не въ обиду тебѣ будь сказано, Прися, кромѣ какъ лошадей я по сю пору иного и не встрѣчалъ. Цуръ ему и съ женитьбой!

— Ну, ужъ ты и скажешь,—разсмѣялась Прися, въ душѣ немного уязвленная тѣмъ, чтò было справедливаго въ словахъ брата о „бабѣ“:—по-твоему, лучше, что ли, было бы, если бы бабы полѣнивѣе стали?

Зинькò выразительно помолчалъ нѣсколько секундъ, какъ бы подчеркивая этимъ вопросъ сестры, и затѣмъ долго съ упрекомъ качалъ головой, желая дать понять ей, до чего нелѣпы ея слова.

— Нѣту на свѣтѣ ничего худшаго, какъ лѣнивый человѣкъ,—убѣжденно сказалъ онъ, хлопнувъ по столу могучей ладонью:—я люблю, чтобы у человѣка горѣло въ рукахъ все, за чтò онъ ни возьмется. Но кромѣ работы, на свѣтѣ долженъ быть и отдыхъ, должна быть и радость. Самъ Господь Богъ, сотворивъ то, чтò ему понадобилось, на седьмой день отдохнулъ и возрадовался. А, спрашиваю я тебя, какая можетъ быть у людей радость, если они, высуня языкъ, работаютъ до десятаго поту съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ выучились держаться на ногахъ? Никакой радости и быть у нихъ не можетъ, кромѣ какъ вываляться на всѣ четыре бока, либо напиться пьяными... Не умѣемъ мы радоваться; нѣтъ, не умѣемъ, не выучились еще! А я хочу, чтобы моя жёнка послѣ работы не только сама какъ солнышко

сіяла, а чтобы и меня, мужика-неотёса, сіять заставила, чтобы и повадкой, и одёжей, и разговоромъ человѣческимъ она ничѣмъ не хуже любой барыни деликатной была! Вотъ отчего я сватамъ „гарбуза" поднесъ. Они мнѣ лошадь высватать хотѣли, а я лошади не хочу—и аминь! Барышню мнѣ подавай...

Зинькò оглушительно расхохотался, залихватскимъ жестомъ расправляя усы. Въ его громовомъ хохотѣ, отъ котораго, казалось, стаканы задребезжали на столѣ, Гришѣ почудилась сдержанная ярость, близкая къ бѣшенству. Николай Александровичъ неопредѣленно улыбался въ бороду. Свободная рука его машинально потянулась къ рюмкѣ и поднесла ее къ губамъ.

— Не выучились еще радоваться,—повторилъ онъ шопотомъ слова Зинькà.

Лошинскій, увлекшійся Зинькомъ, въ которомъ все нравилось ему, должно быть, въ силу контраста, пожелалъ успокоить раскипятившагося гиганта, и заявилъ вполнѣ чистосердечно:

— За васъ какая угодно барышня пойдетъ! Вамъ только вымыться съ мыломъ и будете такой красавецъ—на рѣдкость! А ужъ насчетъ души, сердца—трудно ихъ найти у кого-нибудь больше, чѣмъ у васъ!

Глаза Зинькà метнули пламя. Онъ медленно взялъ руку молодого энтузіаста и нервно стиснулъ ее, видимо удерживаясь, чтобы не сломать ее въ своей. Губы его затрепетали, какъ бы подъ дѣйствіемъ той массы словъ, которыя безпорядочно и стихійно рвались съ нихъ. Но онъ ничего не сказалъ, только шумно и глубоко вздохнулъ всей грудью и выпустилъ эту худую, слабую руку, горячо отвѣтившую на его пожатіе.

Гриша подавилъ желаніе расхохотаться, услыхавъ „изъясненіе" товарища насчетъ мыла и прочаго, но, въ общемъ, нашелъ, что Лошинскій, быть можетъ, не такъ ужъ и далекъ отъ истины.

„Вотъ, если бы такому человѣку, да образованіе настоящее,— подумалъ онъ про Зинькà:—крупной личностью на свѣтѣ было бы больше"!

Зинькò, по всѣмъ видимостямъ, собирался напиться. Онъ „опрокидывалъ" стаканчикъ за стаканчикомъ, чокался съ Николаемъ Александровичемъ и почти не притрогивался къ закускѣ. Чѣмъ больше онъ хмелѣлъ, тѣмъ больше его раззадоривала и волновала идея женитьбы на „барышнѣ". Эта идея вязалась у него съ смутными, но невыразимо отрадными представленіями о новой, совсѣмъ особенной жизни, новомъ смыслѣ ея, новыхъ горизонтахъ. „Барышня" представлялась вдругъ его хмельному воображенію залогомъ какихъ-то чудныхъ, манящихъ, полныхъ

обѣщанія, дней въ будущемъ... Она сдѣлалась ему вдругъ необходимой, эта барышня,—и онъ почти бредилъ ею.

— Ахъ, и дочка же у нашего директора, Господи Боже мой!—восклицалъ онъ, закрывая на мгновеніе глаза рукою, точно его и вправду слѣпило свѣтозарное видѣнье:—всего только на двѣ недѣли въ году и пріѣзжаетъ она на заводъ. Ну, барышня!.. Иначе не ходитъ, какъ въ бѣломъ платьѣ. У насъ въ церкви на боковыхъ дверяхъ архистратигъ Михаилъ нарисованъ—ну, точно патретъ съ нея снятъ. Волосы распущены и колечками завиты, ручки тонкія, бѣлыя, голыя, ровно у дитяти нѣжныя... Бож-же мой!! Ровно и не человѣкъ вовсе... Гуляла она однажды по саду—я взлѣзъ на заборъ, смотрѣлъ. И она меня увидѣла—вздрогнула даже, испугалась, должно быть—дѣло къ вечеру было. А хоть и испугалась, но виду не подала, подняла высоко голову и такъ строго на меня взглянула... Вотъ, кажись, двумя пальцами могъ бы ее смять, а если бы она на меня посмотрѣла такъ, я и рукой бы шевельнуть не смогъ, вся бы сила моя передъ ней пропала. Проплыла мимо меня, будто облачко бѣлое, и скрылась съ глазъ. Напился же я въ ту ночь! Почему мнѣ, какъ ушей своихъ, не видать такой красоты, не извѣдать такого счастья!—съ злобнымъ восторгомъ и болью кричалъ онъ.

Гриша и Лошинскій взволнованно вздохнули. Николай Александровичъ загадочно улыбался. Прися ужасно разсердилась.

— Да о чемъ бы ты, безтолковая голова, говорить съ нею сталъ,—вся вспыхнувъ набросилась она на брата:—да у нея, можетъ быть, только и есть, что красивенькая шкурка... Можетъ, она еще хуже всякой „лошади" будетъ... „Лошадь" хоть работать умѣетъ, а она что̀ умѣетъ, спрашивалъ ты у нея?..

— Опять — работа, работа, работа, — взбѣленился Зинько̀, грохнувъ по столу кулакомъ:—и слышать про нее не хочу! Ужъ коли доля моя такая, что работать мнѣ шестнадцать часовъ въ сутки, то въ остальные часы я даже слова этого слышать не хочу, будь оно проклято! Добро бы еще работа пріятная была, чортъ ее дери... А о чемъ бы я съ нею говорилъ, спрашиваешь? Ужъ разумѣется, что разговаривать съ нею я не съумѣлъ бы, отъ одного страху передъ ней всѣ слова бы даже перезабылъ... Но любить я ее съумѣлъ бы такъ, что...

Нервная судорога въ горлѣ прервала его рѣчь, и онъ только тряхнулъ головой, какъ бы стараясь отогнать отъ себя упорную и неотвязную мысль, доводящую его до бреда.

— Всѣ ея бѣлыя платьица сажей, да копотью бы измазалъ,—съ непередаваемой ироніей замѣтила Прися, сразу вдругъ

почему-то проникшаяся ненавистью къ фантастическому образу, созданному необузданнымъ воображеніемъ брата. Ощущеніе глухой, несознательной обиды щемило ея душу. Ей рисовалась эта стройная, свѣтлая фигурка съ волною кудрей, разсыпавшихся по плечамъ, съ тонкими, бѣлыми, какъ лепестки рѣчной лиліи, руками, съ очами, умѣющими смотрѣть повелительно и строго—и ей захотѣлось унизить, затоптать и закидать грязью этотъ образъ, передъ которымъ она чувствовала себя самоё ничтожной, безобразной, дикой и невѣжественной... Она инстинктивно усматривала какое-то оскорбленіе для себя—въ самомъ существованіи такого „архистратига Михаила" и возмущалась всей своей гордой душой даже и сама не зная хорошенько, противъ чего она возмущается.

Огромная бутыль быстро пустѣла. Водка Зинька озлила, а Николая Александровича привела въ удивительно оптимистическое, почти радужное настроеніе. Онъ вдругъ обратился ко всѣмъ съ небольшой рѣчью, въ которой изложилъ свои столь блестящіе планы на будущее, что Гриша, даже по самомъ поверхностномъ разсужденіи, принялъ за лучшее счесть ихъ произведеніемъ скорѣе пламеннаго и нетерпѣливо стремящагося ко благу всѣхъ сердца, чѣмъ трезваго и логически мыслящаго ума. Его всегда коробилъ и смущалъ видъ пьянаго человѣка и, при всемъ уваженіи къ Николаю Александровичу, онъ предпочиталъ не видѣть его въ такомъ состояніи. Такъ и сейчасъ—понявъ, что тотъ дошелъ до предѣла, за которымъ уже вмѣняемость не совсѣмъ допустима, онъ толкнулъ локтемъ Лошинскаго и шепнулъ ему, что пора уходить. Да и поздно уже было—наканунѣ отъѣзда не слѣдовало засиживаться.

— Съ вами мы еще увидимся,—говорили они, прощаясь съ Присей и Зинькомъ:—а вамъ, дорогой Николай Александровичъ, желаемъ счастливаго пути и хорошо устроиться тамъ, куда васъ закинетъ судьба.

Молодые люди пожимали его руки съ тоскливыми сердцами. Глаза у нихъ обоихъ щипало. Голоса ихъ дрожали.

— Спасибо вамъ, голубчикъ, спасибо за все, все!..

Спотыкаясь въ полутемныхъ сѣнцахъ и не попадая отъ волненія въ рукава своихъ мокрыхъ шинелей, они видѣли, какъ Прися подошла къ Николаю Александровичу, спрятавшему лицо въ ладони, и обвилась вокругъ его шеи.

VII.

— Отъ Лёли, отъ Лёли!.. Наконецъ-то!..—радостно кричала Алла Женѣ, стремительно выхвативъ у Вити, бѣгавшаго на почту, длинный и узкій конвертъ плотной блѣдно-зеленой бумаги.

Женя съ завистью смотрѣла на письмо.

— Какое толстое!.. А мнѣ ни отъ кого ничего нѣтъ... Впрочемъ, и я такъ и не собралась никому написать... Да куда же ты?

Но Алла не отвѣтила и, подхвативъ повыше юбки, чтобы не выпачкаться въ грязи, помчалась въ самый дальній конецъ огорода, въ „вишнякъ". Ей хотѣлось безъ помѣхи насладиться письмомъ.

Погода въ послѣдніе дни начала мало-по-малу мѣняться къ лучшему. Похожія на плотное солдатское сукно тучи, точно отбывъ срокъ своей службы, вдругъ расползлись, разорвались и обнаружили темно-голубыя пятна великолѣпнаго іюньскаго неба. Иногда пятна исчезали, начинался дождь, потомъ опять прояснялось.

Когда Алла усаживалась на сукъ своей любимой „крылатой" черешни, сквозь прозрачный край расплывающейся тучи брызнулъ потокъ яркихъ лучей и милліонами разноцвѣтныхъ искръ разсыпался по нѣжной, мокрой зелени. Запахъ павилики и полыни, въ изобиліи растущей между вишнями, горьковато-сладкими струями вливался въ грудь молодой дѣвушки. Да и все, что только цвѣло и зеленѣло вокругъ, размокшее отъ дождей и затѣмъ пригрѣтое горячимъ лѣтнимъ солнышкомъ,—все усиленно благоухало, образуя неопредѣленный, но радостный и бодрящій ароматъ свѣжаго утра. Аллѣ казалось, что она вдыхаетъ саму жизнь.

Сжавъ конвертъ въ рукѣ, она посидѣла неподвижно нѣсколько минутъ, желая продлить волнующее чувство пріятнаго ожиданія. Суховатая и ничуть не сантиментальная, какой ее и считали всѣ окружающіе—она все же иногда испытывала многое такое, что свойственно испытывать самымъ мягкимъ и чувствительнымъ людямъ. Вся разница была въ томъ, что она съ инстинктивной осторожностью старалась поглубже запрятывать отъ другихъ свои ощущенія.

Аккуратно разрѣзавъ конвертъ кончикомъ головной шпильки, она вытащила нѣсколько глянцовитыхъ листочковъ, исписанныхъ оригинальнымъ почеркомъ, твердымъ и характернымъ.

„Сколько ихъ тутъ, — подумала она, и сосчитала шопотомъ: — разъ, два, три... Ого, три листа!.. Милая!.. Писано гусинымъ перомъ, по обыкновенію... не можетъ безъ своего „стиля“...

Губы Аллы повела ласковая, любовная усмѣшка — хоть и считала она оригинальничанье Лёли подчасъ утрированнымъ, но находила для этого смягчающія обстоятельства и, любя, извиняла ей почти все.

„Знаешь ли ты, Алла, что̀ такое скука! Нѣтъ, ты не знаешь что̀ это такое,—начиналось такъ Лёлино письмо:—и если бы не наша библіотека, которая, по справедливости, считается чѣмъ-то единственнымъ въ своемъ родѣ—хотя сейчасъ я ею не много и пользуюсь—я бы погибла. Представь себѣ—весь нашъ огромный домъ полонъ гостей, пріѣхали поздравить меня „съ окончаніемъ ученья“... Ты знаешь, какъ моя родня смотрѣла на мое желаніе ходить въ гимназію, вмѣсто того, чтобы „гимназія“ приходила ко мнѣ на домъ! Басаргина — и вдругъ бѣгаетъ неизвѣстно зачѣмъ въ какіе-то классы, сидитъ на одной скамейкѣ Богъ знаетъ съ кѣмъ, и когда у нея спрашиваютъ урокъ, должна вставать съ своего мѣста—ужасъ, ужасъ!.. Тетя выдержала два курса у Шарко̀ послѣ моего рѣшенія не учиться на дому. И вотъ теперь, въ видѣ возмездія за мой проступокъ, я все время должна терпѣть эту ораву народу, который испортилъ мнѣ мою деревенскую жизнь. Не знаю, долго ли они пробудутъ, но если долго, я сбѣгу куда-нибудь—вотъ увидишь. Я рѣдко-рѣдко когда бываю одна, чтобы почитать что-либо, или подумать и погрезить на свободѣ. И, что̀ всего отвратительнѣе, здѣсь завелся нѣкій „кузенъ“, за котораго тетя, да и другіе мои родственники весьма бы меня непрочь спихнуть, больно ужъ я имъ много неудовольствій и неудобствъ причиняю. Богъ мой, что̀ за печальный образчикъ двуногой породы, этотъ кузенъ! Никогда еще въ одномъ человѣкѣ не сочеталось столько самоувѣренности и ограниченности... Но „имя“ и деньги, особенно деньги въ огромномъ количествѣ—дѣлаютъ его стоящимъ выше критическаго къ нему отношенія остального человѣчества. Еретичествую только чуть ли не я одна... Разумѣется, всѣ эти матримоніальные планы останутся втунѣ. Какое было бы счастіе, если бы они всѣ уѣхали! Я могла бы спокойно разобраться въ той массѣ вопросовъ, которые вдругъ обступили меня тѣсною толпою и не оставляютъ меня больше. Мысль моя работаетъ неутомимо, но меня смущаютъ весьма странные и, пожалуй, даже ничтожные результаты, къ которымъ я прихожу. Меня

не удовлетворяютъ мои выводы, и я безсильно злюсь, злюсь безъ конца! Но, все же—какое это наслажденіе умѣть, мочь мыслить. Среди какого богатства живутъ люди, сами того не подозрѣвая—вѣдь все, о чемъ я только умѣю помыслить—мое достояніе, я его какъ бы во второй разъ творю. И тотъ богаче, чья мысль шире и могущественнѣе. Я же весьма опасаюсь, что, несмотря на хорошіе зачатки, моя мыслительная способность все-таки очень мало развита. А развивать ее и упражнять систематически—задача сложная, которую нужно знать, ка̀къ выполнить. И я не знаю. Вотъ почему все, къ чему я прихожу, кажется мнѣ необоснованнымъ, смутнымъ и неяснымъ. Мнѣ просто ужасно какъ хочется найти человѣка, къ которому можно было бы обратиться съ просьбой: „пожалуйста, научите меня мыслить правильно"... Вотъ у меня сейчасъ лежатъ на столѣ нѣсколько книгъ удручающей толщины, между прочимъ, System of Logic, Милля, и даже русская логика Владиславлева... Не совру, что я ихъ читала,—нѣтъ; я, если можно такъ выразиться, нюхала ихъ только, не рѣшаясь взяться за нихъ серьезно. И, просматривая ихъ, я спрашивала себя по секрету—„ну, и что̀ же, если прочесть эти внушительные волюмы—можно выучиться думать? Всякій ли, кому доступно ихъ прочесть, пріобрѣтаетъ это умѣнье? А если не всякій, то чѣмъ надо обладать, чтобы это чтеніе было не безплодно?.. Впрочемъ, я начинаю, кажется, нѣсколько понимать, въ чемъ суть. Изученіе логики даетъ человѣку просто методъ, тотъ самый методъ, который остается у пѣвцовъ хорошей школы, когда они теряютъ голосъ. Тогда они поютъ методомъ, а не голосомъ. Конечно, если нѣтъ голоса—методъ его не создастъ, какъ равно и не прибавитъ ничего въ творческомъ смыслѣ уму, которому чужда творческая сила... Да, вотъ она, эта сущность дѣла—творческая сила, творческій элементъ—безъ него никакія логики міра ничему не научатъ, ничего не разъяснятъ! Они только механически приклеютъ къ человѣческой памяти свое собственное содержаніе,—вотъ и все. И, прибавлю отъ себя, содержаніе это довольно скучно, надо сознаться, если судить по моимъ извѣстнымъ волюмамъ"...

„*На слѣдующій день.* Вчера мнѣ помѣшали окончить. Да и сегодня весь день не было времени взяться за перо—пріѣхалъ одинъ довольно любопытный субъектъ, нашъ дальній родичъ. Онъ къ намъ прямо изъ Нью-Іорка. По его разсказамъ—прозаическая страна янки одержима повальнымъ безуміемъ спиритизма, или спиритуализма, какъ это они тамъ называютъ. Я подозрѣваю, что и самъ онъ что-то странное—не то буддистъ,

не то теософъ (слыхала, чтò это такое?), не то галлюцинатъ просто... Все же престранныя вещи онъ продѣлываетъ... Сегодня утромъ, когда мы передъ lunch'емъ гуляли по парку, онъ снялъ съ моего пальца кольцо (помнишь—въ формѣ трилистника три розовые брилліантика, обручальное кольцо моей мамы?), подержалъ его зажатымъ въ своей ладони и затѣмъ возвратилъ мнѣ его, говоря: „надѣньте теперь"—и я не могла его надѣть! Понимаешь ты, мой палецъ никакъ не могъ въ него пройти, до того оно сдѣлалось узко. И вотъ, вмѣсто четвертаго пальца, я ношу его на мизинцѣ—онъ, смѣясь, пообѣщалъ, что только завтра я смогу его опять надѣть какъ слѣдуетъ. Чтò же, фокусъ, если хочешь, недуренъ. Это онъ называетъ психопластикой—эту продѣлку. Мнѣ рѣшительно все-равно, какимъ бы высокоторжественнымъ словомъ ни назвать подобную штуку—я хочу знать, „чтò сей сонъ означаетъ", и не могу успокоиться, назвавъ вещь, которой не понимаю, словомъ, котораго тоже не понимаю. Я ему это и высказала, онъ и говоритъ: — Я вамъ разскажу нѣсколько фактовъ, реально достовѣрныхъ и извѣстныхъ въ наукѣ. Однажды въ Лондонѣ, давно уже, казнили четвертованіемъ извѣстнаго разбойника. При этой казни присутствовала женщина, бывшая въ интересномъ положеніи. Но она не могла досмотрѣть казнь до конца и, какъ только палачъ отрубилъ осужденному руку, убѣжала, почти помѣшавшись отъ ужаса. Черезъ короткое время у нея родился ребенокъ безъ руки—она по локоть отсутствовала совершенно. Этотъ случай былъ засвидѣтельствованъ многими врачами, изъ которыхъ одинъ поставилъ слѣдующій вопросъ: Кàкъ думаютъ его коллеги, если бы она не была на казни—съ рукою, или безъ руки родился бы ребенокъ?.. А если родился бы,—весьма вѣроятно,—съ рукою, то куда же дѣвалась эта рука теперь, послѣ перепуга? Какимъ образомъ и куда могла она исчезнуть? Но на это ему никто не съумѣлъ отвѣтить. У другой женщины, испугавшейся паука, который ползалъ по ея тѣлу, родилась дочь съ наростомъ на бедрѣ—наростъ этотъ въ точности воспроизводилъ паука, испугавшаго ея мать. А дѣвочка, родившаяся во время французской революціи съ „фригійской шапкой" на груди?! А такъ называемая „мнительность", которая производитъ разныя заболѣванія, опухоли, нарывы и т. д.... Все это очень интересныя вещи, изъ которыхъ явствуетъ, что человѣческой психіи свойственна нѣкоторая, мало извѣстная пока, сила, которая какъ-то очень странно и своеобразно умѣетъ и можетъ иногда распоряжаться веществомъ нашего тѣла. Эта сила, какъ мы видѣли изъ раз-

сказанныхъ мною примѣровъ, увеличиваетъ и уменьшаетъ объемъ нашего тѣла и выливаетъ вещество его въ самыя неожиданныя формы. Вѣдь, если до перепуга, до самаго момента, когда палачъ отрубилъ руку преступнику, если рука у младенца была тамъ, гдѣ ей слѣдовало быть, то какимъ образомъ эта, уже существовавшая, рука растаяла и исчезла? Вы навѣрное слыхали выраженіе „матеріализація"—его часто употребляютъ спириты, говоря о матеріализаціяхъ и дематеріализаціяхъ дýховъ... А эта дематеріализовавшаяся рука,—что̀ можно придумать чудеснѣе и загадочнѣе этого необыкновеннаго исчезновенія? Дематеріализація, созданная движеніемъ души, вѣрнѣе, психи—психія лѣпитъ по собственнымъ моделямъ!.. Какъ вы думаете, слѣдуетъ ли предположить, что такое дѣйствіе данной психической силы можетъ быть распространено и на то, что̀ мы называемъ неорганической матеріей? Что̀ доказываетъ ваше кольцо, котораго вы не можете надѣть?

„И много еще въ этомъ родѣ говорилъ онъ мнѣ,—цѣлую лекцію прочелъ, такъ что даже подъ конецъ мнѣ скучно стало. Рѣчи его мнѣ показались волшебной сказкой, которую, пожалуй, пріятно слушать на сонъ грядущій, но при трезвомъ и яркомъ солнцѣ ослѣпительнаго лѣтняго утра—это звучало немножко нелѣпо. Впрочемъ, все, что̀ онъ говорилъ, нравится мнѣ и занимаетъ меня. Въ сущности, и въ матеріализованныхъ духахъ нѣтъ ничего сквернаго; а вдругъ, и въ самомъ дѣлѣ, духи могутъ матеріализироваться? Подумай, какъ это было бы весело!.. Завтра утромъ я тебѣ допишу, что̀ будетъ съ моимъ кольцомъ...

„Это завтра превратилось въ сегодня. Кольцо уже на своемъ всегдашнемъ мѣстѣ, предварительно побывавъ въ рукахъ этого страннаго субъекта, котораго я еще вчера склонна была счесть за фокусника. Сегодня же я положительно не знаю, что̀ объ немъ думать—вѣроятнѣе всего, что я и вовсе ничего пока думать не буду, подожду, что̀ послѣдуетъ дальше. Я и сейчасъ имѣла съ нимъ большіе разговоры, но не стану тебѣ ихъ излагать—слишкомъ длинная исторія. Странный онъ! И даже наружность его производитъ странное впечатлѣніе. Не вообрази, пожалуйста, что онъ представляетъ изъ себя что-нибудь привлекательное—о, нѣтъ, нѣтъ, наоборотъ. Это очень маленькаго роста человѣчекъ, сухой и темный, какъ мумія. Чертами лица онъ напоминаетъ меня самоё, только въ очень ухудшенномъ видѣ—это каррикатура на меня, и мнѣ такъ противно видѣть свою собственную каррикатуру. Онъ тоже Басаргинъ. Матери его никто не зналъ, родители его давно умерли. Ему теперь

лѣтъ 40. Какъ видишь, ничего дѣйствующаго на „имажинацію“. Но онъ меня слегка-таки заинтересовалъ своими разговорами. Напримѣръ, онъ увѣряетъ, что будущее безусловно можно „предвидѣть“ и что напрасно смѣются надъ чудомъ, которое, будто бы, человѣчеству уже не нужно, такъ какъ вѣра, зиждущаяся на чудѣ, никуда не годится, а то, во что̀ стоитъ вѣрить, не нуждается въ чудѣ, и будто бы само чудо, наконецъ, съ увеличеніемъ нашихъ знаній, потеряло ореолъ непостижимости и тайны. Чудо перестало являть собою нарушеніе законовъ природы волею какого-нибудь высшаго существа, а сдѣлалось проявленіемъ тѣхъ же законовъ природы, только не всѣмъ еще извѣстныхъ, не всѣми наблюденныхъ и изученныхъ. И чудо нужно, потому что оно доказываетъ могущество и власть, даваемую знаніемъ. Европейская наука стремится къ предвидѣнію и къ могуществу—къ этому же стремится въ концѣ концовъ и восточная мудрость, при чемъ европейская наука извлекаетъ свои знанія изъ всего, что̀ внѣ человѣка, и *отчасти* изъ того, что̀ въ самомъ человѣкѣ, а созерцательная мудрость восточныхъ народовъ исходитъ изъ самоуглубленія, или бываетъ высасываема изъ пальца, по моему о̀бразному опредѣленію. Значитъ, разница въ методѣ (*методъ*, Алла!) какъ добираться до „Изиды“... Который же методъ лучше? Очевидно, что тотъ, который даетъ больше предвидѣнія и могущества... Ну, вотъ и ты бы послушала его—*какой*, по его убѣжденію, методъ правильнѣе!!. Ну, надо оканчивать мою безконечную эпистолу! Надоѣла я тебѣ, должно быть, до головокруженія! Вѣдь чтобы заинтересоваться всѣмъ этимъ, надо имѣть совсѣмъ особеннымъ образомъ устроенную голову и такую кучу бездѣльнаго времени, какъ у меня. Надо, правда, имѣть еще и завтраки, и обѣды, и квартиру, и многое-многое прочее. Витаніе въ эмпиреяхъ—удѣлъ избранниковъ фортуны. А я избранница, *это—да*! Ну, цѣлую тебя, наконецъ. Пиши о себѣ такъ подробно, какъ только возможно. Поклонъ твоей сестрѣ.—Лёля“.

Дочитавъ послѣднее слово, Алла все разглядывала блѣдно-зеленыя странички, покрытыя энергичнымъ, некрупнымъ почеркомъ. Она точно искала чего-то еще между строкъ. На лицѣ ея, принявшемъ во время чтенія сосредоточенное выраженіе, замѣтно проступили черточки не то недоумѣнія, не то разочарованія, въ которомъ она, навѣрное, не призналась бы даже самой себѣ. Ей хотѣлось найти въ этомъ письмѣ страстную, мягкую, чуткую Лёлю, въ которой она привыкла видѣть соеди-

ненie всего блестящаго и глубокаго—глубокаго, какъ море. А тутъ равнодушно-скользящая по поверхности, порой краснорѣчивая, болтовня свѣтской дѣвушки-дилеттантки. Алла такъ и подумала это слово—„болтовня". Еле замѣтное раздраженie противъ любимой подруги легкимъ, непрiятнымъ дуновенiемъ пробѣжало по ея нервамъ.

— Все только о себѣ... Ни одного вопроса ни о комъ другомъ,—составился вдругъ въ душѣ молодой дѣвушки такой обвинительный актъ, и ей стало грустно. Она почти перестала замѣчать всю прелесть окружающаго и долго сидѣла на своей черешнѣ, опустивъ голову и разсѣянно глядя на красиво исписанные листики, лежащie у нея на колѣняхъ.

Изъ полузабытья вывелъ ее слабый шумъ,—кто-то торопливо шелъ по огороду, повидимому пробираясь тоже въ вишнякъ. Это была Женя. Одной рукой она придерживала подобранное платье, другой—бѣлый кисейный платочекъ, накинутый на голову. Лицо ея было блѣдное и сердито взволнованное. Алла встревожилась.

— Женя, что ты? — неопредѣленно крикнула она сестрѣ, полная самыхъ непрiятныхъ предчувствiй.

Та издали еще сдѣлала ей отчаянный жестъ.

— Невыносимо!.. Просто нѣтъ никакого терпѣнiя съ мамой! Гвалтъ на весь домъ.

— Что такое?.. Почему? Боже мой!

— Почему? глупая! Точно мамѣ нужно, чтобы было почему! Просто, лѣвой ногой встала... Спрашиваетъ, гдѣ ты... Нужно тебѣ идти къ ней...

Алла слегка поблѣднѣла въ свою очередь... Зубы ея сами собою стиснулись, какъ отъ боли. Нервно заторопившись, она разсыпала по мокрой травѣ листки Лёлина письма и, соскочивъ съ дерева, бросилась ихъ подбирать. Досада душила ее.

— Ты не знаешь, зачѣмъ я понадобилась мамѣ? —усиливаясь владѣть собою, спросила она.

— Затѣмъ, чтобы завести съ нами обѣими акаѳистъ великомученицѣ Варварѣ,—саркастически объяснила сестра:—ну, идемъ живѣе...

И на ходу она прибавила:

— Все вертится на томъ, что мы не помогаемъ ей по хозяйству, что она должна все дѣлать сама, а мы строимъ изъ ебя важныхъ барынь, которыя, какъ она выражается, „и къ ходной водѣ не хотятъ притронуться"... Вотъ, услышишь сама... 'осподи, вотъ ужъ каторга съ нею! Никогда не знаешь, съ каой стороны къ ней подступиться...

Алла не сказала ни слова на это, и черезъ минуты двѣ онѣ уже входили въ столовую, откуда доносились раскаты голоса Ирины Васильевны.

— Ффу!.. Вотъ оретъ,—непочтительно шепнула Женя. Отворяя дверь, онѣ носомъ къ носу столкнулись съ Параской, которая имѣла видъ ошпаренной собачонки. Воспользовавшись приходомъ барышенъ, она стремительно выскользнула изъ столовой съ быстротою и ловкостью, которыхъ отъ нея совершенно нельзя было ожидать.

— А-а-а, пожаловали, ваши сіятельства, — зловѣще протянула Ирина Васильевна, устремляя на дочерей яростно-ироническій взглядъ: — хорошо ли изволили прогуляться, пока мать здѣсь потрудилась вамъ приготовить завтракъ?

Алла сдѣлала невольный жестъ, хотѣла что-то отвѣтить, но мать не дала ей сказать ни слова.

— Вамъ что—пускай трудится старая дура, а молодымъ умницамъ надо ручки свои поберечь... Ростила-ростила и выростила себѣ помощь и утѣшеніе, есть за что поблагодарить Бога!.. Мама и лакей, мама и горничная, мама и кухарка—вычиститъ все, приберетъ, сготовитъ поѣсть!.. Только когда-нибудь конецъ и моему терпѣнію придетъ... Не двадцать мнѣ лѣтъ, какъ когда-то, чтобы отъ утра до вечера, не присѣвши ни на минутку, бѣгать, да бѣгать возлѣ васъ... Что порвано—заштопай, что украдено—новое пошей... Та хочетъ кофею, та—чаю, тотъ—молока... Тому кипяти, тому сырое давай... Одна у меня голова на плечахъ, а не десять, да хоть бы и десять было, то трудно и упомнить все, кто что затребовалъ... Почему же никому изъ васъ на мысль не вспадетъ, что можно бы и самимъ о себѣ немного позаботиться, что не грѣхъ бы и матери помочь!..

Струсившая-таки Женя молчала и все норовила такъ стать, чтобы Алла немножно выдвигалась впередъ, на первый планъ. Въ общемъ она была гораздо задорнѣе и дерзче Аллы, и очень часто на материнскія нотаціи отвѣчала такими грубостями, что ставила втупикъ даже самоё Ирину Васильевну. Но она отлично понимала, что далеко не всегда можетъ позволить себѣ подобный образъ дѣйствій, и когда, какъ сейчасъ, мать буквально рветъ и мечетъ, она побаивалась подвертываться ей подъ руку—тяжела была рука старухи Караваевой.

Алла, какъ вошла, такъ и стала неподвижно посреди комнаты, внимательно поднявъ глаза на мать, слегка раскраснѣвшись и тяжело дыша отъ быстрой ходьбы. При послѣдней фразѣ

матери, она сочла необходимымъ вставить, наконецъ, и свою реплику:

— Разумѣется, мама, мы должны вамъ помогать—вы имѣете полное право требовать у насъ этого... Скажите намъ только, что̀ надо дѣлать, и мы постараемся аккуратно исполнять все...

Ирина Васильевна такъ и вскипѣла. Схвативъ только-что вычищенный ею мѣдный подсвѣчникъ, она такъ громыхнула имъ по огромному тазу для варки варенья, который азартно терла-было суконкой, что дѣвушки въ истерическомъ испугѣ задрожали съ ногъ до головы. У Аллы вырвалось даже глухое восклицаніе. Послѣ мгновенья испуга ею овладѣлъ такой гнѣвъ, что у нея захватило дыханіе. Какой-то клубокъ подкатился къ самому горлу, пригонялъ къ мозгу кровь и туманилъ сознаніе. А вопли Ирины Васильевны восходили на все болѣе и болѣе высокія ноты.

— Ахъ ты, щенёнокъ этакій, ты мнѣ будешь тутъ о моихъ правахъ разговаривать!.. По-твоему, я „имѣю право“ отъ васъ требовать, чтобы вы не сидѣли сложа руки? Плевать мнѣ на то, что̀ ты думаешь... Я и безъ всякихъ „правъ“ твоихъ дурацкихъ такъ васъ приберу къ рукамъ, что вы у меня и пару изо рта выпустить не посмѣете... Думали—въ гимназіи учились, медали получали, такъ мать уже надъ вами и права никакого не имѣетъ! Врете, канальи, я васъ въ запаски одѣну, велю въ кухнѣ у печки стоять и—*будете*!!.. Вотъ возьму тотъ батогъ, что̀ Омелько лошадей бьетъ, покажу я вамъ тогда мои права!..

Малокровное лицо Аллы горѣло, какъ въ лихорадкѣ. Въ виски сильно стучало. Губы ея тряслись, когда она перебила мать, но говорить она старалась спокойно.

— Не сердитесь напрасно, мама... Лучше скажите, что̀ вы хотите, чтобы мы дѣлали: съ 13—14 лѣтъ, мы почти не жили дома, только каникулы проводили у васъ... Вы же сами отстраняли насъ отъ хозяйства, говоря, что это еще не наше дѣло, что еще выучимся всему, что еще будетъ время... Не въ пансіонѣ же мы могли пріучаться къ домашнимъ работамъ. Въ пансіонѣ все равно, что въ казармѣ: утромъ гимназія, потомъ обѣдъ, потомъ уроки на слѣдующій день, почитаешь немного—вотъ и вся наша жизнь была. Откуда же мы могли выучиться хозяйству? Еще не поздно—показывайте намъ что̀ надо—разъ, другой не съумѣемъ, а потомъ отлично сможемъ вамъ помогать...

Но тутъ Ирина Васильевна испустила такой дикій крикъ неистовства, что смѣло могла бы заткнуть за поясъ и апаховъ и команчей, и какое угодно индѣйское племя, собравшееся на

войну и изливающее свои боевыя эмоціи въ воинственныхъ возгласахъ. Изъ устъ ея посыпались такія слова, что у Аллы было желаніе зажать себѣ уши.

— Мама,—жалобно крикнула она, какъ бы умоляя ее замолчать, но едва ли она была даже и услышана. Опьяняя себя собственными рѣчами и гнѣвомъ, Ирина Васильевна становилась положительно страшной. Въ характерѣ у нея была масса самодурства, которое порою какъ-то слабѣе проявлялось, порою—интенсивнѣе, но выпадали времена, когда оно принимало угрожающіе размѣры. И теперь оно дышало въ каждомъ ея жестѣ, въ каждомъ звукѣ ея вопіяній. Это тоже было нѣчто въ родѣ маніи—маніи жестокой, всеподавляющей, не признающей ничего, кромѣ себя, въ своемъ злобномъ ослѣпленіи. И такъ какъ ей, въ сущности, не къ чему было придраться въ отвѣтѣ дочери, то она унеслась совершенно въ другую сторону—тутъ были и упреки себѣ, что она имѣла глупость дать этой дряни—дѣвчонкамъ образованіе, были и зловѣщія предсказанія, до чего ихъ доведетъ это образованіе... Непостижимымъ скачкомъ мысли она дошла до окончательнаго умозаключенія, что гордыня и „ученость“ настолько ихъ собьютъ съ праведнаго пути, что имъ останется только одно—выйти на тротуаръ, не полакомится ли кто-нибудь на „образованныхъ“...

Пока мать говорила, или, вѣрнѣе, вопіяла, Женя растерянно смотрѣла въ полъ, и боясь, и находя, что все это возмутительно скучно... Впрочемъ, добрая половина „кислыхъ словъ“ пролетѣла мимо ея вниманія. Но соображеніе о „тротуарѣ“ позабавило ее. Она чуть-чуть усмѣхнулась про себя и пугливо глянула на мать, не замѣтила ли та.

На Аллу это подѣйствовало иначе. Выпрямившись и вся пылая, стояла она подъ градомъ брани. Пароксизмъ гнѣва, еще впервые охватившаго и ее самоё съ такой силою, все увеличивался. Она чувствовала себя взрослой, и эту взрослую не смѣли оскорблять!.. Да и, быть можетъ, нравъ матери зашевелился въ ней. Когда Ирина Васильевна, съ пѣной у рта, выкрикнула свою безобразную фразу о тротуарѣ, Алла порывисто протянула руку впередъ и секунду осталась полузадохшейся, безъ голоса въ судорожно стиснутомъ горлѣ.

— Довольно!—крикнула, наконецъ, она, шумно вдыхая побольше воздуху въ истерически трепещущую грудь: — слышите, довольно!..

Ея голосъ, странный, чужой, огрубѣвшій и хриплый, поразилъ старуху. Ее еще никогда никто не обрывалъ подобнымъ

тономъ. Вся посинѣвъ, она взвизгнула, какъ взвизгиваетъ лошадь, доведенная до бѣшенаго напряженія и непомѣрной тяжестью, которой она не можетъ сдвинуть съ мѣста, и нестерпимой болью ударовъ, сыплющихся на нее со всѣхъ сторонъ,—взвизгнула и заметалась, ища что-нибудь схватить, чтобы броситься на дочь. Женя, въ неописуемомъ ужасѣ, отпрянула къ двери, Алла же, сверкающими глазами замѣтившая жесты матери, неторопливо, тѣмъ же чужимъ и огрубѣлымъ голосомъ, крикнула:

— Перестаньте скандалить!! Слышите?!.. Я вамъ говорю пе-ре-стань-те! Не смѣйте ко мнѣ подходить... Я вамъ больше не позволю съ нами драться... Если вы сдѣлаете еще хоть одинъ шагъ ко мнѣ, пожалѣете... Стыдитесь!.. Мы не дѣти больше, которыхъ вы били всегда сколько хотѣли... Не смѣйте больше пальцемъ къ намъ прикоснуться, или...

Ирина Васильевна словно въ полуснѣ слушала дочь. Оскорбленный и раненый въ ней на-смерть деспотъ тоскливо и подавленно замолкъ. Въ ея душѣ ныла нестерпимая боль, точно по покойникѣ. Рядомъ съ этимъ все ярче и ярче вспыхивало у нея въ сознаніи огромное удивленіе передъ совершившимся,—удивленіе, передъ которымъ на время поблѣднѣло все остальное. Ошеломленная и уничтоженная, она кончила тѣмъ, что горько разрыдалась. Дѣвицы безъ помѣхи ушли въ свою комнату и заперлись на ключъ.

Послѣ этого тягостнаго инцидента наступило у Караваевыхъ не совсѣмъ пріятное житье. Всѣ находились въ какомъ-то напряженіи, точно горизонтъ еще не очистился отъ грозовыхъ тучъ, и непогода вотъ-вотъ можетъ разразиться снова. Даже мальчики присмирѣли. Съ утра до вечера изъ столовой по всему дому разносилось жужжанье Алеши и Кости, прилипшихъ къ своимъ учебникамъ. Витя взялся за чтеніе подаренной Аллою книги „О животныхъ". Гриши почти не было видно, и онъ отговаривался тѣмъ, что имѣетъ безплатныя занятія съ кѣмъ-то. Даже часто и обѣдать не являлся. Но что̀ было всего неожиданнѣе и, для дѣвушекъ, всего мучительнѣе—это отношеніе къ происшедшему Николая Ивановича. Онъ, обыкновенно, не вмѣшивался ни въ какія домашнія дрязги, во-первыхъ, потому, что это было чуждо его мягкой натурѣ; во-вторыхъ, за полнымъ отсутствіемъ свободнаго времени. Но на этотъ разъ онъ вдругъ проявилъ довольно активное участіе въ столкновеніи между женой и дочерьми. Участіе выразилось въ томъ, что онъ принялъ сторону Ирины Васильевны и, для перваго дебюта, смутно

разузнавъ въ чемъ дѣло, явился поздно вечеромъ въ комнату дочерей и изругалъ ихъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Смущенная и сконфуженная за отца, Алла не подняла даже на него глазъ въ продолженіе всей этой сугубо непріятной сцены. Ей было тяжело и конфузно за него до слезъ, когда онъ, не тронувшій ихъ пальцемъ и, лишь изрѣдка и то очень слабо, покрикивавшій на нихъ въ дѣтствѣ, кричалъ теперь, топалъ ногами и извергалъ безобразную ругань, заимствованную имъ отъ жены.

Женя, ни чуточки не боявшаяся отца, была болѣе удивлена и раздосадована, чѣмъ огорчена. Она, сидя на своей кровати, съ насмѣшливымъ любопытствомъ смотрѣла на отца, который былъ слишкомъ подслѣповатъ, чтобы замѣтить это. Ей хотѣлось улыбаться, когда онъ, красный и взъерошенный, сердито жестикулировалъ слабыми руками и комично подпрыгивалъ на одномъ мѣстѣ въ порывѣ негодованія.

— „Распѣтушился!.. Ишь его какъ", —думала она и удерживала не то зѣвокъ, не то усмѣшку.

Послѣ его ухода, Алла долго пролежала, уткнувъ лицо въ подушки и не обращая вниманія на то, что̀ болтала Женя. Слезы скупо просачивались сквозь сомкнутыя рѣсницы ея и высыхали на разгоряченныхъ щекахъ.

— Уйти, уйти отсюда,—думала она въ тоскѣ:—что за ужасъ остаться здѣсь!.. До самоубійства дойдешь.

Въ эту минуту ей казалось, что она совершенно равнодушна къ роднымъ и что могла бы безъ всякаго сожалѣнія разстаться съ ними хоть навсегда.

На слѣдующій же день послѣ „разгрома", дѣвушки принялись за домашнюю работу. Хотя онѣ и раньше дѣлали для себя все сами, убирали свою комнату, чистили свое платье и т. д., но теперь онѣ попытались дѣлать также, что̀ было возможно и для другихъ, убрали гостиную, вымыли цвѣты и привели въ порядокъ разбросанные и растрепанные учебники братьевъ. Ирина Васильевна не говорила съ ними и только проходя черезъ тѣ комнаты, гдѣ онѣ усердно и безмолвно возились, кидала на нихъ мрачные взгляды исподлобья. Она почти все свое время проводила въ кухнѣ.

Какъ-то утромъ, когда мать сильными взмахами огромнаго ножа дѣлила на куски говядину къ завтраку, явилась туда Женя съ кружечкой сливокъ, которыя ей нужно было вскипятить.

— Мама, можно взять эту кастрюльку? Мнѣ надо сливки кипятить,—дѣловито обратилась она къ матери, довольная тѣмъ, что вотъ она таки проявляетъ дѣятельность даже и въ кухнѣ.

Мать не откликнулась и не взглянула на нее, какъ будто Жени и не существовало вовсе. Та подождала нѣсколько секундъ и, убѣдившись, что ничего не дождется, слегка пожала плечами и вылила сливки въ кастрюльку. Черезъ нѣкоторое время Иринѣ Васильевнѣ понадобилось въ свою очередь поставить что-то въ печку и она рѣзко оттолкнула Женины сливки въ сторону такъ, что часть ихъ вылилась и жалобно зашипѣла, попавъ на уголья. Женя поспѣшила спасти хоть остальное.

— Чего путаешься подъ руки!—грубо крикнула на нее Ирина Васильевна, побагровѣвъ:—обойдется тутъ и безъ тебя! не лѣзь!!..

Женя вспыхнула отъ обиды. Схвативъ свои сливки, она сердито вылетѣла изъ кухни, громко проворчавъ:

— То лѣзь, то не лѣзь!.. Разбери васъ тоже... Ни съ воза, ни на возъ... вѣчно одна и та же исторія.

Когда Алла задумала починить бѣлье, поштопать братьямъ носки, наложить нѣсколько заплатокъ на ихъ рубашки, вышло не лучше. Она сидѣла въ гостиной и работала. Къ ней неожиданно подошла мать, взяла со стола заштопанный носокъ и принялась его разсматривать, восклицая съ необычайно недовольнымъ видомъ:

— Вотъ!.. вотъ!.. Что̀ она дѣлаетъ!.. Посмотрите, люди добрые!..

— Какъ умѣю, мама... Заштопано ровно, гладко, чего же еще?..

Но она даже откинулась назадъ къ спинкѣ своего стула, такъ какъ мать, безъ предупрежденія, вырвала изъ ея рукъ работу, крича:

— Усердіе на нее напало!.. Не просятъ твоей милости... Въ самомъ дѣлѣ думаете, что и не справятся тутъ безъ васъ. Если бы ты не удостоила заняться починкой, то мы бы ободраные тутъ ходили? Еще и вамъ поштопаемъ, не безпокойся. И получше твоего.

У Аллы руки опустились. Она начала убѣждаться, что матерью овладѣла какая-то странная ревность, ревность къ работѣ, за которую онѣ съ Женей брались. Насколько теоретически она считала для нихъ необходимымъ взять на себя часть хозяйственныхъ трудовъ, настолько практически ей показалось нестерпимымъ ихъ, яко бы непрошенное, вмѣшательство въ ея спеціальную сферу.

И дѣйствительно, цѣлый рядъ фактовъ, послѣдовавшихъ одинъ за другимъ, окончательно утвердилъ Аллу въ этомъ мнѣніи. Старуха систематически отстраняла ихъ отъ всего, что̀ при-

выкла считать „своимъ“ дѣломъ, и подъ конецъ дѣла приняли такой оборотъ, что будто молодыя дѣвушки сами посягнули раздѣлить съ нею ея хозяйскій престижъ, противъ чего она и возмутилась самымъ чистосердечнымъ образомъ. Она же потребовала отъ нихъ помощи, и она же, получивъ ее, обидѣлась на нихъ. Пришлось отказаться отъ дальнѣйшихъ пробъ помогать, и дѣвицы оказались оттѣсненными до того самаго пункта, на которомъ находились до разгрома.

— Стоило кутерьму затѣвать,—резюмировала всю эту исторію Женя:—поорать было нужно, ничего больше. Привыкла всѣми командовать, захотѣлось и насъ завести въ оглобли... А теперь сама не рада...

Алла промолчала и взялась за свои книги. Малокровіе ея усиливалось со дня на день. Мать искоса посматривала на нее, когда разсчитывала, что дочь этого не замѣтитъ, и удивлялась про себя, отчего это она не поправляется на родительскихъ хлѣбахъ.

— И ѣстъ же, сдается, хорошо, и ученья никакого нѣту больше, а все дохлая и дохлая... Ну ужъ и молодежь теперешняя—гниль одна,—думала она въ эти минуты, и сердце ея било тревогу.

Николай Ивановичъ, который чувствовалъ, что его прорвало весьма некстати, сконфуженно сторонился отъ дочерей. Въ случаяхъ же неизбѣжныхъ встрѣчъ за ѣдою былъ очень не разговорчивъ со всѣми вообще и держался по обыкновенію разсѣянно и добродушно.

Дѣвушки, что называется, молили Бога, чтобы въ это „смутное время“ не вздумали имъ нанести визитъ Рушиловы, и были чрезвычайно довольны, узнавъ отъ забѣгавшихъ къ нимъ Макитры и Лизы Бочковской, что интересный обладатель очаровательной бороды куда-то уѣхалъ. Отъ нихъ же онѣ узнали, что балъ окончившихъ восьмиклассниковъ будетъ на ярмарку, 15-го іюля, въ зданіи городского клуба. Идея необходимыхъ имъ, по мнѣнію Жени, новыхъ платьевъ заполонила все ея существо. Домашнія неурядицы отступили на второй планъ: некогда, да и неинтересно ей стало заниматься ими. Однажды, придя съ своихъ уроковъ, Гриша обратился къ Аллѣ:

— Ты у меня еще ни разу не была въ гостяхъ, Алла. Пойдемъ ко мнѣ на дачу.

Алла оставила свою книгу и, сказавъ: „хорошо“, пошла вмѣстѣ съ нимъ, немного оживившись.

— Вотъ какъ тутъ у тебя! Мнѣ ужасно нравится. Главное,

совсѣмъ отдѣльно отъ всѣхъ... Это—то̀, чему я всегда завидую. У меня еще никогда не было отдѣльной комнаты.

— Не правда ли, чудесный аппартаментъ? Мнѣ раньше и въ голову не приходило устроиться такъ. Только зимою жить здѣсь, я думаю, совершенно невозможно. Ну, да вѣдь зимою ужъ насъ тутъ не будетъ!

— Насъ!—грустно улыбнулась Алла:—говори пока о себѣ, Гриша. Мы съ Женей еще ничего не знаемъ.

— А знаешь ли, что̀ мнѣ кажется,—объявилъ Гриша:— Мнѣ кажется, что Женя вовсе не такъ мечтаетъ вырваться отсюда, какъ ты.

Алла помолчала съ минуту.

— Пожалуй... Если ей удастся обзавестись знакомствами... Очень можетъ быть...

Голосъ Аллы зазвучалъ отчужденіемъ отъ сестры. Гриша это замѣтилъ.

— Ну, что̀ же. Она совсѣмъ въ другомъ родѣ, чѣмъ ты,— проговорилъ онъ какъ бы вскользь, и спросилъ:—хочешь я тебя познакомлю съ кѣмъ-нибудь изъ моихъ товарищей? Сегодня кой-кто соберется ко мнѣ.

И замѣтивъ колебаніе, отразившееся въ чертахъ молодой дѣвушки, воскликнулъ:

— Тебѣ не хочется?.. Женя, я знаю, не пожелала бы имѣть съ ними дѣла, она, еще и понятія о нихъ не имѣя, уже дала имъ аттестаціи. Но ты...

— О! не подумай того, чего нѣтъ,—живо возразила Алла: —у меня просто по старой привычкѣ явилось-было соображеніе насчетъ мамы. Мнѣ было бы непріятно, если бы изъ-за этого вышли съ нею опять какія-нибудь недоразумѣнія. Но вѣдь она же не можетъ запретить, чтобы къ тебѣ приходили твои товарищи!

— Разумѣется, не можетъ! Но ворчать—тетя часто ворчала, что—то ко мнѣ „шляются“, то я „шляюсь неизвѣстно куда“,—проговорилъ Гриша:—ну, сюда ко мнѣ она не пожалуетъ, и ты вполнѣ безопасно можешь сидѣть здѣсь сколько тебѣ угодно.

— Такъ я приду. Когда это—вечеромъ?

— Да. Да я тебя позову... Ты увидишь самыхъ порядочныхъ и самыхъ талантливыхъ людей моего выпуска,—увѣренно казалъ онъ.—Я возлагаю на нихъ большія надежды.

— Интересно посмотрѣть,—улыбнулась Алла.—Вотъ, что̀ бы ы сказалъ, если бы познакомился съ Лёлей Басаргиной... Это эже „самый талантливый человѣкъ моего выпуска“. Я отъ нея

получила письмо недавно... Я тебѣ даже могу его дать прочитать, она не была бы въ претензіи. Какъ ты его найдешь.

Алла вынула изъ кармана письмо, съ которымъ не разставалась, и дала его Гришѣ.

— Прочти, потомъ скажешь... А я пойду, хочу до обѣда немножко погулять и поговорить съ Витей. Онъ, въ сущности, пресимпатичный мальчуганъ. Любознательный такой... Цѣлыя массы вопросовъ предлагаетъ—и такіе неглупые вопросы.

— Да, онъ ничего... Алеша и Костя гораздо тупѣе... Бился я съ ними, бился, трудно было вліять на нихъ. Ужъ очень тетя ихъ держитъ въ рукахъ, пусть бы она ихъ немного больше предоставляла самимъ себѣ... А то на глазахъ у нея шагу не смѣютъ ступить безъ ея разрѣшенія, а „за глазами" ведутъ себя далеко не ахти какъ. Дѣлаютъ вещи довольно некрасивыя. Пьютъ, напримѣръ... Да и вообще... А тетя не замѣчаетъ, гдѣ ужъ тутъ—ей и подозрѣніе не можетъ придти въ голову, слишкомъ она увѣрена, что это еще *дѣти*. Меня же они хоть и слушаются, но маловато.

Алла грустно и озабоченно покачала головой и ушла, прошептавъ:

— Бѣдные мальчики... Надо бы съ ними ближе сойтись.

Она внутренно упрекала себя, что до сихъ поръ держалась относительно ихъ довольно безразлично. Ей очень захотѣлось быть имъ полезной, но она совсѣмъ не представляла себѣ, какъ за это взяться.

Придя передъ ужиномъ звать Аллу къ себѣ наверхъ, Гриша сказалъ ей между прочимъ, возвращая письмо:

— Прочелъ... Видно, что написано неглупой особой. Но, мнѣ кажется, что врядъ ли я смогъ бы съ нею быть въ хорошихъ отношеніяхъ.

— Это почему?

Гриша выразительно сморщилъ носъ.

— Отъ этого письма попахиваетъ несимпатичнымъ мнѣ духомъ.

— Пустяки! Ты ее не знаешь! Она замѣчательная,—горячо заступилась за подругу Алла.—Хоть она и аристократка, и богачка, но несмотря на это, такая простая, такая сердечная.

Тутъ Алла прикусила язычокъ, вспомнивъ, что чего-чего, а сердечности не слишкомъ много въ письмѣ Лёли.

Гриша дернулъ плечомъ и ничего не отвѣтилъ.

На дачѣ она застала троихъ гостей. Всѣхъ ихъ она видѣла мелькомъ много разъ, но ни съ кѣмъ еще не была знакома.

Слегка смущенная, она протянула имъ поочередно руку, при чемъ Гриша называлъ фамилію: „Перель, Лошинскій, Козаченко".

Зарумянившись, Алла сѣла на табуретку, тогда какъ молодые люди размѣстились какъ попало,—двое на кровати, одинъ на не совсѣмъ исправномъ стулѣ, а хозяинъ устроился прямо на столѣ.

Разговоръ совершенно не вязался, такъ какъ никто изъ молодежи не обладалъ ни привычкой къ обществу, которая существуетъ въ болѣе культурныхъ странахъ, ни свѣтской дрессировкой, которая помогаетъ самымъ застѣнчивымъ людямъ избѣгать затруднительныхъ положеній.

Гриша первый рѣшился „взломать ледъ". Онъ расхохотался самымъ заразительнымъ образомъ и обратился къ честной компаніи съ слѣдующей интересной рѣчью:

— Право, это совершенно невѣроятно, до какой степени мы еще дикари! Собралась кучка „интеллигентовъ", и эти „интеллигенты" точно съ пескомъ во рту сидятъ, вмѣсто того, чтобы „обмѣниваться мыслями". Ну, вы, дикіе интеллигенты, вспомните же, есть ли у васъ языки!.. Какъ-то здѣсь были съ визитомъ Падиковъ и докторъ Михайловъ, такъ вѣдь это идеалы краснорѣчія сравнительно съ вами, господа.

Всѣ улыбнулись. Козаченко, сдѣлавшись пунцовымъ, сказалъ, стараясь быть развязнымъ:

— Не толкай насъ въ шею, первое знакомство вещь всегда нелегкая. Пока нащупаешь общую почву, на которую можно стать...

— Разумѣется, общая почва—самое главное,—вставилъ и Лошинскій.

— На какую же мы „общую почву" станемъ теперь, для того, чтобы благополучно начать обмѣниваться мыслями,—спросилъ практическій Перель, проведя растопыренной пятерней съ затылка къ маковкѣ, отъ чего огненная шевелюра его приподнялась на подобіе пѣтушьяго гребня.

— На какую? Гм!.. Н-на какую,—промычалъ Гриша въ нерѣшимости.

— Давайте говорить о томъ, кто что думаетъ предпринять послѣ каникулъ,—предложила Алла несмѣло.

— Ура!—крикнулъ Козаченко:—великолѣпная идея!

— Идея, конечно, отличная, но она исчерпывается четырьмя словами: „мы уѣдемъ въ университетъ",—тоненькимъ голосомъ прощебеталъ Лошинскій, кивая головою:—а изъ этого не выйдетъ никакого разговора...

— Анъ врешь, выйдетъ,—возразилъ Гриша:—первое дѣло является вопросъ—чѣмъ мы будемъ жить въ университетѣ... Вотъ тебѣ и тема...

— Д-да, тема,—не совсѣмъ увѣренно согласился Лошинскій:—и тема, надо сознаться, довольно фантастическая...

— Какъ?!—удивленно спросила Алла.

— Да такъ!.. Средства, которыя, напримѣръ, необходимы мнѣ для существованія и для ученья, существуютъ покуда только въ моемъ воображеніи,—съ готовностью объяснилъ онъ ей, сохраняя чрезвычайно серьезный видъ.

— А! — воскликнула Алла, и брови ея сочувственно изогнулись.

— Поищемъ уроковъ,—энергично тряхнулъ головою Козаченко.—Средства! Эка невидаль со средствами жить на свѣтѣ... Надо, пока что, и безъ средствъ рисковать... Ужъ какъ-ни-какъ, а я урокъ у кого-нибудь изъ горла выдеру.

— И я тоже,—подхватилъ весело Гриша, болтнувъ длинными ногами, свѣсившимися со стола.

— И я тоже,—меланхолически откликнулся Лошинскій, кивнувъ головою.

— И я тоже,—успокоительнымъ тономъ объявилъ и Перель и добросовѣстно прибавилъ:—Мнѣ мамаша будетъ присылать по пяти рублей въ мѣсяцъ—вотъ уже и квартира, господа... Я богаче васъ всѣхъ!

Мамаша Переля имѣла крохотную лавчонку-будку и торговала пуговицами, тесемками, дешевыми лентами, иголками, бумажными кружевцами и тому подобной дребеденью. Она, при помощи этой лавчонки, выкормила и поставила на ноги семерыхъ дочерей, изъ которыхъ пять уже были замужемъ, а двѣ, на средства сестеръ, учились за границей. При этомъ она носила лиловый парикъ, отличалась неописуемой худобой и обожала своего единственнаго сына. Насколько было извѣстно, сынъ платилъ ей полной взаимностью.

— Ну, вотъ видите: обмѣнъ мыслей начинаетъ идти на ладъ,—сказалъ Гриша, смѣясь.—Но и трудно же, говорятъ, уроками раздобыться, братцы, на первыхъ порахъ!

— А должно быть, трудно!—невозмутимо согласился Лошинскій.—Ну, что же, будетъ возможность узнать поближе—вкусна ли пища святого Антонія, или нѣтъ.

— Экая, подумаешь, бѣда,—презрительно пожалъ плечами Козаченко:—да и каждый изъ насъ, господа, немножко-таки знаетъ и теперь—вкусна ли эта пища!

— Я не знаю,—не громко откликнулся Гриша, опуская глаза и краснѣя. Онъ чувствовалъ, что смѣшно и нелѣпо краснѣть неизвѣстно по какой причинѣ, но все-таки покраснѣлъ.

— Ничего, узнаешь,—утѣшилъ его Лошинскій.

Перель вздохнулъ.

— Но неужели, господа,—азартно выкрикнулъ вдругъ Козаченко,—неужели мы остановимся только на этой сторонѣ нашей будущей университетской жизни?!.. Какъ будто уже нѣтъ и ничего болѣе интереснаго!... Цѣлый новый міръ развернется передъ нами, а вы...

— Это вѣрно, это вѣрно,—мечтательно подтвердилъ Лошинскій, кивая головой:—цѣлый новый міръ!

„Это вѣрно,—подумала и Алла, переставшая чувствовать себя неловко и съ любопытствомъ слушавшая и смотрѣвшая:—они ничего, симпатичные“,—слагалось у нея первое впечатлѣніе: „Гриша ихъ хвалитъ, говоритъ, лучшіе люди его выпуска... Но у нихъ такой дѣтскій видъ, даже голоса дѣтскіе... Уже люди!.. Развѣ?.. Да и гдѣ они, эти настоящіе люди? Есть ли они гдѣ-нибудь на свѣтѣ? Навѣрное же есть“!—она впала въ минутную задумчивость, но вниманіе ея привлекли слова Лошинскаго, который, повидимому, кому-то возражалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, напрасно ты такъ отрицательно относишься къ предвзятости... Ты говоришь, „предвзятыхъ мнѣній могутъ придерживаться только недобропорядочные люди“... Это зависитъ отъ того, какъ понимать самое слово предвзятость. Представь себѣ человѣка, который выходитъ въ жизнь какъ tabula rasa, не имѣя ни на что опредѣленной точки зрѣнія... Да вѣдь онъ же десницы отъ шуйцы не сумѣетъ отличить, въ впечатлѣніяхъ разобраться не сможетъ... Иное дѣло, если у него имѣется что-нибудь опредѣленное, хотя бы даже и ошибочное. Ошибку вѣдь можно исправить и пойти дальше...

— Да,—выпалилъ, перебивая его, Козаченко, довольный, что можно будетъ „припереть къ стѣнкѣ“ пріятеля:—да, но, въ концѣ концовъ, всѣ мы выходимъ въ жизнь какъ tabula rasa, не выносимъ же мы изъ чрева матери „предвзятыхъ“ идей! Разумѣется, оріентироваться въ той массѣ впечатлѣній, которыя получаетъ отовсюду человѣкъ, начинающій жить сознательно—трудно. Разумѣется, неизбѣжны ошибки, недоумѣнія, неясности. Но если у человѣка есть способность критически относиться къ воспринимаемому, онъ выйдетъ-таки на вѣрную дорогу. Вся суть, знаешь, въ способности относиться къ вещамъ критически,—критически, братецъ, а не предвзято!..

Алла кивнула головой въ знакъ согласія. Козаченко слегка вспыхнулъ. Ему было лестно. Лошинскій нисколько не былъ уязвленъ, что пріятель его опровергъ. Онъ имѣлъ вдумчивый видъ и молчалъ, какъ бы провѣряя то, что̀ собирается сказать. По всѣмъ его ухваткамъ, ставшимъ разсѣянными, обличающими сосредоточенность, было замѣтно, что онъ совершенно пересталъ смущаться и на Аллу обращалъ вниманія не больше, чѣмъ на другихъ.

— Гм, ты говоришь, мы входимъ въ жизнь безъ „предвзятыхъ идей"... Это, скажу я тебѣ, не совсѣмъ правильно... И потому не совсѣмъ правильно, что всякій новорожденный есть существо съ извѣстными физіологическими предрасположеніями, которыя, въ большей или меньшей мѣрѣ, смотря по условіямъ, непремѣнно будутъ имѣть вліяніе на его жизнь. Я подозрѣваю, что наше міросозерцаніе бываетъ врождено намъ, какъ какая-нибудь наслѣдственная болѣзнь. И если условія одни—міросозерцаніе или, къ примѣру, чахотка, имѣютъ всѣ данныя, чтобы опредѣлиться; если же условія другія—ни міросозерцанія, ни чахотки можетъ и вовсе не быть. Между нашей физической организаціей и нашимъ міросозерцаніемъ, милый другъ, несомнѣнно существуетъ нѣкая harmonia praedestinata, и я склоненъ думать, что наши взгляды суть продукты нашего тѣла. Даже вошло въ обычай говорить: „онъ пессимистъ, потому что у него желудокъ, или печень не въ порядкѣ"... Ну, и вотъ, когда мы говоримъ, что условія у человѣка были таковы, что у него не выработалось опредѣленнаго отношенія къ жизни—это и значитъ, что данный человѣкъ есть tabula rasa; если же условія помогли ему опредѣлиться, опредѣлить, съ чѣмъ въ мірѣ мысли гармонируетъ его физика—вотъ тебѣ и человѣкъ съ предвзятыми идеями. Ошибки происходятъ тогда, когда человѣкъ не имѣлъ достаточно случаевъ себя провѣрить; въ провѣркѣ себя,—вотъ въ чемъ долженъ проявлять онъ свои критическія способности. Точно такъ и въ наукѣ,—науку двигаютъ тѣ, кто умѣетъ создать смѣлую, новую гипотезу и, путемъ провѣрки фактовъ, сдѣлать гипотезу—истиной. Гипотеза въ этомъ случаѣ и будетъ „предвзятой идеей". Въ сущности, наши знанія, только и есть, что рядъ гипотезъ, принятыхъ за временную истину, такъ какъ съ возростаніемъ знаній вмѣсто одной гипотетической истины мы подставляемъ другую, третью и такъ далѣе, безъ конца... Мы только и идемъ впередъ при помощи „предвзятыхъ идей", золото ты мое!

Алла согласилась и съ этимъ, при чемъ подумала про себя,

какія умныя слова онъ говоритъ и какая она сама дура, если можетъ соглашаться и съ тѣмъ, и съ другимъ. Вотъ если бы Лёля была, та бы имъ показала!

Козаченко, припертый къ стѣнѣ въ свою очередь, принялся возражать Лошинскому и возражалъ такъ азартно, такъ суетился и такъ сюсюкалъ, что Алла не поняла ни единаго слова и безпомощно поглядывала то на Гришу, то на Переля, который слушалъ споръ съ неуловимой иронической улыбкой и усиленно грызъ ногти,—ему ужасно хотѣлось ѣсть, дома сегодня былъ такой тощій обѣдъ (бѣдная мамаша копитъ деньгу для его отъѣзда въ университетъ), и его молодой, хорошо работающій желудокъ тоскливо сжимался подъ шумокъ. Но онъ мужественно боролся съ идеей поѣсть чего-нибудь—безспорно самой неудобной изъ всѣхъ „врожденныхъ идей“...

Но Гриша вдругъ почувствовалъ неудовольствіе. Онъ разсердился и на Козаченку, пустое замѣчаніе котораго о предвзятости Лошинскаго вызвало споръ, разсердился и на Лошинскаго, прочитавшаго по этому поводу длинную и запутанную рацею.

— Да ну васъ, господа,—перебилъ онъ ихъ на самомъ интересномъ мѣстѣ:—все это старо до скуки. Еще Гёте сказалъ, что мы лѣземъ въ царство истины по лѣстницѣ гипотезъ... Я же отъ себя сказалъ бы, что мы все время лазимъ по самой истинѣ, зачастую и не подозрѣвая, что лѣземъ именно по ней. Не въ этомъ дѣло и... это не существенно, куда и по чемъ мы лѣземъ... этого мало...

Гриша замѣтилъ самъ, что говоритъ не то, что̀ хочетъ сказать, и остановился, не умѣя выразить того, что̀ хотѣлъ. Ему ясно до очевидности казалось, что разъ собрались вмѣстѣ такіе неглупые, способные и сильные люди, въ каковыхъ качествахъ этихъ людей онъ еще ни на минуту не усомнился,—разъ ужъ они собрались, слѣдуетъ разговаривать не о какихъ-нибудь вопросахъ десятистепенной важности, а о чемъ-то насущномъ, животрепещущемъ, не могущемъ ждать. Онъ чувствовалъ, что это насущное живетъ не только въ его мысли, но что живой пульсъ этой живой всеобщей потребности бьется гдѣ-то тутъ, близи, рядомъ со всѣми ними. И онъ не умѣлъ найти названія ому, чему рвался отдать всѣ свои нетронутыя силы.

Перель внимательно смотрѣлъ на него, ожидая, что̀ же онъ скажетъ дальше, и его темные, длинные, красивые глаза улыбались улыбкой сфинкса. Въ это мгновеніе онъ показался Аллѣ ярше всѣхъ. Она обвела ихъ испытующимъ взглядомъ и вспо-

мнила слова своего учителя исторіи, единственнаго, оставившаго пріятныя воспоминанія по себѣ у своихъ ученицъ: „молодые славянскіе народы—народы безъ традицій. Ихъ историческое прошлое не успѣло наложить на нихъ рѣзко-опредѣленныхъ индивидуальныхъ чертъ и они глядятъ въ будущее очами ребенка, мысль котораго едва пробудилась". Переводя взоры съ одного юношескаго лица на другое, Алла остановилась на физіономіи еврея и подумала: „у этого есть традиціи—не знаю только, какія... Но онѣ-то и придали ему это выраженіе, съ которымъ онъ наблюдаетъ Гришу". Она пришла къ заключенію, что Перель даже недуренъ собой, если привыкнешь къ его краснымъ волосамъ. Что-то аристократическое, тонкое сказывалось въ чертахъ его, даромъ, что его мать вотъ ужъ около пятидесяти лѣтъ утаптываетъ, зимой и лѣтомъ, земляной полъ своей лавчонки. Наконецъ, Гриша, совсѣмъ отчаявшись въ своей сообразительности, развелъ руками и обезкураженно заявилъ:

— Ахъ, господа, мы разговариваемъ не о томъ, о чемъ нужно, но—о чемъ нужно, я совершенно не умѣю сказать, хотя знаю очень хорошо...

Ему даже не дали окончить, до того всѣмъ стало смѣшно.

Перель смѣялся отъ души юнымъ, звонкимъ смѣхомъ, который больше всего говорилъ о его возрастѣ.

— Хочешь, я за тебя скажу,—предложилъ онъ сквозь смѣхъ Гришѣ, и на умоляющее восклицаніе того—„р-ради Бога", началъ говорить, становясь все серьезнѣе и серьезнѣе.

— Мы еще впервые послѣ раздачи намъ нашихъ документовъ видимся всѣ вмѣстѣ,—быть можетъ, опять пройдетъ нѣкоторое время до того, что мы столкнемся всѣ заразъ. Вотъ тебѣ и не хочется терять времени на пустяшные разговоры. Ты хочешь, если можно столь смѣло выразиться, безъ дальнѣйшихъ отклоненій въ разныя стороны, устремиться прямо къ сути вещей; ты хочешь приняться за разрѣшеніе тѣхъ вопросовъ, которые тебѣ представляются главными въ жизни и стоящими впереди всего остальнаго. Я весьма тебѣ сочувствую, но долженъ замѣтить, что эти вопросы удивительно похожи на прописныя „общія мѣста", попадающіяся въ хорошихъ книгахъ. Вотъ тебѣ, напримѣръ: что̀ нужно сдѣлать, чтобы всѣмъ было хорошо жить на свѣтѣ? Плохой вопросъ, по-твоему?

— Превосходный, — горячо крикнула Алла, краснѣя:—это самый первый изо всѣхъ, всѣхъ вопросовъ!

Перель остановилъ на ней на секунду свои выразительные глаза и продолжалъ:

— Другой вопросъ — что *мы* должны сдѣлать, чтобы людямъ лучше жилось? И это не худо, а? И много еще можно „спросить“ въ этомъ родѣ... Довольно пока и этого, не правда ли?

— О, болѣе, чѣмъ достаточно, — улыбнулся Гриша, немного смущаясь: — но это звучитъ, знаете ли, слишкомъ... сильно! Мои мысли ты угадалъ, но выразилъ ихъ черезчуръ... какъ бы сказать... энергично, что ли...

— Отчего же это „слишкомъ сильно“, — перебилъ его Козаченко, схватываясь со стула: — наоборотъ, это только какъ разъ то̀, что̀ слѣдуетъ... Эхъ, ты, осторожникъ!.. Къ чему эта вѣчная оглядка, вѣчный педантическій разсчетъ... Вотъ ужъ, право...

— Оглядка? Разсчетъ? — переспросилъ Гриша, задѣтый: — ну, а предположи, дружище, что всѣ мы „лѣземъ въ царство истины по лѣстницѣ гипотезъ“ и лѣземъ не порожнякомъ, а обремененные нѣкоторой ношей, которую мы добровольно и по убѣжденію на себя взвалили... Неужели же не слѣдуетъ быть осторожнымъ, хотя бы и до педантизма?.. А, помилуй Богъ, не разсчитавъ силъ, да ухнешь оную ношу прямо на голову „лѣзущимъ“ сзади?.. Хорошо, небось, выйдетъ?

— Молодецъ, Гришуха, молодецъ, — захлопалъ въ ладоши Лошинскій, придя въ восторгъ и даже ногами, было, затопалъ.

Но Гриша шикнулъ на него, предсказывая ему, что онъ провалится сквозь полъ и попадетъ прямо въ кухню, къ Иринѣ Васильевнѣ въ гости.

— По-моему, Гриша правъ, конечно, желая поставить дѣло нѣсколько болѣе узко и опредѣленно, — спокойно и увѣренно сказалъ Перель: — вѣдь несомнѣнно же, что раньше, чѣмъ браться за разрѣшеніе предложенныхъ мною вопросовъ — мы должны многому, ужасно многому поучиться. И эта наука должна включать въ себя не только науки, но и самую жизнь, какъ она есть...

— Потому что учимся-то мы, въ сущности, для того, чтобы жить, а не живемъ для того, чтобы учиться, — окончилъ вмѣсто него Гриша, встрепенувшись: — вѣдь для того, чтобы умѣть наилучше воспользоваться жизнью и наиболѣе изъ нея извлечь — нужно учиться, братцы? Конечно, я не лично о себѣ говорю, а обо всемъ человѣчествѣ. Оно и учиться, и вѣчно куда-то стремиться должно во имя жизни и жизни... Братцы, вѣдь — „жизнь для жизни намъ дана“?.. Такъ?.. Это великій умъ сказалъ — Пушкинъ, Лермонтовъ, Некрасовъ — забылъ сейчасъ... Но кто бы ни сказалъ — за эти одни слова да будетъ онъ великъ до скончанія вѣка!

— Ого, въ пророческомъ стилѣ заблаговѣстилъ, — криво усмѣхнулся Козаченко, чувствуя себя нѣсколько ущемленнымъ, что не онъ додумался до такихъ замѣчательныхъ вещей, какъ „жизнь для жизни“.—А не знать, кто сказалъ этотъ стихъ— скандалъ!

— И пусть, не въ этомъ дѣло, — отвѣтилъ Гриша,—а въ томъ, что не всѣмъ извѣстна эта простая истина! И сколько поэтому путаницы, сколько затрудненій создаютъ себѣ сами люди! И чѣмъ бы очищать свое недолгое существованіе отъ всего ненужнаго, отъ всякихъ злобныхъ и эгоистическихъ призраковъ,— высокомѣрной вражды, нежеланія понимать другъ друга—они наваливаютъ между собой и жизнью цѣлыя горы всяческихъ предразсудковъ и во весь свой вѣкъ изъ-за деревьевъ лѣса не могутъ увидѣть!

— Ну, мы-то увидимъ, — какъ бы защищаясь, торопливо вставилъ Козаченко:—мы же понимаемъ, что всѣ предразсудки нужно отправить къ дьяволу!

— Не отправь только вмѣстѣ съ ними по ошибкѣ чего-нибудь и путнаго, — засмѣялся Гриша:—не хватайся черезчуръ поспѣшно. Это—нецѣлесообразно.

— Но зато цѣлестремительно, — торжествующе выкрикнулъ Козаченко, счастливый, что такъ великолѣпно съострилъ и не подозрѣвающій, какую новую ступеньку въ „лѣстницѣ гипотезъ“ недавно еще обозначало собою это слово.

Всѣ одобрительно отнеслись къ этому словечку, а Гриша такъ даже сказалъ „браво!“ Козаченко окончательно вдохновился:

— Трудно, господа, дѣлать великое дѣло (о, какъ они всѣ были убѣждены, что будутъ дѣлать именно великое дѣло!)—и дѣлать его равнодушно и медлительно! Лучшіе люди наши дѣлали его, „упорствуя, волнуясь и спѣша“. И никто имъ этого въ упрекъ не ставилъ—умѣли понимать, что есть вещи, которыхъ человѣчество и безъ того ждетъ слишкомъ долго. Вотъ почему, на мой взглядъ, лучше ошибаться и грѣшить излишней поспѣшностью, нежели изъ-за щепетильной осторожности людей, не желающихъ впадать въ ошибки (потому что „каплетъ“-то въ сущности не надъ ними)—все размѣривать, да разсчитывать, ожидая у моря погоды. Господа, не всѣ могутъ ждать! Наплевать на то, что возможны ошибки—все-таки нужно идти напроломъ—впередъ и впередъ!

Алла согласилась и съ этимъ, при чемъ ощутила глубочайшее внутреннее убѣжденіе, что она самый несамостоятельный чело-

вѣкъ на свѣтѣ—„всѣ на меня вліять могутъ... Кто что ни скажи, а я ужъ и согласна!.. Однако, они, въ самомъ дѣлѣ, ничего себѣ... А вотъ я такъ дѣйствительно была похожа на Женю, когда, ничего еще не взвѣсивши, приняла ихъ за дѣтей... Такіе ли дѣти бываютъ!..“

И молодая дѣвушка не безъ уваженія посмотрѣла на каждаго поочередно, растроганная мыслью, что кто-нибудь изъ нихъ, пожалуй, будетъ великимъ бойцомъ „на поприщѣ общественной дѣятельности“. Только, кто,—пыталась она разгадать загадку будущаго,—кто? И съ безсознательнымъ почтеніемъ къ предстоящему величію котораго-нибудь изъ ея новыхъ знакомцевъ, она искала въ ихъ юныхъ чертахъ хоть намека на то, чего и отъ кого можно и слѣдуетъ ждать. Лица Козаченки и Лопшинскаго, возбужденныя и какъ бы даже вдохновенныя, показались ей теперь очень похожими одно на другое по выраженію. Что составляло характеристическую черту этого выраженія, она не умѣла уловить, но склонна была счесть ею тотъ молодой, пылкій энтузіазмъ, который у Козаченки переходилъ порой прямо въ крикливый азартъ. Гриша и Перель имѣли болѣе сдержанный видъ и въ послѣдніе моменты нѣсколько даже холодный, быть можетъ, по чувству противорѣчія. Изъ продолговатыхъ и узкихъ глазъ еврея ровно и упрямо блестѣла рѣшительность—спокойная, понимающая себя и знающая себѣ цѣну. Что онъ думалъ о себѣ — врядъ ли кто зналъ, но, вѣроятно, думалъ о себѣ много, какъ и всякій очень молодой человѣкъ, ощущающій въ себѣ хоть какія-нибудь силы. Кто выходитъ впослѣдствіи неудачникомъ—по недостатку ли истинныхъ дарованій, или потому, что плохія условія одерживаютъ верхъ—тотъ до конца дней своихъ благоговѣйно вспоминаетъ о томъ священномъ времени, когда вѣра въ себя еще не успѣла угаснуть отъ леденящаго дыханія сомнѣній въ своихъ силахъ. У чьей же колыбели стояла фея удачи—о томъ говорятъ, что онъ вполнѣ правъ, если не скрываетъ своей самоувѣренности, — вѣдь это не болѣе, какъ объективно-правильная оцѣнка собственныхъ талантовъ.

— Идти напроломъ,—тихо и спокойно произнесъ Перель, ни къ кому въ особенности не обращаясь, но уже самымъ тономъ голоса обнаруживая несогласіе съ этимъ положеніемъ:—тупо, радѣя о всеобщемъ благѣ, дѣйствовать съ стихійной необдуманностью... На то намъ и разсудокъ данъ, чтобы умѣть выбирать наименѣе опасныя дороги. Нужно цѣнить и свою личность... Нельзя считать, что именно „моя“ жизнь—копѣйка. Если „моя“ — копѣйка, то и всякая другая — тоже копѣйка...

Отсюда прямой выводъ, что нечего о всѣхъ этихъ копѣйкахъ и хлопотать... Только тотъ, мнѣ кажется, и способенъ по настоящему принять къ сердцу интересы человѣчества, кто дорожитъ сознательно и собственными интересами. А то иначе мы уподобимся тѣмъ фанатикамъ, что бросаются подъ колесницу божества во славу чортъ знаетъ кого и чего! Мое мнѣніе, что ad majorem gloriam hominis можно сдѣлать что-нибудь лучшее, чѣмъ посадить себя на рожонъ... Я и самъ хочу быть счастливъ!

— Не слишкомъ ли, дяденька, жирно будетъ,—язвительно спросилъ Лошинскій, кидая на пріятеля разгнѣванные взоры:— эдакъ, пожалуй, и до апологіи карьеризма можно доѣхать. Ого-го, знаемъ мы!.. Всегда съ такихъ поблажекъ самому себѣ начинается... Потомъ, смотришь, у либеральнаго санкюлота вдругъ обнаруживается и домикъ, и капиталецъ и все такое прочее— тогда ужъ разговоры начинаются совсѣмъ въ другомъ тонѣ...

Перель усмѣхнулся, взглянулъ на Гришу, затѣмъ на Аллу и добродушно возразилъ:

— Далеко еще, другъ милый, до апологіи карьеризма... Не тѣмъ пахнетъ.

— А чѣмъ же?—задорно вмѣшался Козаченко.

— А дымомъ, — невозмутимо отвѣтилъ тотъ: — что̀ это, въ самомъ дѣлѣ?..

Алла неудержимо расхохоталась.

— Это труба слегка дымитъ... Ужинъ у насъ готовятъ...

— То-то я и почувствовалъ...

Да, онъ почувствовалъ. Сдвинувъ брови, онъ подавилъ желаніе спросить чего-нибудь поѣсть и еще рѣшительнѣе повторилъ про себя мысленно: „да, да, я хочу быть счастливъ и самъ!..“

Алла встала.

— Ну, мнѣ пора внизъ... До свиданія... Надѣюсь, еще увидимся...

— О, конечно, разумѣется,—единогласно отвѣтствовали молодые люди, тоже поднявшись съ мѣстъ: — будете на нашемъ „балу“?

— Не знаю... Вѣроятно...

— Будьте, будьте, обязательно... Увидите весь нашъ выпускъ, всѣ обѣщали съѣхаться,—наперерывъ приглашали ее они.

— Постараюсь...

— А знаете ли, братцы, не предпринять ли намъ на дняхъ прогулку куда-нибудь—въ лѣсъ, что ли,—подалъ мысль Гриша:— ты, Алла, пойдешь съ нами, можетъ быть, Женя захочетъ...

— Посмотримъ,—неопредѣленно отозвалась Алла, пожимая

протягивающіяся къ ней руки. Прощаясь съ Перелемъ, она вскинула на него внимательные глаза свои и еще разъ подумала:

„Пустяки, что рыжій... Англичане почти всѣ рыжіе“...

IX.

Спустя дня три, Алла получила еще письмо отъ Лёли, и были „съ визитомъ“ Рушиловы. Лёля уже отвѣчала на Аллино письмо, и этотъ отвѣтъ былъ коротокъ: „Милочка моя, вижу я, или, вѣрнѣе, читаю у тебя между строкъ, что ты хандришь. Ахъ, какъ я это понимаю—я и сама всегда имѣла такую склонность къ сплину! Просто, временами смотрѣть ни на что не хочется! Вотъ и сейчасъ—мнѣ даже писать трудно... Правда, я слишкомъ многое пережила въ эти дни, но объ этомъ когда-нибудь послѣ... Удивилась ли бы ты, Алла, если бы я къ тебѣ пріѣхала погостить? Право, предчувствуется мнѣ, что я, какъ снѣгъ на голову, явлюсь къ тебѣ въ одинъ прекрасный моментъ. Вѣдь будешь же ты довольна? Писать — скучно, а мнѣ такъ, такъ хочется говорить съ тобой“...

И больше ничего, даже подписи не было. Алла только глазами похлопала.

Рушиловыхъ приняли изысканно-любезно, по крайней мѣрѣ было сдѣлано для этого все, что возможно. И то сказать—уже одно появленіе Рушилова въ глухомъ закоулкѣ, гдѣ жили Караваевы, произвело такую сенсацію, что во всѣ окна, мимо которыхъ ему съ кузиной пришлось пройти, высовывались физіономіи съ выпученными отъ любопытства глазами. Хромая панна Хотынская едва не сломала себѣ и другой, ещё цѣлой, ноги, бросившись изъ комнатъ въ свой садикъ, чтобы поближе разглядѣть необычайнаго посѣтителя этихъ пустынныхъ краевъ.

— Мамо, то до Караваевыхъ паненокъ, пѐвно,—крикнула она черезъ окно матери, больной водянкою и не подымающейся съ постели.

Больная раскрыла остеклянившіеся глаза, и въ нихъ еле уловимо вспыхнулъ огонекъ того любопытства, которое у обитателей многочисленныхъ медвѣжьихъ угловъ нашей обширной родины сильнѣе самой смерти.

— Вйдаць, жениться хце, — промычала она, преодолѣвая смертельную одышку.

Визитъ былъ скученъ, какъ осенній дождь. Разговоры еле-е клеились въ началѣ и если бы не безконечное обиліе раз-

ныхъ угощеній, предложенныхъ гостямъ польщенной Ириной Васильевной, то Алла совсѣмъ не знала бы, что ей дѣлать. Зина Рушилова и Женя болтали о чемъ-то интимно, усѣвшись возлѣ фортепіано и почти не вмѣшиваясь въ общую бесѣду. Видя себя вынужденной „занимать“ гостя, Алла дѣлала нечеловѣческія усилія найти хоть сколько-нибудь сносную тему и не могла. А гость, попивая чай, молчалъ и любезно смотрѣлъ на нее добродушными глазами, странными на его лицѣ, обрамленномъ громадной черной бородою и волнистыми изгибами красивыхъ сѣдыхъ, какъ серебро, волосъ. Нужны были бы какіе-то иные глаза, чтобы сдѣлать его наружность законченной и опредѣленной, а то на Аллу она произвела впечатлѣніе чего-то недодѣланнаго, негармоничнаго, неполнаго.

Съ превеликимъ трудомъ набрела она на тему о театрѣ, и вотъ когда онъ разговорился. Она почти задремала, выслушивая его тягучіе монологи о пьесахъ и артистахъ московскаго Малаго театра, который онъ посѣщалъ въ бытность свою студентомъ. Женя изъ своего, съ умысломъ выбраннаго, уголка, бросала на него зажигательные взоры, но вскорѣ убѣдилась, что это занятіе абсолютно безполезное,—онъ не замѣчалъ ничего. Онъ говорилъ и говорилъ, съ видимымъ наслажденіемъ прислушиваясь къ собственнымъ рѣчамъ, и если смотрѣлъ на присутствующихъ, то только затѣмъ, чтобы слѣдить за впечатлѣніемъ, какое онъ производитъ. Притомъ онъ обладалъ той рѣдкой и счастливой способностью, которая не даетъ замѣчать непріятныхъ эффектовъ, а доводитъ ихъ до сознанія лишь исключительно въ пріятномъ видѣ. Даже сонное состояніе слушателей, въ глазахъ оратора, при помощи этого магическаго дара превращается въ сосредоточенное вниманіе. На укрѣпленіе этого дарованія очень благопріятно вліяетъ какъ прекрасное матеріальное положеніе человѣка, такъ и связанное съ этимъ всеобщее ухаживаніе. Рушиловъ являлся типичнымъ образчикомъ влюбленности въ собственное краснорѣчіе—изъ тѣхъ, что способны, когда попадутъ на излюбленнаго конька, заговорить до полусмерти своего ближняго, воображая, что тотъ слушаетъ не наслушается. Старики посидѣли, посидѣли, да и ушли, вѣрные своей системѣ предоставлять гостей дочерямъ, а Рушиловъ все говорилъ и говорилъ... Всѣ попытки Жени привлечь его интересъ къ своей персонѣ остались безъ успѣха, что, въ совокупности съ вѣжливой обязанностью притворяться тоже слушающей его разглагольствованія, довело ее до неистовства.

— Не хотите ли варенья!—изнеможенно восклицала Алла

когда онъ умолкалъ на секунду, чтобы перевести духъ. Тотъ дѣлалъ равнодушный жестъ:—что, молъ, варенье!—и, разсѣянно придвигая къ себѣ блюдечко, продолжалъ говорить.

Прощаясь, онъ долго жалъ руку Аллѣ, смотря на нее своими, обращенными въ глубину самого себя, глазами и въ его представленіи стоялъ въ эту минуту образъ дѣвушки, которая внимала ему до самозабвенія, счастливая возможностью послушать такого виртуоза.

— А посѣдѣлъ онъ-таки не отъ мудрости,—устало сказала она Женѣ, проводивъ ихъ съ кузиной до воротъ и возвращаясь назадъ.

— Сволочь, больше ничего! — раздражительно крикнула Женя:—деньги есть, вотъ и ломается... Прорвало его, каналью... Ну, попади онъ въ мои руки...

— Неужели ты была бы способна выйти за такого...

Женя рѣзко разсмѣялась.

— Ужъ не испугалась ли бы я его словеснаго поноса,—цинично отвѣтила она:—плевать мнѣ на это... Лучшаго жениха, милая, не дождешься здѣсь... Пусть бы женился только, а ужъ я бы съумѣла устроиться въ свое удовольствіе... Да онъ же и недуренъ... Всѣ бы, душа моя, завидовали еще!

Алла вздрогнула.

Женя, наклонивъ голову на бокъ, пристально посмотрѣла на нее.

— Помнишь, милая, басню о разборчивой невѣстѣ? Помнишь?.. Ну, такъ и помни! Амплуа старыхъ дѣвъ не въ моемъ вкусѣ...

Идею Гриши, предпринять прогулку куда-нибудь, она встрѣтила сочувственнѣе, чѣмъ можно было ожидать.

— Только позовемъ еще Макитру и Лизу,—сказала она:—чѣмъ больше компанія, тѣмъ интереснѣе.

Но восторгу ея не было границъ, когда Гриша сообщилъ ей, что обѣщалъ быть и Пагассовскій, который часто пріѣзжалъ изъ деревни пить пиво и играть на билліардѣ въ единственномъ на весь городокъ ресторанѣ „Букетъ удовольствій“.

— А ты съ нимъ дружишь? — нѣсколько удивленно спросила у Гриши Алла.

— Какая дружба!.. Я съ нимъ со второго класса на одной скамейкѣ сижу, привыкъ. У насъ ничего общаго... Онъ ужасно недалекій... хотя добрякъ. Скоро вѣдь судьба раскинетъ насъ въ разныя стороны, тогда ужъ не увидимся, можетъ быть, и совсѣмъ... А пока...

Задумали идти въ такъ-называемую Монастырскую рощу—небольшой, но красивый лѣсокъ верстахъ въ трехъ отъ города. Предполагалось захватить съ собою провизію, самоваръ и лакомство съ тѣмъ, чтобы провести тамъ цѣлый вечеръ. Хозяйственную часть, т.-е., проще говоря, угощеніе на свой счетъ всего общества бралъ на себя Пагассовскій, какъ единственный „капитальный“ человѣкъ изо всѣхъ. Ирину Васильевну рѣшено было надуть, сочинивъ, что дѣвушекъ пригласила къ себѣ Макитра на именины и что, по всей вѣроятности, вернутся онѣ не такъ рано.

— Только вѣдь въ рощу много разнаго народу шляется,—въ раздумьѣ соображала вслухъ Женя:—а увидитъ кто-нибудь и сболтнетъ нашимъ—бѣда будетъ...

Тутъ ужъ Алла только рукой махнула:

— А, все равно!.. Не одинъ предлогъ, такъ другой, а исторіи всегда будутъ...

За обѣдомъ, въ этотъ же день, Николай Ивановичъ объявилъ дочерямъ, что директоръ безусловно обѣщалъ ему похлопотать пока за одну изъ нихъ, чтобы ее приняли классной надзирательницей на освободившееся мѣсто Голубовской, у которой чахотка въ послѣднемъ градусѣ.

— Говорили, бронхитъ тамъ у нея какой-то, кашель простудный!—съ негодованіемъ восклицалъ онъ, устало хлебая супъ:—понимаютъ они, эти болваны—доктора!.. Человѣку, можетъ, и мѣсяца жизни не осталось, а они ему — бронхитъ у васъ, поѣзжайте куда-нибудь, поправитесь...

И въ тонѣ его утомленно добродушнаго голоса звучала безсознательная жестокость, этотъ тонъ говорилъ: „коли больна, такъ и умирай, не обманывай ни себя, ни другихъ напрасной надеждой и уступай мѣсто тѣмъ, кто еще долженъ какъ-нибудь прожить на свѣтѣ“.

Сестры переглянулись. Алла почувствовала, какъ у нея похолодѣло въ груди и закололо въ кончикахъ пальцевъ, державшихъ ложку. Она отодвинула тарелку.

„Вотъ оно, вотъ оно“, — съ ужасомъ подумала она, зажмурясь. Гриша, увидѣвъ, что она поблѣднѣла до самыхъ губъ, толкнулъ ее подъ столомъ ногою, чтобы привести ее въ настоящій видъ, но это средство не помогло.

А Николай Ивановичъ, ничего не подозрѣвая, продолжалъ:

— Разсказалъ я директору, какъ прекрасно вы окончили, про Аллину медаль разсказалъ... Онъ прелюбезно выслушалъ меня и, пожавъ мнѣ руку, сказалъ, что предпочтеніе передъ

всѣми будетъ оказано медалисткѣ... „Мы всегда отличаемъ прилежаніе и доброе поведеніе“...

Можетъ быть, и еще что-нибудь прибавилъ бы Николай Ивановичъ, но Алла, желтая, какъ мертвецъ, тяжело и неловко прислонясь къ спинкѣ стула—поползла внизъ, на полъ. Съ ней случился обморокъ, первый въ ея жизни.

Переполохъ произошелъ чрезвычайный. Ирина Васильевна подняла вопль, какъ надъ покойницей. Отецъ, блѣдный и растерянный, безпомощно озирался по сторонамъ, не зная, какъ и чѣмъ помочь. Одинъ Гриша не потерялся. Схвативъ безчувственную дѣвушку въ охапку, онъ отнесъ ее къ ней въ комнату, велѣлъ Женѣ разстегнуть ея платье и, набравъ воды въ ротъ, не долго думая, обрызгалъ ее всю съ ногъ до головы. Эта мѣра оказалась радикальной, Алла вздохнула съ слабымъ стономъ и пришла въ себя. Ее трясло, какъ въ пароксизмѣ лихорадки. Мать заботливо укутала ее своей старой шубкой на заячьемъ мѣху,—шубкой, которую Алла помнитъ съ самаго ранняго дѣтства. Этой шубкой ихъ всегда укрывали, когда имъ случалось хворать, и ея нѣжный, сѣрый, слегка вытертый мѣхъ пріятно подѣйствовалъ на нее и теперь успокоивающимъ прикосновеніемъ своимъ. У нихъ, у дѣтей, всегда считалось особеннымъ удовольствіемъ укрываться маминой шубкой. Аллѣ заварили чаю, принесли малиноваго варенья, завѣсили окно и велѣли мальчикамъ не шумѣть. Алла принимала эти ухаживанія какъ сквозь сонъ, довольная, что можетъ сейчасъ не думать ни о чемъ тяжеломъ. Напившись чаю, согрѣтая, она и впрямь задремала легкимъ сномъ молодости, у которой есть тысячи способовъ оградить и исцѣлить себя отъ разрушающихъ потрясеній. Уже къ вечеру ей стало лучше.

Испуганная припадкомъ дочери больше, чѣмъ предполагала сама, Ирина Васильевна безъ труда согласилась отпустить ихъ „на именины“ къ Макитрѣ.

— Только, можетъ быть, мы вернемся поздно,—дипломатически предупреждала ее Женя:—такъ ужъ чтобы вы не сердились... Намъ не по пяти лѣтъ, чтобы вмѣстѣ съ курами спать укладываться...

— Не ночевать же вы тамъ собираетесь, — почти кротко отвѣтила на это Ирина Васильевна:—Макитру я знаю, Макитра шарлатанъ-дѣвка, вечера ей да балы на умѣ, ничего больше... Она бы и ночей не спала, лишь бы ей повернуть хвостомъ... Мои дочери не должны такъ себя держать...

— Ахъ, знаемъ мы сами, какъ себя держать, — отвѣтила Женя и исчезла, увлекая за собой сестру.

Компанія, по предварительному условію, сошлась на старомъ католическомъ кладбищѣ, прекратившемъ свои функціи и превращенномъ въ садъ на окраинѣ городка. Дорогіе, а зачастую и художественно прекрасные памятники, понаставленные надъ могилами родовитыхъ польскихъ пановъ и ихъ женъ и дочерей, дѣлали прогулку по этому саду не только поэтичной, но и занимательной. Многіе туристы спеціально заѣзжали въ эту глушь за тѣмъ, чтобы взглянуть на группу Кановы, красующуюся въ капеллѣ надъ прахомъ красавицы княжны Ольшанецкой, погибшей жертвою нераздѣленнаго и несчастнаго чувства. Поникшія вѣтви стройныхъ и печальныхъ ивъ меланхолически осѣняютъ бѣлую, граціозную, какъ мечта, часовенку, заключившую въ себѣ сокровище любви и искусства.

Но юная компанія, собравшаяся здѣсь, далека была отъ элегическаго настроенія, навѣваемаго элегической обстановкой. Взрывы безпечнаго смѣха дерзко нарушали задумчивое безмолвіе полныхъ тѣни и нѣжной грусти аллей.

Звонкій хохотъ и веселые возгласы молодежи привлекли вниманіе цѣлой стаи воробьевъ, разсыпавшейся по окрестнымъ деревьямъ въ ожиданіи поживы: неравно вздумаютъ эти огромныя, нелѣпо кричащія существа поѣсть тутъ чего-нибудь и оставятъ на травѣ объѣдковъ и крошекъ!.. Покуда сторожъ вздумаетъ убрать это и подмести, какое пиршество можно будетъ устроить, когда неуклюжіе крикуны, неспособные подлетѣть даже до верхушки самаго низенькаго кустика, уберутся прочь! И взапуски съ воробьями, чирикающими изо всей мочи, молодые люди оживленно болтали и смѣялись, поджидая запоздавшую Лизу Бочковскую. Галантный кавалеръ Пагассовскій угощалъ барышенъ конфектами изъ хорошенькой бонбоньерки, которую Женя не замедлила выпросить себѣ подъ перчатки.

Наконецъ, Лиза пришла вся запыхавшаяся, съ личикомъ, раскраснѣвшимся отъ быстрой ходьбы и волненія. По слегка припухшимъ вѣкамъ ея можно было предположить, что она плакала. Только-что выглаженное ею самой, не въ мѣру накрахмаленное ситцевое платье упрямо топырилось во всѣ стороны и обнаруживало стремленіе раздуться на подобіе воздушнаго шара отъ малѣйшаго порыва вѣтерка. Лиза чувствовала себя неинтересной и, кусая дрожащія губы, съ тайной завистью оглядывала свѣженькіе туалеты Караваевыхъ и Макитры, ослѣпительной въ канареечномъ бумажномъ фулярѣ, чрезвычайно иду-

щемъ въ ея чернымъ волосамъ и разбитной рожицѣ некрасивой, но ловкой и изящной польки.

— Ну, идемте, господа, нечего намъ тутъ торчать,—опьяненная чудеснымъ вечеромъ, свободой, сознаніемъ, что она хорошенькая и нравится Пагассовскому, звонко вопіяла Женя, заглушая и воробьевъ, и всю остальную компанію:—въ рощу, въ рощу!.. Самоваръ поставимъ, чаю напьемся, хоромъ пѣть будемъ... Впередъ, впередъ!..

И взмахнувъ оголившейся, пухленькой рукой, при чемъ широкій рукавъ съ нея закатился до самаго плеча, она открыла шествіе съ такимъ рѣшительнымъ видомъ, какъ будто шла брать баррикады.

Мужчины, всегдашняя вьючная часть общества, нагрузили себя узлами съ провизіей, посудой и самоваромъ и зашагали такъ непринужденно, какъ будто тяжесть несомаго доставляла имъ только одно удовольствіе. Они самоотверженно жертвовали собою и были счастливы этимъ, по крайней мѣрѣ имѣли такой видъ. Шли вразсыпную, выбирая мѣста, поросшія травой, чтобы поменьше пылить, и оставили проѣзжую дорогу въ сторонѣ.

Еще и до рощи не успѣли добраться, какъ оказалось, что воздухъ и движеніе чрезвычайно возбуждаютъ аппетитъ. Пагассовскій хвастливо жалѣлъ, что не послушался Вольки-ресторатора и не заказалъ у него добраго жаренаго индюка.

— А впрочемъ,—знаменательно посмѣивался онъ,—я таки кой-чего захватилъ, можетъ быть, будетъ достаточно.

Женя бросала на него сіяющіе взоры, и въ предпріимчивой головкѣ ея роились надежды одна другой плѣнительнѣе.

Алла чувствовала себя пріятно. Тоскливыя мысли ей удалось на время отогнать подальше, и она всей душой отдалась наслажденью дышать чистымъ, тонкимъ ароматомъ поля, глядѣть въ блѣдно-ясное вечерѣющее небо и слушать беззаботные, юные голоса, мелющіе всякій вздоръ. Слабо разрумянившаяся отъ ходьбы, въ бѣлой матросской блузкѣ, обшитой узенькими синими тесемочками, она казалась совсѣмъ миленькой. Серьезные, вдумчивые глаза дѣлали сѣренькую наружность ея замѣт-[illegible]й и выдѣляли ее изъ толпы. Перель шелъ рядомъ съ ней и, [illegible]регнувшись на сторону подъ бременемъ самовара, пытался [illegible]язать „умный“ разговоръ. Но умный разговоръ въ эти ми[illegible]ты совсѣмъ не увлекалъ ее, и она, разсмѣявшись такъ за[illegible]рно, что сдѣлалась вдругъ совсѣмъ какъ Женя, выпалила оза[illegible]ченному юношѣ:

— Бросьте, пожалуйста, эту тему... Скучно!.. Слушайте, кажется, перепелка... Какъ близко...

Перель изогнулся на другой бокъ и сталъ слушать перепелку.

Въ рощѣ всѣмъ сдѣлалось еще веселѣе. Набрали изъ ключа воды, прозрачной, какъ хрусталь, налили самоваръ, послѣ смѣшной и продолжительной возни разожгли уголья и, въ ожиданіи, пока онъ закипитъ, взялись за закуску. Радушный хозяинъ обнаружилъ рыцарское вниманіе къ дамамъ, собственноручно дѣлалъ имъ тартинки и умолялъ ихъ „кушать, не церемониться". Кончилось тѣмъ, что Женя завладѣла имъ безъ всякаго стѣсненія одна, предоставляя остальнымъ заботиться о себѣ, какъ кому понравится. Макитра присосѣдилась къ Гришѣ и Козаченкѣ, Алла и Перель очутились вмѣстѣ, а робкая Лиза, волею судебъ, получила въ кавалеры разсѣяннаго Лошинскаго, чѣмъ осталась крайне недовольна. Это явствовало изъ разстроенныхъ взглядовъ, бросаемыхъ ею на Гришу, который ровно ничего не подозрѣвалъ и хохоталъ надъ комическими выходками Макитры, передразнивающей свою мать, когда та бранится.

Во время чаепитія Женя вдругъ зорко посмотрѣла на лужайку, вдоль которой, понурившись, брелъ какой-то субъектъ съ палкой, продѣтой поперекъ спины подъ локти.

— Господа, докторъ Михайловъ,—почему-то слегка испуганно воскликнула она:—что онъ здѣсь дѣлаетъ?.. Совершенно одинъ.

— Гуляетъ, какъ и мы,—откликнулся Гриша:—чего добраго къ намъ присоединится.

— Ой, нѣтъ,—умоляющимъ тономъ прошептала Алла и даже руки сложила.

— Вы съ нимъ знакомы?—спросилъ Пагассовскій у Жени, ревниво глядя на нее.—Та кокетливо потупилась.

— Да, немножко.

— И онъ вамъ нравится?

— Н-ничего, такъ себѣ,—имѣя свой умыселъ и вслѣдствіе этого притворяясь слегка смущенной, вполголоса отвѣтила та.

— Гм!.. Очень пріятно слышать!—съ досадой сказалъ Пагассовскій и свирѣпо закрутилъ длинный усъ,—растительность, которую природа особенно щедро отпустила полякамъ.

„Если мужчина, при взглядѣ на васъ, крутитъ усы, знайте, что вы ему нравитесь",—вспомнила Женя изреченіе, слышанное ею еще въ дѣтствѣ, отъ одной старой дѣвицы, считавшейся почему-то за весьма компетентнаго судью въ сердечныхъ вопросахъ. Вспомнила и обрадовалась.

„Клюетъ“!—не подумала, а почувствовала она.

Михайловъ дошелъ до конца лужайки и повернулъ назадъ. Брюзглыя щеки его были сегодня краснѣе обыкновеннаго. Глаза угрюмо смотрѣли въ землю. Неопрятное, какъ будто давно нечищенное платье сидѣло на немъ неаккуратно и небрежно.

Врядъ ли кто-нибудь изъ молодежи желалъ его присоединенія, но часто случается именно то, чего желаешь меньше всего. Привлеченный звономъ стакановъ и запахомъ съѣстного, онъ поднялъ голову и увидѣлъ всю честную компанію. По лицу его скользнула странная, нѣсколько злая усмѣшка, и онъ, нимало не колеблясь, направился прямо къ нимъ.

— Рады, не рады, а принимайте гостя,—сипло началъ онъ, здороваясь съ тѣми, съ которыми былъ знакомъ.—Затѣмъ, когда его познакомили съ Макитрой, Лизой, Перелемъ и Лошинскимъ, усѣлся возлѣ Пагассовскаго и Жени и продолжалъ:

— Что это у васъ тутъ, чай?.. Позоръ! Такъ вотъ почему столь мелодически дребезжали стаканы!.. А я было-думалъ...

— У насъ есть и вино!—вскричалъ Пагассовскій, сознавая, что необходимо быть гостепріимнымъ:—а чай мы пили, потому что жажда.

— Ну, чай не утоляетъ жажды, я помню, пилъ его однажды, —расхохотался Михайловъ непріятнымъ, охрипшимъ смѣхомъ:— не дадите ли мнѣ чего-нибудь посущественнѣе.

И пока обязательный хозяинъ, затаивъ неудовольствіе, добывалъ изъ кулька бутылку съ марсалой, докторъ обратился къ Женѣ.

— „Въ семнадцать лѣтъ вы расцвѣли прелестно“... Серьезно, вы сегодня совершенная пери... Къ вамъ удивительно идетъ кремовый цвѣтъ... Щечки—персикъ, укусить хочется!..

— Онъ пьянъ,—ужаснулась Алла, инстинктивно ища глазами Гришу, который пересталъ болтать съ Макитрой и подозрительно слѣдилъ за Михайловымъ.

Женя, во многихъ случаяхъ жизни разсчитывающая исключительно на свой языкъ, не растерялась и, скорчивъ важную фигуру, иронически выговорила:

— Ого, вы, я вижу, очень лирически настроены сегодня!.. [П]ризнаюсь, я не любительница подобныхъ изліяній, и вы сдѣ[ла]ете лучше, если оставите ихъ при себѣ.

— Съѣлъ!.. По дѣломъ, не суйся,—назидательно обратился [М]ихайловъ къ самому себѣ и, хохоча, принялъ изъ рукъ Па[га]ссовскаго рюмку.

— За здоровье сердитой красоты,—поклонился онъ Женѣ

и отхлебнулъ, но, отхлебнувъ, сморщился, сплюнулъ и поставилъ рюмку на землю.

— Чортъ знаетъ что такое! — съ досадой вскричалъ онъ, обращаясь къ переконфузившемуся хозяину:—сиропомъ вы меня наградили, что ли... Я такой сиропецъ пивалъ, когда мнѣ десять лѣтъ отъ роду было. Нѣтъ ли чего и для грудныхъ младенцевъ?

Пагассовскій бросился искать другую бутылку. Алла поднялась на ноги и сказала Перелю: „Не пойдемъ ли пройтись?“ Тотъ съ готовностью устремился за нею. Ихъ примѣру послѣдовали Макитра съ Козаченкой. Лиза Бочковская съ пламенной и слезливой мольбой посматривала на Гришу, полная желанія послѣдовать за Аллой и Макитрой, но Гриша ничего этого не видѣлъ и не понималъ, да кромѣ того и безпокоился за Женю, отъ которой не отставалъ пьяненькій Михайловъ. Поэтому-то онъ не желалъ уходить и остался допивать свой чай такъ же, какъ и Лошинскій, который совершенно не зналъ, какъ быть съ своей молчаливой и словно обиженной на кого-то дамой. Лиза увидѣла себя одиновой и, склонная расплакаться, уныло прислонилась къ стволу тоненькаго граба, весело игравшаго своими мелкими листьями въ прозрачномъ, проникнутомъ мягкимъ вечернимъ блескомъ воздухѣ. Алла и Перель медленно пошли вдоль лужайки, по которой пришелъ къ нимъ Михайловъ, и направились вглубь рощи, славящейся красивыми уголками. Солнце стояло совсѣмъ невысоко надъ горизонтомъ, охваченнымъ ярко золотымъ пламенемъ. Лѣсная чаща вся сквозила огнистыми, зыблящимися пятнами, и въ этомъ мерцаніи, слитомъ съ сладкимъ лепетомъ засыпающей листвы, чудилась таинственная, своеобразная жизнь, дышащая неясными человѣку восторгами и печалями.

Въ густой орѣшниковой поросли, стиснувшей съ обѣихъ сторонъ тропинку, выбранную Аллой, неистово трещало на всѣ лады пернатое царство, какъ бы желавшее вознаградить себя за необходимость потерять нѣсколько часовъ на безмолвіе сна.

— Какъ хорошо,—вздохнула Алла.

— Да, хорошо, — задумчиво согласился Перель, сбрасывая бѣлую фуражку: — а не дадите ли вы мнѣ вашу руку, будетъ удобнѣе идти—гуськомъ не интересно.

Идти, въ самомъ дѣлѣ, стало удобнѣе. Сухія, острыя черты его лица, правильныя, но замѣтно говорящія о національности, сегодня понравились Аллѣ еще больше. Отпечатокъ сильной мысли облагородилъ его наружность. Непобѣдимая вѣра въ себя, глядящая изъ его продолговатыхъ, рѣшительныхъ глазъ, внушала къ нему невольное уваженіе.

— На какой факультетъ думаете вы поступить?—съ интересомъ спросила она, считая, что молчать слишкомъ долго, пожалуй, неприлично.

— На физико-математическій... Потомъ, я хочу въ горный институтъ... Я еврей, попасть мнѣ трудно... Но я попытаюсь.

— Вы хотите быть инженеромъ,—разочарованно протянула Алла, привыкшая, неизвѣстно вслѣдствіе чего, съ понятіемъ объ инженерѣ связывать образъ дѣльца, богача и эксплуататора рабочаго люда.

— Да, горнымъ инженеромъ, — объяснилъ ей Перель: — я хочу потомъ получить мѣсто гдѣ-нибудь за Ураломъ, въ Сибири, на золотыхъ пріискахъ... Вдвоемъ съ мамашей поѣдемъ... А если женюсь до тѣхъ поръ, то и съ женой...

Объясненіе далъ онъ ей такимъ увѣреннымъ тономъ, что Алла только изумлялась про себя, — какъ онъ все это успѣлъ рѣшить и предначертать себѣ.

— При этомъ, я еще думаю писателемъ сдѣлаться — къ публицистической дѣятельности хочу себя подготовить.

— Ого, не будетъ ли этого черезчуръ много,—съ ласковой насмѣшкой покачала головкой молодая дѣвушка.

— Я крѣпокъ и умѣю работать,—просто отвѣтилъ ей Перель и, помолчавъ, прибавилъ:—я еще не увѣренъ, впрочемъ, что обладаю литературными способностями... Но когда я буду въ университетѣ, я испробую себя... Если окажется, что ихъ у меня нѣтъ, я, такъ и быть, обойдусь и безъ писательства... Только, все равно, корреспонденціи въ газеты буду писать, разоблачать разныя злоупотребленія... Это тоже очень важная вещь.

— Разумѣется,—убѣжденно подтвердила Алла:—и корреспонденты тоже нужны!..

— Именно нужны,—съ удовольствіемъ подхватилъ Перель:— если бы всѣ люди дѣлались только публицистами—никто бы ихъ и читать въ концѣ концовъ не захотѣлъ. Тогда никакой литературы бы не могло быть.

Алла вспомнила про себя, что дѣйствительно существуетъ въ каждомъ журналѣ отдѣлъ, который навсегда остается неразрѣзаннымъ. Этотъ отдѣлъ называется публицистическимъ. Было бы ужасно, если бы весь журналъ сплошь наполняли публицистикой!

Перель, весьма мало привычный къ женскому обществу, почувствовалъ, однако, себя съ Аллой почти сразу легко и свободно. Она производила впечатлѣніе такой простой, такой сер-

дечной. Нисколько не экспансивный вообще, съ нею онъ становился общительнымъ и испытывалъ желаніе говорить о своихъ самыхъ завѣтныхъ планахъ и помышленіяхъ. Его необыкновенно располагалъ къ этому серьезный, исполненный непритворнаго интереса взглядъ, который она время отъ времени подымала на него.

Держась подъ руку, но совершенно не обращая вниманія на это, они бродили по глухимъ дорожкамъ, прихотливо разбѣгающимся во всѣхъ направленіяхъ. Имъ доставляло большое удовольствіе блуждать по лабиринту этихъ дорожекъ, то выводящихъ на прогалинки, то углубляющихся въ почти непролазную чащу. Взволнованные и растроганные зарождающейся духовной близостью, они инстинктивно понизили голоса, подъ стать чуткой тишинѣ, наступившей повсюду съ заходомъ солнца. Въ прозрачныхъ, свѣтлыхъ сумеркахъ, спустившихся на рощу, ихъ лица казались озаренными несмѣлымъ внутреннимъ сіяньемъ просыпающагося взаимнаго влеченія, чуждаго пока всякой чувственности. Имъ было пріятно, когда тѣсная чаща невольно заставляла ихъ прижиматься другъ къ другу, но они еще не успѣли сообразить, что прижаться одинъ къ другому — можно и безъ всякой чащи.

Долго разгуливали они такимъ способомъ, забывъ объ остальной компаніи. Переговорить успѣли о массѣ вещей. Между прочимъ, Перель узналъ, что Алла мечтаетъ получить медицинское образованіе въ случаѣ крайности хоть въ самыхъ минимальныхъ размѣрахъ, хоть какъ сидѣлка и повитуха, если нельзя будетъ устроить ничего лучшаго. Онъ очень одобрилъ ея желаніе и прибавилъ безъ всякой задней мысли:

— Если бы васъ судьба потомъ занесла въ такіе далекіе края, о какихъ подумываю я, то тамъ вы оказались бы неоцѣнимымъ кладомъ. Какую огромную пользу смогли бы вы приносить!

У Аллы даже сердечко дрогнуло отъ страстнаго стремленія поскорѣе приняться за трудъ, который ее непремѣнно сдѣлаетъ полезнымъ членомъ общества.

Легкій вечерній вѣтерокъ порою пошевеливалъ сонными листьями и пробирался за широкій отложной воротъ ея кофточки, щекоча худощавую шею выбившимися изъ косы прядками волосъ. Она встряхивала головой, проводила холодноватыми пальцами по затылку и слабо улыбалась отъ пріятнаго ощущенія. Все-таки хорошо жить!

— Не присядемъ ли здѣсь, — сообразилъ вдругъ Перель,

вспомнивъ, что женщины—слабый полъ и что имъ свойственно утомляться скорѣе мужчинъ: — посмотрите, чѣмъ не чудное мѣстечко...

Это была опушка Монастырской рощи, вокругъ которой вырытъ глубокій ровъ и сдѣлана, вмѣсто изгороди, большая насыпь, издавна проросшая молоднякомъ и покрытая душистымъ ковромъ лѣсныхъ травъ и цвѣтовъ. Съ насыпи открывается обширный, нѣсколько однообразный видъ на поля, небольшое озерцо, серебристымъ бликомъ отсвѣчивающее вдали на зеленомъ фонѣ, и лиловатую черточку лѣсовъ на горизонтѣ.

На эту насыпь и указалъ Перель, приглашая Аллу отдохнуть.

— А не пора ли намъ назадъ, къ нашимъ?—нерѣшительно молвила она, съ вопросомъ глядя на него.

— Вотъ посидимъ и пойдемъ... Ничего имъ тамъ не дѣлается,—категорически заявилъ тотъ, помогая ей подняться по крутому боку холмообразной возвышенности, на которой слѣдовало, по его мнѣнію, усѣсться.

Темы вдругъ изсякли у нихъ. Захотѣлось молчать и созерцать. Вечеръ, незамѣтно переходящій въ ночь, развернулся передъ ними во всемъ своемъ тревожномъ обаяніи. Въ темнѣющей синевѣ, серебряной искоркой вспыхнула звѣздочка. Желтоватые и бирюзовые тона на западѣ меркли и таяли. Тянуло нѣжнымъ, слегка прянымъ духомъ конопли. Отрадная послѣ жары, чуть-чуть влажная свѣжесть льнула къ разгорѣвшимся лицамъ, какъ безсознательная ласка природы.

Перель замѣчалъ, что во владѣвшемъ имъ сейчасъ настроеніи есть что-то особенное, но въ чемъ заключается эта „особенность“, онъ не понималъ и только опредѣлялъ про себя, что вотъ, ни съ того, ни съ сего онъ „размякъ“.

Алла даже ничего и не опредѣляла, а просто считала, что ей еще не приходилось такъ симпатично проводить время.

Вдыхая полной грудью бальзамическій воздухъ, она искала глазами причину знакомаго аромата, донесеннаго вдругъ дыханьемъ вѣтерка—это были мелкіе изсиня-красноватые цвѣточки чебреца, распустившаго неподалеку по землѣ свои ползучіе звѣздообразные кустики.

— Какъ я люблю чебрецъ,—вполголоса произнесла она и потянулась сорвать нѣсколько вѣточекъ. Собесѣдникъ захотѣлъ й услужить, потянулся къ кустику тоже, руки ихъ столкнулись, стались секунду одна возлѣ другой, затѣмъ, точно обожженныя, отскочились въ разныя стороны. Цвѣточки остались не сорван-

ными. Обоимъ показалось, что они что-то сглупили, такъ поспѣшно убравъ руки, но необъяснимая стыдливость помѣшала имъ перемолвиться хоть словомъ объ этой предполагаемой „глупости", и они напряженно молчали, чувствуя, что это умалчиваніе о чемъ-то неясномъ имъ самимъ сближаетъ ихъ такъ странно, какъ не сблизили всѣ разговоры до сихъ поръ. И это сближеніе волновало ихъ смутной и жуткой радостью. Перспектива присоединиться къ остальному обществу дѣлалась почти непріятной. Но Алла оказалась болѣе разсудительной. Быстрымъ движеніемъ вскочила она на ноги и, встряхнувшись, воскликнула нѣсколько искусственно приподнятымъ тономъ:

— А вѣдь тамъ, пожалуй, думаютъ, что насъ волки съѣли... Пойдемте, пойдемте!.. Скоро и по домамъ пора...

— Уже... Ну, идти, такъ идти, — безъ излишней, однако, торопливости поднялся вслѣдъ за нею молодой человѣкъ:—кабы еще не этотъ господинъ... А то онъ такой...

— Вы о докторѣ Михайловѣ?.. Да, онъ не очень и мнѣ нравится... Лучше бы его не было тамъ... Да ничего не подѣлаешь, идти надо...

И, не рѣшаясь больше взять своего кавалера подъ руку, Алла нервными шагами пошла немножко впереди, молчаливая и самоуглубленная.

Какъ и предчувствовалъ Гриша, появленіе среди нихъ Михайлова не обошлось благополучно. Такъ какъ и до прихода въ рощу тотъ уже былъ съ значительнымъ зарядомъ, то ему немногаго было нужно, чтобы окончательно опьянѣть. Раздобытая изъ кулька бутылка сотерну была осушена имъ почти въ одинъ пріемъ, къ ужасу Лизы, въ которой особа доктора поселила истерическое ожиданіе бѣды. Она тупо смотрѣла на радушно угощавшаго ее Пагассовскаго и еле шевелила въ отвѣтъ губами, точно постигнутая неожиданнымъ несчастіемъ.

„Вотъ еще мокрая курица", — нетерпѣливо думалъ о ней хозяинъ, тщетно пытаясь заставить ее оживиться.

Женя сначала было-старалась затѣять тонкую игру, возбуждая ревнивое неудовольствіе Пагассовскаго противъ Михайлова, но этотъ послѣдній оказался довольно неудобнымъ субъектомъ для экспериментовъ такого рода. При первой же попыткѣ Жени сказать ему нѣчто похожее на любезность, онъ проявилъ такое необузданное стремленіе отвѣтить ей сторицей, что Гриша приподнялся на локтѣ и сдѣлалъ ей выразительный знакъ уняться. Нечего дѣлать, пришлось отказаться отъ интересныхъ опытовъ.

Напившись чаю, маленькое общество поднялось съ травы и

раздѣлилось, причемъ, наконецъ, къ Лизѣ и Лошинскому присоединился Гриша, а на долю Жени достались Пагассовскій и Михайловъ. Пошли бродить по рощѣ, оставивъ самоваръ и съѣстные припасы на волю Божію въ томъ разсчетѣ, что роща пустынна въ этотъ часъ и некому соблазниться чужимъ добромъ.

Лиза, трепетная и восхищенная, шла рядомъ съ Гришей и изрѣдка устремляла на него робкіе, взволнованные взоры. Щеки ея горѣли пятнами, и она немножко имѣла такой видъ, точно готовилась отвѣчать урокъ очень страшному учителю. Порывистая ея походка удивляла Лошинскаго, втайнѣ подумавшаго, что женщины—удивительно безпокойное племя.

Женя, съ свойственной ей фамильярностью, сейчасъ же повисла на рукѣ Пагассовскаго и защебетала:

— Гдѣ-то Алла и Макитра?... Давайте, поищемъ ихъ... Какая милая погода...—Пагассовскій согласился, что погода, дѣйствительно, милая и угрюмо зашагалъ въ ногу съ молодой дѣвушкой, стараясь овладѣть чувствомъ ѣдкой досады на непрошенное „третье лицо“. Онъ съ ожесточеніемъ дергалъ свои длинные, шелковистые усы, точно въ безповоротной рѣшимости вырвать ихъ до послѣдняго волоска.

Михайлова снова одолѣлъ мракъ. Просунувъ палку подъ локти, онъ тоскливо понурился и, время отъ времени, испускалъ глухіе вздохи.

— Что вы такъ пріуныли?—спросила у него Женя скорѣе изъ любопытства, чѣмъ изъ участія.

Тотъ поднялъ на нее мутные глаза и пробурчалъ съ большимъ раздраженіемъ въ голосѣ:

— Еще бы не пріуныть! Посмотрѣлъ бы я васъ на моемъ мѣстѣ... Ан-наѳемы!

— Ктò?!.—съ удивленіемъ воскликнула Женя: — съ вами случилось что-нибудь непріятное?.. Почему вы бранитесь?..

— Непріятное!.. Тутъ хоть петлю на шею, а она „непріятное“,—вознегодовалъ докторъ.—Ужъ не знаю, можетъ ли съ человѣкомъ стрястись бòльшая подлость... Перестрѣлялъ бы я ихъ, мерзавцевъ, и вся недолга!

— Кого? За чтò? Чтò такое?

— Знаете ли вы новость — кому отдано мѣсто врача при гимназіи, обѣщанное мнѣ?—срывающимся отъ избытка гнѣвнаго сарказма голосомъ предложилъ онъ Женѣ вопросъ:—знаете?

— Не слыхала...

— Такъ послушайте — назидательно! Это, предназначенное раньше мнѣ, мѣсто отдали—ну, кому бы вы думали?.. А?.. Ру-

шилову, прекрасная дѣва, Рушилову, этому стоеросовому болвану, имѣющему десять тысячъ годового дохода. Какъ вамъ это нравится!

О, ей очень понравились эти „десять тысячъ годового дохода"... „Неужели, въ самомъ дѣлѣ, такъ много",—съ умиленіемъ думала она про себя, нисколько не испытывая того негодованія, котораго, видимо, ожидалъ отъ нея Михайловъ. И, не получивъ отвѣта, тотъ продолжалъ:

— Ну, на какого ему чорта это мѣсто, спрашивается! Да онъ вотъ ужъ около пяти лѣтъ и практикой вовсе не занимается, говорятъ! И что врачъ-то онъ—многіе не знаютъ вовсе... Такъ вотъ нà тебѣ! Польстился на пятьсотъ рублей жалованья, прохвостъ... А я пропадай... Нѣтъ у меня больше никакого терпѣнія!.. Убью я кого-нибудь...

Женя притворилась, что вздрагиваетъ отъ страха, и томно посмотрѣла на Пагассовскаго, лицо котораго немного прояснилось,—неудачи ближняго насъ такъ чистосердечно радуютъ! И, не будучи отнюдь злымъ по натурѣ, онъ тѣмъ не менѣе не безъ злостнаго удовлетворенія выслушивалъ докторскія жалобы.

Съ душой, пріятно умягченной этими соображеніями и ощущеніями, Пагассовскій отвѣтилъ на заигрывающій взглядъ Жени нѣжно-покровительственнымъ взглядомъ и локтемъ прижалъ къ себѣ ея пухленькую ручку.

„Премиленькая дѣвочка,—снисходительно подумалъ онъ:—она мнѣ положительно нравится!"

— Ну, къ чему убивать,—протяжно, съ шутливымъ укôромъ обратился онъ вслухъ къ доктору:—погодите, будетъ еще и на вашей улицѣ праздникъ!..

Михайловъ метнулъ на него свирѣпый взоръ и, сквозь зубы, промычалъ что-то совершенно неразборчивое, но врядъ ли лестное по его адресу.

— Въ самомъ дѣлѣ, ваше положеніе тяжело,—не слишкомъ убѣжденно пролепетала Женя,—такъ, чтобы что-нибудь сказать:—мнѣ очень грустно за васъ...

Губы Михайлова дрогнули. Жалкая, хитренькая и пьяная улыбочка искривила ихъ.

Изъ-за недалекой группы деревьевъ донесся до нихъ звонкій окликъ Козаченко:

— Вацлавъ, Вацлавъ, скорѣе сюда!

Пагассовскій, услыша свое имя, не зналъ сначала какъ быть, бѣжать ли на зовъ, или остаться, не рискуя бросить Женю съ

докторомъ наединѣ; но тотъ съ непростительной догадливостью невмѣняемаго довольно ехидно спросилъ:

— Васъ зовутъ?.. Ну, мы васъ тутъ обождемъ, возвращайтесь поскорѣе...

Смутившійся юноша почувствовалъ себя вынужденнымъ пойти, несмотря на тревогу, которую внушалъ ему tête-à-tête Жени съ этимъ невозможнымъ субъектомъ.

— Я сейчасъ... Я сію минуту!..

— Съ Богомъ, братецъ,—бросилъ ему въ догонку Михайловъ съ зловѣщей радостью и вплотную пододвинулся къ оробѣвшей Женѣ.

— Не угодно ли вамъ взять мою руку,—подозрительно-галантно адресовался онъ къ молодой дѣвушкѣ, и когда та нерѣшительно положила пальцы на его рукавъ, онъ сдѣлалъ съ нею два-три шага, затѣмъ остановился и пристально посмотрѣлъ ей въ лицо.

— И такъ, вамъ „очень грустно“ за меня?—криво усмѣхнулся онъ, дохнувъ на нее спиртуознымъ запахомъ.

Та молчала.

— Чтò же вы молчите? Вамъ непріятно со мною разговаривать?.. Пьянъ я, грубъ... Но я страдаю, слышите ли, страдаю, ахъ, какъ страдаю!..

Въ голосѣ его клокотали пьяныя, злыя, отчаянныя слезы.

— Я одинокъ... Въ цѣломъ мірѣ у меня нѣтъ ни существа мнѣ близкаго, ни уголка мнѣ дорогого... Неудачи во всемъ преслѣдуютъ меня всю жизнь... Я измучился!

Женя, вздрагивая на этотъ разъ уже непритворно, съ горячимъ ожиданіемъ поглядѣла въ ту сторону, куда исчезъ Пагассовскій.

— Вы все молчите,—съ назойливымъ упрекомъ приблизилъ онъ къ ней искаженную выраженіемъ безвыходной тоски физіономію.

— Чтò же я должна говорить!—нетерпѣливо, даже до нѣкоторой степени плаксиво вскричала она, выведенная изъ себя:—я очень сочувствую вашему горю, но...

Онъ рѣзко перебилъ ее жестомъ и, тѣсно прижавъ къ своей груди ту ея руку, чтò едва держалась на его рукавѣ, переспросилъ:

— Вы мнѣ сочувствуете?.. Пожалѣла-таки добрая душа— раба божія Петра... Пожалѣла, сочувствуетъ...

Дикій, нелѣпый восторгъ задребезжалъ въ его сипломъ, беззвучномъ, алкоголическомъ голосѣ. На удовольствіе и неудовольствіе онъ реагировалъ съ одинаковою преувеличенностью. Женя

едва только успѣла предложить себѣ вопросъ—чему онъ такъ обрадовался, какъ вдругъ почувствовала себя охваченной яростными объятіями.

— Пож-жалѣла, милая... Такъ док-кажи же, приласкай, утѣшь скорбящаго...

Физическое омерзѣніе подстегнуло ее, точно хлыстомъ. Она рванулась прочь изо всѣхъ силъ.

— Ай-ай-ай, спасите!.. Спасите!..—завизжала она такъ изступленно, что пораженный Михайловъ мгновенно выпустилъ ее. Но она, не замѣчая даже этого, продолжала вопить, точно обезумѣвшая, не двигаясь съ мѣста и не отнимая рукъ отъ горла, какъ будто защищаясь, чтобы не быть зарѣзанной.

— Чего вы!.. Молчите,—самъ перепуганный попробовалъ-было остановить ее Михайловъ, но, услыхавъ его голосъ, она взвыла такъ, что тотъ отскочилъ въ сторону, рыча, какъ взбѣсившійся быкъ.

— Да замолчите ли вы, прроклятая дура... всю губернію переполошитъ!..

И дѣйствительно, со всѣхъ сторонъ послышались встревоженные отвѣтные возгласы. Отовсюду и со всѣхъ ногъ спѣшила къ Женѣ помощь. Черезъ минуту она, рыдая почти совсѣмъ искренно, упала въ дружескія объятія Макитры, подоспѣвшей первою.

Шумъ и гамъ поднялся ужасный. Пагассовскій съ пѣной у рта набросился на Михайлова, и Гриша не безъ труда отвратилъ драку. Не сдобровать бы злополучному доктору, если бы не тотъ же Гриша, который, вглядѣвшись въ выраженіе лица виновника кутерьмы, взялъ его за руку, отвелъ въ сторону и прошепталъ ему: „уходите поскорѣе!“ чтò тотъ и исполнилъ. Не вымолвивъ ни слова и не оглянувшись, онъ скрылся въ кустарникѣ, до боли сдавивъ Гришину руку на прощанье.

Но прогулка была испорчена, и хоть еще и было рано, дамы пожелали домой, точно боясь, что Михайловъ засѣлъ гдѣнибудь въ укромномъ мѣстечкѣ и подстерегаетъ ихъ съ самыми разбойническими намѣреніями. Страхъ населилъ небольшую рощу такими непріятными призраками, что все поэтическое и лирическое отошло на второй планъ. Лирика—лирикой, а вдругъ кто-нибудь выскочитъ изъ-за куста!

Женя, успѣвшая значительно успокоиться, все сохраняла томный, разстроенный тонъ и слабымъ голосомъ благодарила Пагассовскаго за храброе заступничество.

Испугавшаяся было за сестру Алла, убѣдившись, что съ той

все обстоитъ благополучно, предложила ей вопросъ, который у всѣхъ былъ па умѣ:

— Скажи, пожалуйста, что же собственно съ тобой случилось?

Вопросъ этотъ звучалъ серьезно, значительно и отчасти строго.

Женя съ видомъ изнеможенія прислонилась къ плечу Пагассовскаго, съ которымъ была подъ-руку.

— Онъ хотѣлъ... онъ хотѣлъ меня... поцѣловать,—чуть слышно пролепетала она, опуская глаза, краснѣя и чуть-чуть улыбаясь. Эта предательская улыбочка многое объяснила Аллѣ, и въ то время, когда раздавались негодующія восклицанія, отъ которыхъ не поздоровилось бы Михайлову, если бы онъ ихъ слыхалъ, Алла, отойдя отъ Жени подальше, не знала почему, одновременно съ раздраженіемъ противъ Жени, ей такъ больно за доктора и такъ сердечно жаль его.

Вскорѣ компанія покинула рощу. Навьюченные провіантомъ мужчины вели подъ руку дамъ, и только одинъ Гриша, благополучно избѣжавъ скуки вести Лизу, самостоятельно шагалъ во главѣ процессіи, таща на спинѣ самый увѣсистый кулекъ и меланхолически посвистывая.

Алла шла съ Перелемъ. Молодая луна, заблестѣвшая узенькимъ серпомъ надъ далекимъ лѣсомъ, окутала легкой серебристой дымкой дорогу, по которой они шли. Глаза Переля горѣли и онъ, ведя съ высоко поднятой головой свою спутницу, выступалъ совершеннымъ гоголемъ.

Прощаясь съ нею у калитки палисадника, онъ утвердительно выговорилъ, пожимая ея руку.

— Мы будемъ видѣться...

— Мы будемъ видѣться,—отвѣтила она подъ ироническимъ взглядомъ Жени.

И остальная часть общества, кромѣ Гриши, Аллы и Жени, повернула въ боковой переулокъ, провожая Лизу и Макитру, голосъ которой долго еще звенѣлъ въ прозрачной, чуткой тишинѣ ночи, какъ комаръ, попавшій въ паутину.

Ел. Бердяева.

НА
КАМЕННОМЪ МЫСУ

Разсказъ изъ чукотской жизни.

IV *).

Шаманское дѣйствіе было въ полномъ разгарѣ. Обѣ лампы были погашены и въ пологѣ было темно, какъ въ гробу; но темнота эта жила и какъ будто двигалась, вся переполненная звуками. Частый и дробный стукъ колотушки раздавался какъ набатъ.

Уквунъ надрывался отъ усердія, извлекая изъ своего горла самые странные и сложные напѣвы: подражалъ храпу моржа и клекоту орла, рычалъ медвѣдемъ и гоготалъ гагарой, завывалъ въ униссонъ вьюгѣ, бушевавшей на дворѣ. Но напрасно слушатели кричали:—Гычь, гычь! Правда!—поощряя его и вмѣстѣ съ тѣмъ стараясь выставить передъ призываемыми духами его силу въ болѣе выгодномъ свѣтѣ. Духи бури, пролетавшей мимо, не обращали, повидимому, никакого вниманія на его призывъ и никакъ не хотѣли задержаться на минуту и откликнуться. Быть можетъ, имъ хотѣлось еще потѣшиться надъ беззащитной тундрой и они не одобряли затѣи Уквуна, клонившейся къ ихъ умиротворенію.

— Э-ге-ге-ге-гей! Гей, гей!—протянулъ, наконецъ, Уквунъ.— Гей, гей! Я человѣкъ, я ищущій, я зовущій!..

Онъ рѣшилъ отъ простыхъ напѣвовъ перейти къ заклинаніямъ, которыя считаются гораздо болѣе дѣйствительными.

*) См. выше: іюнь, стр. 515.

— Маленькая рыбка Вэканъ!—запѣлъ онъ громкимъ и протяжнымъ речитативомъ.—Гей, гей! Выросла, стала больше кита. Гей! Она лежитъ среди открытаго моря; шея ея стала, какъ островъ, спина ея вытянулась материкомъ. Гей, гей, гей! Если ты, пролетая, задѣлъ концомъ крыла о землю Люрэнъ, дай отвѣтъ!

Но буря опять пронеслась мимо, не откликаясь на призывъ.

— Надъ истокомъ бѣгущей воды, на вершинѣ бѣлаго хребта, у гремящаго ледника живетъ молнія, мать горнаго эха, она летаетъ по небу, гремя желѣзными крыльями... Изъ-подъ ногъ ея брызжетъ алый огонь... Если ты вылетѣлъ изъ ея узкихъ ущелій, дай отвѣтъ!

Но отвѣта не было по прежнему.

— За предѣломъ земли, освѣщенной солнцемъ, за рубежомъ печальной страны вечера, лежитъ область вѣчнаго мрака. Призракъ мѣсяца замѣняетъ тамъ солнце... Она закрыта, какъ огромный шатеръ; внутри ея духи справляютъ служеніе... Если ты вырвался изъ чернаго шатра духовъ, оборвавъ всѣ завязки выхода, и катился кубаремъ по широкой тундрѣ, чтобы перелетѣть съ разгона устье большой рѣки, дай отвѣтъ!..

— На остромъ мысу, гдѣ сходятся материки, море поворачиваетъ въ обратный путь [1])... Въ промежуткѣ водъ сплетаются пути народовъ... За сдвигающимися скалами лежитъ птичья земля [2])... Если ты успѣлъ развѣять сѣрыя перья, промчавшись сквозь челюсти каменной ловушки, прихлопнувшей столько крылатыхъ стай, дай отвѣтъ!

— Скажи, скажи, скажи! Кто разгребаетъ гигантской лопатой снѣгъ на краю пустыни, чтобы ослѣпить глаза всякой живой твари?.. Скажи!..

Порывъ вѣтра, проносившійся мимо, вдругъ какъ будто закружился надъ верхушкой шатра. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ измѣнилъ направленіе и сталъ спускаться внизъ, проникнувъ сквозь плотную оболочку реттема и приближаясь къ пологу: духи рѣшились не противостоять болѣе настойчивымъ заклинаніямъ призывателя и теперь хотѣли дать отвѣтъ. Люди, сидѣвшіе въ пологу, слышали все яснѣе и яснѣе исполинскіе вздохи вихря, похожіе на шипѣніе огромныхъ мѣховъ. Черезъ минуту вихрь ворвался въ пологъ, пронизалъ его съ верхняго лѣваго

---

[1]) У Берингова пролива.

[2]) По представленію чукочъ, перелетныя птицы два раза въ годъ должны пролетать сквозь узкій проходъ между землей и небомъ въ видѣ огромной каменной ловушки, непрерывно подымающейся и опускающейся. Разсказы объ этомъ проходѣ нѣсколько напоминаютъ сдвигающіяся скалы на пути корабля Арго.

угла до праваго нижняго, во второй разъ пробивъ толстую мѣховую оболочку, ушелъ въ глубину и потонулъ въ отдаленныхъ нѣдрахъ земной утробы.

Люди, сидѣвшіе въ пологу, однако, не ощутили ни малѣйшаго вѣянія свѣжаго воздуха. Настоящій реальный вѣтеръ остался снаружи, а въ пологъ явился только его *увырытъ* [1]), который весь исчерпывался звуками. Порывъ вихря, промчавшійся сквозь пологъ, былъ потокомъ визгливыхъ воплей и задыхающагося воя, который, прокатившись мимо, опустился куда-то въ глубь и исчезъ такъ же быстро, какъ возникъ.

— Эгей, ге, ге, гей!—опять протянулъ Уквунъ:—Онъ говоритъ, что прилетѣлъ съ сѣвера.

Повидимому шумъ, промчавшійся сквозь пологъ, имѣлъ для него болѣе опредѣленный смыслъ, чѣмъ для всѣхъ остальныхъ.

Чаунецъ нетерпѣливо фыркнулъ. Духи какъ будто шутили надъ Уквуномъ, ибо сообщеніе ихъ было извѣстно всѣмъ присутствующимъ безъ всякой сверхъестественной помощи.

— Солнце, подыми вверхъ руки!—началъ снова Уквунъ:—покажи мѣсяцу свои рукавицы [2])... По твоей рукѣ я полѣзу вверхъ, достигну зыбкаго лона облаковъ, съ облаковъ подымусь до прозрачнаго неба; по твердому небу пройду въ небесную щель... Сквозь щель достигну Звѣзды Воткнутаго Дерева [3])... Люди разсвѣта, помогите мнѣ!.. Люди Зари, помогите мнѣ!.. Люди Восхода, помогите мнѣ!.. Люди Утра, помогите мнѣ!.. Къ Утренней Зарѣ Вечерняя ходитъ въ гости, плаваетъ внизъ по песчаной рѣкѣ [4])... Утренняя Звѣзда идетъ кочевымъ караваномъ... У охотниковъ за лосями [5]) возьму троесплетенный арканъ; у Блестящей Звѣзды [6]) желѣзныя путы... Макушка неба, дай свои ножницы... остричь и выщипать его маховыя перья... Накину на него троепрядный арканъ, опутаю его желѣзными путами, желѣзной цѣпью обвяжу поперекъ тѣла...

Каждую фразу своего заклинанія Уквунъ повторялъ трижды, сопровождая ее самыми вычурными переливами тоновъ, какіе только могъ произвести его голосъ. Колотушка стучала въ натянутую кожу бубна съ такой силой, что можно было удивляться, какъ она не прорветъ эту тонкую и непрочную оболочку.

---

[1]) Увырытъ—душа. Собственно движущее начало, проникающее всѣ предметы, одушевленные и неодушевленные.

[2]) Столбы по сторонамъ солнца называются его рукавицами, а вѣнецъ—шапкой.

[3]) Полярная звѣзда.

[4]) Песчаная рѣка—млечный путь.

[5]) Охотники за лосями—парныя звѣзды созвѣдія Рыси (двѣ пары).

[6]) Блестящая Звѣзда—Венера.

— Съ подвѣтренной стороны къ моему шатру подошелъ быкъ съ семивѣтвистыми рогами, — продолжалъ Уквунъ. — Нюхаетъ горечь моего дыма, вдыхаетъ запахъ моего логовища... Повези меня па долгій поискъ, обскачу всѣ земли, осмотрю тундры и хребты, отыскивая шатеръ, поставленный его женой...

— Старый моржъ одынецъ заснулъ на льдинѣ, зацѣпившись клыками за край тороса [1]... Понеси меня черезъ широкое море! Осмотрю всѣ заливы и глубокія заводи, отыскивая пологъ, развѣшенный его женой.

— Сѣрая сова съ широкими крыльями ищетъ пищи среди трещинъ убоя!.. На ея крыльяхъ полечу на поискъ, обыщу девять небесъ и девять разныхъ міровъ, чтобы найти костеръ, разведенный его женой...

— Гдѣ ты? Гдѣ ты?—завопилъ Уквунъ неистовымъ голосомъ.—Явись, явись, явись!..

Въ сторонѣ полога, противоположной Уквуну, послышался какой-то необыкновенный звукъ, похожій на истерическую икоту.

Янта вздрогнула и крѣпче прижалась къ жениху, такъ какъ звукъ раздавался какъ разъ надъ ея головой.

Вслѣдъ за первымъ звукомъ послышался другой, и непосредственно за этимъ раздалось такое оглушительное фырканье, что оно заглушило даже стукъ колотушки Уквуна, неистовствовавшей въ противоположномъ углу. Духъ свѣжаго вѣтра, очевидно, чувствовалъ себя не особенно хорошо въ душной атмосферѣ полога. Когда фырканіе, наконецъ, прекратилось, надъ головой людей поплылъ отрывистый рядъ странныхъ, дрожащихъ, задыхающихся, почти судорожныхъ звуковъ, которые пытались складываться въ короткія и непонятныя слова [2]:

— Котэро, тэро, муро, коро, поро! — силился выговорить духъ на какомъ-то неизвѣстномъ языкѣ.

Уквунъ на минуту прекратилъ барабанный бой.

— Что̀?—сказалъ онъ, обращаясь къ невѣдомому существу, говорившему въ темнотѣ.

— Поро!—сказалъ духъ.

— Ко! (не понимаю)—отвѣтилъ Уквунъ.

---

[1]) Торосъ—глыбы морского или рѣчного льда, выдавшіяся вверхъ подъ дѣйствіемъ взаимнаго нажима льдинъ.

[2]) Сущность чукотскаго шаманства заключается въ чревовѣщаніи, причемъ многіе шаманы достигаютъ большого искусства. Съ другой стороны почти каждый старикъ является до нѣкоторой степени шаманомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и чревовѣщателемъ. Всѣ приведенныя заклинанія составляютъ буквальный переводъ съ чукотскаго.

— Поро! поро!—продолжалъ духъ съ оттѣнкомъ нетерпѣнія. Онъ, повидимому, особенно настаивалъ на этомъ словѣ.

— Отъ рожденія своего я глупъ,—съ сокрушеніемъ сказалъ Уквунъ.—Предъ языкомъ духовъ имѣю заткнутыя уши. Если бы вы говорили понятными словами!..

— Поро!—отвѣчалъ упрямо духъ. Онъ, очевидно, не хотѣлъ произносить никакого другого слова.

— Ухъ!—сказалъ Уквунъ съ отчаяніемъ.—Умъ мой грубъ для пониманія. Если бы привести толкователя, его мудрость дала бы помощь.

По обычаю чукотскихъ шамановъ, онъ просилъ духовъ призвать переводчика для того, чтобы передать языкъ заоблачныхъ сферъ въ обыкновенныхъ человѣческихъ словахъ.

Порывъ вѣтра опять пронесся сквозь пологъ, но на этотъ разъ не прошелъ сквозь, а задержался у той стѣнки, откуда недавно раздавался голосъ духа.

— Вотъ я пришелъ!—послышался новый голосъ.—Пришелъ я! Пришелъ. Да! Говорите, чего хотите! Я хочу торопиться!

Новый посѣтитель говорилъ на чукотскомъ языкѣ; но тембръ его голоса поразительно походилъ на голосъ духа, говорившаго раньше. Это былъ все тотъ же беззвучный, задыхающійся шопотъ, съ трудомъ выходившій изъ невидимаго горла и успѣвавшій произносить только первую половину словъ. Вторая половина терялась въ фырканіи и сопѣніи, и слушателю предоставлялось самому возстановлять смыслъ произносимой рѣчи.

— Котэро, тэро, поро!—заговорилъ первый духъ, успѣвшій перемѣститься влѣво и теперь осѣнявшій голову Яяка.

Онъ говоритъ: я Духъ Милосердія! [1]) — давился и захлебывался переводчикъ. — Если живете мирно, не затѣвайте ссоръ!

Кителькутъ, сидѣвшій недалеко отъ Уквуна, шумно перемѣнилъ свое положеніе. Въ словахъ таинственнаго гостя содержался неопредѣленный намекъ на его споръ съ пріѣзжимъ чаунцомъ.

— Маынра кули, рэтыкъ, потэро, котэро, тэро.—Заговорилъ первый духъ.

— Онъ говоритъ,—сказалъ переводчикъ,—я Духъ Милосердія [1]). Если другъ друга не жалѣете, то зачѣмъ вамъ промыселъ?..

Теперь духи, повидимому, намекали на неравномѣрное распредѣленіе жира на стойбища. Какъ всегда бываетъ въ такихъ

---

[1]) Собственно, Милосердное Бытіе. Тоже одно изъ обычныхъ названій Верховнаго Божества.

случаяхъ, они хотѣли оказать покровительство тому человѣку, который являлся посредникомъ передъ ихъ лицомъ. Несмотря на неопредѣленность, намеки духовъ были, однако, такъ хорошо понятны всѣмъ слушателямъ, какъ будто были выражены самыми ясными словами.

— Пустое!—вдругъ сказалъ Кителькутъ;—это кэрецкій духъ, не чукотскій!..

Голосъ его звучалъ непоколебимымъ упрямствомъ. Старый торговецъ считалъ духовъ, говорившихъ въ пологу, такими же реальными существами, какъ людей, которыхъ онъ встрѣчалъ въ сосѣднихъ селеніяхъ, но зато и относился къ нимъ почти такъ же свободно, какъ къ людямъ. Безчисленную сѣть обрядовъ, которая перешла къ нему по преемству отъ дѣдовъ и отцовъ, онъ въ точности соблюдалъ, какъ наслѣдственное достояніе своей семьи: зажигалъ священные огни, собиралъ и уничтожалъ остатки ѣды, совершалъ возліянія кровью, мазалъ саломъ связки амулетовъ, приносилъ въ жертву собакъ. Но онъ совсѣмъ не хотѣлъ измѣнять характеръ своихъ житейскихъ поступковъ и отношеній сообразно велѣніямъ свыше, которыя притомъ въ чукотскомъ быту получаются черезчуръ часто, чтобы придавать имъ слишкомъ серьезное значеніе. Кителькутъ относительно боговъ и духовъ успѣлъ выработать себѣ смутно сознаваемую, но тѣмъ не менѣе глубоко засѣвшую теорію, по которой боги, получая съ него дань, какая имъ слѣдовала по праву, уже не должны были вмѣшиваться въ его отношенія къ людямъ и жизни. Въ довершеніе всего духи, призванные Уквуномъ, обнаруживали явное пристрастіе къ интересамъ задняго шатра, и онъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что это какіе-то не настоящіе духи, по всей вѣроятности, домашніе покровителя Анеки, которая ихъ привезла съ собой изъ своей родины.

Но Уквуну слова стараго торговца показались чуть не святотатствомъ.

— Грѣхъ!—тотчасъ же откликнулся онъ изъ своего угла.— Не говори! Только меня подводишь! Ты противишься, а на мнѣ могутъ выместить!

Въ голосѣ его звучалъ страхъ. Чукотскіе духи, недовольные поведеніемъ слушателей, имѣютъ обыкновеніе вымещать на шаманахъ свой гнѣвъ.

— Чтò онъ проситъ?—отрывисто спросилъ Кителькутъ.

Онъ готовъ былъ дать духамъ выкупъ, чтобы они не мѣшались въ его дѣла.

Уквунъ снова пустилъ въ ходъ колотушку и бубенъ и при-

нялся пѣть и барабанить съ удвоеннымъ усердіемъ, видимо, желая загладить неловкія слова хозяина. Но духи, повидимому, обидѣлись замѣчаніемъ Кителькута и рѣшили хранить суровое молчаніе, и никакія усилія Уквуна не могли заставить ихъ явиться снова. Это продолжалось съ четверть часа.

Вдругъ слушатели, нетерпѣливо слушавшіе безплодныя завыванія Уквуна, вздрогнули всѣ сразу. Въ отвѣтъ на пѣніе старика въ противоположномъ углу полога раздался другой голосъ, тоже пѣвшій напѣвы, посвященные призыву внѣшнихъ силъ. Это не былъ голосъ духа, онъ для этого былъ слишкомъ чистъ и громокъ. Онъ вырывался изъ груди своего обладателя съ такой полнотой и свободой, которая говорила прежде всего о крѣпкихъ легкихъ и хорошо развитыхъ связкахъ горла и во всякомъ случаѣ не имѣла ничего общаго съ захлебывающимся хрипѣніемъ гостей Уквуна. Звуки этого голоса наполняли пологъ, обтекали его стѣны и углы, рвались наружу и, не находя выхода, носились взадъ и впередъ, трепеща, какъ пойманныя ласточки, пока, наконецъ, присутствующимъ не начало казаться, что онъ раздается уже не во внѣшнемъ мірѣ, а гдѣ-то внутри, надъ ихъ собственнымъ черепомъ.

Уквунъ былъ пораженъ не менѣе, чѣмъ другіе, и сдѣлавъ двѣ или три попытки состязаться съ новымъ пѣвцомъ, сбился съ тона, оборвался и замолкъ. Онъ прекратилъ также свой барабанный бой, который теперь не имѣлъ никакого смысла. Новый рядъ напѣвовъ тоже прекратился на мгновеніе.

— Пусти!—громко сказалъ повелительный голосъ Нувата,—такъ какъ это былъ онъ,—слышно было, какъ они съ Уквуномъ помѣнялись мѣстами. Вслѣдъ за этимъ колотушка снова застучала въ бубенъ съ лихорадочной быстротой, и цѣлый взрывъ переливающихся тоновъ разразился надъ слушателями. Молодой шаманъ замѣнилъ стараго и въ свою очередь хотѣлъ помѣряться съ духами вѣтра.

Однако, Нуватъ не сталъ тратить много времени на предварительныя эволюціи. Напѣвы Уквуна расчистили передъ нимъ дорогу, и онъ чувствовалъ въ себѣ достаточную степень возбужденія, чтобы прибѣгнуть прямо къ заклинаніямъ.

— Мой челнокъ,—запѣлъ онъ,—легокъ и быстръ! На лету обгоняетъ птицъ. Маленькая птичка Каянáльгинъ обгоняетъ и ее. Двѣ мои души [1]) сказали: мы возьмемся за ручки по обѣ стороны челна и полетимъ въ невѣдомыя страны! Хорошо мнѣ

[1]) По представленіямъ чукочъ, каждый человѣкъ имѣетъ до пяти душъ.

летѣть съ вами, сидя на растянутой шкурѣ, среди круглой деревянной ограды, грести веслами изъ китоваго уса... Го, го, го, гой!

Онъ аккомпанировалъ себѣ на натянутой кожѣ, которую воспѣвала его пѣснь, но теперь полоска китоваго уса слегка касалась звонкой поверхности и извлекала изъ нея тихіе рокочущіе перекаты, какъ будто отъ этой упругой перепонки отскакивали маленькіе круглые шарики, непрерывно возвращаясь назадъ, чтобы оттолкнуться снова. Эти звуки не заглушали, а только еще болѣе оттѣняли значеніе словъ Нувата.

— Голова Летающаго въ темнотѣ—моя голова... Его руки—мои руки... Его ноги—мои ноги... Тѣло его я присвоилъ себѣ, а мое собственное тѣло стало старымъ пнемъ, упало на стрѣлку мыса среди наноснаго лѣса... Пѣснь моя прекрасна. Души мои летаютъ въ разныя стороны, обозрѣваютъ все сущее, сами невидимыя, и приносятъ въ мою грудь знаніе, какъ пищу въ гнѣздо.

— Издавна стремлюсь я летѣть на своемъ кругломъ парусѣ вверхъ, вверхъ!..

Голосъ его внезапно оборвался. Слушатели затаили дыханіе, ожидая, что̀ будетъ дальше.

Послышалось легкое хрипѣніе, потомъ шуршаніе бубна, упавшаго на шкуру вмѣстѣ съ державшей его рукой. Дальше не было ни звука. Душа молодого шамана, очевидно, покинула на время его смертную оболочку и отправилась въ таинственное путешествіе, которое онъ воспѣвалъ передъ этимъ съ такимъ увлеченіемъ.

Прошла минута или двѣ молчаливаго ожиданія.

— Зажгите свѣтъ!—сказалъ Кителькутъ суровымъ тономъ.
—Станемъ по крайней мѣрѣ курить.

— Вельвуна, Вельвуна!—немедленно закричала хозяйка:—дай огня! Нерпичья морда, зажги лучинку! Драный носъ!.. Или ты оглохла?

Но Вельвуну не такъ-то легко было разбудить. Утомленная дневной работой и равнодушная къ шаманскимъ церемоніямъ, которыя, впрочемъ, были отдѣлены отъ нея мохнатой стѣной полога, она спала, какъ убитая, растянувшись на землѣ и пододвинувъ къ догорающему огню свои ноги въ истертыхъ оленьихъ сапогахъ, которые, повидимому, вовсе не защищали отъ холода. Янта поспѣшно выползла и принесла огня. Багровое око лампы блеснуло подъ пологомъ и освѣтило молодого шамана, лежавшаго въ углу. Кителькутъ быстро нагнулся въ сторону сына;

но Уквунъ тотчасъ же накинулъ ему на лицо шаль, нарочно приготовленную для этого. Лицо человѣка, оставленнаго душами, не слѣдовало показывать глазамъ другихъ людей. Кителькутъ успѣлъ замѣтить, что глаза молодого шамана были закрыты и крѣпко стиснутые зубы нѣсколько выставлялись изъ-за полуоткрытыхъ губъ.

Молодой человѣкъ лежалъ навзничь, опираясь плечами и головой о мѣховую стѣну полога. Одна рука его стиснула рукоять бубна, лежавшаго рядомъ; другая, державшая тонкій хлыстикъ китоваго уса съ лопаткообразнымъ расширеніемъ на концѣ, упала на грудь и нѣсколько свѣшивалась въ сторону.

Люди въ пологу поспѣшно выкурили свои трубки и стали молча ожидать пробужденія шамана. Кругомъ ихъ царила полная тишина, нарушаемая только отдаленнымъ завываніемъ бури и тихимъ, но напряженнымъ шипѣніемъ свѣтлаго пламени. Суровый взоръ Кителькута и боязливый взглядъ Янты были одинаково внимательно прикованы къ неподвижной человѣческой фигурѣ, голова которой смутно обрисовывалась изъ-подъ покрывала.

Наконецъ, изъ-подъ шали послышался слабый, но протяжный вздохъ. Души Нувата возвращались изъ воздушнаго странствія.

— Погасите огонь!—поспѣшно сказалъ Уквунъ.

Руки его были заняты. Онъ наполнялъ крѣпкимъ табакомъ, не имѣвшимъ примѣси скобленаго дерева, трубку, которую слѣдовало подать молодому шаману немедленно по пробужденіи.

— Скорѣе!—прибавилъ Уквунъ нетерпѣливо.—Вотъ встаетъ!

Нуватъ, дѣйствительно, сдернулъ съ своего лица шаль и приподнялся на своемъ сидѣньѣ въ ту самую минуту, когда Янта утопила въ тягучихъ нѣдрахъ ворвани послѣднюю частицу пылающей моховой свѣтильни.

— Э-гей!—снова вздохнулъ Нуватъ. Рука его, сжимавшая еще колотушку, поднялась и машинально потянулась къ бубну; но тотчасъ же опустилась внизъ. Тоненькій усовый хлыстикъ только слегка шаркнулъ по перепонкѣ, вызывая глухой и непріятный скрипъ... Уквунъ сунулъ въ ротъ молодому шаману закуренную трубку. Нуватъ жадно сдѣлалъ нѣсколько затяжекъ подъ рядъ. При слабомъ свѣтѣ, вспыхивавшемъ и снова погасавшемъ надъ деревяннымъ жерломъ трубки, лицо Нувата, на мгновеніе выступая изъ тьмы, казалось присутствующимъ смертельно блѣднымъ и похожимъ на лицо мертвеца. Глаза его все еще были закрыты.

Но возбуждающее дѣйствіе крѣпкаго курева мгновенно возвратило ему сознаніе и силу.

— Э-ге-ге-гей!—вздохнулъ онъ въ третій разъ уже полной грудью.

Вслѣдъ за этимъ послѣдовалъ оглушительный залпъ ударовъ колотушки, какъ будто молодой шаманъ выбивалъ побѣдный маршъ въ честь своего возвращенія изъ-за облачныхъ сферъ.

— Я пришелъ, пришелъ, пришелъ!—заговорилъ онъ нараспѣвъ.—Я спустился съ неба на салазкахъ падающей звѣзды, я всплылъ надъ моремъ, какъ плавательный мѣхъ, пробился изъ-подъ земли, какъ рогъ чортова оленя [1]), когда онъ прорываетъ себѣ ходъ въ прирѣчныхъ ярахъ... Я пришелъ...

Онъ очевидно находился въ состояніи сильнѣйшаго нервнаго возбужденія. Голосъ его дрожалъ и вибрировалъ, фразы перемежались истерическими вздохами. Ему какъ будто не хватало воздуха и, протягивая послѣдній слогъ заключительнаго слова фразы, онъ вдругъ рѣзко обрывалъ его, дѣлалъ глубокій и жадный глотокъ воздуха и только тогда переходилъ къ слѣдующей фразѣ.

— Я поднимался за предѣлы вселенной, — говорилъ Нуватъ,—ноги мои топтали изнанку неба; глаза мои видѣли шатры верхнихъ странъ; прильнувъ къ своей ладьѣ, я носился надъ невѣдомыми странами; незримый, я смотрѣлъ...

— Я видѣлъ, какъ ущербленный мѣсяцъ столкнулся съ нарождавшимся и одинъ изъ нихъ упалъ мертвымъ...

— Я видѣлъ, какъ Восходъ и Закатъ состязались, прыгая взапуски черезъ черное ущелье, утыканное острыми осколками костей...

— Я видѣлъ, какъ играли въ мячъ люди сполоховъ [2])... Ноги ихъ не знаютъ покоя... Снѣгъ подъ ихъ ногами переливается огнемъ.

— Я видѣлъ дочерей Разсвѣта, одѣтыхъ въ испещренное платье. Воротъ ихъ опушенъ солнечнымъ лучемъ. Отверстія рукавовъ наполнены сіяніемъ.

— Я видѣлъ Владычицу міра, Богатую Женщину, сидящую на грудѣ бобровъ... Изъ ноздрей ея при каждомъ вздохѣ выходитъ по десяти бобровъ, и она складываетъ ихъ въ сумы и раскладываетъ по сторонамъ, воздвигая пестрый шатеръ...

— Я видѣлъ красоту верхняго міра, но Наргиненъ мнѣ сказалъ: не будь здѣсь, спустись!

---

[1]) Мамонтъ.

[2]) Сѣверное сіяніе.

— Я спустился до глубины третьей бездны, гдѣ живутъ тѣни всего сущаго,—говорилъ Нуватъ.

— Я видѣлъ тѣнь нашей земли, призракъ моря, отраженіе прибрежныхъ скалъ... Души нашихъ шатровъ спустились туда прежде меня и прильнули къ утесу между разбросанными камнями.

Слушатели сидѣли, затаивъ дыханіе. Передъ глазами ихъ во очію развертывались новыя и странныя картины, описываемыя Нуватомъ; они носились вмѣстѣ съ нимъ надъ вселенскими безднами, прицѣпившись къ скользкимъ ручкамъ утлаго челнока бубна.

— Люди мертваго племени приносили жертву за шатрами,—продолжалъ Нуватъ.—Огонь ихъ костра поднимался вверхъ тонкимъ столбомъ, не имѣющимъ дыма. Я подошелъ и сталъ ѣсть вмѣстѣ съ ними.

— Вотъ примчались двое съ полуночной стороны. Они пріѣхали на пестрыхъ оленяхъ. Подстилки ихъ саней отрѣпаны отъ долгой ѣзды. Копыта оленей стерлись отъ скачки. Я посмотрѣлъ на нихъ, умъ мой смутился и тѣло мое ослабло и стало, какъ вода.

— Отчего глаза ихъ обращены назадъ?—спросилъ я:—брюхо оленей распорото, кишки волочатся сзади?

— Когда они подъѣхали къ костру, я увидѣлъ ихъ лица. У одного была веревка на шеѣ; глаза его были глазами Катыка [1]. Кого они искали среди подземныхъ жителей?.. Снѣгъ сталъ таять и потекъ какъ кровь; цѣлое озеро натекло между шатрами.

— Кровь, кровь!—закричалъ Нуватъ, внезапно возвысивъ голосъ.—Я вижу кровь на столбахъ нашего дома.

Присутствующіе снова вздрогнули. Слова Нувата, повидимому, уже не относились къ области его видѣній.

— Какая кровь?—спросилъ Коравія неувѣренно.

— Тамъ въ шатрѣ на столбахъ свѣжее пятно,—крикнулъ Нуватъ.—Пустите! Я хочу посмотрѣть.

И онъ стремительно бросился впередъ и выскочилъ въ переднее отдѣленіе шатра.

Яркій свѣтъ ударилъ ему въ глаза и на мгновеніе ослѣпилъ его. Вельвуна, проснувшись у полупогасшаго костра, теперь подбросила въ огонь новую охапку дровъ. Пламя пылало и поднималось неправильными языками къ тремъ толстымъ столбамъ, сходившимся вверху и составлявшимъ основу Кителькутова жилища.

---

[1]) См. гл. I.

Коравія послѣдовалъ за своимъ товарищемъ.

— Ну, гдѣ же кровь?—говорилъ онъ съ удивленіемъ.— Смотри, столбы чисты.

Но Нуватъ, при свѣтѣ огня внезапно очнувшійся отъ своихъ грезъ къ сознанію дѣйствительности, и самъ не понималъ своего предыдущаго порыва.

— Мнѣ холодно!—сказалъ онъ вмѣсто отвѣта.—Войдемъ въ пологъ!

Коравія зажегъ лучинку у костра и унесъ ее съ собой. Теперь, когда очарованіе было нарушено, можно было зажечь лампу въ темнотѣ полога. Выходка Нувата, впрочемъ, не произвела на слушателей особенно глубокаго впечатлѣнія. Лицо Кителькута было совершенно спокойно. Эти люди, существовавшіе плодами охоты, слишкомъ привыкли видѣть и проливать кровь, чтобы лишнее упоминаніе о ней могло разстроить имъ нервы. Мысли ихъ, повидимому, отклонялись совсѣмъ въ другую сторону.

— А что же вѣтеръ?—спросилъ Яякъ съ разочарованіемъ въ голосѣ.—Ты развѣ не видѣлъ духа вѣтровъ?

Нуватъ опять сѣлъ на свое мѣсто и старался сосредоточиться въ самомъ себѣ, чтобы уловить нить своихъ видѣній. Черезъ нѣсколько секундъ это ему удалось. Но онъ уже не чувствовалъ достаточнаго подъема духа, чтобы проникнуться величіемъ видѣнныхъ имъ картинъ. Кромѣ того, онъ чувствовалъ сильную усталость, и сонъ, давившій его весь вечеръ, теперь вернулся съ удвоенной силой. Онъ закрывалъ глаза, чтобы лучше припомнить, и чувствовалъ, какъ вѣки его слипаются и внезапный туманъ задергиваетъ образы, возникающіе въ мозгу. Однако такъ или иначе нужно было докончить требуемое прорицаніе.

— Я не нашелъ духа вѣтровъ,—вяло заговорилъ онъ,—ни на тверди верхнихъ небесъ, ни въ преисподней вселенной. Тогда я полетѣлъ по нашей землѣ. Нашелъ его среди Бѣлаго моря: сидитъ на торосѣ и машетъ рукавами. Изъ одного сыплется снѣгъ, изъ другого вылетаетъ вѣтеръ...

Говорю ему:—Старикъ, зачѣмъ дѣлаешь вѣтеръ?

— У меня не хватаетъ въ упряжкѣ одной собаки.

— Какой собаки?—спросилъ Кителькутъ.

— Я спросилъ тоже,—сказалъ Нуватъ.—Онъ говоритъ: Духи и люди любятъ все пестрое.

— Пеструю собаку?—сказалъ Кителькутъ, соображая.— Если бы утихъ вѣтеръ, можно не пожалѣть.

Вопросъ этотъ касался обрядовой и практической стороны религіи, и онъ сразу почувствовалъ твердую почву подъ ногами.

Якъ насупился. Въ его упряжкѣ тоже была пестрая собака. Онъ подумалъ, что и ему не мѣшало бы принести жертву „хозяину" этой страны, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ онъ вообще относился къ нему довольно беззаботно. Но собаку онъ отдать не могъ въ виду предстоящаго путешествія, а относительно русскихъ товаровъ, которые такъ нравятся духамъ, онъ даже не зналъ съ увѣренностью, что̀ именно достанется на его долю.

Шаманское дѣйствіе кончилось. Нуватъ, положивъ бубенъ на мѣсто, откуда онъ былъ взятъ, уже улегся на своемъ прежнемъ мѣстѣ у стѣны. Другіе тоже укладывались, кто какъ могъ. Въ пологѣ было такъ тѣсно, что едва хватало мѣста для того, чтобы улечься всѣмъ. Янта помѣстилась рядомъ съ дѣтьми на хозяйской сторонѣ справа. Трое мужчинъ стѣснились на лѣвой сторонѣ. Уквунъ съ женой помѣстились посрединѣ, скрючивъ ноги, чтобы не опрокинуть огромнаго котла съ холоднымъ бульономъ, который стоялъ рядомъ съ лампой. Зато было такъ тепло, что спавшіе не нуждались въ одѣялахъ и могли, разоблачившись отъ лишней одежды, нѣжить свое тѣло на мягкихъ шкурахъ; между тѣмъ какъ на дворѣ по прежнему ревѣла вьюга, и продолжала свирѣпствовать вся ярость разыгравшейся зимней непогоды.

V.

На другой день вьюга дѣйствительно немного утихла. Вѣтеръ прилеталъ съ океана съ прежнимъ ожесточеніемъ, но небо стало свѣтлѣе. Тучи тонкой снѣжной пыли, носившейся кругомъ, вдругъ окрасились блескомъ восходящей зари. Весь воздухъ наполнился сіяніемъ. Лучи дневного свѣта таяли и расплывались въ пучинѣ бушевавшей воздушной стихіи, какъ свѣтлыя чары, понемногу смягчавшія ея необузданную ярость. Теперь можно было ожидать, что къ вечеру непогода совсѣмъ уляжется.

Нуватъ и Коравія немедленно стали собираться къ сѣтямъ. Январьскій день коротокъ, и они должны были торопиться, если хотѣли успѣть засвѣтло управиться съ работой. Коравія уже вывелъ свою упряжку туда, гдѣ начинался спускъ со взгорья. Собаки, наскучившія долговременнымъ пребываніемъ на привязи, выли, подымались на дыбы и рвались изо всѣхъ силъ, желая

поскорѣе пуститься въ путь. Нуватъ увязалъ въ чумъ [1]) ремни, пѐшни [2]), ружья и другія вещи, нужныя для промысла, и сталъ войдать [3]) полозья. Кое-какъ съ большими усиліями, при помощи двухъ тормазныхъ палокъ, они спустили нарту со взгорья и черезъ минуту полозья уже стучали и грохотали по высокимъ заcтругамъ на открытомъ льду далеко отъ каменной стѣны мыса. Собаки неслись какъ бѣшеныя. Коравія то-и-дѣло просовывалъ *приколъ* (тормазъ) между копыльями нарты, чтобы нѣсколько замедлить ихъ быстроту. Онъ боялся, чтобы онѣ не надорвались съ натуги. Но остріе тормаза не пробивало твердой коры убоя, и собаки совсѣмъ не чувствовали задержки. Нуватъ никакъ не могъ усидѣть на нартѣ. Отъ быстрой ѣзды онъ пришелъ въ возбужденное состояніе. Онъ самъ ощущалъ такую же потребность движенія, какъ и собаки. То-и-дѣло онъ вскакивалъ съ нарты и, подхвативъ копье, бѣжалъ рядомъ, опираясь на тупой конецъ ратовья, чтобы увеличить размахъ своего шага, или ловко пробираясь между застругами, обгонялъ упряжку и убѣгалъ впередъ, къ великому соблазну собакъ, которыя, задыхаясь отъ соревнованія, мчались сзади съ нетерпѣливымъ визгомъ. Менѣе чѣмъ черезъ часъ они уже были у первой линіи торосовъ, гдѣ начинались сѣти.

Промыселъ, по обыкновенію, былъ удаченъ; уже изъ пятой проруби они вытащили тюленя, запутавшагося въ сѣти, подвѣшенной, какъ колыбель, снизу деревянной четвероугольной рамы. Они весело переходили отъ кожухи къ кожухѣ [4]), быстро пробивая пѐшнями толстый ледъ, уже намерзшій на полъ-аршина послѣ того, какъ добыча уснула въ водѣ. На шестомъ переѣздѣ собаки вдругъ взяли духъ и, свернувъ вправо, опять помчались, какъ угорѣлыя.

— Нахъ! нахъ! [5])—кричалъ Коравія, давая знать передовой собакѣ, чтобы она вернулась на прежній путь. Но она даже не оборачивала головы въ его сторону.

— Не тронь! — сказалъ Нуватъ. — Медвѣжій духъ взяли. Посмотри на Дьявола!

---

[1]) Чумъ—кожаное покрывало, разстилаемое на нарты и завертываемое поверхъ уложенныхъ вещей.

[2]) Пѐшня—желѣзный ломъ на длинной рукояткѣ, употребляется для долбленія льда.

[3]) Войдать—смачивать водой. Полозья собачьей нарты для большей плавкости принято леденить, смачивая на морозѣ водой.

[4]) Кожуха—широкій сугробъ надъ дыхательной прорубью нерпы съ полостью внутри и ходомъ наружу.

[5]) Влѣво!

Дѣйствительно, лѣвая собака третьей пары, носившая это имя и натасканная (выдрессированная) для отыскиванія медвѣдей, проявляла необычайное возбужденіе. Она пригибалась къ землѣ, вытягивая въ то же время голову, чтобы понюхать воздухъ, потомъ съ размаху дергала свару [1]), изо всѣхъ силъ стараясь перервать ремень и освободиться отъ привязи.

Передъ ними тянулась поперечная линія торосовъ, совершенно занесенныхъ вьюгой и превратившихся въ толстый снѣжный валъ, изъ котораго мѣстами выглядывали верхушки льдинъ. Собаки еще прибавили бѣгу и съ визгомъ неслись впередъ, поминутно подскакивая на заднихъ лапахъ. Вдругъ изъ узкаго прохода между двумя вертикально стоявшими льдинами выскочилъ огромный медвѣдь и кинулся въ сторону. Это былъ старый самецъ; шерсть на немъ имѣла рыжеватый оттѣнокъ, особенно на спинѣ. Онъ былъ величиной почти съ быка, ниже на ногахъ, но зато длиннѣе. Особенно массивными казались его лапы, благодаря густой косматой шерсти, длиной почти въ четверть.

Несмотря на свою величину, которая должна была сопровождаться и соотвѣтственной силой, медвѣдь не проявилъ никакого мужества и малодушно пустился на утекъ, не лучше какого-нибудь зайца. Онъ бѣжалъ съ удивительной быстротой для такой массивной туши, опустивъ голову къ землѣ и на каждомъ шагу подрагивая своимъ неуклюжимъ задомъ. Онъ удалялся отъ торосовъ тоже вправо подъ прямымъ угломъ къ тому направленію, откуда пріѣхали охотники. Собаки хотѣли свернуть по его слѣду, но сбились и перепутали потягъ [2]). Нарта набѣжала сзади, и черезъ минуту вся упряжка билась на снѣгу, свиваясь огромнымъ живымъ клубомъ.

Нуватъ съ копьемъ въ рукахъ уже былъ впереди.

— Отпускай собакъ!—крикнулъ онъ на ходу.

Коравія бросился къ потягу и выстегнулъ Дьявола и еще двухъ собакъ. Потомъ онъ сталъ распутывать потягъ, но собаки рвались впередъ, волочили его по снѣгу и тѣмъ значительно затрудняли его работу. Выпроставъ, наконецъ, всю упряжку, онъ поднялъ голову. Ни медвѣдя, ни Нувата, ни отпущенныхъ собакъ уже не было видно. Но и его свора ринулась впередъ съ такой быстротой, что онъ едва успѣлъ вскочить на нарту. Ухватившись за дугу, онъ гикнулъ особеннымъ пронзительнымъ тономъ, которымъ приморскіе чукчи возбуждаютъ быстроту со-

---

[1]) Свара—постромка собачьей шлеи.

[2]) Потягъ—длинный ремень, къ которому пристегиваются собаки попарно.

бакъ въ погонѣ за дичью, и торопливо сталъ выдергивать ружье изъ нартяной покрышки.

Ноги Нувата оказались легче всѣхъ ногъ, бѣжавшихъ въ эту минуту по убою. Спущенныя собаки такъ и остались сзади; а разстояніе между нимъ и медвѣдемъ быстро сокращалось. Медвѣдь запыхался; онъ еще ниже опустилъ голову, и длинный красный языкъ вывалился у него, какъ у собаки, и почти волочился по снѣгу.

Бѣлый медвѣдь не считается у чукочъ особенно опаснымъ противникомъ, благодаря своей глупости и неповоротливости. Надѣясь на свою ловкость, Нуватъ безстрашно ринулся впередъ, держа копье наперевѣсъ. Но медвѣдь до конца проявилъ прежнюю трусость. Видя или, лучше сказать, слыша приближеніе охотника, такъ какъ его огромная голова на неповоротливой шеѣ была обращена совсѣмъ въ другую сторону, онъ вдругъ упалъ на колѣни и уткнулся головой въ снѣгъ. Нуватъ, добѣжавъ, ткнулъ его изо всей силы сзади. Желѣзное лезвіе скользнуло по бедру и глубоко вошло въ животъ. Медвѣдь издалъ громкій хрипящій звукъ, но не думалъ подняться на ноги. Молодой охотникъ вытащилъ копье и опять ткнулъ медвѣдя въ бокъ подъ лѣвую лопатку.

Все это потребовало такъ мало времени, что когда Коравія пріѣхалъ, все было кончено. Медвѣдь, правда, оказался очень живучъ; но его живучесть имѣла пассивный характеръ. Онъ барахтался на снѣгу, дрыгая всѣми четырьмя лапами, и ни за что не хотѣлъ издыхать. Собаки лаяли и рвались укусить эти движущіяся лапы. Вмѣсто того, чтобы удерживать собакъ, Коравія схватилъ ружье и выстрѣлилъ медвѣдю въ ухо.

— Вотъ тюленья душа! — говорилъ Нуватъ съ нѣкоторымъ разочарованіемъ.—Дважды ткнулъ, хоть бы пошевельнулся.

Онъ казался выше и тоньше, какъ будто его тѣло сжалось и вытянулось отъ быстраго движенія. Мѣховой колпакъ висѣлъ у него на спинѣ, и обнаженная голова была вся опушена инеемъ и походила немного на шкуру его добычи. Но грудь его поднималась чуть-чуть выше обыкновеннаго. Собаки, напротивъ того, совсѣмъ запыхались и жадно грызли оледенѣлый снѣгъ.

— Хорошая шкура! — сказалъ Коравія.— Отецъ обрадуется. Прямо десять табаковъ (фунтовъ табаку).

— Повеземъ домой! — сказалъ Нуватъ. — Сѣти досмотримъ завтра. Надо править благодарственную тризну.

Они распороли брюхо медвѣдя, вывалили на снѣгъ внутренности, кромѣ сердца и печени, и вылили кровь. Потомъ соеди-

ненными усиліями взвалили медвѣжью тушу на нарту. Нуватъ опять взялъ копье.

— Ты поѣзжай напрямки!—сказалъ онъ.—А я сбѣгаю, загребу тюленей и спущу сѣти.

И онъ побѣжалъ къ сѣтямъ такъ легко, какъ будто весь день просидѣлъ на мѣстѣ и только теперь поднялся на ноги.

Вьюга совсѣмъ улеглась. Солнце, выглянувшее на минуту на горизонтѣ, опять закатилось; но небо еще сіяло мягкой и блѣдной синевой. Заструги блестѣли, какъ вымытыя. Черная стѣна Каменнаго мыса широко поднималась на югѣ. Даже сѣдловина горнаго перевала за рубежомъ тундры чуть синѣла на краю небесъ.

Собаки Коравіи бѣжали крупной рысью, но онъ гикалъ и свисталъ, непрерывно понукая ихъ для того, чтобы доѣхать домой засвѣтло.

— У, гусь, гусь, гусь!—кричалъ онъ.—Олень, олень, олень! Пестрякъ, олени! Валипъ, олени! Дьяволъ, олени! О, домой, домой, домой!

Потомъ онъ вдругъ соскакивалъ и, схвативъ нарту за дугу, тащилъ ее изо всѣхъ силъ, помогая своей упряжкѣ; потомъ вскакивалъ лѣвой ногой на полозъ и, повиснувъ на дугѣ, отталкивался отъ земли правой ногой на всемъ бѣгу, перескакивалъ взадъ и впередъ черезъ нарту съ искусствомъ опытнаго жонглера, поддерживалъ ее на раскатахъ и поворотахъ; однимъ словомъ, проявлялъ полную мѣру той необычайной дѣятельности, которая достается на долю каждому каюру, управляющему упряжкой въ двѣнадцать собакъ съ двадцати-пудовымъ грузомъ на длинной, узкой и неустойчивой нартѣ, готовой каждую минуту опрокинуться на бокъ безъ поддержки человѣка.

VI.

Яякъ съ утра сталъ дѣятельно приготовляться къ отъѣзду. Онъ думалъ уѣхать на слѣдующее утро; но ему было необходимо тщательно осмотрѣть состояніе своей нарты и упряжки, прежде чѣмъ пуститься въ далекій путь по безлюдной пустынѣ. Онъ внимательно осмотрѣлъ одну за другой всѣхъ своихъ собакъ, изслѣдуя ихъ пахи, чтобы убѣдиться, что онѣ не имѣютъ ссадинъ и достаточно защищены отъ мороза густою шерстью. Потомъ вынулъ изъ своей нарты двѣнадцать шлей и цѣлую кучу собачьихъ сапогъ, небольшихъ кожаныхъ мѣшечковъ, предназна-

ченныхъ для надѣванія на собачьи ноги, когда ихъ подошвы протрутся до крови о шероховатую поверхность убоя. Эта обувь была прорвана во многихъ мѣстахъ, шлеи тоже нуждались въ починкѣ. Онъ принесъ ихъ въ шатеръ Уквуна и молча кинулъ по направленію къ Вельвунѣ. Онъ не забылъ вчерашней обиды и отъ женщинъ Кителькута не хотѣлъ принимать больше услугъ. Осмотрѣвъ упряжь, онъ втащилъ свою нарту въ задній шатеръ и принялся изслѣдовать вязки [1]) и перевязывать темляки [2]), расхлябавшіеся отъ многочисленныхъ спусковъ и подъемовъ предъидущей дороги. Приведя въ порядокъ нарту, онъ навойдалъ полозья и вытащилъ ее на дворъ, чтобы зарыть въ сугробѣ. Ему было такъ противно снова заговорить съ Кителькутомъ о своихъ торговыхъ дѣлахъ, что онъ инстинктивно откладывалъ это объясненіе, какъ можно дальше. Поэтому онъ принесъ съ подгорья длинный и прямой обрубокъ сосны и сталъ добывать изъ него полозья. Уквунъ нашелъ это дерево среди сплавного приморскаго лѣса, который изъ году въ годъ накапливался на крайней стрѣлкѣ мыса, и припасъ его въ подарокъ Яку, такъ какъ на Чаунѣ не было подходящаго лѣса на полозья. Зато Якъ привезъ своему двоюродному брату пыжиковъ на кукашку и черныхъ камусовъ [3]) на двѣ пары обуви.

Расколовъ дерево пополамъ, Якъ сталъ обтесывать станъ полозьевъ, желая уменьшить ихъ вѣсъ для перевозки на Чаунъ. Онъ такъ тянулъ эту работу, что когда отложилъ въ сторону гатку [4]), солнце уже склонялось къ вечеру. Медлить дольше было невозможно, такъ или иначе слѣдовало покончить съ торгомъ. Закатъ уже наступалъ, а рано утромъ онъ думалъ уѣзжать. Онъ еще разъ сходилъ къ собакамъ, какъ будто для того, чтобы набраться бодрости отъ лицезрѣнія своего любимаго Бѣлонога, и потомъ медленно прошелъ къ переднему шатру.

Кителькутъ сидѣлъ передъ входомъ и тоже тесалъ что-то гаткой.

— Ну, гдѣ у тебя?—сказалъ Якъ, насупившись и не глядя на старика.—Сколько чего хочешь дать, такъ давай!

— Ты самъ знаешь, сколько,—тотчасъ же отвѣтилъ Кителькутъ.—Возьмешь, такъ дамъ.

---

[1]) Вязки—круглыя перекладины, соединяющія копылья нарты; на вязкахъ лежитъ *доска* (настилка нарты).

[2]) Темляки—ремни, притягивающіе переднюю дугу къ копыльямъ.

[3]) Шкура, содранная съ ногъ оленя или другого животнаго. Употребляется на приготовленіе зимней обуви.

[4]) См. выше.

Они уже нѣсколько разъ пробовали договариваться о торгѣ. Яякъ привезъ на промѣнъ около двухсотъ телячьихъ шкурокъ и кромѣ того пятьдесятъ большихъ шкуръ. Прежде всего ему нужно было желѣзо, два небольшихъ котла, два топора и два большихъ боевыхъ ножа. Старикъ предлагалъ ему за его шкуры, кромѣ желѣзныхъ издѣлій, еще десять кирпичей чаю и двадцать папушъ табаку. Собственно говоря, такія условія не были особенно обидны. Весь вопросъ былъ въ табакѣ. Вмѣсто большихъ папушъ, такъ-называемыхъ „сумныхъ неломанныхъ", т.-е. сохранившихъ неприкосновенность первоначальной связки, у старика были весьма сомнительныя мелкія папушки, изъ которыхъ чья-то коварная рука болѣе или менѣе искусно убавила около трети первоначальнаго количества. На нихъ-то и намекалъ Яякъ, когда минувшимъ вечеромъ упрекалъ Кителькута въ томъ, что онъ изъ одной папуши норовитъ сдѣлать двѣ.

— Давай!—сказалъ Яякъ неохотно.

Старикъ ушелъ внутрь шатра и черезъ минуту вынесъ всѣ товары, перечисленные выше. Онъ, очевидно, приготовилъ ихъ заранѣе. Онъ былъ увѣренъ, что Яякъ въ концѣ концовъ согласится на его условія и хотѣлъ, чтобы совершеніе сдѣлки прошло какъ можно скорѣе. Чаунецъ взялъ котлы и сталъ ихъ разсматривать и ощупывать крѣпость стѣнокъ и дна; потомъ снялъ съ пояса свой маленькій, совершенно источенный ножикъ и сталъ пробовать достоинство ножей и топоровъ.

Собственно говоря, въ этомъ не было никакой нужды. Онъ уже нѣсколько разъ тщательно изслѣдовалъ эти издѣлія и признавалъ ихъ качество довольно удовлетворительнымъ. Большіе блестящіе ножи якутской работы, въ кожаныхъ ножнахъ, пестро изукрашенныхъ бѣлой и желтой жестью, ему положительно нравились. Даже и теперь онъ вдругъ почувствовалъ искушеніе надѣть одинъ изъ ножей себѣ на поясъ, вмѣсто своего стараго ножа, но удержался и угрюмо переложилъ всю кучу желѣзныхъ издѣлій на свою сторону. За желѣзомъ послѣдовали кирпичи; но и противъ нихъ онъ ничего не могъ сказать. Теперь дошла очередь до табаку. Онъ принялъ отъ старика кожаную сумку, зашитую тонкимъ ремешкомъ по устью, и долго ощупывалъ ее со всѣхъ сторонъ и взвѣшивалъ на рукахъ, какъ будто не рѣшаясь заглянуть внутрь. Табаку рѣшительно было мало. Въ умѣ его опять промелькнулъ разсчетъ, что если изъ такой малой сумки раздать родственникамъ и друзьямъ, то на его долю ничего не останется. Наконецъ, онъ съ рѣшительнымъ видомъ развязалъ ремень и, порывшись, вытащилъ одну папушку изъ тѣхъ,

которыя лежали на днѣ. Мелкая табачная пыль, поднявшаяся со дна, заставила его чихнуть.

— О и табакъ!—сказалъ Кителькутъ.—Чисто сахаръ!..

Этимъ сравненіемъ, часто употребляемымъ на сѣверѣ, онъ хотѣлъ выразить, что его табакъ въ своемъ родѣ такъ же вкусенъ, какъ сахаръ. Отъ своихъ русскихъ друзей старикъ научился показывать товаръ лицомъ.

Яякъ ничего не отвѣтилъ. Онъ съ мрачнымъ лицомъ разсматривалъ папушу, которую держалъ въ рукѣ. Какъ на грѣхъ, ему попалась чуть ли не самая дрянная во всей сумѣ, какая-то короткая, сиротливаго вида, папушка, обдерганная и обкромсанная со всѣхъ сторонъ и неестественно раздутая посрединѣ. Корешки листьевъ были перевязаны ниткой, ссученной изъ оленьихъ жилъ, конечно, весьма недавняго происхожденія. Яякъ отвязалъ нитку и бросилъ въ сторону, потомъ развернулъ папушу. Раздутость объяснилась очень просто: въ середину папуши былъ затиснутъ пучекъ табачныхъ кореньевъ, почти совершенно негодныхъ для куренія. Яякъ вытащилъ коренья, положилъ ихъ на ладонь, пристально поглядѣлъ на нихъ, и вдругъ его нижняя челюсть затряслась.

— Еще скажутъ, что я самъ...—проговорилъ онъ, всхлипывая, какъ огромный ребенокъ.—Будутъ говорить на Чаунѣ, что листья я самъ выкурилъ, а коренья привезъ друзьямъ...

При видѣ этихъ слезъ даже Кителькутъ почувствовалъ смущеніе.

— Это не я!—счелъ нужнымъ оправдаться онъ.—Это русскіе сдѣлали... Мои руки не ломали папушъ.

Но Яякъ уже не плакалъ.

— Развѣ ты безъ глазъ?—гнѣвно спросилъ онъ.

— Я былъ пьянъ,—сказалъ старикъ почти кроткимъ тономъ.

Воспоминаніе о водкѣ окончательно вывело Яяка изъ себя. Онъ вдругъ швырнулъ табакъ на землю съ такой силой, что листья разлетѣлись во всѣ стороны.

— Не надо!—заревѣлъ онъ во все горло.—Бездѣльникъ! Отдай назадъ мои шкуры!

По обычаю, немедленно по пріѣздѣ, онъ сдалъ свои шкуры старику на храненіе и теперь онѣ лежали въ мѣшкахъ въ общемъ хранилищѣ Кителькута сзади полога.

Старикъ въ свою очередь разсердился.

— Ты зачѣмъ швыряешь чужое добро, моховая морда? [1]—

---

[1]) Обидное прозвище оленеводовъ.

крикнулъ онъ, дѣлая шагъ по направленію къ противнику.— Вотъ схвачу за шею, да швырну съ утеса, мѣшокъ съ гнилымъ мясомъ!

Онъ стоялъ передъ Якомъ, выпрямивъ свой станъ, еще сохранившій полную мужскую крѣпость. Онъ былъ почти такого же роста, какъ и чаунскій богатырь, но значительно тоньше и костлявѣе. Въ борьбѣ и дракѣ онъ долженъ былъ явиться, пожалуй, не менѣе опаснымъ противникомъ, чѣмъ и самъ Якъ.

— Обманщикъ! — кричалъ чаунецъ. — Отдай назадъ мои шкуры!—и съ характернымъ чукотскимъ движеніемъ онъ оскалилъ зубы и крѣпко закусилъ рукавъ мѣховой рубахи, точь-въ-точь какъ собака, которая угрожаетъ другой собакѣ.

— Возьми!—сказалъ старикъ, возвращая все хладнокровіе. —Къ чорту твоихъ телятъ!

Онъ опять ушелъ въ шатеръ и вернулся, таща за собой два длинныхъ и узкихъ мѣшка, сдѣланныхъ изъ цѣльной шкуры тюленя, распоротой поперекъ брюха въ видѣ устья.

— Съ этого времени не ѣзди и не проси о торгѣ! — сказалъ онъ.—Какое сокровище!—насмѣшливо прибавилъ онъ, выбрасывая изъ мѣшковъ рыжія и пестрыя шкуры.—Подумаешь, бобры!

Въ самомъ дѣлѣ, выпоротки въ его глазахъ имѣли такъ мало цѣнности, что онъ почти не жалѣлъ о несостоявшейся сдѣлкѣ.

Изъ-подъ угорья послышался свистъ и сухое шарканье полозьевъ.

— Сто-ой! сто-ой!—кричалъ Коравія, останавливая собакъ. —Йаго! Съ медвѣдемъ!—раздался его громкій и веселый окликъ. —Бабы, напоите!

Обычай требовалъ, чтобы женщины совершили на голову привезенной добычи возліяніе теплой воды прежде, чѣмъ подвезти ее къ дому.

— Съ медвѣдемъ! Йаго!—радостно крикнули Кайменъ и его жена, игравшіе на площадкѣ, и кубаремъ скатились съ угорья.

Кителькутъ бросилъ на снѣгъ полуопорожненные мѣшки и быстро сбѣжалъ внизъ, совершенно забывъ объ Якѣ.

— Кто убилъ?—кричалъ онъ, подбѣгая къ нартѣ.

— Нуватъ,—сказалъ Коравія.

— А гдѣ Нуватъ?—поспѣшно спросилъ старикъ.

— Къ сѣтямъ ушелъ!—сказалъ Коравія.

— А съ нимъ ничего не случилось? — спросилъ подозрительно Кителькутъ.

Коравія поднялъ голову, удивляясь странности вопроса.

— Если бы случилось, развѣ я оставилъ бы сзади?—отвѣтилъ онъ.—Да вонъ онъ бѣжитъ!—прибавилъ онъ, указывая на движущуюся точку, показавшуюся на горизонтѣ.

Старикъ съ облегченіемъ вздохнулъ и принялся разсматривать и ощупывать добычу.

— Ну, шкура!—говорилъ онъ съ довольнымъ видомъ.—Кривой Өедька пріѣдетъ, меньше какъ за пятнадцать [1]) не отдамъ.

Они стали помогать собакамъ втащить медвѣжью тушу на верхъ, поддерживая и подтягивая нарту съ обѣихъ сторонъ. Кайменъ шелъ рядомъ съ нартой и тоже помогалъ тащить ее вверхъ своими маленькими ручками. Въ сущности, впрочемъ, онъ самъ тащился за нартой на особенно крутыхъ мѣстахъ, такъ какъ скользкія подошвы его сапогъ, сдѣланныя изъ оленьихъ щетокъ [2]), постоянно съѣзжали внизъ, и онъ то-и-дѣло падалъ носомъ на мягкую шерсть убитаго медвѣдя.

Якъ сошелъ съ угорья вслѣдъ за старикомъ, чтобы посмотрѣть на великолѣпную добычу. У него тоже было сердце охотника. Теперь онъ шелъ сзади нарты.

Когда на крутомъ подъёмѣ собаки подернули недружно и нарта раскатилась назадъ, онъ снизошелъ даже до того, чтобы подхватить тяжелый задокъ и удержать его на вѣсу.

Очутившись наверху, онъ опять посмотрѣлъ на свои выпоротки, небрежно брошенные на снѣгу, и они вдругъ показались ему въ высшей степени жалкими.

— Возьми! — сказалъ онъ Кителькуту, который помогалъ Коравіи разгружать медвѣдя.—Убери обратно! А я возьму табакъ!

— Хорошо!—сказалъ торговецъ.—Только помни! Больше не мѣняй ума! Все равно, не отдамъ назадъ.

Онъ убралъ шкуры въ шатеръ.

Чаунецъ собралъ желѣзо и табакъ и отнесъ къ своей нартѣ. У него теперь явился новый планъ, и онъ рѣшилъ отложить свой отъѣздъ еще на день. На завтра Кителькутъ долженъ былъ справлять тризну медвѣдю и вмѣстѣ съ тѣмъ принести благодарственную жертву за избавленіе отъ вьюги. По древнему обычаю, гость, присутствующій на такомъ праздникѣ, имѣетъ право просить у хозяина въ подарокъ любую вещь по своему желанію. Якъ намѣревался заявить на праздникѣ притязаніе на недостающее ему количество табаку и надѣялся, что Кителькутъ не рѣшится отказать ему. Отказъ въ подобной просьбѣ считается

[1]) Фунтовъ табаку. При счетѣ табаку, его обыкновенно даже не упоминаютъ. Кривой Өедька—русскій торговецъ съ р. Колымы.

[2]) Кусочки жесткой шкуры, снятые съ подошвы оленьей стопы между четырьмя копытами.

у чукочъ тяжкой обидой, влекущей полный разрывъ дружественныхъ сношеній. Чаунецъ довольно справедливо думалъ, что старикъ получаетъ отъ него слишкомъ много выгодъ, чтобы оттолкнуть его отъ себя безъ особой уважительной причины. Обычай требуетъ также соотвѣтственныхъ даровъ и со стороны гостя; но для нихъ не назначается никакого опредѣленнаго срока, и Яякъ думалъ привести отдарокъ въ будущій свой пріѣздъ. До будущаго года было далеко, и Яякъ мало думалъ объ этомъ. Онъ охотно взялъ бы у Кителькута табакъ, въ видѣ долга, если бы между чукчами существовало обыкновеніе давать въ долгъ.

VII.

На другой день жители поселка проснулись съ первымъ лучомъ разсвѣта. Женщины въ шатрѣ Кителькута чуть не съ полночи начали возиться, вытапливая сало изъ толченыхъ костей оленя и приготовляя жертвенную похлебку изъ тюленьей крови, смѣшанной съ кореньями и жиромъ. Рынтына наварила цѣлую гору самаго разнообразнаго мяса, какое только нашлось въ ея пищевыхъ мѣшкахъ. Яякъ провелъ ночь въ заднемъ шатрѣ; но немедленно по пробужденіи онъ явился къ Кителькуту вмѣстѣ съ Уквуномъ и его женами. Женщины расчистили снѣгъ сзади шатра и соединенными усиліями перетащили туда медвѣжью тушу. Янта вынесла идоловъ, представлявшихъ одновременно снарядъ для добыванія огня и разставила ихъ въ рядъ. Рынтына извлекла изъ какого-то сокровеннаго тайника огромную связку наслѣдственныхъ амулетовъ, большею частію представлявшихъ невзрачные кусочки дерева, раздвоенные съ одного конца; были тутъ также черные камни странной формы, нѣсколько вороньихъ и песцовыхъ череповъ и даже одна человѣческая челюсть въ кожаномъ чехлѣ, почернѣвшемъ отъ времени. Все это было навязано на одну длинную веревку, въ видѣ чудовищныхъ четокъ, покрыто толстымъ слоемъ копоти и лоснилось отъ жира.

— Онъ просилъ пеструю собаку,—сказалъ Кителькутъ рѣшительнымъ тономъ,—приведите Пестряка!

Пестрякъ была лучшая собака той упряжки, на которой ѣздилъ Коравія. Коравія выстегнулъ собаку изъ своего потяга. Пестрякъ, думая, что его распрягаютъ, весело повиливалъ хвостомъ; онъ совсѣмъ не предчувствовалъ своей участи.

— Бѣдняжка! — сказалъ Нуватъ.—Хоть покормите его передъ смертью!—И онъ отрѣзалъ кусокъ отъ жертвеннаго мяса

и бросилъ собакѣ. Потомъ надѣлъ ей на шею петлю и взялъ въ руки конецъ, Кителькутъ обвязалъ заднія ноги собаки другимъ ремнемъ и подалъ конецъ Янтѣ.

— Тяните!—сказалъ онъ, беря въ руки копье.

Коравія отвернулся; онъ не могъ видѣть смерти этой собаки, которую ежедневно кормилъ и ласкалъ. Пестрякъ, растянутый на двухъ веревкахъ, почувствовалъ себя неудобно и жалобно визгнулъ, какъ будто жалуясь на жестокое обращеніе съ собою.

Кителькутъ наставилъ копье подъ лѣвую лопатку и нанесъ ударъ. Собака пронзительно завизжала, рванулась въ сторону и стала биться, стараясь закусить ремень, стягивавшій ей горло. Черезъ минуту она уже лежала на снѣгу, подергиваясь въ послѣдней судорогѣ. Кителькутъ зачерпнулъ рукой нѣсколько капель крови изъ свѣжей раны и брызнулъ сначала вверхъ Богу Творцу, живущему на макушкѣ неба на звѣздѣ Воткнутаго Дерева, потомъ на востокъ Разсвѣту, потомъ на сѣверъ Вѣтру-Хозяину, главному вѣтру этой холодной земли, потомъ внизъ землѣ и подземнымъ духамъ. Жертву повернули головой къ востоку и подложили ей подъ голову и задъ по маленькой вѣткѣ тальника, еще сохранившей нѣсколько увядшихъ листьевъ.

Нуватъ зарѣзалъ ножомъ небольшого щенка на жертву духу убитаго медвѣдя. Женщины развели огонекъ предъ головой медвѣдя, потомъ совершили возліяніе кровяной похлебкой и стали разбрасывать во всѣ стороны мясо и сало, накрошенное мелкими кусочками. Рынтына вынула изъ котла свитокъ кишки, начиненной жиромъ, и, разрѣзавъ ее на кусочки, украсила ими уши и зубы медвѣдя; засунула также по кусочку въ пасть убитымъ собакамъ. Идолы и амулеты были вымазаны жиромъ и испятнаны свѣжей жертвенной кровью. Участвующіе взяли по куску жертвеннаго мяса и стали ѣсть. Первая часть церемоніи была окончена.

Вельвуна, хватаясь руками за веревки, стала карабкаться на верхушку шатра для того, чтобы заглушить шкурами дымовое отверстіе. Другіе участники уносили внутрь шатра жертвы и идоловъ. Нуватъ и Янта, какъ наслѣдники семейнаго служенія, положивъ на тарелки мяса, медленно пошли кругомъ шатра.

— Го-го! Го-гокъ!—громко кричали они, отпугивая враждебныхъ духовъ отъ своего жилища. Потомъ они отошли въ сторону и, выкопавъ въ снѣгу ямку, положили туда по кусочку отъ каждаго сорта мяса, покропили его вареной кровью и тщательно зарыли и заровняли съ поверхностью. Окончивъ послѣднее жертвоприношеніе, они тоже вернулись въ шатеръ.

Всѣ отверстія шатра были наглухо закрыты. Небольшой огонекъ, курившійся на очагѣ, уже успѣлъ наполнить дымомъ переднее отдѣленіе. Яркіе и прямые снопы солнечныхъ лучей, проникавшіе сквозь крошечныя дырки кожаной оболочки, прорѣзывали эту густую атмосферу длинными пучками, тонкими у основанія, но постепенно расширявшимися и оканчивавшимися круглымъ свѣтовымъ пятномъ на противоположной стѣнѣ или разбивавшимися о частый переплетъ шатровыхъ столбовъ, жердей и пятниковъ.

Мужчины были въ обыкновенной носильной одеждѣ, но женщины надѣли поверхъ своихъ керкеровъ [1]) широкіе балахоны, разукрашенные разноцвѣтной бахромой и пучками сѣрой и черной шерсти.

Кителькутъ съ бубномъ въ рукѣ и съ длинной деревянной палкой, вмѣсто обыкновенной пластинки китоваго уса, сталъ передъ огнемъ со стороны входа, обратившись лицомъ къ внутреннему отдѣленію. Съ другой стороны огня стала Рынтына на оленьей шкурѣ, обратившись лицомъ къ мужу.

— Го-гокъ!—закричалъ Кителькутъ, ударивъ палкой по деревянному станку бубна.

— Го-гокъ, го-гокъ, го-гокъ!—дружно и громко отвѣтили всѣ присутствующіе.

Началась торжественная пляска. Нуватъ и Янта, согнувъ колѣни и разставивъ носки врозь, прыгали взадъ и впередъ вокругъ огня. Кителькутъ и его жена медленно и размѣренно плясали другъ противъ друга, присѣдая то вправо, то влѣво, съ протянутыми руками и съ различными странными тѣлодвиженіями. Оба они пѣли свой особый, одинаково сложный и трудный для исполненія напѣвъ, который перешелъ къ нимъ по наслѣдству: — Кителькуту отъ отца, а Рынтынѣ отъ матери,— постепенно возвышая голосъ и ускоряя темпъ пѣнія, но продолжая свои движенія въ прежнемъ размѣренномъ порядкѣ. Одинъ за другимъ всѣ присутствующіе приставали къ нимъ, начиная каждый свою особую пѣснь и постепенно возвышая голосъ. Весь шатеръ наполнился звуками. Неискусный въ священныхъ обрядахъ, Коравія пѣлъ свою обычную пѣсню, которой онъ сокращалъ себѣ время у оленьяго стада и у тюленьей сѣти. Уквунъ стоялъ, прислонясь лицомъ къ столбу, и пѣлъ тихимъ и тонкимъ голосомъ странный и грустный напѣвъ съ безчислен-

[1]) Женская одежда, состоящая изъ широкихъ штановъ съ пришитымъ корсажемъ.

ными горловыми переливами и неожиданными переходами тоновъ. Анека, скорчившись, сидѣла на землѣ и, закрывъ лицо ладонями, пропускала сквозь неплотно сжатые пальцы безконечный рядъ прерывистыхъ, прыгающихъ, всхлипывающихъ и булькающихъ звуковъ. Ея ротъ какъ будто былъ наполненъ водой и она давилась при каждой нотѣ. Яякъ гудѣлъ глухо и монотонно, изрѣдка разнообразя свое пѣніе громкими и сердитыми выкриками. Онъ какъ будто все еще бранился съ Кителькутомъ изъ-за табаку, но выражалъ свой гнѣвъ, вмѣсто членораздѣльныхъ словъ, протяжными, скрипучими и невразумительными звуками. Только Нуватъ, окончивъ свою часть пляски, усѣлся на землѣ съ скучающимъ видомъ. Онъ чувствовалъ свое вдохновеніе истощеннымъ послѣ позапрошлой ночи и не ощущалъ желанія будить своихъ духовъ новыми призывами. Старый Кителькутъ искоса поглядѣлъ на сына, продолжая наколачивать бубенъ палкой. Ему вдругъ пришло въ голову, что, можетъ быть, его опасенія на счетъ Нувата были преувеличены.

Наконецъ, Кителькутъ усталъ и сошелъ съ своего мѣста. Но служеніе не прекращалось. Мужчины смѣняли другъ друга за бубномъ, а женщины чередовались въ пляскѣ. Шумъ все усиливался. Женщины тоже стали показывать свое искусство на натянутой кожѣ. Уквунъ послалъ Вельвуну за своимъ собственнымъ бубномъ. Теперь уже всѣ женщины прыгали одновременно около огня, издавая ужасные нечеловѣческіе вопли. Два бубна гремѣли и дребезжали взапуски, какъ будто стараясь заглушить другъ друга. Въ Янту вдругъ вселился духъ убитаго медвѣдя и она отчаянно затопала ногами и завертѣлась на мѣстѣ съ фырканіемъ, хрипомъ и пѣной у рта, какъ она неоднократно видѣла у другихъ женщинъ на такихъ празднествахъ. Кто уставалъ, садился на землю и, отдохнувъ немного, снова присоединялся къ шабашу. Собаки на дворѣ выли въ семьдесятъ здоровыхъ глотокъ и на семьдесятъ разнообразныхъ голосовъ. Можно было подумать, что онѣ тоже справляютъ праздникъ.

Въ самый разгаръ церемоніи Яякъ вдругъ громко хлопнулъ въ ладоши.

— Вижу! Табакъ! — крикнулъ онъ, обращаясь къ Кителькуту съ обычной формулой просьбы.

Крики и шумъ умолкли, какъ будто по командѣ. Домашніе Кителькута смутились отъ неожиданности, а Уквунъ съ любопытствомъ ждалъ, что̀ отвѣтитъ старикъ. Но Кителькутъ отчасти предвидѣлъ выходку чаунца и твердо рѣшился не разставаться

ни съ одной лишней папушей табаку. Онъ захватилъ лѣвой рукой колотушку вмѣстѣ съ бубномъ, а правую поднесъ къ горлу.

— Хоть горло перерѣжь!—произнесъ онъ формулу отказа, сразу отрекаясь отъ всякой торговли и знакомства съ Якомъ и подтверждая свое утреннее приглашеніе не ѣздить больше за торгомъ на Каменный мысъ. Онъ не могъ не припомнить въ эту минуту, что шкуры Яка лежатъ въ его мѣшкахъ въ темномъ углу шатра и составляютъ теперь его полную, законно пріобрѣтенную собственность.

Услышавъ отказъ, Якъ молча подобралъ свою шапку и вышелъ изъ шатра.

Служеніе послѣ его ухода продолжалось довольно долго, но совершалось уже безъ прежняго воодушевленія. Всѣхъ озабочивала мысль о только-что происшедшемъ.

Нуватъ, не принимавшій почти никакого участія ни въ пляскѣ, ни въ пѣніи, вышелъ изъ полога провѣдать собакъ. Якъ стоялъ на площадкѣ передъ шатромъ. Онъ, видимо, ожидалъ перваго, кто выйдетъ изъ шатра.

— Скажи своему отцу, — заговорилъ онъ тихимъ, но тѣмъ болѣе зловѣщимъ голосомъ,—Кителькуту скажи:—Вотъ вы отвергли меня, стараго знакомца оттолкнули прочь, товарища-однокорытника выгнали, какъ собаку. Пускай! Завтра уѣду, рано утромъ удалюсь съ вашего стойбища! Пускай! Больше не будемъ видѣть другъ друга! Пускай, пускай, пускай!—твердилъ онъ, не находя другихъ словъ и стараясь не давать воли своему гнѣву.

— Онъ сказалъ: перерѣжь горло,—вдругъ вырвалось у него громкимъ запальчивымъ крикомъ.—Наргиненъ слышалъ. Да будетъ! Всѣ ножи, топоры, копья, всѣ острыя вещи слышатъ!..

И онъ отошелъ въ сторону, повидимому, опасаясь прибавить болѣе и скрылся въ глубинѣ задняго шатра.

Собаки, успѣвшія успокоиться, опять залились оглушительнымъ воемъ, какъ будто желая подчеркнуть послѣднія слова раздраженнаго чаунца.

Нуватъ задумчиво посмотрѣлъ ему вслѣдъ и съ недовольнымъ видомъ почесалъ переносицу.

Въ этотъ вечеръ семья Кителькута совершала ужинъ мирно и молчаливо. Якъ сидѣлъ въ шатрѣ Уквуна и не показывался наружу, и Коравія накормилъ по обыкновенію его собакъ вмѣстѣ съ своими. Молодые промышленники хотѣли улечься рано. Завтра съ разсвѣтомъ они опять собирались къ сѣтямъ. Нуватъ былъ еще задумчивѣе обыкновеннаго и то-и-дѣло потиралъ рукою

лобъ. Онъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ непріятнаго чувства, навѣяннаго словами чаунца.

Черезъ пять минутъ лампа была погашена и домашніе Кителькута огласили пологъ громкимъ храпомъ самаго различнаго тембра и характера. Нуватъ выбралъ себѣ ложе рядомъ съ отцомъ, но заснуть онъ не могъ.

— Отецъ! — наконецъ, окликнулъ онъ старика. — Ты не спишь?

— Нѣтъ!—отвѣтилъ Кителькутъ.—Чего тебѣ?

Наступило короткое молчаніе. Нуватъ, видимо, искалъ словъ, чтобы начать разговоръ.

— Отецъ,—наконецъ, сказалъ онъ,—Яяку пришелъ великій гнѣвъ.

Кителькутъ ничего не отвѣтилъ. Однако можно было слышать въ темнотѣ, какъ онъ повернулся на постели лицомъ къ сыну, очевидно, для того, чтобы удобнѣе разговаривать.

— Чаунскій человѣкъ имѣетъ худое сердце! — настойчиво продолжалъ Нуватъ.

— Собака злится, никто ея не боится!—проворчалъ нехотя старикъ.

— Я видѣлъ его лицо, — сказалъ Нуватъ. — Вся его кровь почернѣла!..

— Чтобы ей протухнуть до тюленьей черноты!—выругался старикъ.

Наступила вторая пауза.

— Отчего ты ему не далъ табаку? — нерѣшительнымъ тономъ спросилъ Нуватъ.

— А ты знаешь, сколько мы должны Кулючину?—сказалъ старикъ. — Другимъ станемъ раздавать, собственный долгъ не покроемъ... Развѣ хорошо?

Нуватъ не отвѣчалъ.

— Я выпилъ у Кулючина десять бутылокъ, — продолжалъ отецъ,—и еще хочу выпить на ярмаркѣ. Ты думаешь, онъ даетъ даромъ?

— Хотя бы малую прибавку Яяку!—тихо сказалъ Нуватъ.

— Пустое!—сказалъ старикъ.—Выпоротки—худой товаръ. Кулючинъ говоритъ: выпоротки не стоятъ водки; привези лисицъ!

— Хоть бездѣлицу! — настаивалъ Нуватъ. — Погладить по сердцу, утолить гнѣвъ!

— Не дамъ!—сказалъ старикъ.—Всѣ пустыя руки не наполнишь, всѣхъ пустыхъ угрозъ не переслушаешь!

— Кто щуритъ глаза, тому медвѣдь—мышью...—возразилъ Нуватъ.

— А я тебѣ вотъ что̀ скажу, парень,—сердито началъ старикъ,—мой умъ твоего не хуже. Или я ничего не видѣлъ на свѣтѣ?

Нуватъ молчалъ.

— Много видѣлъ!—продолжалъ старикъ.—Однажды гнались за моржами. Старый моржъ забросилъ зубы черезъ край байдары, отпоролъ на маховую сажень; налилось воды до набоевъ. Насъ было восьмеро; семь стали безъ рукъ, а я ткнулъ копьемъ ему въ пасть и проткнулъ до затылка.

— Злой человѣкъ страшнѣе моржа,—сказалъ Нуватъ.

— А то еще было,—медленно продолжалъ старикъ. Гнѣвъ его успокоился, но въ темнотѣ, повидимому, передъ нимъ проходили воспоминанія его минувшей жизни.—Возвращаясь отъ русскихъ, я ѣхалъ... У Айона [1]) прилетѣла вьюга... Пять сутокъ просидѣлъ подъ застругой... Духи плевали мнѣ въ глаза ледяною пѣной... Провѣяли надо мной весь снѣгъ тундры. Всѣ собаки остались подъ убоемъ, а я ушелъ и остался живъ...

Нуватъ молчалъ.

— Однажды вѣтеръ со взгорья раскололь ледяное поле,—продолжалъ старикъ, — унесло меня на льдинѣ; по открытому морю носило... носило... Десять дней сосалъ торосъ вмѣсто талой воды, жевалъ ремни вмѣсто варенаго мяса, видѣлъ горы земли Крекая [2]), а прибило-таки къ этому берегу, вышелъ, остался живъ.

— Живой врагъ хуже враждебнаго духа,—сказалъ Нуватъ.

— Пустое!—сказалъ старикъ.—Злыхъ людей тоже видѣлъ много. Вѣкъ свой живу между племенами; половину ночей проспалъ на чужихъ изголовьяхъ. Если будешь трусить, какъ хочешь ходить по землѣ?

— Не за себя боюсь!—сказалъ Нуватъ съ легкой дрожью въ голосѣ. Его укололъ такой прямой укоръ въ трусости.

— Помнишь Ималинъ? — вдругъ сказалъ старикъ. — Гдѣ вмѣсто бѣлыхъ песцовъ голубые? Островъ на морѣ?

— Помню! — отозвался Нуватъ: — гдѣ люди носятъ одежду изъ птичьихъ шкуръ...

---

[1]) Островъ Айонъ у входа въ Чаунскую губу.

[2]) Такъ называютъ чукчи какую-то обширную землю, лежащую за Ледовитымъ океаномъ, куда будто бы нѣкогда переселилась часть ихъ племени подъ предводительствомъ Крекая. Въ основѣ этого представленія, повидимому, лежатъ неясныя свѣдѣнія о землѣ Врангеля.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ отецъ бралъ его съ собою во время лѣтней поѣздки за торгомъ и они заѣзжали на этотъ небольшой островъ на полупути между двумя великими материками.

— Ты еще не былъ на свѣтѣ,—сказалъ Кителькутъ,—да и у меня самого животъ только-что обросъ пухомъ. Мы ходили за пушниной съ покойнымъ Леутомъ, на байдарѣ, шесть человѣкъ... Возили табакъ. Тогда табакъ былъ дорогъ, не такъ, какъ теперь. За моремъ давали суму за суму: табакъ вынутъ, набьютъ лисицами. На обратномъ пути зашли на Ималинъ. Мы съ Леутомъ двое пошли черезъ островъ пѣшкомъ, съ котомками за спиной. Перешли черезъ островъ; на берегу поселокъ. Вышла ссора... *Ротастые* (эскимосы) захотѣли ограбить. Было десять нападавшихъ, а мы и то отбились и унесли въ цѣлости товары.

— Завтра онъ уѣдетъ!—задумчиво сказалъ Нуватъ.—Говоритъ: рано утромъ.

— Пусть ему вѣтеръ дуетъ сзади!—сказалъ старикъ.

— Но когда-нибудь можете встрѣтиться!—выразительно сказалъ Нуватъ.

— Какая встрѣча!—безпечно возразилъ Кителькутъ.—Гдѣ онъ ѣздитъ и гдѣ я? Его глаза не увидятъ приморской дороги. Вотъ уѣдетъ, забудемъ на вѣки, какъ будто не было.

Нуватъ не чувствовалъ себя особенно удовлетвореннымъ.

— Ну, ладно!—сказалъ онъ наконецъ.—Пусть онъ уѣдетъ пока!..

Опять наступило молчаніе.

— Отецъ,—вдругъ сказалъ молодой человѣкъ,—отчего мое сердце вздрагиваетъ, какъ пузырь куропатки? [1])—Онъ произнесъ эти слова такимъ страннымъ тономъ, что Кителькутъ вздрогнулъ.

— Чтò ты слышишь?—спросилъ онъ. Ему показалось, что Нуватъ прислушивается къ чему-то.

— Не знаю!—сказалъ Нуватъ опасливо.—Духъ пролетѣлъ мимо меня.

Отецъ недовольно фыркнулъ.

— Пусть же летаетъ!—сказалъ онъ угрюмо.—А мы станемъ спать! Завтра надо вставать, какъ можно раньше.—И онъ сердито отвернулся отъ сына и черезъ минуту уже присоединилъ свой тонкій и равномѣрный храпъ къ общему храпящему хору. Быть можетъ, онъ только показывалъ видъ, что спитъ.

Нуватъ продолжалъ лежать на постели съ открытыми глазами, всматриваясь въ темноту и вслушиваясь во что-то без-

[1]) Высушеный пузырь куропатки иногда употребляется для храненія жиру и т. п.

звучное, не имѣвшее никакого голоса для обыкновеннаго смертнаго уха.

VIII.

На другой день Коравія при брезжущемъ разсвѣтѣ уже войдалъ свою нарту, собираясь отправиться къ сѣтямъ. Яякъ тоже вышелъ изъ сосѣдняго шатра и сталъ возиться около своей нарты. Онъ, очевидно, готовился къ отъѣзду, выносилъ изъ шатра сумки и связки ремней, тюленьи шкуры и т. п. и раскладывалъ ихъ по нартѣ вдоль и поперекъ. Кителькутъ еще вчера распорядился, чтобы всѣ его вещи были перенесены къ Уквуну и ему не было надобности заглядывать въ передній шатеръ. Онъ, повидимому, и не думалъ объ этомъ, и сосредоточилъ все вниманіе на томъ, чтобы уложить свое имущество такъ, чтобы оно занимало какъ можно меньше мѣста. Кителькутъ тоже вышелъ изъ своего шатра.

— А ты чего не запрягаешь? — довольно сурово сказалъ онъ Коравіи. Въ его принципы входило строго обращаться съ своимъ нареченнымъ зятемъ.

— Нуватъ говоритъ: подожди, — отвѣчалъ Коравія, кивая головой на своего товарища, который сидѣлъ на корточкахъ по другую сторону шатра, обхвативъ колѣни съ своимъ обыкновеннымъ задумчивымъ видомъ.

— Зачѣмъ ждать? — обернулся съ удивленіемъ Кителькутъ къ сыну.

— Пусть тотъ уѣдетъ сначала, — сказалъ молодой человѣкъ,—а мы потомъ.

Старикъ вдругъ разсердился.

— Я, что, баба?—крикнулъ онъ.—Что ты меня караулишь? Развѣ мои руки слабы? Я ѣзжу по тундрѣ отъ одного конца до другого,—или тамъ тоже ты хочешь быть моимъ сторожемъ?

Онъ нарочно кричалъ такъ громко, что Яякъ не могъ не слышать его словъ.

— Мои руки берегутъ мое тѣло,—продолжалъ старикъ.— Вамъ же добываю и вожу, а вы сидите дома.

— Пусть тотъ уѣдетъ первый!—упрямо повторялъ Нуватъ.

— Я знаю!—кричалъ старикъ.—Ты лѣнишься рано загремѣть пѐшней. Теперь молодые люди стали лѣнивы.

Лицо Нувата окрасилось легкой краской. Для молодого человѣка нѣтъ ничего позорнѣе упрековъ лѣни, сказанныхъ устами отца. Онъ не отвѣтилъ ни слова и, взявъ свое неизмѣнное

копье, медленно направился къ спуску. Передъ тѣмъ какъ спуститься, онъ однако оглянулся назадъ. Чаунецъ уже растягивалъ свой потягъ, собираясь запрягать собакъ. Молодой человѣкъ вдругъ быстро устремился внизъ и, сбѣжавъ съ угорья, помчался впередъ съ такой быстротой, какъ будто онъ хотѣлъ убѣжать отъ тревожныхъ мыслей, осаждавшихъ его душу.

Коравія уѣхалъ немедленно. Ему нужно было торопиться, чтобы догнать легконогаго товарища. Яякъ тоже запрягъ своихъ собакъ, но почему-то медлилъ. Голова его потяга была привязана крѣпкимъ ремнемъ къ короткому колу, врытому въ снѣгъ для того, чтобы собаки не могли неожиданно сдернуть нарты и умчаться въ путь безъ хозяина. Кителькутъ сидѣлъ у входа въ шатеръ и тесалъ копылъ отъ нарты, ожидая, чтобы его бывшій пріятель, а теперешній врагъ, наконецъ, уѣхалъ. Но какъ только нарта Коравіи превратилась въ маленькую точку, мелькающую на горизонтѣ, Яякъ оставилъ свою нарту и съ рѣшительнымъ видомъ подошелъ къ переднему шатру.

— Кителькутъ!—окликнулъ онъ старика, сдѣлавшаго видъ, что онъ такъ углубленъ въ свое занятіе, что не замѣчаетъ приближенія чаунца.

— Вуй!—отвѣтилъ торговецъ, не подымая головы.

— Ты вчера сказалъ мнѣ, чтобъ я уѣхалъ!

— Самъ знаешь!—сказалъ старикъ.—Впрочемъ, развѣ ты думаешь здѣсь жить вѣчно?

Онъ поглядѣлъ на чаунца. Яякъ былъ въ дорожной одеждѣ; на поясъ себѣ онъ повѣсилъ, кромѣ своего маленькаго стараго ножика, еще одинъ изъ большихъ ножей въ пестрыхъ ножнахъ, которые купилъ у старика.

— Такъ дай мнѣ прибавку! — сказалъ чаунецъ. — Ты мнѣ мало далъ за шкуры.

— Я говорилъ тебѣ, чтобы ты не заговаривалъ больше о шкурахъ,—сказалъ торговецъ.—Я ихъ купилъ.

— Дай прибавку!—сказалъ Яякъ, повысивъ голосъ.

— Не дамъ!—коротко отвѣтилъ старикъ.

— Ну, такъ я самъ возьму!—крикнулъ чаунецъ, дѣлая шагъ впередъ.

Кительвутъ отбросилъ въ сторону гатку и поднялся на ноги.

— Попробуй! — сказалъ онъ выразительно, становясь поперекъ входа.

И шкуры, и товары были сзади его въ шатрѣ. Онъ ни капли не боялся Яяка и вмѣстѣ съ тѣмъ ощущалъ въ эту минуту

такую страстную привязанность къ своимъ товарамъ, какъ будто бы они были частью его собственнаго тѣла. Если бы сзади него были жена или ребенокъ; онъ не заслонилъ бы ихъ грудью съ болѣе непоколебимой готовностью.

Яякъ стоялъ, не зная что̀ дѣлать. Кителькутъ смотрѣлъ ему прямо въ глаза, и этотъ спокойный взглядъ отнималъ у него рѣшимость.

— Зачѣмъ ты ожидалъ, чтобы мои молодые люди ушли?— сказалъ Кителькутъ.—Развѣ мы волки, чтобы нападать втроемъ на одного? Что же! Хочешь бороться, попробуемъ! Кто изъ насъ хуже!—Онъ думалъ, что Яякъ, считая себя обиженнымъ, по обычаю предложитъ ему единоборство. Кителькутъ славился своимъ искусствомъ въ борьбѣ и былъ вполнѣ увѣренъ, что совладаетъ съ чаунцомъ, несмотря на его массивную тушу. Онъ постоялъ немного, но, видя, что Яякъ не распоясывается, презрительно улыбнулся и повернулся для того, чтобы войти въ пологъ, такъ и не поднявъ гатки, валявшейся у его ногъ. Онъ нимало не думалъ, что одинокій и лишенный друзей чаунецъ осмѣлится напасть на него въ его собственномъ жилищѣ, почти на глазахъ его сына и зятя. Но вдругъ онъ увидѣлъ прямо надъ своей головой обнаженный ножъ, сверкавшій въ огромной рукѣ Яяка. Быстрѣе кошки старикъ повернулся и поймалъ своими обѣими руками руку, державшую ножъ. Въ то же самое мгновеніе Рынтына, возившаяся у огнища, вскочила съ короткимъ воплемъ и, схвативъ чаунца за лѣвую руку, повисла на ней всѣмъ своимъ вѣсомъ. Соединенный двойной толчокъ былъ такъ силенъ, что богатырь упалъ на колѣни. Еще мгновеніе, и его бы повалили навзничь. Передъ нимъ мелькнуло видѣніе позорной казни, которой, конечно, предадутъ его побѣдоносные враги. Весь свѣтъ вдругъ принялъ багровый оттѣнокъ въ его глазахъ. Шея его стала еще толще и короче отъ натуги. Отчаяннымъ нечеловѣческимъ усиліемъ онъ опять поднялся на ноги и такъ дернулъ лѣвой рукой, что Рынтына отлетѣла черезъ весь шатеръ и, ударившись съ размаха головой о шатровый столбъ, растянулась безъ движенія. Яякъ схватился лѣвой рукой за правую руку противника, стараясь отодрать ее прочь. Началась отчаянная борьба за ножъ. Противники топтались среди шатра, стараясь перетянуть и повалить другъ друга. Руки ихъ сплелись въ какой-то чудовищный узелъ, изъ средины котораго торчало лезвіе ножа. Яякъ имѣлъ преимущество въ вѣсѣ и, пользуясь имъ искуснѣе, чѣмъ можно было ожидать, успѣлъ оттащить старика къ самому входу. Всю свою бдительность онъ на-

правлялъ теперь на длинныя ноги Кителькута, который умѣлъ сбивать съ ногъ самыхъ сильныхъ людей неожиданнымъ ударомъ носка. Къ его удивленію и гнѣву, руки старика оказались почти такъ же сильны, какъ и его собственныя. Онѣ застыли въ одномъ непрерывномъ напряженіи и какъ будто совсѣмъ потеряли способность гнуться Желѣзные пальцы Кителькута впивались въ его кисти съ такой силой, что онъ чуть не кричалъ отъ боли.

Никто изъ нихъ не былъ увѣренъ, что онъ останется побѣдителемъ. Наконецъ, Кителькутъ поднялъ голову и пронзительнымъ голосомъ позвалъ на помощь. Ему откликнулись только собаки. Янта спустилась подъ гору, чтобы собирать дрова, и не могла его слышать, а шатеръ Уквупа былъ такъ безмолвенъ, какъ будто жители его были мертвы. Старикъ не захотѣлъ крикнуть во второй разъ. Онъ сталъ тянуть свою шею, стараясь приблизить лицо къ рукамъ противника. Якъ дернулъ внезапно старика къ себѣ; лицо Кителькута коснулось его лѣвой руки, и онъ изо всей силы запустилъ свои зубы въ твердое и жилистое мясо чаунца. Несмотря на смертельную опасность, онъ почувствовалъ, какъ дрожь сладострастія пробѣжала по его спинѣ при этой волчьей ухваткѣ. Десны его стянулись, какъ отъ оскомы, потомъ онъ ощутилъ во рту сладковатый вкусъ теплой крови.

Якъ такъ крикнулъ отъ боли, что оболочка шатра заколебалась отъ сотрясенія; онъ вырвалъ свою руку изъ зубовъ противника и замоталъ ею въ воздухѣ. Въ эту минуту онъ вспомнилъ, что у него на боку виситъ еще одинъ ножъ. Скрежеща зубами, онъ еще разъ напрягъ всю силу правой руки подъ двойными тисками рукъ противника и сталъ судорожно ощупывать лѣвой рукой свой запасной ножикъ. Кителькутъ удвоилъ усилія, стараясь вырвать большой ножъ. Онъ совсѣмъ забылъ про маленькій и думалъ, что Якъ прижимаетъ къ себѣ лѣвую руку, чтобы остановить кровь. Ему казалось, что онъ перекусилъ ему жилу; онъ былъ теперь увѣренъ въ побѣдѣ. Но Якъ выдернулъ, наконецъ, запасной ножикъ изъ кожаныхъ ноженъ и ткнулъ противника въ грудь около лѣваго соска. Онъ не имѣлъ мѣста для размаха и только могъ надавить своей огромной пятерней на короткую роговую рукоятку, старалсь, чтобы ножъ вошелъ поглубже. Если бы могъ, онъ втиснулъ бы въ тѣло противника и самую рукоятку. Лезвіе было сильно сточено и очень узко; оно вошло какъ по маслу. Старикъ опустилъ руки и грянулся навзничь.

Якъ съ громкимъ крикомъ торжества взмахнулъ въ воздухѣ освобожденной правой рукой, потомъ наступилъ колѣномъ на грудь старика и однимъ ударомъ перерѣзалъ ему горло, почти отдѣливъ голову отъ туловища. Онъ исполнилъ свою угрозу и вмѣстѣ съ тѣмъ по исконному чукотскому обычаю обезопасилъ себя отъ загробнаго мщенія духа противника.

Въ это время почти надъ самой его головой раздался раздирательный женскій крикъ. Онъ быстро вскочилъ на ноги, сжимая въ рукѣ окровавленный ножъ, и обернулся ко входу. Прямо передъ нимъ стояла Янта и смотрѣла на него расширенными отъ ужаса глазами. Она, очевидно, возвращалась съ дровами и до сихъ поръ не подозрѣвала о случившемся. За спиной у нея виднѣлась большая вязанка хворосту, перетянутая веревкой.

Якъ пристально посмотрѣлъ на молодую дѣвушку. Онъ, повидимому, еще не принялъ опредѣленнаго рѣшенія и колебался, какъ поступить съ ней. Вдругъ хищная улыбка искривила его губы, онъ вложилъ ножъ въ ножны и сдѣлалъ два шага по направленію къ Янтѣ. Дѣвушка закрыла глаза и безсильно склонилась впередъ вмѣстѣ съ дровами. Ужасъ совершенно парализовалъ ея силы. Якъ протянулъ руки и подхватилъ ее, потомъ, нетерпѣливо дернувъ конецъ веревки, поддерживавшей дрова, распустилъ узелъ. Дрова съ грохотомъ упали на землю. Чаунецъ схватилъ въ охапку свою добычу и потащилъ ее къ пологу. Вдругъ двѣ маленькія человѣческія фигурки выскочили ему на встрѣчу и проскользнули къ выходу изъ шатра. Это были Кайменъ и его жена. Дѣти спали въ пологу все утро и пробудились только при шумѣ борьбы, завязавшейся въ шатрѣ. Немного приподнявъ шкуру у входа, они молча наблюдали ужасную сцену, происходившую передъ ихъ глазами. Съ просонокъ они никакъ не могли понять, въ чемъ дѣло, но увидѣвъ убійство, застыли отъ страха и боялись пошевельнуть однимъ членомъ, чтобы не выдать своего присутствія.

Однако, когда Якъ приблизился къ пологу, они не стали ожидать больше и, выкарабкавшись наружу, обратились въ бѣгство. Мальчикъ благополучно проскользнулъ мимо Яка. Дѣвочка съ размаха наткнулась на огромныя ноги убійцы, но успѣла проскочить въ промежутокъ между ними и послѣдовала за своимъ товарищемъ. Черезъ мгновеніе ихъ уже не было въ пологѣ. Можно было только слышать дробный топотъ ножекъ Каймена и его пронзительные крики:—Нуватъ, Нуватъ, убиваютъ!—быстро удалявшіеся отъ шатра. Отъ дѣвочки не было слышно даже и этого.

Яякъ простоялъ мгновеніе въ нерѣшительности.

— Какъ онъ кричитъ!—сказалъ онъ съ неудовольствіемъ, поворачивая голову въ ту сторону, откуда доносились крики Каймена. Онъ вдругъ нагнулся и протолкнулъ полубезчувственную дѣвушку внутрь полога сквозь отверстіе входа. Потомъ выдернулъ изъ-за пояса свой новый ножъ, на лѣвой сторонѣ котораго застылъ красный кровяной слѣдокъ, и ринулся изъ шатра. Когда онъ вернулся назадъ черезъ нѣсколько минутъ, правая сторона ножа была въ крови. Это не была кровь Кителькута. Это была частица той крови, которая нѣсколько мгновеній простояла въ видѣ небольшой красной лужи на поверхности убоя, потомъ быстро всосалась внутрь, оставивъ на снѣгу маленькое круглое отверстіе, желтое по краямъ и коричневое внутри, похожее на ту рану, откуда вытекла эта кровь.

IX.

Коравія и Нуватъ осмотрѣли уже болѣе половины сѣтей. Теперь они подвигались по направленію къ дому, осматривая тѣ сѣти, которыя нарочно оставили для обратнаго пути. Впрочемъ, одинъ Коравія работалъ какъ слѣдуетъ, Нуватъ разсѣянно и слабо двигалъ пѣшней, то-и-дѣло попадая не туда, или вдругъ останавливался надъ свѣжею прорубью, держа въ рукахъ головки сѣтныхъ шестовъ, которые слѣдовало поскорѣе вытащить наружу. Одну тюленью тушу онъ совсѣмъ вывалилъ изъ сѣти, и она немедленно упала на дно, откуда ее уже нельзя было достать. Онъ то-и-дѣло посматривалъ въ сторону берега, гдѣ чернѣлась каменная стѣна мыса.

— А это кто идетъ?—вдругъ сказалъ онъ, прикрывая глаза рукой, чтобы лучше видѣть. Коравія, спускавшій въ это время въ воду хоботъ сѣти, поднялъ голову.

Отъ Каменнаго мыса по направленію къ нимъ двигалась какая-то точка.

— Кто это идетъ?—повторилъ онъ съ недоумѣніемъ, въ свою очередь присматриваясь.—Человѣкъ или звѣрь?

— Бѣжимъ!—сказалъ Нуватъ.—Бѣда! скорѣе!

Онъ подхватилъ копье и бросился впередъ.

Коравія побѣжалъ за нимъ, не давъ себѣ труда отвязать собакъ отъ остраго ледяного обломка, вокругъ котораго былъ захлестнутъ передній конецъ потяга.

По мѣрѣ того, какъ они подвигались впередъ, точка росла

и выяснялась. Это была несомнѣнно человѣческая фигура, которая направлялась къ нимъ, но движенія ея носили очень странный характеръ. Она какъ будто все порывалась бѣжать, но каждый разъ падала впередъ и не могла подняться въ теченіе сравнительно долгаго промежутка и потомъ, поднявшись, снова пыталась бѣжать и снова падала.

Черезъ минуту Нуватъ узналъ Янту.

— Что̀ случилось?—закричалъ онъ издали, устремляясь впередъ съ такой быстротой, какъ будто его ноги обладали крыльями.

Янта опять упала и, вмѣсто того, чтобы подняться, сѣла на снѣгу. Она изнемогала отъ усталости. Одежда ея была въ безпорядкѣ, мѣховой корсажъ былъ разорванъ до пояса и голая грудь виднѣлась наружу. Она смотрѣла передъ собою совершенно безумнымъ взглядомъ. Однако при приближеніи Нувата она сдѣлала попытку что-то выговорить, но губы ея шевелились, не произнося ни звука.

— Что̀ ты сказала?—кричалъ Нуватъ, подбѣгая.

— Онъ послалъ меня!—выговорила, наконецъ, Янта.

— Кто послалъ?—спросилъ Нуватъ, задыхаясь отъ волненія и быстраго бѣга.—Отецъ?

— Отецъ умеръ!—сказала дѣвушка.—Онъ послалъ, человѣкъ съ ножомъ: „Поди!.. скажи Нувату и Коравіи,—я взялъ недоплату. Теперь мы въ разсчетѣ“... Она произносила слово по слову, съ промежутками, какъ будто съ трудомъ соображая, что̀ ей слѣдовало сказать.

— Захвати дѣвку и собакъ!—крикнулъ Нуватъ Коравіи, который подбѣгалъ сзади.

И онъ помчался, сколько хватало въ его ногахъ быстроты, по направленію къ мысу.

— Что̀ случилось?—съ ужасомъ спросилъ Коравія, останавливаясь передъ своей невѣстой.

Увидѣвъ жениха, Янта разразилась такими рыданіями, какъ будто ея сердце хотѣло разорваться.

— Убилъ!—выкрикивала она.—Отца убилъ, мать, сестру, брата... Всѣхъ зарѣзалъ.

Коравія тоже сѣлъ на снѣгъ. У него подкосились ноги. Вдобавокъ къ сообщенію Янты въ головѣ его мелькнула страшная догадка.

— А ты какъ убѣжала?—спросилъ онъ, запинаясь.

— Не убѣжала!—рыдала дѣвушка.—Онъ самъ послалъ за вами... Зоветъ васъ, будетъ ждать.

Коравія вскочилъ на ноги. Теперь его сердце горѣло не-

удержимой жаждой мести. Онъ хотѣлъ-было броситься вслѣдъ за Нуватомъ, но подумалъ, что на собакахъ доѣдетъ быстрѣе. Скрѣпя сердце, онъ поворотился назадъ, собираясь бѣжать къ оставленной упряжкѣ. Но Янта ложно истолковала его движеніе. Она думала, что онъ хочетъ послѣдовать прямо за Нуватомъ. Она тоже вскочила на ноги и охватила станъ молодого человѣка съ энергіей утопающаго.

— Не ходи!—кричала она.—Не ходите! Онъ и васъ убьетъ! Тебя, Нувата... А меня возьметъ совсѣмъ, увезетъ на Чаунъ! Не хочу на Чаунъ!.. Ножъ, ножъ!—Она билась въ судорогѣ, цѣпляясь за платье жениха, ловила его руки, обнимала ноги. Коравіи казалось, что если онъ вырвется и оставитъ ее одну на снѣгу, она тутъ же умретъ. Онъ кончилъ тѣмъ, что взвалилъ свою невѣсту себѣ на спину и побѣжалъ къ своей упряжкѣ, немного сгибаясь подъ тяжестью и напрягая всю свою осторожность, чтобы не раскатиться на убоѣ.

Нуватъ бѣжалъ и бѣжалъ, стараясь какъ можно скорѣе достигнуть поселка. Онъ не остановился, чтобы выслушать разсказъ Янты. Но онъ и безъ того зналъ, что̀ случилось въ его домѣ. Онъ думалъ на бѣгу, что, быть можетъ, еще застанетъ Яяка. Онъ совсѣмъ забылъ, что чаунецъ могъ овладѣть однимъ изъ ружей, хранящихся въ шатрѣ Кителькута, и только судорожно сжималъ древко своего копья.

Черезъ часъ онъ уже взбѣжалъ по тропинкѣ, ведущей отъ морского берега наверхъ. Собаки жалобно выли назади шатровъ, но ни одинъ человѣкъ не вышелъ ему на встрѣчу. Яяка нигдѣ не было видно, и собаки его тоже не стояли на томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ были привязаны утромъ. За сотню шаговъ отъ шатра Нуватъ наткнулся на трупъ Каймена. Мальчикъ лежалъ ничкомъ на самой тропинкѣ. Онъ какъ будто уснулъ, но затылокъ его буквально былъ просверленъ страшнымъ ударомъ ножа. Нуватъ бросилъ только бѣглый взглядъ на мертвое тѣло и прошелъ мимо. Въ переднемъ шатрѣ царствовалъ безпорядокъ. Нѣсколько кожаныхъ мѣшковъ, набитыхъ рухлядью, валялось на остывшемъ огнищѣ въ перемежку со шкурами. Яякъ, конечно, не сталъ дожидаться возвращенія молодыхъ людей, несмотря на его слова, переданныя Янтой. Удовлетворивъ свою месть, онъ захватилъ чай и табакъ, принадлежавшій Кителькуту, и уѣхалъ. Мѣховъ, ружей, ремней и т. п. вещей онъ не тронулъ, но русскіе товары онъ считалъ законными трофеями своей побѣды. Впрочемъ, Нуватъ не сталъ разсматривать своихъ имущественныхъ ущербовъ. Онъ сталъ на колѣни около трупа матери и

взялъ ее за руку. Рука была холодна и уже перестала гнуться. Старуха лежала въ той же позѣ, какъ упала, отброшенная мощной рукой чаунца. На ея растрепанныхъ сѣдыхъ волосахъ, немного повыше лѣваго виска, запеклось нѣсколько капель крови. Нуватъ хотѣлъ подойти къ отцу, но вздрогнулъ и остановился. Глаза старика были открыты и еще смотрѣли сквозь смертельную дымку, заволокшую ихъ. Голова, полуотрубленная ударомъ ножа, неестественно закинулась назадъ. Нувату показалось, что мертвыя губы отца силятся сказать что-то, но не могутъ. Но онъ пересилилъ свое чувство и, перейдя къ старику, присѣлъ на корточки. Потомъ съ рѣшительнымъ видомъ протянулъ руку къ его перерѣзанному горлу и вынулъ изъ раны нѣсколько капель крови. Кровь была мерзлая и запекшаяся. Нуватъ отогрѣлъ ее своимъ дыханіемъ и изобразилъ этой кровью на своемъ лбу и щекахъ наслѣдственные знаки своей семьи [1]). Онъ хотѣлъ въ послѣдній разъ пріобщиться къ крови своихъ предковъ, пролитой подъ его ногами на этой холодной землѣ. Потомъ онъ вышелъ вонъ и подошелъ къ шатру Уквуна. Задній шатеръ хранилъ такое же угрюмое безмолвіе, какъ и утромъ, но въ наружномъ его видѣ была перемѣна. Кругомъ его пологихъ стѣнъ былъ обведенъ длинный и тонкій ремень, связанный у входа [2]).

— Уквунъ!—громко крикнулъ Нуватъ.—Уквунъ!

Въ шатрѣ послышалось движеніе, но никто не отвѣтилъ на окликъ.

— Уквунъ, покажись! — продолжалъ Нуватъ. — Или я подожгу шатеръ.

Внутри шатра раздался женскій плачъ и неясныя жалобы. Такъ плакали и жаловались коряцкія жены, когда грозный Левтэлигалинъ [3]) требовалъ сдачи предъ входомъ въ Квэдланъ. Движеніе въ шатрѣ усилилось, и черезъ минуту старый Уквунъ просунулъ голову изъ входа, потомъ съ видимымъ трудомъ пролѣзъ подъ ремень. Въ лѣвой его рукѣ была бѣлая шкура, одна изъ тѣхъ шкуръ, которыя Яякъ далъ ему въ обмѣнъ за полозья, а въ правой—короткій посохъ. Онъ бросилъ шкуру на землю и сталъ на нее, опираясь на посохъ. На немъ была бѣлая кукашка и шаровары изъ бѣлыхъ оленьихъ камусовъ. Шея его

---

[1]) Каждая чукотская семья ежегодно во время осенняго праздника совершаетъ кровопомазаніе, при чемъ члены ея изображаютъ на своихъ лицахъ особые знаки, наслѣдственно переходящіе отъ поколѣнія къ поколѣнію.

[2]) Шатеръ обвязываютъ ремнемъ въ знакъ того, что обитатели его предаются отдыху и не желаютъ, чтобы ихъ безпокоили.

[3]) Одинъ изъ главныхъ героевъ преданій о борьбѣ чукочъ съ корявами.

была повязана новымъ ситцевымъ платкомъ пестраго узора. Это была его смертная одежда. Пять лѣтъ тому назадъ ему попались бѣлыя шкуры; онъ заставилъ своихъ женъ сшить себѣ изъ нихъ одежду и, несмотря на свою бѣдность, никому не продавалъ ее.

— Гдѣ Яякъ?—спросилъ Нуватъ.

— Уѣхалъ,—тихо сказалъ старикъ. Онъ смотрѣлъ себѣ подъ ноги и избѣгалъ поглядѣть въ лицо Нувату.

— Зачѣмъ вы допустили перебить нашу семью?—спросилъ Нуватъ. Тонъ его голоса былъ совершенно спокоенъ.

— Я немощный старикъ, а тамъ женщины!—сказалъ Уквунъ, указывая рукой сперва на себя, а потомъ внутрь шатра.

— Вы даже не выходили наружу! — сказалъ Нуватъ. По множеству мелкихъ признаковъ онъ могъ теперь опредѣлить весь ходъ убійства такъ ясно, какъ если бы самъ присутствовалъ при немъ.

— Я боленъ!—сказалъ Уквунъ.—Насилу хожу.

Онъ дѣйствительно шатался и съ трудомъ держался на ногахъ, опираясь на посохъ. Нуватъ покачалъ головою

— Пусть же не говорятъ люди, что дѣти Рожденнаго сукой ушли изъ этого свѣта безъ свиты!—сказалъ онъ.

Семья Кителькута вела свою родословную отъ Амлю, рожденнаго черной сукой на берегу земли Нэтэнъ. Уквунъ поднялъ голову и въ первый разъ посмотрѣлъ въ лицо Нувату. Онъ увидѣлъ, что рѣшеніе Нувата непоколебимо. Его грязно-смуглыя щеки поблѣднѣли до самой глубины морщинъ. Онъ какъ будто еще постарѣлъ на десять лѣтъ. Однако, онъ сохранилъ внѣшнее спокойствіе.

— Что же!—сказалъ онъ.—Я и такъ старъ. Если я сталъ тебѣ дичью, кончай скорѣе!

Слова эти заключали въ себѣ формулу добровольной смерти. Уквунъ предпочиталъ получить смертельный ударъ, какъ многіе изъ его предковъ, съ собственнаго своего согласія, чѣмъ биться и трепетать подъ ножомъ, какъ убиваемый олень.

— Ну!—коротко сказалъ Нуватъ.

Уквунъ перетащилъ шкуру, служившую ему подстилкой, къ самому порогу и, обвязавъ себѣ лицо платкомъ, усѣлся на нее. Посохъ онъ положилъ рядомъ съ собою. Онъ закинулся полою шатровой оболочки какъ покрываломъ, и его почти совсѣмъ не было видно.

— Давай!—сказалъ онъ глухо.

Нуватъ протянулъ ему лезвіе копья; Уквунъ ощупалъ его руками.

— Можешь!—послышался голосъ изъ-подъ покрывала.

Онъ наставилъ остріе копья противъ своего сердца. Нуватъ съ силою нажалъ копье; два бѣлыхъ сапога вдругъ показались изъ-подъ покрывала и сдѣлали нѣсколько судорожныхъ движеній, какъ будто собираясь встать, потомъ вытянулись неподвижно на шкурѣ. Нуватъ выдернулъ копье и бросилъ его въ сторону. Старикъ недаромъ сѣлъ поперекъ входа. Онъ хотѣлъ заградить убійцѣ входъ въ свое жилище и спасти своихъ женъ. Но Нуватъ рѣшилъ, что и матери его тоже нужны спутницы. Не желая переступить черезъ тѣло старика, онъ вынулъ изъ-за пояса ножъ и сдѣлалъ широкій разрѣзъ въ лѣвой стѣнѣ шатра, потомъ проскользнулъ туда такъ же быстро и неслышно, какъ пробирается горностай по мышинымъ галереямъ подъ снѣгомъ. Черезъ минуту изъ шатра раздался отчаянный вопль Анеки, прервавшійся на половинѣ. Вельвуна даже не крикнула ни разу.

Когда Коравія прискакалъ на своихъ собакахъ, все уже было кончено. Нуватъ стоялъ у входа въ задній шатеръ.

Коравія по дорогѣ успѣлъ приблизительно узнать отъ Янты о томъ, что̀ произошло въ шатрѣ Кителькута. Несмотря на свое разстройство, онъ удивился, видя Нувата неподвижно стоящимъ передъ заднимъ шатромъ.

— Гдѣ другіе люди?—спросилъ онъ своего шурина, подходя къ нему.

Нуватъ не отвѣчалъ. Онъ продолжалъ пристально смотрѣть на тотъ же предметъ. Прослѣдивъ взглядъ своего товарища, Коравія увидѣлъ двѣ неподвижныя ноги въ бѣлыхъ сапогахъ, торчавшія поперекъ входа. Онъ догадался, что онѣ принадлежатъ Уквуну.

— Кто его?—спросилъ онъ съ ужасомъ.

Нуватъ нетерпѣливо передернулъ плечами.

— Всѣхъ?—тихо спросилъ Коравія.

Нуватъ кивнулъ головой.

— Зачѣмъ?—спросилъ Коравія.

— Развѣ дѣти Рожденнаго сукой должны уйти изъ этого свѣта безъ спутниковъ?—сказалъ Нуватъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, что̀ и недавно передъ этимъ.

— Пусть!—сказалъ Коравія.—Но гдѣ Якъ?

— Я видѣлъ это!—сказалъ Нуватъ, не отвѣчая на вопросъ.—Когда на своемъ кораблѣ я перелеталъ изъ вселенной во вселенную и ноги души моей попирали небесную твердь, я видѣлъ

это. Кругомъ меня неслись облака багроваго свѣта. Кровавые сполохи разстилались отъ запада до востока. Призраки блестящимъ желѣзомъ убивали другъ друга. Когда я вернулся, всѣ столбы моего шатра были испачканы кровью, лицо моего отца было, какъ лицо мертвеца. Наргиненъ показалъ мнѣ все, но я не хотѣлъ смотрѣть какъ слѣдуетъ

— Якъ, Якъ!—говорилъ Коравія, занятый своей мыслью.

— Я слышалъ это!—продолжалъ Нуватъ, не обращая вниманія на его слова. Вольные голоса [1]) приносили мнѣ издали грозныя вѣсти. Духи шептали мнѣ на ухо днемъ и ночью. Мать Горнаго Эха откликалась изъ ущелья, остерегая. Въ безлюдной пустынѣ неслись крики, зовущіе на помощь. Въ ночной темнотѣ раздавались предсмертные стоны. Земля и небо, девять вселенныхъ, подземныя и надземныя бездны остерегали меня, а я не хотѣлъ ничего понять.

— Погонимъ Яка!—твердилъ Коравія.—Темнѣетъ. Будетъ темно ѣхать.

— Не хочу!—сказалъ, наконецъ, Нуватъ, вслушавшись въ слова товарища.—Довольно я крови пролилъ на землѣ.

— Я погонюсь!—горячо сказалъ Коравія.—Пусть я одинъ. Ты уже исполнилъ свою долю. Оставайся съ сестрой. Пусть голова Яка на мои руки.

— Не надо!—сказалъ Нуватъ настойчиво.—Довольно крови пролито на эту мерзлую землю. Семь душъ сегодня ушли, запачканныя въ красное. А убійцу видитъ Наргиненъ.

Коравія хотѣлъ что-то возразить.

— А я тебѣ говорю,—повелительно сказалъ Нуватъ,—не ищи и не убивай больше. Наргиненъ видитъ, и слышитъ, и знаетъ самъ. Говорю тебѣ, если станешь искать жизни убившаго, потеряешь и свою. И родъ до конца истребится, ибо съ кѣмъ останется Янта безъ тебя?

— А ты?—сказалъ Коравія съ удивленіемъ.

— Меня зовутъ,—сказалъ таинственно Нуватъ.—Я не могу идти съ вами.

Коравія хотѣлъ сказать что-то, но посмотрѣлъ на лицо Нувата и смолкъ. Ему показалось, что Нуватъ не здѣсь около него, а гдѣ-то, Богъ знаетъ какъ далеко, и что онъ совсѣмъ не услышитъ его словъ. Янта стояла рядомъ съ нимъ, онъ указалъ ей глазами на брата. Дѣвушка тихо обошла сзади и стала съ другой стороны Нувата.

---

[1]) Духи, вызываемые путемъ чревовѣщанія.

— Другъ!—сказала она, кладя руку на плечо молодого человѣка. — Развѣ ты меня хочешь оставить? Возьми и меня съ собой! Изъ всей семьи ты одинъ остался надо мной.

— Вотъ твоя семья!—сказалъ Нуватъ, указывая на ея жениха.—Сдѣлай ее женою, Коравія! Время твоего выкупа кончилось.

Онъ, повидимому, не подозрѣвалъ, какою цѣною Янта купила себѣ пощаду сегодня утромъ.

— Поѣзжайте къ себѣ домой! — сказалъ Нуватъ.—Не ходите по этому морю. Будьте оленными. Живите на „горѣ“ [1]. Вотъ ваши собаки. Дорожную пищу возьмите отъ сѣтей на льду. Не заходите въ шатры, не берите ничего. Пусть все останется тѣмъ ушедшимъ.—И онъ сдѣлалъ рукой неопредѣленный жестъ. Потомъ, доставъ изъ своей семейной кибитки длинный ремень, обвязалъ свой шатеръ точно такъ же, какъ былъ обвязанъ шатеръ Уквуна. Потомъ подошелъ къ заднему шатру и, натянувъ оболочку, плотнѣе укрылъ ноги Уквуна такъ, чтобы совсѣмъ скрыть ихъ отъ посторонняго взора.

Коравія посмотрѣлъ на эти жилища, теперь превратившіяся въ могилы, и на эту молчаливую фигуру, тихо переходившую отъ одной двери къ другой, и ему стало страшно. Ему припомнились разсказы стариковъ, какъ во время Великаго Мора Духъ смерти ходилъ по ночамъ между покинутыми шатрами, считая свою добычу. Онъ не сталъ спорить долѣе и, повернувъ свою нарту къ морю, усадилъ на нее невѣсту. Кромѣ нея, онъ ничего не увозилъ изъ поселка. Онъ разсчитывалъ провести ночь на льду у сѣтей, а на разсвѣтѣ, запасшись тюленьимъ жиромъ и мясомъ, вернуться вновь на твердую землю и пуститься въ путь. Черезъ минуту его собаки уже мчались по ледянымъ полямъ. Когда онъ обернулся, чтобы бросить прощальный взглядъ на опустѣлый поселокъ, высокая фигура Нувата стояла на краю взгорья и, казалось, смотрѣла имъ вслѣдъ.

Черезъ два мѣсяца послѣ описанныхъ выше событій, настоятель чукотской миссіи (кстати сказать, живущій въ Нижнеколымскѣ въ шестистахъ верстахъ отъ ближайшаго приморскаго поселка) вздумалъ сдѣлать „объѣздъ по миссіи“. Уже третью весну онъ все собирался съ мужествомъ для трудной и не безопасной поѣздки по ледовитому морю и каждый разъ возвра-

[1]) Внутри страны.

щался съ полъ-дороги. На этотъ разъ онъ твердо рѣшилъ добраться, по крайней мѣрѣ, до мыса Эрри. Экспедиція путешественниковъ, состоявшая изъ десяти человѣкъ, на шести собачьихъ упряжкахъ, послѣ восьми ночлеговъ подъ открытымъ небомъ, переѣхала поперекъ морскую губу, раздѣляющую островъ Айонъ отъ Шелагскаго мыса. Русскіе не взяли съ собой запаса ѣды для себя и корма для собакъ; они надѣялись найти и то, и другое у Кителькута. Но ихъ ожидало жестокое разочарованіе. Шатры стояли на мѣстѣ, но изъ-подъ косматыхъ шкуръ никто не вылѣзъ, чтобы привѣтствовать путниковъ. Только нѣсколько одичалыхъ собакъ, еще бродившихъ по поселку, отозвались хриплымъ воемъ на разноголосый лай колымскихъ упряжныхъ псовъ.

Пріѣзжіе остановились поодаль и послѣ нѣкотораго колебанія отправились на рекогносцировку. Шатры были по прежнему обвязаны ремнями, но весеннія вьюги ворвались внутрь и занесли толстымъ слоемъ снѣга огнище и домашнюю утварь, разбросанную на землѣ. Но изъ-подъ снѣга все еще виднѣлись человѣческія руки и ноги, полуобглоданныя собачьими зубами. Путешественники, пораженные ужасомъ, бѣжали къ своимъ нартамъ. Проведя въ невыразимой тревогѣ безсонную ночь и дождавшись разсвѣта, они поспѣшно пустились въ обратный путь, стараясь поскорѣе добраться до своихъ собственныхъ поселеній. Имъ казалось, что времена чукотскихъ войнъ возвратились обратно, тѣ грозные годы, когда по всей землѣ отъ Анадыра до Колымы и отъ Пильгина до Индигирки, всюду можно было находить подобные поселки, населенные мертвецами.

Въ западной сторонѣ много лѣтъ не знали истинныхъ виновниковъ рѣзни. Русскіе говорили, что таинственные шелаги, нѣкогда приходившіе на байдарахъ громить рыбачьи деревни на Колымѣ, снова переплыли море, чтобы разгромить поселокъ на мысу, заимствовавшемъ отъ нихъ свое названіе [1]). Оленные чукчи западной тундры, напротивъ, приписывали это кровавое дѣло таньгамъ, съ которыми ихъ предки вели борьбу и о чьихъ свирѣпыхъ дѣлахъ такъ много разсказываютъ старинныя легенды, подразумѣвая подъ этимъ именемъ одновременно русскихъ, коряковъ и чуванцевъ, нѣкогда совмѣстно дававшихъ контингентъ для военной силы Якуннина (майора Павлуцкаго).

Жители Чауна и Куаты имѣли на этотъ счетъ болѣе точныя свѣдѣнія.

---

[1]) Мысъ Эрри или Шелагскій, гдѣ происходитъ дѣйствіе разсказа, лежитъ на восточномъ краю широкаго устья Чаунской губы.

Коравія съ невѣстой благополучно добрался до своего собственнаго шатра. Если онъ питалъ еще мстительные замыслы противъ Яка, то въ ближайшее лѣто долженъ былъ навсегда отказаться отъ нихъ.

Наргиненъ, видѣвшій страшное дѣло рукъ чаунскаго богатыря и слышавшій послѣдній крикъ Кителькута, послалъ убійцѣ не менѣе жестокую смерть, чѣмъ жертвамъ. Двоюродный братъ Яка, тотъ самый, которому онъ недавно собирался поручить свое стадо, составилъ заговоръ противъ его жизни, въ союзѣ съ другимъ молодымъ пастухомъ, выросшимъ въ семьѣ Яка. Оба они съ молодыхъ лѣтъ жили подъ защитой его огня и питались отъ его стадъ, но считали себя въ правѣ лишить жизни человѣка, посягнувшаго на такое ужасное дѣло. Истиннымъ мотивомъ заговора, впрочемъ, было желаніе овладѣть многочисленнымъ стадомъ, принадлежавшимъ Яку. Заговорщики боялись напасть на богатыря при дневномъ свѣтѣ и рѣшили убить его ночью во время сна. Двоюродный братъ, ночевавшій съ нимъ въ одномъ пологу, улучивъ удобную минуту, ударилъ его топоромъ по головѣ. Ударъ былъ нанесенъ ощупью и не могъ раздробить крѣпкій черепъ Яка. Исполинъ успѣлъ схватить свой ножъ и выскочить на дворъ. Несмотря на тяжелую рану, онъ оказался не подъ силу убійцамъ, погнавшимся за нимъ, и уже успѣлъ распороть бокъ своему двоюродному брату. Перевѣсъ несомнѣнно склонялся на его сторону. Въ это время какой-то человѣкъ, проходившій мимо съ копьемъ въ рукахъ, поспѣшилъ на помощь убійцамъ и пригвоздилъ великана къ землѣ своимъ копьемъ. Горло Яка было перерѣзано тѣмъ самымъ ножомъ, которымъ онъ когда-то отрѣзалъ голову старому торговцу на мысѣ Эрри. Замѣчательно, что прохожій человѣкъ, помогавшій убійству, тутъ же исчезъ неизвѣстно куда, какъ будто провалился сквозь землю. Другіе убійцы, впрочемъ, не стали его разыскивать. Имъ было довольно заботы на своемъ стойбищѣ. Они, однако, успѣли хорошо разсмотрѣть его лицо, такъ какъ на дворѣ было совершенно свѣтло. Это былъ молодой человѣкъ, высокій и худощавый, съ продолговатымъ лицомъ и задумчивыми глазами. Они со страхомъ припоминали, что уста его во все время не открылись ни разу, какъ будто онъ былъ нѣмъ. Легенда о Шелагской рѣзнѣ, на слѣдующую зиму разсказанная сказочниками въ Уэленѣ [1]), во время долгихъ декабрьскихъ но-

[1]) Поселокъ у Берингова пролива.

чей, говоритъ, что это былъ духъ Нувата, посланный Наргиненомъ для того, чтобы отомстить за смерть его отца.

Никто никогда не могъ сказать, что сдѣлалось съ настоящимъ живымъ Нуватомъ. Кочевники на западной тундрѣ говорятъ, правда, будто въ послѣдніе годы на самомъ крайнемъ изъ Медвѣжьихъ острововъ завелся житель. Охотники за бѣлыми медвѣдями, посѣщающіе каждую весну островъ Креста, будто бы нашли тамъ оленя, издохшаго отъ раны. Изъ раны торчала желѣзная стрѣла особой формы съ небольшимъ листовиднымъ остріемъ, вырубленнымъ изъ стараго котельнаго желѣза, какія до сихъ поръ весьма употребительны у приморскихъ чукочъ. Старухи на тундрѣ уже стали говорить, что въ декабрьскія ночи, вѣтеръ, прилетающій съ сѣвера, со стороны Медвѣжьихъ острововъ, приноситъ съ собой глухой и частый стукъ бубна, какъ будто гдѣ-то, въ недоступной дали, таинственный шаманъ призываетъ своихъ духовъ.

Съ другой стороны, торговые чукчи съ Якана, возвращавшіеся на байдарѣ изъ обычной лѣтней поѣздки къ американскимъ Икыргаулямъ [1]) и прибитые бурей къ берегу, недалеко отъ проклятыхъ скалъ Кичетуна, гдѣ прячутся въ пещерахъ морскіе оборотни [2]), подстерегая неосторожнаго морехода, видѣли на пескѣ человѣческій слѣдъ. Онъ уходилъ прямо къ пещерамъ, пользующимся такой дурной славой, и они не рѣшились отыскивать того, кому онъ принадлежалъ. Если угодно, одинъ изъ этихъ разсказовъ можно связать съ исчезновеніемъ Нувата.

Еще одинъ членъ семьи Кителькута спасся отъ гибели. Якъ, догнавъ Каймена и умертвивъ его, не захотѣлъ преслѣдовать его жены; быть можетъ, онъ опасался, что другая, болѣе цѣнная добыча, лежавшая въ пологу Кителькута, можетъ уйти отъ него тѣмъ временемъ. Дѣвочка убѣжала внутрь страны по направленію къ горамъ, темнѣвшимъ на югѣ. Шесть ночей она провела на снѣгу безъ крова и пищи. Но ей удалось перебраться черезъ перевалъ и достигнуть человѣческаго жилища.

Вышеупомянутая легенда разсказываетъ, что огромная черная сука, бывшая прародительницей Кителькутова рода, явилась ей на первомъ же ночлегѣ и съ тѣхъ поръ все время оказы-

---

[1]) Икыргаулинъ-Ротастый. Такъ называютъ чукчи американскихъ эскимосовъ за то, что они вставляютъ по угламъ рта по бусинѣ или по кусочку дерева.

[2]) Чудовища, похожія на дельфиновъ, которыя будто бы лѣтомъ опрокидываютъ байдары и пожираютъ мореходовъ, а зимою выходятъ на сушу и превращаются въ волковъ.

вала ей покровительство. Днемъ она шла впереди, указывая ей дорогу, а ночью согрѣвала ее своимъ тѣломъ и кормила молокомъ изъ своихъ сосцовъ. Какъ бы то ни было, дѣвочка благополучно добралась до оленной семьи, поставившей свой зимникъ на рубежѣ лиственничнаго лѣса на верховьяхъ рѣки Выйона, текущей съ вышеупомянутаго хребта на юго-западъ. Коравія узналъ объ ея спасеніи только черезъ годъ. Но онъ не захотѣлъ отнимать родственницу своей жены у пріютившихъ ее людей, тѣмъ болѣе, что тамъ уже нашелся для нея новый женихъ.

На стрѣлкѣ Каменнаго мыса до сихъ поръ нѣтъ жителей. Двѣ семьи тюленьихъ охотниковъ, пришедшія черезъ два года искать промысла въ этихъ водахъ, обильныхъ добычей, поставили свои шатры верстъ на пятнадцать къ востоку у другой оконечности скалистой гряды, выходящей къ морю. Шатры убитыхъ людей стоятъ на своей каменной площадкѣ въ прежнемъ мрачномъ безмолвіи; бури сорвали съ деревянной основы большую часть кожаной оболочки. Песцы изглодали все то, что валялось на землѣ. Теперь отъ шести труповъ осталось только нѣсколько разбросанныхъ костей. А надъ ними нѣсколько кожаныхъ клочьевъ, развѣвающихся на конической верхушкѣ переплета жердей, указываютъ человѣку, проѣзжающему мимо, то мѣсто, гдѣ когда-то жили и промышляли двѣ погибшія семьи.

Н. А. Танъ.

Нижне-Колымскъ, 25 октября 1897 года.

ВЪ ДОЛГУ

Die Schuldnerin, Roman von J. Boy-Ed.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Полутьма раннихъ сумерекъ сгустилась, и мракъ непогоды надвигался на горы и лужайки; но говорившіе, увлеченные своей горячею бесѣдой, ничего не замѣчали.

Горячо пылавшее лицо женщины, сидѣвшей въ креслѣ, дѣлало ее еще болѣе похожей на оскорбленную, разгнѣванную королеву. Съ того мѣста, гдѣ она сидѣла, въ большую стеклянную дверь, выходившую на балконъ, открывался прекрасный видъ; но теперь она не видѣла надвигавшагося мрака, не слышала проливного дождя, стѣной струившагося съ темнаго неба. Широко раскрытыми глазами, она живо слѣдила за каждымъ горячимъ, убѣдительно страстнымъ движеніемъ молодого человѣка, поблѣднѣвшаго отъ нетерпѣнія.

— Ты правъ съ твоей точки зрѣнія; но и я права также съ своей,—говорила она.

— Я вижу въ этомъ только мое право, мои интересы и мою же отвѣтственность!—воскликнулъ ея собесѣдникъ.

Шарлотта Баумейстеръ горько улыбнулась.

— Между нами бывала рѣчь только о твоихъ личныхъ интересахъ, — замѣтила она, — и когда это было необходимо для твоей же пользы, для того, чтобы тебѣ же облегчить дальнѣйшіе шаги впередъ (а это было *всегда* необходимо), тогда ты самъ

давалъ мнѣ полное, неограниченное право обсуждать и взвѣшивать ихъ вмѣстѣ съ тобою.

Съ минуту Гвидо молчалъ, сраженный правдивостью ея словъ.

— Однако, такой шагъ... — началъ онъ, но Шарлотта его прервала.

— Такой шагъ превращаетъ мое право въ обязанность! — твердо настаивала она.—Сколько разъ ты самъ меня благодарилъ за то, что я вмѣшивалась въ твои любовныя дѣла и предупреждала вò-время отъ такой бѣды, какъ черезчуръ поспѣшный необдуманный бракъ?

— Ахъ, ты вотъ про чтò!—скрывая смущеніе подъ натянутой улыбкой, возразилъ онъ.—Но видишь ли: еслибъ я чувствовалъ тогда къ прекрасной Милли хоть тѣнь настоящей, захватывающей, горячей, всемогущей страсти,—тогда всѣ твои предостереженія ничего бы не могли подѣлать! Только настоящее, пережитое разочарованіе дало мнѣ опытъ и ясное сознаніе дѣйствительности. Никто въ мірѣ не можетъ мнѣ запретить жениться на Мартинѣ... даже ты!

— Ни о какомъ запрещеніи не можетъ быть и рѣчи,—возразила Шарлотта.—Я только прошу тебя не торопиться... провѣрить свои чувства...

— Съ такимъ темпераментомъ, какъ мой, и—выжидать? Ты, кажется, желаешь воскресить семилѣтнее сватовство Іакова?

— Нѣтъ, я просто не хочу, чтобы ты слѣпо ринулся въ такія условія, которыя могутъ разрушить все твое будущее, всю жизнь твою... надъ созиданіемъ которой я съ такою любовью трудилась...

Гвидо замѣтилъ, что въ глазахъ ея сверкнули слезы.

Въ одинъ мигъ онъ очутился подлѣ нея, обвилъ рукою ея плечи и съ нѣжной, чарующей сердечностью заглянулъ ей въ лицо.

— Неужели ты думаешь, что я могу когда-нибудь забыть? Неужели ты думаешь, что жена не будетъ тебѣ за это вѣчно благодарна? Ты должна испытать на себѣ, что еще больше, горячѣе и почтительнѣе будемъ мы любить тебя вдвоемъ, моя единственная, дорогая!

Онъ наклонился, цѣлуя ее, и она нѣжно провела рукою по его лицу.

— Еслибъ я только могла этому вѣрить! — вздохнувъ, замѣтила она.

— Какое же тебѣ ручательство вѣрнѣе моего слова? — спросилъ онъ, все еще обнимая ее.

Шарлотта слегка покачала головой.

— Ну ужъ ощущенія и отзывы влюбленнаго!.. Гвидо, ты вѣрно помнишь, какъ сдѣлалъ предложеніе Пецпекъ? Ты хорошо зналъ и невѣсту, и ея семью, и могъ самъ провѣрить, насколько близки къ истинѣ его восторженные разсказы. Помнишь, ты самъ же надъ нимъ смѣялся и говорилъ: неужто всѣ влюбленные, какъ страусъ, прячутъ голову подъ крыло, чтобы не видѣть опасности.

— О, я...

— Да, но каждый воображаетъ, что онъ-то и составляетъ исключеніе.

— Да нѣтъ же! Дай мнѣ сначала разсказать тебѣ все по порядку, и ты сама увидишь все въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ; а то съ самой минуты моего возвращенія я ничего не слышу, кромѣ жалобъ и зловѣщихъ предсказаній.

— Ну, начинай!

Гвидо всталъ и, расхаживая по привычкѣ взадъ и впередъ по комнатѣ, началъ говорить:

Но вотъ нежданно грянулъ такой грозный порывъ крупнаго града, что отъ его неистоваго стука Шарлотта въ испугѣ вскочила и подбѣжала къ окну. Молнія сверкала, прорѣзая тучи градоваго ливня; громъ раскатывался по горамъ и долинамъ... Черныя тѣни дождевыхъ тучъ таинственно, неудержимо заволакивали ущелья и ползли по откосамъ горъ; разразившись новымъ ливнемъ, онѣ разрывались и оставляли за собой голубые просвѣты, какъ бы трещины расколовшагося небосвода. Игра оттѣнковъ и освѣщенія была такъ хороша и такъ разнообразна, что горячіе собесѣдники на нее заглядѣлись. И природа, казалось, сама была рада развернуть передъ такими цѣнителями зрѣлище своихъ всесильныхъ стихій...

Вдругъ снопъ лучей вырвался изъ разсѣлины тучъ, и все вокругъ засмѣялось, освѣщенное ликующимъ, животворнымъ солнцемъ. Бѣда прошла. Мирное, радостное настроеніе водворилось въ природѣ съ чарующею силой. Дождь прогналъ угнетающій жаръ и духоту; прохлада отрезвляющимъ потокомъ разлилась повсюду.

На высокомъ уступѣ, па горѣ стоялъ небольшой изящный замокъ Шарлотты Баумейстеръ; по бокамъ его, внизъ по откосамъ спускались широкія полосы каштановой рощи. Ея вершины освѣжились дождевой росою и блестѣли на солнцѣ, освѣженныя, успокоенныя лаской яркаго солнца.

— Ну, чѐго мы собственно такъ горячились? — спросила Шарлотта своего собесѣдника.

— Я ничуть не горячился; это ты одна...

Еще немного добродушно поспорили они и, поддаваясь настроенію, навѣянному свѣжимъ воздухомъ, перешли на мирную бесѣду, на воспоминанія о быломъ,—какъ люди, которыхъ связывало много лѣтъ лишь все хорошее, любимое и дорогое,— все, что̀ отрадно вспомнить и хоть въ мысляхъ и на словахъ снова вмѣстѣ пережить.

— Ну, да, впрочемъ, ты всегда вспыхивалъ, какъ порохъ,— замѣтила, между прочимъ, Шарлотта.

— А помнишь, когда Баумейстеръ хотѣлъ меня наказать за какое-то непростительное своеволіе, ты сама сказала:—Мнѣ противенъ человѣкъ безъ темперамента! — И я это запомнилъ. Съ тѣхъ поръ я часто нарочно дѣлалъ тебѣ наперекоръ, твердо увѣренный, что мои необузданныя выходки—въ твоихъ глазахъ признакъ сильнаго темперамента.

— Ребяческія уловки! Но ты, конечно, для того только ихъ приводишь, чтобы меня увѣрить, что ты никогда меня не боялся, и... сдѣлать на этотъ разъ, опять-таки, по-своему,—смѣясь, подхватила его собесѣдница.

— Нѣтъ! Самостоятельность—исключительное свойство мужского темперамента,—возразилъ Гвидо.—Замѣть, какъ сестры или даже матери въ извѣстномъ возрастѣ сами рады поставить себя подъ защиту того же самаго „необузданнаго мальчишки“, котораго онѣ, ребенкомъ, не задумываясь, потчивали розгой? Онѣ сами вѣрятъ въ здравый смыслъ и твердость духа, которые даютъ имъ возможность положиться на мужчину.

— Когда это бывало, чтобъ я у тебя просила помощи или совѣта? Наоборотъ!

— Зато я и не сынъ, не братъ тебѣ,—замѣтилъ Гвидо.

— Ну, почти братъ,—возразила она.—Ты знаешь, почти цѣлыхъ десять лѣтъ я знать тебя не хотѣла.

— А потомъ тебѣ же пришлось каяться, что ты упустила время меня любить и беречь.

— Только пришлось бы лишнихъ десять лѣтъ съ тобой возиться и обуздывать твое упрямство. Ты не забылъ своего путешествія на Гельголандъ?—и Шарлотта припомнила ему его непреклонное упрямство, которое ему,—совсѣмъ еще ребенку,—дало силы восемь дней не притрогиваться къ роскошнымъ яствамъ, красовавшимся на столѣ Баумейстеровъ. Онъ не хотѣлъ покориться запрещенію старшихъ, которые были противъ его желанія от-

правиться на Гельголандъ съ товарищемъ его Робертомъ Пербрандомъ. Весь исхудалъ и ослабѣлъ упрямецъ, а все считалъ нужнымъ продолжать свой протестъ волѣ воспитателей.

Разъ какъ-то ему бросилось въ глаза, что мужъ говоритъ съ Шарлоттой грубѣе, чѣмъ обыкновенно, и въ ту минуту, когда онъ взглянулъ на нее неожиданно украдкой, по щекѣ ея скатилась слеза. Сердце мальчика разрывалось отъ боли и жалости; онъ уже каялся въ своемъ проступкѣ; но просить прощенія у женщины?.. какой позоръ!.. Въ сумерки онъ пошелъ къ Шарлоттѣ, которая въ эту минуту спускала занавѣски у окна. Заслышавъ шорохъ, она оглянулась,—и Гвидо бросился къ ней на грудь въ неудержимомъ, горячемъ порывѣ раскаянія. Въ этотъ мигъ было рѣшено судьбой, что оба они будутъ близки и дороги другъ другу.

Женское сердце Шарлотты угадало безъ словъ мольбу о прощеніи и безъ словъ все простило. Въ тотъ же вечеръ она отвѣтила на вопросъ мужа: просилъ ли, наконецъ, упрямецъ извиненія?

Никогда, во всю свою жизнь, Гвидо не могъ этого позабыть, и теперь, подчиняясь ея заразительному и счастливому смѣху, онъ тоже вторилъ ей, еще и еще добавляя къ цѣлому ряду неизвѣстныхъ ей продѣлокъ. Короткій періодъ времени, проведенный ими вмѣстѣ, былъ для обоихъ самымъ праздничнымъ, самымъ отраднымъ.

До шестнадцати лѣтъ дѣтство Шарлотты не было особенно весело, и только позднѣе, по смерти вѣчно больного отца, и ей, и матери ея вздохнулось свободнѣе, хоть онѣ даже сами передъ собой не хотѣли въ этомъ признаться. Сенаторъ Фольрадъ оставилъ имъ совершенно обезпеченное положеніе, даже богатство, и его родные могли свободно взять съ жены покойнаго обѣщаніе не обращать въ деньги ихъ семейное гнѣздо: его на время только отдали въ наймы, и Шарлотта рада была, что получила возможность во всякое время туда вернуться, а пока проводила часть года у матери въ Мюнхенѣ, а часть въ Гамбургѣ у Фольрадовъ.

Ей было двадцать лѣтъ, когда мать объявила, что выходитъ замужъ, не подозрѣвая, насколько это можетъ быть непріятно для ея взрослой дочери. Радуясь своему запоздалому счастью, она съ гордостью представила Шарлоттѣ своего жениха, художника Фабаріуса, человѣка еще молодого, но не особенно обѣщавшаго сдѣлаться знаменитымъ.

Кромѣ легкомыслія, онъ имѣлъ еще свойство мучить жену

своимъ неумѣньемъ обращаться съ деньгами; мало того, онъ неоднократно бросалъ ее и, спустивъ деньги, пробѣдствовавъ нѣкоторое время, возвращался къ семейному очагу—къ женѣ, которая всегда была рада простить ему все на свѣтѣ, лишь бы онъ дозволялъ ей любить его. Въ отсутствіе мужа, она переносила всю свою любовь и заботливость на пятилѣтняго Гвидо, его сына отъ перваго брака.

Соглашаясь съ мнѣніемъ родныхъ, что ей не мѣсто въ домѣ ея матери, Шарлотта осталась жить у Фольрадовъ, но не надолго. Какъ бы сговорившись, всѣ милые родственники принялись увѣрять ее, что отъ нея безъ ума представитель и глава богатой финансовой фирмы „Баумейстеръ и К°“. Ему говорили то же самое про Шарлотту, и они невольно поддались обоюдному заблужденію, которое окончилось ко всеобщему удовольствію свадьбой.

Но не долго считалъ своимъ долгомъ Баумейстеръ отдавать дань „медовому мѣсяцу“; онъ вскорѣ весь предался своему любимому занятію, дѣламъ фирмы. Потерявъ одного за другимъ троихъ дѣтей въ первыя же шесть лѣтъ своей супружеской жизни, Шарлотта осталась болѣе чѣмъ когда-либо одинока, несмотря на всю заботливость о ней мужа, который искренно ее уважалъ. Чаще прежняго задумывалась она надъ положеніемъ своей матери, отдававшейся чувству безграничной, всепрощающей любви, которой не былъ достоинъ изящный красавецъ-художникъ. Она хотѣла бы по прежнему считать поведеніе матери предосудительнымъ, но теперь не находила достаточныхъ къ тому поводовъ. Ей ясно было лишь одно, что несмотря на всѣ горести и муки, которыя принесъ ея матери второй бракъ, она жила полной жизнью, она все-таки видѣла счастье. Десять лѣтъ такихъ треволненій закончились смертью Фабаріуса отъ тифа, а двѣ недѣли спустя умерла и его жена, заразившись, когда ухаживала за нимъ.

Кромѣ долговъ, которые Шарлотта взялась выплатить, послѣ нихъ остался только маленькій Гвидо, и полная желанія вырвать его изъ вредной среды добрыхъ, но взбалмошныхъ художниковъ, Шарлотта Баумейстеръ приняла на себя заботу о мальчикѣ. Самъ Баумейстеръ и его жена одинаково считали необходимымъ помѣстить мальчика въ учебное заведеніе въ Гамбургѣ. Душеприказчики покойныхъ были также пріятно удивлены заявленіемъ Шарлотты, что она согласна уплатить долги, которыхъ было не мало, несмотря на то, что бывшая сенаторша Фоль-

радъ-Фабаріусъ принесла второму мужу своему значительное состояніе: отъ него ни крохи не осталось.

Относясь добросовѣстно къ своей новой задачѣ, супруги Баумейстеръ рѣшили на время оставить Гвидо у себя, чтобы сначала выяснить, какой воспитательный строй наиболѣе для него пригоденъ, мягкій или суровый? День ото дня все больше привлекалъ ихъ къ себѣ милый и умненькій мальчикъ, разлука съ которымъ вскорѣ показалась имъ тяжелой. Гвидо не отдали никуда, и всѣ старанія употребили къ тому, чтобы дать развиться его художественному дарованію, на которое указывали еще его покровители художники. Но спеціальностью Гвидо оказалась не живопись, а архитектура, которую онъ изучалъ въ Гамбургѣ у лучшихъ „мастеровъ". По окончаніи курса, Гвидо получилъ хорошее мѣсто въ Берлинѣ, и за послѣдніе четыре года Шарлотта почти не видѣла его, но ее утѣшала мысль, что еще года черезъ два, когда ему исполнится ужъ тридцать лѣтъ, онъ можетъ начать самостоятельное дѣло.

Живя подъ одной кровлей съ Баумейстеромъ, Гвидо могъ убѣдиться, что послѣдній все его воспитаніе и денежныя о немъ заботы предоставилъ женѣ, не мѣшая ей наполнять свою одинокую жизнь заботами о немъ, какъ всякою другой забавой; самъ же Баумейстеръ давно перересталъ быть близокъ женѣ и отдался весь своимъ финансовымъ интересамъ. Для него слава рода Баумейстеровъ была единственною страстью и всецѣло поглощала его вниманіе.

Ему, а главное Шарлоттѣ, чрезвычайно было пріятно, что Гвидо остановилъ свой выборъ на архитектурѣ; Баумейстеръ всегда опасался для молодого человѣка непрочныхъ сторонъ и непостоянства артистической карьеры. Шарлотта гордилась успѣхами своего любимца и строила самые блестящіе планы на будущее время, когда онъ долженъ былъ непремѣнно прославиться, жениться, и уже мечтала, что его дѣти будутъ для нея предметомъ гордости и неизсякаемыхъ утѣхъ. Она заранѣе рисовала себѣ картину, что Баумейстеръ, видя удачу и заслуженные успѣхи полезной дѣятельности Гвидо, сдѣлаетъ его если и не совсѣмъ, то хоть вполовину своимъ наслѣдникомъ. Въ этихъ видахъ она старалась разстроить бракъ своего воспитанника съ бойкой, даже черезчуръ бойкой, дочерью одного довольно извѣстнаго беллетриста. Узнавъ про нее, что она не отличается ни женственностью, ни скромностью, благодаря слишкомъ свободному и небрежному воспитанію, Шарлотта поспѣшила въ Берлинъ и до тѣхъ поръ умоляла Гвидо отложить женитьбу хоть

не надолго, пока онъ не согласился. Двухъ мѣсяцевъ не прошло, какъ Гвидо пришелъ ее благодарить. Красотка Милли безповоротно сгубила свое доброе имя, легкомысленно сойдясь съ однимъ скульпторомъ, которому она служила моделью...

Минулъ еще годъ, и тотъ же Гвидо явился къ Шарлоттѣ съ такими же горячими увѣреніями въ страстной любви къ красавицѣ Мартинѣ. Тѣмъ неожиданнѣе были для нея его новые планы, что она знала, до какой степени онъ заинтересованъ совершенно другимъ дѣломъ, которое должно было поглотить все его вниманіе. Увѣренный въ своемъ знаніи, въ своемъ талантѣ, Гвидо смѣло представилъ свой проектъ на конкурсъ одного германскаго владѣтельнаго князя, замыслившаго соорудить себѣ новый, роскошный зàмокъ; дѣйствительно, вскорѣ всѣ газеты прокричали про неподражаемое, блестящее дарованіе молодого Фабаріуса. Впрочемъ, кромѣ славы и первой преміи, этотъ проектъ ничего молодому архитектору пока не принесъ, такъ какъ исполненіе его далеко превысило бы средства князя.

Съ тревогой ожидала Шарлотта свиданія, которое Гвидо возвѣстилъ ей телеграммой. Первый часъ этого свиданія прошелъ въ горячемъ спорѣ.

Но вотъ ясное солнце заглянуло въ окна.

— Смотри! Горы вдали ужъ потемнѣли,—замѣтилъ Гвидо и, распахнувъ дверь, вышелъ на балконъ, скользкій и еще мокрый отъ дождя.

Дѣйствительно, темнѣвшіе отроги Альповъ составляли яркую и красивую картину вмѣстѣ съ окрестной оживающей, освѣжившейся природой. Дивная, дышавшая счастьемъ тишина водворилась вездѣ и пестрыми, яркими пятнами выдѣлялись на зеленомъ фонѣ крыши и стѣны домовъ Оберманса.

— Боже мой, какая красота!—воскликнулъ Гвидо.—Поди сюда, Шарлотта, чтò-то скажетъ Мартина, когда увидитъ эту прелесть?

II.

Это восклицаніе вернуло Шарлотту къ сознанію дѣйствительности и даже нѣсколько примирило ее съ новымъ увлеченіемъ ея любимца; ей показалось особенно трогательнымъ и глубокимъ, что, даже наслаждаясь красотами родной ему картины, онъ тотчасъ же хотѣлъ дѣлиться этимъ впечатлѣніемъ съ любимой дѣвушкой. Она охотно подошла къ нему и оперлась на перила, рядомъ съ нимъ, раздѣляя, хоть и въ болѣе спокойной

формѣ, его восхищеніе. Позади нихъ, съ тихимъ шорохомъ, двигались человѣческія фигуры, мелькавшія за окнами въ комнатѣ. Въ закрытую щель двери на балконъ пробилась полоска красноватаго свѣта и прорѣзала голубоватую дымку сумерекъ.

— Чай готовъ!—сказала, оглянувшись, Шарлотта и, войдя въ столовую, съ привычнымъ движеніемъ заботливой хозяйки спустила и сдвинула занавѣски и портьеры.

Съ счастливымъ лицомъ смотрѣлъ на нее Гвидо и не удержался, чтобы не замѣтить:

— А знаешь, опять вѣдь сердце радуется, глядя на всю эту прелесть, на всѣ давно знакомыя красоты старины. Какъ все полно особаго, строго выдержаннаго стиля! И темный рѣзной потолокъ съ хрустальной люстрой, и ты сама—такая величавая—какъ нельзя болѣе подходишь къ рѣзному креслу съ великолѣпною высокой спинкой.

— Да! все это прекрасныя вещи, и счастье, что мать Баумейстера скупила ихъ еще въ ту пору, когда никто не могъ подозрѣвать, какія сокровища таитъ Тироль въ нѣдрахъ своихъ. Теперь это была бы слишкомъ дорогая затѣя.

— Ну, можетъ ли что̀ быть на свѣтѣ слишкомъ дорогого для жены Конрада Баумейстера?—спросилъ Гвидо.

— Неужели тебѣ такъ кажется, что мы ни въ чемъ не отказываемъ себѣ, исполняя всѣ свои прихоти?

— Конечно, я такъ бы и сказалъ, еслибъ не зналъ, что вамъ обоимъ ничего желать не остается: объ этомъ позаботились ваши отцы и дѣды.

— А развѣ не лучше быть во всемъ обязаннымъ лишь себѣ самому?—возразила Шарлотта.

— Понятно! Но все-таки пріятно, если собственному труду есть подспорье въ видѣ обезпеченнаго существованія, которое даетъ возможность всецѣло отдаться любимой наукѣ. Это полезно и въ такомъ случаѣ, какъ, напримѣръ, со мной, въ случаѣ женитьбы.

— Ты знаешь, я тебѣ обѣщала кое-что въ подспорье,—замѣтила Шарлотта,—если ты женишься послѣ того, какъ тебѣ минетъ тридцать лѣтъ.

— А если въ двадцать восемь, тогда ничего?

— Полно! Ты, кажется, долженъ бы знать, что за срокомъ я не постою.

— Нѣтъ, а все-таки?—допытывался онъ, пытливо заглядывая ей въ глаза и какъ бы говоря безъ словъ: Можетъ ли

быть, чтобъ ты рѣшилась меня обидѣть, если я пойду наперекоръ твоей волѣ?

Въ ея глазахъ свѣтилось что-то похожее на вопросъ: дать ли ему волю пуститься на такой смѣлый шагъ? И Гвидо отчасти, чтобы обезпечить за собою ея помощь на будущее время, отчасти для того, чтобы расположить ее въ пользу Мартины, принялся описывать послѣднюю въ самыхъ яркихъ, самыхъ пристрастныхъ краскахъ. Онъ не лгалъ, онъ говорилъ все откровенно, искренно вѣря въ дѣйствительность того, что̀ онъ хотѣлъ бы встрѣтить въ будущемъ. Какъ водится, онъ вѣрилъ горячо въ необходимость перевоспитать на свой ладъ Мартину, но, какъ и всѣ влюбленные, совершенно упускалъ изъ виду, что его страсть ужъ сама по себѣ лишаетъ его возможности быть разсудительнымъ руководителемъ для той, которую онъ избралъ себѣ въ жены.

— Когда я только-что познакомился съ Мартиной...—началъ Гвидо.

— Ахъ, да! Въ самомъ дѣлѣ, когда это случилось?

— Года полтора тому назадъ.

— Если не ошибаюсь, ты въ это время (и даже значительно позднѣе) ухаживалъ за Милли?

— Ну, да! Только сначала я совсѣмъ не думалъ, что Мартина можетъ меня полюбить, она была слишкомъ ко мнѣ неблагосклонна.

— Съ которыхъ же поръ она вдругъ рѣшилась переложить гнѣвъ на милость?—пытливо ловя каждое его слово, спросила Шарлотта.

— Да такъ, недѣль шесть тому назадъ.

— Какъ разъ въ то время, когда ты получилъ первую премію на конкурсѣ, и всѣ газеты принялись кричать про твой успѣхъ...

Гвидо поблѣднѣлъ.

— Такая мысль можетъ придти въ голову только женщинѣ!—съ горечью замѣтилъ онъ.

— Нѣтъ. Я только стараюсь быть зрячей тамъ, гдѣ ты слѣпъ совершенно.

— Вовсе нѣтъ!

— Постой! Я не слѣпа, я не ревнива, я не заинтересована матеріально. Мнѣ самой противна мысль рядомъ съ вопросомъ сердца и души поднимать споры. Я говорю тебѣ еще разъ: не спѣши, провѣрь себя! Наконецъ, вотъ еще вопросъ очень важный,—какого она происхожденія?

— Для твоей ганзейской гордости это, конечно, самый важный вопросъ!

— Моя ганзейская гордость тутъ вовсе не при чемъ. Я только нахожу, что для каждаго очень важно знать, какое направленіе дастъ жена его семейной жизни, какъ будетъ воспитывать дѣтей, какому давленію подвергнетъ его самого? Наконецъ, если онъ самъ и не такъ податливъ, во всякомъ случаѣ она можетъ имѣть сильное вліяніе на его общественное и свѣтское положеніе. Чѣмъ ниже ея личныя достоинства въ сравненіи съ мужемъ, тѣмъ полнѣе оправдывается житейская истина, что не онъ ее возвыситъ до себя, а она спуститъ его до своего болѣе низменнаго уровня. Мы, женщины, это прекрасно знаемъ и потому боимся, чтобы человѣкъ развитой и достойный не попалъ въ руки женщины менѣе благороднаго происхожденія, менѣе тщательнаго воспитанія.

Гвидо молчалъ, но бѣлая астра, которую онъ мялъ въ рукахъ во время разговора, окончательно погибла.

— Итакъ, Мартина не особенно благороднаго происхожденія: для меня это ясно изъ того, какъ ты терзаешь свой злополучный цвѣтокъ.

— Тѣмъ яснѣе должно быть для тебя, что Мартина—ангелъ чистоты и кротости, и въ то же время въ высшей степени образованная и благовоспитанная дѣвушка, несмотря ни на какія условія!..—воскликнулъ онъ горячо, вставъ и принимаясь шагать по комнатѣ.

— То-есть, какія же это именно условія?

— Отецъ ея—первый комикъ въ Нордентеатрѣ, въ Берлинѣ, а мать исполняетъ роли „свѣтскихъ дамъ" въ Зюдентеатрѣ. Главу семьи дома почти не видно. Я готовъ согласиться, что онъ ничего утѣшительнаго изъ себя не представляетъ, но это не имѣетъ для насъ никакого значенія, такъ какъ его почти никогда не видно дома.

Вся краснѣя отъ сдержаннаго волненія, Шарлотта спросила:

— Ну, а мать?

— Женщина безукоризненной красоты и значительнаго дарованія, которое, къ сожалѣнію, еще не нашло себѣ примѣненія на императорской сценѣ. Понятно, Мартина была всецѣло предоставлена сама себѣ и, благодаря этому, сохранила свою нравственную чистоту. Ты, конечно, будешь сочувствовать моимъ планамъ какъ можно скорѣе вырвать ее изъ неподходящей обстановки и поселить поближе къ тебѣ.

— Значитъ, ты намѣренъ устроиться на житье въ Гамбургѣ?—чуть слышно спросила она.

— Конечно, мнѣ очень бы хотѣлось!

— Если это уже такъ неизбѣжно... Ты, конечно, правъ: лучше ее прочь... прочь оттуда...—и Шарлотта залилась слезами.

Гвидо подбѣжалъ къ ней и, стоя на колѣняхъ, ласково прижался къ ней.

— Мнѣ жаль... тебя!—прошептала она, и это его глубоко тронуло.—Мартина, вѣроятно, дѣвушка бѣдная?

— Да. Но для тебя это все равно, я знаю. Я могу самъ работать, а найти работу, навѣрно, ты же сама не откажешься мнѣ помочь.

Шарлотта только молча кивнула головой.

— Мать и отецъ Мартины получаютъ немного и о приданомъ, понятно, не можетъ быть и рѣчи. Но Мартина привыкла къ скромной жизни, а скромность и довольство малымъ развѣ не то же приданое?

Шарлотта не захотѣла его огорчить и согласилась:

— Безспорно. Иногда даже надежнѣе всякихъ денегъ.

— Вотъ видишь, видишь! — обрадовался онъ, желая самъ себя ободрить и заглушить свою скрытую тревогу.

— Есть у нея братъ—художникъ. Онъ человѣкъ еще молодой, талантливый и хорошо принятый въ берлинскомъ обществѣ; черезъ него и Мартина имѣетъ туда доступъ.

— Все это какъ-то совсѣмъ иначе сложилось... — со вздохомъ замѣтила Шарлотта.

— Признайся! Ты разсчитывала найти для меня какую-нибудь барышню-богачку? Одну изъ дочекъ твоего родственника Фольрада или голландскую племянницу твоего мужа, Сальватрису Гемптъ?

— Какъ знать? Если бы ты раньше ее видѣлъ, ты, вѣроятно, влюбился бы въ нее. Весной она была у насъ и всему гамбургскому обществу чрезвычайно понравилась. Любой мужъ могъ бы ею гордиться.

— Все-таки мнѣ пришлось бы ее защищать и за нее бороться...

— Ну, плохо же семейное счастье, которое нуждается въ оборонѣ, и странное положеніе того мужчины, который вынужденъ непрерывно разыгрывать роль борца за свою жену...

— Не забудь, что для мужчины особую прелесть имѣетъ сознаніе, что онъ призванъ охранять свою жену: оно даже поддерживаетъ въ немъ его супружеское чувство.

— Ну, такое искусственное нагрѣваніе супружескаго чувства невольно подточитъ его, а тамъ и обратитъ въ непрерывный раздоръ.

— Ну, тебя никогда не переспоришь! — смѣясь, замѣтилъ Гвидо, и въ тотъ же мигъ возстановилась между ними привычная близость настроенія, всегда оживлявшая ихъ бесѣду. Такъ и сыпались возраженія, остроты и шутки, неразлучныя при обсужденіи даже самыхъ разнообразныхъ предметовъ.

— А вѣдь мы съ тобою больше всего сходимся, когда мы расходимся во мнѣніяхъ,—обыкновенно говаривала въ такихъ случаяхъ Шарлотта.

— Ахъ, кстати! Ты знаешь, я не интересуюсь биржевыми новостями, но знакомое имя невольно привлекаетъ вниманіе... Тебѣ ничего не говорилъ еще Баумейстеръ о своемъ грандіозномъ предпріятіи?

— Нѣтъ. Онъ, какъ и всѣ мужья, говоритъ съ женою о чужихъ дѣлахъ, но о своихъ молчитъ, — съ оттѣнкомъ горечи возразила Шарлотта.

— Соединившись съ другою крупною фирмой, онъ скупилъ цѣлое царство полуцивилизованныхъ полинезійцевъ за извѣстную пожизненную ренту и за нѣсколько тюковъ бусъ и разноцвѣтной ваты. Король очень доволенъ своимъ новымъ положеніемъ почетнаго гостя, а наши фирмы надѣются заработать громаднѣйшіе барыши, воздѣлывая и продавая главные предметы производства этого архипелага.

Шарлотта нашлась не сразу.

— Это утка!—упавшимъ голосомъ произнесла она.—Газеты все что-нибудь да выдумаютъ, для возбужденія толпы.

— Нѣтъ, это нѣчто осязательное: они будутъ воздѣлывать табакъ и вату и еще... какую-то „копру"... не знаю, что̀ это за штука?

— Изъ нея гонятъ кокосовое масло,—машинально пояснила она.

— Что̀ же ты не радуешься? Развѣ твоя ганзейская гордость не поднимается при мысли, что еще не угасли древнеганзейскія фирмы, воскресившія времена итальянскаго торговаго владычества.

— Нѣтъ. Я радостей не вижу, я вижу однѣ только заботы и тревоги.

— У тебя тревоги и заботы? Лотта, душа моя, да это невозможно. И, наконецъ, въ газетахъ вычислено, во сколько обой-

дется это предпріятіе, если прогоритъ: самое бо̀льшее въ какихъ-нибудь два милліона... Сущіе пустяки!

— Хороши пустяки: два милліона! — повторила задумчиво Шарлотта.—Не знаю, достаточно ли еще молодъ Баумейстеръ, чтобы пускаться въ такія предпріятія.

— Но, Лотта, онъ еще въ полной силѣ: кажется, только лѣтъ на десять старше тебя, если не ошибаюсь? Онъ все такой же, какимъ я его помню, когда увидѣлъ еще въ первый разъ.

— Можетъ быть...

И въ комнатѣ водворилось молчаніе.

Блѣдная, неподвижная сидѣла Шарлотта въ своемъ старинномъ рѣзномъ креслѣ. Гвидо ходилъ по комнатѣ и думалъ о Мартинѣ, невольно задаваясь вопросомъ, какъ она очутится въ этой обстановкѣ, въ обществѣ Шарлотты? И думалось ему: какъ прекрасно, какъ разносторонне развернутся достоинства милой дѣвушки въ тѣсной близости съ Шарлоттой, вдали отъ стѣсняющихъ условій, которыя теперь окружаютъ его прелестную невѣсту...

— Знаешь, что̀? Я хотѣла бы побыть одна... до ужина,— зазвучалъ вдругъ точно чужой, какой-то далекій и безцвѣтный голосъ Шарлотты.

Гвидо вздрогнулъ отъ неожиданности и тревожно взглянулъ на нее.

— Видишь ли, за послѣднее время у меня стали часто повторяться головныя боли, а сейчасъ... вотъ въ разговорѣ съ тобою... я поволновалась...

— Боже мой!—воскликнулъ Гвидо въ порывѣ раскаянія.— Но не правда ли? Я долженъ былъ все, все тебѣ сказать, прежде всего — тебѣ! Я зналъ, что причиню тебѣ больше горести, чѣмъ утѣшенія, но это вѣдь мой долгъ, и я буду счастливъ только, когда ты дашь свое согласіе.

И тонъ, и его горячія, полныя нѣжности слова растрогали ее.

— Если я права не имѣю запретить, то уже, конечно, соглашаюсь. Иди, иди... Потомъ поговоримъ.

Она ушла къ себѣ въ спальню, а Гвидо у себя въ комнатѣ сѣлъ писать Мартинѣ.

Но долго еще не могла придти въ себя Шарлотта и, распахнувъ окно, долго слѣдила за переливами вечерняго заката, не отрываясь отъ своихъ тревожныхъ думъ... Хоть кого могли сразить такія вѣсти, какъ неравный бракъ ея любимца и рискованное предпріятіе мужа.

За ужиномъ оба сошлись значительно успокоенные и вскорѣ разговоръ ихъ перешелъ на единственную, одинаково для обоихъ отрадную тему, на успѣхи Гвидо.

— Все это хорошо и прекрасно,—говорила Шарлотта,—но, по-моему, въ художникѣ, кромѣ артистическаго элемента, долженъ быть еще и человѣкъ. Дурной человѣкъ побѣдитъ хорошаго художника, и тотъ погибнетъ. Помни это, Гвидо!"

Умиленный ея заботливостью, молодой архитекторъ былъ радъ, что она стала немного спокойнѣе и прибавилъ:

— Если позволишь, въ заключеніе нынѣшняго дня художникъ представитъ тебѣ на судъ свой проектъ, удостоенный первой преміи?

— Да, да! — воскликнула она, и долго, долго еще сидѣли они, увлекшись бесѣдой, которая унесла ихъ въ давно минувшія времена, въ города и мѣстности, прославленныя твореніями великихъ мастеровъ живописи и зодчества. Они припомнили: Джіотто, Брунеллески, Сансовино; въ воспоминаніяхъ своихъ они побывали въ Сіеннѣ, во Флоренціи, въ Парижѣ... Шарлотта осыпала Гвидо разспросами, и оба будили одинъ въ другомъ новыя, живыя мысли.

III.

Въ такъ называемой „берлинской" комнатѣ было довольно свѣтло, благодаря яркому отблеску отъ стѣны сосѣдняго пятиэтажнаго дома. Надъ швейной машинкой, у самаго окна, гдѣ было свѣтлѣе, склонились три женскія головы въ горячемъ обсужденіи своихъ женскихъ тайнъ.

Одна изъ женщинъ, очевидно, портниха, съ плоской грудью и сѣрымъ, уже немолодымъ лицомъ, поражала искусственностью своей прически; ей также принадлежали тутъ же висѣвшія на стѣнѣ желтоватая жакетка и ярко-красная шляпа съ черной отдѣлкой. Въ эту минуту она ловко подкладывала подъ быстро сновавшую иглу сметанную матерію.

По одну сторону ея сидѣла Мартина, положивъ ногу на ногу, спиной къ окну, запустивъ пальцы за свой желтый шолковый поясъ. У нея на колѣняхъ лежали широкія бѣлыя кружева, которыя она только-что штопала, нитки съ иголками еще висѣли на нихъ. По другую сторону, надъ работой склонилась сама хозяйка дома, Асминда Кальковская, и при свѣтѣ, ударявшемъ ей прямо въ лицо, ясно выступали мѣшки и морщины подъ глазами. Но рѣзко-очерченныя черты ея красиваго лица, при ве-

чернемъ освѣщеніи и съ помощью притираній, безусловно должны были казаться на сценѣ весьма эффектными. Фигура ея, облеченная въ одежды великосвѣтской дамы, также должна была казаться величественной. На ней была не то ночная, не то денная кофточка, а шолковая изношенная юбка цвѣта синихъ сливъ, конечно, не могла „сойти“ ни для уличнаго, ни даже для домашняго костюма. Несмотря на такую небрежность въ платьѣ, ея темные, довольно жирные волосы красовались въ тщательной прическѣ, а на вискахъ лежали аккуратно загнутые „крючечки“.

Горячему говору трехъ женщинъ вторилъ грохотъ сосѣдней фабрики, изъ трубы которой вылеталъ бѣлый, чистый паръ.

— Вотъ увидите,—будетъ провалъ!—говорила Асминда:—ужъ что̀ скажетъ Добертъ, то исполнится непремѣнно! Директоръ воображаетъ, что одинъ актеръ можетъ привлечь всю публику: Добертъ очаровательнъ въ роли Эрнеста Рокера, но этого мало! Хорошо директору говорить: прошу дамъ озаботиться о новыхъ и дорогихъ нарядахъ къ первому представленію. По-моему, мое голубое еще хоть куда.

— Даже роскошно!—подхватила услужливая швея.

— Вотъ, что̀ я вамъ скажу, милая моя Гресманъ: вырѣжемъ лифъ пониже,—во французской аристократіи это считается утонченнымъ шикомъ. На шею я надѣну свое ожерелье...

— Брилліантовое? Чудо, что̀ за роскошь! Одни брилліанты чего стоютъ!

— Только бы Фиффи Малеръ не явилась въ трехъ платьяхъ отъ Герсонъ! Надо же ей хоть чѣмъ-нибудь отличаться, если таланта не хватаетъ! И долговъ у нея,—не перечесть! Удивляться надо. Зато у нея есть особенный талантъ—откуда-то выуживать субъектовъ, которые за нея расплачиваются каждый годъ... Постарайтесь, милочка, разузнать, въ чемъ она будетъ? А я ужъ заставлю Доберта убѣдить ее, что голубой цвѣтъ совсѣмъ ей не къ лицу.

— Можете вполнѣ на меня положиться. Завтра вечеромъ прибѣгу непремѣнно и стачаю вамъ все, что̀ нужно,—замѣтила Гресманъ и съ улыбкой кивнула на Мартину. — А Нини-то начинаетъ понемногу отъучать насъ отъ своей помощи.

— Нини! И въ самомъ дѣлѣ, ты могла бы работать поприлежнѣе,—замѣтила ей мать своимъ всегда спокойнымъ и красивымъ, глубокимъ голосомъ.

Мартина встала, лѣниво потянулась и подошла помѣшать въ котелкѣ, кипѣвшемъ тутъ же, на обѣденномъ столѣ, на ке-

росиновой кухонкѣ. Дневной свѣтъ упалъ на нее и освѣтилъ ея стройную, но не особенно красивую фигуру средняго роста и лицо, которое на первый взглядъ должно было казаться даже некрасивымъ; широкое въ вискахъ, оно кончалось острымъ подбородкомъ, что̀ придавало ей сходство съ кошкой, еще болѣе усиленное замѣчательно страннымъ расположеніемъ глазъ,— большихъ и темно-карихъ. Когда Мартина опускала вѣки, глаза ея много теряли, потому что вѣки были блѣдны и сливались съ безцвѣтной окраской лица, напоминавшаго тогда типъ смѣшанной расы; и до такой степени было сильно это впечатлѣніе, что въ первую минуту оно мѣшало замѣтить ея изящный, хоть и неправильный носикъ и небольшой ротъ съ тонкими губами.

Темные волосы, собранные на затылкѣ въ модный узелъ, пышными волнами обрамляли ея оригинальное лицо и спускались ей на уши.

— А когда къ намъ пожалуетъ вашъ будущій супругъ?— спросила Гресманъ.

— Мой женихъ пріѣдетъ сегодня, послѣ обѣда,—улыбаясь, отвѣтила Мартина.

И вмѣстѣ съ улыбкой у нея на лицѣ расцвѣли самыя привлекательныя и до той минуты скрытыя сокровища веселости и обаянія. Такое оживленное и задорное лицо безспорно должно было особенно нравиться мужчинамъ.

— Недаромъ я всегда вамъ говорила: вотъ увидите, наша Нини непремѣнно сдѣлаетъ блестящую партію! — неутомимо и проворно работая иглой, замѣтила опять швея.—Помните, въ день вашего рожденья я вамъ пожелала (вамъ двадцать восьмой годъ тогда пошелъ) и пожелала отъ души въ тотъ же годъ выйти замужъ? Одному только удивляюсь: такъ давно вы съ нимъ уже знакомы, чего жъ онъ раньше не сдѣлалъ предложенія?

— Мы считали неудобнымъ поощрять его вниманіе, пока не узнали о его гамбургскихъ связяхъ и о его талантѣ. Это выяснилось, когда онъ получилъ первую премію за проектъ.

— Не знаю, мама̀,—перебила ее Мартина:—ужъ не лучше ли тебѣ сразу сдѣлать себѣ теперь же новое бархатное—ну, хоть геліотроповое платье, если твое страшилище, Фиффи Малеръ, и въ самомъ дѣлѣ припасетъ цѣлыхъ три платья напоказъ... Ты могла бы надѣть его ко мнѣ на свадьбу.

— Но, дитя мое! Для меня слишкомъ серьезенъ геліотропъ! Желтое бархатное, положимъ, уже износилось... Нѣтъ, все-таки лиловый цвѣтъ надо отложить, пока я не перейду исключительно на роли „благородныхъ старухъ“.

— Да нѣтъ же, мамà! Именно *теперь* это удобно: вмѣстѣ съ моимъ приданымъ все пойдетъ въ общій счетъ...

— А кто будетъ платить по этому счету?

— Конечно, я, какъ только буду замужемъ!—смѣясь, возразила Мартина.

— Вотъ такъ практичная барышня!—подхватила швея.

Мать засмѣялась и прибавила:

— Вотъ вздоръ! Голубое, право, еще сойдетъ!

— А вы хотѣли мнѣ *его* подарки показать?—напомнила невѣстѣ Гресманъ.

— О, мой женихъ—прекрасный человѣкъ! И щедрый онъ, и благородный, и обворожительный! Я страсть, какъ его полюбила!—Мартина съ восторгомъ побѣжала доставать подарки: дорогую брошку изъ брилліантовъ и сапфировъ и такое же кольцо вмѣсто обручальнаго.

— Я больше его не положу въ футляръ: оно у меня только на время тамъ лежало, пока у насъ здѣсь шла уборка.

Дѣйствительно, Мартина сняла его на время, чтобы не испортить кольцо и не дать жениху догадаться, что ручки его невѣсты частенько мокнутъ въ водѣ и исполняютъ грязную работу, за неимѣніемъ служанки, которую замѣняла дѣвочка-подростокъ, приходившая на день помогать по хозяйству.

Продолжительный звонокъ прервалъ всеобщіе восторги.

— Ну, это папá!—замѣтила Мартина, и вскорѣ на порогѣ появился безбородый, худой господинъ съ множествомъ морщинъ на лицѣ, которое вмѣстѣ съ его осанкой и поступью сразу изобличало въ немъ актера. Своеобразное, какъ бы развинченное движеніе его рукъ и ногъ, составлявшее его особенность и хорошо знакомое публикѣ, дѣйствительно указывало на его комическое амплуа.

— Обѣдать, обѣдать!—покрикивалъ онъ, снимая шляпу и пальто и нервно понукая домашнихъ.

— Сейчасъ, сейчасъ! У насъ только и есть, что бобы съ мясомъ въ котелкѣ... Мартина! Поскорѣе накрывай на столъ.

Но та уже разостлала сильно поношенную скатерть и приказала дѣвушкѣ подать ей керосинку; мать ушла жарить мужу бифштексъ, который тотъ принесъ съ собой, и нѣсколько минутъ царили бѣготня и суета. Затѣмъ, всѣ усѣлись за столъ, и Кальковскій, волнуясь, принялся разсказывать, что у него въ карманѣ лежитъ новая роль.

— Вотъ такъ комизмъ,—самый настоящій! Публика будетъ

покатываться со смѣху! А что̀, твой возлюбленный явится къ намъ сегодня?—прибавилъ онъ вдругъ.

— Мой женихъ придетъ съ Филиппомъ въ три часа.

— Осмѣлюсь спросить, въ качествѣ нѣкоторымъ образомъ отца и члена семьи: писалъ онъ вамъ, дадутъ ли ему Баумейстеры свое благословеніе и денегъ на женитьбу?

— Писать ему было нѐкогда,—небрежно проронила Мартина:—онъ только телеграфировалъ: благословеніе и капиталъ.

— Прелестно! Это меня страшно радуетъ! — воскликнулъ отецъ, поднимая стаканъ и чокаясь съ дочерью.

— Не знаю, чему тутъ *страшно* радоваться?—замѣтила Кальковская, ни на минуту не теряя своего величественнаго спокойствія, какъ будто на плечахъ у нея красовалась порфира съ горностаемъ, а не ветхая ночная кофточка.

— Постой, милая! Будь справедлива: съ такими людьми, какъ Баумейстеры, намъ не приходится считаться.

— Не знаю, папа̀, но въ такихъ дѣлахъ меня почему-то не особенно радуетъ капиталъ...

— А все-таки въ условіи будетъ, что ты получишь на свою долю довольно для того, чтобы свободно дѣлиться деньгами сколько тебѣ угодно,—прибавилъ онъ, лукаво поглядывая на дочь.

— Сколько я слышала, Баумейстеры сдѣлали для твоего мужа много и помимо денегъ?

— Весьма возможно, что Гвидо преувеличиваетъ, это съ нимъ случается,—возразила Мартина:—вообще говоря, такая зависимость не особенно меня радуетъ.

— Я вполнѣ придерживаюсь мнѣнія нашей Нини,— подхватила Гресманъ.—Вообще говоря, свекровь—особа не очень-то пріятная, и самое лучшее, если отношенія къ ней установятся чисто оффиціальныя. Это не помѣшаетъ намъ иной разъ и зубки показать, а тамъ, гдѣ признательность на первомъ планѣ, это не совсѣмъ удобно. Кстати, такіе господа ужасно много требуютъ, и нашей Нини нерѣдко придется весьма круто.

— Конечно!—согласилась Мартина:—тѣмъ болѣе, что я вовсе не намѣрена допускать, чтобы меня критиковали или пробовали перевоспитать. Если даже эта Шарлотта и забавлялась Гвидо, какъ игрушкой, она должна же была понимать, что это не могло такъ продолжаться безконечно. Теперь онъ мнѣ принадлежитъ! Всѣ его думы, его чувства, все—мое! Понятно, при помолвкѣ я ему обѣщала всегда любить и почитать г-жу Баумейстеръ, но въ то же время, въ глубинѣ души, рѣшила, что, мало-по-малу, постараюсь незамѣтно отдалить его отъ нея.

— Вотъ и я также стою за мягкій образъ дѣйствій,—замѣтила мать.—Если ужъ съ кѣмъ приходится расходиться, надо всячески стараться сдѣлать это безъ рѣзкостей, безъ особаго шума, а за все прошлое, конечно, можно чувствовать только благодарность. Налей-ка мнѣ еще!—обратилась она къ мужу, но тотъ лишь молча показалъ ей въ отвѣтъ пустую бутылку.

— Мартина! Напомни выписать еще!—проговорилъ отецъ, и вмѣстѣ съ женою, выйдя изъ-за стола, ушелъ къ ней въ комнату, гдѣ и принялся усердно просматривать газеты и юмористическіе журналы, чтобы выписать изъ нихъ остроты или шутки, которыя наиболѣе могли годиться для экспромта на сценѣ.

Гресманъ сѣла за свою швейную машинку. Мартина пошла одѣваться и, замѣнивъ простое темно-синее платье блѣдно-зеленымъ, вышла въ чистыя комнаты.

Тамъ было все освѣщено яркимъ отраженіемъ отъ сосѣдней фабричной стѣны, и обстановка „красной гостиной“ казалась довольно привлекательной, — вѣроятно, благодаря нѣсколькимъ вещицамъ, которыя подкупали своею незаурядностью. Красиво также было сочетаніе мебели, крытой краснымъ рипсомъ, съ мебелью сосѣдняго кабинета, обтянутой поддѣльнымъ верблюжьимъ войлокомъ. Ея убранство составляли: множество фотографическихъ карточекъ въ изящныхъ рамахъ; картины, статуэтки и цѣлые вѣера для карточекъ, расположенные полукругомъ надъ большой чернильницей—усерднымъ подношеніемъ провинціальныхъ почитателей Кальковскаго; большинство карточекъ изображало его сослуживцевъ; въ углу станокъ съ большимъ портретомъ самой Асминды Кальковской въ цвѣтѣ ея юности и красоты, въ претенціозной одеждѣ и съ классической прической; на станкѣ три увядшихъ лавровыхъ вѣнка,—вотъ приблизительно, каково было это убранство. Во второй комнатѣ размѣщено было такое же множество всякихъ бездѣлушекъ и дешевыхъ украшеній въ видѣ плюшевыхъ вѣеровъ и тому подобнаго хлама. Между обѣими комнатами не было дверей, а висѣли двѣ портьеры: одна —прозрачная, синелевая; другая—тяжелая, красная.

Мать и дочь одинаково гордились обстановкою этихъ двухъ комнатъ, считая ее не совсѣмъ обыкновенной.

Мартина ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, поджидая жениха и поглядывая на часы, висѣвшіе у нея за поясомъ на прелестнѣйшей цѣпочкѣ, которую каждый могъ счесть за настоящую золотую. Не спѣша и не волнуясь, она поправляла складки у занавѣсъ и у портьеръ, двигала стулья и бездѣлушки, хотя порядокъ ихъ не могъ измѣниться въ виду полнаго отсутствія

поводовъ къ безпорядку, который могли бы причинить только частые пріемы.

Прошло еще минутъ пять, десять.

Мартина остановилась, прислушалась. Полнѣйшая тишина! Она прикинула (съ похвальной точностью), сколько времени могутъ употребить Филиппъ и Гвидо на то, чтобы наскоро закусить, заѣхать на квартиру жениха, и, наконецъ, доѣхать до нея, Мартины. Оказалось, что они могли подъѣхать съ минуты на минуту.

Вотъ колеса глухо застучали на мостовой и остановились... Вотъ опять тишина и—звонокъ. Еще мигъ—и Мартина повисла на шеѣ у счастливаго, сіяющаго жениха.

IV.

— Нини!—воскликнулъ онъ, обнимая и покрывая поцѣлуями молодое, дышащее жизнью лицо дѣвушки, которая сама сіяла радостью свиданія.

Прижимая къ груди своей ея молодой станъ, трепетавшій радостнымъ волненіемъ, Гвидо думалъ, что никогда еще онъ самъ не цѣловалъ такъ страстно, никогда не любилъ такъ горячо, такъ полно!

Наконецъ, успокоившись немного, они сѣли рядомъ; Мартина прижалась плечомъ къ его плечу и завладѣла его лѣвою рукой.

— Ну, говори же, говори: очень по мнѣ скучала?—допрашивалъ онъ.

— Конечно, мнѣ очень было жаль съ тобою не видаться,—весело заглядывая прямо ему въ лицо, начала она;—но не думай, чтобы я всѣ эти пять дней предавалась тоскѣ и одиночеству! Этимъ все равно дѣла не поправишь! Ну, вотъ! Одинъ день мама была свободна, и мы были на первомъ представленіи въ „Столичномъ“ театрѣ; на другой—я ѣздила смотрѣть, какъ мама играетъ; на третій... какъ разъ третьяго дня, я была на праздникѣ, который давали художники, и вечеръ удался какъ нельзя лучше! Можешь меня ревновать ко всѣмъ заразъ: я была въ костюмѣ испанки и имѣла большой успѣхъ.

Гвидо хотѣлось бы признаться откровенно, что ему было бы пріятнѣе, если бы она побольше по немъ тосковала и меньше веселилась; но такъ открыто, такъ ласково и нѣжно смотрѣли на него ея большіе темные глаза, что онъ не рѣшился.

— Сегодня тоже ты имѣешь успѣхъ — у меня! — вмѣсто того сказалъ онъ.—Тебѣ замѣчательно идетъ зеленый цвѣтъ. Я въ первый разъ вижу тебя въ этомъ платьѣ... и, кажется, оно на шолковой подкладкѣ?

Мартина слегка провела рукой по шуршавшимъ складкамъ.

— Ахъ, оно случайно куплено! А подкладка—одно изъ старыхъ платьевъ мамы и случайно оказалось подъ цвѣтъ моему. Шить его тоже было не замысловато: у насъ есть прекрасная дешевая портниха, которая работаетъ поденно и, съ ея помощью, мы шьемъ все сами дома.

— Дай же я расцѣлую золотыя ручки, которыя умѣютъ такъ трудиться!—въ восторгѣ говорилъ Гвидо:—какъ украшаетъ женщину умѣнье съ небольшими средствами принарядиться!

— Ну, а ты тоже хорошо провелъ время безъ меня?

Гвидо принялся разсказывать все по порядку.

Мартина слушала сосредоточенно, умно. Семьдесятъ-пять тысячъ марокъ пришлись ей по вкусу, зато необходимость переѣхать въ Гамбургъ не понравилась совсѣмъ; а еще того менѣе—перспектива имѣть своимъ руководителемъ и другомъ Шарлотту Баумейстеръ.

— Развѣ я кажусь тебѣ такой неопытной и глупой?—смѣясь и цѣлуя, перебила она его.

— Да нѣтъ! Я вовсе не въ этомъ смыслѣ... — смущенно пролепеталъ Гвидо. А самъ въ то же время думалъ:—„Надо мнѣ незамѣтно сгладить эти шероховатости ея характера, но такъ умѣло, такъ нѣжно и такъ осторожно, чтобы она не могла ничего замѣтить“...

— И что же: Гамбургъ совсѣмъ для насъ необходимъ?—спросила Мартина.

— Конечно! Въ Берлинѣ конкурренція слишкомъ велика для того, чтобы открыть собственную мастерскую; а въ Гамбургѣ меня всѣ знаютъ, и все знакомство Баумейстеровъ доставитъ мнѣ надежную работу... Но не горюй, Нини! Никто насъ не связалъ съ Гамбургомъ веревочкой: какъ только я пріобрѣту нѣкоторую извѣстность, мы можемъ устроиться въ Берлинѣ.

— Отлично! Просто роскошь! А до тѣхъ поръ, мнѣ можно будетъ иногда навѣдываться къ папѣ съ мамой?

— Ну, разумѣется!

Мартина кинулась къ нему и принялась душить его поцѣлуями.

— А что же ты ни слова не скажешь на безграничную

доброту Шарлотты?—спросилъ онъ, и спросилъ такъ серьезно, что Мартина какъ-то вдругъ остепенилась.

— Какой вопросъ!.. Да я, какъ только съ ней увижусь,— покрою поцѣлуями ея добрыя ручки въ знакъ благодарности и моего почтительнаго чувства. Ты говоришь, что она много для тебя сдѣлала;—ну, а ты для нея? Ты это ни за что̀ считаешь, что ты наполнилъ ея досугъ, замѣнилъ ея умершихъ дѣтей? Мужъ у нея, навѣрно, былъ ужасный, а для нея могло ли быть что-нибудь лучше, отраднѣе того, что ты былъ съ нею,—всегда и вездѣ? Ты, ты!..—И Мартина страстно его расцѣловала.—О, какъ я ей завидую, что она могла холить и наставлять на умъ такого остроумнаго, такого очаровательнаго шалопая! Наконецъ, еслибъ она не приняла участія въ ребенкѣ, который носилъ то же имя, что̀ и ея мать, твоя Шарлотта никогда бы этого себѣ не простила: ея гордость не позволила ей бросить тебя,—пасынка ея матери, на произволъ судьбы... Ну, что̀? Развѣ не моя правда?

— Можетъ быть, Нини, но...

— Наконецъ, милый ты мой мальчуганъ!—ты забываешь, что эти люди, — твои Баумейстеры, сами передъ тобой глубоко виноваты! Они вырвали тебя изъ родной тебѣ, простой среды, для того, чтобъ окружить полнымъ довольствомъ и даже роскошью, и ихъ обязанность была не сажать тебя вдругъ на хлѣбъ и на воду, а дать тебѣ возможность обезпечить себя въ будущемъ, чтобы ты могъ вести жизнь и впредь съ такими же удобствами, къ какимъ они же тебя пріучили... Правду я говорю?

Гвидо смущался все болѣе и болѣе съ каждою минутой.

— Право не знаю. Только... я никогда не смотрѣлъ на этотъ вопросъ съ этой стороны. Но это отнюдь не умаляетъ чувство моей признательности.

— Да и не нужно! — воскликнула Мартина, вскочивъ къ нему на колѣни и обнимая его съ нѣжной лаской въ глазахъ.— А все-таки ты мнѣ одной принадлежишь; мнѣ, мнѣ!..—въ шутку тряся его за́-плечи, смѣялась она, а Гвидо все больше и больше блѣднѣлъ и смущался.—Принадлежишь ты мнѣ, или нѣтъ? Говори!.. Говори!—твердила она.

— Да...—глухо отвѣтилъ онъ:—да...

— Но и *я*, въ свою очередь, обязана любить и уважать людей, добрыхъ къ тебѣ. И *я* признаю, что ты правъ, если чувствуешь благода́рность къ Баумейстерамъ.

— Это меня радуетъ. Не будь ихъ, я не былъ бы тѣмъ, чѣмъ я сталъ теперь, и ты бы не могла получить меня себѣ въ мужья. Такъ что, собственно говоря, косвеннымъ образомъ Шар-

лотта сама отдаетъ меня тебѣ. Для меня было бы ужаснѣе всего, еслибъ ты этого не понимала!

— Будь покоенъ, золото мое! Твоя Нини не дастъ тебѣ никогда повода къ недовольству!

И въ самомъ дѣлѣ, Мартина умѣла держать себя въ обществѣ; умѣла настолько умно и весело вести разговоръ, что отецъ съ матерью гордились ею и считали, что дочь ихъ воспитана въ совершенствѣ.

— Ахъ, кстати! Я и забыла извиниться, что мама къ тебѣ не вышла: сегодня ей играть и до шести часовъ она обыкновенно отдыхаетъ. Конечно, послѣ спектакля мы всѣ вмѣстѣ куда-нибудь поѣдемъ...

— А развѣ намъ необходимо надо быть въ театрѣ?—спросилъ Гвидо, и лицо его омрачилось. Онъ себѣ представлялъ этотъ вечеръ,—первый послѣ разлуки,—такимъ же уютнымъ и отраднымъ, какъ тѣ дни и вечера, которые онъ только-что провелъ съ Шарлоттой.

— Понятно! — горячо отвѣтила Мартина, и эта горячность была ей какъ нельзя болѣе къ лицу. — Понятно; вѣдь сегодня выступаетъ также Фиффи Малеръ. Ужъ эта Малеръ уложитъ маму въ гробъ!

— Каково?! Ну, въ такомъ случаѣ, дѣло важнѣе, чѣмъ я думалъ,—замѣтилъ женихъ, уже улыбаясь.—Это, дѣйствительно, ужасно!

— Еще бы не ужасно!.. Какіе туалеты ни придумаетъ себѣ мама́,—у Малеръ ужъ навѣрно втрое лучше и богаче. И что̀-жъ мудренаго? У нея всегда есть кто-нибудь, кто за нее платитъ по счетамъ. Въ прошломъ году ее содержалъ одинъ уполномоченный при посольствѣ. Говорятъ даже, что у нея былъ ребенокъ, и этотъ бѣдный крошка отданъ на попеченіе какой-то вѣдьмѣ, въ родѣ той, знаешь, у которой была „фабрика ангеловъ“. Мама часто говоритъ, что ничего не сто̀итъ побѣдить своихъ сослуживцевъ, если умѣешь раздобыть себѣ такіе туалеты.

Гвидо опять измѣнился въ лицѣ и дрогнувшимъ, глубокимъ голосомъ замѣтилъ невѣстѣ:

— Милая моя Нини! Все это такія вещи, о которыхъ тебѣ лучше бы не знать. По крайней мѣрѣ, мнѣ всегда казалось, что молодымъ дѣвушкамъ совсѣмъ не нужно объ этомъ знать.

Безъ малѣйшаго смущенія Мартина разсмѣялась и, соскользнувъ у него съ колѣнъ, остановилась передъ нимъ, покачивая головою.

— Нечего сказать, забавное ты имѣешь представленіе о

молодыхъ дѣвушкахъ! Такихъ вещей не знать? Не можемъ же мы законопатить себѣ и глаза и уши?

— Конечно, нѣтъ!—согласился Гвидо.—Ты вѣдь не виновата, что выросла въ такихъ условіяхъ, которыя незнакомы Баумейстерамъ и близкимъ для нихъ людямъ. Но придетъ время, и ты научишься обо многомъ думать иначе.

Онъ хотѣлъ въ ея поцѣлуяхъ найти себѣ нѣкоторую поддержку и успокоеніе, но она отшатнулась отъ него и недовольнымъ, обиженнымъ тономъ проговорила:

— Вотъ еще! Вздоръ какой! Судя по твоимъ словамъ, можно бы подумать, что я совсѣмъ испорченная дѣвушка! Но мама̀—прекрасная воспитательница, и если ты недоволенъ воспитаніемъ, которое я у нея получила...

Гвидо всегда подкупала увѣренность Мартины въ совершенствахъ ея матери; онъ видѣлъ въ этомъ залогъ глубокаго и признательнаго чувства; но ему было жаль замѣтить еще лишній разъ, что Мартина не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что есть (или можетъ быть) на свѣтѣ иныя условія, иныя воззрѣнія, чѣмъ искони знакомыя ей и связанныя съ ея домашнимъ бытомъ. Этого она, очевидно, никакъ не могла себѣ представить.

„Только бы вырвать ее изъ этой обстановки"!—думалъ онъ, возлагая на это всѣ свои надежды.

Нини замѣтила, что съ нимъ что-то творится и, не подозрѣвая о настоящей причинѣ раздумья жениха, приписала ее недовольству на ея послѣднее замѣчаніе и поспѣшила поправиться:

— Только ты не думай, милый, что твоя Нини хотѣла сказать что-нибудь обидное! — нѣжно обнявъ его за шею, проговорила она. — Я только хотѣла сказать: если ты недоволенъ моимъ воспитаніемъ, такъ перевоспитай меня; и изъ твоей веселой, глупенькой дѣвочки выйдетъ съ успѣхомъ умнѣйшая и скучнѣйшая старая дѣва...

Гвидо къ ней наклонился.

— Нѣтъ, нѣтъ! — воскликнула она.—Благовоспитанная барышня никогда не позволитъ себя цѣловать!

И еще надолго затянулась ихъ веселая болтовня и шутливые споры.

Незамѣтно подошло время собираться въ театръ; но Мартина была большая лакомка, и Гвидо не могъ отказать себѣ въ удовольствіи исполнить ея желаніе—заѣхать сперва къ Кранцлеру и тамъ же, у кондитерской, велѣть извозчику дожидаться.

— И, пожалуйста, найми самаго лучшаго, по часамъ!— просила она, заранѣе предвкушая блаженство навсегда распроститься съ конками и общественными каретами.

Добравшись до кассы театра, Гвидо былъ непріятно пораженъ перспективой сидѣть въ большой министерской ложѣ вмѣстѣ съ многочисленными сослуживцами и сослуживицами Асминды Кальковской, которые были въ тотъ вечеръ свободны и пользовались даровыми мѣстами. Чтобы не огорчить Мартину, онъ шепнулъ ей, что онъ будетъ больше чувствовать близость къ ней, если пойдетъ въ партеръ; и Мартина мигомъ очутилась у кассы, приступивъ тотчасъ же къ переговорамъ насчетъ даровыхъ билетовъ. Но Гвидо рѣшительно ее остановилъ и заплатилъ за свои два кресла, несмотря на возраженія невѣсты, что это лишняя трата денегъ...

Однако и тутъ, на оплаченныхъ мѣстахъ, ему ничуть не было спокойно.

Его невѣста тотчасъ же все вниманіе свое отдала сценѣ,— но не самой пьесѣ. Ему пришлось выслушать еще такую массу подробностей, касающихся ненавистной Фиффи Малеръ, что терпѣніе его готово было лопнуть.

— Она вѣдь только на семь лѣтъ моложе мамà!—съ увлеченіемъ повѣствовала Мартина:—а ведетъ себя, какъ дѣвочка-подростокъ. И, знаешь, это желтое платье будто бы отъ Ворта? А Гресманъ говоритъ, что ея кузина (которая работаетъ на Розенталя) знаетъ за достовѣрное, что этотъ нарядъ и заказанъ, и сшитъ преспокойно здѣсь, въ Берлинѣ. — Ну, а это платье для прогулки „genre tailleur"? Только вдѣть въ корсетъ широкую желѣзную планшетку,—и у кого угодно будетъ такая же талія...

На сценѣ мать Мартины была бы весьма представительна, еслибъ не ея жирная, расплывшаяся полнота,—въ этомъ не могъ ей отказать даже Гвидо, которому жутко было видѣть на подмосткахъ, въ фальшивыхъ бриллiантахъ на оголенной шеѣ, ту самую женщину, которая взростила его будущую жену. Но она играла въ „Фернандѣ" роль графини Клотильды, ловкой интригантки, и играла ее съ большимъ тактомъ, несмотря на свой низко вырѣзанный лифъ и слишкомъ выступавшую полноту.

— Ну, что? Вѣдь мамà чудо какъ хороша?.. Да?—шептала ему восторженно Нини; а Гвидо только о томъ и думалъ, какъ будетъ онъ безмѣрно счастливъ, когда она,—дѣтски живая, впечатлительная, будетъ поставлена въ условія, болѣе достойныя ея.

V.

Послѣдующіе нѣсколько мѣсяцевъ пролетѣли для Гвидо незамѣтно.

Какъ ни ворчала Мартина на его слишкомъ кипучую работу, онъ съумѣлъ все-таки устоять предъ искушеніемъ чаще съ нею видѣться. Онъ зналъ, что вся дальнѣйшая его дѣятельность зависитъ отъ его первыхъ двухъ работъ: заказной и собственнаго предпріятія, для осуществленія котораго онъ купилъ близь Гамбурга прелестную усадьбу. Образцовая гостинница, которую онъ разсчитывалъ тамъ выстроить, должна была привлечь всеобщее вниманіе и Гвидо имѣлъ въ виду продать ее за двѣсти тысячъ марокъ.

Между тѣмъ, Баумейстеры употребили все свое вліяніе, чтобы дать ему возможность обезпечить себѣ за это время вѣрный заработокъ, и съ удовольствіемъ успѣли убѣдиться, что въ его новомъ другѣ—Филиппѣ Кальковскомъ—нѣтъ ничего общаго съ пошловатой „артистической“ обстановкой. Отъ ея вліянія онъ былъ удаленъ еще съ дѣтства, а впослѣдствіи, уже будучи взрослымъ, сдѣлался любимцемъ меценатовъ и вообще богатыхъ людей.

— Онъ, кажется, премилый молодой человѣкъ,—замѣтила ему вслѣдъ Шарлотта, и мужъ ея, суровый, всегда сдержанный Конрадъ-Петеръ Баумейстеръ, тоже благоволилъ промолвить кратко, но милостиво:

— Да, очень милый!

Филиппъ, дѣйствительно, хотя не былъ выдающимся художникомъ, но обладалъ изящнымъ вкусомъ и понемногу шелъ впередъ въ своей артистической карьерѣ и недавно нанялъ себѣ большую мастерскую, которую обставилъ дешевыми средствами, но замѣчательно изящно и красиво.

Сестра не унаслѣдовала артистическаго вкуса брата, и Гвидо приходилось часто съ улыбкой вразумлять ее, оберегая отъ увлеченія какою-нибудь дрянью въ родѣ грубоватыхъ розовыхъ плюшевыхъ вѣеровъ или фарфоровыхъ уродливыхъ собачекъ. Слабость ея къ нимъ выяснилась по поводу обстановки, которую они вмѣстѣ выбирали для своей будущей квартиры. Кстати сказать, эта квартира, въ ея глазахъ, была важнѣе, чѣмъ его крупныя и отвѣтственныя начинанія, составлявшія въ эту минуту главную цѣль его жизни и, такъ сказать, краеугольный камень всей его архитекторской карьеры. Мартина была нѣсколько сму-

щена, когда женихъ указалъ ей на недостатки въ ея понятіяхъ объ изящномъ; но у нея хватило такта не спорить съ нимъ и усвоить его воззрѣнія настолько, что Гвидо казалось, будто дѣло перевоспитанія его будущей жены уже само собою идетъ весьма успѣшно. Слова „настоящій“ и въ „строгомъ стилѣ“ не сходили у нея съ языка; въ своемъ усердіи она даже впадала въ крайность и смѣшила брата тѣмъ, что признавала его копіи старинныхъ мастеровъ живописи „подражаніемъ“ и „mauvais genre“. Тогда Гвидо принимался снова добросовѣстно возстановлять ея пошатнувшіяся понятія, а Мартина слушала его, повидимому, со вниманіемъ, думая въ то же время:—Да ну ихъ! Не все ли мнѣ равно? Все то и хорошо, что мнѣ нравится, а что не нравится, то безобразно!

Филиппъ скоро сошелся съ женихомъ сестры, и послѣдній радъ былъ, что, судя по его будущему родственнику, Шарлотта можетъ составить себѣ лишь самое выгодное представленіе о семьѣ Кальковскихъ. Между тѣмъ, послѣдніе съ своей стороны уже строили планы съ разсчетомъ на покровительство Баумейстеровъ и ихъ вліятельныхъ знакомыхъ. Асминда-Фаббро-Кальковская уже видѣла себя во всемъ блескѣ успѣха на сценѣ главнаго гамбургскаго театра. Мартина поспѣшила сообщить объ этомъ жениху, и Гвидо пришелъ въ ужасъ.

— Повѣрь мнѣ, Нини, это немыслимо! Этого никакъ нельзя допустить.

— Но почему же? Тогда намъ не придется разставаться; а я такъ ужъ привыкла быть всегда подлѣ мамы.

— Съ этихъ поръ ты будешь подлѣ меня! Но, конечно, это не помѣшаетъ тебѣ любить твою маму. Только ты должна понимать, что въ Гамбургѣ мы поставлены въ условія, совсѣмъ другія... Тамъ живутъ и смотрятъ на все не по столичному...

— А, понимаю! Ты хочешь сказать, что это можетъ стѣснить твоихъ Баумейстеровъ?—замѣтила Мартина враждебно.

— Если ты такъ выражаешься, это звучитъ жестко; но въ сущности, и для твоей мамы жизнь въ Гамбургѣ будетъ имѣть тяжелыя стороны. Знаешь, вѣдь тамъ очень сильны сословные предразсудки, и если бы случилось, что твоя мама не была бы принята въ обществѣ, для нея это было бы обидно. Если же ей придется бывать въ обществѣ, это наложитъ на нее обязательства, которыя она не всегда будетъ въ состояніи исполнить.

— Вотъ еще вздоръ! Такое выдающееся дарованіе, какъ мама, имѣетъ только права, и никакихъ обязательствъ. Она не

должна дѣлать никакихъ визитовъ, а къ кому она сама придетъ, тотъ долженъ еще Бога благодарить.

Гвидо почувствовалъ, что на лбу у него проступаютъ капли пота.

— Что-жъ дѣлать, Нини, если не все на свѣтѣ творится такъ, какъ ты себѣ до сихъ поръ представляла. И, наконецъ, гамбургцы могутъ еще не оцѣнить дарованія твоей мамы, хоть я лично и признаю за ней большой талантъ...

— Твои гамбургцы—кафры!—перебила его Нини.

— И, конечно, ты сама знаешь, до какой степени публика можетъ быть несправедливой; до какой степени она невѣжественна въ смыслѣ театральной критики...

Слова Гвидо задѣли самую чувствительную струну въ сердцѣ Мартины и, неожиданно для него, она съ нимъ согласилась.

— Не будемъ больше объ этомъ говорить! Ты этого намѣренія не одобряешь, и съ меня довольно! Я беру на себя отговорить маму...

Скорѣе и легче, чѣмъ она ожидала, удалась ей эта задача; но, къ сожалѣнію, оказалось, что Кальковская уже успѣла написать антрепренеру. Такая вѣсть могла только встревожить Нини, и она бросилась за совѣтомъ къ брату, который, по счастію, еще былъ въ городѣ. Въ тотъ же вечеръ вся семья должна была вмѣстѣ съ близкими друзьями сойтись послѣ спектакля въ какой-нибудь пивной. Туда же пришелъ заблаговременно и Гвидо.

Въ ожиданіи своихъ будущихъ родныхъ, онъ принялся перебирать газеты, которыя принесъ съ собой; невѣста ему поручила просмотрѣть отзывы объ игрѣ ея отца. Всѣхъ такихъ отзывовъ было пять; изъ нихъ три—отвратительныхъ, а два—довольно благосклонныхъ. Просмотрѣвъ газеты, Гвидо положилъ ихъ сверху, на томъ же столѣ, къ которому онъ поджидалъ Кальковскихъ. Просторная зала была ярко освѣщена; но въ ней носился несмолкаемый гулъ голосовъ, и воздухъ былъ уже пропитанъ той особой смѣсью запаховъ вина, табаку, закусокъ, которыхъ только самъ пьющій можетъ не замѣчать и не питать къ нимъ отвращенія.

Вотъ появилась и Мартина въ пышной бѣлой шляпѣ, которая выгодно оттѣняла ея смуглое лицо и большіе темные глаза. Всѣ оглядывались на нее, шептались. Гвидо все замѣчалъ и радовался, что его невѣста привлекаетъ къ себѣ всеобщее вниманіе; забывая, однако, что не одинъ восторгъ, а даже неодобрительное удивленіе способна вызвать эксцентричность яркаго наряда.

— Изъ цирка!—проронилъ небрежно одинъ изъ посѣтителей своему сосѣду, мимо котораго Мартина проходила.

Но Гвидо ничего не слышалъ, ничего не замѣчалъ; онъ уже тѣмъ былъ счастливъ, что его тяжкое и одинокое выжиданіе пришло теперь къ концу.

— Мой женихъ, г-нъ и г-жа Шульцъ-Вейлеръ! — познакомила его Мартина съ друзьями отца, которые ее сопровождали.

— Очень пріятно,—проговорилъ Шульцъ-Вейлеръ.

— Мы слышали про васъ такъ много хорошаго,—такъ много самаго прекраснаго...—подхватила его супруга, довольно красивая женщина, которой были бы болѣе къ лицу пышный передникъ и чепецъ кельнерши вмѣсто моднаго обтянутаго жакета, отороченнаго сѣрымъ мѣхомъ, и зеленаго, плюшеваго берета, неловко сидѣвшаго на жирныхъ волосахъ.

Самъ Шульцъ,—разжившійся торговецъ сигарами неизмѣнно довольный собою,—не выпускалъ изъ рукъ красивой трости съ большимъ золотымъ набалдашникомъ, а супруга его съ увлеченіемъ принялась болтать съ новымъ знакомымъ.

— Я, знаете, безъ ума отъ театровъ! Я восторженная поклонница сценическаго искусства. На первыя представленія нашему брату не попасть; зато на вторыхъ ужъ мы бываемъ непремѣнно. Чтò-жъ? Дѣтей нѣтъ; некому копить; а пока живы, поживемъ вволю, какъ хотимъ. Хозяйство меня не занимаетъ; да и нечего на него много обращать вниманія, когда за деньги можетъ все сдѣлать экономка. Мужу и мнѣ много ли нужно? Въ одинъ мигъ—наша стряпня поспѣла, и конецъ. По вечерамъ мы ужинаемъ въ ресторанѣ, а передъ ужиномъ идемъ въ театръ...

Гвидо Фабаріусъ слушалъ разсѣянно и глазъ не сводилъ съ своей Мартины. Она просматривала карту пристально, изучала ее.

— Ну, сначала я хотѣла бы отвѣдать вотъ этого майонеза, а потомъ жаренаго гуся. Это можно?—спросила она.

— Конечно, если у тебя есть аппетитъ на такія удивительныя крайности,—со смѣхомъ проговорилъ Гвидо.

— А гдѣ же Кальковскій?—спросилъ Шульцъ-Вейлеръ, и, легокъ на поминѣ, въ дверяхъ появилась худая, типичная фигура комика, который подошелъ къ друзьямъ и небрежнымъ усталымъ движеніемъ руки поздоровался съ ними.

— Вотъ и супруга!—воскликнули они, завидя торжественно выступавшую Аминду, въ сопровожденіи ея сослуживца, До-

берта, который и не на сценѣ сохранялъ невозмутимо-величавую осанку, подходившую къ его строго-римскому профилю.

— Не говори ничего про газеты,—шепнула Мартина жениху.—Не къ чему папѣ читать всякую дребедень!—и она положила свою салфетку на кучку рецензій.

— Ну, что же рецензенты?—спросила, подойдя, Асминда.

— Ничего. Только двѣ, но зато хорошихъ! — отозвалась Мартина.

Кальковскій откинулся на спинку стула и съ пренебреженіемъ отвѣтилъ:

— И смотрѣть не хочу на это кропанье! Всѣ эти господа бумагомаратели—чернильныя души, падкія на деньги. Пошли я какого-нибудь А-мейера или Бэ-мейера на свой спектакль, да приложи при этомъ билетикъ въ полсотни марокъ,—они бы до небесъ меня превознесли! Еще сравнительно болѣе знающіе господа Це-мейеръ и Де-мейеръ. Но они исключеніе.

— Конечно! Папà правъ: за деньги какое хочешь мнѣніе можно купить!—подхватила Мартина.—А вотъ, папà, кстати, что̀ пишутъ Цэ и Дэ! Спрячь ихъ къ себѣ... или нѣтъ,—лучше прочти намъ вслухъ.

— Нини!—тихонько остановилъ ее женихъ.—Какъ можно въ общественномъ мѣстѣ кричать такія вещи громогласно?

Мартина разсмѣялась:

— Вотъ еще! Да это ребенокъ и тотъ знаетъ!

Добертъ продолжалъ говорить на тему, начатую его другомъ, и своимъ звучнымъ, металлически-чистымъ голосомъ привелъ нѣсколько примѣровъ тому, ка̀къ и чѣмъ можно купить себѣ похвалу на рынкѣ печатнаго слова.

Фрау Шульцъ-Вейлеръ, самолюбію которой, очевидно, льстило, что ее видятъ въ обществѣ извѣстныхъ сценическихъ дѣятелей, тоже съ своей стороны поддерживала Доберта. Разговоръ оживился и сдѣлался общимъ.

Но не оживился, не повеселѣлъ только Гвидо.

По лицу его Мартина видѣла, что ему непріятно и какъ-то неловко въ обществѣ этихъ людей, которыхъ, впрочемъ, она и мать ея сами считали ниже себя и принимали только потому, что изъ всѣхъ пріятелей Кальковскаго они были самые безобидно веселые и наименѣе пошлые. Сама Асминда иной разъ была не прочь и посмѣяться; нравилось ей также, что Шульцъ-Вейлеръ человѣкъ состоятельный, и что онъ даритъ ея мужу дорогія ароматныя сигары. Мартина понемногу замолкла, и ей начало казаться, что невоспитанность ихъ знакомыхъ отражается

на ней и служить матери ея какъ бы укоромъ. Возвращаясь домой, она немного поотстала отъ остальныхъ и, нѣжно прижимаясь къ рукѣ Гвидо, проговорила тихо:

— Бѣдный мальчикъ! Признайся, тебѣ было страшно скучно? Да и мнѣ также! Эти Шульцъ-Вейлеры вовсе намъ не пара. Мы съ мамой сами нерѣдко ими тяготимся; такіе они невоспитанные люди!

Гвидо ничего не нашелся ей отвѣтить. Не могъ же онъ сказать любимой дѣвушкѣ, что угнетающимъ образомъ подѣйствовали на него не столько Шульцъ-Вейлеры, сколько вся среда, въ которой она жила и дальше которой ей пока не приходилось видѣть ничего. Мелочность интересовъ, пошловатость мысли и чувствъ,—все это больно отзывалось у него на сердцѣ, и онъ радъ былъ самому пустому замѣчанію, которое ему давало поводъ предположить въ Мартинѣ бóльшую благовоспитанность и возвышенность чувствъ. И одно только загоралось въ немъ горячее желаніе,—скорѣе вырвать изъ этой среды свое сокровище, свою Мартину!..

Долго въ ту ночь онъ не могъ успокоиться, и только на разсвѣтѣ тревожныя думы дали ему сомкнуть усталые глаза. На слѣдующій день онъ съ лихорадочной поспѣшностью принялся хлопотать о приготовленіяхъ къ свадьбѣ.

VI.

Въ красной гостиной у Кальковскихъ горѣла большая лампа подъ шелковымъ абажуромъ и освѣщала большіе свертки плановъ и чертежей, которые принесъ Мартинѣ женихъ, чтобы подѣлиться съ нею всѣмъ, чтò въ данное время наиболѣе его занимало.

Мартина прыгнула къ нему на колѣни и звонко поцѣловала, объявивъ съ комической торжественностью, что она ничего въ такихъ вещахъ не понимаетъ, что ей нѣтъ никакого дѣла до старыхъ или новыхъ построекъ, и что онъ тотчасъ же долженъ ей простить ея невѣжество.

Гвидо въ свою очередь объявилъ ей, что прощаетъ и подтвердилъ свои слова поцѣлуемъ; но тутъ же обѣщалъ подарить ей прекрасное изданіе съ образцами идеальныхъ зданій и съ объясненіями въ популярной формѣ.

— А я... я тебѣ обѣщаю почерпнуть изъ этой книги все, чтò только возможно лучшаго! — отвѣтила Мартина и весь ве-

черъ наполнила своимъ влюбленнымъ щебетаньемъ и шаловливостью.

Зато Филиппъ внимательно просмотрѣлъ планы Гвидо и пришелъ въ восторгъ:

— Какое было бы для меня наслажденіе работать вмѣстѣ съ тобою... если бы ты позволилъ! Ты знаешь, Гвидо, вѣдь у меня талантъ исключительно декоративнаго свойства; у меня есть вѣрное чутье и даже тонкое пониманіе красоты формъ и красокъ, но мнѣ не дано владѣть кистью настоящаго художника. Тонкости человѣческаго лица, способность придать обаятельную жизненность человѣческому существу на полотнѣ,—это мнѣ недоступно! Я часто думаю, что судьба завела меня на ложный путь и, кажется, кончу тѣмъ, что изберу своей спеціальностью декоративное искусство и займусь украшеніемъ частныхъ квартиръ и зданій.

Такая скромность, такое самоизученіе глубоко тронули Гвидо, и онъ сочувственно взглянулъ на своего будущаго брата.

— Вотъ вздоръ!—воскликнула Мартина.—Тебя такъ любятъ; ты каждый годъ исправно продаешь своихъ двѣ картины. Не дѣлай глупости и не мѣняй вѣрнаго заработка на невѣрный.

Для дальнѣйшихъ приготовленій къ свадьбѣ необходимы были документы. По первой же просьбѣ жениха, Асминда пошла за ними.

— Вотъ наше брачное свидѣтельство,—промолвила она, вернувшись съ бумагами въ рукахъ.—А вотъ метрическое свидѣтельство Мартины.

Держалась и говорила она непринужденно, но какая-то странная неловкость была замѣтна въ томъ, какъ Мартина поправляла себѣ свою прическу; Филиппу, видимо, было тоже не по себѣ. Почему-то и Гвидо стало неловко при мысли, что, должно быть, бумаги откроютъ ему нѣчто неблаговидное.

— Я думаю, мама только для сцены вынуждена была принятѣ вымышленное имя Асминды?—замѣтилъ онъ шутливо, но съ натянутой улыбкой.

— Понятно. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ еще придерживались стараго обычая, чтобы артистки носили благозвучныя имена. Теперь въ модѣ у насъ всякія клички въ родѣ Тилли, Отти, Фиффи и др.

— А Фаббро,—это ваша дѣвичья фамилія?

— Да,—только въ переводѣ на итальянскій языкъ: моя фамилія по-нѣмецки—Шмидтъ, т.-е. кузнецъ,—пояснила она.—Я послѣдовала примѣру матери моей, знаменитой Аманды Фаббро.

Изъ брачнаго свидѣтельства явствовало, что Вильгельмина Шмидтъ вѣнчана съ Мартиномъ Кальковскимъ въ г. Кольбергѣ двадцать-восемь лѣтъ тому назадъ. Гвидо овладѣло умиленіе при мысли, сколько превратностей должны были перенести вмѣстѣ супруги, въ трудахъ и лишеніяхъ съумѣвшіе все-таки воспитать своихъ дѣтей. Онъ наклонился и поцѣловалъ бѣлую пухлую руку актрисы.

— Ну, вотъ! Ты теперь вздумалъ, кажется, ухаживать за мамой?—воскликнула Мартина.—Ничего, ничего, это даже очень тебѣ къ лицу.

Гвидо небрежно развернулъ метрическое свидѣтельство Мартины.

Асминда кашлянула. Филиппъ еще ниже наклонился надъ чертежами.

— Нини!—въ удивленіи замѣтилъ Гвидо:—вѣдь тебѣ двадцать-восьмой годъ!

— Она родилась за два мѣсяца до срока,—пояснила мать.—Мнѣ приходилось выступать на сценѣ, затягиваться...

— А ты не зналъ?—наивно раскрывая свои большіе глаза, отвѣтила Мартина жениху.

— Конечно, нѣтъ! Я слышалъ всегда двадцать три...

— Только не отъ насъ, — спокойно возразила невѣста.— Мало ли что̀ люди говорятъ. Пять лѣтъ тому назадъ, когда мы только-что пріѣхали въ Берлинъ, весьма возможно, что мы и не подумали разувѣрить тѣхъ, кто думалъ, что мнѣ не больше какъ восемнадцать лѣтъ. Кому какое дѣло, когда я родила́сь.

Гвидо прекрасно помнилъ, что сама Мартина ему говорила:

— Когда дѣвушкѣ минуло двадцать-два года...

Она увидѣла по выраженію лица, что женихъ ея смущенъ и поспѣшила развеселить его своею лаской.

— Такъ я для тебя не гожусь? Слишкомъ стара? Такъ прогони меня!—болтала она задорно, обнимая его за шею.— Мама! Онъ любитъ не меня, а мое свидѣтельство!—смѣясь и осыпая его лицо поцѣлуями, твердила она.—Сейчасъ проси у меня прощенія. Какъ смѣлъ ты меня оскорбить?

— Я не сказалъ тебѣ ни слова,—уже смѣясь, говорилъ Гвидо.

— Все равно, ты подумалъ... Да! Подумалъ! А это еще того хуже.

Мать, улыбаясь, смотрѣла на задорную вспышку дочери и думала:

— Счастливецъ! Обаятельная женщина моя Мартина.

Пришло Рождество.

Филиппъ предложилъ праздновать святки у него въ мастерской; ужинъ можно было взять изъ ресторана готовый. Всѣ съ восхищеніемъ откликнулись на эту мысль, только одно смущало семью артиста: это ея неизмѣнные спутники Шульцъ-Вейлеры. Что же касается Доберта, то о немъ не было и вопроса: онъ всегда гордился своимъ умѣньемъ держать себя прилично и никого не могъ стѣснить.

Какими путями Мартина съ матерью достигли согласія Кальковскаго на отсутствіе его друзей, осталось неизвѣстнымъ; но фактъ тотъ, что онъ согласился на этотъ разъ обойтись безъ нихъ, а самое утро сочельника принесло Гвидо еще радость: Мартина извѣстила его по телеграфу, что попытки мама попасть на гамбургскую сцену окончились неудачей. Однако, радость его нѣсколько омрачилась мыслью, промелькнувшей у него въ головѣ:

— Какія странныя дѣла меня интересуютъ!

Въ мастерской у Филиппа онъ вскорѣ увлекся хлопотами о предстоящей традиціонной елкѣ. Огромное венеціанское окно было, наконецъ, завѣшано гигантской занавѣсью, сооруженной самимъ художникомъ изъ простого кретона цвѣта кремъ; Филиппъ искусно превратилъ его въ роскошную матерію, будто бы затканную дорогимъ, стариннымъ узоромъ. Передъ занавѣсью водрузили такую же гигантскую елку и убрали ее бѣлыми свѣчами, ватой и серебрянымъ дождемъ. У одной изъ стѣнъ были разставлены столики съ подарками, разложенными пестро и красиво подъ картинами и драпировками, которыя почти сплошь скрывали ея сѣрый фонъ. Въ уголкѣ за низенькими ширмами поставили кушетки, диванчики и стулья, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы, сидя тамъ и чувствуя себя совсѣмъ уютно, дамы могли видѣть все пространство, залитое огнями и украшенное чудной елкой. Изъ мастерской небольшая дверь вела въ маленькую спальню, гдѣ на столѣ уже красовалась благоухающая группа ландышей, столовый сервизъ и приборы, надъ которыми суетился расторопный мальчикъ-слуга изъ ресторана.

То Филиппъ, то Гвидо отрывались отъ дѣла и убѣгали то за той, то за другой подробностью рождественскаго празднества. Большое, пестро-разукрашенное помѣщеніе мастерской загорѣлось яркимъ свѣтомъ газовыхъ рожковъ, искусною рукой Филиппа превращенныхъ въ пестики фантастическихъ разноцвѣтныхъ чашечекъ, которыя образовали какъ бы канделябры въ несуществующемъ, но эффектномъ стилѣ.

Часы пробили шесть, семь часовъ. Никого! Гвидо не чувствовалъ себя отъ возбужденія. Филиппъ испускалъ томительные вздохи.

Вдругъ, электрическій звонокъ затрещалъ. Гвидо бросился отворять и весь сіяющій, довольный, распахнулъ передъ Мартиной дверь въ мастерскую. Долго жданные гости были отъ всего въ восторгѣ, хотя Гвидо и ожидалъ отъ Мартины бо̀льшаго вниманія къ его трудамъ. Зато ея радость при видѣ многочисленныхъ и богатыхъ подарковъ превзошла его ожиданія, и за ея горячую, дѣтски-увлекательную благодарность онъ самъ былъ ей глубоко благодаренъ. Тутъ были шелковыя матеріи, кушаки, перчатки, бездѣлушки и въ довершеніе всего богатый золотой браслетъ и роскошный томъ рисунковъ подъ заглавіемъ: „Готическій стиль и Ренессансъ“.

Пока Мартина любовалась своими сокровищами, мать ея не могла наглядѣться на свои двѣ полосы красиваго мѣха; ея давнишняя мечта была обшить мѣхомъ одно изъ своихъ самыхъ лучшихъ платьевъ. Филиппъ тоже всѣхъ одарилъ расписными вазами, тарелками и кубками. Добертъ, уже раньше осчастлившій своими подарками семью Кальковскихъ, прибавилъ къ нимъ еще нѣсколько бездѣлушекъ.

Но возбужденіе понемногу улеглось, и его смѣнило какое-то неловкое затишье.

Только слышно было, какъ потрескивали почти догорѣвшія свѣчи на изящной елкѣ. Влюбленные тихо шептались, стоя рука объ руку и близко прижимаясь другъ къ другу. Добертъ для виду, а также и для того, чтобы оказать вниманіе Гвидо, занялся просмотромъ „готическихъ“ рисунковъ и подозвалъ къ себѣ Асминду, которая усѣлась рядомъ съ нимъ.

— Мартинъ скучаетъ, надо ему устроить партію въ „скатъ“, —шепнула она ему.

И въ самомъ дѣлѣ: нахмуренный, безмолвный Кальковскій посвистывалъ, расхаживая передъ елкою и заложивъ руки въ карманы.

— Невозможно! —шопотомъ отвѣчалъ Добертъ:—твой зять врядъ ли найдетъ, что это прилично, и даже будетъ правъ.

— Чудесно! Какой фасадъ!.. А это башня... прелесть!—прибавилъ онъ вслухъ, перевертывая страницу.

— Посмотри, любимая моя, на эту елку!—говорилъ между тѣмъ Гвидо, обвивая рукою стройный станъ Мартины:—ея сіяніе какъ бы сообщаетъ особую торжественность и святость всему вокругъ! Сердце мое полно восторга при мысли, что черезъ

годъ для насъ одиихъ въ нашемъ гнѣздѣ опять насъ порадуетъ ея яркій свѣтъ...

— Конечно,—согласилась Мартина.—И я даже не понимаю, какъ это до сихъ поръ мы могли въ этотъ день не чувствовать въ ней недостатка. Но вотъ что, милый: гдѣ ты купилъ этотъ розовый шелкъ? Я бы хотѣла обмѣнять эту матерію на другую; мнѣ кажется, что розовое не идетъ къ моему смуглому цвѣту лица.

— Понятно, дѣлай какъ тебѣ угодно. Мнѣ, видишь ли, еще предстоитъ учиться разбирать, что̀ тебѣ къ лицу.

Филиппъ подошелъ къ матери и предложилъ ей шампанскаго.

— Папа̀ скучаетъ: надо ему устроить партію!—шепнула она.

— Но съ кѣмъ? Я вѣдь играю отвратительно,—тихо отвѣтилъ онъ и отошелъ къ жениху съ невѣстой.

— Папа́ скучаетъ! — шепнула брату Мартина: — надо ему устроить партію.

— Боже ты мой! Да съ кѣмъ же? У насъ третьяго не хватаетъ...

— Пустяки!—отозвался самъ Кальковскій:—мы съ Добертомъ будемъ на тебя смотрѣть сквозь пальцы. Были бы только карты.

Мужчины сѣли за карты, а будущіе молодые продолжали свою бесѣду уже вмѣстѣ съ матерью, которая, принявъ торжественный тонъ, по ея мнѣнію наиболѣе къ этому подходящій, начала такъ:

— Милый мой Гвидо! Мы не въ состояніи надѣлить нашу дочь соотвѣтствующимъ приданымъ. Прежде, когда мы принуждены были вести кочевую жизнь, намъ не приходилось откладывать, да и потомъ, когда мы поселились въ Берлинѣ, намъ приходилось лишь расплачиваться съ старыми долгами, такъ что все равно мы ничего не могли накопить для Мартины. Впрочемъ, вы должны были объ этомъ догадаться уже не сегодня, и наконецъ, такая дѣвушка, какъ наша Мартина (смѣю думать!) не нуждается въ позолотѣ...

— Конечно, нѣтъ!—съ жаромъ воскликнулъ женихъ:—того, что̀ она приноситъ мнѣ въ даръ сама въ себѣ, не купишь ни за какіе милліоны!

Кальковская просіяла довольною улыбкой.

— И вотъ, что̀ еще: пожалуйста, Нини, купи и закажи себѣ все, что̀ нужно изъ бѣлья и другихъ вещей. Прими это отъ меня въ подарокъ. Вѣдь все равно мы скоро будемъ мужемъ и женою, и тогда само собой падаетъ всякое различіе между *моимъ* и *твоимъ*,—предложилъ онъ отъ всего сердца.

— О, ты, мой единственный, мой неоцѣненный!—возбужденно воскликнула невѣста и опять бросилась осыпать его поцѣлуями.

— Ты самъ поможешь мнѣ всего накупить; не такъ ли, милый?

— Нѣтъ, Нини, нѣтъ! Мнѣ некогда, и не мужское это дѣло! Вы съ мамой, я увѣренъ, съумѣете сдѣлать все недорого и все-таки прилично, безъ графской роскоши, но и безъ натяжки, не забывая, что моей женѣ придется занять въ обществѣ хоть скромное (пока), но довольно замѣтное положеніе.

И мать, и дочь были видимо довольны такимъ исходомъ. Мартина сѣла на роликъ отоманки и положила руку на плечо Гвидо.

— Вотъ что̀ еще мнѣ хотѣлось бы тебѣ сказать, сокровище мое, — начала она, прижимаясь щекою къ его головѣ:— пусть папа̀ объ этомъ ничего не знаетъ... то-есть, знаетъ, да не совсѣмъ. Мы ему скажемъ, что ты даешь намъ только часть, а на остальную онъ дастъ (онъ *долженъ* дать!), пожалуй, тысячу другую марокъ. Онъ можетъ, онъ вѣдь много получаетъ, но оставляетъ все въ пивныхъ и ресторанахъ... А для мама̀ эти деньги очень бы пригодились.

— Но, Нини!.. — началъ-было Гвидо и уклонился отъ ея ласки...

— Ахъ, Боже мой, что̀ же тутъ такого? — возразила поспѣшно Нини, не замѣчая, что онъ измѣнился въ лицѣ:—есть на свѣтѣ такіе мужчины, съ которыхъ иначе, какъ обманомъ, ничего не сорвешь! А папа именно къ числу ихъ принадлежитъ.

Асминда сочла за лучшее промолчать и только тяжело, выразительно вздохнула.

Въ воздухѣ пронесся запахъ гари.

— Елка горитъ! — крикнула Мартина и побѣжала тушить догоравшія свѣчи.

Яркій свѣтъ, весело разливавшій свой блескъ вокругъ, быстро уменьшался и, наконецъ, погасъ. Какъ тихо и грустно стало вдругъ въ пестрой праздничной обстановкѣ, точно съ нимъ вмѣстѣ угасли и радость, и необычное, безпечное веселье.

Филиппъ это замѣтилъ и на минуту оторвалъ отъ картъ свое вниманіе:

— Уже?.. Какая жалость!

— Какая жалость!—машинально повторилъ за нимъ Гвидо, и эти слова раздались у него въ ушахъ, какъ далекое воспоминаніе о чемъ-то свѣтломъ и невозвратимомъ.

VII.

— Гвидо! Поди-ка сюда!—позвала жениха Мартина.—Ты не знаешь, скоро намъ подадутъ ужинъ? Я страшно ѣсть хочу!

— Въ девять часовъ. Теперь уже скоро. Что̀ будетъ за ужиномъ, нельзя сказать, одно только могу шепнуть: устрицы будутъ!

— Мама̀, мама̀! Слышишь, устрицы будутъ?—ликовала Мартина.—На свадьбѣ у насъ тоже будутъ устрицы... непремѣнно! Мама ихъ обожаетъ!

Глаза Мартины и всѣ черточки ея лица дышали радостью жизни, сіяли счастьемъ. Гвидо оперся на край голубой ширмочки и не могъ наглядѣться на невѣсту, которая съ увлеченіемъ продолжала:

— Богатая должна быть свадьба, это непремѣнно. Такъ я рѣшила! Твои гамбургцы пусть явятся и увидятъ, что въ артистическомъ мірѣ тоже есть люди, знающіе толкъ въ свѣтскихъ приличіяхъ. Мы должны имъ импонировать, а, мама̀?

— Ну, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи! Собственно говоря, вся разница, сословная или иная, заключается въ наше время въ деньгахъ. Не правда ли, милый зятекъ?

Гвидо не отвѣтилъ, онъ весь былъ погруженъ въ созерцаніе своей невѣсты, ее одну онъ слышалъ и хотѣлъ слышать.

— Подвѣнечное платье даритъ мама́, она давно мнѣ обѣщала. Знаешь, оно будетъ „moire antique"... Роскошное. Куда роскошнѣе того, что̀ было у Фиффи Малеръ въ роли Клэръ. Помнишь, когда мама̀ исполняла роль Атенаисы...

— Нѣтъ,—рѣшительно замѣтилъ Гвидо,—ничего не помню. И кстати долженъ тебѣ замѣтить, что считаю совсѣмъ неподходящимъ брать образцомъ для подвѣнечнаго наряда—театральный.

— Да, да! Конечно!—подхватила Нини, какъ будто вдругъ прозрѣла. — Гиги правъ, да, мама̀? Мы не доставимъ Малеръ удовольствія заимствовать что-нибудь отъ нея...

— Меня радуетъ, что у Гвидо есть настолько чуткости,—благосклонно замѣтила его теща.

Гвидо крѣпче зажалъ свои побѣлѣвшія губы и самъ замѣтно поблѣднѣлъ. А Мартина все щебетала, заливаясь какъ птичка отъ полноты чувствъ.

— Знаю, знаю, что̀ будетъ самое лучшее! — восклицала она.—Платье пусть будетъ самое, самое простое, но изъ самой тяжелой матеріи, а на шею мама̀ дастъ мнѣ надѣть свое брил-

ліантовое ожерелье. То-то гамбургцамъ придется на него глаза таращить!

Гвидо почудилось на минуту, что сердце у него совсѣмъ остановилось.

— Въ такихъ случаяхъ не принято надѣвать не свои вещи, даже если бы онѣ принадлежали матери невѣсты. А главное: поддѣльные бриліанты носятъ только на сценѣ.

— Поддѣльные!!—въ негодованіи единогласно вырвалось у дамъ. — Первый разъ въ жизни Асминду оставило ея самообладаніе. Эти бриліанты—настоящіе!—прибавила она горделиво.

— И самаго высшаго достоинства!—подхватила Мартина.— Мама́ получила ихъ въ подарокъ на крестинахъ Филиппа, отъ его крестнаго отца. И представь себѣ, милый, мама́ не хочетъ мнѣ завѣщать это ожерелье, а отдастъ его Филиппу!

На мигъ Гвидо закрылъ глаза, чтобы придти въ себя.

„Нѣтъ, нѣтъ! Не хочу думать, не хочу разбирать, что̀ это за чувство съ ихъ стороны: простая ли наивность, или увѣренность, что бриліанты дѣйствительно настоящіе?"—думалъ онъ, задыхаясь.

— Во всякомъ случаѣ, я предпочелъ бы совершеннѣйшую простоту безъ всякихъ украшеній,—глухимъ и хриплымъ голосомъ проронилъ онъ.

„Вотъ какъ! — подумала Мартина. — Очевидно, въ строгихъ кружкахъ, гдѣ живутъ Баумейстеры, невѣсты одѣваются какъ монахини, и Гвидо думаетъ, что въ этомъ-то и есть настоящая мода. Ну, не бѣда, я его понемногу отъ этого отважу и научу тому, что̀ считается признакомъ *хорошаго тона* въ высшемъ обществѣ. Во французскихъ драмахъ невѣсты всегда роскошно одѣты"!

Однако на этотъ разъ она рѣшила больше не приставать къ жениху: Гвидо и безъ того сегодня такъ много для нея сдѣлалъ. Но и собой Мартина не могла не любоваться, особенно ее плѣняло ея умѣнье владѣть собой. Мать не сказала ей ни слова, но видимо угадала ея мысли и потрепала ее по щекѣ.

Явился кельнеръ съ мальчикомъ для услугъ и съ цѣлымъ ворохомъ кушаній и закусокъ.

— За столъ!.. За столъ!—развязно позвалъ всѣхъ Кальковскій, счастливый уже тѣмъ, что устрицы появились на столѣ. За ужиномъ ему подъ пару молчалъ и Гвидо, онъ тоже былъ не особенно доволенъ своимъ вечеромъ.

— Твое здоровье! Здоровье молодыхъ!..—воскликнулъ Фи-

липпъ.—Но что̀ съ тобой? Тебѣ нехорошо?—перебилъ онъ самъ себя.

— Ничего... нервы...—не глядя на него, отвѣтилъ Гвидо.

— А я все слышу, что вы слишкомъ утомляетесь работой, —любезно вмѣшался Добертъ.—Знаете, одинъ остроумный писатель говоритъ: „Во время перемѣны квартиры и помолвки работать не слѣдуетъ“.

Мартина, чокаясь съ матерью, шепнула ей:

— Что̀ съ нимъ такое? Ужъ не сказалъ ли папа̀ какую глупость? Я вѣдь тогда же говорила, что добра не будетъ, лучше было отпустить его къ Шульцамъ.

— Ну, вотъ еще! Просто онъ не въ духѣ. Всѣ мужчины на одинъ ладъ. Не обращай вниманія, пройдетъ!

— Дамы шепчутся! Это, по-моему, непозволительно. Сегодня вечеромъ въ нашу программу торжества входитъ право наслаждаться ихъ бесѣдой.

— Добертхенъ!—перебила его Мартина:—мы не говорили о васъ ничего дурного, честное слово! Да здравствуетъ Добертхенъ!

Подали десертъ. Мартина занялась тѣмъ, что отъискала въ миндалинкѣ двойняшку и, болтая, дѣлилась съ Филиппомъ. Добертъ занималъ Кальковскаго разсказомъ о какихъ-то миѳическихъ „провалахъ“ его врага и соперника по сценѣ, „тамъ гдѣ-то, въ Познани, на гастроляхъ“... Гвидо любезно чистилъ апельсинъ по просьбѣ тещи.

Вдругъ затрещалъ звонокъ, и за дверью, которую захлопнулъ за собой Филиппъ, бросившись отворять, раздался его голосъ:

— Ахъ!!..

Дверь порывисто распахнулась, и на порогѣ появились супруги Шульцъ-Вейлеръ.

— Вотъ такъ штука! Нѣтъ, что̀ мило, то мило! Теперь у насъ все пойдетъ по старому!—въ восторгѣ вырвалось у Кальковскаго.

— Добрый вечеръ всѣмъ и просимъ не взыскать!—говорилъ, раскланиваясь, торговецъ, стоя съ тросточкой и съ цилиндромъ въ рукахъ.

Его супруга успѣла уже снять и повѣсить въ передней свою накидку и стояла рядомъ съ нимъ, красуясь своимъ торчащимъ и шумящимъ шелковымъ платьемъ красно-коричневаго цвѣта.

— Откуда ты явился съ своею Іеттой, такъ сказать, на ночь глядя?—допрашивалъ Мартинъ Кальковскій.

— Вотъ, видишь ли, Мартинъ, какъ это вышло. Іетта!— говорю я:—не хочется мнѣ проводить святой вечеръ не по старому, давно заведенному порядку. Весьма понятно, что Кальковскіе не могутъ насъ позвать, у нихъ женихъ съ невѣстой, Филиппъ придерживается строгаго этикета и тоже не можетъ насъ позвать къ себѣ, пока мы визитами не обмѣнялись. Но что̀ ты скажешь, если мы вдругъ сюрпризомъ явимся туда? Мы старики и съ насъ не взыщутъ. Сколько я знаю моего старика Мартина, онъ самъ по насъ тоскуетъ. Положимъ, онъ—великій артистъ, но въ этомъ онъ сущее дитя: любитъ соблюдать свои привычки. Сказано-сдѣлано. Еще минута, и мы въ вагонѣ перваго класса тотчасъ же покатили къ вамъ.

Не больше минуты длилась неловкость, вызванная неожиданной выходкой табачнаго торговца, но его добродушіе и мысль Филиппа, что старикъ довѣрился его гостепріимству, выручили всѣхъ.

Филиппъ поспѣшилъ подвинуть два стула, отецъ его сіялъ, самимъ вновь прибывшимъ видимо было забавно на свою затѣю, и ихъ незлобивость расположила всѣхъ въ ихъ пользу.

Хозяинъ дома счелъ нужнымъ извиниться, что гостямъ придется подождать, пока имъ подадутъ закуску.

— Мы поужинали дома,—возразила фрау Шульцъ:—только на всякій случай съ собою прихватили корзиночку „Pommery". Думали, что, можетъ быть, и пригодится!

И на столѣ появились полдюжины бутылокъ, и дѣйствительно, онѣ оказались кстати. Всѣ заговорили и повеселѣли.

Когда супруги Шульцъ появились на порогѣ, Мартина замѣтила, что Гвидо улыбнулся. Она не знала, что онъ улыбается своей безумной мысли.

— Что̀, если это вдругъ—Шарлотта?

Мартина поняла только, что женихъ не сердится и приняла это за разрѣшеніе веселиться.

— А здѣсь у васъ чудесно!—говорилъ между тѣмъ Шульцъ-Вейлеръ, восторженно оглядывая мастерскую.—Вотъ гдѣ видно чистое искусство! Признаюсь, у меня есть на это особенная слабость и, такъ сказать, чутье: въ Берлинѣ можно прекрасно образовать свой вкусъ... А скажите пожалуйста, что̀ это у васъ за великолѣпная особа въ красномъ бархатномъ платьѣ?

— Это графиня Зонненшейнъ,—отвѣчалъ художникъ:—она пожелала, чтобъ я изобразилъ ее въ томъ самомъ костюмѣ, въ которомъ она участвовала годъ тому назадъ въ живыхъ картинахъ.

— Какъ? это тѣ самые милліонеры Зонненшейны? Вы съ ними хороши?—спросилъ самъ Шульцъ.

— Ахъ, это вѣрно тѣ самыя живыя картины, которыя были поставлены на Оперной сценѣ? За входъ брали по двадцати марокъ... съ благотворительною цѣлью?

— Тѣ самыя.

— Старуха!—обратился Шульцъ къ женѣ:—ну, что бы ты сказала, если бы попросить г-на Кальковскаго изобразить твою физіономію на полотнѣ? Конечно, платить такія цѣны, какъ Зонненшейнъ, я желалъ бы, да не въ силахъ, но еслибъ вы назвали мнѣ цѣну, скажемъ, какъ на любителя, ну, пятисотъ марокъ мнѣ не жаль на это дѣло. Я знаю, что это деньги небольшія, но зато вамъ все-таки пріятно будетъ писать портретъ съ красивой женщины.

— Ну, еще неизвѣстно, возьмется ли Филиппъ?—вставилъ отецъ свое словечко.—Матеріальное положеніе не позволяло ему быть разборчивымъ, онъ согласился.

— Надѣнь свое зеленое платье и живописно набрось на плечи мѣховую ротонду,—предложилъ Шульцъ женѣ.

— Я дамъ ей надѣть одно изъ своихъ парадныхъ платьевъ,—сказала Асминда.

— Я бы скорѣе посовѣтовалъ полный костюмъ той мѣстности, откуда родомъ ваша супруга—Люббенау въ Шпревальдѣ.

— Нѣтъ, ужъ лучше, не долго думая, весталкой!—крикнулъ Кальковскій, и всѣ разсмѣялись.

Одинъ только Гвидо чувствовалъ себя томительно, уныло. Его улыбка, его смѣхъ, чтобы не отличаться отъ другихъ, стоили ему большихъ усилій, да и тѣ выходили какъ-то натянуто.

Мартина ничего не замѣчала и была рада, что можно безпечно отдаться веселью. Она сіяла счастьемъ; она гордилась сегодняшнимъ вечеромъ, который принесъ ей столько доказательствъ любви ея будущаго мужа и сознаніемъ, что онъ будетъ неизмѣнно ей, ей одной принадлежать. Она съ наслажденіемъ отдавалась своимъ ощущеніямъ, ея говоръ не умолкалъ, она, видимо не стѣсняясь, входила во всѣ подробности какого-то довольно легкомысленнаго приключенія, про которое съ жаромъ повѣствовалъ Шульцъ-Вейлеръ.

Филиппъ все время старался отвлечь вниманіе ея жениха и бесѣдовалъ съ нимъ особенно усердно, что было нелегко, такъ какъ молодой архитекторъ отвѣчалъ съ трудомъ, и оба избѣгали встрѣчаться глазами. Только разъ невзначай имъ случилось

взглянуть другъ на друга, и имъ безъ словъ понятно стало, какъ имъ обоимъ тяжело.

Часа въ два ночи Кальковская вспомнила, что завтра ей играть—и даже довольно отвѣтственную роль. Вся компанія съ шумомъ поднялась, съ шумомъ высыпала на улицу и съ шумомъ разошлась, усадивъ дамъ въ экипажъ. Добертъ поѣхалъ еще въ ресторанъ, Кальковскій сѣлъ съ четою Шульцъ-Вейлеровъ. Гвидо остался одинъ на опустѣлой мостовой.

Полу-мгла еще не появившейся зари, холодъ и пустота его холостой квартиры не могли располагать ко сну; но Гвидо и не разсчитывалъ заснуть, когда бросился въ постель усталый, удрученный невеселыми думами.

— Да, да! Надо думать! Надо обдумать хорошенько все, что̀ произошло съ той минуты, какъ я сталъ женихомъ; все, чего мнѣ пришлось наслушаться сегодня...

Онъ дрожалъ отъ нервнаго озноба; онъ закрывалъ глаза, чтобы не видѣть мутнаго, безжизненнаго свѣта, который пробивался въ окно, и ему въ голову не пришло, что можно спустить шторы. Онъ плотнѣе закутался въ одѣяло и натянулъ его до подбородка; но ничто не помогало.

Попытка собраться съ мыслями тоже не удавалась. Онъ только испытывалъ общее ощущеніе какого-то несчастія, какого-то неизбѣжнаго горя.

Наконецъ, онъ принудилъ себя припомнить по порядку всѣ дни въ отдѣльности, которые прошли съ тѣхъ поръ, какъ Мартина дала ему слово. И каждый день, неизмѣнно, приводилъ ему на память какое-нибудь слово его невѣсты, которое оскорбляло или его нравственныя воззрѣнія, или понятія о свѣтской порядочности. Онъ не могъ себѣ не сознаться, что въ Мартинѣ многое,—нѣтъ почти все,—все иное, чѣмъ онъ представлялъ себѣ въ своей будущей женѣ, когда еще не зналъ Мартины. И безпощадно выступила передъ нимъ неприглядная правда: Мартина—натура грубая, невѣжественная; въ этомъ ему нельзя было не сознаться хотя бы самому передъ собой.

— И что̀ всего ужаснѣе, въ ней нѣтъ ничего неувѣреннаго, неопредѣленнаго. Она полна самодовольнаго сознанія, что ей не къ чему и нечему учиться. Она и не подозрѣваетъ, что могутъ быть на свѣтѣ женщины болѣе чуткія, болѣе развитыя и изящныя, словомъ, болѣе женственныя, чѣмъ она была до сихъ поръ.

Гвидо чувствовалъ, что голову ему ломило. Въ вискахъ сту-

чало; его душило, какъ въ тяжеломъ бреду, а въ умѣ вставалъ страшный, отвѣтственный вопросъ:

— Могу ли я съ такою женщиной быть счастливъ?—Конечно, нѣтъ! — изъ глубины души тотчасъ же почувствовался отвѣтъ; и въ тотъ же мигъ промелькнула мысль еще ужаснѣе: Такъ надо... отъ нея отказаться!

Но тутъ на него неожиданно нахлынули еще новыя мысли, какъ бы самой судьбой направленныя въ защиту любимой дѣвушки.

— Вѣдь не могла же изъ нея выработаться натура, полная высшихъ, утонченныхъ стремленій, подъ вліяніемъ грубой и пошлой женщины, не знавшей иной обстановки, кромѣ театральныхъ подмостковъ?—утѣшалъ онъ себя.—Пересадить ее на болѣе благодарную почву—и она можетъ совершенно измѣниться...

Но тотчасъ же внутренній голосъ нашептывалъ ему сомнѣніе.

— Но нѣтъ! Можетъ ли женщина въ ея годы измѣниться? Прививку дѣлаютъ только молодымъ деревцамъ; пересаживаютъ деревья не старыя, а молодыя!

И все, все, что Шарлотта ему говорила, каждое ея слово припомнилось теперь и вызвало въ немъ еще новое чувство. Конечно, не такіе люди были Шарлотта и ея мужъ, чтобы укорять впослѣдствіи своего питомца въ опрометчивости его поступковъ; но тѣмъ не менѣе все его существо, все его самолюбіе независимаго мужчины воспротивились голосу разсудка.

— Оставь ее, откажись!—то-и-дѣло нашептывалъ онъ. Но Гвидо слушать уже не хотѣлъ; онъ поддался обаянію тѣхъ воспоминаній, которыя вызывали въ немъ ласки Мартины, ея подвижныя черты, ея страстныя шутки и улыбки. Ему казалось, что онъ еще чувствуетъ прикосновеніе ея гибкаго, молодого тѣла, когда она прижимается къ нему, заглядывая ласково въ глаза и шопотомъ болтая весело, непринужденно. Онъ чувствовалъ дрожь ея стана, когда обнималъ ее и осыпалъ безсчетными, страстными поцѣлуями...

И непреодолимое жгучее желаніе, чтобъ она ему принадлежала во что бы то ни стало, овладѣло имъ, отняло у него сознаніе, разсудокъ. Ничего, ничего не нужно! Только бы дождаться того дня, когда она будетъ ему принадлежать, одному ему—на вѣкъ! Какихъ радостей, какого блаженства не рисовало ему услужливое распаленное воображеніе? Онѣ ничто въ сравненіи съ дѣйствительностью!..

— Нѣтъ, я не слѣпъ къ ея недостаткамъ,—увѣрялъ онъ

себя.—Я вижу ихъ, и всѣ старанія употреблю, чтобъ ихъ изгладить... И это мнѣ удастся, потому что Мартина меня любитъ. Какъ она мило и какъ быстро усвоила себѣ понятіе о томъ или другомъ предметѣ!—припоминалъ онъ кстати.—Какъ она старается сдѣлать мнѣ угодное, и какъ рада, если ей это удается!

Въ сущности, онъ могъ судить только по внѣшнимъ проявленіямъ, которыя доказывали только, что она иного склада человѣкъ, чѣмъ онъ. Вопросъ былъ только въ томъ: подходитъ ли ея складъ къ его характеру? Но Гвидо инстинктивно уклонился отъ рѣшенія этого необходимаго вопроса.

— Это задача, передъ которой тысячи мужчинъ, стоящихъ въ такихъ же условіяхъ, какъ я,—одинаково безсильны!—разсуждалъ онъ, чтобы себя немного успокоить.—Мы всѣ переживаемъ этотъ кризисъ; надъ нами всесильна власть природы. Тайна эта непостижима; ея силы влекутъ меня именно къ этой женщинѣ, и все существо мое взываетъ къ ней одной. Природа преслѣдуетъ свои великія, мудрыя цѣли... Да, я влюбленъ! Я до безумія влюбленъ и не могу ничего измѣнить. Я долженъ быть ея мужемъ, и... я буду счастливъ!

VIII.

Съ той ночи Гвидо какъ бы переродился; и этой перемѣны не могла не замѣтить Мартина и вся ея семья. Онъ самъ чувствовалъ себя, какъ воинъ, который на время откладываетъ въ сторону свое оружіе, зная, что ему предстоитъ лишь позднѣе воспользоваться имъ. Сомнѣнія пропали; онъ больше не ловилъ себя на невольной мысли: „Время помолвки, въ сущности,— время взаимныхъ испытаній. Мы оба еще можемъ вернуть другъ другу слово, если убѣдимся, что не годимся одинъ для другого“...

Теперь онъ зналъ навѣрно, что онъ не хочетъ и не можетъ отказаться отъ Мартины.

Въ немъ зашевелился врожденный эгоизмъ. Онъ говорилъ себѣ, что сомнѣніями и копаніемъ въ душѣ онъ не дастъ покою ни себѣ, ни любимой дѣвушкѣ, и только испортитъ единственное время въ жизни, когда молодость даетъ ему возможность отдаться наслажденію и счастію взаимной любви. Къ чему же напрасно отравлять часы свиданій?..

Гвидо пріучилъ себя улыбаться на мелкіе недочеты въ поведеніи Мартины, на ея безтактныя выходки. Зато, съ другой стороны, онъ рѣшилъ твердо стоять на почвѣ своего права—

перевоспитать ее и, замѣтивъ что-либо несообразное съ его личными требованіями, что-нибудь, отзывавшее грубостью или оттѣнкомъ пошлости,—тотчасъ же, не стѣсняясь, замѣчалъ это Мартинѣ.

Сначала Мартину это удивляло. Она привыкла смотрѣть на себя, какъ на существо высшее и болѣе тонкое, чѣмъ окружающіе, и ей было странно, какъ это Гвидо могъ находить какіе-нибудь недостатки въ своей страстно-любимой „Нини"; но защищалась она горячо.

Они поссорились.

— Дитя мое!—поучала ее мать:—ссориться не опасно; и, чѣмъ горячѣе вспышка, тѣмъ отраднѣе, тѣмъ слаще примиреніе. Но пока ты еще невѣста, воздержись; не настаивай на своемъ. Мужчинамъ доставляетъ дѣтски-полное наслажденіе—чувство одержанной побѣды. Каждый изъ нихъ воображаетъ себя въ роли Петруччіо, и эта роль имѣетъ для него особую обаятельную прелесть. Не понимаю, почему Шекспиръ не написалъ второй части къ „Укрощенію Строптивой"? Въ ней, конечно, Катерина заткнула бы зá-поясъ своего грознаго супруга.

Мартина запомнила эти слова и при первой же ссорѣ порадовала жениха своей податливостью. Ея уступки послѣ горячаго спора онъ принялъ за побѣду своей правоты и еще удвоилъ нѣжности къ любимой дѣвушкѣ, которая подчиняла свое личное „я" болѣе сильному вліянію своего будущаго мужа и защитника. Такимъ образомъ, ссоры и недоразумѣнія превратились въ источникъ неизсякаемой отрады для обоихъ.

Свадьба была уже недалеко, все было обдумано и рѣшено. Торжество должно было совершиться въ тѣсномъ кругу близкихъ и родныхъ, вполнѣ прилично и... „ужасно скучно", по мнѣнію Кальковскихъ. Баумейстеры и Робертъ Пербрандтъ съ женою должны были нарочно для этого пріѣхать, изъ берлинскихъ гостей главными считались—начальство Гвидо съ женою, а со стороны Кальковскихъ только одинъ Добертъ. Изящно сервированный обѣдъ долженъ былъ ожидать гостей въ Кайзергофѣ, послѣ церемоніи. Но прежде чѣмъ были разосланы приглашенія, пришло извѣстіе, что Баумейстеры не будутъ: въ Голландіи умеръ зять Конрада, и Шарлотта уѣхала туда, чтобы взять на свое попеченіе осиротѣвшую, единственную дочь покойнаго Сальватрису те-Гемптъ.

Не нуждаясь въ значительномъ приданомъ жены, рожденной Баумейстеръ, инженеръ те-Гемптъ оставилъ его въ операціяхъ

фирмы „Баумейстеръ", довольствуясь тѣмъ, что четыре раза въ годъ получалъ съ него проценты по 12.000 марокъ.

Мартина слушала молча эти объясненія... и скучала.

— Нѣтъ, если бы мнѣ случилось получить въ наслѣдство капиталъ, я никому бы не дала его, не выпустила бы изъ рукъ!— замѣтила она.

— Теперь, по всей вѣроятности, сирота окончательно поселится въ домѣ Баумейстера, и я радъ за Шарлотту, она не будетъ чувствовать себя одинокой. Радъ я еще и за тебя; тебѣ въ Гамбургѣ сразу найдутся двѣ сверстницы и добрые друзья: Анна-Марія Пербрандъ и Сальватриса те-Гемптъ.

Къ сожалѣнію, первая не могла быть на свадьбѣ: она была въ ожиданіи своего первенца, и мужъ не могъ ее одну оставить.

Узнавъ, что гамбургскіе гости будутъ отсутствовать на ея „роскошной" свадьбѣ, Мартина рѣшила всю излишнюю роскошь сократить, напримѣръ, обѣдъ въ Кайзергофѣ замѣнить скромной закуской въ мастерской Филиппа...

— Помнишь, какъ въ сочельникъ?—нѣжно напоминала она жениху. — Это будетъ и дешево, и мило. И Шульцовъ-Вейлеровъ также можно будетъ пригласить. Подумай: они вѣдь все-таки что-нибудь да подарятъ! Папа говоритъ: даже непремѣнно! А бѣлое „moire-antique" не буду шить: не стоитъ! Лучше сдѣлаю желтое „damassé", а подъ вѣнецъ бѣлое шерстяное, попроще и покороче. Вотъ мнѣ и будетъ лишнее лѣтнее платье!

— Ты хочешь выходить въ немъ на улицу? Я думаю, это такой нарядъ, который если и принято надѣвать потомъ, то лишь въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ.

— Я думаю, что мнѣ, какъ „дамѣ", это ближе знать,— шутя замѣтила Мартина и шаловливо потрепала его по щекѣ.

Напоминаніе о томъ, что она „дама", и ея самоувѣренность всегда смущали Гвидо. И въ данномъ случаѣ онъ не устоялъ.

— Можетъ быть... Можетъ быть... У васъ, у женщинъ, во всемъ есть бездна тонкостей, о которыхъ мужчины имѣютъ совсѣмъ превратное понятіе.

Съ удивленіемъ видѣлъ Филиппъ, что его будущій зять какъ будто обживается въ обстановкѣ семьи Кальковскихъ; онъ все еще не могъ забыть рождественскаго вечера, въ который ихъ какъ будто сблизили одинаковыя ощущенія. Оттого ли Гвидо сталъ податливѣе и снисходительнѣе къ самимъ людямъ и къ ихъ пошловатой средѣ, что свыкся съ нею или приберегаетъ къ будущему болѣе серьезное воздѣйствіе,—онъ не трудился надъ этимъ вопросомъ. Ему было довольно и того, что

Гвидо не проявилъ наклонности разойтись съ его сестрою, для которой онъ также считалъ спасеніемъ уйти отъ заѣдающей ее среды.

Февраль подходилъ къ концу. Черезъ нѣсколько дней уже свадьба, а Гвидо лишь случайно улучилъ минутку поговорить съ Асминдой съ глазу на глазъ.

— Можно у васъ попросить тѣ счеты, которые касаются вещей, исключительно предназначенныхъ въ приданое Мартинѣ?— спросилъ онъ.

— Вы сами хотите взвалить на себя этотъ трудъ, мой милый Гвидо?.. Счеты всѣ у Мартины. Постойте, я ихъ принесу...

— Да нѣтъ, не безпокойтесь! — перебилъ ее Гвидо, уже смущенный:—только скажите общую сумму, и я уплачу.

— Нини! Поди сюда!—крикнула мать.—Вотъ Гвидо хочетъ знать, сколько стоило твое бѣлье и прочее...

— Но, мама̀, намъ бы это лучше вдвоемъ...

— Какъ? Безъ меня? — откликнулась Мартина и шутя, будто бы насильно, усадила жениха въ кресло. — Вотъ такъ! Прежде всего садись, а потомъ посмотримъ!.. Извольте видѣть, вамъ представляется удобный случай показать, каковы вы будете въ роли супруга, когда дѣло коснется денегъ. Мужья всѣ въ этомъ отношеніи несносны! И ты такой же будешь?

Гвидо разсмѣялся.

— Ну, это будетъ зависѣть...

— Отъ моей покорности? Такъ, что ли?.. О, я буду страшно послушна и страшно бережлива! Но ты вѣдь понимаешь, если дѣлать приличное приданое съ разсчетомъ на нѣсколько лѣтъ, это должно не дешево стоитъ...

— Да сколько же, сколько? Рѣшайся, говори!—съ натянутой улыбкой допытывался онъ.

— Пять тысячъ марокъ! — объявила Мартина и скрѣпила свои слова поцѣлуемъ.

Гвидо вздохнулъ съ облегченіемъ. Денегъ, слава Богу, хватитъ, да еще на обстановку пришлось взять изъ капитала, подареннаго Шарлоттой.

Ему даже казалось вполнѣ понятнымъ, что Мартина предпочла какъ можно больше запасти въ Берлинѣ всего того, что̀ въ Гамбургѣ стоитъ страшнѣйшихъ денегъ: бѣлья, сапогъ, платьевъ и т. п.

Угощеніе Филиппъ принялъ на свой счетъ. Его чувствамъ была противна мысль, что все, даже небольшая закуска, дѣ-

лается на средства жениха; у отца съ матерью не было лишнихъ денегъ, и надо было радоваться, если они хоть не должали...

Послѣ гражданскаго брака слѣдовалъ церковный обрядъ; затѣмъ приглашенные должны были съѣхаться у Филиппа. Ночевать Мартина пожелала въ „Hôtel Continental", который казался ей доступнымъ лишь высшей аристократіи. На утро молодые должны были уѣхать въ Гамбургъ.

Охваченный самыми глубокими думами и особымъ благоговѣйнымъ чувствомъ, подъѣхалъ женихъ къ знакомому крыльцу.

Ничего тяжелаго, ничего непріятнаго не осталось въ его воспоминаніяхъ въ эту торжественную, единственную въ жизни минуту, только одно чувство горячей, самоотверженной любви завладѣло его помыслами, его сердцемъ, и онъ повторялъ себѣ мысленно обѣщаніе сдѣлать свою Нини счастливой, а съ нею вмѣстѣ и себя. Онъ весь горѣлъ нетерпѣніемъ еще разъ, прежде чѣмъ они оба принесутъ свои молитвы предъ алтаремъ, повторить ей въ пламенныхъ поцѣлуяхъ обѣщаніе ничего для нея не щадить... Чувство благоговѣнія и безотчетной робости охватило его еще сильнѣе на порогѣ той комнаты, гдѣ она ждала его, какъ и онъ, умиленная, трепещущая стыдливой робостью и счастьемъ...

Ему на встрѣчу донесся смѣхъ, и первое, что̀ онъ увидѣлъ, это—Гресманъ, которая старательно прикалывала вѣнокъ и покрывало къ прическѣ Мартины, сидѣвшей передъ зеркаломъ. Вокругъ на стульяхъ и столахъ былъ такой безпорядокъ, который ясно говорилъ, что здѣсь одѣвалась невѣста.

— Боже мой! Вѣдь это самъ женихъ!—воскликнула швея, и въ тотъ же мигъ, ловко выскользнувъ изъ-подъ ея рукъ, Мартина бросилась на шею жениху.

— Ты, пожалуйста, прости за безпорядокъ! Но въ такую ужасную погоду у меня въ комнатѣ черезчуръ темно, и вдобавокъ здѣсь есть большое зеркало, а сегодня весьма важно, чтобы твоя Нини была красива! Церковь, конечно, будетъ полна. Но какъ ты рано! Кажется, мама̀ еще не готова.

— Ну, что̀ скажете про нашу Нини?—съ гордостью проговорила Гресманъ.—Мартина отступила на нѣсколько шаговъ, и Гвидо не могъ наглядѣться на ея скромное, но изящное платье, на которое ниспадала фата, прилегавшая вмѣстѣ съ вѣнкомъ къ темнымъ волосамъ невѣсты. Она сама и ея оживленное лицо, и бѣлоснѣжный нарядъ—все было какъ нельзя болѣе

удачно и красиво. Ея большіе страстные глаза сказали ему многое безъ словъ... Голова у него закружилась, дыханіе прерывисто поднимало грудь и жгло пересохшія губы...

— Послѣдняя невѣста, которую мнѣ пришлось одѣвать къ вѣнцу, была сестра Малеръ,—болтала швея.—Хоть помирай со смѣху, до того было забавно слушать, какъ наша Фиффи Малеръ напутствовала невѣсту наставленіями!

Гвидо показалось, что его серьезности, его благоговѣнія мигомъ какъ не бывало: все напряженіе, всѣ его возвышенныя чувства слились въ одно общее ощущеніе жгучаго, безумнаго блаженства.

— Продѣнь и мнѣ въ петличку такой же букетикъ,—попросилъ онъ, протягивая руку за вѣточкой мирта, которая лежала между пудреницей и кучкой разсыпанныхъ шпилекъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Этого уже никто отъ меня не отниметъ!..—возразила Гресманъ.

— Понимаешь?—обратилась Мартина къ жениху.—Она такъ тебя обожаетъ! Вотъ и заставила меня пообѣщать, что я ей предоставлю украсить тебя свадебной бутоньеркой... Гресманъ, берегитесь: я къ вамъ буду ревновать...

— Ахъ, полно вамъ, Нининхенъ! Совсѣмъ сконфузили...

И Гресманъ торжественно водворила въ петличкѣ букетикъ, символъ супружества.

Шурша желтымъ шелковымъ платьемъ выплыла въ красную комнату мать невѣсты. На рукахъ у нея были бальныя перчатки, на шеѣ знаменитое брилліантовое ожерелье, а въ черныхъ волосахъ желтое страусовое перо.

— Безподобно!—крикнула Гресманъ:—хоть сейчасъ ко двору! Что̀-то скажетъ Добертъ?

Сама Асминда сознавала, что она имѣетъ весьма величавый видъ и поздоровалась съ женихомъ вся сіяющая и какъ-то особенно безпечно-благодушная.

Въ эту минуту появился самъ Кальковскій, брюзжащій, съ бѣлымъ галстукомъ, который ему никакъ не хотѣлъ повиноваться.

— Чортъ побери этотъ галстукъ! Гресманъ, попробуйте-ка, что̀ съ нимъ можно сдѣлать?

И швея услужливо исполнила его желаніе.

У крыльца уже стояла пара наемныхъ дрожекъ. Ихъ появленіе первая замѣтила Мартина, въ нетерпѣніи слѣдившая за ними въ окно, пока остальные собирались...

Всѣ собрались, поѣхали... какъ ѣдутъ впопыхахъ на балъ. Гвидо съ невѣстой, супруги Кальковскіе съ Гресманъ.

Но и дорогой къ Гвидо не вернулось прежнее, благоговѣйно-умиленное настроеніе: Мартина была съ нимъ такъ нѣжна, такъ полна своимъ счастьемъ!

Въ церкви общество отличалось такимъ же рѣдкимъ разнообразіемъ, какое представляли собою невѣста и ея мать: однѣ изъ дамъ были въ свѣтлыхъ платьяхъ для гулянья; другія—въ пышныхъ и даже черезчуръ нарядныхъ.

Это несоотвѣтствіе бросилось жениху въ глаза, и онъ невольно подумалъ:

— На свадьбѣ Гоберта было совсѣмъ иначе! Его стройная, совсѣмъ еще юная Анна-Мари стояла передъ алтаремъ въ своемъ простомъ подвѣнечномъ платьѣ, взволнованная, заплаканная и оттого очень подурнѣвшая. Дамы, окружавшія ее, были одѣты такъ же скромно, хоть многія изъ нихъ владѣли милліонами. Ни одного такого платья, какъ на матери Мартины; ни намека на что-либо, напоминающее ея ожерелье!..

Быстро пролетѣли эти мысли въ головѣ жениха, но онъ тотчасъ же упрекнулъ себя за увлеченіе земною суетой. Онъ заставилъ себя прислушаться къ рѣчи пастора.

— Вразумительнымъ примѣромъ должны служить родители, съумѣвшіе, несмотря на шаткую артистическую карьеру, оградить и воспитать примѣрно свою единственную дочь. Ее охраняли заботы, неустанныя попеченія любимой матери, для которой высшая награда видѣть предъ алтаремъ Всевышняго такое дитя, которое составитъ счастіе своего супруга. Первая, главная задача всякаго христіанина воспитать въ ближнемъ и въ себѣ, прежде всего, *человѣка*!

Послѣднія слова напомнили новобрачному слова Шарлотты, и чувство глубокой, святой любви и благоговѣнія опять проснулось въ немъ съ прежнею силой. Онъ умилился душою; онъ заплакалъ...

Мартина сперва стояла чинно, устремивъ глаза впередъ, въ неопредѣленную точку, чтобъ только ихъ не закрыть: она все время помнила, что это ее портитъ. Но постепенно она отъ скуки стала оглядывать украдкой окружающихъ.

— Боже мой! Неужели и я такая? — подумала она, глядя на непривлекательныя лица дамъ, освѣщенныхъ мутно-сѣрымъ свѣтомъ дождливаго, пасмурнаго дня. — Нѣтъ! Положительно, было бы выгоднѣе назначить свадьбу вечеромъ! — продолжала она и только тутъ замѣтила, что Гвидо слушаетъ внимательно проповѣдь пастора.

Мартина тоже попробовала прислушаться и невольно задумалась.

— О, какъ онъ прекрасно, какъ отрадно говоритъ!.. Какъ горячо хвалитъ Нини и мамà и какъ хорошо описываетъ уваженіе, которое они должны всякому внушать.

Невѣста плавала въ блаженствѣ при мысли, что эти похвалы служатъ отчасти и ей самой украшеніемъ. Слѣдуя словамъ пастора, Мартина пришла къ заключенію, что ей и ея родителямъ должны позавидовать даже самые богатые изъ ея гостей. Торжественность минуты, центромъ которой была она, сама Мартина,—умилила ее.

Позади нея кто-то всхлипывалъ и сморкался...

— Это мамà!

Глубокая жалость ко всѣмъ людямъ и къ себѣ самой переполнила ей сердце, и ей вдругъ показалось особенно таинственнымъ и чуднымъ — стоять впереди всѣхъ, передъ алтаремъ, какъ бы предъ лицомъ Божіимъ. Она подумала о Гвидо, о своей новой жизни... и мысленно принесла обѣтъ любить... да! горячо любить его и сдѣлать его счастливымъ!..

Слезы текли у нея по щекамъ. Она мяла въ рукахъ и прижимала къ глазамъ свой миніатюрный кружевной платочекъ.

Подъ конецъ службы всѣ утомились, но слушали со вниманіемъ.

Жена одного сослуживца Кальковскаго, несчастная въ замужествѣ, тихонько, беззвучно плакала, припоминая тотъ день, когда она тоже, полная вѣры въ свѣтлое будущее, стояла передъ алтаремъ и приносила Господу свои чистыя надежды и моленья.

Супруга Шульцъ-Вейлера считала своей священной обязанностью, въ качествѣ человѣка, близкаго и дружески настроеннаго, дѣлать видъ, что она тоже растрогана торжественностью обстановки. „Ingénue“ изъ „Зюдъ-Театра“ была кроткаго нрава, съ пылкимъ воображеніемъ и несчастной любовью на придачу. Чтò же мудренаго, если свадебный обрядъ вызывалъ у нея цѣлые потоки слезъ?

Умиленіе такъ же заразительно, какъ смѣхъ. Вскорѣ всѣ дамы залились слезами, тихонько поднося къ лицу свои платочки...

Изъ мужчинъ наиболѣе внимательно отнесся къ проповѣди не кто иной, какъ другъ Асминды Кальковской—Добертъ: онъ глазъ не спускалъ съ пастора, ни одно его слово не пропало даромъ.

Добертъ отличался величественной осанкой; фракъ безуко-

ризненно облегалъ его статную фигуру; въ петлицѣ красовался кобургскій орденъ. Держался онъ съ царственнымъ достоинствомъ и зналъ прекрасно, что въ толпѣ посороннихъ зрительницъ, сидѣвшихъ по обѣ стороны церкви, найдутся многія, которыя оцѣнятъ его совершенства.

Онъ улучшилъ, однако, удобную минуту, чтобы шепнуть своему другу:

— Каковъ ораторъ?! Какая игра физіономіи!

Другіе восхищались голосомъ проповѣдника и находили, что онъ нѣсколько напоминаетъ звучный, металлически-ясный, знаменитый голосъ Доберта.

Проповѣдь подходила къ концу, и, наконецъ, въ заключеніе пасторъ благословилъ новобрачныхъ и произнесъ отпускъ.

И только тогда очнулся Гвидо; только тогда, какъ завороженный, вернулся къ сознанію дѣйствительности, когда громкими, сливающимися созвучіями загудѣлъ, возвысилъ голосъ, какъ въ бурномъ порывѣ, могучій органъ и наполнилъ своими торжественными возгласами всѣ своды...

Молодой счастливою улыбкой осушилъ слезы Мартины, и, полные безграничнаго блаженства, они взглянули другъ на друга. Они—мужъ и жена...

Наконецъ-то!..

А. Б—г—.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1899.

Рожденіе Е. И. В. великой княжны Маріи Николаевны.—Правительственное сообщеніе.—Учрежденіе въ императорской академіи наукъ разряда изящной словесности. —Окончаніе работъ коммиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части и рѣчь, произнесенная по этому поводу г. предсѣдателемъ коммиссіи.—Книга г. Глинки-Янчевскаго: „Пагубныя заблужденія".—Еще нѣсколько словъ о Государственномъ Совѣтѣ и печати.—Е. П. Старицкій †.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Θеодоровна благополучно разрѣшилась отъ бремени, въ Петергофѣ, 14-го іюня, дочерью, великою княжною, нареченною при св. молитвѣ Маріею.

24-го мая обнародовано слѣдующее правительственное сообщеніе: „20-го февраля сего года Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ генералъ-адъютанту Ванновскому произвести всестороннее разслѣдованіе причинъ и обстоятельствъ безпорядковъ, начавшихся 8-го февраля въ императорскомъ с.-петербургскомъ университетѣ и затѣмъ распространившихся на нѣкоторыя другія учебныя заведенія, и о результатахъ сего разслѣдованія представить на Высочайшее благовоззрѣніе.

При разсмотрѣніи всеподданнѣйшаго доклада генералъ-адъютанта Ванновскаго Государь Императоръ соизволилъ прежде всего выразить свое крайнее прискорбіе и неудовольствіе, что подобные безпорядки, распространившіеся почти на всѣ учебныя заведенія въ Имперіи, могли возникнуть и продолжаться въ теченіе почти трехъ мѣсяцевъ, нарушая спокойное теченіе внутренней жизни и научныхъ занятій массы учащейся молодежи.

Ближайшими поводами къ возникновенію безпорядковъ въ с.-петербургскомъ университетѣ было выставленное публично отъ имени ректора объявленіе студентамъ, заключавшее въ себѣ напоминаніе

о наказаніяхъ, налагаемыхъ по закону на лицъ, нарушающихъ порядокъ въ общественныхъ мѣстахъ и не повинующихся распоряженіямъ полиціи. Это объявленіе вызвало неудовольствіе извѣстной части студентовъ, которые и произвели первый безпорядокъ въ самомъ университетѣ во время торжественнаго акта днемъ 8-го февраля сего года. Затѣмъ въ тотъ же день, по окончаніи акта, произошло столкновеніе толпы студентовъ съ полиціею на набережной Невы со стороны Васильевскаго острова, близъ Румянцевскаго сквера, сопровождавшееся обоюдными насильственными дѣйствіями, начатыми студентами въ видѣ криковъ, бросанія снѣжковъ, метелъ и т. п. и вызвавшими отпоръ со стороны небольшого отряда конно-полицейской стражи (38 человѣкъ) посредствомъ примѣненія, безъ особой необходимости, одной изъ крайнихъ мѣръ воздѣйствія на толпу.

Дальнѣйшее развитіе безпорядковъ, какъ въ петербургскомъ университетѣ, такъ и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ возбуждено было нѣкоторой частью учащихся, составлявшей незначительное меньшинство, но успѣвшей на сходкахъ увлечь за собою толпу. Молодежь, оставленная безъ твердаго руководства и воздѣйствія ближайшаго учебнаго начальства и профессорскаго персонала, полагала единственнымъ средствомъ для возстановленія поруганной будто бы чести студенчества прекратить посѣщеніе лекцій и учебныя занятія. Въ виду этого меньшинства, возобладавшаго надъ толпою насиліемъ и устрашеніемъ,—оказывалась безсильною масса благоразумныхъ студентовъ, желавшихъ спокойно продолжать учебныя занятія. Къ этой части студентовъ и слушателей другихъ высшихъ учебныхъ заведеній присоединилась агитація отдѣльныхъ злонамѣренныхъ лицъ, частью даже не принадлежавшихъ къ числу учащихся, желавшихъ воспользоваться готовою почвою неудовольствій и волненій среди молодежи для распространенія въ ней прокламацій и подпольныхъ изданій политическаго и противоправительственнаго характера. Изслѣдованіе обнаружило, что и въ самомъ строѣ и внутреннихъ порядкахъ высшихъ учебныхъ заведеній существуютъ общія причины, содѣйствовавшія возникновенію и распространенію безпорядковъ, давая для нихъ готовую почву. Главнѣйшія изъ нихъ: разобщенность студентовъ между собою, съ профессорами и съ учебнымъ начальствомъ, частью равнодушное, частью несоотвѣтственное отношеніе нѣкоторыхъ изъ числа профессоровъ къ правильному и серьезному направленію ума и взглядовъ ввѣренной ихъ руководству молодежи, отсутствіе за молодежью всякаго надзора и повѣрки дѣйствительности ея учебныхъ работъ и занятій, наконецъ, такая скученность учащихся въ одномъ и томъ же заведеніи, которая далеко превосходитъ не только средства этого заведенія для серьезнаго научнаго преподава-

нія и надзора за учащимися, но даже средства для помѣщенія всѣхъ учащихся въ аудиторіяхъ, лабораторіяхъ, клиникахъ, библіотекахъ и чертежныхъ.

По внимательномъ изученіи какъ результатовъ разслѣдованія генералъ-адъютанта Ванновскаго, такъ и послѣдующихъ обстоятельствъ и хода всего дѣла, о которомъ своевременно было доносимо подлежащими министрами, Государь Императоръ призналъ за благо и Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Объявить Свое неудовольствіе ближайшимъ начальствамъ и учебному персоналу высшихъ учебныхъ заведеній, что они не съумѣли пріобрѣсти достаточнаго авторитета и моральнаго вліянія на ввѣренныхъ ихъ руководству учениковъ и съ самаго начала безпорядковъ не приступили съ должною твердостью и единодушіемъ къ разъясненію и указанію увлекающейся молодежи существа ея добровольно избраннаго призванія и границы ея правъ и обязанностей. Министръ народнаго просвѣщенія, равно и прочіе министры, въ вѣдѣніи коихъ состоятъ высшія учебныя заведенія, сдѣлавшіяся поприщемъ безпорядковъ, должны принять надлежащія мѣры внушенія, а если нужно, строгости, для обращенія подвѣдомственныхъ имъ лицъ къ исполненію нравственнаго служебнаго ихъ долга.

2) Чинамъ с.-петербургской городской полиціи, кои указаны въ разслѣдованіи генералъ-адъютанта Ванновскаго, должны быть поставлены на видъ неумѣлыя и несоотвѣтственныя предварительныя распоряженія по охраненію уличнаго порядка въ день 8 февраля.

3) Каковы бы ни были упущенія и ошибки въ дѣйствіяхъ начальственныхъ лицъ, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ извиненію поведеніе студентовъ и слушателей, забывшихъ о долгѣ повиновенія и соблюденія предписаннаго порядка,—долгѣ, налагаемомъ на нихъ заботами правительства объ ихъ образованіи и содержаніи. Никто изъ нихъ не можетъ и не долженъ почитать себя свободнымъ отъ обязанности трудиться и пріобрѣтать познанія, нужныя для служенія отечеству, къ коему они готовятъ себя на пользу общественную: они первые, посему, должны быть и охранителями того порядка, безъ коего ни ученіе, ни воспитаніе немыслимо. Съ соблюденіемъ сего порядка нераздѣльно связана самая честь каждаго учебнаго заведенія и каждаго изъ отдѣльныхъ членовъ его и питомцевъ.

Посему, учащіеся во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ обязываются, для своего блага, нынѣ же подчиниться тому порядку, который для нихъ установленъ, и возвратиться мирно къ своимъ учебнымъ трудамъ и занятіямъ. Его Величество не сомнѣвается, что родители молодыхъ людей и старшія возрастомъ и житейскимъ опытомъ лица всѣхъ сословій сочтутъ долгомъ твердо и безъ колебаній

разъяснить имъ весь вредъ ихъ необдуманныхъ увлеченій, какъ для нихъ самихъ, такъ и для общественнаго спокойствія, возмущеннаго волненіями и смутами учащагося юношества.

Къ прискорбію, во время происходившихъ смутъ, мѣстное общество не только не оказало содѣйствія усиліямъ правительственныхъ властей къ поддержанію порядка и къ вразумленію заблуждавшагося и взволнованнаго юношества, но, во многихъ случаяхъ, само содѣйствовало безпорядкамъ, возбуждая одобреніемъ взволнованное юношество и дозволяя себѣ неумѣстное вмѣшательство въ сферу правительственныхъ распоряженій. Подобныя смуты на будущее время не могутъ быть терпимы и должны быть безъ всякаго послабленія подавляемы строгими мѣрами правительства.

Что касается до тѣхъ студентовъ и слушателей, кои, не будучи изобличены въ дѣйствіяхъ и стремленіяхъ, имѣющихъ политическія цѣли, оказались виновными лишь какъ руководители и участники въ произведенныхъ безпорядкахъ, то отъ подлежащихъ министровъ, въ вѣдѣніи коихъ состоятъ высшія учебныя заведенія, будетъ зависѣть подвергнуть ихъ взысканіямъ съ возможнымъ снисхожденіемъ къ винѣ каждаго тамъ, гдѣ она умѣряется дѣйствіемъ общаго увлеченія".

Въ торжественномъ засѣданіи императорской академіи наукъ, происходившемъ 26-го мая, августѣйшимъ президентомъ академіи прочитанъ Высочайшій указъ слѣдующаго содержанія: „Одушевляемые горячею любовію къ родному языку и родной словесности, завѣщанною Намъ державными предками нашими, признали мы за благо, во вниманіе къ представленію его императорскаго высочества великаго князя президента Академіи Наукъ, ознаменовать столѣтіе со дня рожденія великаго русскаго писателя Пушкина учрежденіемъ въ Императорской Академіи Наукъ, посвященныхъ его памяти, разряда изящной словесности и особаго фонда имени Пушкина. Вновь учреждаемый разрядъ долженъ составить одно цѣлое съ отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, образованнымъ изъ Императорской Россійской Академіи, членомъ которой былъ Пушкинъ; на открываемыя въ семъ отдѣленіи новыя должности академиковъ должны быть избираемы какъ писатели-художники, такъ равно ученые изслѣдователи въ области словесности. Пушкинскій фондъ предназначается для изданія произведеній русскихъ писателей, а также словаря русскаго языка и другихъ трудовъ второго отдѣленія Академіи Наукъ. Въ сихъ видахъ Всемилостивѣйше повелѣваемъ: 1) Въ дополненіе къ Высочайше утвержденному 1-го іюня 1893 года штату Императорской Академіи Наукъ, учредить во второмъ ея отдѣленіи русскаго

языка и словесности шесть новыхъ должностей ординарныхъ академиковъ, съ содержаніемъ, по означенному штату положеннымъ. 2) На образованіе Пушкинскаго фонда отпускать ежегодно изъ Государственнаго казначейства, сверхъ ассигнуемыхъ нынѣ второму отдѣленію Академіи Наукъ суммъ, по 15,000 рублей. 3) Потребную для содержанія шести ординарныхъ академиковъ и на расходы по Пушкинскому фонду сумму вносить въ смѣту по министерству народнаго просвѣщенія, начиная съ 1900 года. Мы твердо вѣримъ, что второе отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ, какъ высшее въ Россіи учрежденіе, въ кругъ занятій коего входятъ словесныя науки, не престанетъ ревностно трудиться для ихъ процвѣтанія, обогащая отечественную словесность новыми вкладами и призывая въ свою среду достойныхъ представителей русской науки и литературы".

Образованіемъ, въ составѣ академіи наукъ, особаго разряда изящной словесности восполненъ, до извѣстной степени, пробѣлъ, давно уже замѣчавшійся въ нашихъ высшихъ учено-литературныхъ учрежденіяхъ. Второе отдѣленіе академіи, замѣнившее собою россійскую академію, состояло до сихъ поръ почти исключительно изъ ученыхъ лингвистовъ и историковъ литературы, рядомъ съ которыми не было мѣста для беллетристовъ и поэтовъ, какъ бы высоки ни были ихъ дарованія, какъ бы велико ни было ихъ общественное значеніе. Если бы среди насъ явился второй Пушкинъ, онъ не былъ бы дѣйствительнымъ членомъ академіи, а развѣ ея членомъ-корреспондентомъ, какъ А. Н. Майковъ или Я. П. Полонскій. Теперь эта несообразность устранена; но положеніе дѣлъ, существовавшее до упраздненія россійской академіи, все-таки не можетъ считаться возстановленнымъ. Въ разрядъ изящной словесности войдутъ *шесть* академиковъ, избираемыхъ изъ среды писателей-художниковъ и ученыхъ изслѣдователей въ области словесности—а число членовъ россійской академіи, по уставу 1818 г., могло доходить до *шестидесяти*. Послѣдняя цифра, быть можетъ, слишкомъ велика, но первая, безъ сомнѣнія, слишкомъ мала, даже если увеличить ее вдвое, въ виду установляемаго Высочайшимъ указомъ объединенія новаго разряда съ нынѣ существующимъ отдѣленіемъ русскаго языка и словесности. Двѣнадцатью академиками едва-ли могутъ быть представлены всѣ отрасли и отдѣлы русской литературы и русскаго языкознанія. Незначительность числа вновь учрежденныхъ академическихъ должностей объясняется, по всей вѣроятности, именно тѣмъ, что это—*должности*, дающія право на жалованье и пенсію, а также на голосъ въ общихъ дѣлахъ академіи, какъ государственнаго учрежденія. Каждая новая *должность* ложится новою тяжестью на государственный бюджетъ; неудобной можетъ показаться и чрезмѣрная многочисленность самоуправляющейся коллегіи,

въ особенности если она слагается изъ нѣсколькихъ разнородныхъ частей, а увеличивается составъ только одной изъ нихъ. Не возражая, поэтому, противъ нормъ, принятыхъ при образованіи разряда изящной словесности, мы думаемъ, что его рамки могли бы быть раздвинуты безъ дальнѣйшаго роста государственныхъ расходовъ и безъ нарушенія равновѣсія между элементами, изъ которыхъ состоитъ общее собраніе академіи. Рядомъ съ академиками, занимающими штатныя *должности*, могли бы быть поставлены, подъ тѣмъ или другимъ именемъ, другіе, не числящіеся на государственной службѣ и не пользующіеся ея преимуществами, но уполномоченные принимать участіе въ занятіяхъ разряда (*только* разряда, а не общаго собранія академіи). Въ этомъ не было бы ничего безусловно новаго: въ россійской академіи жалованье получали только президентъ, секретарь и казначей. Если россійская академія, въ теченіе слишкомъ полувѣкового существованія (1783—1841), не пріобрѣла ни авторитета, ни популярности, если она оставила мало слѣдовъ въ исторіи нашей умственной жизни, то это зависѣло, конечно, не отъ безвозмездности ея трудовъ, а отъ слабаго, въ то время, развитія русской литературы и общественной жизни. Чѣмъ рѣзче былъ контрастъ между многочисленностью академиковъ и малочисленностью талантливыхъ писателей, тѣмъ неизбѣжнѣе было преобладаніе посредственностей, не встрѣчавшее противодѣйствія со стороны общественнаго мнѣнія. Съ тѣхъ поръ обстоятельства перемѣнились: если первостепенныхъ дарованій, въ настоящую минуту, и меньше, чѣмъ въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, когда еще живъ былъ Пушкинъ и выступали на сцену Лермонтовъ, Гоголь, Бѣлинскій, то общій уровень литературы безспорно выше и она можетъ выставить изъ своей среды гораздо больше шести или двѣнадцати выдающихся писателей. При нѣкоторомъ увеличеніи числа членовъ новаго разряда онъ могъ бы обнять собою, по образцу французской академіи, всѣ виды „писанной мысли“, облекаемой въ болѣе или менѣе изящную форму. Рядомъ съ романистами и поэтами здѣсь могли бы найти мѣсто историки, ораторы, публицисты, критики, спеціалисты въ области точныхъ знаній, подобно тому какъ во французской академіи рядомъ съ В. Гюго и А. де-Виньи засѣдали Гизо и Тьеръ, Беррье и Лакордеръ, Монталамберъ и Прево-Парадоль, Сентъ-Бёвъ и Тэнъ, Клодъ Бернаръ и Пастёръ, а теперь рядомъ съ Лоти, Бурже и Коппе засѣдаютъ Альберъ Сорель, Лависсъ, Брюнетьеръ, Леметръ, Руссъ, Бертело. При отсутствіи внѣшнихъ препятствій, наша „русская академія“ съумѣла бы остаться свободной отъ той рутины, которою грѣшатъ иногда французскіе „безсмертные“, отказываясь, напримѣръ, принять въ свою среду Бальзака или Флобера. Не имѣя за собой вѣковыхъ традицій, новое учрежденіе оказа-

лось бы, быть можетъ, менѣе стойкимъ и крѣпкимъ, но зато и менѣе одностороннимъ.

Коммиссія для пересмотра законоположеній по судебной части, учрежденная, 7-го апрѣля 1894 г., при министерствѣ юстиціи, окончила свои работы. Составленные ею проекты новой редакціи учрежденія судебныхъ установленій и уставовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства будутъ сообщены на заключеніе подлежащихъ вѣдомствъ и въ то же время напечатаны въ „Журналѣ Министерства Юстиціи". Для доставленія отзывовъ отъ вѣдомствъ назначенъ шестимѣсячный срокъ, по истеченіи котораго они будутъ внесены на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. 5-го іюня состоялось послѣднее засѣданіе коммиссіи. Предсѣдатель ея, Н. В. Муравьевъ, произнесъ при этомъ обширную рѣчь, заключающую въ себѣ обзоръ и общую характеристику занятій коммиссіи. Первоначально предполагалось, что коммиссія окончитъ свой трудъ въ три года; на самомъ дѣлѣ ей понадобилось для этого пять лѣтъ, при чемъ не пересмотрѣно еще нотаріальное положеніе и не составленъ проектъ приведенія въ дѣйствіе судебнаго преобразованія. „Условія дѣятельности коммиссіи,— замѣтилъ по этому поводу г. министръ юстиціи, — едва ли благопріятствовали чрезвычайной быстротѣ. Тщательное изслѣдованіе и исправленіе громаднаго, давно существующаго сооруженія — совсѣмъ не то, что созиданіе вновь, на пустомъ или расчищенномъ мѣстѣ, изъ новыхъ, еще неиспробованныхъ матеріаловъ. Геній творитъ мощно и скоро, но дѣловое утвержденіе его произведеній на почвѣ дѣйствительности, съ очищеніемъ ихъ отъ всякихъ постороннихъ примѣсей, требуетъ, прежде всего, добросовѣстнаго, кропотливаго, даже мелочного и потому продолжительнаго труда. Къ тому же коммиссія состояла изъ лицъ, ни на мгновеніе не покидавшихъ прямыхъ и обычныхъ своихъ занятій". Всѣ эти соображенія вызваны, очевидно, воспоминаніемъ о томъ, что между утвержденіемъ основныхъ положеній судебной реформы и *обнародованіемъ* судебныхъ уставовъ императора Александра II-го прошло всего съ небольшимъ два года. Что ремонтъ, хотя бы капитальный, всегда труднѣе и медленнѣе сооруженія—это кажется намъ одинаково спорнымъ по отношенію ко всѣмъ постройкамъ, какъ матеріальнымъ, такъ и не-матеріальнымъ. Чѣмъ больше вновь возводимое зданіе отличается отъ прежнихъ, чѣмъ оригинальнѣе его планъ, чѣмъ менѣе испытаны матеріалы, изъ которыхъ оно возводится, тѣмъ больше преградъ должны преодолѣть строители, тѣмъ вѣроятнѣе задержки и колебанія въ ихъ работѣ. Если составители судебныхъ уставовъ такъ быстро и такъ успѣшно справились съ своей задачей, то нельзя приписать этого и ихъ *геніальности*—нельзя уже потому, что

ихъ трудъ имѣлъ характеръ коллективный, а геніальнымъ бываетъ только личное дѣло. Ни одинъ изъ юристовъ, работавшихъ надъ судебными уставами, не возвышался настолько надъ остальными, чтобы подчинить ихъ себѣ, своему индивидуальному творчеству. Объясненіе той быстротѣ, съ которою были изготовлены судебные уставы, слѣдуетъ искать съ одной стороны въ подъемѣ духа, вызванномъ необыкновенною важностью предпріятія и общимъ настроеніемъ эпохи, съ другой—въ освобожденіи членовъ редакціонной коммиссіи отъ всякихъ другихъ служебныхъ обязанностей. Трудъ, которому можно отдать всѣ свои силы и все свое время, ведется, конечно, совершенно иначе, чѣмъ трудъ, исполняемый между дѣломъ. Члены коммиссіи, пересматривавшей судебные уставы, „не покидали прямыхъ и обычныхъ своихъ занятій"—и этого достаточно, чтобы снять съ нихъ упрекъ въ медленности, тѣмъ болѣе, что въ самомъ свойствѣ и условіяхъ ихъ работы не было ничего вдохновляющаго, ничего влекущаго впередъ во что бы то ни стало. Составители судебныхъ уставовъ знали, что окончанія ихъ дѣла нетерпѣливо ждетъ все русское общество; они знали, что имъ предстоитъ устранить давно отжившій судебный строй, никуда негодные судебные порядки; они знали, что новое судоустройство и судопроизводство, хотя бы оно и оказалось несвободнымъ отъ недостатковъ, будетъ несравненно и неизмѣримо выше прежняго. Ничего подобнаго нельзя сказать объ участникахъ только-что законченной работы. Несовершенства нашего суда—суда въ настоящемъ смыслѣ слова, а не учрежденій, облеченныхъ судебною властью — вовсе не такъ велики, чтобы скорѣйшее ихъ устраненіе могло считаться вопросомъ первостепенной важности. Нѣтъ, вдобавокъ, увѣренности въ томъ, что они дѣйствительно будутъ устранены пересмотромъ судебныхъ уставовъ; скажемъ болѣе—нельзя ручаться и за то, что всѣ перемѣны будутъ перемѣнами къ лучшему...

Въ внѣшней исторіи коммиссіи, составляющей первую часть рѣчи Н. В. Муравьева, вовсе не упоминается измѣненіе, происшедшее въ раздѣленіи коммиссіи на отдѣлы. Въ другомъ оффиціальномъ документѣ—обзорѣ работъ коммиссіи, напечатанномъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ",—сказано по этому поводу слѣдующее: „Коммиссія, въ первомъ засѣданіи своемъ, постановила образовать въ своемъ составѣ четыре отдѣла — мѣстныхъ судебныхъ установленій, судоустройства вообще, уголовнаго судопроизводства и гражданскаго судопроизводства. Кромѣ того, съ цѣлью объединенія дѣятельности спеціальныхъ отдѣловъ, предсѣдателемъ коммиссіи признано было необходимымъ образовать особый пятый отдѣлъ, для предварительнаго разсмотрѣнія общихъ принципіальныхъ вопросовъ, которые будутъ возникать при постепенномъ ходѣ работъ по отдѣльнымъ частямъ судебнаго законо-

дательства. Вскорѣ затѣмъ первый отдѣлъ былъ слитъ съ пятымъ, переименованнымъ въ первый". Изъ того, что первый отдѣлъ былъ *слитъ* съ пятымъ, слѣдовало бы, повидимому, заключить, что пятый (позже—первый) отдѣлъ унаслѣдовалъ и задачу бывшаго перваго, т.-е. взялъ на себя разработку всего касающагося мѣстныхъ судебныхъ установленій. На самомъ дѣлѣ этого не было: мѣстныя судебныя установленія—т.-е. судебно-административныя учрежденія, образованныя на основаніи положенія 12-го іюля 1889-го г.—остались совершенно внѣ круга занятій коммиссіи. Почему оказалось нужнымъ такое сокращеніе первоначальной программы—этого мы и теперь не знаемъ. Между тѣмъ, судебная реформа, проходящая мимо обширнѣйшей категоріи чисто судебныхъ дѣлъ и оставляющая ихъ внѣ сферы дѣйствій суда и судебнаго вѣдомства, не можетъ, очевидно, имѣть ни надлежащей полноты, ни окончательнаго значенія. Какъ бы идеально хорошъ ни былъ порядокъ, установляемый для болѣе крупныхъ судебныхъ процессовъ, онъ не можетъ считаться обезпечивающимъ правосудіе, если благодѣянія его не распространяются на громадное большинство такъ называемыхъ „мелкихъ" дѣлъ, въ исходѣ которыхъ непосредственно заинтересована народная масса. Правда, область волостного суда не была тронута и судебными уставами 1864-го года; но тогда крестьяне только-что были призваны къ гражданской жизни, и необходимость спеціально-крестьянскихъ учрежденій не вызывала еще никакихъ сомнѣній. Подсудность волостныхъ судовъ была заключена, притомъ, въ весьма тѣсныя рамки; для множества дѣлъ, возникающихъ въ повседневной, будничной жизни, мировой судъ былъ почвой, на которой встрѣчались всѣ сословія. До полнаго объединенія суда, до сосредоточенія въ его рукахъ *всѣхъ* дѣлъ, судебныхъ по своему характеру и свойству, оставался только одинъ шагъ, хотя бы въ видѣ той мѣры, которая, въ 1889 г., принята въ остзейскомъ краѣ (подчиненіе волостныхъ судовъ верхнимъ крестьянскимъ судамъ, а черезъ нихъ—мировой юстиціи). Вмѣсто этого было сдѣлано нѣсколько шаговъ въ противоположную сторону—и судъ, въ истинномъ смыслѣ слова, почти вовсе пересталъ существовать для самаго многочисленнаго изъ русскихъ сословій. Когда, пять лѣтъ тому назадъ, былъ предпринятъ пересмотръ не одинхъ только судебныхъ уставовъ, а всѣхъ вообще законоположеній по судебной части, можно было ожидать, что онъ приведетъ къ устраненію этой аномаліи. Это ожиданіе не оправдалось; но терять надежду еще рано. Государственный совѣтъ, на разсмотрѣніе котораго поступятъ работы коммиссіи, можетъ признать, что необходимымъ ихъ дополненіемъ долженъ послужить пересмотръ общаго вопроса о судебной власти и ея органахъ.

Возвращаемся къ рѣчи г. министра юстиціи. Весьма интересна въ

ней характеристика настроеній, съ которыми должна была считаться коммиссія. „Одни,—говоритъ г. министръ,—считая всю судебную реформу пагубной ошибкой, обращаютъ свои взоры вспять и помышляютъ, повидимому, о такомъ судѣ, который ничѣмъ не отличался бы отъ административно-полицейскаго воздѣйствія. Другіе нетерпѣливо и поспѣшно порываются къ чисто теоретическому прогрессу, напримѣръ, къ выборнымъ судьямъ, къ исключительному преобладанію гарантій личности, къ гласному и состязательному предварительному слѣдствію, въ то время, когда нужно зорко охранять публичную безопасность, когда предстоитъ еще создавать правильный уголовный розыскъ, когда еще приходится воспитывать въ судѣ людей и ихъ міровоззрѣніе, и при этомъ бороться съ такими противниками, какъ обширность страны, малонаселенность и всяческая скудость или неравномѣрность общественной культуры. Третьи туманно мечтаютъ объ уничтоженіи судебныхъ формальностей, о какихъ-то идеализованныхъ, не русскихъ судьяхъ, которые не стѣсняются узкими рамками закона и свободно гдѣ-то ищутъ и провозглашаютъ будто бы имъ однимъ вѣдомую истину, между тѣмъ какъ все у насъ—исторія, общественность, привычки—требуетъ именно строжайшей во всемъ законности и разумнаго, осмотрительнаго упорядоченія, а не фантазій. Для четвертыхъ, наконецъ, замкнувшихъ свой кругозоръ уставами 1864 г., каждая буква въ нихъ есть непререкаемая истина, святыня, которой не слѣдуетъ касаться даже съ наилучшею цѣлью, изъ опасенія новымъ, неизвѣданнымъ повредить старому, испытанному. Не мало почтеннаго въ этомъ судебномъ консерватизмѣ, но онъ преувеличиваетъ непогрѣшимость, и мимо него, нерѣдко даже въ перерѣзъ ему, несется бытовая жизнь, гдѣ одна потребность неудержимо смѣняется другой и, опережая медленное развитіе закона, рано или поздно добивается себѣ признанія... Коммиссія впала бы въ печальную ошибку, если бы односторонне послѣдовала за однимъ изъ этихъ воззрѣній... Избранное нами направленіе, осторожное, умѣренное и самостоятельное, задается практическою цѣлесообразностью и равно исключаетъ тенденціозность и предвзятость, рутинную косность и рискованные эксперименты, страсть къ новшествамъ и слѣпое преклоненіе передъ существующимъ. И потому, не игнорируя никакихъ серьезныхъ указаній, мы обратились къ неисчерпаемому, единственно надежному источнику—къ открывшемуся передъ нами огромному запасу вседневнаго опыта судящихъ и судящихся, который и показалъ намъ, куда идти, что̀ измѣнить, чего не трогать". Опаснымъ для успѣха работы, предпринятой коммиссіею могло—и можетъ—сдѣлаться только первое изъ воззрѣній, указанныхъ г. министромъ юстиціи. Непримиримое въ своей враждѣ къ новому суду, оно не сложитъ оружія, пока есть какая-

нибудь надежда ниспровергнуть главныя основы судебной реформы. Не совсѣмъ ясно для насъ опредѣленіе, данное *третьему* воззрѣнію. Мы не знаемъ, гдѣ и когда выражалось желаніе уничтожить судебныя формальности и упразднить рамки закона, въ видахъ отысканія и провозглашенія никому, кромѣ самихъ судей, невѣдомой истины. Правда, у насъ были и есть враги судебныхъ формъ, противники законности—но они встрѣчались и встрѣчаются, сколько намъ извѣстно, исключительно въ лагерѣ реакціонеровъ, т.-е. сторонниковъ *перваго* воззрѣнія. Много разъ мы слышали отъ нихъ сожалѣніе о томъ, что земскіе начальники, какъ судьи, слишкомъ стѣснены требованіями матеріальнаго и процессуальнаго права—но на степень теоріи, примѣнимой къ суду *вообще*, т.-е. ко *всякому* суду и ко *всѣмъ* судьямъ, это сожалѣніе никогда, кажется, не возводилось. Существуетъ ли, впрочемъ, *третье* воззрѣніе или не существуетъ—во всякомъ случаѣ чрезвычайно важно и утѣшительно возраженіе, противопоставляемое ему г. министромъ юстиціи: „все у насъ требуетъ строжайшей во всемъ законности"... *Четвертое* воззрѣніе, отстаивающее каждую букву судебныхъ уставовъ, всецѣло, какъ намъ кажется, принадлежитъ прошедшему. Было, дѣйствительно, время, когда приверженцы судебной реформы, запуганные первыми ея искаженіями, боялись даже самыхъ невинныхъ передѣлокъ и поправокъ въ судебныхъ уставахъ, какъ предлога къ возстановленію той или другой черты старыхъ порядковъ. Неосновательнымъ такой страхъ былъ съ самаго начала, потому что порча уставовъ производилась, когда ей благопріятствовали обстоятельства, и безъ всякихъ предлоговъ; теперь, послѣ стольких крупныхъ отступленій отъ основныхъ началъ судебной реформы, онъ былъ бы просто непонятенъ. „Судебный консерватизмъ", въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово употреблено Н. В. Муравьевымъ, давно уже имѣетъ другое содержаніе: онъ охраняетъ не каждую букву судебныхъ уставовъ, а только общій ихъ духъ и смыслъ. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ тотъ безспорный фактъ, что многіе изъ „судебныхъ консерваторовъ" являются, вмѣстѣ съ тѣмъ, „судебными прогрессистами", стремясь одновременно и къ удержанію всего хорошаго въ судебныхъ порядкахъ, и къ дальнѣйшему ихъ развитію и усовершенствованію. *Четвертое* воззрѣніе сближается или сливается, такимъ образомъ, со *вторымъ*, которое едва-ли можетъ быть названо „чисто-теоретическимъ". Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ непрактично, напримѣръ, мнѣніе о возможности возстановленія выборныхъ мировыхъ судей, разъ что этотъ институтъ существовалъ у насъ почти четверть вѣка и оставилъ по себѣ самую лучшую память? Чѣмъ непрактичны предложенія, клонящіяся къ расширенію состязательнаго начала при предварительномъ слѣдствіи, разъ что и теперь состяза-

тельность здѣсь устранена не абсолютно? [1]). На всѣ эти предложенія и мнѣнія можно смотрѣть такъ или иначе, но къ области чистой теоріи онѣ, очевидно, не принадлежатъ. Никто, если мы не ошибаемся, не стоитъ за немедленное примѣненіе выборнаго начала ко *всѣмъ* судьямъ, ко всѣмъ судебнымъ инстанціямъ; рѣчь идетъ обыкновенно о выборѣ однихъ только единоличныхъ (мировыхъ) судей, въ вѣдѣніи которыхъ состоятъ дѣла сравнительно меньшей важности. За *безусловную* гласность предварительнаго слѣдствія, за участіе защиты во *всѣхъ* слѣдственныхъ дѣйствіяхъ высказываются развѣ весьма немногіе... Итакъ, изъ числа четырехъ воззрѣній, противъ которыхъ направлена рѣчь г. предсѣдателя коммиссіи, два имѣютъ подъ собою твердую почву: „судебные консерваторы", въ специфическомъ смыслѣ слова, сильны уваженіемъ къ судебнымъ уставамъ; „судебные прогрессисты"—стремленіемъ къ дальнѣйшему развитію судебной реформы, въ томъ же направленіи и духѣ, въ какомъ она была предпринята въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Трудно представить себѣ такое судебное преобразованіе, въ основаніи котораго не лежали бы, въ той или другой комбинаціи, оба указанныя нами начала. Только они могутъ дать руководящую нить среди лабиринта, образуемаго „указаніями опыта". Эти указанія на каждомъ шагу противорѣчатъ другъ другу, понимаются и толкуются различно. Одни и тѣ же обстоятельства на однихъ производятъ одно впечатлѣніе, на другихъ—другое. Точность и безпристрастіе наблюденій возможны только въ сферѣ точной науки, а не въ области практической жизни. Чѣмъ больше запасъ „вседневнаго опыта судящихъ и судящихся", тѣмъ меньше онъ можетъ служить „единственно надежнымъ источникомъ" преобразованія, тѣмъ легче потеряться среди его безконечно разнообразныхъ данныхъ. Не однимъ только „запасомъ опыта" руководствовалась, очевидно, и коммиссія; она избрала изъ него лишь то, что̀ подходило подъ нѣкоторыя заранѣе намѣченныя ею мѣрки. Это явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ предсѣдателя коммиссіи: „всѣ вносимыя въ судебные уставы новыя или видоизмѣненныя постановленія неукоснительно направлены къ осуществленію общихъ задачъ пересмотра—къ объединенію судебнаго устройства въ различныхъ частяхъ Имперіи, уже подготовленному мѣропріятіями послѣднихъ лѣтъ, къ большей близости и доступности суда для населенія, къ упрощенію, удешевленію и ускоренію правосудія, къ утвержденію государственнаго значенія и правительственнаго характера судебнаго вѣдомства, къ нравственному и матеріальному поднятію его чиновъ, къ укрѣпленію и разви-

---

[1]) При разсмотрѣніи судомъ жалобъ на дѣйствія судебнаго слѣдователя у насъ и теперь допускается защита.

тію возможнаго общественнаго участія въ отправленіи суда, и вообще къ устраненію недостатковъ и восполненію пробѣловъ судебной части, когда тѣ и другія зависятъ отъ несовершенствъ закона и обусловленныхъ ими судебныхъ распорядковъ. Ни одинъ дѣйствующій судебный институтъ, успѣвшій заслужить народное расположеніе, не поколебленъ и не поврежденъ, а, напротивъ, многіе исправлены или улучшены, смотря по надобности. Ни одно процессуальное правило не уничтожено, не измѣнено или замѣнено другимъ безъ вѣскихъ къ тому побужденій; ни одно нововведеніе—а ихъ не мало—не нарушаетъ принятаго общаго строенія юстиціи. Не подорванъ ни одинъ изъ ея основныхъ принциповъ даже въ томъ случаѣ, если, не въ видѣ уступки, а по непреложнымъ соображеніямъ государственной пользы, приходилось допускать отдѣльныя изъятія или ограниченія, которыя уже потому извинительны, что даютъ необходимый просторъ упорнымъ домогательствамъ жизни и, не позволяя ей подтачивать высшія правовыя нормы, косвенно способствуютъ ихъ неприкосновенности и торжеству". Итакъ, критеріемъ пересмотра былъ, между прочимъ, именно „судебный консерватизмъ"; коммиссія желала сохранить „основные принципы" судебнаго строя, избѣжать колебанія и поврежденія дѣйствующихъ судебныхъ институтовъ. Менѣе опредѣленны мотивы нововведеній, допущенныхъ коммиссіею; выяснить ихъ вполнѣ можно будетъ только тогда, когда сдѣлается извѣстнымъ текстъ составленныхъ ею проектовъ. И теперь, однако, совершенно ясно, что „указанія опыта" разсматривались коммиссіею подъ угломъ нѣсколькихъ предвзятыхъ точекъ зрѣнія—напр., убѣжденія въ необходимости утвердить „государственное значеніе и правительственный характеръ" судебнаго вѣдомства. Интересно будетъ узнать, какъ разрѣшены, въ отдѣльныхъ случаяхъ, конфликты между различными задачами, которыми задавалась коммиссія. Въ обществѣ пронесся слухъ, что коммиссія проектируетъ совершенное упраздненіе выборнаго мирового суда, уцѣлѣвшаго, какъ извѣстно, въ столицахъ и нѣкоторыхъ большихъ городахъ. Этотъ слухъ опровергается, повидимому, словами предсѣдателя коммиссіи: „ни одинъ дѣйствующій судебный институтъ, успѣвшій заслужить народное расположеніе, не поколебленъ и не поврежденъ". Расположеніе народа къ выборному мировому суду — фактъ безспорный и общеизвѣстный, и сторонники этого суда могли бы успокоиться вполнѣ, если бы въ рѣчи г. предсѣдателя коммиссіи не говорилось объ утвержденіи „правительственнаго характера судебнаго вѣдомства"...

Въ концѣ своей рѣчи Н. В. Муравьевъ проводитъ параллель между эпохой составленія и введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ и эпохой ихъ пересмотра. Онъ вспоминаетъ „незабвенную пору первыхъ піонеровъ судебной реформы, которые вложили въ нее всю душу свою

и ярко озарили выбранное ими поприще неугасимо горѣвшимъ въ нихъ огнемъ добра и правды". „Новыя судебныя установленія,—продолжаетъ ораторъ,—пылко выступили на борьбу съ неправдою и зломъ. Несмотря на набѣгавшія уже тучи, не взирая на противодѣйствіе и затрудненія, приподнятый и окрыленный духъ подвига, призванія поддерживалъ дѣятелей и скрашивалъ всѣ невзгоды дѣятельности. Но скоро—таковъ жестокій законъ вещей—слишкомъ скоро миновалъ свѣтлый праздникъ и постепенно перешелъ въ длинные, сѣрые будничные дни. На смѣну подвижниковъ-идеалистовъ явились рядовые труженики, священнодѣйствіе впервые устнаго и гласнаго суда превратилось въ нелегкую вседневную страду, непомѣрно возростающую и въ качествѣ, и въ количествѣ; душевный подъемъ слабѣлъ, а трудъ ежечасно увеличивался. Съ установленіями новаго суда случилось то же, что съ новымъ зданіемъ, осѣдающимъ на неподготовленномъ, мягкомъ грунтѣ: пока дойдетъ до материка, оно постепенно обнаруживаетъ всѣ недочеты стройки или почвы, всѣ слабыя мѣста свои, куда и надлежитъ направить ремонтныя работы. А для нихъ, по самому ихъ свойству, ужъ нечего искать и ждать юношескаго пыла или радужныхъ перспективъ и обширныхъ горизонтовъ. Нужно было трезвое, спокойное, настойчивое и не всегда благодарное, но всегда благородное закрѣпленіе устоевъ, починка, передѣлка, приспособленіе къ развивающимся условіямъ и явленіямъ жизненнаго оборота. Таковъ трудъ, выпавшій на долю нашей коммиссіи; онъ есть не что иное, какъ продолженіе и обезпеченіе судебнаго преобразованія. Многозначительна та служба, которую мы предназначены сослужить ему. Мы должны были сдѣлать такъ, чтобы составъ и уровень нашего суда и его органовъ отнынѣ не опасался никакихъ враговъ, но и не зависѣлъ ни отъ высокаго, но временнаго порыва, ни отъ горячихъ, но преходящихъ вѣяній, ни отъ избранниковъ, рѣдкихъ въ тяжелой трудовой профессіи. Мы знали, что учрежденія должны быть разсчитаны на массу обыкновенныхъ, среднихъ людей, не на героевъ, что люди и настроенія ихъ проходятъ, а учрежденія остаются и дѣйствуютъ среди далекой отъ идеаловъ битвы жизни... Намъ казалось необходимымъ и возможнымъ соединить въ устройствѣ правосудія незыблемость великихъ основныхъ началъ его съ практической гибкостью ихъ дѣйствія. Судебные Уставы дали Россіи новый судъ; пусть же послѣ пересмотра онъ станетъ судомъ уже не новымъ, но незамѣнимымъ"! Въ этихъ словахъ много правды. Нельзя не замѣтить, однако, что переходъ отъ увлеченія къ разочарованію, отъ бодрости къ утомленію совершился, въ судебномъ мірѣ, не только въ силу реакціи, неизбѣжно слѣдующей за подъемомъ духа, но и въ силу неблагопріятныхъ условій, дѣйствовавшихъ извнѣ, со стороны. Потребность въ ремонтѣ явилась не столько вслѣдствіе

осѣданія почвы или недостатковъ постройки, сколько вслѣдствіе наружныхъ поврежденій. Если бы главною цѣлью ремонта было исправленіе этихъ поврежденій, возстановленіе и довершеніе первоначальной гармоніи и симметріи, онъ могъ бы возбудить среди работниковъ если не „юношескій пылъ“ эпохи реформъ, то горячее воодушевленіе, всегда вызываемое великою цѣлью. Этого не случилось именно потому, что ремонтныя работы получили другой характеръ и были заключены въ другіе, болѣе тѣсные предѣлы. Совмѣстить „незыблемость основъ“ съ „практической гибкостью ихъ дѣйствія“—задача крайне трудная, едва-ли осуществимая; и такъ какъ гибкость, говоря вообще, дается легче, чѣмъ незыблемость, то стремленіе къ той и другой легко можетъ повлечь за собою ущербъ для послѣдней. Не всегда, притомъ, гибкостью устраняется ломкость; въ какой бы мѣрѣ судебные порядки ни были приспособлены къ дѣйствительности, безусловной гарантіи противъ „преходящихъ вѣяній“ или „временныхъ порывовъ“ это для нихъ не создастъ.

Насколько далеко еще до общепризнанности тѣхъ основныхъ началъ судебной реформы, „незыблемость“ которыхъ, не исключающую „гибкости“, старается охранить коммиссія по пересмотру судебныхъ уставовъ—это показываетъ недавно вышедшая книга г. С. Глинки-Янчевскаго: „Пагубныя заблужденія“. Она направлена противъ сочиненія г. Хартулари: „Право суда и помилованія, какъ прерогативы россійской державности“—сочиненія, котораго мы имѣли случай коснуться въ нашемъ февральскомъ обозрѣніи. Заключительный выводъ г. Хартулари состоитъ въ томъ, что съ преобразованіемъ судебнаго строя, совершившимся при императорѣ Александрѣ II-мъ, наступило время „осуществленія государственнаго принципа Петра Великаго объ отдѣленіи правосудія отъ непосредственныхъ функцій верховной власти“. Рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ сената и теперь уже изъяты изъ числа тѣхъ, на которыя могутъ быть приносимы всеподданнѣйшія жалобы, а съ предстоящимъ закрытіемъ такъ-называемыхъ старыхъ департаментовъ Сената „должно будетъ прекратиться античное право народа на личную государеву расправу по дѣламъ судебнымъ, которое отойдетъ уже въ область историческаго преданія“. Эти положенія г. Хартулари и представляютъ собою тѣ „пагубныя заблужденія“, противъ которыхъ вооружается г. Глинка-Янчевскій. Опровергаетъ онъ ихъ тремя способами: подчеркиваньемъ противорѣчій, въ которыя впадаетъ г. Хартулари; указаніемъ недостатковъ существующаго судоустройства и судопроизводства, въ виду которыхъ условія современнаго правосудія отнюдь не могутъ быть признаны близкими къ совершенству и не требующими чрезвычайной охраны—и, нако-

нецъ, теоретическими соображеніями о характерѣ и свойствѣ самодержавной власти. Первой серіи доводовъ мы касаться не будемъ, потому что въ нашу задачу вовсе не входитъ защита книги г. Хартулари; для насъ интересенъ общій вопросъ, а не болѣе или менѣе удачная аргументація того или другого автора.

Въ ряду противниковъ современнаго суда г. Глинка-Янчевскій занимаетъ особое мѣсто. Онъ стоитъ за судъ присяжныхъ, за равноправность обвиненія и защиты, за гласность процесса; онъ негодуетъ при мысли, что на рѣшеніе дѣла могутъ вліять какія-то секретныя свѣдѣнія. Все это идетъ прямо въ разрѣзъ съ обычными пріемами псевдо-охранительныхъ минеровъ, подкапывающихся подъ судебные уставы. По другимъ пунктамъ, однако, г. Глинка-Янчевскій примыкаетъ къ нимъ всецѣло: онъ видитъ корень зла въ несмѣняемости и „безотвѣтственности" судей и въ „свободномъ толкованіи" законовъ, а для оздоровленія судебнаго организма предлагаетъ лекарства, которыя правильнѣе было бы назвать смертельнымъ ядомъ. Арсеналъ, которымъ располагаетъ г. Глинка-Янчевскій, весьма невеликъ: онъ весь сводится съ одной стороны къ ссылкѣ на „мелкія бытовыя повѣсти", изъ которыхъ названа только одна („Въ пріемной у его высокопревосходительства"), и на „Воскресеніе" гр. Л. Н. Толстого, съ другой—къ разбору нѣсколькихъ (весьма немногихъ) судебныхъ процессовъ, между которыми главную роль играетъ извѣстное дѣло о гг. М. К. и З., обвинявшихся въ вовлеченіи г. П. въ невыгодную сдѣлку съ его младшимъ братомъ [1]). Весьма можетъ быть, что между замѣчаніями г. Глинки есть, рядомъ съ очевидно ошибочными [2]), и болѣе или менѣе правильныя; но что̀ же отсюда слѣдуетъ? Никто

---

[1]) Редакція „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", помѣщая хвалебную статью одного изъ своихъ сотрудниковъ о книгѣ г. Глинки-Янчевскаго, не только оговорилась, что не раздѣляетъ главнаго вывода этой статьи, но сдѣлала къ ней слѣдующее подстрочное примѣчаніе: „каковъ характеръ нападокъ (на наши суды) и насколько онѣ заслуживаютъ вниманія, видно, между прочимъ, изъ того, что г. Глинка считаетъ *неправосудіемъ* извѣстное дѣло жандармскаго полковника М. К."!!! (курсивъ и восклицательные знаки подлинника). И дѣйствительно, кто помнитъ дѣло М. К., выставляемое г. Глинкой какъ коллекція судебныхъ ошибокъ (и притомъ не случайныхъ, а тенденціозныхъ), тотъ уже по этому одному отнесется съ недовѣріемъ къ аргументаціи г. Глинки.

[2]) Чтобы не быть голословнымъ, приведемъ одинъ примѣръ. По дѣлу гг. М. К. и З. первый вопросъ, предложенный на разрѣшеніе присяжныхъ, былъ изложенъ такъ: „былъ ли совершенъ договоръ о томъ-то, которымъ старшій П. былъ вовлеченъ въ невыгодную сдѣлку". По мнѣнію г. Глинки, его нужно было раздробить на два вопроса: 1) былъ ли совершенъ договоръ о томъ-то, и 2) составляетъ ли этотъ договоръ невыгодную сдѣлку, въ которую былъ вовлеченъ старшій П. Между тѣмъ, отдѣльная *постановка* перваго вопроса была бы прямымъ нарушеніемъ закона: выдѣлять можно вопросъ о *событіи преступленія*,—а совершеніе договора *само по себѣ* никогда преступленія не составляетъ.

не сомнѣвается въ томъ, что судебные дѣятели, какъ и всякіе другіе, не обладаютъ непогрѣшимостью; въ массѣ судебныхъ рѣшеній и распоряженій всегда можно отыскать нѣсколько неправильныхъ, даже явно-неправильныхъ. Весь вопросъ въ томъ, способствуютъ ли данные судебные порядки предупрежденію такихъ неправильностей и даютъ ли они средства къ ихъ исправленію? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить только всестороннее изслѣдованіе судебнаго строя и судебнаго процесса, а не филиппика, далеко не безпристрастная, по поводу небольшого числа единичныхъ фактовъ. Нѣкоторыя изъ рѣшеній, критикуемыхъ г. Глинкой, состоялись, притомъ, въ первой инстанціи и могли, слѣдовательно, быть обжалованы и отмѣнены [1]). Изъ числа упрековъ, дѣлаемыхъ авторомъ судебному вѣдомству, многіе касаются только обвинителей и защитниковъ, слова и дѣйствія которыхъ вызываютъ, сплошь и рядомъ, отпоръ суда или противной стороны. Мы вполнѣ согласны съ г. Глинкой, когда онъ строго порицаетъ прокурора, призывавшаго присяжныхъ къ борьбѣ съ лживостью и сплоченностью синагоги,—но вѣдь этотъ обвинительный пріемъ тотчасъ же былъ оцѣненъ по достоинству въ рѣчи защитника и остался безъ всякаго вліянія на рѣшеніе присяжныхъ (см. стр. 37—38). Мы раздѣляемъ негодованіе г. Глинки противъ молодого присяжнаго повѣреннаго, позволившаго себѣ сказать присяжнымъ, что, оправдавъ подсудимыхъ, они опозорятъ правосудіе,—но вѣдь эти слова были тутъ же, на судѣ, жестоко осуждены двумя другими присяжными повѣренными, защитниками подсудимыхъ (стр. 131). Что выходка неразборчиваго въ средствахъ адвоката являлась чѣмъ-то необычнымъ, небывалымъ—это подчеркнуто съ достаточною ясностью въ отвѣтѣ одного изъ защитниковъ: „никогда, — воскликнулъ онъ,—мы не встрѣчали въ лагерѣ, враждебномъ суду присяжныхъ, представителей присяжной адвокатуры"! Изъ явнаго уклоненія отъ нормы никакихъ общихъ заключеній выводить, очевидно, нельзя. Зло становится опаснымъ только тогда, когда оно перестаетъ быть исключеніемъ и не встрѣчаетъ ни достаточно устойчивыхъ преградъ, ни достаточно сильнаго противовѣса.

---

[1]) Таковы, напримѣръ, рѣшенія, упоминаемыя г. Глинкой на стр. 67, 72, 96. Замѣтимъ по поводу послѣдняго, что г. Глинка напрасно удивляется оправданію ростовщика, несмотря на признанный самимъ судьею фактъ взиманія лихвенныхъ процентовъ. По закону ростовщичество признается наказуемымъ лишь тогда, когда съ взиманіемъ высокихъ процентовъ идетъ рука объ руку эксплуатація стѣсненнаго положенія должника. Весьма вѣроятно, что именно послѣднее, въ данномъ случаѣ, и не было признано доказаннымъ. Правъ ли былъ мировой судья, постановившій оправдательное рѣшеніе — мы не знаемъ; но что вообще наши суды не потворствуютъ ростовщичеству, объ этомъ свидѣтельствуетъ не малое число болѣе или менѣе громкихъ процессовъ.

За критикой судебныхъ порядковъ—или, лучше сказать, нѣсколькихъ несимпатичныхъ г. Глинкѣ судебныхъ рѣшеній, — слѣдуетъ проектъ реформъ, къ большинству которыхъ вполнѣ примѣнимо заглавіе разбираемой нами книги („Пагубныя заблужденія"). Возвращаясь вспять къ давно осужденному жизнью до-реформенному строю, г. Глинка предлагаетъ возложить на губернаторовъ обязанности „блюстителей правосудія", и предоставить имъ „власть, не вмѣшиваясь въ судебныя опредѣленія, предупредить волокиту, грубый обходъ законовъ и особенно всякое грубое превышеніе власти, именуемое въ обыкновенномъ разговорѣ самоуправствомъ". Для достиженія намѣченной цѣли, — читаемъ мы дальше, — губернаторы должны имѣть право „требовать къ себѣ на просмотръ то дѣло, по которому послѣдуетъ жалоба; давать предложенія объ ускореніи всѣмъ лицамъ судебнаго вѣдомства, до предсѣдателя окружного суда включительно; въ случаѣ оставленія безъ вниманія этихъ предложеній или проявленія антагонизма къ мѣстнымъ административнымъ властямъ или грубаго обхода законовъ производить разслѣдованіе, результаты котораго представлять въ первый департаментъ Сената, на предметъ преданія виновныхъ суду; въ случаяхъ явнаго превышенія власти пріостанавливать распоряженія судебныхъ приставовъ, слѣдователей и прокурорскаго надзора, а о явномъ превышеніи власти со стороны суда сообщать по телеграфу министрамъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи". Разбирать эти предположенія мы, конечно, не будемъ; слишкомъ ясно, во что обратилась бы, въ случаѣ принятія ихъ, судебная власть. Проще и послѣдовательнѣе было бы прямо подчинить общіе суды какому-нибудь административному присутствію, по образцу губернскаго, уже теперь облеченнаго судебною властью... Другой комплексъ мѣръ, рекомендуемыхъ г. Глинкой-Янчевскимъ, направленъ къ тому, чтобы установить *фактическую*, а не *фиктивную* отвѣтственность всего судебнаго персонала. Апелляціонной и вообще всякой высшей инстанціи должно быть, по мнѣнію г. Глинки-Янчевскаго, вмѣнено въ обязанность постановлять, въ случаѣ отмѣны рѣшенія, заключеніе о свойствѣ неправосудія, т.-е. было ли оно ошибкой, *простой* или *грубой*, или же результатомъ корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ, при чемъ за грубую ошибку судьи, постановившіе рѣшеніе, должны нести, помимо уголовнаго наказанія, и гражданскую отвѣтственность. Отвѣтственность судей за неправосудіе, умышленное или неумышленное, возможна и по дѣйствующимъ законамъ [улож. о наказ. ст. 366—370 [1])]; новшество г. Глинки заключается

[1]) Столь же возможно и примѣненіе къ судьямъ, допустившимъ служебный подлогъ, ст. 362-ой улож. о наказ., распространеніе которой на лицъ судебнаго вѣдомства составляетъ одно изъ pia desideria г. Глинки.

въ томъ, что неправосуднымъ онъ предлагаетъ считать *всякое* отмѣняемое рѣшеніе. Для него не существуетъ возможности двухъ одинаково добросовѣстныхъ взглядовъ на данный вопросъ факта или права; всякое разногласіе между двумя судами толкуется имъ въ смыслѣ *ошибки*, допущенной низшею инстанціею. Это—старое заблужденіе, съ которымъ часто приходилось встрѣчаться въ до-реформенную эпоху (припомнимъ, напримѣръ, прогремѣвшія въ свое время статьи противъ адвокатуры, исходившія именно изъ той мысли, что въ гражданскомъ дѣлѣ не только *быть*, но и *считать себя* правой можетъ лишь одна изъ спорящихъ сторонъ). Можно было думать, что оно исчезло навсегда при свѣтѣ новыхъ судебныхъ порядковъ; но оно оказывается столь же живучимъ, какъ и наивная вѣра въ спасительную силу административнаго контроля. У г. Глинки оно находится въ тѣсной связи съ отрицательнымъ отношеніемъ къ „свободному толкованію законовъ". Онъ желалъ бы и здѣсь возвращенія къ старому порядку, не допускавшему „обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій", но отнюдь не устранявшему ежедневныхъ, ежечасныхъ *нарушеній* закона... Больше вниманія заслуживаетъ мысль г. Глинки-Янчевскаго о необходимости отдѣлить званіе генералъ-прокурора отъ званія министра юстиціи и создать особую должность предсѣдательствующаго всего Сената. Этимъ путемъ, по мнѣнію г. Глинки, можно было бы достигнуть бо̀льшей самостоятельности Сената и предупредить быстрыя колебанія въ направленіи правосудія, возможныя теперь при каждой перемѣнѣ министра юстиціи. Намъ кажется, что *закономъ* самостоятельность Сената и теперь ограждена достаточно; ей угрожаетъ только паденіе судебныхъ *нравовъ*, отражающееся на всѣхъ ступеняхъ судебной іерархіи,—но оно едва ли можетъ быть остановлено или предупреждено созданіемъ двухъ новыхъ должностей. Генералъ-прокуроромъ, со времени повсемѣстнаго введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, министръ юстиціи остается, de facto, только по отношенію къ не-судебнымъ департаментамъ Сената (первому, второму и герольдіи),—но и они, по всей вѣроятности, подвергнутся преобразованію, которое сгладитъ различіе между ними и кассаціонными департаментами. Правда, министру юстиціи подчинены сенатскіе оберъ-прокуроры; но вѣдь въ случаѣ осуществленія мысли г. Глинки они были бы точно такъ же подчинены генералъ-прокурору, и отъ перемѣны названія не перемѣнилось бы положеніе дѣла. Гораздо важнѣе и здѣсь судебные нравы, которые до сихъ поръ обезпечивали въ значительной степени самостоятельность оберъ-прокуроровъ (и ихъ товарищей). Весьма возможно, что съ довершеніемъ преобразованія Сената создано будетъ, для рѣшенія дѣлъ особенно важныхъ, общее собраніе всѣхъ департаментовъ; тогда

предсѣдательствующій въ этомъ общемъ собраніи явится, ipso facto, предсѣдательствующимъ всего Сената (не говоримъ—*предсѣдателемъ*, потому что предсѣдательство въ Сенатѣ считается принадлежащимъ Государю Императору), которому могло бы быть предоставлено право личнаго всеподданнѣйшаго доклада по дѣламъ Сената и сенаторовъ. Вмѣсто того, чтобы создавать должность генералъ-прокурора, слѣдовало бы разрѣшить Сенату привлекать къ отвѣтственности лицъ прокурорскаго надзора, каждый разъ, когда въ дошедшемъ до Сената дѣлѣ усмотрѣны будутъ признаки неправильныхъ ихъ дѣйствій или упущеній. Теперь это въ правѣ сдѣлать только министръ юстиціи, вслѣдствіе чего нарушеніе закона со стороны прокуратуры, прямо признанное Сенатомъ, можетъ остаться для нарушителя безъ всякихъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

Главный тезисъ г. Глинки-Янчевскаго — необходимость непосредственнаго воздѣйствія верховной власти на отправленіе правосудія—совпадаетъ съ мнѣніемъ г. Л. Тихомирова, также высказаннымъ по поводу книги г. Хартулари и разобраннымъ нами въ февральскомъ внутреннемъ обозрѣніи. Не повторяя сказаннаго нами тогда, мы коснемся только организаціи, проектируемой г. Глинкой для учрежденія по принятію всеподданнѣйшихъ жалобъ (принесеніе такихъ жалобъ должно быть допущено, по мнѣнію г. Глинки, на *всѣ безъ изъятія* судебныя рѣшенія и дѣйствія, *при всякомъ положеніи дѣла*). Учрежденіе это не должно быть коллегіальнымъ. „Народу,—говоритъ г. Глинка,—нуженъ отвѣтственный докладчикъ государя,—докладчикъ, который никѣмъ и ничѣмъ не могъ бы прикрываться. Отвѣтственный докладчикъ долженъ быть поставленъ въ такія условія, чтобы ничто не могло быть закрываемо отъ взоровъ государя и чтобы по всякому прошенію вкратцѣ, но правдиво резюмирована была самая сущность дѣла. Для этого коллегія, очевидно, не нужна. Не нужна коллегія и для приведенія относящихся къ данному случаю законовъ, ибо, если *избирать законы изъ всей массы законодательнаго матеріала* [1]), то всегда можно выставить законы, наименѣе относящіеся къ дѣлу, и прикрыться коллегіею. Если во всеподданнѣйшемъ докладѣ и надлежитъ приводить наиболѣе соотвѣтственные законы—конечно, по духу, а не по казуистикѣ—то и за приведеніе законовъ должны нести прямую отвѣт-

---

[1]) Подчеркнутыя нами слова приведены у г. Глинки въ кавычкахъ, какъ заимствованныя у одного изъ писателей, съ которыми онъ полемизируетъ по вопросу о толкованіи законовъ. Чтò анормальнаго онъ видитъ въ „избраніи законовъ изъ всей массы законодательнаго матеріала"—это понять довольно трудно: даже при системѣ буквальнаго примѣненія законовъ судъ (или учрежденіе, дѣйствующее на правахъ суда) обязанъ брать подходящіе къ данному случаю законы вездѣ, гдѣ онъ ихъ найдетъ—иначе немыслимо рѣшеніе, основанное на законѣ.

ственность чины канцеляріи, какъ-то: управляющій канцеляріей и дѣлопроизводители. Иными словами, дѣло канцеляріи по принятію прошеній заключается въ изложеніи правды и одной только правды. Рѣшеніе каждаго вопроса принадлежитъ всецѣло и исключительно только одному Государю, и потому всякое предварительное обсужденіе какого-либо вопроса въ коллегіальномъ учрежденіи имѣетъ характеръ предрѣшенія дѣла за Государя и неминуемо будетъ вліять на его волю... Дабы гарантировать самого главноуправляющаго канцеляріей отъ ошибокъ, желательно, чтобы въ качествѣ его сотрудниковъ назначено было нѣсколько членовъ Государственнаго Совѣта по разнымъ спеціальностямъ, съ тѣмъ, чтобы главноуправляющій имѣлъ право обсудить съ однимъ или нѣсколькими лицами какъ тѣ прошенія, которыя подлежатъ оставленію безъ послѣдствій, такъ равно и путь собранія справокъ или провѣрочныхъ свѣдѣній по прошеніямъ, подлежащимъ всеподданнѣйшему докладу... По всѣмъ прошеніямъ, по коимъ главноуправляющій канцеляріей будетъ обсуждать дѣло съ кѣмъ-либо изъ членовъ Государственнаго Совѣта, онъ долженъ прикладывать и мнѣніе ихъ... Единственная гарантія, которая необходима какъ верховной власти, такъ и народу—это по вопросу объ оставленіи прошеній безъ послѣдствій властью главноуправляющаго, хотя бы и по предварительномъ обсужденіи съ кѣмъ либо изъ членовъ Государственнаго Совѣта. Оставленіе именемъ Государя всеподданнѣйшихъ прошеній безъ послѣдствій—вопросъ слишкомъ серьезный, чтобы не были приняты мѣры надлежащаго контроля, но, конечно, контроля только со стороны самого монарха. Главноуправляющій могъ бы быть поставленъ въ обязательство представлять верховной власти ежемѣсячно вѣдомости о тѣхъ прошеніяхъ, которыя оставлены безъ послѣдствій. Разъ только ежемѣсячные списки будутъ представляемы Государю, вопросъ о заминаніи существенныхъ жалобъ совершенно устранится, такъ какъ Государь будетъ имѣть полную возможность отъ времени до времени приказать представить себѣ ту или иную жалобу, провѣрить практикуемый канцеляріей порядокъ и давать соотвѣтственныя указанія, если оставленіе прошеній безъ послѣдствій не соотвѣтствуетъ волѣ Государя".

Таковъ въ главныхъ чертахъ проектъ, сочиненный г. Глинкой-Янчевскимъ. Мы изложили его такъ подробно потому, что онъ заключаетъ въ себѣ самомъ всѣ данныя для его опроверженія. Противорѣчіямъ и недомолвкамъ въ немъ нѣтъ конца. Отрицая коллегіальное начало, авторъ проекта возстановляетъ его, въ формѣ совѣщанія главноуправляющаго съ членами Государственнаго Совѣта. Находя, что коллегіальное обсужденіе вопроса имѣетъ характеръ его пред-

рѣшенія [1]), онъ рекомендуетъ доведеніе до свѣдѣнія Государя разныхъ мнѣній главноуправляющаго и членовъ Государственнаго Совѣта, т.-е. именно результатовъ происходившаго между ними совѣщанія. Утверждая, что рѣшеніе каждаго вопроса будетъ принадлежать всецѣло и исключительно одному Государю, онъ предоставляетъ главноуправляющему отклонять прошенія и жалобы собственною властью, съ совершенно фиктивною гарантіей „ежемѣсячныхъ списковъ“. Доказывая необходимость *одного* „отвѣтственнаго докладчика“, онъ раздѣляетъ отвѣтственность между главноуправляющимъ—съ одной стороны, управляющимъ канцеляріею и дѣлопроизводителями — съ другой. Онъ признаетъ, повидимому, что всеподданнѣйшій докладъ долженъ заключать въ себѣ только правдивое и полное изложеніе обстоятельствъ даннаго случая,—но вслѣдъ затѣмъ допускаетъ приведеніе въ немъ соотвѣтственныхъ законовъ, равносильное, иногда, предрѣшенію дѣла. Такимъ же предрѣшеніемъ является, въ сущности, самый фактъ представленія всеподданнѣйшаго доклада, если отклонять просьбы, признаваемыя не заслуживающими уваженія, главноуправляющій будетъ собственною своею властью. Не подлежитъ, впрочемъ, никакому сомнѣнію, что на практикѣ всеподданнѣйшій докладъ главноуправляющаго никогда не исчерпывался бы объективнымъ изложеніемъ дѣла. Верховная власть, обремененная множествомъ разнообразнѣйшихъ и важнѣйшихъ занятій, не можетъ сама пріискивать рѣшеніе, наиболѣе подходящее къ каждому отдѣльному дѣлу; въ огромномъ большинствѣ случаевъ она ограничивается одобреніемъ или неодобреніемъ мнѣнія, представляемаго на ея усмотрѣніе, письменно или словесно, въ готовомъ видѣ. Если это такъ, то возможно ли довѣрять одному „отвѣтственному докладчику“ повѣрку рѣшеній, постановленныхъ высшими судебными инстанціями? Даже г. Глинка-Янчевскій не осмѣливается утверждать, что дѣла, поступающія въ канцелярію по принятію прошеній, должны быть направляемы и разрѣшаемы помимо и внѣ закона,—а если въ основаніи рѣшенія долженъ лежать законъ, то какимъ же образомъ можно полагаться на мнѣніе одного лица, бо̀льшею частью мало знакомаго съ законами? Не ясно ли, что при такомъ порядкѣ господствующая роль перешла бы, de facto, въ руки тѣхъ, кто знаетъ законы—т.-е. въ руки канцеляріи? Почему коммиссія прошеній, существовавшая до 1884-го г., оставила по себѣ дурную память? Не потому, какъ думаетъ г. Глинка, что она была коллегіальнымъ учрежденіемъ, а потому, что на самомъ дѣлѣ все зависѣло отъ статсъ-секретаря у принятія прошеній, несвѣ-

---

[1]) Чтобы убѣдиться въ неправильности этого тезиса, стоитъ только припомнить порядокъ разсмотрѣнія и утвержденія законопроектовъ, проходящихъ черезъ Государственный Совѣтъ.

дущаго въ дѣлахъ судебныхъ. Ошибочно было бы предполагать, что статсъ-секретарь *прикрывался* коммиссіей: всѣмъ было извѣстно, что разсмотрѣніе дѣлъ коммиссіей—простая формальность. Оффиціально признанный единственнымъ отвѣтственнымъ лицомъ, статсъ-секретарь у принятія прошеній остался бы, конечно, тѣмъ, чѣмъ онъ былъ раньше. Наоборотъ, особое присутствіе при Государственномъ Совѣтѣ, разсматривающее теперь всеподданнѣйшія жалобы на опредѣленія старыхъ департаментовъ сената, служитъ яснымъ доказательствомъ тому, что коллегія можетъ дѣйствовать во всякомъ случаѣ не хуже *одного* „отвѣтственнаго" лица. Мы далеки, впрочемъ, отъ мысли, чтобы коллегіальное разсмотрѣніе всеподданнѣйшихъ жалобъ устраняло всѣ неудобства, сопряженныя съ обжалованіемъ окончательныхъ судебныхъ рѣшеній. Мы думаемъ, что чрезвычайный порядокъ отправленія правосудія отнюдь не представляетъ больше гарантій, чѣмъ обыкновенный, и что даже коллегія, составленная изъ членовъ Государственнаго Совѣта, менѣе подготовлена къ *судебной* дѣятельности, чѣмъ кассаціонный департаментъ или даже судебная палата. Мы думаемъ, далѣе, что въ интересахъ правосудія, а слѣдовательно и въ интересахъ всего народа, необходимъ точно установленный, для всѣхъ одинаковый предѣлъ, дальше котораго не должно идти судебное производство, и что нѣсколько судебныхъ ошибокъ, остающихся неисправленными [1],—меньшее зло, чѣмъ постоянныя колебанія авторитета окончательныхъ судебныхъ рѣшеній. Мы не раздѣляемъ увѣренности г. Глинки, что „случаи жалобъ на вольныя или невольныя ошибки будутъ крайне рѣдкими, если только Верховный Судья приметъ на себя по прежнему контроль дѣятельности судебныхъ органовъ"; наоборотъ, мы убѣждены, что такихъ жалобъ будетъ очень много, потому что упорство въ отстаиваніи своихъ интересовъ свойственно неправой сторонѣ отнюдь не меньше, чѣмъ правой. Увеличенію числа жалобъ будетъ способствовать ничѣмъ не искоренимое предположеніе, что внѣ суда нѣтъ безусловно обязательныхъ нормъ и что отмѣнѣ, въ внѣсудебномъ порядкѣ, могутъ подлежать и такія рѣшенія, которыя основаны на точномъ смыслѣ закона. Для многихъ побужденіемъ къ жалобѣ будетъ служить, наконецъ, самый характеръ внѣ-судебнаго производства, не состязательнаго и негласнаго...

Возражая, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, г. Л. Тихомирову, мы имѣли случай замѣтить, что публицисты извѣстной окраски любятъ пополнять недостатки аргументаціи такъ-называемыми „страшными словами". То же самое мы должны сказать и о г. Глинкѣ. Обвиняя

[1]) Само собою разумѣется, что подъ именемъ судебныхъ ошибокъ мы понимаемъ здѣсь не осужденіе невиновныхъ, такъ какъ оно всегда можетъ быть отмѣнено, если не въ порядкѣ возобновленія дѣла, то въ порядкѣ помилованія.

г. Хартулари въ стремленіи къ ограниченію верховной власти и причисляя его къ „юристамъ властолюбиваго направленія“ (стр. 15), г. Глинка напоминаетъ, по этому поводу, о боярахъ, пытавшихся бороться съ самодержавіемъ Іоанна Грознаго и ставившихъ условія Василію Шуйскому, о верховникахъ временъ Анны Іоанновны, и выражаетъ предположеніе, что г. Хартулари пишетъ, быть можетъ, по уполномочію „какой-нибудь группы властолюбцевъ изъ петербургской публики“ (стр. 21). „Пока русское государство,—восклицаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 26), — будетъ сохранять свой твердый, устойчивый, историческій государственный строй, ни о малѣйшемъ ограниченіи, ни о малѣйшемъ устраненіи самодержавной власти *никто не долженъ дерзать и заикаться*, ибо подобные *властолюбивые* порывы являются прямымъ посягательствомъ на благосостояніе народа, на свободу и честь каждаго изъ насъ“. Какова терпимость, каково уваженіе къ чужому мнѣнію!.. „Юристы новѣйшаго направленія,—читаемъ мы на стр. 106,—только еще начинаютъ юридическое перевоспитаніе народа въ духѣ конституціи судебнаго вѣдомства; но, надо надѣяться, *этому положенъ будетъ предѣлъ*“. Кромѣ юристовъ, „перевоспитываютъ“ народъ и профессора—и г. Глинка ставитъ на первый планъ „необходимость положить предѣлъ университетскимъ псевдолиберальнымъ ученіямъ“ (стр. 140). Эпиграфомъ для своего труда г. Глинка-Янчевскій выбралъ слова: caveant consules—и нельзя не признать, что въ переводѣ на обыденный русскій языкъ („чего смотритъ власть?“) они довольно вѣрно передаютъ общее направленіе книги.

Возражая, въ іюньскомъ внутреннемъ обозрѣніи, противъ мысли о передачѣ дѣлъ печати въ вѣдѣніе Государственнаго Совѣта, мы сказали, между прочимъ, слѣдующее: „что надзоръ за печатью, съ правомъ административныхъ каръ, не соотвѣтствовалъ бы характеру учрежденія, вознесеннаго надъ интересами минуты и призваннаго къ обсужденію наиболѣе общихъ вопросовъ государственной жизни—это едва-ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію. Возложить на Государственный Совѣтъ функціи главнаго управленія по дѣламъ печати, значило бы низвести его съ той высоты, на которой онъ стоитъ теперь, отнюдь не улучшая положеніе самой печати“. Воспроизведя буквально эти слова, „Новое Время“ (№ 8359) даетъ имъ такое толкованіе, которое едва-ли могло придти въ голову кому-нибудь изъ нашихъ читателей. Печать—такова мысль, которую намъ приписываютъ—„недостаточно важное явленіе и даже какъ будто недостаточно чистоплотное: занимаясь ею, Государственный Совѣтъ можетъ уронить свое достоинство“. Удивительное неумѣнье понимать самыя

ясныя вещи! Не нужно даже знать всегдашнее отношеніе „Вѣстника Европы" къ правамъ и достоинству печати, чтобы увидѣть въ нашихъ словахъ нѣчто весьма мало похожее на „самоуничиженіе". Низведенъ съ высоты, на которой онъ стоитъ, Государственный Совѣтъ былъ бы не переходомъ въ его вѣдѣніе дѣлъ печати, а предоставленіемъ ему *дискреціонной власти* надъ печатью, со всѣми особенностями и принадлежностями, свойственными всякой формѣ административнаго „усмотрѣнія". Пока такая власть существуетъ, учрежденіе, ею облеченное, не можетъ не пользоваться ею—и, пользуясь ею, вступаетъ на такую арену, для которой менѣе всего созданъ Государственный Совѣтъ. Дѣлъ о печати слишкомъ много, чтобы ими могъ заниматься Государственный Совѣтъ in pleno или хотя бы въ составѣ одного департамента; онѣ сосредоточились бы, силою вещей, въ небольшомъ, ad hoc образованномъ присутствіи, составъ котораго всегда могъ бы быть приспособленъ къ его назначенію. На распоряженія министерства внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ печати можно, хотя и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, жаловаться въ Сенатъ—а куда можно было бы жаловаться на Государственный Совѣтъ?.. Изъ современнаго положенія печати, повторяемъ еще разъ, существуетъ только одинъ нормальный выходъ: подчиненіе ея исключительно суду и закону.

31-го мая скончался въ Полтавѣ членъ Государственнаго Совѣта Егоръ Павловичъ Старицкій. Мы не можемъ лучше почтить его память, какъ перепечатавъ глубоко вѣрный и справедливый отзывъ о немъ, появившійся на-дняхъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 154). „Е. П. Старицкій,—говоритъ авторъ, близко знавшій покойнаго, — долженъ былъ прекратить свою дѣятельность (вслѣдствіе потери зрѣнія) въ то время (1891 г.), когда особенно нужна была работа всѣхъ искреннихъ друзей мирнаго развитія Россіи. Онъ былъ одинъ изъ немногихъ, которые до конца жизни оставались вѣрными охранителями основныхъ началъ преобразовательной эпохи. Потеря зрѣнія была для него особенно тяжела, когда нужны были всѣ силы въ горячей борьбѣ, которую пришлось вести при проведеніи важныхъ мѣропріятій по внутреннему управленію. Еще не доступны у насъ для исторіи эти близкія событія и мало извѣстна борьба, которой сопровождалось проведеніе этихъ мѣръ въ Государственномъ Совѣтѣ. Дѣятельность лицъ, на обязанности которыхъ лежитъ обсужденіе важнѣйшихъ государственныхъ мѣръ, у насъ скрыта и проходитъ безслѣдно внѣ узкаго круга, съ которымъ имъ приходится сталкиваться. Среди нихъ настоящей живой нравственной силой учрежденія являются тѣ дѣятели, которые глубоко проникнуты сознаніемъ долга и которые не стремятся

ни къ какимъ личнымъ цѣлямъ. Утрата такихъ лицъ въ важные моменты государственной жизни особенно тяжела и чувствительна. Они имѣютъ авторитетъ помимо обычныхъ партійныхъ дѣленій и являются выразителями идеи государственнаго служенія,—и однимъ изъ такихъ лицъ въ Государственномъ Совѣтѣ 80-хъ годовъ былъ покойный Е. П. Его иниціативѣ принадлежитъ въ это время нѣсколько различныхъ мѣропріятій, и, между прочимъ, онъ сильно содѣйствовалъ возобновленію сенаторскихъ ревизій—извѣстной сенаторской ревизіи Ковалевскаго и др. въ 80-хъ гг. Онъ былъ до конца жизни горячимъ сторонникомъ дальнѣйшаго расширенія и развитія этого важнаго элемента нашего государственнаго строя. Широко и разносторонне образованный въ области приложеній юридическихъ наукъ, онъ работалъ, пока у него были силы, весь проникнутый чувствомъ долга. И эта работа его шла не разъ при ясномъ сознаніи невозможности достигнуть желаемаго. Его дѣятельность до перехода въ Государственный Совѣтъ проходила главнымъ образомъ на Кавказѣ, гдѣ, благодаря ему, былъ введенъ еще въ 60-хъ гг. новый судъ почти въ цѣломъ его объемѣ. До конца жизни Е. П. остался вѣренъ идеаламъ своей молодости и прожилъ свою жизнь, сдѣлавъ что̀ могъ для родной страны".

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1899.

Французскія дѣла и отношеніе къ нимъ посторонних наблюдателей.—Новѣйшія событія и перемѣны во Франціи.—Кассаціонный судъ по дѣлу Дрейфуса.—Отголоски во Франціи и въ Европѣ.—Министерскій кризисъ и кабинетъ Вальдека-Руссо.—Странныя разсужденія „Новаго Времени".—Германскія дѣла.

Французскія дѣла вызывали въ послѣднее время рѣзкую критику и горячіе споры во всей европейской печати; многія газеты усвоили даже какой-то особый наставительный или высокомѣрный тонъ относительно Франціи, при обсужденіи ея внутреннихъ вопросовъ и порядковъ. Быть можетъ, неблагопріятные отзывы о французскихъ дѣлахъ вполнѣ справедливы и основательны; но чѣмъ объяснить то напряженное вниманіе, съ какимъ слѣдитъ за этими дѣлами печать всего культурнаго міра? Почему газеты разныхъ странъ удѣляютъ такъ много мѣста извѣстіямъ изъ Парижа и занимаются ихъ оцѣнкою съ такою преувеличенною страстностью? Если французы въ самомъ дѣлѣ поглощены мелочною борьбою партій и представляютъ печальное зрѣлище безцѣльно волнующагося народа, то журналистикѣ другихъ государствъ слѣдовало бы меньше интересоваться ихъ волненіями и въ большей мѣрѣ привлекать любопытство европейской публики къ фактамъ политической жизни своихъ собственныхъ отечествъ. Достаточно предположить на минуту исчезновеніе общаго интереса къ французскимъ дѣламъ, чтобы понять ихъ роль въ общественномъ мнѣніи Европы. Чѣмъ питалась бы тогда значительная часть европейской печати и откуда заимствовала бы она тотъ жгучій матеріалъ, который въ такомъ изобиліи доставляется теперь ежедневно изъ Парижа? Въ Германіи и особенно въ Пруссіи министры мѣняются довольно часто, но имена ихъ остаются почти неизвѣстными за границей, и самая судьба ихъ ничего не говоритъ уму и сердцу, такъ какъ причины ихъ назначенія и отставки составляютъ государственную или, вѣрнѣе, кабинетную тайну. Подробнѣйшія свѣдѣнія объ обычныхъ германскихъ событіяхъ, о рѣчахъ и путешествіяхъ Вильгельма II, о проектахъ увеличенія арміи или флота, о кризисахъ и конфликтахъ изъ-за военныхъ бюджетовъ, о новыхъ законопроектахъ противъ рабочихъ или противъ соціалъ-демократіи, о мирныхъ парламентскихъ засѣданіяхъ и объ успѣхахъ колоніальной политики,—не могли бы показаться увлекательными для иностранной публики и не возбудили

бы, конечно, живого отклика внѣ Германіи. Волноваться ли безконечными кризисами и распрями Австро-Венгріи, за которыми устають слѣдить сами австрійцы? Или спорами Англіи съ Трансваалемъ, рѣчами Чамберлэна и Бальфура? Можно думать, что чувство скуки одолѣло бы тогда газетныхъ читателей, и самыя тонкія и язвительныя разоблаченія финляндскихъ помысловъ или иныхъ вражескихъ козней не восполнили бы у насъ пробѣла, оставленнаго исчезновеніемъ французскихъ извѣстій. Европейская ежедневная печать, въ томъ числѣ и русская, проявляетъ большую неблагодарность къ французамъ, относясь къ нимъ свысока по поводу ихъ шумныхъ и разнообразныхъ внутреннихъ дѣлъ. Процессы въ родѣ Дрейфуса, и даже болѣе непріятные, бывали и въ другихъ странахъ; напомнимъ, напр., дѣло церемоніймейстера фонъ-Котце въ Берлинѣ, заподозрѣннаго въ составленіи и отсылкѣ цѣлаго ряда гнусныхъ анонимныхъ писемъ объ интимной жизни разныхъ представителей высшаго берлинскаго общества; или дѣло барона Тауша, начальника сыскной полиціи, употреблявшаго казенныя деньги на подкопы и интриги противъ нѣкоторыхъ министровъ, при содѣйствіи шпіоновъ и продажныхъ журналистовъ, и оказывавшаго вліяніе на рѣшенія императора Вильгельма II своими секретными докладами, основанными на завѣдомо-ложныхъ данныхъ. Разница только въ томъ, что эти щекотливые процессы, раскрывавшіе неприглядныя закулисныя стороны придворныхъ и оффиціальныхъ сферъ, окутывались густымъ туманомъ и отчасти даже заглушались въ самомъ началѣ, тогда какъ дѣло Дрейфуса достигло полной ясности и доведено до дѣйствительнаго конца, вопреки всѣмъ усиліямъ и протестамъ бонапартистовъ стараго и новаго типа. Есть ли это преимущество или недостатокъ Франціи сравнительно съ другими государствами? Лучше ли имѣть скрытые и замалчиваемые недуги, чѣмъ изслѣдовать и разоблачать ихъ предъ всѣмъ свѣтомъ и громко обсуждать способы ихъ исцѣленія? Французы упорно держатся второго пути, и этимъ они создали себѣ исключительное положеніе, иногда крайне невыгодное и неловкое, но зато не лишенное славы. Во всякомъ случаѣ иноземнымъ наблюдателямъ не подобаетъ обращаться къ французской націи съ наставленіями и упреками, и всего менѣе подобаетъ это публицистамъ тѣхъ странъ, гдѣ принято соблюдать обязательную скромность относительно разныхъ недочетовъ и прорѣхъ внутренней политической жизни. Французы разыгрываютъ публично свои общественно-политическія драмы, трагедіи и водевили, оживляя ихъ пылкостью своего темперамента; они даютъ міру непрерывные спектакли, иногда глубоко поучительные, и никто не станетъ претендовать на нихъ за то, что они не довольствуются уже

темными слухами о закулисныхъ исторіяхъ, какъ это было у нихъ въ эпоху обманчиваго внѣшняго благополучія при Наполеонѣ III.

Франція пережила въ короткое время много интересныхъ событій—разрѣшеніе дѣла Дрейфуса кассаціоннымъ судомъ, враждебныя манифестаціи великосвѣтской публики противъ президента Лубэ въ Отейлѣ, паденіе министерства Дюпюи и образованіе кабинета Вальдека-Руссо. Тревожныя пререканія въ печати и въ парламентѣ производили такое впечатлѣніе, какъ будто республика находится на краю пропасти; а между тѣмъ кризисъ окончился появленіемъ во главѣ правительства несравненно болѣе авторитетныхъ лицъ, чѣмъ прежніе министры,—сенатора Вальдека-Руссо, давно намѣченнаго кандидатомъ на постъ президента, и генерала Галлифе, одного изъ старѣйшихъ и заслуженнѣйшихъ генераловъ французской арміи.

Дѣло Дрейфуса, казавшееся уже неразрѣшимымъ, распутано всестороннимъ слѣдствіемъ, произведеннымъ съ удивительнымъ искусствомъ уголовной палатою кассаціоннаго суда, и послѣ отмѣны обвинительнаго приговора 1894 года кассаціоннымъ судомъ въ полномъ составѣ, оно должно вновь поступить на разсмотрѣніе военнаго суда въ Реннѣ. Рѣшеніе высшаго французскаго трибунала, состоявшееся въ соединенномъ засѣданіи палатъ, 3-го іюня, основано на мотивахъ двоякаго рода. Во-первыхъ, относительно сообщенія военнымъ судьямъ секретнаго документа: „Ce canaille de D....“ безъ вѣдома обвиняемаго и его защитника, признано, что фактъ этого сообщенія подтверждается показаніемъ бывшаго президента республики Казиміра Перье, со словъ тогдашняго военнаго министра Мерсье, чему не противорѣчатъ и показанія генераловъ Мерсье и Буадефра, отказавшихся отвѣчать на предложенный имъ по этому поводу вопросъ. „Такое, послѣдовавшее послѣ приговора, обнаруженіе передачи судьямъ документа, который могъ оказать на ихъ умы рѣшающее дѣйствіе и который въ настоящее время считается непримѣнимымъ къ осужденному, составляетъ новый фактъ, клонящійся къ установленію невинности послѣдняго“. Во-вторыхъ, основаніемъ обвиненія служило письмо или „бордеро“, написанное на особой бумагѣ и признанное тремя экспертами изъ пяти сходнымъ по почерку съ подлинными письмами Дрейфуса; но при обыскѣ у него не нашлось бумаги такого образца, и ее нельзя было также найти у бумажныхъ торговцевъ при слѣдствіи; одинъ подобный образчикъ, хотя и другого формата, доставленъ былъ оптовою фирмою Маріонъ, гдѣ объяснили, что этой бумаги не производится больше и ея нѣтъ въ торговомъ оборотѣ. Между тѣмъ въ ноябрѣ 1898 года слѣдствіемъ захвачены два письма на такой же бумагѣ, исходящія отъ другого офицера и изъ которыхъ одно помѣчено 17-го августа 1894, что приблизительно совпадаетъ по времени

съ отсылкою „бордеро"; почеркъ этихъ писемъ тремя приглашенными уголовною палатою экспертами, профессорами „Ecole des chartes", признанъ тождественнымъ съ почеркомъ „бордеро", и къ тому же заключенію пришелъ одинъ изъ трехъ экспертовъ 1894 года, послѣ анализа почерка этихъ писемъ, котораго онъ раньше не могъ имѣть въ виду. Съ другой стороны, три эксперта изъ числа крупныхъ бумажныхъ торговцевъ и фабрикантовъ удостовѣрили, что по всѣмъ техническимъ признакамъ и особенностямъ бумага „бордеро" представляетъ величайшее сходство съ бумагою предъявленныхъ писемъ, и именно письма отъ 17-го августа 1894 года. „Эти факты, неизвѣстные военному суду, произнесшему обвинительный приговоръ, клонятся къ выясненію того, что „бордеро" написано не Дрейфусомъ, и, слѣдовательно, могутъ привести къ обнаруженію невинности осужденнаго; они подходятъ такимъ образомъ подъ случаи, предусмотрѣнные закономъ, и не устраняются ссылкою на обстоятельства, происшедшія также послѣ приговора, а именно, на слова, сказанныя передъ обрядомъ разжалованія въ присутствіи капитана Лебренъ-Рено. Нельзя видѣть въ этихъ словахъ сознаніе виновности, потому что не только они начинаются съ утвержденія невинности, но и текстъ ихъ не можетъ быть установленъ въ точности и вполнѣ, вслѣдствіе различій между послѣдовательными показаніями капитана Лебренъ-Рено и показаніями другихъ свидѣтелей". Въ силу закона должно быть приступлено къ новому словесному разбирательству, и „по этимъ основаніямъ, не останавливаясь на другихъ поводахъ, судъ кассируетъ и уничтожаетъ обвинительный приговоръ, постановленный 22-го декабря 1894 противъ Альфреда Дрейфуса первымъ военнымъ судомъ въ Парижѣ, и передаетъ обвиняемаго военному суду въ Реннѣ". Суду предстоитъ разсмотрѣть и рѣшить вопросъ въ той самой формѣ, въ какой онъ былъ поставленъ предъ первымъ военнымъ судомъ: „виновенъ ли Дрейфусъ въ томъ, что въ 1894 году поддерживалъ сношенія съ иностранною державою или съ кѣмъ-либо изъ ея агентовъ, съ цѣлью доставить или облегчить ей способы войны противъ Франціи, посредствомъ передачи той державѣ записокъ и документовъ, обозначенныхъ въ бордеро".

Такимъ образомъ, кассаціонный судъ нашелъ два законныхъ повода къ пересмотру дѣла: съ одной стороны раскрытое послѣ приговора формальное нарушеніе правъ защиты, а съ другой—появленіе новыхъ данныхъ, указывающихъ на принадлежность бумаги и почерка „бордеро" не Дрейфусу, а другому лицу. Для пересмотра или возобновленія дѣлъ, по которымъ судебныя рѣшенія вошли окончательно въ законную силу и не подлежатъ уже больше никакому обжалованію, установлены другія правила, чѣмъ для простой отмѣны при-

говоровъ по жалобамъ сторонъ; тутъ необходимы прежде всего новые факты, относящіеся къ существу обвиненія и указывающіе на вѣроятную невинность осужденнаго. Однихъ формальныхъ нарушеній было бы недостаточно для „ревизіи“ процесса 1894 года; нужно было, чтобы къ нимъ присоединились обстоятельства, подрывающія значеніе главныхъ уликъ или направляющія ихъ въ другую сторону, о которой ничего не зналъ первый судъ. Въ данномъ случаѣ, благодаря особенностямъ бумаги, на которой написано бордеро, удалось напасть на слѣдъ дѣйствительнаго автора этого документа, и случайный захватъ двухъ писемъ Эстергази вновь подтвердилъ предположеніе, которое было въ свое время отвергнуто военнымъ судомъ, разбиравшимъ дѣло названнаго офицера. Эстергази оправданъ судебнымъ приговоромъ по отношенію къ бордеро, и если онъ все-таки оказывается составителемъ послѣдняго, то этотъ фактъ долженъ неизбѣжно привести къ отрицанію отвѣтственности Дрейфуса за спорный документъ, хотя бы Эстергази по прежнему оставался свободнымъ отъ преслѣдованія. Только въ этомъ смыслѣ приводится этотъ фактъ кассаціоннымъ судомъ, который вообще не называетъ имени Эстергази и не упоминаетъ ни о возбужденномъ противъ него военномъ процессѣ, ни о состоявшемся въ его пользу судебномъ приговорѣ. Прямо названъ былъ Эстергази, какъ истинный авторъ бордеро, въ докладѣ Балло-Бопрè, президента гражданской палаты кассаціоннаго суда,—докладѣ необыкновенно обстоятельномъ и пространномъ, въ которомъ открыто высказывалось убѣжденіе въ невинности осужденнаго. Послѣ того какъ оглашены были положительныя доказательства его виновности, самъ Эстергази нашелъ нужнымъ признаться, что бордеро дѣйствительно написано имъ, но онъ сдѣлалъ это будто бы по приказанію покойнаго полковника Зандгерра, начальника развѣдочнаго бюро, чтобы обнаружить измѣнника, о существованіи котораго въ военномъ министерствѣ давно уже догадывались. Ссылка на умершаго, разумѣется, не допускаетъ провѣрки; но трудно понять, какимъ образомъ бордеро, написанное рукою Эстергази, могло служить къ открытію кого-либо другого, виновнаго въ передачѣ секретныхъ военныхъ свѣдѣній иностраннымъ агентамъ. Объясненіе является слишкомъ загадочнымъ и нелѣпымъ, но признаніе остается въ силѣ; оно изложено въ собственноручной запискѣ Эстергази, скрѣпленной его подписью и лично сообщенной имъ редакціи лондонской газеты „Daily Chronicle“ для напечатанія; текстъ этой записки повторенъ имъ въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ „Matin“. Такъ какъ заявленіе Эстергази было уже въ сущности излишне для интересовъ правосудія, то оно прошло почти незамѣченнымъ среди разнообразныхъ

и шумныхъ отголосковъ авторитетнаго приговора французскаго кассаціоннаго суда.

Рѣшеніе о пересмотрѣ дѣла Дрейфуса признается во всемъ культурномъ мірѣ замѣчательнымъ и рѣдкимъ примѣромъ исправленія судебной ошибки, принятой за истину и упорно защищаемой сильнѣйшими элементами общества. „Нѣтъ страны,—говоритъ не безъ гордости парижскій „Temps",—гдѣ не совершались бы судебныя ошибки и гдѣ чувства толпы не получали бы иногда ложнаго направленія. Но, быть можетъ, во всѣхъ пяти частяхъ свѣта Франція есть единственная нація, гдѣ можно было рѣшиться на гигантское предпріятіе—исправить судебную ошибку противъ воли правительства и вопреки общественному мнѣнію,—гдѣ безкорыстный, героическій культъ правды и справедливости обладаетъ такой неодолимой, чудодѣйственною силою"... Лондонскій „Times", весьма неохотно печатающій хвалебныя или сочувственныя статьи о французскихъ дѣлахъ, превозноситъ рѣшеніе кассаціоннаго суда, какъ великую побѣду человѣческой совѣсти и какъ безспорное доказательство нравственной силы, составляющей прочное наслѣдіе французской магистратуры. „Высшій судъ Франціи доказалъ то, въ чемъ многіе начинали сомнѣваться,—что законъ все еще господствуетъ въ странѣ и что онъ примѣняется въ послѣдней инстанціи людьми, достойными лучшихъ традицій прошлаго... Эти судьи окружили новою славою знаменитый трибуналъ, къ которому они принадлежатъ. Они показали, что Франція обладаетъ сословіемъ правдивыхъ и самоотверженныхъ судей, исполняющихъ свой долгъ безъ страха и безъ предубѣжденій, и руководимыхъ исключительно совѣстью и закономъ. Рѣшеніе кассаціоннаго суда служитъ вѣрнѣйшимъ признакомъ существованія здоровыхъ и крѣпкихъ элементовъ среди французскаго общества. Судьи разрѣшили свою задачу съ благороднымъ мужествомъ, которымъ всякая страна имѣла бы основаніе гордиться". Нѣтъ повода сомнѣваться въ искренности этихъ восторженныхъ похвалъ, ибо дѣло Дрейфуса не затрогиваетъ никакихъ интересовъ международнаго соперничества и не связано ни съ какими національными или политическими счетами; оно входитъ скорѣе въ область общечеловѣческаго интереса, тѣмъ болѣе, что и по существу, и по ходу своего постепеннаго развитія оно похоже на эффектный романъ, способный одинаково занимать и волновать читателей разныхъ странъ и національностей. Англійскіе и нѣмецкіе публицисты отдаютъ также справедливость главнымъ дѣятелямъ пересмотра злополучнаго процесса,—и прежде всего полковнику Пикару, разбившему безъ колебаній свою блестящую служебную карьеру для энергической борьбы во имя возстановленія чести осужденнаго, котораго онъ считалъ невиннымъ. Великая заслуга принадлежитъ также первому иниціатору

движенія въ пользу пересмотра, сенатору Шереръ-Кестнеру, и знаменитому писателю, придавшему этому движенію шумъ и блескъ своимъ громкимъ процессомъ, послѣ котораго онъ вынужденъ былъ рѣшиться на продолжительное добровольное изгнаніе. Никто не заподозритъ побужденій этихъ лицъ, и даже профессіональные клеветники и ругатели въ парижской печати, съ Рошфоромъ и Дрюмономъ во главѣ, не могли придумать ничего правдоподобнаго для загрязненія репутаціи Шереръ-Кестнера, Пикара, Эмиля Зола́ и нѣкоторыхъ изъ наиболѣе выдающихся союзниковъ ихъ, въ родѣ профессора Габріеля Моно, Прессансé и другихъ. Въ оцѣнкѣ приговора кассаціоннаго суда сходятся вообще всѣ главнѣйшія иностранныя газеты, и въ отзывахъ ихъ отсутствуютъ на этотъ разъ признаки какой-либо непріязни или пренебрежительности къ французской республикѣ. Понятно, само собою, что дѣйствительные и систематическіе недоброжелатели Франціи должны были бы высказываться противъ рѣшенія, которымъ положенъ конецъ агитаціи по дѣлу Дрейфуса, и если такой фальшивой ноты не замѣчалось въ европейской печати (за исключеніемъ, впрочемъ, нашего „Новаго Времени“), то это свидѣтельствуетъ лишь о силѣ культурнаго общенія и солидарности въ вопросахъ и дѣлахъ, не касающихся политики.

Надо только удивляться, что значительная часть французскаго общества не убѣдилась, повидимому, ясными и простыми доводами кассаціоннаго суда и что многіе такъ-называемые патріоты во Франціи продолжаютъ упорно толковать о виновности „измѣнника“, котораго выгораживаетъ, будто бы, какой-то миѳическій всесильный иноземный синдикатъ. Казалось бы, что единогласное рѣшеніе соединенныхъ палатъ высшаго французскаго суда не оставляетъ мѣста дальнѣйшимъ спорамъ между „ревизіонистами“ и „анти-ревизіонистами“: нѣтъ другого болѣе авторитетнаго трибунала во Франціи, и возбуждать недовѣріе къ его приговорамъ могли бы только непримиримые „враги отечества“, не имѣющіе ничего общаго съ французскимъ патріотизмомъ. Но то, что̀ представляется невозможнымъ и невѣроятнымъ по здравому смыслу, сплошь и рядомъ случается во Франціи и находитъ шумныхъ выразителей и защитниковъ въ ея бульварной прессѣ, въ народныхъ собраніяхъ и даже въ парламентѣ. Догматъ о виновности Дрейфуса и о франкфуртскомъ или иномъ секретномъ синдикатѣ, завладѣвшемъ, будто бы, Франціею, проповѣдуется по прежнему цѣлымъ рядомъ публицистовъ и ораторовъ, встрѣчающихъ восторженное сочувствіе среди представителей арміи. Съ самаго начала вопросъ былъ поставленъ такъ, что военный элементъ чувствовалъ себя задѣтымъ гражданскою властью и усматривалъ посягательство на честь арміи въ попыткахъ критики и отмѣны рѣшенія военнаго

суда по дѣлу Дрейфуса. Главная отвѣтственность за такую неправильную и вредную постановку вопроса лежитъ на генералахъ Мерсье, Бильо и Буадефрѣ. Они затѣяли закулисную борьбу для мнимой защиты генеральнаго штаба отъ непріязненныхъ обвиненій и упрековъ, втянули военную власть въ неприличныя интриги и махинаціи для противодѣйствія законному ходу гражданскаго правосудія въ дѣлѣ Дрейфуса, допускали преступныя продѣлки Анри и Пати дю-Клама для избавленія Эстергази отъ заслуженной кары и для устраненія и наказанія Пикара. Антагонизмъ между гражданскою властью и военною, между общимъ судомъ и военнымъ, между фанатиками арміи и простыми обывателями,—антагонизмъ, вовсе не вытекавшій изъ дѣла Дрейфуса, — былъ искусственно выдвинутъ на первый планъ и создалъ то возбужденіе умовъ, которое до сихъ поръ еще не вполнѣ улеглось во Франціи. Теперь уже легко видѣть, сколько завѣдомой лжи распространялось и поддерживалось людьми, обязанными по своему положенію заботиться о государственныхъ и спеціально-военныхъ интересахъ. Военные министры и генералы не разъ утверждали публично, что пересмотръ процесса 1894 года опасенъ для внѣшней безопасности Франціи, что въ секретномъ „dossier“ дѣла Дрейфуса хранятся документы первостепенной важности, разоблаченіе которыхъ способно вызвать крупныя международныя замѣшательства, и что военное министерство не можетъ передать это драгоцѣнное „dossier“ никакому постороннему судебному или правительственному учрежденію; извѣстно, что даже передача документовъ кассаціонной уголовной палатѣ состоялась лишь съ трудомъ и съ большими предосторожностями. Эти увѣренія не только пугали и волновали легковѣрныхъ патріотовъ, но дѣйствовали и на правительство и парламентъ, заставляя ихъ упорно противиться законнымъ домогательствамъ сторонниковъ пересмотра. Слѣдствіе уголовной палаты раскрыло всю эту систему сознательной лжи, и публика могла свободно оцѣнить значеніе небывалыхъ военно-политическихъ тайнъ въ актахъ производства, напечатанныхъ полностью въ „Figaro“ и въ другихъ газетахъ. Вступивъ на ложный путь, генералы и офицеры, солидарные съ Мерсье и его единомышленниками, считаютъ долгомъ чести отстаивать до конца свою точку зрѣнія, тѣмъ болѣе, что они имѣютъ готовыхъ приверженцевъ и соратниковъ въ лицѣ Рошфора и его подражателей. Для нихъ приговоръ кассаціоннаго суда былъ только новымъ оскорбленіемъ арміи, смѣлымъ вызовомъ, брошеннымъ ей въ лицо агентами таинственнаго всемогущаго синдиката.

Это своеобразное настроеніе нашло благодарную почву среди всегдашнихъ враговъ демократіи и республики во Франціи. На другой же день послѣ рѣшенія, 4 іюня, президентъ Лубе, явившись въ Отейль

на скачки, устраиваемыя великосвѣтскими спортсменами и посѣщаемыя обыкновенно „элегантнымъ“ міромъ Парижа, встрѣченъ былъ грубыми враждебными криками и едва не подвергся удару палкою со стороны какого-то барона Кристіани; ударъ былъ отведенъ одною изъ сидѣвшихъ въ трибунѣ дамъ и коснулся только шляпы президента. Это неожиданное нападеніе толпы аристократическихъ франтовъ на старика Лубè, окруженнаго дамами, возмутило или, вѣрнѣе, смутило даже ярыхъ реакціонеровъ и бонапартистовъ. Праздные спортсмены не представляють, конечно, опасности для республики, и подвиги ихъ въ Отейлѣ не могли имѣть серьезнаго политическаго значенія; самъ президентъ отнесся довольно благодушно къ этой непріятной манифестаціи и тутъ же обѣщалъ присутствовать въ слѣдующее воскресенье, 11 іюня, на скачкахъ въ Лоншанѣ. Баронъ Кристіани присужденъ къ четырехлѣтнему тюремному заключенію за оскорбленіе дѣйствіемъ сановника при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей, и говорятъ, что президентъ выразилъ готовность значительно сократить этотъ срокъ наказанія. Отейльскіе безпорядки нисколько не повредили Лубè въ общественномъ мнѣніи, но зато отразились весьма существенно на судьбѣ кабинета Дюпюи. Въ засѣданіи палаты депутатовъ, 5 іюня, глава министерства счелъ нужнымъ заявить, что онъ былъ предупрежденъ о готовившейся манифестаціи, но что онъ не могъ предвидѣть участія самихъ устроителей скачекъ въ оскорбленіи приглашеннаго ими почетнаго гостя. Многіе недоумѣвали по поводу страннаго бездѣйствія полиціи, не съумѣвшей оградить президентскую трибуну отъ напора буяновъ, и, сопоставляя это обстоятельство съ признаніемъ Дюпюи, приписывали ему коварный умыселъ противъ Лубè, котораго онъ хочетъ будто бы довести до отставки, чтобы занять его мѣсто. Дюпюи рѣшилъ очистить себя отъ этихъ подозрѣній и дать надлежащій урокъ врагамъ республики въ день скачекъ на „Grand Prix“, на Лоншанскомъ полѣ; онъ возвѣщалъ заранѣе свои мѣры, собралъ цѣлую армію по пути слѣдованія президента, выставилъ внушительные отряды полицейскихъ и устроилъ такъ, что большинство спортсменовъ и обычныхъ посѣтителей скачекъ осталось дома, а на улицы и къ мѣсту скачекъ высыпало республиканское и отчасти рабочее населеніе предмѣстій для предположеннаго отпора аристократамъ - реакціонерамъ. Глава кабинета, разумѣется, не имѣлъ никакихъ хитроумныхъ плановъ ни 4-го іюня, ни 11-го; въ одномъ случаѣ онъ попадѣялся на всегдашнюю исполнительность и усердіе полиціи—и ошибся, а въ другомъ—онъ пожелалъ поправить допущенный промахъ и возстановить „престижъ“ республики и ея президента. Онъ упустилъ только изъ виду, что французская полиція, какъ и вообще администрація, имѣетъ свои прочныя традиціи,

унаслѣдованныя отъ имперіи, и что она понынѣ служитъ правительству въ томъ же духѣ, по тѣмъ же правиламъ, съ тѣми же пріемами и способами дѣйствія, какъ и при Наполеонѣ III. Въ Отейлѣ шумѣли свѣтскіе, приличные господа, къ которымъ полиція привыкла относиться съ почтеніемъ; баронъ Кристіани могъ свободно пройти съ поднятой палкою на президентскую трибуну, мимо двухъ растерявшихся жандармовъ, которые пропустили его изъ уваженія къ его внѣшнему виду и модному костюму. На Лоншанѣ, 11 іюня, полиція имѣла предъ собою не изящную аристократическую толпу, а республиканцевъ, соціалистовъ и рабочихъ, съ которыми издавна воевала во время уличныхъ движеній,—и все свое усердіе она направила противъ этихъ наивныхъ защитниковъ республики, при чемъ не соблюдала уже никакихъ церемоній. Многіе изъ республиканцевъ сильно пострадали отъ полицейскихъ насилій, и Шарль Дюпюи не отдавалъ себѣ отчета въ истинной причинѣ этого недоразумѣнія, приписывая его опять-таки несчастной случайности. Палата справедливо свергла его 12 іюня за недальновидность, большинствомъ 296 противъ 159 голосовъ, а десять дней спустя Франція имѣла уже новое министерство Вальдека-Руссо и Галлифе.

Министерство Дюпюи держалось почти восемь мѣсяцевъ, съ ноября прошлаго года; оно приняло власть отъ Бриссона и дѣйствовало въ духѣ безразличнаго и безпринципнаго оппортунизма, улаживая, какъ придется, затрудненія каждаго дня и не заботясь о будущемъ, опираясь то на одну, то на другую комбинацію республиканскихъ группъ въ парламентѣ. Дюпюи лично пользовался расположеніемъ публики, какъ человѣкъ общительный и веселый, находчивый въ отвѣтахъ и не лишенный юмора; но у него нѣтъ руководящихъ идей, нѣтъ твердыхъ политическихъ взглядовъ, и его стараніе приспособляться къ обстоятельствамъ и настроенію каждаго даннаго момента подрывало довѣріе къ правительству и вносило неурядицу въ общее положеніе дѣлъ. Дошло до того, что смѣшная попытка Деруледа произвести государственный переворотъ при помощи остановленной имъ на улицѣ лошади генерала Рожè привѣтствовалась не только „лигою патріотовъ“, но и серьезными людьми, военными и штатскими, въ томъ числѣ писателями и поэтами, принадлежащими къ „лигѣ французскаго отечества“. Все чаще обращались къ арміи воззванія и внушенія, несовмѣстимыя съ военною дисциплиною и опасныя для спокойствія страны; армія все болѣе примѣшивалась къ текущей газетной полемикѣ, и отдѣльные офицеры высшаго ранга позволяли себѣ открыто высказываться о дѣлахъ и распоряженіяхъ, не входящихъ вовсе въ кругъ ихъ компетенціи. Реакціонная оппозиція подняла голову; мэры разныхъ провинціальныхъ общинъ отказывались исполнить

постановленіе палаты объ оффиціальномъ обнародованіи приговора кассаціоннаго суда во всѣхъ общинахъ Франціи, мотивируя свой отказъ рѣзкими сужденіями о „дрейфусарской" республикѣ и магистратурѣ. Республиканцы всѣхъ оттѣнковъ заговорили о необходимости спасительныхъ мѣръ; этимъ объясняется текстъ парламентской резолюціи, принятой 12 іюня и вызвавшей отставку кабинета: „Палата, рѣшившись поддерживать только такое правительство, которое будетъ съ энергіею защищать республиканскія учрежденія и охранять общественный порядокъ, переходитъ къ очереднымъ дѣламъ". Найти такое правительство оказалось чрезвычайно труднымъ при нынѣшнемъ дробленіи партій и группъ въ парламентѣ. Министерскій кризисъ тянулся десять дней; президентъ Лубѐ призывалъ наиболѣе видныхъ и талантливыхъ представителей республиканскаго большинства, но усилія составить кабинетъ долго не приводили ни къ чему, вслѣдствіе разнорѣчивыхъ требованій радикаловъ и умѣренныхъ. Пуанкаре и Вальдекъ-Руссо по очереди терпѣли неудачу; вызванный изъ Гааги Леонъ Буржуа также отклонилъ отъ себя честь образованія новаго министерства. Приглашенный вторично Вальдекъ-Руссо рѣшился тогда на героическое нововведеніе: онъ соединилъ около себя дѣятелей различныхъ и даже противоположныхъ направленій, отбросивъ въ сторону партійные разсчеты, съ единственною цѣлью возстановить авторитетъ власти и обезпечить довѣріе къ республикѣ. Онъ привлекъ въ свое министерство, съ одной стороны, блестящаго оратора крайней лѣвой въ палатѣ депутатовъ, соціалиста Мильерана, а съ другой—ветерана крымской и мексиканской экспедицій, участника военныхъ дѣйствій противъ парижской коммуны, маркиза де-Галлифе. Самые увлекающіеся элементы французской арміи должны проникнуться чувствомъ законности и дисциплины, когда во главѣ военнаго вѣдомства поставленъ генералъ съ такимъ именемъ и положеніемъ. Присутствіе Мильерана въ кабинетѣ есть достаточная гарантія для передовыхъ республиканцевъ и радикаловъ, среди которыхъ назначеніе Галлифе могло бы вызвать понятное безпокойство и раздраженіе; а личность Галлифе представляетъ извѣстныя ручательства въ глазахъ консервативной части общества.

Новое министерство составлено вообще изъ лицъ выдающихся и даровитыхъ. Вальдекъ-Руссо, которому теперь 52 года, былъ уже два раза министромъ внутреннихъ дѣлъ,—въ „великомъ министерствѣ" Гамбетты, съ ноября 1881 до половины января 1882 года, и въ кабинетѣ Жюля Ферри, съ февраля 1883 до конца марта 1885 года; позднѣе онъ занимался исключительно адвокатурою, а въ 1894 году выбранъ былъ сенаторомъ. Какъ бывшій сотрудникъ Гамбетты, онъ является выразителемъ лучшихъ традицій умѣренной республикан-

ской партіи, и каждая рѣчь его за послѣдніе годы имѣла значеніе событія; на выборахъ въ президенты послѣ смерти Карно онъ отказался отъ своей кандидатуры въ пользу Феликса Фора. Устранившись отъ борьбы партій въ парламентѣ, онъ фактически сталъ выше ихъ, и около него могло легче всего сформироваться министерство объединенія и твердой власти. Онъ сошелся съ Галлифе еще при Гамбеттѣ, который умѣлъ цѣнить военныя способности и заслуги и не стѣснялся выдвигать такихъ генераловъ имперіи, какъ Мирибель и Галлифе. Послѣдній уже сравнительно старъ; ему 69 лѣтъ, и въ виду достиженія имъ предѣльнаго возраста онъ въ 1895 году былъ перечисленъ въ резервъ. Онъ сражался подъ Севастополемъ, служилъ въ Алжирѣ, былъ тяжело раненъ въ Мексикѣ, отличился въ войнѣ 1870 года, руководилъ при Седанѣ смѣлыми кавалерійскими аттаками, вызывавшими удивленіе Вильгельма I, былъ въ плѣну у нѣмцевъ, затѣмъ воевалъ подъ начальствомъ Макъ-Магона съ возставшими коммунарами, дѣйствовалъ опять въ Алжирѣ, былъ командиромъ корпуса, посвящалъ много времени на улучшеніе кавалеріи и неоднократно заправлялъ блестящими маневрами, которые такъ любятъ французы. Между прочимъ, полковникъ Пикаръ служилъ и выдвинулся впервые при Галлифе. Морскимъ министромъ назначенъ бывшій генералъ-губернаторъ Индо-Китая (1891—94), де-Ланессанъ, авторъ нѣсколькихъ трактатовъ о французскомъ флотѣ и о колоніяхъ, докторъ медицины, служившій военнымъ и морскимъ врачемъ, публицистъ и депутатъ. Новый министръ торговли, Мильеранъ, адвокатъ по профессіи, пріобрѣлъ извѣстность защитою рабочихъ стачекъ, писалъ въ радикальныхъ газетахъ, сдѣлался однимъ изъ вождей коллективистовъ въ палатѣ (съ 1885 г.) и часто выступалъ отъ имени крайней лѣвой при обсужденіи общей политики. Министръ колоній, Декрэ, былъ посломъ въ Римѣ, Вѣнѣ и Лондонѣ. Министръ публичныхъ работъ, Пьеръ Бодэнъ, 36 лѣтъ отъ роду, былъ предсѣдателемъ парижской городской думы въ 1896 году и въ этомъ качествѣ принималъ въ „Hôtel de Ville" царственныхъ гостей изъ Россіи. Столь же молодъ и министръ финансовъ, Жозефъ Кальо, сынъ реакціоннаго министра семидесятыхъ годовъ, авторъ трактата о налогахъ во Франціи. Министръ иностранныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія остались прежніе—Делькассе (съ іюня 1898) и Жоржъ Лейгъ (съ ноября). Портфель юстиціи ввѣренъ сенатору Мони, а земледѣлія—Жану Дюпюи, бывшему много разъ докладчикомъ въ палатѣ по вопросамъ сельскаго хозяйства.

Можно было предвидѣть, что смѣлая министерская комбинація, устроенная Вальдекомъ-Руссо, не понравится приверженцамъ парламентской рутины и внесетъ разладъ въ существующія партіи. Осо-

бенно сильные протесты раздавались среди революціонеровъ-націоналистовъ и бывшихъ буланжистовъ, единомышленниковъ Деруледа. Среднія умѣренныя группы въ палатѣ, считавшія себя обойденными при распредѣленіи портфелей, не скрывали своего неудовольствія, которое и выразилось при голосованіи 26 іюня послѣ обсужденія прочитанной министерской деклараціи. Палата одобрила заявленія правительства только ничтожнымъ большинствомъ 26 голосовъ. Жалобы на разнородный составъ кабинета не имѣли въ сущности серьезнаго смысла, въ виду окончательной неудачи попытокъ образовать однородное министерство; а дальнѣйшее продленіе кризиса могло быть желательно только врагамъ Франціи и республики. Притомъ однородность въ узкомъ партійномъ смыслѣ есть не преимущество, а недостатокъ,—особенно если она соединяется съ безцвѣтностью и отсутствіемъ талантовъ. Кабинетъ Дюпюи былъ однороденъ по составу, и, однако, онъ принесъ мало пользы странѣ. Вальдекъ-Руссо, отвѣчая на упреки и нападки, сослался на признанную палатою необходимость возстановить уваженіе къ республиканскому правительству, а надъ этой задачей могутъ одновременно трудиться люди, принципіально расходящіеся между собою по вопросамъ соціальнымъ и экономическимъ. Быть можетъ, партійныя и личныя честолюбія не дадутъ утвердиться новому министерству, но нѣтъ сомнѣнія, что большинство благоразумныхъ французовъ находится безусловно на сторонѣ Вальдека-Руссо и Галлифе.

Говоря о послѣднихъ французскихъ событіяхъ, нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ ужъ слишкомъ настойчиво повторяютъ изо дня въ день злобныя выходки бывшихъ буланжистовъ противъ правительства и всего политическаго строя Франціи. Въ этомъ отношеніи передовыя статьи и спеціальныя парижскія телеграммы „Новаго Времени", на нашъ взглядъ, рѣшительно выходятъ изъ предѣловъ международныхъ приличій. Извѣстіе о новомъ министерствѣ передано газетѣ въ формѣ депеши такого содержанія: „Министерство, составленное Вальдекомъ-Руссо, чисто-дрейфусаровское... Программа его—репрессаліи (?) по отношенію ко всѣмъ партіямъ и группамъ, которыя окажутся въ оппозиціи съ правительствомъ, будь то армія, общество, магистратура, печать. Временный союзъ сенатора Вальдека-Руссо съ заклятымъ врагомъ соціалистовъ-радикаловъ, маркизомъ Галлифе, звѣрски-разстрѣлявшимъ 30.000 (?!) коммунаровъ, и съ радикаломъ-соціалистомъ Мильераномъ, во имя парламентаризма и Дрейфуса, вызываетъ взрывъ негодованія въ палатѣ и печати". Въ передовой статьѣ пространно развивается та же мысль о негодности кабинета, ибо „всю эту комбинацію окутываетъ густой туманъ дрейфусаровщины"; жестокіе подвиги Галлифе и участіе Мильерана дѣлаютъ для газеты „неудиви-

тельнымъ", что министерство встрѣчено „съ большимъ негодованіемъ и въ парламентскихъ сферахъ, и въ печати всѣхъ партій, кромѣ органовъ крайнихъ радикаловъ, и въ обществѣ" („Новое Время" отъ 12 іюня). Упомянувъ объ одномъ засѣданіи палаты, газета приводитъ возгласъ націоналиста Лази по адресу расходившихся депутатовъ: „вы ни на что не годны!", и затѣмъ продолжаетъ: „На слѣдующій день въ газетѣ Рошфора, со свойственною этому органу развязностью, было замѣчено, что Лази ошибся,—что почтенная компанія очень годна... для повѣшенія". Это, конечно, нѣсколько рѣзко (№ отъ 14 іюня, передовая статья). О самомъ главѣ государства, съ которымъ намъ приходится поддерживать не только дружественныя, но и союзныя отношенія, „Новое Время" выражается слѣдующимъ образомъ: „Чѣмъ инымъ, какъ не борьбою партій, можно объяснить, что конгрессъ въ Версали, забывая о жизненныхъ интересахъ страны, среди торга и спора партій, избралъ президента, который не могъ и не можетъ дать ей необходимаго успокоенія, вокругъ котораго не можетъ (sic) сгруппироваться правительство, претендующее на авторитетность и уваженіе" (тамъ же).

По поводу этихъ и подобныхъ имъ замѣчаній нельзя не спросить: что сказало бы само „Новое Время", если бы какая-нибудь изъ видныхъ французскихъ газетъ вздумала разсуждать въ томъ же тонѣ о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, о нашихъ министрахъ и сановникахъ? Не только умѣренный „Temps", но и органы крайней оппозиціи соблюдаютъ, какъ извѣстно, большую сдержанность при обсужденіи нашихъ внутреннихъ вопросовъ, и мы не видимъ основанія, почему русская газета можетъ считать себя въ правѣ печатать о Франціи грубѣйшія рѣзкости, какихъ никогда не позволяли себѣ Рошфоры и Дрюмоны относительно Россіи. По существу можно бы замѣтить, что со стороны „Новаго Времени" болѣе чѣмъ странно заступаться за обиженныхъ коммунаровъ и говорить о звѣрствахъ Галлифе, когда соціалистъ Мильеранъ и еще раньше республиканецъ Гамбетта простили генералу эти прегрѣшенія и признали его достойнымъ служить республикѣ. Что касается „дрейфусаровщины", то это слово можетъ теперь означать только направленіе людей, склонныхъ признать для себя обязательнымъ и авторитетнымъ приговоръ соединенныхъ палатъ французскаго кассаціоннаго суда, а такъ какъ по закону и по здравому смыслу приговоры высшаго трибунала Франціи обязательны для всѣхъ вообще французовъ, то всѣ французы обязаны быть „дрейфусарами", т.-е. допускать, вслѣдъ за кассаціоннымъ судомъ, вѣроятность судебной ошибки въ дѣлѣ Дрейфуса. Непонятно поэтому, въ какомъ смыслѣ газета ставитъ въ упрекъ французскимъ министрамъ убѣжденіе въ основательности вывода кассаціоннаго суда о возмож-

ной невинности „разжалованнаго въ 1894 году за государственную измѣну офицера-еврея".

Въ Германіи возбуждаетъ много толковъ чувствительное пораженіе, испытанное правительствомъ въ имперскомъ сеймѣ и относящееся къ законопроекту, идея котораго принадлежитъ лично Вильгельму II. Законъ, угрожающій смирительнымъ домомъ на время до пяти лѣтъ за устройство и поощреніе забастовокъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, показался даже робкимъ нѣмецкимъ либераламъ черезчуръ одностороннимъ и суровымъ, при свободѣ всякихъ стачекъ для хозяевъ и капиталистовъ. Партія центра и большинство націоналъ-либераловъ присоединились на этотъ разъ къ прогрессистамъ, и имперскій сеймъ отказался передать проектъ въ коммиссію для приготовленія доклада ко второму чтенію. Другими словами, подробное разсмотрѣніе проекта признано излишнимъ, несмотря на энергическую защиту его канцлеромъ княземъ Гогенлоэ и министромъ графомъ Посадовскимъ. Неудача не пошатнула, однако, положенія правительства и не побудила выйти въ отставку ни одного изъ министровъ. Зато блестящій успѣхъ выпалъ на долю имперскаго министра иностранныхъ дѣлъ, фонъ-Бюлова, который съумѣлъ расширить колоніальныя владѣнія Германіи мирными средствами — пріобрѣтеніемъ отъ испанскаго правительства Каролинскихъ, Маріанскихъ и Палаускихъ острововъ за 16.750.000 марокъ. При Бисмаркѣ едва не разгорѣлась война съ Испаніею изъ-за нѣмецкихъ посягательствъ на Каролины, а теперь цѣль достигнута простой денежною сдѣлкою, какъ бы въ укоръ американцамъ, упустившимъ случай устроить то же самое относительно Кубы. Фонъ-Бюловъ за свои заслуги возведенъ императоромъ въ графское достоинство, и дѣйствительно онъ проявилъ не только ловкость и искусство дипломата, но и качества государственнаго человѣка и дѣльнаго парламентскаго оратора.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1899.

Пушкинская литература.

— Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской академіи наукъ. Приготовилъ и примѣчаніями снабдилъ Леонидъ Майковъ. Томъ первый. Лирическія стихотворенія (1812—1817). Спб. 1899.

— Л. Майковъ. Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки. Съ приложеніемъ портрета Пушкина. Спб. 1899.

— О Пушкинѣ. Статьи и замѣтки В. Г. Якушкина. I. Радищевъ и Пушкинъ.— II. Кончина Пушкина.—III. Исторія Пушкинскаго текста 1814—1887 г.—IV. Сочиненія Пушкина въ 1887 г.—V. Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина.—Москва. 1899.

— Пушкинъ. Его лицейскіе товарищи и наставники. Статьи и матеріалы Я. К. Грота. Изданіе второе, дополненное, съ приложеніемъ неизданнаго письма Пушкина, подъ редакціей проф. К. Я. Грота. Спб. 1899.

— А. С. Пушкинъ. Біографическій очеркъ изъ альбома Пушкинской выставки 1880 года. Составилъ А. А. Венкстернъ. Москва. 1889.

— Пушкинъ національный поэтъ. Рѣчь ординарнаго академика А. Н. Веселовскаго. Спб. 1899.

— Сборникъ статей объ А. С Пушкинѣ. По поводу столѣтняго юбилея. Съ иллюстраціями. Кіевъ. 1899.

— Кавказская поминка о Пушкинѣ. (26 мая 1799—26 мая 1899). Тифлисъ. 1899.

— 1799—1899. Къ біографіи А. С. Пушкина. (Малоизвѣстныя и неизвѣстныя документальныя данныя). И. А. Шляпкина. Спб. 1899.

— Два года изъ жизни А. С. Пушкина. (1824—1826). Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ. Рѣчь въ торжественномъ собраніи Императорскаго Юрьевскаго университета 26 мая 1899. Орд. проф. Е. В. Пѣтухова. Юрьевъ. 1899.

— 1799—26 мая—1899. Маска и письмо А. С. Пушкина, хранящіяся въ библіотекѣ Императорскаго Юрьевскаго университета. Съ 5 снимками. Юрьевъ. 1899.

— Пушкинъ, Байронъ и Шатобріанъ. (Изъ литературной жизни Пушкина на югѣ Россіи). В. В. Сиповскій. Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Спб. 1899.

— Онѣгинъ, Татьяна и Ленскій (къ литературной исторіи Пушкинскихъ „типовъ“). В. В. Сиповскаго. Спб. 1899 (изъ „Р. Старины“). Въ пользу Общества вспомоществованія воспитанницамъ Маріинскаго Института.

— Цѣнная находка. Вновь найденныя рукописи А. С. Пушкина. Изданіе редакціи журнала „Русское Обозрѣніе". Сообщено членомъ Симбирской архивной коммиссіи Д. Сапожниковымъ. Спб. 1899.

— Л. Турыгина. А. С. Пушкинъ въ области музыки. Для юношества и любителей музыки. Съ 5-ю портретами. Спб. 1899.

— М. Ивановъ. Пушкинъ въ музыкѣ. Спб. 1899.

— Русскіе поэты о Пушкинѣ. Сборникъ стихотвореній. Составилъ В. Каллашъ. Москва. 1899.

— Поэты—поэту. Сборникъ стихотвореній, посвященныхъ А. С. Пушкину, на его кончину и открытіе памятника въ Москвѣ. Съ предисловіемъ составителя И. Н. Божерянова и иллюстраціями. Спб. 1899.

— Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Біографическій очеркъ, составленный завѣдывающей одесскимъ городскимъ педагогическимъ музеемъ А. И. Цомакіонъ, подъ редакціей профессора московскаго университета А. И. Кирпичникова. Одесса. 1899.

— Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, первый русскій народный поэтъ. Рождествина. Казань. 1899.

— Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ. Драматическій этюдъ (въ одномъ дѣйствіи). Всеволода Чешихина. Рига. 1899.

— Труды Ярославскаго губернскаго статистическаго комитета. Выпускъ X. А. С. Пушкинъ въ сельскомъ населеніи и школѣ Ярославской губерніи. Ярославль. 1899.

— Стихотворенія А. С. Пушкина въ славянскихъ переводахъ. 26 мая 1799—26 мая 1899. Юбилейный сборникъ, составилъ Пл. Кулаковскій. Варшава. 1899.

— Кто впервые принялся переводить А. С. Пушкина и прототипы переводовъ его на 50 языковъ и нарѣчій міра. П. Драганова.—„Историческій Вѣстникъ", май, 1899.

— Alexander Puschkin. Zu seinem hundertjährigen Geburtstage von Eugen Zabel. Въ журналѣ Deutsche Rundschau. Берлинъ, іюнь, 1899.

— Въ память столѣтней годовщины рожденія великаго русскаго поэта, 26-го мая 1799 г.—Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.—Избранныя мѣста изъ его стихотвореній, поэмъ и повѣстей, для окончившихъ курсъ ученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ города. Спб. 30 мая 1899 г.—Съ портретами поэта и иллюстраціями. Составилъ В. П. Острогорскій. Изданіе с.-петербургской городской думы. Спб. 1899.

— 26 мая 1799—1899. Избранныя сочиненія А. С. Пушкина для юношества, съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ. Подъ редакціей П. О. Морозова. Спб. 1899.

— Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Собралъ и издалъ В. Зелинскій. Москва. 1899.

— Журналъ „Жизнь". Май 1899.

— Май 1899. Пушкинская юбилейная выставка въ Императорской Академіи Наукъ въ Спб. Спб. 1899.

— 1799 г. 26 мая 1899 г. Каталогъ Пушкинской выставки, устроенной Обществомъ любителей россійской словесности въ залахъ историческаго музея въ Москвѣ. 27 мая—9 іюня 1899 г. М. 1899.

— Московскій Публичный и Румянцовскій Музеи. Пушкинская выставка 1899 г. Указатель. М. 1899.

— Описаніе Пушкинскаго Музея Импер. Александровскаго Лицея, составили воспитанники I класса LV курса С. М. Аснашъ и А. Н. Яхонтовъ подъ ред. завѣ-

дующаго Пушкинскимъ музеемъ И. А. Шляпкина.—Для общей пользы.—Изданіе воспитанниковъ Импер. Алекс. Лицея. Весь доходъ съ изданія поступаетъ въ фондъ Пушкинскаго музея. Спб. 1899.

— Пушкинскій сборникъ (въ память столѣтія дня рожденія поэта). Съ офортомъ профессора В. В. Матэ. Спб. 1899.

Не будемъ повторять того, что̀ было уже сказано въ „В. Евр." относительно общаго характера недавняго празднованія памяти Пушкина въ сравненіи съ торжествомъ 1880 года: другія времена, другіе люди, другое настроеніе. Среди несомнѣнно искренняго увлеченія бывали грубые диссонансы въ цѣлыхъ литературныхъ и общественныхъ явленіяхъ, и сравненіе съ замѣчательнымъ празднествомъ 1880 года вспоминалось невольно... Невелики и литературныя пріобрѣтенія, вызванныя 26-мъ мая 1899 (впрочемъ, онѣ не были велики и въ 1880-мъ году, были даже менѣе значительны, чѣмъ теперь); тѣмъ не менѣе послѣднія Пушкинскія торжества, отходящія теперь въ исторію, при всѣхъ упомянутыхъ ограниченіяхъ представляютъ не мало любопытнаго и привлекательнаго. Онѣ были, прежде всего, столь широко распространеннымъ литературнымъ празднествомъ, какого наша общественная жизнь никогда не видала со времени существованія русской литературы: онѣ совершались буквально „по всей Руси великой", и если въ литературныхъ и общественныхъ центрахъ бывало неладное и отталкивающее, то въ провинціи могли преобладать только настоящая добрая воля и желаніе принять свою долю участія въ торжествѣ, которое искренно считали національнымъ. Не только въ большихъ и небольшихъ городахъ, но даже по сельскимъ школамъ происходили болѣе или менѣе торжественныя и многолюдныя собранія, панихиды, чтенія, театральныя представленія, музыкальныя исполненія кантатъ и т. п., задуманныя и выполненныя одною иниціативой частныхъ лицъ и частныхъ обществъ; сколько намъ случалось читать, во многихъ случаяхъ все это происходило весьма дружно и оставляло впечатлѣніе. По всей вѣроятности, найдется историкъ, который возьметъ на себя трудъ собрать болѣе или менѣе полно извѣстія о томъ, какъ совершались Пушкинскія торжества въ столицахъ и въ провинціи, не исключая мелкихъ городовъ и селъ: думаемъ, что это будетъ разсказъ интересный и способный вызвать на размышленіе. Этотъ широкій интересъ самого общества обнаружился между прочимъ и заявленіями литературными, о которыхъ скажемъ далѣе.

За это время вспоминали не разъ о Пушкинскомъ праздникѣ 1880 года въ Москвѣ, гдѣ собрался цвѣтъ литературы, гдѣ было сказано столько горячихъ и искреннихъ словъ, гдѣ самая масса общества проникалась энтузіазмомъ, какъ было, напримѣръ, подъ впечатлѣніемъ рѣчи Достоевскаго; замѣчено было также, что внѣшнія условія тор-

жества были тогда иныя, что и независимо отъ торжества общество было тогда исполнено ожиданіями, которыя, быть можетъ, были гораздо болѣе важной основой одушевленія: въ этомъ настроеніи тѣмъ больше могла вызвать всѣ сочувствія память основателя новѣйшей русской литературы. Поводъ былъ столь могущественный, что могли быть приняты сполна самыя восторженныя преувеличенія, какія заключались, напримѣръ, въ рѣчи Достоевскаго. Этихъ поводовъ не было, къ сожалѣнію, на нынѣшній разъ; не было и восторженныхъ преувеличеній; тѣмъ не менѣе и теперь было сказано не мало любопытнаго и исторически значительнаго.

И прежде, и въ послѣднее время особенно, указывалась весьма различная оцѣнка, т.-е. различное пониманіе, какія встрѣчалъ Пушкинъ еще при жизни и потомъ среди слѣдующихъ поколѣній. Это различіе взглядовъ имѣетъ двоякій историческій интересъ. Оно указываетъ, во-первыхъ, то великое значеніе, какое имѣлъ великій поэтъ, постоянно привлекавшій на себя вниманіе, постоянно волновавшій мысль и чувство общества, невольно вспоминаемый съ восторгомъ или съ осужденіемъ: можно сказать, что въ нашей литературѣ не было писателя,—кромѣ гр. Л. Н. Толстого,—который бы въ такой мѣрѣ сосредоточивалъ на себѣ художественные и общественные интересы. Съ другой стороны эти колебанія взглядовъ имѣли всегда свою историческую причину. Нѣкоторые ревностные почитатели Пушкина и до сихъ поръ считаютъ нужнымъ говорить съ негодованіемъ о томъ, какъ современное Пушкину общество въ послѣдніе годы его жизни охладѣвало къ нему, говорило даже объ упадкѣ его значенія, и самаго дарованія, и какъ эти неразумныя осужденія были потомъ опровергнуты появленіемъ неизданныхъ произведеній, напечатанныхъ въ посмертномъ изданіи его сочиненій. Еще болѣе суровыя осужденія вызвалъ другой фактъ охлажденія къ Пушкину—въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ: объ этомъ фактѣ говорятъ обыкновенно съ величайшимъ негодованіемъ. Но въ томъ и другомъ случаѣ факты требовали объясненія,—его однако обыкновенно не давалось. Между тѣмъ оно было, и имѣетъ свое значеніе потому, что прежде всего заключалось въ данныхъ условіяхъ общественной жизни и въ тридцатыхъ годахъ, и въ концѣ пятидесятыхъ. Объясненіе это, нужное для опредѣленія взглядовъ общества или извѣстной его доли, не безразлично и для опредѣленія содержанія самой поэзіи Пушкина, какъ примѣръ высокихъ требованій, какія къ ней были предъявляемы.

Въ тридцатыхъ годахъ, при жизни Пушкина, русскому обществу, а также и литературному кругу были совсѣмъ не извѣстны многія и именно первостепенныя произведенія его, появившіяся только въ посмертномъ изданіи,—притомъ и въ посмертномъ изданіи произведенія

Пушкина были, гдѣ полагалось нужнымъ, исправлены рукой друга—Жуковскаго, которая не однажды стерла въ нихъ не одну характерную черту, какъ, напримѣръ, въ „Памятникѣ". Послѣдніе томы посмертнаго изданія, перваго „полнаго", вышли въ 1841: кто могъ въ началѣ или въ половинѣ тридцатыхъ годовъ знать о томъ, что было тогда сдѣлано Пушкинымъ? Чего же ждали тогда читатели и поклонники Пушкина? Ожиданія были велики. Русское общество со второй половины двадцатыхъ годовъ переживало трудное время реакціи тому возбужденію, какимъ волновалось въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I, когда при всѣхъ крайностяхъ тогдашняго либерализма въ умахъ наиболѣе образованнаго круга зарождались интересы къ самымъ серьезнымъ задачамъ общественной и народной жизни. Пушкинъ не былъ чуждъ этому движенію; напротивъ, нѣсколько поэтическихъ заявленій въ этомъ направленіи получали тѣмъ большую силу, что были одѣты въ увлекательную форму, которая тѣмъ болѣе дѣлала ихъ доступными. Позднѣе, когда это движеніе было рѣзко прервано, литература, какъ и въ другіе подобные моменты нашей дальнѣйшей общественной исторіи, оставалась единственнымъ поприщемъ, гдѣ могли быть выражены, хотя бы только въ туманныхъ намекахъ, жизненныя стремленія общества, и понятно, что надежды и ожиданія были направлены прежде всего на великаго писателя, который еще юношей увлекалъ общество своими великодушными призывами и теперь тѣмъ больше былъ его надеждой въ зрѣломъ развитіи своего генія. Общество не могло знать, что въ ту пору творилось въ душѣ самого поэта, какіе тяжелые процессы испытывала его собственная личная жизнь и самое творчество. Посмертное изданіе дало великія произведенія, но, быть можетъ, не то, чего ждали въ тридцатыхъ годахъ.... Такимъ образомъ общество было право, когда понимало Пушкина въ свѣтѣ его юношескихъ свободолюбивыхъ произведеній или даже болѣе позднихъ („Аріонъ", „Пророкъ" и проч.); завершившаяся дѣятельность великаго поэта должна была только потребовать новыхъ изученій и не только его творчества, но и біографіи.

Послѣдняя была особенно необходима, потому что только біографія могла объяснить условія, вліявшія во многихъ случаяхъ на развитіе общественныхъ настроеній и самаго творчества поэта. Между тѣмъ біографія Пушкина оставалась, кромѣ ближайшаго круга, почти неизвѣстна самимъ современникамъ, а тѣмъ менѣе потомству. Даже въ ближайшемъ кругѣ не всегда знали и умѣли судить объ его внутренней жизни; читатели и критика ограничены были печатными произведеніями и слухами. Прошли десятки лѣтъ, и никто изъ круга его друзей не разсказалъ этой біографіи, да и никогда не разсказалъ

ея. Первый опытъ біографіи сдѣланъ былъ уже человѣкомъ другого поколѣнія, который могъ изучать ее только по отрывочнымъ даннымъ и даже излагать въ отрывочной, не ясной формѣ, потому что біографія писалась въ такое время, когда надъ именемъ Пушкина еще продолжалъ тяготѣть подозрительный надзоръ цензуры—низшей и высшей. При всѣхъ заботливыхъ поискахъ Анненкова, его книга не была настоящей біографіей Пушкина, и лишь долго спустя онъ посвящалъ новые труды объясненію его личности и творчества, между прочимъ, досказывая то, чего не могъ сказать въ пятидесятыхъ годахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ досказывая, въ какихъ условіяхъ шла его работа пятидесятыхъ годовъ. Такимъ образомъ еще новое поколѣніе, шестидесятыхъ годовъ, для сужденій объ историческомъ значеніи Пушкина въ сущности не имѣло достаточно выработанныхъ біографическихъ данныхъ, и этого нельзя не имѣть въ виду, говоря о томъ охлажденіи къ имени Пушкина, какое встрѣчаемъ опять въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Положеніе вещей съ нѣкоторыми отличіями было подобно тому, какое мы видѣли въ тридцатыхъ годахъ. Если тогда ждали, чтобы „пророкъ“ жегъ сердца людей, то подобнаго ждали и теперь. Государство, народъ и общество переживали знаменательный и вмѣстѣ тяжелый кризисъ; происходилъ пересмотръ историческаго наслѣдія, оставленнаго вѣками не весьма отрадной внутренней жизни: народъ ожидалъ элементарныхъ правъ личной свободы отъ прежняго дикаго рабства; общество и народъ ждали перваго разумнаго и справедливаго суда, своего рода освобожденія отъ „неправды черной“; земскія силы ждали возможности нѣкоторой самодѣятельности въ элементарныхъ практическихъ вопросахъ мѣстной жизни; литература надѣялась освобожденія отъ полнаго безправія, въ какомъ держалъ ее цензурный произволъ, доходившій, наконецъ, до послѣдняго предѣла. Все вниманіе общества было обращено впередъ, къ предполагаемому лучшему будущему, и понятно, что новыя поколѣнія смотрѣли на настоящую дѣйствительность и на прошедшее только съ точки зрѣнія этихъ ожиданій и идеаловъ. Въ литературѣ прошедшаго времени съ такой исторической точки зрѣнія цѣнили въ особенности то, что̀ подготовляло къ этому обновленію русской жизни, и въ этомъ смыслѣ составилось то „отрицаніе великаго поэта“, съ какимъ выступилъ тогда Писаревъ. Современные защитники Пушкина видятъ великое преступленіе въ этомъ „отрицаніи“, которое, однако, въ свое время не имѣло никакого особеннаго успѣха и дѣйствія. Надъ нимъ тогда уже шутили, не считая нужнымъ его опровергать, а нынѣшніе опытные критики забываютъ, что имѣли передъ собой задоръ едва двадцатилѣтняго юноши... Въ сущности, первое нѣсколько правильное изученіе Пушкина начинается только съ изданія Анненкова. Съ эпохой реформъ литература до нѣкото-

рой степени освобождается отъ связывавшихъ ее стѣсненій, и въ печать проникаютъ, наконецъ, хотя все еще съ оговорками и урѣзками, историческіе документы, необходимые для объясненія біографіи и историческаго дѣла Пушкина, такіе документы, какъ, напримѣръ, въ высокой степени интересная и важная переписка Пушкина. Одни эти документы давали невѣдомый прежде образъ Пушкина; къ нимъ присоединились и разные другіе документы, въ которыхъ выяснялись тяжелыя внѣшнія условія его гражданскаго существованія. Понятно, что только съ этими данными въ рукахъ изслѣдованіе можетъ помышлять о возможно широкомъ и всестороннемъ объясненіи поэта: къ сочиненіямъ Пушкина присоединяется теперь любопытнѣйшій томъ его писемъ.

Этотъ матеріалъ находился въ литературномъ обращеніи къ Пушкинскому празднику 1880 года, и уже отсюда понятно, что образъ Пушкина выяснялся теперь въ несравненно болѣе точныхъ и сильныхъ чертахъ, чѣмъ это было возможно прежде. Но и это было еще далеко не все. Восьмидесятый годъ снова поощрилъ къ изысканіямъ, и литература о Пушкинѣ продолжаетъ обогащаться новыми біографическими подробностями, иногда чрезвычайно интересными (какъ, напримѣръ, воспоминанія кн. П. П. Вяземскаго), новыми историко-литературными изслѣдованіями (какъ статья Тихонравова) и пр. Кромѣ новаго матеріала, спеціально относящагося къ Пушкину, вопросъ о его значеніи опредѣляется и другимъ путемъ, а именно ростомъ самой литературы. Этотъ путь былъ закрытъ для его современниковъ: они могли указать вліяніе Пушкина на его ближайшихъ послѣдователей, но его историческое дѣйствіе могло сказаться только въ теченіе извѣстнаго литературнаго періода, на позднѣйшихъ явленіяхъ литературнаго развитія, на рядѣ поколѣній. Въ этомъ отношеніи болѣе позднее время опять даетъ преимущество болѣе широкаго опыта. Новѣйшія изслѣдованія вопроса уже тѣмъ самымъ должны пріобрѣтать болѣе обширный горизонтъ: Пушкинъ представляется великимъ историческимъ явленіемъ, которое открыто или, по крайней мѣрѣ, должно быть, наконецъ, открыто для критики, свободнымъ отъ какихъ-либо общественныхъ тенденцій и пристрастій, въ которомъ должно быть указано его возвышенное идейное творческое содержаніе, сущность его историческаго величія, и выдѣлено частное, временное и случайное.

Нѣкогда, лѣтъ сорокъ назадъ, шелъ однажды въ литературѣ споръ о томъ, можно ли назвать Пушкина поэтомъ народнымъ. Вопросъ былъ въ сущности двусмысленный. Что Пушкинъ былъ поэтъ русскій и даже исключительно русскій, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но названіе „народнаго“ поэта возможно было бы только тогда, когда поэтъ былъ бы

дѣйствительно извѣстенъ народу, притомъ не только по школьной книжкѣ, гдѣ было бы помѣщено нѣсколько легкихъ стихотвореній. Вся наша литература не можетъ назваться народной въ дѣйствительномъ смыслѣ слова, по той простой причинѣ, что она имѣетъ дѣло съ понятіями, извѣстными людямъ нѣкотораго образованія, но совершенно недоступными обыкновенному уровню понятій народныхъ. Вопросъ „народности“ литературы сводится прямо къ вопросу народной школы, а въ этомъ отношеніи, какъ извѣстно изъ цифръ сравнительной статистики, наша народная школа занимаетъ между европейскими послѣднее мѣсто на ряду съ Турціей. Само собою разумѣется, что вопросъ народной школы не есть вопросъ одной грамотности, а извѣстнаго запаса понятій и знаній, при которомъ читатель низшаго слоя былъ бы, однако, способенъ уразумѣвать содержаніе литературы. И даже не ограничиваясь условіями школы, можно встрѣтить данныя, которыя способны весьма усложнить представленіе о Пушкинѣ, какъ поэтѣ „народномъ“. Въ сороковыхъ годахъ, въ то время, когда Бѣлинскій писалъ знаменитыя статьи о Пушкинѣ, которыя до сихъ поръ остаются лучшей художественной оцѣнкой поэта,—писалъ ихъ съ точки зрѣнія наиболѣе высокаго уровня тогдашнихъ литературныхъ понятій,—въ эти годы издавался журналъ „Маякъ“, рѣдко кому теперь извѣстный, но нѣкогда составившій себѣ прочную репутацію полунаивнаго обскурантизма. „Маякъ“ совершенно расходился съ остальной литературой своего времени: въ ея идеяхъ и стремленіяхъ онъ находилъ заблужденія болѣе или менѣе гибельныя, и противополагалъ имъ свое ученіе, которое считалъ истинно національнымъ и народнымъ. Онъ имѣлъ свою философію, построенную на благочестіи, на смиреніи ума, на вѣрности прародительскимъ завѣтамъ и т. д., и отвергая современную литературу, какъ легкомысленную и зловредную, онъ включалъ въ нее и Пушкина. Какъ ни странно это подумать, но съ своей точки зрѣнія онъ не совсѣмъ ошибался: поэзія Пушкина очень часто противорѣчила прародительскимъ завѣтамъ, какъ ихъ понимали въ то время, да и теперь, люди стараго вѣка. Если сопоставить понятія этихъ людей цѣликомъ съ поэзіей Пушкина, это выйдутъ нерѣдко вещи несоизмѣримыя, и несомнѣнно, что въ понятіяхъ первой категоріи есть именно такое, что̀ считается подлиннымъ народнымъ... „Маякъ“ забытъ, и теперь, кажется, никто не вспомнилъ о немъ, поминая противниковъ Пушкина; но точка зрѣнія, вѣроятно, существуетъ и до сихъ поръ. О ней можно было вспомнить въ 1880, когда въ хорѣ прославленій Пушкина послышался суровый голосъ архіепископа Никанора (рѣчь въ Одессѣ),—голосъ, который, можетъ быть, и теперь побудилъ современнаго оратора назвать имя Пушкина хотя высокимъ, но „пререкаемымъ“... Одновременно съ одес-

скою рѣчью, какъ бы въ отвѣтъ ей, явилась литературная характеристика, гдѣ, напротивъ, Пушкинъ изображался какъ поэтическій выразитель той самой системы, гдѣ опредѣлены были Уваровымъ основныя начала русской государственности, т.-е. Пушкинъ, за немногими отклоненіями, былъ признанъ за поэта строго консервативнаго. Въ рѣчахъ 26-го мая 1899, повидимому, въ громадномъ большинствѣ, Пушкинъ является, напротивъ, какъ приверженецъ и пророкъ самаго широкаго общественнаго прогресса; — но указанныя противорѣчія все еще остаются въ наличности и неразрѣшенными.

При всемъ томъ, какъ мы замѣчали, празднества 26 мая были важнымъ фактомъ въ нашей общественной жизни. Литературное торжество вызвало сочувствія въ такихъ сферахъ, въ какихъ оно еще не проявлялось, и сочувствія получали реальный характеръ. Праздникъ 1880 года происходилъ, собственно говоря, въ тѣсномъ кругѣ общества: онъ былъ только литературный; нынѣшній праздникъ, по справедливому замѣчанію одного оратора, былъ „педагогическій": дѣйствительно, онъ распространился на всю школу и, слѣдовательно, обнималъ гораздо большій районъ, распространяясь на все школьное поколѣніе; тотъ же ораторъ выразилъ надежду, что придетъ время, когда этотъ праздникъ будетъ, наконецъ, народнымъ. 26 мая дало не малыя пріобрѣтенія и въ историко-литературномъ и общественномъ смыслѣ: оно было новымъ шагомъ въ пониманіи Пушкина. Юбилейныя годовщины нерѣдко даютъ такія серьезныя пріобрѣтенія, потому что побуждаютъ снова пересмотрѣть вопросъ о дѣятельности историческаго лица, при чемъ въ историческомъ отдаленіи вѣрнѣе опредѣляются условія этой дѣятельности, трудности, какія ей приходилось побѣждать, и дальнѣйшій результатъ, въ которомъ сказывается ея вліяніе. На этотъ разъ не явилось цѣльной работы подобнаго рода, исчерпывающей вопросъ; но зато явились широкія начинанія, замѣчательные отдѣльные этюды, которые завершаютъ сдѣланное до сихъ поръ и даютъ прекрасныя указанія для послѣдующихъ работъ надъ Пушкинымъ.

Мы не имѣемъ въ виду давать полнаго обзора литературы, вызванной 26-мъ мая; ее и не легко собрать въ эту минуту; но мы укажемъ нѣсколько фактовъ, которые дадутъ понятіе о томъ, какъ расширился съ одной стороны біографическій и историко-литературный интересъ къ Пушкину, съ другой стороны—педагогическій и популярный.

Самымъ крупнымъ явленіемъ современной Пушкинской литературы является академическое изданіе, приготовляемое Л. Н. Майковымъ. Первый томъ, вышедшій къ 20-му мая, предполагаетъ обширную работу относительно которой можно только желать, чтобы она была за-

кончена возможно скорѣе. Въ качествѣ комментатора, г. Майковъ извѣстенъ давно по обширному изданію сочиненій Батюшкова: здѣсь приложено тоже многостороннее вниманіе къ объясненію писателя,—чтобы были выяснены, по возможности, всѣ обстоятельства относительно каждаго произведенія, даже самаго мелкаго: его хронологія; обстоятельства, въ которыхъ оно возникало; настроеніе поэта въ данную минуту; тотъ поэтическій матеріалъ, вычитанный и самостоятельный, какимъ поэтъ распоряжался; варіанты произведенія и т. д. Объ обширности работы свидѣтельствуетъ уже самый объемъ книги: большой томъ вмѣстилъ только лицейскія стихотворенія, 1812—1817, и гораздо бо̀льшая доля тома занята комментаріемъ. Здѣсь собрано все, что̀ только можетъ характеризовать Пушкина за это время, и толкованіе произведеній вмѣстѣ съ тѣмъ становится богатымъ біографическимъ матеріаломъ. Трудъ г. Майкова служитъ именно указаніемъ того, какъ постепенно возростали въ нашей литературѣ историческія средства для объясненія Пушкина и его времени. До сихъ поръ (послѣ біографіи Стоюнина и книги г. Венкстерна, которыя остаются только общими очерками) никто изъ нашихъ литературныхъ историковъ не рѣшился предпринять подробной біографіи Пушкина—вѣроятно останавливаясь передъ обширностью задачи. И дѣйствительно, матеріалъ, накопившійся до сихъ поръ, далеко превышаетъ то, что̀ было извѣстно лѣтъ двадцать, даже десять тому назадъ; и не только матеріалъ чисто фактическій, относительно самого Пушкина и его дружескаго круга, но расширились и тѣ запросы и требованія психологическія, художественныя, общественно-историческія, которыхъ не можетъ миновать историкъ Пушкина. Первый томъ академическаго изданія и другія работы послѣдняго времени даютъ довольно ясное понятіе о томъ, какъ усложнился историческій вопросъ или, другими словами, какъ расширились точки зрѣнія и какъ вмѣстѣ съ тѣмъ собирается все больше матеріала для истолкованія личности и разносторонней дѣятельности геніальнаго поэта. Пушкинъ давно былъ предметомъ изученій г. Майкова, и цѣлый рядъ детальныхъ изслѣдованій, которыя шли параллельно съ приготовленіемъ изданія, составилъ обширную книгу „біографическихъ матеріаловъ и историко-литературныхъ очерковъ“, которые являются опять самымъ крупнымъ историко-литературнымъ трудомъ къ 26-му мая, гдѣ, кромѣ статей, ранѣе напечатанныхъ, является нѣсколько новыхъ.

Книга г. Венкстерна составляетъ повтореніе біографіи, помѣщенной въ роскошномъ изданіи „Альбома Пушкинской выставки въ Москвѣ“ 1880.

„Статьи и замѣтки“ г. Якушкина заключаютъ отдѣльныя изслѣдованія автора, помѣщенныя имъ въ „Чтеніяхъ“ московскаго Общества

исторіи и древностей, въ „Русской Старинѣ“ и въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ съ 1886 до 1897 года. Между прочимъ здѣсь помѣщенъ разборъ изданія Пушкина, Литературнаго фонда, и такъ какъ съ тѣхъ поръ не явилось другого самостоятельнаго изданія Пушкина, а новѣйшее изданіе академическое еще только начато, то авторъ думалъ, что этотъ разборъ „напомнитъ, въ какомъ положеніи находится Пушкинскій текстъ до сихъ поръ, въ какомъ видѣ получаемъ мы его въ различныхъ новыхъ перепечаткахъ по случаю столѣтняго юбилея поэта, покажетъ, съ чего начинаетъ новое академическое изданіе“. Послѣдняя статья заключаетъ выдержки изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина, и эти выдержки повторены здѣсь, такъ какъ до сихъ поръ не входили въ изданія его сочиненій. Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ послѣднихъ дней авторъ продолжалъ свои изслѣдованія о Пушкинѣ и между прочимъ давалъ историческій комментарій къ московской выставкѣ.

Къ 28-му мая начались опять усердные поиски бумагъ Пушкина, какія могли сохраниться. Онѣ оказались, однако, почти исчерпанными. Г. Шляпкинъ собралъ лишь нѣсколько отрывковъ, имѣющихъ отношеніе къ Пушкину и его предку Ганнибалу: нѣсколько документовъ о послѣднемъ нашлось въ Псковскомъ музеѣ (главное, впрочемъ, было уже извѣстно Анненкову); нѣсколько замѣтокъ и необнародованныхъ документовъ нашлось въ архивѣ Лицея, наконецъ, въ бумагахъ Пушкинскаго Музея. Г. Пѣтуховъ разсказалъ о жизни Пушкина въ селѣ Михайловскомъ („Два года изъ жизни А. С. Пушкина“), впрочемъ, по даннымъ уже извѣстнымъ. Профессоръ Юрьевскаго университета, г. Шмурло, произвелъ обстоятельное изслѣдованіе о маскѣ Пушкина, экземпляръ которой хранится въ библіотекѣ этого университета, а также о письмѣ Пушкина: это письмо было уже напечатано въ „Русской Старинѣ“ 1890, „но безъ указанія мѣстонахожденія автора и безъ опредѣленія года, къ которому слѣдуетъ его пріурочить“,— г. Шмурло опредѣлилъ мѣстонахожденіе писавшаго и годъ, но содержаніе письма не весьма значительно. Оригинальное изслѣдованіе предпринялъ г. Анучинъ, чтобы выяснить „негритянское“ происхожденіе Пушкина. Собственно негритянскаго авторъ въ Пушкинѣ совсѣмъ не находитъ, и насколько извѣстны портреты предковъ Пушкина съ материнской стороны, можно было вообще заключать, что ихъ родоначальникъ „негромъ“ не былъ. Ученый антропологъ находитъ родину предковъ Пушкина въ Абиссиніи. Рядъ статей, печатавшихся въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ выйдетъ, вѣроятно, отдѣльною книгой.

Съ точки зрѣнія историческаго развитія пониманія Пушкина, о чемъ мы выше говорили, представляютъ большой интересъ многія рѣчи, сказанныя 26-го мая, и отдѣльныя статьи, явившіяся въ газетахъ и журналахъ. Эти рѣчи еще не всѣ явились сполна въ печати;

многія переданы только въ краткихъ газетныхъ отчетахъ, но изъ того, что было въ печати, можно видѣть новую ступень исторической критики. Правда, поэты, какъ имъ и подобаетъ, не могли обойтись безъ восторженныхъ гиперболъ (впрочемъ, и тѣ были иногда на мѣстѣ въ минуты возбужденія самого общества), но вообще ораторы желали оставаться на реальной исторической почвѣ, указывая факты прошлаго и послѣдующаго развитія русской литературы, чтобы отмѣтить въ нихъ путь геніальныхъ воздѣйствій Пушкина. Отмѣтимъ рѣчи на академическомъ собраніи—А. Н. Веселовскаго („Пушкинъ національный поэтъ“) и А. Ѳ. Кони („Общественные и нравственные взгляды Пушкина“); Н. И. Стороженка и В. О. Ключевскаго въ собраніи московскаго Общества любителей россійской словесности; въ нѣсколькихъ рѣчахъ, при другихъ случаяхъ, быть можетъ, не всегда строго были выдержаны историческіе факты, были, однако, сильно и искренно высказаны впечатлѣнія настоящей минуты, которыя, какъ мы говорили, сами также составляютъ важное историческое явленіе. Отмѣтимъ, между прочимъ, рѣчи, сказанныя въ небольшомъ польско-русскомъ собраніи, переданныя сполна въ изложеніи польской газеты „Край“.

Провинціальная литература также внесла свои вклады въ изученіе или прославленіе Пушкина. Самымъ крупнымъ является сборникъ кіевскаго педагогическаго общества, прекрасно изданный съ многочисленными иллюстраціями. Здѣсь мы находимъ слѣдующія статьи: А. М. Лободы—„У колыбели Пушкина“; П. Кудрявцева—„А. С. Пушкинъ. Главные моменты его жизни и литературнаго развитія“; Булашева—„А. С. Пушкинъ на югѣ Россіи“; В. С. Рыбинскаго—„А. С. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ“; Н. И. Петрова—„Отношеніе поэзіи А. С. Пушкина къ украинской жизни и поэзіи“; А. Степовича—„I. А. С. Пушкинъ и его музыкальные истолкователи. II. А. С. Пушкинъ у славянъ“; священника I. Троицкаго—„Религіозный элементъ въ произведеніяхъ А. С. Пушкина“; Д. Синицкаго—„А. С. Пушкинъ какъ литературный дѣятель“; В. С. Рыбинскаго—„Пушкинская плеяда“.

„Кавказская поминка“ не сообщаетъ ничего особенно новаго. Здѣсь помѣщены стихотвореніе г. Величко: „Привѣтъ Кавказа“, съ поэтическими гиперболами, не всегда ясными; его же статья: „Судьбы поэзіи Пушкина“, гдѣ находимъ не совсѣмъ нужную филиппику противъ Некрасова (который, замѣтимъ, былъ великимъ почитателемъ Пушкина); сравненіе Лермонтова съ Пушкинымъ („Пушкина, какъ поэта всеобъемлющаго и какъ художника совершеннаго, можно сравнить съ яркимъ дневнымъ свѣтомъ, въ которомъ таятся всѣ цвѣта радуги“... „Лермонтовъ можетъ быть сравненъ съ краснымъ бенгальскимъ огнемъ или, вѣрнѣе, если отмѣтить его духовное родство съ Пушкинымъ по нисходящей линіи, то Лермонтовъ является ярко-

краснымъ спектромъ гармоничнаго пушкинскаго солнечнаго луча"); замѣчаніе о трудахъ г. Майкова („І. Н. Майковъ, теперешній вице-президентъ академіи наукъ, посвятилъ Пушкину всю свою жизнь"—это не точно, потому что г. Майкову, кромѣ служебныхъ занятій, принадлежитъ много историческихъ трудовъ по различнымъ періодамъ русской литературы). Въ „Поминкѣ" перепечатаны поэмы и стихотворенія Пушкина, посвященныя Кавказу, и путешествіе въ Арзрумъ. Къ этому послѣднему г. Вейденбаумъ присоединилъ объяснительныя примѣчанія, а кромѣ того, разсказалъ о пребываніи Пушкина на Кавказѣ въ 1829 году.

Г. Драгановъ предпринялъ любопытное библіографическое изысканіе о переводахъ Пушкина на иностранные языки. Пользуясь прежними указаніями, а главное, матеріалами Императорской Публичной Библіотеки, г. Драгановъ насчиталъ до пятидесяти переводовъ Пушкина на иностранные языки, предполагая, впрочемъ, впередъ, что его списокъ все еще не полонъ. Свои указанія онъ расположилъ въ хронологическомъ порядкѣ, по времени перваго появленія перевода. Читателю будетъ, безъ сомнѣнія, любопытенъ этотъ списокъ, въ которомъ находятся, между прочимъ, вещи нѣсколько сверхъестественныя, какъ, напримѣръ, переводы на разныя нарѣчія древне-греческаго языка и переводы старославянскіе. По хронологическому порядку переводы Пушкина были слѣдующіе: „французскіе (съ 1823 г.), нѣмецкіе (1823), шведскіе (1825), сербскіе (1826), польскіе (1826), итальянскіе (1828), малороссійскіе (1830), чешско-моравскіе (1830), грузинскіе (1832), молдавско-влахійскіе (1835), иллирійскіе (1835), англійскіе (1835), англо-американскіе (1849), англо-индійскіе (1886), голландскіе (1837), персидскіе (1837), датскіе (1843), армянскіе (1843), ново-греческіе (1847), хорватскіе, на смѣну такъ-называемымъ иллирійскимъ (1847), словацкіе (1849), зырянскіе (1856), сербско-лужицкіе (1857), румынскіе, на смѣну молдавско-влахійскимъ (1857), древне-еврейскіе (1861), македонско-славянскіе (1862), венгерскіе (1864), червонорусскія или русинскія изданія, отпечатанныя въ Галичинѣ, Угорщинѣ и Буковинѣ (1865), хорутанско-словинскіе (1865), турецко-османскіе (1867), болгарскіе (1870), норвежскіе (1871), калмыцкіе (1871), татарско-караимскіе (1873), испанскіе (1874), испано-американскіе (1875), финскіе (1876), латышскіе (1877), татарско-казанскіе (1877), эстонскіе (1879), латинскіе (1882), древне-греческіе по аттическому нарѣчію (1886), древне-греческіе по эолическому и ново-іоническому нарѣчіямъ (1886), сартовскіе (1887), эсперантистскіе (1889), татарско-кавказскіе или адзербейджанскіе (1892), японскіе (1892), монгольско-бурятскіе (1896), черемисскіе (1897), гагаузско-турецкіе по бессарабскому нарѣчію (1898), еврейскій жаргонъ (1899), церковно-славянскіе

древнѣйшей редакціи (1899), церковно-славянскіе поздней редакціи (1899), литовско-жмудскіе (1899)".

Переводы Пушкина на славянскія нарѣчія, вѣроятно, будутъ теперь по возможности сполна приведены въ извѣстность. Выше мы указали статью г. Степовича; г. Францевъ еще ранѣе писалъ о Пушкинѣ въ чешской литературѣ; ожидается трудъ г. Ягича.

Г. Кулаковскій далъ въ своей книжкѣ образчики переводовъ Пушкина на разныя славянскія нарѣчія. Въ предисловіи онъ указываетъ, что Пушкинъ явился въ то время, когда у западныхъ славянскихъ народовъ еще совершался процессъ національнаго и литературнаго возрожденія: Пушкинъ еще не былъ вполнѣ понятенъ, литературныя сношенія въ то время были еще трудны, но тѣмъ не менѣе о Пушкинѣ знали и начинали его переводить. При этихъ условіяхъ „нельзя не признать,—говоритъ авторъ,—что въ тогдашней извѣстности Пушкина у славянъ оказалось и сознаніе внутренняго сродства Пушкинской лиры всему славянству въ широкомъ народномъ смыслѣ". „Въ настоящее время въ нѣкоторыхъ славянскихъ литературахъ, напр., въ чешской, переведенъ почти весь Пушкинъ. Существуетъ при томъ нерѣдко по нѣскольку переводовъ одного и того же произведенія, сдѣланныхъ различными писателями и въ различное время. Даже въ школьныхъ хрестоматіяхъ у славянъ (напр., у хорватовъ, чеховъ) встрѣчаются переводы произведеній Пушкина. Въ Прагѣ произведенія Пушкина выходятъ въ отдѣльныхъ выпускахъ особаго изданія, предпринятаго чешской академіей наукъ, подъ заглавіемъ Sbornik světové poesie. Къ столѣтнему юбилею Пушкина у славянъ предпринято, какъ слышно, нѣсколько историко-литературныхъ и библіографическихъ работъ. Въ Прагѣ одинъ изъ чешскихъ издателей предпринялъ очень хорошее, даже изящное изданіе по-чешски повѣстей Пушкина съ иллюстраціями; въ первыхъ выпускахъ этого изданія появилась „Пиковая дама".

Г. Кулаковскій помѣстилъ въ книжкѣ около пятнадцати стихотвореній Пушкина съ нѣсколькими (отъ двухъ до шести) переводами на разныя славянскія нарѣчія. Не скажемъ, чтобы въ большинствѣ переводы были удовлетворительны: яркій и сжатый языкъ часто передается описательно, черты русской природы и быта не всегда поняты; въ одномъ изъ переводовъ тридцать стиховъ „Пророка" превратились въ тридцать шесть. Есть, впрочемъ, и удачные переводы: прежде всего—Мицкевича, чешскіе переводы Челяковскаго и г-жи Красногорской; хорватскіе—Станка Враза.

Г. Каллашъ поставилъ себѣ задачу—собрать то, что̀ было сказано русскими поэтами о Пушкинѣ. Указавъ, какъ въ свое время поэзія Пушкина производила на всѣхъ, даже и на противниковъ ея, свое

увлекающее дѣйствіе, г. Каллашъ видитъ въ этомъ знаменательный историческій фактъ:

„Старикъ-Державинъ замѣтилъ и, „въ гробъ сходя, благословилъ“ нашего поэта; Батюшковъ дивился сказочно-быстрому росту его дарованія; кн. Вяземскій отдалъ бы за одинъ его стихъ „все... движимое и недвижимое“; Жуковскій даритъ ему свой портретъ съ надписью: „ученику отъ побѣжденнаго учителя“... Его воспѣваютъ классики Катенинъ и гр. Хвостовъ, сантименталистъ кн. Шаликовъ, народолюбецъ Глинка и вся „Пушкинская плеяда“.

„Поэтическая оцѣнка Пушкина была отчасти отраженіемъ оцѣнки общественной и въ свою очередь вліяла на нее. Когда русское общество, подхваченное новой волной романтическаго теченія, охладѣло къ реальной музѣ своего прежняго любимца, поэты не измѣнили ему. Только у нихъ находилъ онъ поддержку въ самыя трудныя минуты своей многострадальной жизни...

„Это, несомнѣнно, самая свѣтлая страница его личной исторіи“...

„Не всегда талантливо, но всегда искренно и проникновенно отзывались наши поэты на всѣ главныя событія жизни Пушкина,—оплакали его безвременную смерть, торжественно отпраздновали открытіе памятника, задушевнымъ словомъ помянули его въ годовщину смерти.

„Намъ кажется, что эта поэтическая оцѣнка, во всей ея совокупности, — очень характерный фактъ и помимо эстетической цѣны отдѣльныхъ ея проявленій. Какъ болѣе чуткія натуры, поэты прекрасно выражаютъ всѣ колебанія въ оцѣнкѣ великаго поэта, вѣрно схватываютъ всѣ ея переливы. Бездарныя по формѣ стихотворенія иногда очень значительны по своему общему настроенію или отдѣльнымъ подробностямъ содержанія. Собирая и печатая все, что только можно было собрать, мы этимъ устраняли и субъективность выбора. Въ стихотвореніяхъ знаменитыхъ поэтовъ о Пушкинѣ попадаются слабыя мѣста; среди нихъ есть и сплошь неудачныя. Съ другой стороны, въ слабыхъ стихотвореніяхъ малоизвѣстныхъ поэтовъ можно найти сильныя строфы и строчки, яркіе образы. Съ историко-литературной точки зрѣнія всѣ они одинаково любопытны“...

Г. Каллашъ отнесся къ дѣлу не какъ простой собиратель литературныхъ рѣдкостей, интересныхъ въ данную минуту, а именно, какъ литературный историкъ. По словамъ его, которымъ легко повѣрить, имъ самимъ и лицами, сочувствовавшими его изданію, употребленъ былъ „громадный трудъ на то, чтобы собрать всю эту поэтическую литературу о Пушкинѣ. Извѣстный указатель Межова „Puschkiniana“ оказался въ данномъ случаѣ не полнымъ и не точнымъ“. Въ собранномъ матеріалѣ опущено было многое, что не представляло истори-

ческаго интереса, напримѣръ, „посланія къ Пушкину“ и въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ мѣста не интересныя сами по себѣ. Матеріалъ расположенъ по возможности въ хронологическомъ порядкѣ и снабженъ библіографическими примѣчаніями. Все это составило восемь отдѣловъ: 1) стихотворенія при жизни Пушкина (съ 1815 по 1837 г.); 2) стихотворенія на смерть Пушкина (1837); 3) стихотворенія до открытія памятника въ 1880; 4) стихотворенія на открытіе памятника (1880); 5) стихотворенія 1880—1887; 6) юбилейныя стихотворенія 1887 г.; 7) стихотворенія 1887—1899 гг.; 8) дополнительный отдѣлъ: стихотворенія нерусскія, предположительно отнесенныя къ Пушкину и разысканныя во время печатанія сборника. Собраны и эпиграммы на Пушкина: онѣ характерны для старыхъ литературныхъ нравовъ и между прочимъ „доказываютъ, какъ мало могли сказать противъ Пушкина самые непримиримые литературные враги, озлобленные его убійственными эпиграммами и полемическими статьями“. Наконецъ, опущено нѣсколько стихотвореній частью по цензурнымъ соображеніямъ, частью непонятныхъ по таинственнымъ намекамъ, до сихъ поръ неразъясненнымъ.

Сборникъ г. Божерянова есть небольшая книжка, не идущая ни въ какое сравненіе съ книгой г. Каллаша. Третьяго сборника на ту же тему, и также небольшого, мы не имѣли въ рукахъ.

Г. Зелинскій издалъ седьмую часть своего обзора критической литературы о произведеніяхъ Пушкина: книга обнимаетъ литературу пятидесятыхъ годовъ. Эта хрестоматія, конечно, можетъ быть очень пригодна для изучающихъ Пушкина; но она могла бы быть полезнѣе, если бы матеріалъ былъ хотя сколько-нибудь обставленъ историко-литературными данными: составитель довольствуется простою перепечаткой и здѣсь, какъ вообще въ изданіяхъ г. Зелинскаго, очень неудобно то, что статьи внѣшнимъ образомъ мало выдѣлены: вслѣдъ за концомъ одной статьи идетъ безъ всякаго заглавія другая, и составитель хрестоматіи только въ сноскѣ, внизу страницы, отмѣчаетъ, что начинается другая статья,—пріемъ весьма нескладный.

Для историковъ Пушкина будутъ любопытны каталоги выставокъ, устроенныхъ Академіей наукъ въ Петербургѣ, Обществомъ любителей россійской словесности и Публичнымъ и Румянцовскимъ музеями въ Москвѣ. Всѣ эти выставки представляли не мало интереснаго въ видѣ рисунковъ, портретовъ и вещей, которые едва-ли когда-нибудь опять будутъ собраны вмѣстѣ. Выставка петербургская, кажется, не вызвала спеціальнаго описанія; по поводу московской не мало любопытныхъ разъясненій дано было г. Якушкинымъ (въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“). Рядомъ съ этимъ должно отмѣтить обширное и весьма

старательно исполненное описаніе Пушкинскаго Музея при Александровскомъ лицеѣ.

Въ разрядъ новыхъ свѣдѣній о Пушкинѣ г. Сапожниковъ желаетъ поставить свою „Цѣнную находку". Находка состоитъ въ нѣсколькихъ листкахъ изъ рукописей Пушкина, между прочимъ, извѣстныхъ П. В. Анненкову и имъ не утилизированныхъ. Статья г. Сапожникова объ этой находкѣ была уже помѣщена въ „Русскомъ Архивѣ". Самыя рукописи находятся въ Румянцовскомъ музеѣ. Степень интереса этихъ новыхъ листковъ — умѣренная; тѣмъ не менѣе г. А. Александровъ, представляя собою редакцію журнала „Новое обозрѣніе", напечаталъ вновь „Цѣнную находку", назначивъ за тощую брошюру въ сорокъ страницъ цѣну въ одинъ рубль.

Столѣтній юбилей, кромѣ начатаго академическаго изданія, къ удивленію, не вызвалъ новаго цѣльнаго изданія, какимъ было изданіе Литературнаго фонда. Московское изданіе въ трехъ томахъ (цѣною шесть рублей) исполнено очень хорошо, но не имѣетъ никакихъ объяснительныхъ примѣчаній и не даетъ писемъ Пушкина. Зато явилось два прекрасныхъ школьныхъ изданія. Одно, въ одномъ томѣ (424 страницы), изданіе Петербургской городской думы, заключаетъ избранныя мѣста изъ стихотвореній Пушкина, его поэмъ и повѣстей, для окончившихъ курсъ ученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ города С.-Петербурга, 30-го мая 1899. Этотъ сборникъ составленъ по порученію городской коммиссіи по народному образованію В. П. Острогорскимъ, который распредѣлилъ отрывки изъ Пушкина по очень оригинальной программѣ. Въ семи отдѣлахъ произведенія Пушкина даютъ послѣдовательныя картины изъ русской исторіи: преданья старины глубокой; дѣла давно минувшихъ дней; Россія—съ Петра Великаго; вѣкъ Екатерины Великой; начало XIX-го вѣка; русская природа и жизнь въ деревнѣ; Петербургъ — Москва — Южная Россія; въ отдѣлѣ восьмомъ—„вѣнокъ изъ поэзіи Пушкина". Въ началѣ книги г. Острогорскій помѣстилъ вводную статью „Учитель—учащимся" и краткую біографію Пушкина; затѣмъ къ каждому изъ первыхъ пяти отдѣловъ онъ прибавилъ объяснительныя статьи, которыя должны вводить школьнаго читателя въ содержаніе собранныхъ въ немъ стихотвореній. Такъ въ первомъ отдѣлѣ—„Сказочная Русь"; во второмъ—„Древне-русскій князь", „О Грозномъ царѣ и Борисѣ Годуновѣ", „Стенька Разинъ и волжскіе разбойники"; въ третьемъ — „Вѣкъ Петра Великаго"; въ четвертомъ—„Внѣшнія и внутреннія дѣла"; въ пятомъ—„Отечественная война"; въ шестомъ — „Русская природа", „Помѣщичья жизнь", „Крестьянская жизнь"; въ седьмомъ „Петербургъ", „Москва", „Южная Россія". Лучше этого трудно придумать для школьнаго Пушкина. Во-первыхъ, содержаніе извлеченій подобрано въ доступныхъ для ученика

рубрикахъ; во-вторыхъ, небольшая статья при каждомъ отдѣлѣ можетъ замѣнить объясненіе учителя и внѣ школы.

Другое школьное изданіе Пушкина „для юношества“ сдѣлано министерствомъ финансовъ подъ редакціей П. О. Морозова. О происхожденіи этого изданія читаемъ въ предисловіи:

„Желая ознаменовать празднованіе 26-го мая 1899 года столѣтія со дня рожденія величайшаго поэта А. С. Пушкина безплатною раздачею его сочиненій учащимся въ подвѣдомственныхъ министерству финансовъ учебныхъ заведеніяхъ, министръ финансовъ сдѣлалъ распоряженіе объ изготовленіи и напечатаніи для этой цѣли особаго изданія „Избранныхъ Сочиненій А. С. Пушкина для юношества“. Нѣкоторыя другія вѣдомства, имѣющія въ числѣ своихъ учрежденій учебныя заведенія, также пожелали воспользоваться экземплярами этого изданія для раздачи учащимся, вслѣдствіе чего выработанная для изданія программа подвергнута была подробному обсужденію и одобрена особой коммиссіей при департаментѣ торговли и мануфактуръ подъ предсѣдательствомъ К. К. Случевскаго, и при участіи представителей отъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ учрежденій.

„Два тома этого изданія заключаютъ въ себѣ въ полномъ видѣ или въ болѣе или менѣе значительныхъ отрывкахъ, всѣ важнѣйшія произведенія А. С. Пушкина, по своему содержанію доступныя тому кругу читателей, для котораго изданіе назначается“.

Изданіе назначено для учениковъ средней школы, поэтому выборъ обширнѣе и книга по объему значительно больше, чѣмъ названное выше изданіе для народныхъ школъ.

Говоря о школьномъ Пушкинѣ, надо упомянуть еще о любопытной работѣ Ярославскаго статистическаго комитета. Выше приведено заглавіе книжки о Пушкинѣ, изданной комитетомъ (89 и 43 стр.). Дѣло въ слѣдующемъ. Въ предисловіи мы читаемъ, что лѣтомъ 1898 года Ярославскій статистическій комитетъ, сдѣлавъ обслѣдованіе состоянія начальнаго образованія въ губерніи, нашелъ, что за послѣднія двадцать лѣтъ земская и церковно-приходская училищная дѣятельность выдвинула ярославскую губернію по сравнительнымъ статистическимъ цифрамъ на первое мѣсто среди всѣхъ губерній европейской Россіи, кромѣ Прибалтійскаго края, при чемъ оказывалось также, что въ ярославскомъ населеніи является потребность не въ одной грамотѣ, но и въ болѣе высокой ступени начальнаго образованія, какая дается двуклассными министерскими школами. Въ средѣ комитета возникла мысль сдѣлать опытъ изслѣдованія, „насколько населеніе въ районѣ губерніи ушло впередъ отъ простой грамотности или, вѣрнѣе, насколько оно воспользовалось этой грамотностью для расширенія своего образованія путемъ ознакомленія съ русской литературой. Предстоя-

щія Пушкинскія торжества послужили внѣшнимъ поводомъ для пріуроченія перваго опыта такого изслѣдованія къ имени Пушкина". Въ комитетѣ при содѣйствіи различныхъ дѣятелей мѣстнаго просвѣщенія составленъ былъ рядъ вопросовъ къ учителямъ народныхъ училищъ, и отвѣты на нихъ должны были доставить матеріалъ, по которому можно было бы выяснить „значеніе произведеній Пушкина въ школѣ и степень распространенности ихъ въ населеніи ярославской губерніи". Въ книжкѣ сообщено много подлинныхъ подробностей этого изслѣдованія, общій результатъ котораго тотъ, что извѣстность Пушкина въ народѣ прямо зависитъ отъ школы и отъ существованія школьныхъ и сельскихъ библіотекъ; кромѣ того, въ ярославской губерніи, гдѣ сильно распространены отхожіе промыслы, знакомство съ Пушкинымъ пріобрѣтается также городской жизнью. „Имя Пушкина извѣстно всѣмъ грамотнымъ крестьянамъ. При этомъ все, что̀ сдѣлано до сихъ поръ въ смыслѣ пріобрѣтенія населеніемъ знакомства съ произведеніями поэта, сдѣлано самимъ народомъ и отчасти его ближайшимъ другомъ, незамѣтнымъ героемъ, школьнымъ учителемъ". Одинъ завѣдующій церковно-приходской школой замѣчалъ: „если Пушкинъ есть первый нашъ учитель, наша гордость и слава, то почему бы не принять мѣръ къ ознакомленію съ нимъ нашего народа?" И ярославскій комитетъ, соглашаясь съ этимъ замѣчаніемъ, находитъ, что общество въ долгу передъ Пушкинымъ и должно принять эти мѣры. На основаніи своихъ изслѣдованій комитетъ считаетъ себя въ правѣ намѣтить эти мѣры въ главныхъ чертахъ, а именно—нужны дешевыя изданія отдѣльныхъ произведеній Пушкина и небольшихъ сборниковъ; нужно увеличить въ школьныхъ руководствахъ количество отрывковъ изъ Пушкина; снабдить всѣ школьныя библіотеки возможно бо̀льшимъ количествомъ экземпляровъ Пушкина; наконецъ, помочь школьному учителю въ этомъ дѣлѣ, а именно, „обратить вниманіе учителей на все значеніе Пушкина не только какъ художника слова, но и какъ одного изъ важнѣйшихъ источниковъ народнаго развитія и воспитанія".

Въ этомъ примѣненіи могла бы быть очень полезна упомянутая книга г. Острогорскаго, изданная Петербургской городской училищной коммиссіей.

Журналъ „Жизнь" всю свою майскую книжку (за исключеніемъ текущаго отдѣла) посвятилъ Пушкину. Книжка начинается стихотвореніемъ г. Тана, гдѣ есть весьма оригинальные мотивы, и далѣе помѣщено другое стихотвореніе того же поэта: „Разбойникамъ пера", заглавіе котораго достаточно указываетъ его содержаніе; затѣмъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе интересныхъ статей посвященъ различнымъ сторонамъ изученія Пушкина. Проф. Д. Н. Овсянико-Куликов-

скому принадлежитъ статья—„А. С. Пушкинъ, какъ художественный геній“; Е. А. Соловьеву—„А. С. Пушкинъ въ потомствѣ“—здѣсь отмѣтимъ, между прочимъ, правильную оцѣнку взглядовъ Чернышевскаго на личность и поэзію Пушкина; Алексѣю Н. Веселовскому—„А. С. Пушкинъ и европейская поэзія“; Н. Д. Кашкину—„Значеніе поэзіи А. С. Пушкина въ русской музыкѣ“; А. С. Изгоеву — „Смерть въ поэзіи Пушкина“; М. С. Славинскому — „О дружбѣ Пушкина и Мицкевича“, и онъ же перевелъ отрывокъ изъ „Дѣдовъ“ Мицкевича: „Памятникъ Петра Великаго“; П. Н. Ге—„Поэзія А. С. Пушкина и русское пластическое искусство“; г. Андреевичу—„А. О. Смирнова объ А. С. Пушкинѣ“; проф. Н. П. Некрасову—„Къ вопросу о значеніи А. С. Пушкина въ исторіи русскаго литературнаго языка“; наконецъ, г. Славинскій перевелъ некрологъ Пушкина, написанный Мицкевичемъ въ 1837 г.

Прошлой осенью, на „обѣдѣ беллетристовъ“ возникла мысль издать ко дню столѣтія рожденія Пушкина сборникъ, посвященный его имени, и весь доходъ съ изданія передать на устройство въ селѣ Михайловскомъ, или близь Святогорскаго монастыря, благотворительнаго учрежденія въ память поэта; впослѣдствіи, когда часть сборника была уже напечатана, собраніе беллетристовъ въ виду нѣкоторыхъ измѣнившихся обстоятельствъ постановило пожертвовать сборъ съ изданія на памятникъ Пушкину въ Петербургѣ. Редакторами изданія выбраны были П. П. Гнѣдичъ, Д. Л. Мордовцевъ и К. К. Случевскій; они оповѣстили черезъ газеты авторовъ, которые бы пожелали принять участіе въ сборникѣ своими трудами, и на это предложеніе отозвалось очень много поэтовъ, беллетристовъ и критиковъ, вклады которыхъ составили огромный сборникъ въ 674 страницы большого формата. Всѣхъ участниковъ сборника собралось болѣе восьмидесяти. Не перечисляя ихъ, назовемъ лишь нѣкоторыя имена. Во главѣ сборника, въ составѣ введенія помѣщено письмо Пушкина къ Надеждѣ Андреевнѣ Дуровой (дѣвица-кавалеристъ), сопровожденное примѣчаніями Л. Н. Майкова. Самый сборникъ открывается отрывкомъ изъ перевода „Гамлета“, К. Р., и за тѣмъ въ первомъ отдѣлѣ, посвященномъ поэзіи, находимъ длинный рядъ современныхъ поэтовъ: гг. Аверкіева, Бальмонта, гр. Голенищева-Кутузова, П. М. Ковалевскаго, Мережковскаго, Минскаго, Фофанова, г-жъ Чюминой, Щепкиной-Куперникъ и проч.; въ отдѣлѣ прозы—старыхъ и молодыхъ беллетристовъ: гг. Боборыкина, Мордовцева, Потѣхина, В. Тихонова, Антона Чехова и т. д. Многія изъ этихъ произведеній имѣютъ отношеніе къ Пушкину: кн. В. В. Барятинскій далъ семь переводовъ изъ Пушкина на французскій языкъ; г. Фидлеръ — нѣмецкій переводъ Сказки о рыбакѣ и рыбкѣ; г. А. Михневичъ—отрывокъ изъ драмы „Смерть Пуш-

кина"; К. К. Случевскій—„Драматическую сцену далекаго будущаго: Поверженный Пушкинъ", о которомъ еще ранѣе было извѣстно изъ газетъ. Въ отдѣлѣ прозы находимъ нѣсколько статей, имѣющихъ опять отношеніе къ Пушкину: Ю. Веселовскаго—„Поэзія Пушкина въ преддверіи Азіи" (объ армянскихъ переводахъ изъ Пушкина); А. Маркова—„Германская литература о Пушкинѣ"; М. Муравьева—„Родословіе Пушкина"; С. Шарапова—„Аксаковъ и Тургеневъ о Пушкинѣ"; наконецъ, помѣщенъ въ сборникѣ переводъ двухъ стихотвореній Пушкина на халдейскій языкъ. Въ концѣ книги, г. Кульманъ помѣстилъ указатель Пушкинской юбилейной литературы до 12-го мая, въ которомъ бросается, однако, въ глаза существенный библіографическій недостатокъ: здѣсь даны только имя автора и заглавіе книги, но не указаны ни мѣсто изданія (относительно года предполагается, вѣроятно, что все это—изданія 1899 года), ни объемъ изданій, такъ что неизвѣстно, что̀ представляетъ указанное—большую книгу или маленькую брошюру, серьезный трудъ или легкое твореніе на случай.

Въ послѣднее время явилось нѣсколько иллюстрированныхъ изданій отдѣльныхъ произведеній Пушкина, и готовится нѣсколько еще новыхъ; мы надѣемся сказать о нихъ впослѣдствіи.—А. П.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, поступили въ редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Аргамакова, Серафима.—Красота, ея значеніе въ жизни людей и общества. Спб. 99. Стр. 48. Ц. 50 к.

Аристовъ, Н. А.—Объ Авганистанѣ и его населеніи. Спб. 1898. Оттискъ изъ „Живой Старины". Стр. 73.

Бэйезенг, Г.—„Фаустъ", Гете. Комментаріи къ поэмѣ. Перев. Н. В. Арскаго. Съ историко-литературнымъ очеркомъ легенды о Фаустѣ, объяснительными примѣчаніями къ поэмѣ и библіографическимъ указателемъ. Спб. 99. Стр. 292 и XLVI. Ц. 1 р. 50 к.

Борисовъ, Н. Н.—Поруганные идеалы. Разсказъ. Спб. 99. Стр. 23. Ц. 10 к.

Бубновъ, В.—Стихотворенія. Кіевъ. 99. Стр. 115. Ц. 1 р.

Бюхеръ, К.—Работа и ритмъ. Рабочія пѣсни, ихъ происхожденіе, эстетическое и экономическое значеніе. Перев. съ нѣм. И. Иванова, подъ ред. Д. Коропчевскаго. Спб. 99. Стр. 112. Ц. 60 к.

Волкова, М. М.—Роль мужчины въ охраненіи здоровья женщины. Бесѣды съ мужчинами. Спб. 99. Стр. 190. Ц. 1 р.

Гиггсъ, Г.—Физіократы. Перев. п. р. П. Струве. Спб. 99. Стр. 112. Цѣна 50 коп.

Гливенко, И.—Руководство къ изученію итальянскаго языка. Кіевъ. 99. Стр. 220. Ц. 2 р. 25 к.

Гобсонъ, Дж.—Общественные идеалы Рескина. Ред. Д. Протопопова. Спб. 99. Стр. 129. Ц. 1 р. 50 к.

——— Джонъ Рескина, какъ соціальный реформаторъ. Перев. съ англ. П. Николаева. М. 99. Стр. 353. Ц. 1 р.

Гренхагенъ, К. Б.—Поѣздка на Иматру. Выборгъ, Вильманстрандъ и Сайминскій каналъ. Съ прилож. краткаго Словаря Русско-шведско-финскаго. Спб. 99. Стр. 129 и XXXII. Ц. 40 к.

——— Путеводитель по Финляндіи. Спб. 99. Стр. 507 и XXXII. Ц. 2 р. 50 коп.

Дарвинъ, Ч.—Законы измѣнчивости. Перев. п. р. М. Филиппова. Спб. 99 Стр. 83. Ц. 60 к.

Демидовъ, Н.—А. С. Пушкинъ, его жизнь и творчества („Всходы", № 10). Спб. 99. Стр. 199.

Демковъ, М. И.—Исторія русской педагогія. Ч. I: Древне-русская педагогія (X-XVII вв.). Изд. 2-е. Спб. 99. Стр. 310. Ц. 2 р.

Десятовъ, Г. С. Башкирскіе припущенники и ихъ выкупные платежи въ Красноуфимскомъ и Осинскомъ уѣздахъ Пермской губ. Пермь. 99. Стр. 51.

Джеромъ, К. Джеромъ.—Веселое путешествіе по Темзѣ. „Трое въ одной лодкѣ", не считая собаки. Перев. съ англ. З. Н. Журавской. Спб. 99. Стр. 226. Ц. 1 р.

Жиркевичъ, А. В.—„Друзьямъ". Стих. Ч. II. Спб. 99. Стр. 135. Ц. 1 р. 20 к.

Заваровъ, С. Опытъ изслѣдованія сельскаго хозяйства хлѣбороднаго района Эриванской губерніи и Карсской области. Тифлисъ. 99. Стр. 434.

Зелинскій, В.—Русская критическая литература о Пушкинѣ. часть седьмая. М. 99. Стр. 253. Ц. 1 р.

Зельдовичъ, Я. В.—На чуму. Впечатлѣнія. Спб. 99. Стр. 25.

Іорданъ, В. О.—Крушеніе. М. 99. Стр. 312.

К. А.—Изъ жизни угасающаго племени. (Въ защиту инородцевъ). Томскъ. 99. Стр. 96. Ц. 40 к.

Кайгородовъ, Дм.—Дневникъ петербургской весенней и осенней природы. 1888—97 гг. Спб. 99. Стр. 126. Ц. 2 р.

Карстаньенъ, Фр.—Введеніе въ „Критику чистаго опыта". Перев. В. Лесевича. Изд. 2-е. Спб. 99. Стр. 98. Ц. 1 р.

Кипарскій, Е. В.—О замѣнѣ войны международнымъ судомъ. Перев съ нѣм. Спб. 99. Стр 46.

Клоссовскій, А.—Физическая жизнь нашей планеты, на основаніи современныхъ воззрѣній. Од. 99. Стр. 40.

Ковалевскій, Максимъ. — Краткій обзоръ экономической эволюціи и ея подраздѣленіе на періоды. Переводъ съ франц. В. Палеологъ. Спб. 99. Стр. 28. Ц. 25 к.

Костылевъ, Н. П.—Итоги суда присяжныхъ Елецкаго округа, за 15 лѣтъ (1878—92 г.). Спб. 1899. Стр. 100.

Кулассовскій, Пл.—Стихотворенія А. С. Пушкина, въ славянскихъ переводахъ. Юбилейный сборникъ. Варшава, 99. Стр. 143. Ц. 1 р.

Левитовъ, И.—Ближайшія задачи русской промышленности на крайнемъ Востокѣ. Спб. 99. Стр. 22.

Левитскій, В. Ф.—Сельско-хозяйственный кризисъ во Франціи (1862—92 гг.). Харьк. 99. Стр. 256. Ц. 1 р. 80 к.

Лейкинъ, Н. А.—По сѣверу дикому. Путешествіе изъ Петербурга въ Архангельскъ и обратно. Поѣздка на Кивачъ. Спб. 99. Стр. 241. Ц. 75 к.

——— Въ деревнѣ и въ городѣ. Разсказы. Изд. 2-е. Спб. 99. Стр. 356. Ц. 1 р.

Лункевичъ, В.—Какъ идетъ жизнь въ человѣческомъ тѣлѣ? Съ 33 рис. въ текстѣ. Спб. 99. Стр. 64. Ц. 16 к.

Мильталеръ, Ю.—Что такое красота? Введеніе въ эстетику. Перев. съ нѣм. З. Венгеровой. Спб. 99. Стр. 110. Ц. 40 к.

Маріусъ, д-ръ.—Боль. Переводъ съ нѣм. М. И. Свѣтухина. Харьк. 99. Стр. 27.

Масловъ, М. А. — Песталоцци, его жизнь и дѣятельность. Харьк. 99. Стр. 28.

Писаревъ, С. П.—Памятная книжка г. Смоленска. Смол. 93. Стр. 202.

Полиновскій, М. Б.—Въ желтомъ домѣ. Сцена-монологъ. Од. 99. Стр. 8.

Пушкинъ.—Сочиненія. Изд. Имп. Акад. Наукъ. Приготовилъ и примѣчаніями снабдилъ Л. Н. Майковъ. Т. I. Лирическія стихотворенія. (1812—1817 гг.). Спб. 99. Стр. 421.

——— Бахчисарайскій фонтанъ. Поэма. Иллюстрировалъ В. Я. Суреньянцъ. Текстъ печатанъ подъ ред. П. А. Ефремова. М. 99. Стр. 112, in 4°. Ц. 6 р., и 7 р. 50 к. въ пер.

——— Сочиненія. Изд. московскаго город. обществ. управленія, для учащихся въ III отдѣлен. город. начальн. училищъ. М. 99. Стр. 710.

——— Стихотворенія. Изд. москов. гор. общ. управл. для учащихся во II отдѣл. гор. нач. училищъ. М. 99. Стр. 79.

——— Сказки. Изд. москов. гор. общ. управл., для учащихся въ I отдѣл. гор. нач. училищъ. М. 99. Стр. 67.

Райскій.—Мечты и жизнь. Спб. 99. Стр. 415. Ц. 1 р.

Рисъ-Дэвидсъ. -Буддизмъ. Перев. подъ ред. С. Ф. Ольденбурга. Спб. 99. Стр. 122.

Рождествинъ, А.—А. С. Пушкинъ, первый русскій народный поэтъ. Казань. 99. Стр. 30. Ц. 20 к.

Романовъ, Е. Р. — Матеріалы по исторической топографіи Витебской губерніи. Уѣздъ Велижскій. Могил. 98. Стр. 308.

Рѣсницкій, Н.—Лучше маленькая рыбка... Шутка въ 2 д. Кіевъ. 99. Стр. 67. Ц. 80 к.

С., Л.—Въ защиту личности. Педагогическія идеи Н. А. Добролюбова. Спб. 1899. Стр. 40. Ц. 25 к.

Тардъ, Г. — Молодые преступники. Перев. съ франц. Спб. 99. Стр. 31. Ц. 30 коп.

Терпигоревъ, С. Н. — Собраніе сочиненій (С. Атава). Ред. С. Н. Шубинскаго. Съ біографическимъ очеркомъ П. В. Быкова. Т. I, II и III. Все изданіе въ 6 т., 8 руб. Спб. 99.

Торсое, А. -Исторія нашего столѣтія. 1845—1890 г. Т. I: 1815—1863 гг. Т. II: 1863—1899 гг. Перев. съ дат. М. В. Лучицкой, п. р. проф. И. В. Лучицкаго. Кіевъ. 99. Стр. 512 и 498. Ц. по 1 р. 75 к.

Трайль, Г. Д.—Общественная жизнь Англіи. Т. VI: Съ 1815 г. до общихъ выборовъ 1885 г. Перев. съ англ. П. Николаева. М. 99. Стр. 588. Ц. 3 р.

Турыгина, Л.—А. С. Пушкинъ въ области музыки. Для юношества и любителей музыки. Спб. 99. Стр. 34. Ц. 25 к.

——— Учебникъ элементарной теоріи музыки, съ сборникомъ задачъ. Спб. 99. Стр. 102. Ц. 1 р.

Фришманъ, Д.—Избранныя стихотворенія А. С. Пушкина. Въ переводѣ на еврейскій языкъ. Съ портретомъ и біографіею Пушкина, составленною д-ромъ Л. Каценельсономъ. Спб. 99. Стр. 42.

Чешихинъ, Всеволодъ.—Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ. Драматическій этюдъ. Рига. 99. 49 стр. Ц. 40 к.

Шамисоновъ, А.—Краткое руководство для изученія правилъ перспективы, приспособленное для учащихся въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и для начинающихъ художниковъ. Тифл. 99. Стр. 38. Ц. 1 р.

Шоттъ, д-ръ Т.—Къ вопросу объ остромъ переутомленіи сердца и его леченіи. Съ приложеніемъ о наблюденіяхъ съ помощью Рёнтгеновскихъ лучей. Перев. д-ра М. И. Свѣтухина. Харьк. 99. Стр. 40.

Штейнъ, Лудв.—Идеалъ „Вѣчнаго мира" и соціальный вопросъ. Перев. съ нѣм. В. Устюгъ. 99. Стр. 81. Ц. 35 к.

Якушкинъ, В. Е.—О Пушкинѣ. Статьи и замѣтки. М. 99. Стр. 176. Цѣна 1 руб.

Энгельгардтъ, М. А.—Письма о земледѣліи. Съ „вводными предложеніями", по адресу неомарксизма. Спб. 99. Стр. 114. Ц. 50 к.

Эрлауъ, Конкордія.—Стихотворенія. На память отъ отца. Спб. 99. Стр. 35.

Heimweh, Jean. — Allemagne-France. Alsace-Lorraine. Par. 99. Стр. 47. Ц. 1 фр.

Le Livre des Mille Nuits et une Nuit. Traduction littérale et compléte du texte arabe, par le d-r J. Mardrus. T. I. Paris. 99. Стр. 345. Ц. 7 фр.

Loewinson-Lessing, F.—Studien über die Eruptiogesteiner. Mit Taf. St.-Pet. 99. Стр. 464.

— Архивъ князя Воронцова. Кн. V. Бумаги гр. А. Р. Воронцова. М 1872. Стр. 495. Ц. 2 р.

— А. С. Пушкинъ въ сельскомъ населеніи и школѣ Ярославской губерніи. Труды Ярославскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Выпускъ. X. Ярославль. 99. 89 и 43 стр.

— Историческое Обозрѣніе. Сборникъ Историческаго Общества при Имп. Спб. Унив, изд. п. р. Н. И. Карѣева. Т. X. Спб. 99. Стр. 154. Ц. 1 р. 50 к.

— Кавказская поминка о Пушкинѣ.(Изданіе редакціи газеты „Кавказъ"). Тифлисъ. 99. XX и 153 стр. Для подписчиковъ „Кавказа" безплатно, а въ отдѣльной продажѣ ц. 1 р., при чемъ вырученныя деньги поступаютъ въ пользу голодающихъ.

— Литературный Сборникъ. „Поможемъ, чѣмъ можемъ". Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Каз. 99. Стр. 124. Ц. 40 к.

— Лѣтнія колоніи москов. городскихъ начальныхъ училищъ. Отчетъ 1898 г., съ приложеніемъ. М. 99. Стр. 81.

— Научно-популярная библіотека для народа: № 1. Земля, состав. В. Лункевичъ. Ц. 8 к. № 2. Небо и звѣзды. Ц. 8 к. № 4. Жизнь въ каплѣ воды. Ц. 8 к. Спб. 99.

— Описаніе Пушкинскаго Музея Имп. Александровскаго Лицея. Составляли воспитанники I кл. ZV курса, С. М. Аснашъ и А. Н. Яхонтовъ, п. р. завѣдующ. Музеемъ И. А. Шляпкина. Спб. 99. Стр. 514.

— Сборникъ консульскихъ донесеній. Годъ второй. Вып. III и IV. Спб. 99. Ц. 1 р.

— Сборникъ статей объ А. С. Пушкинѣ. По поводу столѣтняго юбилея. Съ иллюстраціями. 1799—1899. Кіевъ. 99. Стр. 287. Ц. 1 р. 50 к.

— Статистическій Ежегодникъ Московской губ. М. 99. Стр. 540.

ОСОБОЕ ЧЕСТВОВАНІЕ ПУШКИНА.

Письмо въ редакцію.

Это особое и достопримѣчательное чествованіе устроено нѣсколькими господами „оргіастами“ (таковъ ихъ главный оффиціальный титулъ) на страницахъ извѣстнаго и весьма занимательнаго журнала „Міръ Искусства“. Вы, совершенно напрасно, не читаете этого журнала, и я хочу обратить на него ваше вниманіе своимъ разсказомъ. Но съ этимъ особымъ литературнымъ поминаніемъ Пушкина связано одно маленькое личное происшествіе; разскажу вамъ и его, такъ какъ и оно при всей своей микроскопичности кажется мнѣ тоже любопытнымъ.

Столѣтній юбилей Пушкина засталъ меня въ Швейцаріи, въ мѣстечкѣ, называемомъ Уши и составляющемъ пріозерное предмѣстье города Лозанны. Я пріѣхалъ туда за нѣсколько дней передъ тѣмъ изъ приморскаго города Каннъ, гдѣ прожилъ около двухъ мѣсяцевъ, въ гостяхъ у одного дружескаго русскаго семейства. Въ Уши я также помѣстился въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ этими друзьями. Наканунѣ юбилейнаго дня у насъ былъ разговоръ о томъ, какъ жалко, что никто не захватилъ за границу сочиненій Пушкина, и что въ Лозаннѣ невозможно достать ничего, кромѣ запрещеннаго изданія съ наполовину подложными и болѣе чѣмъ наполовину непристойными стихотвореніями. Такимъ образомъ мы были лишены единственнаго и наилучшаго способа помянуть Пушкина чтеніемъ его твореній. Въ полдень 26 или 27 мая входитъ въ мою комнату почтальонъ съ толстой бандерольной посылкой и заказнымъ письмомъ. И то и другое—отъ редакціи „Міра Искусства“. Читаю письмо и сначала ничего не понимаю. Редакція, препровождая мнѣ полное собраніе сочиненій Пушкина, торопитъ прислать къ началу мая статью или замѣтку о Пушкинѣ для юбилейнаго выпуска журнала. Послѣ нѣсколькихъ минутъ недоумѣнія смотрю на помѣтку числа отправленія (съ чего, конечно, слѣдовало бы начать) и вижу что-то въ родѣ 6 или 9 апрѣля. На конвертѣ и на бандероли тоже какія-то апрѣльскія числа и на петербургскомъ и на каннскомъ штемпелѣ. Вспоминаю, что дѣйствительно передъ отъѣздомъ далъ условное обѣщаніе постараться что-нибудь написать, но за невозможностью достать въ Каннѣ Пушкина считалъ себя отъ этого обѣщанія свободнымъ. Но почему каннская почта, которую я своевременно извѣстилъ о своемъ тамошнемъ и вовсе не

извѣщалъ о лозаннскомъ адресѣ,—почему она держала эту посылку болѣе мѣсяца и почему вдругъ ее отправила и какъ разъ въ пушкинскіе дни—это оставалось непонятнымъ. Матеріальныя причины этой странности и до сихъ поръ мнѣ неизвѣстны, хотя, разумѣется, онѣ были. „Конечная“ же „причинность“ или „цѣлесообразность“ этого маленькаго происшествія оказалась несомнѣнная и притомъ двойная. Это, впрочемъ, выяснилось для меня лишь впослѣдствіи, по возвращеніи въ Россію. А пока можно было только радоваться, что и намъ съ друзьями пришлось подобающимъ образомъ помянуть dona Dei per poëtam. Нѣсколько вечеровъ къ ряду—кажется, всю юбилейную недѣлю—читалъ я Пушкина вслухъ и прочелъ такимъ образомъ всѣ лучшія его творенія.

Вернувшись въ Россію, я познакомился съ № 13—14 названнаго художественнаго журнала. Текстъ этого № посвященъ весь Пушкину и его юбилею и составленъ четырьмя писателями: г. Розановымъ (Замѣтка о Пушкинѣ), г. Мережковскимъ (Праздникъ Пушкина), г. Минскимъ (Завѣты Пушкина) и г. Сологубомъ [1]) (Къ всероссійскому торжеству). Въ замѣткѣ г. Розанова, увѣнчанной изображеніемъ дракона съ вытянутымъ жаломъ, Пушкинъ объявленъ поэтомъ безсодержательнымъ, ненужнымъ для насъ и ничего болѣе намъ не говорящимъ, и это поясняется черезъ противопоставленіе ему Гоголя, Лермонтова, Достоевскаго и Л. Толстого. Почему-то, говоря объ этихъ *четырехъ* писателяхъ и называя ихъ всѣхъ четырехъ, то вмѣстѣ, то порознь, г. Розановъ упорно считаетъ ихъ тремя: „эти три“, „тѣ три“. Оказія сія по мнѣ ужъ не нова. Вѣдь историческій романъ Александра Дюма-отца, описывающій похожденія четырехъ мушкетеровъ, почему-то называется „Три мушкетера“. Но кого же изъ четырехъ писателей г. Розановъ ставитъ не въ счетъ? Въ самомъ концѣ своей замѣтки онъ дѣйствительно называетъ вмѣстѣ только трехъ: Достоевскаго, Толстого, Гоголя. Выкинутъ, значитъ, Лермонтовъ. Но немного выше (стр. 7), сдѣлавъ выписку именно изъ *Лермонтова*, г. Розановъ замѣчаетъ: „Да, они всѣ, т.-е. эти три, были пьяны“. Значитъ, въ числѣ трехъ считается и четвертый—Лермонтовъ, и твердымъ остается убѣжденіе г. Розанова, что четыре есть три.

Но это, конечно, не важно. Любопытно, въ чемъ найдена противоположность между Пушкинымъ и этими четырьмя (они же и три) писателями. Чтобы не обидѣть какъ-нибудь нечаянно г. Розанова, я приведу цѣликомъ главное мѣсто его замѣтки:

„Душа *не нудила* Пушкина сѣсть, пусть въ самую лучшую погоду и звѣздно-уединенную ночь, за столъ, передъ листомъ бумаги; тѣхъ

[1]) Псевдонимъ.

трехъ—она нудила, и собственно абсолютной внѣшней свободы, „въ Римѣ“, „на бѣломъ свѣтѣ“ они искали какъ условія, гдѣ ихъ никто не позоветъ въ гости, къ нимъ не придетъ въ гости никто. Отсюда восклицаніе Достоевскаго, черезъ героя-автора „Записокъ о Мертвомъ Домѣ“—объ этомъ испытанномъ имъ Мертвомъ Домѣ:—„Едва я вошелъ въ камеру (острогъ), какъ одна мысль съ особеннымъ и даже исключительнымъ ужасомъ встала въ душѣ моей: *я никогда больше не буду одинъ... долго, годы не буду*“:

. . . и языкъ
Лепечетъ громко, безъ сознанья
Давно забытыя названья;
Давно забытыя черты
Въ сіяньи прежней красоты.
Рисуетъ память своевольно:
Въ очахъ любовь, въ устахъ обманъ,
И вѣришь снова имъ невольно
И какъ-то весело и больно
Тревожишь язвы старыхъ ранъ...
Тогда пишу.

„Что „пишу“, что „написалъ“? *Даже не разберешь: какой-то наборъ словъ, точно бормотанье пьянаго человѣка* [1]). Да, они всѣ, т.-е. эти три — были пьяны, т.-е. *опьянены*, когда Пушкинъ былъ существенно *трезвъ*. Три новыхъ писателя, существенно новыхъ — суть *оргіасты* [2]) въ томъ значеніи и, кажется, съ тѣмъ же родникомъ, какъ и Пиѳія, когда она садилась на треножникъ. „Въ расщелинѣ скалы была дыра, въ которую выходили сѣрные одуряющіе пары“,— записано о Дельфійской пророчицѣ. И они всѣ, т.-е. эти три писателя, побывали въ Дельфахъ и принесли намъ существенно древнее, но и вѣчно новое, каждому поколѣнію нужное, языческое пророчество. Есть нѣкоторый всемірный пиѳизмъ, не какъ особенность Дельфъ, но какъ принадлежность исторіи и, можетъ быть, какъ существенное качество міра, космоса. По крайней мѣрѣ, когда я думаю о движеніи по кругамъ небесныхъ свѣтилъ, я не могу не поправлять космографовъ: „хороводы“, „танецъ“, „пляска“ и въ концѣ концовъ именно „пиѳизмъ“ свѣтилъ, какъ свѣжая ихъ *самовозбужденность* „подъ одуряющими внѣшними парами“. Вѣдь и подтверждаютъ же новые ученые въ кинетической теоріи газовъ старую картезіанскую гипотезу космическихъ влекущихъ „вихрей“. Этотъ пиѳизмъ, коего капелька была даже у Ломоносова:

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ...

---

[1]) Курсивъ мой. В. С.
[2]) Тоже.

и была его бездна у Державина: *онъ исчезъ, испарился, выдохся у Пушкина* [1]), оголивъ для міра и поученія потомковъ его громадный умъ. Да, Пушкинъ больше умъ, чѣмъ поэтическій геній. У него былъ геній всѣхъ минувшихъ поэтическихъ формъ; дивный *наборъ октавъ и ямбовъ* [2]), которымъ онъ распоряжался свободно; и сверхъ старческаго ума—душа какъ резонаторъ всемірныхъ звуковъ:

Реветъ ли звѣрь...
Поетъ ли дѣва...
На всякій звукъ
Родишь ты откликъ.

Онъ принималъ въ себя звуки съ цѣлаго міра, но *„пиѳійской расщелины" въ немъ не было* [3]), изъ которой вырвался бы существенно для міра новый звукъ и міръ обогатилъ бы. Можно сказать—міръ сталъ лучше послѣ Пушкина: такъ многому въ этомъ мірѣ, т.-е. въ сферѣ его мысли и чувства, онъ придалъ чеканъ послѣдняго совершенства. Но послѣ Пушкина міръ не сталъ богаче, *обильнѣе*. Вотъ почему въ звѣздную ночь:

„—баринъ всю ночь игралъ въ карты" [4])

—и, *кто знаетъ, не въ эту ли и не объ этой ли самой ночи Лермонтовъ написалъ* [5]):

Ночь тиха. Пустыня внемлетъ Богу
И звѣзда съ звѣздою говоритъ".

Остановимся на минуту. Вотъ характерная черта: въ ней весь писатель. Говорю не про Лермонтова, а про Розанова. Онъ спрашиваетъ, т.-е. въ вопросительной формѣ догадывается: кто знаетъ, не въ эту ли и не объ этой ли самой ночи (когда Пушкинъ игралъ въ карты) Лермонтовъ написалъ свое стихотвореніе „Выхожу одинъ я на дорогу". Можно подумать, что біографія Пушкина и Гоголя, хронологія лермонтовскихъ стихотвореній—все это предметы, „покрытые мракомъ неизвѣстности". „*Кто* знаетъ"? Да вѣдь *всякій*, если не знаетъ, то по надлежащей справкѣ легко можетъ узнать, когда именно Гоголь познакомился съ Пушкинымъ и къ какому именно времени относится Лермонтовское стихотвореніе, а узнавши это, *всякій* можетъ видѣть, что дѣло идетъ о двухъ фактахъ, раздѣленныхъ долгими годами, и что осенняя петербургская ночь, которую Пушкинъ просидѣлъ за кар-

[1]) Курсивъ мой.

[2]) Тоже.

[3]) Тоже.

[4]) Разумѣется ночь, послѣ которой Гоголь въ первый разъ пришелъ къ Пушкину и услыхалъ отъ его слуги этотъ отвѣтъ. Почему г. Розановъ считаетъ эту ночь звѣздною—совершенно неизвѣстно.

[5]) Курсивъ мой.

тами, никакъ не могла быть тою самою сіяющею ночью, которая много спустя послѣ смерти Пушкина вдохновила Лермонтова среди кавказской пустыни. Что же такое этотъ вопросъ: „кто знаетъ"? Право, я не буду теперь слишкомъ удивленъ, если какой-нибудь „оргіастическій" мыслитель печатно предъявитъ въ одно прекрасное утро такой, напримѣръ, вопросъ: „кто знаетъ, та ночь, въ которую родился Мухаммедъ, не была ли она та самая Варѳоломеева ночь, когда Александръ Македонскій поразилъ мавританскаго дожа Густава Адольфа на равнинѣ Хереса, Малаги и Портвейна".

И если бы еще отсутствіе реальной правдивости въ соображеніяхъ г. Розанова замѣнялось какимъ-нибудь идеальнымъ смысломъ, хотя бы фантастическимъ. А то вѣдь чѣмъ обогащается умъ и сердце при замѣчаніи, что въ ту ночь, когда Пушкинъ игралъ въ карты, Лермонтовъ, можетъ быть, написалъ стихотвореніе „Выхожу одинъ я на дорогу"? Какъ единичное сопоставленіе, это было бы такъ же малоинтересно, какъ и то, что, когда Пушкинъ писалъ „Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ", Гоголь, можетъ быть, строилъ гримасы какому-нибудь своему нѣжинскому профессору, а Лермонтовъ бѣгалъ за своими кузинами. А если бы сопоставленіе г. Розанова можно было обобщить, то-есть, что Пушкинъ будто бы постоянно игралъ въ карты по ночамъ, а въ это время его якобы антиподы, которыхъ „нудило" къ перу и письменному столу, прилежно занимались поэзіею, то вѣдь если бы этимъ что-нибудь доказывалось, то развѣ только прямо противоположное тому, къ чему клонится вся замѣтка г. Розанова,—доказывалось бы, что Пушкинъ былъ, подобно Моцарту, „гуляка праздный", но очевидно геніальный, если постоянная игра и гульба съ пріятелями не помѣшала ему дать въ поэзіи то, что онъ далъ, а его три-четыре антипода оказались бы, въ родѣ Сальери, художниками трезвыми и усердными, но не столь геніальными. Между тѣмъ г. Розановъ стоитъ какъ разъ на томъ, что Пушкинъ былъ болѣе трезвый умъ, нежели творческій геній, тогда какъ тѣ его три-четыре преемника выставляются какими-то вдохновенными пиѳіями (что, однако, не мѣшало у Гоголя „надуманности" и „искусственности" его твореній).

Но я опять боюсь, не взвести бы чего лишняго на г. Розанова и спѣшу къ его ipsissima verba въ заключеніи его замѣтки о Пушкинѣ:

„Пушкинъ, по многогранности, по *все*-гранности своей—вѣчный для насъ и во всемъ наставникъ. Но онъ слишкомъ строгъ. Слишкомъ серьезенъ. Это—во-первыхъ. Но и далѣе, тутъ уже начинается наша правота: его грани суть всего менѣе длинные и тонкіе корни, и прямо не могутъ слѣдовать и ни въ чемъ не могутъ помочь нашей душѣ, которая ростетъ глубже, чѣмъ возможно было въ его время, въ землю, и особенно ростетъ живѣе и жизненнѣе, чѣмъ опять же было воз-

можно въ его время и чѣмъ какъ онъ самъ росъ. Есть множество темъ у нашего времени, на которыя онъ, и зная даже о нихъ, не могъ бы *никакъ* отозваться; есть много болей у насъ, которымъ онъ уже не сможетъ дать *утѣшенія*; онъ слѣпъ „какъ старецъ Гомеръ"—для множества случаевъ. О, какъ зорче..., Эврипидъ, даже Софоклъ; конечно—зорче и нашего Гомера Достоевскій, Толстой, Гоголь. Они намъ нужнѣе, какъ ночью, въ лѣсу—умѣлые провожатые. И вотъ эта практическая нужность создаетъ обильное имъ чтеніе, какъ ея же отсутствіе есть главная причина удаленности отъ насъ Пушкина въ какую-то академическую пустынность и обожаніе. Мы его „обожили": такъ поступали и древніе съ людьми, „которыхъ нѣтъ больше". „Ромулъ умеръ"; на небо вознесся „богъ Квиринъ".

Прекрасно. Когда г. Розановъ говоритъ, что Пушкинъ намъ не нуженъ, то вопросъ можетъ быть только о точномъ опредѣленіи тѣхъ „мы", отъ имени которыхъ онъ это говоритъ. Но во всякомъ случаѣ ненужность Пушкина для этихъ „мы" неужели происходитъ отъ того, что онъ былъ слишкомъ строгъ, слишкомъ серьезенъ? Можетъ быть, эти слова имѣютъ здѣсь какой-нибудь особый смыслъ — а въ обыкновенномъ смыслѣ откуда бы взяться излишней строгости и серьезности у того Пушкина, котораго самъ г. Розановъ нѣсколько выше характеризуетъ такъ:

„Ночь. Свобода. Досугъ:

— Вѣрно всю ночь писалъ?

— Нѣтъ, всю ночь въ карты игралъ.

„Онъ любилъ жизнь и людей. Ясная осень, даже просто настолько ясная, что можно выйти, пусть по сырому грунту, въ калошахъ — и онъ непремѣнно выходилъ. Нѣтъ карантина, хотя бы въ видѣ непролазной грязи,—и онъ съ друзьями. Вотъ еще черта различія: Пушкинъ всегда среди друзей, онъ—*дружный* человѣкъ; и примѣняя его глаголъ о „гордомъ славянинѣ" (?) и архаизмъ историческихъ его симпатій, мы можемъ „дружный человѣкъ" передѣлать въ „дружинный человѣкъ". „Хоровое начало", какъ ревѣли на своихъ сходкахъ и въ неуклюжихъ журналахъ славянофилы".

Вотъ я, кажется, привелъ все существенное изъ увѣнчанныхъ дракономъ изліяній г. Розанова. О Пушкинѣ мы здѣсь, конечно, ничего не узнаемъ. Ничего не узнаемъ и про противоположныхъ, будто бы, Пушкину позднѣйшихъ русскихъ писателей. Изліянія г. Розанова даютъ достаточное понятіе лишь объ одномъ писателѣ—о немъ самомъ. Съ удивительною краткостью и мѣткостью характеризуетъ онъ свое собственное творчество, воображая, что говоритъ о Лермонтовѣ.

„Что пишу? Что написалъ? Даже и не разберешь: какой-то наборъ словъ, точно бормотанье пьянаго человѣка".

Онъ называетъ это *оргіазмомъ*, или *пиѳизмомъ*, и считаетъ чѣмъ-то ужасно великолѣпнымъ, и хотя ему совсѣмъ не удалось показать, чтобы Гоголь и Лермонтовъ, Достоевскій и Толстой были въ этомъ виновны, зато себя онъ обнаружилъ вполнѣ какъ литературнаго „оргіаста“, „пиѳика“, корибанта, а проще—юродствующаго. Русскій народъ знаетъ и очень почитаетъ „Христа ради юродивыхъ“. Конечно, не къ ихъ числу принадлежитъ этотъ писатель. Онъ, впрочемъ, не скрываетъ, ради чего и во имя чего производятся его литературныя юродства: онъ указываетъ на языческую пиѳію, на ея дельфійскую расщелину, гдѣ „была дыра, въ которую выходили сѣрные одуряющіе пары“. Вдохновляющая сила идетъ здѣсь во всякомъ случаѣ откуда-то *съ низу*. И вотъ почему Пушкинъ „не нуженъ“: въ его поэзіи (увы! только въ поэзіи) сохранилось слишкомъ много вдохновенія, идущаго *съ верху*, не изъ расщелины, гдѣ сѣрные, удушающіе пары, а оттуда, гдѣ свободная и свѣтлая, недвижимая и вѣчная красота.

Пришелъ сатрапъ къ ущельямъ горнымъ,
И видитъ: тѣсныя врата
Замкомъ замкнуты непокорнымъ,
Грозой грозится высота.
И надъ тѣсниной торжествуя,
Какъ мужъ на стражѣ въ тишинѣ
Стоитъ, бѣлѣясь, Ветилуя
Въ недостижимой вышинѣ.

Въ недостижимой—для г. Розанова, не менѣе, чѣмъ для Олоферна. И для того, и для другого поэзія не идетъ дальше пляшущихъ сандалій Юдиѳи, а Ветилуя [1]), это „слишкомъ строго“, „слишкомъ серьезно“. И вотъ почему Пушкинъ причтенъ къ тѣмъ, „которыхъ нѣтъ больше“. Не то, чтобы и у Пушкина не было „пляшущихъ сандалій“,—на иной взглядъ этого добра здѣсь даже слишкомъ много,—но чувствуетъ г. Розановъ—и я радъ отдать должное вѣрности его чутья въ этомъ случаѣ,—чувствуетъ онъ, что Ветилуя-то въ этой поэзіи перевѣшиваетъ, и что это образъ настоящей, неподдѣльной, не дельфійской Ветилуи! Ну, и не нужно Пушкина. А тѣ три-четыре, хотя г. Розановъ безбожно раздулъ ихъ „пиѳизмъ“, но и тутъ чутье все-таки не обмануло его: розановскаго „пиѳизма“, положимъ, въ нихъ мало, но и Ветилуи настоящей почти не видать. Гоголь и Достоевскій всю жизнь тосковали по ней, но въ писаніяхъ ихъ она является *главнымъ образомъ* лишь по контрасту съ разными Мертвыми Душами и Мертвыми Домами; Лермонтовъ до злобнаго отчаянія рвался къ

[1]) Значитъ „домъ Божій“.

ней—и не достигалъ, а Толстой подмѣнилъ ее „Нирваной“, чистой, но пустой и даже не бѣлѣющейся въ вышинѣ.

Какимъ образомъ отверженіе „ненужнаго“ Пушкина сошлось въ „Мірѣ Искусства“ съ его идолопоклонническимъ прославленіемъ? Дѣло въ томъ, что г. Розановъ хотя мало смыслитъ въ красотѣ, поэзіи и Пушкинѣ, но отлично чувствуетъ дельфійскую расщелину, и дыру, съ сѣрными парами; поэтому онъ по инстинкту отмахивается отъ Пушкина,—это цѣльное явленіе въ своемъ родѣ. Что же касается до гг. Мережковскаго и Минскаго, то при бо̀льшихъ литературныхъ заслугахъ (хорошіе переводы изъ древнихъ) они лишены „пиѳической“ цѣльности и въ этой области болѣе поверхностны. Несомнѣнный вкусъ къ „пиѳизму“ и „оргіазму“ соединяетъ ихъ съ г. Розановымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, сами поэты, они искренно восхищаются и анти-пиѳическою поэзіей Пушкина. То же, кажется, должно сказать и о четвертомъ мушкетерѣ этой символической компаніи.

У почтеннаго г. Мережковскаго его пиѳизмъ, или оргіазмъ выражается только формально—въ неясности и нечленораздѣльности его размышленій. И г. Мережковскій могъ бы спросить себя: „что̀ пишу? что̀ написалъ“? Во всякомъ случаѣ дѣло идетъ у него не о Пушкинѣ, а о предметахъ постороннихъ—прежде и больше всего о всемогуществѣ издателя „Новаго Времени“, который названъ великимъ магомъ. Все это, конечно, иронія, но точный смыслъ ея совершенно неясенъ. А затѣмъ г. Мережковскій указываетъ на контрастъ между теперешнимъ всероссійскимъ чествованіемъ Пушкина и тѣмъ, что̀ происходило еще „вчера“. А именно вчера три писателя высказали о Пушкинѣ мнѣнія, которыя не нравятся г. Мережковскому. Но въ чемъ же тутъ контрастъ между „вчера“ и „сегодня“? Вѣдь ни одинъ изъ этихъ писателей отъ своихъ „вчерашнихъ“ мнѣній не отказался „сегодня“, а съ другой стороны эти мнѣнія были такими же одинокими въ русской печати „вчера“, какъ остаются и сегодня. Мнѣніе Спасовича сейчасъ же было приписано его польской предвзятости, мнѣніе Толстого тотчасъ же подверглось почтительному замалчиванію, какъ оно замалчивается и теперь, а что касается до меня, то „Судьба Пушкина“ при первомъ своемъ появленіи уже вызвала единодушную брань всей печати. Въ чемъ же та перемѣна и тотъ контрастъ, на которые указываетъ г. Мережковскій? Это указаніе, какъ и все прочее, есть только дань „пиѳизму“ и ничего болѣе.

Настоящее сліяніе между „пиѳизмомъ“ и свободною отъ него поэзіей Пушкина произведено г. Минскимъ. Пріемъ поражаетъ своею простотою и смѣлостью. Чтобы сдѣлать Пушкина своимъ единомыш-

ленникомъ, г. Минскій приписалъ ему свои мысли, вотъ и все. Побѣда эстетическаго идеала надъ этическимъ—вотъ одна изъ творческихъ идей Пушкина, смѣло утверждаетъ г. Минскій. Побѣда инстинкта надъ разсудкомъ—вторая изъ нихъ. Г. Минскій указываетъ на Онѣгина, *пожелавшаго* счастія именно тогда, когда для его достиженія понадобилось разрушить семейный міръ любимой женщины и опозорить ее въ глазахъ свѣта. Давно ли *пожеланіе* называется побѣдой? Неужели г. Минскій думаетъ, что его читатели совсѣмъ забыли Пушкина, не помнятъ даже, что въ его романѣ побѣда осталась не за „эстетическимъ" Онѣгинымъ, а за „этическою" Татьяной, весьма позорно побившею героя? Правда, г. Минскій вспоминаетъ и о другой побѣдѣ Онѣгина, объ убійствѣ Ленскаго... (стр. 25).

Три завѣта нашелъ г. Минскій у Пушкина. Первый завѣтъ—противоположеніе поэзіи разсудку и нравственности. „Второй завѣтъ Пушкина гласитъ, что художникъ призванъ не съ тѣмъ, чтобы баюкать и согрѣвать души людей, а съ тѣмъ, чтобы вѣчно ихъ мучить и жечь". Сущность третьяго и самаго великаго завѣта—равнодушіе къ добру и злу.

Довольно однако. Я думаю, вы согласитесь теперь, что я испыталъ двоякую цѣлесообразность. Какъ будто какая-то благодѣтельная сила хотѣла оказать мнѣ двойную услугу: давая мнѣ способъ помянуть Пушкина наилучшимъ образомъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ избавила меня отъ всякаго, хотя бы невольнаго участія въ этомъ покушеніи—сбросить „бѣлѣющуюся Ветилую" нашего несравненнаго поэта въ темную и удушливую расщелину Пиѳона.

Владиміръ Соловьевъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

N. Hoffmann. Th. M. Dostojewsky. Eine biographische Studie. Berlin. 1899. Стр. 451.

Въ западно-европейской литературѣ за послѣдніе годы появляется много книгъ и статей, обсуждающихъ значеніе русскаго романа вообще и романовъ Достоевскаго въ частности. Болѣе всего Достоевскій занимаетъ французскую критику,—Вогюэ, Энекенъ, Бурже, Леметръ, Визева и множество другихъ высказывали свое пониманіе Достоевскаго, его типовъ и его „ученія“. Но въ ихъ пространныхъ очеркахъ проявляется совершенно особое отношеніе къ русскому писателю—французы ищутъ въ его романахъ этическій элементъ. Для нихъ Достоевскій имѣетъ значеніе какъ проповѣдникъ христіанскаго возрожденія въ извѣрившемся, нравственно павшемъ французскомъ обществѣ, — ничего другого, болѣе отвлеченнаго и обособленнаго отъ нуждъ французскаго общества, они въ немъ не видятъ, и поэтому имъ не удалось прибавить ни одной истины къ пониманію творчества Достоевскаго.

Книга нѣмецкой писательницы, г-жи Нины Гофманъ, по своему замыслу имѣетъ болѣе непритязательный, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе общій характеръ. Г-жа Гофманъ не берется произносить судъ надъ Достоевскимъ, какъ это дѣлаетъ большинство европейскихъ критиковъ; но зато она и не выкраиваетъ изъ него, такъ сказать, кусковъ для заплатъ на износившемся платьѣ своей отечественной литературы. Она старается объективно изучить жизнь и творчество одного изъ самыхъ сложныхъ и загадочныхъ изъ романистовъ XIX вѣка. При этомъ она болѣе всего думаетъ не о томъ, что̀ Достоевскій „даетъ“ литературѣ другихъ странъ, а о томъ, что̀ въ немъ есть наиболѣе самобытнаго, отличающаго его отъ всѣхъ другихъ писателей, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она отмѣчаетъ то, что̀ иностраннымъ читателямъ можетъ показаться исключительной особенностью Достоевскаго, будучи на самомъ дѣлѣ оригинальнымъ проявленіемъ національнаго духа. Эти двѣ черты — отраженіе чисто-русскаго душевнаго міра и спеціальная „миссія“ Достоевскаго, его постепенное, твердое созиданіе мистической „правды“

жизни—служатъ нѣмецкой писательницѣ руководящей нитью при изученіи Достоевскаго и объясненіи нѣмецкимъ писателямъ его творчества.

Объективность очерка г-жи Гофманъ — большое его достоинство. Книга предназначена для нѣмецкихъ читателей, имѣющихъ опредѣленныя требованія отъ литературы—и тѣмъ труднѣе заставить ихъ отказаться отъ всѣхъ обычныхъ критеріевъ и войти въ совершенно чуждый міръ, управляемый своими, трудно уловимыми для иностранца законами. Г-жѣ Гофманъ удается въ значительной степени исполнить эту трудную задачу. Она скромно называетъ свою книгу біографическимъ очеркомъ; но разсказъ о жизни романиста превращается въ ея передачѣ въ психологическій этюдъ, въ исканіе путей къ сущности творческаго генія Достоевскаго. Для русскаго читателя едва ли найдется что-либо новое въ данныхъ, сообщаемыхъ г-жей Гофманъ. Фактическій матеріалъ, бывшій въ ея распоряженіи, достаточно извѣстенъ въ Россіи; онъ взятъ главнымъ образомъ изъ трудовъ Страхова и Ореста Миллера, изъ опубликованной переписки Достоевскаго и отчасти изъ свѣдѣній, сообщенныхъ г-жѣ Гофманъ вдовой романиста и знавшими его при жизни русскими людьми. Критическій разборъ отдѣльныхъ произведеній тоже большей частью основанъ на сужденіяхъ лучшихъ русскихъ знатоковъ Достоевскаго.

Для нѣмецкихъ читателей весь этотъ обширный матеріалъ имѣетъ огромный интересъ. Изъ книги г-жи Гофманъ они получатъ очень ясное представленіе о личности писателя, воплощающаго въ себѣ полную противоположность утилитарной культурѣ западной Европы. Нѣмецкая писательница изучила Достоевскаго съ тонкимъ пониманіемъ его особенностей, знаніемъ среды и готовностью проникнуть въ условія совершенно чуждой культуры. Она поняла духовную атмосферу, въ которой живутъ и дѣйствуютъ герои Достоевскаго, и старается сдѣлать ее понятной и близкой и для своихъ читателей.

Фактическая сторона книги г-жи Гофманъ имѣетъ значеніе только внѣ Россіи. Но авторъ книги имѣетъ право разсчитывать и на интересъ со стороны русскихъ читателей, благодаря своему особому отношенію къ изучаемому писателю и его родинѣ. Г-жа Гофманъ знаетъ Россію, любитъ ее и умѣетъ цѣнить даже то, что̀ есть некультурнаго, но что̀ свидѣтельствуетъ о чуткой внутренней жизни въ русскихъ людяхъ. Съ другой стороны она по языку и привычкамъ ума совершенно чужда всему русскому и можетъ поэтому быть безпристрастнымъ и внимательнымъ наблюдателемъ; ей легче подмѣтить многія особенности русской дѣйствительности и русскаго характера, ускользающія отъ русскаго наблюдателя, какъ нѣчто слишкомъ очевидное и общепринятое. „Чужестранецъ, — справедливо говоритъ

г-жа Гофманъ въ предисловіи,—хорошо понимающій языкъ со всѣми его оттѣнками, можетъ съ большей свѣжестью взора и большей свободой подмѣтить основныя душевныя свойства народа, говорящаго на этомъ языкѣ".

Г-жа Гофманъ пользуется своимъ выгоднымъ положеніемъ иностранца, проникнувшаго въ суть русской жизни, но сохранившаго при этомъ свободу сужденія, чтобы охарактеризовать среду, изъ которой вышелъ Достоевскій, т.-е. русское интеллигентное общество съ его упрямымъ неповиновеніемъ культурнымъ привычкамъ запада. Въ этой характеристикѣ есть много вѣрно и тонко подмѣченныхъ чертъ. Г-жа Гофманъ ясно видитъ пропасть, отдѣляющую еще западную Европу отъ пониманія Россіи и всего русскаго. „Читая русскія произведенія искусства, мы лишаемся твердаго критерія для оцѣнки: передъ нами непонятная, противорѣчащая всѣмъ нашимъ привычкамъ среда, и въ центрѣ ея *русскій* человѣкъ, котораго мы еще должны— и это чрезвычайно трудно—приспособить къ нашимъ понятіямъ о человѣкѣ. Это имѣетъ глубокій смыслъ. Мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ полуварварами, но въ нихъ таятся молодыя несломленныя силы; это народъ, который мы еще должны узнать и ради котораго мы еще должны многому переучиться. Въ этомъ народѣ, по словамъ Ницше, „скоплена величайшая изумительнѣйшая сила желанія, и мыслители грядущихъ вѣковъ должны будутъ считаться съ ней".

Говоря объ особенностяхъ русскаго языка, о количествѣ оттѣнковъ для выраженія различныхъ нарушеній долга и закона, г-жа Гофманъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на склонности русскихъ къ самосужденію, къ углубленію вопросовъ совѣсти, отвлеченныхъ вопросовъ добра и справедливости. Она говоритъ о русскомъ смиреніи, какъ о слѣдствіи искренняго исканія правды и готовности признать себя неправымъ, каяться передъ другомъ и недругомъ, чтобы потомъ снова искать истину на новомъ пути. Только „намъ, западноевропейскимъ декадентамъ,—говоритъ г-жа Гофманъ,—т.-е. людямъ, рисующимся своими слабостями и пороками, искреннее, смиренное исканіе правды и готовность признать себя неправымъ можетъ казаться самоуниженіемъ. Въ западной Европѣ понятіе о „силѣ характера считается равносильнымъ тому, чтобы не прощать и не уступать, при чемъ имѣются въ виду гораздо болѣе положительныя блага, чѣмъ возникающій у русскихъ въ каждомъ положеніи жизни вопросъ: какъ мнѣ жить?"

Г-жа Гофманъ поняла основу русской души, ея склонность прежде всего рѣшать вопросъ о смыслѣ жизни и слѣдовать скорѣе безкорыстному тяготѣнію души къ отвлеченной правдѣ, чѣмъ внушеніямъ практическаго разсудка. Но дѣлая изъ этого пониманія выводы о харак-

терѣ русскаго общества и о русской жизни, нѣмецкая писательница становится иногда слишкомъ наивной и повторяетъ старыя легенды о русскомъ безграничномъ гостепріимствѣ и о русской безалаберности. Она вызываетъ улыбку своими разсказами о томъ, какъ въ русскихъ семьяхъ братское общеніе со всѣми доходитъ до того, что случайное нездоровье совершенно чужого человѣка, попавшаго въ домъ, дѣлаетъ его членомъ семьи—и всѣ остальные живутъ на бивуакахъ, предоставляя весь домъ въ распоряженіе гостя. Столь патріархальные нравы, достойные первобытныхъ арабовъ, едва-ли типичны для современной городской, въ особенности столичной жизни въ Россіи, и нѣмецкая писательница слишкомъ скоро обобщила отдѣльные случаи изъ личнаго опыта и сдѣлала изъ нихъ выводы о національномъ характерѣ. Столь же условны разсказы о русской неаккуратности, основанной будто бы на томъ, что всѣ русскіе такъ сосредоточенно живутъ внутренней жизнью, такъ заняты рѣшеніемъ вопроса о томъ „какъ должно жить", что̀ считаютъ неважнымъ и лишнимъ держать слово, быть дома въ означенный часъ и т. п. Такая идеализація русскихъ привычекъ напоминаетъ нѣсколько сентиментальное отношеніе къ полудикимъ племенамъ — со стороны, напр., французскихъ коммунаровъ. Знаменитая Луиза Мишель часто писала и разсказывала о трогательномъ благородствѣ и великодушіи жителей Новой Каледоніи, восхищаясь ихъ некультурными привычками, въ которыя, кажется, входитъ и людоѣдство. Г-жа Гофманъ относится къ „милой русской безалаберности" съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ сентиментальной любви „уставшаго отъ культуры" европейца къ молодому самобытному полуварварскому племени. Въ ея сужденіяхъ о русской женщинѣ тоже сказывается нѣкоторая идеализація,—излишняя въ серьезномъ изслѣдованіи. „Русская женщина,—говоритъ г-жа Гофманъ,—соединяетъ въ себѣ чистоту и восторженность молодой дѣвушки съ ясностью ума и отсутствіемъ предразсудковъ серьезнаго мужчины; въ ней есть нѣчто ближе всего напоминающее юношу... Когда петербургскія женщины и дѣвушки быстро идутъ по улицѣ, кажется, что онѣ спѣшатъ къ какой-то цѣли, между тѣмъ какъ для женщинъ другихъ европейскихъ столицъ самая улица уже составляетъ цѣль". Во всѣхъ этихъ привычкахъ жизни г-жа Гофманъ видитъ проявленіе „широкой русской натуры" (для большей убѣдительности она даже выписываетъ эти слова по-русски—латинскими буквами) и считаетъ, что необходимо вникнуть въ нихъ, чтобы понять Достоевскаго, выразителя именно русской „широты". Въ подобномъ объясненіи „среды" есть еще много остатковъ отъ ходячихъ въ Европѣ мнѣній объ „экзотичности" русскихъ. Г-жа Гофманъ сама это понимаетъ и, какъ намъ кажется, рисуетъ такъ-называемую русскую „широкую

натуру“ только, чтобы заинтересовать своихъ читателей бапальной экзотичностью чуждой націи. Гораздо важнѣе—или, вѣрнѣе, единственно важной представляется ей внутренняя связь Достоевскаго съ народной душой, т.-е. его мистичность и его стремленіе рѣшать вопросы совѣсти самобытно, доходить до правды путемъ безпощадныхъ нравственныхъ терзаній. Въ этомъ она видитъ основу творчества Достоевскаго, то, что объединяетъ кажущіяся противорѣчія въ его характерѣ и убѣжденіяхъ въ различныя эпохи жизни. „Достоевскій,—говоритъ г-жа Гофманъ,—апостолъ вѣры въ миссію народной души, въ нравственное воздѣйствіе русскаго народа на всю остальную Европу. Будучи великимъ поэтомъ, онъ не могъ иначе провозглашать найденную имъ правду, какъ въ высоко-художественныхъ произведеніяхъ“.

Задача г-жи Гофманъ—прослѣдить въ жизни и въ творчествѣ Достоевскаго это мистическое единеніе съ глубинами русскаго духа. Въ жизни романиста она останавливается преимущественно на тѣхъ фактахъ, которые рисуютъ его національную склонность къ всепрощенію, всепониманію и самобичеванію—на томъ, напр., какъ, къ великому изумленію англичанина Мэкензи Уоллэса, онъ прославлялъ стойкость и цѣльность императора Николая I, сославшаго его на каторгу. Она отмѣчаетъ также, до чего Достоевскій никогда не жаловался на удары судьбы, никогда не говорилъ съ озлобленіемъ о каторгѣ, и, вообще, избѣгалъ говорить о тяжелыхъ условіяхъ ссылки для того, чтобы воспоминаніе о лично пережитомъ не окрашивало его сужденій. Эти черты личнаго характера г-жа Гофманъ отмѣчаетъ съ особой тщательностью въ книгѣ, предназначенной для нерусскихъ читателей. Она чувствуетъ, какая сила таится въ русскомъ смиреніи, далеко не обозначающемъ отсутствія личнаго достоинства, а, напротивъ того, обличающемъ необыкновенную высоту духа. Западно-европейской культурѣ, съ ея преобладаніемъ общественныхъ интересовъ надъ индивидуальностью, эта черта русскаго характера наименѣе понятна—и г-жа Гофманъ права, доказывая примѣрами изъ жизни Достоевскаго, что готовность признавать себя виновными происходитъ не изъ рабскаго чувства, а изъ необычайно высокаго представленія объ идеалахъ правды и добра. Высшая правда кажется Достоевскому столь недосягаемою, что человѣкъ всегда неправъ и не совершененъ по отношенію къ ней. Единственный путь къ совершенствованію—покорно и радостно носить крестъ и сознавать, что онъ всегда—заслуженный, хотя бы люди несправедливо взвалили его на плечи того, кого они считаютъ виновнымъ не передъ Богомъ, а передъ людьми.

Для освѣщенія этой основной національной черты въ Достоев-

скомъ, г-жа Гофманъ подробно останавливается на времени ссылки романиста, на всѣхъ предыдущихъ обстоятельствахъ процесса, на письмахъ изъ Сибири и возвращеніи изъ Сибири, письмѣ къ императору Александру II, на письмахъ и фактахъ, свидѣтельствующихъ о нравственномъ переворотѣ во время жизни среди каторжныхъ всѣхъ категорій. Эти страницы особенно важны въ книгѣ г-жи Гофманъ. Ей приходится объяснить такъ много непонятнаго для нѣмецкихъ читателей, показать, что Достоевскій не „измѣнилъ" политическимъ убѣжденіямъ, вернувшись раскаявшимся христіаниномъ, а только углубилъ свое прежнее пониманіе жизни, и нашелъ въ средѣ нарушителей человѣческихъ законовъ источникъ нравственной свободы и пониманія глубинъ нравственнаго долга. Дальнѣйшее развитіе идей Достоевскаго, зародившихся во время ссылки, г-жа Гофманъ слѣдитъ потомъ въ его журнальной дѣятельности, въ его теоретическихъ писаніяхъ. Она указываетъ на органическую связь между Достоевскимъ и обществомъ, среди котораго онъ жилъ. Для нея, какъ для иностранки, это связь болѣе ясна, чѣмъ для русскихъ. Многое изъ идей Достоевскаго было и остается въ Россіи общепонятнымъ, не требующимъ разъясненія. Роковая пропасть между законностью и внутренней правдой, необходимость для каждаго человѣка рѣшать для себя вопросъ о справедливости, а не подчиняться готовымъ гражданскимъ законамъ безъ разсужденія—все это столь понятно для русскихъ читателей, что они сразу сливаются съ героями Достоевскаго, а вмѣстѣ съ ними ищутъ неумолимыхъ разрѣшеній вопросовъ духа, готовые подчинить имъ интересы жизни. Въ западной Европѣ на первомъ мѣстѣ царитъ законъ—и поэтому нравственныя муки героевъ Достоевскаго кажутся болѣзненнымъ преувеличеніемъ, чѣмъ-то мучительно придуманнымъ. Біографу и критику Достоевскаго нужно поэтому освѣтить психологически его отношеніе къ „правдѣ жизни", ставшей центромъ его художественнаго творчества. Г-жа Гофманъ объясняетъ—ad usum нѣмецкихъ читателей, почему Достоевскій является всегда учителемъ въ своемъ творчествѣ. Она говоритъ о чуткости русской души къ вопросамъ совѣсти—и доказываетъ, что исканіе правды и связанная съ этимъ идейность художественныхъ произведеній не составляетъ такъ-называемой тенденціозности и не портитъ художественности произведенія, а, напротивъ того, углубляетъ ее. Разсказъ о жизни Достоевскаго, его тяжеломъ опытѣ, среди котораго окрѣпло его міросозерцаніе, послѣднихъ годахъ въ Петербургѣ, его „учительствѣ" среди молодежи, искавшей у него разрѣшеній на вопросъ, „какъ жить"—все это подготовляетъ иностранныхъ читателей къ пониманію „правды", заключенной въ романахъ. Для русскихъ интересно видѣть, что̀ именно требуетъ въ Достоев-

скомъ разъясненія. Оказывается, что для культурнаго запада самое непостижимое—стихійность, связующая романиста съ народомъ, и подчиненіе практической, осязательной правды жизни отвлеченнымъ, ненужнымъ для обихода и матеріальнаго прогресса истинамъ. Параллельно съ исторіей жизни Достоевскаго г-жа Гофманъ даетъ краткій разборъ его произведеній. Съ особеннымъ вниманіемъ она останавливается на „Идіотѣ“, освѣщая въ лицѣ князя Мышкина отчасти психологію автора, отчасти типичныя свойства русской души вообще. „Братья Карамазовы“, „Преступленіе и Наказаніе“ разобраны въ книгѣ г-жи Гофманъ тоже главнымъ образомъ какъ психологическій матеріалъ для изученія „миссіи“ Достоевскаго, какъ отраженія его „правды“.

II.

Hugo von Hofmannsthal. Die Frau am Fenster. Die Hochzeit der Sobaide. Der Abenteurer und die Sängerin. Theater in Versen. Berl. 1899. Стр. 260.

Въ нѣмецкой литературѣ послѣдняго времени возродился одинъ родъ художественныхъ произведеній, который процвѣталъ—приблизительно сто лѣтъ тому назадъ. Подобно тому, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ женщины щеголяли на балахъ и у себя дома въ платьяхъ безъ таліи и съ высокими кушаками временъ французской имперіи, такъ въ послѣднее время новѣйшіе нѣмецкіе писатели, поэты и драматурги возвращаются къ литературной модѣ, созданной Вольтеромъ. Они пишутъ философскія сказки—большей частью въ стихахъ и въ драматической формѣ, т.-е. намѣренно отказываясь отъ реальности красокъ и образовъ, доказываютъ какую-нибудь отвлеченную мысль искусственно придуманными, а не взятыми изъ жизни примѣрами. Они рисуютъ не то, что̀ есть, а что̀ возможно, и что̀ отражаетъ вѣчную истину, вѣрную даже если въ жизни она неосуществима.

Философская сказка въ духѣ Вольтера и его послѣдователей была, такъ сказать, законнымъ дѣтищемъ эпохи господства разума. Когда законы мышленія считались достаточной, исчерпывающей основой міросозерцанія, въ литературѣ долженъ былъ создаться родъ произведеній, въ которыхъ разумъ торжествуетъ и жизнь становится результатомъ—не сложныхъ силъ души, а прямолинейныхъ ясныхъ законовъ логики. Торжество разума, подавляющаго протестъ стихійнаго начала въ человѣкѣ—идеалъ позитивнаго вѣка, гордаго тѣмъ, что онъ „освободился“ отъ вѣры въ божественное и укрѣпился въ исключительной вѣрѣ въ человѣка и созидаемую имъ культуру. Если философская сказка—т.-е. аллегорическое изображеніе торжества разума—

отвѣчала потребностямъ XVIII вѣка, то, казалось бы, ей нѣтъ и не можетъ быть мѣста въ литературѣ нашихъ дней. Основная черта современной литературы—стремленіе къ синтезу, къ обобщенію сознательнаго и безсознательнаго элемента души: разумное и понятное является для мыслителя и художника нашихъ дней лишь частью цѣлаго, уясняющей отношеніе къ стихійному и безсознательному. А между тѣмъ возрожденіе аллегорическихъ сказокъ съ условной фабулой и опредѣленнымъ отвлеченнымъ содержаніемъ — несомнѣнный фактъ въ новѣйшей литературѣ, и особенно въ нѣмецкой. Происходитъ это оттого, что опять въ литературѣ отражается тяготѣніе къ идеалу, неосуществимому въ дѣйствительности. Эпоха разума видѣла идеалъ въ полной гармоніи логики и жизни, и готова была жертвовать для этой гармоніи полнотой бытія, урѣзывать все, что̀ не подвластно разуму. Въ настоящее время идеалъ мыслителей и художниковъ измѣнился—не урѣзывать жизнь, а охватить всю ея полноту, не осуждать то, съ чѣмъ не можетъ совладѣть разумъ, а жить въ гармоніи съ необъяснимымъ, искать соотвѣтствій человѣческой воли и божественнаго назначенія. Если въ жизни эти соотвѣтствія неясны или даже совсѣмъ не видны, то все-таки только въ нихъ—то, что̀ кажется истиной современному поколѣнію художниковъ. Чтобы освѣтить эту истину, поэты и драматурги вернулись къ давно забытой формѣ аллегорическихъ сказокъ, созданныхъ также для воплощенія торжествующей (въ идеалѣ, а не въ дѣйствительности) истины—совершенно иного характера.

Авторовъ философскихъ сказокъ—или, большей частью, драмъ—чрезвычайно много въ Германіи. Гауптманъ написалъ „Потонувшій колоколъ“, Зудерманъ—„Drei Reiherfedern“, Фульда—„Талисманъ“, Якубовскій—„Dinah, der Narr“, Шницлеръ—„Der grüne Kakadu“ и мн. др. Теперь къ числу ихъ присоединился молодой австрійскій поэтъ Гуго фонъ-Гофмансталь. Онъ считается однимъ изъ лучшихъ лириковъ среди молодого поколѣнія; въ книгѣ Германа Бара о новѣйшей нѣмецкой литературѣ Лоррису (Гуго фонъ-Гофмансталь писалъ до сихъ поръ подъ этимъ псевдонимомъ) посвящено нѣсколько восторженныхъ страницъ. Слѣдуя общему вкусу въ литературѣ, Гуго фонъ-Гофмансталь написалъ три короткія пьесы въ стихахъ: „Die Frau am Fenster“, „Die Hochzeit der Sobaide“, Der Abenteurer und die Sängerin“. Каждая изъ нихъ имѣетъ другое содержаніе, но всѣ три объединены отвлеченностью замысла. Событія въ нимъ условныя и служатъ лишь для выясненія отвлеченной истины, управляющей міромъ явленій. Въ каждой пьесѣ проводится иная мысль, но философское настроеніе одинаково во всѣхъ трехъ. Онѣ связаны мыслью о глубокомъ смыслѣ, таящемся во всемъ, что̀ кажется случайнымъ и произ-

вольнымъ, будучи на самомъ дѣлѣ необходимымъ для цѣли, лежащей внѣ человѣческой воли. И только эта цѣль, исполняемая людьми вопреки ихъ желаніямъ, среди скорби и разочарованій, и есть единственно и вѣчно справедливая. Исполненіе ея вноситъ безсознательный паѳосъ въ человѣческую жизнь и освящаетъ страданія. Эта примирительная философія проходитъ черезъ всѣ три пьесы и выражена съ свойственнымъ молодому поэту тонкимъ поэтическимъ вкусомъ и лирическимъ чувствомъ.

Центральная пьеса—„Свадьба Собаиды", написанная въ формѣ восточной сказки—для бо̀льшаго контраста между условностью событій и выступающей изъ-за нихъ истиной печальной и спокойной, неумолимой и примиряющей съ кажущейся земной несправедливостью. Отвлеченная мысль поэта, отдѣленная отъ психологіи и поэтическаго покрова, слѣдующая: человѣкъ, стремящійся къ осязательному счастью, думаетъ, что оно отдѣлено отъ него преградами, создаваемыми жизнью. Что̀ же будетъ, если въ ту минуту, когда дверь къ счастью, казалось бы, навсегда захлопывается,—открыть ее настежь и дать возможность осуществить стремленіе къ отнынѣ возможному счастью? Отвѣтъ поэта: нѣтъ счастья въ осуществимомъ—подойдя къ тому, что̀ издали казалось счастьемъ, человѣкъ видитъ, что это былъ миражъ, ведущій его не къ тому, чего онъ хотѣлъ, а къ тому, что̀ должно быть — къ смиренному единенію съ общей жизнью мірозданій,—или къ смерти, т.-е. опять-таки къ единенію. Эта мысль поэтически развита въ исторіи Собаиды, дочери разорившагося промышленника, и ея мужа, богатаго купца, за котораго она выходитъ замужъ, чтобы спасти родителей отъ нужды. Мужъ Собаиды гораздо старше ея; онъ жилъ до того чисто созерцательной жизнью, и лучше понимаетъ движеніе свѣтилъ, и свойства, и потребности растеній, чѣмъ жизнь и человѣческую душу. Онъ любитъ въ первый разъ—и грустенъ въ день свадьбы, на порогѣ къ счастливой жизни. Счастья этого не оказывается. Собаида просто и открыто говоритъ ему, что любитъ не его, а своего друга дѣтства, который не могъ жениться на ней, будучи слишкомъ бѣднымъ. Мужъ Собаиды потрясенъ признаніемъ, разбивающимъ надежду на счастье, но онъ не колеблется ни на минуту,—и исполняетъ то, что̀ считаетъ своимъ долгомъ. Молодая женщина говоритъ, что она примирилась съ судьбой, отказалась отъ возможнаго счастья и готова быть покорной женой, забывъ что тамъ, за закрытой дверью, начало дорожки, ведущей къ дому любимаго юноши. Тогда ея мужъ отвѣчаетъ: „Что, если я открою тебѣ первую дверь, единственную, которая закрыта на твоемъ пути?" Молодая женщина не вѣритъ своему счастью, но мужъ ея настаиваетъ на томъ, что она свободна, „какъ вѣтеръ, какъ пчела, какъ вода".—

Собаида уходитъ, счастливая и благодарная. Мужъ ея понимаетъ, что иначе онъ не могъ поступить—потому что законъ, управляющій теченіемъ свѣтилъ и жизнью людей, одинъ и тотъ же. Если слабая дѣвушка не могла совмѣстить въ душѣ двухъ силъ—воспоминанія о любви и союза съ тѣмъ, кому она приноситъ счастье, то ему, созерцателю звѣздъ, тѣмъ болѣе нельзя признавать для себя иныхъ законовъ, чѣмъ общіе законы для водъ и свѣтилъ—нельзя задерживать ихъ свободнаго теченія. „Мнѣ кажется,—говоритъ онъ,—что то, что̀ я дѣлаю, соотвѣтствуетъ общему теченію жизни міра. Нельзя думать одно, слѣдя за движеніемъ свѣтилъ, и другое при видѣ любимой молодой женщины. То, что̀ истинно въ одномъ случаѣ, должно руководить и другимъ. Если это дитя не смогло одновременно жить двумя чувствами, изъ которыхъ одно опровергаетъ другое, то какъ же могу я отрицать въ жизни то, что̀ я постигъ путемъ разума и внутренняго чутья относительно безконечности, идущей отъ земли къ звѣздамъ. То безконечное я называю жизнью, но и то, что̀ здѣсь произошло, —жизнь: какая разница между тѣмъ и другимъ? Быть мудрымъ, значитъ признавать одинаковость законовъ для себя и для звѣздъ“.

Мужъ Собаиды увидѣлъ, что призракъ счастья исчезаетъ въ свободномъ теченіи силъ жизни. Но тотъ же законъ о тщетѣ желаній, ускоряющихъ лишь ходъ судьбы, исполняется на трагической судьбѣ Собаиды. Она приходитъ въ домъ своего возлюбленнаго, но тамъ дѣйствительность совсѣмъ иная, чѣмъ ее представляла себѣ любящая дѣвушка. Ганемъ, къ которому она приходитъ, сынъ не бѣдняка, а богатаго скряги, который притѣсняетъ должниковъ, копитъ богатства, но расточаетъ ихъ въ угоду красивыхъ женщинъ, которыми онъ окружаетъ себя. Собаиду онъ тоже встрѣчаетъ радостно, думая, что она жена его должника, и намѣреваясь воспользоваться ея безпомощностью. Когда же выясняется, въ чемъ дѣло, то Собаидѣ не легче. Ганемъ давно забылъ ее, и даже никогда не любилъ,—мнимая бѣдность отца была для него предлогомъ отдѣлаться отъ дѣвушки, которой онъ лишь мимолетно увлекся. Теперь онъ любитъ Гюлистану, красивую вдову, которую его отецъ засыпаетъ драгоцѣнностями, думая этимъ купить ея любовь. Въ угоду надменной Гюлистанѣ Ганемъ оскорбляетъ Собаиду, а наединѣ съ ней уговариваетъ ее вернуться домой — и продолжать видаться втайнѣ. Собаида, подавленная измѣной, спѣшитъ уйти. Она возвращается въ домъ мужа, оплакивающаго свою утрату, пробирается на заброшенную башню и бросается оттуда внизъ. Она умираетъ на рукахъ мужа, безсильнаго при всей своей любви спасти ее. Она умираетъ — „такъ безшумно, какъ падаетъ звѣзда“. „Исполнилось ея желаніе“, говоритъ ея мужъ. „Дверь, у которой она стояла съ тоской и ожиданіемъ—открылась передъ ней. И вотъ она верну-

лась. Уйдя отсюда ночью, она принесла домой смерть. Такъ бываетъ, когда рыбаки отправляются въ море—за большимъ счастьемъ".

Открытая къ счастью дверь привела Собайду къ смерти, къ тому, что̀ должно было быть и чего она искала, хотя сознаніе ей говорило, что она ищетъ смерти.

Мысль о томъ, что совершается въ жизни не случайное, а должное, и что въ этомъ великая отрада—выступаетъ во второй пьесѣ „Авантюристъ и пѣвица". Неизвѣстный человѣкъ, преступникъ, скрывающійся отъ преслѣдованія, живетъ въ Венеціи подъ вымышленнымъ именемъ голландскаго барона и продолжаетъ безпечно предаваться разгулу. Въ Венеціи же живетъ знаменитая пѣвица Витторія съ безумно любящимъ и ревнивымъ мужемъ и съ юношей, который считается братомъ Витторіи. На самомъ дѣлѣ она въ ранней юности любила барона—и мнимый братъ ея, Чезарино, ихъ сынъ. Витторія видитъ барона на представленіи, въ ней пробуждается прежняя страсть. Она приходитъ къ барону, — онъ счастливъ воспоминаніемъ о прошломъ, ласковъ съ Витторіей,—но она видитъ, какъ глубоко забыта имъ ихъ любовь, какъ онъ путаетъ подробности. Къ тому же онъ увлеченъ теперь какой-то глупой танцовщицей. Витторія видитъ, что то, что̀ для нея было содержаніемъ цѣлой жизни, для него—пріятное воспоминаніе о чемъ-то далекомъ, забытомъ и похороненномъ. Ей легче поэтому скрыть отъ мужа, у котораго являются подозрѣнія, настоящее положеніе дѣла. Баронъ является къ нимъ въ домъ, видитъ Чезарино; Витторія открываетъ ему тайну происхожденія мнимаго брата. Баронъ умиленъ, нѣженъ, но Витторіи ясно, что между ними давно все кончено. „Какъ хорошо ты владѣешь искусствомъ,—говоритъ она ему,—котораго я никогда не могла постичь — искусствомъ кончать. Это вся мудрость. Я же нѣчто начала въ шестнадцать лѣтъ, и все еще не могу кончить"... Баронъ отдѣлывается полусожалѣніями, и уходитъ вслѣдъ за танцовщицей. Витторія поражена странно спокойной развязкой любви, которая для нея была всѣмъ въ жизни—источникомъ ея таланта, счастья и радости материнства. Но въ это время она вспоминаетъ объ одномъ гостѣ, котораго она принимала у себя въ этотъ вечеръ — о старикѣ композиторѣ, создававшемъ нѣкогда вдохновенныя симфоніи и кантаты. Теперь онъ сталъ безпомощнымъ дряхлымъ старикомъ, думаетъ только объ ѣдѣ, жаденъ какъ ребенокъ. Когда исполняется его собственная музыка, онъ засыпаетъ отъ скуки. Въ мысляхъ Витторіи сливаются во едино старикъ, ставшій тѣнью своего прежняго „я", и баронъ, забывшій время, когда онъ своей любовью пробудилъ спящій талантъ въ молодой дѣвушкѣ и сталъ отцомъ прекраснаго юноши. Думая о нихъ обоихъ, Витторія приходитъ къ грустно примиренному выводу. „Я вижу,—говоритъ

она,—что потокъ жизни течетъ всегда по одному и тому же пути. Наступилъ день,—и тотъ, кто создалъ дивные звуки, не узнаетъ своихъ произведенiй. Со мной случилось то же самое. Развѣ я и мое дитя—не музыка, которую создалъ онъ и его любовь? Пламя, горѣвшее нѣкогда въ его душѣ, перешло теперь въ насъ. Какое дѣло до лучины, засвѣтившей огонь. Все дѣло въ пламени, роднящемъ насъ съ Богомъ".

Въ этихъ словахъ выражена основная мысль пьесы. Начало и конецъ — понятія, созданныя близорукими людьми; кончается лишь человѣчное, призрачное; вѣчное же, т.-е. то, что таится за поступками и составляетъ ихъ скрытую, непознаваемую цѣль, то переживаетъ человѣка и его желанія. Въ человѣкѣ священъ лишь порывъ, лишь стремленіе создать нѣчто внѣ себя—выше себя. Ему невѣдомъ исходъ его желанія, онъ даже забываетъ это желаніе среди болѣе мелкихъ и преходящихъ. Но созданные имъ звуки живутъ и тогда, когда онъ самъ уже не достоинъ ихъ, — пробужденная имъ красота слѣдуетъ своимъ законамъ развитія—невѣдомо для него: въ тотъ моментъ, когда баронъ уходитъ вслѣдъ за танцовщицей, Витторія подходитъ къ роялю и поетъ лучше, чѣмъ когда-либо въ жизни. А тотъ, кому она обязана красотой своего пѣнія, и не подозрѣваетъ объ этомъ, не знаетъ, что онъ пробудилъ нѣчто безсмертное. Онъ озабоченъ только капризами своей новой веселой подруги.

Третья пьеса, „Женщина у окна", менѣе отвлеченна по мысли. По сосредоточенности страсти и поэтическимъ краскамъ (мужъ убиваетъ жену, ожидавшую прихода своего возлюбленнаго; она приготовила веревочную лѣстницу для ожидаемаго гостя — и эта веревка служитъ мужу для того, чтобы задушить молодую женщину), пьеса напоминаетъ нѣкоторыя изъ лучшихъ вещей д'Аннунціо. Но итальянскій поэтъ—психологъ и реалистъ, для котораго дѣйствительность неисчерпаемый источникъ вдохновенія; Гуго фонъ-Гофмансталь, напротивъ того, отвлеченно мыслящій поэтъ, отыскивающій образы для философскаго замысла. Его пьесы нельзя назвать аллегоріями, потому что въ нихъ событія и люди представлены очень живо и поэтично; это—философскія сказки въ лучшемъ значеніи слова, и мысли, которыя въ нихъ высказаны, несомнѣнно заслуживаютъ вниманія.

З. В.

НЕКРОЛОГИ.

I.—Іосифъ Давидовичъ Рабиновичъ. † 5 мая 1899 г.

Подобно тѣмъ евреямъ перваго вѣка, которые приняли Христа и отдались созиданію христіанства, Іосифъ Давидовичъ, человѣкъ, какъ и тѣ, воспитанный на писаніи, преданіи отцовъ и тайной мудрости—устной тогда, писанной и даже печатной нынѣ (каббàла)—пришелъ къ религіозному убѣжденію, что галилейскій раввинъ, нѣкогда казненный въ Іерусалимѣ по обвиненію іудейскихъ жрецовъ и по суду римскаго прокуратора Понція, былъ обѣщанный пророками помазанный Царь Израиля, чудесно рожденный и по смерти воскресшій въ своемъ собственномъ преображенномъ тѣлѣ. Повѣривъ въ это, Іосифъ Давидовичъ крестился, но не переставъ быть еврейскимъ патріотомъ,—его патріотизмъ налагалъ теперь на него лишь новую обязанность: проповѣдовать своимъ братьямъ евреямъ вѣру въ истиннаго Мессію, какъ единственный путь спасенія не для отдѣльнаго только человѣка, но и для цѣлаго народа израильскаго вмѣстѣ со всѣми другими народами.

Я зналъ Рабиновича, и не могъ сомнѣваться не только въ его совершенной искренности, но и въ томъ, что его душа была того же качества, какъ и тѣ еврейскія души перваго вѣка—души апостольскія. Но положеніе дѣла было, увы! совершенно другое. По внѣшности оно было, конечно, легче, такъ какъ новому проповѣднику нечего было опасаться ни львиныхъ зубовъ, ни ликторскихъ сѣкиръ. Но внутренно оно было теперь тяжеле и трагичнѣе. Потому что не могли звѣри цирка и желѣзо римскаго воина такъ отдѣлять вѣрующую душу отъ христіанскаго Бога, какъ отдѣляютъ ее теперь историческія нагроможденія лжи и зла въ самомъ христіанскомъ мірѣ. И, конечно, эти нагроможденія всего ощутительнѣе для евреевъ. Духъ, правда, дышетъ, гдѣ хочетъ; отдѣльные избранники, отдѣльныя группы немногихъ религіозно-настроенныхъ людей могутъ духовно пробиваться сквозь эти историческія преграды. Но по какому праву (не давая сами примѣра) будемъ мы этого требовать ото всѣхъ евреевъ, или хотя бы отъ большинства ихъ, или хотя бы отъ сколько-нибудь значительнаго меньшинства? Ясно, что еврейство видитъ въ христіанскомъ мірѣ только то, что̀ ему на дѣлѣ показываютъ именующіе себя

христіанами, и было бы слишкомъ странною фантазіей ожидать, что евреи массами и по искреннему религіозному убѣжденію будутъ обращаться въ христіанство какъ въ религію любви подъ шумъ еврейскихъ погромовъ и подъ „христіанскіе“ крики: смерть жидамъ! бей жидовъ!

Нужно удивляться не тому, что проповѣдь Рабиновича не имѣла обширнаго успѣха, а тому, что она все-таки имѣла нѣкоторый успѣхъ, что ему удалось, не примыкая ни къ какому изъ существующихъ исповѣданій, раздѣляющихъ христіанство, основать (въ Кишиневѣ) общину новозавѣтнаго Израиля съ храмомъ и постояннымъ богослуженіемъ на древне-еврейскомъ языкѣ. Принявъ крещеніе въ Берлинѣ отъ духовнаго лица одной независимой американской секты и не желая присоединиться ни къ православію, ни къ лютеранству, Іосифъ Давидовичъ долго не могъ узаконить своего религіознаго положенія, но наконецъ добился по крайней мѣрѣ фактическаго признанія христіанскаго характера за собою и за основанною имъ общиною. Она существуетъ теперь уже около двадцати лѣтъ. Іосифъ Давидовичъ началъ свою религіозную дѣятельность въ началѣ 80-хъ годовъ въ зрѣломъ возрастѣ. Я познакомился съ нимъ въ 1885 году, какъ съ человѣкомъ уже старѣющимъ, хотя исполненнымъ духовнаго жара и движенія. Нѣсколько бесѣдъ съ нимъ оставили во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе. Основная своеобразность его воззрѣнія состояла въ томъ, что онъ исходилъ прямо изъ еврейскаго христіанства I-го вѣка: „я продолжаю проповѣдовать евреямъ Мессію,—говорилъ онъ,—прямо съ того мѣста, гдѣ остановился первомученикъ Стефанъ, членъ древнѣйшей христіанской общины въ Іерусалимѣ“. Безъ сомнѣнія, религіозно-національное дѣло Рабиновича останется живымъ зерномъ и предвареніемъ будущаго еврейско-христіанскаго единства. Но дальнѣйшій ростъ этого дѣла *теперь же*, при существующихъ условіяхъ, по-моему, невозможенъ, какъ я говорилъ и самому проповѣднику. Его ошибка состояла въ томъ, что отъ евреевъ, еще не вѣрящихъ въ истину христіанства, онъ прямо требовалъ, чтобы они относились къ христіанскому міру такъ, какъ если бы они уже были истинными христіанами, требовалъ, чтобы они сразу простили и забыли все то зло, которое они перенесли въ христіанскомъ мірѣ. Онъ, еврейскій патріотъ, отъ всей души простилъ это зло своимъ романско-германскимъ и греко-славянскимъ братьямъ. Того же онъ требовалъ и отъ всѣхъ евреевъ, забывая, что его собственному христіанскому всепрощенію уже *предшествовало* его внутреннее пріобщеніе Христу въ вѣрѣ—что̀ для большинства евреевъ именно остается психологически и нравственно невозможнымъ при продолжающемъ недолжномъ отношеніи къ нимъ со стороны христіанскаго міра.

Но если Іосифъ Давидовичъ ошибался въ своей практической

оцѣнкѣ историческаго положенія, то это не можетъ измѣнить нашей высокой оцѣнки его лично. Настоящая цѣна человѣку опредѣляется направленіемъ и мѣрою усилій его собственной воли. Въ этомъ его нравственныя дѣла и такими оправдается почившій. „Ей, говоритъ Духъ, онъ успокоится отъ трудовъ своихъ, и дѣла его идутъ вслѣдъ за нимъ“.

II.—Василій Григорьевичъ Васильевскій. † 13 мая 1899.

Тихій, добрый и умный человѣкъ, настоящій, первостепенный въ своей области ученый, преданный служитель науки, державшійся съ нею вдалекѣ отъ всякихъ постороннихъ цѣлей. Памятна его благодушная улыбка и особый оттѣнокъ легкаго юмора, оживлявшій его краткія бесѣды. Я встрѣчался съ нимъ въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ общихъ мѣстахъ службы и почти не видалъ его впослѣдствіи. Но мое впечатлѣніе подтверждается и усиливается показаніями лицъ ближе и дольше его знавшихъ. Кромѣ качествъ, бросавшихся въ глаза, эти свидѣтели указываютъ у В. Г. и на положительныя, рѣдкія черты дѣятельнаго добра (см. некрологъ г. Чечулина въ „Новомъ Времени“ и статью Л. Н. Майкова въ „Русской Старинѣ“). Это была не только значительная умственная и ученая сила, но и крупный нравственный характеръ.

Внѣшняя жизнь Василія Григорьевича не выходила изъ рамокъ трудового существованія профессора и академика, и отмѣчалась только изданіемъ ученыхъ работъ. Всѣхъ ихъ было болѣе шестидесяти. Назову здѣсь нѣкоторыя. Во время учительства Васильевскаго въ Вильнѣ онъ собиралъ и изучалъ архивный матеріалъ для сочиненія „Очеркъ исторіи города Вильны“ (2 вып. 1872—74). Ранѣе этого изданія появилась его магистерская диссертація „Политическая реформа и соціальное движеніе въ древней Греціи въ періодъ ея упадка“ (1869). Затѣмъ Василій Григорьевичъ спеціализировался въ области Византійской исторіи, гдѣ и пріобрѣлъ европейскую извѣстность. Вотъ нѣкоторыя изъ его монографій по этой части: Изъ исторіи Византіи въ XII вѣкѣ (Славянскій Сборникъ, 1877 г.); Законодательство иконоборцевъ; Матеріалы для внутренней исторіи Византійскаго Государства; Византія и Печенѣги; Русско-Византійскія изслѣдованія (2 выпуска); О жизни и трудахъ Симеона Метафраста (Журн. Мин. Нар. Просв. 1880 г.); Описаніе Порфиріевскаго сборника византійскихъ документовъ (1885); 5) Одинъ изъ греческихъ сборниковъ Московской синодальной библіотеки (1886); Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи и мн. др. Васильевскій могъ утѣшаться, что важная, излюб-

ленная имъ область исторической науки не запустѣетъ. Кромѣ прямого ему преемника здѣсь, въ лицѣ Ѳ. И. Успенскаго осталось и нѣсколько младшихъ изслѣдователей византинистовъ, большею частью непосредственныхъ учениковъ Василія Григорьевича.

„Безъ всякаго преувеличенія надо сказать, читаемъ въ упомянутомъ некрологѣ, что цѣлыя эпохи, цѣлыя обширныя группы фактовъ и явленій византійской исторіи, благодаря трудамъ Васильевскаго, получили совершенно новое освѣщеніе и предстали въ совершенно иномъ видѣ, чѣмъ изображались прежде... Въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ всегда умѣлъ затронуть предметъ чрезвычайно широко и глубоко, умѣлъ охватить его со всѣхъ сторонъ, не упуская ничего, что могло служить для полнаго выясненія изучаемаго явленія, и всѣ поднимаемые вопросы разрѣшалъ съ необыкновеннымъ мастерствомъ. Часто онъ находилъ существенно важныя указанія тамъ, гдѣ ихъ, повидимому, никакъ нельзя было и ожидать, часто изъ источниковъ давно извѣстныхъ, повидимому, исчерпанныхъ, извлекалъ свѣдѣнія очень цѣнныя, но до него остававшіяся незамѣченными... Писалъ Васильевскій очень хорошо; его изложеніе всегда отмѣчено живымъ интересомъ къ своему предмету, богато остроумными сближеніями и, подчасъ — тонкими, изящными шутками“.

Подкошенный тяжкимъ недугомъ, Васильевскій собрался минувшею осенью искать облегченія за границей. Тамъ онъ и скончался на 62-мъ году отъ роду. Происходя изъ духовнаго званія, онъ прежде Университета былъ воспитанникомъ Ярославской семинаріи.

III.—Николай Яковлевичъ Гротъ. † 23 мая 1899.

При горькой вѣсти о неожиданно ранней кончинѣ Грота, всѣ его знавшіе, я увѣренъ, вспомнили прежде всего не о томъ заслуженномъ писателѣ и преподавателѣ, который несомнѣнно болѣе всѣхъ потрудился надъ дѣломъ распространенія философскаго образованія въ Россіи,—а вспомнили прежде о живомъ, сердечномъ человѣкѣ, всегда исполненномъ благоволенія и участія, всегда кипящемъ добрыми мыслями и начинаніями, всегда негодующемъ на разныя бѣды и обиды общественныя. Постоянно живя въ литературныхъ и ученыхъ кругахъ, Гротъ остался чуждъ ихъ главному пороку—враждебной завистливости; онъ былъ истинно добрый товарищъ. И если вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ очень самолюбивъ, или, точнѣе—былъ большой любитель похвалъ, то это свойство не обращалось у него острымъ концомъ противъ ближняго, потому что онъ прежде всего былъ спра-

ведливъ и благожелателенъ; поэтому онъ искренно хотѣлъ, чтобы и всѣ другіе находили возможно полное удовлетвореніе своему самолюбію, и всегда былъ склоненъ скорѣе преувеличивать, чѣмъ умалять чужія заслуги и достоинства. Главное въ человѣкѣ есть качество его сердца. Это главное было у него добрымъ. На второмъ мѣстѣ я ставлю заслуги передъ отечествомъ; онѣ были велики у Грота, какъ сказано, въ дѣлѣ распространенія философскаго образованія въ Россіи. Не только живымъ и талантливымъ изложеніемъ философскихъ предметовъ на лекціяхъ (въ Нѣжинѣ, Одессѣ и Москвѣ), университетскихъ и публичныхъ, онъ привлекалъ многочисленныхъ слушателей и приготовлялъ философскихъ читателей, но еще сверхъ того, благодаря своей общительности, симпатичности, неутомимой энергіи и несомнѣнному организаторскому дару, онъ успѣлъ образовать первое и до прошлаго года единственное философское общество въ Россіи [1]), а затѣмъ основалъ первый и доселѣ единственный въ Россіи философскій журналъ, имѣющій сравнительно большое распространеніе. Что касается до собственныхъ философскихъ трудовъ Грота, то и тутъ никакъ ужъ нельзя сказать, чтобы онъ зарывалъ свои таланты въ землю. Все, что̀ онъ мыслилъ, онъ говорилъ, и все, что̀ онъ говорилъ, онъ писалъ, и печаталъ. Онъ началъ съ двухъ большихъ оригинальныхъ диссертацій по психологіи чувствованій и по реформѣ логики. Я еще не былъ съ нимъ знакомъ, когда онъ былъ занятъ этими книгами. Въ послѣднія десять-двѣнадцать лѣтъ на моихъ глазахъ, кромѣ множества второстепенныхъ этюдовъ, онъ былъ занятъ тремя важнѣйшими вопросами: *о свободѣ воли, о природѣ времени* и *о превращеніяхъ энергіи.* Онъ не успѣлъ продумать эти вопросы до конца, но по каждому изъ нихъ онъ высказалъ много и вѣрнаго, и любопытнаго... Но странно и горько мнѣ такимъ образомъ говорить о Гротѣ, разбирать его качества и заслуги, перечислять его произведенія,—говорить о немъ какъ о покойникѣ, который что-то *сдѣлалъ* и уже не *дѣлаетъ.*

И начатыя пѣсни Гаральдъ не скончалъ
И лежитъ подъ могильнымъ холмомъ...

До свиданья, добрый товарищъ!—не такъ ли?—До скораго свиданья!

Владиміръ Соловьевъ.

---

[1]) До него оно существовало нѣсколько лѣтъ лишь номинально.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюля 1899.

Майскіе пушкинскіе дни, сравнительно съ пушкинскимъ празднествомъ 1880 г.— Шумъ, поднятый по поводу мнимой „клеветы" на Пушкина. — Рѣчь и книга В. Е. Якушкина.—„Ни самоуправленія, ни бюрократіи".—Нѣсколько словъ о правѣ ходатайствъ.—Значеніе частной помощи голодающимъ.—Отрадныя вѣсти.

Далеко не затмивъ собою московскихъ празднествъ по поводу открытія памятника Пушкину, пушкинскіе дни нынѣшняго года принесли съ собою, однако, не мало свѣтлаго и отраднаго. Симпатичной особенностью их былъ, прежде всего, ихъ всенародный и всероссійскій характеръ. Въ 1880 г. торжество было почти всецѣло сосредоточено въ Москвѣ, не выходя, притомъ, за предѣлы такъ называемаго образованнаго общества; теперь оно разлилось широкою волной по всей странѣ и захватило собою, черезъ посредство начальныхъ школъ, народную массу. Вторая характерная его черта — множество новыхъ общественныхъ предпріятій на пользу народнаго просвѣщенія, соединенныхъ съ именемъ Пушкина. Это—лучшее средство почтить память великаго поэта и приблизиться къ исполненію его завѣтовъ. Раздалось, въ праздничные дни, и то слово, безъ котораго впечатлѣніе ихъ было бы неполно и невѣрно. „Общество любителей россійской словесности,— читаемъ мы въ адресѣ двадцати четырехъ петербургскихъ изданій, прочитанномъ 27 мая, въ торжественномъ собраніи Общества,—было свидѣтелемъ печальныхъ превратностей, испытанныхъ поэтомъ на всемъ протяженіи его безвременно прерванной жизни, среди упорной косности и недомыслія, еще и понынѣ препятствующихъ утвержденію пользы свободнаго творчества и печатнаго слова. Да послужатъ эти дни, полные отрадныхъ и благодарныхъ воспоминаній о высокохудожественной дѣятельности великаго поэта, поученіемъ, какъ драгоцѣнно своевременное признаніе таланта и огражденіе его отъ внѣшнихъ препонъ и воздѣйствій, какъ плодотворно чуждое всякихъ страховъ и сомнѣній довѣріе къ свободному развитію литературы и искусства и какъ суровъ судъ потомства надъ косностью и мыслебоязнью, угашающими духъ творчества и умаляющими умственныя сокровища нашей дорогой родины"... Изъ рѣчей, произнесенныхъ во время петербургскихъ и московскихъ празднествъ (послѣднія въ этомъ отношеніи были гораздо богаче первыхъ), ни одна, по глубинѣ и силѣ, не можетъ стать на ряду съ лучшими рѣчами 1880 года; но вѣдь и задача ораторовъ на этотъ разъ была гораздо труднѣе, именно въ виду недо-

сягаемыхъ образцовъ, оставленныхъ ихъ предшественниками. Многіе изъ нихъ, впрочемъ, говорили прекрасно и съумѣли освѣтить новымъ свѣтомъ тѣ или другія стороны творчества Пушкина.

Какъ и девятнадцать лѣтъ тому назадъ, пушкинскіе дни были сладкимъ сновидѣніемъ, позволяющимъ забыть, на нѣсколько минутъ, печальную дѣйствительность—и вмѣстѣ съ тѣмъ своего рода „земскимъ миромъ", во время котораго умолкаетъ вражда и прекращаются распри. На этотъ разъ затишье было еще короче, чѣмъ въ 1880 г. Уже 29 мая, т.-е. въ первый же день послѣ окончанія празднествъ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" появилась передовая статья, озаглавленная „Клеветникамъ Пушкина" и направленная противъ одной изъ рѣчей, произнесенныхъ въ Обществѣ любителей русской словесности. По обычаю реакціонной газеты, памятующей извѣстный стихъ: gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo, за сигнальнымъ выстрѣломъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ; открытъ былъ особый отдѣлъ: „Клевета на Пушкина", въ теченіе двухъ недѣль пополнявшійся изо дня въ день прозою и стихами, подписанными и неподписанными письмами. Уже въ первомъ изъ нихъ, напечатанномъ 30 мая, ораторъ, вызвавшій бурю, названъ по имени: это—В. Е. Якушкинъ. „Клевета", взведенная имъ на Пушкина, заключается въ томъ, что Пушкинъ изображается вернувшимся изъ Михайловскаго „какимъ-то Валленродомъ", „съ тайнымъ намѣреніемъ продолжать дѣло декабристовъ подъ лживой личиной человѣка, лишь для вида примѣнившагося къ обстоятельствамъ, а на самомъ дѣлѣ оставшагося какимъ-то заядлымъ врагомъ правительственной власти". Клеветой является и увѣреніе, „будто отношенія Пушкина къ царю основаны были не на искреннемъ чувствѣ вѣрноподданнаго, а на какомъ-то вымышленномъ договорѣ, опредѣлявшемъ права и обязанности государя по отношенію къ Пушкину". Такова тема обвинителей, ясно намѣченная съ самаго начала: все послѣдующее только варьируетъ ее на разные лады, то сближая рѣчь г. Якушкина съ пріемами, осужденными правительственнымъ сообщеніемъ 24 мая, то приписывая ему восхваленіе декабрьскаго бунта и „сплошную брань" на царствованіе Николая I, то относя его къ сонму „либеральныхъ эпигоновъ", въ сущности раздѣляющихъ мнѣніе Писарева о Пушкинѣ, но не рѣшающихся сознаться въ этомъ и предпочитающихъ „перетащить" поэта въ свои ряды, какъ своего мнимаго союзника. О тонѣ, въ которомъ ведется полемика противъ г. Якушкина, можно судить по слѣдующимъ образцамъ: „словно черною тучей на ясномъ небѣ Россіи пронеслась клеветническая рѣчь г. Якушкина... Якушкины у насъ, къ сожалѣнію, есть, но они, къ счастію, сравнительно рѣдко выходятъ на свѣтъ цѣликомъ и еще рѣже показываютъ свое фарисейское нутро"... Авторъ

письма, изъ котораго мы заимствуемъ эти перлы, обладаетъ всевѣдѣніемъ: онъ знаетъ, что въ Петербургѣ *всѣ* безусловно осуждаютъ рѣчь г. Якушкина, знаетъ, почему ей рукоплескали въ Москвѣ и почему она не вызвала знаковъ неодобренія со стороны слушателей, ею возмущенныхъ. Не знаетъ онъ, какъ и его сподвижники, только одного—что для обвиненій въ печати есть предѣлъ, дальше котораго, у насъ въ Россіи, не долженъ идти уважающій себя писатель...»

Изъ-за чего же, однако, поднялась вся эта травля? Въ газетахъ мы нашли только короткое изложеніе рѣчи г. Якушкина, но оно довольно точно, повидимому, передаетъ общій ея смыслъ. Приведемъ изъ него все, что относится къ занимающему насъ вопросу. „Поэзія Пушкина и вообще вся его литературная работа были проникнуты вольнолюбивыми мечтами, гуманными чувствами, и нашъ великій поэтъ съ силой и убѣжденіемъ служилъ просвѣщенію... Связанный близкими отношеніями съ передовыми людьми двадцатыхъ годовъ, Пушкинъ раздѣлялъ, въ общемъ, ихъ убѣжденія. Спасшійся отъ декабрьской бури, онъ сохранилъ свои общественные идеалы, не измѣнилъ имъ, но измѣнилъ взгляды на средства для проведенія этихъ идеаловъ въ жизнь. Онъ постоянно стремился къ созданію честной публицистики, какъ необходимаго условія правильной общественной жизни и какъ средства проводить свои убѣжденія. Пушкинъ въ этомъ отношеніи сдѣлалъ, что могъ, и благодаря ему идеи двадцатыхъ годовъ нашли легче доступъ къ молодому поколѣнію 30-хъ годовъ. Въ этомъ великая общественная заслуга Пушкина, до сихъ поръ еще не вполнѣ оцѣненная. Имя Пушкина не имѣетъ себѣ равнаго въ исторіи русскаго искусства, но оно же должно несомнѣнно занимать одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ въ исторіи нашей общественности. Пушкинъ великъ не только тѣмъ, *какъ* онъ писалъ, но и тѣмъ, *что* онъ писалъ, какую *сумму идей* заключаютъ его сочиненія". Нѣчто близкое ко взгляду, выраженному въ этихъ словахъ, слышалось и въ другихъ рѣчахъ, сказанныхъ въ пушкинскіе дни. Алексѣй Николаевичъ Веселовскій напомнилъ, какъ самъ Пушкинъ охарактеризовалъ свою поэзію (въ „Памятникѣ")—охарактеризовалъ не форму ея (стихъ: „и прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ" вставленъ, какъ извѣстно, Жуковскимъ за невозможностью, въ то время, напечатать стихотвореніе въ настоящемъ его видѣ), а содержаніе: добрыя, гуманныя чувства, *прославленіе свободы*, милость къ падшимъ. „Зная жизнь Пушкина,—сказалъ другой ораторъ, Н. И. Стороженко,—зная, сколько ему приходилось терпѣть отъ подозрительности властей и цензуры, можно только изумляться, какъ онъ уцѣлѣлъ, какъ онъ не ожесточился, не впалъ въ отчаяніе, не былъ увлеченъ мутнымъ потокомъ современной дѣйствительности, а *донесъ до могилы въ незапятнанной чистотѣ свое поэтическое знамя*,

на которомъ ярко горитъ его тройственный поэтическій девизъ: красота, *свобода* и гуманность... Идти по слѣдамъ Пушкина, значитъ, вѣрить въ конечное торжество свѣта надъ тьмой, *свободы* надъ деспотизмомъ... значитъ отрѣшиться разъ навсегда отъ всякаго фанатизма, какъ религіознаго, такъ и политическаго, и помнить, что въ глазахъ нашего великаго поэта интересы *свободы*, человѣчности и правды всегда стояли выше всякихъ политическихъ и національныхъ соображеній". А. Ѳ. Кони привелъ въ своей рѣчи восклицаніе Пушкина: „мысль—великое слово; что же и составляетъ величіе человѣка, какъ не мысль! Да будетъ же она свободна какъ свободенъ человѣкъ: въ предѣлахъ закона, при полномъ соблюденіи условій, налагаемыхъ обществомъ". Еще важнѣе, съ нашей точки зрѣнія, полнѣйшая аналогія между рѣчью В. Е. Якушкина и его статьею: „Радищевъ и Пушкинъ", появившеюся, въ 1886 г., въ „Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей россійскихъ" и перепечатанною въ его книгѣ: „О Пушкинѣ", вышедшей въ свѣтъ какъ разъ ко времени пушкинскихъ празднествъ. Въ этой статьѣ г. Якушкинъ задается цѣлью показать, что „перемѣна, происшедшая въ Пушкинѣ послѣ 1825 г., была не такъ крута, состояла не въ томъ, что обыкновенно думаютъ". Пушкинъ, въ первой половинѣ двадцатыхъ годовъ, былъ близокъ ко многимъ изъ декабристовъ; на него имѣли большое вліяніе ихъ передовыя идеи. Онъ сохранилъ сочувствіе къ нимъ и послѣ катастрофы: это видно и изъ стихотвореній его, и изъ писемъ. Говоря въ первый разъ съ императоромъ Николаемъ, онъ прямо сказалъ ему, что, будь онъ 14-го декабря въ Петербургѣ, онъ былъ бы въ рядахъ бунтовщиковъ. „Пушкинъ заключилъ договоръ съ правительствомъ на основаніи, которое онъ ясно выражаетъ въ письмѣ къ Жуковскому: „каковъ бы ни былъ мой образъ мыслей политическій и религіозный, я храню его про самого себя и не намѣренъ безумно противорѣчить общепринятому порядку и необходимости". Это положеніе въ измѣненномъ видѣ сдѣлалось съ тѣхъ поръ общимъ принципомъ всей дѣятельности Пушкина до конца жизни. Въ основѣ его лежало сознаніе общаго начала, которое можетъ быть приблизительно охарактеризовано современнымъ французскимъ терминомъ: *оппортунизмъ* (конечно, въ его благородномъ значеніи). Пушкинъ остался какъ бы наслѣдникомъ, единственнымъ главнымъ представителемъ и носителемъ общественныхъ идей 20-хъ годовъ. Чтобы охранить ихъ, онъ рѣшилъ не ставить ихъ въ рѣзкое противорѣчіе съ побѣдившимъ строемъ, выставлять и проводить ихъ лишь насколько это было возможно. Онъ видитъ, что революція не удалась, понимаетъ, что повтореніе ея невозможно и нежелательно, и считаетъ необходимыми другія мирныя, дозволенныя средства. Онъ хочетъ дѣйствовать не противъ силы вещей, не про-

тивъ правительства, а по возможности съ нимъ, черезъ него... Конечно, не всегда ему удается выражать общественныя идеи 20-хъ годовъ, не становясь въ противорѣчіе съ общепризнаннымъ порядкомъ: двойная или тройная цензура, тяготѣвшая надъ нимъ, часто задерживаетъ и стихи его, и прозу. Чтобы проводить свои взгляды, ему приходится прибѣгать къ иносказательному языку... Благодаря Пушкину, идеи двадцатыхъ годовъ легче нашли доступъ къ молодому поколѣнію"... Всѣ эти мысли, иногда выраженныя почти тѣми же словами, мы встрѣчаемъ и въ рѣчи, произнесенной В. Е. Якушкинымъ 27-го мая. Вѣрный своему обычаю, добровольный надзоръ оказался и на этотъ разъ болѣе требовательнымъ, чѣмъ надзоръ оффиціальный: представители перваго забили тревогу по поводу того, что̀ было дважды пропущено послѣднимъ! Болѣе яркой иллюстраціи нравовъ, господствующихъ въ псевдо-охранительной печати, нельзя себѣ и представить. Она не довольствуется возможностью вести споры при условіяхъ, сплошь и рядомъ неблагопріятныхъ для противника, сплошь и рядомъ мѣшающихъ ему высказаться до конца, съ полною опредѣленностью: ей нужно вынужденное его молчаніе. Въ стремленіи къ этой цѣли замѣтна извѣстная виртуозность, выработанная долгимъ навыкомъ. Передавая содержаніе рѣчи В. Е. Якушкина, реакціонная газета не допустила, повидимому, грубаго искаженія словъ оратора, но съ помощью нѣсколькихъ штриховъ („заядлый врагъ правительственной власти", „восхваленіе бунта", „сплошная брань на царствованіе Николая I-го"), постаралась дать имъ такое освѣщеніе, котораго они на самомъ дѣли вовсе не имѣли... Другой „полемическій пріемъ", пущенный въ ходъ для изобличенія мнимой „клеветы" на Пушкина, заключается въ слѣдующемъ: г. Якушкину ставится въ вину, что онъ „роется" въ неизданныхъ бумагахъ Пушкина, „выхватываетъ изъ нихъ по своему личному вкусу отдѣльныя слова и выраженія" и оставляетъ безъ вниманія главное—поэтическія произведенія, въ которыхъ, и только въ которыхъ, слѣдуетъ искать ключъ къ настроенію и міросозерцанію поэта. Одинаково невѣрны обѣ стороны этого упрека. „Бумаги", не изданныя при жизни писателя, имѣютъ тѣмъ бо̀льшую важность, чѣмъ сильнѣе были препятствія, которыя онъ встрѣчалъ при обнародованіи своихъ произведеній—а кто же не знаетъ, каково было, съ этой точки зрѣнія, положеніе Пушкина? Ни одинъ изъ главныхъ выводовъ г. Якушкина не основывается, однако, *только* на „неизданныхъ бумагахъ"; наоборотъ, они всѣ подтверждены ссылкой на стихотворенія Пушкина. И дѣйствительно, стоитъ только припомнить обращеніе Пушкина къ декабристамъ (въ особенности „посланіе въ Сибирь"), „Аріонъ", „Памятникъ", чтобы признать значительную долю правды въ мнѣніи В. Е. Якушкина. Какъ велика эта доля—мы разбирать не будемъ; это потребовало бы слишкомъ много

времени и мѣста. Для насъ достаточно показать, что взглядъ г. Якушкина имѣетъ, если можно такъ выразиться, полное право на существованіе, и что отрицать это право способны только систематическіе враги свободы—свободы, которую даже въ его „жестокій вѣкъ“ не переставалъ „возславлять“ Пушкинъ.

Одинъ изъ безчисленныхъ „добровольцевъ“, вооружившихся противъ г. Якушкина, подозрѣваетъ его, какъ мы уже видѣли, въ тайномъ сочувствіи Писареву, пытавшемуся развѣнчать Пушкина. Въ кампанію, открытую противъ „клеветниковъ Пушкина“, это подозрѣніе вноситъ по истинѣ комическую ноту. Съ самаго вступленія своего на литературное поприще г. Якушкинъ не переставалъ изучать Пушкина—изучать его съ той любовью, которая не отступаетъ передъ самымъ кропотливымъ трудомъ и дорожитъ всякой черточкой, дополняющей или разъясняющей дорогой образъ. Именно такимъ характеромъ отличается какъ разборъ черновыхъ рукописей Пушкина, предпринятый г. Якушкинымъ въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ, такъ и оцѣнка многочисленныхъ изданій Пушкина, появившихся вслѣдъ за истеченіемъ пятидесяти лѣтъ со дня его смерти. Можно ли назвать иначе, какъ смѣшной, попытку отнести автора этихъ работъ къ числу замаскированныхъ „отрицателей“ Пушкина?.. Другая комическая сцена, также разыгранная на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“—это попытка связать съ именемъ Пушкина имя... Каткова, „величавый образъ котораго вполнѣ достоинъ стать на ряду съ геніальнымъ поэтомъ“. Съ точки зрѣнія московской газеты, Пушкинъ и Катковъ „родственны по духу и по генію“, „равно близки и дороги сердцу русскаго человѣка, какъ носители русскихъ идеаловъ народа, какъ выразители его завѣтнѣйшихъ думъ и желаній“. Глубоко возмутительны были бы эти слова, если бы они не были такъ смѣшны. Авторъ забавной параллели, г. А. Шевелевъ, не въ первый разъ уже грѣшитъ избыткомъ усердія, вызываемаго преклоненіемъ передъ памятью Каткова. Лѣтъ восемь тому назадъ онъ предлагалъ поставить памятникъ Каткову, въ Москвѣ, на Страстномъ бульварѣ, т.-е. въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ памятникомъ Пушкина. „Пушкинъ,—замѣтили мы тогда, разбирая эту затѣю [1],—Пушкинъ *любезенъ народу* тѣмъ, что пробуждалъ добрыя чувства и призывалъ милость къ падшимъ. И насъ хотятъ увѣрить, что рядомъ съ Пушкинымъ есть мѣсто для писателя, безжалостнаго къ побѣжденнымъ, полъ-жизни посвятившаго возбужденію враждебныхъ чувствъ въ одной части русскаго общества противъ другой, въ русскихъ противъ всего не-русскаго, въ приверженцахъ извѣстныхъ

[1]) См. Обществ. Хронику въ № 9 „В. Евр.“ за 1891.

взглядовъ — противъ всѣхъ несогласно-мыслящихъ". Ужъ если кто заслуживаетъ названія „клеветниковъ Пушкина", такъ именно тѣ, которые стараются приравнять его къ Каткову...

Систематическихъ враговъ земства, желающихъ вырвать его съ корнемъ изъ русской жизни или, по меньшей мѣрѣ, свести его на нѣтъ, путемъ постепеннаго ограниченія его функцій, смущаетъ иногда мысль о возможныхъ его преемникахъ. Несмотря на всю вѣру этихъ господъ въ единоспасительность управленія, имъ случалось брюзжать противъ „бюрократіи", въ особенности когда она казалась имъ повинной въ „либерализмѣ"—и они затрудняются присудить ей всецѣло земское наслѣдство. Въ послѣднее время имъ удалось убѣдить себя, что найденъ выходъ изъ затруднительнаго положенія, резюмируемый словами: *ни самоуправленіе, ни бюрократія. Бездомные скитальцы*, т.-е. „не имѣющіе никакихъ связей съ населеніемъ и вѣчно кочующіе чиновники", провозглашаются столь же мало пригодными къ должностямъ мѣстныхъ правителей и судей, какъ и „представители населенія". Ларчикъ, значитъ, открывается просто: „составъ мѣстнаго управленіи долженъ набираться изъ мѣстныхъ людей, но порядокъ опредѣленія ихъ долженъ быть не выборный и они должны быть отвѣтственны въ своей дѣятельности передъ правительствомъ". Примѣненіе этого начала очень легко, такъ какъ „въ уѣздахъ уже въ теченіе многихъ вѣковъ существуетъ именно для государственной службы особое сословіе—помѣстное дворянство, члены котораго имѣютъ традиціи и навыки по мѣстному управленію". Другими словами, стоитъ только „распространить руководящія черты организаціи земскихъ начальниковъ на остальныя учрежденія мѣстнаго управленія"—и все будетъ устроено къ лучшему въ наилучшемъ изъ міровъ. Итакъ, понятіе о чиновникѣ исчерпывается вопросомъ о его происхожденіи? Въ категорію чиновниковъ входятъ только уроженцы не той мѣстности, гдѣ они служатъ, а должностныя лица изъ мѣстныхъ обывателей, каково бы ни было ихъ служебное положеніе, чиновниками почитаться не могутъ? До-реформенная русская провинція, съ ея капитанъ-исправниками, засѣдателями и становыми приставами, управлялась, слѣдовательно, не бюрократически? Сочинители подобныхъ тезисовъ составляютъ себѣ, повидимому, преувеличенное представленіе о легковѣріи своихъ читателей. Отличительная черта бюрократіи заключается вовсе не въ пришломъ характерѣ ея агентовъ, а въ строгой іерархической подчиненности, въ стѣсненіи иниціативы, въ безпрекословномъ исполненіи чужихъ приказаній, въ отсутствіи живой, добровольной связи между управляемыми и управляющими. Зем-

скій начальникъ—такой же чиновникъ, какъ и другіе, такой же и по способу назначенія, и по способу увольненія, и по способу привлеченія къ отвѣтственности, и по свойству отношеній къ начальству. Ничего здѣсь не измѣняетъ такъ-называемое совѣщаніе съ предводителями дворянства, потому что рѣшительное слово, при замѣщеніи должности земскаго начальника, принадлежитъ, de jure—министру внутреннихъ дѣлъ, de facto, въ большинствѣ случаевъ — губернатору. Ничего не измѣняетъ и требованіе ценза, потому что владѣлецъ имѣнія можетъ быть совершенно чуждъ мѣстности, въ которой оно расположено, а если онъ ей и не чуждъ, то можетъ быть знакомъ ея населенію какъ съ хорошей, такъ и съ дурной стороны. О независимости земскаго начальника рѣчь можетъ идти лишь настолько, какъ и о независимости всякаго другого чиновника: единственнымъ ея проявленіемъ можетъ служить и тамъ, и тутъ готовность скорѣе выйти въ отставку, чѣмъ поступить противъ совѣсти или убѣжденія—а такая готовность нигдѣ не составляетъ общаго правила. Распространить организацію земскихъ начальниковъ на всѣ отрасли мѣстнаго управленія, значило бы, слѣдовательно, размножить чиновничество и расширить сферу дѣйствій бюрократіи—расширить ее, притомъ, именно тамъ, гдѣ она всего менѣе пригодна: въ области мѣстнаго хозяйства. Не лишено значенія и то, что назначеніе на всѣ должности по мѣстному управленію однихъ только дворянъ было бы равносильно почти полному отстраненію отъ государственной службы не-дворянъ, доставлявшихъ ей столько полезныхъ и даже блестящихъ дѣятелей. За монополіей мѣстной службы почти неизбѣжно послѣдовала бы монополія службъ въ губернскихъ и центральныхъ административныхъ учрежденіяхъ, такъ какъ первый родъ службы разсматривался бы какъ подготовка къ послѣднему, какъ предварительное его условіе. Нужно ли прибавлять, что именно опытъ прошлаго меньше всего говоритъ въ пользу эксперимента, съ легкимъ сердцемъ предлагаемаго реакціонной прессой? Нужно ли напоминать, какого рода „традиціи и навыки“ выработала, въ „доброе старое время“, служба дворянъ по мѣстному управленію?..

Не меньше выборнаго начала ненавистно нашимъ псевдо-охранителямъ право ходатайства о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ. Неутомимый въ своихъ подкопахъ подъ земство—подъ земство живое и жизнеспособное,—кн. Д. Н. Цертелевъ опять пытается доказать, что ходатайства по общимъ вопросамъ служатъ только оболочкой для протеста и для политической пропаганды. Въ особенности зловредна, съ точки зрѣнія кн. Цертелева, періодическая печать, поддерживающая въ земской средѣ невѣрные взгляды на предѣлы права ходатайства. Извѣстное рѣшеніе Сената, состоявшееся по жалобѣ тамбовскаго гу-

бернскаго земства, вовсе не коснулось—такъ разсуждаетъ кн. Цертелевъ—вопроса о *законности* земскихъ ходатайствъ, имѣвшихъ предметомъ отмѣну тѣлесныхъ наказаній, а ограничилось провозглашеніемъ общаго начала, что признаніе постановленія о ходатайствѣ недѣйствительнымъ и не подлежащимъ исполненію и дальнѣйшему производству зависитъ отъ усмотрѣнія комитета министровъ (а не отъ губернатора и даже не отъ министра, которые даютъ только свои заключенія по этому предмету). Кн. Цертелевъ не замѣчаетъ, что именно это общее начало и важно для земскихъ учрежденій; оно служитъ ручательствомъ въ томъ, что ходатайства, возбуждаемыя земствомъ, не будутъ остановлены ни въ самомъ началѣ, ни въ промежуточныхъ фазисахъ своего движенія, а дойдутъ до послѣдней инстанціи, установленной закономъ—до комитета министровъ. Въ какой мѣрѣ это увеличиваетъ шансы успѣха ходатайствъ или по крайней мѣрѣ вниманія къ нимъ—понятно само собою... Мнѣніе кн. Цертелева по существу вопроса объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній напоминаетъ щедринскую формулу: нельзя не сознаться, но должно признаться. „Вопросы криминологіи,—говоритъ кн. Цертелевъ,—не рѣшаются, къ сожалѣнію, на основаніи одного непосредственнаго чувства. Насколько сложны такіе вопросы, можно убѣдиться уже изъ того, что въ то время какъ у насъ земскія собранія и медицинскіе съѣзды возбуждаютъ ходатайства объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній по приговорамъ волостныхъ судовъ, школа Ломброзо предлагаетъ, наоборотъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ тюремное заключеніе замѣнять тѣлеснымъ наказаніемъ. Несомнѣнно, однако, что тѣлесное наказаніе является однимъ изъ самыхъ грубыхъ и отталкивающихъ видовъ возмездія за проступки и преступленія; чѣмъ рѣже приходится прибѣгать къ нему, тѣмъ лучше, и можно было бы только порадоваться, если бы фактически оно совсѣмъ вышло изъ употребленія". Если бы рѣчь шла не о такомъ печальномъ предметѣ, противопоставленіе нашимъ земскимъ ходатайствамъ взглядовъ итальянской антропологической школы могло бы вызвать невольную улыбку: вѣдь если кто-нибудь изъ учениковъ Ломброзо и подалъ голосъ за возстановленіе тѣлеснаго наказанія, то онъ имѣлъ въ виду, безъ сомнѣнія, преступниковъ опасныхъ, тяжкихъ, а земскія ходатайства касаются крестьянъ, привлекаемыхъ къ отвѣтственности за легкіе, иногда чисто дисциплинарные проступки. Если бы даже и можно было признать, что тѣлесное наказаніе цѣлесообразно, при тѣхъ или другихъ условіяхъ, по отношенію къ первымъ, то отсюда, очевидно, нельзя было бы вывести аналогичнаго заключенія по отношенію къ послѣднимъ. Вѣдь не съ лондонскими „гарротерами", въ самомъ дѣлѣ, можно сравнить русскаго мужика, нарушившаго „общественную тишину" на деревенской

улицѣ или хотя бы стащившаго у сосѣда какой-нибудь предметъ домашняго обихода... Почему, далѣе, слѣдуетъ выжидать, чтобы „одинъ изъ самыхъ грубыхъ и отталкивающихъ видовъ возмездія“ вышелъ изъ употребленія *фактически*, т.-е. самъ собою, безъ вмѣшательства законодательной власти? Неужели кн. Цертелева никогда не поражала явная несообразность, въ силу которой въ одномъ земскомъ участкѣ тѣлесное наказаніе практикуется усердно, а въ другомъ, сосѣднемъ, не допускается никогда? Неужели нормальна зависимость населенія отъ взглядовъ одного лица, во всякое время, притомъ, могущаго измѣнить имъ или уступить мѣсто другому, придерживающемуся противоположнаго направленія? Чѣмъ чаще приходится слышать, что въ такомъ-то уѣздѣ совершенно вышли изъ употребленія тѣлесныя наказанія, тѣмъ менѣе извинительнымъ становится примѣненіе ихъ въ другихъ мѣстахъ, находящихся въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ. Кто дѣйствительно считаетъ тѣлесное наказаніе „однимъ изъ самыхъ грубыхъ и отталкивающихъ видовъ возмездія“, того не можетъ успокоить смутная надежда на медленное, постепенное его вымираніе... Кн. Цертелеву понадобилось, для чего-то, напомнить, что еще въ 1857 г. „Колоколъ“ Герцена ставилъ своимъ девизомъ, рядомъ съ освобожденіемъ крестьянъ отъ помѣщиковъ, освобожденіе слова отъ цензуры и освобожденіе податного сословія отъ побоевъ. Ужъ не усматривается ли въ этомъ препятствіе къ законодательной отмѣнѣ „побоевъ“? Но вѣдь если, четыре года спустя послѣ основанія „Колокола“, никто не считалъ освобожденіе крестьянъ уступкой требованіямъ Герцена, то кому же придетъ въ голову что-нибудь подобное теперь, по прошествіи почти полувѣка?

Мѣсяцъ тому назадъ мы говорили о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ бессарабскимъ землевладѣльцемъ Анушемъ въ организаціи, на его счетъ, помощи голодающимъ въ самарской губерніи. Нѣсколько дней спустя мы узнали изъ газетъ, что г. Анушу удалось устроить задуманное имъ дѣло, на предложенныхъ имъ условіяхъ, въ казанской губерніи, а затѣмъ въ печати появился и подлинный текстъ телеграммъ, которыми обмѣнялись г. Анушъ и самарскій губернаторъ. Изъ послѣдней телеграммы самарскаго губернатора видно, что онъ вовсе не хотѣлъ установлять какую-либо зависимость г. Ануша отъ учрежденій Краснаго Креста, а желалъ только, чтобы районъ самостоятельной его дѣятельности былъ выбранъ по соглашенію съ мѣстнымъ управленіемъ Краснаго Креста, учрежденія котораго въ этомъ районѣ подлежали бы закрытію. Нельзя не замѣтить, однако, что предшествующая телеграмма могла быть понята г. Анушемъ совер-

шенно иначе. Вотъ буквальный текстъ ея: „ваше личное участіе въ дѣлѣ помощи возможно и желательно при условіи вашего согласія *примкнуть къ существующей организаціи* Краснаго Креста принятіемъ завѣдыванія отдѣльнымъ райономъ". Подчеркнутыя слова легко могли быть истолкованы въ томъ смыслѣ, что г. Анушъ долженъ будетъ дѣйствовать не самостоятельно, а въ составѣ учрежденій Краснаго Креста и, слѣдовательно, подъ руководствомъ мѣстнаго управленія общества. Не совсѣмъ ясно для насъ, далѣе, необходимость *закрывать* учрежденія Краснаго Креста въ томъ районѣ, гдѣ является частная благотворительность; развѣ невозможно совмѣстное дѣйствіе тѣхъ и другихъ, въ видѣ, напримѣръ, дополненія частными лицами помощи Краснаго Креста, всегда, по необходимости, ограниченной?.. Какъ бы то ни было, послѣдняя телеграмма изъ Самары, да и самый фактъ соглашенія г. Ануша съ казанскимъ губернаторомъ, доказываютъ несомнѣнно, что въ желаніи частныхъ лицъ *самостоятельно* дѣйствовать на пользу голодающихъ нѣтъ ничего похожаго на „мѣстничество". Съ точки зрѣнія оффиціальной, для г. Ануша оказалась возможной именно та *независимость*, стремленіе къ которой газеты извѣстнаго оттѣнка признавали дерзновеннымъ и неумѣстнымъ. Предсказаніе „Новаго Времени", что г. Анушу „придется сидѣть дома", не сбылось, къ счастію голодающихъ и къ чести администраціи. Это не мѣшаетъ, однако, только-что названной газетѣ стоять на томъ, что „пререканія г. Ануша были совершенно неосновательны" и что неправъ „Вѣстникъ Европы", „расшаркивавшійся передъ независимостью" г. Ануша и „дѣйствительно независимый отъ всякаго участія въ помощи крестьянскому населенію поволжскихъ губерній не словомъ, а дѣломъ". Что означаетъ, въ полемикѣ, обращеніе къ подобнымъ пріемамъ—это давно извѣстно изъ поговорки: „ты сердишься—значитъ, ты неправъ".

Какое значеніе имѣетъ, въ пострадавшихъ мѣстностяхъ, частная помощь—это видно съ особенною ясностью изъ письма г. Кетрица, предсѣдательствовавшаго, въ прошломъ году, въ существовавшемъ при вольномъ экономическомъ обществѣ комитетѣ для пособія голодающимъ [1]). Б. Э. Кетрицъ посѣтилъ чистопольскій уѣздъ (казанской губерніи), одинъ изъ наиболѣе потерпѣвшихъ. Зарегистрованныхъ больныхъ цынгою здѣсь было около 12 тысячъ (!). „Къ концу мая,—пишетъ г. Кетрицъ,—число цынготныхъ больныхъ сильно уменьшилось; больные легкими формами, т.-е. большинство больныхъ, совсѣмъ выздоровѣли; положеніе трудно-больныхъ цынготныхъ сильно облегчено. Преобладающее мнѣніе населенія уѣзда, видѣвшаго весь ходъ

---

[1]) См. № 158 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей".

дѣла, то ухудшавшійся, то поправлявшійся,—что этотъ спасительный, благодатный исходъ полученъ благодаря, главнымъ образомъ, „частной помощи“, поданной, хотя поздно, лишь съ апрѣля, но въ обильномъ количествѣ. Правительство помогло много, выдавая черезъ земство паекъ въ 33 фунта ржаной муки въ мѣсяцъ и $1^1/_2$ пуда такой же муки на посыпку соломы лошадямъ. Красный Крестъ также много помогъ, открывъ еще съ зимы множество столовыхъ для дѣтей и для больныхъ. Но преобладающій отзывъ здѣсь тотъ, что пока столовыя были отъ одного Краснаго Креста, цынга дошла мѣстами до самыхъ ужасныхъ формъ, и смертность женщинъ и дѣтей у чувашъ и татаръ сильно увеличилась: то-и-дѣло таскали гробы. Когда въ апрѣлѣ открылись въ самыхъ пострадавшихъ мѣстахъ частныя столовыя московскихъ кружковъ, управляющаго кн. Ливенъ г. Фиргуфа (открывшаго около 100 столовыхъ въ уѣздѣ), отставного генерала Быкова, г-жи Габай изъ Крыма и другихъ, изъ которыхъ многія кормили ежедневно не только дѣтей и больныхъ, но и здоровыхъ женщинъ, — притомъ хорошею мясною, пшенною похлебкою или пшенною кашею съ постнымъ масломъ или саломъ,—то черезъ мѣсяцъ, къ концу мая, большая часть цынготныхъ, не только легкихъ, но и трудныхъ формъ, выздоровѣла; остались только кое-гдѣ поправляющіеся трудно больные. Въ одной татарской деревнѣ Ибрайкинѣ, Кутеминской волости, было 600 больныхъ цынгою. Когда въ Ибрайкино прибылъ отрядъ генерала Быкова, то трудные цынготные съ распухшими деснами и гніющими ногами лежали совершенно какъ мертвые и только дней черезъ пять стали подавать первые признаки жизни. Теперь они уже ползаютъ на четверенькахъ и идутъ на поправку. Я самъ видалъ въ дер. Новый Чувашскій Адамъ, Новоадамской волости, чуваша Василья Никитина, у котораго въ апрѣлѣ въ одинъ мѣсяцъ умерли отъ цынги жена и всѣ 4 дѣтей, такъ что онъ остался одинъ изъ семьи въ 6 душъ. Я видѣлъ въ той же деревнѣ домъ Степана Трофимова, у котораго зимою перемерла отъ цынги вся семья изъ 5-ти душъ, а въ маѣ умеръ и онъ самъ, такъ что домъ его остался пустой... Работа молодежи здѣсь выше всякихъ похвалъ. Молодая, худенькая дѣвушка работала ежедневно съ 6 часовъ утра до 9 часовъ вечера безъ перерыва, изводя себя. У одного студента, имѣвшаго растерянный видъ отъ работы и утомленія, на рубашкѣ истлѣли дыры, и онъ мнѣ признался, что не мѣнялъ бѣлья 3 недѣли, потому что некогда было. И много, много такихъ подвижницъ и подвижниковъ и ангеловъ-хранителей работало въ частныхъ столовыхъ и больничкахъ безъ всякаго жалованья, съ рискомъ заразиться цынгою, трахомою и т. п. Такого труда не купить ни прогонными, ни суточными, ни крестами“... То же самое подтверждаетъ и сотрудникъ „Одесскихъ Новостей“, А. М. Ѳедоровъ,

находящійся въ самарской губерніи. „Молодежь,—пишетъ онъ,—проявляетъ сверхчеловѣческую энергію, изнемогаетъ, заболѣваетъ отъ адскихъ впечатлѣній и непосильнаго труда. Нѣсколько студентовъ заболѣли цынгой, потому что въ лихорадочномъ трудѣ, въ заботахъ о ближнемъ имъ некогда было спать, некогда было ѣсть, и они не замѣчали, что истощенный организмъ поддался цынгѣ. Фельдшерица рождественскихъ курсовъ, Березовская, заражается тифомъ, ухаживая за больными, и, едва оправившись отъ болѣзни, снова работаетъ среди голодныхъ и больныхъ. И такой случай не одинъ". Менѣе выдающееся, но все же весьма видное мѣсто будетъ отведено, въ правдивой исторіи нашихъ голодовокъ, и тѣмъ провинціальнымъ дѣятелямъ, которые, пренебрегая собственнымъ своимъ благополучіемъ, способствовали выясненію нужды и настаивали на усиленной борьбѣ съ ея послѣдствіями. Одинъ изъ такихъ дѣятелей—П. А. Голубевъ, замѣчательныя статьи котораго печатались (подъ заглавіемъ: „Бѣдствіе вятской губерніи") въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" [1])—переведенъ недавно на службу изъ Вятки въ Пермь. По словамъ вятскаго корреспондента „Сѣвернаго Края", газетные номера съ статьями г. Голубева зачитывались въ Вяткѣ до того, что въ два-три дня превращались въ ветхіе лоскутки. „Слава Богу,—восклицаетъ корреспондентъ,—что у насъ, рискуя многимъ, еще высказываются дѣятели въ родѣ П. А. Голубева". Какъ нелегко дается на мѣстахъ такая дѣятельность—это видно, между прочимъ, изъ того, что газета „Вятскій Край", въ которой писалъ г. Голубевъ, перестала выходить за невозможностью найти редактора, удовлетворяющаго требованіямъ власти...

За двумя неурожайными годами, пережитыми Россіей, надвигается, повидимому, третій; вѣсти о предстоящемъ недородѣ идутъ не только изъ губерній, пощаженныхъ бѣдствіями 1897 и 1898 гг. (херсонской, екатеринославской), но и изъ губерній, пострадавшихъ въ предпрошломъ (напр., воронежская) или прошломъ году (напр., саратовская, нижегородская). Недавній опытъ указываетъ на необходимость своевременной организаціи помощи, какъ государственной и земской, такъ и общественной и частной. Во всѣхъ уѣздахъ, которымъ грозитъ неурожай, слѣдовало бы приступить, съ возможно меньшей долей оффиціальности, къ устройству мѣстныхъ попечительствъ, для приведенія въ извѣстность нуждъ населенія и для собранія и распредѣленія средствъ къ ихъ удовлетворенію. Отряды Краснаго Креста, закончивъ свою работу на мѣстахъ прошлогодняго неурожая, могли бы немедленно перейти туда, гдѣ въ нихъ вновь оказывается надобность.

---

[1]) См. Общественную Хронику въ № 3 „Вѣстника Европы" за текущій годъ.

Весьма цѣлесообразно было бы освобожденіе отъ предварительной цензуры всѣхъ извѣстій о неурожаѣ и обусловливаемой имъ народной нуждѣ, появляющихся въ провинціальныхъ періодическихъ изданіяхъ. Едва-ли, наконецъ, было бы удобно приступать, до совершеннаго прекращенія бѣдствія, къ разсмотрѣнію новаго продовольственнаго устава. Капитальная перестройка зданія не предпринимается тогда, когда оно наполнено больными.

12-го іюня состоялось слѣдующее распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ: „Въ виду предстоящаго пересмотра правилъ отъ 18-го мая 1867 года и 7-го августа 1898 года, объ опредѣленіи величины печатнаго листа въ сочиненіяхъ, выходящихъ въ свѣтъ безъ предварительной цензуры (ст. 6, п. а, I, Уст. о ценз. и печ.), министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ нынѣ возможнымъ разрѣшить столичнымъ цензурнымъ комитетамъ производить исчисленіе печатныхъ листовъ въ безцензурныхъ изданіяхъ, впредь до окончанія означеннаго пересмотра, по правиламъ 18-го мая 1867 года". Нашимъ читателямъ извѣстно, съ какими неудобствами сопряжено было примѣненіе правилъ 7-го августа 1898 г. и какъ мало они соотвѣтствовали смыслу закона [1]). Нужно надѣяться, что пріостановленіе ихъ дѣйствія окажется равносильнымъ совершенной ихъ отмѣнѣ. Еще отраднѣе было бы указать, что пересмотръ правилъ 1867 и 1898 гг. составляетъ только часть давно поставленнаго на очередь общаго пересмотра законовъ о печати... Другая добрая вѣсть, требующая, впрочемъ, подтвержденія, касается учительскихъ съѣздовъ, въ 1885 г. воспрещенныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и съ тѣхъ поръ не собиравшихся ни разу, несмотря на многократныя ходатайства земскихъ собраній. Теперь, судя по газетнымъ сообщеніямъ, ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія высказался за ихъ возобновленіе. Это было бы значительнымъ шагомъ впередъ въ жизни начальной школы и большимъ благодѣяніемъ для учащихъ, для которыхъ въ настоящее время доступны только такъ называемые педагогическіе курсы. Роль народныхъ учителей на съѣздахъ активная, на курсахъ—исключительно пассивная. На съѣздахъ они обмѣниваются мыслями и многому научаются какъ у руководителя, такъ и другъ у друга; на курсахъ они только слушаютъ чтенія, очень часто не идущія дальше повторенія задовъ, не дающія новыхъ знаній и не возбуждающія самостоятельной умственной работы. Что̀ значитъ, вообще, потеря самостоятельности и самодѣятельности—объ этомъ можно су-

---

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 1 „В. Евр." за текущій годъ и Общественную Хронику въ № 4.

дить, между прочимъ, по двумъ учрежденіямъ, состоящимъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія: по обществамъ грамотности, московскому и петербургскому, замѣнившимъ собою упраздненные въ обѣихъ столицахъ (въ 1895 г.) комитеты грамотности. Петербургское общество грамотности до сихъ поръ, послѣ трехъ лѣтъ существованія, только собирается что-нибудь сдѣлать, а московское общество хотя кое-что и дѣлаетъ, но признаетъ, что его работы, въ силу даннаго ему устава, не могутъ идти такъ успѣшно, какъ шли работы комитета грамотности.

Post-Scriptum. Наше „Внутреннее Обозрѣніе" было уже сдано въ печать, когда въ газетахъ былъ распубликованъ текстъ новыхъ узаконеній, состоявшихся въ концѣ законодательной сессіи. Два изъ нихъ имѣютъ не малое значеніе для земства. 12-го апрѣля Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта о мѣстныхъ органахъ по сельско-хозяйственной части, въ главныхъ чертахъ совпадающее съ проектомъ, содержаніе котораго было изложено нами въ одномъ изъ прошлогоднихъ внутреннихъ обозрѣній [1]. Всего важнѣе та тѣсная связь, которая установляется между уполномоченными министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ—связь, горько оплакиваемая реакціонною печатью [2] и дѣйствительно идущая прямо въ разрѣзъ съ ея вожделѣніями. Несмотря на враждебное отношеніе свое къ расширенію функцій губернскаго земства, она предпочла бы уполномоченному министерства даже губернскаго земскаго агронома, съ подчиненными ему уѣздными, потому что эта послѣдняя комбинація не соединила бы въ одной общей работѣ—и на равныхъ правахъ—представителей администраціи и земства... Для насъ въ новомъ законѣ есть еще два симпатичныя постановленія: первое разрѣшаетъ земскимъ управамъ обращаться по текущимъ, касающимся сельскаго хозяйства дѣламъ непосредственно въ департаментъ земледѣлія м-ва земледѣлія и государственныхъ имуществъ (между тѣмъ какъ вообще сношенія земскихъ управъ съ центральными учрежденіями идутъ черезъ посредство губернатора и, въ случаѣ надобности, министерства внутреннихъ дѣлъ); второе допускаетъ уполномоченными и спеціалистами по сельско-хозяйственной части лицъ, не имѣющихъ соотвѣтственнаго или даже никакого чина, а спеціалистами по сельско-хозяйственной части—и лицъ, не имѣющихъ права вступать въ гражданскую службу, съ предоставленіемъ имъ всѣхъ служебныхъ преимуществъ, присвоенныхъ должности, кромѣ права на производство въ

---

[1] См. № 7 „Вѣстн. Европы" за 1898 г.

[2] См. перед. статью въ № 136 „Москов. Вѣдомостей".

чины. Другой законъ (22-го марта) относится къ распредѣленію между казною и земствомъ суммъ, поступающихъ въ уплату поземельныхъ сборовъ. Онъ увеличиваетъ долю, обязательно поступающую въ земство, и, слѣдовательно, улучшаетъ финансовое положеніе земскихъ учрежденій, хотя далеко не въ такой степени, какъ о томъ ходатайствовали многія земскія собранія [1]). Высочайше утвержденнымъ 10-го мая мнѣніемъ Государственнаго Совѣта усилены наказанія за покупку или сбытъ завѣдомо похищенной лошади, а также за открытое (въ видѣ грабежа) и тайное похищеніе лошади, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда виновный будетъ признанъ профессіональнымъ конокрадомъ. Безспорно, конокрадство—одно изъ самыхъ опасныхъ и вредныхъ преступленій, но наказанія за него повышаются уже не въ первый разъ, изъ чего можно заключить, что усиленіе репрессіи не достигаетъ своей цѣли. Едва ли, притомъ, удобно вносить новыя статьи въ уложеніе о наказаніяхъ, доживающее свои послѣдніе дни. Законъ 10-го мая увеличиваетъ число случаевъ ссылки въ то самое время, когда идетъ рѣчь о возможно бòльшемъ ея ограниченіи.

Въ оффиціальной „Финляндской Всеобщей Газетѣ“ напечатано слѣдующее правительственное сообщеніе: „Вслѣдствіе ходатайства Императорскаго финляндскаго сената, вмѣстѣ съ представленіемъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе отчета состоянія государственныхъ фондовъ въ текущемъ 1899 году, о Высочайшемъ разрѣшеніи отчислить въ текущемъ году изъ общихъ государственныхъ средствъ въ коммуникаціонный фондъ 10.000.000 марокъ, Его Императорское Величество, 19 минувшаго мая, Высочайше соизволилъ положить нижеслѣдующую резолюцію: 1) отчислить изъ государственныхъ средствъ шесть милліоновъ марокъ въ коммуникаціонный фондъ; 2) отчислить изъ указанныхъ государственныхъ средствъ два милліона марокъ, какъ запасъ, въ милиціонный фондъ, на случай необходимости для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, которые могутъ потребоваться при введеніи новаго воинскаго узаконенія; 3) отчислить изъ государственныхъ средствъ два милліона марокъ и назначить ихъ для снабженія землею безземельнаго населенія Финляндіи. Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ сената за 1896 годъ Его Императорское Величество соизволилъ остановить Свое Высочайшее вниманіе на высокомъ числѣ названнаго населенія Финляндіи, достигающемъ 34 процентовъ. Улучшеніе положенія этой части населенія уже издавна служило предметомъ заботы Государя, и Его

[1]) Эти ходатайства были направлены къ возстановленію прежней редакціи ст. 90 уст. о зем. повин., по которой изъ поступившихъ денегъ прежде всего покрывались сполна всѣ земскіе сборы (см. Внутр. Обозрѣніе въ № 11 „Вѣстн. Европы“ за 1898 г.

Императорское Величество, по соображеніи съ финансовымъ положеніемъ, находитъ нынѣ возможнымъ осуществить часть тѣхъ предположеній, которыя касаются указанной цѣли. Для установленія цѣлесоотвѣтственнаго способа расходованія означеннаго ассигнованія Высочайше повелѣно учредить особый комитетъ. Имѣющееся состояться по этому поводу предположеніе сената, вмѣстѣ съ мнѣніемъ генералъ-губернатора, должно быть представлено на Высочайшее утвержденіе въ возможно скорѣйшемъ времени".

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отчетъ Комитета Кружка для помощи дѣтямъ крестьянъ Самарской губерніи, пострадавшихъ отъ неурожая.

По послѣднему отчету Комитета Кружка, сумма пожертвованій къ 24 февраля составляла 94.200 руб. Къ 10 апрѣля она возросла до 143.500 рублей.

Кромѣ того, въ концѣ марта и началѣ апрѣля къ Кружку присоединились г-жи Е. М. и П. М. Бенкендорфъ, г-жа Аристархова и г-жа Самохоткина съ пятью помощницами съ значительными собственными и собранными ими средствами. Г-жи Бенкендорфъ взяли на себя организацію продовольственной помощи въ большомъ селѣ Суходолъ, Ставропольскаго уѣзда; г-жа Аристархова направилась въ Бугульминскій, въ районъ члена Кружка доктора Андреева, а г-жа Самохоткина—въ сѣверо-западный уголъ Бугурусланскаго уѣзда.

Въ теченіе марта продовольственная помощь Кружкомъ была организована лишь въ немногихъ новыхъ селеніяхъ, но зато въ значительной степени расширены столовыя и кухни во всѣхъ старыхъ мѣстахъ, такъ что средняя цифра дѣтей, находившихся на иждивеніи Кружка, составляла за этотъ мѣсяцъ болѣе 21 тысячи, а къ 1-му апрѣля возросла до 28.000.—Такихъ результатовъ Кружку удалось достигнуть, благодаря содѣйствію интеллигентныхъ лицъ, явившихся къ нему на помощь изъ разныхъ городовъ Россіи и тѣмъ давшихъ ему возможность поставить удовлетворительнымъ образомъ дѣло помощи крестьянскимъ дѣтямъ даже въ такихъ, по преимуществу инородческихъ селеніяхъ, въ которыхъ, какъ показалъ опытъ, нельзя вовсе разсчитывать на содѣйствіе самого населенія при организаціи продовольственной помощи въ видѣ столовыхъ и кухонь.

Въ началѣ апрѣля весенняя распутица очень затрудняла дальнѣйшее расширеніе продовольственной помощи, но черезъ нѣсколько дней должна была наступить весенняя страда, во время которой для населенія потребуется усиленная поддержка, чтобы дать ему возможность своевременно начать и окончить весенній посѣвъ, а также необходимо усиленное питаніе населенія въ виду развившейся цынги во множествѣ селеній.

Притокъ пожертвованій въ Кружокъ не ослабѣваетъ, и это довѣріе самыхъ разнообразныхъ слоевъ русскаго общества къ нашей дѣятельности укрѣпляетъ насъ въ надеждѣ удовлетворить настоятельнымъ потребностямъ населенія вездѣ, гдѣ помощь Кружка могла быть организована въ теченіе истекшей зимы.

Новыя пожертвованія просимъ направлять по прежнему адресу: въ Самару, казначею Кружка, управляющему Самарскимъ отдѣленіемъ торгово-промышленнаго банка, Александру Семеновичу Медвѣдеву.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Приготовилъ и примѣчаніями снабдилъ Леонидъ Майковъ. Т. I. Лирическія стихотворенія (1812—1817). Спб. 99. Стр. 421.

Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ, при тѣхъ средствахъ, какія могутъ быть въ его распоряженіи, и благодаря тому обстоятельству, что мы въ настоящее время отдѣлены отъ эпохи Пушкина цѣлымъ полувѣкомъ — болѣе, чѣмъ частное лицо, или даже общество, могло взять на себя трудъ критическаго изданія твореній Пушкина и при томъ полнаго настолько, насколько сохранились письменные матеріалы, не попавшіе до сихъ поръ въ печать. Особой заботой академическаго изданія будетъ окончательное установленіе правильнаго текста, на искаженіе котораго при жизни самъ поэтъ жаловался не разъ. Все изданіе составитъ не менѣе 12 томовъ, и каждый томъ будетъ снабженъ объяснительными примѣчаніями къ тексту; въ вышедшемъ нынѣ, первомъ томѣ, содержащемъ въ себѣ, такъ сказать, начатки поэтическаго творчества Пушкина, въ возрастѣ его отъ 13 до 18 лѣтъ, — на 300 страницъ роскошно напечатаннаго текста помѣщено болѣе 420 компактныхъ страницъ съ примѣчаніями, не только литературными, но и историческими. Сверхъ того, къ академическому изданію будетъ присоединена подробная біографія поэта и библіографія его сочиненій, а также портреты Пушкина, снимки съ его рукописей и собственныхъ его рисунковъ. Однимъ словомъ, въ академическомъ изданіи, надобно ожидать, творенія Пушкина явятся въ первый разъ „нерукотворнымъ памятникомъ" во всей ихъ чистотѣ и неприкосновенности.

А. С. Пушкинъ. Біографическій очеркъ изъ альбома Пушкинской выставки 1880 г. Состав. А. А. Венкстернъ. М. 99. Стр. 178. Ц. 60 к.

Какъ видно изъ самаго оглавленія очерка, предъ нами собственно только новое изданіе прежняго труда, составлявшаго литературную часть „Альбома Пушкинской выставки 1880 г." въ Москвѣ, который, какъ художественный, былъ мало доступенъ по цѣнѣ и вышелъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Хотя авторъ воспроизвелъ свой очеркъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ нѣкогда приложенъ къ „Альбому", съ небольшими поправками, но этотъ очеркъ и въ настоящее время не утратитъ интереса и содержитъ въ себѣ всѣ самые существенные факты изъ кратковременной жизни поэта.

Бахчисарайскій фонтанъ, А. С. Пушкина. Поэма. Иллюстрировалъ В. Я. Суреньянцъ. М. 99. Стр 112 in 4°. Ц. 6 р., въ переплет. 7 р. 50 к.

Въ настоящемъ изданіи текстъ поэмы, провѣренный нынѣ и пересмотрѣнный П. А. Ефремовымъ, является въ самомъ полномъ видѣ, сравнительно съ тѣми четырьмя изданіями, какія она имѣла при жизни самого поэта, начиная съ 1824 и до 1835 г. Извѣстный художникъ В. Суреньянцъ въ теченіе трехъ лѣтъ занимался изготовленіемъ иллюстрацій къ поэмѣ, которыми онъ весьма удачно дополнялъ иногда недосказанное въ поэмѣ, какъ, напримѣръ, сцена смерти Маріи подъ ножомъ грузинки Заремы. Самое изданіе выполнено въ типографскомъ отношеніи превосходно и вполнѣ безупречно.

Сборникъ статей о А. С. Пушкинѣ. Изданіе Кіевскаго Педагогическаго Общества. Съ иллюстраціями. Кіевъ. 99. Стр. 237. Ц. 1 р. 50 к.

Изданіе предпринято Педагогическимъ Обществомъ въ память поэта, который сдѣлался „учителемъ и воспитателемъ всей русской земли", и съ цѣлью дать по возможности полную и популярную характеристику А. С. Пушкина и его твореній. Въ первой части сборника помѣщена довольно обширная біографія поэта, а вторая состоитъ изъ нѣсколькихъ монографій, относящихся къ тому или другому отдѣльному факту его жизни или къ той или другой сторонѣ его поэзіи. Къ изданію присоединена въ текстѣ масса иллюстрацій.

А. Г. Градовскій. *Собраніе сочиненій.* Т. II. Спб. 99. Стр. 492. Ц. 3 р.

Вышедшій нынѣ томъ посвященъ весьма важному предмету—исторіи мѣстнаго управленія въ Россіи, которой предпосылается интересное введеніе съ общимъ взглядомъ на отношеніе государства къ провинціи, какъ у насъ, такъ и въ западной Европѣ, при чемъ приводятся всѣ основанія къ несомнѣнному заключенію о необходимости провинціальнаго устройства и мѣстнаго самоуправленія въ каждомъ развитомъ государствѣ; излагаются различныя системы мѣстнаго управленія въ различныхъ государствахъ Европы, и тѣ условія, которыми можетъ быть обставлено самоуправленіе.

Н. Каблуковъ.—Объ условіяхъ развитія крестьянскаго хозяйства въ Россіи. Очерки по экономіи сельскаго хозяйства. М. 99. Стр. 309. Ц. 1 р. 75 к.

Авторъ предваряетъ самъ читателей о томъ, что настоящій трудъ его является результатомъ болѣе, чѣмъ двадцатилѣтнихъ личныхъ наблюденій надъ хозяйствомъ нашихъ крестьянъ въ центральныхъ губерніяхъ и преимущественно московской, гдѣ онъ долгое время былъ земскимъ статистикомъ, вмѣстѣ съ В. И. Орловымъ. Главною цѣлью служило автору изученіе тѣхъ условій, которыми обставлено у насъ именно крестьянское хозяйство; при этомъ онъ останавливалъ свое вниманіе преимущественно на тѣхъ положительныхъ условіяхъ, отъ которыхъ зависитъ жизненность этого хозяйства и будущіе его успѣхи. „Моя задача,—говоритъ авторъ,—состояла въ томъ, чтобы обратить вниманіе на положительныя стороны дѣйствительности, которыя, несмотря на современную безотрадную картину крестьянскаго хозяйства, обусловливаютъ его жизненность и дальнѣйшее прогрессивное развитіе",—а потому освѣщенію темныхъ его сторонъ авторъ удѣляетъ сравнительно мало свѣта, предоставляя этотъ трудъ другимъ изслѣдователямъ.

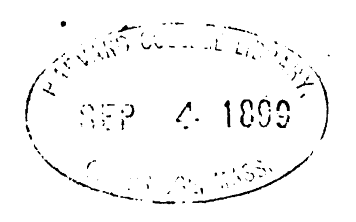
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА,
ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1899.

Стр.

Подписка на годъ, полугодіе и вторую половину 1899 года.
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

КАНИКУЛЫ

ПОВѢСТЬ.

X *).

Женя съ матерью собиралась въ лавки — покупать новыя платья себѣ и сестрѣ къ предстоящему балу. Долго мать оспаривала эту необходимость, говорила, что онѣ отлично могутъ надѣть свои бѣлыя, въ которыхъ были на актѣ, выставляла на видъ отсутствіе у отца денегъ, но Женя и слышать ничего не хотѣла.

— Ужъ лучше тогда дома сидѣть!—чуть не плача кричала она:—всякое тряпье надѣвать по двадцать разъ я и не воображаю! Можетъ быть, на этомъ балу судьба моя рѣшится, а вамъ какихъ-нибудь паршивыхъ нѣсколькихъ рублей жалко... Не нужно тогда!

Алла была на сторонѣ матери, наотрѣзъ отказалась отъ обновки и тратила массу краснорѣчія, надѣясь образумить сестру. Но ничего не вышло. Женя поставила на своемъ, и Ирина Васильевна, махнувъ рукой, молвила съ выраженіемъ покорности судьбѣ:

— Не урезонить тебя, видно! Одѣвайся, пойдемъ...

Когда Алла заикнулась, что все-таки она проситъ ничего не тратить на нее, Ирина Васильевна вспыхнула, какъ порохъ.

— Ужъ если я Женькѣ буду покупать, такъ тебѣ, старшей, и подавно куплю... Молчать! Не серди меня и не учи, что̀ дѣлать... Молоко еще не обсохло.

---

*) См. выше: іюль, стр. 206.

Но ходить по лавкамъ Алла не пожелала—это было бы для нея непосильнымъ мученіемъ, и она побоялась подвергнуться ему.

Гриша принесъ ей наканунѣ какую-то книгу, заглавіе которой она ни за что не хотѣла сказать Женѣ, и когда переставала ее читать, то прятала въ свой сундукъ подъ ключъ. Женю это невыразимо интриговало и она преслѣдовала Аллу цѣлое утро, допытываясь, что̀ это за таинственная книга. Ей только удалось подслушать, какъ Гриша негромко объяснялъ Аллѣ, что пролетаріатъ бываетъ такой-то и еще такой-то (какой именно, она хоть и разслышала, но не запомнила) и, послѣ этого, она не дала ей прочитать и двухъ строкъ, до такой степени пристала къ ней, прозывая ее „пролетаріатомъ“.

И вотъ теперь, когда мать и сестра ушли, она, глубоко переводя духъ съ ощущеніемъ хоть временной свободы, вынула Гришину книгу и съ жаромъ углубилась въ чтеніе.

Женя не шла, а летѣла въ „городъ“; мать совершенно не могла за нею поспѣть и почти задохлась, догоняя ее. Было нестерпимо жарко. Ни единый вздохъ вѣтерка не освѣжалъ знойнаго, насквозь пропыленнаго тонкой черноземной пылью, воздуха. Широкая Базарная улица производила впечатлѣніе пустынности и безлюдья. У рундуковъ со всякой снѣдью — ягодами, зелеными яблоками, хлѣбомъ и баранками—сонно сидѣли еврейки-торговки, съ безпримѣрнымъ терпѣніемъ поджидая покупателей.

Ряды съ красными товарами занимаютъ нижній этажъ дряхлаго каменнаго строенія. Верхній этажъ отведенъ подъ разныя казенныя учрежденія—почту, телеграфъ и т. д.

— Пойдемъ къ Хаѣ?—спрашиваетъ Женя.

— Къ Хаѣ,—говоритъ мать: — лучшаго товару и дешевле, чѣмъ у нея—нигдѣ не сыщешь... Первый магазинъ!

— У Либермана выборъ больше, — какъ бы вскользь бросаетъ замѣчаніе дочь.

— Ну, ну!—обрываетъ ее мать:—Либерманъ жуликъ! Продаетъ гниль, да и къ той приступу нѣтъ... Пусть ужъ у него покупаютъ тѣ, которымъ денегъ некуда дѣвать...

Женя величественно прослѣдовала вслѣдъ за матерью къ Хаѣ.

— А мы до васъ, пани Беркова,—на полу-малорусскомъ, полу-польскомъ жаргонѣ заговорила Караваева, входя въ темноватую и прохладную лавку:—бѣда, скажу я вамъ, дочерей имѣть!.. Не спрашиваютъ откуда взять, а наряжай ихъ какимъ хочешь способомъ... Побилъ бы ихъ человѣкъ, да горе—большія!..

Ирина Васильевна говорила шутливо и весело. Въ голосѣ ея

и слѣда не было той горькой досады, которая такимъ укоромъ отдавалась въ сердцѣ Аллы. Напротивъ, тонъ ея рѣчи звучалъ скорѣе горделивымъ довольствомъ, что вотъ, молъ, она дождалась, наконецъ, взрослыхъ дочерей, которыя хоть и надоѣдаютъ немножко своей требовательностью, но что это въ ихъ беззаботномъ возрастѣ—извинительно.

Пани Беркова такъ это и приняла. Любезная улыбка озарила ея сухое, пергаментное лицо, и она, привѣтливо кланяясь надменно ищущей глазами стула Женѣ, разсыпалась передъ молодой дѣвушкой въ комплиментахъ.

— Какъ вашá мадмазель у васъ выросли-и! — восклицала она, дѣлая знакъ крошечному мальчишкѣ—подать посѣтительницамъ стулья: — похорошѣли, расцвѣли, какъ пивонія, сто разъ еще лучше противъ прошлаго году, когда заходили ко мнѣ коричневыя платья „набирать“... А правда, хорошей я вамъ матеріи продала?..

Женя выразительной гримасой дала ей понять, что эти разговоры излишни. Сѣвъ на кончикъ стула, она пренебрежительно обводила глазами полки съ завернутымъ въ бумагу товаромъ и холодно улыбалась.

Пани Беркова была слишкомъ чуткой особой, чтобы продолжать метать бисеръ передъ тѣмъ, кому этотъ бисеръ не нравится. По прежнему лучезарно улыбаясь, она всплеснула руками и почти пропѣла:

— А какихъ матерій я навезла изъ Ярмолинецъ!.. Какъ увидитъ барышня, то изъ Хаиной лавки не захочетъ уйти, пока чего-нибудь не купитъ... Золото и бриліанты, а не товаръ!

Она выбросила на прилавокъ нѣсколько свертковъ и поочередно развернула ихъ передъ критическими взорами матери и дочери.

Мать вопросительно глянула на Женю. Та вздернула носъ и проронила сквозь зубы — „мерзость“...

— Не нравится?.. Ну-ну, я еще покажу...

Женя съ насмѣшливымъ ожиданіемъ слѣдила за сухой, старой фигуркой Хаи, ловко, какъ дѣвочка, взлѣзшей по лѣсенкѣ до самой верхней полки и бережно снявшей оттуда нѣсколько плоскихъ, оклеенныхъ черной бумагой ящиковъ. Выраженіе лица еврейки стало серьезнымъ, почти торжественнымъ. Долго распутывала она какія-то веревочки плохо сгибающимися отъ ревматизмовъ пальцами, такъ долго, что дѣвушкой овладѣло нетерпѣніе.

Пошелестѣвъ тонкой кисейной бумагой, Хая извлекла изъ

нея нѣчто свѣтлое, шелковистое, блеснувшее передъ очами Жени подобно сладостной грёзѣ. Но Хая даже не полюбопытствовала на этотъ разъ узнать, нравится ли имъ это, или нѣтъ. Не подымая глазъ, серьезная, важная и похожая на волшебницу, она каждымъ взмахомъ руки выкладывала передъ ними новое чудо. Волны ослѣпительныхъ тканей лились межъ ея волшебныхъ рукъ, устилая прилавокъ. Невольное и несознаваемое ею выраженіе наивнаго, ребячьяго восторга распустилось во всѣхъ чертахъ лица Жени.

Даже въ престарѣлой Иринѣ Васильевнѣ проснулось бабье чувство. Вся эта радужная масса возбуждала въ ней жадность, ей тоже захотѣлось всего—если ужъ себѣ не пристало, такъ хоть дочерямъ.

Наконецъ Хая сочла, что чудесъ достаточно, и зорко посмотрѣла на покупательницъ. Нельзя достаточно описать ту искру умной ироніи, которая на мгновеніе загорѣлась въ ея глазахъ, устремленныхъ на Женю. Но искра потухла, и серьезные глаза вѣжливо ждали, чтò скажутъ барыни.

— Н-ничего, хорошенькія есть вещицы,—цѣпляясь за остатки величаваго презрѣнія къ жалкой лавчонкѣ, пролепетала Женя, не знавшая, на чемъ остановиться, и даже не предвидѣвшая, кàкъ она это рѣшитъ.

— Да, да, ничего, — снисходительно подтвердила и Ирина Васильевна.

Хая молчала, предоставляя имъ подумать и выбрать.

Послѣ небольшой паузы, старуха Караваева внушительно обратилась къ купчихѣ:

— Правду сказать, матеріалъ-таки приличный у васъ, пани Беркòва... Однако, я очень хорошо знаю вашу натуру, вамъ только признайся, что что-нибудь понравилось, то вы и шкуру сдерете...

Хая съ упрекомъ покачала головой и заговорила:

— Бодáй мнѣ такое счастье, какъ этотъ матеріалъ. Бодáй мнѣ такое здоровье, какъ мои цѣны... Бодáй зъ меня на томъ свѣтѣ содрали шкуру, если я хочу ее содрать съ васъ!..

— Поѣхала!—нетерпѣливо вскрикнула Женя:—тутъ нужно выбирать, а она...

— Выбирайте, мадмазель, выбирайте...

— Мама, какъ вы считаете, которое мнѣ лучше будетъ идти?—вопросила Женя, повергнутая въ недоумѣніе.

— Думай сама, чтò я... Какое хочешь, то и бери, если только Хая не заломитъ втридорога,—отвѣчала мать.

Долго Женя рылась въ товарѣ, разсматривая ткани и на свѣтъ, и противъ свѣта, и въ тѣни, и прикладывая къ физіономіи. Нравилось и то, и другое, и третье... Просто, въ глазахъ у нея зарябило отъ полосокъ, цвѣтовъ и арабесокъ. Порою ею овладѣвало такое раздраженіе отъ невозможности остановиться на одномъ, что ей хотѣлось бросить все и убѣжать. Мать сосредоточенно искала чего-нибудь для Аллы, а ловкая Хая отошла совсѣмъ въ противоположный конецъ лавки къ двумъ мѣщанкамъ, которыя пришли спросить „отласу" на подвѣнечное платье. Она показала имъ полубумажный атласъ, который при развертываніи щелкалъ, какъ дерево и шуршалъ, какъ гремучая змѣя. Мѣщанки звонко торговались, считая, что за свои деньги онѣ имѣютъ право возвышать голосъ до той степени, какая имъ нравится. Наконецъ, лязгая колоссальными ножницами, Хая отрѣзала требуемое число аршинъ и, промолвивъ, „носите здорòви", вручила его покупательницамъ съ вѣжливымъ поклономъ. Тѣ ушли, унося платье—и дешевое, и сердитое.

Женя дошла до истерическаго состоянія. Потъ съ нея лилъ ручьемъ. Нервно-дрожащими пальцами мяла она конецъ розоваго шолка и готова была расплакаться. Мать начинала сердиться. Она уже выбрала для Аллы прелестный черный фай, но боялась, что это окажется ей не по карману и враждебно посматривала на Хаю, какъ будто та могла назначить цѣну, зависящую единственно отъ своей фантазіи, и цѣну такую, какая для нея, Караваевой, удобна. Размышленіе—сколько эта матерія стоитъ самой Хаѣ, казалось ей не стоющимъ вниманія.

— Ну, выбрали-и?—нѣжно пропѣла Хая, подходя къ нимъ и хитро кивая головой, повязанной чернымъ платочкомъ, который оставлялъ открытыми ея уши съ длинными, старинными серьгами:—вже бàчу, что выбрали... Знаютъ, чтò самое первѣйшее!..

Женя замахала руками, крича: „говорите цѣну, цѣну, цѣну"!..

Тутъ поднялся такой сумбуръ, что свѣжему человѣку, незнакомому съ торговыми пріемами городка, непремѣнно показалось бы, что у прилавка Хаи Беркòвой происходитъ ожесточенная драка. Нельзя было разобрать ни слова, такъ какъ всѣ три женщины вопіяли единовременно, какъ будто даже не слушая другъ друга, а слѣдуя непреоборимому позыву излить именно такимъ образомъ свои настроенія. Вопіяли онѣ долго и неистово, причемъ дергали во всѣ стороны выбранные куски матерій, подвергая ихъ опасности быть изорванными въ дребезги...

Наконецъ, вдохновеніе было исчерпано. Водворилось минут-

ное затишье. Караваева тяжело отдувалась и вытирала мокрое лицо. Молодая дѣвушка комкала носовой платокъ. Неутомимая Хая приводила въ порядокъ растерзанные свертки. Черезъ нѣкоторое время гамъ поднялся снова. Покупательницы неоднократно срывались со стульевъ, собираясь уходить. Хая жалобными воплями приглашала ихъ вернуться.

— Пани, пани, нехай будетъ по-вашему!—отчаянно закричала она, припоминая, что Караваевы нужные люди, что съ полицейскими всегда лучше ладить:—ну, вже берите, что̀ хотите, платите, что̀ хотите, вы не обидите бѣдную Хаю...

Но онѣ таки заставили себя попросить и снизошли до возвращенія въ лавку не сразу. Руки ея, эти сухія, костлявыя руки колдуньи, торопливо отмѣривали шолкъ.

Старуха Караваева измѣнила теперь свою манеру, точно по мановенію магической палочки. Гордости, неудовольствія, придирчивости какъ не бывало. Она принялась любезно подшучивать надъ Хаей, увѣряя, что удивляется, отчего Хая не выйдетъ во второй разъ замужъ, что такую невѣсту съ лавкой и капитальцемъ возьметъ за себя любой молодецъ. Но Хая была серьезна и печальна. На шутки она отвѣчала принужденной, но всегда вѣжливой улыбкой. Она почти не получила никакой прибыли, но предвидѣла нѣчто еще менѣе отрадное. Внезапная любезность Ирины Васильевны не обманывала ее. Такъ и вышло. Когда покупки были упакованы въ газетную бумагу и вручены по принадлежности, лицо у старухи Караваевой сдѣлалось совсѣмъ сконфуженное. Она порылась у себя въ ридикюлѣ, вынула три пятирублевки, и натянуто улыбаясь, протянула ихъ Хаѣ.

— Ей Богу, сердце Берко̀ва, больше нема,—съ искусственно шутливымъ раздраженіемъ объявила она:—забирайте послѣднее, а на остальное расписочку барышня пусть напишетъ.

Хая безнадежно покивала головой, беря кредитки.

— Ой, если бы вы знали, пани, какъ мнѣ нужны деньги, то вы дали бы хочъ половину! Нужно гильдію платить, нужно лавку платить, нужно товары платить, нужно ѣсть что-нибудь... Никто не хочетъ о Хаѣ подумать, скоро Хаѣ хлѣба просить придется!..

— Не придется, не придется,—слегка скучающимъ тономъ отвѣтила на это Женя, радостно ощущая подъ мышкой свертокъ.

Дома ихъ встрѣтила Алла съ обезпокоеннымъ лицомъ. Разсѣянно полюбовавшись, чтобы угодить матери, своимъ чернымъ шолкомъ, она поблагодарила за подарокъ, и, направляясь къ

себѣ, чтобы его спрятать въ сундукъ, кликнула Женю. Та вбѣжала къ ней вся завернутая въ блѣдно-розовую ткань, припѣвая:

— Прелесть! Прелесть! Посмотри-ка, Алла!.. Замѣчательно мнѣ къ лицу...

— Ахъ, подожди, пожалуйста... Я получила телеграмму, ко мнѣ пріѣзжаетъ Лёля.

Женя удивилась.

— Она мнѣ какъ-то писала, что можетъ неожиданно пріѣхать... Я, откровенно сказать, сочла это за шутку... Надо переговорить съ мамой и, если съ ея стороны не будетъ протеста, я телеграфирую, чтобы пріѣхала. Только тогда ты ужъ, Женя, должна будешь перекочевать на время въ гостиную, а она будетъ здѣсь, со мной...

Женя охотно согласилась.

Ирина Васильевна смутилась, когда дочери разъяснили ей, кто такое Басаргина. Она всплеснула руками и воскликнула:

— Дороговько обойдется намъ, Алла, эта твоя аристократка!.. Придется заводить для нея разныя салфетки, скатерти, посуду и еще не знаю что... Она вѣдь не по-нашему привыкла, небось... А изъ папы, какъ изъ камня—теперь ничего не выжмешь, послѣдніе пятнадцать рублей Хаѣ сегодня отдала...

— Нѣтъ, нѣтъ, мама,—быстро и энергично сказала Алла, нахмурясь съ видомъ гордаго, немного напыщеннаго достоинства: — ничего не слѣдуетъ мѣнять для нея... Какъ заведено — такъ пусть и остается... Она богачка, такъ пусть себѣ и будетъ богачкой; а мы бѣдняки, такъ бѣдняки; стыднаго тутъ ничего нѣтъ!..

— А все же она такъ не привыкла, навѣрное... Подумаетъ, вотъ люди живутъ... Осудитъ потомъ, осмѣетъ...

Тутъ уже вмѣшалась Женя, пребывавшая въ превосходномъ расположеніи духа, благодаря обновкѣ, которая доведетъ Макитру до разлитія желчи, какъ она предполагала.

— Имѣйте въ виду, мама, что съ Басаргиной поддерживать знакомство очень выгодно. У нея есть масса связей и, въ случаѣ чего, можно отлично ею воспользоваться... И ей у насъ даже очень можетъ понравиться, ей роскошь успѣла пріѣсться, и нашъ малороссійскій борщъ приведетъ ее въ восторгъ послѣ разныхъ тамъ тонкостей. Вотъ увидите!.. Не слѣдуетъ шутить отношеніями съ такими важными барами, какъ Лёля. Подумайте, мама—вѣдь милліонерша!..

— Ну тебя, Женя,—что ты мелешь,—разсердилась Алла:— что за низкопоклонные взгляды! Для меня она не важная ба-

рыня и милліонерка, а моя товарка по классу... Я знаю ее, а не ея милліоны!.. Вотъ что̀!

Мать съ изумленіемъ слушала ея слова и нашла про себя, что это что-то очень дерзкое и вольнодумное... „Откуда она такихъ мыслей набралась,—опасливо и съ досадой подумала она,—и видъ такой задорный, какъ у пѣтуха... Вотъ тебѣ и Алла“!..

Ирина Васильевна только рукой махнула.

Гриша, занимавшійся въ этотъ моментъ съ Алешей и Костей, былъ довольно пораженъ, когда ему сообщили о пріѣздѣ Лёли.

— Про-опалъ ты, — дразнила его Женя: — отольются тебѣ Лизины слезки!..

— Выдумывай больше,—наивно разсердился онъ:—при чемъ тутъ Лиза!.. Не судите, сударыня, по себѣ... Кружить головы—это ваша спеціальность, а не...

— А не ваша, — расхохоталась Женя:—ну, ну, братъ, не корчи святошу, видѣлъ, небось, какіе взгляды бросала на тебя Лизета—тамъ, въ рощѣ!

— Не видѣлъ, абсолютно не видѣлъ, — съ полнымъ чистосердечіемъ сознался Гриша, невольно краснѣя: — вѣчно выдумываешь!

— Да! Выдумываю! — насмѣшливо подтвердила Женя: — а ужъ что отъ Лели тебѣ попадетъ, такъ будь я не я... Попробуешь и ты, что̀ значитъ безнадежно вздыхать.

Гриша началъ сердиться уже въ серьезъ.

— Я ею способенъ столько же заинтересоваться, какъ прошлогоднимъ снѣгомъ... Оставь меня въ покоѣ... Заниматься надо. Терпѣть не могу важныхъ дѣвицъ!

Насилу удалось ему отдѣлаться отъ нея. Онъ разсѣянно окончилъ занятія съ мальчиками и ушелъ изъ дому, ужасно недовольный неизвѣстно на что̀ и машинально спрашивая себя—когда она, эта Басаргина, пріѣдетъ и какъ будетъ важничать со всѣми. Отъ идеи о ея предстоящемъ важничаньѣ онъ преисполнился къ невѣдомой ему дѣвушкѣ сильной и упрямой недовѣрчивостью и почти антипатіей.

Чтобы уравновѣсить свое настроеніе, онъ отправился къ Присѣ.

Съ отъѣзда Николая Александровича она какъ-то потускла, поблѣднѣла и точна съежилась. На подвижное лицо ея легла мрачная тѣнь. Въ обращеніи и голосѣ сказывалось что-то затаенно-озлобленное. Некрасивая вообще, она глядѣла теперь еще некрасивѣе и какъ будто старше.

Гриша засталъ у нея душъ десять дѣвочекъ—тѣ, сидя гдѣ

и какъ пришлось, старательно выводили что-то грифелями на аспидныхъ доскахъ. Прися, засучивъ выше локтя рукава ситцевой кофты, стирала бѣлье въ небольшой лахани, наполненной мыльною пѣною.

Кивнувъ Гришѣ головою, не переставая стирать, она движеніемъ глазъ указала на пишущихъ дѣтей и, усмѣхнувшись, вымолвила:

— Урокъ чистописанія... Вотъ эти шестеро отъ окна родня мнѣ... Нечѣмъ въ школу платить, я велѣла ко мнѣ приходить... А остальныхъ онѣ же и привели... Вишь, учиться хотятъ, а не на что...

— Хорошее дѣло. Чему же вы ихъ учите? Я хочу спросить — кромѣ чтенія, письма, счета — учите ли вы ихъ какому рукодѣлью — тканью, вязанью, что ли?..

Прися рѣзко засмѣялась, устремивъ на Гришу взглядъ саркастическій до крайности, до злого удовольствія, если можно такъ выразиться.

— А зачѣмъ имъ рукодѣлье? — медленно и язвительно произнесла она, какъ бы изумляясь его вопросу.

Гриша немножко оторопѣлъ. Женщина и рукодѣлье — это такъ какъ-то вяжется одно съ другимъ, это такая обычная ассоціація.

— Какъ зачѣмъ, — не совсѣмъ увѣренно отвѣтилъ онъ: — для домашняго обихода... для заработка... Мало ли для чего!..

— Вотъ то-то и оно! Мало ли для чего въ самомъ дѣлѣ!.. Вотъ, если бы и вправду для домашняго обихода, это бы еще хорошо... А то только выучи ихъ шить тамъ, либо вышивать, или вотъ крючкомъ вязать — не видать имъ тогда, бѣдняжкамъ, свободнаго часочка! Всякъ, у кого рубль въ карманѣ найдется, можетъ ихъ въ неволю забрать — сиди, дивчино, работай на меня за рубль-цѣлковый... Нѣтъ, пускай ихъ другой кто рукодѣлью учитъ, а я не хочу! Иное дѣло грамота.

Логика Приси показалась Гришѣ не лишенной смысла и оригинальности. Онъ не могъ не согласиться, что рукодѣльныя знанія явятся поводомъ для эксплуатаціи бѣдныхъ дѣвочекъ. Но, вѣдь они же, эти знанія, могли бы и обезпечить имъ извѣстную матеріальную независимость. Онъ высказалъ, хотя не безъ смущенія, эту мысль проницательно поглядывающей на него Присѣ. Та не громко засмѣялась сухимъ, недобрымъ смѣхомъ.

— Ну, и счастья же онѣ захватятъ, если заработаютъ себѣ столько, чтобы не помереть голодной смертью! Вотъ ужъ счастье, такъ счастье!.. Слышно намъ, какъ хорошія рукодѣльницы-масте-

рицы по большимъ городамъ живутъ... Одно слово рай, не житье... Пріѣхала недавно сестра нашего пономаря соборнаго—въ хорошемъ и богатомъ бѣлошвейномъ,—это для бѣлья значитъ—магазинѣ работала. Господи, въ чемъ только душа держится! Сидитъ это, разсказываетъ, изо дня въ день, изъ году въ годъ, у окна... А окно выходитъ противъ стѣны, ничего, кромѣ стѣны, не видно... И шьетъ это, не разгибаясь, съ утра до ночи, а ежели спѣшка, и ночью. И все это вездѣ—полотно, говоритъ, да полотно, отъ одной бѣлизны голова помрачается, глаза слѣпнутъ. Вотъ и пріѣхала къ брату. Кашляетъ, скажу я вамъ, разрывается! И глазами больна... Поправляться, говоритъ, пріѣхала, спасибо есть куда, а то, говоритъ, все у насъ больше такія, что кромѣ какъ въ больницу и некуда имъ податься, если случается хворать... Только не знаю, поправится ли и она... А искусница какая, если бы вы видѣли, гладью-то какъ вышиваетъ! Актеркѣ одной платье вышивала—и не она одна, а еще двѣнадцать помощницъ—годъ онѣ платье это шили!.. Го-одъ!.. „Пускай носитъ на здоровье", говоритъ... Ну?!. Не отдать ли, дѣвчатки, васъ которую въ выучку Ѳеклѣ Денисовнѣ?.. Можетъ, и изъ васъ кто въ магазинъ бы не прочь?..

Дѣти сдержанно улыбнулись на ея шутливый и немножко сердитый вопросъ.

— Нѣ, тетенька Прасковья Андреевна, не охота намъ къ Ѳеклѣ Денисовнѣ...

Гриша, понимая, что мѣшаетъ, простился и ушелъ, спросивъ, не было ли еще извѣстій отъ Николая Александровича. Сурово, не поднимая на молодого человѣка взгляда, Прися отрицательно мотнула головою и отвѣтила однимъ короткимъ „нѣтъ". Выйдя отъ нея, онъ спохватился, что ничего не узналъ о Зинькѣ, котораго давно не видѣлъ, но возвращаться ему не хотѣлось.

„Узнаю у Лошинскаго, — подумалъ онъ, задумчиво шагая вдоль малолюдной тихой улицы: — онъ такъ увлекается этой „черноземной силою"... Только какая, къ Богу, она „черноземная"!.. Что̀ общаго съ „черноземомъ" имѣетъ заводъ!"

Наступилъ часъ его платнаго урока. Постучавъ и дожидаясь, пока отворятъ, онъ простоялъ нѣсколько секундъ неподвижно, устремивъ разсѣянный взоръ на пышную розовую герань, широко разставившую въ ближайшемъ окнѣ свои просвѣчивающіе листья. Пока щелкалъ ключъ отпираемой двери, онъ тряхнулъ головою, и странная улыбка мелькнула на его губахъ.

— Пускай пріѣзжаетъ!.. Не слишкомъ поразитъ своимъ величіемъ—дудки!..

XI.

Несмотря на всяческіе протесты Аллы, къ пріѣзду Лёли Ирина Васильевна затѣяла такія приготовленія, точно къ какому-нибудь большому празднику. Выколотили пыль изо всей мебели, вымыли окна, полы налакировали какимъ-то снадобьемъ, придавшемъ древнему дубу поразительно эффектный видъ. Стѣны Аллиной и Жениной комнаты начисто выбѣлили известкой съ примѣсью синьки. Словомъ — дымъ шелъ коромысломъ. Женя подсмѣивалась, мать утомлялась, Алла раздражалась, какъ никогда, Гриша безмолвно возмущался, и только Николай Ивановичъ и мальчики пребывали совершенно равнодушными.

Когда измученная возней Ирина Васильевна грузно усаживалась въ кресло, тяжело отдуваясь и вытирая мокрый лобъ, Алла, если случалась въ той же комнатѣ, сдержанно, но упрямо и настойчиво твердила:

— И была вамъ охота, мама, брать на себя лишній трудъ! Что̀ изъ того, что ко мнѣ пріѣзжаетъ подруга... Для Макитры и Лизы вы же не дѣлаете ничего особеннаго!

— Дура!—лаконически отвѣчала ей мать и не удостоивала ее дальнѣйшихъ объясненій.

Хотя и не особенно чуткая, Алла все же замѣтила какую-то подозрительную сухость Гриши къ предстоящему пріѣзду. Она тяготилась этимъ невысказаннымъ непріязненнымъ вѣяніемъ и рѣшила объясниться прямо. Улучивъ свободный моментъ, когда Гриша сидѣлъ одинъ въ палисадникѣ, она торопливо пошла къ нему и заговорила:

— Гриша, скажи правду, тебѣ не нравится, что ко мнѣ пріѣзжаетъ Басаргина?

— Какое же мнѣ до этого дѣло,—потупясь и слабо краснѣя, отозвался тотъ холодновато: — къ тебѣ можетъ пріѣзжать кто угодно!...

Алла продолжала болѣе горячо:

— Ахъ, не отвѣчай мнѣ фразами!... Я же вижу, что у тебя есть какое-то недружелюбіе противъ Лёли. Не могу себѣ уяснить—почему? Она тебѣ даже скорѣе нравилась по моимъ разсказамъ... И вдругъ, ни съ того, ни съ сего....

— Да я ничего противъ нея и не имѣю,—нѣсколько сконфуженно лепеталъ Гриша: — только она, кажется, слишкомъ... важная! Вотъ — тетя какъ усердствуетъ въ ея честь... Навѣрное воображаетъ, что всѣ должны за ней ухаживать...

Алла не могла не расхохотаться.

— Мнѣ и самой не нравятся мамины затѣи, да вѣдь ее не переубѣдишь!.. А насчетъ ухаживаній и важности не тревожься попусту, и не важная она вовсе, и никакихъ ухаживаній ей не нужно... А ты уже испугался, что, чего добраго, на твою „гордую личность“ посягнутъ... Меня-то ты за кого же принимаешь, если считаешь, что я могу быть дружна съ особой, не умѣющей уважать чужого человѣческаго достоинства!

Лёля могла пріѣхать не ранѣе трехъ часовъ дня. Прибранный домъ готовъ былъ къ ея пріему. Даже мальчиковъ Ирина Васильевна пріодѣла почище и сама облеклась въ парадную холстинковую блузу.

— А все оттого, что милліонерка,—проникаясь ненавистью къ самому этому звуку, размышляла Алла:—какъ опошляетъ человѣка соприкосновеніе съ деньгами!.. Интересно, какой кажется милліонерамъ наша сѣрая, скудная жизнь... Одно только и есть для такихъ бѣдняковъ, какъ мы, и даже для самыхъ бѣдныхъ — это богатство и разнообразіе внутреннее, а не внѣшнее...

Но эта скромная философія мало заглушала въ ней ущемленное чувство приниженія передъ роковою силою рубля. Она хорошо видѣла, что этотъ проклятый рубль высосалъ всѣ живые соки изъ ея отца; она опасалась, что онъ же совершитъ эту страшную операцію и надъ нею самой. Сознаніе несправедливости, въ которой, тѣмъ не менѣе, никто не виноватъ, не давало ей покою.

Какъ и тогда, когда дожидались ихъ самихъ, въ качествѣ вѣстовыхъ были высланы на огородъ мальчики.

— Когда будутъ балагулы со станціи возвращаться—надо и ее ждать, — оживленно болтала, не забывшая принарядиться по этому случаю, Женя.

— Мальчишки, какъ только увидите балагулъ, бѣгите сказать намъ...

Аллѣ не читалось, и она засѣла бренчать на фортепіано. Скверная музыка, скучная ей самой, однако, помогала, что называется, убить время, и ожиданіе было ей не такъ непріятно. Бетховенскія сонаты, любимыя ею, но превышающія ея таланты, звучали подъ ея пальцами нескладно и кисло. Но это не охлаждало ея рвенія. Вдругъ послышались въ раскрытое окно вопли: „ѣдетъ, ѣдетъ“! и почти одновременно раздался мягкій стукъ колесъ какой-то, неожиданной въ этихъ мѣстахъ, хорошей ко-

ляски. Алла вскочила, и, вся радостная, забывъ свои неудовольствія, вылетѣла на крыльцо. Нѣсколько секундъ—и она, съ восклицаніемъ „Лёля“! протягиваетъ обѣ руки высокой дѣвушкѣ въ дорожномъ платьѣ. Изъ-подъ откинутой назадъ вуали смотритъ на нее улыбающееся, очень бѣлое, личико съ огромными свѣтлыми глазами и нѣсколько большимъ яркимъ ртомъ. Тонкіе пальцы въ перчаткахъ съ силою отвѣчаютъ на ея пожатіе.

Кромѣ Аллы и Жени, на крыльцѣ красовались въ полномъ составѣ мальчики и, немного спустя, появилась Ирина Васильевна, озаренная самой радушной улыбкой. Лёля съ истинно „свѣтской“ непринужденностью перезнакомилась съ дѣтьми и представилась Иринѣ Васильевнѣ, даже удивившейся слегка той простотѣ, какую проявляла въ своемъ обращеніи гостья.

— Алла, куда же мои вещи снести,—пріятнымъ, негромкимъ голосомъ заговорила пріѣзжая:—я собралась наскоро и захватила только необходимое... (Женя выразительно показала матери взглядомъ на два изрядныхъ сундука, прикрѣпленныхъ сзади къ коляскѣ... Мнѣ не хотѣлось медлить, а то меня, чего добраго, могли и совсѣмъ задержать... А я взяла, да и сбѣжала, предупредивъ тетю запиской... Пусть хоть знаетъ, куда я дѣвалась...

— Какъ, ты даже не простилась съ твоей теткой!—всплеснула руками Алла. — Ирина Васильевна, смѣясь, съ упрекомъ покачивала головой.

— Простилась въ запискѣ, — хладнокровно отвѣтила Лёля, стягивая съ руки длинную перчатку.—Какая жара!..

Хозяева спохватились, что, въ самомъ дѣлѣ, нельзя же ее держать на дворѣ и, поручивъ мальчикамъ присмотрѣть за вещами, увели ее въ домъ.

— Здѣсь будемъ мы съ тобой? — говорила Лёля, оглядывая чистенькую комнату, такую прохладную послѣ утомительной ѣзды по жарѣ: — чудесный аппартаментъ, который еще лучше отъ того, что со мною будешь ты... Мнѣ у васъ ужасно нравится!

Ирина Васильевна и Женя деликатно ушли, чтобы не мѣшать ей привести себя въ порядокъ послѣ дороги.

Втащили сундуки. Лёля расплатилась и сообщила Аллѣ, что коляску эту она наняла не на станціи, а въ городѣ, такъ какъ изумительные еврейскіе экипажи, стоявшіе возлѣ вокзала, привели ее въ ужасъ грязью и неудобствомъ. Когда онѣ, наконецъ, остались вдвоемъ, Лёля быстро умылась и переодѣлась и, по-

кончивъ съ этимъ, подошла къ Аллѣ и положила ей руки на плечи.

— Ну, теперь здравствуй по настоящему,—какъ-то дѣтски нѣжно и ласково сказала она, заглядывая ей въ глаза своими необыкновенно свѣтлыми и прозрачными, сѣрыми глазами. Яркія, горячія губы ея звонко чмокнули Аллину щеку. Поцѣловавъ подругу, она не сняла рукъ съ ея плечъ и продолжала засматривать ей въ лицо съ сосредоточеннымъ интересомъ. Алла, привыкшая къ ея манерамъ, улыбаясь, позволяла дѣлать съ собой, что та хотѣла, и въ свою очередь устремила на нее внимательный, любующійся взглядъ.

Назвать Лёлю красавицей не рѣшился бы никто, но что-то невыразимо-привлекательное было въ ея наружности. Очень высокая и очень худая, она могла бы казаться неграціозной, если бы не гармоническая пропорціональность ея сложенія. Обстриженные неизвѣстно вслѣдствіе какой фантазіи и вьющіеся волосы можно было бы принять за черные, если бы яркое солнечное освѣщеніе не выдавало ихъ бронзовато-рыжаго отлива, чѣмъ и объяснялся ея бѣлый цвѣтъ кожи. Лучше всего ея глаза, особенно большіе отъ худобы, измѣнчивые, глубокіе и немного лукавые.

— Что же ты не скажешь мнѣ, что рада моему пріѣзду,— вкрадчиво и увѣренно въ томъ, что ее любятъ, снова заговорила она:—и не спросишь даже, почему я удрала изъ дому...

— Я думаю, что ты и сама мнѣ разскажешь,—улыбнулась Алла, забывая въ эту минуту впечатлѣніе отъ ея писемъ:—надѣюсь, ничего особеннаго не случилось?

Характерныя брови Лёли сдвинулись, глаза какъ будто потемнѣли. Странное выраженіе скользнуло по ея чертамъ. Она сняла руки съ плечъ Аллы и въ глубокой задумчивости прошлась по комнатѣ.

— И не случилось... И случилось, — тихо сказала она точно про себя, и продолжала, обращаясь уже къ Аллѣ:

— Мнѣ сдѣлалъ предложеніе тотъ кузенъ, что̀ я тебѣ, помнишь? писала... Я, разумѣется, отказала наотрѣзъ... Онъ невыносимо скученъ и, выйдя за него, я бы попала въ истинное рабство къ нему и, главнымъ образомъ, къ тѣмъ „свѣтскимъ обязанностямъ“, которыя онъ непремѣнно навалилъ бы на меня. Я, кромѣ „свѣта“, погибла бы для все гоостальнаго. Фи! если бы онъ могъ жениться на мнѣ помимо моей воли, я бы его отравила, кажется!—воскликнула она съ забавной интонаціей сви-

рѣпости.—Тетя, онъ и всѣ — слишкомъ пристали ко мнѣ... Мнѣ надоѣло и, не долго думая, я у тебя! Но это пустяки...

— Что же не пустяки?

Лёля молча прошлась взадъ и впередъ и остановилась передъ Аллой, заложивъ руки за спину. Бросивъ на подругу разсѣянный взглядъ и затѣмъ переведя его куда-то выше, она простояла нѣсколько секундъ углубленная въ себя и загадочная.

— Знаешь... я убѣдилась, что бокъ-о-бокъ съ нами существуетъ другой міръ,—медленно и таинственно, почти прошептала она, не мѣняя позы:—все вокругъ насъ полно невѣдомой, непостижимой для насъ жизни... И мы, живые, путемъ несказанныхъ усилій, все-таки можемъ проникнуть въ этотъ обѣтованный міръ... Но только отчасти, о, весьма отчасти!.. А мертвые—мы принадлежимъ ему всецѣло... Казалось бы, что нѣтъ связи между тѣмъ, что живо и что умерло, но я скажу, наоборотъ, что нѣтъ пропасти между живымъ и мертвымъ...

Алла, нѣсколько изумленная оборотомъ разговора, смотрѣла на Лёлю во всѣ глаза. Ей хотѣлось засмѣяться, но она превозмогла себя.

— Но вѣдь ты же сама называешь этотъ міръ „невѣдомымъ и непостижимымъ“, сдержанно замѣтила она, кусая губы:—развѣ можно постигнуть непостижимое?

— Можно,—съ силою произнесла Лёля:—можно!.. Но не всякому... Многое для этого нужно!.. Кто съумѣетъ отрѣшиться отъ суетныхъ и жалкихъ формъ этой жизни, тотъ приблизитъ себя этимъ самымъ къ инымъ, болѣе совершеннымъ сферамъ бытія... Наивно думать, что человѣкъ и вправду является вѣнцомъ творенія!.. Неужели же вселенная, существующая предвѣчно, не могла произвести ничего болѣе интереснаго!.. Интересное это не можетъ не существовать, но мы могли до сихъ поръ имѣть о немъ столько же понятія, сколько, напримѣръ, имѣетъ какая-нибудь амеба—о человѣкѣ... А теперь мы, мало-по-малу, путемъ чистой мысли съ одной стороны и путемъ опыта съ другой, приходимъ къ умозаключенію, что нами отнюдь не заканчивается цѣпь мірозданія...

И перемѣнивъ многозначительный тонъ на свойственный ей шаловливый и смѣющійся, она воскликнула, тряхнувъ кудрями:

— Неужели тебя не возмущаетъ счесть перломъ созданія человѣка и на этомъ успокоиться!.. Отвратительный перлъ!.. Хорошо бы было, послѣ этого, само мірозданіе!.. Я лучшаго мнѣнія объ его творческихъ силахъ и вкусѣ!..

Алла разсмѣялась.

— Лёля, неужели ты серьезно?

— Этимъ не шутятъ,—дѣлаясь снова загадочной, отвѣтила Лёля. — Я не вѣрила до сихъ поръ въ загробную жизнь и въ возможность общенія съ отшедшими... Теперь вѣрю. Всѣ отъ вѣка умершіе не могли пойти только на удобреніе почвы... Наоборотъ, имъ, свободнымъ отъ тѣла и сопряженныхъ съ нимъ неудобствъ и ограниченій, легче совершенствоваться, чѣмъ намъ, и хоть они и далеко „отошли“ отъ насъ, но тотъ, кто умеръ вчера, сегодня, сейчасъ — составляетъ одно изъ восходящихъ звеньевъ между нами и всѣми остальными, пребывающими тамъ... И благо тому, кто во-время съумѣлъ понять, что эта жизнь есть не болѣе, какъ трудное и тяжелое вступленіе, за которымъ слѣдуетъ...

— Только вступленіе!—воскликнула Алла:—странная точка зрѣнія!

— Да, вступленіе, — твердо повторила Лёля: — за нимъ и начнется настоящая жизнь — безконечная, вѣчно эволюціонирующая...

— Но какъ можно доказать что-либо подобное, — возразила Алла:—утверждать можно все, что угодно... Ты же сама еще не такъ давно говорила другое... Ты измѣнилась, и не въ твою пользу...

Лёля вспыхнула, губы ея сжались. Мягкость и нѣжная мечтательность смѣнились на ея лицѣ ледяной холодностью.

— Не можетъ быть и рѣчи о голословности въ вопросѣ о жизни духовъ,—категорически заявила она съ нотами состраданія къ невѣжеству Аллы.

Алла знала, что за ней водятся „припадки высокомѣрія“, когда она не удостоиваетъ давать объясненія тому, что изрекаетъ, но, на этотъ разъ, ей былъ особенно непріятенъ такой тонъ.

— Что-то ужъ очень все это странно... хотя похоже на тебя! Ты, кажется мнѣ, попала теперь подъ чье-то вліяніе... Не твой ли нью-іоркскій родственникъ такъ подѣйствовалъ на тебя?..

Глаза Лёли выразили легкое замѣшательство, она чуть-чуть покраснѣла.

— Попала подъ чье-то вліяніе?—это слишкомъ сильно... Но, что я многимъ обязана Викентію Львовичу Басаргину, ты угадала совершенно вѣрно,—съ напускнымъ равнодушіемъ выговорила она:—онъ такой разносторонній и образованный человѣкъ!

„Такъ зачѣмъ же онъ набиваетъ тебѣ голову всякими пустяками"?—хотѣла-было спросить Алла, но воздержалась и вслухъ, полу-шутя, полу-досадуя, спросила:

— Неужели же это самое интересное, что̀ вывезъ онъ изъ своихъ скитаній по свѣту? Въ концѣ концовъ—какое намъ дѣло до мертвыхъ... Можетъ ли это сдѣлать насъ здѣсь счастливѣе...

Лёля не успѣла возразить, такъ какъ ихъ позвали обѣдать.

Обѣдъ прошелъ отлично. Лёля ѣла съ большимъ аппетитомъ. Когда Алла, при входѣ въ столовую, познакомила ее съ Гришей, который чувствовалъ себя очень напряженно и неловко, та окинула его пристальнымъ взглядомъ съ ногъ до головы и, приподнявъ брови съ видомъ пріятнаго изумленія, тихонько воскликнула:—А!..—и крѣпко пожала ему руку. Николай Ивановичъ застѣнчиво пробормоталъ, что ея визитъ дѣлаетъ имъ честь, и затѣмъ, въ продолженіе всего обѣда не проронилъ больше ни слова.

Лёля поддерживала общій разговоръ такъ умѣло и такъ мило просила у Ирины Васильевны положить ей „еще", что старуха совсѣмъ растаяла. Гриша изрѣдка бросалъ на гостью недовѣрчивые взоры и чрезвычайно смущался, когда встрѣчалъ ея свѣтлые, проницательные глаза, съ явственной насмѣшкой, казалось ему, обращенные на него. Безпричинное враждебное чувство къ ней смутно шевельнулось въ его сердцѣ.

— У нея ужасно жестокое лицо,—подумалъ онъ, съ усиліемъ отводя отъ нея свой взглядъ, пристальность котораго, неумышленная съ его стороны, была ей забавна.

— Я ему не нравлюсь,—сообразила Лёля, незамѣтно улыбнувшись:—какое, однако, у него рѣшительное выраженіе губъ... Съ характеромъ, должно быть, юноша...

Его смущеніе не ускользнуло отъ ея наблюдательности; она поняла, что причиной этого является собственная ея персона и ей захотѣлось подразнить его.

— Вы уже больше не гимназистъ, Гриш..? pardon!.. Ваши кузины постоянно говорили „Гриша, Гриша"—и я чуть не назвала васъ тоже Гришей... Ваше отчество?

— Валерьяновичъ—мое отчество,—немного рѣзко отвѣтилъ Гриша, но покраснѣлъ: — Григорій Валерьяновичъ Максимовъ, къ вашимъ услугамъ.

Ея „развязность" бѣсила его. Его подмывало говорить съ нею въ тонѣ наиболѣе независимомъ и даже презрительномъ, если можно.

— Такъ вы, Григорій Валерьяновичъ, окончили гимназію одновременно съ кузинами?—не оставляла его въ покоѣ Лёля.

— Именно! Вы хотите узнать—почему я окончилъ такъ поздно, тогда какъ Аллѣ 18, а Женѣ 17 лѣтъ?.. Но, во-первыхъ, онѣ прошли только 7 классовъ, а я всѣ восемь... А, во-вторыхъ, я поступилъ въ первый классъ двѣнадцати лѣтъ, такъ какъ раньше меня, круглаго сироту, держалъ изъ милости, у себя на селѣ, мой родной дядя, дьячекъ...

Голосъ его звучалъ непріязненно. Кровь отлила отъ его лица, и онъ, блѣдный, смотрѣлъ ей прямо въ глаза, отчеканивая свой отвѣтъ.

Настала ея очередь смутиться, но она хорошо владѣла собой. Сдѣлавъ видъ, что не замѣчаетъ его тона, она, улыбаясь какъ можно дружелюбнѣе, спросила:

— Въ какой же вы университетъ?..

— Еще не знаю, — сухо отвѣтилъ Гриша и занялся жаренымъ цыпленкомъ, слишкомъ очевидно не желая продолжать разговоръ.

Ирина Васильевна вышла изъ себя, слушая Гришу. Она не понимала, съ какой стати онъ счелъ нужнымъ доложить о томъ, что у него есть дядя дьячекъ... Затѣмъ, съ какой стати онъ говоритъ такъ грубіянски, то блѣднѣетъ, то вотъ, кровью налился, словно индюкъ...

„Знала бы, такъ и обѣдать не пустила бы сюда“,—кипятилась Ирина Васильевна:—коли не умѣешь себя вести, такъ и не суйся въ благородное общество...“

Послѣ обѣда всѣ перешли въ „гостиную“. Даже Гриша счелъ ниже своего достоинства уйти. Онъ нарочно усѣлся на подоконникѣ, заложивъ ногу на ногу, и все время сидѣлъ такъ—длинный, нахохлившійся и красивый съ своими угрюмыми глазами. Лёля все болѣе приходила въ эстетическій восторгъ отъ него—его манеры забавляли ее, его наружность казалась ей оригинальной и интересной.

— Дичѳкъ... Цѣльная натура,—мысленно опредѣлила она его:—не мѣшало бы ему быть нѣсколько цивилизованнѣе...

Алла заподозрила, что Гриша произвелъ на Лёлю довольно непріятное впечатлѣніе, и ей стало больно. Чѣмъ ближе узнавала она его, тѣмъ больше привязывалась къ нему и предполагала въ глубинѣ души, что такихъ, какъ онъ—немного на Божьемъ свѣтѣ. Тѣмъ тяжелѣе ей было, что Лёлю она тоже очень любила—и вотъ, чего добраго, самые симпатичные ей люди не сблизятся между собой и къ ихъ взаимнымъ отноше-

ніямъ припутается непріязненный элементъ. На дружескія чувства Гриши къ Лёлѣ она мало надѣялась. Всѣ эти соображенія навѣяли на нее грустное настроеніе, и она ломала себѣ голову, какъ бы этому горю помочь.

— Ахъ, какъ хорошо, что у васъ рояль!—весело воскликнула Лёля, подойдя къ заслуженному инструменту и беря нѣсколько аккордовъ увѣренной рукой.

Даже и это дряхлое музыкальное сооруженіе какъ будто пожелало оказать любезность знатной гостьѣ и прозвучало довольно мелодично.

— Ого, прелесть—тембръ совсѣмъ какъ у старинныхъ клавесинъ!.. Куперенъ, Рамо, Люлли должны очаровательно выходить на немъ!..

И Лёля, примостившись поудобнѣе, заиграла милую, сантиментальную „Plainte d'amour“.

Наивная, жалобная мелодія, исторгнутая изъ пожелтѣвшихъ клавишей, наполнила большую, высокую комнату плѣнительной и смутной печалью.

Лёля задумчиво глядѣла куда-то вверхъ, и на подвижныя черты ея легъ отпечатокъ той же таинственной грусти. Всѣ молча слушали музыку.

— Браво!—крикнула Женя, когда та кончила:—нашихъ цимбаловъ и узнать нельзя подъ вашими пальцами! Вотъ что значитъ играть какъ слѣдуетъ! Не то, что мы съ тобой, Алла! Неправда ли?

Лёля разсѣянно-любезно улыбнулась въ благодарность за похвалы и перешла на Ланнеровскій вальсъ...

Гриша, музыкальный по природѣ, понялъ, что все, слышанное имъ до сихъ поръ—было жалкой пародіей на фортепіанную игру, не больше. Отъ музицирующихъ дѣвицъ, въ томъ числѣ и отъ Аллы и Жени, ему хотѣлось всегда убѣжать, куда глаза глядятъ. А вотъ на этотъ разъ—онъ, вопреки несимпатіи, внушенной ему исполнительницей, все слушалъ бы и слушалъ, какъ льются изъ-подъ ея тонкихъ, сильныхъ рукъ нѣжные, сладостные напѣвы. Ирина Васильевна, съ превеликимъ трудомъ подавивъ зѣвокъ, встала и, съ извиняющейся улыбкой вымолвивъ: „продолжайте, господа, а я немножко пойду“... удалилась къ себѣ. За нею шмыгнулъ и Караваевъ. Молодежь осталась одна.

Но Лёлѣ уже надоѣло играть. Она вскочила изъ-за рояля и, подбѣжавъ къ дивану, на которомъ сидѣла Алла, сѣла на него со всего размаху. Этотъ прыжокъ задѣлъ отзывчивыя

струны мальчишечьихъ сердецъ, и Алеша, Костя и Витя сдержанно захихикали. Гостья имъ нравилась.

Но самообладаніе совершенно измѣнило имъ, когда она, спрятавшись-было за Аллино плечо, высунула изъ-за него физіономію, подмигивающую имъ такъ хитро и весело, что не было силъ остаться къ этому равнодушными. Они разразились такимъ хохотомъ, что Гриша, не видѣвшій гримасъ Лёли, подумалъ, не рехнулись ли они. Когда же онъ понялъ, наконецъ, въ чемъ дѣло, то долженъ былъ крѣпко прикусить губы, чтобы не послѣдовать ихъ примѣру.

— Когда я подъѣзжала къ вашему дому,—заговорила вдругъ Лёля съ мальчиками, сдѣлавъ очень серьезную мину:—я обратила вниманіе на трубы... знаете—трубы, что̀ на крышѣ. На нихъ сидѣла цѣлая стая воронъ... Отчего это?

— Тамъ у нихъ гнѣзда—въ трубахъ!.. Вороны очень любятъ дѣлать гнѣзда въ трубахъ... Имъ тепло тамъ... Только иногда эти гнѣзда загораются и, черезъ это можетъ быть пожаръ, если не замѣтить во̀-время,—отвѣтили ей три голоса одновременно. Тема была хорошо знакома юношеству.

— Я еще никогда не видала вороньихъ гнѣздъ,—по прежнему серьезно продолжала Лёля: — я бы очень хотѣла посмотрѣть, какъ это тамъ у нихъ устроено. Вы мнѣ покажете? Хорошо?

Мальчики, озадаченные, переглянулись.

— Но вѣдь для этого надо взобраться на... на крышу,— нерѣшительно высказался Алеша.

— Такъ мы и взлѣземъ!—энергично воскликнула гостья:— я отлично умѣю лазить... Тамъ я замѣтила слуховое окно—вотъ черезъ это окно и лучше всего!

Мальчики почувствовали къ ней положительное уваженіе. Кой-что нужно таки смыслить, чтобы сообразить всѣ преимущества слухового окна. Небось, Алла и Женя ни за что не додумались бы до такой простой вещи. А она сразу!

— Это тогда черезъ Гришину „дачу“, — загалдѣли они, послѣ момента молчаливой дани ея догадливости:—на „дачу“ по лѣстницѣ, тамъ черезъ окно и потомъ два шага до трубъ съ гнѣздами!

— О какой „дачѣ“ вы говорите?—заинтересовалась Лёля.

— Гришина „дача“—на чердакѣ, — на перебой пустились объяснять ей мальчики, повскакавъ съ мѣстъ:—онъ себѣ самъ устроилъ комнатку и живетъ тамъ, на чердакѣ... Это и есть дача.

— Ага!—кивнула головой молодая дѣвушка:—значитъ, намъ придется пройти съ вашего позволенія черезъ „дачу“, Григорій Валеріановичъ!

— Сколько угодно!—буркнулъ Гриша:—не сверните только себѣ шеи, крыша крутая, какъ на колокольнѣ.

— Благодарю за заботу о моей шеѣ,—комически поклонилась ему Лёля:—надѣюсь, не сверну!..

Поздно вечеромъ, когда всѣ уже спали, Алла и Лёля вышли на огородъ. Было совершенно темно. Густыя, пахнущія дождемъ облака сплошь затянули небосводъ. Кругомъ стояла та какъ будто притаившаяся тишина, которая бываетъ передъ лѣтнимъ дождемъ, внезапнымъ и сильнымъ. Это затишье дѣйствуетъ на нервы удивительно странно, все точно чего-то ждешь, вздрагиваешь отъ малѣйшаго шума, даже непріятенъ шелестъ травы подъ собственными ногами.

Лёля, немного близорукая, держалась за Аллу, такъ какъ совершённо не видѣла дорожки и залѣзала въ картофельныя дебри при каждой попыткѣ двинуться самостоятельно. Алла, сквозь рукавъ, ощущала ледяной холодъ ея руки.

— Ты.озябла?.. Но вѣдь такъ тепло, даже душно!

— Нѣтъ,—разсѣянно пробормотала Лёля:—это нервное... Вѣроятно будетъ гроза. Я это всегда предчувствую... И у меня отъ этого бываетъ такая тоска...

— И теперь?—встревожилась Алла.

— Да,—съ трудомъ вымолвила та сквозь стиснутые зубы:—страхъ, точно должно что-то случиться...

— Ахъ, Боже мой!.. Какъ же быть?!

— Никакъ не быть, пустяки все... Знаешь, я не могу выносить, когда небо совсѣмъ-совсѣмъ закрыто тучами. Я задыхаюсь, мнѣ тѣсно. Что-то такое въ моемъ существѣ напрягается, точно хочетъ прорваться за предѣлы земной атмосферы... Что-то должно случиться, говорю я тебѣ!

Мистическій ужасъ звучалъ въ ея упавшемъ, точно у больной, голосѣ. По плечамъ Аллы тоже проползъ непріятный вѣтерокъ.

— Не лучше ли вернуться въ комнаты,—стараясь быть спокойной, предложила она, замѣчая, что подруга ея дрожитъ.

— Ой, нѣтъ, нѣтъ!—вскрикнула Лёля:—въ такія минуты комнаты мнѣ представляются совершенной могилой... Посидимъ лучше здѣсь, вотъ, кажется, и скамеечка.

Скамейка была очень коротка, такъ что онѣ не безъ труда помѣстились на ней. Погруженныя въ тьму и молчаніе, просидѣли онѣ нѣсколько минутъ, глядя прямо передъ собою. Передъ ихъ свыкшимися съ темнотой глазами начали слабо обрисовываться контуры пруда противоположнаго берега и дороги, уходящей вдаль. Гдѣ-то, въ одномъ изъ домиковъ предмѣстья, упорно мигалъ еле замѣтный огонекъ.

Алла сильно вздрогнула, когда услыхала медленную, какъ бы не къ ней обращенную рѣчь Лёли, сидѣвшей закинувъ ногу на ногу и охвативъ руками колѣно.

— Мракъ, окружающій насъ, полонъ жизни, тишина—полна движенія... Какая-то могучая волна бытія прокатывается бокъ-о-бокъ съ нами, но не задѣваетъ насъ, а идетъ мимо. Ощущаешь смутное безпокойство, смутную печаль по той „чашѣ восторговъ", которая никогда не коснется нашихъ устъ, потому что мы не болѣе, какъ „ничтожные смертные", призраки чьего-то тяжелаго сна, а чтобы испить отъ той „чаши", нужно быть богами, какъ ихъ рисовала себѣ наивная и мудрая древность. Ахъ, почему, почему мы только люди! Я не могу, я не хочу! Такая бездна желаній и такая абсолютная невозможность удовлетворить ихъ! Неисчислимыя потребности, которыхъ порой и назвать не умѣешь—словъ еще такихъ нѣтъ—и необходимость терпѣливо подчиняться скучному, безотрадному ходу вещей, противъ котораго мы безсильны, мы, люди, чья фантазія рисуетъ намъ образы, осуществить которыхъ не можетъ наша унылая дѣйствительность... Тяжело жить... Скучно жить... И если бы не надежда на то, что смерть принесетъ освобожденіе и могущество... Какое счастье, что мы не безсмертны, такіе, какъ мы есть—немощные, ограниченные, вѣчно-жаждущіе!.. Какое счастье.

„Что это, бредъ?—спрашивала себя нѣсколько разъ въ продолженіе этого монолога Алла:—но нѣтъ, я ясно вижу, что это настоящее страданіе, сознательное, тяжелое... Если я ее не вполнѣ понимаю, то это несомнѣнно, потому что она гораздо сложнѣе меня и гораздо тоньше чувствуетъ".

Когда Лёля тоскливо замолчала, Алла попробовала вызвать въ ней хоть каплю ея обычнаго шаловливаго юмора.

— Знаешь (это было любимое словцо ихъ обѣихъ)... знаешь, мнѣ, когда я тебя сейчасъ слушаю, представляется, что ты плачешься отъ того, что сама себя за волосы съ земли поднять не въ силахъ,—добродушно-насмѣшливо заговорила она и даже засмѣялась.

Смѣхъ ея рѣзко и черезчуръ звонко отдался въ этой ти-

шинѣ, дѣлающейся все болѣе и болѣе томительной. Нервная судорога пробѣжала по личику Лёли.

— Не смѣйся... Развѣ тебѣ не понятно, что мы чужія въ этотъ мигъ тому, чтò вокругъ насъ? Тайна этого безмолвія и мрака враждебна намъ, какъ вообще всегда природа была враждебна человѣку... И кто знаетъ, какія силы, какія существа рѣютъ теперь вокругъ насъ! Развѣ ты не...

Алла хоть и считала себя не робкаго десятка, но то, чтò трепетало въ звукахъ подавленнаго голоса подруги, заставило содрогнуться и ее.

— Не болтай вздора,—нетерпѣливо перебила она ее, говоря нарочно громко и отчетливо, какъ бы въ пику Лёлинымъ фантастическимъ страхамъ:—при нѣкоторомъ желаніи можно такъ себя настроить, что и въ самомъ дѣлѣ Богъ знаетъ чтò померещится!.. Не надо распускаться! Эдакъ и совсѣмъ спятить можно!

Въ ея окрѣпшемъ и увѣренномъ голосѣ зазвенѣлъ слабый, торжествующій смѣшокъ, когда она заговорила снова, послѣ краткой паузы.

— Эхъ, милочка, что тамъ доискиваться какихъ-то небывалыхъ у человѣка враговъ! Не въ сумракѣ лѣтней, ночной природы прячутся они!.. Нѣтъ у человѣка болѣе страшнаго врага, какъ человѣкъ же, остальное не бѣда!.. Я всю эту мрачную безконечность уступила бы тебѣ, а себѣ взяла бы только этотъ огонекъ, за которымъ я угадываю нѣчто, близкое моему человѣческому сердцу. А во тьмѣ, дѣйствительно, можетъ мерещиться всякая чепуха, которая пропадетъ, какъ только покажутся признаки разсвѣта.

Не всякому тоже дано быть доступнымъ пониманію своихъ ближнихъ!.. Должна же была я предвидѣть, что ты не съумѣешь этого понять! Пойдемъ... Спать пора!

— Ты разсердилась, не понимаю почему,—пожала плечами Алла:—если мы не поняли другъ друга, такъ вѣдь это взаимно! Не нахожу, чтобы ты была на этотъ разъ понятнѣе меня!

Но онѣ все не рѣшались пойти въ домъ; лѣнивая истома незамѣтно подкралась къ нимъ и приковала ихъ къ мѣсту.

Послѣ довольно долгаго молчанія, Лёля вдругъ вздрогнула и схватилась за Аллу.

— Ты слышишь? — полуиспуганно, полурадостно вдругъ вскрикнула она, вытягивая шею съ видомъ самаго напряженнаго вниманія и ожиданія:—ты слышишь?

— Нѣтъ, я не слышу ровно ничего,—вздрогнувъ отъ не-

ожиданности, не безъ раздраженія отвѣтила Алла, вскочивъ съ мѣста:—фу, какъ ты меня испугала! Что̀ тамъ еще тебѣ пригрезилось?

Лёля тоже встала. Глаза ея горѣли въ полутьмѣ.

— Все равно... Не слыхала и не надо... Пойдемъ, я спать хочу!

И, пробираясь сквозь строй картофельныхъ кустовъ, она пробормотала про себя, не обращая вниманія на Аллу:

— А, онъ таки сдержалъ свое обѣщаніе!.. А я еще сомнѣвалась въ его силахъ.

Трудно ручаться, чтобы Алла, положа руку на сердце, нашла, что визитъ Лёли ей особенно пріятенъ. Несмотря даже на то, что тактъ ея подруги пріобрѣлъ ей всѣ симпатіи Ирины Васильевны, Алла сознавала, что чего-то недостаетъ въ этомъ посѣщеніи для того, чтобы оно могло доставить ей полное удовольствіе. Она пришла въ какое-то подозрительное, недовѣрчивое состояніе, которое тяготило ее самоё.

Гриша, къ удивленію кузины, сталъ чаще появляться внизу и, не сдѣлавшись нисколько любезнѣе, тѣмъ не менѣе не уклонялся больше отъ бесѣдъ съ Лёлей, которая держалась съ нимъ неизмѣнно дружелюбно и никогда не обращала вниманія на его высокомѣріе.

На крышу она таки слазила въ сопровожденіи всего штата мальчугановъ.

Послѣ цѣлаго сраженія, во время котораго вороны тучами носились надъ Караваевскимъ домомъ, испуская неистовое карканье, и чуть-ли не бросались прямо въ лицо ковыряющимся въ трубѣ непрошеннымъ посѣтителямъ, Лёля съ тріумфомъ извлекла изъ гнѣзда крошечнаго, голаго, отвратительнаго вороненка и прослѣдовала черезъ слуховое окно и Гришину дачу внизъ, въ палисадникъ.

— Ну, и охота вамъ была вытаскивать изъ гнѣзда эту дрянь,—встрѣтилъ ее Гриша—Куда вы его дѣнете?—Лёля въ смущеніи взглянула на него — ей было такъ пріятно „охотиться"... Въ самомъ дѣлѣ, что̀ сдѣлаетъ она съ этимъ несчастнымъ птенчикомъ?..

— И вымазались вы!.. На трубочиста похожи!.. Посмотрите ваши руки, ваше платье?..

А тутъ еще Ирина Васильевна подбавила, настолько недовольная, что не хватило силъ скрыть это:

— Посмотрите, Лёля (та непремѣнно пожелала, чтобы старики звали ее прямо Лёлей, вмѣсто церемоннаго—Елена Влади-

міровна)... Посмотрите, сколько народу вытаращило на васъ глаза... Удивляются, должно быть, какъ такая великолѣпная барышня вздумала Богъ знаетъ куда лазить...

Лёля печально переводила глаза съ отчаянно бьющагося въ ея рукахъ вороненка на свое испачканное платье, на неодобрительное лицо Ирины Васильевны, на ворчавшаго Гришу. Ей тоже захотѣлось разсердиться, швырнуть куда попало вдругъ опротивѣвшаго ей птенца и убѣжать подальше.

Гриша великодушно выручилъ ее.

— Дайте сюда этого дьяволенка, я его суну обратно въ гнѣздо... А то вороны намъ покою не дадутъ своимъ карканьемъ... Даже охрипли отъ крику... А вы, лучше всего, умойтесь.

Леля вздохнула съ облегченіемъ.

— Благодарю васъ, — пролепетала она: — въ самомъ дѣлѣ это была глупая затѣя...

— Не глупая, а, если хотите, ненужная,—утѣшилъ ее онъ, и пошелъ водворять на мѣсто безвинно пострадавшую въ этой кутерьмѣ птицу.

Этотъ инцидентъ увеличилъ ея симпатію къ Гришѣ, но, замѣчая, что онъ къ ней относится довольно скептически, она ничѣмъ этого не выразила, только стала рѣже поддразнивать его.

Разъ онѣ съ Аллой, часу въ восьмомъ вечера, вышли пройтись по городу—Лёля любила новыя мѣста и предпринимать довольно далекія прогулки было ея пріятнѣйшимъ времяпрепровожденіемъ. У себя ходила она обыкновенно одна съ тоненькой палкой, сердцевина которой—желѣзная, и съ небольшимъ револьверомъ въ карманѣ. Вооруженная такимъ образомъ, она не боялась ничего.

Онѣ долго бродили по улицамъ, то разговаривая, то на время умолкая. Солнце близилось къ закату. Воздухъ, пропитанный мягкимъ, оранжеватымъ сіяньемъ, былъ неподвиженъ. Казались неподвижными и облака пыли, взбитой за день проѣзжими и прохожими. Она медленно осѣдала тонкимъ слоемъ на одежду и проникала въ ротъ и носъ, заставляя чихать—что̀, въ концѣ концовъ, до чрезвычайности надоѣдало.

Молодыя дѣвушки собирались повернуть въ крайній переулочекъ, выводящій за предѣлы города, какъ вдругъ Лёля вскричала:

— Алла, если я не ошибаюсь—это твой кузенъ... Съ нимъ еще кто-то... Какая-то странная фигура...

Это дѣйствительно былъ Гриша, въ сопровожденіи Зинька возвращавшійся тоже съ прогулки. Замѣтивъ дѣвицъ, съ кото-

рыми ему и его спутнику приходилось неизбѣжно встрѣтиться, онъ видимо подумалъ-было — не обратиться ли вспять, но это оказалось невозможнымъ.

„Ну, что же, поклонюсь и пойдемъ дальше... Неловко повернуть спину,—сообразилъ онъ, нѣсколько заволновавшись:—хоть бы ужъ одинъ, а то, какъ нарочно, съ Зинькомъ, да еще и съ подвыпившимъ, по обыкновенію“...

— Откуда и куда, Григорій Валерьяновичъ,—остановила его Лёля, когда они поровнялись;—а мы—гулять... Алла говоритъ— за городомъ есть премилые виды...

— Да, ничего, недурные,—пролепеталъ Гриша.

Судьба не покровительствовала ему. Прелестно улыбаясь, Лёля загородила имъ дорогу и категорически объявила:

— Вы непремѣнно должны идти вмѣстѣ съ нами... Подумайте, насъ могутъ искусать собаки, эти ужасныя провинціальныя собаки, незнакомыя даже съ элементарными правилами общежитія... Вѣдь вы бы огорчились, если бы мы погибли во цвѣтѣ лѣтъ?..

— Но... я съ товарищемъ,—безнадежно проговорилъ бѣдняга.

— Такъ и онъ, быть можетъ, не откажется...

И Лёля обернулась къ Зиньку, почти перепугавъ его любезнымъ видомъ.

— Позвольте познакомиться—Басаргина, протянула она ему руку безъ перчатки. Зинька, не привыкшаго ни къ чему подобному, такъ поразило это, что онъ даже поблѣднѣлъ, беря ея тонкіе пальчики, которые ему было просто страшно пожать, чтобы они не растаяли въ его „лапахъ“, какъ комочекъ снѣгу.

— Зиновій Бондаревъ,—сказалъ за него Гриша и разсердился на себя: Зинько былъ просто-на-просто Бондарь, но языкъ его не повернулся поразить уши Лёли подобной фамиліей. Онъ и не зналъ, какую признательность почувствовалъ къ нему за эту руссофикацію по-дѣтски самолюбивый Зинько. Ему тоже его „хвамѐлія“ казалась недостаточно благозвучной и благородной.

— А это моя сестра,—проговорилъ свирѣпо Гриша къ Зиньку, ткнувъ въ сторону Аллы пальцемъ.—Если вы хотите, мы пойдемъ съ вами...

— Разумѣется хотимъ, — весело отвѣтила Лёля: — хоть я при револьверѣ и палочка моя внушительнѣе, чѣмъ кажется, но, увы! все же съ мужчинами чувствуешь себя въ большей безопасности, проникая въ неизслѣдованные углы незнакомой мѣстности.

Шли всѣ четверо въ рядъ: барышни посрединѣ, Гриша возлѣ

Лёли, Зинько возлѣ Аллы, которая украдкой съ большимъ интересомъ разсматривала его. Лёля была, что называется, въ ударѣ, и ея оживленіе мало-по-малу сообщилось всѣмъ.

— Разскажите мнѣ что-нибудь о себѣ,—обратилась она къ Гришѣ:—а то мы съ вами еще почти и не знакомы... какъ слѣдуетъ! И, если интересно, спрашивайте у меня также обо всемъ, что̀ хотѣлось бы вамъ узнать... Вотъ и познакомимся... А то—жить нѣкоторое время подъ одной кровлей и ничего другъ о другѣ не знать—скучно!

— Что̀ же я могу вамъ о себѣ разсказать?—сказалъ Гриша въ недоумѣніи:—право, я такъ не умѣю... даже не понимаю, чего вы хотите...

— Охъ, что̀ тутъ непонятнаго!—нетерпѣливо воскликнула Лёля:—ну, напримѣръ, скажите мнѣ, нравится ли вамъ жизнь...

— Какая жизнь?!

— Да—вообще, такая, какъ есть!..

— Такая, какъ есть?.. Это—смотря, ка̀къ... Вотъ сію минуту—пожалуй, ничего, недурно... Я люблю такіе тихіе вечера и лѣто люблю... А если брать вопросъ шире, то—нѣтъ, не нравится.

— Что же это—пессимизмъ?—иронически улыбнулась Лёля:—такъ молоды и уже...

— Ну, можно ли такъ пошло понимать людей,—безцеремонно отвѣтилъ Гриша:—это такъ мало похоже на пессимизмъ, какъ... какъ только можетъ быть!.. Какой человѣкъ, у котораго есть совѣсть и минимальная доза чуткости, найдетъ, что жизнь хороша, если всякому, даже и „не бывавшему въ семинаріи“, извѣстно, что человѣчество не удовлетворено еще въ самыхъ элементарныхъ своихъ потребностяхъ! Неужели, скажемъ наглядно, я могу съ чистымъ сердцемъ предаться радостямъ бытія, если я навѣрное знаю, что вотъ хоть онъ,—а такихъ милліоны и милліоны,—долженъ былъ превратиться въ живую машину для того, чтобы мы съ вами могли каждый день сахаръ къ чаю имѣть!.. Я еще въ половинѣ шестого утра сплю, а онъ на ногахъ, хлопочетъ, чтобы къ половинѣ восьмого, когда я проснусь, я безъ сахару не остался... И дѣлаетъ онъ это вовсе не потому, чтобы его такъ безпокоила перспектива оставить насъ безъ сахару, а потому, что, оставя насъ безъ сахару, самъ онъ останется безъ хлѣба... Вотъ!

Брови Лёли приподнялись—она этого не ожидала. Разговоръ выходилъ „идейный“...

— Вы рабочій?—спросила она у Зинька.

— Рабочій... На сахарномъ заводѣ служу,—слегка заплетающимся отъ волненія языкомъ отвѣтилъ Зинько, глубоко художественная натура котораго была удивительно воспріимчива къ впечатлѣніямъ красиваго. А Лёля была такъ очаровательна съ васильками на темныхъ, отливающихъ золотомъ кудряхъ. Такой красоты онъ еще не видывалъ вблизи. Образъ „директорской дочки", плѣнившей его бѣлымъ платьемъ и ангельскимъ видомъ, потускнѣлъ и поблёкъ. Когда Лёля заговаривала съ нимъ—вся кровь отливала къ его сердцу, голова странно приподымалась кверху, въ пароксизмѣ горделиваго самомнѣнія. Алла замѣчала его неспокойное состояніе, но приписывала это естественной застѣнчивости.

— Да, это правда, что многимъ еще очень не весело живется на Божьемъ свѣтѣ,—задумчиво произнесла Лёля, опустивъ глаза: — но вѣдь всяческое неравенство всегда было, есть и будетъ... Даже и передъ Господомъ не всѣ равны, въ концѣ концовъ...

Губы Гриши тронула холодная, явственно презрительная усмѣшка.

— Экъ куда хватили,—замѣтилъ онъ.—А насчетъ „вѣчнаго неравенства здѣсь, на землѣ"—позвольте усомниться. Дѣло въ томъ, что нынѣшнее неравенство проистекаетъ изъ того, что привилегированная „кучка" захватила себѣ всѣ преимущества знанія и пользуется этими преимуществами. Тѣ же, кто къ этой „кучкѣ" не принадлежитъ, обрѣтаются во міракѣ невѣдѣнія и потому беззащитны, какъ новорожденные котята. Но это—заблужденіе, если кто воображаетъ, что шеямъ массы, наконецъ, не надоѣстъ когда-нибудь эта кучка. Не всегда же ей удастся держать въ ослѣпленіи и глухотѣ массу. А разъ блага цивилизаціи станутъ доступны всѣмъ, не будетъ больше ни погоняющихъ, ни погоняемыхъ, всѣ пойдутъ рядкомъ...

— И потекутъ молочныя рѣки, и берега сдѣлаются кисельными; овца и волкъ пойдутъ пастись вмѣстѣ, такъ какъ и волчья натура переродится подъ благотворнымъ вліяніемъ культуры,—докончила Лёля.

Гришу взорвало окончательно. Какъ не понимать такихъ простыхъ вещей. Онъ математически неопровержимо можетъ доказать каждое положеніе изъ всего, сказаннаго имъ! Удивительныя—эти женщины... А можетъ быть, впрочемъ, это у нея отъ аристократизма... Тѣмъ хуже для нея.

— А что, васъ, небось, возмущаетъ мысль, что настанетъ время, когда не будетъ больше никакихъ сословныхъ различій,

—предложилъ онъ ей вопросъ самымъ свирѣпо-издѣвательскимъ тономъ, какой только былъ въ его силахъ: — никакихъ фонъ-бароновъ, графсвъ и подобнаго? А будутъ всѣ, такіе вотъ, какъ онъ,—Гриша движеніемъ подбородка указалъ опять на Зинька, глаза котораго засіяли,—только будутъ они не столь непрезентабельны, а ничуть не хуже кого угодно, такъ-то!

— Что же, это будетъ великолѣпно... если будетъ,—отвѣтила Лёля: — чѣмъ же мнѣ тутъ возмущаться! Только, если всѣ предадутся наслажденію „благами знанія"—кто же будетъ готовить кушать?

Гриша такъ и дрогнулъ.

— Кто будетъ готовить кушать?—переспросилъ онъ почти любезно отъ злости:—да всѣ тѣ, у кого отъ наслажденія благами знанія не пропадетъ аппетитъ... И какъ только это кто-нибудь, насладившись, захочетъ покушать, сейчасъ же собственноручно и примется готовить, что требуется, а то, пожалуй, останется и безъ обѣда, такъ какъ никому не придетъ охота безпокоиться о чужомъ желудкѣ... А теперь, за плату, безпокоятся кухарки и повара.

— И ваша тетя, которой вѣдь никто не платитъ...

— Но которая, увы! не можетъ и сама платить слишкомъ много... поневолѣ! И, если вы доживете до этихъ блаженныхъ временъ, придется и вамъ перчатки снять и...

— Ну, и сниму,—добродушно разсмѣялась Лёля, не желавшая принимать въ серьезъ мальчишескія выходки: — но, быть можетъ, какіе-нибудь умные люди придумаютъ самые упрощенные способы стряпни...

— О, да!—искренно воскликнулъ Гриша. — Способы всякаго производства будутъ упрощены до того, что потребуютъ самой незначительной траты силъ и времени... И производительность весьма увеличится...

— Значитъ, все-таки жить можно будетъ,—сказала Лёля, лукаво и загадочно щуря глаза:—а я, было, совсѣмъ пріуныла!.. Безъ прислуги мнѣ ужасно трудно... Мнѣ иногда даже лѣнь принести себѣ что-нибудь изъ сосѣдней комнаты... Я такая лѣнтяйка...

Гриша укоризненно покачалъ головою.

— Для комфорта будущихъ поколѣній,—продолжала Лёля:— совѣтую вамъ изобрѣсти автоматическихъ слугъ... И ничье человѣческое достоинство попрано не будетъ, и удобство какое, вы только подумайте! Вѣдь, я предполагаю, люди будущаго пожелаютъ существовать не безъ комфторта же, неправда ли?

Гришу такъ тронуло ея добродушіе, которому онъ повѣрилъ отъ всей души, что онъ пообѣщалъ ей самымъ положительнымъ образомъ позаботиться въ будущемъ объ автоматахъ для нея.

Оставивъ въ сторонѣ „кирпичную фабрику", убогое зданіе, точно вдавленное въ землю, компанія взошла на пологій холмъ, у подножія котораго мерцало отблесками зари, разсыпавшимися по глубокой синевѣ—небольшое озерцо, видѣнное раньше Аллой изъ монастырской рощи. Кругомъ стлались поля, покрытыя золотящейся зеленью дозрѣвающихъ хлѣбовъ.

Рѣшили присѣсть на холмикѣ отдохнуть. Расположившись спиной къ неживописному фабричному строенію, Лёля нашла, что этотъ безконечный просторъ просто восхитителенъ.

— Все такъ бы и смотрѣла въ эту даль,—мечтательно вымолвила она:—поля мнѣ всегда напоминаютъ море... Какъ хорошо, что можно не видѣть скучной фабрики, отравляющей, навѣрное, этотъ дивный воздухъ... Ненавижу фабрики.

— А что̀ вы скажете, когда фабрики настолько покроютъ лицо земли, что даже самый этотъ „дивный" воздухъ будетъ производиться ими, такъ какъ лѣсовъ и полей больше не будетъ, а ихъ мѣсто займутъ города,—засмѣялся Гриша, по прежнему склонный ее дразнить.

Лёля поморщилась.

— Надѣюсь, что не доживу до этого омерзительнаго времени,—отвѣтила она съ большимъ неудовольствіемъ.—Что вамъ за охота припоминать всѣ эти мнимо-научныя гадости, оскорбляющія наши мечты о „грядущемъ золотомъ вѣкѣ"... Ничему этому я не вѣрю... Сообразитъ же когда-нибудь ваше пресловутое „человѣчество", что фабрики—одинъ ужасъ, и уничтожитъ ихъ до тла!

— Вотъ именно!—иронически подтвердилъ Гриша:—уничтожитъ фабрики и на ихъ мѣсто посѣетъ... резеды, чтобы хорошо пахло!.. Чудесно будетъ! Ибо людямъ прежде всего нуженъ пріятный ароматъ!

Лёля чуть-чуть не вспылила, но сдержалась и обратилась къ Зиньку, все время молчавшему и волновавшемуся:

— Трудная ваша работа?

— Трудная,—отвѣчалъ тотъ, страстно желая завязать съ ней разговоръ, и сгорая отъ застѣнчивости.

— И долго вы должны работать каждый день?

— Долго!.. Какъ же!

— Надоѣдаетъ вамъ это, понятно?

Много-много мыслей пришло Зиньку въ голову и многое захотѣлось ему отвѣтить на этотъ вопросъ, до того многое, что изъ этого ничего не вышло и онъ лишь пробормоталъ:

— Надоѣдаетъ, ка́къ ему не надоѣсть!

Его лаконизмъ носилъ нѣсколько напряженный характеръ и былъ утомителенъ и для него, и для его собесѣдницы. Она замолчала, затѣмъ заговорила съ Аллой.

— Когда я смотрю на что-нибудь прекрасное—на цвѣтокъ ли, человѣка ли, я не могу вполнѣ отдаться наслажденью красотой, такъ какъ мнѣ все заранѣе испорчено сознаніемъ, что это—непрочно, сегодня есть, а завтра и слѣда не осталось... Для меня это ужасно! Теперь, глядя вонъ на тѣ хлѣба, мнѣ стало тоскливо думать, какъ ихъ сожнутъ, какъ опустѣетъ здѣсь все, какъ покроется земля толстой пеленою снѣга... Ахъ, ничто не вѣчно!.. что̀ можетъ быть печальнѣе этой мысли!

— Что̀ же печальнаго въ томъ, что послѣ лѣта наступитъ зима,—замѣтила Алла, невольно улыбнувшись:—послѣ зимы наступитъ лѣто опять—о чемъ же грустить!

— Ахъ, ничего ты не понимаешь! Наступитъ оно, разумѣется, наступитъ, но уже другое, а не это самое, а въ этомъ-то и все дѣло! Другое!.. Но ни въ какомъ случаѣ не то же самое! Исчезаетъ нѣчто, присущее вотъ сегодняшнему вечеру и только ему... и мы съ тобой станемъ на годъ старше!

— О, Господи! ну, такъ что за бѣда,—искренно удивлялась ей Алла:—мы еще не такъ стары, чтобы бояться сдѣлаться старше на годъ...

— Да! Но все же, не только годъ, но и день уноситъ съ собой что-нибудь отъ насъ... Дни неудержимо летятъ за днями и отнимаютъ у насъ все, чѣмъ только и красна жизнь... Подумай, щеки наши уже и сейчасъ блекнутъ и морщатся, но это пока незамѣтно... Глаза тухнутъ, волосы сѣдѣютъ, зубы готовы выпасть... Мы превращаемся въ живыхъ мертвецовъ раньше, чѣмъ будемъ настоящими...

— Ну тебя, — съ досадой, но не будучи въ силахъ не смѣяться, воскликнула Алла:—что это ты предалась такимъ мрачнымъ размышленіямъ... Совсѣмъ некстати! Много еще времени пройдетъ прежде, чѣмъ дѣйствительно можно будетъ замѣтить, что щеки твои блекнутъ и глаза потухаютъ... А еще, помнишь, ты сама радовалась, что мы не вѣчны...

Впечатлительный Зинько почти съ ужасомъ взглянулъ на цвѣтущее личико Лёли, какъ бы опасаясь, что съ нею тутъ же,

на его глазахъ, совершится вся та устрашающая метаморфоза, о которой она только-что говорила.

Но упругія щечки ея и полные свѣта глаза были такъ далеки отъ перечисленныхъ ею роковыхъ признаковъ увяданія, что онъ вздохнулъ съ истиннымъ облегченіемъ и благодарно взглянулъ на Аллу.

— Консервативная же вы особа,—насмѣшливо протянулъ Гриша, покачавъ головою въ знакъ неодобренія:—что̀ бы было, если бы всѣ существующія на свѣтѣ пакостныя и злыя вещи существовали вѣчно и не было бы никакой надежды, что хоть когда-нибудь онѣ или вовсе сгинутъ, или измѣнятся къ лучшему! Хорошо вамъ, если ваша жизнь сложилась такъ счастливо, что и желать больше нечего! А тѣ, которымъ живется не черезчуръ великолѣпно, каково бы они себя почувствовали, если бы у нихъ отняли всякую надежду на благопріятную перемѣну... Хорошо заниматься мечтаніями такимъ, какъ вы!

Лёлѣ, наконецъ, надоѣло, что онъ ее упорно и послѣдовательно вытѣсняетъ изъ всѣхъ позицій. Если придать значеніе тому, что̀ онъ говоритъ, то на жизнь нужно смотрѣть какъ на нѣчто до такой степени вульгарное, что просто думать о ней не стоитъ. Ей особенно отчетливо и симпатично вспомнился Викентій Львовичъ Басаргинъ... Да, у этого иная точка зрѣнія на міръ и интереснѣйшіе вопросы бытія... И ужъ не такая... мнимо-научная и... мѣщанская! Но эти соображенія она оставила при себѣ. Алла и то неоднократно выражала удивительную непріязнь къ интересной личности Басаргина. Лёля даже никакъ не могла рѣшиться разсказать ей—какая странная, почти сказочная связь установлена между ними. Кто повѣрилъ бы, что возможно общеніе на разстояніи, общеніе непосредственное, безъ помощи почты, телеграфа, телефона и тому подобныхъ осложненій. А вѣдь нужна только извѣстнымъ образомъ воспитанная воля, умѣющая внушать, а равнымъ образомъ и воспринимать внушенія. Впрочемъ, быть можетъ, не всякая нервно-психическая организація и способна на подобное самовоспитаніе. Необходима нѣкоторая утонченность, свойственная далеко не всякому. Она-то ужъ несомнѣнно обладаетъ ею. И Лёля съ затаеннымъ чувствомъ самодовольства обвела взглядомъ всѣхъ троихъ спутниковъ своихъ и собесѣдниковъ.

„И все-таки мнѣ казалось, что онъ можетъ подняться выше банальностей, набивающихъ его мозги“,—подумала она про Гришу не безъ сожалѣнія. Но энергичный и упорный про-

филь, обрисовавшійся на фонѣ блѣднаго вечерняго неба, мало обѣщалъ перемѣну склонности и симпатій.

„Скорѣе этотъ, — мелькнуло у нея въ головѣ, когда она посмотрѣла на Зинька, жадные, лихорадочные глаза котораго не отрывались отъ нея:—только слѣпой бы не различилъ, что его вкусы и поползновенія прорываются далеко за черту его общественнаго положенія. Дай ему то же, чѣмъ владѣю хоть бы я, Богъ мой, да онъ, чего добраго, самого Викентія Львовича бы за поясъ заткнулъ! Да и то сказать какъ имъ всѣмъ, бѣднягамъ, додуматься до того, что̀ передъ Единымъ, Вѣчнымъ, Непреходящимъ—все бренное и минутное вздоръ, если забота объ этомъ насущномъ прахѣ и тлѣнѣ поглощаетъ ихъ лучшія силы“...

И Лёля не захотѣла больше „идейныхъ“ разговоровъ, это становилось скучнымъ, дойдя до извѣстнаго предѣла. Послѣ недлинной паузы, она начала разсказывать про свои многократныя поѣздки за границу, про сокровища искусствъ, хранящіяся въ музеяхъ. Она не слишкомъ заботилась быть популярной въ своемъ повѣствованіи и хотя Зинько могъ нуждаться въ какихъ-нибудь объясненіяхъ, краснорѣчиво и увлекательно развертывала передъ заинтересованными слушателями картину за картиной.

Гриша ловилъ ея слова и душа его разгоралась. Міръ представалъ передъ нимъ съ невѣдомой до сихъ поръ стороны—разнообразный и полный всевозможныхъ очарованій. Стремленіе куда-то впередъ, на встрѣчу жизни—знойно охватило его. Блѣднѣя, слушалъ онъ про парламенты, митинги и т. д.

Волшебныя сказки такъ увлекли ихъ всѣхъ, что они и не замѣтили, какъ подкралась ночь и осіяла поля зеленоватымъ блескомъ молодого мѣсяца, тонкой ниточкой прорѣзавшагося на темномъ бархатѣ неба. Леля, довольная общимъ вниманіемъ, хлопнула наконецъ въ ладоши и, прервавъ себя на полуфразѣ, со смѣхомъ закричала:

— Довольно, однако!.. Довольно! Я непозволительно заболталась, а вы, добренькіе, сидите и кротко скучаете!.. Теперь, должно быть, Богъ знаетъ который часъ...

Часъ оказался десятый всего, по домамъ никому не хотѣлось, воздухъ полей былъ такъ чистъ и ароматиченъ, что никто не сдвинулся съ мѣста, и поблагодаривъ разсказчицу каждый на свой ладъ—всѣ разомъ смолкли, точно канувъ въ свѣтлыя волны мечтаній. Не то гдѣ-то въ хлѣбахъ, не то на озерѣ сонно и пріятно попискивали птицы; неподалеку отъ ихъ холма изъ травы несся звонкій трескъ неугомонныхъ кузнечиковъ, вдохно-

вляемыхъ чудесной погодой—и эти мирные звуки производили на нервы Лёли успокоивающее и крѣпительное впечатлѣніе, болѣе прочное, чѣмъ бромъ, къ которому ей приходилось иногда прибѣгать.

— Какъ славно тутъ, — прошептала она, ни къ кому не обращаясь;—лоно безъискусственной природы!... Можетъ ли быть что-нибудь лучше...

Скользнувъ любующимся взглядомъ по профилю Гриши, обращенному къ небу, она ощутила какое-то странное волненіе. Нѣчто похожее она испытывала въ дѣтствѣ, когда какая-нибудь вещь ей очень нравилась и ею овладѣвало деспотическое желаніе получить эту вещь во что бы то ни стало. Не давая себѣ отчета въ собственномъ настроеніи, она вдругъ протянула Гришѣ свои маленькія ножки въ желтыхъ туфелькахъ и разстроенно пролепетала:

— Кажется, ужасно сыро... роса... Пожалуйста, мои ботинки, навѣрное, насквозь мокры... Какъ вы находите?... Промокшія ноги—это моя смерть...

Гриша добросовѣстно ощупалъ слегка задрожавшими пальцами совсѣмъ сухую обувь, ненарокомъ прикоснулся къ шелковымъ чулочкамъ, и пришелъ въ такое смущеніе, что на мигъ совсѣмъ потерялъ способность къ членораздѣльной рѣчи. Онъ безсвязно проговорилъ:

— Никакой росы... Совсѣмъ не мокрые башмаки... Ерунда!...

— Ерунда?—переспросила она весело:—очень рада... Я ненавижу хворать...

Зинько, полусидѣвшій рядомъ съ нимъ, бросилъ на него взглядъ, исполненный невольнаго уваженія—вѣдь тотъ рѣшился притронуться къ ножкамъ сказочной „царевны“, и ничего ему отъ этого не сталось! Онъ, Зинько, пропалъ бы на мѣстѣ еще и не дотянувши до нея руки!

Больше часу еще просидѣли они на холмѣ, не рѣшаясь уйти и разрушить сладкія чары волшебной ночи. Аллѣ, быть можетъ, меньше всѣхъ хотѣлось покинуть свое мѣстечко съ тѣмъ, чтобы вернуться домой. Ахъ, этотъ бѣдный, дорогой домъ, бѣдные, дорогіе люди, отъ которыхъ хочется убѣжать какъ можно подальше и какъ можно поскорѣе! Подъ родною кровлею—такъ мирно и уютно, жизнь течетъ спокойно и неторопливо. Но отчего же такъ томительно захватываетъ дыханіе въ этой атмосферѣ, отчего вынужденное бездѣлье утомляетъ тѣло и душу ужаснѣе, чѣмъ это сдѣлалъ бы самый суровый трудъ! Неужели

же справедливо, чтобы птенцы, у которыхъ окрѣпли крылья—немедленно покидали гнѣздо.

Эти патетическія размышленія глубоко волновали Аллу. Въ эту минуту она положительно завидовала Лёлѣ, ни отъ кого не зависящей и свободной устроиться какъ пожелаетъ.

Тѣмъ не менѣе Алла первая прониклась благоразуміемъ и, вскочивъ на ноги, объявила, что „пора“.

— Охъ, не могу,—шутливо жаловалась Лёля:—силъ нѣтъ встать...

— Ну, чего тамъ,—не совсѣмъ по-свѣтски обратился къ ней Гриша:—давайте руку, подтащу малость...

— Подтащите,—смѣялась Лёля, лѣниво предоставляя ему поднять ее: — какой вы сильный, однако... Знаете, дайте-ка, я возьму васъ подъ-руку, а то я близорука и при этомъ предпочитаю не смотрѣть себѣ подъ ноги. Можно?

— Сдѣлайте одолженіе,—пробормоталъ молодой человѣкъ.

Потянуло настоящимъ ночнымъ вѣтеркомъ—прохладнымъ и влажнымъ. Трава отсырѣла и надъ озеромъ всталъ едва замѣтной серебристой дымкой легкій туманъ.

— Подберите, mesdames, фалды,—заботливо сказалъ Гриша, поворачивая къ проѣзжей дорогѣ:—лучше пыль, чѣмъ мокреть.. Начинается роса.

Пошли попарно — впередъ Гриша съ Лёлей, сзади Зинько съ Аллой. Лёля смутно слышала, какъ ея подруга завязала разговоръ съ застѣнчиво молчавшимъ цѣлый вечеръ парнемъ. Тотъ сначала не особенно охотно отвѣчалъ на ея разспросы, но потомъ оживился, увлекся и, не подавляемый болѣе внѣшностью „царевны“, пустился съ свойственнымъ ему юморомъ живописать свое фабричное житье-бытье. Алла осторожно и любознательно наводила его на наиболѣе интересное для нея и не безъ содроганія заглядывала въ самую суть человѣческаго существованія, настолько лишеннаго всякихъ свѣтлыхъ красокъ, что можно только удивляться терпѣнію тѣхъ, кто его еще влачитъ.

Лёля скоро перестала прислушиваться къ ихъ рѣчамъ и цѣликомъ предалась наслажденію зарождающейся властью надъ нервной системой другого человѣка. Гриша производилъ на нее совершенно особенное впечатлѣніе—еще никто никогда не нравился ей такъ и не казался ей совсѣмъ особеннымъ въ своей привлекательности. Чистый, какъ младенецъ, даже въ забавной наивности, простой и сильный—онъ представлялся богатому воображенію Лёли похожимъ на персонажъ Гомера. Пріукрасивъ его такимъ образомъ при помощи собственной фантазіи, Лёля съ

удовольствіемъ ощутила, что завладѣть этимъ прямымъ и безхитростнымъ существомъ не такъ ужъ трудно. Инстинктами прирожденной покорительницы мужскихъ сердецъ, она безсознательно отыскивала тѣ слабыя струнки, на которыя легче всего вліять и пользовалась этой возможностью безпощадно. Процедура одинаково увлекала и кошку и мышку и, глядя со стороны на обѣ стройныя фигуры, невозможно было бы не признать ихъ созданными другъ для друга.

Подъ предлогомъ легкаго утомленія, Лёля довольно основательно опиралась на Гришину руку и едва замѣтный трепетъ этой руки передавался и ей самой. Незначительныя фразы, съ которыми, время отъ времени, она обращалась къ нему, сопровождались такими гипнотизирующими взглядами, что у бѣднаго мальчика, непривыкшаго къ слишкомъ большимъ дозамъ женскаго очарованія, начинала кружиться голова въ самомъ буквальномъ смыслѣ.

— Бѣдный... глупый... милый!—ласково думала Лёля, крѣпче прижимаясь къ нему.

Дорога до дому показалась Гришѣ безобразно короткой. Идея взобраться на чердакъ и лечь спать показалась такъ невозможна, что онъ, со вздохомъ выпустивъ ручку Лёли, отрывисто сказалъ Зиньку:

— Я, братъ, провожу тебя немного... Не хочется дрыхнуть...

— Какъ? Вамъ еще не надоѣло гулять?—лукаво удивилась Лёля.

— Не надоѣло,—коротко отозвался тотъ.

Когда дѣвушки исчезли за дверью крыльца, Зинько помоталъ лохматой головою въ съѣхавшемъ на затылокъ картузѣ и убѣдительно вымолвилъ:

— Ну, а теперь пойдемъ, выпьемъ! Силъ моихъ нѣту! Чортъ съ ней, съ фабрикой! Не хочу!

— Нѣтъ, братъ... Пройтись съ тобой—я пройдусь, но пить не стану... И тебѣ не совѣтую... Пошляемся куда глаза глядятъ... Еще никогда не было такой ночи.

— Не было! — пробурчалъ Зинько съ презрѣніемъ:—эхъ, ты!... Пойдемъ шляться, чортъ съ тобой... А что я все равно напьюсь, такъ ужъ будь спокоенъ, друже...

И они исчезли за угломъ ближайшей улицы.

XIII.

Прошло немного времени и Ирина Васильевна почувствовала, что Лёля стѣсняетъ ихъ. Что ни говори, а изъ-за нея подтягиваешься, какъ солдатъ на часахъ. Ни тебѣ покричать, когда слѣдуетъ, ни отдохнуть вò-время. И при всемъ томъ—Лёля, чѣмъ дальше, тѣмъ меньше нравилась ей.

„Ну, ужъ и аристократы эти, — въ порывахъ суроваго неодобренія раздумывала она, предполагая, что Лёля является типичнымъ образчикомъ этой странной породы:—ужъ и народъ! Кому бы и быть, кажется, съ тактомъ и разсужденіемъ, какъ не имъ, а вотъ, поди же ты! Совсѣмъ не полнаго ума люди—такіе пустяки у нихъ въ головѣ, одно удивленіе. Не примѣръ она моимъ дивчатамъ"...

И, потерявъ всякую возможность крѣпиться дальше, она сдѣлала Аллѣ нѣсколько отнюдь не тонкихъ намековъ на то, что пора бы гостьѣ и честь знать. Алла пришла въ неописанное затрудненіе и едва убѣдила мать подождать хоть до гимназическаго бала, быть на которомъ Лёля выразила непремѣнное желаніе.

Это выходило тѣмъ хорошо, что до ярмарки оставалось всего нѣсколько дней, а разъ терпѣли уже столько времени, можно было потерпѣть и еще немножко.

Женя и Макитра засуетились, точно наступалъ послѣдній день земли. Новопріѣзжая варшавская модистка, избранная ими для сооруженія бальныхъ костюмовъ, выбивалась изъ силъ, стараясь придумать фасоны попикантнѣе для капризныхъ франтихъ.

Алла, по категорическому настоянію Лёли, отдала свое платье еврейчику-портному, въ которомъ та „по выраженію его глазъ сразу же разгадала непонятый художественный талантъ". И фасонъ выбрала Лёля, и она же подарила очень дорогой воротникъ-пелеринку изъ настоящихъ блондъ.

Ирина Васильевна пожимала плечами и не вмѣшивалась ни во что. Узнавъ отъ Жени, что воротнику этому цѣна не рубли, а сотни рублей, она только руками развела, и разглядывая тончайшую желтоватую паутину, съ обиднымъ пренебреженіемъ процѣдила:

— И эдакая-то дрянь!... Сумасшествіе просто!...

Насчетъ себя Лёля беззаботно объявила, что нѣтъ у нея ничего бальнаго, но что она, все равно, надѣнетъ какія-нибудь

тряпки полегче — теперь лѣто и всякій легкій нарядъ можетъ сойти за бальный.

Чтобы не обидѣть Женю, она подарила ей массивную золотую браслетку, змѣю съ изумрудными глазами. Она ее терпѣть не могла и разсталась съ ней безъ всякаго огорченія. На Ирину Васильевну браслетка подѣйствовала симпатично и, встряхнувъ ее на ладони, она замѣтила:

— Вотъ это—вещь, такъ вещь. Хоть надѣть, хоть продать!

Николай Ивановичъ, услыхавъ отъ кого-то, что на балѣ будетъ директоръ, предупредилъ объ этомъ дочерей и сказалъ, что ради этого заглянетъ на балъ самъ и представитъ ихъ его превосходительству, какъ кандидатокъ на мѣста въ прогимназіи. Алла поблѣднѣла при этомъ заявленіи. Отецъ, этотъ кроткій и деликатный человѣкъ, не упускалъ случая подергать цѣпь, къ которой она была прикована, и этимъ жестоко напоминалъ ей, что она не свободна. Это сознаніе несвободы отравляло ея существованіе. Только надежда на внезапное чудо и поддерживала ее.

Женя, любуясь своей ручкой въ браслеткѣ, кокетливо согласилась быть представленной директору и заранѣе торжествовала побѣду надъ податливымъ сердцемъ престарѣлаго педагога.

Наконецъ наступилъ и столь ожидаемый день ярмарки и бала. Какъ и слѣдовало по обычному ходу вещей, съ утра уже полилъ проливной дождь, небо приняло осенній видъ и огромная торговая площадь за городомъ превратилась въ сплошную лужу. Несмотря на это, ярмарка пошла своимъ чередомъ, такъ какъ съѣздъ въ этомъ году состоялся огромный и блестящіе виды на урожай способствовали всеобщему оживленію.

Этотъ неизбѣжный дождь, безъ котораго, какъ извѣстно, не обходится ни одна сколько-нибудь порядочная ярмарка, вызвалъ цѣлую бурю негодованія со стороны всѣхъ, мечтающихъ о балѣ. Кому можетъ улыбаться перспектива шлепать по залитымъ жидкой грязью улицамъ—да еще въ бальномъ платьѣ.

Еще не было и восьми часовъ утра, какъ явилась къ Женѣ Лиза Бочковская, вся внѣшность которой являла слѣды полнѣйшаго и безнадежнѣйшаго отчаянія.

Женя, впросонкахъ, даже и не узнала ее сразу, затѣмъ, изумленная ея видомъ, приподнялась съ подушки и съ любопытствомъ окликнула ее:

— Лиза, что̀ съ тобой?

Та молчала. Губы ея задрожали и точно вспухли. Вѣки покраснѣли и замигали.

— Да скажи же въ чемъ дѣло? Случилось что-нибудь?..

Лиза сдѣлала надъ собою огромное усиліе и, еле справляясь съ дрожащими губами, объяснила:

— Ванда не даетъ черной юбки... Говоритъ, сама надѣну... Предлагаетъ старую голубую... А развѣ я могу съ зеленымъ корсажемъ голубую юбку надѣть!..

Съ такимъ трудомъ сдерживаемое отчаянье вырвалось, наконецъ, цѣлыми потоками слезъ. Женя растрогалась и прониклась къ бѣдственному положенію Лизы серьезнѣйшимъ сочувствіемъ. Легкое ли дѣло—не пойти на балъ, на балъ, съ которымъ связано столько робкихъ и неясныхъ, но пламенныхъ надеждъ всего дѣвичьяго сословія этого богохранимаго уголка, въ которомъ отсутствуютъ мужчины. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать мужчинами гимназистовъ... Пока молодой человѣкъ въ гимназіи, онъ только—возможный женихъ. Но, оканчивая гимназію, возможные женихи разлетаются по всѣмъ концамъ свѣта и быстро забываютъ о своихъ невинныхъ юношескихъ пассіяхъ. Тѣ случаи, когда вѣрные вздыхатели, по окончаніи университетовъ, возвращались сюда за терпѣливо поджидающими ихъ предметами „первой любви"—о, тѣ случаи занимаютъ почетнѣйшее мѣсто среди здѣшнихъ преданій и легендъ, и ими же утѣшаютъ себя до послѣдней возможности тѣ, судьба которыхъ оказалась суровой и обрекла ихъ на вѣчное одиночество.

Женя не особенно интересовалась тѣмъ, какія надежды, на кого и на чтò лелѣетъ Лиза, но сознала необходимость помочь ей. Поможетъ она ей тѣмъ охотнѣе, что интересы ихъ, во всякомъ случаѣ, не совпадаютъ.

Женя предалась размышленіямъ „какъ быть": она съ удовольствіемъ бы предложила ей одну изъ своихъ юбокъ, но Ирина Васильевна подняла бы изъ-за этого такую бурю, что не поздоровилось бы и Женѣ, и Лизѣ. Напередъ зная все это, Женя измышляла другіе пути и приняла единственное возможное рѣшеніе. Нужно было, по мысленному ея выраженію, „нагрѣть" Лелю и выпросить у нея на вечеръ что-нибудь подходящее. Хотя, кромѣ Аллы, она въ гимназіи ни съ кѣмъ не была близка, но вѣдь Лиза все же ея товарка.

— Ну, не вой,—остановила она, наконецъ, Лизу, все болѣе и болѣе входящую во вкусъ своей грустной роли: — я кой-что придумала...

Женины переговоры съ Лелей длились недолго, затѣмъ онѣ обѣ вошли въ комнату.

— Вотъ, Басаргина дастъ тебѣ свою юбку,—объявила Женя

довольнымъ голосомъ радостное извѣстіе: — надо будетъ только заложить складку, или какъ-нибудь иначе укоротить ее и ты обойдешься безъ Вандиной милости...

— Да, я, разумѣется, дамъ вамъ свою юбку,—подтвердила Леля:—можете ее укорачивать и дѣлать съ ней что̀ угодно, я вамъ ее сейчасъ принесу.

Лёля принесла прелестную черную шерстяную юбку, легкую, изящную. Примѣряли весело, оживленно и даже шумно. Лиза казалась вполнѣ блаженствующей.

Къ балу Лёлей былъ заказанъ экипажъ—Костя и Алеша бѣгали на почтовую станцію и выбрали самый большой и парадный фаэтонъ, который и долженъ былъ отвезти и привезти барышенъ изъ клуба. Узнавъ объ этомъ, Лиза умолила, чтобы и ее съ собой взяли, увѣряя, что она совсѣмъ мало займетъ мѣста и что ее могутъ посадить хоть на козлы, ей все равно. Получивъ обѣщаніе, что ее возьмутъ, она ушла домой забрать тѣ свои вещи, которыя ей нужны къ вечеру и сказала, что скоро придетъ опять. Не чувствуя ни дождя, ни грязи, она не шла, а летѣла по многолюднымъ сегодня, несмотря на непогоду, улицамъ. Сердце ея трепетало отъ полноты пріятныхъ ожиданій и надеждъ. Вѣдь это иной разъ единственное, чѣмъ красна довѣрчивая молодость неисчислимаго количества живыхъ существъ.

Ирина Васильевна утомилась за этотъ день болѣе, чѣмъ когда либо, но была очень мила и любезна со всѣми. Она слегка волновалась, ея дочерямъ предстояло впервые появиться въ качествѣ взрослыхъ дѣвицъ-невѣстъ передъ придирчивымъ и завистливымъ синклитомъ провинціальныхъ „цѣнителей и судей“. Но къ ея волненію не примѣшивалось безпокойство, она была твердо увѣрена, что ея „дивчата“ не ударятъ лицомъ въ грязь. Еще бы! Ужъ она ли не сдѣлала для ихъ воспитанія все, что̀ возможно.

И старуха заботливо „бѣгала“ вокругъ пятерыхъ дѣвушекъ, накормила ихъ превосходнымъ обѣдомъ, безъ церемоніи прикрикивая на Лизу, лишившуюся отъ пережитыхъ волненій аппетита.

Залу превратили въ уборную, изгнали изъ нея мальчишекъ, расположившихся-было заниматься и развѣсили тамъ наряды, чтобы не помялись. Даже Лёля заразилась отъ своихъ пріятельницъ (не отъ Аллы, разумѣется) радужнымъ настроеніемъ по причинѣ убогой „клубно-гимназической“ вечеринки. Теорія Жени выходила вѣрной, послѣ деликатесовъ ее тянуло на пищу попроще.

Дождь переставалъ. Небо изъ осенняго превратилось въ обыкновенное лѣтнее, нѣсколько разъ проглядывало солнце, близя-

щееся къ закату. Дѣвушки раскрыли въ залѣ всѣ окна и, полуодѣтыя, чтобы не затруднять себя корсетами и прочими утомительными принадлежностями туалета, постарались устроиться какъ можно удобнѣе, наслаждаясь рѣдко пріятнымъ моментомъ бытія, всѣ свѣженькія и хорошенькія, какъ никогда. Даже солидная Алла хохотала какъ безумная на выходки Макитры.

Надо отдать справедливость Макитрѣ, по части „штукъ" врядъ ли кто могъ съ нею сравняться. На этотъ разъ она пожелала дать балетное представленіе и съ необычайнымъ успѣхомъ исполнила „танецъ краснокожаго индѣйца", загримировавъ лицо сокомъ земляники, кстати, объяснивъ, что это очень хорошо дѣйствуетъ на кожу...

Въ самый разгаръ пантомимы въ окно со свистомъ влетѣлъ огромный букетъ цвѣтовъ и грузно упалъ на полъ. Женя и Лиза вскрикнули. Индѣецъ остановился.

— Кто это? Кто бросилъ?—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Боже, меня могли видѣть!—съ ужасомъ всплеснула руками Макитра.

Женя осторожно выглянула въ окно.

— Это Гриша и Козаченко... Должно быть, въ лѣсу были...

Макитра твердыми шагами подошла къ окну и, дружелюбно кивая молодымъ людямъ, прокричала имъ какъ ни въ чемъ не бывало:

— Спасибо, господа, за цвѣты... Намъ чрезвычайно лестно такое ваше вниманіе... Хоть мы и не знаемъ, кому это предназначалось, но рѣшили принять на свой счетъ всѣ вмѣстѣ, а насъ тутъ—пять душъ... Спасибо!—И папильотки, и индѣйская физіономія скрылись отъ глазъ молодыхъ людей. Но пораженные и недоумѣвающіе, они еще долго стояли на томъ же мѣстѣ, слушая взрывы смѣха, доносящіеся къ нимъ черезъ окно, пока, наконецъ, не поняли приблизительно въ чемъ дѣло. Тогда они поторопились поскорѣе добраться до Гришиной дачи, гдѣ и принялись въ свою очередь хохотать какъ самые настоящіе мальчишки.

Между тѣмъ, Лёля раздѣлила букетъ на части и каждая изъ дѣвушекъ получила свою долю.

Но самое интересное началось, когда пришла пора приниматься за священнодѣйствіе совершенія туалета. Хотя еще было совсѣмъ свѣтло, завѣсили чѣмъ попало окна и зажгли лампы. Большое стѣнное зеркало сняли и водрузили на столъ, покрытый коробочками съ пудрой, флакончиками съ духами, гребнями, щетками, искусственными цвѣтами и прочимъ.

Лёля, возбужденная и восхищенная не менѣе остальныхъ,

выгружала изъ своихъ сундуковъ все, что̀ могло̀ понадобиться ей или другимъ, и любезно предложила подругамъ безъ стѣсненія пользоваться, чѣмъ пожелаютъ.

Макитра смывала съ лица индѣйскій гримъ и повторяла:

— Вотъ увидите, увидите, господа, какой у меня теперь будетъ нѣжный цвѣтъ кожи! Земляника—это средство фей сохранять вѣчную молодость... Земляникою каждый день умывается Венера...

— Венера??. Дайте мнѣ земляники!—шаловливо потребовала Лёля и, скинувъ корсажъ, захватила полныя горсти свѣжихъ, душистыхъ ягодъ и усердно стала вымазывать ими лицо. Скоро остались нетронутыми только одни глаза—неестественно свѣтлые на багровомъ фонѣ и точно удивленные.

Параска, до крайнихъ предѣловъ заинтересованная всѣмъ, что̀ дѣлалось въ залѣ, непрерывно таскала туда ведра чистой воды.

Лиза, крѣпко стянутая корсетомъ, еще безъ платья, ожесточенно пудрила себѣ физіономію, шею и заодно волосы. Свѣтлозеленая шелковая кофточка, сшитая ею на забранную впередъ мѣсячную пенсію матери, требуетъ очень бѣлаго лица и очень свѣтлыхъ волосъ, такъ ей, по крайней мѣрѣ, объяснила сейчасъ все та же универсальная Макитра.

Причесавъ Аллу, Макитра принялась за Лизу, проявившую вдругъ цѣлую серію капризовъ. То ей слишкомъ мало подвили чубъ, то вмѣсто японской завитушки посадили на маковкѣ какую-то фигу, то цвѣты не такъ прикололи—и такъ до безконечности. Съ Женей дѣло сошло гораздо успѣшнѣе, и Лиза, кусая губы, съ безграничной завистью смотрѣла, какъ подъ ловкими пальцами Макитры граціозно укладывались длинные бѣлокурые локоны въ прелестную и оригинальную прическу, дополненную вѣнкомъ изъ ландышей и шиповника.

Захвативъ свою обильную черную гриву въ горсть, Макитра сидѣла въ долгомъ раздумьѣ; ея фантазія, израсходованная на другихъ, требовала нѣкотораго отдыха. Но зато, отдохнувъ, она воздвигла на кокетливой головѣ своей такое хитроумное сооруженіе, что передъ нимъ поблѣднѣли бы измышленія любого геніальнаго парикмахера.

— О!—крикнула восхищенная ея куафюрой Лёля, по причинѣ своихъ стриженыхъ волосъ не имѣвшая надобности въ содѣйствіи Макитры:—Вы великолѣпны!

Макитра нашла сравненіе очаровательнымъ и, послѣ мгновенія вдохновеннаго молчанія, энергично заявила:

— А ей-Богу подвожу себѣ глаза!.. Ужъ какъ тамъ кто хочетъ!

— То-есть, какъ это „подвожу"?.. Что это значитъ,—поинтересовалась Лёля, съ удовольствіемъ предвкушая новый фокусъ изобрѣтательной дѣвушки.

— Ну, просто закопчу на свѣчкѣ шпильку и подведу!..

Сказано-сдѣлано. Черезъ минуту подъ глазами Макитры легли темныя тѣни, натушованныя съ искусствомъ почти непостижимымъ.

— Хорошо?

— Ахъ!.. Чудно,—простонала Лиза:—и мнѣ сдѣлай такъ, и мнѣ!

— Таки недурно,—подтвердила и Женя, искушаемая пламеннымъ желаніемъ послѣдовать ея примѣру:—и хоть бы сколько-нибудь было замѣтно... А глаза вдвое стали красивѣе...

— И мнѣ, и мнѣ,—въ экстазѣ повторяла Лиза, теряя обычную застѣнчивость. Желаніе быть хорошенькой овладѣло ею до нервной дрожи.

— Только тебѣ, Лиза, можно чуть-чуть... Наляпалась ты этой пудрой, какъ мельникъ мукой! Если будетъ хоть капельку видно, скажутъ—подмазанная... Даже, по мнѣ, такъ и вовсе бы тебѣ не слѣдовало...

Лиза устремила на Макитру исподлобья недовѣрчивый взглядъ.

— Да жалко мнѣ, что ли!—почти разсердилась и Макитра, и закопченая шпилька пошла гулять по рожицѣ Лизы, восклицавшей: „Еще, еще немножко!.. Еще самую капельку"!..

— Ну, даю слово, что довольно,—категорически отрѣзала, наконецъ, Макитра, бросая шпильку на столъ:—и то уже черезчуръ!..

Но Лиза, зачарованная собственной внѣшностью, не обратила вниманія на совѣты подругъ и только упорно и кисло отвѣтила имъ:

— Ну, и пусть себѣ будетъ замѣтно, а я все-таки ничего не вытру!

Лёля, не привыкшая одѣваться безъ горничной, пришла въ затрудненіе, тѣмъ болѣе, что лифъ ея застегивался сзади, но Женя и Макитра съ такой готовностью принялись ей помогать, что туалетъ ея былъ оконченъ первымъ.

Совершенно гладкое бѣлое платье изъ китайскаго крепа, чуть открытое, обрисовывало ея тонкую фигуру такими художественными линіями, что даже взоры подругъ съумѣли различить за этой кажущейся простотой изящество, до котораго

имъ далеко. Ни одно украшеніе не портило впечатлѣнія. Это послѣднее обстоятельство удивило Женю.

— Лёля, вы не надѣнете ни брошки, ни браслета, ничего?.. Почему?.. Вы съ собой не захватили, быть можетъ?.. Какъ это жаль,—сказала она, видимо имѣя свою „заднюю мысль".

— Нѣтъ, кой-что со мною есть, но мнѣ не хотѣлось... Вѣдь все же это только маленькая вечеринка...—пояснила Лёля:— а что?..

— Да, для васъ „маленькая вечеринка", а у насъ тутъ ничего иного не бываетъ,—немножко иронически отозвалась Женя:—у насъ надѣваютъ въ такихъ случаяхъ все лучшее, что только есть... Не надѣть какихъ-нибудь золотыхъ бездѣлушекъ, значитъ выказать пренебреженіе къ здѣшнему обществу... Знаете, я бы попросила васъ, Лёлечка, надѣть-таки что-нибудь... Не для васъ, а для насъ.... Здѣсь это много значитъ, имѣть такихъ знакомыхъ, какъ вы.

Слова Жени прозвучали для Лёли такъ искренно, просто и даже умно, что она сейчасъ же признала ихъ убѣдительность и, дружески улыбнувшись ей, пошла къ себѣ. Когда она вернулась, всѣ ахнули—на шеѣ ея плѣнительно мерцали нѣжные переливы крупной жемчужной нити, застегнутой сафиромъ, и на рукахъ красовались такіе же браслеты.

— Вотъ это такъ! — благодарно взглянула на нее Женя.

Алла облачилась въ свое черное платье, скомпанованное открытымъ Лёлею непризнаннымъ геніемъ и, надо отдать генію справедливость, сшилъ онъ его весьма прилично.

— Ого-го, наша Алла,—завопила Макитра, умилившись:— пусть мнѣ кто-нибудь скажетъ, что она сегодня не замѣчательная!.. Всѣхъ кавалеровъ у насъ отобьетъ...

— Ну, господа, живѣе... Довозились до ночи,—засуетилась вдругъ Женя:—не стоитъ пріѣхать позже всѣхъ... Лучше пораньше...

— Ну, что же это фаэтонъ вашъ не ѣдетъ,—обратилась къ Лёлѣ Женя, нисколько не заботившаяся о томъ, что ни одна изъ нихъ не можетъ выдержать сравненія съ ихъ знатной гостьей. Она при первомъ же взглядѣ, брошенномъ ею на сіяющую утонченной красотой дѣвушку, поняла, что ей нечего опасаться. Именно эта утонченность и дѣлала Лёлю не опасной.

„Много „они" тамъ поймутъ въ ней, — презрительно подумала Женя, безпристрастно восхищаясь ею сама:—„имъ" что жемчугъ, что бусы—все одинъ эффектъ, пари держу! Если бы она нацѣпила кружевъ, золота, шелку толщиною съ сахарную

бумагу, ну, не скажу—обратили бы вниманіе... А.крепъ, хоть онъ и дорогой, и прелестный, „имъ" это непонятно.

Эти „они", столь небрежно третируемые ею въ мысляхъ, обозначаютъ собою все провинціальное общество вообще и то, которое соберется сегодня въ клубѣ — въ частности. Являясь членомъ этого же общества, Женя, однако, считаетъ свой вкусъ несравненно болѣе развитымъ, и притомъ—Лёля вѣдь мелькнетъ на здѣшнемъ горизонтѣ, затѣмъ исчезнетъ и можетъ никогда больше не появиться. Слѣдовательно, никакого ущерба ея личность нанести имъ не можетъ.

— Какъ это будетъ непріятно, если мы опоздаемъ,—вдругъ заныла Лиза тоненько и тоскливо, словно осенняя муха. Лёля оглянулась на нее и въ глазахъ ея, спокойныхъ и горделивыхъ, точно отблескъ зарницы, сверкнулъ веселый, равнодушный смѣхъ.

— Ну, тоже и летѣть первыми никакой нѣтъ надобности,—успокоительно сказала Макитра:—лампы и безъ насъ зажгутъ.

Алла, значительно удрученная корсетомъ, къ которому не привыкла, чинно сидѣла на диванѣ, вытянувшись въ струнку и вздыхая.

Но экипажъ все не ѣхалъ. Ожиданіе мало-по-малу дѣлалось напряженнымъ.

На „дачѣ" у Гриши было совсѣмъ тихо, онъ ушелъ вскорѣ послѣ „инцидента съ индѣйцемъ, такъ какъ его выбрали однимъ изъ распорядителей и поручили ему цѣлую кучу работы.

Пришла Ирина Васильевна полюбоваться на своихъ и чужихъ барышенъ — каково-то онѣ расфрантились къ балу. Впечатлѣніе получилось самое прекрасное. Алла понравилась ей больше всѣхъ „солиднымъ" тономъ наряда и наружности. Женя казалась ей черезчуръ вычурной, черезчуръ легкомысленной съ своими локонами, вѣнкомъ, декольте и открытыми руками. Макитра отдаленно напомнила ей трубачиста черной, всклоченной гривой завитыхъ и какъ будто растрепанныхъ волосъ; Лиза, непохожая сама на себя, тронула ея сердце тѣмъ, что была въ чужой юбкѣ—юбку эту она раньше видѣла на Лёлѣ и моментально догадалась въ чемъ дѣло.

— Бѣдняга,—сострадательно вздохнула она:—сирота, такъ ужъ видать, что сирота... Былъ бы живъ отецъ, какъ-ни-какъ, а все свои бы юбки носила...

Лёля-таки смутила ее. Не разобрать того, что она очень красива и интересна въ бѣломъ платьѣ—Караваева не могла. Но обслѣдуя строгими, зоркими глазами всю фигуру ея, она не

безъ негодованія мысленно восклицала: „И одѣлась же!.. Вся-то, вся-то, Господи прости, точно голая... Срамъ смотрѣть!“

Увидѣвъ Ирину Васильевну, Макитра предупредительно очистила ей отъ всякаго хламу кресло и, въ своемъ обычномъ грубовато-шутливомъ жанрѣ, затѣяла съ нею бесѣду на ту тему, что никого не будетъ на вечерѣ очаровательнѣе ея, Макитры. Когда старуха попробовала-было вставить замѣчаніе, что и остальныя тоже недурны, Макитра притворилась до того обиженной и такъ смѣшно раскритиковала всѣхъ присутствующихъ, что Ирина Васильевна расхохоталась.

Переведя духъ, она заговорила къ дочерямъ:

— Ну, смотрите же, дивчата, держите себя хорошо, не слишкомъ крутите хвостами, чтобы не осудили люди... Ты-то, Алла, еще ничего, а Женька, нужно сказать правду, не знаетъ мѣры... Замѣчай тамъ за ней, удерживай, если что̀...

— Не безпокойтесь, мама, Женя вѣдь уже не дитя, — вяло отвѣтила Алла, испуганная, какъ бы матери не пришла охота прочесть длинную нотацію имъ обѣимъ, благо подвернулся подходящій случай. Лёля съ любопытствомъ смотрѣла на Ирину Васильевну и ожидала, что̀ она скажетъ еще. Но та, повидимому, сочла достаточнымъ коротенькое предостереженіе.

Гдѣ-то въ отдаленіи мягко загремѣлъ экипажъ.

Лиза, багровая, съ бьющимся сердцемъ и остановившимися отъ волненія глазами, вскочила со стула и кинулась разыскивать свою накидку и платокъ на голову. Движенія ея были такъ растерянны, точно ей угрожала бѣда неминучая быть забытой и покинутой здѣсь, тогда какъ остальныя преспокойно уѣдутъ себѣ въ клубъ.

— Дождя, кажется, нѣту, — полувопросительно вымолвила Лёля, выглядывая въ окно.

— Какой дождь!.. Отсюда видно сколько высыпало звѣздъ,— отозвалась Ирина Васильевна: — если ночью не пойдетъ опять, завтра пыль будетъ, помяните мое слово!

— Не рано ли, mesdames, девятый въ исходѣ всего,—продолжала все такъ же полувопросительно Лёля, взглядывая на часы.

Ей хоромъ отвѣтили, что нисколько не рано и что въ ихъ краяхъ не слыхано, что „настоящіе“ балы начинаются только въ двѣнадцатомъ часу.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ усиленнаго гама и суетни, молодыя дѣвицы гурьбою повалили на крыльцо, у котораго стоялъ большой рыдванъ, освѣщенный парою фонарей, считающихся

верхомъ роскоши и комфорта у тѣхъ, кто здѣсь себѣ это можетъ позволить.

Мѣста всѣмъ хватило вдосталь, хотя Лиза и пищала, что ее всю измяли, придавили и нарочно затиснули въ самый уголъ.

Наконецъ, фаэтонъ двинулся въ путь, сопровождаемый наставленіями и пожеланіями Ирины Васильевны.

— Какая будетъ восхитительная ночь,—мечтательно проговорила Лёля, поднявъ къ небу свое бѣленькое, оживленное личико.

— Да, и грязи вовсе немного... Можно было ожидать худшаго, — прибавила Алла, настроенная на бодрый и жизнерадостный ладъ.

— А лѝто, барышнѝ,—объяснилъ хохолъ ямщикъ, обративъ къ нимъ свое добродушное бородатое лицо: — сохне скоро... Завтра буде сухо... Ще добрый ярмарокъ завтра буде...

Влажныя деревья темными, неподвижными купами стояли по бокамъ дороги. Не полный, только-что взошедшій мѣсяцъ залилъ прозрачный воздухъ особенно мягкимъ и яснымъ сіяніемъ. По необсохшей землѣ протянулись пятна свѣта и тѣни, очень рѣзкія и отчетливыя. Лужицы блестѣли, какъ полированное серебро.

Въ одномъ переулочкѣ такъ сладко запахло липой въ цвѣту и этотъ запахъ охватилъ стремящихся на балъ дѣвицъ такою чистой и нѣжной лаской, что онѣ попросили ямщика остановиться на нѣсколько секундъ.

— Ахъ, это лучше всякихъ духовъ на свѣтѣ,—восторженно вскрикнула Макитра, протягивая руки къ невидимому источнику благоуханій.—Басаргина, неправда ли?

Лёля кивнула головой, мечтательная и молчаливая.

Но вотъ и клубъ. Изъ оконъ довольно большого каменнаго строенія льются потоки яркаго свѣта, такого яркаго, точно внутри дома пожаръ. У подъѣзда уже нѣсколько экипажей.

Лиза незамѣтно крестится подъ мантильей.

— Тпррр... Сто-ой, прыїхали,—оповѣщаетъ ямщикъ, спрыгивая съ козелъ и стаскивая кожаный фартукъ, которымъ ради предосторожности онъ прикрылъ-было сверху воздушныя дамскія платья.

На ступенькахъ подъѣзда появилась фигурка Козаченки, мигомъ узнавшаго новоприбывшихъ.

— Максимовъ,—крикнулъ онъ особеннымъ, праздничнымъ голосомъ куда-то въ двери:—иди встрѣчать, твои пріѣхали... И, не дожидаясь Гриши, онъ сбѣжалъ къ фаэтону—выгружать транспортъ барышенъ, самъ весь накрахмаленный, лоснящійся и раз-

ливающій вокругъ своей лакированной персоны смѣшанный запахъ и помады, смирившей буйные вихры его, и какихъ-то довольно скверныхъ духовъ.

Онъ даже слегка оробѣлъ, когда на его руку оперлась незнакомая ему, высокая, бѣлая, вся озаренная непонятной усмѣшкой красавица, загадочная и величавая... Къ нимъ уже спѣшилъ Гриша, прыгая черезъ три ступеньки и не совсѣмъ узнавая въ блистательныхъ молодыхъ особахъ, улыбающихся ему на встрѣчу, хорошо извѣстныя ему фигуры сестеръ. Лёлю-то онъ узналъ сразу.

Ел. Бердяева.

АДАМЪ МИЦКЕВИЧЪ

и

ЕГѲ ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО*)

I.

Мнѣ предстоитъ нелегкая задача сжать въ двѣ бесѣды широкое содержаніе избранной темы и сказать нѣчто новое и современное о предметѣ, о которомъ написано столько книгъ, что онѣ образуютъ цѣлую библіотеку.—Я могу взять какъ безспорный тотъ фактъ, что въ началѣ XIX вѣка состоялось повсемѣстное литературное возрожденіе всѣхъ славянскихъ національностей, сопровождаемое значительнымъ подъемомъ ихъ самосознанія и появленіемъ необычайно великихъ поэтическихъ геніевъ. Одному изъ нихъ, о которомъ будемъ бесѣдовать, минуло уже сто лѣтъ отъ его рожденія, другого, родственнаго ему, юбилейное столѣтіе исполнится въ маѣ. Оба они поясняются и дополняются взаимно. Ближайшіе ихъ современники были менѣе способны, нежели послѣдующіе люди, судить объ ихъ значеніи и силѣ. И Мицкевичъ, и Пушкинъ выростаютъ, такъ сказать, на нашихъ глазахъ; мы далеки еще отъ возможности опредѣлить величину каждаго изъ нихъ. Что касается до общеевропейскаго ихъ значенія, то это значеніе всемірно-историческое славянскихъ геніевъ XIX вѣка установится лишь тогда, когда произойдетъ подъемъ не только литературный, но и политическій, всего сла-

*) Двѣ публичныя лекціи, читанныя въ Харьковѣ, 3 и 4 марта 1899 г.

вянства, когда славянское единеніе, считающееся еще только миѳомъ, станетъ живою дѣйствительностью. Я вѣрю, что это совершится, но чтобы оно состоялось, нужно, чтобы славянское единеніе началось. Оно начнется, когда Мицкевичъ ли, Пушкинъ ли не будутъ изучаемы съ исключительно польской или русской точки зрѣнія, но и съ чешской и съ общеславянской или, проще сказать, и съ общечеловѣческой. Позвольте мнѣ высказать теперь же мое глубокое убѣжденіе, что наши славянскіе геніи если не всѣ, то нѣкоторые изъ нихъ выдержатъ побѣдоносно это испытаніе, и что съ своихъ національныхъ надгорій они перейдутъ на міровой Парнассъ. Мы находимся теперь несомнѣнно въ періодѣ нѣкотораго регресса гуманизма, нѣкотораго одичанія и разнузданности національныхъ эгоизмовъ; но надежду на поворотъ къ лучшему внушаетъ мнѣ тотъ успѣхъ, какой имѣло въ Россіи празднованіе столѣтняго юбилея Мицкевича, обновляющійся въ Россіи интересъ къ произведеніямъ Мицкевича и приглашеніе меня въ Харьковъ спеціально для чтеній о Мицкевичѣ. Я принялъ это приглашеніе какъ самый практическій способъ сослужить службу славянской идеѣ, братству при раздѣльности и взаимопомощи безъ слиянія. Чтобы выполнить сколько-нибудь удовлетворительно мою задачу, я долженъ ее ограничить. Я не касаюсь Мицкевича, какъ ученаго, какъ профессора и историка литературы, какъ критика, какъ публициста, какъ мистика, я беру его только какъ поэта. Я предполагаю въ моихъ слушателяхъ нѣкоторое знаніе его главнѣйшихъ произведеній. Остается только Мицкевичъ поэтъ, котораго можно разсматривать съ разныхъ точекъ зрѣнія, либо какъ живое лицо, которое по большому обилію біографическихъ данныхъ о немъ можно прослѣдить почти шагъ за шагомъ отъ колыбели до могилы, наглядно, ὀбразно, анекдотически. Получится живой человѣкъ въ его обстановкѣ, Мицкевичъ и его вѣкъ, нѣчто сложное, можетъ быть интересное, а можетъ быть и утомительное, потому что отъ насъ ускользаетъ вопросъ о вліяніи этого человѣка на общество въ настоящемъ и въ будущемъ. Народъ и недѣлимое связаны въ данномъ случаѣ столь неразрывно, что, можно сказать, они отождествляются. Лицо до того воплощаетъ въ себѣ свое общество, свой народъ съ его темпераментомъ, съ его добродѣтелями и пороками, что лицо порою становится символомъ, то-есть олицетвореніемъ народа въ данную эпоху. При такомъ взглядѣ на историческаго человѣка личныя черты его стушевываются, обходятся какъ неважныя, сама его эволюція превращается въ маленькій кружокъ, почти что въ точку.

Все вниманіе сосредоточивается только на томъ, чтобы отыскать въ изучаемомъ лицѣ его преобладающую черту (faculté maîtresse) и къ этой чертѣ пріурочить родъ и характеръ господства, которое имѣлъ и сохраняетъ по своей смерти великій человѣкъ на потомство. Нашъ умъ столь привыкъ къ тому, чтобы все обобщать, чтобы гнаться за уясненіемъ себѣ смысла жизни и единичнаго лица и собирательнаго, что всѣ наши старанія направляются къ тому, чтобы получить окончательную сжатую формулу великаго человѣка *какъ символа*, при чемъ не надо никогда забывать, что сама эта формула получилась посредствомъ исключенія изъ цѣлаго безчисленнаго множества черточекъ, можетъ быть, весьма существенныхъ, что она требуетъ непрестанной повѣрки и что она—изображеніе не реальное уже потому, что предполагаетъ существованіе во всю жизнь одного твердаго, плотнаго, немѣняющагося *я*, между тѣмъ какъ это *я* постоянно мѣнялось, въ чемъ и состояла собственно его эволюція. Съ другой стороны, если взять весь жизнеописательный матеріалъ и излагать день за днемъ, что̀ происходило съ великимъ человѣкомъ, то можетъ получиться большая книга о немъ, въ которой не будетъ только самого его, потому что пропадетъ то самое *я*, котораго послѣдовательныя измѣненія и составляютъ главный интересъ жизнеописанія. Заявляю напередъ, что я пойду среднимъ путемъ. Подробностей жизни и быта я не буду касаться, если онѣ не имѣли прямого вліянія на творчество. Окончательный выводъ о творчествѣ Мицкевича будетъ мною данъ въ концѣ; но я займусь главнымъ образомъ изображеніемъ постепенныхъ фазисовъ его развитія, всею его эволюціею съ подраздѣленіемъ ея на періоды.

Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій (Полн. Собр. соч. VII, 306) писалъ о Мицкевичѣ въ 1873 г.: „все же остался онъ братомъ нашимъ: онъ литвинъ“. Пушкинъ въ отрывкахъ „Е. Онѣгина“ изображаетъ его въ Крыму: „и посреди прибрежныхъ скалъ свою Литву воспоминалъ“. Первый стихъ „Пана Тадеуша“ у Мицкевича написанъ такъ: „Литва, о родина моя, ты точно здоровье“ (Litwo! ojczyzno moja — jestés jak zdrowie). Нельзя брать это слово въ его этнографическомъ смыслѣ. Мицкевичъ былъ литвинъ, а не литовецъ. Имѣется въ Европѣ по Нѣману небольшое племя не славянское, арійское, остававшееся до XIV в. въ язычествѣ. Послѣ татарскаго нашествія и въ періодъ образованія московской централизаціи оно создало изъ себя и изъ западно-русскихъ земель и племенъ особое государство и воз-

высило на своихъ плечахъ династію, которая воевала съ одной стороны съ татарами, съ другой стороны съ Тевтонскимъ орденомъ и съ Польшею, а потомъ приглашена была на польскій престолъ. Тогда литовское племя крещено было въ христіанскую вѣру по латинскому обряду, послѣ чего соединенными силами Польши и Литвы Тевтонскій орденъ былъ разбитъ. По восшествіи на польскій престолъ Ягеллоновой династіи, Польша, какъ болѣе культурная часть новаго политическаго цѣлаго, ассимилировала себѣ Литву, при чемъ сильное литовское самодержавіе превратилось въ ограниченную, почти призрачную монархію съ связанными руками, польское же дворянство пустило глубокіе корни въ Литвѣ, внося польскій языкъ, польскіе нравы и польское земское самоуправленіе. Совокупное цѣлое называлось Рѣчь Посполитая; оно было федеративное и состояло изъ двухъ частей: Короны и Великаго Княжества Литовскаго. Землическія особенности были въ началѣ XIX в. еще рѣзкія. Только теперь, послѣ двухъ мятежей 1830 г. и 1863, онѣ стерты и почти неузнаваемы. Мицкевичъ никогда, вѣроятно, не говорилъ на литовскомъ простонародномъ языкѣ; онъ былъ литвинъ только какъ уроженецъ В. К. Литовскаго.

Было ли у него нѣчто литовское въ крови, трудно сказать. На то указываетъ прозвище его фамиліи Рымвидъ и княжеская шапка надъ гербомъ Порай,—слѣдъ происхожденія отъ литовскихъ князьковъ. Настоящее семьи, въ которой родился Мицкевичъ наканунѣ Рождества 1798 года (12—24 декабря), было не аристократическое, даже весьма скромное, но все-таки польское и мелко-шляхетское. Отецъ его, Николай, былъ безпомѣстный, съ 1806 г., дворянинъ и адвокатствовалъ въ Новогрудкѣ, гдѣ имѣлъ домъ. Семья была многочисленная, единодушная и оживленная патріотическими чувствами. Я долженъ опредѣлить особенности этого патріотизма, насколько онѣ повліяли потомъ на творчество Мицкевича.

Польская Рѣчь Посполитая перестала фактически быть самостоятельнымъ государствомъ уже со шведскихъ войнъ Карла XII съ Петромъ Великимъ. Нежизнеспособная по своему устройству, она постепенно разлагалась. Послѣ перваго ея раздѣла въ 1772, наступило 20-тилѣтнее затишье, въ теченіе котораго, подъ вліяніемъ философскихъ идей, которыхъ фокусомъ была Франція съ ея интеллектуальнымъ созвѣздіемъ: Вольтеромъ и Руссо, польская литература оживилась и освободилась отъ такъ-называемыхъ латинскихъ макаронизмовъ, измѣнились нравы, костюмы и образовалось поступательное преобразовательное движеніе, направ-

ленное къ тому, чтобы отмѣнить liberum veto, усилить власть короля, допустить къ политическимъ правамъ средній классъ и дать человѣческія права крестьянству.

Патріоты воспользовались временнымъ разладомъ между Россіею и Пруссіею и достигли заключенія союза съ Пруссіею противъ Россіи. Даже и при этомъ союзѣ нельзя было законнымъ путемъ достигнуть преобразованія государства. Оно совершилось посредствомъ coup d'état, государственнаго переворота, которому содѣйствовалъ король. Провозглашена была конституція 3 мая 1791 г., противъ которой олигархическая партія золотой вольности шляхетской, образовавъ Тарговицкую конфедерацію, обратилась за помощью къ Екатеринѣ II. Въ семьѣ Мицкевича всѣ были горячіе реформаторы, сторонники конституціи 3 мая и Косцюшки; всѣ сочувствовали образованію во Франціи и Италіи легіоновъ изъ польскихъ выходцевъ, служившихъ потомъ Наполеону. Осиротѣвшій въ 1812 году за смертью отца, 14-лѣтній юноша Мицкевичъ былъ наочнымъ свидѣтелемъ похода французовъ на Москву и горячимъ поклонникомъ Наполеона. Съ годами эта любовь дѣлалась всего болѣе мистическою. Въ Римѣ въ 1829 году онъ предсказывалъ возстановленіе во Франціи наполеоновской династіи.

Вотъ его слова въ „Панѣ Тадеушѣ“ о 1812 годѣ:

> Годъ приснопамятный, великій и единый—
> Останешься въ Литвѣ священной ты годиной!
> Ты, урожайная красавица весна,
> Вѣкъ будешь сниться намъ обильна и красна
> Густыми злаками и воиновъ одеждой—
> Громами славныхъ битвъ и ясною надеждой,
> Досель, переносясь въ минувшіе года,
> Тебя какъ сладкій сонъ я вижу иногда.

Послѣдніе два стиха этого отрывка сильно измѣнены, вѣроятно, по цензурнымъ соображеніямъ въ переводѣ Н. Берга. Я привожу ихъ по подлиннику: Urodzony w niewoli, okuty w spowiciu — „Рожденный въ неволѣ, окованный въ пеленкахъ, увы! я въ жизни зналъ только одну весну такую“. Я привожу эти выраженія чувствъ Мицкевича въ періодѣ его отрочества не затѣмъ, чтобы мои слушатели ихъ раздѣляли, но чтобы они ихъ поняли: скорбь объ утраченной свободѣ, тоскованіе за прежнимъ національно-политическимъ бытіемъ. Тотчасъ послѣ раздѣловъ Польши народилось поколѣніе, которое очутилось въ положеніи рыбъ, плававшихъ въ водѣ и вдругъ выброшенныхъ на берегъ,

то-есть обрѣтающихся въ совсѣмъ иной стихіи, къ которой имъ весьма трудно приспособиться.

Прежній бытъ домашній и семейный оставался тотъ же, о такъ-называемомъ обрусеніи внѣшними мѣропріятіями еще не было и помину, судъ и воспитаніе были прежніе. Воспитаніе было весьма усовершенствованное и основанное на прогрессивныхъ началахъ по почину польской Эдукаціонной коммиссіи временъ короля Станислава-Августа въ духѣ просвѣтительныхъ философскихъ идей XVIII вѣка, которому Тэнъ даетъ названіе ésprit classique („Origines de la France contemporaine"). Убыла только прежняя сторона жизни—публичная, связанная съ унаслѣдованными привычками заниматься дѣлами общественными, сеймовать и самоуправляться.

Кончивъ курсъ наукъ въ средне-учебномъ заведеніи у отцовъ доминиканцевъ въ Новогрудкѣ, Мицкевичъ вмѣстѣ со многими своими товарищами-сверстниками поступилъ въ 1815 въ виленскій университетъ, основанный еще въ 1578 году при Стефанѣ Баторіѣ и превращенный изъ іезуитской академіи въ свѣтское заведеніе. Преобразованный въ 1803 году при Александрѣ I по новому уставу, виленскій университетъ блистательно развился при попечительствѣ Адама Чарторыскаго во время ректорства знаменитаго астронома Яна Снядецкаго. По способу преподаванія университетъ былъ тогда многоязычный, лекціи читались на польскомъ, французскомъ, латинскомъ и русскомъ языкахъ, преподавали нѣкоторые вызванные изъ-за границы ученые, въ томъ числѣ филологъ Эрнестъ-Готфридъ Гроддекъ, исторію увлекательно читалъ Іоахимъ Лелевель, который въ области польской исторіи совершилъ такую работу, какую совершили по чешской—Палацкій, а по русской—Сергѣй Соловьевъ, то-есть сдѣлалъ попытку всю жизнь народа осмыслить, выводя ее изъ одного индивидуально-національнаго начала. Мицкевичъ многимъ былъ обязанъ своимъ университетскимъ учителямъ, но многимъ также и виленскому студенчеству, въ которое онъ окунулся и котораго сдѣлался душою и средоточіемъ. Мнѣ приходится разобраться въ обоихъ этихъ вліяніяхъ.

То, чѣмъ Мицкевичъ обязанъ наставникамъ, превосходно изображено имъ въ его поэтическомъ посланіи къ Лелевелю, написанномъ въ 1822 году. Въ этихъ стихахъ начерченъ ходъ развитія собственной души поэта, моментъ, когда у него самого выростали крылья. Мицкевичъ берется анализировать общій, при-

надлежащій каждому изъ народниковъ извѣстнаго народа, фондъ идей и чувствъ, обладаніе которымъ имѣетъ то неизбѣжное послѣдствіе, что, куда ты ни обернешься и какъ ни поставишь стопу, сейчасъ обнаружится, что ты принѣманецъ, полякъ, что ты европеецъ. Между тѣмъ оказывается, что своего собственнаго въ этомъ фондѣ почти ничего у тебя и нѣтъ, все заимствовано, все въ тебя влилось извнѣ. „Въ познаньи истины мы въ дѣтствѣ слѣпы были. Когда чуть-чуть прозрѣли, наставники спѣшили Помочь намъ и въ свои глаза глядѣть насъ заставляли, Чтобъ глубже и яснѣй мы вещи понимали. Мы всѣ рабы съ пеленъ; не только ощущенья, Но отъ другихъ беремъ не наши мы сужденья. Въ ребячествѣ отцу всѣ дѣти подражаютъ. Въ дни юности оковы обычаевъ насъ жмутъ. Ту мысль, которая намъ кажется своей, Всосали мы въ себя изъ груди матерей, Или внушилъ тебѣ ее учитель, Вливая часть души своей въ твое питье". Это ярмо надлежитъ скинуть, отъ этой неволи освободиться поступательнымъ движеніемъ снизу вверхъ, отрѣшившись отъ всего, чѣмъ ты обязанъ услужливости другихъ. Надо стремиться туда, „гдѣ солнце правды востока не знаетъ ни заката, одинаково расположено ко всѣмъ племенамъ людскимъ и любовно даритъ дань всякой родинѣ, а потому тотъ, кто вглядывается въ святой его ликъ, долженъ оставить въ себѣ только чистое существо человѣка" (Musi sobie zostawić czystą treść człowieka). Такимъ образомъ Мицкевичъ, который никогда не переставалъ быть народникомъ, никогда не сдѣлался космополитомъ и является могущественнѣйшимъ въ XIX вѣкѣ пѣвцомъ націонализма, уже представляется намъ почти съ университетской скамьи и всечеловѣкомъ, гуманистомъ, преисполненнымъ любви и уваженія ко всему человѣчеству. Онъ стоитъ въ серединѣ главнаго теченія XIX вѣка. Если сложить его университетскіе года (1815—1819) съ годами учительства его въ Ковнѣ (1819 до 1823), то онъ уже въ этотъ періодъ времени дѣйствуетъ во всеоружіи громаднаго по своему объему знанія и научной подготовки, чѣмъ, конечно, онъ обязанъ въ особенности своему одиночеству и досугамъ въ Ковнѣ послѣ своихъ университетскихъ лѣтъ. Онъ превосходно зналъ литературу польскую золотого Сигизмундова вѣка и эпохи короля Понятовскаго, онъ зналъ „Новую Элоизу", лирическія произведенія Шиллера, „Гёца" и „Вертера" Гёте. Былъ моментъ, когда онъ былъ чувствителенъ какъ Руссо, когда онъ страдалъ германоманіею, т.-е. увлекался Шиллеромъ и Гёте, когда онъ „протискивался съ словаремъ въ рукахъ чрезъ Шекспира" и проникнулся имъ, наконецъ онъ сдѣлался байронистомъ

изъ-за сочувствія героическимъ порывамъ Байрона и изъ-за желанія не только мечтать, но и жить по байроновски, т.-е. героически и поэтично. Наконецъ онъ слѣдилъ за всѣми современными иностранными эстетиками, такъ что, когда потомъ ему предложена была каѳедра римской литературы въ Лозаннской академіи, то онъ мгновенно пріобрѣлъ большую извѣстность.

Спрашивается, чѣмъ же Мицкевичъ былъ обязанъ своему университетскому студенческому кружку? Готовившееся въ Вильнѣ литературное польское возрожденіе было внезапнымъ разряженіемъ накопившихся въ цѣломъ поколѣніи духовныхъ силъ. Произошелъ дружный подъемъ этихъ силъ, новый и сильный расцвѣтъ гуманизма, но только неразсудочнаго, а сердечнаго, съ рѣшительнымъ преобладаніемъ этическаго начала или такъ называемаго альтруизма, приводившаго въ то время массы въ восторгъ. Заимствую отрывокъ изъ недавно вышедшей (Спб. 1898) книжки Н. Котляревскаго о „Міровой скорби“.—„Есть моменты въ исторіи,—говоритъ Котляревскій,—отмѣченные необычайнымъ подъемомъ нравственнаго подвижничества, эпохи просвѣтленія сердецъ, когда оскорбленный неправдой міра человѣкъ готовъ на всѣ лишенія, жертвы и страданія лишь бы дать побѣду своему нравственному идеалу, въ осуществленіи котораго онъ видитъ единственно разумный и необходимый смыслъ жизни“. Величайшій и полнѣйшій этого рода переворотъ въ душахъ былъ въ исторіи только одинъ; съ него мы и ведемъ наше лѣтосчисленіе. Внутри начатаго, но неконченнаго этимъ событіемъ періода есть и меньшіе два: реформація, какъ завоеваніе человѣкомъ на основаніи христіанской же морали свободы мысли, и французская революція конца XVIII вѣка, какъ воплощеніе того же христіанскаго гуманизма въ общественныя отношенія гражданскія. Всякій крупный подъемъ съ покушеніемъ на разрѣшеніе вдругъ существующихъ въ данное время міровыхъ задачъ ведетъ послѣ неудавшихся попытокъ къ разочарованію, выражающемуся въ пессимизмѣ, доходящемъ до человѣконенавистничества, до презрѣнія, до міровой скорби. Эпохи большихъ подъемовъ и неизбѣжныхъ затѣмъ разочарованій чередуются съ эпохами успокоенія, жизнерадостности, самодовольствія и смакованія благъ и красотъ цивилизаціи, каковыя эпохи отличаются тѣмъ, что въ нихъ мало любви и страсти, но много логики, при чемъ не слѣдуетъ забывать, что тонкіе знатоки, наслаждающіеся и самодовольные, вездѣ составляютъ только крошечное

меньшинство. Всѣ мы—люди конца XIX столѣтія, дѣти того нравственнаго подъема, который произошелъ на исходѣ XVIII вѣка, но продолжается и донынѣ. Въ самомъ этомъ движеніи есть еще меньшіе и не міровые и даже не общеевропейскіе подъемы и реакціи по частямъ, по отдѣльнымъ національностямъ. Послѣдній и самый малый на видъ изъ этихъ подъемовъ приходится на долю Россіи. Онъ связанъ съ сороковыми годами и съ жизнью Московскаго университета. Таково движеніе умовъ, запечатлѣнное высокимъ идеализмомъ, которое подготовило эпоху реформъ Александра II. Подъемъ умовъ и сердецъ въ Виленскомъ университетѣ въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка былъ весьма крупный и многосторонній. Настоящее не удовлетворяло, будущее представлялось какъ нѣчто неопредѣленное, не лишенное, впрочемъ, надеждъ. Послѣ паденія Наполеона эти надежды возлагались всецѣло на русскаго монарха, котораго любимою идеею было возстановленіе быта Польши подъ его скипетромъ. Онъ и сдѣлался на основаніи вѣнскихъ трактатовъ 1815 г. возстановителемъ Польши въ новомъ созданіи: царствѣ польскомъ, и многократно высказывалъ намѣреніе соединить въ будущемъ, болѣе или менѣе отдаленномъ, съ этимъ царствомъ губерній бывшаго Вел. Кн. Литовскаго по Днѣпру и по Двинѣ (Шильдеръ, „Александръ I“, т. III, стр. 67, 183, 352 и 356). То затишье, которое водворилось въ Европѣ, изнуренной наполеоновскими войнами, располагало къ думамъ о будущемъ и ставило молодому поколѣнію вопросы, что̀ такое оно и куда ему идти? Молодое поколѣніе, весьма патріотическое, было вмѣстѣ съ тѣмъ и либеральное, т.-е. настроенное по камертону прогрессивныхъ людей западной Европы, проникнутыхъ идеями французской революціи,—идеями уже сильно видоизмѣнившимися вслѣдствіе горькихъ опытовъ и разочарованій. Оно само не сознавало, что его гуманизмъ—пришлый, заимствованный извнѣ, но въ немъ была потребность выводить свои мечты о будущемъ и свои отвлеченныя теоріи изъ своего собственнаго нутра, изъ глубокихъ корней, доходящихъ до отдаленнѣйшей старины, еще чисто славянской. Это ретроспективное направленіе породило Лелевеля въ Польшѣ, Палацкаго у чеховъ, теоретиковъ родового быта и славянофиловъ въ Москвѣ. Оно было необходимо, какъ толчекъ для оживленія и усиленія національнаго чувства, но оно было ошибочно по своей односторонности, такъ какъ нѣтъ апріорныхъ началъ, которыя были бы прирождены національностямъ съ самаго ихъ рожденія и которыя составляли бы ихъ призваніе.

Университетскій студенческій кружокъ, въ которомъ заро-

ждалось новое движеніе, долженствующее произвести расколъ между старымъ и новымъ вкусомъ, носилъ сначала названіе *филоматовъ*, потомъ, когда кружокъ распространился, онъ получилъ названіе *филаретовъ*. Общество было явное, разрѣшенное начальствомъ. Руководителемъ его былъ Ѳома Занъ, но вдохновителемъ его былъ Мицкевичъ, котораго товарищи, такъ сказать, носили на рукахъ и продолжали съ нимъ свою связь послѣ того, какъ Мицкевичъ опредѣленъ былъ въ 1819 г. учителемъ въ Ковно. Онъ пріѣзжалъ изрѣдка въ Вильно, чтобы окунуться въ студенческую среду. Изъ Ковна онъ послалъ товарищамъ свое первое запечатлѣнное высшимъ полетомъ вдохновенія стихотвореніе: „Оду Молодость", въ которомъ если и есть нѣкоторые отголоски Шиллеровскаго An die Freude, но оно несравненно сильнѣе, потому что, не ограничиваясь сладкими мечтами о дружбѣ при полномъ сознаніи, что абсолютное добро неосуществимо, Мицкевичъ зоветъ товарищей на міровой бой за добро, не считаясь съ предѣлами возможнаго. Въ одной изъ застольныхъ филаретскихъ пѣсенъ Мицкевичъ проводитъ ту же мысль: измѣряй силу задачею, а не задачу силою (Mierz siłę na zamiary, nie zamiar podług sił). Въ „Одѣ Молодости" онъ предлагаетъ друзьямъ: „Лети туда, куда и взоръ не досягаетъ, ломи, чего и разумъ не сломитъ. О молодость! орлиная мощь твоего полета и молніеносна твоя рука. Дружно, молодые друзья, крѣпкіе единствомъ, умѣлые, потому что восторжены (rozumni szałem). Опояшемъ, держась рука въ руку, земной шаръ, соединимъ мысли и силы въ одинъ фокусъ. Впередъ, впередъ, міръ-громада, мы толкаемъ тебя на новые пути, пока, освободившись отъ заплѣснѣвшей коры, не вспомнишь ты твои зеленые года! Льды мертвые сойдутъ—исчезнетъ слѣдъ предубѣжденій, тмящихъ свѣтъ! Привѣтъ тебѣ, заря освобожденія—во слѣдъ тебѣ и солнце избавленія"! Каждое слово этого диѳирамба сдѣлалось лозунгомъ и заповѣдью для новаго поколѣнія, примѣнялось кстати и некстати. „Ода Молодость" писалась для поляковъ, но въ сущности она преслѣдуетъ общечеловѣческія, а не національныя задачи. По духу своему она того же рода, какъ и посланіе къ Лелевелю.

Уже въ 1818 году писалъ о романтизмѣ въ Варшавѣ скромный предтеча польскаго возрожденія, профессоръ университета Казиміръ Бродзинскій (въ журналѣ Pamiętnik Warszawski: O klasyczności i romantyczności). Мицкевичъ открыто призналъ себя романтикомъ въ предисловіи къ изданному въ іюнѣ 1822 первому

изданію своихъ стиховъ, при чемъ онъ поднялъ перчатку, брошенную романтикамъ сухимъ раціоналистомъ и классикомъ Яномъ Снядецкимъ, представлявшимъ печатно въ 1819 г. (O pismach romantycznych) романтизмъ какъ бунтъ воображенія противъ разума, какъ плодъ суевѣрія и бреда. Польскій романтизмъ содержитъ въ себѣ, конечно, всѣ тѣ элементы, которые были ему свойственны и въ другихъ европейскихъ литературахъ, а именно: духъ рыцарства, христіанскія чувства, высокое уваженіе къ женщинѣ, наконецъ, предпочтеніе средневѣчія, а также пренебреженіе къ ренессансу и послѣдовавшимъ за нимъ еще болѣе безплоднымъ эпохамъ, когда творчество художника изощрялось въ одной лишь подражательности, когда мысли и чувства заимствовались изъ книгъ, а картины писались не съ живого тѣла, а только съ куколъ. Понятно, что въ романтизмѣ большое значеніе получили предчувствіе, привидѣнія, безплотныя силы и вѣра въ безсмертіе души. Атрофированное въ XVIII религіозное чувство при полномъ преобладаніи разума и рефлексіи воскресало само собою, независимо отъ всякихъ церковныхъ догмъ и проповѣдей. Къ необходимымъ послѣдствіямъ романтизма отношу я также отыскиваніе новыхъ источниковъ поэзіи, обращеніе въ погонѣ за нею къ простонародію, къ тому, что̀ называется фольклоромъ, къ народной пѣснѣ и сказкѣ. Но въ этомъ романтизмѣ, водворяемомъ на польской почвѣ Мицкевичемъ, въ тѣхъ балладахъ и романсахъ, которые составляютъ главное содержаніе двухъ томиковъ его поэзіи, изданныхъ въ 1822 году и широко его прославившихъ, есть и рѣзко выразившіяся особенности личнаго его темперамента и склада ума, оказавшія большое вліяніе на дальнѣйшія судьбы польской поэзіи.—Шиллеръ дѣлитъ поэтовъ на наивныхъ, какъ, напримѣръ, Гёте (иными словами, непосредственныхъ), и сентиментальныхъ (или рефлектирующихъ), къ числу которыхъ онъ относилъ самого себя. По этой классификаціи Мицкевичъ былъ бы поэтъ вполнѣ непосредственный, интуитивный, создающій только когда на него налетало вдохновеніе, не владѣющій даже собою въ подобные моменты экстаза, такъ что онъ иногда затруднялся объяснить, что̀ имъ было написано (напр., кабалистическое число 44 въ 3-й части „Дѣдовъ“). Творчество есть и останется навсегда необъяснимымъ процессомъ, не подлежащею разгадкѣ тайною. Кто одаренъ способностью испытывать такія наитія божества, тотъ по натурѣ своей религіозенъ и расположенъ къ мистицизму. Богатыя залежи такого мистицизма скрывались въ умственной организаціи Мицкевича. Какъ научный человѣкъ, Мицкевичъ сознавалъ могущество знанія

и премудрости человѣческой въ области мертвой природы, чтò онъ и выразилъ потомъ въ 3-й части „Дѣдовъ“: „тотъ лишь, кто въѣлся въ книги, въ металлъ, въ число, въ трупное тѣло— присвоилъ себѣ частицу твоего (т.-е. божескаго) всемогущества“. Но Мицкевичъ отрицалъ всемогущество знанія въ области правдъ живыхъ, т.-е. въ области антропологіи и психологіи. Въ этой области правда открывается непосредственно чувству. Мицкевичъ мѣтитъ прямо въ Яна Снядецкаго, когда въ балладѣ „Романтичность“ утверждаетъ, что чувство и вѣра сильнѣе глаза и стеклышка мудреца. „Тебѣ знакомы мертвыя правды, неизвѣстныя людямъ, ты видишь ихъ въ былинкѣ, въ каждой звѣздной искрѣ, но не знаешь правдъ живыхъ, не увидишь чуда; имѣй сердце и гляди на сердце“. Калленбахъ (т. I, стр. 91 Жизнеописанія Мицкевича) замѣчаетъ, что на подобное обращеніе къ чувству Гёте пожалъ бы иронически плечами и былъ бы на сторонѣ мудреца, а не поэта. Въ этомъ преимуществѣ чувства предъ разумомъ сказывается и односторонность направленія, даннаго умамъ Мицкевичемъ. Конечно, необходимо было преодолѣть рутину и сухую математическую дедукцію. Онѣ и были преодолѣны новыми методами изслѣдованія, но новое направленіе начало съ предвосхищенія истины безъ достаточныхъ основаній, съ отрицанія рефлексіи, съ диктатуры сердца, чтò оказалось потомъ и рискованнымъ и опаснымъ.

Мнѣ приходилося коснуться событія, которое на первыхъ порахъ какъ будто бы явилось помѣхою творчеству Мицкевича и его учительской карьерѣ, потрясло его нервную систему, разстроило здоровье и заставило друзей опасаться за будущность поэта. Это событіе была любовная страсть Мицкевича къ Марылѣ, сильнѣйшая изъ всѣхъ, какія онъ испыталъ, и притомъ безнадежная, не доведшая его до обладанія предметомъ страсти, любовь чисто платоническая.

Еще будучи студентомъ, Мицкевичъ бывалъ съ Заномъ въ 1818 и 1819 г. въ Тугановичахъ у зажиточныхъ помѣщиковъ Верещаковъ. Тутъ онъ сблизился съ дочерью домохозяевъ, Маріею Верещака, дѣвицею однихъ съ нимъ лѣтъ, не особенно красивою, но миловидною и сентиментальною блондинкою. Ихъ сблизило сходство въ чувствахъ, одинаковая любовь къ поэзіи, при чемъ не было никакихъ разсчетовъ на бракъ, такъ какъ не имѣющій состоянія Мицкевичъ не былъ подходящею партіею для дѣвушки. Адамъ и Марья влюбились другъ въ друга, сами того

не сознавая. Когда родные обратили вниманіе на эту взаимную склонность, порѣшено было выдать дѣвушку замужъ за вполнѣ соотвѣтствующаго ей жениха Лоренца Путкаммера, старше Мицкевича четырьмя годами, красиваго, болѣе зрѣлаго, побывавшаго уже въ Наполеоновыхъ войскахъ. Кажется, что и въ денежномъ отношеніи эта женитьба устраивала Верещаковъ, запутанныхъ въ дѣлахъ. Марыля, не переставшая любить Мицкевича, подчинилась семейному приговору, предваривъ будущаго мужа, что она только для виду будетъ его женою. Брачное сожительство Путкаммеровъ установилось въ дѣйствительности уже много лѣтъ послѣ того, какъ Мицкевичъ покинулъ Литву. Послѣднее свиданіе его съ Марылею до ея брака происходило въ саду въ Тугановичахъ въ 1820 г. Слова, ею сказанныя тогда, онъ такъ передаетъ въ 4-й части „Дѣдовъ“: „гремучія слова, ораторскіе звуки: отечество, друзья и слава и науки“. Сильно огорченный словами Марылы, Мицкевичъ уѣхалъ въ Ковно, еще надѣясь на что-то, и былъ пораженъ точно громовымъ ударомъ извѣстіемъ, что свадьба состоялась 21-го февраля 1821 г. Послѣ того установились между четою Путкаммеровъ и Мицкевичемъ странныя отношенія, непохожія, впрочемъ, на отношенія Гёте къ четѣ Кестнеровъ, потому что Лотта Буффъ была въ сущности къ Гёте равнодушна, между тѣмъ, какъ Путкаммеръ зналъ о любви жены къ Мицкевичу, но предоставилъ женѣ полную свободу даже переписываться съ Мицкевичемъ, даже имѣть съ нимъ свиданія въ Вильнѣ и Тугановичахъ. Онъ разсчитывалъ только на дѣйствіе времени, въ чемъ не ошибся. Мицкевичъ перенесъ жестокія любовныя страданія, заболѣлъ; по словамъ друзей, онъ походилъ на лѣсъ, опаленный пожаромъ. Неспособный ныть слабодушно, онъ загрубѣлъ отъ страданія, сдѣлался терпкимъ, уединялся и избѣгалъ даже товарищей, которымъ писалъ 27 апрѣля 1821 (тотчасъ послѣ свадьбы) слѣдующіе стихи въ „Пловцѣ“: „Вамъ вихри чуть слышны, что̀ рвутъ мнѣ канаты, Громъ былъ здѣсь, а къ вамъ лишь доходятъ раскаты. Пусть Богъ меня судитъ!.. Судья долженъ быть не со мной, а во мнѣ. Пути наши разны: подите вы къ дому, я дальше на встрѣчу и вихрямъ, и грому“. Мицкевичъ былъ въ своемъ страданіи точно въ своей стихіи, онъ растравлялъ свою рану, страданіе выливалось въ стихи, въ произведеніе никогда потомъ незаконченное, которому поэтъ далъ названіе: „Дѣды“ или „Поминки“. Двѣ части этихъ „Дѣдовъ“ и „Гражина“ вошли во второй томикъ его стихотвореній, выпущенный въ свѣтъ весною 1823 года.

Въ простонародіи существуетъ обычай поминать умершихъ „дѣдовъ“ или предковъ, сходиться въ извѣстные урочные дни на кладбищѣ, вызывать заклинаніями покойниковъ, приносить духамъ ихъ овощи, питья, яствы. Обычай этотъ языческій. Ему всегда противодѣйствовала церковь. Сама канва этого обычая, съ одной стороны его простонародное происхожденіе, съ другой— вѣра въ безплотныхъ духовъ и въ загробную жизнь, сильно отзываются романтизмомъ, но помимо воли автора въ романтическое воспроизведеніе этого обычая вошли нѣкоторыя классическія воспоминанія, отъ которыхъ онъ не отдѣлался: пастухи и пастушки. Сама обработка замысла была еще неловкая, дѣтская. О замыслѣ поэмы, какъ чего-то цѣлаго, можно теперь судить только по догадкамъ. Первая часть никогда не была напечатана, отъ нея имѣются только несвязные отрывки. Третья часть совсѣмъ еще не была написана. То, что нынѣ называется 3-ю частью, написано въ Дрезденѣ въ 1832 году. Напечатаны были въ 1822 только части 2-я и 4-я. Фабула, связующая обѣ эти части, та, что во 2-й части при совершеніи обряда „Дѣдовъ“ въ числѣ явившихся по заклинаніямъ привидѣній имѣется и призракъ самоубійцы, заколовшагося отъ любви, который преслѣдуетъ равнодушную къ нему пастушку; а въ 4-й части тотъ же самоубійца, именуемый Густавомъ (имя его взято изъ забытаго нынѣ романа „Valerie“ г-жи Крюднеръ, лица не безъизвѣстнаго русской исторіи), обреченъ въ видѣ наказанія за свои прижизненные грѣхи переживать опять ежегодно въ годовщину своего самоубійства свои предсмертныя муки. Густавъ-привидѣніе является къ бывшему своему наставнику, а теперь ксендзу, ужинающему съ своими воспитанниками дѣтьми, на видъ странный человѣкъ, какъ бы помѣшанный. Онъ передаетъ всѣ мученія, испытанныя въ продолженіе сгубившей его страсти, наконецъ, пронзаетъ себя кинжаломъ. Мицкевичъ нисколько не подражалъ Вертеру, не вычиталъ ничего изъ книгъ. Его произведеніе одушевлено такимъ пламеннымъ чувствомъ, нѣжнымъ, глубокимъ, мужественнымъ, чуждымъ всякаго малодушнаго хныканья, что 4-я часть „Дѣдовъ“ должна быть отнесена къ числу немногихъ лучшихъ эротическихъ поэмъ всемірной литературы. Есть въ ней указанія на „Новую Элоизу“ Руссо, есть отрывки изъ лирики Гёте и Шиллера, есть кусочекъ „Оды Молодость“, но всѣ основаны цѣликомъ на личномъ опытѣ. Изображенъ индивидуальными чертами романъ Мицкевича и Марыли, его дѣтство, первые восторги любви, прощаніе съ милою, отчаяніе при полученіи извѣстія о свадьбѣ Марыли, ненависть ко всѣмъ женщинамъ вообще,

свой порывъ отправиться на свадебный пиръ и пронзить невѣрную своимъ гнѣвнымъ взглядомъ, затѣмъ недоумѣніе, зачѣмъ ее мучить. Она его не вызывала, не заманивала. Густавъ рѣшается ее молить, чтобы она оставила ему въ сердцѣ своемъ хотя бы маленькій уголочекъ, наконецъ, онъ проситъ ксендза, чтобы сей послѣдній передалъ Марылѣ, что Густавъ былъ веселъ, счастливъ, что онъ совсѣмъ ее забылъ, что случайно въ танцахъ расшибся и убился. Характерная особенность не только этой поэмы любви, но и всѣхъ послѣдующихъ крупныхъ произведеній Мицкевича заключается въ томъ, что онъ не перестаетъ никогда быть моралистомъ, не перестаетъ самъ себя судить, что въ пылу сильнѣйшей страсти онъ сознаетъ, что эта страсть не есть верхъ ни блаженства, ни совершенства, что она есть нѣчто болѣзненное, нарушеніе долга, отступничество отъ высшаго идеала, отъ назначенія человѣка, что она есть паденіе человѣка, хотя онъ совершенно поглощенъ страстью. Въ Густавѣ страсть убила всѣ задатки будущаго. Въ позднѣйшемъ крымскомъ сонетѣ „Аюдагъ“ Мицкевичъ уже убѣжденъ, что отъ страсти есть исцѣленіе въ искусствѣ, что поэтъ освобождается отъ страсти, когда претворяетъ страданія въ перлъ искусства; когда разъяренныя волны страсти отхлынутъ, то онѣ оставляютъ на песчаномъ берегу цѣнныя раковины и жемчужины. Но исцѣленіе Мицкевича по написаніи 4-й части „Дѣдовъ“ было медленное, оно не наступило даже и тогда, когда онъ поднесъ Марылѣ на Пасхѣ 1823 г. томикъ съ „Дѣдами“, за который сердились его друзья, какъ за неприличное разоблаченіе его любовныхъ чувствъ. Посвященіе томика начиналось словами: „Марія, сестра моя“, и кончалось стихомъ: „и память милаго изъ рукъ пріими ты брата“. Послѣднею вспышкою любви къ Марылѣ были стихи, написанные уже въ 1829 въ Сплюгенѣ на Альпійскихъ высотахъ:

Нѣтъ, вѣрно суждено всегда намъ быть вдвоемъ.
Я моремъ ли плыву, иду-ль сухимъ путемъ,
Ты тутъ же. Здѣсь, гдѣ льдовъ воздвигнута громада,
Обворожительный небесный голосъ твой
Я въ шумѣ слышу здѣсь альпійскаго каскада,
Власы подъемлются, когда я оглянусь,
И чаю образъ твой увидѣть и боюсь.

Несомнѣннымъ признакомъ оздоровленія поэта было сильное увлеченіе его Байрономъ, наступившее уже по написаніи 4-ой части „Дѣдовъ“, въ которой о Байронѣ нѣтъ еще и помину. Это увлеченіе было вызвано главнымъ образомъ тѣмъ, что Миц-

кевичъ усвоивалъ себѣ отъ Байрона подходящее къ его тогдашнему положенію пренебрежительное отношеніе къ людямъ, его иронію и холодный сарказмъ. Онъ писалъ въ концѣ 1822 (Korr. 1,5): „одного Байрона читаю, книжку въ иномъ духѣ писанную бросаю, потому что мнѣ противны ложь, видъ бракосочетающихся, видъ дѣтей". Это мои антипатіи. Былъ еще и другой признакъ оздоровленія. По изумительному богатству и разнообразію его поэтической натуры рядомъ съ „Дѣдами" въ томъ же томикѣ напечатана литовская повѣсть „Гражина", красивый, объективный, спокойный эпосъ, взятый изъ исторіи борьбы литовцевъ съ орденомъ тевтонскимъ и построенный на чувствѣ старолитовскаго патріотизма. Князь Литаворъ въ Новогрудкѣ затѣялъ войну съ Витольдомъ и призвалъ себѣ въ помощь тевтонскихъ орденскихъ рыцарей. Жена его, Гражина, надѣвъ доспѣхи мужа и выдавая себя за него, увлекаетъ за собою литовцевъ, разбиваетъ орденскую рать, но и сама гибнетъ въ бою. По ея смерти Литаворъ ищетъ смерти и кидается въ пламя ея костра.

Мицкевичъ сталъ совсѣмъ неспособенъ къ преподаванію: страдалъ кровохарканіемъ, безсонницею, курилъ и пилъ кофе безъ мѣры. Друзья выхлопотали ему заграничный паспортъ, но прежде, чѣмъ онъ могъ имъ воспользоваться, надъ нимъ и надъ филаретскимъ кружкомъ его друзей стряслась бѣда, разразилась гроза въ видѣ шестимѣсячнаго заключенія въ Вильнѣ подъ слѣдствіемъ сенатора Новосильцова, повлекшимъ за собою ссылку арестантовъ на службу во внутреннюю Россію. Въ этомъ заключеніи Мицкевичъ окончательно возмужалъ, опредѣлился и вступилъ въ новый самый продолжительный періодъ своего творчества, который по имени главнаго написаннаго въ то время его произведенія я назову валленродовскимъ.

Валленродовскій періодъ продолжается цѣлый семикъ лѣтъ все время не совсѣмъ произвольныхъ его странствованій по Россіи, бытности въ Одессѣ, Крыму, Москвѣ, Петербургѣ и даже за границею, вплоть до польскаго мятежа 1830 г., давшаго новый толчокъ его какъ будто бы ослабѣвшему творчеству. До сихъ поръ послѣ прекрасныхъ университетскихъ лѣтъ онъ испыталъ одинъ сильный кризисъ или переломъ любовный, когда онъ сдѣлался Густавомъ 4-й части „Дѣдовъ". Въ ноябрѣ 1823 г., въ тюремной кельѣ въ монастырѣ отцовъ базиліанъ въ Вильнѣ съ нимъ произошло новое перерожденіе, которое онъ отмѣтилъ,

когда взялся писать 3-ю часть „Дѣдовъ“ въ Дрезденѣ въ 1832 г. Въ этомъ новомъ произведеніи узникъ на стѣнѣ пишетъ: obiit Gustavus calendis novembris M. D. CCCXXIII hic natus est Conradus. Густавъ былъ страстный любовникъ. Мицкевичъ будетъ еще влюбляться, но ни разу не воспылаетъ такою страстью, какую онъ пережилъ въ 1822 году. Конрадъ Валленродъ—это новый его герой, котораго онъ придумалъ, изобрѣлъ и въ котораго онъ сильно влюбился, его двойникъ, который въ Вильнѣ былъ у него только въ умѣ, сталъ переходить на бумагу въ Одессѣ, завершенъ въ Москвѣ, затѣмъ не безъ затрудненій и опасеній на счетъ цензуры печатался въ С.-Петербургѣ. Все, что дотолѣ было написано Мицкевичемъ, мельчаетъ передъ этимъ гигантомъ, первымъ изъ трехъ шедёвровъ („Валленродъ“, 3-я часть „Дѣдовъ“ и „Панъ Тадеушъ“). Чтобы постичь все значеніе перемѣны, происшедшей во всемъ существѣ поэта, необходимо хотя вкратцѣ намѣтить, откуда пришла и какимъ образомъ подѣйствовала на него катастрофа, лишившая его свободы дѣйствій, и прослѣдить потомъ по Валленроду, какой строй и какое направленіе сообщила она его мыслямъ и его настроенію. Въ подробный разборъ „Валленрода“ я не буду входить, такъ какъ это произведеніе имѣло на русскій языкъ болѣе десяти переводовъ.

Политическая погода во всей Европѣ была тогда самая пасмурная, царила полнѣйшая реакція. Одолѣвъ Наполеона, европейскія правительства возстановляли по возможности средневѣковые порядки. Капельмейстеромъ въ политическомъ оркестрѣ былъ князь Меттернихъ. Въ Россіи главнымъ по вліянію лицомъ на закатѣ царствованія Александра I былъ Аракчеевъ. Съ весны 1821 года Александръ I зналъ (Шильдеръ, А. 1, т. IV, стр. 204), что въ Россіи существуютъ тайныя общества и заговоры, но выражался такъ: ce n'est pasà moi à sévir“, и возился съ мыслью отреченія отъ престола. Высшіе разсадники просвѣщенія — университеты, были въ Германіи и въ Россіи стѣсняемы по случаю убіенія въ 1818 г. писателя Коцебу нѣмецкимъ студентомъ Зандомъ. Въ Казани по части просвѣщенія свирѣпствовалъ Магницкій, въ Петербургѣ—Руничъ. Чѣмъ они были на сѣверѣ и востокѣ, тѣмъ явился въ Вильнѣ Новосильцевъ, смѣстившій на посту попечителя учебнаго округа князя Чарторыскаго, нѣкогда товарищъ его въ тайномъ совѣтѣ начала царствованія Александра I, а теперь злѣйшій его врагъ. Общій вопросъ просвѣщенія осложнялся въ Вильнѣ особымъ національнымъ оттѣнкомъ, который я бы назвалъ, пользуясь позднѣйшею фразеологіею, оттѣнкомъ *польскаго сепаратизма*. Вопросъ

объ этомъ сепаратизмѣ еще не ставился ребромъ и не выходилъ изъ ряда внутреннихъ. Виленскіе студенты стояли за свой разсадникъ просвѣщенія, стояли за то, чтобы этотъ умственный свѣточъ польской жизни въ Россіи не погасъ; дальше ихъ намѣренія не шли и не переступали въ область политической агитаціи. Положеніе польскаго элемента въ Россіи ухудшалось еще и по независящимъ отъ чьей бы то ни было воли обстоятельствамъ. Опытъ конституціоннаго правленія въ Варшавѣ не ладился. Только первый сеймъ 1818 г. сошелъ благополучно. Уже со второго сейма 1820 г. расположеніе государя къ затѣянному опыту конституціи было совсѣмъ потеряно. На сочувствіе русскихъ патріотовъ польскій элементъ по этому вопросу не могъ разсчитывать; либеральное направленіе въ Россіи съ его „вольнолюбивыми надеждами“ было крайне поверхностное; оно почти совсѣмъ сметено катастрофою 14 декабря 1825 года. Государственные люди и патріоты, окружавшіе Александра I (Каподистрія, Карамзинъ, Ермоловъ, Паскевичъ), были полные противники полонофильской политики Александра I. Паскевичъ выразился, что „рѣчь сеймовая государя 1818 г. оскорбительна для русскаго самолюбія“. Ермоловъ писалъ: „я думаю, судьба не доведетъ насъ до униженія имѣть поляковъ за образецъ“ (Шильдеръ, А. I, т. IV, стр. 96). По естественному ходу вещей русское государство должно было ассимилировать бывшія польскими свои части, устанавливать свои порядки, подводить присоединенный край подъ одинъ знаменатель съ остальною Россіею, при чемъ, конечно, должны были отваливаться куски, уцѣлѣвшіе отъ прежняго зданія, которымъ мѣстный людъ дорожилъ по привычкѣ. Замѣчу, что въ концѣ первой четверти XIX вѣка еще не различались такъ, какъ начинаютъ нынѣ различаться, государство и культура. Ассимилированіе культурное не можетъ быть насильственное, оно происходитъ само собою, безъ всякихъ внѣшнихъ мѣръ воздѣйствія по отношенію къ восточнымъ окраинамъ Россіи. По отношенію къ болѣе культурнымъ западнымъ окраинамъ оно порою совершалось съ ломкою, безъ настоящей необходимости, многаго лучшаго, чѣмъ нововводимое, и сопровождалось убылью нѣкоторой доли добра, если смотрѣть на этотъ вопросъ съ общечеловѣческой точки зрѣнія.

Во время заключенія Мицкевича въ Вильнѣ въ концѣ 1823 г. имъ овладѣло, угнетавшее его какъ поляка, предчувствіе нависшей и роковымъ почти образомъ близящейся опасности того, что позднѣйшей терминологіей называемо было располяченіемъ, съ другой—обрусеніемъ, то-есть, какъ для поляка, предчувствіе

денаціонализаціи. Ходъ этой денаціонализаціи представился Мицкевичу въ образѣ, который онъ представилъ въ „Валленродѣ": „на прибрежьяхъ Полонги видишь коверъ тотъ прибрежнаго луга. Желтый песокъ его уже засыпалъ. Ты видишь, душистыя травы Силятся смертный покровъ пробуравить головками стебля. Ахъ, все напрасно! ужъ новая гидра съ пескомъ понесется бѣлые плесы расширить, живой материкъ уничтожить, Дикое царство пустыни все дальше кругомъ раздвигая"...

Весьма существенно знать, какой предметъ считалъ Мицкевичъ тою, гибель приносящею, гидрою? Коренною ошибкою и его лично и современниковъ его поляковъ составляло то, что они воображали, что имѣютъ дѣло съ однимъ государствомъ, а не съ русскимъ народомъ. Русскій народъ Мицкевичъ искренно увѣрялъ въ своей къ нему любви; онъ и 37-ю часть „Дѣдовъ" посвятилъ „друзьямъ-москалямъ", которые, знакомыя ему лица, имѣютъ, по его словамъ, „право гражданства въ его мечтаніяхъ". Онъ полагалъ, что это—народъ, начинающій лишь жить, еще не опредѣлившійся, собою нерасполагающій, какъ будто бы ничего въ государство не внесшій и къ нему какъ будто бы безучастный. Въ отрывкѣ „Петербургъ" (приложеніе къ 3-й части „Дѣдовъ") Мицкевичъ пишетъ: „этотъ край бѣлъ и открытъ, какъ неисписанный листъ бумаги. Неизвѣстно, напишетъ ли на немъ Богъ буквами—добрыми людьми, святую правду, что родомъ человѣческимъ управляетъ любовь и что трофеи міра жертвы". „Тѣ люди сѣвера здоровые и крѣпкіе, но ничего не выражаютъ своими лицами, потому что огонь ихъ сердецъ кроется точно въ подземныхъ вулканахъ, не перешелъ на лица, не играетъ въ распаленныхъ устахъ, не застываетъ въ морщинахъ чела, какъ на лицахъ другихъ народностей востока и запада, по которымъ прошло столько страданій, скорбей и надеждъ, что каждое лицо стало памятникомъ своего народа".

При мысленномъ отдѣленіи государства отъ народности понятно, что Мицкевичъ счелъ своимъ противникомъ, съ которымъ приходится бороться, государство, какъ стихійную силу, какъ нѣчто безличное. Съ этимъ противникомъ не приходится откровенничать, а хитрить; по отношенію къ нему всѣ средства хороши, что и выразилъ Мицкевичъ, поставивъ эпиграфомъ къ Валленроду изреченіе изъ Il principe Макіавелли, приведенное имъ не дословно, а въ передѣлкѣ „due sono generazioni di combattere: bisogna essere volpe a leone". Еще ярче выражено это положеніе въ повѣсти вайделота въ Валленродѣ въ стихѣ: „ты же невольникъ; одно у рабовъ есть оружіе—измѣна". Идея эта несо-

мнѣнно безнравственная, революціонная, равносильная тому, что для благой цѣли всѣ средства хороши, но она спрятана глубоко, на самомъ днѣ произведенія, такъ что возможности ея практическаго приложенія не поняли сразу ни цензура, ни русскіе люди, ни поляки. На первый взглядъ въ сюжетѣ поэмы нѣтъ ничего ни русскаго, ни польскаго; сюжетъ взятъ у нѣмецкихъ историковъ и изъ древне-литовскихъ лѣтописей. Онъ поразилъ Мицкевича, изучавшаго древне-литовскую старину и въ Щорсахъ въ книгохранилищѣ Хрептовичей. Въ этихъ источникахъ Мицкевичъ нашелъ великаго магистра ордена, Конрада Валленрода, крутого и неспособнаго человѣка, который своею неумѣлостью въ походахъ и своею недѣятельностью при осадѣ Вильно содѣйствовалъ послѣдовавшимъ неудачамъ ордена. Тамъ же Мицкевичъ нашелъ другое лицо — нѣмецкаго рыцаря Вальтера Стадіона, плѣнника литовцевъ, женившагося потомъ на дочери литовскаго князя Кейстута. Какъ истинный художникъ, Мицкевичъ не стѣснялся особенно правдою историческою. Литва уже была въ значительной степени христіанская, когда предпринималъ Валленродъ свои походы, между тѣмъ какъ въ поэмѣ она сплошь языческая. Мавры въ балладѣ Альпухара не похожи на мавровъ-мусульманъ и, слѣдовательно, фаталистовъ. Они болѣе похожи на испанцевъ, съ дикою страстью сопротивлявшихся Наполеону. Мицкевичъ отождествилъ Валленрода со Стадіономъ и съ третьимъ еще исторически извѣстнымъ лицомъ, литовцемъ Альфомъ, плѣненнымъ въ дѣтствѣ нѣмцами и бѣжавшимъ, какъ волченокъ, въ лѣсъ къ своимъ родичамъ. Въ поэмѣ этотъ Альфъ женится на дочери князя Кейстута, видя близящуюся гибель Литвы, бросаетъ любимую жену, возвращается къ врагамъ, проникаетъ въ ихъ среду и достигаетъ званія великаго магистра ордена, только съ тѣмъ, чтобы подорвать и истребить въ корнѣ орденскія силы. Онъ въ концѣ гибнетъ отъ рукъ разгадавшихъ его орденскихъ братьевъ нѣмцевъ, но гибнетъ, злорадствуя и торжествуя осуществленіе цѣли, въ которую вложилъ всю душу. Личность Валленрода и сочетаніе въ немъ двухъ могучихъ страстей, страсти къ родинѣ и адской мести, задуманы въ байроновскомъ господствовавшемъ повсемѣстно тогда духѣ и стилѣ. Герой поэмы, суровый, мрачный съ множествомъ черныхъ пятенъ на душѣ, самъ предваряетъ читателя, что горе человѣку, имѣющему великое сердце, что онъ похожъ на улей, который если не будетъ наполненъ медомъ, то сдѣлается гнѣздомъ для ящерицъ. Его спасаетъ въ нашихъ глазахъ, что помимо жестокостей и даже преступленій онъ сильно любитъ ро-

дину, что его толкаетъ впередъ то, что „счастія онъ не нашелъ дома, потому что его не нашлось въ отчизнѣ“.

И эстетика, и мораль имѣютъ свои особыя мѣрки. Область искусства неизмѣримо шире области морали. Предметомъ искусства бываетъ вся жизнь, все въ мірѣ хорошее и дурное, уродливое и даже отвратительное, коль скоро оно изображено правдиво и коль скоро оно насъ эмоціонируетъ, то-есть пробуждаетъ въ душѣ извѣстныя сильныя сочувствія. Валленродъ даетъ обильный матеріалъ обѣимъ этимъ критикамъ и вызываетъ гораздо болѣе возраженій по части этической, нежели по части своей эстетической. Въ послѣднія 30 лѣтъ послѣ разгара послѣдней польской смуты 1863 года, русскіе критики стали винить поэзію Мицкевича за ея ядовитыя свойства, за воспѣваніе ненависти международной, за возведеніе въ идеалъ и обоготвореніе измѣны. Обвиненія эти были настолько сильны, что озадачили близкаго друга Мицкевича, князя П. А. Вяземскаго, который въ своей статьѣ 1873 (Соч., т. VII, стр. 327) выразился такъ: „была ли поэма „Валленродъ“ дѣйствительно написана не подъ однимъ поэтическимъ направленіемъ, но и подъ макіавеллическимъ—рѣшить не беремся. Но что въ ней многое могло быть истолковано въ такомъ смыслѣ—это несомнѣнно! По крайней мѣрѣ послѣдующія событія придали ей этотъ смыслъ“. Необходимо разобраться въ этихъ обвиненіяхъ, чтобы прійти къ какому-нибудь заключенію о томъ, имѣютъ ли они какое-нибудь основаніе.

Начнемъ разборъ съ эстетики. Самъ Мицкевичъ признавалъ, что его поэма, по формѣ своей несовершенная и не цѣльная, задумана по одному плану, докончена по другому, что разновременно написанныя части ея не спаяны, а мѣстами даже нарочно перепутаны. Предположена была эпическая поэма, медленно текущая, съ пышнымъ лирическимъ прологомъ, гимномъ въ честь народной были, прославленіемъ романтической поэзіи. Этотъ прологъ превращенъ потомъ во вставочную, рѣзко отдѣляющую отъ остального текста, пѣсню литовскаго жреца вайделота.

„О, быль народная, ковчегъ завѣта ты, Давно отжившаго съ живымъ ты единенье, Въ тебя кладетъ народъ бойца вооруженье, И пряди думъ своихъ и чувствъ своихъ цвѣты.

„Ты невредимъ, ковчегъ, пока въ дни испытаній народъ не осквернилъ того, что̀ ты хранишь. О, пѣснь народная, на стражѣ ты стоишь У храма дорогихъ его воспоминаній, И крылья у тебя архангела и рѣчь, Порой архангела ты также держишь мечъ!..

„О, еслибъ только могъ огонь свой перелить Я въ души внемлющихъ, у смерти изъ объятій Могъ вырвать прошлое! Когда-бъ сердца собратій Умѣлъ я звучными словами шевелить, Быть можетъ, что еще они бы въ то мгновенье, когда родная пѣснь глубоко тронетъ ихъ, Сердецъ какъ въ старину почуяли біенье Отцовъ великій духъ тогда-бъ проснулся въ нихъ. Итакъ возвышенно они-бъ хоть мигъ прожили Какъ предки ихъ всю жизнь когда-то проводили“.

За этимъ прологомъ должна была бы слѣдовать античными гекзаметрами переданная юность Альфа до даннаго имъ обѣта спасать родину. Послѣ того вторая часть должна бы изобразить патріотическій подвигъ скрытно-литовца, сдѣлавшагося магистромъ ордена подъ фамиліей Валленрода. Этотъ планъ оказался неудобнымъ въ виду цензуры, въ виду большой ея подозрительности послѣ событія 14 декабря 1825 г. и строгостей слѣдовавшаго затѣмъ тридцатилѣтія.—Авторъ рѣшился начать поэму съ избранія Валленрода магистромъ, передавать отрывками данныя изъ молодости его и, подстрекая въ послѣднія минуты любопытство читателя, оставить его до конца въ неизвѣстности насчетъ намѣреній затаеннаго врага ордена. Но какъ ни старался Мицкевичъ маскировать свою основную мысль, перенеся дѣйствіе поэмы въ языческую Литву и къ нѣмцамъ, но въ рапортѣ своемъ цесаревичу Константину Павловичу отъ 10 апрѣля 1828 Новосильцевъ указывалъ на нее, какъ на плодъ ненависти подъ видомъ великодушнаго патріотизма (напечатано Третьякомъ въ V томѣ „Памятныхъ записокъ Общества Мицкевича“ въ Львовѣ, стр. 248—256). Была еще другая причина, повліявшая на видоизмѣненіе самаго рода произведенія въ теченіе его писанія. По мѣрѣ того, какъ подвигалась работа, замышляемый эпосъ превращался въ драму, въ потрясающую трагедію. Чутьемъ великаго художника и притомъ художника-моралиста, какимъ онъ всегда былъ, Мицкевичъ угадалъ, что человѣкъ фанатикъ, увлекающійся односторонне одною какою либо идеею, хотя бы и благороднѣйшею, напримѣръ, любовью къ отечеству, перестаетъ быть человѣкомъ, вырождается и перестаетъ вызывать въ насъ сочувствіе къ нему, когда „мщенія пламя, питаемое въ молчаніи видомъ пораженій и зла, охватитъ наконецъ и сердце, всякое чувство въ немъ выжжетъ, даже сильнѣйшее, даже и чувство любви (къ женщинѣ), услажденіе дотоль его жизни“. Въ этой душѣ не будетъ уже меду, въ немъ поселится одна громадная ящерица.

Если, однако, въ душѣ Конрада патріотическая рѣшимость

мстить врагамъ и истреблять ихъ не выжгла и не истребила всѣхъ добрыхъ задатковъ, если его нравственное чутье не извратилось вслѣдствіе софизма, если въ немъ сохранилось еще отвращеніе къ звѣринымъ пріемамъ воеванія, къ львиному насилію и къ лисьей хитрости и нарушенію довѣрія, то въ этой душѣ, уже значительно опаленной опытомъ жизни и потому исказившейся, должна происходить сильнѣйшая борьба между намѣреніемъ, которому онъ себя посвятилъ, и совѣстью. Онъ преждевременно увялъ, посѣдѣлъ, сталъ предаваться пьянству и хулилъ порою само чувство патріотизма. („Чудовище-змѣя попало въ садъ украдкой: гдѣ грудью скользкою оно лишь проползетъ, цвѣтъ разомъ опадетъ И пожелтѣетъ все, какъ грудь ехидны гадкой“). Конрадъ сознаетъ, что онъ дѣлаетъ зло, что ему не будетъ отпущенія („хочу заранѣе знать, что̀ ждетъ меня въ аду“). Онъ подошелъ уже къ цѣли, но цѣль, которой онъ пожертвовалъ и жизнью, и совѣстью, настолько противна его природѣ, что онъ откладываетъ, придумываетъ отсрочки, клянетъ свою душу, что въ ней есть остатки добрыхъ чувствъ. Когда онъ вернулся изъ роковаго похода, то онъ, какъ ребенокъ, тѣшится не тѣмъ, что насытилъ месть, но что ему уже не придется мстить („но человѣкъ я, мнѣ довольно этихъ бѣдъ, Средь лицемѣрья выросъ я съ рожденья... Измѣна мнѣ тошна, не годенъ я въ бояхъ —Довольно мщенія, вѣдь нѣмцы люди тоже!..“). Для Валленрода нѣтъ иного выхода, кромѣ трагическаго, кромѣ смерти; смерть и есть искупленіе его трагической вины. Трагедія никогда не годится, когда герой, хотя и преступникъ, но не возбуждаетъ сочувствія. Въ данномъ случаѣ мотивомъ его дѣйствій является патріотизмъ—благороднѣйшая страсть, которая только и держитъ вкупѣ народъ; когда она оскудѣетъ, то народъ невозвратно погибъ. Страсть эта выражена въ поэмѣ могуче, величаво. Сочувствіе читателя относится не къ тому, что̀ герой сдѣлалъ, но только къ его личности.

Отъ эстетическаго разбора перейдемъ къ этическому. Перенесемся мысленно въ древній міръ, въ Грецію или Римъ. Валленродъ долженъ бы показаться нормальнымъ и моральнымъ человѣкомъ, даже по своей основной нравственной идеѣ, такъ какъ нѣтъ ничего святѣе земного отечества, оно—верховное божество. In hostem omnia licita. Но такъ ли будетъ это съ точки зрѣнія христіанской морали?

Съ минуты появленія Валленрода, въ польской литературѣ и критикѣ поднятъ былъ неумолкающій и продолжающійся до настоя-

щаго времени протестъ не противъ красоты произведенія, но противъ практическаго приложенія основной идеи произведенія къ современности. Въ обществѣ польскомъ конца двадцатыхъ годовъ еще были въ силѣ довольно многочисленные классики, большіе консерватисты и въ политикѣ, боявшіеся романтизма не только какъ декадентства въ области вкуса, но и потому, что они опасались бѣшеныхъ полетовъ молодого поколѣнія въ темную и опасную область будущаго. Одинъ изъ видныхъ классиковъ, Каэтанъ Козмянъ, утверждалъ, что никакая сила воображенія не можетъ оправдать измѣну, выдаваемую за добродѣтель. Профессоръ берлинскаго университета, Войцѣхъ Цыбульскій, выразилъ въ 1842 году, что Валленродъ оказалъ скорѣе вредное, нежели хорошее вліяніе на характеръ поляковъ. Еще недавно (въ 1898), одинъ изъ лучшихъ знатоковъ и наибольшихъ поклонниковъ Мицкевича, краковскій профессоръ графъ Станиславъ Тарновскій („Adam Mickiewicz, zarys biograficzny". Petersburg. 1898) утверждалъ, что основная мысль Валленрода—нравственно дурная, что если бы кто осуществлялъ ее практически, то и себя бы испортилъ, и повредилъ бы своему народному дѣлу.

Для опредѣленія и качества и количества той доли нравственнаго яда, которая могла содержаться въ „Валленродѣ", необходимо принять въ соображеніе время, когда произведеніе писалось (1827) и было издано (1828). Обѣ народности совмѣщались въ одномъ и томъ же государствѣ и состояли подъ державною рукою одного и того же монарха. Между націями не было еще ни тѣни спора о границахъ, не было также никакихъ предчувствій и предуказаній на близящійся мятежъ. Самъ этотъ мятежъ былъ только рефлексомъ французскаго іюльскаго переворота 1830 года. Валленродъ не могъ быть предлагаемъ какъ политическая программа. Если бы авторъ предлагалъ, какъ програму, политическую измѣну, то безуміемъ съ его стороны было бы провозглашать это намѣреніе во всеуслышаніе и тѣмъ враговъ предостерегать. Измѣна Валленрода была только фабула разсказа, а не теорія или ученіе. Поэтическій соперникъ Мицкевича среди польскаго выходства, Юлій Словацкій, съ ѣдкимъ остроуміемъ осмѣялъ валленродство (Beniowski), указавъ на то, что если оно плодитъ измѣну, то измѣну только по отношенію къ народному польскому дѣлу, потому что располагаетъ поляковъ, дѣлающихъ карьеру на русской службѣ, корчить изъ себя Валленродовъ, надувая только своихъ земляковъ. Валленродство вообще не соотвѣтствуетъ живому сангвиническому темпераменту поляковъ; реальнаго Валленрода оно не произвело ни одного.

Поэма „Валленродъ“ произвела, однако, послѣдствія, которыхъ, можетъ быть, не предусматривалъ самъ Мицкевичъ. Властелинъ сердецъ, заражающій, по выраженію графа Л. Н. Толстого, другихъ людей своими чувствами, зажегши въ этихъ сердцахъ пламенный патріотизмъ, доведенный до бѣлаго каленія въ молодомъ поколѣніи, онъ привилъ къ нему это чувство, какъ прививаютъ коровью оспу, чтобы предупредить настоящую, чтобы спасти отъ настоящей, чтобы предохранить своихъ земляковъ отъ денаціонализаціи.

Въ этомъ отношеніи Мицкевичъ явился воспитателемъ послѣдующихъ поколѣній, несмотря на то, что въ своихъ политическихъ понятіяхъ онъ не стоялъ выше своего вѣка и что вмѣстѣ съ своими земляками онъ сильно и во многомъ ошибался, каковыя ошибки окупались иногда неисчислимыми жертвами. На одну изъ этихъ ошибокъ я уже указывалъ: она заключалась въ непониманіи Россіи, какъ государства, и русскаго народа. Столь же дорого, какъ ошибка, окупается иногда и отказъ отъ прежнихъ привычекъ или необходимость приспособляться къ новому, еще неизвѣданному быту, когда нація, нѣкогда первенствовавшая, должна отказаться не только отъ этого первенствованія политическаго, но и отъ сохраненія въ какомъ бы то ни было смыслѣ своего привилегированнаго положенія, когда вопросъ о дальнѣйшемъ ея существованіи перестаетъ быть международнымъ европейскимъ вопросомъ и превращается въ рядъ внутреннихъ вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію каждаго изъ государствъ, которымъ достались тѣ или другія части существовавшаго нѣкогда политическаго цѣлаго.

Нынѣ, послѣ повстаній 1830 и 1863 гг., и въ особенности послѣ франко-прусской войны 1870 г., послѣ коренного измѣненія бывшей системы европейскаго равновѣсія, поэма „Валленродъ“ потеряла смыслъ нравственнаго внушенія, какимъ кому слѣдуетъ быть, и осталась только какъ произведеніе, дышащее возвышеннѣйшими чувствами патріотизма, такими же, какія проявилъ русскій народъ въ 1612 и въ 1812 годахъ. Теперь возможно безъ всякихъ оговорокъ и колебаній восхищаться этою поэмою, какъ восхищались русскіе люди въ концѣ двадцатыхъ годовъ. Многочисленность переводовъ Валленрода на русскій языкъ свидѣтельствуетъ о томъ, что она внесла кое-что въ русскую литературу и оставила на русской литературѣ свой явственный слѣдъ.

II.

Поставивъ себѣ задачею изобразить эволюцію поэтическаго творчества съ подраздѣленіемъ его на фазисы, я представилъ очеркъ юныхъ университетскихъ лѣтъ Мицкевича, исполненныхъ бозмѣрныхъ увлеченій гуманизмомъ, еще націоналистически неокрашеннымъ, съ начатками господствовавшаго въ Европѣ романтизма и съ обращеніемъ къ источникамъ простонародной поэзіи. Затѣмъ, слѣдовалъ любовный кризисъ, кончившійся сильнѣйшимъ нервнымъ потрясеніемъ и расположившій Мицкевича къ воспріятію поэзіи Байрона, наконецъ наступилъ третій фазисъ, который я назвалъ валленродовскимъ и который былъ весьма продолжителенъ, такъ какъ онъ занимаетъ не только весь періодъ его недобровольныхъ странствованій по Россіи съ ноября 1824 года, когда онъ былъ привезенъ въ Петербургъ на другой день послѣ наибольшаго изъ петербургскихъ наводненій 7-го ноября 1824 г., до 29-го мая 1829, когда онъ выбылъ изъ Россіи, но распространяется и на путешествіе его по западной Европѣ и на бытность его въ Италіи, вплоть до польскаго мятежа 1830 года.

Я много времени посвятилъ объясненію, въ чемъ заключалась коренная идея этого произведенія, не дававшаго Мицкевичу покоя, и недоступная еще никому, кромѣ него: предчувствуемая имъ нависшая опасность весьма возможной денаціонализаціи подъ извѣстнымъ внѣшнимъ давленіемъ со стороны государства и дерзновенная, въ виду неравенства силъ, рѣшимость крошечнаго недѣлимаго, слабой физической единицы, противодѣйствовать этому давленію всѣми мѣрами, жертвуя собою и даже не считаясь съ совѣстью, то-есть не разбирая законности или незаконности средствъ сопротивленія. Сама идея вслѣдствіе своей необычайной смѣлости возвышала Мицкевича, какъ въ умѣ его родившаяся, въ его собственныхъ глазахъ. Онъ признаетъ (письмо 5-го января 1827 изъ Москвы, Korr. I т., стр. 19), что онъ повеселѣлъ въ тюрьмѣ у базиліанъ, что онъ успокоился и поумнѣлъ въ Москвѣ. Онъ радъ былъ ссылкѣ, радъ знакомству съ Россіею; онъ чувствовалъ, уѣхавъ изъ Литвы, что если бы онъ туда вернулся, то безъ всякихъ внѣшнихъ воздѣйствій онъ самъ бы себѣ изобрѣлъ какую-нибудь бѣду и самъ бы себя грызъ. Товарищи Мицкевича по ссылкѣ продолжали держаться замкнутымъ кружкомъ и чуждались русскихъ знакомствъ; онъ, напротивъ того, искалъ этихъ знакомствъ, входилъ въ гостиные

салоны, дѣлался свѣтскимъ человѣкомъ, сталъ въ Россіи извѣстнѣйшимъ изъ не-русскихъ поэтовъ, когда-нибудь въ Россіи побывавшихъ. Послѣ четырехъ съ половиною лѣтъ его пребыванія въ Россіи, наблюдавшій его вблизи поэтъ Козловъ выразился о немъ такимъ образомъ передъ однимъ изъ его земляковъ: „vous nous l'avez donné fort, nous vous le rendrons puissant“. Между Мицкевичемъ и русскою интеллигентною публикою того вѣка нашлись многія точки соприкосновенія, такъ что сближеніе произошло весьма естественно. Общія увлеченія романтизмомъ и байронизмомъ были въ Россіи гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Варшавѣ и Вильнѣ, такъ что Мицкевичъ боялся, какъ бы русскіе не опередили въ этомъ отношеніи поляковъ.

И Мицкевичъ, и лучшіе русскіе передовые люди были тогда подъ вліяніемъ французскихъ либеральныхъ преобразовательныхъ идей, посѣянныхъ руками Екатерины II и Александра I и принесшихъ свои плоды въ видѣ реформы царствованія Александра II. Реакція противъ этого направленія обозначилась въ событіи 14-го декабря 1825 г., но она установилась не сразу. Во многихъ своихъ взглядахъ на современное ему государство и на желательныя въ немъ перемѣны Мицкевичъ былъ заодно съ людьми, которыхъ онъ назвалъ въ посвященіи имъ 3-ей части своихъ „Дѣдовъ“ *друзьями-москалями*. Всѣмъ русскимъ Мицкевичъ приходился по душѣ и по вкусу; достаточно назвать Николая Полевого, князя П. А. Вяземскаго, съ которыми его познакомилъ Полевой, Дмитріева, Погодина, Хомякова, Веневитинова, Баратынскаго, Аксакова, Жуковскаго, Пушкина. Онъ поражалъ русскихъ весьма рѣдкою способностью вдохновляться въ кружку знакомыхъ и импровизировать, производить, по словамъ Вяземскаго, „огнедышащія изверженія поэзіи“. Онъ могъ импровизировать на заданныя темы либо польскими стихами, либо по-французски поэтическою прозою, послѣ непродолжительнаго размышленія. Вяземскій отмѣтилъ (статья 1873 г.), что русскихъ поражало полное отсутствіе въ немъ всякихъ признаковъ тѣхъ качествъ, которыя ихъ непріятно поражали въ землякахъ поэта, всегда чаще встрѣчаемыхъ, а именно, заносчивости или обрядной уничижительности. Для полноты картины отношеній Мицкевича къ русскому обществу необходимо упомянуть о его сердечныхъ связяхъ съ русскими женщинами, влюблявшимися въ красиваго литвина и сохранившими потомъ къ нему чувства если не любви, то чистѣйшей дружбы и уваженія [1]).

---

[1]) Упомяну о сердечныхъ отношеніяхъ Мицкевича къ Каролинѣ Енишъ, вышедшей впослѣдствіи замужъ за Н. Павлова. Уже рѣшившійся на отъѣздъ изъ Россіи,

Мицкевичъ искалъ сближенія съ русскими главнымъ образомъ съ цѣлью познанія русскаго духа, изученія національнаго чувства у русскихъ людей во всѣхъ его особенностяхъ. Конечно, въ этомъ отношеніи первостепенное значеніе имѣло знакомство Мицкевича съ Пушкинымъ. Оба были ровесники, вполнѣ соотвѣтствовали другъ другу по дарованіямъ, оба были самыми яркими свѣтильниками двухъ національныхъ самосознаній. Главными источниками для разрѣшенія вопроса о томъ, къ какимъ результатамъ пришли оба поэта въ своихъ бесѣдахъ о Россіи, служатъ, съ одной стороны, сочиненный въ 1832 году въ Дрезденѣ отрывокъ „Петербургъ“ Мицкевича, образующій приложеніе къ 3-ей части „Дѣдовъ“,—отрывокъ, написанный уже не въ томъ спокойномъ настроеніи 1828 г., въ которомъ бесѣдовали поэты, но въ значительно возбужденномъ противъ Россіи, вслѣдствіе мятежа и борьбы 1830—31 года; и съ другой стороны „Мѣдный Всадникъ“ Пушкина. Мицкевичъ отлично сознавалъ діаметральную противоположность обѣихъ національностей вслѣдствіе ихъ совсѣмъ противоположныхъ формулъ развитія, зависѣвшихъ прежде всего отъ ихъ противоположной государственной выправки. На одной сторонѣ былъ индивидуализмъ свободной личности, доведенный до того, что отъ безначалія разваливалось государство, а на другой сторонѣ полное пожертвованіе свободою личности ради только того, чтобы держаться вкупѣ и выстроить крѣпкое, неодолимое государство.

Обѣ крайности неизбѣжно когда-нибудь уравновѣсятся и примирятся; чтобы быть дѣйствительно крѣпкимъ, государство должно стремиться къ выработкѣ въ народѣ чувствъ законности, гражданственности и свободы, но эта свобода должна имѣть точно опредѣленныя границы и течь по правильно устроенному руслу. Мицкевичъ понималъ, что онъ и Пушкинъ, это—двѣ альпійскія скалы, на вѣки отдѣленныя промежуточною струею горскаго потока. Онъ полагалъ, что обѣ скалы клонятъ къ себѣ взаимно свои высокія вершины; но сильно заблуждался насчетъ степени этого наклоненія вершинъ. Въ Пушкинѣ онъ цѣнилъ прежде всего творца стиховъ съ „вольнолюбивыми надеждами“ (стихотвореніе къ Чаадаеву 1821), автора оды „Свобода“, „Деревни“, „Къ кинжалу“, „Посланіе къ Чаадаеву“, между тѣмъ какъ Пушкинъ, послѣ своего освобожденія изъ села Михайловскаго, будучи чрезвычайно чутокъ къ тому, что̀ кругомъ его проис-

Мицкевичъ по письму ея въ концѣ марта 1829 г. ѣздилъ въ Москву въ распутицу съ тѣмъ только, чтобы съ нею проститься. Tretiak, Szkice literackie. Krakow 1896.

ходило, уже не раздѣлялъ прежнихъ увлеченій друзей своихъ декабристовъ, хотя и не переставалъ никогда этихъ друзей нѣжно любить. Мицкевичъ вложилъ въ уста Пушкину въ разговорѣ поэтовъ передъ бронзовымъ Петромъ Великимъ слова, мысли и чувства, которыя тогда уже не могли быть свойственны Пушкину. Онъ недосмотрѣлъ, что и въ народѣ русскомъ, и въ Пушкинѣ можетъ долгое время существовать сильный патріотизмъ въ скрытомъ состояніи, который и проявляется потомъ моментально съ неудержимою силою, когда того потребуетъ опасность.

Не могъ Пушкинъ выжидать спокойно того, что̀ на взглядъ Мицкевича должно произойти, когда подуетъ съ запада теплый вѣтеръ и оживятся застывшіе отъ холоду на скалѣ конь и всадникъ, то-есть, когда они полетятъ со скалы и разобьются въ дребезги. Самъ Пушкинъ исправилъ въ своемъ „Мѣдномъ Всадникѣ“ эту погрѣшность и выразилъ не опасеніе, какъ бы не произошла катастрофа, а свой свободный отъ всякихъ опасеній восторгъ: „О, мощный властелинъ судьбы! Не такъ ли ты надъ самой бездной, на высотѣ уздой желѣзной—Россію вздернулъ на дыбы!“ Для бо̀льшаго поясненія разницы между поэтами приведу по одному отрывку отъ каждаго изъ нихъ.

На „смотру“ въ „Петербургѣ“ Мицкевича найденъ послѣ смотра замерзшимъ денщикъ съ офицерскою шубою забывшаго о немъ и уѣхавшаго его начальника. Мицкевичъ оплакиваетъ его словами: „жаль мнѣ тебя, братъ славянинъ! Бѣдный народъ, сожалѣю о твоей я долѣ—Одинъ у тебя есть только героизмъ неволи“. Прямымъ отвѣтомъ на эти слова могутъ служить слѣдующіе стихи „Клеветникамъ Россіи“ Пушкина, опредѣляющіе существо домашняго спора славянъ между собою: „Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ? Кичливый ляхъ иль вѣрный Россъ?“ Борьба во всякомъ случаѣ была между неравными силами, что̀ сознавалъ и Пушкинъ. Восторжествовать долженъ былъ Россъ, потому что онъ—вѣрный и что кругомъ его встанетъ вся русская земля, „стальной щетиною сверкая“.

Знакомство съ Россіей принесло громадную пользу Мицкевичу, кругозоръ его расширился, усвоена имъ масса знаній и впечатлѣній. Но вслѣдствіе свѣтскихъ развлеченій производительность его уменьшилась и стали говорить, что онъ какъ будто бы облѣнился. За всю бытность во внутренней Россіи прибыли, кромѣ „Валленрода“, только бездѣлушки: „Крымскіе сонеты“

и блистательная фантазія въ восточномъ вкусѣ „Фарисъ". Мицкевичъ торопился за границу довершить свое художественное образованіе. Было основаніе думать, что его отъѣздъ будетъ затрудненъ вслѣдствіе толковъ, возбужденныхъ „Валленродомъ". Русскіе пріятели ускорили отъѣздъ.—Средства на поѣздку доставлены были продажею шибко расходящихся изданій его произведеній. Ему сопутствовалъ въ путешествіи вплоть до сѣверной Италіи виленскій товарищъ Одынецъ, собиравшій тщательно всѣ путевыя наблюденія, ощущенія и разговоры. Въ теченіе всего времени отъ выѣзда за границу до конца 1830 года творчество Мицкевича почти-что пріостановилось; поэта можно бы сравнить за это время съ губкою, всасывающею въ себя богатѣйшій матеріалъ, осѣдавшій потомъ и наслаивавшійся въ душѣ, пока не подоспѣли внѣшнія событія, которыя сообщили новый толчокъ его творчеству, сильно его расшевеливъ. Отмѣтимъ вскользь главныя стоянки въ этой подвижной жизни любознательнаго туриста, вращающагося въ самой интересной обстановкѣ и въ средѣ самаго отборнаго, интеллигентнаго, космополитическаго общества. Въ Берлинѣ онъ бывалъ на лекціяхъ Гегеля, но получилъ такое отвращеніе къ трансцендентальной метафизикѣ, что скорѣе бы помирился со Снядецкимъ, то-есть предпочелъ бы матеріалистическую философію французскую. Въ Прагѣ Мицкевичъ при посредствѣ Ганки познакомился съ національнымъ чешскимъ движеніемъ. Оба путешественника ѣздили въ Веймаръ поклониться германскому Юпитеру—Гёте, отличившемуся особенно ласковымъ пріемомъ. Мицкевичъ пораженъ былъ сценическимъ представленіемъ „Фауста" (1-я часть); онъ оспаривалъ мнѣніе о нерелигіозности Гёте, но допускалъ въ Гёте извѣстное ослабленіе религіознаго чувства. Въ Дармштадтѣ онъ не досидѣлъ до конца представленія „Мессинской невѣсты" Шиллера, до того показался ему противнымъ этотъ родъ подражательности классическому. Отъ береговъ Рейна Мицкевичъ проѣхалъ въ Римъ 18 ноября 1829 года. Римъ привелъ его въ полный восторгъ. „Куполъ святого Петра,—писалъ онъ,—прикрылъ собою всѣ мои итальянскія воспоминанія", но оказалось, что въ Римѣ поэтъ меньше чѣмъ гдѣ-нибудь свободенъ. Отъ Тита Ливія, Нибура, Гиббона его постоянно отвлекали знакомства старыя и новыя. У княгини Зинаиды Волконской и въ семьѣ Хлюстиныхъ онъ былъ домашній человѣкъ. Двѣ женщины привлекали къ себѣ особенно Мицкевича. Одна—бойкая, проницательная и необычайно остроумная, Настасья Хлюстина, вышла въ концѣ 1830 г. замужъ за легитимиста, дипломата

графа де-Сиркура. Хлюстина по натурѣ своей притягиваема была всѣми людьми, отличавшимися умомъ и дарованіями. Другая женщина, къ которой Мицкевичъ почувствовалъ еще бòльшую и нѣжную склонность, перешедшую въ любовь, была дочь галицiйскаго помѣщика графа Анквича, Генріетта. Она повліяла на Мицкевича глубокою задушевною религіозностью, содѣйствовавшею его обращенію изъ человѣка, почти равнодушнаго къ вѣроисповѣданіямъ, въ строгій римскій католицизмъ. Сблизившись съ Анквичами, Мицкевичъ ощутилъ въ себѣ вторую любовную страсть, менѣе сильную, чѣмъ его прежняя любовь къ Марылѣ, и получившую свое поэтическое отраженіе въ поэмѣ „Папъ Тадеушъ“. Какъ первый, такъ и второй романъ кончились неудачно. Высокомѣрный знатный шляхтичъ, отецъ Генріетты, счелъ поэта неподходящею для своей дочери партіею. Уже послѣ изданія „Пана Тадеуша“ онъ выражался, что, можетъ быть, и далъ бы согласіе на бракъ дочери, но что дочь его заслуживала того, чтобы и ему изъ-за нея въ ноги поклонились. Поэтъ былъ также гордъ и кланяться не хотѣлъ, дочь подчинилась отцу безъ сопротивленія. Весь почти 1830 годъ проходилъ въ непрестанныхъ странствованіяхъ совмѣстно съ Хлюстиными, въ поѣздкахъ въ Неаполь, Сицилію, потомъ въ швейцарскіе Альпы и въ Женеву. Въ Швейцаріи Мицкевичу былъ представленъ юный графъ Сигизмундъ Красинскій, чтò не осталось безъ вліянія на судьбы польской поэзіи, въ которой Красинскій занялъ вскорѣ потомъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Въ Миланѣ послѣдовала окончательная размолвка поэта съ семьею Анквичей, послѣ чего Мицкевичъ очутился въ Римѣ одинокій и погруженный въ самое усиленное штудированіе книгъ, когда до него дошло извѣстіе о вспыхнувшемъ переворотѣ въ Варшавѣ. Мнѣ приходится опредѣлить, какое вліяніе имѣло на Мицкевича это крупное для поляковъ событіе.

Мною уже было указано характерное качество творческой организаціи Мицкевича, заключающееся въ томъ, что онъ былъ и художникъ и общественникъ, что всѣ задачи жизни, которыя его занимали, имѣли непремѣнно общественную или, чтò то же, нравственную подкладку. Онъ могъ воспроизводить только то, чтò самъ лично пережилъ и выстрадалъ. Въ Швейцаріи, при первомъ знакомствѣ съ Красинскимъ онъ поразилъ Красинскаго, воспитаннаго въ преданіяхъ классицизма и съ нѣкоторымъ недовѣріемъ вслушивавшагося въ слова вождя романтиковъ, сво-

имъ реализмомъ, своимъ убѣжденіемъ, что романтизмъ есть исканіе и изученіе одной нагой правды, что шумиха вздоръ, что всѣ украшенія безъ глубокой мысли никуда не годятся. Вслѣдствіе такой умственной организаціи, когда Мицкевича ничто не волновало, могли быть у него многолѣтніе перерывы въ творчествѣ, уходившіе на одно восприниманіе впечатлѣній, на накопленіе того громаднаго клада знанія и начитанности, которымъ онъ располагалъ; но затѣмъ, когда онъ былъ чѣмъ либо раздраженъ и взволнованъ, притомъ не лично, а съ общественной стороны, и почувствовалъ призывъ къ дѣйствію, то обнаруживалась въ полной силѣ его титаническая натура. Мицкевичъ вполнѣ сознавалъ ту истину, которую выражаетъ наглядно графъ Л. Н. Толстой („Что̀ такое искусство"), что художникъ заражаетъ своими чувствами другихъ людей и заставляетъ ихъ чувствовать то же, что̀ чувствуетъ самъ. Вотъ слова Мицкевича въ 3-й части „Дѣдовъ": „хочу управлять чувствомъ, которое во мнѣ, управлять какъ Ты (о, Боже), постоянно и тайно... Да будутъ люди для меня точно мысли и слова, изъ которыхъ, когда я захочу, выстраивается пѣсня... Я бы тогда создалъ мой народъ какъ живую пѣснь, и больше, чѣмъ Ты, сотворилъ бы диво: я пропѣлъ бы пѣсню счастія" (zanuciłbym pieśn szczęsliwą). Въ другомъ мѣстѣ той же поэмы онъ выражается слѣдующимъ образомъ: „Человѣкъ, если бы ты зналъ, какова твоя власть, когда въ твоей головѣ, какъ искра въ тучѣ, невидимая блеснетъ и создастъ плодотворный дождь или громы и бури. Если бы зналъ, что раньше, чѣмъ ты зажжешь мысль, уже ждутъ ее сатана и ангелы! Люди! каждый изъ васъ могъ бы, одинокій и заключенный, мыслью и вѣрою воздвигать и разрушать престолы".

Не подлежитъ сомнѣнію, что на развитіе въ Мицкевичѣ того богатырства, того прометеизма, того позыва къ борьбѣ съ судьбою, съ природою, съ самимъ Богомъ повліяло въ свое время знакомство поэта съ поэзіей Байрона. Не слѣдуетъ, однако, упускать изъ виду, что этотъ бунтующійся человѣкъ во всю свою жизнь не былъ никогда ни атеистомъ, ни даже скептикомъ, что онъ всю свою жизнь оставался религіознымъ человѣкомъ, подчиняющимся безусловно только одному непроизвольно налетающему на него порою вдохновенію, какъ внушенію свыше, какъ откровенію. Даже и въ припадкахъ сильнѣйшаго бунтованія, въ кризисахъ страсти, никогда не умолкала въ немъ совѣсть, чутье долга, такъ что и въ этихъ кризисахъ онъ сознавалъ раздвоеніе въ своей душѣ, судилъ себя за него и смирялся передъ тѣмъ, что̀ еще выше, передъ Божествомъ. Послѣ этихъ объясне-

ній легко будетъ слѣдить за нимъ въ новой, открывшейся для него эпохѣ.

Періодъ дѣятельной борьбы за національность; созданіе третьей части „Дѣдовъ“. Извѣстіе о польскомъ мятежѣ застало Мицкевича въ Римѣ, когда послѣ безпорядочности путешествій онъ уединился и сталъ пожирать книги, когда наступила „мятель чтенія залпомъ (zawierucha natłokowej lektury) Данта, Винкельмана, Нибура, Ламеннэ. Съ полученіемъ извѣстія всѣ Винчи и Рафаэли были забыты. Интересовалъ только какой-нибудь мокрый неопрятный кусокъ свѣжей нѣмецкой газетки. Музеемъ стала грязная яма какой-нибудь читальни на площади Colonna. Мицкевичъ жалуется, что не можетъ связать двухъ мыслей. Всего печальнѣе было то, что въ успѣхъ движенія онъ совсѣмъ не вѣрилъ и сообщалъ тогда же Сергѣю Соболевскому, что польское движеніе будетъ имѣть ужасныя послѣдствія. Для людей смущенныхъ и колеблющихся надежнѣйшая точка опоры — религія. Послѣ цѣлаго ряда лѣтъ равнодушія къ обрядности и небыванія на исповѣди Мицкевичъ причастился 2 февраля 1831 года и сдѣлался рѣшительнымъ римскимъ католикомъ, чѣмъ не мало удивилъ своихъ русскихъ знакомыхъ, напримѣръ, Хлюстиныхъ. Семенъ Хлюстинъ, образованный гвардейскій офицеръ, упрекалъ его въ томъ, что онъ далъ себя поймать въ сѣти de la caste infernale, source de tous nos malheurs politiques. C'est dans ces opinions que Vous ai connu; dois-je vous trouver changé? Мицкевичъ зналъ, что его ждутъ въ Польшѣ, что ему надо вступить въ ряды сражающихся. Сами русскіе этого отъ него ожидали. Тотъ же Хлюстинъ упрекнулъ его въ концѣ ноября 1831 года: mourir là bas eut été un sort digne de Vous. Мицкевичъ собирался, но безъ спѣху, и направился окольнымъ путемъ на Женеву и Парижъ, гдѣ лично познакомился съ Ламеннэ. Когда не раньше августа 1831 г. онъ добрался чрезъ Дрезденъ до пограничья Россіи, уже было поздно. Сдача Варшавы послѣдовала 26 августа 1831 г. Остатки польскаго войска, обѣ сеймовыя палаты, все, что̀ было самаго даровитаго въ польскомъ обществѣ, уходило на западъ и остановилось только въ Парижѣ, на выходствѣ, съ мечтами о реваншѣ. Конституція 1818 г. была въ царствѣ польскомъ отмѣнена, а въ литовскихъ губерніяхъ русское правительство, укрѣпляя снизу устои своего господства, упразднило значительную часть дорогихъ сердцу Мицкевича остатковъ былого прошлаго. Тогда послѣ полнаго погрома и крушенія всѣхъ надеждъ въ настоящемъ,

Мицкевичъ ощутилъ въ душѣ тотъ толчокъ извнѣ, въ которомъ онъ нуждался для творчества. Онъ признавался въ 1832 году Лелевелю, что рукъ своихъ онъ не сложитъ бездѣятельно, „какъ въ гробу“. Онъ почувствовалъ въ себѣ призваніе воодушевить упавшихъ духомъ, воскресить надежды, ободрить своихъ земляковъ, которыхъ онъ сталъ опять духовнымъ вождемъ и путеводителемъ. Онъ ощутилъ давно небывалый, громадный приливъ вдохновенія. „Я сталъ машиною для письма,—писалъ онъ,—и написалъ въ мѣсяцъ столько, что оно равно половинѣ или трети всего когда-либо мною написаннаго“. Онъ рѣшилъ продолжать войну перомъ, когда мечи опустились въ ножны. Это лихорадочное возбужденіе продолжалось весь 1832 г. даже и въ Парижѣ, откуда онъ писалъ къ Хлюстиной 24 ноября 1832 года: je suis occupé des travaux littéraires, écrivant et imprimant avec une chaleur fièvreuse et des mouvements convulsifs. Cela m'empêche de devenir fou.

Перенесемся мысленно въ весну 1832, въ небольшое общество польское въ Дрезденѣ, въ средѣ котораго были и старые виленскіе товарищи Мицкевича, Одынецъ и Домейко. Могучій лирикъ, первостепенный эпикъ, Мицкевичъ всю жизнь возился съ мыслью написать великую драму, которую онъ считалъ наивысшимъ родомъ поэтическаго творчества. Идея о соискательствѣ пальмы первенства въ драмѣ преслѣдовала его съ 1826 г. съ Москвы; въ началѣ 1827 г. ему понравился прослушанный по рукописи Борисъ Годуновъ Пушкина. Единственная драма, соотвѣтствующая требованіямъ эпохи, была на его взглядъ драма историческая (Korr. IV, 101—104). Онъ былъ тогда завзятый шекспиріанецъ (zabity szekspirzysta), и совѣтовалъ всякую шекспировскую пьесу изучать. Гёте онъ уважалъ только за „Гёца“. Онъ признавался въ письмахъ къ Одынцу: „я въ огонь бросилъ нѣсколько драмъ готовыхъ и нѣсколько на половину конченныхъ и до сихъ поръ не собрался написать трагедію, а между тѣмъ сѣдѣю и теряю зубы“. Съ какимъ напряженіемъ слѣдилъ Мицкевичъ за драматическими новинками, то видно изъ одного его петербургскаго письма 20 мая 1828 г. (Korr. IV, 104) къ Одынцу: „Бѣги къ книгопродавцу, ищи, покупай, хватай и читай les soirées de Neuilly—драматическія сцены—лучшее произведеніе нашей эпохи, могущее произвести или предвозвѣщающее новый родъ драматургіи, отличный отъ драмы греческой и отъ шекспировской“. Эта книжка теперь забыта, она написана въ складчину гг. Dittmer и Caré. Мицкевичу особенно понравилась въ книжкѣ Une conspiration sous l'Empire (1812 г.

или Mallet. Она имѣетъ многія черты, общія съ явившимися вскорѣ потомъ Кромвелемъ и Эрнани Гюго и съ Генрихомъ III Дюма. Книжка прельстила Мицкевича крайнимъ индивидуализмомъ чувства, возможностью влагать въ драму сколько угодно лирики и эпоса, не стѣсняясь требованіями единства времени, мѣста и дѣйствія старой рутины. Расположеніе къ драмѣ Мицкевича измѣняется во время его заграничныхъ странствованій, переходитъ съ исторической на философскую драму, на борьбу гордой и храброй единичной личности съ міровыми силами, которымъ она не поддается. Въ Римѣ передъ самымъ обращеніемъ Мицкевича въ римскій католицизмъ, онъ вчитывался въ Эсхилова Прометея, съ тѣмъ, чтобы выразить ту же идею согласно съ условіями и требованіями, истекающими изъ христіанства. Начиная съ освобожденія своего изъ заключенія, Мицкевичъ сдѣлался замкнутымъ въ себѣ и мало дѣлящимся съ другими человѣкомъ. Его „Валленрода“ не уразумѣли вполнѣ ни поляки, ни русскіе; всѣ восторгались сюжетомъ и формою, но не постигали вполнѣ, что это исторія его собственной души. Во время странствованій по Россіи онъ былъ постоянно развлекаемъ и не могъ сосредоточиться. Изъ отрывка „Петербургъ“ мы узнаемъ, что отводилъ здѣсь душу бесѣдами съ живописцемъ, предсѣдателемъ масонской ложи, мистикомъ Олешкевичемъ; Олешкевичъ познакомилъ его съ писаніями Сенъ-Мартена, Якова Бёмэ и Сведенборга. Мицкевичъ дѣлилъ время и съ братьями-земляками, такими же, какъ онъ, скитальцами по Россіи, но это общеніе не ободряло его, а скорѣе приводило въ угнетенное состояніе.

Мицкевичъ изображаетъ ихъ въ отрывкѣ „Петербургъ“, какъ у нихъ опускаются отъ отчаянія руки среди гранитовъ Петербурга при мысли о томъ, что человѣкъ этихъ камней не опрокинетъ. Между ними онъ только одинъ вперилъ свои взоры, точно два ножа, во дворецъ, и стоялъ предъ этимъ дворцомъ злобно усмѣхающійся и мрачный, точно Самсонъ въ храмѣ у филистимлянъ. Онъ утверждаетъ, что былъ откровененъ съ друзьями русскими, но предъ властями притворялся (pełzając milczkiem jak wąż ładziłem despotę).

Послѣ его превращенія въ усерднаго католика даже близкіе къ нему люди русскіе перестали его понимать, напримѣръ, Хлюстинъ (Korr. III, 144), который писалъ къ нему: „Il faut nécéssairement un soutien en ce monde... J'avais cru, que comme moi vous trouviez cet appui dans la haine du fort et non dans un amour imaginaire, capricieux, emollient, apte à ne seduire que les âmes faibles ou plutôt les hommes sans âme. Послѣ крушенія

всѣхъ надеждъ, возлагавшихся на мятежъ, Мицкевичъ, рѣшившійся вести уже не матеріальную, но идейную войну за родину, созналъ, что онъ попалъ на настоящую дорогу, что онъ нашелъ сюжетъ для драмы и реалистической (такъ какъ она взята была живьемъ изъ пережитаго имъ лично) и прометеевской (такъ какъ она должна была передать и страданіе его, какъ патріота, среди погрома его націи, и вѣру его, что нація не погибнетъ). Сюжетомъ для драмы онъ не захотѣлъ избрать самую катастрофу 1831 г., въ которой онъ не принималъ никакого участія, за что не переставали его попрекать; но передъ мысленными его глазами предстало въ видѣ введенія, въ видѣ прелюдіи къ этой катастрофѣ, виленское заключеніе въ монастырѣ базиліанъ въ 1823 г. Онъ вспомнилъ тотъ внутренній переломъ въ своей душѣ, вслѣдствіе котораго онъ переродился, пришелъ сначала въ опьянѣніе отъ титаническихъ валленродовыхъ замысловъ, а потомъ послѣ цѣлаго ряда испытанныхъ бурь въ сердцѣ отъ столкновенія самыхъ противоположныхъ чувствъ, онъ затѣмъ нашелъ окончательное успокоеніе въ пристани твердой религіозной вѣры въ свѣтлое будущее. Лучшій новѣйшій жизнеописатель Мицкевича, Калленбахъ, справедливо замѣчаетъ, что римскій Мицкевичъ 1830 года переселился въ виленскую тюрьму филаретовъ 1823 года и внесъ въ историческую драму слѣдственнаго дѣла тонкій субъективно религіозный элементъ, чуждый этому виленскому дѣлу, т.-е. окрасилъ сужденіе Мицкевича о людяхъ и событіяхъ 1823 г. свѣтомъ того міросозерцанія, которое онъ выработалъ только въ Римѣ въ 1830 году. Таковъ общій характеръ произведенія. Вникнемъ теперь въ его подробности.

Идея „Дѣдовъ“ не оставляла поэта до его смерти. Тотчасъ послѣ окончанія „Пана Тадеуша“ (въ февралѣ 1834 г.) онъ писалъ Одынцу, что еще вернется къ „Дѣдамъ“ и намѣренъ сдѣлать изъ нихъ единственное свое сочиненіе, достойное того, чтобы его читали (Korr. I, 99). Планъ былъ весьма широкъ. Мицкевичъ задался мыслью представить страданія націи послѣ раздѣловъ Польши и потуги націи къ возрожденію, заключеніе Косцюшки и его товарищей въ Петропавловской крѣпости, бытъ ссыльныхъ на каторгѣ и на поселеніи. Изъ общаго, никогда недождавшагося своего осуществленія, цѣлаго выхваченъ только одинъ виленскій эпизодъ. Подобно Пушкину, обнаружившему великое мастерство только въ отдѣльныхъ драматическихъ сценахъ, но не въ цѣльной закругленной драмѣ, Мицкевичъ написалъ

только прологъ и 9 явленій, образующихъ лишь одно дѣйствіе. Прологъ происходитъ въ кельѣ узника, который отмѣчаетъ на стѣнѣ, что изъ Густава онъ переродился въ Конрада. Составъ дѣйствующихъ лицъ—чисто романтическій, какъ и у Гёте: люди, безплотные духи и олицетворенія, ангелы, потѣшные черти какъ у Данта, залѣзающіе въ людей и изъ нихъ изгоняемые. Между дѣйствующими лицами нѣтъ прочныхъ связей, основанныхъ на ихъ взаимодѣйствіи въ драмѣ. Дѣйствіе переносится изъ Вильны въ Галицію (IV явленіе) для передачи разговора двухъ дѣвушекъ, изъ которыхъ одна, очевидно, Генріетта Анквичъ, а другая—ея подруга Лемницкая, потомъ въ Варшаву для охарактеризованія бездушія и пошлости свѣтскихъ салоновъ варшавскихъ (VII явленіе). Это такъ называемые репуссуары, искусственные способы выдвинуть впередъ и рельефнѣе представить виленскія событія, которымъ придано значеніе, какого они въ дѣйствительности не имѣли,—значеніе момента, рѣшающаго судьбы цѣлой націи, между тѣмъ какъ они были только далекою подготовкою послѣдовавшаго затѣмъ. Новому своему созданію Мицкевичъ затруднился дать особое заглавіе; онъ его пріурочилъ къ нѣкогда изданнымъ въ Вильнѣ „Дѣдамъ“, но сшито оно съ этими „Дѣдами“, такъ сказать, бѣлою ниткою. Связь его съ „Дѣдами“ сводится только къ тому, что въ обоихъ произведеніяхъ дѣйствуетъ Густавъ-Конрадъ, т.-е. самъ поэтъ подъ псевдонимомъ. Названо новое произведеніе 3-ею частью „Дѣдовъ“, а не 5-ою (послѣ 4-й виленской) потому только, что въ 4-й части Густавъ представленъ какъ привидѣніе человѣка, уже съ физическою жизнью своею разставшагося, между тѣмъ какъ въ новой 3-ей части, написанной въ Дрезденѣ, онъ еще живъ и только отправляется въ ссылку изъ тюрьмы. Въ послѣднемъ, IX явленіи 3-ей части „Дѣдовъ“ воспроизведена опять, какъ и въ прежней 2-й части, ночь на кладбищѣ съ народомъ и съ гусляромъ, вызывающимъ умершихъ посредствомъ заклинаній.

Пастушка изъ 2-й части „Дѣдовъ“ требуетъ, чтобы гусляръ вызвалъ душу ея любовника. Вызовъ не дѣйствуетъ. Гусляръ объявляетъ: „Женщина! твой любовникъ либо измѣнилъ вѣрѣ отцовъ, либо переименовался новымъ именемъ“... Въ эту минуту по пути отъ Гедиминова града (Вильно) десятки почтовыхъ кибитокъ устремляются на сѣверъ; на одной изъ нихъ женщина узнаетъ того, кого она искала. Для возсозданія виленскихъ явленій и происшествій Мицкевичъ чертилъ ихъ живо по личнымъ воспоминаніямъ, которыя онъ хранилъ необычайно свѣжими. Какъ Байрону, такъ и Мицкевичу свойственна

была удивительная память переживаемыхъ эмоцій. Онъ пользовался еще брошюрою Лелевеля: „Новосильцевъ въ Вильнѣ“. Реализмъ, съ которымъ Мицкевичъ воспроизводилъ свои виленскія впечатлѣнія, приводилъ въ удивленіе его товарищей филаретовъ. Все правдиво до мелочей, хотя приподнято и идеализировано и въ положительномъ, и въ отрицательномъ смыслѣ: сенаторъ-попечитель, ректоръ университета Пеликанъ, слѣдователи, Байковъ, услужливый докторъ, въ которомъ легко было узнать профессора Бэкю, такъ какъ и въ дѣйствительности онъ былъ убитъ ударомъ грома въ своемъ кабинетѣ и точно такъ же громомъ пораженъ докторъ въ драмѣ. Введеніемъ въ составъ дѣйствовавшихъ лицъ профессора Бэкю Мицкевичъ самымъ чувствительнымъ образомъ уязвилъ младшаго своего товарища по выходству, великаго польскаго поэта Юлія Словацкаго, который приходился пасынкомъ професcору Бэкю.—По искусству сатирическаго бичеванія, по ѣдкости сарказма и силѣ негодованія виленскія сцены должны быть отнесены къ числу самыхъ удачныхъ, самыхъ сильныхъ писаній Мицкевича. Ночныя свиданія арестантовъ въ монастырѣ, при содѣйствіи сторожей, и бесѣды ихъ переданы съ такимъ яркимъ очертаніемъ каждаго изъ нихъ, что запечатлѣваются неизгладимо въ памяти. Но какъ ни возвышаетъ Мицкевичъ своихъ товарищей по своимъ воспоминаніямъ, они не доростаютъ до Конрада, не поспѣваютъ за нимъ, такъ что съ первыхъ же явленій всѣхъ ихъ подавляетъ Конрадъ своею могучею личностью, вмѣщающею въ своемъ умѣ все, что̀ въ послѣднія 7 лѣтъ передумалъ и до чего въ своемъ прометеизмѣ дошелъ Мицкевичъ. Между товарищами онъ импровизаторъ, вѣщій человѣкъ, прорицатель, волнуемый самыми мрачными предчувствіями. Въ день, когда происходитъ сценическое дѣйствіе, онъ особенно мраченъ, онъ поетъ пѣснь о мести врагамъ съ Богомъ или и безъ Бога, онъ падаетъ въ обморокъ въ минуту, когда передъ приходомъ рунда арестанты разбѣжались по кельямъ. Придя въ себя, онъ произноситъ такъ называемую *импровизацію*, состоящую изъ 280 стиховъ исключительнаго достоинства, такого, что по сравненію со всѣмъ остальнымъ въ 3-й части „Дѣдовъ“ „импровизація“ сіяетъ какъ крупный алмазъ на перстнѣ, при блескѣ котораго погасаютъ всѣ другіе меньшей величины камешки. Это волканическое изверженіе поэзіи образуетъ нѣчто закругленное, цѣльное. Оно вылилось за-разъ изъ души поэта, въ одну ночь, послѣдовавшую, вѣроятно, послѣ того дня, когда ему показалось, что надъ головою его разбилась чаша съ поэзіею, которая на него пролилась. Сосѣдъ Мицкевича по квар-

тирѣ, Орпишевскій, слышалъ за стѣною, какъ декламировалъ Мицкевичъ стихи, какъ потомъ послѣдовало паденіе чего-то на полъ, а потомъ тишина. Зашедши къ Мицкевичу на другой день, Одынецъ нашелъ Мицкевича полуодѣтымъ, лежащимъ на полу и очень блѣднымъ. Мицкевичъ разсказывалъ, что послѣ крайняго истощенія силъ на импровизацію онъ съ величайшимъ трудомъ превозмогъ себя и написалъ ее. Вся импровизація есть не что иное какъ обвинительная рѣчь противъ судьбы, а такъ какъ Мицкевичъ—не пантеистъ, подобно Гёте, и не сомнѣвающійся скептикъ, подобно Байрону, а лично вѣрующій въ личнаго же Бога человѣкъ, то рѣчь Конрада есть обвиненіе самого Бога, есть отрицаніе его справедливости и доброты. Импровизацію сопоставляли съ „Фаустомъ“ Гёте, съ „Манфредомъ“ и „Каиномъ“ Байрона, но ничего общаго между нею и этими произведеніями нѣтъ, кромѣ только одной формы философской драмы. Разбирая импровизацію по всему ея складу, можно въ ней доискаться нѣкоторыхъ не то заимствованій, не то простыхъ совпаденій съ одною, гораздо слабѣйшею, Méditation poétique Ламартина подъ заглавіемъ „Dieu“ или съ „Моисеемъ“ де-Виньи. Единственное созданіе, съ которымъ слѣдовало бы сравнивать „импровизацію“ Конрада по всему ея замыслу, по основной идеѣ — это гётевскій фрагментъ „Прометей“, опубликованный впервые въ 1830 г.: слѣдовательно возможно, что онъ попалъ въ руки Мицкевичу въ Дрезденѣ въ 1832 году. Въ обоихъ произведеніяхъ дышетъ гордое сознаніе всемогущества мысли, творчества и умственной власти надъ людьми, но разница между поэтами та, что гётевскій „Прометей“—только художникъ, отстаивающій свое творчество и прямо отказывающій Богу въ своемъ повиновеніи и послушаніи: „Hier sitze ich, forme Menschen nach meinem Bilde, ...Ein Geschlecht, das mir gleich sei zu leiden, weinen, zu geniessen und zu freuen sich Und dein nicht zu achten—Wie ich!—Прометея удовлетворяетъ вполнѣ его творчество. Ему все равно, господствуетъ ли добро въ мірѣ внѣшнемъ, подчиненномъ богамъ. Онъ пренебрегаетъ Зевсомъ и не хочетъ ему поклоняться возражая: Hast du die Schmerzen gelindert jedes Beladenen? Hast du die Thränen gestillt jedes Geängstigten?..

Конрадъ обращается къ Богу тоже во всеоружіи мысли, которая раскрыла тайны вселенной, но онъ обладаетъ еще несравненно болѣе дѣйствительнымъ орудіемъ — властью чувства, самопитающагося какъ вулканъ и дымящагося только словами. „Ту власть я не взялъ,—говоритъ Конрадъ,—съ райскаго дерева, изъ книгъ или отъ разрѣшенія задачъ. Я родился творцомъ“.

Рѣзкая особенность Конрада, совсѣмъ отдѣляющая его отъ Прометея, та, что онъ не представитель какого-то неопредѣленнаго, отвлеченнаго полу-миѳическаго человѣчества, а живое олицетвореніе извѣстной значительной страдающей группы людей: „я воплощенъ въ отечество, я поглотилъ его душу. Мое имя—милліонъ, потому что за милліоны люблю и выношу мученія. Я и отечество,—все одно". Затѣмъ идутъ постепенно усиливающіяся моленія: „Если правда, что ты любишь, если чувствующее сердце было въ числѣ звѣрей, спасенныхъ тобою въ ковчегѣ отъ потопа, если на милліонъ людей вопіющихъ: спаси насъ!—ты не глядишь, какъ на выводы уравненія, если любовь на что-нибудь годится и не есть твоя погрѣшность при разсчетѣ"... За моленіями наступаютъ угрозы: „Чувство сожжетъ, чего мысль не сломитъ. То чувство я сожму, начиню имъ желѣзное орудіе моей воли и выстрѣлю въ Твою природу. Если же сокрушу ее въ дребезги, то потрясу все твое царство, потому что провозглашу по всѣмъ областямъ созданія то, что изъ поколѣній перейдетъ потомъ въ поколѣнія, что ты не отецъ міровъ, а только деспотъ". Послѣдняго слова не договорилъ узникъ, павшій замертво на земь. Слово это досказано за него увивающимися кругомъ его чертями. Въ этомъ бунтованіи, доведенномъ до богохуленія, Конрада слышится такое страшное голоданіе, такое алканіе добра, такая потребность вѣрить въ Божію доброту, въ царствіе Божіе на землѣ, что предвидится неминуемое прощеніе хулителя за припадокъ бѣшенства отъ невыносимой боли, отъ преизбытка любви къ братьямъ. На физическомъ изнеможеніи главнаго дѣйствующаго лица въ моментъ наисильнѣйшаго разгара его страсти драма не можетъ обрываться. Она по необходимости требуетъ развязки, которая, по намѣченному еще Аристотелемъ (въ его поэтикѣ), не превзойденному до сихъ поръ правилу, должна состоять въ katharsis, въ очищеніи и успокоеніи чувствъ ужаса и соболѣзнованія, вызванныхъ дѣйствіемъ разыгравшихся страстей. Неизвѣстно, имѣлъ ли Мицкевичъ въ виду развязку, когда въ полусознательномъ вдохновенномъ состояніи однимъ залпомъ въ одну ночь сочинилъ импровизацію, но развязка эта имѣется въ третьей части „Дѣдовъ": она—чисто мистическая. Она дана посредствомъ введенія въ произведеніе новаго дѣйствующаго лица, не реальнаго, а вымышленнаго, а именно, монаха ксендза Петра, который изгоняетъ изъ Конрада овладѣвшаго имъ бѣса и успокоиваетъ его. Остановимся на этой, весьма мало удовлетворительной для насъ развязкѣ.

Мицкевичъ передавалъ потомъ Одынцу, что импровизація Конрада была послѣднимъ поворотнымъ его пунктомъ въ байроновскомъ направленіи. То этическое чутье, которое никогда не покидало Мицкевича, заставляло его, когда онъ увлекался, осуждать себя за увлеченіе и въ 4-ой части „Дѣдовъ" въ лицѣ Густава и въ „Валленродѣ". Оно же понудило его противопоставить доходящему до богохуленія безумцу его же двойника—монаха Петра, то-есть того же Мицкевича, но уже вѣрующаго, какимъ онъ сталъ только въ Римѣ и который удивилъ тѣмъ своихъ русскихъ друзей въ родѣ Семена Хлюстина. Видѣніе ксендза Петра изображаетъ состояніе души поэта, когда возстановилось въ ней равновѣсіе ея силъ, посредствомъ поверженія себя и всего олицетворяемаго ею народа предъ божествомъ не отвлеченнымъ, не предугадываемымъ только, то-есть метафизическимъ, но живымъ, личнымъ, какимъ его изображаетъ церковь, въ которую вошелъ Мицкевичъ въ этомъ періодѣ жизни и въ общеніи съ которою онъ чувствовалъ, что силы его и вліяніе удвоились. Но и послѣ того, какъ Мицкевичъ смирилъ свою гордыню и сдѣлался страстно вѣрующимъ въ личнаго Бога и въ безсмертіе души, онъ все-таки остался самъ собою, въ немъ сохранилось еще много той могучей самостоятельности, которая воодушевляла нѣкогда пророковъ, а порою и ересіарховъ, которая заставляла ихъ доискиваться прямого общенія съ Богомъ помимо синагоги или церкви. Всю жизнь свою онъ сознавалъ то, о чемъ писалъ потомъ въ 1843 г. къ поэту Гощинскому (Korresp. I, 200): „Мы не вѣтвь церкви, мы выростаемъ изъ пня ея вверхъ тѣмъ же ея древеснымъ мозгомъ; мы не рукавъ и не заливъ, а самое среднее русло жизни церкви". Никогда Мицкевичъ не могъ бы ограничиться простымъ фаталистическимъ преклоненіемъ передъ волею божества. Требовалось ободрить и укрѣпить себя и другихъ послѣ исчезновенія всѣхъ, повидимому, раціональныхъ поводовъ къ надеждамъ, требовалось заставить себя и другихъ sperare contra spem. Единственнымъ пристанищемъ для людей, надѣющихся во что бы ни стало, бываетъ не предвидѣніе, а прорицательство, вѣра въ чудесное, мистицизмъ. Мицкевичъ чувствовалъ въ себѣ призваніе къ такому предвосхищенію будущаго; не даромъ онъ еще въ 1829 г. предсказывалъ паденіе Бурбоновъ и возвращеніе Наполеоновской династіи во Франціи. Теперь это расположеніе къ пророчеству выразилось въ формѣ польскаго *мессіанизма*, теоріи, составляющей слабѣйшую и уже вполнѣ отжившую часть его міросозерцанія, но которая увлекала всѣхъ его современниковъ, пришед-

шихъ къ этому же мессіанизму помимо всякаго его внушенія, напримѣръ, Сигизмунда Красинскаго, Юлія Словацкаго и большей части интеллигенціи польскаго выходства. Чтобы постигнуть успѣхъ этой идеи, теперь безповоротно покинутой, слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ то время была въ полномъ цвѣту односторонняя теорія національностей, претендовавшая на подчиненіе націонализму идеи государственности; предполагаемо было, что всякая національность имѣетъ безусловное право на политическую самобытность; разсуждаемо было пресерьезнѣйшимъ образомъ не о способности той или другой націи разрѣшать извѣстныя задачи, но о призваніяхъ націй, исходящихъ свыше отъ Провидѣнія, объ идеалахъ націи, для нея предначертанныхъ, о возможности паденія націй не по ихъ собственной винѣ, а только вслѣдствіе того, что эти предначертанные идеалы оказались неосуществимыми въ единственно мыслимой по тогдашнимъ представленіямъ формѣ самостоятельнаго политическаго бытія, хотя бы то для разума казалось невозможнымъ. Въ видѣніи ксендза Петра есть много загадочнаго, чего и самъ Мицкевичъ не могъ объяснить, напримѣръ, кто будущій спаситель или кабалистическое число 44. Сама идея мессіанизма не есть изобрѣтеніе Мицкевича. Онъ ее заимствовалъ отъ упомянутаго въ настоящихъ чтеніяхъ варшавскаго профессора Казиміра Бродзинскаго, который 3-го мая 1831 г. въ послѣднемъ засѣданіи общества любителей наукъ въ Варшавѣ въ домѣ Сташица (гдѣ нынѣ 1-я гимназія), читая „о народности поляковъ", уподоблялъ самому Христу польскій народъ, если бы ему пришлось пострадать ради свободы Европы и быть увѣнчану терновымъ вѣнцомъ. Увлекаемый идеею польскаго мессіанизма, Мицкевичъ сдѣлался сначала публицистомъ и издалъ написанныя имъ уже въ Парижѣ „Книги польскаго народа и паломничества" (1832 г. декабрь), вдохновившія Ламеннэ и заставившія его написать „Paroles d'un croyant". Обѣ книги осуждены были Ватиканомъ и запрещены. Какъ публицистъ, Мицкевичъ оказался ненадежнымъ наставникомъ. Начертанный имъ трактатъ морали для выходца проникнутъ фальшивымъ самомнѣніемъ, что поляки народъ избранный, что этотъ народъ—носитель единственно христіанской морали, между тѣмъ какъ другіе народы пребываютъ въ морали языческой. Не довольствуясь ролью наставника, Мицкевичъ размѣнялъ себя, такъ сказать, на мѣдныя деньги и сталъ писать передовыя газетныя статьи для того шумнаго политическаго муравейника, который представляло собою польское выходство въ Парижѣ послѣ 1831 года. Въ составъ этой смѣшанной толпы

входили остатки сейма, государственные люди, даровитѣйшіе поэты, болѣе блистательные, нежели всѣ, какихъ когда бы то было имѣлъ польскій народъ, но также и большое количество самой негодной сволочи, съ которою нельзя было, не роняя себя, даже и состязаться на почвѣ повременной прессы. Польское выходство во Франціи представляло собою всю націю въ миніатюрѣ. Въ немъ имѣлось столько же крошечныхъ партій, сколько въ націи большихъ; выходцы разныхъ партій отъ нечего дѣлать поѣдали другъ друга, закидывали себя грязью, а кто былъ нахальнѣе и громче кричалъ, тотъ получалъ перевѣсъ. Всякая партія выдавала себя за представительство родины и пыталась, извнѣ дѣйствуя, родину эту возмущать, присылая ей своихъ эмиссаровъ. Наиболѣе сторонниковъ имѣла крайняя демократическая партія, ставящая себѣ программою поднять крестьянъ и истребить помѣщиковъ, то-есть вырѣзать прежнюю шляхту. Выходцы-поляки принимали участіе во всякой европейской суматохѣ, когда она могла, по ихъ мнѣнію, повести къ обще-европейскому перевороту, и снискали для польской націи репутацію народа безпокойнаго, склоннаго къ бунтованію и революціямъ. Я обхожу молчаніемъ публицистическую дѣятельность Мицкевича, по которой можетъ производить раскопки историкъ, но которая ничего не прибавляетъ къ ходу эволюціи его художественнаго творчества, то-есть къ вопросу о томъ, что̀ отъ Мицкевича осталось вѣковѣчно безсмертнаго въ области поэзіи. Публицистическая дѣятельность Мицкевича имѣетъ только ту связь съ задачею, которую я себѣ поставилъ, что завязшій въ эмиграціонной сутолокѣ Мицкевичъ, признававшійся, что онъ похожъ теперь на французскаго солдата, вернувшагося изъ Россіи изъ похода 1812 года деморализированнымъ, оборваннымъ, почти безъ сапогъ, Мицкевичъ, нѣсколько опустившійся и сдѣлавшійся изъ свѣтскаго даже неряшливымъ человѣкомъ, лишившійся средствъ, обезпечивающихъ его матеріальное существованіе, такъ какъ по разорваніи связей его съ Россіею произведенія его сдѣлались запретными и не расходились въ продажѣ на родинѣ, почувствовалъ необходимость бѣжать отъ толкотни, отъ проклятій, перебранокъ и лжи, уединялся, удалялся мысленно въ край, „гдѣ легче забыть свою тоску, гдѣ есть хотя бы малая отрада поляку...“—въ край юныхъ лѣтъ, гдѣ „рѣдко плакалъ я,—писалъ онъ,—и никогда не скрежеталъ зубами“ ..

Плодомъ этого погруженія своего въ юношескія воспоминанія былъ „Панъ Тадеушъ“, капитальнѣйшее и наиболѣе нынѣ

популярное изъ всѣхъ произведеній Мицкевича, на которомъ и кончается собственно его поэтическое творчество, продолжавшееся съ небольшимъ 15 лѣтъ (1819—1834) и прекратившееся на 35-мъ году его возраста. Оно короче пушкинскаго, такъ какъ Пушкинъ, который былъ на 5 мѣсяцевъ моложе Мицкевича и пораженъ былъ въ 1837 году пулею Дантеса при полномъ еще дѣйствіи своего творческаго дарованія.

Поэма „Панъ Тадеушъ“ есть возвратъ поэта къ первому его началу, къ воспоминаніямъ самой ранней молодости. Хотя она занята разсказомъ о обыденнѣйшихъ предметахъ и событіяхъ, но писана стихами. При появленіи своемъ она произвела престранное впечатлѣніе. Она не понравилась; она отвлекала поляковъ-выходцевъ отъ работъ, которыя они считали насущнѣйшею своею задачею, отъ политики, отъ животрепещущихъ вопросовъ настоящаго. Чрезвычайно простая, лишенная всякой напыщенности, она еще менѣе соотвѣтствовала ожиданіямъ польской публики, нежели однородная съ нею повѣсть въ стихахъ „Евгеній Онѣгинъ“,—ожиданіямъ русской публики отъ Пушкина. Постигли высокую цѣнность произведенія только отборныя натуры. „Панъ Тадеушъ“ обезоружилъ Юлія Словацкаго, лично оскорбленнаго Мицкевичемъ помѣщеніемъ вотчима его Бэкю въ 3-ей части „Дѣдовъ“ въ весьма некрасивомъ видѣ. Словацкій въ письмѣ къ матери выражаетъ слѣдующее: „Природа вся въ поэмѣ живетъ и чувствуетъ, тонъ какъ будто бы шутливый, но въ самыхъ веселыхъ мѣстахъ за сердце хватаетъ грусть“. Сигизмундъ Красинскій сначала отнесся къ поэмѣ слегка, но въ письмѣ 1840 г. онъ восторгается безъ оговорокъ поэмою, выражается, что она безподобна, и это убѣжденіе раздѣляетъ безъ изъятія вся современная польская критика, считающая „Пана Тадеуша“ совершеннѣйшимъ произведеніемъ Мицкевича. Приведу нѣсколько строкъ изъ отзыва Красинскаго: „Ни одинъ европейскій народъ не имѣетъ нынѣ такой эпопеи. Донъ-Кихотъ слился какъ будто бы съ Иліадою. Поэтъ стоитъ на перешейкѣ между исчезающимъ поколѣніемъ людей и нами. Это и есть точка зрѣнія эпопеическая. Мертвыхъ онъ увѣковѣчилъ, они не умрутъ. Шесть лѣтъ тому назадъ я не постигъ значенія поэмы, сегодня бью челомъ и говорю: это эпопея. Больше сказать нельзя и не надо“. „Панъ Тадеушъ“ можетъ служить неопровержимымъ доказательствомъ многосторонности и богатства дарованія Мицкевича, способности его послѣ силь-

нѣйшихъ порывовъ страсти вернуть себѣ самообладаніе, возстановить потерянное равновѣсіе и полное психическое здоровье, и пропѣть пѣсню не печальную, а такую, въ которой его самого какъ будто бы и совсѣмъ нѣтъ, а есть только природа и люди, написанные такъ живо, что читатель испытываетъ полную иллюзію реальности, хотя это реальное безъ всякаго намѣренія его творца вышло красивѣе бывшаго въ дѣйствительности, потому что таково уже свойство поэтическаго дарованія, что оно идеализируетъ и облагораживаетъ все, къ чему только прикоснется.

Интересно знать, какъ слагалось и выработывалось произведеніе [1]). Оно писалось весьма быстро, несмотря на постоянныя отвлеченія отъ этого занятія и большіе перерывы въ работѣ. И начатъ былъ и конченъ „Панъ Тадеушъ“ въ Парижѣ. Въ декабрѣ 1832 г. Мицкевичъ сообщаетъ Одынцу: „пишу шляхетскую поэму въ родѣ Германа и Доротеи, написалъ уже тысячу стиховъ“. Одновременно приходилось автору писать журнальныя статьи, совершить по заказу ради денегъ переводъ „Гяура“ лорда Байрона. Въ апрѣлѣ 1833 г. Мицкевичъ вернулся къ своему любимому дѣтищу—сельской поэмѣ. „Когда я ее пишу,—отмѣтилъ поэтъ,—мнѣ кажется, что я сижу въ Литвѣ. Какъ только имѣю свободную минуту—поэтизирую“. Въ началѣ мая 1833 г. уже были готовы четыре книги, но пришлось все бросить и отправиться спасать сильно больного чахоткою друга Мицкевича, даровитаго поэта и философа гегеліанской школы, Гарчинскаго. Мицкевичъ, обѣщавшій Гарчинскому издать его поэму „Wacław“, ѣдетъ къ нему въ Бэ (Bex) близъ Женевы, исполняетъ всѣ обязанности сидѣлки при больномъ и перевозитъ его въ Авиньонъ, гдѣ Гарчинскій скончался въ сентябрѣ 1833 г. Послѣ этой утраты Мицкевичъ чувствуетъ себя совсѣмъ истощеннымъ, хвораетъ, но съ октября возвращается въ Парижъ опять къ начатой работѣ, при чемъ все уже написанное подверглось дополненію и измѣненію съ существенною передѣлкою самаго плана произведенія. Первоначально поэма была исключительно сельская, съ двумя главными элементами, которыхъ сочетаніе составляло весь сюжетъ: любовь и женитьбу молодца не особенно умнаго, но весьма добраго и честнаго „Тадеуша Соплицы на деревенской паненкѣ Зосѣ. Онъ—Соплица, она—Горешко, между

---

[1]) Хорошая оцѣнка „Пана Тадеуша“ сдѣлана Гостомскимъ въ книгѣ „Arcydzieła poezyi polskiej. Pan Tadeusz“. Krakow, 1894. 286 стр.

ихъ родами была старинная непріязнь, споръ давнишній о землѣ и ея владѣніи, въ которомъ принимаетъ дѣятельное участіе мелкопомѣстная и безпомѣстная шляхта, гнѣздящаяся въ такъ-называемыхъ шляхетскихъ поселкахъ или *застѣнкахъ*. Слабымъ мѣстомъ и капитальнымъ недостаткомъ государственнаго быта Польши было безсиліе власти и суда, трудность добиться приговора, а затѣмъ еще бо̀льшая трудность исполнить приговоръ, осуществить признанное судомъ право. Истецъ, желающій исполнить приговоръ, прибѣгалъ иногда къ содѣйствію братьи-шляхты, они ополчались и помогали осуществить право силою, то-есть дѣлали такъ-называемые нашествія или *заѣзды*. Вслѣдствіе такого выведеннаго въ поэмѣ обычнаго самоуправства, представляющагося вполнѣ незаконнымъ при господствѣ русскихъ государственныхъ порядковъ, сама поэма имѣетъ двойное наименованіе: „Панъ Тадеушъ или послѣдній заѣздъ въ Литвѣ". Тяжба двухъ спорящихъ сторонъ, осложненная заѣздомъ, должна была кончиться бракосочетаніемъ Тадеуша и Зоси, то-есть мировою сдѣлкою. Предполагалось всего 6 пѣсенъ, потомъ много-много 9.

Что касается до времени дѣйствія, то сначала предположено отнести дѣйствіе къ годамъ нѣсколько позднѣйшимъ, нежели нашествіе французовъ. По черновымъ первоначальнымъ наброскамъ, Тадеушъ въ 1 книгѣ, являясь впервые въ домъ своего дяди-судьи, увидѣлъ на стѣнѣ рисунокъ, изображающій смерть князя Іосифа Понятовскаго, утонувшаго, какъ извѣстно, въ рѣкѣ Эльстерѣ въ сраженіи подъ Лейпцигомъ въ 1813 году. Во время 4-мѣсячнаго перерыва работы при ухаживаніи за Гарчинскимъ, у Мицкевича появилась мысль связать свой сельскій разсказъ съ міровыми событіями наполеоновскаго похода на Россію, разумѣется, пристегнувъ его къ красивому началу этого похода, а не къ концу его, то-есть со всѣми ужасами погрома и отступленія. Веселый, исполненный самыхъ свѣтлыхъ ожиданій, походъ долженъ былъ составлять развязку дѣйствія. Ему предшествуетъ появленіе, въ первой книгѣ или пѣснѣ эпоса, главнаго, по измѣненному замыслу, дѣйствующаго въ немъ лица—французскаго политическаго агента или эмиссара, бернардинскаго монаха Робака. Подъ именемъ Робака скрывается нѣкто другой—преступникъ, совершившій смертоубійство и затѣмъ исчезнувшій, родной отецъ Тадеуша и братъ судьи, владѣльца имѣнія Соплицова, воспитывавшаго Тадеуша. Романтизму вообще свойственъ былъ пріемъ выводить дѣйствующихъ лицъ подъ масками, и потомъ ихъ разоблачать. Этимъ пріемомъ охотно пользовался Мицке-

вичъ. Его Гражина наряжалась въ доспѣхи Литавора, Альфъ у него превращается въ Валленрода; подъ облаченіемъ монаха Робака дѣйствуетъ Яцекъ (или Акинѳій) Соплица, нѣкогда важное лицо, вождь и заправила мелкой шляхты, правая рука стольника Горешки, бойкій, ловкій, красивый, влюбившійся въ дочь стольника Еву. Гордый стольникъ ласкалъ Яцка, угощалъ его, пользуясь при его посредствѣ услугами мелкошляхетской партіи, но далъ ему язвительнымъ образомъ почувствовать, что онъ неподходящій женихъ для дочери; онъ выдалъ на глазахъ Яцка дочь за воеводу и не показалъ виду, что онъ знаетъ о взаимной склонности ея и Соплицы.

Яцекъ Соплица былъ тоже гордъ и не унизился до того, чтобы просить стольника. Въ пику стольнику, махнувъ рукою, онъ тоже женился на первой встрѣчной убогой дѣвушкѣ. Съ горя онъ запилъ, опустился, разстроился въ своихъ дѣлахъ, утратилъ популярность. Въ минуту, когда при послѣднемъ раздѣлѣ Польши русскія войска осадили замокъ стольника, Яцекъ, случайно бывшій тутъ, но безъ всякаго сговора съ русскими, въ бѣшеной вспышкѣ злобы повалилъ замертво стольника выстрѣломъ изъ ружья. Жена Яцка умерла, оставивъ одного сына Тадеуша. Каясь за грѣхи, Яцекъ ушелъ въ монахи и обрекъ себя на службу отечеству въ званіи тайнаго политическаго агента. Воевода съ женою увезены въ Сибирь. Послѣ нихъ осталась только дочь, воспитанная въ домѣ судьи Соплицы. Такова новая видоизмѣненная канва повѣствованія. Новыя части приведены въ связь съ прежними и объединены посредствомъ широкихъ вставокъ, вклеенныхъ въ первыя книги поэмы. Расширеніе плана увеличило значительно объемъ произведенія. Вышло цѣлыхъ 12 книгъ или пѣсней, всего въ поэмѣ 10866 стиховъ. Мицкевичъ сообщалъ, что если бы онъ приступалъ къ писанію поэмы съ полнымъ позднѣйшимъ ея содержаніемъ и съ подкладкою подъ нее міровыхъ событій наполеоновскихъ войнъ, то онъ бы повысилъ ея слогъ на полъ-тона или на цѣлый тонъ и сдѣлалъ бы произведеніе болѣе важнымъ и патетическимъ, какъ того и требовали нѣкоторые друзья, напримѣръ, Выбицкій. Я полагаю, что поэма не выиграла бы отъ того, а потеряла бы. Она подкупаетъ читателя прежде всего своею гомеровскою простотою. Введеніе Робака нарушило строгую объективность разсказа и ввело въ эпосъ значительную долю бурнаго, субъективнаго, чисто личнаго элемента. Яцекъ Соплица есть собственно олицетвореніе самого Адама Мицкевича. Въ стольникѣ онъ изобразилъ графа Анквича, который самъ себя въ этомъ портретѣ

узналъ, Мицкевичъ послалъ Генріеттѣ Анквичъ экземпляръ „Пана Таудеша“ съ очерченными карандашемъ относящимися къ ней стихами. Робакъ увлекся и напуталъ, подстрекая сермяжныхъ околичныхъ шляхтичей готовиться къ пріему и чествованію французовъ, къ народному ополченію, къ выметанію сора изъ избы. Онъ преждевременно расшевелилъ эту толпу, унаслѣдовавшую отъ предковъ анархическіе инстинкты, наклонности къ домашнимъ междоусобіямъ, преданія такъ-называемыхъ *заѣздовъ*, то-есть самоуправнаго вмѣшательства въ чужія тяжбы. По смерти стольника Горешки и ссылкѣ воеводы и его жены, замокъ стольника опустѣлъ, частью его владѣній воспользовались Соплицы, въ числѣ которыхъ дядя Тадеуша, судья, сдѣлался знатнымъ лицомъ въ цѣлой мѣстности. Остальную часть Горешковскихъ владѣній унаслѣдовалъ потомокъ Горешковъ по женскому колѣну, молодой графъ, большой чудакъ, англоманъ и дилеттантъ, художникъ романтическаго пошиба. Графъ и судья ладили другъ съ другомъ и уживались, но ихъ окружали меньшіе люди, ихъ домашніе слуги, ревнители чести своихъ господъ и ихъ распрей, науськивающіе ихъ на безпощадную взаимную вражду. Съ одной стороны, преданъ судьѣ возный, то-есть, по-нашему, судебный приставъ, Протазій, олицетворяющій старопольскую ябеду, съ другой — такой же ревнитель интересовъ Горешковъ, ключникъ Гервазій, отчаянный рубака. Графъ повздорилъ съ судьею изъ-за пользованія остатками нежилого замка Горешковъ. Гервазій подстрекнулъ его къ заѣзду на Соплицово при содѣйствіи околичной шляхты для возстановленія владѣнія замкомъ. Заѣздъ совершается безъ кровопролитія, но съ опустошеніемъ кухни, скотнаго двора и виннаго погреба судьи. Наѣвшаяся и напившаяся шляхта расположилась ночевать на мѣстѣ побѣды въ Соплицовѣ, когда туда же подоспѣло охраняющее законный порядокъ русское войско, которое перевязало сонныхъ побѣдителей, безъ всякаго съ ихъ стороны сопротивленія. Пойманнымъ обезоруженнымъ шляхтичамъ грозили суровыя уголовныя наказанія. На выручку имъ появляется Робакъ, какъ квесторъ, собирающій подаянія на монастырь съ возами, въ которыхъ скрыто оружіе и съ сопровождающею возы дружиною завербованныхъ въ другихъ застѣнкахъ сѣряковъ-шляхтичей. И сторонники Соплицовъ, и освобожденные отъ узъ сторонники графа дружными силами устремляются на баталіонъ русскихъ егерей, пришедшій усмирять заѣздъ. Происходитъ сраженіе, кончающееся разбитіемъ русскихъ солдатъ, при чемъ, однако, Робакъ смертельно раненъ русскою пулею въ грудь. Исповѣдь его и примиреніе передъ

смертью съ ключникомъ Гервазіемъ составляютъ эпизодъ, имѣющій среди эпоса сильно драматическій характеръ. Провинившіеся въ стычкѣ съ русскими утекаютъ за Нѣманъ, къ Наполеону. Въ двухъ послѣднихъ книгахъ поэмы они уже опять въ Соплицахъ, какъ польскіе легіонисты. Произведенный въ офицеры Тадеушъ женится на Зосѣ. Графъ своимъ иждивеніемъ поставилъ цѣлый полкъ. На радостяхъ молодая чета, Тадеушъ и Зося, освобождаютъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Конецъ поэмы такой: въ Соплицовѣ пиръ горою, пируютъ польскіе богатыри. На могилу Яцка возложенъ пожалованный ему Наполеономъ знакъ почетнаго легіона. Корчмарь еврей Янкель, онъ же искусный музыкантъ, услаждаетъ присутствующихъ дивнымъ концертомъ на національные мотивы послѣднихъ событій польской исторіи. За музыкою слѣдуютъ танцы. Изображенъ польскій танецъ или полонезъ, какимъ онъ бывалъ въ старину. На небесахъ безоблачно, кругомъ теплый лѣтній вечеръ, полная иллюзія казавшагося невозмутимымъ блаженства, за которою должно было послѣдовать жестокое пробужденіе, неприглядная дѣйствительность, продолжительная полярная зима.

Въ сентябрѣ 1833 г. Мицкевичъ вернулся въ Парижъ усталый и больной. Въ сентябрѣ онъ принялся опять за „Пана Тадеуша“, заперся на дому, видался съ одними только самыми близкими людьми, которымъ читалъ стихи по мѣрѣ того, какъ они отливались имъ на бумагѣ, а писались они съ необычайною быстротою. По словамъ Богдана Залѣскаго, въ половинѣ февраля 1834 года, когда эти друзья были въ сборѣ и тихо бесѣдовали въ сумеркахъ, въ другой комнатѣ при горящемъ каминѣ Мицкевичъ шибко махалъ перомъ по бумагѣ, затѣмъ онъ всталъ весь сіяющій и сказалъ: „слава Богу, я подписалъ подъ Тадеушемъ великое слово finis“. Мы воскликнули: vivat! и бросились его цѣловать; на другой день мы отпраздновали это происшествіе скромнымъ обѣдомъ въ Пале-Роялѣ. Самъ Мицкевичъ давалъ такую оцѣнку своему труду: „кончилъ вчера, вышло 12 большихъ пѣсней; много посредственнаго, много также и хорошаго. Наилучшее, что̀ есть—это картинки съ природы края и изъ нашихъ домашнихъ обычаевъ“.

Мнѣ приходится разобрать, какимъ образомъ случилось, что поэма, написанная на канвѣ не общечеловѣческой, а исключительно національной, мало доступной иностранцамъ и совсѣмъ непохожей на всѣ прежнія великія произведенія поэта, кромѣ одной

только второразрядной повѣсти „Гражины", стала теперь такою популярною, что она переводится на иностранные языки и приходится по вкусу даже русской публикѣ, которая начинаетъ ставить ее выше всѣхъ другихъ произведеній поэта, выше даже столь распространеннаго въ Россіи „Валленрода".

Эпосъ въ наше время сдѣлался величайшею рѣдкостью. Онъ всегда предполагаетъ такое живое и наглядное воспроизведеніе исчезающей или исчезнувшей своеобразно-культурной старины, которая была поэтичнѣе и ближе къ сердцу, нежели одолѣвшая ее и водворившая ее потомъ болѣе послѣдовательная дѣйствительность. Трудно себѣ представить болѣе подвижное и живописное зрѣлище, нежели то, какое представляла кончающаяся Рѣчь Посполитая, павшая отъ того, что она сильно отстала отъ слагавшихся нововременныхъ государствъ и не выработала ни власти, ни порядка, какъ основъ государственнаго быта. Послѣ установленія единоначалія и дисциплины, которыми мы обязаны нововременному бюрократически-полицейскому государственному устройству, поэтичнымъ сюжетомъ становится борьба съ государствомъ человѣческой личности, добивающейся бо̀льшаго простора, большей свободы; но эта борьба располагаетъ только средствами лирики, сатиры, драмы, а не эпоса. Эпосъ обусловливается своеобразностью жизни общественной, въ которой движутся свободно личности, не выдѣляясь особенно изъ массъ, дѣйствуя и поступая не по личному произволу недѣлимыхъ, а по старинѣ, по царящему надъ массами преданію. Мицкевичъ по своему происхожденію принадлежалъ весь дворянской польской культурѣ, но уже находящейся въ той эпохѣ, когда въ нѣдрахъ этой культуры произошло раздвоеніе началъ, когда общество приступило къ обузданію анархическихъ привычекъ, къ ломкѣ кастовыхъ перегородокъ, къ уравненію состояній и ко взятію крестьянъ подъ охрану закона. Драматическіе элементы внутренней борьбы въ быту послѣднихъ лѣтъ Польши Мицкевичъ внесъ въ свой эпосъ. Онъ былъ въ одно и то же время и народникъ, и современный государственникъ, но онъ воображалъ (въ чемъ и ошибался), что самъ народъ сладитъ съ поставленною ему задачею превратиться по собственному почину изъ средневѣковой безурядицы въ нововременное государство. Это сочетаніе въ Мицкевичѣ націонализма и гуманизма, любви къ старинѣ и нововременныхъ потребностей и стремленій сообщаетъ „Пану Тадеушу" такую національно-польскую окраску, какой мы не встрѣчаемъ ни у одного изъ эпиковъ XIX вѣка. Гёте былъ эпикъ, но отличался почти полною атрофіею національнаго чувства.

Этой національной струны не слыхать совсѣмъ въ „Германѣ и Доротеѣ“, въ картинкѣ чисто-филистерскаго буржуазнаго быта и счастія. Ея нѣтъ и у Байрона, который весь свой вѣкъ боролся съ преизбыточнымъ великобританскимъ національзмомъ. Никому изъ европейскихъ поэтовъ, за исключеніемъ однихъ итальянцевъ, не приходилось въ XIX вѣкѣ страдать и бороться за свою націю, обрѣтающуюся въ смертной опасности. Мицкевичъ не имѣлъ вовсе философскаго ума, онъ былъ плохой теоретикъ, даже плохой судья общественныхъ учрежденій бывшей Польши. Въ своей „Книгѣ польскаго народа и паломничества“ и въ своихъ парижскихъ лекціяхъ онъ идеализировалъ не въ мѣру древне-польскія учрежденія; онъ находитъ достоинства даже въ избраніи королей и въ liberum veto. Мы не можемъ раздѣлять съ нимъ даже и тѣхъ воззрѣній, которыя онъ влагаетъ въ уста Войскому въ послѣдней книгѣ поэмы и которыя для большей точности я перевожу прозою: „вы помните, господа молодежь, что среди нашей бурной и полновластной, вооруженной шляхты не надо было полиціи, ибо люди вѣровали и уважали законы. Свобода была при порядкѣ, а слава при достаткѣ. Въ иныхъ краяхъ власть держитъ разныхъ полиціантовъ, драбантовъ, жандармовъ, констаблей, но если одинъ лишь мечъ охраняетъ безопасность, то не вѣрю я, чтобы въ этихъ краяхъ была свобода“! Это—сужденія теоретика, но въ Мицкевичѣ художникъ не всегда ладилъ съ теоретикомъ и съ нравоучителемъ. Въ душѣ его происходили такія же столкновенія между требованіями этики и эстетики, какія и въ Гоголѣ или въ графѣ Львѣ Толстомъ. Какъ ни былъ крѣпко убѣжденъ Мицкевичъ, что вся сила общества не въ учрежденіяхъ и порядкахъ, а въ нравахъ, но картины, которыя писалъ онъ, какъ художникъ, вели къ противоположному заключенію. Какъ художникъ, онъ необычайно правдивъ и изумительно безпристрастенъ. Подъ его кистью выступаютъ рельефно наружу всѣ пороки и изъяны устройства своеобразной польской націи. Шляхетское равенство оказывается завѣдомою фикціею. Шляхетскій заѣздъ является карикатурою судебнаго производства. Свободолюбивыя толпы, яко бы увлекающіяся идеею общаго блага, становятся мгновенно податливыми орудіями всякому ловкачу, умѣющему ихъ эксплуатировать въ своихъ частныхъ интересахъ. Въ такихъ условіяхъ никому изъ насъ нежелательно было бы жить. Вспыльчивый, какъ порохъ, польскій темпераментъ, одаренный быстрою внѣшнею впечатлительностью, чуждый трезвости, рефлексіи, не слушаетъ разума, имъ руководитъ пылкая безпредѣльная фантазія. Баталіонъ егерей былъ одинъ, а

шляхетскихъ громадъ множество; только случайно баталіонъ этотъ одолѣла нестройная толпа сѣряковъ-шляхтичей. Чувствуешь, что на другой день восторжествовала бы съ прибытіемъ подкрѣпленій военная выправка и что наѣздники были бы усмирены и перевязаны. Съ примѣрнымъ безпристрастіемъ очерчены у Мицкевича русскіе солдаты и офицеры. Пресимпатичнымъ существомъ является, суворовскихъ временъ храбрецъ-служака, капитанъ Рыковъ. Вся поэма отъ начала до конца—вымыселъ, но она даетъ болѣе близкое къ дѣйствительности и болѣе живое изображеніе польскаго быта въ началѣ XIX вѣка, а также польско-русскихъ отношеній, нежели многіе томы ученыхъ трудовъ. Она—настоящій документъ, страница изъ исторіи, и съ этой стороны заслуживаетъ самаго тщательнаго изученія.

Петръ Дмитріевичъ Боборыкинъ сопоставлялъ „Пана Тадеуша“, какъ романъ въ стихахъ изъ помѣщичьяго сельскаго быта, съ „Евгеніемъ Онѣгинымъ“; онъ ихъ сравнивалъ, какъ богатыя содержаніемъ жанровыя картины. Но „Панъ Тадеушъ“, очевидно, богаче и сложнѣе „Онѣгина“; въ немъ есть и широкая историческая подкладка наполеоновскихъ войнъ. Я бы полагалъ, что его бы слѣдовало сравнить не только съ „Онѣгинымъ“, но съ „Войною и Миромъ“ графа Льва Толстого. Сравненіе доставило бы несомнѣнно интересные результаты. О великихъ художественныхъ достоинствахъ литовскаго дворянскаго эпоса мнѣ неудобно распространяться; начавъ разборъ, я могъ бы его и не кончить, такъ многаго пришлось бы мнѣ коснуться. Укажу мелькомъ только на важнѣйшія стороны предмета. Настроеніе, въ которомъ писался „Панъ Тадеушъ“, можно опредѣлить такимъ образомъ: тоскованіе по родинѣ. Окружающая поэта среда ему опротивѣла. Онъ переносился своимъ воображеніемъ въ свою молодость и пытался воскресить родину свою въ живыхъ реальныхъ образахъ и пластично ее воспроизвести. Онъ не плакалъ по ней, но созерцалъ ее, забывая о настоящемъ, какъ нѣчто ясное, солнечнымъ свѣтомъ залитое. Онъ любовался картинами природы. Его поэма есть прямое опроверженіе теоріи Лессинга („Laocoon“), по которой поэзія не можетъ быть описательная. Озера, пруды, пашни, сады и дремучіе лѣса живутъ здѣсь и дышутъ, чувствуютъ, какъ живыя существа. Среди этой необычайно реально представленной природы, живутъ люди простые, обыкновенные, средніе, ничѣмъ особенно не выдающіеся.

Поэтъ не чувствуетъ никакого позыва къ высокому паренію, онъ и не мечтаетъ вовсе объ общечеловѣческихъ идеалахъ. По словамъ критика Гостомскаго (стр. 205), онъ снялъ съ себя облаченіе жреца человѣчества и надѣлъ на себя простую шляхетскую тарататку или чемарку. Не возвышаясь надъ домашнею средою, онъ старается облагородить обыденную дѣйствительность деревенскаго, помѣщичьяго быта. Добродушное, сочувственное ко всему расположеніе приправлено весьма часто юморомъ или комизмомъ, но нигдѣ не доходитъ до озлобленія или сатиры. Свои пожеланія и надежды на счетъ успѣха поэмы Мицкевичъ выразилъ въ введеніи къ „Пану Тадеушу“:

До радости такой дожить ли мнѣ на свѣтѣ,
Когда подъ крыши избъ проникнутъ книги эти,
Когда, крутя кудель и пѣсенку пропѣвъ,
Вечернею порою одна изъ молодицъ
Захочетъ иногда мои простыя книжки
Взять въ руки, зная ихъ, быть можетъ, по наслышкѣ.

Желанія Мицкевича осуществились вполнѣ. Его шляхетская исторія, написанная, однако, въ духѣ демократическомъ, свойственномъ нашей современности, достигла общенароднаго распространенія; ее найдешь въ царствѣ польскомъ и въ крестьянской избѣ. Какъ хранительница народнаго преданія, книжка прочнѣе металла или гранита, полотна или кирпича. Народъ, который имѣетъ литературу, подобную той, какую создали Мицкевичъ и писатели его либо школы или плеяды въ срединѣ XIX вѣка, не опасается денаціонализаціи. Онъ вынесетъ и переживетъ самыя тяжелыя испытанія.

Я кончилъ мое повѣствованіе. Эволюція поэтическаго творчества Мицкевича кончилась въ февралѣ 1834 года. Онъ прожилъ еще 21 годъ съ небольшимъ. Женился на дѣвушкѣ, которую знавалъ еще въ Петербургѣ, Целинѣ Шимановской. Онъ профессорствовалъ въ Лозаннѣ, потомъ въ Парижѣ. Онъ сдѣлался главнымъ членомъ образовавшейся въ Парижѣ религіозной секты Товянскаго, принялъ участіе въ революціонномъ итальянскомъ движеніи въ 1848 году, дождался возвращенія къ власти Наполеоновской династіи во Франціи, которое онъ предсказывалъ еще до 1830 года, получилъ отъ французскаго правительства во время севастопольской войны предложеніе содѣйствовать образо-

ванію польскаго легіона въ Турціи, отправился въ Константинополь. Здѣсь онъ скончался отъ холеры 26-го ноября 1855 года. Похороненъ онъ былъ сначала на кладбищѣ Монморанси въ Парижѣ, затѣмъ останки его взяты были оттуда и торжественно перевезены въ Краковъ, гдѣ и помѣщены 4-го іюля 1890 г. на Вавелѣ, въ усыпальницѣ польскихъ королей въ краковскомъ соборѣ, гдѣ покоится и прахъ Косцюшки.

Мицкевичъ былъ рѣдкій человѣкъ: геніальный поэтъ и великій общественникъ, которому пришлось сдѣлаться воплощеніемъ и символомъ возродившейся, послѣ раздѣловъ Польши, національности польскаго народа въ новомъ ея видѣ. Мощный, вдохновенный, онъ располагалъ сердцами людей своей націи, въ большей степени, нежели кто бы то ни было изъ польскихъ поэтовъ, бывшихъ донынѣ, а, можетъ быть, и будущихъ; онъ считалъ это руководительство главнымъ своимъ трудомъ и назначеніемъ; онъ былъ похожъ въ сущности, какъ вы могли заключить изъ моихъ чтеній, на эолову арфу, на которой разыгрывалъ свои симфоніи духъ вѣка, то-есть которую потрясала совокупность великихъ общественныхъ теченій его времени. Для того, чтобы прійти въ состояніе творческаго вдохновенія, онъ нуждался въ какомъ-нибудь дуновеніи извнѣ, въ какомъ-нибудь внѣшнемъ толчкѣ отъ мировыхъ событій, касающихся такъ или иначе его націи. Этотъ толчокъ онъ воспринималъ, но откликался на него своеобразно и каждый откликъ становился національнымъ событіемъ. Одинъ такой толчокъ получилъ онъ отъ Наполеонова похода въ 1812 г.; онъ помнилъ его всю жизнь. Другой толчокъ получилъ онъ отъ наставниковъ и товарищей, вслѣдствіе котораго онъ окунулся въ гуманизмъ. Потрясшая его любовь прошла въ его жизни короткимъ эпизодомъ. Возбудившіяся въ немъ опасенія за существованіе націи сообщили ему на цѣлый рядъ лѣтъ валленродовское настроеніе. Затѣмъ болѣзненный кризисъ въ жизни націи—мятежъ 1831—вызвалъ въ немъ энергическую, тоже болѣзненную, вспышку, отпечатлѣвшуюся въ 3-й части „Дѣдовъ". Послѣ этого потрясенія наступило успокоеніе чувствъ, возстановленіе равновѣсія душевныхъ силъ, выразившееся въ возвратѣ къ самымъ красивымъ и очищеннымъ отъ всякой скверны національнымъ преданіямъ родины, въ написаніи „Пана Тадеуша", составляющаго заключеніе и вѣнецъ его поэтическаго творчества.

По своимъ размѣрамъ Мицкевичъ выходитъ за предѣлы своей національности, какъ переступаютъ такія же рамки своихъ національностей другіе славянскіе поэтическіе геніи, каковы Пуш-

кинъ, Лермонтовъ, и нѣкоторые русскіе романисты послѣдняго времени или изъ поляковъ Сенкевичъ. Всеміpно-историческое значеніе этихъ геніевъ трудно еще нынѣ опредѣлить. Опредѣленіе можетъ состояться только тогда, когда съ постановкою славянскаго вопроса наступитъ дружный подъемъ славянскаго племени въ Европѣ, котораго мы ожидаемъ и которому мы считаемъ себя обязанными по мѣрѣ силъ содѣйствовать.

В. Спасовичъ.

TRAUMBILDER

1.

Напитокъ отравленный сладокъ
И къ чашѣ прильнули уста,
Но горькій таитъ онъ осадокъ,
И этотъ напитокъ—мечта.

Изъ кубка волшебныхъ мечтаній
Устами я жадными пью,
Не зная душой колебаній,
Въ уплату я жизнь отдаю.

2.

Вы, носители дивнаго свѣта,
Вы, искатели новыхъ міровъ,
Гдѣ не знаютъ надъ мыслью запрета,
Гдѣ не знали цѣпей и костровъ;

Огибайте подводныя мели,
Зорко стойте во тьмѣ у руля;
Не холмы ли вдали забѣлѣли,
Не видна ли во station мракѣ земля?

Но лежитъ на безбрежномъ просторѣ
Лишь затишья унылаго гнетъ,
И напрасно съ надеждой во взорѣ
Предъ собой вы глядите впередъ.

Нѣтъ конца и предѣла исканью,
Нѣтъ конца роковому пути,
И нигдѣ за туманною гранью
Вамъ завѣтной страны не найти.

3.

Чей-то голосъ въ тишинѣ,
Сердцу шепчетъ: — отдохни!
Наступаютъ счастья дни,
Вѣрь надеждѣ и веснѣ,
Сердце грёзой обмани.

Но звучитъ въ душѣ отвѣтъ:
Сердце ль грёзой обману?
Счастья не было и нѣтъ,
Отъ кручины прошлыхъ лѣтъ
Лишь въ могилѣ отдохну.

4.

Страшусь ли смерти я? Загадочно нѣмая,
Она войдетъ въ тиши, и встанетъ предо мной,
И откровенію безмолвному внимая,
Забуду-ль въ этотъ мигъ о горести земной?

И что̀ таитъ она подъ дымкой покрывала:
Зловѣщее *ничто*? Богини дивный ликъ?
Ужели все, что̀ здѣсь намъ сердце волновало—
Ничтожнымъ явится въ великій этотъ мигъ?

И все-жъ она влечетъ къ себѣ непобѣдимо,
Забвенья мукъ земныхъ найти я жажду въ ней,
Желаньемъ и тоской душа моя томима,
И трудно умирать, но жить еще труднѣй.

Я вѣрую: покой божественный безстрастья
Въ ея дыханіи таинственно разлитъ,
И жажду жгучую земной любви и счастья
Она лобзаніемъ безсмертнымъ утолитъ.

О. Михайлова.

ПОДЪ СОЛНЦЕМЪ ЮГА

ПОВѢСТЬ.

I.

На морѣ была мертвая зыбь. Большая лодка „Ласточка" мѣрно и сильно покачивалась на волнахъ, что̀ очень забавляло высокую смуглую дѣвушку въ синей матроскѣ и широкополой, бѣлой войлочной шляпѣ, какія носятъ кавказскіе пастухи. Дѣвушка сидѣла на рулѣ и старалась поставить лодку подъ волну такъ, чтобы вызвать боковую качку; при этомъ ея спутники начинали громко роптать, а она звонко смѣялась, откидывая голову назадъ и блестя бѣлыми зубами.

— Ахъ, хорошо! Ахъ, какъ хорошо!—вскрикивала она въ восторгѣ каждый разъ, какъ лодка высоко подпрыгивала.—Вотъ опять, опять... ну, что за прелесть!..

— Ну, довольно, Анна Павловна, довольно!—сердито останавливалъ ее сидѣвшій на веслахъ гимназистъ лѣтъ 16, въ сѣрой курточкѣ и форменной фуражкѣ.

— Ага, струсили! Такъ вотъ же вамъ еще...

Набѣжала огромная волна, лодка высоко взвилась, и снова опустилась.

— Да будетъ же вамъ, Анна Павловна!—морщась, крикнулъ гимназистъ.—Поверните назадъ... вѣдь этакъ совсѣмъ грести нельзя.

— Трусишка!

— Я не трусишка, а вотъ вы такъ эгоистка! Любите сильныя ощущенія, ну и испытывайте ихъ сами, а зачѣмъ же другихъ-то заставлять?

— Да вѣдь это же хорошо!

— Ничего хорошаго нѣтъ, только тошнитъ и больше ничего. Да поверните же назадъ, я вамъ говорю! Посмотрите, Марья Павловна даже поблѣднѣла!

— Ну, вотъ!—съ досадой воскликнула Анна Павловна.—И зачѣмъ ѣздить на лодкѣ, когда не переносишь качки, не понимаю! Сидѣла бы на берегу, если дурно... Тебѣ дурно, Маша?—обратилась она къ другой, молчаливой и блѣдной дѣвушкѣ, сидѣвшей на боковой лавочкѣ кормы.

— Въ самомъ дѣлѣ, вамъ дурно, Марья Павловна?—съ безпокойствомъ подхватилъ молодой человѣкъ лѣтъ 25, сидѣвшій напротивъ нея.

Блѣдныя щеки дѣвушки чуть-чуть заалѣлись, и она молча покачала головой, глядя куда-то въ сторону своими большими черными глазами.

— Что же ты молчишь?—продолжала Анна Павловна.—Удивительно, право... Точно сфинксъ какой-то. Ну, что же? Дурно тебѣ или нѣтъ?

— Да что вы пристаете, Анна Павловна!—съ раздраженіемъ воскликнулъ гимназистъ. — Вотъ вѣдь, ей-Богу! Вы какъ пристанете, такъ это еще хуже морской болѣзни!

Всѣ разсмѣялись, и Анна Павловна громче всѣхъ.

— Ахъ вы, дерзкій мальчишка! Какъ вы смѣете мнѣ такія вещи говорить? Вотъ же вамъ за это!..

Она набрала въ горсть воды и хотѣла брызнуть въ гимназиста, но промахнулась, и весь зарядъ попалъ въ лицо другому гребцу, юношѣ лѣтъ 20, который все время молчалъ и усердно работалъ веслами. Отъ неожиданности онъ выпустилъ весла и растерянно началъ протирать глаза рукавомъ блузы; Анна Павловна ахнула, засмѣялась и бросилась къ нему; лодка закачалась и чуть было не опрокинулась. Гимназистъ перескочилъ къ рулю.

— Ну, ужъ это, наконецъ, чортъ знаетъ что!—ворчалъ онъ, поворачивая лодку въ бухту.—Больше я съ вами, Анна Павловна, на лодкѣ не ѣзжу, это рѣшено!

— Ну, и не нужно!—отозвалась Анна Павловна.—Ахъ, голубчикъ, Юрій Александровичъ, простите ради Бога!—продолжала она, обращаясь къ обрызганному юношѣ и вытирая его своимъ платкомъ.—Я нечаянно; это все Гриша виноватъ! Не сердитесь, пожалуйста!

— Ничего, ничего...—бормоталъ сконфуженный молодой человѣкъ, снова принимаясь за весла.

— Господинъ Зорницкій, а вы что же безъ дѣла сидите?— сказала Анна Павловна молодому человѣку, сидѣвшему напротивъ Маши.—Помогите Юрію Александровичу грести. Онъ одинъ работаетъ!

— Слушаю, мать-командирша,—отозвался господинъ Зорницкій, неохотно покидая свое мѣсто и берясь за весла.—Что же, мы развѣ назадъ ѣдемъ?—обратился онъ къ Гришѣ, который съ озабоченнымъ видомъ дѣйствовалъ рулемъ.

— Конечно, назадъ.

— Жаль!—проговорилъ Зорницкій, лѣниво поднимая и опуская весла и не сводя глазъ съ молчаливой Маши. — Теперь какъ разъ такой часъ, когда на морѣ особенно хорошо. Смотрите, Марья Павловна, мысъ Ай весь розовый и прозрачный какъ хрусталь! Вотъ такимъ я его напишу когда-нибудь.

— „Когда-нибудь“?—насмѣшливо спросила Анна Павловна.

— Ахъ, вы все смѣетесь надо мной, Анна Павловна!

— О, нисколько, но мнѣ очень хотѣлось бы тоже „когда-нибудь“ увидѣть хоть одну вашу работу. Я слышу, вы все говорите о вашихъ работахъ, но когда вы работаете? Этого никто еще, кажется, не видѣлъ.

— Что дѣлать, говорить легче, чѣмъ дѣлать,--смѣясь, сказалъ Зорницкій.—Но въ свое оправданіе, Анна Павловна, я долженъ вамъ сказать, что художники если не работаютъ, то чувствуютъ, а это почти одно и то же.

— Однако!—возразила Анна Павловна.—Почему же вотъ вашъ же пріятель, Максютинъ, постоянно работаетъ, и постоянно на этюдахъ, какъ вы говорите?

— Разные люди бываютъ, Анна Павловна. Однимъ нужны этюды, а другимъ впечатлѣнія; одни смотрятъ на искусство какъ на трудъ, а другіе какъ на наслажденіе. Одни пишутъ для того, чтобы провести какую-нибудь идею, а другіе для того, чтобы пережить еще разъ свои ощущенія. Я принадлежу къ послѣднимъ, Анна Павловна; я предпочитаю наслаждаться, а не страдать, я хочу жить самъ, а не изображать только, какъ живутъ другіе.

— То-есть, по просту говоря, вы лѣнтяй!—весело воскликнула Анна Павловна.—Сочувствую и одобряю! Я тоже хочу жить и наслаждаться. Что это вы гримасничаете, Гриша? Вамъ не нравится это?

Гимназистъ презрительно фыркнулъ.

— Жизнь—не наслажденіе и не забава; жизнь — тяжелый трудъ!—пробурчалъ онъ мрачно.

— Вѣчно какое-нибудь глупое изреченіе!—засмѣялась Анна Павловна.

— Это сказалъ Тургеневъ! — ядовито проговорилъ Гриша.

— Ну, и пусть его. Развѣ Тургеневъ не могъ говорить глупости?

Гриша покраснѣлъ, какъ ракъ, и хотѣлъ-было что-то сказать, но, вѣроятно, разсудилъ, что не стоитъ связываться, и выразивъ на своемъ лицѣ презрѣніе, отвернулся въ сторону. Кстати они теперь въѣзжали въ бухту, и рулевому нужно было смотрѣть въ оба, чтобы не запутаться въ рыбачьихъ сѣтяхъ, разставленныхъ въ узкомъ проходѣ.

Открытое море, золотистая заря, розовый мысъ Ай остались позади; передъ ними разстилалась тихая бухта, стиснутая между темными громадами горъ, и въ то время, какъ тамъ, на морѣ, было еще свѣтло, здѣсь уже царили голубыя сумерки, и въ городѣ, раскинувшемся по берегу бухты, загорѣлись желтые огоньки.

Зорницкій пересталъ грести, снялъ свою бѣлую фуражку и провелъ рукою по густымъ курчавымъ волосамъ. Это былъ высокій, худощавый брюнетъ съ томнымъ взглядомъ красивыхъ сѣрыхъ глазъ, съ толстыми румяными губами и нѣжными, маленькими, какъ у женщины, руками. Онъ не носилъ ни бороды, ни усовъ, но отъ ушей къ подбородку у него тянулись узенькія бакенбарды, придававшія его лицу оригинальность и дѣлавшія его похожимъ на старинные портреты франтовъ 20-хъ годовъ. Женщинамъ это нравилось, и онѣ находили, что Зорницкій похожъ на Евгенія Онѣгина, какимъ его изображаютъ оперные артисты; художникъ это зналъ и даже одѣвался какъ Онѣгинъ, въ длинные ботфорты съ кисточками, длинный редингогъ съ пелериной и широкій плащъ, которымъ умѣлъ весьма живописно драпироваться. Впрочемъ, теперь онъ былъ одѣтъ по лѣтнему, въ свѣтлую пару и шелковую рубашку съ широкими отложными воротничками, повязанными широкимъ галстукомъ сливочнаго цвѣта; въ петлицѣ у него торчалъ полузавядшій цвѣтокъ олеандра.

— Что же, господа, неужели мы возвращаемся?—спросилъ онъ, когда лодка уже была на срединѣ бухты.

— Да, да, пожалуйста, гребите!—озабоченно сказалъ Гриша, поворачивая лодку къ пристани.

— А можетъ быть, прокатимся по бухтѣ? Марья Павловна!

— Нѣтъ, ужъ это какъ вамъ будетъ угодно, а я выхожу!—

заявилъ Гриша.—Мнѣ еще нужно пройтись по набережной и съѣсть два фунта винограда.

— Это тоже входитъ въ программу вашей трудовой жизни? уязвила его Анна Павловна.

— Конечно. Я ѣмъ виноградъ вовсе не для удовольствія, а для пользы. Вы знаете, что я лечусь.

— Ну, такъ что же изъ этого? Вѣдь вы не умрете, надѣюсь, оттого, что не съѣдите сегодня своего винограда?

— Да зачѣмъ же я буду нарушать свои правила? Это повлечетъ за собою безпорядокъ въ моей жизни, а всякій безпорядокъ ведетъ къ безполезной тратѣ времени. Временемъ надо дорожить,—сентенціозно прибавилъ гимназистъ.

— Опять изреченіе!—расхохоталась Анна Павловна.—Вы, Гриша, просто какая-то ходячая тетрадка съ правилами и изреченіями.

— Вотъ ужъ я никогда не слѣдовалъ никакимъ правиламъ!—добродушно сказалъ Зорницкій.—Напротивъ, я только и дѣлалъ, что нарушалъ ихъ; вся моя жизнь—сплошной безпорядокъ!

— Опять сочувствую и одобряю!—воскликнула Анна Павловна.—Терпѣть не могу правилъ; какая скука жить по добродѣтельнымъ прописямъ, которыя выдумываютъ разные отвратительные старикашки въ родѣ нашего Гриши.

Гриша не успѣлъ возразить, потому что въ это время лодка причалила къ пристани и стукнулась бортомъ въ каменную закраину набережной.

Онъ выскочилъ первый и, схватившись за веревку, сталъ подтягивать лодку къ берегу. Изъ-за горы выплылъ полный мѣсяцъ, и потоки голубого свѣта хлынули на землю.

— Ну, смотрите же, какая прелесть!—сказалъ художникъ. —Теперь-то и гулять, а мы расходимся по домамъ. Какое небо, какое чудное освѣщеніе! Гриша, да неужели вы и теперь остаетесь равнодушнымъ и думаете о своемъ виноградѣ? Посмотрите, луна-то какая!

— Я не люблю луну, — проворчалъ Гриша, привязывая лодку къ столбу.—Это только поэты да собаки воютъ на нее, а я не поэтъ и не собака.

— Фи, какія вы гадости говорите, Гриша,—сказала Анна Павловна, выпрыгивая на набережную.—Ну, Маша, выходи! Юрій Александровичъ, давайте мнѣ руку, я чувствую себя все еще виноватой передъ вами и хочу загладить свою вину. Вотъ такъ!

— Значитъ, вы домой безповоротно? Гулять не хотите?— спросилъ Зорницкій.

— Что дѣлать, надо идти! Я бы съ удовольствіемъ пробѣжалась на мысокъ, чтобы еще разъ взглянуть на море, но вѣдь Маша—это второй Гриша въ юбкѣ. Она тоже живетъ по правиламъ и тетрадкамъ.

— Неужели?—съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ проговорилъ Зорницкій.

Между тѣмъ Гриша привязалъ лодку и сталъ со всѣми прощаться.

— Да постойте вы,—сказалъ Зорницкій, шутливо удерживая его за руку.—Проводимте хоть барышенъ!

— Нѣтъ, ужъ это покорно благодарю!—возразилъ Гриша.— Мнѣ некогда, я еще „Русскія Вѣдомости“ нынче не читалъ, а тамъ интересно, какъ въ Бельгіи школьный вопросъ рѣшили... До свиданія!

Онъ нàскоро простился и неуклюжею походкой, цѣпляя своими длинными ногами одна за другую, заковылялъ по набережной.

— Неугодно ли?—смѣясь, сказалъ ему вслѣдъ Зорницкій.— Какой-то школьный вопросъ въ Бельгіи... На чтò ему школьный вопросъ? Ну, молодежь нынче стала!

— Противный мальчишка!—сказала Анна Павловна.—Весь какой-то изломанный, съ претензіями, не люблю я его!

— Нѣтъ, онъ очень забавный! Fin de siècle. Немножко напоминаетъ ученую обезьянку, не правда ли?

— Не понимаю, право,—заговорила вдругъ Маша взволнованно и торопливо,—что это за привычка у людей судачить за глаза? Чуть человѣкъ за дверь, сейчасъ разбирать: такой онъ и эдакій.

— Ахъ, заговорила Валаамская ослица!—произнесла Анна Павловна насмѣшливо.—Защищаетъ своего любимца и двойника!

— Ничуть я не защищала, а только... стыдно это, вотъ и все. И я прошу тебя никогда при мнѣ этого не дѣлать, не говорить дурно о моихъ знакомыхъ.

Говоря это, Маша видимо волновалась, на блѣдныхъ щекахъ ея проступилъ розовый румянецъ, глаза блестѣли, голосъ ея, низкій и немножко глухой, слегка вздрагивалъ. Зорницкій, не скрывая своего восхищенія, глядѣлъ на нее во всѣ глаза; Анна Павловна смѣялась.

— Ну, не чудачка ли?—обратилась она къ Зорницкому.— Молчитъ, молчитъ цѣлый день, и вдругъ эдакая сцена! И всегда такъ. И чтò на тебя нашло? А Гришку твоего все-таки буду

ругать, скверный мальчишка, фанфаронишка, ломака, грубіянъ... вотъ тебѣ! Что?

Маша сдѣлала нетерпѣливое движеніе и замолчала. Ея смуглое матовое лицо снова поблѣднѣло, продолговатые глаза потухли, тонкія брови сдвинулись, и вся она какъ-то замерла и застыла въ своемъ загадочномъ молчаніи. Сестра не даромъ назвала ее давеча сфинксомъ... Маша была странная дѣвочка. Съ Анной Павловной у нихъ не было ничего общаго, и онѣ ничѣмъ не напоминали родныхъ сестеръ. Анна Павловна отличалась живостью, бойкимъ языкомъ и нѣкоторымъ легкомысліемъ; Маша всегда оставалась замкнутою, и въ душѣ ея таился какой-то особый таинственный міръ, никому невѣдомый и недоступный. Анна Павловна любила красиво одѣваться, занималась туалетомъ, придумывала разные эксцентрическіе наряды; Маша круглый годъ носила одно и то же коричневое платье, безъ всякихъ бантиковъ, воротничковъ, ленточекъ, а свои великолѣпные черные волосы заплетала въ двѣ косы и просто, безъ всякихъ ухищреній пришпиливала къ затылку къ великому негодованію Анны Павловны, которая за эту прическу называла ее „горничной“. Даже наружностью сестры не были похожи. Анна Павловна была красивѣе Маши и блистала яркими красками,—глаза ея блестѣли, зубы сверкали, подъ нѣжной смуглой кожей пылалъ румянецъ, пышныя губы цвѣли какъ розанъ, но рядомъ съ блѣдной Машей эта цвѣтущая красота казалась вульгарной, и маленькая головка младшей сестры съ ея тонкими, нѣжными чертами и загадочнымъ взглядомъ тусклыхъ глазъ невольно обращала на себя всеобщее вниманіе.

II.

Молодые люди пошли провожать сестеръ домой. Они пересѣкли набережную и свернули въ одинъ изъ узенькихъ переулковъ, болѣе похожихъ на корридоры, чѣмъ на переулки; Зорницкій шелъ впереди рядомъ съ Машей и старался вызвать ее на разговоръ, громко восторгаясь луной, ночью, оригинальностью города, но Маша какъ-то пугливо жалась отъ него поближе къ стѣнкѣ и отвѣчала нехотя и односложно. Идти пришлось имъ недолго; узенькій переулокъ-корридоръ скоро кончился, и они вышли на улицу, осѣненную аллеей бѣлыхъ акацій и уксусныхъ деревьевъ, густо разросшихся и перепутавшихся своими вѣтвями такъ, что здѣсь всегда, даже въ самый жаркій полдень, царила

тѣнь и прохлада. И теперь лунный свѣтъ едва-едва пробивался сквозь густую листву, пестря причудливыми узорами дорогу, стѣны домовъ и черепичатыя кровли; казалось, какія-то воздушныя, свѣтящіяся существа таинственно бродили въ этомъ сумракѣ, а за стѣнами домовъ, въ садикахъ и крошечныхъ цвѣтникахъ, слышалось мелодическое стрекотаніе сверчковъ, странно сливаясь съ запахомъ цвѣтущихъ олеандровъ.

Ахъ, какъ взаперти сидѣть
Въ ночи такія...

Пропѣла Анна Павловна, останавливаясь у калитки одного изъ бѣлыхъ домиковъ, пріютившихся подъ сѣнью бѣлыхъ акацій и уксусныхъ деревьевъ.

— Санта-Лючія, Санта-Лючія!..—фальшивымъ баскомъ подхватилъ Зорницкій и громко вздохнулъ.—Жаль, жаль, что вы такъ рано уходите. Вѣдь это единственная въ своемъ родѣ ночь,—пройдетъ она и уже больше не вернется... Неужели вамъ ее не жаль?

— Ну, что же дѣлать? Притомъ же вѣдь вы забыли, мы завтра идемъ въ Георгіевскій и надо рано встать.

— Да, да... Значитъ, завтра увидимся. А все-таки я спать не могу и не хочу... пойду сейчасъ на башню и буду тамъ слушать пѣніе моря и шопотъ величавыхъ тѣней генуэзскихъ воиновъ.

— Разскажите тогда намъ, о чемъ вы съ ними будете бесѣдовать,—смѣясь, сказала Анна Павловна.—Ну, а пока коли никто, какъ говорятъ здѣшніе греки. Да, постойте... приведите же, пожалуйста, завтра своего Максютина! Пойдемъ вмѣстѣ въ монастырь.

— Хорошо, хотя навѣрное не обѣщаю. Вѣдь это такой скиѳъ, вы представить себѣ не можете. Но попробую его вытащить.

— Пожалуйста! Скажите, что двѣ прелестныхъ дѣвы желаютъ съ нимъ познакомиться и...

— Прошу за меня ничего не говорить,—перебилъ ее сердитый голосокъ Маши.—Сама дѣлай и говори, что̀ тебѣ угодно, а меня, пожалуйста, не путай.

— Pardon, m-lle! Зорницкій, такъ скажите, что *одна* прелестная дѣва хочетъ съ нимъ познакомиться, а другая...

— Анюта!..—проговорила Маша укоризненно.

— Ахъ, Господи, вотъ недотрога-царевна! Ахъ, постойте,

Зорницкій, еще одинъ важный вопросъ,—вы знаете дорогу въ Георгіевскій?

— Еще бы, я сколько разъ туда ходилъ и на этюды, и такъ.

— Ну, значитъ, все въ порядкѣ. До свиданія!

Калитка захлопнулась; молодые люди остались одни на улицѣ, наполненной запахомъ олеандровъ, пѣніемъ сверчковъ и безшумной бѣготнею лунныхъ рефлексовъ, оживлявшихъ сумракъ и пустоту улицы.

— Какая прелесть, какая красота!—восторженно воскликнулъ Зорницкій.—Вамъ нравится, Юрій Александровичъ?

— Да, ночь очень хорошая.

— Не ночь, не ночь, злодѣй вы эдакій,—Маша... Марья Павловна,—поправился онъ.—Не правда ли, какая очаровательная дѣвушка?

— Да,—нерѣшительно проговорилъ Юрій Александровичъ, чувствуя, что краснѣетъ въ темнотѣ и радуясь, что теперь этого не видно. Онѣ обѣ, кажется, славныя. Мнѣ обѣ понравились.

— Ахъ, нѣтъ, Анна Павловна—это совсѣмъ въ другомъ родѣ. Правда, она мнѣ тоже прежде немножко нравилась. Но съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхала Маша, я совсѣмъ въ ней разочаровался. Анна Павловна—это какой-то гаменъ въ юбкѣ. Черезчуръ бойка, много говоритъ и притомъ кокетка. А Марья Павловна—это сама прелесть. Сколько въ ней женственности, сколько граціи, сколько тайны. Я люблю въ женщинѣ тайну.

— До свиданія!—перебилъ его Юрій Александровичъ.

— Куда же вы? Пойдемте на башню.

— Нѣтъ, я домой... Меня мама давно ждетъ.

— Ахъ, да, да... вы вѣдь не одинъ. Жаль, прошлись бы еще вмѣстѣ. Вѣдь вы смотрите, ночь-то какая! Вѣдь это преступленіе спать въ такую ночь!.. Все живетъ, поетъ, дышетъ, наслаждается.

Они протянули другъ другу руки и разстались. Юрій Александровичъ пошелъ опять на набережную, а Зорницкій, оставшись одинъ, вдругъ потерялъ охоту идти на башню и совершенно неожиданно почувствовалъ, что ему страшно хочется ѣсть. Такое прозаическое желаніе немножко не гармонировало съ приподнятымъ настроеніемъ Зорницкаго, но онъ этимъ никогда не смущался и теперь, позабывъ о „шопотѣ величавыхъ тѣней“, заторопился домой. Выбравшись изъ-подъ тѣни акацій и миновавъ базаръ, онъ опять свернулъ въ переулокъ между двумя большими домами, стѣны которыхъ въ лунномъ сіяніи

казались вылитыми изъ серебра, и сталъ взбираться по тропинкѣ въ гору. Мѣсяцъ смотрѣлъ ему прямо въ лицо, сверчки громко пѣли, все сверкало и блестѣло вокругъ, утопая въ потокахъ голубого свѣта, но Зорницкій не обращалъ вниманія ни на что и озабоченно смотрѣлъ впередъ, гдѣ среди груды домиковъ на горѣ чуть-чуть мигалъ тусклый огонекъ.

— Дома и не спитъ,—вслухъ думалъ художникъ.—Но навѣрное, животное, не догадался поставить самоваръ. Страшный эгоистъ, думаетъ только о себѣ... Нѣтъ, слава Богу, сидитъ и пьетъ чай...

Тропинка кончилась, нѣсколько каменныхъ ступеней поднимались вверхъ къ игрушечному домику съ стеклянной галлерейкой, обращенной на бухту. Зорницкій быстро взбѣжалъ по ступенькамъ, отворилъ стеклянную дверь и очутился въ комнатѣ, похожей на фонарь, съ итальянскими окнами на всѣ три стороны. У четвертой стѣны стояла кровать, заваленная папками, книгами, свернутыми въ трубку картонами и разными принадлежностями костюма; передъ кроватью стоялъ столъ, на которомъ въ эту минуту довольно гостепріимно шумѣлъ самоваръ и возвышалась на половину опорожненная кварта молока. Всѣ промежутки между окнами были завѣшаны и заставлены этюдами; въ углу стоялъ мольбертъ, закрытый чернымъ, запыленнымъ коленкоромъ и похожій на какое-то мрачное привидѣніе. За столомъ на табуретѣ, согнувшись, сидѣлъ мужчина въ синей блузѣ, въ длинныхъ сапогахъ и внимательно читалъ книгу при тускломъ свѣтѣ лампы безъ абажура.

— Сидитъ дома! Въ эдакую ночь!—воскликнулъ Зорницкій, бросая фуражку куда попало и присаживаясь къ столу на другую табуретку.

Какъ взаперти сидѣть
Въ ночи такія...

пропѣлъ онъ и потянулъ къ себѣ остатокъ огромной булки, извѣстной на югѣ подъ названіемъ „франзоли".

Сожитель Зорницкаго поднялъ голову отъ книги и насмѣшливо взглянулъ на товарища.

— Ахъ, Максютинъ, если бы ты зналъ, до чего она хороша! —продолжалъ Зорницкій, откусывая кусокъ франзоли.—Я просто голову теряю... Если бы ты видѣлъ,—настоящая египетская головка!

— Опять влюбленъ?—довольно равнодушно спросилъ Максютинъ.

— Что за пошлое слово! Ты ничего не понимаешь; я испы-

тываю что-то удивительное; я околдованъ... я ничего подобнаго не переживалъ никогда... Я...

— Садись лучше, пей чай, — хладнокровно перебилъ его Максютинъ.

Зорницкій въ негодованіи вскочилъ.

— Дерево! Бревно!.. Безчувственный чурбанъ!..

— Успокойся и проглоти сначала булку, а то поперхнешься. И если не хочешь чаю, то я сейчасъ все это уберу.

Зорницкій сейчасъ же притихъ и снова сѣлъ къ самовару.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, Максютинъ, ты удивительный человѣкъ... Я тебя совершенно не понимаю,—чѣмъ ты живешь? У тебя не нервы, не душа, а такъ, какая-то слякоть... (Онъ налилъ себѣ чаю и молока). Ты положительно не способенъ тонко чувствовать. У тебя нѣтъ пониманія красоты... (Онъ порылся на столѣ и заглянулъ въ пустую коробку изъ-подъ сардинъ). Чтобы понимать красоту... Ну, братецъ, это ужъ свинство. Ни одной сардинки не оставилъ!

— Да вѣдь ты влюбленъ?

— Убирайся къ чорту,—скотина! У тебя совершенно нѣтъ товарищескихъ чувствъ. Я говорю,—бревно и бревно... Можетъ быть, котлеты тамъ отъ обѣда остались? Я давеча видѣлъ на окнѣ...

— Тю-тю, братъ, и котлетъ нѣтъ. Я все съѣлъ, потому что не влюбленъ и аппетитъ имѣю нормальный. Но я не понимаю, зачѣмъ тебѣ-то котлеты? Вѣдь ты тамъ паришь въ эѳирѣ, влюбленъ, очарованъ,—на что̀ тебѣ какія-то котлеты? Это меня удивляетъ.

— Свинья... — ворчалъ Зорницкій, принимаясь за булку и молоко.

Максютинъ глядѣлъ на него и смѣялся; онъ любилъ подшучивать надъ своимъ легкомысленнымъ товарищемъ. Они жили вмѣстѣ уже давно, хорошо знали другъ друга и были почти однихъ лѣтъ, но Максютинъ казался гораздо старше. У него были рѣзкія, неправильныя черты лица; небольшіе каріе глаза глубоко сидѣли подъ широкими, темными бровями, и взглядъ ихъ, когда онъ не смѣялся, былъ холоденъ и непривѣтливъ. Коротко остриженные, негустые русые волосы не скрывали угловатыхъ очертаній черепа съ большимъ лбомъ и выдавшимися скулами; рѣденькая, клочковатая бородка едва покрывала его впалыя, худыя щеки и четырехугольный подбородокъ. Цвѣтъ лица у Максютина былъ темный, точно обвѣтренный; на лбу и на щекахъ пролегли преждевременныя морщины,—видно было,

что онъ прошелъ суровую жизненную школу и поэтому, рядомъ съ своимъ красивымъ, свѣжимъ и изящнымъ товарищемъ, казался совсѣмъ старикомъ. Но когда онъ смѣялся, и въ его непривѣтливыхъ глазахъ загорались веселые огоньки,—лицо его удивительно молодѣло и становилось даже привлекательнымъ,—точно вся житейская пыль и грязь вдругъ спадала съ него, и онъ хоть на минуту являлся самимъ собой.

Опорожнивъ кварту и уничтоживъ все, что было на столѣ съѣстного, Зорницкій сбросилъ все съ кровати на полъ, раздѣлся и легъ, протянувъ ноги на спинку кровати, которая была ему коротка. Ощущеніе сытости и удобное положеніе привели его въ благодушное настроеніе, и онъ снова почувствовалъ потребность въ изліяніи.

— Нѣтъ, Максютинъ, я тебѣ серьезно говорю, — началъ онъ.—Смѣйся, сколько хочешь, а на этотъ разъ уже серьезно... Марья Павловна—это удивительное созданіе...

— Какая Марья Павловна? Анна Павловна, ты хочешь сказать?

— Э, нѣтъ, какая Анна Павловна...—морщась, сказалъ Зорницкій.—Это сестра ея, а та—Маша.

— Но послушай, давно ли ты, лежа на этой самой кровати, бѣсновался отъ любви къ Аннѣ Павловнѣ и кричалъ на весь городъ, что бросишься съ мыса Фіолентъ, если она тебѣ не отвѣтитъ взаимностью?

— Ну, что-жъ, ну и кричалъ,—недовольно проговорилъ Зорницкій.—Да и не кричалъ совсѣмъ, а просто говорилъ. Развѣ можно сравнивать? *То* было увлеченіе, самое обыкновенное, будничное увлеченіе, а *это*... нѣтъ, братъ, *это* уже серьезно...

Максютинъ хохоталъ.

— Смѣйся, смѣйся... Но если бы ты видѣлъ ее... Постой, я тебѣ сейчасъ ее опишу!

Онъ вскочилъ съ кровати и сталъ передъ Максютинымъ.

— Нѣтъ, вотъ я желалъ бы, чтобы она тебя сейчасъ увидѣла,—сказалъ Максютинъ.—Вотъ какъ ты стоишь передо мною, безъ всякихъ прикрасъ и безъ Онѣгинскаго плаща. Что бы она сказала?

— Какую ты чепуху говоришь!

— Совсѣмъ не чепуху; это просто практическое соображеніе. Вѣдь вы, Донъ-Жуаны, являетесь передъ своими дамами сердца всегда въ праздничномъ видѣ, въ мишурѣ и блесткахъ, а вотъ если бы онѣ могли васъ хоть въ щелочку увидѣть такими, какіе вы есть на самомъ дѣлѣ и какими васъ знаютъ ваши

Сганарели... Ха-ха, сколько романовъ, я думаю, разстроилось бы тогда!

— Циникъ! — проворчалъ Зорницкій, — однако сейчасъ же легъ въ постель и даже одѣяломъ закрылся.

— А впрочемъ, не знаю, лучше ли было бы тогда? — продолжалъ Максютинъ, задумчиво глядя на огонь лампы, надъ которымъ, со звономъ ударяясь о стекло, кружились сѣрыя бабочки. Вѣдь иллюзіями и жизнь красна; нѣтъ иллюзій и жизни нѣтъ... однако, что же ты замолчалъ? Разсказывай!

— Не стоитъ... — отозвался Зорницкій уже соннымъ голосомъ. — Ты только смѣешься... Разбуди меня завтра пораньше; мы въ Георгіевскій монастырь идемъ.

— Съ барышнями?

— Ну да... Онѣ и тебя просили пригласить, да вѣдь ты все равно не пойдешь.

— Отчего же? Я завтра самъ хотѣлъ идти туда же.

— Въ самомъ дѣлѣ? — оживляясь, спросилъ Зорницкій, приподнимаясь на постели. — Ну, я очень радъ! Будетъ тебѣ возиться съ разными оборванцами, носильщиками и матросами, да рисовать ихъ пьяныя, опухшія рожи. Ты ужасно огрубѣлъ и опустился въ этомъ обществѣ... я давно хотѣлъ тебѣ это сказать. Ты совершенно утратилъ чувство красоты, у тебя даже кисть огрубѣла, ей Богу!

Максютинъ глядѣлъ на него насмѣшливо.

— Что? Ты смѣешься? Смѣйся, смѣйся, голубчикъ, сколько тебѣ угодно, а я правду говорю, — продолжалъ Зорницкій съ жаромъ. — Конечно, я не сталъ бы говорить, если бы мнѣ тебя не было жаль. Ну, посмотри на себя самъ, что̀ ты съ собою дѣлаешь? Меня морозъ по кожѣ подираетъ, какъ вспомню, въ какомъ видѣ я тебя нашелъ въ Ростовѣ... Въ ночлежномъ домѣ, съ какими-то босяками, публичными женщинами самаго послѣдняго разбора, — грязь, лохмотья, мерзость — брр!..

— Ну, ну, продолжай! — иронически отозвался Максютинъ.

— И что̀ ты тамъ ищешь, не понимаю? Съ твоими способностями, съ твоимъ талантомъ... Великолѣпный голосъ, — могъ бы на сцену поступить, — и поетъ бурлацкія пѣсни... художникъ, — и мажетъ босяковъ, ломовыхъ извозчиковъ, пьяныхъ бабъ... Ну, кому они нужны, эти безобразные сюжеты, скажи пожалуйста? Вѣдь это отвращеніе... тьфу! Нѣтъ, Максютинъ, я тебѣ серьезно говорю, оставь ты все это. Тебѣ нужно женское общество; ты одичалъ, превратился чортъ знаетъ во что̀. Брось ты свое бродяжничество, вернись къ истинному искусству, ищи впечатлѣній

не въ ночлежныхъ домахъ, а въ красотѣ природы, въ женской любви, въ поэзіи....

Послѣднія слова Зорницкій произнесъ какимъ-то замирающимъ шопотомъ и, опустившись на подушки, замолчалъ.

— Ну, что же ты?—окликнулъ его Максютинъ.—Продолжай... можетъ, еще что-нибудь скажешь?

— Нѣтъ, ничего больше не скажу... возмутительный ты человѣкъ! Скиѳъ, одно слово... я и имъ сказалъ давеча, что ты скиѳъ.

— Ага, уже насплетничалъ?

— Ну да, насплетничалъ... отстань... не хочу больше съ тобой говорить...—Онъ рѣшительно натянулъ на себя одѣяло, отвернулся къ стѣнѣ и черезъ нѣсколько минутъ уже спалъ, выводя носомъ тончайшія рулады. Максютинъ осторожно отодвинулъ столъ къ окну, заставилъ лампу книгой и принялся за прерванное чтеніе. И долго еще въ стеклянномъ домикѣ на горѣ мигалъ огонекъ, привлекая сѣрыхъ ночныхъ бабочекъ и тревожа мирный сонъ обывательскихъ собакъ.

III.

Разставшись съ Зорницкимъ, молодой человѣкъ, котораго звали Юріемъ Александровичемъ, вышелъ на набережную. Мѣсяцъ уже высоко поднялся надъ горою, и цѣлый океанъ серебристо-голубого свѣта заливалъ окрестность. Бухта сіяла, какъ огромное зеркало; горы на противоположной сторонѣ ея были всѣ на свѣту и казались прозрачными; бѣлыя стѣны домовъ, черепичатыя и желѣзныя кровли, полукруглая бѣлая полоса набережной—все блестѣло и сверкало, все волшебно преобразилось. Пыль, мусоръ, грязныя пятна, всякіе изъяны куда-то исчезли; полуразвалившіяся рыбацкія лачуги казались серебряными дворцами; запыленныя, сожженныя солнцемъ деревья нарядились въ сверкающую паутину лунныхъ лучей; каждый камешекъ, каждая песчинка подъ ногами сверкали, какъ брилліантовые. А тамъ, гдѣ волнистая линія горъ разрывалась, образуя ворота, черезъ которыя воды бухты сливались съ водами моря, тамъ на мысу вырѣзывались смутныя очертанія древнихъ развалинъ, и только ихъ сумрачныя тѣни однѣ были темными пятнами въ серебряномъ блескѣ волшебной ночи.

Набережная была пустынна; въ городкѣ рано ложились спать и рано вставали. Только на верандѣ гостинницы мелькали еще

огни; тамъ, вѣроятно, засидѣлась кутящая публика,—офицеры изъ Севастополя, какіе-нибудь пріѣзжіе туристы, дамы, ищущія приключеній. Смутные голоса, смѣхъ, пѣніе доносились изъ глубины бухты; слышался плескъ веселъ; съ моря глухо доносился шумъ прибоя. Юрій Александровичъ остановился на берегу, смотрѣлъ и слушалъ. Изъ-за рѣшетки садика неподалеку лилось раздражающее благоуханіе левкоевъ и розъ; высокіе пирамидальные тополи тихо перешептывались; вода, ударяясь о камни набережной, смутно лепетала. И въ этихъ таинственныхъ звукахъ, въ ароматѣ цвѣтовъ, въ морѣ свѣта было что-то до того чарующее, до того прекрасное, что Юрій Александровичъ почувствовалъ почти тоску. Это съ нимъ всегда бывало, даже въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, когда онъ переживалъ какія-нибудь особенныя ощущенія—слушалъ музыку, читалъ хорошую книгу, ранней весной стоялъ на берегу разлившейся рѣчки, молился въ церкви... Въ эти минуты имъ овладѣвалъ какой-то восторгъ до боли въ сердцѣ, до темноты въ глазахъ; горло его сжималось, дрожь пробѣгала по тѣлу,—хотѣлось что-то понять, что-то рѣшить,—и все это разрѣшалось рыданьями и слезами... Теперь онъ уже не плачетъ, но ощущенія остались тѣ же... и жадно вбирая въ себя теплый влажный воздухъ, пропитанный испареніями моря и запахомъ розъ, жадно окидывая взглядомъ волшебную картину, развертывавшуюся передъ нимъ, Юрій Александровичъ, какъ бывало въ дѣтствѣ, старался понять тайну очарованія этой ночи—и не могъ...

— Ахъ, какъ хорошо... какая тоска!—прошепталъ онъ, сжимая свои похолодѣвшія руки.

Ему вспомнился весь этотъ вечеръ, который онъ провелъ такимъ необыкновеннымъ образомъ. Только вчера они съ мамой пріѣхали сюда—и уже столько впечатлѣній, столько новыхъ знакомствъ, новыхъ лицъ... Этотъ странный греческій городокъ, прилѣпившійся къ горѣ, увѣнчанный развалинами древнихъ башенъ, эта бирюзовая бухта, желтыя горы, таинственное море, это катанье на лодкѣ, розовый мысъ Ай, красивыя дѣвушки, молодой смѣхъ, веселые разговоры, забавныя шутки... никогда раньше во всю свою жизнь Юрій Александровичъ не переживалъ столько, сколько пережилъ въ эти два-три дня. И теперь еще эта ночь...

— Ахъ, какъ хорошо... повторилъ онъ.—Отчего такъ хорошо жить?

„А мама?“ вдругъ вспомнилъ онъ и пришелъ въ себя. „Вѣдь

она ждетъ меня, безпокоится... Я никогда не оставлялъ ее одну такъ надолго!.. Какой я эгоистъ!“

Онъ упрекалъ себя за то, что забылъ о матери, но къ этимъ угрызеніямъ совѣсти примѣшивалось новое, странное чувство... Юрію Александровичу не хотѣлось идти домой; ему было почти досадно, что онъ долженъ идти, что онъ не можетъ остаться здѣсь одинъ съ этой ночью, съ своими ощущеніями и мыслями. И поймавъ себя на этомъ, онъ смутился и еще сильнѣе сталъ себя упрекать. „Какъ это гадко... бѣдная моя мама! Мнѣ хорошо,— я гуляю, катаюсь, смѣюсь, а она тамъ одна сидитъ, волнуется, Богъ знаетъ что̀ передумала обо мнѣ... И какъ это я забылъ? Что̀ со мной? Этого никогда не было раньше... Бѣдная, милая мамочка, прости, я спѣшу къ тебѣ“...

И машинально шепча эти слова, онъ въ послѣдній разъ съ сожалѣніемъ взглянулъ вокругъ, какъ бы стараясь сразу вобрать въ себя и навѣки запечатлѣть въ своей душѣ всю эту красоту. Снова щемящее чувство тоски сжало его сердце... онъ тяжело перевелъ духъ и пошелъ впередъ по набережной.

Идти было недалеко; они нанимали квартиру тутъ же на набережной, въ небольшомъ домикѣ, точно вросшемъ въ гору. У нихъ было двѣ комнаты съ окнами на бухту и съ балкономъ, обвитымъ древнею виноградною лозой, мощно разросшеюся. На балконѣ мать и сынъ обѣдали, пили чай, сидѣли днемъ и сквозь густую сочную листву видѣли непрерывное сверканіе лазурныхъ волнъ. Ночью въ открытыя окна врывался непрестанный плескъ и шопотъ и отдаленный гулъ морского прибоя. Юрію Александровичу это нравилось, и онъ на ночь нарочно оставлялъ окно своей комнаты открытымъ, но мать его этотъ вѣчный плескъ и шумъ волнъ раздражалъ, мѣшалъ спать, и она тщательно закупоривалась отъ него и завѣшивала окна. И теперь, когда молодой человѣкъ подошелъ къ дому, она сидѣла въ комнатѣ со спущенными сторами, и балконная дверь была заперта. Юрій Александровичъ постучался.

— Кто тамъ?

— Это я, мамочка, отвори!

Послышался стукъ отодвигаемаго стула; зазвенѣла ложечка, упавшая на полъ, и дверь отворилась.

— Ахъ, Юрочка, какъ ты долго!—съ упрекомъ воскликнула худенькая, стройная женщина, появляясь на порогѣ.

Мать Юрія Александровича звали Клавдіей Юрьевной. Несмотря на свои 40 слишкомъ лѣтъ, она казалась очень моложавой, благодаря своей стройной, изящной фигурѣ, матовой

блѣдности лица и бѣлокурымъ густымъ волосамъ, свѣтлый цвѣтъ которыхъ маскировалъ сѣдину, сильно пробивавшуюся, особенно на вискахъ. Черты лица у нея были тонкія и правильныя, но черезчуръ холодныя и неподвижныя, точно она всю жизнь свою пролежала во льду, не вѣдая никакихъ тревогъ и печалей... а между тѣмъ у нея были свои бури. Отъ этого, можетъ быть, во взглядѣ ея холодныхъ сѣро-голубыхъ глазъ по временамъ мелькало что-то скорбное, тревожное—особенно, когда она глядѣла на сына... и въ эти минуты все лицо ея смягчалось и согрѣвалось, точно освѣщенное какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ. Но стоило явиться передъ нею постороннему человѣку—и вся она потухала и застывала; на красивыхъ губахъ ея ложилась холодно-вѣжливая улыбка; глаза принимали жесткое, ледяное выраженіе, и лицо становилось похожимъ на блѣдную маску отчужденія и враждебности.

Юрій Александровичъ совершенно не походилъ на мать. Высокій, немножко сутуловатый, съ неуклюжими, неувѣренными движеніями, съ нервнымъ, подвижнымъ лицомъ, то блѣднѣющимъ, то краснѣющимъ, съ большими синими глазами, то вспыхивающими, то потухающими, онъ не имѣлъ ни одной общей черты съ Клавдіей Юрьевной и казался человѣкомъ совсѣмъ другого міра... а она полъ-жизни своей употребила на то, чтобы воспитать его похожимъ на себя и вложить въ него хоть частицу своего характера, своей души. Ей это не удалось.

— Какъ ты долго!—повторила Клавдія Юрьевна, пристально всматриваясь въ лицо сына.—Я уже Богъ знаетъ что̀ тутъ передумала!

Юрій Александровичъ взялъ обѣ ея маленькія изящныя ручки въ свои большія и некрасивыя и, попеременно цѣлуя то одну, то другую, сказалъ шутливо:

— Зачѣмъ же думать, мамочка? Я вѣдь не маленькій, чтобы за меня бояться.

— Да, да...—со вздохомъ прошептала Клавдія Юрьевна.—Ты уже не маленькій... въ маѣ тебѣ минуло 20 лѣтъ. Но все-таки...

— Ничего не случилось, мамочка, и не можетъ случиться. Меня только мучитъ, что ты тутъ сидишь, ждешь, волнуешься... ты не жди меня никогда!

— Какъ же не ждать, Юра? Ты навѣрное усталъ, проголодался. Иди, выпей чаю. Я сварила тебѣ яицъ, вотъ сыръ, молоко. Кушай!

Они подъ руку прошли къ столу, и въ яркомъ свѣтѣ лампы Клавдія Юрьевна снова пристально поглядѣла на сына.

— Отчего ты такъ блѣденъ?—спросила она, заботливо окидывая съ его лба густые, темные волосы.—Ты вспотѣлъ? У тебя блуза совсѣмъ сырая...

— Нѣтъ, это меня обрызгали водой на лодкѣ,—еще не просохло.

— Ты катался на лодкѣ?

— Да... Ахъ, мамочка, я совсѣмъ очарованъ!—воскликнулъ онъ, отставляя только-что налитый стаканъ чаю. Какое море было на закатѣ, если бы ты видѣла! А ночь! Я никогда не видалъ такой ночи. Милая, какъ я благодаренъ тебѣ, что мы сюда пріѣхали.

— Пей же чай, Юра.

Юрій Александровичъ торопливо и шумно отхлебнулъ нѣсколько глотковъ, потомъ взялъ яйцо, разбилъ его и опять положилъ на блюдечко.

— Мнѣ совсѣмъ не хочется ѣсть, мамочка.

Клавдія Юрьевна покачала головой.

— Я вижу, ты взволнованъ. Ну, разскажи, гдѣ ты былъ, съ кѣмъ катался?

— Ахъ, это, мамочка, цѣлая исторія! Помнишь, я говорилъ тебѣ давеча, что познакомился въ купальнѣ съ гимназистомъ Гришей? Онъ изъ Харькова... живетъ здѣсь съ матерью, лечится отъ малокровія, кажется. Ахъ, какой забавный мальчуганъ! Онъ въ шестомъ классѣ, а разсуждаетъ, какъ взрослый, очень начитанный и постоянно говоритъ цитатами изъ книгъ. Ужасно смѣшной...

— Такъ ты съ нимъ катался? — перебила его Клавдія Юрьевна.

— Нѣтъ, постой, я сейчасъ все разскажу. Давеча послѣ обѣда, когда ты легла отдохнуть, я пошелъ пройтись на набережную... какая прелестная здѣсь набережная! Смотрю, на пристани Гриша отвязываетъ лодку и машетъ мнѣ рукой. Я подошелъ. Оказывается, они собираются ѣхать на взморье.

— Кто—они?

— Тамъ одинъ художникъ, Зорницкій по фамиліи, и двѣ барышни, сестры. Одна только-что кончила курсъ въ гимназіи, такая серьезная, а другая—веселая, хохотушка страшная. Это она меня обрызгала. Хотѣла въ Гришу попасть, а попала въ меня. Ужасно было весело. На взморьѣ была большая зыбь, сильно качало, но мнѣ это очень понравилось. Немножко кружится голова, точно летаешь по воздуху, вотъ какъ во снѣ бы-

ваетъ, но... Что̀ ты такъ на меня смотришь, мамочка? Ты недовольна?

— Нѣтъ, ничего, разсказывай, — холодно сказала Клавдія Юрьевна.

— Что̀ же разсказывать, когда я вижу, что тебѣ непріятно, —тихо проговорилъ Юрій Александровичъ, смущенный ея холоднымъ тономъ.

— Совсѣмъ не то... я очень рада, что тебѣ было весело, что ты оживленъ, но... ты знаешь, Юрій, какъ я боюсь и избѣгаю всякихъ новыхъ знакомствъ. Особенно здѣсь, среди этой курортной публики... Кто знаетъ, что̀ это за люди,—Богъ знаетъ откуда пріѣхали, зачѣмъ, кто такіе, ничего мы не знаемъ... Надо быть очень осторожнымъ съ неизвѣстными людьми.

— Но увѣряю тебя, мама, что всѣ они очень милые и порядочные люди.

— Можетъ быть... но ты, Юрій, совсѣмъ не знаешь людей, какъ ты можешь судить? Ошибиться очень легко.

Юрій Александровичъ замолчалъ, съежился и, пододвинувъ къ себѣ стаканъ, сталъ торопливо прихлебывать остывшій чай. Лицо его потускнѣло, взглядъ потухъ, а въ головѣ помимо его воли зашевелились непріятныя мысли, которыхъ онъ не любилъ и боялся и которыя въ послѣднее время особенно часто тревожили его. Почему у мамы такое недовѣріе къ людямъ? Развѣ другіе люди не такіе же, какъ они? А между тѣмъ мама относится ко всѣмъ подозрительно, высокомѣрно, почти враждебно, точно они одни во всемъ мірѣ и хороши, и благородны, и умны, а всѣ остальные—ничтожество или даже еще хуже... Это жестоко и несправедливо. При этомъ ему вспомнилось, какъ Клавдія Юрьевна и въ немъ старалась всегда уничтожить всякія симпатіи къ людямъ, какъ она вмѣшивалась въ его внутреннюю жизнь, подмѣчала самыя тонкія душевныя движенія и холоднымъ, ѣдкимъ словомъ часто разрушала зарождающіяся привязанности и свѣтлыя мечты о дружбѣ, о любви.

Горечь и досада противъ матери закипѣла въ душѣ Юрія Александровича, но, взглянувъ на ея блѣдное лицо, которое онъ такъ любилъ, молодой человѣкъ сейчасъ же почувствовалъ раскаяніе, и ему захотѣлось ее приласкать и успокоить. Онъ тихонько потянулъ къ себѣ ея руку и приложилъ ее къ своему лбу. Клавдія Юрьевна подняла на него глаза и ласково улыбнулась.

— Ты не сердишься?—прошепталъ Юрій Александровичъ.

— На тебя? Да развѣ я когда-нибудь на тебя сержусь?

Ахъ, Юрій, это совсѣмъ не то! Я просто боюсь за тебя... ты такой довѣрчивый, увлекающійся, тебя легко обмануть. Ты не знаешь, какъ это тяжело разочаровываться въ чемъ-нибудь. Поэтому лучше преувеличить, лучше сгустить краски, чѣмъ потомъ страдать отъ своихъ ошибокъ. Ты еще совсѣмъ не знаешь жизни и людей...

Юрій Александровичъ думалъ совсѣмъ другое, но не возражалъ. Онъ неопредѣленно улыбался и тихонько гладилъ себя по щекѣ ея рукою.

— Чтò это ты читаешь, мамочка?—спросилъ онъ, когда она замолчала.

— Revue de deux Mondes. Тутъ есть прекрасная статья Вогюэ,—тебѣ надо прочесть ее...

Она начала разсказывать ему содержаніе статьи, но онъ не слушалъ ее и думалъ о своемъ. Его не интересовала эта статья, онъ опять былъ на морѣ въ тихій часъ заката; въ ушахъ его звенѣлъ серебристый молодой смѣхъ, шумѣли волны, разбиваясь о скалы, онъ весь былъ во власти прелестной южной ночи, которая сіяла тамъ, за окномъ этой душной комнаты со спущенными занавѣсками.

— А ты меня не слушаешь, Юрій? — сказала Клавдія Юрьевна, отнимая у сына свою руку.—Ты усталъ,—ложись спать.

Юрій Александровичъ всталъ и сладко потянулся.

— Нѣтъ, мама, я не усталъ и совсѣмъ не хочу спать.

Онъ подошелъ къ балконной двери, отдернулъ занавѣсъ и выглянулъ на набережную. Тамъ было свѣтло какъ днемъ; горы сіяли; вода въ бухтѣ сверкала и искрилась.

— Мама, посмотри, какъ хорошо!

Они вышли на балконъ и долго стояли молча.

— Завтра они идутъ пѣшкомъ въ Георгіевскій монастырь, —проговорилъ наконецъ Юрій Александровичъ вполголоса.

— Кто? Ахъ, да... И тебѣ хочется съ ними?

— Да...—сказалъ Юрій Александровичъ, смущаясь подъ взглядомъ матери. — Они меня приглашали. Въ Георгіевскомъ, говорятъ, замѣчательно хорошо.

Блѣдное лицо Клавдіи Юрьевны снова застыло въ холодной неподвижности.

— Ну, что-жъ,—вымолвила она спокойно.—Если хочется, иди.

— Но, мамочка... тебѣ это непріятно?

Клавдія Юрьевна ничего не отвѣчала и вернулась въ комнату. Юрій Александровичъ шелъ за нею. Она взяла книгу, лампу и обернулась къ сыну.

— Ну, прощай... Ложись, только не забудь затворить на ночь балконную дверь,—сыро. Спокойной ночи.

Она поцѣловала его въ лобъ и ушла въ свою комнату, Юрій Александровичъ съ горькимъ недоумѣніемъ смотрѣлъ ей вслѣдъ. Ему хотѣлось остановить ее, что-то сказать... но онъ не сдѣлалъ этого, вышелъ снова на балконъ и задумался. Да, все у нихъ что-то не такъ, все не ладится, а между тѣмъ вѣдь они любятъ другъ друга и всю жизнь прожили вмѣстѣ. Какъ себя помнитъ Юрій Александровичъ, они никогда не разлучались съ мамой, и каждый моментъ его существованія былъ неразрывно связанъ съ ея жизнью. Когда онъ хворалъ въ дѣтствѣ—Клавдія Юрьевна дни и ночи безотлучно просиживала у его постели; когда началъ учиться,—она помогала ему въ урокахъ, рѣшала съ нимъ задачи. Вмѣстѣ съ нею онъ выучилъ первыя буквы, вмѣстѣ прочелъ первую книгу, и такъ во всемъ и всегда они привыкли жить, чувствовать и мыслить за одно. Отца своего Юрій Александровичъ не зналъ; онъ умеръ молодымъ, еще до рожденія сына, и у матери не было даже его портрета, а вспоминать о немъ и разсказывать она почему-то не любила. Юрій Александровичъ это замѣтилъ давно и, видя, что матери непріятны всякія воспоминанія о прошломъ, никогда ни о чемъ ее не разспрашивалъ. Они такъ сжились между собою, что съ полуслова понимали другъ друга и привыкли подмѣчать малѣйшіе оттѣнки въ душевномъ настроеніи одинъ другого. Но въ послѣднее время въ ихъ гармоническія отношенія стали прокрадываться какія-то странныя тѣни. Когда это началось, Юрій Александровичъ не могъ бы сказать, но чувствовалъ, какъ съ каждымъ днемъ его жизнь понемногу отдѣляется отъ жизни матери, и ея мысли, чувства, взгляды уже не находятъ прежняго отклика въ его душѣ. Онъ точно долго-долго спалъ и вдругъ проснулся при яркомъ свѣтѣ дня; фантастическія видѣнія сна разсѣялись, какъ дымъ, и сѣренькія подробности будничной жизни обнаружились во всей своей наготѣ. Сначала онъ испугался этого пробужденія, какъ ребенокъ, который жмуритъ глаза и натягиваетъ на себя одѣяло, чтобы продлить свой сладкій сонъ, но потомъ мало-по-малу привыкъ къ новому положенію и сталъ осматриваться и разбирать. Съ горькимъ недоумѣніемъ убѣждался онъ, что правда жизни совсѣмъ не похожа на его дѣтскіе сны, и жуткія сомнѣнія все больше и больше овладѣвали имъ.

Юрій Александровичъ тяжело вздохнулъ, возвратился въ комнату и загасилъ лампу. Волшебница ночь тихо вошла къ нему,

заткала всѣ углы голубою паутиной, разбросала по полу серебряныя кружева и разсѣяла его грустныя думы. Убаюкивающій плескъ бухты доносился въ открытое окно. Нѣтъ, все-таки хорошо жить! У молодости есть золотое завтра... Юрій Александровичъ быстро раздѣлся, легъ и съ наслажденіемъ вытянулся на постели. Вдругъ легкій шорохъ послышался изъ комнаты матери, онъ вздрогнулъ и прислушался. Бѣдная мама, она еще не спитъ... Юрію Александровичу стало ее жаль. Пойти бы къ ней сейчасъ, сказать, какъ онъ ее любитъ, какъ ему хорошо... Прежде, когда между ними возникали какія-нибудь недоразумѣнія, онъ всегда такъ дѣлалъ, но теперь... нѣтъ, теперь нельзя. Теперь она опять не пойметъ его и огорчится еще больше. Завтра...

Юрій Александровичъ заснулъ.

IV.

Клавдія Юрьевна не спала, и въ то время, какъ сыну ея грезилось золотое „завтра“, она вспоминала сумрачное „вчера“. Это было давно, давно, въ половинѣ семидесятыхъ годовъ. Молоденькая институтка, дочь помѣщика Т—й губерніи, увлеклась новыми вѣяніями и противъ воли родителей пріѣхала въ Петербургъ учиться. Здѣсь ей не все нравилось; стриженые волосы и полумужскія манеры студентокъ коробили ее, ихъ смѣлыя рѣчи пугали и отталкивали, но она переламывала себя и посѣщала всѣ чтенія, всѣ сходки и вечеринки, на которыхъ собиралась молодежь. На одной изъ этихъ вечеринокъ Клавдія Юрьевна и познакомилась съ своимъ будущимъ мужемъ, студентомъ Щигровскимъ. Какъ это случилось, Клавдія Юрьевна до сихъ поръ не можетъ понять, но этотъ „дикій“ человѣкъ,—такъ она его называла,—съ первой же встрѣчи увлекъ и покорилъ ея холодную, уравновѣшенную натуру. Они повѣнчались, но вскорѣ же послѣ брака между ними пошли разногласія и тяжелыя недоразумѣнія. Положительная и практическая Клавдія Юрьевна сейчасъ же принялась за устройство своего гнѣзда и составила опредѣленную программу всей своей будущей жизни; Щигровскій на каждомъ шагу разрушалъ ея планы, и его тянуло совсѣмъ въ другую сторону. Въ началѣ, столкновенія ихъ носили шутливый характеръ, Щигровскій подсмѣивался надъ буржуазными стремленіями своей жены, называлъ ее „пропріетершей“ и „крѣпостницей“; она въ свою очередь прозвала мужа „дикимъ человѣкомъ“, но мало-по-малу шутки эти уступили мѣсто

серьезнымъ размолвкамъ, и отношенія молодыхъ супруговъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обострялись, пока не перешли въ открытую вражду. Щигровскій упрекалъ Клавдію Юрьевну въ эгоизмѣ, мелочности и отсутствіи широкихъ общественныхъ интересовъ; Клавдія Юрьевна возмущалась безпорядочностью мужа, его порывами, его народническими симпатіями, къ которымъ она относилась недовѣрчиво и брезгливо. Ей, чопорной и изящной институткѣ, воспитанной въ отвращеніи ко всему грубому и грязному, мужицкія тенденціи ея мужа казались безсмысленными и непонятными; она не вѣрила, чтобы можно было искренно интересоваться судьбой какого-то мужика, котораго она, выросшая въ лонѣ сытой помѣщичьей семьи, привыкла считать за низшее существо, фатально обреченное на невѣжество и тяжелый трудъ. Ни курсы, ни лекціи, ни разговоры съ товарищами не могли поколебать въ ней этого убѣжденія, хотя она и допускала, что такой порядокъ вещей не совсѣмъ нормаленъ и что „низшее существо" тоже имѣетъ право на лучшую жизнь. Но измѣнить существующія условія, по ея мнѣнію, было невозможно, и она не могла удержаться отъ презрительной усмѣшки, слушая разговоры своего мужа и его товарищей объ улучшеніи положенія обездоленныхъ классовъ и о необходимости борьбы съ современнымъ соціальнымъ строемъ. Пока эти пламенныя рѣчи были ей смѣшны, но скоро она почувствовала, что онѣ становятся опасны.

Однажды мужъ возвратился откуда-то взволнованный и, тщательно затворивъ всѣ двери и окна комнаты, гдѣ они сидѣли, попросилъ у нея 500 руб. для очень важнаго и серьезнаго дѣла... Клавдія Юрьевна поблѣднѣла и рѣшительно отказала.

— Это твое послѣднее слово?—спросилъ Щигровскій.

— Послѣднее—разъ и навсегда,—спокойно повторила Клавдія Юрьевна.—Я не сочувствую вашимъ безумнымъ затѣямъ, считаю ихъ безсмысленными и даже вредными, и никогда не дамъ для нихъ ни копѣйки...

Щигровскій всталъ и пошелъ изъ комнаты, но у дверей обернулся и крикнулъ ей:—„я тебя ненавижу"!..

Супруги рѣшили разойтись, но въ это время Клавдія Юрьевна почувствовала себя беременной и осталась. Беременность подогрѣла ихъ остывающую любовь и примирила ихъ — не надолго. Отчужденіе между ними росло; дороги ихъ расходились все больше и больше. Клавдія Юрьевна шила чепчики и распашонки для будущаго ребенка; Щигровскій по цѣлымъ днямъ исчезалъ изъ дому и возвращался съ какими-то таинственными

свертками, которые тщательно пряталъ въ своей комнатѣ. Потомъ вдругъ неожиданно онъ бросилъ университетъ, совсѣмъ перестал бывать у прежнихъ знакомыхъ и еще чаще началъ пропадать изъ дома. Иногда онъ приходилъ не надолго, сумрачный и усталый, съ руками, выпачканными типографской краской, запирался у себя, что-то дѣлалъ тамъ — и снова уходилъ, озираясь по сторонамъ, какъ заговорщикъ. Подозрѣвая недоброе, Клавдія Юрьевна пробовала съ нимъ говорить, умоляя его пощадить ее и ребенка — Щигровскій отвѣчалъ угрюмымъ молчаніемъ. Тогда Клавдія Юрьевна окончательно рѣшила разстаться съ нимъ и уѣхать въ деревню къ роднымъ. Но пока она собиралась это сдѣлать—разразилась катастрофа.

Въ одну свѣтлую апрѣльскую ночь у нихъ на квартирѣ произвели обыскъ, ничего не нашли, но Клавдія Юрьевна была арестована и отвезена въ домъ предварительнаго заключенія. Черезъ двѣ недѣли ее вызвали на допросъ, показывали ей карточки незнакомыхъ лицъ, называли незнакомыя фамиліи, но такъ какъ она ничего не знала, ее выпустили, взявъ съ нея подписку о невыѣздѣ изъ Петербурга до окончанія слѣдствія. Нравственно разбитая, больная, она вернулась на свою разгромленную квартиру и тутъ узнала, что мужъ ея взятъ въ тайной типографіи, что его будутъ судить и вообще дѣло его очень серьезное... Но ей это было уже все равно: никакого сочувствія, никакой любви къ нему она не чувствовала. Ей казалось непростительнымъ со стороны мужа поставить все на карту, въ то время, когда она была беременна, подвергнуть ее аресту, потрясенію, допросу, и Клавдія Юрьевна рѣшила, что онъ никогда не любилъ ее и не дорожилъ ея привязанностью. И она порвала съ нимъ навсегда. Онъ прислалъ ей изъ тюрьмы письмо, въ которомъ съ запоздалой нѣжностью просилъ у нея прощенья, звалъ ее придти къ нему на свиданіе, умолялъ ее писать; Клавдія Юрьевна письмо съ презрѣньемъ изорвала въ клочки, не отвѣчала ничего и на свиданіе къ мужу не пошла. Все было кончено между нимъ и ею... Вскорѣ ее снова позвали на допросъ. Власти отнеслись къ ней очень мягко и сочувственно, успокоивали ее и увѣряли, что дѣло ея мужа ничѣмъ не отразится на ея судьбѣ. Послѣ допроса ей возвратили ея бумаги и объявили, что она совершенно свободна. Съ чувствомъ глубокаго облегченія Клавдія Юрьевна покинула мрачныя стѣны III отдѣленія, гдѣ она похоронила все свое прошлое и свою неудачную любовь. Когда въ этотъ же день къ ней пришли старые знакомые ея мужа узнать о результатахъ допроса,—она не приняла ихъ: все, что напо-

минало прошлое, было ей ненавистно, и она торопливо обрывала всякія нити, которыя такъ или иначе связывали ее съ нимъ. Наскоро ликвидировавъ свои дѣла, она поспѣшно уѣхала изъ Петербурга.

Въ деревнѣ у нея родился сынъ, Юрій. Это былъ хилый, слабенькій ребенокъ, и ей стоило много труда и страданій выходить его. Но когда Юрочка счастливо перенесъ всѣ болѣзни дѣтскаго ранняго возраста и сталъ на ноги, у Клавдіи Юрьевны начались новые страхи и заботы. Она боялась, какъ бы Юрій не вышелъ похожимъ на отца, и эта мысль заставляла ее холодѣть и трепетать въ предчувствіи страшнаго несчастья. Съ тревогой наблюдала она за мальчикомъ, слѣдила за каждымъ мельчайшимъ проявленіемъ его характера и старалась тщательно удалить отъ него всякія постороннія вліянія. Юрій росъ, какъ принцъ, въ замкнутой обстановкѣ стариннаго помѣщичьяго дома, оберегаемый отъ всѣхъ впечатлѣній внѣшняго міра, окруженный непрерывными заботами и попеченіями. За каждымъ шагомъ его присматривалъ зоркій глазъ матери; каждый поступокъ его взвѣшивался и разбирался. А мальчикъ, дѣйствительно, былъ нервный, впечатлительный, хотя въ то же время женственно-мягкій и кроткій. Это обстоятельство очень радовало Клавдію Юрьевну; она помнила дикое упрямство своего мужа и съ удовольствіемъ убѣждалась, что этой черты характера не было въ ея сынѣ. Онъ рѣдко капризничалъ и охотно подчинялся внушеніямъ матери, никогда не обнаруживая настойчивости въ своихъ требованіяхъ. Одно только пугало ее—наклонность къ мечтательности и повышенная чувствительность. Онъ легко приходилъ въ восторженное состояніе и часто плакалъ отъ всякихъ пустяковъ. Когда онъ въ первый разъ увидѣлъ разливъ рѣки,—у нихъ въ деревнѣ была широкая рѣка,—съ нимъ сдѣлался настоящій истерическій припадокъ: онъ смѣялся и рыдалъ, весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и всю ночь послѣ того не спалъ, безпрестанно вскакивая и прислушиваясь къ отдаленному грохоту льдинъ и шуму рѣки. Юрій запомнилъ это первое свое сильное впечатлѣніе и долго спустя любилъ разсказывать о немъ, и въ своихъ дѣтскихъ рисункахъ часто воспроизводилъ видѣнную или величественную картину. Этотъ случай сильно обезпокоилъ Клавдію Юрьевну, и съ тѣхъ поръ она еще тщательнѣе начала удалять отъ сына все, что̀ могло его потрясти. Своимъ всегда ровнымъ обращеніемъ она старалась сгладить всякія шероховатости въ характерѣ Юрія и пріучить его къ спокойствію, выдержкѣ и умѣнью владѣть собою. Этимъ Клавдія Юрьевна сдѣлала большую

ошибку: тепличная атмосфера, въ которой она держала мальчика, не уничтожила въ немъ его природныхъ наклонностей, а только на время подавила ихъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ онѣ могли вспыхнуть въ немъ съ обостренною яркостью и силой.

Юрій подросталъ и пора было уже учить его. Послѣ смерти родителей Клавдія Юрьевна продала имѣнье и переѣхала въ глухой губернскій городокъ на югѣ Россіи. Тамъ она купила небольшой домикъ съ садомъ и стала жить одиноко, скромно и дѣятельно. Теперь она была уже совсѣмъ далека отъ своего прошлаго и ничто вокругъ не напоминало о немъ и не могло возбудить въ Юріѣ тревожныхъ вопросовъ объ отцѣ. Здѣсь никто не зналъ ее и она не знала никого; знакомства ея ограничивались тѣснымъ кругомъ двухъ-трехъ учителей, дававшихъ Юрію уроки, семействомъ врача, который постоянно лечилъ ихъ, и Клавдія Юрьевна безъ всякихъ помѣхъ отдалась воспитанію сына. Сначала она занималась съ нимъ сама, потомъ пригласила учителей мѣстной гимназіи и сама зорко слѣдила за ихъ преподаваніемъ, осторожно и умѣло, чтобы не обидѣть преподавателей, отстраняя все, что̀, по ея мнѣнію, было лишнимъ и ненужнымъ. Книги для Юрія тоже выбирала она и сама прочитывала съ нимъ каждую книгу. До 15 лѣтъ Юрій учился плохо и вяло, читать не любилъ, и ему нравилось больше, когда ему разсказывали что-нибудь. Но потомъ въ немъ неожиданно проснулась любовь къ книгѣ, и онъ сталъ заниматься со страстью, съ жадностью, снова перепугавшею его мать. Прежде она заставляла его учиться, теперь ей приходилось сдерживать его рвеніе. Онъ даже по ночамъ вскакивалъ, зажигалъ лампу и садился повторять латинскія спряженія, которыя, какъ ему казалось, онъ нетвердо зналъ. За обѣдомъ, на прогулкѣ, вечеромъ въ сумерки, когда они съ матерью сидѣли въ любимомъ уголкѣ на диванѣ и дѣлились впечатлѣніями,—Юрій то читалъ стихи наизусть, то повторялъ греческій переводъ, то разсказывалъ новый урокъ изъ исторіи. Въ гимназію Клавдія Юрьевна рѣшила его не отдавать; она боялась шумной толпы незнакомыхъ ей мальчугановъ, боялась чужихъ людей и ихъ вліянія на Юрія. Такъ же, какъ и въ дѣтствѣ, Юрій видѣлъ передъ собою только одну мать, да двухъ-трехъ близкихъ знакомыхъ, выбранныхъ Клавдіей Юрьевной. Они почти нигдѣ не бывали и у Юрія не было ни товарищей, ни друзей одного съ нимъ возраста. Одиночество сдѣлало его робкимъ и застѣнчивымъ, онъ терялся въ обществѣ и самъ не любилъ новыхъ знакомствъ. Улица, толпа его пугала; онъ зналъ

жизнь только по книгамъ и по разсказамъ матери. Читали они много, но Клавдія Юрьевна выбирала для чтенія книги серьезныя, преимущественно философскаго и историческаго содержанія съ строго опредѣленнымъ направленіемъ. Ея цѣлью было подавить въ сынѣ наклонность къ фантазіи и воспитать въ немъ спокойное и трезвое отношеніе къ дѣйствительности; ей помогалъ въ этомъ одинъ старичокъ-учитель, большой поклонникъ гегелевскаго Абсолюта и трансцендентальной философіи. Филиппъ Ивановичъ,—такъ звали учителя,—когда-то мечталъ о каѳедрѣ философіи, но разныя житейскія неудачи заставили его ограничиться скромной ролью учителя исторіи въ глухой провинціи, и онъ доживалъ свои дни бобылемъ, въ сторонѣ отъ мимо бѣгущей жизни, равнодушный къ ея звукамъ и трепету, всецѣло погруженный въ изученіе „Феноменологіи Духа“, въ которой находилъ все новыя и новыя красоты. Младенческое спокойствіе его души, необычайная ясность и благодушіе міросозерцанія среди жизненныхъ тревогъ привлекли Клавдію Юрьевну, и она рѣшила поручить ему воспитаніе Юрія. Филиппъ Ивановичъ принялся за дѣло съ жаромъ. Онъ внушалъ своему питомцу, что все существующее—разумно, что міровое зло неизбѣжно и всякія попытки бороться съ нимъ безполезны и безцѣльны. Цѣль одна—стремленіе къ самопознанію и самосовершенству; разумъ—верховный владыка міра, и потому въ мірѣ нѣтъ ни зла, ни добра, ни справедливаго, ни несправедливаго, и все есть истина и красота, единство и гармонія. Увлеченный самъ, Филиппъ Ивановичъ и Юрія старался увлечь въ дебри діалектики; онъ поднималъ его на такую высоту мысли, что земля со всѣми ея радостями и печалями казалась жалкою песчинкой, не стоющею ни одной слезы истиннаго философа. Онъ цитировалъ Бѣлинскаго и Грановскаго и съ пренебреженіемъ отзывался о критикахъ и толкователяхъ „единаго и безсмертнаго“. Для него существовалъ только „Weltgeist“ — и пророкъ его, — больше онъ ничего не признавалъ и не видѣлъ.

Юрій сильно увлекся „идеей мірового единства и гармоніи“ и почувствовалъ вкусъ къ философіи. Это радовало Клавдію Юрьевну, и въ мечтахъ своихъ она уже видѣла своего сына безстрастнымъ ученымъ, взирающимъ на міръ съ объективной высоты, „добру и злу внимая равнодушно, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва“... И когда однажды Юрій, сидя съ нею въ сумеркахъ на любимомъ диванѣ, шепнулъ ей, что желалъ бы быть профессоромъ, Клавдія Юрьевна почувствовала тихую радость и душевное удовлетвореніе. Мрачный призракъ прошлаго, трево-

жившій ее такъ часто, начиналъ блѣднѣть и стушевываться; будущее представилось ей свѣтлымъ, радостнымъ, и она съ безмолвной нѣжностью обняла сына.

Но Клавдія Юрьевна не ограничилась одною философіей оптимизма и индифферентизма: она знала, что рано или поздно Юрію придется встрѣтиться съ злобою дня—соціально-экономическими вопросами, и заранѣе хотѣла предохранить его отъ всякихъ крайностей и увлеченій въ эту сторону. Несмотря на протесты Филиппа Ивановича, она познакомила Юрія съ нѣкоторыми соціальными ученіями, хотя не въ оригиналѣ, а въ изложеніи и въ значительно смягченномъ и, такъ сказать, разжиженномъ видѣ. Такимъ образомъ соціальный ядъ, процѣженный черезъ благонамѣренные мозги буржуазныхъ авторовъ, терялъ до нѣкоторой степени свои токсическія свойства и, на подобіе предохранительной сыворотки, могъ иммунизировать молодой умъ отъ опасной заразы. Клавдія Юрьевна прочла съ Юріемъ Лавелэ, познакомила его съ туманными теоріями французскихъ утопистовъ и осторожно коснулась ученій современныхъ экономистовъ. Но Юрій, который въ это время парилъ вмѣстѣ съ Филиппомъ Ивановичемъ въ трансцендентальныхъ сферахъ Абсолютнаго Разума, не обнаружилъ большого интереса къ проповѣди экономической борьбы. Онъ жилъ въ мірѣ гармоніи, и живая жизнь съ ея будничными заботами была ему чужда. Онъ представлялъ себѣ человѣчество, какъ идею, какъ воплощеніе разума, и совершенно не зналъ человѣка,—больного, злого, страдающаго и заставляющаго страдать. Поэтому, обмѣнъ, распредѣленіе, зависимость труда отъ капитала,—все это были для него пустые звуки и больше ничего. Клавдія Юрьевна не настаивала, и политическая экономія была заброшена въ уголъ.

Къ 20-ти годамъ среднее образованіе Юрія Александровича было закончено, и Клавдія Юрьевна съ Филиппомъ Ивановичемъ стали подумывать о дальнѣйшей судьбѣ своего питомца. На семейномъ совѣщаніи было рѣшено, что Юрій сдастъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости при мѣстной гимназіи, и потомъ они съ матерью уѣдутъ за границу, въ какой-нибудь тихій университетскій городокъ. Тамъ Юрій выберетъ себѣ факультетъ, будетъ продолжать свои занятія по философіи и исторіи и затѣмъ уже вполнѣ зрѣлымъ и сложившимся человѣкомъ вступитъ въ жизнь. Клавдія Юрьевна не сомнѣвалась, что тогда всѣ труды ея и заботы будутъ кончены, и мрачный призракъ будетъ окончательно побѣжденъ.

Когда Юрій Александровичъ въ первый разъ пришелъ въ

гимназію на экзаменъ и очутился въ оживленной толпѣ незнакомыхъ юношей, онъ нѣсколько растерялся и оробѣлъ. Гимназисты показались ему черезчуръ шумными, черезчуръ смѣлыми и грубыми. У нихъ былъ какой-то свой особенный жаргонъ и свои, непонятныя для Юрія Александровича словечки; они громко шутили, подсмѣивались надъ учителями и сговаривались между собою, какъ бы половчѣе „надуть" того или другого преподавателя, „выхватить" билетъ получше или обмѣняться билетами незамѣтно отъ экзаменаторовъ. У нихъ шли таинственныя совѣщанія насчетъ какихъ-то „шпаргалокъ"; серьезно обсуждался вопросъ о томъ, въ духѣ или не въ духѣ будетъ на экзаменѣ „чехъ", и дѣлались различныя предположенія о темахъ, присланныхъ изъ округа. У нѣкоторыхъ на манжетахъ рубашекъ были карандашемъ написаны какія-то вычисленія и теоремы, и они время отъ времени озабоченно вытягивали ихъ наружу, стараясь дѣлать это быстро и незамѣтно, и просматривали записи. Все это покоробило Юрія Александровича и сильно не понравилось ему. Въ свою очередь, гимназисты смотрѣли на него не особенно дружелюбно, перешептывались на его счетъ, и не разъ до него явственно долетало словечко „маменькинъ сынокъ", очевидно, по его адресу. Но понемногу Юрій Александровичъ освоился въ новой обстановкѣ и сталъ всматриваться и наблюдать. Въ однородной на первый взглядъ толпѣ онъ замѣтилъ два-три симпатичныхъ лица, и его потянуло подойти ближе къ нимъ. Особенно понравились ему двое молодыхъ людей—Ефремовъ и Моргулисъ. Первый былъ необыкновенно живой и пылкій юноша, остроумный и насмѣшливый,—это, кажется, онъ пустилъ словечко „маменькинъ сынокъ" на счетъ Юрія Александровича. Должно быть, онъ былъ очень бѣденъ, потому что его мундиръ изъ синяго превратился въ желтозеленый и лоснился на локтяхъ и лопаткахъ, а стоптанные рыжіе сапоги носили слѣды многократной реставраціи. Моргулисъ былъ серьезный и молчаливый еврей, съ блѣднымъ, чахоточнымъ лицомъ и большими печальными глазами. Случайно они оказали другъ другу какія-то мелкія услуги, разговорились и познакомились. Однажды Юрій Александровичъ пошелъ съ ними вмѣстѣ изъ гимназіи. Ефремовъ съ откровенностью молодости сейчасъ же разсказалъ ему свою біографію и зазвалъ его къ себѣ. Оказалось, что у него недавно умеръ отецъ, маленькій почтовый чиновникъ, оставивъ семью безъ всякихъ средствъ, и Ефремовъ очутился въ роли старшаго и кормильца семьи. По окончаніи курса онъ долженъ былъ сейчасъ же поступать куда-нибудь на службу, а пока они

всѣ кое-какъ существовали на скудные гроши, которые зарабатывала его сестра швейной машиной. Объ университетѣ нечего было и думать, но юноша не унывалъ и самъ надъ собою подсмѣивался, говоря, что въ то время, какъ его товарищи будутъ еще сидѣть на школьной скамьѣ, онъ уже будетъ знаменитымъ „писателемъ", авторомъ цѣлаго тома „входящихъ и исходящихъ". Моргулисъ говорилъ о себѣ мало, но Юрій Александровичъ узналъ отъ Ефремова, что онъ поѣдетъ за границу, потому что въ русскихъ университетахъ пріемъ евреевъ ограниченъ 5 процентами и еврею очень трудно попасть въ высшее учебное заведеніе. Это очень удивило Юрія Александровича, и онъ долго не могъ понять, какая разница между русскимъ и евреемъ и почему русскому можно учиться въ Россіи, а еврею нельзя. Впрочемъ, онъ многаго не понималъ въ жизни, открывшейся передъ нимъ за стѣнами его дома, и много новаго, неожиданнаго и страннаго предстояло еще ему узнать впереди.

Возбужденный новыми знакомствами, Юрій Александровичъ, придя домой, поспѣшилъ разсказать матери о Ефремовѣ и Моргулисѣ, о томъ, какіе они оба славные и какъ онъ радъ, что съ ними познакомился. Но Клавдія Юрьевна при этомъ сдѣлала такое ледяное лицо, что сердце у Юрія Александровича похолодѣло, онъ спутался, смѣшался и замолчалъ, удивленный и опечаленный. Въ своемъ тяжеломъ недоумѣніи онъ забылъ даже сказать, что пригласилъ своихъ новыхъ друзей къ себѣ. Они пришли на другой день, и Юрій Александровичъ до сихъ поръ не можетъ забыть того презрительнаго пріема, который оказала имъ Клавдія Юрьевна. А послѣ ихъ ухода разъигралась сцена, которую вспоминаетъ Юрій Александровичъ всегда съ болью и стыдомъ. Клавдія Юрьевна объявила ему, что она не желаетъ принимать къ себѣ въ домъ какихъ-то подозрительныхъ оборванцевъ и „жидовъ", упрекала сына за неразборчивость въ выборѣ друзей и въ заключеніе просила его никогда не заводить знакомыхъ безъ ея вѣдома и совѣта. Юрій Александровичъ слушалъ молча; въ ушахъ его все еще звучали грубыя слова „оборванецъ", „жидъ"; ему не вѣрилось, что они сказаны его изящной, милой матерью; онъ не узнавалъ ея; передъ нимъ въ эту минуту была какая-то другая женщина, а не его прелестная, добрая, умная мать...

Конечно, онъ больше не звалъ къ себѣ никого, да товарищи и сами поняли его положеніе и не ходили къ нему. Но дружба его съ Ефремовымъ и Моргулисомъ продолжалась, но онъ уже не разсказывалъ о ней своей матери. Послѣ каждаго

экзамена онъ заходилъ къ Ефремову и тамъ, въ ихъ убогой квартиркѣ, пропитанной чадомъ пригорѣлаго масла, подъ непрерывный стукъ швейной машины, трое юношей вели длинныя бесѣды, и Юрій Александровичъ чувствовалъ себя гораздо лучше, чѣмъ въ своемъ уютномъ домикѣ.

А Клавдія Юрьевна въ это время волновалась и страдала. Грозный призракъ опять воскресъ и съ злорадной улыбкой смотрѣлъ на нее изъ мрака прошлаго. Всюду она видѣла его зловѣщія отраженія и съ тревогой наблюдала за сыномъ. Ей казалось, что онъ уже не такъ съ нею откровененъ, не такъ смотритъ и говоритъ, избѣгаетъ сумерничать на любимомъ диванѣ и что-то отъ нея таитъ. Однажды она уловила въ его взглядѣ такое поразительное сходство съ отцомъ, что ее бросило въ дрожь, и она едва устояла на ногахъ. Всю ночь ей снился этотъ взглядъ, недовѣрчивый, загадочный, скользящій, хорошо знакомый взглядъ того, который когда-то крикнулъ ей: „я тебя ненавижу"!.. Неужели онъ, умершій для нея навсегда, оживетъ снова въ сынѣ? Неужели годы непрерывнаго труда, заботъ, мучительныхъ тревогъ и борьбы пропадутъ даромъ?

И Клавдіи Юрьевнѣ вспоминались „Призраки" Ибсена, недавно прочитанные ею, и душа ея наполнялась ужасомъ, когда она представляла себѣ ощущенія бѣдной матери, услышавшей впервые безумный крикъ своего сына... Это было такъ ужасно, что однажды она не выдержала и разрыдалась. На рыданія прибѣжалъ Юрій, она обняла его и страстно прижала къ груди, точно его отнимали у нея; онъ цѣловалъ ея руки, ея глаза, встревоженный, испуганный ея слезами, считая себя ихъ виновникомъ. Съ этой минуты у нихъ все пошло по прежнему: Клавдія Юрьевна, понявъ, что поступила съ товарищами Юрія черезчуръ круто, избѣгала теперь всякихъ упрековъ; Юрій, догадываясь, что огорчаетъ мать своею дружбой съ Ефремовымъ и Моргулисомъ, пересталъ совсѣмъ ходить къ нимъ и встрѣчался съ ними только на экзаменахъ. Мало-по-малу дружба между молодыми людьми остыла въ самомъ началѣ, и Юрій снова остался одинъ съ матерью и старымъ гегеліанцемъ.

Экзамены кончились, Моргулисъ уѣхалъ за границу, Ефремовъ поступилъ на желѣзную дорогу, а Клавдія Юрьевна рѣшила уѣхать на конецъ лѣта куда-нибудь на югъ, къ морю. Она находила, что Юрій Александровичъ во время экзаменовъ сильно похудѣлъ и усталъ; врачъ совѣтовалъ ему основательно отдохнуть и укрѣпиться на морскихъ купаньяхъ. Но Клавдіи Юрьевнѣ не хотѣлось ѣхать въ модные и многолюдные курорты;

она долго раздумывала и выбирала какое-нибудь тихое мѣстечко и остановилась на Балаклавѣ. Въ половинѣ августа она уѣхала въ Крымъ.

V.

На другой день часовъ въ 6 утра, когда Щигровскіе были еще въ постеляхъ, послышался осторожный стукъ въ балконную дверь. Юрій Александровичъ живо вскочилъ и спросилъ, кто тамъ.

— Это я,—послышался голосъ Зорницкаго. — Вставайте! Сейчасъ идемъ въ Георгіевскій.

Юрій Александровичъ сталъ поспѣшно одѣваться, но вдругъ вспомнилъ вчерашній разговоръ съ матерью и пріостановился. „Мама была огорчена,—подумалъ онъ.—Не отказаться ли лучше“? Но въ окно глядѣло такое свѣжее и радостное утро, что у него не хватило духу сдѣлать это, и онъ продолжалъ свой туалетъ.

— Ты встаешь, Юрій?—спросила Клавдія Юрьевна изъ своей комнаты.—Что̀ такое случилось и съ кѣмъ ты разговариваешь?

— Это, мамочка, тотъ художникъ... я тебѣ говорилъ вчера... онъ здѣсь на балконѣ,—вполголоса отвѣчалъ Юрій Александровичъ, подходя къ двери.—Они сейчасъ идутъ въ Георгіевскій монастырь.

Клавдія Юрьевна вышла уже совершенно одѣтая, болѣе обыкновеннаго блѣдная, съ синими кругами у глазъ.

— Что же онъ тамъ на балконѣ сидитъ?—сказала она.— Пригласи его.

Юрій Александровичъ бросился цѣловать ея руки.

— Мамочка, ты не сердишься? Не сердишься? — шепталъ онъ.

Болѣзненная улыбка промелькнула на губахъ Клавдіи Юрьевны. А Юрій Александровичъ уже бѣжалъ на балконъ, гдѣ на ступенькахъ сидѣлъ Зорницкій и курилъ.

— Пойдемте къ намъ,—сказалъ Юрій Александровичъ.— Мама хочетъ съ вами познакомиться.

Зорницкій поспѣшно бросилъ недокуренную папиросу, застегнулъ пиджакъ на всѣ пуговицы и вошелъ въ комнату.

— Зорницкій, художникъ, — отрекомендовался онъ, низко склоняясь передъ Клавдіей Юрьевной,—это былъ одинъ изъ самыхъ элегантныхъ его поклоновъ,—и совершенно не подозрѣвая, что элегантность его въ эту минуту подвергается самой строжайшей критикѣ.

— Садитесь, пожалуйста, — не подавая ему руки, сказала Клавдія Юрьевна и подумала: „хлыщъ какой-то... и, кажется, дурного тона“...

А Зорницкій въ свою очередь думалъ: „а барыня-то, кажется, ой-ой-ой“!

— Вы въ академіи?—усталымъ голосомъ спросила Клавдія Юрьевна.

— Нѣтъ, я учился у Штиглица, а теперь занимаюсь въ мастерской Маковскаго. Но думаю потомъ и въ академію.

— Вы, вѣроятно, реалистъ въ живописи?

— О, нѣтъ!—поспѣшно возразилъ Зорницкій.—Я скорѣе, если хотите, символистъ и отчасти импрессіонистъ.

„Онъ, кажется, глупъ“,—подумала снова Клавдія Юрьевна, внимательно глядя на красивое „онѣгинское“ лицо Зорницкаго, и гораздо благосклоннѣе продолжала:

— Символизмъ—это, если не ошибаюсь, новое направленіе въ искусствѣ?

— Да,—съ жаромъ подхватилъ Зорницкій, обрадованный, что разговоръ коснулся его любимой темы.—Символизмъ, это послѣднее слово въ искусствѣ, и ему принадлежитъ будущее. Онъ не ставитъ никакихъ рамокъ творческой фантазіи, не стѣсняетъ художника никакими тенденціями и уставными формами и заставляетъ его искать новыхъ путей. Сѣрыя краски, лохмотья, грязь жизни—все это брошено теперь... Даже Рѣпинъ, апостолъ реализма, отрекся печатно отъ своего прежняго направленія...

— Это очень интересно... Извините, я совершенный профанъ въ искусствѣ... Но въ чемъ же, собственно, состоитъ символизмъ? Я бы хотѣла посмотрѣть. У васъ, вѣроятно, есть что-нибудь?

— Какъ же, я пишу...—Зорницкій ничего еще не писалъ.—Если хотите, я могу васъ познакомить... У меня, положимъ, нѣтъ еще ничего такого... законченнаго... такъ, этюды, наброски... Вотъ, если хотите познакомиться съ символизмомъ въ поэзіи...

— А вы и стихи пишете?

— Немножко, такъ, пустяки,—сказалъ Зорницкій и почувствовалъ, что краснѣетъ. Ему показалось, что Клавдія Юрьевна пристально смотритъ на его костюмъ, и онъ вспомнилъ, что не перемѣнялъ рубашку уже три дня.

Вошелъ Юрій Александровичъ съ полотенцемъ въ рукахъ.

— Ну, я готовъ!—сказалъ онъ весело.—Пойдемте.

— Какъ же, безъ чаю?—спросила Клавдія Юрьевна.

— Я не хочу, мамочка. Мы тамъ напьемся. Вѣдь тамъ можно?—обратился онъ къ Зорницкому.

— О, разумѣется! Тамъ у монаховъ мы достанемъ и самоваръ, и все.

— Ну, вотъ видишь, мамочка. До свиданья... не скучай!

„Какъ онъ спѣшитъ!—съ горечью подумала Клавдія Юрьевна. —Неужели ему съ этимъ дурачкомъ веселѣе, чѣмъ со мной"?

А Зорницкій, воображая, что произвелъ наилучшее впечатлѣніе, снова отвѣсилъ передъ нею свой элегантный поклонъ, на который она разсѣянно отвѣтила. „Барыня ой-ой-ой!—думалъ онъ, сходя съ балкона.—Марія-Антуанетта какая-то... и что за странная блѣдность? Точно мраморная статуя. И холодна, должно быть, брр!.. Но, кажется, со мною она ничего... вотъ только рубашка"...

Молодые люди вышли на набережную. Здѣсь, въ горячемъ блескѣ утренняго солнца, Зорницкій почувствовалъ, что начинаетъ оттаивать послѣ холоднаго пріема Клавдіи Юрьевны, и къ нему вернулась его обычная самоувѣренность и жизнерадостное настроеніе.

— Славно!—воскликнулъ онъ, снимая фуражку и встряхивая своими волнистыми волосами.—Взгляните на ту сторону... какъ эти горы кажутся близки! Каждый камешекъ видно. Впрочемъ, на свѣтѣ въ сущности нѣтъ ничего ни близкаго, ни далекаго—все относительно. И далекое намъ часто гораздо ближе и понятнѣе, чѣмъ самое близкое.

— Да, — сказалъ Юрій Александровичъ и подумалъ, что Зорницкій правъ.—Вотъ мама... какъ она близка ему и какъ, въ то же время, далека!

А Зорницкій, словно отвѣчая на его мысль, продолжалъ:

— А ваша мама очень интересная женщина—только съ нею, должно быть, тяжело жить,—хотѣлъ прибавить онъ, но во-время спохватился.—Я не знаю, что, но она меня поразила. Она, вѣроятно, когда-нибудь пережила сильное и глубокое горе... она похожа на мраморную Ніобею.

Въ это время они подошли къ пристани и увидѣли Максютина и Гришу. Они сидѣли на лавочкѣ и о чемъ-то горячо спорили; Гриша былъ весь красный и разсерженный; Максютинъ посмѣивался себѣ въ бороду и видимо забавлялся.

— Смотрите, Максютинъ нашего старичка-то какъ раздразнилъ!—смѣясь, сказалъ Зорницкій.

Рѣчь шла объ эпохѣ 60-хъ годовъ. Гриша относился къ

ней отрицательно и жестоко разносилъ всѣхъ тогдашнихъ дѣятелей; Максютинъ подзадоривалъ его ядовитыми репликами, и гимназистъ все болѣе и болѣе входилъ въ азартъ.

— Дрангъ, дрангъ!—кричалъ онъ съ визгливыми нотами въ голосѣ, какъ у молодого пѣтуха, пробующаго пѣть.—Какой тамъ „дрангъ", никакого „дранга" не было, а былъ только одинъ шумъ! Шумѣли много, глупостями разными занимались, а толку чуть! Ну, что они дѣлали? Коммуны устраивали, на гвоздяхъ спали, а еще что̀? И кому какая польза была оттого, что Рахметовъ на гвоздяхъ спалъ?

— Это вы въ „Московскомъ Листкѣ", что ли, вычитали?—спросилъ Максютинъ насмѣшливо.

— Нигдѣ я не вычиталъ и „Московскаго Листка" не читаю. И я насмѣшекъ за возраженія не принимаю. Насмѣшка—не доказательство, а ширма, за которой прячутся тѣ, которымъ сказать нечего. И что̀ вы можете сказать, когда многими современными писателями уже доказано, что эпоха 60-хъ годовъ ничего не принесла, кромѣ ряда ошибокъ и заблужденій? Для нея уже наступила исторія; теперь мы ясно видимъ всѣ эти ошибки: и sine ira et studio можемъ произнести свой приговоръ...

— Ну, какое тамъ sine ira et studio,—вы такъ кричите, что у меня въ ушахъ звенитъ,—замѣтилъ Максютинъ.

А Гриша, не слушая его и точно сорвавшись съ цѣпи, продолжалъ:

— Ваши шестидесятники только комедію ломали—больше ничего! Всѣ эти коммуны тамъ разныя, гвозди, стриженые волосы, красныя рубахи, дубины—все это одна комедія! А потомъ нытье началось. Вмѣсто того, чтобы изучать, работать, дѣйствовать, они ныли, каялись, стонали! Мужичокъ-мужичокъ... ахъ-охъ!.. „Уведи меня въ станъ погибающихъ"... вотъ и вся ихъ пѣсня. А мужичокъ-то какой былъ, такой и остался,—ни земли, ни кола, ни двора, ни школъ, ничего нѣтъ,—весь у кулака въ лапахъ, жретъ мякину и въ колдуновъ вѣритъ. И приходится все съизнова начинать... Вотъ ваши шестидесятники... да и семидесятники-то тоже. И ничего, кромѣ презрѣнія, они не заслуживаютъ!..

Выпаливъ однимъ духомъ послѣднія слова, Гриша и самъ, повидимому, испугался—не черезчуръ ли хватилъ. Онъ какими-то удивленными глазами посмотрѣлъ на Максютина, точно спрашивая его, что̀ случилось? и замолчалъ.

— Ого!—сказалъ Максютинъ.—Сильно вы выражаетесь,

молодой человѣкъ. Но знаете, что я вамъ на это скажу? Извините, пожалуйста, вы мнѣ очень напоминаете того неразумнаго птенца, который,—какъ бы это выразиться помягче?—ну, не совсѣмъ, что ли, опрятно, обошелся съ собственнымъ гнѣздомъ. Вотъ-съ!

Этого Гриша не ожидалъ. Онъ весь поблѣднѣлъ, потомъ покраснѣлъ, замигалъ глазами и вскочилъ, какъ ужаленный.

— Во-первыхъ... я... я... вамъ—н-не молодой человѣкъ!—закричалъ онъ уже совсѣмъ по пѣтушиному, заикаясь, захлебываясь.—А во-вторыхъ... во-вторыхъ...

Онъ хотѣлъ-было сказать: „послѣ этого я съ вами не поѣду“, но сейчасъ же понялъ, что это будетъ уже совсѣмъ глупо, и, поспѣшно отойдя въ сторону, сталъ глядѣть въ воду, стараясь скрыть набѣжавшія на глаза слезы.

— Ну, будетъ тебѣ!—укоризненно сказалъ Зорницкій.—Оставь его, вотъ связался чортъ съ младенцемъ. Смотри, онъ, кажется, плачетъ!

— Ничего, это ему полезно.

— Эдакая злость!

— Съ чего ты взялъ, что я злюсь?—возразилъ Максютинъ добродушно.—Напротивъ, этотъ малышъ очень мнѣ нравится. Забавный экземпляръ! Точь-въ-точь „баккалавръ“ изъ Фауста, но, „какъ гроздій сокъ ни бродитъ безтолково, все выйдетъ подъ конецъ вино“,—скажу я словами Мефистофеля. Однако, что же, идемъ мы въ Георгіевскій или нѣтъ?

— Конечно, идемъ. Вотъ рекомендую тебѣ, — Юрій Александровичъ Щигровскій.

— Щигровскій?—повторилъ Максютинъ, пристально глядя на Юрія Александровича.—Знакомая фамилія.

— Не знаю...—краснѣя, проговорилъ молодой человѣкъ, на котораго острый взглядъ Максютина произвелъ странное впечатлѣніе.—У насъ съ мамой, кажется, нѣтъ родственниковъ...

— А...—небрежно сказалъ Максютинъ и обратился къ Зорницкому.—Ну, что же это твои барышни не идутъ? Пора, восьмой часъ, придется въ самую жару идти.

— Я сейчасъ побѣгу за ними... да вонъ и онѣ сами! Обрати вниманіе на ту... въ бѣлой кофточкѣ... блѣдная... это Маша!—взволнованно прошепталъ Зорницкій товарищу.

Сестры приближались къ пристани. Анна Павловна бѣжала почти бѣгомъ; она была въ ярко-пунцовой батистовой кофточкѣ; широкіе, прозрачные рукава раздувались, какъ паруса; широкія поля бѣлой войлочной шляпы были кокетливо отогнуты и

съ одного бока приколоты букетомъ олеандровъ. За нею степенно шла Маша въ бѣлой кофточкѣ съ широкимъ чернымъ кушакомъ и чернымъ мужскимъ галстукомъ; ея матовое лицо казалось еще блѣднѣе, подъ полями шляпы. Обѣ онѣ были вооружены бѣлыми кизилевыми палками съ желѣзными наконечниками, а Маша, кромѣ того, несла еще маленькую корзиночку.

Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ сестеръ, съ огромной корзиной въ рукахъ, колыхалась довольно тучная дама лѣтъ 40.

— Это, кажется, ваша мама, Гриша?—сказалъ Зорницкій.

Но Гришѣ, который уже успѣлъ успокоиться и проглотить свои слезы, сообщеніе Зорницкаго не доставило, повидимому, никакого удовольствія. Онъ весь покраснѣлъ, надулся и придалъ своему лицу свирѣпое выраженіе.

— Это зачѣмъ еще тащится?—пробурчалъ онъ сердито.

— Ну, что, опоздали?—запыхавшись, проговорила Анна Павловна, нàскоро со всѣми здороваясь.—Мы такъ торопились, такъ торопились...

— Это и видно!—сказалъ Гриша ядовито.—Небось, передъ зеркаломъ часа полтора вывертывались!

— Чтò такое?—разсмѣялась Анна Павловна.

— Букетъ-то зачѣмъ нацѣпили?—продолжалъ Гриша.—Думаете, что хорошо, а совсѣмъ ни къ чему. Одно безобразіе!

Въ эту минуту подошла толстая дама и, услышавъ слова Гриши, заахала.

— Гриша, да ты съ ума сошелъ? Ахъ, Боже мой! Какъ ты смѣешь барышнѣ дерзости говорить?

— Мамаша, это не ваше дѣло!—оборвалъ ее Гриша.—Прошу васъ не вмѣшиваться. И что за пошлости вы говорите; дерзости говорятъ только прапорщики.

— Гриша!—воскликнула дама.—Ну, что это, Боже мой, чтò мнѣ съ тобой дѣлать?

И она въ изнеможеніи опустила на землю свою корзину.

— Зачѣмъ вы еще эту дрянь притащили?—спросилъ Гриша, съ презрѣніемъ глядя на корзину.

— Гриша, да какая же это дрянь?—возразила дама, обмахивая платкомъ свое красное и вспотѣвшее лицо.—Вѣдь нужно же подкрѣпиться дорогой; вы въ монастырѣ можете ничего не достать...

— Неужели вы думаете, я все это возьму съ собою?

— А какъ же? Непремѣнно возьми,—какъ же цѣлый день не ѣвши?

— Ну ужъ нѣтъ, покорно благодарю! Ни за что не возьму!

Дама въ отчаяніи всплеснула руками, но къ ней подошелъ Зорницкій и спросилъ, заглядывая въ корзину.

— А что это у васъ тамъ такое?

— Ахъ, возьмите, пожалуйста,—это легонькій завтракъ для Гриши!—вцѣпилась въ Зорницкаго тучная дама. — Здѣсь сыръ, яйца, сардинки, варенье, галеты, бутылка вина... перечисляла она.

— Возьмемъ, возьмемъ, не безпокойтесь!

— Ахъ, голубчикъ, какъ я вамъ благодарна! Да возьмите ужъ кстати и пледъ для Гриши, къ вечеру можетъ быть холодно, онъ озябнетъ...

И дама навьючила на Зорницкаго громаднѣйшій клѣтчатый пледъ.

— Мамаша!—воскликнулъ Гриша, весь багровый отъ досады.

— Что тамъ „мамаша"! Да пожалуйста, я васъ прошу, будьте такъ добры, смотрите, чтобы онъ не упалъ изъ лодки, не лазилъ бы высоко, не садился на голую землю...

— Фу ты!... — прошипѣлъ яростно Гриша и зашагалъ къ Максютину, который велъ переговоры съ лодочникомъ насчетъ переправы на ту сторону бухты. Дама ринулась за нимъ.

— Гриша, Гриша! Да не забудь, пожалуйста,—когда будешь купаться, сначала остынь, а потомъ уже лѣзь въ воду! Да не заплывай далеко, слышишь? Да куда же ты бѣжишь, Гриша, поди, я тебя перекрещу!..

Но Гриша былъ уже въ лодкѣ и дѣлалъ видъ, что онъ не слышитъ наставленій матери, занятый насаживаньемъ руля на крюкъ. За нимъ послѣдовалъ Зорницкій, навьюченный пледомъ и корзиной; онъ имѣлъ нѣсколько сконфуженный видъ и вызвалъ всеобщій смѣхъ; даже серьезная Маша улыбнулась, глядя на него.

Лодочникъ, черномазый грекъ съ ослѣпительно бѣлыми зубами, ударилъ веслами, и лодка тихо отчалила отъ берега. Гришина мать долго еще стояла на пристани въ видѣ статуи командора и маленькими крестиками провожала лодку.

VI.

— Ну, слава Богу, поѣхали!—съ облегченіемъ сказала Анна Павловна, когда они уже далеко отплыли.—Я такъ боялась, что наша прогулка не состоится; всегда вѣдь, чего очень хочешь, рѣдко удается. И я такъ рада, такъ рада!

— Я не менѣе вашего радъ, — сказалъ Зорницкій. — Меня

только немного безпокоитъ эта корзина. Неужели мнѣ одному придется ее тащить всю дорогу?

— Конечно!—замѣтилъ Максютинъ.—Взялся, такъ и тащи.

— Но это не по-товарищески. Я надѣялся, что мнѣ кто-нибудь поможетъ.

— Я вамъ помогу!—сказалъ Юрій Александровичъ, взвѣшивая корзину на рукѣ.—Да вѣдь она и не тяжелая совсѣмъ.

— Легонькій завтракъ!—смѣясь, сказала Анна Павловна.

Гриша не принималъ участія въ общемъ разговорѣ и дулся, намѣренно отвернувшись отъ Максютина и такимъ образомъ стараясь показать, что онъ его презираетъ Онъ больше всего на свѣтѣ боялся быть смѣшнымъ, а въ это утро, какъ на зло, все сложилось такъ, чтобы выставить его въ самомъ смѣшномъ видѣ. Сначала чуть не разревѣлся, какъ оселъ, когда его назвали „птенцомъ"; эка важность, въ полемикѣ еще не такъ ругаются, да вѣдь не плачутъ же!.. А потомъ эта мамаша съ своимъ глупымъ „легонькимъ завтракомъ" и дурацкимъ пледомъ, точно онъ грудной младенецъ... Теперь Анна Павловна пойдетъ зубоскалить. Противная она... и всѣ противные, только Маша ничего... Вонъ ужъ хохочутъ... И зачѣмъ онъ поѣхалъ?

Такъ размышлялъ Гриша, и на душѣ у него становилось все мрачнѣе и мрачнѣе.

Лодка быстро скользила по бухтѣ, и скоро они причалили къ каменистому берегу на противоположной сторонѣ. Лодочникъ пожелалъ имъ „кàло-кинема" (хорошаго пути) и поплылъ обратно, а они стали взбираться въ гору по узенькой тропинкѣ, извивавшейся между тощими, выжженными солнцемъ, кустами держи-дерева и карагача. На первой площадкѣ стояла скамеечка для желающихъ отдохнуть, и отсюда открывался прелестный видъ. Прямо подъ ногами лежала голубая бухта съ бѣлыми домиками, разсыпанными по склону желтой горы, съ сѣрыми башнями развалинъ надъ нею, съ изумрудными тѣнями у береговъ, съ игрою серебристыхъ блестокъ на серединѣ. Дальше, на заднемъ планѣ, какъ туча, вздымалась мутно-фіолетовая громада Ай-мыса, а правѣе сверкало и искрилось безпредѣльное море. И вся эта яркая, чистенькая и красивая картинка, точно рамкою, замыкалась, съ одной стороны, изломанной линіей береговыхъ горъ, а съ другой—усѣченнымъ конусомъ вершины, носившей странное названіе Дели-Кристо (глупый Христофоръ).

— Знаете, Марья Павловна, почему эта гора называется Дели-Кристо?—спросилъ Зорницкій, шедшій рядомъ съ Машей.—Говорятъ, что здѣсь давно жилъ сумасшедшій чабанъ, и онъ со-

биралъ на берегу моря камешки и раковины, клалъ ихъ въ мѣшки и пряталъ на этой вершинѣ, разсказывая всѣмъ, что у него много денегъ. Ему повѣрили, подстерегли его однажды, убили и сбросили съ вершины въ море. Но когда развязали мѣшки, то вмѣсто золота нашли камни и, вѣроятно, отъ злости назвали гору именемъ дурака Кристо. И дѣйствительно, тамъ наверху попадается много раковинъ,—какъ онѣ могли туда попасть? Высота страшная. Въ море, точно въ колодезь глядишь. Прибои туда не могутъ достигать.

— Вы тамъ были? — спросила Маша, внимательно вглядываясь въ шероховатый, словно изъѣденный и источенный червями, конусъ Дели-Кристо, странно торчавшій на горизонтѣ, какъ исполинскій зубъ.

— Да, были съ Максютинымъ. Оттуда видъ хорошъ, но подъемъ немного крутъ. Хотите, пойдемъ туда какъ-нибудь?

— Хорошо,—разсѣянно проговорила Маша, не сводя глазъ съ Дели-Кристо и думая что-то про себя. Тонкія брови ея поднялись, точно отъ изумленія, зрачки расширились,—разсказъ Зорницкаго ее поразилъ.

Дорога шла все въ гору, солнце подымалось выше. Песокъ, камни раскалились и жгли подошвы; тощіе кустарники и пыльныя изгороди изъ колючаго держи-дерева, обвитые засохшимъ клематисомъ, не давали тѣни; изрѣдка на поворотѣ дороги блеснетъ море и опять исчезнетъ. Дели-Кристо уже давно остался позади, сдѣлался маленькій и торчалъ среди волнистой долины, засаженной виноградниками, какъ большая еловая шишка. Молодежь начала уставать и разбилась на отдѣльныя группы. Впереди шелъ Максютинъ, что-то напѣвая, и его длинныя ноги въ ботфортахъ мелькали въ сѣрыхъ клубахъ пыли. Гриша, напротивъ, отсталъ далеко отъ всѣхъ и все еще продолжалъ дуться, хотя его дурное настроеніе начало проходить, и онъ просто уже немножко рисовался, отдаляясь отъ спутниковъ. Юрій Александровичъ покорно тащилъ корзину и пледъ, которые Зорницкій далъ ему „на минутку“, да такъ и не взялъ больше у него. Блѣдное личико Маши заалѣлось слабымъ румянцемъ, но она не жаловалась на усталость и собирала въ холщевый мѣшочекъ, привязанный къ поясу, разныя незнакомые ей травы и цвѣты. Больше всѣхъ устала Анна Павловна и начала сердиться и ворчать.

— Послушайте, Зорницкій, да гдѣ же наконецъ вашъ монастырь? — каждую минуту спрашивала она. — Идемъ-идемъ, и конца нѣтъ!

— Подождите, еще деревню не прошли,—утѣшалъ ее Зорницкій.

— Ахъ, Господи, идемъ два часа, а все какъ-будто на одномъ мѣстѣ топчемся! То съ горы, то на гору, и хоть бы что-нибудь живописное!

— Подождите, будетъ и живописное.

— Да сколько верстъ отъ бухты до монастыря?

— Говорятъ, четыре.

— Кто говоритъ? Греки? Ну, поздравляю, это значитъ, не четыре, а четырежды-четыре! Развѣ вы не знаете, что греки страшно врутъ? Да сами-то вы хорошо ли знаете дорогу?

— Ну, вотъ еще, конечно знаю!

— Какъ же вы говорите четыре версты, а мы уже навѣрное десять прошли!

— Это обманъ чувствъ, Анна Павловна,—въ горахъ, говорятъ, всегда такъ бываетъ.

Однако, подъ конецъ Зорницкій и самъ началъ колебаться, хотя и увѣрялъ, что знаетъ дорогу какъ свои пять пальцевъ. Онъ безпокойно озирался по сторонамъ, какъ-то двусмысленно посвистывалъ и вскорѣ долженъ былъ сознаться самъ себѣ, что дорога дѣйствительно не та. Но онъ, конечно, ни съ кѣмъ не подѣлился своимъ открытіемъ и старался только какъ-нибудь незамѣтно отстать и отдѣлаться отъ Анны Павловны, которая не отпускала его отъ себя ни на шагъ.

— Зорницкій, Зорницкій!—кричала она ему каждый разъ, когда онъ исчезалъ за какимъ-нибудь кустикомъ.—Гдѣ вы? Нѣтъ, ужъ вы не скрывайтесь, пожалуйста, идите рядомъ. Сами завели Богъ знаетъ куда, да еще бѣгаете!

— Съ чего вы взяли, что я бѣгаю? Какой, однако, у васъ несносный характеръ, Анна Павловна; вы способны отравить всякое удовольствіе.

— Вы тоже! На васъ ни въ чемъ положиться нельзя,—наговорите, наобѣщаете, и ничего не исполните!

Слово за слово, они совсѣмъ разбранились и шли, еле передвигая ноги, злые, красные отъ усталости и жары, надутые. Букетъ Анны Павловны завялъ и безпомощно повисъ; Зорницкій утратилъ значительную долю своей элегантности и имѣлъ довольно жалкій видъ. Остальные члены компаніи куда-то всѣ разбрелись: Максютинъ ушелъ далеко впередъ, Гриша, Маша и Юрій Александровичъ остались гдѣ-то сзади.

— Ну, ужъ прогулка!—ворчала Анна Павловна.—Если бы знала, ни за что не пошла бы пѣшкомъ. Лучше на линейкѣ

поѣхать. И гдѣ это Маша? Вѣчно съ фокусами! И этотъ вотъ Максютинъ тоже хорошъ,—удралъ впередъ, и знать ничего не хочетъ. Бука какой-то!

— Гопъ-гопъ!—послышался изъ-за кустовъ голосъ Максютина.

Дорога вдругъ круто свернула въ сторону и вывела ихъ на площадку, поросшую рѣдкимъ кустарникомъ. Въ выемкѣ между двумя горными вершинами блеснуло море: внизу у подножія Дели-Кристо, который казался теперь жалкимъ холмикомъ, разстилалась волнистая долина съ зелеными четырехугольниками виноградниковъ, а впереди снова желтые холмы, покрытые щетинистой порослью, овраги, усѣянные камнями, и сѣрая лента дороги... Максютинъ лежалъ на площадкѣ и смотрѣлъ на море.

— Ну, вы себѣ тамъ какъ хотите, а я здѣсь сяду!—объявила Анна Павловна.—Вонъ и Максютинъ отдыхаетъ.

Она въ изнеможеніи опустилась на землю рядомъ съ Максютинымъ. Зорницкій, мрачный и раздраженный, послѣдовалъ ея примѣру.

— Вы, кажется, устали? — обратился Максютинъ къ Аннѣ Павловнѣ.

— Еще бы! Устала страшно и хочу пить, а кто знаетъ, придемъ ли мы еще сегодня въ монастырь. Представьте, этотъ господинъ совсѣмъ не знаетъ дорогу!

— Кто не знаетъ дороги?—спросилъ Гриша, подходя къ нимъ.

— Да вотъ господинъ Зорницкій!

— Вы не знаете дороги?—строго обратился Гриша къ Зорницкому.

— Ну, пошло!—проворчалъ тотъ, махнувъ рукою.

Изъ-за кустарника показались Маша и Юрій Александровичъ. Они несли корзину, повѣсивъ ее на палку, и о чемъ-то оживленно разговаривали. Максютинъ толкнулъ Зорницкаго.

— Смотри и казнись, злодѣй! Марья Павловна сама несетъ корзину!

Зорницкій вскочилъ, какъ ужаленный, и бросился къ Марьѣ Павловнѣ.

— Марья Павловна, зачѣмъ же вы это!—воскликнулъ онъ патетически.—Позвольте, я понесу...

— Маша вѣчно навьючитъ на себя чужую ношу!—замѣтила Анна Павловна.—Ну, ужъ я бы ни за что не понесла.

— Надо же помочь человѣку,—отвѣчала Маша.

— Погибъ, окончательно погибъ въ общественномъ мнѣніи,—смѣялся Максютинъ надъ опечаленнымъ товарищемъ.

Корзину поставили на землю и рѣшили ее распаковать. Этимъ дѣломъ занялся Зорницкій, и при видѣ снѣдей, которыми была наполнена корзина, оживился и повеселѣлъ. Гришина матушка и половины не перечислила того, что было ею приготовлено для „легонькаго завтрака": въ корзинѣ оказались еще и огромныя желтыя груши, и абрикосы, и телятина, и пирожки... Всѣ усѣлись вокругъ корзины и принялись за ѣду, исключая Гриши, который объявилъ, что никогда не ѣстъ, предварительно не пополоскавши рта, потому что не желаетъ глотать пыль и всякія бациллы. Это—его правило...

— Неужели вы никогда не отступаете отъ своихъ правилъ?—спросилъ Максютинъ, стараясь сохранить серьезный видъ.

Гриша смутился. Онъ давеча далъ себѣ слово никогда не разговаривать съ Максютинымъ и теперь не зналъ, какъ ему поступить—отвѣчать или не отвѣчать? Но подумавъ, онъ рѣшилъ, что всегда надо быть джентльменомъ, и съ достоинствомъ отвѣчалъ:

— Никогда не отступаю.

— Принципіальный вы человѣкъ!—сказалъ Максютинъ.

Гриша, вполнѣ довольный собой, отошелъ въ сторону и, доставъ изъ кармана записную книжку, съ которой никогда не разставался, записалъ слѣдующее: „Чтобы не давать врагу торжествовать, никогда не надо показывать ему свои раны"...

Отдыхъ и закуска привели молодежь въ благодушное настроеніе. Смѣялись, дурачились, декламировали стихи; потомъ Анна Павловна попросила Зорницкаго прочесть какое-нибудь свое стихотвореніе. Зорницкій долго отказывался, увѣряя, что у него нѣтъ ничего „законченнаго", но вдругъ придалъ своему лицу скорбное выраженіе, и, глядя на Машу, меланхолически началъ:

Розъ многоцвѣтныхъ кусты
Дремлютъ подъ луннымъ лучемъ..
Милая, помнишь ли ты,
Какъ мы сидѣли вдвоемъ?
Розы, луна, соловей...
Милая, помнишь ли ты,
Какъ надъ головкой твоей
Тихо роились мечты?
Розы увяли давно,
Тучкой мечты пронеслись...
Заперто милой окно,—
Милая, гдѣ ты? Явись...

Особая ли манера Зорницкаго читать или однообразное по-

втореніе однихъ и тѣхъ слоговъ и словъ, но стихотвореніе его произвело на публику нѣкоторое впечатлѣніе. Анна Павловна нашла, что хотя оно не отдѣлано, но въ немъ „что-то есть". Гриша протестовалъ.

— Ничего нѣтъ хорошаго! „Ты-ты"—точно дятелъ долбитъ; некрасиво и неблагозвучно. Декадентщина какая-то... фіолетовыя руки на лазоревой стѣнѣ!..

— Нѣтъ, неправда, Гриша, никакихъ фіолетовыхъ рукъ нѣтъ,—возразила Анна Павловна.—„Розъ многоцвѣтныхъ кусты" —это очень хорошо,—мнѣ нравится. „Заперто милой окно"—ну, это грубовато, пожалуй, вы это измѣните, Зорницкій. А въ общемъ все-таки производитъ впечатлѣніе.

— Если я васъ буду щелкать по лбу все въ одно мѣсто— разъ-разъ! — это тоже произведетъ впечатлѣніе,—не унимался Гриша.

„А вѣдь малецъ-то не глупъ"! — думалъ Максютинъ, которому Гриша все больше и больше нравился. Книжкой еще здо̀рово попахиваетъ, а ничего, мозгами ворочаетъ по-своему".

Но споръ началъ ему надоѣдать, и чтобы прекратить его, онъ запѣлъ-то какую заунывную русскую пѣсню. Необыкновенно мягкіе, задушевные звуки его мощнаго баритона заставили всѣхъ вздрогнуть и насторожиться; черезъ минуту споръ былъ забытъ, и молодые люди всей душой ушли въ Максютинскую пѣсню, которая разсказывала, какъ посылали Ваню отецъ съ матерью во чисто поле жито жати, но не хотѣлось Ванюшѣ идти; вышелъ парень на крылечко, положилъ серпокъ на плечико, самъ заплакалъ, горько зарыдалъ... Это было такъ просто и наивно и въ то же время почему-то такъ хватало за сердце, что слушатели совсѣмъ забыли, гдѣ они находятся и куда идутъ, и слушали-слушали безъ конца, растроганные, взволнованные, съ какою-то смутной тоской и жалостью въ душѣ. Когда Максютинъ кончилъ, они точно проснулись и съ удивленіемъ оглядѣлись вокругъ.

— Ахъ, какъ домой захотѣлось!—сказала первая Анна Павловна.—Маша, помнишь нашу Прохоровку, луга, мостикъ?

— Помню,—проговорила Маша и, не поднимая глазъ, попросила Максютина:—Спойте еще!

— Нѣтъ, будетъ, пора идти. Смотрите, Гриша-то ужъ гдѣ!

А Гриша давно уже ушелъ впередъ. Онъ ушелъ потому, что Максютинъ второй разъ сегодня заставилъ его плакать, и, стараясь подавить слезы, Гриша кусалъ себѣ до крови губы,

злился и ругалъ себя „истеричной бабой“, но чѣмъ больше онъ злился и ругался, тѣмъ сильнѣе душили его слезы.

XII.

Опять жара, пыль и безконечная лента дороги, то взбѣгающая на крутизну, то спускающаяся на дно каменистаго оврага. Анна Павловна совсѣмъ потеряла терпѣніе, невыносимо капризничала и безпрестанно приставала къ Зорницкому съ вопросомъ,—гдѣ же, наконецъ, монастырь? Зорницкій только пыхтѣлъ и отмалчивался. Но вотъ въ узкой долинѣ показалась греческая деревушка, Корань, съ бѣлыми домиками, бѣлой церковью и пыльной улицей, по которой скакали черномазые греченята, привѣтствуя путниковъ криками: „кали-мерасъ“! (добрый день). Здѣсь одна добродѣтельная гречанка въ расшитой узорами чадрѣ напоила молодыхъ людей отвратительной водой и сказала имъ, что до монастыря осталось только двѣ версты. Зорницкій пріободрился.

— А что, Анна Павловна, я не знаю дорогу?

— Посмотримъ, посмотримъ...—ворчала Анна Павловна.

Но на встрѣчу имъ стали попадаться экипажи съ нарядными дамами и мужчинами, и близость монастыря сдѣлалась несомнѣнной. Показались какія-то невзрачныя постройки, блеснулъ крестъ; у жалкой ограды стояло нѣсколько экипажей.

— Такъ это вашъ хваленый монастырь?—ядовито воскликнула Анна Павловна.—Ну, ужъ нечего сказать, красота!

Но Зорницкій молча велъ ихъ впередъ; нѣсколько разочарованные, они слѣдовали за нимъ. Миновали монастырскій дворъ, гдѣ на длинныхъ столахъ подъ тощими деревьями кипѣли громадные самовары; прошли черезъ прохладный каменный корридорчикъ, при входѣ въ который монахъ торговалъ образками и фотографіями, и по каменнымъ ступенямъ спустились немного внизъ. Здѣсь въ тѣни тихонько журчалъ фонтанъ; шаги гулко раздавались между каменныхъ стѣнъ; по скаламъ, переплетаясь вѣтвями, лѣпились туи, скипидарныя деревья, смоковницы; неподвижный воздухъ былъ насыщенъ смолистыми испареніями и звучалъ немолчнымъ жужжаньемъ цикадъ.

— Дальше, дальше!—проговорилъ Зорницкій, не останавливаясь.

Они сдѣлали еще нѣсколько поворотовъ, и выйдя, наконецъ, на площадку, огороженную тоненькой рѣшеткой, окаменѣли.

Сіяющая бездна, полная свѣта и движенія, открылась передъ ними. Она искрилась, трепетала, дышала и какъ будто звала въ свои безпредѣльныя голубыя объятія. Таинственные голоса звучали надъ нею, и ихъ могучій шопотъ наполнялъ пространство. И всю эту сверкающую, звучащую, живую красоту стерегли по обѣ стороны мрачныя базальтовыя скалы,—точно уродливые, горбатые гномы. А дальше,—направо весь въ солнечномъ свѣтѣ, точно вылитый изъ золота, высился мысъ Фіолентъ; налѣво въ лиловомъ вуалѣ дремалъ хмурый Ай.

Молодые люди стояли, какъ очарованные. Они забыли свои ссоры, непріятности, забыли голодъ, жажду, всѣ мелочныя свои заботы и дѣла. Эта красота сблизила ихъ и примирила. Максютинъ сѣлъ на землю, обнялъ свои колѣни и, положивъ на нихъ подбородокъ, смотрѣлъ на море, напоминая своей позой Мефистофеля Антокольскаго. Маша поблѣднѣла еще больше и, сцѣпивъ руки, вся подалась впередъ, точно собираясь ринуться внизъ. Изъ-за ея плеча выглядывало худенькое, остроносое личико Гриши, у котораго отъ волненія дергался правый глазъ; рядомъ съ нимъ съ серьезнымъ, почти печальнымъ лицомъ стоялъ Юрій Александровичъ.

Первая опять-таки заговорила Анна Павловна, не привыкшая сдерживать свои чувства.

— Боже мой, да что же это за восторгъ!—воскликнула она.— Я не знаю... это до того хорошо, что я, кажется, сейчасъ брошусь туда...

— А кто злился и ворчалъ? Кто пилилъ меня всю дорогу?— сказалъ торжествующій Зорницкій.

— Простите, голубчикъ,—дайте пожать вашу благородную руку! Я васъ теперь очень люблю,—я всѣхъ люблю... ахъ, какъ хорошо! Маша, а?

Маша ничего не отвѣчала, только нервно хрустнула пальцами.

— Да, хорошо, даже, какъ говорится, „до безобразія“ хорошо,—сказалъ Максютинъ.—Мнѣ, знаете, даже что-то скверно стало отъ этой красоты.

— Почему?—съ удивленіемъ спросила Анна Павловна.

— Какъ вамъ сказать? Я, пожалуй, и объяснить не съумѣю... Потому, что эта красота существуетъ не для всѣхъ. Вотъ мы съ вами любуемся, переживаемъ самыя тончайшія ощущенія,— заживо, такъ сказать, райское блаженство вкушаемъ, а вспомните, сколько тысячъ,—что тысячъ!—милліоновъ людей не видятъ этого и никогда не увидятъ, никогда не испытаютъ и не

поймутъ того, что испытываемъ и понимаемъ мы. Почему такъ? Чѣмъ мы заслужили это, а они—нѣтъ? Вѣдь они созданы по такому же образу и подобію Божію... какъ вы думаете? А между тѣмъ мы вотъ тутъ веселые, сытые, утопаемъ въ блескѣ и ароматѣ пламенной Колхиды, а тѣ... тамъ гдѣ-то копошатся въ темнотѣ и грязи... какъ насѣкомыя... и, умирая, уходятъ въ такую же темноту и грязь...

— Что же дѣлать?—проговорила Анна Павловна, пожимая плечами.—Вѣдь мы не виноваты...

— Это точно!—усмѣхнулся Максютинъ.—И не виноваты и дѣлать нечего, а вотъ сосетъ что-то за сердце, да и все. И сейчасъ разныя сопоставленія въ голову начнутъ лѣзть...

— Какія?—спросила Маша, взволнованная.

Она уже не смотрѣла на море и, присѣвъ на камень лицомъ къ Максютину, внимательно и жадно слушала его. Около нея расположился Гриша, и хотя онъ все еще дулся на Максютина, но разговоръ его заинтересовалъ. Онъ очень любилъ „серьезные" разговоры и особенно съ гражданскимъ оттѣнкомъ...

— Да вотъ, напримѣръ,—началъ Максютинъ,—представьте себѣ огромную снѣжную пустыню. Тамъ полгода ночь, и ледяной вѣтеръ замораживаетъ дыханіе. Въ снѣгу зарыты юрты; внутри дымъ, вонь, грязь; ребята и взрослые, больные и здоровые—всѣ вмѣстѣ, въ одной кучѣ, спятъ рядомъ, ѣдятъ изъ одной посуды, которую никогда не моютъ, а даютъ вылизывать собакамъ. Сами тоже никогда не моются и рѣдко мѣняютъ одежду. Ни школъ, ни церквей тамъ нѣтъ, докторовъ нѣтъ, ни лечить, ни учить некому. Холодъ, голодъ, грязь, болѣзни, темнота—вотъ и вся жизнь... а иногда для разнообразія приходитъ красная бабушка—оспа, и народъ вымираетъ цѣлыми юртами, такъ что некому хоронить...

— Да, да...—прошептала Маша.—Я помню... я читала... Гриша, помните Уйбанчика?

— Конечно, помню...—отвѣчалъ Гриша и, совершенно позабывъ о своемъ намѣреніи никогда не разговаривать съ Максютинымъ, спросилъ его:—А вы *тамъ* были?

— Былъ...—неохотно сказалъ Максютинъ и продолжалъ:— Или представьте себѣ каменноугольныя копи... Шахты на 100 саженъ подъ землей. Воздухъ удушливый, сырой, подъ ногами слякоть, на голову каплетъ, стѣны заросли какой-то противной слизью. Во тьмѣ еле-еле мерцаютъ рудничныя „коптюльки"; онѣ вполнѣ оправдываютъ свое названіе—не свѣтятъ, а коптятъ. Подъ сводами глухо раздаются то тамъ, то здѣсь удары

забойщиковъ или звяканье буровъ,—но эти звуки какіе-то мертвые и не оживляютъ мрачнаго подземелья. Работаютъ въ двѣ смѣны—днемъ и ночью, по 12 часовъ въ сутки. Такъ что одни рабочіе никогда не видятъ дня, другіе—не видятъ ночи. Впрочемъ, правильнѣе сказать, ни тѣ, ни другіе не видятъ свѣта Божьяго, потому что по выходѣ изъ шахты сейчасъ заваливаются спать, а въ праздники напиваются и тоже проводятъ время въ безсознательномъ состояніи. Безъ водки тамъ нельзя жить; водка притупляетъ нервы и помогаетъ забывать ужасъ мрака и смерти. Подземный мракъ порождаетъ болѣзненныя фантазіи, а смерть угрожаетъ шахтеру на каждомъ шагу. Взрывъ газа, обвалъ породы, наводненіе случаются не рѣдко и въ благоустроенныхъ шахтахъ, а у насъ о благоустройствѣ мало заботятся. Жизнь шахтера дешева: одинъ погибнетъ, на его мѣсто сейчасъ же двое найдутся. Голодъ не свой братъ, а „у Бога народушку много", говорятъ шахтеры. Но умирать-то все таки страшно. И шахтеръ заглушаетъ страхъ водкой. У нихъ даже и пѣсня такая сложена:

Эхъ, выпьемъ съ горя да закусимъ,
Пойдемъ въ землю, да не струсимъ,
Пущай сердце не болитъ,—
Шахтарю и Богъ проститъ...

Невыразимо горькой жалобой прозвучали въ ушахъ молодыхъ людей послѣднія слова унылой шахтерской пѣсни, и на минуту всѣ примолкли. Маша тяжело дышала, расширеннымъ и неподвижнымъ взглядомъ глядя на Максютина; у Гриши опять нервно дергался правый глазъ. На поблѣднѣвшемъ лицѣ Юрія Александровича застыло выраженіе недоумѣнія и испуга, точно онъ вдругъ увидѣлъ что-то страшное... Они забыли о праздничной красотѣ, которая цвѣла и ликовала вокругъ, и потрясенное воображеніе рисовало имъ мрачные своды подземелья и смутныя тѣни черныхъ работниковъ, обреченныхъ на вѣчный мракъ.

— Да!..—проговорилъ, наконецъ, Гриша съ дрожью въ голосѣ.—Это вотъ не розы и не соловьи... это...

Онъ не договорилъ и сталъ тщательно выковыривать изъ земли какой-то камешекъ, стараясь скрыть свое волненіе.

— А вотъ я былъ нынѣшнимъ лѣтомъ на Кавказѣ,—началъ опять Максютинъ.—Видѣлъ тамъ духоборовъ... Вы слыхали о духоборахъ?

— Да, я читала кое-что,—сказала Маша торопливо, потому что ей хотѣлось, чтобы Максютинъ поскорѣе продолжалъ

свой разсказъ.—Это, кажется, тѣ, которые не хотятъ поступать въ солдаты?

— Вотъ эти самые. Они, видите ли, хотятъ быть христіанами не на словахъ только, а на дѣлѣ, а имъ говорятъ, что это несвоевременно. И дѣйствительно вѣдь несвоевременно! Помилуйте, Германія вооружается, Австрія вооружается, вездѣ и всюду, съ тылу и съ боковъ и съ фронта торчатъ штыки, пушки, ружья системы Пибоди, Мартини и еще тамъ не знаю какія, придуманъ новый бездымный порохъ, придуманы какія-то особенныя пули и ядра, а эти чудаки-духоборы не хотятъ идти въ военную службу, потому-что въ заповѣдяхъ сказано: „не убій"! По закону это называется уклоненіемъ отъ воинской повинности и строго наказуется, ну, вотъ, чудаки и были наказаны.

— Какъ же ихъ наказали?—спросилъ Юрій Александровичъ.

— Они должны были покинуть свои насиженныя мѣста и ихъ разселили отдѣльными семьями въ разныхъ уѣздахъ Закавказья. Я нынѣшнимъ лѣтомъ бродилъ по Кавказу и наткнулся на нѣсколько такихъ семействъ. Ну и признаюсь, у меня далеко не дамскіе нервы, но я почувствовалъ себя нехорошо, когда посмотрѣлъ на ихъ житье-бытье. Они совершенно разорены и живутъ въ землянкахъ или просто въ своихъ фургонахъ, тѣ, у которыхъ таковые еще не проданы. Питаются впроголодь, работу достать трудно, потому-что и мѣстное населеніе все бѣднота. У дѣтей отъ плохой пищи цынга, десна пухнутъ и глаза болятъ. Мнѣ особенно запомнилась одна полуслѣпая дѣвочка: она уже не кричала и ничего не просила, а только сосала свой пальчикъ и гнойными глазами смотрѣла на небо, которое тамъ на Кавказѣ такое же синее, какъ и здѣсь. Такъ съ пальчикомъ во рту она и умерла, воображая, должно быть, что сосетъ молоко. А тутъ же около развертывались роскошнѣйшія картины природы и Казбекъ, „какъ грань алмаза, красою вѣчною сіялъ".

— Но вѣдь это не можетъ быть... это черезчуръ жестоко,— проговорилъ Юрій Александровичъ, поблѣднѣвъ.

— А какъ же быть? Иначе невозможно. Ну, представьте себѣ, вдругъ нашествіе двунадесяти языкъ съ пушками, съ ружьями, со всѣмъ Крупповскимъ арсеналомъ, а вы даже и стрѣлять не умѣете? Нельзя-съ. Хотите жить въ благоустроенномъ государствѣ, подчиняйтесь его законамъ. А заповѣди, это со временемъ, когда-нибудь, теперь рано. Помните, у Достоевскаго Великій Инквизиторъ говоритъ Христу: „зачѣмъ ты пришелъ? Ты намъ мѣшаешь, уйди, теперь не время"... Вотъ и духобо-

рамъ съ ихъ проповѣдью непротивленія надо уйти, потому что они мѣшаютъ дѣлу великой цивилизаціи. И они уходятъ туда, гдѣ нѣтъ печали и воздыханій.

— Нѣтъ, ужъ если такъ, послѣ этого ужъ и жить даже не стоитъ и никакой цивилизаціи не нужно,—горячо сказала Маша. —Зачѣмъ она, когда столько страданій?

— Я самъ не знаю, зачѣмъ; должно быть, нужно,—усмѣхаясь, проговорилъ Максютинъ.—А коли нужно, значитъ, и страданія нужны и смерть дѣвочки съ пальчикомъ во рту нужна, и надо смотрѣть на все это объективно и хладнокровно.

— Но этого нельзя, нельзя!—воскликнула Маша съ сухимъ блескомъ въ глазахъ.—Нельзя хладнокровно, стыдно, гадко.

— Говорятъ, можно. Я пробовалъ, да еще не выходитъ, но со временемъ надѣюсь избавиться отъ сентиментализма окончательно. Скверная штука, мѣшаетъ сосредоточиться на созерцаніи блаженства будущаго человѣчества и отвлекаетъ отъ работы на пользу грядущихъ поколѣній. Все думается: да на кой мнѣ чортъ эти грядущія поколѣнія, которыхъ я не видалъ и не знаю, когда вотъ эти-то современныя-то мнѣ поколѣнія, на моихъ глазахъ, страждутъ и истекаютъ кровью? Для кого же я долженъ работать—для тѣхъ или для этихъ? Такъ и мечешься изъ стороны въ сторону, а время-то идетъ, и наконецъ самъ не знаешь, куда тебѣ идти и что̀ дѣлать. Ну, а потомъ вдругъ вспомнится, что „для міра выростутъ изъ терній вашихъ розы“, и успокоишься. Терніи такъ терніи, сначала терніи, потомъ розы, значитъ, такъ надо, ну, и будемъ дожидаться.

— Пока выростутъ розы?—спросилъ Гриша.

— Ага.

— А до тѣхъ поръ?

— До тѣхъ поръ дѣлайте то, что̀ дѣлали.

— То-есть?—нетерпѣливо допытывался Гриша.

Максютинъ, прищурившись, поглядѣлъ на него и засмѣялся.

— Прыткій вы юноша, шагомъ не хотите, а въ карьеръ. А давеча сами на шестидесятниковъ нападали за это же за самое. Но что̀ же подѣлаешь, исторія не галопируетъ, а ползетъ себѣ потихоньку, иногда даже назадъ возвращается. Studieren, юноша, studieren, вотъ что̀ мы должны дѣлать пока, а потомъ посмотримъ.

Гриша замолчалъ и задумался.

— Послушайте,—сказала Маша, и голосокъ ея зазвенѣлъ и сорвался.—А *тѣ*... они-то какъ же? Вѣдь имъ все-таки больно, больно?

Максютинъ взглянулъ на ея поблѣднѣвшее лицо съ потускнѣвшимъ взглядомъ и сказалъ серьезно и печально:

— Врядъ ли можно что-нибудь сдѣлать для нихъ, развѣ страдать вмѣстѣ съ ними, чтобы не было стыдно, какъ вы сказали давеча.

— Да вѣдь этимъ не поможешь,—проговорила Анна Павловна.

— Все равно, все равно,—перебила ее Маша.—Лучше страдать со всѣми, чѣмъ наслаждаться одному.

Къ нимъ подошелъ Зорницкій, который все время стоялъ у парапета, не принимая участія въ общемъ разговорѣ, и что-то зарисовывалъ въ свою записную книжку.

— Ну, что же, господа, что вы намѣрены предпринять?—спросилъ онъ.

— Въ какомъ смыслѣ? Чтобы помочь труждающимся и обремененнымъ?—шутливо сказала Анна Павловна.

Зорницкій махнулъ рукой.

— Э, нѣтъ, я къ этому равнодушенъ! Я насчетъ чая, будемъ чай пить или спустимся сначала внизъ?—Я думаю попить чайку.

— Вотъ вамъ и рѣшеніе вопроса!—смѣясь, сказала Анна Павловна.

— Какъ ты можешь шутить, Аня, какъ ты можешь шутить!—съ негодованіемъ прошептала Маша.

— Анна Павловна всегда такъ!—вмѣшался Гриша сердито.—Она всякій серьезный разговоръ превращаетъ въ балаганство.

— Молчать!—крикнула Анна Павловна, шутя ударивъ Гришу вѣткой фиговаго дерева, и обратилась къ Зорницкому.—Какой тутъ чай, Зорницкій, мнѣ совсѣмъ не до чаю! Вашъ пріятель тутъ такія вещи разсказывалъ, что мнѣ все опротивѣло, ни на что глядѣть не хочется.

— Онъ это умѣетъ!—съ упрекомъ сказалъ Зорницкій.—У него привычка отравлять всякое удовольствіе. Максютинъ! Довольно тебѣ, пойдемъ чай пить.

— Что же, пойдемте,—разсѣянно проговорилъ Максютинъ, вставая.—Я дѣйствительно, должно быть, всѣмъ надоѣлъ... Простите, господа.

Гриша при этихъ словахъ вскочилъ съ своего мѣста и порывисто протянулъ Максютину руку.

— Не только не надоѣли,—началъ онъ, краснѣя и волнуясь,

—но по крайней мѣрѣ я... и такъ было интересно... я бы даже хотѣлъ съ вами еще поговорить.

Но тутъ онъ опять вспомнилъ, что вѣдь съ Максютинымъ онъ въ ссорѣ, и неуклюже выдернувъ у него свою руку, совершенно разстроенный своей безтактностью отошелъ въ сторону.

В. I. Дмитрiева.

ПО СѢВЕРНЫМЪ ОКРАИНАМЪ
АФРИКИ

Путевые очерки.

IV.—Каиръ.

Проживъ болѣе двухъ недѣль въ скромномъ тихомъ Гелуанѣ и освоившись тамъ нѣсколько съ типами разныхъ народностей, я, когда вернулся въ шумный, многолюдный Каиръ, былъ уже въ состояніи болѣе сознательно слѣдить за кипучей жизнью уличной толпы, сплотившейся изъ разнородныхъ племенъ и нарѣчій. Нигдѣ, ни въ Европѣ, ни въ нашемъ Закаспійскомъ краѣ, ни въ Америкѣ, ни въ Австраліи, не приходилось мнѣ встрѣчать такое многообразіе національностей, сохранившихъ притомъ свои типичныя черты, свои внѣшніе облики, костюмы, нравы и обычаи, исповѣдующихъ каждая свою вѣру, говорящихъ каждая на своемъ особомъ нарѣчіи. И дѣйствительно, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки и въ Австраліи туземныя племена совершенно искореняются европейскими пришельцами, а въ городахъ туземцевъ тамъ почти вовсе не видать. Притомъ въ Австралію водворяются всего болѣе выходцы изъ Великобританіи, къ которымъ присоединяются еще нѣмцы и въ небольшомъ количествѣ китайцы; а въ Соединенныхъ Штатахъ всякія иноземныя національности въ короткое время сливаются съ урожденными въ Америкѣ потомками англосаксонской расы, такъ что

---

*) См. іюль, стр. 177.

дѣти иныхъ націй лишаются племенныхъ особенностей своихъ родичей и становятся истыми американцами. Иное дѣло въ Египтѣ: туземное племя неизмѣнно пребываетъ здѣсь въ своемъ первобытномъ состояніи, а разноплеменные переселенцы устойчиво сохраняютъ свои племенныя свойства, свои обычаи и нарѣчія. Когда мнѣ приходилось на улицѣ обращаться къ прохожимъ за справками, то я всякій разъ затруднялся, не зная, на какомъ діалектѣ заговорить въ такомъ случаѣ. Чаще всего, впрочемъ, приходилось прибѣгать къ французскому языку. Однако, съ полисменами, хотя бы даже съ туземцами, я объяснялся большею частью по-англійски, тѣмъ болѣе, что полицейское управленіе вообще состоитъ въ вѣдѣніи англичанъ. Нерѣдко случалось заговаривать также съ нѣмцами. Что же касается туземнаго нарѣчія, то, какъ извѣстно, въ Египтѣ древній египетскій языкъ совершенно утратился. Слѣды его сохранились, правда, у коптовъ въ ихъ церковныхъ книгахъ, но и то весьма немногіе понимаютъ это нарѣчіе, и никто не говоритъ на немъ. Со временъ вторженія въ Египетъ арабовъ, тамъ вошелъ въ общее употребленіе языкъ арабскій. Туземныя племена, негры изъ Нубіи и Судана говорятъ между собою на своемъ родномъ нарѣчіи, но знаютъ также арабскій языкъ.

Въ Каирѣ сильнѣе всего поражали меня встрѣчающіеся на каждомъ шагу контрасты. И дѣйствительно, въ городѣ остатки древнѣйшей культуры то-и-дѣло сталкиваются съ проявленіями современной цивилизаціи. Вотъ, напримѣръ, передъ вами осликъ влечетъ двухколесную тачку, на которой размѣстилось съ полдюжины женщинъ въ черныхъ хламидахъ, и тутъ же мимо этого какъ бы сохранившагося съ искони омнибуса проносится по рельсамъ вагонъ, наполненный пассажирами и увлекаемый электрической тягой. Вотъ по многолюдной улицѣ, шагъ за шагомъ, переступаетъ верблюдъ съ сидящимъ на горбѣ бедуиномъ въ бѣломъ бурнусѣ, а мимо него на велосипедѣ быстро мчится отважная молодая миссъ. И тогда какъ туземныя жены ходятъ съ прикрытымъ черной фатой лицомъ, въ то же время съ ними встрѣчаются разодѣтыя по послѣдней модѣ съ обнаженной шеей француженки. Такіе контрасты поражаютъ новаго пришельца тѣмъ сильнѣе, что подобныя столкновенія первобытныхъ обычаевъ съ новѣйшими нравами встрѣчаются на каждомъ шагу въ ограниченныхъ предѣлахъ города; а иногда они какъ бы тѣсно сливаются другъ съ другомъ, такъ что иной обиходъ древности пристаетъ къ свѣтскимъ условіямъ современной моды. Вы видите, напримѣръ, какъ по многолюдной улицѣ бѣгутъ два разодѣтые

въ пестрыя куртки съ позументами и въ бѣлыя шаровары до голыхъ колѣнъ скороходы, такъ называемые здѣсь сейсы. Вооруженные длинными шестами, эти черномазые нубійцы своимъ крикомъ разгоняютъ народъ, а вслѣдъ за ними несется щегольская коляска, въ которой, гордо развалясь на подушкахъ, сидитъ пышно разодѣтая леди. Вотъ сейсы, а затѣмъ и коляска останавливаются передъ подъѣздомъ большого дома; съ козелъ соскакиваетъ лакей въ модной ливреѣ, леди вручаетъ ему визитную карточку, онъ передаетъ ее вышедшему на тротуаръ швейцару, а затѣмъ скороходы пускаются бѣгомъ далѣе, и коляска несется за ними къ другому подъѣзду.

Забавнѣе всего, однако, было смотрѣть, какъ иной важный джентльменъ возсѣдаетъ на осликѣ, который, натужившись, скачетъ въ галопъ по мостовой, тогда какъ вслѣдъ за нимъ бѣжитъ мальчуганъ въ рубахѣ, то-и-дѣло подгоняя палкой своего осла. Напомнимъ еще, что подобные упомянутымъ контрасты представляютъ также примыкающіе другъ къ другу старый, туземный и новый, европейскій города. Тамъ передъ вами открывается лабиринтъ узкихъ улицъ, похожихъ скорѣе на галлереи, по которымъ немыслимы никакіе рельсовые пути, по которымъ едва пробирается сквозь толпу влекомая осликомъ тачка или важно и мѣрно шагаетъ верблюдъ съ большою кладью на горбѣ; а мѣстами въ этомъ лабиринтѣ красуется величественная мечеть съ высокимъ стройнымъ при ней минаретомъ; надъ мечетью нерѣдко поднимается верхушка финиковой пальмы съ ея перистыми листьями. А здѣсь, въ новомъ городѣ, напротивъ того, раскинулись на современный ладъ обставленныя прекрасными зданіями просторныя площади, широкіе бульвары и авеню, по которымъ пролегаютъ рельсы электрическихъ трамваевъ. Самымъ виднымъ мѣстомъ, почти въ центрѣ города, служитъ оперная площадь, на которую выходитъ изящный фасадъ театра, а среди площади красуется бронзовая статуя побѣдоноснаго полководца Ибрагима-паши, изображеннаго верхомъ на лошади. Близь театра стоитъ сооруженное изъ темносѣраго камня красивое зданіе почты, которая отличается своимъ образцовымъ внутреннимъ устройствомъ на современный ладъ. Съ другой стороны площади раскинутъ чудный паркъ, усаженный экзотическими растеніями, разсѣянными по берегамъ свѣтло-синяго озера. Около парка находятся роскошныя гостинницы, рестораны и кофейни, въ родѣ тѣхъ, какія встрѣчаются на парижскихъ бульварахъ. Здѣсь, впрочемъ, столики со стульями изъ кофеенъ выставляются подъ вытянутыми вдоль улицъ арками, напоминающими собою арки по улицѣ Ри-

воли въ томъ же Парижѣ. Подъ вечеръ горожане и туристы, пообѣдавъ въ седьмомъ часу, собираются здѣсь веселыми группами и, покуривая изъ длинныхъ змѣеобразныхъ чубуковъ свое излюбленное наргиле, за чашкой чернаго кофе предаются на прохладѣ играмъ въ домино или въ шашки. А между столами то-и-дѣло снуютъ мальчишки, продавая газеты, спички, букеты чайныхъ розъ, а не то предлагая проходящимъ вычистить запылившіеся сапоги. На гуляющихъ по тротуарамъ туристовъ неминуемо нападаютъ ослятники, требуя, чтобы иностранецъ непремѣнно сѣлъ на ихъ осла. Отъ этихъ нахальныхъ погонщиковъ, какъ бы не признающихъ за пріѣзжими права ходить пѣшкомъ по ихъ городу, иногда трудно бываетъ отдѣлаться. Я, впрочемъ, пожалѣлъ впослѣдствіи, что слишкомъ поздно спохватился, какъ было бы всего легче избавиться отъ ихъ грубой навязчивости: для этого мнѣ стоило бы только купить красную феску. И въ самомъ дѣлѣ, не только туземное войско и полицейскіе носятъ такія фески, но также партикулярныя лица, и къ особѣ съ красной феской на головѣ не пристаетъ уже ни одинъ ослятникъ, признавая какъ бы за такимъ лицомъ право гражданства и считая его осѣдлымъ обывателемъ, къ которому приставать не подобаетъ и, пожалуй, даже опасно.

Когда мнѣ случалось раннимъ утромъ проходить по улицамъ города, то я постоянно встрѣчалъ феллаховъ, которые вели на веревкѣ коровъ вмѣстѣ съ ихъ телятами. У подъѣзда иного дома такого феллаха поджидала обыкновенно кухарка съ стеклянной посудиной въ рукѣ. Онъ тутъ же на улицѣ доилъ свою корову, тогда какъ жалкій сосунъ-теленокъ съ повязанной мордой грустно поглядывалъ на свою матку. Выдоивъ требуемое количество, феллахъ получалъ деньги и шелъ далѣе къ другому дому, гдѣ повторялась та же процедура. Такимъ образомъ туземцы продаютъ здѣсь молоко горожанамъ, которые, конечно, вполнѣ увѣрены въ томъ, что оно не разбавлено водой.

Самые феллахи приходятъ въ городъ изъ ближайшихъ деревень, преимущественно изъ селенія Шубры, близь котораго находится одинъ изъ дворцовъ хедива. Къ селенію ведетъ на сѣверъ изъ города чудная тѣнистая аллея старыхъ сикоморъ и акацій. Всякій разъ, когда мнѣ случалось проходить по прямой, словно по шнуру вытянутой аллеѣ, я встрѣчалъ по дорогѣ густыя толпы разноплеменнаго люда, направлявшагося въ городъ. Близь этого селенія я имѣлъ случай ознакомиться съ крупнымъ владѣніемъ, въ которомъ сельское хозяйство велось раціональнымъ образомъ.

Только къ сѣверу отъ Каира и стелятся по правому берегу Нила плодоносныя нивы, тогда какъ съ остальныхъ сторонъ, съ востока и юга, къ самому городу подступаютъ пески Аравійской пустыни. Имѣя въ виду посѣтить гробницы халифовъ, я по узкой улицѣ стараго Каира прошелъ разъ на востокъ къ воротамъ Бабъ-энъ-Назръ. Миновавъ затѣмъ возвышавшіеся за воротами холмы, я очутился среди песчаной пустыни, по которой шагахъ во ста и болѣе другъ отъ друга разсѣяны каменныя желтобурыя мечети съ минаретами, служащія усыпальницами или мавзолеями властвовавшихъ въ Египтѣ халифовъ. Мечети, конечно, далеко не такъ громадны, какъ египетскія пирамиды, эти болѣе древнія усыпальницы фараоновъ, но онѣ во всякомъ случаѣ гораздо изящнѣе послѣднихъ. И въ самомъ дѣлѣ, собраніе красивыхъ въ архитектурномъ отношеніи зданій, раскинутыхъ среди песчаной, почти одного цвѣта съ ними пустыни представляетъ единственное въ своемъ родѣ, величественное зрѣлище. Жаль только, что по сосѣдству съ ними разселились туземцы: своими выштукатуренными домиками они сильно нарушаютъ величавое впечатлѣніе, какое производятъ мечети халифовъ. Недалеко отъ этого кладбища, въ той же песчаной пустынѣ господствовавшіе послѣ халифовъ мамелюки также соорудили подобныя гробницы въ видѣ такихъ же, но менѣе изящныхъ мечетей.

Отъ центра Каира близь Оперной площади пролегаетъ по направленію къ южной окраинѣ города, въ районѣ туземнаго квартала, новый широкій бульваръ. Длиною около двухъ съ половиной верстъ, онъ былъ проложенъ лѣтъ двадцать тому назадъ съ большими издержками, тѣмъ болѣе, что при этомъ приходилось ломать не мало старыхъ домовъ. По этому прямому бульвару я дошелъ до холма, на которомъ помѣщается цитадель. Примыкая на самой окраинѣ къ пустынѣ, она господствуетъ надъ городомъ. Эта крѣпостца своимъ устройствомъ, съ ея старымъ дворцомъ хедива и большою мечетью внутри, напомнила мнѣ отчасти нашъ московскій Кремль съ его царскими чертогами и Архангельскимъ соборомъ. Однако, цитадель въ настоящее время служитъ не столько для защиты Каира отъ внѣшнихъ враговъ, а скорѣе для усмиренія возстанія, если туземцамъ вздумалось бы поднять знамя бунта противъ господства Великобританіи. Съ этою цѣлью и расположенъ здѣсь отрядъ англійскихъ войскъ, такъ что въ случаѣ возстанія въ городѣ солдаты изъ пушекъ съ крѣпостныхъ валовъ легко могутъ обстрѣливать весь городъ, особенно тотъ широкій новопроложенный бульваръ. Другой небольшой фортъ, занимая по близости къ востоку возвы-

шенность, господствуетъ, правда, надъ цитаделью, но также занятъ англійскимъ отрядомъ. Сверхъ того, войска Великобританіи размѣщены еще въ казармахъ на берегу Нила, извѣстныхъ подъ названіемъ Казръ-Энъ-Нилъ. Проходя просторнымъ дворомъ, по четыремъ сторонамъ котораго тянутся обширныя казарменныя зданія, я засталъ тамъ отрядъ шотландскихъ стрѣлковъ въ ихъ національномъ костюмѣ съ голыми колѣнями. Они производили на плацу свои военныя экзерциціи. Эти казармы примыкаютъ къ берегу Нила, черезъ который по сосѣдству проложенъ большой желѣзный мостъ. Въ крайнемъ случаѣ англійскимъ войскамъ изъ своихъ казармъ очень удобно будетъ обстрѣливать не только мостъ, но также всю окружающую довольно открытую мѣстность. Благодаря такимъ мѣрамъ предосторожности, англичане неограниченно властвуютъ надъ городомъ, и туземцы вполнѣ сознаютъ, что имъ и часу не продержаться въ случаѣ открытой борьбы съ англійскими войсками. Несмотря на то, что водворившіеся въ Каирѣ иноземцы убѣждены въ томъ, что въ настоящее время нѣтъ повода опасаться возстанія или нападенія со стороны туземцевъ, все-таки здѣшніе колонисты чувствуютъ себя болѣе безопасными въ присутствіи европейскихъ солдатъ.

Подходя однажды, послѣ полудня, къ большому желѣзному мосту близь казармъ, я засталъ на берегу большую толпу народа: мостъ былъ разведенъ и мимо него проходили нагруженныя и порожнія суда, направляясь внизъ по Нилу. Черезъ полчаса мостъ былъ опять наведенъ и народъ хлынулъ по немъ на островъ Булакъ. На этотъ омываемый водами Нила островъ въ иные дни недѣли выѣзжаетъ въ щегольскихъ экипажахъ египетская фешенебельная знать, совершая свои послѣобѣденныя прогулки. При дворцѣ на островѣ раскинутъ большой садъ съ тропическими растеніями; между ними мнѣ въ особенности понравилась прекрасная банановая роща. Близь сада при холмѣ сооруженъ сталактитовый гротъ. Пересѣкши островъ по аллеѣ, густая толпа народа по другому небольшому мосту перешла на противоположный Ливійскій берегъ рѣки. Послѣдовавъ за толпой и повернувъ затѣмъ налѣво, я пошелъ берегомъ вверхъ по рѣкѣ, по дорогѣ, которая ведетъ къ пресловутымъ пирамидамъ. Къ нимъ-то и направлялась многочисленная публика, то въ экипажахъ, то верхами на ослахъ, а то даже на велосипедахъ. Миновавъ зоологическій садъ и отдѣлавшись отъ навязчивыхъ ослятниковъ, я дошелъ до музея.

Для изучающаго египетскія древности спеціалиста этотъ му-

зей представляетъ замѣчательное въ археологическомъ отношеніи, богатое собраніе остатковъ, по которымъ знатокъ въ состояніи прослѣдить исторію быта отжившей туземной націи. Тутъ во многихъ залахъ нижняго и верхняго ярусовъ размѣщены въ обильномъ количествѣ статуи и рельефныя изображенія не только египетскихъ властителей, но даже разнаго рода дожностныхъ лицъ древняго Египта. Здѣсь любитель можетъ ознакомиться со всѣми подробностями домашней обстановки древнихъ жителей, съ ихъ утварью, мебелью, снарядами, съ ремесленными и сельско-хозяйственными орудіями. Въ иныхъ залахъ стоятъ цѣлые ряды деревянныхъ, пестро раскрашенныхъ гробовъ и каменныхъ саркофаговъ. Но любопытныхъ туристовъ, профановъ по части археологіи, какъ мнѣ казалось, болѣе всего привлекаетъ залъ королевскихъ мумій въ верхнемъ этажѣ. Признаюсь, однако, мнѣ это помѣщеніе показалось вовсе не привлекательнымъ притономъ мертвецовъ. Муміи фараоновъ и другихъ особъ въ разныхъ видахъ покоятся въ открытыхъ гробахъ, сильно напоминая собою выставку мертвыхъ тѣлъ въ извѣстномъ парижскомъ моргѣ. Иная мумія какъ будто улыбается, словно хочетъ сказать: „Узнаешь ли меня“? Другая, напротивъ того, съ искаженнымъ страдальческимъ лицомъ и открытымъ ртомъ, оскалила зубы; такъ и кажется, будто человѣка похоронили живьемъ и онъ съ отчаянья пытался кричать. Остальныя муміи также производятъ лишь удручающее впечатлѣніе, и я радъ былъ, когда вышелъ, наконецъ, на свѣжій воздухъ, несмотря даже на то, что вновь подвергся навязчивости ослятниковъ.

Для того, чтобы посѣтить пирамиды и огромнаго сфинкса въ пустынѣ, мнѣ пришлось проѣхать еще далѣе въ омнибусѣ до гостинницы, расположенной на песчаной площади. Ограничусь, однако, описаніемъ другой своей поѣздки въ такую же пустыню, а именно въ Саккару, которую, впрочемъ, не слѣдуетъ смѣшивать съ извѣстной Сахарой.

V.—Саккара и Сіутъ.

По желѣзнодорожному мосту, проложенному черезъ Нилъ пониже острова Булака, переѣхалъ я изъ города на Ливійскую сторону рѣки. Тотчасъ же за мостомъ поѣздъ перерѣзалъ то знаменитое поле минувшей битвы, на которую, по выраженію Наполеона, съ вершинъ едва видныхъ вдали пирамидъ взирали будто бы сорокъ вѣковъ. Прибывъ на станцію при Саккарѣ, я обратился къ начальнику съ просьбой отрекомендовать мнѣ на-

дежнаго проводника. Но тутъ какъ разъ появились неизбѣжные ослятники и самъ начальникъ станціи сталъ увѣрять меня, что пробраться въ Саккару иначе нельзя, какъ верхомъ на ослѣ, тѣмъ болѣе, что почти все время приходится шагать по пескамъ, въ которыхъ вязнутъ ноги. Я, однако, рѣшительно заявилъ, что не въ состояніи ѣхать на ослѣ, оттого что отъ тряски у меня болитъ грудь. Этотъ мнимый предлогъ былъ, наконецъ, принятъ въ уваженіе, и погонщики отстали отъ меня, предоставивъ опытному гиду вести меня по сыпучимъ пескамъ.

Сначала дорога шла по валу между водоемами, въ которыхъ скопилась вода по разлитіи Нила. Потомъ мы тропинкой пересѣкли пшеничные и клеверные поля. Дорога пока была довольно сносная. Но вскорѣ начались сыпучіе пески пустыни. Я спросилъ моего гида, который съ грѣхомъ пополамъ понималъ по-англійски,—гдѣ находился Мемфисъ? Въ отвѣтъ на это онъ помахалъ рукою въ одну сторону пустыни, потомъ также въ другую и прибавилъ: „Вотъ это все былъ Мемфисъ“. Вскорѣ, впрочемъ, онъ подвелъ меня къ разсыпанной по зеленѣющей муравѣ каменной грудѣ и сказалъ: „Вотъ и остатки Мемфиса“. Но по этимъ покинутымъ каменнымъ осколкамъ, которые, конечно, не стоило собирать для музея, нельзя составить себѣ никакого понятія о древней столицѣ древнѣйшаго Египта.

Прошагавъ по пескамъ болѣе часу, мы подошли, наконецъ, къ лежащей на каменной подставкѣ, громадной, высѣченной изъ желтобураго гранита статуѣ Рамзеса II. О величинѣ ея можно судить по размѣрамъ вытянутой руки, которая отъ плечъ до сжатой въ кулакъ кисти оказалась вдвое болѣе средняго человѣческаго роста. Недалеко отсюда находится другая, сооруженная изъ известняка статуя того же Рамзеса, которая еще громаднѣе. Древніе художники въ Египтѣ имѣли, казалось, въ виду поразить потомство громадными размѣрами своихъ памятниковъ.

Оставивъ влѣвѣ селеніе Саккару съ окружающими его финиковыми пальмами, мы вскорѣ подошли къ ступенчатой пирамидѣ, прозванной такъ оттого, что отлогіе бока ея состоятъ изъ правильныхъ ступеней. Когда я смотрѣлъ на пирамиды издали, съ другого берега Нила, то бока ихъ казались совершенно ровными, гладкими. Но вблизи не только ступенчатая, а также остальныя пирамиды на дѣлѣ были снабжены крайне изборожденными боками, такъ что по этимъ неровностямъ туристы при помощи подсаживающихъ ихъ бедуиновъ, восходятъ, словно по

разрушеннымъ ступенямъ, даже на самый верхъ большой Хеопсовой пирамиды.

Вслѣдъ затѣмъ мы подошли къ недавно выстроенному бѣлому домику, откуда особо для того назначенный проводникъ повёлъ насъ смотрѣть гробницу *Ти*, одного изъ высокопоставленныхъ вельможъ древняго Мемфиса. Спустившись между песчаными валами немного внизъ, мы проникли въ этотъ подземный мавзолей, состоящій изъ нѣсколькихъ покоевъ. По стѣнамъ ихъ изображены вереницами раскрашенныя барельефныя фигуры людей и животныхъ. Эти на видъ мало привлекательныя изображенія представляютъ, конечно, высокій интересъ для археологовъ. Осмотрѣвъ затѣмъ еще другіе подобнаго рода, но менѣе замѣчательные мавзолеи, также большія гробницы аписовъ, мы, послѣ пятичасового хожденія по пескамъ, вернулись на станцію.

Вотъ какого рода памятники оставили по себѣ деспотическіе властители древняго Египта: куда ни обратишься, на каждомъ шагу встрѣчаешь саркофаги, муміи, громадныя усыпальницы, мечети, подземные мавзолеи; вездѣ эмблема смерти и тлѣнія, и лишь скудные слѣды свободнаго художественнаго творчества. Не странно ли въ самомъ дѣлѣ, что греки и римляне оставили въ краѣ такъ мало слѣдовъ своего пребыванія въ немъ. Въ одномъ только музеѣ близь Каира приходилось мнѣ видѣть скудные остатки греческаго и римскаго зодчества; а затѣмъ, за исключеніемъ Помпеевой колонны въ Александріи, нигдѣ болѣе не случалось встрѣчать какія-либо произведенія грековъ и римлянъ. При всемъ томъ, посѣщая Египетъ, каждый туристъ, вовсе незнакомый съ археологіей, считаетъ какъ бы своею непремѣнною обязанностью интересоваться этими, по-правдѣ сказать, мало привлекательными остатками египетской древности, и едва удостоиваетъ вниманія проявленія современнаго Египта. А между тѣмъ, этотъ возрождающійся на нашихъ глазахъ Египетъ, съ его стремленіемъ къ современной цивилизаціи, съ его, какъ мы видѣли, своеобразнымъ сельскимъ хозяйствомъ, съ его попытками усвоить себѣ европейское образованіе, съ его порывами освободиться отъ чужеземнаго господства, съ его иноземными колоніями, представляетъ много весьма достойныхъ вниманія жизненныхъ явленій...

Покинувъ Саккару, я на другое утро съ раннимъ поѣздомъ направился далѣе къ югу. Рельсы пролегаютъ по весьма плодородной долинѣ, то удаляясь отъ берега рѣки, то близко подходя къ ней. На западѣ долину ограничиваютъ террасообразныя площади, возвышающіяся отъ пяти до семи сотъ футовъ надъ

нею. Эти возвышенности Ливійской пустыни отступаютъ отъ рѣки мѣстами на десять, а иногда даже верстъ на двадцать. Когда поѣздъ подходитъ близко къ рѣкѣ, то показывается противоположный правый берегъ.

На этой восточной сторонѣ Нила стелется лишь узкая полоса плодородной земли, такъ какъ болѣе суровыя возвышенности Аравійской пустыни ближе подступаютъ къ берегамъ, а мѣстами непосредственно своими крутыми скатами спускаются въ рѣку, такъ что она даже въ самый разливъ вовсе не орошаетъ праваго берега. Оттого-то деревни и городишки расположены большею частью на лѣвомъ берегу Нила. Плодородная долина вдоль западнаго берега орошается, сверхъ того, самымъ большимъ изъ египетскихъ каналовъ. Образуя какъ бы рукавъ Нила, этотъ такъ называемый Іосифовъ каналъ верстъ на четыреста тянется почти въ параллель съ рельсами на разстояніи отъ пяти до десяти верстъ отъ нихъ. Верстахъ въ семидесяти къ югу отъ Саккары Іосифовъ каналъ, свернувъ къ западу, проложилъ себѣ путь черезъ боковую ложбину Ливійской пустыни и, разбившись на вѣтви, орошаетъ одинъ изъ самыхъ большихъ и наиболѣе плодородныхъ оазисовъ, Эль-Фаюмъ по названію.

Вспоминая исторію образованія этого оазиса, мы какъ бы наглядно убѣждаемся въ томъ, что Нилъ не только орошаетъ и удобряетъ поля, но создаетъ даже самую почву ихъ. И дѣйствительно, плодородная почва этого оазиса, такъ же, какъ и вся культурная земля Египта, сложилась изъ осадковъ того ила, который увлеченъ Ниломъ съ Абиссинскихъ высотъ. Дѣло въ томъ, что на мѣстѣ, занимаемомъ нынѣ Эль-Фаюмомъ, за три тысячелѣтія до Рождества Христова находилась пустынная низменность, въ которую легендарный царь Мёридъ провелъ воды изъ Іосифова канала, благодаря чему тамъ и образовалось озеро, извѣстное подъ именемъ Мёридова. При посредствѣ сооруженныхъ плотинъ вода разливалась по низменности и, осаждая илъ, образовала одну изъ самыхъ плодородныхъ областей. Впослѣдствіи вода прорвала плотины и стекла въ болѣе низменныя западныя части оазиса, образовавъ тамъ обширный водоемъ, прозываемый Биркетъ-Эль-Керунъ, тогда какъ древнее Мёридово озеро высохло, и въ настоящее время въ окрестностяхъ его воздѣлывается отличный хлопокъ.

По обѣ стороны рельсовъ, по которымъ несся нашъ поѣздъ къ югу, мелькали поля пшеницы, клевера, дурры, но чаще всего хлопка и тростника. Мы проѣзжали теперь по области сахарныхъ заводовъ, изъ высокихъ трубъ которыхъ здѣсь и тамъ по-

дымался вверху густой дымъ. Проѣхавъ слишкомъ двѣсти верстъ до станціи Минье, я покинулъ вагонъ съ тѣмъ, чтобы посѣтить въ городѣ обширный сахарный заводъ, расположенный у самаго берега рѣки. Этимъ заводомъ, какъ большею частью вездѣ въ Египтѣ, завѣдуетъ французъ-техникъ. Осмотрѣвъ плантацію, я на другой день по желѣзной дорогѣ доѣхалъ до города Ассіута или просто Сіута, гдѣ и остановился въ гостинницѣ.

Пріѣзжающіе въ Египетъ паціенты, которымъ въ декабрѣ и январѣ покажется не довольно тепло въ Каирѣ и Гелуанѣ, могутъ на самый холодный сезонъ перебраться въ Сіутъ, который считается наиболѣе важнымъ городомъ вверхъ по Нилу и пользуется весьма теплымъ, здоровымъ климатомъ. Здѣсь на базарѣ я любовался, между прочимъ, красивыми опахалами изъ страусовыхъ перьевъ, также искусно выдѣланными изъ слоновой кости тростями. Въ Сіутѣ изготовляются сверхъ того глиняныя трубки, подобныя такъ называемымъ у насъ стамбулкамъ, которыми этотъ городъ снабжаетъ чуть ли не весь Египетъ. Посѣтивъ на другой день обширныя сахарныя плантаціи въ окрестностяхъ Сіута, я по той же желѣзной дорогѣ возвратился въ Каиръ.

Замѣтимъ кстати, что рельсы по долинѣ пролегаютъ далѣе къ югу до незначительнаго города Шеллала, который находится на правомъ берегу Нила, выше перваго катаракта. Отсюда на судахъ можно подняться вверхъ по рѣкѣ до мѣстечка Кораско, при которомъ Нилъ, уклонившись круто къ западу, описываетъ широкую дугу. Для того, чтобы избѣжать этотъ крюкъ по водѣ, правительство въ 1897 г., начиная отъ Кораско, проложило новую желѣзную дорогу, перерѣзавъ напрямикъ пустыню до города Абу-Гамедъ. Англичане имѣютъ уже въ виду въ недальнемъ будущемъ соединить эту линію съ той, которая пролегаетъ по южной Африкѣ, въ Капской землѣ. Тогда изъ Александріи можно будетъ проѣхать въ вагонѣ до самаго Капштадта, и Египетъ будетъ связанъ съ англійской колоніей на Мысѣ Доброй Надежды желѣзными путями.

VI.—Англійская оккупація и иноземныя колоніи.

Останавливаясь, то въ одной, то въ другой изъ гостинницъ въ Каирѣ, съ цѣлью по возможности ближе ознакомиться съ населяющими Египетъ европейскими національностями, я на этотъ разъ попалъ въ отель, который служитъ какъ бы при-

станищемъ здѣшней колоніи нѣмцевъ. Всѣхъ европейцевъ въ странѣ насчитывается слишкомъ сто тысячъ душъ. Самую многочисленную колонію составляютъ греки, за ними слѣдуютъ итальянцы, а потомъ уже французы, англичане, австрійцы, нѣмцы. Каждая изъ этихъ національностей группируется обыкновенно около своего консула и имѣетъ свою особую газету: у французской колоніи въ Каирѣ выходятъ двѣ ежедневныя газеты, у нѣмцевъ — только одна еженедѣльная. Главными мѣстами сборища для каждой изъ колоній служатъ обыкновенно національныя гостинницы. Такъ, между прочимъ, англичане собираются преимущественно въ пышномъ отелѣ Шепирда, который находится въ наиболѣе оживленной части города, близь городского парка.

Въ самый сочельникъ хозяинъ нѣмецкой гостинницы устроилъ своимъ гостямъ ёлку, безъ которой, какъ извѣстно, нѣмцы, гдѣ бы они ни находились, не могутъ обойтись въ праздникъ Рождества. Когда гости вечеромъ заняли свои мѣста за общимъ столомъ, то слуги зажгли восковыя свѣчи на стоявшей въ комнатѣ красиво убранной ёлкѣ. На такой конецъ нѣсколько деревъ изъ породы пихтъ нарочно были выписаны изъ Германіи и продавались на улицѣ.

Во время моего пребыванія въ Каирѣ французская и нѣмецкая колоніи были сильно возмущены по поводу напечатаннаго на мѣстномъ арабскомъ языкѣ памфлета, въ которомъ высказаны были оскорбительныя для царствующаго хедива выраженія. Упоминая о процессѣ, затѣянномъ по этому случаю, одинъ изъ англійскихъ журналовъ заявилъ, между прочимъ, что на такую выходку не стоило бы обращать вниманія. На подобное небрежное отношеніе къ пасквилю, касающемуся личности хедива, французская газета замѣтила: „Еслибъ иной авторъ позволилъ себѣ отнестись подобными саркастическими выходками противъ королевы Викторіи, то англійскіе суды строго наказали бы преступнаго пасквилянта. Но если авторъ оскорбляетъ хедива, то это—пустяки, на которые, по мнѣнію англичанъ, не стоитъ обращать вниманія!“

Потомъ, обращаясь къ подписавшему памфлетъ псевдониму, газета прибавляетъ: „Напрасно, господинъ авторъ, окружаете вы себя таинственностью. Вы можете въ этомъ случаѣ дѣйствовать открыто: вамъ все разрѣшается. По заказу свыше вы вольны поносить и оскорблять учрежденія, особъ и правителей Египта, вамъ не только простятъ, но, пожалуй, еще наградятъ

за это. Но горе вамъ, если вы затронете королеву Великобритании!"

Англичанамъ просто хотѣлось замять это дѣло; но остальныя колоніи, а особенно французы и нѣмцы, громко заявили свое негодованіе, такъ что судъ не осмѣлился оказать снисхожденіе и приговорилъ автора памфлета къ шестимѣсячному тюремному заключенію и тридцати фунтамъ стерлинговъ пени.

Не стоило бы упоминать о такихъ мелочныхъ газетныхъ дрязгахъ, но въ этомъ эпизодѣ какъ бы отразились враждебныя отношенія между англичанами и другими европейскими колоніями въ Египтѣ, что̀ въ свою очередь отзывается также отчасти въ дипломатическихъ отношеніяхъ европейскихъ государствъ по поводу египетскаго вопроса, который пользуется важнымъ значеніемъ, тѣмъ болѣе, что съ нимъ тѣсно связано господство надъ Суэзскимъ каналомъ. Ни одна изъ европейскихъ державъ, какъ извѣстно, не заинтересована обладаніемъ этого воднаго пути въ такой сильной степени, какъ Великобританія, которая и пользуется каналомъ болѣе всѣхъ другихъ государствъ. Когда, вопреки всѣмъ козням Пальмерстона, созданный геніемъ французскаго строителя и трудомъ египетскихъ рабочихъ каналъ былъ открытъ, то англичане, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ египетскихъ финансовъ при Измаилѣ-пашѣ, скупили болѣе цѣлой трети всѣхъ акцій и сдѣлались такимъ образомъ главными акціонерами предпріятія. Не довольствуясь этимъ, они имѣютъ въ виду сдѣлаться неограниченными обладателями канала, а для того имъ необходимо завладѣть Нильскою долиной, которая служитъ ключемъ къ послѣднему. Такимъ образомъ они, опираясь одной ногой въ Индіи, а другой въ Египтѣ, окончательно утвердятся по обѣ стороны канала.

Несмотря на то одинъ изъ послѣднихъ англійскихъ коммисаровъ въ Египтѣ, Друмондъ Вольфъ, уже открыто высказалъ въ своихъ запискахъ: „Египетъ составляетъ въ извѣстномъ отношеніи достояніе всего свѣта; онъ служитъ какъ бы международною проходною страной для торговыхъ сношеній всѣхъ націй. Въ свободѣ Египта заинтересованъ весь свѣтъ". Вопреки такимъ признаніямъ со стороны своихъ должностныхъ особъ, вопреки даже данному обѣщанію покинуть въ свое время страну, правительство Великобританіи, повидимому, вовсе не намѣрено по доброй волѣ вывесть свои войска изъ занимаемаго ими края. Когда такимъ образомъ Англіи удастся окончательно подчинить державу своей власти, то Египетъ, подобно Индіи, преобразится въ страну, изъ которой будутъ вытѣснены остальныя европей-

скія національности: англичане всячески будутъ добиваться, чтобы захватить въ свои руки всѣ отрасли промышленности и окончательно лишить иноземныхъ переселенцевъ возможности водвориться въ долинѣ Нила. Тѣмъ еще болѣе, что съ обладаніемъ Египта Великобританская держава на самомъ дѣлѣ сдѣлается почти неограниченной владычицей Средиземнаго и Краснаго морей.

Въ настоящее время алчные сыны Альбіона не только занимаютъ своими войсками наиболѣе крѣпкія позиціи въ Каирѣ и Александріи, но они, сверхъ того, размѣстили по всѣмъ важнымъ должностямъ своихъ чиновниковъ, назначивъ имъ значительные оклады изъ египетской казны. Для содержанія войска и этой толпы чиновниковъ оказалось необходимымъ увеличить налоги, и безъ того уже крайне обременительные для феллаховъ. Англійскіе публицисты увѣряютъ весь свѣтъ, будто ихъ правительство имѣетъ при этомъ въ виду утвердить власть и поддержать значеніе хедива. Однако на самомъ дѣлѣ ихъ печать всячески старается, напротивъ, опозорить въ глазахъ европейской публики особу царствующаго правителя, Аббаса II. Ихъ публицисты беззастѣнчиво поносятъ личность послѣдняго, нерѣдко прибѣгая даже къ наглой брани; тогда какъ съ другой стороны, по отзывамъ мѣстной французской и нѣмецкой печати, хедивъ пользуется заслуженнымъ уваженіемъ въ странѣ и любовью своего народа. Это въ особенности обнаружилось во время недавно совершившагося путешествія хедива по областямъ Нижняго Египта. Народъ, какъ говорятъ, вездѣ встрѣчалъ его съ восторгомъ и высказывалъ искреннюю преданность своему государю. Заявляя объ этомъ, французская газета патетически восклицаетъ: „Никогда еще страна фараоновъ не видала правителя, который былъ бы такъ искренне привѣтствованъ египтянами, какъ хедивъ Аббасъ II!“ Англичанъ крайне встревожила эта тріумфальная поѣздка хедива и, принявъ ее за демонстрацію, за намѣренную угрозу, они съ своей стороны сочли необходимымъ заявить въ видѣ предостереженія: „Пускай Аббасъ II не забываетъ, что у него есть еще братъ, который также можетъ царствовать!“ Мало того, англійское правительство черезъ своихъ тайныхъ агентовъ всячески пытается возстановить султана противъ Аббаса II, распространяя слухъ, будто послѣдній намѣренъ отдѣлиться отъ владычества Турціи. На самомъ же дѣлѣ хедивъ вполнѣ сознаетъ, что до тѣхъ поръ, пока англійскія войска находятся въ долинѣ Нила, ему слѣдуетъ неукоснительно держаться султана, а послѣдній въ свою очередь убѣжденъ въ томъ, что

переходомъ Египта во власть англичанъ нанесенъ будетъ чувствительный ущербъ значенію и владычеству Турціи.

Сознавая, что своимъ сопротивленіемъ англійскимъ властителямъ хедивъ можетъ только навлечь на свой народъ еще болѣе гнетущее бѣдствіе, Аббасъ II по неволѣ покоряется всѣмъ ихъ распоряженіямъ, терпѣливо выжидая время, когда наконецъ Египетъ освободится отъ иноземнаго гнета. Англійскіе дипломаты честнымъ словомъ обязались, правда, что ихъ войска покинутъ страну, какъ только она совершенно успокоится. Однако, ссылаясь преимущественно на возстаніе въ Суданѣ, они всячески пытаются представить положеніе иностранцевъ въ Египтѣ крайне опаснымъ, лишь бы имѣть поводъ къ поддержанію своего господства въ странѣ; и ради этого они пользуются всякимъ ничтожнымъ случаемъ, только бы оправдать свои мнимыя опасенія. Для примѣра приведемъ здѣсь слѣдующій, характеризующій современное состояніе страны эпизодъ. На дняхъ въ Александріи какой-то итальянецъ затѣялъ на улицѣ ссору съ феллахомъ, продававшимъ арбузы. Въ дѣло вмѣшался проходившій мимо арабъ. Вскорѣ ссора перешла въ драку и итальянецъ былъ повергнутъ на земь. Вскочивши на ноги, онъ въ ярости бросился въ сосѣднюю лавку, въ которой торговалъ грекъ, схватилъ тамъ ножъ, выбѣжалъ вновь на улицу и ударилъ араба ножемъ въ грудь, такъ что послѣдній палъ замертво. На другой день совершились похороны убитаго. Его провожала густая толпа арабовъ, которые вообще дружно отстаиваютъ своихъ соплеменниковъ въ случаѣ нужды. Проходя мимо лавки вышеупомянутаго грека, толпа подняла неистовый крикъ, забросала лавку каменьями и, наконецъ, ворвавшись въ нее, разнесла въ ней всѣ товары, перебила шкапы и все, что попалось подъ руку. Полицейскіе не въ силахъ были справиться съ толпой, которая бросилась потомъ на другія лавки по сосѣдству. Только тогда, когда на мѣсто прибылъ губернаторъ и начальникъ полиціи привелъ съ собой отрядъ солдатъ, удалось усмирить расходившуюся толпу и водворить порядокъ.

Англійскія газеты раздули эту уличную свалку, приписавъ ей значеніе фанатическаго характера, угрожающаго будто бы всѣмъ европейцамъ въ странѣ. На самомъ же дѣлѣ нѣтъ народа болѣе миролюбиваго и менѣе фанатичнаго, чѣмъ египтяне, которые въ религіозномъ отношеніи, какъ оказывается, вполнѣ индифферентны. Что же касается собственно арабовъ, разсѣянныхъ по Нильской долинѣ, то они составляютъ незначительный контингентъ — всего около трехъ процентовъ—въ общемъ со-

ставѣ населенія. Вообще, если исключить дальній Суданъ, то никакой опасности отъ возстанія фанатическаго свойства не можетъ угрожать иноземнымъ колоніямъ. Тѣмъ еще болѣе, что забитые феллахи равнодушно относятся къ тому, кто именно правитъ ими, лишь бы правительство не слишкомъ обременяло ихъ налогами. Англійская печать ссылается на возстаніе 1881 г. въ Египтѣ подъ руководствомъ Араби-паши. Но вѣдь и этотъ мятежъ, если его строго разобрать, былъ вызванъ деспотическимъ вмѣшательствомъ своекорыстныхъ иноземцевъ во внутреннія египетскія дѣла. Такъ точно и теперь, скорѣе слѣдуетъ ожидать, что народъ возстанетъ вслѣдствіе того гнета, какому онъ подвергается отъ непосильныхъ налоговъ ради содержанія иноземнаго войска и чуждыхъ ему правителей.

Не подлежитъ сомнѣнію, что судьба египтянъ, этого древнѣйшаго культурнаго народа на свѣтѣ—самая плачевная: феллахи испоконъ вѣка и донынѣ вынуждены были трудиться въ угоду смѣнявшихъ другъ друга властителей ихъ благодатной страны, а сами постоянно переносили крайнюю нужду. Несмотря на бѣдственное состояніе, этотъ народъ чрезвычайно живучъ и повидимому мало измѣнился съ древнѣйшихъ временъ, сохраняя свой исконный образъ жизни, свои привычки, свои земледѣльческія и другія орудія. Долго ли придется еще сносить этому народу иноземный гнетъ и не пробудится ли, наконецъ, стихійная сила его? Въ такомъ случаѣ Египетъ, пожалуй, вновь впадетъ въ варварское состояніе и всѣ попытки къ прогрессу и цивилизаціи окажутся тщетными, точно такъ же, какъ это совершилось не такъ давно въ Суданѣ. А нельзя не пожалѣть о такомъ переворотѣ, тѣмъ болѣе, что изъ извѣстныхъ мусульманскихъ народностей египтяне прежде всѣхъ вступили на путь прогресса и не безуспѣшно пытались пріурочить къ своей странѣ плоды западной цивилизаціи. Но за послѣднее десятилѣтіе развитіе въ странѣ, можно сказать, обратилось вспять, и Египту трудно будетъ освободиться отъ двойныхъ путъ, которыми онъ прикованъ съ одной стороны къ турецкому, а съ другой—къ великобританскому правительству.

Англійскіе властители въ странѣ оправдываютъ свою оккупацію еще тѣмъ, что они пріучаютъ, будто бы, египтянъ къ самоуправленію. Но въ дѣйствительности, замѣщая не только высшія правительственныя мѣста, а даже второстепенныя должности своими соотечественниками, удаляя туземцевъ отъ всякаго участія въ административныхъ дѣлахъ, они скорѣе лишаютъ

египтянъ всякой возможности развить у себя самостоятельное правительство.

Надо, впрочемъ, отдать справедливость англичанамъ въ томъ, что они возстановили нѣкоторый порядокъ въ разстроенныхъ египетскихъ финансахъ: когда туземное правительство оказалось несостоятельнымъ въ финансовомъ отношеніи, то англичане помогли ему выйти изъ затруднительнаго положенія. Но, оказавъ эту услугу, они впослѣдствіи тѣмъ еще крѣпче утвердили свою власть надъ страною и отнюдь не во благо народу. Ограничимся, однако, заявленіемъ, какое высказала по этому поводу въ своемъ отчетѣ здѣшняя австро-венгерская камера; тамъ значится между прочимъ: „Прежній несостоятельный Египетъ овладѣлъ новыми областями, строилъ желѣзныя дороги, проводилъ телеграфы, созидалъ превосходныя зданія, поощрялъ просвѣщеніе; промыслы и торговля въ немъ процвѣтали, капиталы его были производительны, народъ былъ менѣе обремененъ. Современный же Египетъ, съ его благоустроенной финансовой системой, не только лишился завоеванныхъ областей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и своей независимости; онъ покинулъ прежній путь прогресса и предался застою; народъ бѣдствуетъ пуще прежняго; капиталы не находятъ себѣ производительнаго примѣненія, наемники тщетно добиваются работы и голодаютъ, правительственная касса наполняется деньгами, а населеніе обречено на нужду и отчаянье!“ Какъ ни густы нанесенныя здѣсь краски, но подобные отзывы повторяются въ здѣшней печати такъ часто и такъ настойчиво, что по неволѣ приходится признать за ними нѣкоторую долю правды.

Ни въ чемъ, однако, англійская политика не обнаружилась въ такомъ гнусномъ видѣ, какъ въ суданской катастрофѣ. Надо вспомнить, что Суданъ, занимая земли по верхнему теченію Нила, составляетъ весьма важную область въ долинѣ рѣки: въ свое время онъ, можно сказать, много способствовалъ благосостоянію всего края и самъ также пользовался значительными благами отъ сліянія съ Египтомъ. Эта расположенная подъ тропиками страна обладаетъ чрезвычайно обильными производительными средствами, такъ что она могла бы быть самымъ богатымъ краемъ въ Африкѣ. Дѣвственная плодородная почва подъ вліяніемъ тропическаго солнца и нильскихъ разливовъ обезпечиваетъ за краемъ неограниченное производство всякихъ продуктовъ, такъ что Суданъ могъ бы служить житницей стараго материка. Не такъ еще давно, когда до возстанія дервишей этотъ край принадлежалъ Египту, онъ отправлялъ по рѣкѣ свои продукты въ Каиръ и

Александрію, а взамѣнъ того получалъ оттуда произведенія европейскихъ и туземныхъ мануфактуръ. Вообще, отдѣлить отъ Египта верхнее теченіе Нила съ Суданомъ все равно, что перерѣзать у животнаго главную жизненную артерію. Англійскіе правители вполнѣ сознавали это, а между тѣмъ, занявъ Египетъ своими войсками и управляя имъ якобы во благо страны, они не приняли надлежащихъ, своевременныхъ мѣръ для усмиренія возставшихъ въ Суданѣ арабовъ, сплотившихся подъ начальствомъ лжепророка Магди, какъ называютъ его туземцы. Объ этомъ бунтѣ, извѣстномъ подъ именемъ нашествія дервишей, англійская печать, а вслѣдъ за нею всѣ европейскія газеты извѣщали публику, какъ о неизбѣжномъ стихійномъ возстаніи внутреннихъ африканскихъ племенъ. Вмѣсто того, чтобы своевременно выслать въ Суданъ хотя бы небольшой вооруженный отрядъ, англійское правительство ограничилось тѣмъ, что разрѣшило хедиву послать туда въ 1884-мъ году одного генерала Гордона, не снабдивъ его, впрочемъ, никакими средствами для борьбы съ возстаніемъ. По этому поводу самъ Гордонъ,—какъ извѣщаетъ редакторъ мѣстной нѣмецкой газеты,—въ своемъ дневникѣ заявилъ, еслибъ къ Чартуму въ свое время подошелъ англійскій отрядъ, состоящій хотя бы только изъ двухъ сотъ солдатъ, то Суданъ былъ бы спасенъ.—Въ томъ же дневникѣ говорится: „Я ненавижу правительство Ея королевскаго величества за то, что оно покинуло Суданъ, послѣ того, какъ оно само вызвало въ немъ ужасныя смуты“... Далѣе генералъ прибавляетъ: „Какъ бы ни пытались исказить все дѣло, но не подлежатъ никакому сомнѣнію три выдающихся, непреложныхъ факта: во-первыхъ, правительство королевы отказало помочь Египту усмирить Суданъ; во-вторыхъ, оно не допустило, чтобы египетское правительство само своими средствами усмирило Суданъ; и въ третьихъ, оно препятствовало, чтобы кто-либо со стороны помогъ въ этомъ случаѣ Египту“!

Какъ бы то ни было, но войско, которое правительство отправило, наконецъ, въ помощь осажденнымъ, подвигалось такъ медленно, что не успѣло спасти Чартумъ: ворвавшись въ городъ, дервиши, какъ извѣстно, перебили въ немъ болѣе десяти тысячъ человѣкъ; самъ Гордонъ палъ въ борьбѣ, Суданъ былъ отторгнутъ отъ Египта: и страна, въ которой стали уже водворяться начатки цивилизаціи, благодаря политическимъ уловкамъ англійскихъ дипломатовъ, вновь была предана самой разнузданной анархіи.

Мало того, въ 1896 году назначенъ былъ походъ въ Су-

данъ, но правительство Великобританіи и тутъ даже всячески старалось скрыть по возможности факты отъ египтянъ. Извѣстія объ этихъ событіяхъ ближе всего касаются, конечно, самого Египта, и они сообщаются обыкновеннымъ путемъ телеграммъ Рейтера. Но вотъ въ исходѣ 1897-го года агентура Рейтера заявляетъ египетской печати: „Къ сожалѣнію, мы должны объявить, что въ силу приказа отъ директора агентуры Рейтера депеши изъ Судана съ этихъ поръ будутъ отправляться непосредственно въ Лондонъ и не будутъ сообщаться въ Египетъ".

По этому поводу французская газета замѣчаетъ: „Египетское правительство выдаетъ агентурѣ Рейтера денежное пособіе, состоящее изъ тысячи фунтовъ стерлинговъ въ годъ; несмотря на то, агентура получаетъ изъ Лондона приказъ не публиковать въ Египтѣ извѣстія о походѣ, отъ котораго зависитъ будущая участь страны. Къ кому намъ обратиться съ жалобой въ этомъ случаѣ? Конечно, не къ Рейтеру, такъ какъ онъ не что иное, какъ послушное орудіе въ рукахъ англійскаго правительства... Такимъ-то путемъ стараются облечь покровомъ таинственности событія, какія совершаются на верхнемъ Нилѣ. Въ Европѣ убѣдятся, наконецъ, что эта сѣть таинственныхъ махинацій, эта система скрытности имѣетъ лишь цѣлью утаить продѣлки, какія совершаются въ странахъ между Каиромъ и мысомъ Доброй Надежды. Такія продѣлки совершаются въ одно и то же время въ разныхъ концахъ свѣта, но въ недальнемъ будущемъ онѣ разомъ обнаружатся какъ одно грандіозное цѣлое"!

VII.—Александрія.

Таково было политическое состояніе Египта, когда съ наступленіемъ 1898 года я переѣхалъ изъ Каира въ Александрію. Этотъ городъ оказался гораздо скромнѣе Каира: въ немъ туристы вообще не останавливаются подолгу, а спѣшатъ отсюда на югъ. Тѣмъ еще болѣе, что въ Александріи не попадается почти никакихъ слѣдовъ оригинальнаго восточнаго города: это по преимуществу космополитическій портъ. Здѣсь встрѣчается менѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, праздношатающаго люда и по улицамъ попадается менѣе праздной публики. Здѣсь туристовъ не привлекаютъ никакіе особенно замѣчательные памятники. Даже прекрасная съ виду бронзовая конная статуя Мехмеда-Али среди окружающихъ ее фонтановъ на площади не являетъ ничего своеобразнаго, новаго для европейскаго туриста, вдоволь при-

глядѣвшагося въ подобнымъ памятникамъ въ своихъ городахъ. Наиболѣе замѣчательнымъ предметомъ въ городѣ служитъ, конечно, сохранившаяся со временъ римскаго владычества, такъ называемая Помпеева колонна. Проходя по улицѣ, я обратился къ полицейскому съ вопросомъ, какъ пройти къ этой колоннѣ. Тутъ же проходила мимо толпа школьниковъ съ книжками подъ мышкой. Услышавъ мой вопросъ, они поманили меня за собой, подвели къ стоявшему вблизи вагону конки и сказали кучеру, чтобы онъ высадилъ меня около колонны. Я ожидалъ уже, не попросятъ ли они бакшиша, какъ это случалось въ Каирѣ, но, объяснивъ мнѣ, что я въ вагонѣ доѣду до назначеннаго мѣста, они привѣтливо раскланялись и ушли.

И дѣйствительно, вскорѣ, миновавъ покинутое арабское кладбище, я по конкѣ доѣхалъ до пустынной мѣстности, по которой разбросаны были лачужки живущихъ здѣсь арабовъ. Тутъ-то среди мусорныхъ кучъ, на глиняномъ холмикѣ поднималась, около пятнадцати саженъ въ вышину, знаменитая колонна, воздвигнутая префектомъ Помпеемъ въ честь императора Діоклеціана. Этотъ высѣченный изъ цѣльнаго куска краснаго гранита столпъ, даже въ нѣсколько поврежденномъ его видѣ, напомнилъ мнѣ такую же прекрасную Александровскую колонну въ Петербургѣ.

Для того, чтобы убѣдиться въ важномъ значеніи города, этого излюбленнаго созданія Александра Великаго, стоитъ только выйти на пристань: тутъ коммерческая жизнь кипитъ живымъ ключомъ. Въ гавани развѣваются флаги всѣхъ цивилизованныхъ націй; тѣмъ еще болѣе, что она помимо торговыхъ цѣлей служитъ какъ бы попутной станціей для паломниковъ, какъ христіанъ, такъ и магометанъ, отправляющихся изъ западныхъ краевъ въ Палестину или въ Мекку. Потому-то Александрія и признается космополитическимъ портомъ, который служитъ какъ бы звеномъ, соединяющимъ западъ стараго материка съ его востокомъ.

Первое мѣсто въ коммерческихъ сношеніяхъ съ Египтомъ занимаетъ, конечно, Англія. Затѣмъ слѣдуютъ Турція, Франція, Австро-Венгрія и Германія, а послѣ нихъ—Россія. На пароходахъ русскаго общества въ Александрію доставляется пшеница, мука, лошади, волы, овцы. Сверхъ того, изъ Россіи въ Египетъ вывозится значительное количество керосина, также строевого лѣса. Взамѣнъ того, изъ Египта въ Россію доставляется отличнаго качества хлопокъ. Послѣдній вообще составляетъ самый важный продуктъ, вывозимый изъ Нильской долины. Затѣмъ уже слѣдуютъ сахаръ и фасоль. Рисъ, чечевица и куку-

руза такъ же относятся къ важнымъ предметамъ экспорта. Сверхъ того вывозится еще за границу вообще и даже въ Россію значительное количество томатовъ. Пшеница дурного качества, какъ извѣстно, доставляется лишь въ Англію и Бельгію на винокуренные заводы. Однако, Египетъ въ коммерческомъ отношеніи потерпѣлъ значительный уронъ съ той поры, какъ отъ него отторгся Суданъ. Если эта область, какъ утверждаютъ близко знакомые съ нею путешественники, вновь перейдетъ въ власть Египта и въ нее проникнутъ цивилизованные колонисты, то она сдѣлается самымъ богатымъ краемъ чернаго материка.

Покидая долину Нила, я вынесъ о ней впечатлѣніе какъ о странѣ, которая вообще находится въ переходномъ состояніи. Пока Египетъ находится подъ властью Турціи и въ немъ будутъ господствовать англичане, до тѣхъ поръ нельзя ожидать нормальнаго развитія въ странѣ. А между тѣмъ Египетъ не иначе какъ при совокупномъ содѣйствіи великихъ европейскихъ державъ въ состояніи будетъ освободиться отъ оккупаціоннаго англійскаго корпуса. Турція непосредственно заинтересована въ этомъ дѣлѣ; а потому судьба Нильской долины, какъ видно, въ нѣкоторомъ отношеніи состоитъ въ связи съ рѣшеніемъ восточнаго вопроса. Если Египту когда-нибудь суждено будетъ свергнуть съ себя иго англичанъ и вслѣдъ за тѣмъ освободиться отъ власти турецкаго султана, то можно надѣяться, что онъ самъ своими средствами въ состояніи будетъ продолжать благотворное прогрессивное развитіе, которое съ наступленіемъ текущаго столѣтія начато было великимъ реформаторомъ страны, Мехмедомъ-Али.

Эд. Циммерманъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ОСЕНЬ.

Еще горитъ, какъ прежде, сводъ небесъ
И ночь тепла, и томной нѣгой дышетъ.
Весь въ зелени стоитъ кудрявый лѣсъ,
Но сердце чуткое въ тревогѣ осень слышитъ,
Она крадется тамъ, въ туманѣ надъ рѣкой
И прячется въ кустахъ отъ свѣта боязливо,
Но скоро, скоро властною рукой
Захватитъ все: и лѣсъ, и долъ, и нивы.
Взлетитъ, могучая, на крыльяхъ темныхъ тучъ,
Прильнетъ къ землѣ объятіемъ холоднымъ
И, заслонивъ надолго солнца лучъ,
Наполнитъ лѣсъ рыданіемъ безплоднымъ.

Шумитъ задумчиво густой старинный садъ.
Деревья тихо шепчутся другъ съ другомъ.
О чемъ?.. О тяжести пережитыхъ утратъ?
О томъ, что осени поражены недугомъ?
Не знаю я... Ихъ смутный разговоръ
Души безъ словъ и сладокъ, и пріятенъ.
И тихо я сижу... Ихъ жалобъ робкій хоръ
Мнѣ близокъ, дорогъ и понятенъ.
Да! Осень настаетъ. Румяная листва
Еще горитъ, на солнцѣ пышно рдѣя;
Еще свѣжа росистая трава,
Но листьями усыпана аллея

И все блѣднѣй красавица-луна,
Все дольше, все темнѣй покровъ суровой ночи.
И грустью тихою моя душа полна,
И трепетной слезой полны невольно очи.

Теперь, когда все тише и яснѣй
Въ моей душѣ съ минувшими годами,
Я разлюбилъ весну—наперсницу страстей—
И осень полюбилъ съ послѣдними цвѣтами.
Какъ ясно все кругомъ. Далеко бродитъ взоръ.
Въ прозрачномъ воздухѣ мелькаетъ паутина,
Какъ нити серебра. Увы! и мой уборъ
Прорѣжетъ скоро свѣтлая сѣдина!..
Какъ тихо все вокругъ... Торжественный покой
Готовъ сойти на крыльяхъ зимней ночи...
И отдохнетъ земля... О, въ этотъ мигъ закрой,
Природа-мать, и мнѣ навѣки очи.

II.

ЗИМА.

Ахъ! какъ зимняя ночь безконечно длинна!
Точно вѣчною ночью быть хочетъ она.
Снѣгъ стучится въ окно; нѣтъ и звѣздъ въ небесахъ.
Въ сердцѣ странный какой-то томительный страхъ,
Будто ясное утро съ небесъ не сойдетъ
И навѣки вокругъ будутъ сумракъ и ледъ.

Пушистый снѣгъ покрылъ лѣса и горы.
Какъ ярко, какъ свѣтло подъ небомъ голубымъ,
Но въ даль съ тоской, увы, уходятъ взоры
Минувшее давно разсѣялось, какъ дымъ.
Весеннихъ дней тревоги и мечтанья,
Сквозь смутный сонъ какъ будто вижу я.
И въ блескѣ зимнихъ дней, мнѣ кажется, страданье
—Законъ предвѣчный бытія.

Въ вѣнцѣ сіяющемъ, въ серебряномъ нарядѣ,
Стоитъ задумчиво и тихо старый лѣсъ.

Рѣка молчитъ. Въ ея зеркальной глади
Давно не видно отблеска небесъ.
Волна закована и степи молчаливы.
И птичій шумъ давно въ кустахъ замолкъ.
Надъ брошенной, покрытой снѣгомъ, нивой
Тяжелыхъ тучъ летитъ могучій полкъ.
Все замерло, что жило и дышало.
Полгода—срокъ природѣ отдыхать.
О, еслибъ съ ней и сердце перестало
Надѣяться и биться и страдать.

III.

ИЗЪ МИЦКЕВИЧА.

Вилія.

Вилія! Рѣкъ нашихъ свѣтлыхъ царица,
Съ дномъ золотистымъ, съ волной голубой,
Такъ же чиста, какъ литвинка-дѣвица
Съ сердцемъ открытымъ и ясной душой.
Вилія мчится цвѣтущей долиной
Между тюльпановъ, нарцисовъ и розъ.
Цвѣтъ молодежи Литвы предъ дивчиной
Краше тюльпановъ высокихъ и розъ.
Вилія мчится быстрѣй и быстрѣе
Къ Нѣману съ гордой любовью своей.
Дѣвушкѣ скучно; что день, все скучнѣе,—
Между литвиновъ нѣтъ милаго ей.
Нѣманъ, волну поднимая сѣдую,
Гнѣвно шумитъ между камней и скалъ;
Мощно онъ обнялъ рѣчку нѣмую
Въ морѣ безслѣдно съ нею пропалъ.
Такъ и тебя, чужеземецъ, далеко
Вмѣстѣ съ собой увлечетъ, какъ волна.
Въ морѣ забвенья, литвинка, глубоко,
Скоро потонешь, грустна и... одна!
Но безполезно и рѣчкѣ, и дѣвѣ
Рѣчи боязни въ тревогѣ твердить...
Вилію Нѣманъ умчалъ уже въ гнѣвѣ,
Дѣвушкѣ больше не жить.

IV.

ИЗЪ ЛЕКОНТЪ ДЕ-ЛИЛЯ.

Экклезіастъ.

Экклезіастъ сказалъ: „и песъ живой дороже,
Чѣмъ мертвый левъ. И пища, и питье—
Все тлѣнъ и прахъ. Отъ вѣка въ мірѣ тоже.
И мракъ могилъ влечетъ живыхъ въ небытіе“.
Такъ наверху зубчатой гордой башни,
Въ виду небесъ, манившихъ красотой,
Онъ тосковалъ, блуждая взоромъ страшнымъ,
Онъ, полубогъ, могучій царь земной...
О, баловень судьбы! Не только міръ весь прахъ,
Но смерть сама, чье имя блѣдный страхъ,
Не болѣе какъ ложь и счастливъ, кто умретъ.
Всегда, вездѣ, во всемъ я вижу ясно
Безсмертіе въ ея объятьяхъ и прекрасный
И вѣчный миръ она намъ принесетъ.

V.

Ночь влюбленная, ночь благовонная
Легкой дымкой спустилась на насъ.
На поля и на хижины сонныя
Смотритъ мѣсяцъ въ полуночный часъ,
Тамъ... Далеко... За старой ракитою
Вспыхнулъ въ полѣ костеръ пастуховъ.
Надъ рѣкою, туманомъ повитою,
Пролетѣлъ караванъ куликовъ.
Прозвенѣли ихъ крики печальные
И, стихая, погасли вдали,
Точно вздохи иль слезы прощальные
Надъ красою уснувшей земли.

А. Евреиновъ.

ВЪ ДОЛГУ

Die Schuldnerin, Roman von J. Boy-Ed.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IX *).

Поѣздъ мчался впередъ, унося на сѣверъ Шарлотту Баумейстеръ и осиротѣвшую племянницу ея мужа, Сальватрису.

Обѣ казались печальными и утомленными. Тончайшая пыль легла легкимъ слоемъ на ихъ траурныя платья и придала своеобразный, сѣроватый оттѣнокъ ихъ черному цвѣту. Шарлотта задумалась, откинувъ голову на красную спинку сидѣнья и вытянувъ руки на колѣняхъ, на открытой книгѣ. У самаго окна сидѣла молодая дѣвушка и, продѣвъ руку въ широкій ремень оконной рамы, смотрѣла вдаль на зеленую, цвѣтущую долину, по которой, извиваясь, стремился поѣздъ; на сосны, которыя, казалось, тѣснили его со всѣхъ сторонъ и разступались, давая ему дорогу; на рѣдкія темнѣющія пятна воды; на пестроту полевыхъ кустарниковъ и цвѣтовъ... По временамъ, въ просвѣты между соснами виднѣлись сѣроватыя постройки нижне-саксонскаго типа, съ своими острыми, характерными крышами, а вокругъ,—на мрачномъ фонѣ непривѣтливыхъ сосенъ,—свѣтло-зеленая, перистая бахрома веселенькихъ березокъ...

Тѣмъ временемъ, Шарлотта мысленно повторяла себѣ для провѣрки, какія распоряженія она сдѣлала письменно своимъ слугамъ относительно помѣщенія для Сальватрисы, которую она

---

*) См. выше: іюль, стр. 313.

везла теперь въ свою виллу на Эльбѣ. Туда еще за двѣ недѣли былъ посланъ обойщикъ, а преданная слуга, знавшая съ дѣтства вкусы и привычки своей молодой госпожи, должна была строго слѣдить за выполненіемъ програмы, чтобы новое помѣщеніе было во всемъ похоже на ея комнаты въ родительскомъ домѣ. Шарлотта открыла свой дорожный мѣшочекъ, чтобъ вынуть оттуда записную книжку. Въ ней лежали сложенные листки, выдававшіеся далеко за ея края. Она машинально потянула ихъ къ себѣ и углубилась въ ихъ чтеніе, забывъ про книжку, про свои заботы и про все на свѣтѣ...

Уже не въ первый разъ перечитывала она письмо Гвидо,—письмо длинное, восторженное, полное описаній его молодого супружескаго счастья.

„Дорогая Шарлотта! Всей душой радуюсь тому, что ты скоро будешь здѣсь. Тогда лучше, чѣмъ перомъ, я на словахъ выскажу тебѣ все, все свое блаженство. Никогда мнѣ и во снѣ бы не приснилось, что человѣку дано испытать такое полное, такое неизмѣримое счастье. Дни мои протекаютъ теперь, какъ безконечный рядъ блестящихъ празднествъ и слишкомъ коротки, слишкомъ мимолетны эти золотые дни. Какъ бы хотѣлось остановить ихъ, чтобы съ полнымъ сознаніемъ ими насладиться, каждый часъ упиваться блаженствомъ, вѣчно новымъ!

„Мнѣ начинаетъ, иной разъ, казаться, что счастье, вѣрно, всегда такъ и должно быть—скоротечно, лихорадочно, неуловимо; я начинаю понимать, почему несчастіе способно дать болѣе обильную пищу поэту, художнику, писателю: о немъ больше и разностороннѣе можно говорить. Пусть кто-нибудь воскликнетъ: Да, я счастливъ! Никто не потребуетъ отъ него дальнѣйшихъ разъясненій. Пусть же другой заявитъ, что онъ глубоко несчастливъ; тотчасъ же посыпятся сами собой напрашивающіеся разспросы: Что съ тобой? Почему ты несчастливъ? Въ чемъ самый корень твоего недовольства? Къ чему тебѣ понадобилось нѣчто бо̀льшее, чѣмъ дано твоимъ ближнимъ, и какое ты имѣешь право требовать *себѣ* этого бо̀льшаго? Счастье такъ полно само собою, что не нуждается ни въ чемъ и ни въ комъ на свѣтѣ.

„Вотъ я и переживаю въ настоящую минуту такое именно свѣтлое, идеальное блаженство, которое можно сравнить развѣ съ классическими идилліями пастуховъ и пастушекъ Я—такой именно пастушокъ, какіе въ древности предавались мечтамъ, лежа на шелковой муравѣ рядомъ съ своею милой, устремивъ смѣющіеся взоры въ лазоревыя небеса...

„Даже моя работа мнѣ кажется теперь чѣмъ-то постороннимъ

и менѣе важнымъ, отрывающимъ меня отъ главной цѣли въ моей жизни,—отъ моего теплаго гнѣздышка. Все складывается отрадно и успѣшно: вилла, которую я строю, растетъ не по днямъ, а по часамъ, и ея красныя стѣны вчернѣ уже подымаются высоко надъ блѣднымъ грунтомъ, надъ грудами известки и песку. Придетъ день, когда это зданіе будетъ замѣчательнымъ, роскошнымъ сооруженіемъ.

„Другую постройку я тоже навѣщаю ежедневно, и ежедневно она повергаетъ меня въ восхищеніе остатками своего угасшаго величія. Напримѣръ, вчера мы слóмали часть стѣны, за наружной кладкою которой уцѣлѣла внутренняя, старая, еще покрытая поблекшею тканью съ изображеніями чопорныхъ красавицъ, обнаженныхъ чуть не до пояса, и кавалеровъ въ напудренныхъ парикахъ, разгуливающихъ на зеленыхъ лужайкахъ, вмѣстѣ съ баранами и овцами. На стѣнахъ зáлы встрѣчаются довольно хорошо сохранившіяся пары танцующихъ: дамы въ бѣлыхъ платьяхъ съ короткою таліей, мужчины въ нарядѣ Вертера...

„Только бы скорѣй покончить съ этою работой и подороже продать мою виллу! А тамъ ужъ я выстрою такой чудесный замокъ гдѣ-нибудь на берегу Эльбы, какого еще не видано, не слыхано на бѣломъ свѣтѣ.

„Робертъ Пербрандъ видѣлъ у меня его набросокъ и пришелъ въ неописанный восторгъ. Онъ говоритъ, что его старикъ долженъ бы непремѣнно дать мнѣ на него заказъ; но мы съ тобой, конечно, знаемъ, чтò за скряга этотъ старикъ Пербрандъ,—даже по отношенію къ своему сыну. Робертъ и Анна-Мія живутъ себѣ сравнительно скромно, нигдѣ не бываютъ, и я даже замѣтилъ Роберту, что это по меньшей мѣрѣ странно; вѣдь его отецъ и отецъ жены—оба богачи.

— Что-жъ такое?—возразилъ онъ.—Ни я, ни она, мы еще не получили наслѣдства; большого приданаго даже самые крупные торговцы не даютъ своимъ дочерямъ. Наши отцы и матери тоже были поставлены въ необходимость жить скромно, когда только-что женились и, право, это не бѣда: съ молодыхъ и требовать никто не можетъ, а представительство фирмы пока все сосредоточено въ лицѣ нашихъ родителей.

„Они довольны своимъ положеніемъ,—ну, и прекрасно! Хотя я бы на ихъ мѣстѣ непремѣнно стремился собственными силами расширить узкія рамки такого шаблона; Нини также не могла бы имъ удовлетвориться и думаетъ то же, чтò я. Робертъ часто у насъ бываетъ, и меня радуетъ, что она съ нимъ подружилась. Анна-Мія была очень больна послѣ своего малютки и теперь

только изрѣдка выходитъ; поэтому онѣ еще не успѣли познакомиться поближе. Впрочемъ, мы вообще живемъ замкнуто, довольствуясь своимъ собственнымъ обществомъ, какъ и подобаетъ молодымъ, счастливымъ супругамъ. Съ визитами мы объѣздили всѣхъ родныхъ—какъ Фольрадовъ, такъ и Баумейстеровъ, но мало гдѣ были приняты (это вообще за ними водится). Затѣмъ, намъ тоже отдали визиты, и мы тоже не всѣхъ принимали и отложили это все до осени. Изъ числа родныхъ, насъ чаще другихъ посѣщаетъ тетя Вишэ и, признаюсь, она порядочно намъ надоѣла. Ты знаешь, вѣдь ей только и есть дѣла, что ходить по чужимъ домамъ и знакомства у нея—чуть не весь городъ! Нини дрожь пробираетъ, какъ только она издали завидитъ карточку: „Луиза Расмусъ, рожд. Фольрадъ".

„Съ прислугами у насъ тоже что-то не клеится. Я ужъ говорилъ Нини, что она слишкомъ ихъ балуетъ, и съ ними сладу нѣтъ. Вообрази, намъ уже пришлось покупать новый сервизъ,—до того побитъ прежній, который ты сама выбирала, помнишь? Мнѣ было это очень больно.

„Мужа твоего мы видѣли только одинъ разъ, т.-е., собственно, онъ насъ пригласилъ обѣдать, потому что мы были у него съ визитомъ, когда онъ былъ въ Лондонѣ. Впрочемъ, онъ такъ страшно занятъ, что весьма естественно могъ и не сообщить тебѣ о такомъ незначительномъ для него событіи, какъ этотъ обѣдъ. Съ Мартиною онъ былъ очень любезенъ, но она не могла должнымъ образомъ этого оцѣнить, такъ какъ еще ничего не знаетъ про горделивую холодность обращенія, свойственную вообще твоимъ ганзейцамъ. Нини держалась, какъ подобаетъ дамѣ порядочнаго общества, и, какъ всегда, плѣняла меня своей непринужденностью и пренебреженіемъ къ роскоши и богатству. Твой мужъ простеръ свою любезность до того, что извинился въ томъ, что не встрѣтилъ ее съ букетомъ цвѣтовъ, какъ подобало бы невѣстѣ или новобрачной, но взамѣнъ просилъ ее принять отъ него большой свертокъ зеленой китайской матеріи, затканной золотыми драконами — и Мартина, которая любитъ подарки, какъ дитя, была въ полномъ восторгѣ.

„Мнѣ показалось, что все въ ней понравилось твоему мужу, и онъ съ искреннимъ увлеченіемъ разсказывалъ про обычаи и климатическія условія своихъ полинезійскихъ острововъ, а Мартина премило слушала его, хоть ей, признаться, это было совсѣмъ неинтересно. Она нашла, что у него видъ усталый и очень уже не молодой, и еще разъ подивилась, до чего здѣсь

люди способны доработаться; это ее приводитъ въ ужасъ. Мнѣ тоже Баумейстеръ показался осунувшимся, посѣдѣвшимъ...

„Въ то время, пока я на работахъ, Нини бѣгаетъ по лавкамъ, разглядываетъ, подъискиваетъ обновки, покупаетъ. Просто удивительно, какъ еще многаго можетъ не хватать въ такомъ полномъ хозяйствѣ, какъ наше. Когда мы съ тобою надъ нимъ хлопотали, намъ казалось (помнишь?), что мы вѣдь о всемъ подумали, все предусмотрѣли?.. И вообще, я кстати долженъ тебѣ сообщить одно открытіе: женатому человѣку жизнь обходится гораздо дороже, чѣмъ я думалъ... Но зато она много, много прекраснѣе, полнѣе! У меня есть талантъ, желаніе трудиться, я полонъ силъ и самыхъ цвѣтущихъ надеждъ, чего же больше? Нини права. Въ нашъ вѣкъ экономіей ничего не достигнешь; вся штука въ томъ, чтобы побольше оплачивался трудъ.

„Такъ-то, милая Шарлотта! Вотъ я и дошелъ до конца послѣдней, двадцатой, кажется, страницы. Кажется, ты не можешь пожаловаться, что я не вознаградилъ тебя за свое,—вполнѣ простительное, хоть и долгое молчаніе?.. Я приду на вокзалъ встрѣтить тебя и Сальватрису, а затѣмъ, если ты позволишь, въ воскресенье буду у тебя вмѣстѣ съ Нини, чтобы васъ познакомить.

„Могу ли просить разрѣшенія принести мой поклонъ,—къ сожалѣнію, еще незнакомой мнѣ, твоей милой спутницѣ? Нини цѣлуетъ тебѣ ручки. Твой навсегда—Гвидо".

Шарлотта сложила отдѣльные листки письма и положила обратно въ записную книжку, позабывъ занести въ нее то, что̀ хотѣла.

Гвидо такъ много говорилъ о счастьѣ, что оно даже казалось какъ-то раздутымъ, преувеличеннымъ, будто съ особой цѣлью блеснуть передъ другимъ своимъ безграничнымъ блаженствомъ. Это впечатлѣніе нѣсколько встревожило Шарлотту, и она съ меньшимъ вниманіемъ, чѣмъ ея молодая спутница, смотрѣла на пеструю картину, которая, постепенно оживляясь, уже предвѣщала путникамъ близость города.

Теперь не до тревожныхъ думъ: вотъ и вокзалъ!..

На платформѣ стояла небольшая группа встрѣчающихъ, и Шарлотта еще издали узнала стройный ростъ и тонкія черты мужа. Тетя Вишэ,—толстая, круглолицая и, какъ всегда, въ какой-то необычайной накидкѣ, которой никто не замѣчалъ, покуда приходилось бесѣдовать съ этой некрасивой, но не противной особой, до того она умѣла приковать къ себѣ взоръ своего со-

бесѣдника, пока съ нимъ говорила; потомъ ему припоминался только ея большой ростъ, ея широкій, тупой носъ и красноватыя сѣтчатыя жилки на розовыхъ мясистыхъ щекахъ...

Робертъ Цербрандъ махалъ въ воздухѣ большимъ букетомъ пышныхъ розъ...

„Милый Робертъ!“—подумала Шарлотта.

Его крупная, коренастая фигура поражала своимъ ростомъ и плотнымъ сложеніемъ; но грубыя стороны ея смягчались безукоризненнымъ изяществомъ платья и осанки. Небольшой намекъ на полноту не мѣшалъ общему впечатлѣнію ума и добродушія, которое производили очертанія его красиваго рта. Рядомъ съ нимъ стоялъ Гвидо въ англійскомъ свѣтло-сѣромъ нарядѣ съ мягкой черной шляпой на темныхъ волосахъ.

Поѣздъ остановился. Баумейстеръ подошелъ и слегка коснулся лба жены любезнымъ поцѣлуемъ, а тетя Вишэ осыпала поцѣлуями все ея лицо. Шарлотта подала руку Роберту, который вручилъ ей розы „по порученію Анны-Маріи“. Мужъ и тетя занялись Сальватрисой, а сама Шарлотта, въ глубокомъ волненіи, очутилась лицомъ къ лицу съ своимъ питомцемъ. Крѣпко удерживая его за руку въ своей, она пытливо, вопросительно смотрѣла на него; Гвидо отвѣчалъ на ея взглядъ сердечною улыбкой.

Шарлотта не могла придти въ себя. Ее смутило множество неуловимыхъ, но для нея вполнѣ замѣтныхъ черточекъ вокругъ глазъ и рта. Даже въ сердечности, которая отразилась въ его улыбкѣ, она подмѣтила что-то новое для нея, неловкое, чуждое прежнему смѣлому, прямодушному Гвидо. Ни тѣни былой непринужденности, ни тѣни того внутренняго, безграничнаго, свѣтлаго счастія, которое облагораживаетъ человѣка и свѣтится въ каждомъ его взглядѣ и движеніи.

„Да нѣтъ, я ошибаюсь!—думала она себѣ въ успокоенье.—Не можетъ быть, чтобы въ какіе-нибудь два-три мѣсяца человѣкъ могъ до такой степени перемѣниться, какъ это видно по его лицу! Какъ оно замѣтно огрубѣло... Нѣтъ, нѣтъ! Я еще предубѣждена, я должна быть къ себѣ построже. Только бы не осуждать напрасно!..“—Значитъ, вы придете оба въ воскресенье,—прибавила она вслухъ.—И вы, Робертъ, также... Пожалуйста!

— Анна-Мія понемногу начинаетъ выходить, и я надѣюсь, что она успѣетъ придти хоть къ обѣду. На цѣлый день уйти ей невозможно: бэби ее не пускаетъ.

— Ахъ, да, кстати: что подѣлываетъ бэби? — съ улыбкой припомнила Шарлотта.

— Ну, онъ у насъ просто чудный мальчуганъ!—съ оттѣнкомъ убѣжденнаго восторга подхватилъ молодой отецъ:—Бѣлокурый, толстенный малый! Умница такой, что диву даешься, и баснословно на меня похожъ! Сходство поразительное.

Гвидо разсмѣялся. Даже сдержанный Баумейстеръ улыбнулся.

— Нѣтъ, право же! Онъ замѣчательный ребенокъ и очень развитой для своихъ трехъ мѣсяцевъ,—подтвердила тетя Вишэ.

— А какъ его зовутъ?—освѣдомилась Лотта.

— Онъ вѣдь продолжатель рода; значитъ, его зовутъ Робертъ Мено, какъ и всѣхъ Фольрадовъ.

Тѣмъ временемъ все общество дошло до экипажей, и Баумейстеръ, коснувшись опять губами лба Шарлотты, предупредилъ ее, что вернется домой поздно вечеромъ; еще минута, и онъ уѣхалъ на биржу. Гвидо пошелъ на постройку, Роберту надо было навѣстить отца. Тетя охотно поѣхала бы съ племянницей, чтобы ей пересказать, что въ городѣ накопилось сплетенъ безъ нея, но у Галлеровъ должно было состояться семейное торжество, а безъ нея тамъ не могли обойтись.

Робертъ, впрочемъ, нашелъ возможнымъ сопровождать дамъ, которыя должны были еще заѣхать сначала позавтракать въ своемъ городскомъ домѣ передъ отъѣздомъ на дачу. Онъ принялся любезно занимать разговоромъ Сальватрису.

— Вы очень любите маленькихъ дѣтей?—спросилъ онъ ее.

— Ни одного ни разу даже на рукахъ не держала,—отвѣтила она.

— Ну, такъ мой мальчуганъ покажется вамъ очень забавнымъ!—замѣтилъ онъ убѣжденно.—Только приходите къ намъ поскорѣе: Анна-Марія горитъ нетерпѣніемъ съ вами познакомиться. Ну, что̀ это за мальчикъ! Вотъ увидите сами. Повѣришь ли, Шарлотта, онъ вѣситъ уже двѣнадцать фунтовъ! Мы его вѣсимъ каждое воскресенье; мой отецъ и ея мама приходятъ каждый разъ.

Шарлотта не знала, большой ли это вѣсъ для такого малютки или обыкновенный, поэтому она только привѣтливо сказала:

— Какъ только мы обѣ будемъ въ городѣ, мы первымъ дѣломъ къ вамъ заѣдемъ. Мнѣ самой хочется посмотрѣть на этого ангелочка. Въ малюткахъ есть частица божества: они такъ полны чего-то непостижимаго, чистаго и трогательнаго.

У Роберта глаза подернулись слезами.

— Ты часто бываешь у Фабаріусовъ?—спросила Шарлотта.

— Какъ быть? Анна-Мія вѣдь долго не выходила изъ дому совсѣмъ, а въ семь часовъ ей было велѣно ложиться спать. Ну,

такъ вотъ, чтобы не пріучать себя шататься по клубамъ и по ресторанамъ, я и предпочелъ бывать въ семейномъ домѣ.

— Ты не находишь, что Гвидо измѣнился?

— А! Значитъ, и ты замѣтила?—горячо вырвалось у него.— Да, я нахожу, онъ страшно измѣнился! Онъ вѣчно какъ будто раздраженъ и вообще не такой джентльменъ, какъ прежде. Одному Богу извѣстно, что̀ это значитъ и отчего? Постройки его идутъ такъ, что чудо! Онъ—геніальный человѣкъ, Шарлотта; могу тебя увѣрить!

— А она?

— Нинй? Восхитительная, могу тебя увѣрить! Обворожительная, да! И такая изящная! Каждый разъ, какъ ее видишь, приходится просто поражаться. Съ нею Аннѣ-Маріи тягаться не подъ силу, и вообще это нѣчто совсѣмъ другое...

— Твоя Анна-Марія—такой милый человѣкъ, что никакого ей изящества не нужно, чтобы очаровать людей до глубины души.

Робертъ опять готовъ былъ прослезиться.

— Но меня радуетъ, что тебѣ нравится Мартина Кальки, т.-е. Мартина Фабаріусъ. Изъ этого я вижу, что твой другъ счастливъ съ своей молодой женой. Вѣдь ты, конечно, не могъ бы считать прелестной женщиной особу, сдѣлавшую несчастнымъ твоего друга.

— Еще бы! Да они страшно счастливы, могу тебя увѣрить!—воскликнулъ Робертъ.—Онъ до безумія въ нее влюбленъ. Положимъ, бываетъ, что они порой повздорятъ... но это не бѣда! Это и у насъ случается... Но Гвидо у жены подъ башмакомъ; какъ это ни смѣшно, а это правда. Смѣшно тѣмъ болѣе, что онъ съ дѣтства стремился самъ надъ всѣми быть главой. Мною онъ вѣдь всегда командовалъ.

— Да, да!—поддакивала Шарлотта разсѣянно въ то время, какъ экипажъ подъѣзжалъ къ старому родовому дому Фольрадовъ, гдѣ ихъ уже поджидалъ завтракъ.

Пока онъ продолжался, Робертъ прилагалъ всѣ старанія къ тому, чтобы загладить свою недостаточную любезность къ Сальватрисѣ на пути.

Шарлота, между тѣмъ, становилась все молчаливѣе и, очутившись опять въ коляскѣ, даже сказала племянницѣ:

— Прости, пожалуйста, что я молчу: мнѣ надо много кой-о-чемъ подумать.

— Ну, тетя, полноте!..—остановила ее Сальватриса.

Она и сама была рада отдаться своимъ думамъ послѣ разно-

образной, но утомительной дороги. Въ глубинѣ души она была въ сущности совершенно равнодушна къ тому, гдѣ и когда ей придется жить: все равно, нигдѣ, никогда не могло быть такъ же хорошо, какъ было дома. Сердце ея надрывалось отъ горя при воспоминаніи о свѣтлыхъ дняхъ, которые имъ довелось прожить втроемъ съ отцомъ и съ матерью.

Мать первая отошла въ вѣчность. Дочь осталась съ отцомъ, и обоихъ связало чуткое, тревожно-нѣжное чувство заботы и любви.

Какъ-то разъ отецъ, любившій нѣмецкую литературу, принесъ дочери вырѣзку изъ газеты. (Ему пріятно было развивать въ дочери влеченіе къ родному языку ея покойной матери). Тихонько, не говоря ни слова, положилъ онъ передъ ней на столъ отрывокъ газеты, на которомъ было напечатано небольшое стихотвореніе.

Фантазія художника рисовала ему природу, которая шествуетъ по горамъ и доламъ, и страждущее, удрученное горемъ человѣчество, умоляющее природу оградить его отъ смерти...

Сальватриса бросилась къ отцу на шею, и оба залились слезами.

О, какъ живо помнила она эту минуту, и еще много другихъ подобныхъ минутъ, когда они оба дрожали другъ надъ другомъ, чтобы подстеречь во-время малѣйшее нездоровье. Въ такомъ непрерывномъ страхѣ, въ такихъ преувеличенныхъ тревогахъ, въ роскошной, но болѣзненно-настроенной обстановкѣ выросла Сальватриса.

„Но развѣ и теперь я могу считать себя вполнѣ здоровой?— возражала она сама себѣ: — для полной жизни нужно быть существомъ бодрымъ, сильнымъ“...

Въ то же время она не могла не сознаться, что ея новыя ощущенія отчасти похожи на ощущенія человѣка, который изъ душной теплицы вырвался на просторъ, на свѣжій воздухъ.

„Это прекрасно, но буду ли я въ состояніи перенести эту свѣжесть? Не слишкомъ ли она будетъ для меня холодна“?— спрашивала она себя и утѣшалась только тѣмъ, что все ея существо стремилось привязаться беззавѣтно къ женщинѣ, которая еще сравнительно недавно была для нея совсѣмъ чужая...

X.

За высокой рѣшеткой, позади которой зеленѣла живая изгородь, тянувшаяся вдоль шоссе, стояли высокія и густыя группы деревъ, которыя плотной стѣною окаймляли дорогу, начинавшуюся по обѣ стороны воротъ по направленію къ подъѣзду.

Издали была видна только бѣлая, однообразная стѣна дома, крыша котораго скрывалась за деревьями. Прямые ряды оконъ и низкія перила надъ стѣною придавали ему еще болѣе казенный видъ.

— Настоящій мавзолей!—улыбаясь, замѣтила Шарлотта:— Однако, пойдемъ сюда, пойдемъ!

Вмѣсто того, чтобы войти въ домъ, гдѣ на крыльцѣ ихъ ожидали двѣ горничныхъ въ розовыхъ ситцевыхъ платьяхъ, Шарлотта взяла за руку племянницу и повлекла ее за собою, поспѣшно огибая домъ.

Выйдя на одну изъ дорожекъ, усыпанныхъ желтымъ пескомъ, Шарлотта дошла до того мѣста, гдѣ ее отдѣляла отъ дома зеленая, бархатистая лужайка, и проговорила:

— Ну, посмотри сюда!

И въ самомъ дѣлѣ, было на что посмотрѣть.

Ярко-бѣлый, сіяющій мавзолей какъ бы вдругъ преобразился, повернувшись своей веселой, смѣющейся стороной къ полянкѣ и настежь распахнувъ на встрѣчу солнцу всѣ свои окна. Тихо колыхались бѣлоснѣжныя кружевныя занавѣски; надъ балкономъ, который выступалъ по серединѣ перваго этажа, трепетали маркизы, ниже тянулась большая веранда, которая была красиво убрана китайскими матеріями и уставлена уютной гнутой мебелью; на скамейкахъ и на стульяхъ лежали пестрыя подушки. По бокамъ, на обоихъ концахъ веранды, возвышались стеклянныя стѣнки, вдоль которыхъ ползли кверху вьющіяся глициніи, которыя оттуда перебирались выше на балконъ.

— Тамъ наверху—твое царство!—сказала Шарлотта молодой дѣвушкѣ.

Сальватриса поблагодарила ее поцѣлуемъ.

— Ты будешь довольна видомъ оттуда, — продолжала хозяйка дома.—Я смѣло могу его хвалить, потому-что не я устраивала его.

Сальватриса оглянулась.

У ногъ ея разстилался большой пестрый и густолиственный садъ, словно паркъ, прекрасно отдѣланный и спускавшійся до-

вольно глубоко террасами, за которыми виднѣлись красныя и сѣрыя крыши рабочихъ домиковъ на Эльбѣ. Ея широкое желтоватое теченіе, сверкая на солнцѣ, катилось межъ береговъ, надъ которыми недвижимо раскинулось безграничное небо.

Однообразіе и просторъ равнины были Сальватрисѣ родными съ дѣтства, и она съ нѣкоторымъ опасеніемъ смотрѣла на свое будущее пребываніе въ домѣ дяди. Вспоминая то время и тѣ условія, при которыхъ она гостила у него въ городѣ зимою, она заранѣе представляла себѣ, что ей будетъ у него тѣсно и томительно, какъ въ заключеніи. Но чудная, привольная картина, которая открылась передъ нею, яркимъ лучомъ отразилась у нея на лицѣ и мгновенно оживила его.

— Ну, теперь пойдемъ водворяться на новомъ мѣстѣ жительства, — предложила Шарлотта и повела молодую дѣвушку черезъ столовую, которая выходила на лѣстницу.—Дѣйствительно, домъ у насъ какой-то двуличный: съ одной стороны, онъ мрачный, а съ другой—смѣющійся, веселый...—продолжала она разсуждать, поднимаясь вверхъ по лѣстницѣ. На порогѣ комнаты съ балкономъ она остановилась и распахнула дверь.

— Вотъ мы и пришли!

Сальватриса молчала, пораженная тѣмъ, что совершенно неожиданно очутилась въ знакомой обстановкѣ: все вокругъ было точнымъ сколкомъ съ ея собственной комнаты въ родительскомъ домѣ. И голубовато-бѣлая изразцовая печь въ углу, и остальные углы, которые формой свой напоминали грани многоугольника, плетеная настилка на полу и бѣлая мебель съ свѣтлыми, пестрыми занавѣсками и обивкой; картины на стѣнахъ, дельфійскія вазы и японскія тарелки,—все вообще придавало обстановкѣ видъ уютный и веселый. Въ открытую дверь съ балкона врывался теплый воздухъ, насыщенный соленымъ сыроватымъ запахомъ и смѣшаннымъ благоуханіемъ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ.

— Милый, милый папà!—вырвалось у молодой дѣвушки, и она бросилась на шею къ Шарлоттѣ, заливаясь слезами.

— Полно, полно!—съ тихой лаской утѣшала та рыдавшую.— Развѣ совсѣмъ чужая обстановка была бы для тебя пріятнѣе?

— О, нѣтъ! Я глубоко тебѣ благодарна. Это меня даже ободряетъ и живо напоминаетъ родной воздухъ, родную природу.

Дверь въ сосѣднюю комнату отворилась и на порогѣ показалась рослая женская фигура.

— Миля! — воскликнула Сальватриса и протянула къ ней руку.

Вошедшая почтительно поцѣловала ее, приникнувъ своимъ круглымъ мясистымъ и безцвѣтнымъ лицомъ. Изъ-подъ голландскаго чепчика, прижатаго на вискахъ золотыми бляхами, чуть виднѣлись плоскія пряди такихъ же безцвѣтныхъ, бѣлокурыхъ волосъ. На гладкомъ черномъ платьѣ ярко выдѣлялись бѣлая косынка и бѣлый передникъ.

— Вы разстроились. Тутъ легко простудиться... Лучше бы сейчасъ полежать...—заговорила она по-голландски.

— Нѣтъ, Миля, это лишнее!—вмѣшалась Шарлотта.—Теперь больше не надо дрожать надъ здоровьемъ барышни: слава Богу, она совершенно здорова, и докторъ приказалъ, чтобы она жила, какъ и мы всѣ—изо дня въ день, безпечно.

— Правда, Миля! Оставь дверь открытой. Я и сама начинаю думать, что у меня больше ничего не болитъ. И тебѣ не надо будетъ носиться со мною, какъ съ больнымъ цыпленкомъ. Тебѣ же легче будетъ.

Миля стояла молча, скрестивъ на груди руки; но ея угрюмый, потупленный взглядъ говорилъ ясно, что она недовольна такимъ нововведеніемъ.

Шарлотта оставила ее наединѣ съ ея молодой хозяйкой, а сама сошла внизъ, чтобы снова войти въ колею управленія домомъ. Такъ прошло время до семи часовъ, и дамы отобѣдали безъ хозяина дома, который долженъ былъ вернуться домой къ десяти часамъ. Простившись съ молодой дѣвушкой, которая рано ушла къ себѣ наверхъ, Шарлотта усѣлась на угловомъ диванѣ передъ столомъ, на которомъ горѣла лампа и лежали газеты; на другомъ, подъ лампой, уже стоялъ приготовленный приборъ.

Темная мебель, мрачные обои, черныя рамы на старинныхъ картинкахъ по стѣнамъ, конечно, не располагали къ веселымъ думамъ. Шарлотта не могла углубиться въ гамбургскія газеты; ее тревожила мысль о томъ, что̀ ожидаетъ нѣжное, хрупкое существо въ новой обстановкѣ, въ новой жизни, въ которую теперь вступила сирота?

„Да!—думала она:—Сальватрису я, въ сущности, совсѣмъ не знаю. Не знаю, ка̀къ подойти къ своей задачѣ—подготовить ее къ жизни среди людей. Пока она у насъ гостила, мы считали нужнымъ только увеселять ее; но теперь, не обязана ли я помочь ей уяснить себѣ, что человѣку жизнь дана не для того, чтобы прозябать и вянуть безучастно, какъ цвѣтокъ. За послѣднее время она была такъ потрясена горемъ, что надо было думать лишь о ея физическомъ здоровьѣ“.

Тогда было не до того, чтобы разбираться въ ея воззрѣніяхъ и умственной жизни...

Шарлотта глубоко вздохнула.

Еще печальнѣе, еще тревожнѣе становились ея думы при воспоминаніи о ея любимцѣ—Гвидо. Изъ его письма, читая между строкъ чуткимъ сердцемъ, она угадала многое, о чемъ не подозрѣвалъ онъ самъ, а безхитростныя рѣчи Роберта Пербранда еще болѣе подтвердили это впечатлѣніе...

И еще разъ, какъ живое, встало передъ ней его лицо,—знакомое, милое лицо, и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то непостижимо далекое и чуждое. Ни тѣни прежней прелести, прежняго открытаго и теплаго выраженія, которое было его главнымъ украшеніемъ!..

„А Баумейстеръ? Какъ онъ вдругъ постарѣлъ!.. Черты лица обострились... Даже вся его фигура стала какъ будто худѣе".

„Нѣтъ, Гвидо тревожитъ меня еще больше,—продолжала Шарлотта;—но теперь я все сама своими глазами увижу. Робертъ говоритъ, что Мартина „обворожительная", „пикантная" женщина. Значитъ, она нисколько непохожа на брата? Въ немъ нѣтъ ничего блестящаго, ничего пикантнаго. Онъ такой сдержанный, такой изящный и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятный собесѣдникъ: веселый и разговорчивый въ мѣру; онъ показался мнѣ тогда такимъ симпатичнымъ.

„И въ самомъ дѣлѣ, я его приглашала бывать у насъ лѣтомъ!—припомнила она.—Вотъ было бы кстати, для Сальватрисы—развлеченье, а для молодыхъ—пріятный сюрпризъ! Не пригласить ли его въ воскресенье? Было бы недурно, если бы въ такомъ случаѣ присутствовало постороннее, третье лицо, и притомъ же такое мягкое, привѣтливое. Если сегодня послать телеграмму, онъ можетъ въ воскресенье быть у насъ... Но что̀ онъ подумаетъ, что его не пригласили заблаговременно? Или, быть можетъ, его это стѣснитъ, заставитъ потерять на время нѣсколько уроковъ? Это даетъ вѣдь ему нѣкоторый заработокъ; а что̀ же мы можемъ ему предложить взамѣнъ? Надо ему найти заказъ... Ахъ, да: вотъ будетъ кстати"!—восторгалась она, вдругъ припомнивъ.

Уже давно хотѣлось ей сдѣлать масляными красками портретъ отца Сальватрисы, увеличивъ его съ большой фотографической карточки и, конечно, та̀къ, чтобы молодая дѣвушка ничего объ этомъ не подозрѣвала.

„Но, если взвѣсить хорошенько, даже лучше будетъ для успѣха работы, чтобы дочь покойнаго сама могла слѣдить за

нею и давать кой-какія, безспорно полезныя указанія. Филиппу какъ разъ удобно поручить это дѣло: его обѣ картины на выставкѣ въ Гамбургѣ мнѣ положительно нравятся. Вотъ и чудесно! Для меня будетъ легче привыкать къ женѣ Гвидо въ присутствіи третьяго лица, и сверхъ того—пріятно дать Филиппу что-нибудь заработать".

Привыкшая приводить тотчасъ же въ исполненіе все, что она рѣшала, Шарлотта тотчасъ же набросала телеграмму и отослала ее вмѣстѣ съ письмомъ, которое должно было служить къ ней дополненіемъ.

Не успѣла она сѣсть на мѣсто, какъ раздался звонокъ.

Никто, кромѣ хозяина дома, не звонилъ такъ коротко и рѣзко. Жена поспѣшила къ нему въ корридоръ на встрѣчу и встрѣтила его, какъ всегда, изящнаго, безукоризненно-одѣтаго, съ цилиндромъ въ рукѣ.

Иначе, какъ съ цилиндромъ въ рукѣ, Баумейстера, кажется, нельзя было себѣ представить. Такъ же коротко поздоровался онъ съ женою, какъ и на вокзалѣ послѣ долгой разлуки, легкимъ поцѣлуемъ въ лобъ; въ обыкновенныхъ случаяхъ онъ ограничивался просто кивкомъ головы.

Держась прямо, какъ обыкновенно, онъ вошелъ въ столовую, производя впечатлѣніе человѣка, только-что вышедшаго утромъ изъ своей уборной; ни тѣни утомленія, ни тѣни какихъ бы то ни было волненій, пережитыхъ за долгій день труда. Ни пылинки на блестящемъ сукнѣ его дорогого сюртука, ни складочки на рубашкѣ, ни морщинки на лицѣ...

Шарлотта сѣла за столъ рядомъ съ мужемъ и налила ему стаканъ вина, въ то время, какъ слуга подавалъ дымящееся блюдо съ рыбой.

— У тебя былъ совѣтъ?—спросила Шарлотта.

— Да.

— Засѣданіе инспекціи по джутовому обществу уже состоялось?

— Нѣтъ. Я подалъ заявленіе о моемъ отказѣ отъ должности товарища предсѣдателя.

Голосъ Баумейстера поражалъ своей сухостью, а самъ онъ въ разговорѣ производилъ впечатлѣніе человѣка, слишкомъ много думающаго для того, чтобы не считать свои слова на вѣсъ золота. Никогда еще не бывало, чтобы онъ самъ отъ себя сообщилъ, съ кѣмъ и гдѣ, и по какому дѣлу у него было совѣщаніе. Шарлоттѣ чрезвычайно хотѣлось сломить эту непроницаемую стѣну безмолвія, но она ни разу не могла рѣшиться на попытку

за всѣ долгіе годы своей супружеской жизни. И до того непроницаема была эта стѣна, что даже такой живой человѣкъ, какъ Шарлотта, не могъ проникнуть за нее. По необходимости, жена пріучила себя довольствоваться лишь наблюденіями и догадками. Она уже давно привыкла къ извѣстной системѣ въ обращеніи мужа; она прекрасно знала, что про такія засѣданія, въ которымъ онъ былъ равнодушенъ, Баумейстеръ обыкновенно самъ говорилъ:

— Извини: меня задержали въ торговомъ совѣтѣ—или—Старикъ-Пербрандъ задержалъ меня сегодня: хочетъ основать товарищество чайныхъ торговцевъ и меня зоветъ; но я уклонился отъ участія въ этомъ дѣлѣ: слишкомъ оно мелко для меня.—Или еще:—Одно изъ нашихъ судовъ потерпѣло поврежденіе на сѣверномъ каналѣ. Страховой агентъ непремѣнно хотѣлъ переговорить со мною лично и задержалъ меня.

Давно Шарлотта успѣла убѣдиться, что Баумейстеръ умалчивалъ о тѣхъ непріятностяхъ или заботахъ, которыя касались прямо его личныхъ дѣлъ. И умалчивалъ не потому, чтобы желалъ изъ любви къ ней оградить ее отъ лишнихъ огорченій, но единственно въ силу своей безграничной гордости, въ силу упрямо-самолюбиваго убѣжденія, что глава фирмы „Конрадъ-Петеръ Баумейстеръ“ *не долженъ и не смѣетъ* испытывать ни тревогъ, ни заботъ. Для фирмы Баумейстеръ нѣтъ *и быть не можетъ* ни тяжелыхъ годовъ, ни неудавшихся предпріятій; вести съ нею дѣла—большая честь для каждаго.

Вплоть до настоящей минуты, съ самаго основанія ея въ 1680 году, фирма неизмѣнно стояла на высотѣ своего блестящаго положенія.

Привычка Баумейстера обходить молчаніемъ всѣ менѣе отрадныя подробности и неудачи впервые заставила Шарлотту пытливо относиться къ окружающему и быть проницательнѣе вообще. Но первый толчокъ къ крупному недовѣрію подала тетя Расмусъ, влетѣвшая къ ней однажды съ своей привычной горячностью къ чужимъ интересамъ:

— Ну, теперь, пожалуй, къ твоему Конраду и не подступайся?—заговорила она.—Какъ тебѣ удается съ нимъ справляться, особенно въ такое время? Или онъ дома объ этомъ не болтаетъ? У него вѣдь большая неудача съ этой глупѣйшей спекуляціей на кофе! Мой мужъ, бывало, тоже не могъ отдѣлаться отъ страсти рисковать. Въ сущности, конечно, это пустяки: фирма „Конрадъ-Петеръ Баумейстеръ“ на такіе промахи можетъ не обращать вниманія!

Съ той поры Шарлотта знала уже навѣрно, что мужъ ея нарочно, обдуманно скрываетъ отъ нея положеніе дѣлъ. По поводу этого инцидента Шарлоттѣ пришло въ голову сравненіе: Баумейстеръ былъ влюбленъ въ свою фирму и на все, сколько-нибудь грозившее омрачить свѣтлое теченіе ея дѣлъ, упорно закрывалъ глаза. Умалчивая о своихъ неудачахъ въ домашнемъ кругу, онъ воображалъ, конечно, что своимъ молчаніемъ закрываетъ глаза и другимъ.

„Повидимому, человѣкъ, слишкомъ страстно привязанный къ своему дѣлу, тѣмъ самымъ обезличиваетъ себя", —думала Шарлотта, прибирая въ умѣ всѣ средства къ тому, чтобы войти въ довѣріе мужа; но ей это такъ и не удалось.

Сегодня вечеромъ она тоже молча сидѣла съ нимъ въ столовой, въ умѣ предполагая приблизительныя причины его молчанія.

„Очевидно,—рѣшила она,—что-нибудь не ладится въ его австралійскомъ предпріятіи: онъ про него молчитъ всегда и неизмѣнно".

Баумейстеръ совершалъ обрядъ ѣды съ почти-торжественной сосредоточенностью. Однако, послѣ нѣкотораго молчанія, онъ счелъ себя обязаннымъ продолжать хоть краткій разговоръ.

— А что̀, хорошее ли впечатлѣніе произвелъ нашъ домъ на Сальватрису?

— Прекрасное! — не распространяясь, категорически отвѣтила жена.

— Ты упустила изъ виду написать мнѣ, какъ устроились ея денежныя дѣла,—замѣтилъ мужъ.—Ея покойные родители вели жизнь очень скромную, по случаю своего слабаго здоровья; а получали они очень много, не считая процентовъ съ капитала, который принадлежалъ лично моей сестрѣ. По ихъ образу жизни, проживать по шестидесяти тысячъ марокъ было дѣломъ немыслимымъ.

— Всѣ деньги, скопленныя отцомъ, завѣщаны дочери.

— Н-ну?..

— И находятся въ Голландіи, въ рукахъ опекуновъ, до совершеннолѣтія Сальватрисы.

Баумейстеръ утвердительно кивнулъ головой:

— Такъ я и думалъ!

Послѣ пятиминутнаго молчанья, онъ продолжалъ:

— А сколько же это всего составитъ?

— Почти сто тысячъ голландскихъ гульденовъ.

— Сальватриса—богатая невѣста; намъ придется держать

поодаль охотниковъ за приданымъ. А жаль, что Робертъ Пербрандъ уже женатъ.

— Жаль, что Гвидо женился!—подхватила Шарлотта.

Мужъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее.

— Гвидо Фабаріусъ? Да онъ совсѣмъ не пара моей племянницѣ. Ты забываешь, что онъ вовсе не такого происхожденія. Я его люблю. Я всегда былъ радъ, что ты о немъ заботилась и весьма тебѣ въ этомъ сочувствую, но для моей племянницы онъ не годится.

— Спорить не стоитъ; — проговорила Шарлотта. — Тѣмъ болѣе, что онъ уже нашелъ себѣ жену.

— И даже весьма подходящую! Она не дворянка. Повѣрь мнѣ, ничѣмъ нельзя отъучить человѣка отъ понятій и привычекъ того гнѣзда, въ которомъ онъ родился.

— Какъ тебѣ понравилась жена Гвидо?—спросила Шарлотта, зная прекрасно, что настоящаго разговора Баумейстеръ никогда вести не станетъ. Онъ просто высказывалъ опредѣленное мнѣніе и затѣмъ считалъ уже возраженія собесѣдника совершенно излишними.

— Его жена? Очень понравилась. Кажется, она очень веселаго характера... и глаза такіе красивые. Манеры еще не особенно отшлифованныя; ну, да обойдется: никто же не станетъ съ нея требовать бо́льшаго... пока.

— Мнѣ бы хотѣлось пригласить ея брата. Помнишь, онъ показался намъ такимъ симпатичнымъ? Пусть бы онъ написалъ большой портретъ покойнаго отца Сальватрисы съ самой лучшей изъ его фотографическихъ карточекъ.

— Ты знаешь, въ этомъ домѣ ты—повелѣваешь!—съ чисто-рыцарской любезностью проговорилъ мужъ.

Оба замолчали.

Лакей входилъ и уходилъ, собирая со стола.

Господа не продолжали больше разговора и Баумейстеръ, какъ бы совершенно позабывъ о присутствіи жены, пускалъ голубыя кольца дыму; они тянулись къ лампѣ и собирались подъ ея колпакомъ въ видѣ облака.

Изъ окна виднѣлась сплошная темнота, которая, казалось, была готова сквозь каждую щелочку, каждую замочную скважину ворваться въ домъ и наполнить его еще болѣе зловѣщимъ безмолвіемъ и мракомъ.

Еще разъ,—какъ это случалось съ нею уже неоднократно, —Шарлоттѣ больно стало отъ жуткаго чувства, пробѣгавшаго по ея напряженнымъ нервамъ, и ей почудилось, что она не одна

съ мужемъ, что въ комнатѣ, около нихъ, рядомъ съ ними, невидимкой витаетъ кто-то неуловимый, словно духъ—нежеланный и незваный, но неотвязчивый и роковой.

Дверь скрипнула, затрещала...

Шарлотта вскрикнула.

— Что̀ такое?—спросилъ Баумейстеръ.

— Мнѣ показалось, что кто-то отворяетъ дверь,—пролепетала она, дрожа.

— Ты слишкомъ утомилась и не оправилась еще отъ путешествія. Вдобавокъ, въ старомъ домѣ, непремѣнно что-нибудь шевелится по ночамъ... Пойдемъ-ка лучше спать.

XI.

Воскресное утро встало солнечное, тихое.

Шарлотта распахнула окно и ей на встрѣчу ворвался чистый майскій воздухъ, въ которомъ оживаетъ теплый вѣтерокъ и звенятъ голоса птицъ, жужжанье пчелъ и стрекозъ, гудятъ свистки пароходовъ и плещется у береговъ еще прохладная вода... Фальшивые и довольно нестройные звуки музыки возвѣстили, что гдѣ-то по близости происходитъ утренняя репетиція.

На Шарлотту солнечное утро дѣйствовало живительно: оно придавало ей силы съ меньшей тяготой встрѣчать грядущій день; зато подъ вечеръ зачастую эти силы не всегда ей повиновались.

Баумейстеръ, по обыкновенію, рано уѣхалъ въ городъ, а жена, также по обыкновенію, проводила его до экипажа, въ которомъ онъ ѣхалъ до самой станціи. Какъ только мужъ уѣхалъ, хозяйка дома заглянула на кухню. Тамъ шла тревожная суматоха. Много лѣтъ служившая у Баумейстеровъ горничная Минна, на которую можно было во всемъ положиться, вдругъ должна была рано уѣхать на цѣлый день къ своей больной матери.

Какъ нарочно, садовникъ только-что принесъ изъ парниковъ большую корзину великолѣпной спаржи, — а чистить ее безъ Минны было некому. Шарлотта спокойно распоряжалась, отдавая каждому поочереди соотвѣтствующія приказанія.

— Ахъ, Боже мой! Кто же мнѣ спаржу почиститъ?—волновалась кухарка; а нѣсколько минутъ спустя сама хозяйка, въ бѣлоснѣжномъ передникѣ, сидѣла уже на верандѣ и усердно занималась этимъ важнымъ дѣломъ. Рядомъ съ нею стояла по лѣ-

вую сторону—корзина со спаржей, а по правую—большая чашка съ водой, въ которую она бросала уже очищенную спаржу.

Изъ саду къ ней шелъ Филиппъ, въ свѣтло-сѣромъ костюмѣ, съ темно-коричневою шляпой, которая прекрасно оттѣняла его изящную фигуру и лицо. Онъ уже цѣлый часъ, какъ провелъ на воздухѣ, и удивился, что засталъ хозяйку дома за такой работой.

— Съ добрымъ утромъ! Можно къ вамъ сюда? — спросилъ онъ.

Шарлотта ласково кивнула головой и спросила, какія онъ вынесъ впечатлѣнія.

— Прекрасныя! Особенно же я въ восторгѣ... (можете смѣяться!) отъ вашего огорода. Тамъ все превосходно: и самый воздухъ съ своей сѣверной прозрачной пеленой прибрежнаго тумана, и садъ роскошный, пестрый и вмѣстѣ съ тѣмъ подходящій подъ мягкіе тоны общей картины сельскаго утра... Но огородъ вашъ, огородъ!.. Я вдругъ замѣтилъ небольшую калиточку вдоль западной стороны сада, и очутился въ узкомъ, прекрасно-засаженномъ пространствѣ, которое полосой спускалось подъ гору. Какъ зеленые, пышные банты, выдѣлялись на черномъ фонѣ земли курчавыя группы сочной зелени овощей, а позади роскошныхъ грядъ земляники, залитой бѣлоснѣжнымъ цвѣтомъ, алѣли высокіе ряды мака. Еще повыше, на подъемѣ горы, изъ-за деревьевъ уютно выглядывала красная крыша конюшни и домика садовника, а надъ ними, какъ зеленый вѣнецъ, высились верхушки деревъ. Посреди двора, за рѣшеткой, яркимъ пятномъ виднѣлось голубое платье дѣвушки. Но вотъ струю воды, которая падаетъ изъ лейки у нея въ рукахъ, пронизываетъ солнечный лучъ. Вода искрится; капли ея, падая, сверкаютъ, какъ настоящіе алмазы... О, еслибъ все это могло такъ и остаться, неподвижно!..

— Зачѣмъ? Словами уже написали такъ же хорошо, какъ кистью, мой любимый уголокъ. Представьте, меня привлекаетъ даже запахъ сельдерея.

— Съ добрымъ утромъ!—раздался чей-то нѣжный голосъ и вслѣдъ затѣмъ изъ столовой вышла Сальватриса.

Филиппъ вспыхнулъ, вскочилъ на ноги и поспѣшилъ подвинуть молодой дѣвушкѣ плетеное кресло, поудобнѣе укладывая подушку.

Его умиляла, его смущала и утонченная красота, и хрупкая нѣжность всей ея фигуры; ему казалось, что самый видъ ея невольно вызываетъ каждаго заботиться о ней. Въ ея присут-

ствіи онъ робѣлъ, терялся, какъ этого съ нимъ не случалось никогда, въ самыхъ великосвѣтскихъ, самыхъ чопорныхъ гостиныхъ.

Взглядомъ поблагодаривъ его, Сальватриса сѣла и Филиппу пришлось еще разъ изумиться простотѣ, съ которой она поднимала глаза и молча умѣла сказать ими столько милаго, привѣтливаго. Если бы ему случилось подмѣтить такой пріемъ у великосвѣтской дамы,—онъ задалъ бы себѣ, конечно, вопросъ: долго ли трудилась она надъ этимъ эффектомъ?

— Тетя, что ты это дѣлаешь?—проговорила она съ изумленіемъ.

— Видишь, дитя: чищу спаржу.

— Неужели ты умѣешь?

— Какъ видишь.

— И ты всегда сама ее чистишь?

— Нѣтъ. Мнѣ и безъ того много дѣла съ хозяйствомъ, гдѣ надо слѣдить за тѣмъ, чтобы мои приказанія исполнялись въ точности; на самое участіе въ немъ времени не хватаетъ, и я только тогда дѣлаю что-нибудь сама, когда это необходимо.

— Гдѣ же ты всему этому научилась?

Шарлотта разсмѣялась.

— Мы, нѣмки, учимся хозяйничать такъ же незамѣтно, какъ выучились говорить. И мамá твоя, навѣрно, такъ же все умѣла дѣлать; только ты ее помнишь уже всегда больной.

— Да, но спаржу и все такое...—запнулась Сальватриса и на этотъ разъ уже Филиппъ не могъ удержаться отъ смѣха.

— Пожалуйста, возьмите для нея ножикъ тамъ, на буфетѣ.

Филиппъ мигомъ вернулся съ двумя ножами въ рукахъ:

— Я тоже хочу помогать!—заявилъ онъ.—Съ какой гордостью мы будемъ сегодня за обѣдомъ смотрѣть на это дѣло рукъ своихъ и съ какимъ пренебреженіемъ на остальныхъ гостей, которые будутъ на нашихъ же глазахъ, какъ паразиты, пользоваться чужими трудами!

Длинные, тонкіе пальчики Сальватрисы работали несравненно искуснѣе, чѣмъ руки художника Филиппа; это оказалось на второй же спаржѣ, и привело въ восторгъ молодую дѣвушку. Она раскраснѣлась и, то-и-дѣло поглядывая на работу своего соперника, радовалась, что превзошла его.

— Да это презабавно!—повторяла она, оживленная успѣхомъ.

Въ эту минуту появилась Миля и ей тотчасъ же бросилась въ глаза перемѣна въ лицѣ ея молодой госпожи.

Какъ же тутъ не испугаться? Она улыбается, она раскраснѣлась... она... работаетъ.

— Вамъ жарко. Вамъ вредно утомляться. У васъ заболитъ грудка и спинка... Вамъ бы полежать...—проговорила она скорѣе сурово, нежели ласково.

Сальватриса вспыхнула. Съ тѣхъ поръ, какъ она знала, что она здорова, ей было пріятно думать, что ее не примутъ за больную и не будутъ съ нею обращаться, какъ съ человѣкомъ хилымъ, ни на что не способнымъ. Поэтому ей было и теперь какъ-то неловко передъ Филиппомъ.

— Ни спина, ни грудь у меня не заболятъ, можешь быть спокойна!—возразила она.—Здѣсь я себя чувствую прекрасно. А если нужно будетъ, я тебя позову.

Миля, страшно озадаченная, отступила назадъ, ея безцвѣтное лицо еще больше поблѣднѣло и она поспѣшила уйти.

Сальватриса перевела глаза на Шарлотту; они безъ словъ просили у нея совѣта, одобренія.

— Такъ, дитя, такъ!—подтвердила тетка.—Тебѣ пора, конечно, быть немного смѣлѣе и выйти изъ-подъ чрезмѣрной опеки доброй Мили. Ея преданность, иной разъ, доходитъ до деспотизма.

Успокоенная, Сальватриса продолжала весело свою работу и время не шло, а летѣло, подъ тихій смѣхъ и шутки, подъ умный и живой говоръ всѣхъ троихъ. Особенно интересно и образно говорилъ Филиппъ, въ легкой формѣ сообщившій своимъ собесѣдницамъ массу для нихъ новаго въ области его любимаго искусства. Оказалось, что художникъ успѣлъ мимоходомъ замѣтить кой-какіе промахи въ богатомъ убранствѣ дома Баумейстеровъ и мечталъ—съ разрѣшенія его хозяйки,—насколько возможно, ихъ исправить. Небольшую, страшно запущенную картинку онъ хотѣлъ отчистить и почти былъ увѣренъ, что ему удастся тогда разобрать на ней имя извѣстнаго мастера живописи, Рибейры. На стѣнѣ, которая была уже нѣсколько *реставрирована*, ему рѣзали глаза несоразмѣрно рѣзкія краски возстановленныхъ мѣстъ и онъ считалъ необходимымъ придать имъ надлежащій видъ, тѣмъ болѣе, что и стѣны, и мебель были подъ стиль Людовика XVI, правда, поблекшія, но зато поблекшія дружно, не нарушая цѣльности впечатлѣнія.

Всѣ пожалѣли, что работа окончилась такъ скоро и утѣшились только мечтами о томъ, какъ удобна и красива будетъ комната для гостей, когда она, по указаніямъ Филиппа, превратится въ мастерскую.

Шарлотта ушла къ себѣ — одѣваться; Сальватриса повела художника наверхъ, показать ему, на выборъ, всѣ портреты отца.

Солнце еще не дошло до оконъ ея комнаты, но свѣтлая цыновка, бѣлая мебель и занавѣси все-таки придавали ей нѣжный и совсѣмъ своеобразный отпечатокъ. Филиппъ смотрѣлъ на молодую дѣвушку, къ которой такъ подходила вся эта обстановка, и воображеніе его уже создавало чудную картину.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось написать васъ въ такомъ именно почти бѣломъ полусвѣтѣ!—воскликнулъ онъ:—Вы окутаны въ длинныя бѣлыя шелковыя одежды самаго фантастическаго покроя. Передъ вами цвѣтущая изгородь, которую вы раздвигаете осторожно, чтобы пройти впередъ. Вы наклонились, какъ бы собираясь полу-застѣнчиво, полу-пытливо поскорѣй выглянуть на свѣтъ Божій, на жизнь людскую, которая вамъ еще совершенно неизвѣстна. Надо, чтобъ получилось впечатлѣніе, будто вы смотрите прямо на яркій свѣтъ... Ахъ, Боже мой!—вырвалось у него со вздохомъ.—Въ умѣ я вижу это все прекрасно, но на полотнѣ... нѣтъ, не увижу никогда.

Сальватриса не поняла причины вздоха.

— Полноте, отчего же?—стараясь ободрить его, возразила она и покраснѣла.—Это такъ просто: я васъ даже прошу написать меня, какъ только вы кончите портретъ папà; свой я сюрпризомъ поднесу дядѣ на именины.

Филиппъ тоже смутился; краска бросилась ему въ лицо.

— Я не то хотѣлъ сказать... Я просто себѣ не довѣряю.

— О, пожалуйста!... Ну, хоть попробуйте! — упрашивала Сальватриса, думая, что онъ робѣетъ и поддается чувству ложнаго смиренія.

Филиппъ не зналъ, на что рѣшиться; наконецъ, желаніе „попытаться“ побѣдило. Молодые люди порѣшили немедленно приступить къ обоимъ портретамъ одновременно, чтобы не пропустить ни одного дня при одинаковыхъ условіяхъ освѣщенія...

Сальватриса положительно здѣсь не скучала, не замѣчала, какъ идетъ время, а причесываясь къ обѣду, восторженно сообщила своей Милѣ, что Филиппъ—прелесть, а не человѣкъ!

XII.

Первою изъ гостей явилась тетя *Расмусъ, рожд. Фольрадъ*, но занимать ее, по обыкновенію, было нетрудно: она сама себя занимала своею болтовней, до мелочей вмѣшиваясь въ жизнь

всѣхъ и каждаго. На этотъ разъ ея жертвою оказался Филиппъ Кальковскій, котораго она уже встрѣчала у нѣкоторыхъ изъ ихъ общихъ знакомыхъ.

Шарлотта ждала молодыхъ гораздо раньше,—какъ ей и казалось наилучшимъ для того, чтобы сойтись сразу проще и радушнѣе... Но нѣтъ! Молодые пріѣхали почти къ самому обѣду.

Мартина остановилась на порогѣ въ гостиную, обводя вокругъ своими большими темными глазами... но Шарлотта уже подбѣжала къ ней на встрѣчу, обняла и радушно расцѣловала, какъ близкую и старую знакомую... Еще бы! Она—жена Гвидо; она—существо, дороже котораго нѣтъ для него теперь никого и ничего на свѣтѣ; она—то, что̀ даритъ его счастьемъ; та, которую онъ любитъ! Шарлотта была слишкомъ женственна душою, чтобы не позабыть въ эту минуту все, что̀ могло бы охладить ее къ Мартинѣ. Все равно, она теперь—жена Гвидо!—думалось Шарлоттѣ, и она искренно обласкала свою гостью.

Мартина не мѣшала ея изліяніямъ и перенесла моментъ родственныхъ объятій весьма прилично; но—и только! Въ душѣ она была къ нимъ совершенно равнодушна.

— Вы такъ добры...—говоритъ она вѣжливо, а Гвидо цѣлуетъ руку Шарлоттѣ.

— Филиппъ! — вдругъ раздался возгласъ „молодой"—и въ немъ слышится скорѣе испугъ отъ неожиданности, нежели радость свиданія.

— А! Филиппъ! — съ особой, искренней радостью подхватилъ Гвидо.—Ну, вотъ такъ сюрпризъ!

— Мы этимъ обязаны всецѣло нашей милой хозяйкѣ,—подсказалъ художникъ и весело пожалъ руки сестрѣ и зятю.

Только теперь могла Шарлотта ближе разсмотрѣть лицо „молодой", и должна была признаться, что красота ея, дѣйствительно, своеобразна. Еслибъ не большіе темные глаза, ея лицо было бы положительно некрасиво; но изящная фигура и нарядъ рѣшительно скрашивали и оживляли ее.

— Я думала, что намъ будетъ легче привыкать къ совмѣстной жизни, если вашъ братъ доставитъ намъ удовольствіе провести съ нимъ вмѣстѣ нѣкоторое время,—пояснила Шарлотта.

— Къ совмѣстной жизни съ мужемъ я вполнѣ привыкла и живется намъ прекрасно!—возразила Мартина и любезною улыбкой постаралась скрасить жесткую холодность своихъ словъ.

— Я вовсе не къ тому...—съ смущеніемъ сказала хозяйка дома.—Я только хотѣла сказать, что надѣялась присутствіемъ вашего брата помочь вамъ чувствовать себя здѣсь, какъ дома...

— Да я и безъ того чувствовала себя какъ дома въ гостяхъ у вашего супруга. Онъ былъ такъ добръ ко мнѣ...—замѣтила Нини, желавшая не подать ни малѣйшаго повода думать, что она хочетъ снискать расположеніе Шарлотты. Чего добраго, еще можетъ вообразить, что я не чувствую себя здѣсь у нея, какъ равная!—разсуждала она.

— Очень рада,—проговорила Шарлотта.—Надѣюсь, что и у меня въ домѣ получите только впечатлѣніе, что я всей душой готова полюбить жену нашего дорогого Гвидо.

Мартина улыбнулась.

— Гвидо такъ многимъ вамъ обязанъ, онъ мнѣ такъ много говорилъ про васъ.

Въ сущности, это былъ не отвѣтъ, а скорѣе—уклоненіе отъ него, но улыбка при этомъ совершенно всѣхъ очаровала.

Гвидо, говорившій съ Филиппомъ, напряженно прислушивался къ голосамъ женщинъ, силясь разобрать, о чемъ у нихъ идетъ рѣчь.

— Вотъ бы показать Нини нашъ садъ!—воскликнулъ онъ, и тотчасъ же всѣ охотно привели въ исполненіе его желаніе.

Шарлотта съ молодыми пошла впереди; Филиппъ съ тетей Вишэ за ними. Всѣ ожидали, что Мартина придетъ въ восхищеніе отъ чудной картины, которая развернулась передъ ними. Но она промолчала, ни словомъ, ни взглядомъ не давая повода думать, что замѣчаетъ и цѣнитъ красоты этой дѣйствительно художественно-прекрасной мѣстности. Немного удивленная Шарлотта, стараясь оживить гостью, заговорила о ихъ домѣ, о ихъ собственномъ, молодомъ хозяйствѣ.

Она надѣялась, что Мартина выскажетъ свое восхищеніе передъ роскошной обстановкой, которую съ такой любовью, съ такимъ строгимъ пониманіемъ изящнаго выбирала она, Лотта, вдвоемъ съ Гвидо. Выросшая въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ —чтобы не сказать: въ бѣдности,—Нини должна же была понимать ихъ хлопоты и щедрыя затраты, какъ прочный залогъ и наглядное пожеланіе любви и полнѣйшаго счастья.

Мартина отозвалась совершенно безучастнымъ тономъ:

— Для наемнаго помѣщенія, наша квартирка премиленькая. Шести комнатъ для недавно женатой парочки за-глаза довольно. Все равно, рано или поздно, а Гвидо выстроитъ себѣ собственный домъ. Сколько я его знаю, недолго насидитъ онъ въ четырехъ стѣнахъ, которыя построены не имъ самимъ,—прибавила она, чтобы поддразнить.

— А всѣмъ устройствомъ, обстановкой—вы довольны?

— Ну, конечно! Все очень мило...—тѣмъ же небрежнымъ тономъ отвѣтила она.

Завидя издали Сальватрису въ глубокомъ траурѣ, Мартина всмотрѣлась въ нее враждебнымъ взглядомъ, думая про себя:

— Такъ вотъ она, эта особа, которая суха, какъ палка, а богата, какъ... ну, какъ не знаю что! Ну, словомъ—возмутительно богата! На ней Шарлотта мечтала женить своего Гвидо! Еще бы! Тогда денежки ея не ушли бы отъ родныхъ... Понятно, г-жа Баумейстеръ мнѣ не проститъ, что я разрушила всѣ ея разсчеты, а племянница мнѣ позавидуетъ, что я отъ нея отбила такого мужа!

Шарлотта поспѣшила ихъ познакомить.

Молодая женщина низко поклонилась, какъ свѣтскія дамы раскланиваются на сценѣ. На артистическихъ празднествахъ и сборищахъ она не считала это нужнымъ, но здѣсь ей это показалось болѣе умѣстнымъ.

Сальватриса по-просту подала ей руку и, слегка улыбнувшись, сказала:

— Здравствуйте! — Въ то же время она перевела глаза на Гвидо, какъ бы показывая, что въ этомъ привѣтѣ она не отдѣляетъ его отъ жены.

Продолжительный свистъ заставилъ всѣхъ вздрогнуть и оглянуться, а виновникъ переполоха уже подходилъ къ самому дому и оказался не кто иной, какъ Робертъ Пербрандъ. Во времена дѣтства и ранней юности онъ имѣлъ привычку свистать, чтобы Гвидо заранѣе зналъ о его приближеніи.

— Еслибъ это не показалось совсѣмъ несообразнымъ, можно было бы сказать, что нашъ Робертъ—„изящный колоссъ", —замѣтила тетушка:—я отъ него безъ ума.

— Да! Онъ прекрасный человѣкъ!—подтвердила Мартина и на ея лицѣ впервые появилось оживленіе.

Позади Роберта шла его жена, — просто причесанная брюнетка, какъ-будто усталая, небрежная къ себѣ, она кое-какъ пригладилась и наскоро надѣла хорошенькое платье, которое ей было, однако, слишкомъ широко; оно принадлежало еще къ ея приданому, а съ тѣхъ поръ она успѣла похудѣть. Несмотря на это, Анна-Марія имѣла видъ аристократки.

— Бѣдный Робертъ!—съ искреннимъ сожалѣніемъ подумала Мартина, глядя на нее.

— А мы съ собою привезли и дядю,—заявилъ Робертъ.— Только онъ пошелъ переодѣться. Я ужъ совсѣмъ одѣтъ,—и онъ широкою рукой похлопалъ себя по могучей груди.—Не правда

ли, Шарлотта, твои гости могутъ считать себя приглашенными сюда на „garden-party“. А, Гвидо! Вотъ и твоя прелестная супруга! Опять у нея восхитительный нарядъ. Анна-Марія!—вотъ жена Гвидо. Прелестная фрау Нини, позвольте вамъ представить мою жену. Надѣюсь, вы будете друзьями.

Гвидо, польщенный любезностью друга, отвѣтилъ на нее довольною улыбкой; Мартина подала руку Аннѣ-Маріи: къ такой невзрачной особѣ можно было отнестись радушно. Немного снисходительнымъ тономъ она проговорила:

— Я думаю, мы сами не захотимъ помѣшать дружескимъ отношеніямъ нашихъ мужей.

— А я уже заранѣе васъ полюбила,—замѣтила Анна-Марія.—Робертъ мнѣ столько говорилъ про ваши веселые вечера, что я могу только выразить надежду быть въ нихъ участницей.

— Какъ поживаетъ бэби?—спросила Шарлотта.

— Бэби—божественное созданіе!—сіяя, отвѣчалъ молодой отецъ одновременно съ женою.

— За эту недѣлю въ немъ прибавилось 279 граммовъ вѣсу.

Тетю и Сальватрису молодая женщина попросту расцѣловала.

Звукъ гонга уже возвѣстилъ наступленіе обѣда и все общество двинулось обратно къ дому. Отставъ немного отъ другихъ, Гвидо шепнулъ женѣ:

— Ты все-таки могла бы сказать Шарлоттѣ ласковое слово: это имѣніе составляетъ ея гордость; это ея конекъ!

Мартина вдругъ остановилась и взглянула на мужа удивленными глазами.

— Ахъ ты, мой милый мальчуганъ! Какъ же ты этого сообразить не можешь. Я разъиграла бы деревенскую дурочку, еслибъ принялась зря восхищаться каждой бездѣлицей, точно никогда въ жизни ничего не видала. Во-первыхъ, кто на все ахаетъ въ богатомъ домѣ, значитъ, тотъ привыкъ жить въ нищетѣ; но этого, слава Богу, мнѣ не случилось испытать. А во-вторыхъ, я, кажется, тебѣ не разъ говорила, что внѣшняя роскошь мало меня прельщаетъ: для этого я человѣкъ слишкомъ независимый.

Эти слова попали прямо въ цѣль: какъ могъ онъ ожидать, чтобы его Нини расточала пошлыя похвалы? До глубины души она была натура независимая, вольная, незаурядная!... И въ восхищеніи онъ не утерпѣлъ,—поцѣловалъ ее, прибавивъ на придачу:

— Да. Твоя правда!

На веранду вышелъ встрѣчать гостей самъ хозяинъ дома и любезно повелъ къ столу тетю и Анну-Мію; Робертъ сѣлъ за столомъ рядомъ съ Мартиной, а сосѣдомъ Сальватрисы былъ Гвидо, и это было ей очень не по вкусу. Обѣдъ шелъ вообще довольно натянуто, разговоръ не вязался, какъ-будто никто изъ присутствующихъ не рѣшался или не умѣлъ навести его на собственную тему. Только Баумейстеръ нѣсколько оживлялъ общество тѣмъ, что давалъ направленіе бесѣдѣ, и, изъ уваженія къ нему, гости пробовали ее поддерживать,—но тоже не на долго; и разговоръ опять обрывался. Только Робертъ рѣшался что-нибудь шутливо шепнуть Мартинѣ или, прячась за ея спиной—женѣ.

Мартинѣ было скучно и она только удивлялась брату, что онъ держитъ себя, какъ будто выросъ въ этомъ обществѣ и не скучаетъ. Присутствіе Филиппа ей было не особенно пріятно и въ данной обстановкѣ она смотрѣла на него скорѣе какъ на свидѣтеля ея прежней жизни, нежели какъ на брата.

Жена Гвидо, прежде всего, хотѣла показать, что она умѣетъ себя держать не хуже свѣтскихъ дамъ. Она говорила мало, но у нея была наготовѣ внимательная улыбка для всякаго, кто къ ней обращался. Все, о чемъ при ней говорилось, было для нея совершенно безразлично. Она не знала, напримѣръ, гдѣ находится Манилла, и ей было все равно, будетъ ли тамъ преобладать нѣмецкая или англійская торговля. Она не понимала, что̀ интереснаго въ открытіи, что древне-норвежскія формы архитектуры сходны съ типами дворцовъ на Мадагаскарѣ. Какое дѣло ей и всѣмъ гостямъ до того, какъ и когда измѣнялись понятія о красотѣ и сочетаніи формъ и красокъ у разныхъ народовъ?...

Мартина положительно ожила съ той минуты, какъ встали изъ-за стола; подхвативъ подъ-руку Анну-Марію, она увела ее въ садъ и тамъ, весело болтая вмѣстѣ съ нею и съ Робертомъ, усѣлась за маленькій садовый столикъ. Скромная Анна-Мія была удивлена бойкостью и словоохотливостью своей новой знакомой, которая за столомъ была такъ молчалива и сдержанна. Кофе пили всѣ остальные на верандѣ, по обыкновенію—и старый слуга Керъ, которому пришлось подавать его на столикъ въ саду, имѣлъ положительно недовольный видъ.

Мартина говорила больше съ своимъ веселымъ собесѣдникомъ, чѣмъ съ его женою, считая, что съ нея довольно вниманія, если ее хоть изрѣдка подарить привѣтливымъ взглядомъ.

— Гдѣ вы пропадали все утро?—допрашивала она его, съ вызывающей бойкостью.

— Во-первыхъ, долженъ былъ присутствовать при взвѣшиваніи нашего Бобика,—началъ Робертъ,—вѣдь такъ, Анна-Мія? Потомъ ходилъ въ контору и, наконецъ, долженъ былъ дома проработать два часа...

Ему было пріятно сидѣть рядомъ съ своей милой женой и чувствовать на себѣ задорный взглядъ Мартины.

— Ужъ вы, гамбургцы, ужасный народъ!—шутила та.—И чего вамъ такъ много работать? Вамъ вѣдь, напримѣръ, этого не нужно. Если бы я была милліонеромъ, я пальцемъ бы не пошевельнула!

— Вотъ наивность! А? что̀ ты на это скажешь, Мія? Прекрасная фрау Нини, позвольте вамъ замѣтить, что я, во-первыхъ, еще далеко не милліонеръ и надѣюсь не быть имъ какъ можно дольше, потому что получу я эти милліоны лишь въ наслѣдство по смерти отца. И, наконецъ, будучи милліонеромъ, никто не пожелаетъ лишиться такого состоянія, а будетъ стараться его сохранить. Вообще говоря, къ чему намъ сама жизнь, если не для труда: для этого мы только и родимся на свѣтъ.

— Бѣдные люди!—воскликнула Мартина.

Роберту нравилась ея наивность, и онъ охотно бесѣдовалъ съ нею.

Постепенно разговоръ перешелъ на спортъ. Мартина всему хотѣла научиться.

Робертъ долженъ выучить ее грести и кататься верхомъ.

— Но Гвидо можетъ самъ васъ научить, — возразила Анна-Мія.

— Собственный мужъ всегда плохой учитель, а я такъ довѣряю вамъ, Робертъ! Вы воплощеніе силы умственной и физической,—заключила Мартина съ кокетливой улыбкой.

Мысль о невѣрности мужу ей въ голову не приходила; ни тѣни ея не было у нея въ душѣ; но просто она ужъ такъ привыкла въ отношеніяхъ своихъ къ мужчинамъ быть нѣсколько вольнѣе, чѣмъ это могло показаться приличнымъ. Если же тутъ были и другія женщины, ее тянуло непремѣнно ихъ затмить своею живостью и своимъ радушнымъ обращеньемъ. Это было у нея естественной потребностью, и ничего болѣе преступнаго, какъ желаніе развлечься, желаніе выдѣлиться, у нея никогда не бывало на душѣ.

Гости на верандѣ допили кофе и спустились въ садъ, чтобы пройти на берегъ Эльбы, гдѣ живописно ютилась небольшая деревушка.

Оживленіе и веселость Мартины какъ рукой сняло, и она опять сдѣлалась молчалива. Шарлотта, слышавшая отъ Гвидо, что у нихъ нелады съ кухаркой, которую пришлось прогнать, пожалѣла молодую хозяйку, которая, можетъ быть, и стряпать-то сама ничего не умѣла? Желая ей придти на помощь, она сама радушно завела объ этомъ разговоръ.

— Я слышала отъ Гвидо, что у васъ нѣтъ кухарки? Такъ не хотите ли взять сестру нашей Минны? Она тоже прекрасная дѣвушка и служила бы у насъ, если бы не затѣяла выйти замужъ. Но недолго пробыла она въ деревнѣ, свадьба ея разстроилась, и не мудрено: женихъ оказался пьяница и мотъ, которому нужны были только ея деньги...

— Гм! Сестра ея Минны (подумала Мартина)? Будетъ бѣгать да сплетничать про все, что у насъ дѣлается. Вѣрно сама привыкла съ прислугами судачить...

— Благодарю васъ,—проговорила она вслухъ.—Но я уже наняла прислугу, и перваго числа она должна къ намъ переѣхать; только я позабыла предупредить объ этомъ Гвидо. Понятно, я слишкомъ хорошо воспитана для того, чтобы самой торчать на кухнѣ, но мы живемъ такъ близко отъ главнаго ресторана, что намъ очень удобно ходить туда обѣдать и кормятъ тамъ недурно,—право!

Мартина была очень довольна своимъ отвѣтомъ, которымъ она надѣялась, что показала Шарлоттѣ, какъ умно люди умѣютъ устроить свою жизнь, хоть и носятъ скромную фамилію (въ дѣвичествѣ) Кальковскихъ. Тѣмъ временемъ Шарлотта была поражена открытіемъ, что Мартина, очевидно, ничего не смыслитъ въ хозяйствѣ и ежедневно обѣдаетъ съ мужемъ въ самомъ дорогомъ изъ гамбургскихъ ресторановъ.

„А какъ горячо говорилъ тогда Гвидо въ защиту хозяйственныхъ способностей своей жены“!..—припомнилось ей кстати.

Позади шли Робертъ и Гвидо; они громко смѣялись, весело болтая, и это дѣйствовало Мартинѣ на нервы.

„Вотъ бы съ ними поболтать да посмѣяться!“—думала она и не могла поддерживать разговора, который положительно не клеился.

Его прервала Анна-Марія; она бѣгомъ подбѣжала къ нимъ, съ часами въ рукахъ и казалась встревоженной.

— Тетя Шарлотта! Намъ пора. Насъ дома ждутъ—укладывать бэби: онъ долженъ ложиться въ семь часовъ.

— Тогда вернемся всѣ,—радушно и участливо предложила хозяйка дома.

— Ахъ, Боже мой! На то у васъ есть нянька-англичанка и, кажется, прекрасная женщина. Она все знаетъ лучше васъ,— возразила Мартина.

— Конечно,—согласилась жалобно Анна-Марія.—Но все-таки мнѣ надо быть при этомъ, чтобы все видѣть и всему научиться.

Робертъ тоже, видимо, былъ встревоженъ и объявилъ рѣшительно:

— Нѣтъ, намъ некогда возвращаться съ вами на виллу. Мы лучше прямо домой.

Мартина отвѣтила радушно на рукопожатіе Роберта и сочувственнымъ глубокимъ взглядомъ высказала ему, что ей жаль его, думая про себя:

„Эта женщина способна сдѣлать изъ бѣднаго Роберта совсѣмъ мелочного человѣка. Ну, можно ли до такой степени возиться съ какимъ-то кускомъ мяса? Хоть бы ради меня онъ долженъ былъ остаться. Пусть бы жена отправлялась себѣ одна въ Гамбургъ, если ужъ ей такъ необходимо обратиться въ няньку“.

Тяжело въ общей неловкости проходилъ вечеръ.

Шарлотта и Сальватриса съ сожалѣніемъ вспоминали, какъ отрадно и безпечно провели онѣ все утро на этой же верандѣ; Шарлотѣ было тяжело, кромѣ того, воспоминаніе о тѣхъ чудныхъ праздничныхъ дняхъ, которые она здѣсь проводила вмѣстѣ съ Гвидо, когда онъ пріѣзжалъ къ ней въ отпускъ, послѣ своей трудовой недѣли. Какъ все было тогда иначе! Какъ онъ все оживлялъ своей юношеской живостью, весельемъ!

Только тетя Вишэ говорила безъ умолку, неустанно мелькая иглою, застилая какія-то широкія полосы, которыя она зашивала желтымъ шолкомъ.

— О, эта длинная и преинтересная исторія! — говорила она.—Консулъ Б* человѣкъ холостой, настоящій Донъ-Жуанъ! Не одно супружеское счастье разбито его руками... а теперь онъ стоитъ въ близкихъ отношеніяхъ къ докторшѣ З*. На биржѣ объ этомъ говорятъ открыто.

— А развѣ въ такомъ солидномъ городѣ, какъ Гамбургъ, можетъ подобная исторія случиться?—освѣдомилась оживившаяся Мартина.

— И какъ еще?!

Тетя Вишэ съ неменьшимъ удовольствіемъ занялась пересказомъ самыхъ скандальныхъ сплетенъ за истекшій десятокъ лѣтъ.

Вечеромъ, возвращаясь въ Гамбургъ вмѣстѣ съ тетей Вишэ, Мартина чувствовала себя какъ бы надломленной отъ долгаго стѣсненія, въ которомъ ей пришлось провести весь вечеръ. И только у себя дома, въ своей богато-убранной квартирѣ, она вздохнула свободно.

XIII.

Въ большой залѣ, изъ оконъ которой былъ видъ на Альстеръ, горѣлъ только одинъ газовый рожокъ подъ молочно-бѣлымъ колпакомъ, и вся комната съ ея роскошной обстановкой была облита пріятнымъ полусвѣтомъ. Не успѣла Мартина переступить порогъ этой комнаты, какъ шляпа ея полетѣла на первое попавшееся кресло, а она сама повисла на шею у Гвидо...

Наконецъ, онъ, смѣясь, высвободился отъ нея.

— Да полно! Что̀ съ тобой?

— Какъ это что̀? Я до безумія влюблена въ тебя и рада, и безгранично счастлива, что мы, наконецъ, одни... что намъ удалось вырваться отъ этихъ мумій.

Гвидо высвободился изъ ея объятій и, тихонько усаживая ее рядомъ съ собою на старинный рѣзной диванъ, мягко, но настоятельно проговорилъ:

— Пойдемъ-ка, потолкуемъ обо всемъ хорошенько!

Мартина послушно сѣла, но откинула голову на спинку дивана и съ лукавой веселостью посмотрѣла искоса на мужа.

— Ну, ну! „Вынимай шило изъ мѣшка“, какъ говоритъ Робертъ. Напрасно думаешь, что тебѣ удастся меня убѣдить, будто твоя Шарлотта и эта Сальватриса милыя женщины!

— Про нее я ничего не могу сказать; а Шарлотту я люблю и не позволю ее обижать, хотя бы на словахъ,—твердо сказалъ Гвидо.

Мартина залилась громкимъ хохотомъ.

— Поступокъ съ твоей стороны смѣлый и весьма похвальный! Ты вѣдь и долженъ питать къ ней любовь и уваженіе... сколько твоей душѣ угодно! Но не можешь же ты мнѣ глаза замазать? Знаешь ли, вѣдь твоя Шарлотта, на старости лѣтъ, влюблена въ тебя, и той „tendresse“, которую она къ тебѣ питаетъ, очень и очень изрядно накопилось.

Гвидо вспыхнулъ, какъ зарево.

— Нини!.. Ну, какъ ты можешь говорить такъ грубо?

— Грубо?!—и Нини вскочила, встала передъ нимъ и при-

пялась горячиться, сопровождая свои слова такими же горячими движеніями.—Нѣтъ, это вѣрно! Теперь мнѣ ясно, что она ревнуетъ. Ты понимаешь, чего они отъ тебя добивались? Ты мнѣ признался какъ-то, что г-жѣ Баумейстеръ хотѣлось поженить тебя на Сальватрисѣ.

— Нѣтъ! слова „поженить“ я не говорилъ! — запальчиво вырвалось у Гвидо.

— Но онѣ этого только и хотѣли. Ахъ она, сухопарая голландская селедка! Ужъ и кривляется она! Замѣтилъ ты? Замѣтилъ, какъ она хлопаетъ глазами? Если ей ужъ такъ нуженъ мужъ—пусть ее, на здоровье, беретъ себѣ Филиппа. Недаромъ его пригласили, будутъ теперь допрашивать про насъ.

— Нини! Не понимаю, откуда ты берешь такія мысли? Ты такого дурного мнѣнія о людяхъ...—грустно произнесъ ея мужъ.

— Нѣтъ, просто я ихъ лучше знаю, вотъ и все! Ты у меня идеалистъ. Но пусть они не воображаютъ, что могутъ противъ меня настроить моего милаго, моего неоцѣненнаго баловня-мальчугана! Онъ мой... мой, мой!..—Она вскочила къ мужу на колѣни и, обнимая его обѣими руками, впилась губами въ его губы.

Ея горячая, ненасытная страсть вспыхивала съ неизмѣнной силой и каждый разъ будила въ немъ новый пылъ.

— Моя Нини!—сказалъ онъ нѣжно:—ты меня такъ горячо любишь; отчего-жъ ты не хочешь попробовать сойтись съ моими друзьями?

— Ахъ, Боже мой! Я, кажется, шла замужъ за „тебя“, а не за нихъ!—проговорила Нини съ наивной увѣренностью, что она права.

— Ну, да; но можно же быть повнимательнѣе къ тѣмъ, кто стоитъ близко къ твоему мужу?

— Развѣ я не дружна съ твоимъ Робертомъ? Жена его слишкомъ безцвѣтна для того, чтобъ она мнѣ была подругой; но все-таки я къ ней была мила.

— За это я тебѣ, конечно, благодаренъ. Если бы ты еще и къ Баумейстерамъ... — Мартина опять вскочила; глаза ея сверкали.

— О, я отъ души хотѣла бы и съ остальными дамами быть одинаково любезной! Но онѣ такъ со мною обращались... такъ обращались! Самъ Баумейстеръ былъ со мною вѣжливъ; про него я ничего не могу сказать. И вообще, съ мужчинами легче ладить... а эти дамы!.. Можешь себѣ представить, твоя Шарлотта суется въ мои хозяйственныя дѣла, а милая тетушка да

и всѣ онѣ вообще дали мнѣ понять, что имъ не по вкусу мой нарядъ. Какъ будто я на ихъ счетъ одѣваюсь! Чѣмъ же я виновата, если у нихъ меньше вкуса, чѣмъ у меня?

— Ничѣмъ, конечно!—согласился Гвидо.—Я даже ни на минуту не могу усомниться въ неловкостяхъ тети Вишэ; но чтобъ Шарлотта позволила себѣ безтактность по отношенію къ тебѣ, этого я не могу допустить...

— А, значитъ, ты думаешь я лгу... я лгу?—вскричала Мартина, вся дрожа отъ внутренняго волненія.—Благодарю покорно за такую милую оцѣнку! Говорю тебѣ прямо: все обхожденіе твоей Шарлотты со мною было для меня сплошнымъ оскорбленіемъ! Если она пыталась быть любезною,—и то у нея выходило какъ-то небрежно, свысока. Точно я какая-нибудь... простая! Ни слова, ни слова безъ нотацій, безъ обиды или осужденія! Мнѣ всѣ и всячески старались показать, что дочь актрисы имъ не ровня. Я не позволю такъ съ собою обращаться! Я вѣдь не кто-нибудь; я дочь выдающихся артистовъ, и мнѣ обязаны оказывать даже уваженіе, не то что вѣжливость простую!

Она разрыдалась и бросилась въ кресло.

„Конечно, она говоритъ искренно и горячо. Значитъ, у нея *есть* причины чувствовать себя оскорбленной...“—пронеслось въ умѣ у ея мужа.

Прежде Гвидо не задумался бы присягнуть, что Шарлотта не могла быть нелюбезной; но теперь?.. Теперь ему казалось, что онъ научился лучше понимать женщинъ.

Вдругъ Мартина подняла голову и, переставъ рыдать, слезливо продолжала:

— И не разъ онѣ принимались говорить между собою по-голландски; а такую невѣжливость можно себѣ позволить единственно, когда желаешь сказать о присутствующемъ что-либо дурное. И такъ онѣ поглядывали на меня!..

Но Гвидо ничего не слышалъ; онъ весь ушелъ въ свои глубокія скорбныя думы и сомнѣнія.

„Женщина всегда будетъ женщиной, — разсуждалъ онъ:— ревность такая вещь, которая у женщины способна примѣшаться къ каждому пустяку. Весьма возможно, что ревность и Шарлотту довела до такой мелочности, какъ невольная неделикатность. Со стороны Нини тоже могла явиться ревность, при мысли, что мнѣ прочили въ супруги эту замѣчательно красивую голландку-милліонершу.

Тутъ мысли Гвидо приняли нѣсколько иное направленіе.

Какъ живое, встало передъ нимъ изящное, немного грустное,

но тонкое, какъ изящная картинка, личико молодой дѣвушки, обрамленное густыми волнами бѣлокурыхъ волосъ, и онъ невольно подумалъ, что на такое лицо отрадно посмотрѣть,—такимъ спокойствіемъ и чистотой душевной проникнута въ немъ каждая черта...

Между тѣмъ, Мартина ожидала, что мужъ къ ней подойдетъ и постарается ее утѣшить. Она весь день чувствовала себя такъ непріятно, въ такомъ напряженіи; она привыкла съ дѣтства, чтобы къ ней относились ласково, почти съ благоговѣніемъ къ ея оригинальной внѣшности. Понятно, что гордость ея пострадала, какъ-только на нее посмотрѣли иначе, какъ на кумиръ или хоть какъ на существо безмѣрно выше окружающихъ...

Но Гвидо не думалъ ее утѣшать, и ей пришлось первой напомнить ему объ этомъ. Она приподнялась и жалобно проговорила:

— Наконецъ, и ты... ты самъ долженъ бы за меня заступиться и показать имъ, какъ ты меня любишь... хотя бы только для того, чтобы ихъ хорошенечко разозлить.

Гвидо оторвался отъ своихъ думъ.

— Нѣтъ,—произнесъ онъ угрюмо:—если тебя оскорбили, мой прямой долгъ сказать Шарлоттѣ, что я не позволю *никому* тебя обидѣть!

Мартина вскочила, сѣла къ нему на колѣни и принялась нѣжно лепетать.

— Совсѣмъ погибло наше воскресенье! Мы его провели бы въ тысячу разъ лучше, если бы пораньше отобѣдали у Пфордта и прокатились въ зоологическій садъ, а вечеромъ побывали въ театрѣ и поужинали бы гдѣ-нибудь поинтереснѣе. Могли бы также пригласить твоихъ товарищей, Тейшера и Грефенхайна. Они хоть не Богъ вѣсть, какого важнаго происхожденія, а люди ничего себѣ...

— Еще бы! Ухаживаютъ за тобой!—пошутилъ Гвидо.

— А я-то именно сегодня хотѣла провести день какъ можно лучше! — продолжала Нини.—Я бы хотѣла, чтобъ мой грозный тиранъ и повелитель былъ благосклоннѣе всего настроенъ... Мнѣ это очень, очень важно... Мнѣ надо принести ему повинную...

— Ну, живо, живо! Я безъ того вѣдь у тебя въ долгу за пролитыя слезы и тотчасъ же погашу свою вину, заранѣе отпуская тебѣ грѣхи твои.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Не надо...

— Полно, скажи скорѣе—и конецъ!—лаская, уговаривалъ онъ ее.

— Нѣтъ, ты представь себѣ, сокровище мое! У меня накопилась цѣлая куча счетовъ, ну, и по нимъ надо же платить когда-нибудь...

— Счетовъ? Но какихъ же? Я тебѣ, кажется, всегда давалъ довольно денегъ!

— О, эти счеты—не здѣшніе... это—за мои платья. Твоя Ниниша знала, что тебѣ пріятно видѣть ее хорошо одѣтой... Ну... и я, пожалуй, нашила себѣ ихъ слишкомъ много. Я должна уплатить все къ первому іюня: такъ мы условились.

Гвидо оттолкнулъ отъ себя жену. Ему стало страшно; онъ боялся за свою горячность. Онъ чувствовалъ неудержимый приливъ гнѣва и... отчасти даже отвращенія.

— Но я же заплатилъ за твое приданое за нѣсколько дней до свадьбы.—Смиренная, она стояла молча передъ нимъ.

— То было—за бѣлье и... за все другое.

— Ну, сколько же всего?—спросилъ онъ рѣзко.

— Восемь тысячъ пятьсотъ марокъ,—былъ тихій отвѣтъ.

— Неслыханное дѣло!—вскричалъ онъ и принялся большими шагами ходить по комнатѣ, не удостоивая жену ни однимъ взглядомъ.

— Никогда бы я не подумала, что ты можешь быть такимъ мелочнымъ!—вдругъ воскликнула она:—что *ты* сдѣлаешь мнѣ сцену изъ-за денегъ. Когда я тебѣ разсказала, какъ оскорбительно поступали съ твоей женой, ты меньше горячился, чѣмъ теперь. Неужели для тебя, какъ для большинства мужчинъ, гроши дороже чести?

Гвидо остановился и пристально посмотрѣлъ на Мартину. Съ нимъ нерѣдко случалось, что слова жены ставили его втупикъ. У нея была такая своеобразная манера представить все въ своемъ особомъ свѣтѣ и притомъ такъ ловко, что онъ ничего не въ состояніи былъ возразить.

Однако, тайный голосъ нашептывалъ ему, что есть какая-то неловкость въ ея разсужденіяхъ,—что въ нихъ не хватаетъ какой-то неуловимой логической связи.

— Я, кажется, никогда еще не подавалъ тебѣ повода къ подобнымъ упрекамъ,—замѣтилъ онъ, принуждая себя говорить спокойно.

Мигомъ Мартина очутилась подлѣ него и обвила его обѣими руками.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты благороднѣйшій, ты милѣйшій изъ лю-

дей! Докажи это еще разъ сегодня и прости меня... Прости! Я даже сама не понимаю, откуда накопилась такая куча денегъ? Вѣрно такъ, понемножку, наростала себѣ, наростала незамѣтно... Я даже испугалась, когда получила эти счеты... Только прости меня... прости!

Какой мужчина устоитъ противъ сердечной мольбы о прощеніи изъ устъ любимаго существа? Гвидо обвилъ рукою станъ жены и повелъ ее къ кушеткѣ.

— Пойдемъ-ка, сядемъ рядомъ и поговоримъ. Можетъ быть, оно и къ лучшему, что у насъ дѣло дошло до объясненій. Понятно, я тебѣ прощаю, тѣмъ болѣе, что знаю, какъ трудно человѣку, не имѣвшему дѣла съ большими деньгами, умѣть съ ними обращаться, когда онѣ окажутся въ его распоряженіи.

Въ глазахъ Мартины сверкнулъ недобрый огонёкъ; этотъ намекъ показался ей обиднымъ.

„Вѣрно, г-жа Баумейстеръ такъ говоритъ",—подумала она.

— Вотъ видишь ли, Нини,—я человѣкъ, еще начинающій свою карьеру. Мой капиталъ долженъ мнѣ служить не для жизни, а для того, чтобы я могъ работать дальше и впередъ себя обезпечить. Сверхъ того, онъ принадлежитъ мнѣ лишь на это время, а потомъ я долженъ его возвратить. Чтобъ совѣсть у насъ была спокойна, въ первый годъ нашего супружества мы должны бы тратить на себя лишь то, что̀ мнѣ принесетъ постройка гостинницы. Мы можемъ себѣ позволить немного побольше, когда моя вилла будетъ отстроена и продана съ большимъ барышомъ. Знаешь ли, что ты у меня каждый мѣсяцъ берешь до тысячи марокъ? Да сверхъ того, мы часто не обѣдаемъ дома.

— Но я вѣдь не бросала этихъ денегъ зря на хозяйство,—возразила она, подавляя въ себѣ порывъ обидчивости, и сочла за лучшее—дать волю слезамъ.—Оглянись вокругъ: всѣ эти прелести, всѣ бездѣлушки, которыя такъ украшаютъ твои комнаты,—я каждую сама вѣдь выбирала, сама тебѣ старалась угодить.

— И я не возражалъ, зная, что это тебя забавляетъ... Но теперь... Теперь мое сокровище, моя Нини будетъ болѣе сдержанна и экономна?—просительнымъ тономъ, полнымъ безконечной ласки, говорилъ онъ, и ему было жаль ее, неопытную и наивную малютку.

— Ну, да, конечно! Только скажи мнѣ, милый, что ты дѣйствительно на меня не сердитъ... что тебѣ нравится нашъ уютный уголокъ. Я вѣдь съ такой любовью его украшала!

Слезы ея текли неудержимо. Она казалась неутѣшна.

Гвидо стало стыдно самого себя; ему казалось, что онъ по-

ступилъ съ нею черезчуръ холодно и грубо, на ея теплое, заботливое чувство отозвавшись незаслуженнымъ укоромъ.

Мартина вообще не обладала ровностью характера; настроеніе ея мѣнялось то-и-дѣло. Ее ужъ начинала грызть обида за высказанное мужемъ мнѣніе, что она была беднѣе до замужества, и глухая тревога, что впредь ей не придется такъ наряжаться...

Но Гвидо понялъ иначе ея печаль и приписалъ ея слезы раскаянію и сожалѣнію, что она его невольно огорчила...

Онъ былъ готовъ за это золотомъ усыпать дорогу, по которой она ступала...

— Ну, полно же, утѣшься, сокровище мое, Нини!—проговорилъ онъ съ безграничной лаской.—Слезы твои мнѣ душу надрываютъ. Намъ нужно только временно постѣсниться: скоро, скоро я такъ разбогатѣю, что ни въ чемъ и никогда не будетъ для тебя отказа! Ну, полно! Придвинься-ка поближе... поцѣлуй меня!

XIV.

У Баумейстеровъ въ домѣ первое знакомство съ Мартиной не имѣло такихъ бурныхъ послѣдствій, какъ у нея—съ мужемъ. Шарлотта обмѣнялась съ племянницей впечатлѣніями, но онѣ ограничились короткой похвалою скромности и умѣнью Мартины держать себя за столомъ и дѣйствительно привлекательной улыбкѣ. Филиппу она также ласково выразила пожеланіе, чтобы сестра его чувствовала себя въ ихъ кругу, какъ своя, на что молодой художникъ почтительно прикоснулся губами къ ручкѣ Шарлотты и поблагодарилъ за честь...

Только и всего.

Но зато ночью долго не могла сомкнуть глазъ бѣдная женщина, ворочаясь въ постели и только и думая, что о Мартинѣ и о ея странностяхъ. Стараясь объяснить себѣ въ ней ту или другую мелочь, Шарлотта пыталась примирить нѣкоторыя шероховатости въ обращеніи жены Гвидо съ условіями, въ которыхъ она теперь очутилась, и всѣ усилія употребляла, чтобы ее оправдать...

А на слѣдующее утро къ нимъ уже вернулось то свѣтлое настроеніе, которое было прервано посѣщеніемъ *молодыхъ*.

Планы Филиппа понемногу приводились въ исполненіе. Портретъ покойнаго те-Гемпта подвигался, а глядя на работу Филиппа, и Сальватриса пожелала заниматься живописью. Худож-

нику эти уроки доставляли наслажденіе: онъ такъ привыкъ имѣть дѣло съ бездарностями, что такая ученица, у которой было большое усердіе и хоть небольшой талантъ, была ему положительной отрадой. Чтобы ей не наскучили сухія упражненія въ рисованіи, Филиппъ предложилъ начать съ живописи по фарфору, и это оказалось удобнымъ предлогомъ для веселой поѣздки въ Гамбургъ для пріобрѣтенія необходимаго матеріала. Сальватриса вручила Филиппу такую сумму и выбрала себѣ такое множество тончайшихъ чашечекъ, тарелокъ, вазъ и жардиньерокъ, что Филиппъ слегка поддразнилъ ее:

— Живите вы еще хоть девяносто лѣтъ, — вы все же не успѣете ихъ всѣ разрисовать!

Съ той поры весь домъ наполнился запахомъ гвоздичнаго масла, который достигалъ до веранды, но и въ столовой не давалъ никому пощады.

Баумейстеръ отнесся благосклонно къ этой затѣѣ племянницы.

— Это ужъ твоя заслуга, если она нашла себѣ въ жизни хоть какое-нибудь занятіе,—сказалъ онъ какъ-то вечеромъ женѣ и тутъ же прибавилъ:—У *тебя* легкая рука.

Шарлоттѣ показалось, что онъ особенно оттѣнилъ слово *тебя* и она вздохнула.

Миля, вѣрная слуга Сальватрисы, напротивъ, была такими нововведеніями крайне недовольна. Находясь съ юныхъ лѣтъ въ семействѣ те-Гемптовъ, она была наблюдательна и выводила свои собственныя заключенія изъ всего, что̀ видѣла и слышала въ кругу настоящихъ господъ. Такъ, напримѣръ, для нея признакомъ благороднаго происхожденія было богатство; но зато ей казалось, что всякій льнетъ къ деньгамъ, и она была убѣждена, что весь домъ кишитъ мошенниками и негодяями. Присутствуя при разговорахъ покойнаго те-Гемпта съ женой и съ дочерью, она слышала разсужденія о политическихъ и общественныхъ безпорядкахъ и рѣшила, что для благополучія всѣхъ и каждаго необходимо, чтобы разъ установленный порядокъ никогда не измѣнялся.

„Богатая дѣвушка, сирота съ хорошимъ приданымъ—предметъ самыхъ разнообразныхъ спекуляцій; это не подлежитъ никакому сомнѣнію",—думала она, давая себѣ клятву охранять Сальватрису: мать и отецъ умерли у нея на рукахъ, и Милѣ, такъ сказать, самимъ Богомъ завѣщана была обязанность хранителя сироты; въ то же время, она была твердо убѣждена, что ея молодая госпожа осуждена на смерть и что доктора только изъ

жалости говорятъ о ея мнимомъ выздоровленіи. Здѣсь же, въ домѣ Баумейстеровъ, Миля естественно заподозрила желаніе вѣрнѣе погубить и безъ того уже слабую дѣвушку, вовлекая ее въ чрезмѣрно-дѣятельную жизнь.

Филиппъ былъ ей положительно противенъ, благодаря двоякой причинѣ: онъ былъ братъ той женщины, про которую вся дворня говорила, будто никто изъ господъ недоволенъ, что она вошла въ семью; а сверхъ того, онъ былъ человѣкъ бѣдный— слѣдовательно, не прочь поймать себѣ такую богатую невѣсту, какъ ея Сальватриса, тѣмъ болѣе, что всѣ его считали прекраснымъ человѣкомъ и онъ умѣлъ нравиться, какъ никто. Каждый день встревоженная Миля собиралась предостеречь свою молодую госпожу отъ корыстныхъ исканій ея учителя; но день шелъ за днемъ, а ей это не удавалось; да кстати—и духу не хватало.

Какъ-то разъ, въ воскресенье, уже въ іюнѣ, Шарлотта опять ожидала къ себѣ молодыхъ. Для нея было ясно, что Мартина знакомилась съ нею неохотно; къ тому же, два воскресенья подъ рядъ, Гвидо отговорился тѣмъ, что они уже кому-то *дали слово.* Шарлотта сама заѣзжала къ нимъ, когда была въ Гамбургѣ, но получила въ отвѣтъ, что господъ дома нѣтъ: баринъ на постройкѣ, барыня ушла за покупками.

Одно нѣсколько успокоивало Шарлотту: ея мужа не будетъ дома цѣлый день,—значитъ, гости не будутъ себя чувствовать такъ стѣсненными, какъ было прошлый разъ. Вдобавокъ, сегодня Филиппъ долженъ былъ представить на судъ Сальватрисѣ уже вполнѣ законченный портретъ ея отца, въ естественную величину. Въ то время, какъ Миля застегивала ей на спинѣ ея траурное платье, молодая дѣвушка сказала:

— Намъ предстоитъ обѣимъ большая радость, Миля: мы можемъ теперь видѣть всегда моего милаго папà, какимъ онъ былъ при жизни...

— Богъ знаетъ, хорошо ли еще вышло?—проворчала та.

— Всѣ говорятъ, что очень хорошо. Не знаю, кáкъ и благодарить Кальковскаго...

— Гм! Придетъ время, онъ самъ потребуетъ отъ васъ побольше благодарности, чѣмъ вы согласитесь ему оказать, — Миля хотѣла еще разокъ провести по платью щеткой; но Сальватриса отвела ее руку въ сторону:

— Постой! Объясни сначала, чтò ты хочешь сказать?

— Ну... Вашъ Кальковскій—человѣкъ бѣдный, а бѣднякъ никакой не прочь подцѣпить себѣ богатую невѣсту. Только по-

моему, вы слишкомъ для него хороши; пусть его на здоровье надуваетъ, кого ему угодно.

Сальватриса вспыхнула.

— Разъ навсегда я тебѣ запрещаю говорить такія вещи! По всему видно, что папа съ мамой слишкомъ тебя избаловали. Ты начинаешь забываться... Значитъ, ты думаешь, что во мнѣ самой нѣтъ ровно ничего хорошаго, кромѣ денегъ?—горько воскликнула она.—Ты, значитъ, хочешь отравить мнѣ мысль, что я могу кого-нибудь любить и выйти замужъ? Миля, ты меня мучаешь сомнѣньемъ! Неужели и безъ того я недостаточно грущу и чувствую себя одинокой?

Рыдая, она упала въ кресло, а Миля, смущенная до слезъ, растроганная Миля—стояла передъ ней и лепетала:

— Да я вѣдь ничего... Я такъ... чтобы предупредить...

— Подумала ли ты, въ какомъ ужасномъ дѣлѣ ты обвиняешь человѣка порядочнаго, честнаго, трудящагося?

— Съ вашего позволенія, г. Кальковскій въ васъ влюбленъ,—это сейчасъ видно! Обидѣть никого я не хотѣла; но только... развѣ онъ откажется взять на придачу деньги?

— Мама, тоже вѣдь была богаче папа,—горячо вырвалось у Сальватрисы; но она тотчасъ спохватилась, что, кажется, была намѣрена вступить въ разсужденія съ прислугой.—Довольно! Замолчи!—приказала она и сошла внизъ, встревоженная поднятымъ вопросомъ.

Выросши въ томительной, безлюдной обстановкѣ замкнутаго дома, гдѣ отецъ ея много лѣтъ боролся съ неизбѣжной смертью, Сальватриса не имѣла случая видѣть какихъ-бы то ни было молодыхъ людей. Судить о степени вниманія, которое ей оказывалъ Филиппъ, она, понятно, не могла и даже прямо не допускала мысли, чтобы онъ былъ влюбленъ. Припоминая его обращеніе,—все до мелочей!—она нашла, что онъ такъ же почтительно и сдержанно, но привѣтливо относился и къ Шарлоттѣ; въ его манерахъ не было ни тѣни смущенія или самоувѣренности...—Нѣтъ, положительно, Миля ошиблась!

Внизу, въ гостиной, всѣ уже были въ сборѣ. У окна, сбоку, стоялъ на станкѣ портретъ, еще покрытый. Шарлотта разсказывала гостямъ, какъ искусно молодой художникъ задѣлалъ трещину въ портретѣ прабабушки...

При видѣ Филиппа, о которомъ она только-что думала и говорила, Сальватриса покраснѣла и это ни отъ кого не укрылось, а Гвидо стало досадно...

„Какъ будто мнѣ не все равно, на кого глядя она по-

краснѣетъ"! упрекнулъ онъ себя. Художника тоже смутилъ румянецъ Сальватрисы, о которой онъ ни разу даже не помыслилъ, какъ о сокровищѣ недостижимомъ, но все-таки желанномъ... Теперь не время думать!

И онъ отдернулъ занавѣсъ, скрывавшій портретъ покойнаго те-Гемпта...

Гости молчали, изъ уваженія къ волненію дочери. Затѣмъ, вдругъ всѣ заговорили.

— Д-да! Поразительно похожъ!—объявили старики Пербрандъ, которые хорошо знали покойнаго.

Шарлотта поддержала ихъ мнѣніе; тетя Вишэ увѣряла:

— Какъ живой! Вотъ-вотъ заговоритъ!

— Очень похожъ,—тихо сказала, наконецъ, сама Сальватриса.—Благодарю васъ всей душой!—и протянула художнику руку, которую тотъ почтительно поцѣловалъ.

Всѣ были въ умиленіи.

— Мой братъ—геніальный человѣкъ!—объявила Мартина, довольная (на этотъ разъ), что она тутъ случилась.

Филиппъ не очень ласково посмотрѣлъ на нее.

О художественной сторонѣ его работы никто не поднималъ вопроса; онъ самъ предпочелъ бы полное молчаніе, зная, что самостоятельнаго, крупнаго дарованія у него нѣтъ. Но тетя Вишэ уже восклицала:

— Конечно, на выставку?.. Что? Не смѣютъ, говорю я вамъ: не смѣютъ не принять зятя Баумейстера. Этого быть не можетъ.

Гвидо разсмѣялся.

— Конечно, смѣло выставляй! совѣтъ экспертовъ ничего въ живописи не смыслитъ...

— Позвольте!—оскорбился за нихъ старикъ Пербрандъ...

Но Филиппъ вступился за судьбу своей картины.

— Мнѣ кажется, рѣшеніе этого вопроса надо предоставить фрейлейнъ те-Гемптъ. Можно и выставить, если она пожелаетъ.

Сальватриса посмотрѣла на него своимъ говорящимъ взглядомъ, въ которомъ пытливость отражалась вмѣстѣ съ тонкимъ пониманіемъ.

— Портретъ написанъ не для публики, а для меня,—сказала она.

Всѣ перешли въ столовую, и обѣдъ прошелъ весело, непринужденно.

Замѣтивъ, что Мартина черезъ столъ перебрасывается шу-

точками съ Робертомъ, Гвидо не могъ удержаться отъ чувства досады на ея безтактность. А старикъ Пербрандъ тѣмъ временемъ шепталъ Шарлоттѣ, поглядывая не особенно ласково въ сторону „молодой“:

— И чего ему вздумалось сунуть въ нашъ огородъ такое заморское растеніе? У меня вкусъ гораздо основательнѣе и скромнѣе. Да и живутъ они, словно закусивъ удила. Ужъ и на биржѣ ходятъ слухи о ея нарядахъ. Развѣ вашъ Гвидо можетъ столько тратить?

— Ну, сами знаете, Пербрандъ, къ чужимъ у насъ относятся не слишкомъ добродушно,—замѣтила Шарлотта успокоительно.

А свекровь Пербрандъ допекала свою невѣстку.

— Ты плохо смотришь за своимъ Бобикомъ: опять онъ схватилъ насморкъ, и въ вѣсѣ нисколько не прибавился,—за цѣлую недѣлю! Нѣтъ, наша Фиккэ бережетъ малютку: она не выпускаетъ его зря, во всякую погоду. Наша Фиккэ всегда его одѣнетъ потеплѣе, закутаетъ такъ, что одинъ только носикъ виденъ...

— Немудрено, если онъ самъ-то съ коготокъ!—съострилъ толстякъ Пербрандъ и зычно засмѣялся своей шуткѣ.—А Бобикъ Анны-Міи—вотъ настоящій внукъ Пербрандовъ, здоровый, крупный богатырь-мальчишка! Сынишка нашей Фиккэ такой же точно внукъ тебѣ и мнѣ, какъ тотъ; а все-таки скажу: до Бобби далеко! — И его гордая, счастливая улыбка утѣшила бѣдную Анну-Мію.

„Вотъ такъ свекровь!—подумала Мартина. — Да я бы отъ такой давно сбѣжала“.

Гвидо не отходилъ отъ жены и Роберта ни на шагъ, а старшіе усѣлись играть въ вистъ.

Шарлотта съ Анной-Міей пошла подъ иву, плакучія вѣтви которой лежали на проволочномъ гнутомъ сводѣ и замѣняли большой зеленый зонтикъ.

— Ты, кажется, разстроена, Марія? Полно тебѣ тревожиться о своемъ бэби; не можетъ же онъ прибавляться въ вѣсѣ каждую недѣлю. И знаешь что̀? Брось ты его вѣсить и суди по виду.

— Я, тетя, не о томъ... Не нравится мнѣ, что Робертъ меня бросаетъ, какъ только гдѣ завидитъ жену Гвидо...

— Не можетъ быть, чтобъ ты начала ревновать такого мужа, такого нѣжнаго отца, какъ твой Бобъ „старшій“! И

наши молодые ясно показываютъ всѣмъ, до чего они влюблены другъ въ друга.

— Вотъ именно,—слишкомъ ужъ они это выставляютъ на показъ. А кромѣ того, у Мартины непремѣнно является стремленіе видѣть вокругъ себя мужчинъ, которые ухаживали бы за нею. Кромѣ Роберта, у нихъ есть завсегдатаи,—товарищи Гвидо, Грефенгайнъ и Тайшеръ,—помнишь, сынъ разбогатѣвшаго мясника? Оба люди „второго разбора",—какъ говоритъ мой Робертъ. У насъ они, понятно, не приняты, но тамъ они бываютъ почти постоянно... Ну, и пусть бы ими тѣшилась Мартина; только не моимъ Робертомъ!

— Милая моя! Она вѣдь выросла въ такомъ кругу, гдѣ принято, чтобъ дама собирала вокругъ себя мужчинъ, а мужчины любятъ съ женщинами не стѣсняться въ шуткахъ... Я думаю, подъ этимъ не кроется ничего серьезнаго...

— Да и я тò же думаю; только не долженъ бы мужъ показывать такъ явно, что жена ему надоѣла, а Мартинѣ,—что она въ восторгѣ отъ чужого мужа. Вчера я слышала, вдобавокъ, что она одна ѣздила ужинать съ шестерыми мужчинами и будто бы была чрезвычайно весела.

— Это просто дурныя замашки ея круга; мало-по-малу, она отъ нихъ отстанетъ въ нашемъ обществѣ,—стараясь говорить убѣжденно, замѣтила Шарлотта и вмѣстѣ съ Міей подошла къ столу, за которымъ оживленно болтала Мартина.

Замѣтивъ, кто подходитъ, она сдѣлалась односложна и выраженіемъ простой вѣжливости прикрыла свою задорную улыбку.

— Какъ это мило, что вы къ намъ пришли,—обратилась она къ Шарлоттѣ:—отличная выйдетъ теперь у насъ бесѣда!

Но отличная бесѣда совсѣмъ „не вышла". Веселость Мартины исчезла, и Лотта хорошо сдѣлала, когда спросила у нея: гдѣ братъ?

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же онъ? Гвидо, поди-ка посмотри,—приказала та, и мужъ повиновался.

Дойдя до огорода, онъ издали замѣтилъ невысокую, но стройную фигуру Филиппа, который, какъ-бы опираясь, держался рукою за стволъ сучковатой сливы; а подъ нею, освѣщенная лучами заходящаго солнца, виднѣлась бѣлокурая головка и нѣжное, грустное личико Сальватрисы; черное платье оттѣняло его бѣлизну и блѣдно-розовую тѣнь слабаго румянца. Въ рукахъ у нея былъ большой пучокъ ирисовъ: она отбирала стебли съ бутонами и опять прикладывала къ остальнымъ цвѣтамъ, какъ это ей казалось красивѣе и удобнѣе.

Они вели совсѣмъ безличный, спокойный разговоръ; Сальватриса дала себѣ обѣщаніе наблюдать за Филиппомъ и провѣрить слова своей Мили. Мысль, что ее могло полюбить живое существо, которое ей будетъ предано, которое будетъ прочнымъ звеномъ, чтобы привязать ее къ жизни,—умиляла, радовала ее. До сихъ поръ, кромѣ отца, она была дорогà (но въ извѣстной только мѣрѣ) Милѣ и Шарлоттѣ.

И это умиленіе сквозило у нея въ малѣйшихъ оттѣнкахъ голоса, въ движеніяхъ, во взглядѣ. Еслибъ Филиппъ былъ человѣкъ болѣе грубый, онъ, какъ мужчина, подумалъ бы навѣрно:

— Вотъ вѣдь напрашивается! Вѣшается на шею!

Но Филиппъ пугался такой внезапной перемѣны, которая не могла отъ него ускользнуть, и только думалъ объ одномъ, какъ бы не подать повода ей замѣтить, что онъ видитъ въ ней эту перемѣну. Въ то же время его мечты рисовали ему счастье, которое онъ считалъ бы для себя достигнутымъ, если бы его артистическій талантъ обѣщалъ ему славу и крупный заработокъ...

— Нини зоветъ тебя!—раздался близко голосъ Гвидо, и Филиппъ очнулся.

— Сейчасъ иду.

И Филиппъ пошелъ впередъ, а его другъ, идя рядомъ съ его собесѣдницей, шелъ все глубже, глубже въ садъ, давая себѣ слово разузнать у этой милой дѣвушки, насколько она занята Филиппомъ.

XV.

Прежняя побѣдоносная самоувѣренность охватила Гвидо, и онъ припомнилъ, что гдѣ бы ни случилось, во время ихъ берлинской дружбы, онъ всегда одерживалъ верхъ надъ Филиппомъ; онъ позабылъ, что холостое время миновало и ему заранѣе было пріятно ожидать, что онъ отобьетъ вниманіе Сальватрисы у человѣка, который къ ней стоитъ несомнѣнно ближе, чѣмъ онъ, Гвидо.

— Добрый малый Филиппъ,—замѣтилъ онъ въ видѣ вступленія въ бесѣду.

— Я его очень уважаю,—возразила Сальватриса съ неожиданной серьезностью.

— Мнѣ, собственно, завидно, что онъ исполняетъ мою обязанность...

— Какую?

— Вамъ служить! Если бы я былъ еще здѣсь, я былъ бы въ правѣ ежедневно любоваться... Бѣдный Филиппъ, я думаю, сгораетъ на медленномъ огнѣ, когда глядитъ въ эти прелестнѣйшіе глазки!

Самъ того не замѣчая, Гвидо впалъ въ пошлый тонъ ухаживателей, которые вращались въ артистическомъ кругу Мартины и ея родныхъ; и въ тотъ же мигъ самъ почувствовалъ страшную неловкость. Годъ тому назадъ, въ домѣ Шарлотты, ему никогда въ голову бы не пришло что-либо подобное. Горячѣе, чѣмъ слѣдовало бы, онъ поспѣшилъ принести извиненіе.

— Простите! Пожалуйста, простите мнѣ мою безтактность...—просилъ онъ.

Сальватриса, краснѣя, смотрѣла въ сторону, на свой букетъ, перебирая въ немъ лиловые ирисы.

— За шутку вѣдь нельзя сердиться. Одинъ разъ не въ счетъ!—милымъ, мягкимъ голосомъ сказала она и это еще болѣе пристыдило виновнаго.

Молча прошли они до того мѣста, гдѣ за лужайкой открывался видъ на Эльбу.

Сальватриса остановилась.

— Вамъ счастливо живется здѣсь? — спросилъ негромко Гвидо.

— Такъ счастливо, какъ только мыслимо не въ родномъ, родительскомъ домѣ.

— Мнѣ весьма отрадно это слышать... Я радъ за васъ и... за Шарлотту. Ея жизнь была до сихъ поръ полна заботами и хлопотами обо мнѣ; съ моей женитьбой этого ей бы не хватало. Судьба послала ей въ награду утѣшеніе: она дала ей—васъ!— Голосъ его звучалъ искренно тепло.

— То, чѣмъ вы были для Шарлотты, никто ей не замѣнитъ. Но меня радуетъ, что вы о ней такъ говорите; значитъ правда, что вы ей были... что вы ей и теперь преданы... несмотря на то, что...

— Вѣрьте мнѣ, я не измѣнился. Я... я... Бываютъ недоразумѣнія... шероховатости, которыя время загладитъ...

— Я вѣрю вамъ. Кто же по доброй волѣ можетъ отказаться отъ такого сокровища, какъ вниманіе Шарлотты?

— Благодарю, благодарю!—проговорилъ Гвидо и приникъ губами къ рукѣ молодой дѣвушки.

Сальватриса подняла на него глубокій, ясный и мягкій взглядъ, на который Гвидо невольно засмотрѣлся. И ему пока-

залось, что никогда еще не видывалъ онъ такого дивнаго лица, такой изящной, привлекательной красоты.

Тѣмъ временемъ Мартина сидѣла какъ на иголкахъ. Замѣтивъ, что Филиппъ вернулся одинъ, а Гвидо остался, она была готова сейчасъ же, забывъ всѣ приличія, вскочить и побѣжать за нимъ, и выдержавъ съ трудомъ минутъ пять, сказала Роберту со смѣхомъ:

— А вѣдь Гвидо ушелъ въ сторону, въ кустарникъ, вмѣстѣ съ фрейлейнъ Сальватрисой. Что, еслибъ мы пошли за ними, Робертъ? Немножко рано мужу моему бросать меня черезъ полгода послѣ свадьбы. Нѣсколько лѣтъ спустя, я еще допускаю, но въ первый годъ женитьбы—не позволю... Ну, пойдемъ!

— Робертъ! — крикнула ему вслѣдъ жена; но онъ уже не слушалъ и не оглянулся.

— Случается, что Мартина, иной разъ, ведетъ себя необузданно,—тономъ извиненія замѣтилъ ея братъ.—Пожалуйста, ужъ будьте къ ней снисходительны.

Но въ душѣ ему было и больно, и глубоко стыдно за сестру. Онъ не разъ уже отчитывалъ ее, не разъ доказывалъ ей непристойность ея пошлаго поведенія, но не могъ добиться, чтобы она поняла, чего онъ хочетъ отъ нея.

— Робертъ! — говорила на ходу Мартина. — Эти Баумейстеры и К° навѣрно уморятъ меня! Не видите вы развѣ, какъ поглядываютъ на меня эти дамы? Не могу я ходить на ходуляхъ, какъ онѣ; главное, по-моему, слушаться голоса природы... „Изъ любви къ природѣ“!...—пропѣла она.

— О!—только и могъ сказать Робертъ, смущенный такимъ черезчуръ непрошеннымъ довѣріемъ, противъ котораго его чувство порядочности возставало. Но Мартина не давала ему опомниться.

— Не будь у меня васъ, я бы готова была впасть въ совершенное отчаяніе,—продолжала она. — Вы чудный человѣкъ! Недаромъ Гвидо говорилъ мнѣ это тогда... еще давно, что вы самый любезный и самый мужественный изъ людей!

Противъ такихъ похвалъ, конечно, не могъ бы устоять ни одинъ мужчина.

— Вы, Нини, тоже мнѣ нравитесь ужасно! Ну, а мало-по-малу вы и къ нашимъ „приличнымъ“ феодальнымъ нравамъ успѣете привыкнуть.

— Что это? Кажется, голосъ Гвидо?—встрепенулась она, и

остановилась; потомъ прислушалась еще... и подбѣжала къ рѣшеткѣ...

Въ двухъ шагахъ отъ нея стояли, молча глядя другъ на друга—оба виновные; у ногъ Сальватрисы лежали забытые цвѣты букета,—увядшіе, поломанные...

Мартина слишкомъ громко и смѣло расхохоталась.

— Не стоитъ вамъ стараться понапрасну! Мой мужъ до такой степени въ меня влюбленъ, что самые нѣжные, страстные взоры его не смутятъ!

Гвидо измѣнился въ лицѣ и, задыхаясь отъ волненія, крикнулъ:

— Да ты съ ума сошла!

Мартина злобно улыбалась, облокотившись на рѣшетку.

Сальватриса, словно не зная, что ей надо дѣлать—бѣжать или остаться—опустилась на колѣни и принялась подбирать дрожащими руками цвѣтокъ за цвѣткомъ; къ ней подошелъ Робертъ и принялся ей помогать, словно въ этомъ было главное спасеніе... Потомъ онъ взялъ ее подъ руку и бережно, какъ самое хрупкое и дорогое для него созданіе, повелъ по направленію къ верандѣ.

Тамъ издали, завидя ихъ, ужъ догадались, что что-нибудь случилось, и Шарлотта обѣими руками обняла племянницу, которая упала къ ней на грудь, рыдая.

— Кажется, Гвидо и Сальватриса говорили о чемъ-то очень важномъ: они стояли лицомъ къ лицу и такъ... ну, да: такъ умиленно поглядывали другъ на друга. Нини дрянная, ревнивая дѣвчонка! Она поддразнила Сальватрису... но только не изъ злости.

— Изъ чего бы то ни было!—воскликнула Шарлотта:—Слишкомъ высоко стоитъ для нея моя племянница, чтобы какая-нибудь... какая-нибудь... т.-е. жена Гвидо осмѣлилась къ ней ревновать!—И ея голосъ дрожалъ отъ необузданнаго страстнаго волненія.

— Сойди сейчасъ сюда!—приказалъ Гвидо Мартинѣ, стоявшей за рѣшеткой.

— Къ чему такая трагедія? — спросила та, подходя къ мужу.

— Ты оскорбила благороднѣйшее въ мірѣ существо. Ты опозорила себя и меня!

— Вотъ еще? Изъ-за двухъ-трехъ шутливыхъ словъ? Не будь такъ гордъ.

— Ты сама знаешь, что не слова твои, а тонъ—былъ обиденъ.

— А если бы и въ самомъ дѣлѣ такъ?—упрямо возразила Мартина.—Иной разъ можно и выйти изъ себя. Ты—*мой* мужъ и я хочу, чтобы ты мной одной былъ занятъ. А эта голландская кривляка и ханжа пользуется первымъ же случаемъ, чтобы съ тобой кокетничать. Ея смущеніе и твоя злость прямо васъ уличаютъ.

— Сію же минуту ты пойдешь и попросишь прощенья у Шарлотты и у Сальватрисы.

— Никогда въ жизни!—крикнула Мартина и побѣлѣла отъ гнѣва.

— Мартина!... Гвидо!...—раздался за ними голосъ Филиппа. —Ради Бога... Что ты могла сказать такое Сальватрисѣ?

Мартина развела руками, будто не зная, что сказать.

— Она сказала страшную нелѣпость,—пояснилъ Гвидо и, сжимая руками свои стучавшіе виски, прошепталъ:—Да какъ я смѣю... какъ я смѣю удивляться?

— Я ее немножко поддразнила, что она дѣлаетъ глазки Гвидо... вотъ и все!

— Сію минуту ступай, проси прощенья!

— Нѣтъ!—отвѣтила она.

— Нѣтъ, ты пойдешь!

— А вотъ и не пойду!... Какое дѣло мнѣ до всѣхъ этихъ людей? Я не искала ихъ, я не навязывалась имъ. Будемъ говорить правду: мы всѣ видѣть не можемъ другъ друга.

— А признательность, которую Гвидо обязанъ чувствовать и оказывать?

— А мнѣ какое дѣло? Я вышла замужъ не за нихъ, а за него. Я—человѣкъ независимый.

— Ты спутала понятіе о независимости съ уваженіемъ; и если сама по себѣ ты не чувствуешь необходимости быть женственной и деликатной, сдѣлай это хоть ради того, чтобы намъ съ Гвидо не пришлось изъ-за тебя страдать.

— Жертвовать собою можетъ только человѣкъ безличный, безхарактерный; всякій долженъ держаться на высотѣ своего характера, каковъ бы онъ ни былъ!—объявила Нини.

Мужъ подошелъ къ ней и, дрожа отъ гнѣва, до боли сжалъ ей руку. Ему представилось, что этотъ эпизодъ можетъ повлечь за собою важныя послѣдствія и что теперь или никогда,—онъ упрочитъ власть свою надъ женою.

Мартина съ ужасомъ видѣла передъ собой его нахмурен-

ные, недобрые глаза: на нее дѣйствовала всего вѣрнѣе необузданная сила мужского гнѣва.

— Когда ты дала мнѣ слово, ты обѣщала уважать моихъ друзей, которые для меня все равно, что частица меня самого...

— Ахъ, ну тебя! Мало ли что тогда наобѣщаешь? Говорю тебѣ: я вышла *за тебя*, а не *за нихъ*.

— Ты извинишься? Да?—приставалъ грозно Гвидо.

— Мартина!..—угрожающе повторилъ Филиппъ.

Она нѣсколько смутилась.

„Двое мужчинъ—на одну женщину! Это ужъ черезчуръ"! подумала она и, чувствуя страшную боль въ рукѣ, отвѣтила сравнительно покорно:

— Ну... хорошо... пожалуй! Когда-нибудь... только не сейчасъ!

Гвидо выпустилъ ея руку и перевелъ духъ; это была хотя не полная побѣда, а все-таки хоть намекъ на нее.

— Хорошо!—сказалъ онъ, и чуткое ухо Мартины различило, что гнѣвъ его почти прошелъ.—Хорошо... Теперь намъ всего лучше удалиться, а Филиппъ будетъ такъ добръ—пойдетъ извиниться за это передъ Шарлоттой. Но помни мое слово Нини: ласковаго слова ты отъ меня не услышишь, пока не исполнишь моего желанія.

Они ушли, а Филиппъ пошелъ къ хозяйкѣ дома.

Шарлотта сидѣла у изголовья Сальватрисы.

Солнце уже зашло, но въ комнату сквозь легкую занавѣсь еще проходилъ ровный полу-дневной свѣтъ, который ложился на всю обстановку и на красивую кровать подъ балдахиномъ и съ откинутымъ пологомъ: Шарлотта знала, что ея племянница любитъ свѣтъ.

Молодая дѣвушка перестала всхлипывать и тихо лежала съ закрытыми глазами, сжавъ губы и стиснувъ свои вытянутыя, нѣжныя ручки. Вѣки ея покраснѣли; щеки казались еще блѣднѣе послѣ испытаннаго сильнаго возбужденія, которое на время придало имъ необычную окраску...

Глядя на нее, Шарлотта съ тревогой думала:

— Если ей даже суждено долго жить и быть здоровой,—все-таки она не вынесетъ порывовъ грубой страсти или супружескихъ невзгодъ! Ей въ мужья годился бы только человѣкъ, который бы ее лелѣялъ, какъ дитя,—который своей чуткою душою понялъ бы ея чистую, безхитростную, любящую душу...

Лотта прекрасно видѣла, что Сальватриса не спала. Нако-

нецъ, склонившись надъ молодой дѣвушкой, она тихонько, нѣжнымъ голосомъ спросила:

— Ты мнѣ не скажешь, что съ тобой случилось? Должна же я наказать виновныхъ.

Сальватриса открыла глаза и въ нихъ отразился тревожный вопросъ.

— Ахъ, нѣтъ! Ничего со мною не случилось!.. Только онъ взглянулъ... она сказала... О, Боже! Что пришлось мнѣ пережить!

И она снова залилась слезами.

— „Ничего со мною не случилось... только онъ взглянулъ... она сказала... О, Боже! Что пришлось мнѣ пережить"!—тихо повторила ея слова Шарлотта. — Дитя мое! Я ничего не понимаю.

— Развѣ въ одно мгновенье нельзя переиспытать множество ощущеній? Развѣ одинъ взглядъ не можетъ быть въ жизни цѣлымъ событіемъ?.. Какъ я тебѣ это объясню? Я сама не совсѣмъ понимаю. Когда онъ такъ взглянулъ на меня, мной овладѣла вдругъ боязнь... нѣтъ даже настоящій страхъ... точно меня убить хотятъ... О, Боже!.. Сама не знаю ничего, не понимаю!

„Конечно, взглядъ иной разъ можетъ многое открыть; бываютъ случаи, когда словами нельзя выразить своего чувства. Можетъ случиться, что глазами выльется наружу сочувствіе двухъ душъ, которое какъ мимолетное, но глубокое впечатлѣніе встрѣтится и исчезнетъ на тяжкомъ жизненномъ пути. Онѣ поняли бы одна другую; онѣ сжились бы счастливо, взаимно украшая себѣ жизнь; но онѣ были и останутся чужими... онѣ не могутъ, не имѣютъ права слиться во-едино и должны покориться чувству долга. Онѣ разстанутся навѣкъ"!—думала Лотта.

„Ужасно, если Гвидо и Сальватриса сдѣлали такое открытіе!—продолжала она разсуждать. Ужасно, если сердце ея заговорило въ его пользу: если въ немъ пробудилось чувство, которое не должно было вовсе зарождаться".

Она задумалась надъ вопросомъ, какъ лучше повліять на Сальватрису: обдуманнымъ серьезнымъ совѣтомъ или же молчаніемъ. Вдругъ ей почудилось, что за стѣною слышны голоса Кальковскаго и Мили.

— Тамъ, кажется, Филиппъ? — тихо шепнула она Сальватрисѣ.

По лицу молодой дѣвушки скользнула тихая улыбка; все лицо приняло оттѣнокъ довольства и покоя.

— Будь съ нимъ добрѣе!—прошептала она.—Покажи ему, что мы еще больше его оцѣнили!

Шарлотта вышла въ другую комнату.

Тамъ уже стоялъ Филиппъ и на фонѣ голубовато-бѣлыхъ стѣнъ ясно выдѣлялась его изящная фигура и фигура дородной ворчуньи Мили; она спорила, отказываясь пойти доложить о немъ.

— Ступайте туда!—рѣзко сказала Шарлотта.—Только— смотрите! не болтайте!

— А какъ здоровье фрейлейнъ Сальватрисы?

— Нервы возбуждены немного...

— Простите... позвольте извиниться передъ вами за мою сестру и за ея мужа; они уѣхали. На дняхъ Мартина...

Шарлотта сдѣлала движеніе рукой, чтобы остановить тяжелый для него разговоръ.

— Оправдывать сестру я не могу,—продолжалъ Филиппъ.— Я могу только надѣяться, что со временемъ Мартина измѣнится къ лучшему въ вашемъ обществѣ, а до тѣхъ поръ, чтобы избавить васъ отъ непріятнаго напоминанія о происшедшемъ, я поблагодарю васъ за ваше радушіе и гостепріимство и чѣмъ скорѣе съ вами прощусь, тѣмъ лучше...

— Мы и не подумаемъ васъ отпустить!—возразила Шарлотта.—Напротивъ! Чѣмъ меньше значенія всѣ мы придадимъ неловкому поступку Мартины, тѣмъ меньше ей будетъ труда его загладить. Тогда и для Гвидо будетъ легче добиться, чтобы Мартина извинилась...

И Филиппъ остался...

XVI.

На слѣдующее утро, послѣ полудня, Сальватриса сидѣла передъ большимъ кустомъ въ полномъ цвѣту.

На ней была задрапирована бѣлая легкая матерія, которая длинными складками живописно опускалась съ ея классически-красивыхъ плечъ. За станкомъ усердно работалъ Филиппъ: онъ писалъ съ нея „Тропическій цвѣтокъ“. Въ сторонѣ, подъ плакучей ивой расположилась Шарлотта съ своими хозяйственными счетами.

Вокругъ была разлита тишина и прелесть лѣтняго утра. Небо сіяло безоблачное, голубое; вѣтеръ шаловливо ласкалъ кудрявыя верхушки зеленаго, густого сада; фонтанъ красовался въ видѣ большой, серебряной звѣзды, которая переливала множествомъ тончайшихъ струекъ и дивно искрилась на солнцѣ; въ

воздухѣ звенѣли стрекозы и жужжали пчелы, а цвѣты разливали нѣжное благоуханье...

Какъ еще никогда, Сальватриса чувствовала себя счастливой, радуясь ясной, залитой солнцемъ картинѣ и вѣющей отъ нея тишинѣ.

— Какъ мирно, какъ свѣтло живется въ божьемъ мірѣ!— думала она.—Къ чему мнѣ было такъ страдать и волноваться? Ну, что-жъ такого, если Гвидо поднялъ на меня глаза?

Во время своей одинокой жизни у отца, она прочла множество романовъ и въ своихъ дѣвичьихъ мечтахъ ждала, что будетъ и ея чередъ любить и быть любимой. Ея герой не иначе ей рисовался, какъ ея могучимъ и нѣжнымъ покровителемъ-мужемъ, брюнетомъ съ блѣдными, изящными руками и красивой черной бородой. Взглядъ его сосредоточенныхъ, нахмуренныхъ глазъ былъ ей въ мечтахъ знакомъ...

„Онъ смотрѣлъ прямо мнѣ въ лицо, какъ будто стараясь вникнуть въ мои думы и въ то же время удивляясь всей душой, которая вдругъ озарилась словно чудомъ... чудомъ пылкой, преданной любви!.. Да, да! Именно такъ смотрѣлъ на меня Гвидо,—съ улыбкой припоминала она,—но только лучше... лучше мнѣ никогда съ нимъ больше не встрѣчаться“!

Перемѣна и тѣни, набѣгавшія на лицо Сальватрисы, и привлекали и въ то же время огорчали Филиппа: съ каждой минутой онъ все яснѣе чувствовалъ, что у него не достанетъ таланта, чтобы вѣрнѣе передать все тонкое, изящное и, такъ сказать, духовное въ лицѣ его молодого друга.

Имъ овладѣло неудержимое, страстное желаніе, какъ живыя передать на полотнѣ ея милыя черты, въ которыхъ не красота, а прелесть ясной души были главной притягательной силой.

Солнце продолжало свой путь. На лицо Сальватрисы легла тѣнь и сеансъ былъ оконченъ. Дамы встали и пошли домой; Филиппъ остался убирать станокъ и кисти. Вдругъ тутъ же на землѣ онъ замѣтилъ маленькій платочекъ, забытый Сальватрисой,—сунулъ его къ себѣ въ карманъ и еще разъ, безъ свидѣтелей, попробовалъ критически отнестись къ своей работѣ. Чѣмъ дольше всматривался онъ въ нее, тѣмъ болѣе порядочное исполненіе казалось ему никуда не годнымъ, и въ сотый разъ онъ спрашивалъ себя, какой же отрасли художественнаго труда слѣдовало бы ему окончательно посвятить себя.

— Какъ портретистъ, я, очевидно, могу только копировать удачно фотографическіе снимки,—размышлялъ онъ, припоминая удачно увеличенный портретъ те-Гемпта. — Но это еще не на-

стоящая, творческая работа. Быть декораторомъ — прекрасный заработокъ: но устройство художественной обстановки въ домахъ низводитъ его до степени обойнаго мастерства, а для специалиста „обойщика“, будь онъ хоть выдающимся художественнымъ талантомъ, великосвѣтскія гостиныя и пріемы всегда закрыты!.. Нѣтъ, въ искусствѣ надо имѣть или все, или ничего!.. А для самостоятельной художественно-декоративной мастерской надо имѣть большіе капиталы...

Отчаяніе овладѣло имъ.

„Навсегда ремесленникъ и дальше никуда! — съ горечью думалъ молодой художникъ. — Что-жъ,—въ утѣшеніе прибавилъ онъ,—лучше быть честнымъ и умѣлымъ ремесленникомъ, нежели художникомъ, годнымъ только на посмѣшище“!

Онъ зналъ, что вездѣ его охотно принимаютъ, что всѣ и всегда искренно ему рады; онъ чувствовалъ, что искусство и его званіе художника открыло ему двери въ великосвѣтскій кругъ, создало ему полезныя связи и знакомства; онъ сознавалъ, что для всѣхъ и всегда прежде всего онъ былъ добрый малый, премилый человѣкъ, но и только! Не какъ художникъ въ прямомъ смыслѣ былъ онъ интересенъ для своихъ друзей и знакомыхъ, а какъ пріятель, который любитъ и умѣетъ всѣмъ сдѣлать пріятное: кого проведетъ въ мастерскую знаменитости, кому поможетъ художественно разукрасить бальное помѣщеніе, кому откроетъ доступъ на выставки и частныя коллекціи...

Сжимая голову руками, онъ сидѣлъ задумавшись, подавленный безъисходностью своего положенія... Его испугалъ внезапный шорохъ.

Передъ нимъ, у стула, гдѣ сидѣла Сальватриса, копошилась Миля, будто разъискивая что-то на землѣ.

Филиппъ наскоро собралъ свои вещи, сложилъ зонтикъ и палку...

— Не видѣли ли вы барышнинаго платка? — окликнула она его.

— Вотъ онъ!—проговорилъ художникъ, возвращая ей пропажу.

Сальватриса лежала на кушеткѣ и мечтала, когда вышла къ ней Миля.

— Видите? Что я вамъ говорила? — приступила къ ней съ укоромъ Миля.—Лучше бы фрау Баумейстеръ отправила во-свояси вашего живописца. Онъ въ васъ влюбленъ!

— Я тебѣ запретила...

— А что, если я вамъ скажу, что вашъ платокъ былъ у

него на груди, въ жилетѣ? Если я вамъ скажу, что онъ задумавшись сидѣлъ передъ вашимъ портретомъ и слезы у него текли ручьемъ?—упрямо продолжала дородная голландка.

Сальватриса покраснѣла до корней волосъ.

— Оставь!—тихонько молвила она и отвернулась.

Сердце у нея усиленно билось, лицо пылало; глаза оживились сознаніемъ нежданнаго счастья.

„Да, это счастье быть любимой!“ — думала она и припомнила кстати всѣ романы, въ которыхъ герой, человѣкъ благородный, но безъ всякихъ средствъ, скрываетъ свою страсть и даже готовъ идти на смерть, не выдавъ своей тайны, если предметъ ея—женщина богатая и знатнаго происхожденія.

Ея чистая, возвышенная душа раскрылась на встрѣчу самоотверженно-скрываемому чувству молодого художника, и незнаніе жизни, излишняя чуткость, женственное стремленіе чувствовать себя подъ нѣжнымъ и надежнымъ попеченіемъ любящаго и любимаго человѣка,—все это вмѣстѣ взятое волновало ее и, казалось, придавало новую цѣну всей ея жизни... Казалось, передъ ней вдругъ выросла новая, неразрѣшимая загадка, которую необходимо скорѣе и полнѣе разрѣшить; но въ чемъ эта задача—ей самой было еще неясно. Въ то же время, ее всецѣло отвлекало отъ всего остального совершившееся у нея на глазахъ событіе и уничтожило всякое сомнѣніе, всякую неувѣренность и тревогу.

„Да! Для того, чтобы любить и быть любимой, вовсе не нужны мои герои съ блѣдными, изящными руками и съ черной бородой!..“—улыбаясь, вспомнила Сальватриса въ заключеніе.

Счастливая усмѣшка набѣжала на ея задумчивое личико, и она почувствовала полное успокоеніе, какъ будто она разбирала свое собственное чувство, а не чувство Филиппа.

Въ состояніи выжиданія и робкаго, неяснаго стремленія къ неизвѣданной, иной жизни, въ которой для нея можетъ открыться еще нѣчто новое, неизвѣданное, таинственное, чудное! — стояла она на порогѣ къ этой новой жизни, но двери къ ней были еще закрыты... И вотъ является нежданный, но, Боже мой! какой отрадный и многообѣщающій просвѣтъ въ блаженную, прекрасную страну...

Въ то время, какъ ея молодая госпожа, притихнувъ, отдавалась своимъ мечтамъ, Миля старалась не шумѣть и, ступая неслышными шагами, топталась по комнатѣ, прибирая и разставляя вещи по мѣстамъ. Чрезмѣрная чистота и порядокъ, ко-

торые она поддерживала неутомимо, даже придавали всей обстановкѣ менѣе жизненный и какой-то холодный видъ.

Миля чувствовала себя значительно успокоенной; лицо ея приняло довольное выраженіе. Она такъ же невѣрно судила о состояніи души своей молодой госпожи, какъ и о ея здоровьѣ. Послѣднее она считала несравненно слабѣе, а первое—сильнѣе, чѣмъ это было на дѣлѣ; какъ большинство простолюдиновъ, она всѣхъ мѣрила на свой аршинъ, и потому ея сужденія особой тонкостью анализа не отличались.

Теперь, когда Миля убѣдилась въ безмолвномъ „согласіи“ Сальватрисы съ ея мнѣніемъ, она была твердо увѣрена, что молодую дѣвушку выводитъ изъ себя чрезмѣрная смѣлость бѣдняка-художника и что она скоро сама согласится, что лучшее средство—удалить его.

Однажды, когда Миля находилась въ своей собственной комнатѣ, окнами выходящей на лицевую сторону дома, хлопоты съ ея вѣчной уборкой не помѣшали ей замѣтить нѣчто такое, что глубоко ее изумило. Въ одинъ мигъ очутилась она внизу и, запыхавшись, вбѣжала въ комнату Сальватрисы.

— Самъ Баумейстеръ пріѣхалъ!—объявила она.

— Боже мой, но дядя Петеръ долженъ былъ пріѣхать не раньше какъ послѣ завтра, — отвѣтила Сальватриса.—И на станцію за нимъ лошадей не посылали.

— А вотъ все-таки пріѣхалъ! Онъ сошелъ съ дрожекъ; я слышала, какъ онѣ подъѣзжали; ну, я и высунулась въ окно, —продолжала Миля, чтобы ее разубѣдить.

И въ самомъ дѣлѣ, Конрадъ-Петеръ Баумейстеръ вернулся домой, когда его никто не ожидалъ.

Дѣвушка побѣжала предупредить Шарлотту, а Кэръ поспѣшилъ на встрѣчу хозяину и помогъ ему снять пальто.

Растерянно встала Шарлотта, отложивъ машинально книгу, которую читала, сидя на верандѣ. И было чего волноваться: у ея мужа не бывало въ обычаѣ дѣлать что бы то ни было неожиданно, не предупредивъ. Сердце у нея усиленно забилось; руки и ноги задрожали.

Не успѣла она еще пройти на крыльцо черезъ столовую, какъ Баумейстеръ уже подошелъ къ ней самъ на встрѣчу.

Дневной свѣтъ падалъ прямо на него. Его лицо было какого-то особаго блѣдно-сѣраго цвѣта; глубоко врѣзались въ безцвѣтныя, втянутыя щеки складки и морщины—нѣмые свидѣтели глубокой усталости или внутренняго волненія. Шарлоттѣ

показалось, что мужъ ея постарѣлъ сразу на десять лѣтъ, и она содрогнулась.

— Ты ужъ вернулся?—спросила она.—Но ты здоровъ?

Мужъ, какъ обыкновенно, слегка коснулся губами ея лба, и ничего непривычнаго въ этомъ поцѣлуѣ не замѣтила его встревоженная жена.

— Здоровъ, конечно. Только утомленъ немного проѣздомъ,— совершенно беззвучнымъ голосомъ отозвался онъ.

— Мы тебя ждали не раньше, какъ послѣ-завтра,—возразила робко жена, и изъ этого замѣчанія ему ясно слышался вопросъ, на который она, онъ зналъ, никогда не отважится, чтобы не преступить его приказаній.

„Все равно, скоро сама успѣетъ узнать изъ газетъ", подумалъ онъ. Снимая, не спѣша, перчатки, онъ продолжалъ медленно говорить:

— Цѣль моего путешествія падаетъ сама собой. „Братья Фильдингъ" оказались въ затруднительномъ положеніи, платежи не могли состояться; всѣ попытки созвать завѣдующихъ и помочь бѣдѣ рушились. Будетъ назначенъ конкурсъ.

Шарлотта слушала его, блѣдная какъ смерть.

— „Братья Фильдингъ"? — переспросила она, запинаясь. — Но вѣдь это ужасно! Это было... это будетъ...

— Это, во всякомъ случаѣ, повлечетъ за собою крахъ тѣхъ или другихъ торговыхъ домовъ въ Лондонѣ и въ Гамбургѣ, — подсказалъ Баумейстеръ съ поразительнымъ спокойствіемъ; только голосъ его по прежнему звучалъ совсѣмъ безцвѣтно.

— А ты... А мы?.. Развѣ не „братья Фильдингъ" съ финансовой стороны были поддержкой вашему австралійскому предпріятію?—дрожа, спросила Шарлотта.

— Почему ты знаешь?—вдругъ рѣзко оборвалъ онъ.

— Прошлую зиму, на большомъ обѣдѣ, кажется у Перврандовъ, съ мною рядомъ сидѣлъ Расмусъ старшій. Онъ меня осыпалъ горячими поздравленіями по поводу твоего новаго предпріятія, которое ужъ потому считалъ блестящимъ и надежнымъ, что „братья Фильдингъ" вошли съ вами въ долю.

По какой-то невѣдомой причинѣ, этотъ отвѣтъ подѣйствовалъ на Баумейстера успокоительно. Быть можетъ, ему было страшно услышать не его, а какой-нибудь неблагопріятный слухъ на биржѣ, про который жена могла ему, конечно, сообщить.

— Ну, а мы?—настоятельно продолжала Шарлотта.

Мужъ ея стоялъ на порогѣ между столовой и верандой.

Высоко поднятая голова его была слегка откинута назадъ, и

его надменный взглядъ какъ-будто былъ прикованъ къ чему-то вдали. Казалось, тамъ, вдоль русла Эльбы совершалось что-то такое таинственное, невидимое для другихъ, но несравненно болѣе важное для него, нежели какой-то разговоръ,—о какомъ-то ничтожномъ крахѣ какого-то англійскаго банкирскаго дома.

— А мы? — переспросилъ онъ. — Насъ ничто не коснется. Мы вѣдь не кто-нибудь! Мы—фирма „Конрадъ-Петеръ Баумейстеръ". Отъ сегодняшняго числа ровно черезъ годъ мы будемъ праздновать двухсотлѣтіе со дня основанія нашего торговаго дома!.. Посмотри-ка сюда: это не „Коимбра"? Ну, значитъ, ужъ половина пятаго; а въ шесть мнѣ опять надо ѣхать въ городъ.

Шарлотта убѣдилась, что, значитъ, онъ не желаетъ ничего говорить. Она замолчала и, поблѣднѣвъ еще больше, осталась на мѣстѣ неподвижной, и между ней и мужемъ опять какъ будто всталъ неуловимый, но неизбѣжный и зловѣщій призракъ.

Горемъ и душевнымъ холодомъ вѣяло отъ него...

А. Б—г.—

ПОСЛѢДСТВІЯ НЕУРОЖАЯ

въ

УФИМСКОЙ ГУБЕРНІИ

I.

Въ ряду губерній, пострадавшихъ отъ неурожая 1898 года, одно изъ первыхъ мѣстъ по интенсивности бѣдствія, безспорно, занимаетъ губернія уфимская. Сѣверо-западная часть ея, состоящая изъ уѣздовъ мензелинскаго, белебеевскаго и бирскаго, значительно отличается отъ юго-восточной части губерніи: здѣсь нѣтъ ни заводовъ, ни фабрикъ; промышленная жизнь совершенно не развита, а населеніе исключительно занимается земледѣліемъ. Эти три уѣзда можно считать центромъ Башкиріи, и русское населеніе этого района составляетъ не болѣе одной четверти всего числа жителей

Бѣдственное положеніе, вызванное неурожаемъ 1898 г., въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что башкирское населеніе не отличается вообще зажиточностью и въ обыкновенные по урожаю годы едва влачитъ свое существованіе. Земледѣльческій строй башкирскаго хозяйства до сихъ поръ далеко еще не сложился и не окрѣпъ. Еще на памяти стариковъ башкиры вели кочевой образъ жизни; скотоводство было единственнымъ источникомъ ихъ существованія. По обширнымъ степнымъ пространствамъ паслись ихъ стада, а о земледѣліи они почти не имѣли понятія. Но вотъ обстоятельства круто измѣнились. Судьба, никогда не баловавшая этого народа, создала въ

короткій срокъ такія неблагопріятныя условія, что экономическое положеніе башкиръ упало. Эти обширныя степи перешли къ другимъ владѣльцамъ; пастбища сократились; количество скота уменьшилось, и башкиръ изъ прежняго вольнаго скотовода превратился въ захудалаго землепашца, не приспособившагося до сей поры ни къ земледѣльческой культурѣ, ни къ новымъ формамъ жизни. Онъ до сихъ поръ не можетъ извлекать дохода изъ своего полурасхищеннаго земельнаго богатства и, какъ завѣдомый банкротъ, спекулируетъ своими земельными остатками, продавая и сдавая ихъ въ аренду.

При такой неустойчивости хозяйства немудрено, что не только значительные неурожаи, каковыми отмѣчены 1891 и 1898 года, глубоко подрываютъ благосостояніе населенія, но и небольшіе недороды чувствительнѣйшимъ образомъ отзываются на всемъ хозяйственномъ строѣ. Еще въ первый разъ земледѣльческое населеніе уфимской губерніи переживаетъ такое бѣдствіе, какое выпало на его долю въ 1898 году. По общимъ отзывамъ, неурожай 1891 года по своимъ послѣдствіямъ не можетъ идти въ сравненіе съ тѣмъ, что̀ уже терпитъ населеніе теперь, въ концѣ зимы, а что̀ будетъ далѣе, весной—трудно себѣ и представить.

Уже съ осени 1897 года погода крайне не благопріятствовала озимымъ посѣвамъ. Жары съ сухими вѣтрами быстро смѣнились дождями, переходившими въ ливни. Вскорѣ наступили холода, и озими пошли подъ снѣгъ въ большинствѣ случаевъ пожелтѣвшими. Зима началась безснѣжная. 24 января дождь по всей юго-западной части губерніи причинилъ страшный вредъ, обнажилъ озими и привелъ ихъ къ окончательной гибели. Въ февралѣ наступили жестокіе морозы, которые продолжались въ мартѣ и первой половинѣ апрѣля. Съ середины апрѣля температура быстро поднялась и къ концу мѣсяца установилась вполнѣ теплая, даже жаркая погода. Наступила засуха. Озими во многихъ мѣстахъ оказались настолько плохи, что ихъ пришлось пересаживать яровыми. Засуха продолжалась все лѣто, такъ что въ началѣ іюля въ белебеевскомъ и мензелинскомъ уѣздахъ озимыя поля сплошь заросли лебедой. Выпадавшіе же изрѣдка въ теченіе лѣта дожди проходили узкими полосами, а чаще ливнями съ градомъ.

Вся совокупность этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ привела къ полному неурожаю въ земледѣльческой части уфимской губерніи. Въ 1891 году хотя и погибли озимые хлѣба, но яровые все-таки оказались болѣе удовлетворительными. Кромѣ

того, самое экономическое благосостояніе населенія не было еще подорвано, какъ теперь, когда и въ прошломъ 1897 г. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ неурожай хлѣбовъ, а въ нынѣшнемъ къ тому же присоединился неурожай кормовъ и травъ. Къ обычному времени жатвы уже ясно обрисовалось грядущее бѣдствіе: большая часть полей окончательно выгорѣла, засохла и почернѣла. Тамъ же, гдѣ кое-что и осталось, хлѣбъ косили на солому, рвали руками, собирали по колосьямъ. И въ общемъ урожай получился отъ полпуда до 5 пудовъ съ десятины. Такова печальная исторія неурожая 1898 года. Понятно, съ какимъ чувствомъ готовилось населеніе пережить грядущій тяжелый годъ до новаго урожая. Экономически подорванное, оно уже не было въ состояніи пережить этотъ годъ собственными силами и требовало немедленной помощи.

Въ концѣ ноября прошлаго года мнѣ лично пришлось побывать, въ качествѣ помощника уполномоченнаго Главнаго Управленія Общества Краснаго Креста, въ пострадавшихъ отъ неурожая уѣздахъ уфимской губерніи. Общество Краснаго Креста, какъ извѣстно, вскорѣ послѣ того, какъ подтвердились извѣстія о бѣдственномъ положеніи населенія, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, рѣшило придти на помощь и немедленно послало особый отрядъ во главѣ съ уполномоченнымъ С. В. Александровскимъ для оказанія продовольственной помощи и выясненія размѣра и характера нужды. Участники отряда собрали обширный матеріалъ, характеризующій положеніе населенія, лично побывали почти во всѣхъ районахъ, удостовѣрились въ серьезности положенія и необходимости немедленной помощи.

Здѣсь я имѣю въ виду познакомить съ положеніемъ пострадавшаго отъ неурожая населенія уфимской губерніи. Личныя наблюденія участниковъ отряда, а также свидѣтельства мѣстныхъ дѣятелей рисуютъ намъ достаточно полную картину бѣдствія, и что въ этихъ отзывахъ нѣтъ ничего преувеличеннаго, въ этомъ я могъ убѣдиться самъ во время своей поѣздки по губерніи.

Въ ноябрѣ прошлаго года стояла оттепель. Снѣгъ окончательно сошелъ съ полей, дороги пришли въ невозможное состояніе. Проѣзжая изъ села въ село, изъ деревни въ деревню, повсюду меня поражалъ унылый видъ селеній, масса развалившихся, непокрытыхъ избушекъ и безлюдье. Деревни точно вымерли; даже собакъ не было замѣтно по улицамъ. Только изрѣдка встрѣтишь сани или телѣгу, которую едва-едва вытаскиваетъ изъ непролазной грязи тощая заморенная лошаденка, а рядомъ понуро бредетъ и хозяинъ. Или на улицѣ у воротъ уви-

дишь сидящаго человѣка, а то въ темное маленькое окно избушки выглянетъ баба. У всѣхъ одна забота: чѣмъ будутъ они сыты завтра.

Насколько низко упало благосостояніе населенія, о томъ свидѣтельствуютъ показанія массы лицъ самаго различнаго общественнаго положенія, близко знающихъ мѣстныя условія. Въ ноябрьское очередное собраніе мензелинскаго земства, гласный, ирехтинскій волостной старшина, подалъ собранію докладную записку, слѣдующаго содержанія:

„Населеніе ирехтинской волости вслѣдствіе голода пришло въ такое состояніе, что многіе распродали для пропитанія себя рѣшительно все, даже самое необходимое, какъ, напримѣръ, послѣднюю подушку и платье; есть такія семьи, что не имѣютъ чѣмъ прикрыть своей наготы. Насколько тяжело положеніе населенія, собраніе можетъ судить хотя потому, что мнѣ невозможно даже показаться ни въ одной деревнѣ, такъ приступаютъ ко мнѣ толпы изнемогающихъ отъ голода полунагихъ оборванцевъ, со стономъ просящихъ о помощи не дать умереть имъ и ихъ семьямъ съ голоду; съ утра до ночи въ правленіи стоятъ стонъ и вздохи несчастныхъ. Не нахожу словъ описать отчаянное положеніе народа. Выдаваемый земствомъ паекъ въ 35 фунтовъ, изъ коего приходится удѣлять 5 и болѣе фунтовъ на уплату за провозъ, достаточенъ только на 12—15 дней. Чѣмъ же населенію питаться остальные полмѣсяца, не имѣющему никакихъ пищевыхъ продуктовъ въ своемъ хозяйствѣ, кромѣ земскаго фунтоваго пайка? Увѣряю собраніе, что половина населенія волости сидитъ часто чуть не по недѣлямъ совершенно безъ крошки хлѣба, поддерживая свое существованіе питьемъ какой-либо травы вмѣсто чая. Ужасаюсь при мысли, что̀ будетъ дальше, такъ какъ населеніе уже распродало все, что̀, кажется, нельзя бы было и продать, какъ, напримѣръ, послѣднюю рубаху. Пусть извинитъ мнѣ собраніе за сообщеніе такого печальнаго факта, но молчать болѣе нѣтъ возможности. Я знаю, что отъ собранія только и зависитъ сколько-нибудь облегчить вопіющее положеніе народа, и покорнѣйше прошу, не признаетъ ли оно возможнымъ увеличить норму ссуды до 2 фунтовъ на человѣка въ сутки или за увеличеніе нормы высказаться съ своей стороны передъ губернскимъ собраніемъ. Однакоже, фунта было бы достаточно только тогда, когда, помимо выдаваемаго хлѣба, у жителей имѣлся бы картофель, капуста и проч. овощи, чего, къ сожалѣнію, среди татаръ не встрѣчается. Небезъизвѣстно, вѣроятно, собранію, что ирехтинская волость пострадала

отъ неурожая болѣе всѣхъ остальныхъ волостей уѣзда. Если же собраніе не повѣритъ мнѣ, то пусть соблаговолитъ провѣрить мое сообщеніе чрезъ дознаніе на мѣстѣ. 3-го ноября 1898 г. ирехтинскій волостной старшина Хайруллинъ подписалъ и приложилъ должностную печать".

И эта волость не является исключеніемъ, такъ какъ подобныхъ заявленій сельскихъ властей о бѣдственномъ положеніи населенія мы могли бы привести много. Нѣтъ въ уѣздѣ ни одного чиновника, которому не подавали бы этихъ заявленій. Такъ становой приставъ 6-го стана въ сѣверной части белебеевскаго уѣзда получилъ черезъ урядниковъ нѣсколько рапортовъ отъ сельскихъ старостъ. Для характеристики ихъ привожу одинъ: „Полицейскому уряднику 4 участка белебеевскаго уѣзда сельскаго старосты Большого Чакмака нагайбаковской волости, Мухаметкана Ибрагимова рапортъ. Честь имѣю донести вамъ, г. урядникъ, что у насъ въ обществѣ страшный голодъ. Я сегодня, т.-е. 13-го ноября, съ двумя сотскими ходилъ по дворамъ. Оказалось, народъ совершенно ослабъ. Даже въ десяти домахъ совершенно заболѣли. Кромѣ только этихъ домовъ, можно полагать, подъ рядъ всѣ такіе будутъ. Ни въ одномъ домѣ не только скотины рогатой даже не осталось, а изъ птицъ ни одного пера; все прiѣли. И сейчасъ не осталось никакого продовольствія и пропитанія. Весь народъ примретъ съ голоду, всѣмъ грозитъ голодная смерть. Я даже своего хлѣба давалъ, кому четверть фунта, кому полфунта, но чтобы провести голодъ, этимъ не прокормишь. Собственно нынѣ у меня нѣту хлѣба для себя. А потому честь имѣю просить, г. урядникъ, не оставить насъ своимъ милостивымъ ходатайствомъ, на что будемъ ожидать". Подпись. На этомъ рапортѣ полицейскимъ урядникомъ написано: „Съ представленіемъ сего господину приставу 6 стана белебеевскаго уѣзда, имѣю честь его высокоблагородію донести, что въ деревнѣ Большомъ Чакмакѣ жители совершенно никакихъ средствъ къ пропитанію не имѣютъ, и если только въ скоромъ времени не получатъ продовольствія отъ правительства, то навѣрное будутъ умирать отъ голода".

Приведенная въ подлинникѣ эта любопытная переписка весьма характерна для переживаемаго момента. Въ дворахъ земскихъ управъ и земскихъ начальниковъ съ утра до ночи теперь толпятся сотни народа и просятъ помощи; въ уѣздѣ къ каждому должностному лицу, включая и полицейскаго урядника, поступаютъ подобнаго рода рапорты и прошенія „о милостивомъ ходатайствѣ".

Цѣлый рядъ прошеній, поданныхъ участникамъ отряда Краснаго Креста, отъ различныхъ обществъ, свидѣтельствуетъ о бѣдственномъ положеніи просителей. Такъ, довѣренный отъ общества крестьянъ д. Ичима, старомельвеньскаго общества, мензелинскаго уѣзда, указываетъ, что, вслѣдствіе прекращенія выдачи ссудъ рабочему населенію, довѣрители его „стали претерпѣвать недостатокъ въ пропитаніи, за неимѣніемъ средствъ покупать хлѣбъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ такого имущества, которое могли бы продать или заложить; въ настоящее время они претерпѣваютъ совершенный голодъ и находятся въ самомъ безвыходномъ положеніи“. Крестьяне болтаевской волости того же уѣзда жалуются на крайнюю недостаточность ссуды и указываютъ, что при полномъ отсутствіи мѣстныхъ заработковъ „нѣтъ никакой возможности отправиться на сторону, потому что не имѣемъ на то ни одежды, ни денегъ на пропитаніе въ пути; почему намъ приходится претерпѣвать голодъ въ кругу своихъ семействъ“. А вотъ чтò пишутъ крестьяне деревни Старо-Мазино въ своемъ прошеніи: „Наши жители дошли до крайняго разоренія и не могутъ обойтись безъ помощи продовольственной ссуды, не могутъ пропитывать себя и свои семейства. Скотину проѣли; остается только одно средство—ходить по міру, чтò запрещено закономъ. И то бы мы были согласны, только что вблизи вездѣ неурожай хлѣбовъ, да къ тому же у нашихъ жителей и одежды не имѣется. Идти также никуда невозможно; а здѣсь заработковъ нѣтъ“. Такихъ прошеній, заявленій, ходатайствъ изъ различныхъ мѣстъ въ нашемъ распоряженіи цѣлые десятки, но мы ихъ не приводимъ, такъ какъ всѣ они говорятъ объ одномъ и томъ же: нѣтъ ни хлѣба, ни денегъ на покупку его; нѣтъ и заработковъ. Ссудъ на одно нерабочее населеніе далеко недостаточно, вслѣдствіе чего голодаютъ по нѣскольку дней каждаго мѣсяца, не имѣя ни крошки хлѣба. И что въ этихъ прошеніяхъ нѣтъ ничего преувеличеннаго, объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ показанія какъ мѣстныхъ, не заинтересованныхъ интеллигентныхъ лицъ, такъ и самихъ участниковъ отряда. Въ одномъ селеніи болтаевской волости, мензелинскаго уѣзда, учитель земской школы, принимавшій участіе въ организаціи благотворительной помощи Краснаго Креста, пишетъ въ своемъ донесеніи:

„18-го ноября я приглашалъ сельскаго старосту байсаровскаго общества и просилъ его указать лицъ, крайне нуждающихся въ хлѣбѣ. Сельскій староста назвалъ такихъ лицъ и отправился по деревнѣ узнать точнѣе, сколько всего наберется ихъ,

и далъ слово немедленно прислать ко мнѣ за хлѣбомъ голодный людъ. Вечеромъ означеннаго числа явилось за хлѣбомъ 29 человѣкъ, въ числѣ ихъ больше было женщинъ-вдовъ и дѣтей сиротъ. Добросовѣстные старики, бывшіе тутъ, единогласно объявили мнѣ, что всѣ 29 человѣкъ голодны. Немедля мною было роздано имъ по 3 ф. хлѣба на человѣка, т.-е. на 3 дня. На другой день слухи о раздачѣ хлѣба мною дошли до д. Аккузовой, и оттуда 19 числа явилось за хлѣбомъ 152 человѣка съ сельскимъ старостой аккузовскаго общества, между ними было нѣсколько человѣкъ калѣкъ; у троихъ лица были пухлыя. На мой вопросъ: отчего распухло у нихъ лицо?—они отвѣтили мнѣ, что отъ голоду; то же подтвердилъ и сельскій староста аккузовскаго общества. Всѣ 152 человѣка были, повидимому, очень бѣдны, судя по ихъ лохмотьямъ и по изнуреннымъ физіономіямъ".

Участники отряда Краснаго Креста при своихъ разъѣздахъ по оказанію помощи пострадавшему отъ неурожая населенію повсюду слышали жалобы на недоѣданіе, на отсутствіе заработковъ, на неимѣніе корма скоту и топлива и общее угнетенное состояніе. Помощники уполномоченнаго, гг. Грудининъ и Риманъ, въ своемъ донесеніи пишутъ: „Вообще всюду по пріѣздѣ въ деревни насъ окружали толпы народа въ лохмотьяхъ, просящихъ помощи имъ, молча ожидающіе ея; составъ толпы самый разнородный, начиная отъ женщинъ съ грудными дѣтьми и кончая взрослыми здоровыми работниками. Во всемъ 10 земскомъ участкѣ (мензелинскаго уѣзда), а также гдѣ-либо вблизи, абсолютно нѣтъ никакихъ заработковъ, а потому не имѣющіе права на ссуду живутъ на счетъ получающихъ ее. Ссуда фактически раздѣляется такимъ образомъ между бо̀льшимъ числомъ ѣдоковъ, сравнительно съ раздаточными списками: приблизительно на $^1/_3$ всего получающихъ ссуду. Количество скота повсемѣстно сократилось съ 1-го августа приблизительно на половину. Оставшемуся скоту кормовъ всюду недостаточно: ихъ хватитъ до января и только у рѣдкихъ хозяевъ до конца января". Въ бирскомъ уѣздѣ многія волости поражены сильно, и по степени неурожая и напряженности нужды мало чѣмъ отличаются другъ отъ друга. Я приведу на выдержку отзывъ помощника уполномоченнаго, доктора Шеманскаго, о положеніи населенія кизганбашевской волости. „Почти вся волость,—пишетъ онъ,—поражена полнѣйшимъ неурожаемъ, за исключеніемъ самыхъ незначительныхъ островковъ. Населеніе сильно бѣдствуетъ. Масса голодныхъ, которымъ совершенно ѣсть нечего. Ссуды положительно недостаточно. Въ особенности дѣти сильно бѣдствуютъ. Появились на

почвѣ голоданія разнаго рода болѣзненныя явленія (одутловатость лица и живота, крайнее истощеніе всего организма, жалобы на слабость питанія, нѣкоторые признаки цынги)".

Или вотъ характеристика верхне-тамышловской и павловской волостей того же уѣзда.

„Неурожай полный какъ озимыхъ, такъ и яровыхъ хлѣбовъ и сѣна. Положеніе еще болѣе обостряется тѣмъ, что неурожай уже второй годъ. На лучшихъ десятинахъ въ нынѣшнемъ году намолочено отъ 2-хъ до 4-хъ пудовъ. Голодъ уже сейчасъ заглянулъ въ хату. Населеніе тѣмъ болѣе разорено, что въ прошломъ году еще все лишнее было продано на хлѣбъ, въ нынѣшнемъ же приходится уже продавать самое необходимое. Заурядное явленіе—встрѣтить въ хатѣ, часто безъ крыши, дѣтей, около 10-лѣтняго возраста, совершенно нагихъ или полунагихъ. Ссуда дается, но ея никоимъ образомъ хватить всей семьѣ не можетъ, да къ тому же списки ѣдоковъ не всегда составлены правильно. Заходя на удачу въ дворы, я встрѣчалъ семьи, въ которыхъ почему-то изъ числа получающихъ ссуду исключены то старуха-мать, то слѣпой сынъ и т. п. Населеніе до крайности истощено. Впечатлѣніе сильное и неизгладимое производятъ эти люди, изо-дня-въ-день мучимые голодомъ, не имѣвшіе во рту за цѣлый день ничего, кромѣ небольшого куска хлѣба и грязнаго, жидкаго чая. Уныніе полное".

Въ другомъ мѣстѣ своего доклада докторъ Шеманскій констатируетъ, что „все населеніе питается исключительно однимъ хлѣбомъ, и кирпичнымъ чаемъ. Хлѣба во многихъ провѣренныхъ мною семьяхъ приходится по 10—15 ф. на семью въ 5—6 человѣкъ, на недѣлю. Но есть такія семьи, гдѣ на среднюю семью приходится только отъ 5—10 ф. въ недѣлю. Надо удивляться, какъ только живы и сравнительно здоровы люди при такихъ условіяхъ". Въ с. Байгузукинѣ той же волости докторъ не могъ найти для себя ни одного куска чистаго хлѣба. Самый лучшій хлѣбъ оказался съ примѣсью картофеля, который, наконецъ, нашелся у одного богатаго хозяина. Въ этомъ селеніи докторъ обошелъ не менѣе 20 домовъ и повсюду встрѣчалъ хлѣбъ изъ лебеды. Среди взрослыхъ и дѣтей многіе были истощены, обезсилены, съ цынготными деснами и вздутыми животами. О полной необезпеченности хлѣбомъ свидѣтельствуетъ также и донесеніе другого помощника уполномоченнаго, г. Маркозова. „Несмотря на замѣчательное терпѣніе здѣшняго башкирскаго населенія,—говоритъ онъ,—бывали неоднократно случаи, когда цѣлыя семьи падали на колѣни и просили хоть кусокъ

хлѣба, увѣряя, что не ѣли по два, по три дня. Это—болѣе чѣмъ вѣроятно. Я осматривалъ въ такихъ случаяхъ подробно всю избу, и кромѣ квашни, издающей слабый запахъ хлѣба, никакихъ другихъ воспоминаній о хлѣбѣ не находилъ".

Понятно, что уже съ октября мѣсяца населеніе главнымъ образомъ стало продовольствоваться земской ссудой, выдаваемой по 35 ф. зерномъ на нерабочее населеніе. Однако, въ каждомъ селеніи приходилось слышать, что тридцати-пяти-фунтовый паекъ на нерабочее населеніе недостаточенъ для ежемѣсячнаго продовольствія, такъ какъ полученная ссуда, распредѣляясь на всю семью, не удовлетворяла самый скромный размѣръ потребностей. Ее хватало на 20 дней, а послѣдніе дни въ ожиданіи новой выдачи приходилось жить впроголодь или въ широкомъ размѣрѣ пользоваться суррогатами. На недостаточность земской ссуды всего болѣе и жаловалось населеніе.

„Увѣряютъ всюду,—пишетъ, напр., г. Грудининъ,—что получающіе земскую ссуду съѣдаютъ ее въ продолженіе 15—20 дней, а остальное время, т.-е. отъ 10 до 15 дней въ мѣсяцъ, должны жить за счетъ продажи скота или же существовать, чѣмъ Богъ пошлетъ, если скота нѣтъ въ хозяйствѣ: на другое имущество дома и др. постройки, одежду, пашню, луга, — покупателей не находится, такъ какъ нужда сплошная; всѣ хотятъ продавать и никто не имѣетъ возможности покупать. Хлѣбныхъ запасовъ отъ прежнихъ лѣтъ у населенія не имѣется. Прошлые годы были по урожаю ниже средняго, и значительная часть населенія отдѣльныхъ селеній весною текущаго года пользовалась продовольственной ссудой изъ общественныхъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ, или же самовольно разобрали тогда же хлѣбъ изъ магазиновъ. Въ селеніяхъ въ 100—150 дворовъ сейчасъ находится развѣ 2—3 семьи, имѣющія свой хлѣбъ отъ прежнихъ годовъ, остальное населеніе живетъ покупнымъ хлѣбомъ съ іюня и іюля и земской ссудой.

„Населеніе не ограничивается ходатайствомъ объ увеличеніи ссуды на ѣдока, но проситъ о выдачѣ ея и на рабочее населеніе. Въ раздаточные списки, случается, въ число ѣдоковъ вносились лица рабочаго возраста, а также дѣти менѣе 2 лѣтъ, на которыхъ земская ссуда почему-то не выдается, также фактически попадали въ число ѣдоковъ; мѣстами даже увеличивалось число членовъ отдѣльныхъ семей. Подобныя нарушенія правилъ выдачи ссудъ главнымъ образомъ практикуются наиболѣе вліятельными, болѣе состоятельными хозяевами.

Круговая же порука ведетъ къ тому, что хозяева, имѣющіе

возможность просуществовать безъ ссуды, сознаютъ, что имъ, все равно, придется платить продовольственную недоимку, а потому стремятся получить ссуды по возможности больше. Бѣднота же, не имѣющая скота и не производящая посѣва хлѣбовъ, часто сознательно не вносится въ раздаточные списки, составляющіеся на мірскихъ сходахъ: за бѣдноту придется платить недоимку остальнымъ членамъ общества. Неприписанное населеніе—посторонніе—совершенно не вносятся въ раздаточные списки.

„Раздаточные списки провѣряются земскимъ начальникомъ часто формально, въ присутствіи понятыхъ и старосты, а не по семейнымъ спискамъ, которые находятся въ большомъ безпорядкѣ. Поэтому неудивительно, что многія семейства, а иногда нѣкоторые члены семьи, имѣющіе право на ссуду, въ раздаточные списки не попадаютъ; такія семьи и лица пользуются пособіемъ отъ Краснаго Креста, а также всѣ неприписанные, нуждающіеся въ пособіи".

„Ко всему этому,—говоритъ г. Маркозовъ,—бѣдствіе, само по себѣ большое, еще увеличивается неаккуратностью выдаваемой ссуды. Въ трехъ волостяхъ 25-го ноября ссуды еще не было выдано, а въ имяникульской, напримѣръ, октябрьская ссуда выдана была только 5-го ноября. Благодаря запаздыванію ссуды, населеніе кредитуется у мѣстныхъ кулаковъ и расплачивается частью при полученіи ссуды, а частью покрываетъ свой долгъ заборомъ подъ жнитво и отдачей въ аренду своихъ земель. Условія кредита чрезвычайно тяжелыя: сжать десятину даютъ 1 р. 60 к., за аренду десятины 1 р. 60 к.—2 р., вмѣсто 3 р. 50 к., при чемъ только часть денегъ выдается сейчасъ, а остальныя обѣщаютъ отдать послѣ урожая, т.-е. опять-таки этимъ путемъ не облегчается положеніе. Конечно и этотъ послѣдній источникъ дохода—кредитъ—уже скоро изсякнетъ".

II.

Вышеприведенные отзывы лицъ, непосредственно на мѣстахъ наблюдавшихъ и провѣрявшихъ нужду, достаточно ярко рисуютъ безотрадное положеніе населенія. Нельзя сказать, чтобы бѣдствіе обрушилось на головы неожиданно, хотя оно и застало населеніе совершенно неподготовленнымъ къ борьбѣ. Предшествующіе неурожаи въ значительной мѣрѣ подорвали хозяйственныя силы, истощили имѣвшіеся у среднихъ домохозяевъ запасы и такимъ образомъ создали тѣ неблагопріятныя условія, которыя еще болѣе обострились въ 1898 году.

Серьезность положенія, вызванная неурожаемъ этого года, была сознана и губернской администраціей, и представителями земства. Уже въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда окончательно выяснилась погибель озимыхъ и яровыхъ полей, была немедленно испрошена ссуда на озимое обсѣмененіе и было предпринято экономическое изслѣдованіе для опредѣленія нужды какъ со стороны земства, такъ и администраціи. Оба изслѣдованія вполнѣ подтвердили тяжелое положеніе настоящаго года и опредѣлили количества, потребныя на продовольствіе нуждающагося населенія. Чрезвычайныя губернскія земскія собранія, созванныя въ іюлѣ и сентябрѣ спеціально для разрѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ неурожаемъ 1898 года, постановили начать выдавать продовольственную ссуду немедленно до августа будущаго года и на все населеніе, не исключая и рабочихъ, по 35 фунт. въ мѣсяцъ на человѣка, и опредѣлили общій размѣръ продовольственной ссуды въ 5.385.000 пудовъ, кромѣ сѣмянъ, потребныхъ на яровое обсѣмененіе. Однако, такое постановленіе земскаго собранія не вполнѣ было уважено, такъ какъ размѣръ продовольственной ссуды уменьшенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ на все рабочее мужское населеніе. Такимъ образомъ въ настоящее время продовольственная ссуда выдается нерабочему населенію, опредѣляемому возрастомъ до 16 лѣтъ и отъ шестидесяти, и рабочимъ женщинамъ; послѣднимъ, однако, ссуда выдается еще не вездѣ. Исключеніе рабочаго населенія изъ числа имѣющихъ право на ссуду исходило, по всему вѣроятію, изъ того предположенія, что таковое всегда можетъ или вблизи мѣстъ жительства, или на сторонѣ найти необходимый для своего существованія заработокъ. Такое предположеніе, однако, не вполнѣ оправдывается, хотя администраціей и приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы доставить рабочимъ заработокъ и облегчить путь по проѣзду.

Въ болѣе широкомъ видѣ общественныя работы, проектированныя губернаторомъ, не могли осуществиться въ виду категорическихъ указаній, отклонившихъ ихъ, выраженныхъ по этому предмету особымъ продовольственнымъ совѣщаніемъ въ Петербургѣ подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ. Открытыя же дорожныя земскія работы, всего на сумму 200.000 р., могли удовлетворить лишь небольшой контингентъ рабочихъ, такъ какъ за наступленіемъ зимы почти всѣ работы должны были прекратиться. Вся остальная масса, достигающая до 300.000 душъ мужского пола рабочаго возраста, за отсутствіемъ на мѣстѣ въ пострадавшихъ уѣздахъ фабрикъ, заводовъ, кустарнаго промысла, должна неминуемо остаться безъ работы и продовольствоваться

за счетъ выдаваемой семьямъ ссуды. Хотя губернаторомъ и организовано въ г. Уфѣ особое бюро для сгруппированія свѣдѣній о спросѣ на рабочихъ и направленіи послѣднихъ на работы, однако, двинуться на работы далеко за предѣлы своихъ уѣздовъ большая часть населенія не можетъ за отсутствіемъ для сего необходимыхъ средствъ на путевое довольствіе, теплой одежды и друг. [1]). Такимъ образомъ фактически, за малымъ въ общемъ исключеніемъ, рабочее населеніе мужского пола питается тою же продовольственною ссудой, но только размѣръ ея на каждаго члена семьи значительно уменьшается въ зависимости отъ состава рабочихъ членовъ и падаетъ нерѣдко до 20—25 фунт. Нельзя поэтому не придти къ заключенію, что при настоящемъ крайне плохомъ экономическомъ положеніи пострадавшихъ уѣздовъ, отсутствіи на мѣстѣ всякихъ заработковъ, лишеніе рабочаго населенія ссуды крайне тяжело отразится на крестьянскомъ хозяйствѣ, заставитъ израсходовать послѣднее имущество и истощитъ окончательно силы. Такое положеніе тѣмъ болѣе является серьезнымъ, что и самый размѣръ назначенной ссуды по 35 фунтовъ въ мѣсяцъ на ѣдока нужно считать далеко не удовлетворяющимъ потребности.

Послѣдствія неурожая отразились главнымъ образомъ на продовольствіи населенія и разстройствѣ хозяйства; повсюду наблюдается уменьшеніе скота, сокращеніе площади посѣва и усиленная сдача въ аренду надѣльной земли. Въ какой мѣрѣ въ дѣйствительности проявилось неблагопріятное вліяніе неурожая на указанныя стороны, я и разсмотрю въ самыхъ общихъ чертахъ ниже.

Уже съ августа и сентября прошлаго года почти все населеніе стало продовольствоваться покупнымъ хлѣбомъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покупали хлѣбъ и съ весны. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ покупали хлѣбъ съ базаровъ отъ единичныхъ богатыхъ крестьянъ и у землевладѣльцевъ, а также у мѣстныхъ купцовъ. Только въ нѣкоторыхъ селеніяхъ $^1/_3$—$^1/_4$ домохозяевъ до конца этого года, благодаря болѣе высокому урожаю и старымъ запасамъ, не покупали хлѣба. Обыкновенно покупали на наличныя деньги, и только въ началѣ осени богатые крестьяне отпускали хлѣбъ подъ работу будущаго года, а иногда и въ долгъ. Но уже въ октябрѣ и ноябрѣ, по общимъ отзывамъ, кредитъ былъ закрытъ, и ни въ долгъ, ни подъ работу получать

[1]) Красный Крестъ теперь выдаетъ путевое довольствіе рабочимъ, уходящимъ на заработки.

хлѣбъ стало невозможно. Во многихъ мѣстахъ населеніе терпѣло уже 2-й и даже 3-й годъ подъ рядъ неурожаи. Цѣна ржаной муки стояла съ августа отъ 80 до 90 коп. и до 1 рубля. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходила до 1 р. и 1 р. 5 коп., тогда какъ въ среднемъ за 10 лѣтъ съ 1885 по 1894 цѣна ржи для уфимской губерніи опредѣляется за пудъ въ 48 коп., и только въ 1891 году доходила до 1 руб. 22 коп.

Огородныя овощи и картофель и въ обычные годы не имѣютъ значительнаго распространенія среди жителей уфимской губерніи, а такъ какъ въ 1898 г. не уродилось ни картофеля, ни овощи, то понятно, что для огромнаго большинства семей потребленіе этихъ подсобныхъ продуктовъ питанія сократилось до минимума.

Въ белебеевскомъ уѣздѣ, изъ числа 21 изслѣдованныхъ волостей въ 7 ни картофеля, ни овощей совсѣмъ не было. Въ другихъ же картофель уродился только у немногихъ; сборъ его вообще оказался плохой, и потому къ началу 1897 года у большинства населенія не оказалось ничего, кромѣ ржаного хлѣба. Судя по составленнымъ описаніямъ селеній, въ семено-макаровской, напримѣръ, волости въ двухъ селеніяхъ запасы картофеля имѣли только 56 домохозяевъ (въ среднемъ отъ 15 до 25 пуд. на семью).

Понятно, что вслѣдствіе недостатка хлѣба и прочихъ продуктовъ для продовольствія, населеніе въ широкой мѣрѣ пользовалось различными суррогатами. Въ 13 волостяхъ белебеевскаго уѣзда отмѣчено употребленіе суррогатовъ.

Самымъ распространеннымъ суррогатомъ нужно признать лебеду и желуди. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ лебеда является главнымъ продуктомъ питанія. Однако, неурожай лебеды въ 1898 году во многихъ мѣстахъ еще болѣе осложнилъ безвыходное положеніе. Изслѣдованіе отмѣтило волости, гдѣ лебеды хватило только до декабря мѣсяца, а въ нѣкоторыхъ и еще меньше. Въ семено-макаровской волости, напримѣръ, с. Нов. Сулли, изъ всего числа домохозяевъ не употребляли суррогата только дворовъ 20, всѣ остальные ѣли лебеду, многіе же исключительно питались только ею; но къ концу декабря запасы ея были на исходѣ. Съ лебедой мѣшали различныя травы: торицу, сурѣпку. Въ кичкинашевской волости всѣ бѣдняки ѣли лебеду и желуди. Въ бакалинской волости только немногіе примѣшивали желуди (лебеда не уродилась). Въ богадинской—въ широкомъ распространеніи лебеда и желуди. Въ нагайбакской волости въ 2-хъ селеніяхъ Старомъ и Новомъ Чекмакѣ дворовъ 40—50 примѣшивали желуди. Въ заитовской волости съ начала осени широко пользовались лебедой,

но, въ виду ея неурожая, запасы скоро вышли. Желуди собирали у мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Въ карьелдинской волости желуди и лебеду употребляютъ повсюду, за исключеніемъ двухъ селеній, покупая ее на базарѣ по 40—50 коп. Въ пяти селеніяхъ этой волости изъ 853 семей 160 семей ѣдятъ лебеду. Въ тюрюшевской волости большая часть населенія примѣшиваютъ лебеду покупную (по 25—40 к. пудъ безъ очистки). Въ д. Кулбаевой, ермекеевской волости, изъ 117 семей чистый хлѣбъ ѣдятъ только семь семей. Остальныя къ хлѣбу примѣшиваютъ лебеду и желуди ($^1/_2$—$^1/_4$ пропорціи къ мукѣ); наибѣднѣйшія ѣдятъ чистую лебеду. Въ д. Старо-Катаевой, куручевской волости, питаются исключительно желудями и лебедой; суррогаты въ значительной степени были распространены здѣсь съ осени, теперь и они вышли. Такое же поголовное распространеніе суррогатовъ отмѣчено и въ имяникульской и старо-калмановской волости; чистый хлѣбъ ѣдятъ только въ теченіе нѣсколькихъ дней по полученіи ссуды.

Въ мензелинскомъ уѣздѣ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, изъ залиской, макаровской, ново-спасской и токмакской волостей сообщаютъ, что нѣкоторые хозяева собрали немного яровыхъ хлѣбовъ—полбы и проса.

Молоко является рѣдкостью, такъ какъ коровы остались у немногихъ хозяйствъ, да и оставшіяся не даютъ молока, вслѣдствіе безкормицы. Въ описаніяхъ, относящихся къ поисевской и мысово-челнинской волостямъ, указывается на употребленіе кирпичнаго чая. Слѣдуетъ упомянуть еще, что безкормица, заставляющая крестьянъ убивать скотъ, доставляетъ время отъ времени отдѣльнымъ семьямъ мясную пищу.

Употребленіе населеніемъ неурожайныхъ мѣстностей въ пищу различныхъ суррогатовъ хлѣбныхъ растеній представляетъ обычное явленіе. Однако въ мензелинскомъ уѣздѣ употребленіе въ пищу суррогатовъ распространено слабѣе, чѣмъ въ белебеевскомъ. Изъ 105 селеній, относительно которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія, въ 81 селеніи, что составитъ 77% общаго числа, суррогаты не употребляются; въ 24, или 23% общаго числа, отмѣчается употребленіе суррогатовъ. Слѣдуетъ, однако, не упускать изъ виду, что мы имѣемъ описанія не всѣхъ селеній вышеисчисленныхъ волостей.

И здѣсь, какъ и въ белебеевскомъ уѣздѣ, первое мѣсто среди этихъ суррогатовъ принадлежитъ лебедѣ; затѣмъ видное мѣсто занимаютъ желуди. Но желуди, очевидно, можно достать только въ мѣстностяхъ, гдѣ растутъ дубовые лѣса, кото-

рые во всякомъ случаѣ встрѣчаются въ уѣздѣ далеко не повсемѣстно; ледеба же не уродилась: пострадала отъ засухи такъ же, какъ и хлѣбъ. Изъ Останкова, останковской вол., напримѣръ, пишутъ: „суррогатовъ не употребляютъ, такъ какъ достать лебеду нельзя: тоже погорѣла". Аналогичныя этой записи мы встрѣчаемъ въ посельныхъ описаніяхъ актанышевской, бойсаровской, ахметевской, заинской, поисевской и мысово-челнинской волостей. Однако, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ крестьяне, очевидно, не дошли еще до такой степени продовольственной нужды, чтобы обратиться къ употребленію въ пищу лебеды и другихъ суррогатовъ; объ этомъ мы заключаемъ изъ того, что составители нѣкоторыхъ описаній, отмѣчая, что суррогаты не употребляются, считаютъ нужнымъ прибавить слово: „пока". Лебеда продается на мѣстныхъ базарахъ на ряду съ хлѣбомъ по 40—50 коп. за пудъ, какъ свидѣтельствуютъ о томъ описанія изъ шорыповской, байсоровской и актаношевской волостей. Въ одномъ случаѣ констатируется, что и желуди продаются: въ Явлевѣ, ахмешевской вол., ихъ собираютъ на продажу. Кромѣ лебеды и желудей, примѣшиваютъ еще въ качествѣ суррогатовъ хлѣба другія растенія. На ряду съ этимъ встрѣчаются сообщенія объ употребленіи въ пищу чистой муки, приготовленной изъ суррогатныхъ растеній. Такъ, изъ Верхняго Такталачука, шорыповской волости, пишутъ: „Покупаютъ лебеду по 40—50 коп. за пудъ, лебеда родилась мѣстами. Лебеду смѣшиваютъ съ мукой, а бѣдные ѣдятъ чистую лебеду, такъ какъ пайка не хватаетъ". Наконецъ, въ одномъ описаніи (тимергалъ-мензелинской волости) сообщается, что жители селенія употребляютъ чай, который состоитъ изъ „лабазника, желудей и цикорія". О вліяніи на здоровье какъ этого чая, такъ и вообще желудей, можно судить по слѣдующимъ двумъ записямъ: „желудиный чай вредный, неловкій, животъ болитъ и голова" (тимергалъ-мензелинской вол.); „...ѣдятъ чистый желудь, горло болитъ и голова кружится, точно пьянъ" (Беркетъ-Клюги, елубайкинской вол.).

Кромѣ ржаного хлѣба, населеніе бирскаго уѣзда главнымъ образомъ питается картофелемъ, который, вслѣдствіе неурожая, въ крайне незначительныхъ размѣрахъ. Въ этомъ уѣздѣ русскія семьи еще имѣютъ небольшіе запасы капусты. Чай кирпичный и хлѣбъ для большинства составляютъ единственную пищу. Въ большомъ распространеніи „салма" (горячая вода, приправленная мукой, съ прибавкой кореньевъ и крупъ). Дѣти и большіе питаются тѣмъ же, чѣмъ и прочіе. Овощи не уродились, лебеда также, поэтому только въ 3—4 волостяхъ ее

примѣшиваютъ въ пищу; въ другихъ мѣстахъ рады бы, да нѣтъ лебеды. Желуди распространены въ павловской и илишевской волостяхъ; въ послѣдней жители ѣдятъ лебеду въ смѣси съ мукой и желудями (послѣднихъ большая пропорція). Смѣсь эта стоитъ 50 к. пудъ на базарѣ (молотый). Желуди собираютъ изъ казеннаго лѣса за плату. Ѣдятъ въ смѣси съ „дикарышникомъ“ (куколь), съ ржаной мукой. Дикарышникъ собираютъ съ своихъ полей.

Такимъ образомъ на почвѣ безусловно пониженнаго однообразнаго питанія, при томъ качественно вреднаго, нельзя не ожидать распространенія эпидемическихъ заболѣваній. Уже и теперь, когда не прошло и четырехъ мѣсяцевъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отмѣчено появленіе голоднаго тифа. Я лично видѣлъ людей, опухшихъ отъ хроническаго недоѣданія и пораженныхъ цынгою. Правда, эти случаи единичны, но въ будущемъ, если не будутъ приняты своевременныя мѣры, чтобы поддержать питаніе населенія, они станутъ не рѣдки. Приводимыя данныя съ очевидностью доказываютъ значительное пониженіе питанія населенія, какъ первое послѣдствіе неурожая, но вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдователи единогласно указываютъ и на разстройство хозяйственныхъ силъ у населенія. Чтобы ближе познакомиться съ тѣмъ вліяніемъ, которое оказалъ неурожай 1898 года въ этомъ отношеніи, я приведу нѣсколько описаній отдѣльныхъ дворовъ, напримѣръ, останковской волости, мензелинскаго уѣзда. Волость эта пострадала отъ неурожая почти въ равной мѣрѣ съ другими мѣстностями уѣзда; поэтому описанные дворы не находятся въ исключительномъ положеніи, если сравнивать ихъ съ средними дворами по уѣзду. Вотъ двѣ бѣдныхъ семьи, и до неурожая не имѣвшихъ лошадей. Семья Емельяна Протасьева состоитъ изъ четырехъ человѣкъ: мужа, жены и двухъ дѣтей. Изба ветхая, наполовину вросла въ землю, полутемная; въ избѣ сыро, запахъ гнили. Старая соломенная крыша служила уже съ осени кормомъ для коровы; ею же хозяинъ топитъ избу. Къ 1 августа у Протасова были три коровы, но такъ какъ отъ недоброкачественнаго корма коровы начали чахнуть и одна изъ нихъ пала, то остальныхъ двухъ Протасьевъ продалъ за 4 рубля на базарѣ. Съ десятины посѣва онъ не собралъ ни зерна; за четыре мѣсяца продовольствовался покупнымъ хлѣбомъ,—купилъ около 10 пудовъ,—и ссудой съ августа мѣсяца, которой получилъ всего 13 пудовъ. Кромѣ ржаного хлѣба, ничего другого не было, суррогатовъ не примѣшивалъ. Теперь топитъ избу остатками крыши, камышемъ, а въ будущемъ намѣревается топить

плетнемъ и столбами отъ своего опустѣлаго двора. Деньги на хлѣбъ получилъ отъ продажи 2 коровъ; продалъ оглобли, сани, борону, да лѣтомъ заработалъ поденно около 10 рублей, на что̀ и жилъ до сихъ поръ. Мальчикъ 10 лѣтъ, его сынъ, хочетъ въ школу, но не имѣетъ одежды даже, чтобы выйти на улицу. Отецъ помочь бѣдѣ не можетъ: продать нечего; что̀ раньше заработалъ—все проѣли, и теперь приходится довольствоваться земскимъ пайкомъ въ размѣрѣ 2 п. 25 ф. ржи на мѣсяцъ. Другой безлошадный дворъ, Василія Никитина, состоитъ изъ 3 мужчинъ работниковъ и одной женщины. Кромѣ нихъ изъ нерабочаго возраста въ семьѣ 6 человѣкъ; два работника проживаютъ на сторонѣ на заработкахъ. Семья живетъ въ убогой полусгнившей сырой избушкѣ; крыша раскрыта; солома сгорѣла въ печкѣ еще въ прошлую зиму. Теперь изба отапливается стропилами, слегами, на топливо же вытаскиваютъ срубъ изъ колодца. Но всего этого хватитъ на недѣлю; валежника въ казенномъ лѣсу нѣтъ, да когда онъ еще и былъ, пользоваться было трудно безъ лошади. Единственная корова продана за 7 руб.; съ двухдесятиннаго посѣва ничего не собрано, а въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ съѣли 40 пуд., покупали хлѣба и 24 пуда получили ссуды съ августа. Покупали хлѣбъ на деньги, вырученныя отъ заработковъ и 6 рублей отъ продажи сельскохозяйственнаго инвентаря. Старшій мальчикъ 13 лѣтъ ходитъ въ школу; хочется также учиться и двумъ дѣвочкамъ 11 и 9 лѣтъ, да бѣда—нѣтъ одежды даже на улицѣ поиграть. Ребятишки въ однѣхъ рваныхъ рубашонкахъ. Приведу одинъ, на мой взглядъ, весьма характерный образецъ „упалаго двора". Семья Ѳедора Андреянова состоитъ изъ мужа, жены и 5 человѣкъ нерабочаго возраста. Къ 1 августа Андреяновъ имѣлъ лошадь, корову и 4 головъ мелкаго скота; съ посѣва въ 2 дес. онъ собралъ только 1 пудъ ржи; 15 пудовъ купилъ и 20 пудовъ получилъ въ ссуду. Въ 4 мѣсяца распродалъ весь свой скотъ. Вотъ въ какихъ словахъ описываетъ изслѣдователь эту семью: „избушкѣ Андреянова позавидовалъ бы самый ярый отшельникъ: ширина и длина ея не болѣе 5 аршинъ. Стѣны покривились; бревна сгнили и лѣзутъ другъ на друга, и едва поддерживались валомъ изъ назьма, которымъ завалена избушка. Валъ этотъ почти закрываетъ всѣ окна и такимъ образомъ служитъ защитой отъ сквозного вѣтра, который могъ бы свободно проникать черезъ огромныя щели. Печь безъ трубы. Въ избѣ, что въ коптильнѣ. На дворѣ пусто. Былъ кусокъ плетневаго забора, но и онъ сожженъ въ печкѣ; такая же участь ждетъ и землянку, гдѣ содержался скотъ, и

старую гнилую крышу, такъ какъ топлива нѣтъ и не на что купить. Хозяинъ откровенно сознавался, что для сохраненія лошади онъ „пыталъ счастье на барскомъ гумнѣ" и нѣсколько разъ довольно удачно, но однажды попался и получилъ такую „нотацію", что теперь и глядѣть туда неохота. Попробовалъ-было и у сосѣдей стянуть вязанку соломы, но тутъ съ перваго же раза попался. Такъ и не выдержалъ: продалъ послѣднюю лошаденку".

Семья другого крестьянина, Василія Самойлова, состоитъ изъ 9 человѣкъ. Съ августа онъ продалъ лошадь, единственную корову; овца пала отъ безкормицы. Въ день осмотра двора Самойлова, онъ началъ раскрывать крышу для корма оставшейся лошади. Но плохой это будетъ кормъ, такъ какъ солома наполовину сгнила; топлива также нѣтъ. Въ старой избушкѣ сыро и холодно. Одежда на всѣхъ рваная. Никакихъ пожитковъ въ избѣ не видно. Деньги, заработанныя и полученныя отъ продажи коровъ и лошади, проѣдены. „Все это указываетъ,—замѣчаетъ изслѣдователь,—что семья Самойлова переживаетъ тяжелое время, несмотря на трудолюбіе и хозяйственность". О семьѣ Петра Павлова изслѣдователь пишетъ: „Во дворѣ этомъ, видимо опрятномъ, тоже гнѣздится нужда. Землянка и сарай, гдѣ стояла скотина, идутъ на топливо. Большимъ подспорьемъ для семьи служитъ то, что старикъ отецъ хозяина собиралъ по сосѣднимъ деревнямъ милостыню".

Приведу еще въ примѣръ семью одного разорившагося башкира тюрюшевской волости с. Кармалы-Тамакъ, белебеевскаго уѣзда. Въ 1897 г. онъ считался богатымъ, а теперь пришелъ въ полное обнищаніе. Въ 1897 г. онъ имѣлъ 6 лошадей, 9 коровъ и 30 головъ мелкаго скота; къ 1 августа 1898 года онъ распродалъ и имѣлъ только 3 лошади, 4 коровы и 10 штукъ мелкаго скота, а въ декабрѣ 1898 г. у него оказалось только 5 головъ мелкаго скота; весь остальной скотъ онъ продалъ, а 2 овецъ зарѣзалъ. Семья состоитъ изъ 9 человѣкъ; за 4 мѣсяца онъ купилъ 10 пудовъ ржи, да собралъ съ 7 десятинъ не болѣе 20. Кромѣ этого хлѣба, у него еще имѣлось съ 5 пудовъ полбы. Хлѣбъ ѣдятъ съ лебедой.

„Несмотря на то,—пишетъ объ этой семьѣ изслѣдователь,—что дворъ и домъ у него большіе, я замѣтилъ полное отсутствіе какихъ бы то ни было вещей, служащихъ убранствомъ избы и необходимыхъ для житья. У него вся обстановка состояла изъ голыхъ наръ". Подъ вліяніемъ безкормицы и необходимости прибѣгать къ продажѣ скота для покупки хлѣба, по-

всюду изслѣдованіе отмѣчаетъ значительную убыль скота какъ среди русскихъ, такъ и среди инородцевъ. По оффиціальнымъ даннымъ, полученнымъ изъ волостныхъ правленій, о 109 селеніяхъ белебеевскаго и 105 мензелинскаго округа, убыль скота за 4 мѣсяца (августъ—ноябрь) въ процентахъ достигаетъ:

	Лошадей.	Коровъ.
въ белебеевскомъ	20,7	52,8
„ мензелинскомъ	32,0	52,0

Изъ этого числа въ процентахъ:

	Пало.	Зарѣзано.	Продано.
Лошадей:			
въ белебеевскомъ	5,0	45,7	49,3
„ мензелинскомъ	2,0	32,0	66,0
Коровъ:			
въ белебеевскомъ	2,0	63,0	35,0
„ мензелинскомъ	1,0	58,0	41,0

По тѣмъ же даннымъ на 1 дворъ приходилось:

	Лошадей:		Коровъ:	
	1 августа	1 декабря	1 августа	1 декабря
белебеевскій уѣздъ.	1,5	1,1	1,6	0,7
мензелинскій	1,3	0,9	1,1	0,5

Мы не можемъ исчерпать въ журнальной статьѣ всѣхъ данныхъ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи, чтобы характеризовать упадокъ хозяйственныхъ силъ населенія, но уже приведенныхъ достаточно, чтобы представить себѣ, насколько сильно повліялъ на ихъ ослабленіе неурожай 1898 г. По многочисленнымъ показаніямъ, число безлошадныхъ достигаетъ теперь 50 проц.

Все сказанное не оставляетъ и тѣни сомнѣнія въ дѣйствительно бѣдственномъ положеніи населенія и необходимости самой широкой помощи. Выдача продовольственныхъ ссудъ отъ правительства, а также благотворительная помощь общества Краснаго Креста, несомнѣнно, поддержатъ населеніе и позволятъ ему съ грѣхомъ пополамъ дожить до новаго урожая. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, при полномъ упадкѣ хозяйства, выдвигается роковой и не терпящій отлагательства вопросъ о томъ, какъ поддержать пошатнувшееся крестьянское хозяйство. Уже и теперь пострадавшее населеніе не имѣетъ средствъ прожить за счетъ своихъ постоянныхъ, хотя и скудныхъ, доходовъ и было вынуждено ликвидировать свое хозяйство; уже и теперь половина населенія, лишившись лошадей, не въ состояніи поддерживать хозяйство, а слѣдовательно, должна потерять свою экономическую самостоятельность. Масса народа перейдетъ въ раз-

рядъ батраковъ и нищихъ, неоплатныхъ должниковъ государству, и тѣмъ самымъ еще болѣе увеличить тотъ контингентъ лицъ, который при каждомъ случайномъ бѣдствіи, даже незначительномъ неурожаѣ, будетъ нуждаться въ благотворительной помощи. Несомнѣнно, было бы ошибочно приписывать причину тяжелаго положенія населенія однимъ только неблагопріятнымъ климатическимъ условіямъ, вліяющимъ на урожай хлѣбовъ. Какъ бы ни были тяжелы случайныя бѣдствія и неурожаи, но, если населеніе имѣетъ духовный и матеріальный запасъ силъ, оно вынесетъ эти бѣдствія. Уже то обстоятельство, что неурожаи стали явленіемъ хроническимъ, свидѣтельствуетъ о ненормальности условій жизни. Низкій уровень культурнаго развитія, первобытные пріемы земледѣлія, поголовное невѣжество и приниженность населенія не даютъ ему возможности подняться на болѣе высокій уровень зажиточности.

Русская деревня до сихъ поръ представляетъ особый міръ, который въ теченіе столѣтій не только не подвинулся въ своемъ развитіи, но сдѣлалъ крупный шагъ назадъ. Потребности крестьянскія крайне ограничены, питаніе — скудно, обстановка — жалка, а духовный міръ—узокъ и бѣденъ. Всѣ блага государственныхъ мѣропріятій, направленныхъ на подъемъ благосостоянія Россіи, всѣ усовершенствованія промышленной техники до сихъ поръ не коснулись деревни: крестьянинъ по прежнему живетъ въ грязной и темной избѣ, носитъ свои самодѣльныя грубыя одежды или, въ лучшемъ случаѣ, пользуется низкимъ сортомъ фабричныхъ ситцевъ, питается однимъ чернымъ хлѣбомъ и картофелемъ, пашетъ примитивной сохой, а свободное отъ полевыхъ работъ время проводитъ въ праздности, не имѣя и не зная другихъ промысловъ. При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ случайныя бѣдствія переходятъ въ постоянныя, съ которыми крестьянамъ не по силамъ бороться.

И объ этомъ необходимо серьезно подумать, хотя бы только въ видахъ сохраненія платежныхъ силъ страны.

Дим. Головачевъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Природа сѣвера, бѣдна ты красотой,
Ты взора не прельстишь картиной грандіозной,
Но милъ мнѣ обликъ твой своею простотой,
Своей наружностью и дикой, и серьезной.

Люблю твои холмы, изрытые весной
И снѣгомъ тающимъ, и теплыми дождями,
Гдѣ пахнетъ свѣжею, душистою сосной,
Согрѣтой первыми горячими лучами.

И зелень блѣдную засѣянныхъ полей,
Тропы, чуть видныя, безчисленныхъ проселковъ,
И чащу плотную и темную елей,
И видъ неправильно разбросанныхъ поселковъ.

И гладь твоихъ болотъ, идущихъ безъ конца
Такою грустною, пустынною равниной,
Гдѣ, точно какъ въ степяхъ, нѣтъ даже деревца,
Гдѣ глазу не найти опоры ни единой.

И узкое русло извилистой рѣки,
Пробившей трудный путь по мѣстности холмистой,
Гдѣ скошена съ трудомъ и смётана въ стоги,
Чуть видная, трава на почвѣ каменистой.

И этотъ лѣсъ, далекій, мрачный лѣсъ
Съ темно-зеленою, пушистою хвоею,

Что̀ будто гранью легъ межъ сводами небесъ
И блѣдно-сѣрою, печальною землею.

Люблю, когда зимой ты, снѣжный свой покровъ
Набросивъ на себя, лѣниво засыпаешь,
И мощною рукой подъ тяжестью оковъ
Свободный бѣгъ волны на время укрощаешь;

Когда блестящая на солнечныхъ лучахъ,
Въ порфирѣ ледяной ты царственно безстрастно
Пригоршни серебра на нивахъ и лѣсахъ
Рукою щедрою бросаешь самовластно,—

Суровѣй, холоднѣй становится тогда
Твой видъ и безъ того и грустный, и унылый,
Не видно жизни въ немъ малѣйшаго слѣда
Печать на всемъ лежитъ заброшенной могилы.

Но сердцу моему мила картина та:
Не яркостью цвѣтовъ, не блескомъ колорита,
Но тѣмъ, что къ ней близка привычная мечта,
Что неразрывно съ ней мое былое слито.

II.

Юность—жизни весна,
Быстро мчится она,
Унося за собою далеко
Пламя искреннихъ чувствъ,
Безъ прикрасъ и искусствъ,
Проникающихъ въ сердце глубоко.

Минетъ тридцать вамъ лѣтъ,
Прежнихъ чувствъ уже нѣтъ,
Хоть страстей и сильнѣе приливы,—
Это—лѣта пора,
Его зной и жара,
Его грозы и бури порывы.

Дни жаровъ пролетятъ,
Стукнетъ вамъ пятьдесятъ,

Въ васъ и силы, и страсти ужъ мало,
Но стараетесь вы,
Хоть обманомъ, любви
Да достигнуть, во что бы ни стало.

И вы ждете, чтобъ вновь
Закипѣла въ васъ кровь,
Какъ бывало, обычною страстью,
Но напрасны мечты,
Ужъ для васъ заперты
Двери къ юному, бурному счастью.

Это осень; за ней
Рядъ потянется дней
Злой зимы съ ея льдомъ и снѣгами,
Вамъ придется застыть
И прошедшимъ лишь жить,
Пока вы не исчезнете сами.

III.

За туманной далью,
По равнинѣ моря
Шумною гурьбою
Расходились волны
О! какой печалью,
Какимъ стономъ горя
И какой мольбою
Эти звуки полны.

А вчера вѣдь, море,
Ты не волновалось,
Надъ твоей пучиной
Сводъ блисталъ лазури.
Не мое ли горе
И въ тебя закралось?
Не оно-ль причиной
Было грозной бури?

В. П. Марковъ.

ВВОЗЪ И ВЫВОЗЪ

Изъ литературы и жизни современной Англіи.

I.

Люди воздвигли себѣ фетишъ и поклоняются ему. Народы, вотъ уже нѣсколько столѣтій подъ рядъ, молятся на „превышеніе вывоза“ и, какъ Молоху, готовы приносить ему, да и приносятъ, даже человѣческія жертвы. Таможенная пошлина обратилась въ догму, а таможенный тарифъ—въ священныя скрижали. Цѣлые арміи и флоты, не говоря уже о безчисленныхъ сонмищахъ чиновниковъ, содержатся ради этого таможеннаго Молоха, и войны, этотъ двуострый мечъ, вѣчно висящій надъ нашими головами, предпринимаются только во имя его и на служеніе ему. Расширеніе „внѣшняго“ рынка, превышеніе вывоза, „благопріятный“ балансъ—вотъ девизы и эмблемы знаменъ, подъ которыми маршируютъ теперь отъ края до края земли милліоны вооруженныхъ людей и бороздятъ моря сотни броненосцевъ. Вѣкъ религіозныхъ и династическихъ войнъ прошелъ. Воюютъ теперь не изъ-за религій, а за рынки, не за престолы, а за „потребителей“ и покупателей, воюетъ купецъ, а не рыцарь, лавочникъ, а не монахъ, и въ тотъ моментъ, когда вопросъ о ввозѣ и вывозѣ исчезнетъ въ умахъ народовъ,—исчезнетъ и милитаризмъ, являющійся въ наше время лишь выраженіемъ его. Съ уничтоженіемъ таможенъ, пушки сами исчезнутъ и съ распущеніемъ пограничной стражи—милитаризму нечего дѣлать.

Къ сожалѣнію, вопросъ о ввозѣ и вывозѣ еще не такъ-то скоро исчезнетъ, несмотря на очевидную искусственность его су-

ществованія, несмотря на то, что онъ вызванъ недоразумѣніемъ и невѣжествомъ, какъ и вопросъ о вѣдьмахъ въ средніе вѣка. Наоборотъ, чѣмъ нелѣпѣе вопросъ, тѣмъ у него больше шансовъ продержаться на поверхности общественной жизни и мутить понапрасну людей. Мало ли общепризнанныхъ нелѣпицъ все еще волнуетъ и смущаетъ бѣдное человѣчество! „Много совершилось въ мірѣ заблужденій, которыхъ бы, казалось, теперь не сдѣлалъ и ребенокъ. Какія искривленныя, глухія, узкія, непроходимыя, заносящія далеко въ сторону дороги избирало человѣчество, стремясь достигнуть вѣчной истины, тогда какъ предъ нимъ весь былъ открытъ прямой путь, подобный пути, ведущему къ великолѣпной храминѣ, назначенной царю въ чертоги"!—восклицаетъ Гоголь, стараясь оправдать въ глазахъ читателя несообразности своихъ героевъ изъ „Мертвыхъ Душъ". Въ вопросѣ же о сохраненіи таможенъ, помимо невѣжества, играютъ еще огромную роль интересы стольких людей, стольких общественныхъ группъ, стольких чиновниковъ и купцовъ, что менѣе всего можно ожидать скораго поворота въ сторону „прямого пути", хотя нѣтъ сомнѣнія, что повсемѣстная свобода торговли дѣло гораздо болѣе близкаго будущаго, чѣмъ принято думать.

Какъ извѣстно, наука вопросъ этотъ давно рѣшила. Адамъ Смитъ, Рикардо, Джонъ Ст. Милль, Бастіа, не говоря о многихъ другихъ съ менѣе значительными именами, разработали его въ совершенствѣ, какъ съ точки зрѣнія практической необходимости, такъ и научной теоріи. Эти ученые нашли, что международный обмѣнъ товаровъ долженъ регулироваться самъ собою, безъ какихъ бы то ни было поощреній или задержекъ со стороны заинтересованныхъ правительствъ. Тѣ же попытки, которыя дѣлались съ цѣлью оправдать таможенное покровительство, оставили совершенно нетронутыми основные аргументы поименованныхъ выше ученыхъ и, прячась подъ флагомъ національности, должны были предполагать какія-то утопическія государства, въ которыхъ правительства настолько совершенны и дальновидны, что могутъ съ математической точностью установить и опредѣлить вредъ или пользу отъ излишне вводимаго въ страну аршина чужого коленкора. Такое правительство имѣлъ въ виду Фридрихъ Листъ, повторяя зады меркантилистовъ и выдавая ихъ за новыя открытія; такое же идеальное и нигдѣ еще пока не народившееся правительство имѣлъ въ виду американецъ Кэри (Carey), высказавшійся за протекціонизмъ, вопреки собственной своей теоріи о свободѣ торговли.

Строго говоря, вопросъ о свободномъ международномъ обмѣнѣ

товаровъ теперь даже болѣе уже и не поднимается учеными. Всѣ экономисты, о которыхъ было упомянуто выше, писали въ первой половинѣ этого столѣтія или, какъ А. Смитъ, даже раньше еще. За послѣднія же 50 лѣтъ, за исключеніемъ популярныхъ сочиненій, въ родѣ „Теоріи международной торговли“ Бастабля, „Свободы торговли противъ добросовѣстной торговли“ лорда Фаррера, „Свободы торговли“ Генри Джорджа, и нѣкоторыхъ другихъ книгъ, ничего новаго и крупнаго не появлялось по этому вопросу. Онъ, повидимому, съ научной стороны исчерпанъ до дна, и ученые предпочитаютъ посвящать себя болѣе темнымъ и спорнымъ пунктамъ политической экономіи, все болѣе и болѣе выдвигаемымъ самой жизнью и имѣющимъ болѣе важное значеніе для народнаго благосостоянія, чѣмъ свободный или ограниченный международный обмѣнъ. Затѣмъ, не мало ученыхъ силъ совершенно оставило теоретическія изслѣдованія и всецѣло отдалось историческимъ изысканіямъ въ области народнаго хозяйства. Но по какимъ бы причинамъ ни потерялъ интереса для ученыхъ вопросъ о международномъ обмѣнѣ, безспорно, что въ публикѣ, въ печати и въ парламентахъ онъ еще живъ и все еще считается предметомъ горячей борьбы.

Даже здѣсь, въ Англіи, гдѣ, казалось бы, вопросъ сданъ въ архивъ уже больше полвѣка назадъ, и то онъ время отъ времени выплываетъ на поверхность и заставляетъ о себѣ говорить и спорить, точно онъ поставленъ въ первый разъ. То-и-дѣло слышишь доказательства, опровергнутыя еще въ прошломъ столѣтіи; повторяются жалобы, неосновательность которыхъ доказана на долгомъ опытѣ, и приводятся цифры, по прежнему темныя и ничего не означающія. Есть нѣкоторыя группы людей, для которыхъ ограниченіе ввоза того или другого предмета было бы очень полезно; для другихъ, свободный ввозъ въ Англію чужихъ товаровъ, въ то время какъ англійскіе безпошлинно въ чужія страны не допускаются, кажется непростительнымъ малодушіемъ со стороны Англіи или непонятнымъ великодушіемъ, и они готовы вынуть себѣ оба глаза, лишь бы другой потерялъ хотя одинъ. Для третьихъ, вопросъ о ввозѣ и вывозѣ является лишь партійнымъ козыремъ, съ которымъ иногда удобно выступать въ политической борьбѣ. Свобода торговли въ Англіи поэтому никогда и не переставала служить мишенью для нападокъ, то едва замѣтныхъ, робкихъ и неуловимыхъ, то рѣшительныхъ, громкихъ и отлично-организованныхъ. Особенно усилились эти нападки и стали болѣе смѣлыми въ послѣдніе годы. Вотъ почему, я думаю, не безъинтересно будетъ разсказать о современномъ состояніи этой

борьбы противъ свободы торговли, о борцахъ какъ той, такъ и другой стороны, и о томъ, что̀ говоритъ сама промышленная жизнь Англіи, какую роль играетъ въ ней международный обмѣнъ товаровъ и дѣйствительно ли Англія переживаетъ тотъ промышленный упадокъ, о которомъ такъ много говорятъ иные изъ англійскихъ „патріотовъ“.

II.

Собственно говоря, о протекціонизмѣ въ Англіи уже мало кто и заикается. Пошлина на ввозный товаръ, какъ средство покровительства мѣстному производству, уже настолько осуждена и отвергнута, что самые ярые протекціонисты стѣсняются рекомендовать ее откровенно, подъ настоящимъ именемъ. Даже прошумѣвшій своей книжкой: „Made in Germany“ Вильямсъ, о которомъ дальше будетъ болѣе подробно, то-и-дѣло въ своихъ писаніяхъ старается отклонять отъ себя кличку протекціониста. Въ „Made in Germany“, стр. 166, онъ спрашиваетъ: „Должны ли мы поэтому ввести таможенное покровительство?“ и отвѣчаетъ: „никоимъ образомъ!“ Набравшись, однако, храбрости послѣ успѣха своей первой книжки, онъ во второй, въ „The Foreigner in the Farmyard“ (иностранецъ на фермѣ), уже болѣе смѣлъ и въ предисловіи къ ней считаетъ протекціонизмъ синонимомъ стремленія къ процвѣтанію сельскаго хозяйства.

Но и тутъ должно прибавить, что онъ не изъ тѣхъ, которые всегда прибѣгаютъ къ таможенному покровительству, какъ якорю спасенія. Нѣтъ, однако, сомнѣнія, что если протекціонизмъ и упоминается рѣдко и втихомолку, то не потому, чтобы въ Англіи не было протекціонистовъ. Стремленія къ протекціонизму довольно сильны, но нѣтъ мужества выразить ихъ открыто. Хорошо бы было ограбить потребителя и заставить его работать во славу ленд-лордовъ или заводчиковъ, да какъ такую вещь предлагать прямо, среди бѣла дня фритредерства? Невольно приходится придумывать окольные пути и избѣгать самаго простого и яснаго. Одинъ изъ этихъ путей былъ избранъ подъ именемъ „fair trade“ (добросовѣстной торговли), заимствованнымъ у экономистовъ 50-хъ годовъ. Протекціонистъ, одѣвшись въ костюмъ „добросовѣстнаго“ или „честнаго промышленника“, обращается къ потребителю съ слѣдующей приблизительно рѣчью: „Мы всѣ преданные фритредеры. Свобода торговли — нашъ девизъ, нашъ щитъ, наше спасеніе, но гдѣ она, эта самая свобода? Ея нѣтъ. Настоящая свобода торговли—взаимна, а наша—односторонняя.

Мы впускаемъ къ себѣ чужіе товары свободно, а нашимъ за границей доступа нѣтъ. Такимъ образомъ мы сами создаемъ себѣ конкуррентовъ у себя же дома, до конкурренціи же съ другими въ ихъ собственныхъ странахъ насъ не допускаютъ. Справедливо ли это, честно ли по отношенію къ англійскимъ рабочимъ, къ англійскимъ капиталамъ? Мы поэтому предлагаемъ вмѣсто свободной торговли ввести „честную“ торговлю и допускать свободно въ Англію продукты лишь тѣхъ странъ, которыя, въ свою очередь, откроютъ свободно границы для нашихъ продуктовъ“.

Выступая съ этой пропагандой взаимности, англійскіе протекціонисты основали въ 1881 году „національную лигу добросовѣстной торговли“, имѣвшую цѣлью добиться измѣненія таможенной политики Англіи въ духѣ выше указанномъ. Эта лига просуществовала лѣтъ десять, но рѣшительно никакого успѣха не имѣла. Во главѣ ея стали люди съ очень ограниченнымъ вліяніемъ, люди безъ имени и безъ послѣдователей, и выраженіе „fair trader“ вскорѣ получило какой-то оскорбительный оттѣнокъ, чего-то трусливаго и недосказаннаго, въ противоположность откровенному континентальному или американскому протекціонизму, дѣйствующему безъ забрала и съ прямотою лѣсного хищника. Главнымъ дѣятелемъ лиги былъ полковникъ Винсентъ, бывшій начальникъ слѣдственнаго отдѣленія лондонской полиціи, а нынѣ членъ парламента отъ одного изъ избирательныхъ участковъ города Шеффильда. Говорить серьезно объ этомъ общественномъ дѣятелѣ едва ли возможно. Въ парламентѣ, гдѣ, какъ извѣстно, каждый имѣетъ свою сценическую роль, гдѣ есть резонеры, трагики, статисты, jeune-premiers и т. д., сэръ Винсентъ исполняетъ роль комическаго персонажа, надъ которымъ смѣются не только политическіе противники, но и друзья и сторонники. Его соратникомъ считается Джемсъ Лоутеръ (Lowther), вліяніе котораго болѣе значительно, но также не изъ особенно сильныхъ. Вотъ эти два человѣка и являются единственно оффиціальными представителями протекціонистскаго движенія въ Англіи. Въ 1891 г. лига „добросовѣстной торговли“ рѣшила переименовать себя въ „лигу соединенной имперіи“ (United Empire League). Эта послѣдняя, конечно, такая же протекціонистская, какъ и первая, но своимъ именемъ она больше играетъ на имперіалистскихъ струнахъ англичанъ и въ то же время какъ бы охватываетъ бо́льшій кругъ дѣйствія. Своей цѣлью имперіалистская лига ставитъ включеніе въ одинъ таможенный союзъ соединеннаго королевства и его колоній, сдѣлавъ торговлю свобод-

ной въ предѣлахъ союза и „честной“ (fair) съ странами, стоящими внѣ его. Предсѣдателемъ переименованной лиги состоитъ все тотъ же Лоутеръ, а секретаремъ тотъ же Винсентъ. Но и подъ новымъ именемъ дѣла идутъ не лучше прежняго, и хотя агитація въ пользу ограниченія свободы торговли ведется теперь значительно смѣлѣе и кругъ лицъ, приставшихъ къ лигѣ, расширился, но отъ достиженія цѣлей своихъ протекціонисты такъ же далеки теперь, какъ они были 20 лѣтъ тому назадъ, и вся ихъ пропаганда, всѣ ихъ силы даромъ истрачиваются на совершенно нестоющія вниманія мелочи. Не умѣя сдвинуть съ мѣста основной камень, на которомъ построена нынѣшняя финансовая политика Англіи, они стараются время отъ времени хотя бы слегка задѣть его и бываютъ рады, когда имъ удается провести въ парламентъ тотъ или другой незначительный билль, могущій хотя бы и въ ничтожной долѣ убавить ввозъ чужихъ товаровъ; таково, напр., забавное запрещеніе ввоза метелъ и щетокъ, приготовляемыхъ въ нѣмецкихъ тюрьмахъ даровымъ трудомъ арестантовъ, или билль о наложеніи клеймъ на продукты иностраннаго производства и нѣкоторые другіе подобные законы. Всѣ такого рода билли представляются обыкновенно подъ разными прикрытіями, повидимому ничего общаго съ цѣлями протекціонистовъ не имѣющими. То идетъ дѣло о защитѣ бѣднаго покупателя отъ поддѣлокъ, то предупреждаютъ скотъ отъ заразы, то пекутся о моральныхъ условіяхъ и обстановкѣ производства и т. под. Но скрываясь даже подъ этими подчасъ очень безкорыстными и возвышенными предлогами, билли протекціонистовъ имѣютъ очень мало шансовъ на успѣхъ въ парламентѣ и проходятъ въ очень небольшомъ количествѣ (въ послѣднее десятилѣтіе такихъ биллей принято всего два), да и тогда лишь, когда во главѣ правительства стоитъ консервативное большинство. И тутъ мы встрѣчаемся съ однимъ изъ самыхъ любопытныхъ явленій таможенной политики, повторяющимся, кажется, во всѣ времена и во всѣхъ странахъ одинаково, это — съ близкой связью, существующей между протекціонизмомъ и консерватизмомъ и между свободой торговли и либерализмомъ. Само собою разумѣется, что, употребляя здѣсь слова либерализмъ и консерватизмъ, я пользуюсь лишь самой удобной терминологіей, опредѣляющей болѣе или менѣе вѣрно два главныхъ политическихъ теченія, хотя бы въ томъ или другомъ мѣстѣ и въ ту или другую эпоху они носили разныя другія названія.

Обыкновенно принято считать борьбу за свободу торговли въ Англіи борьбою между земледѣліемъ и мануфактурной про-

мышленностью или, лучше, между лендлордами и фабрикантами, но это произошло отъ совершенно случайнаго совпаденія интересовъ англійскихъ лендлордовъ съ протекціонизмомъ, а фабрикантовъ съ фритредерствомъ, какъ, напримѣръ, совершенно случайно и обратное явленіе, наблюдаемое теперь въ Россіи, гдѣ интересы земледѣлія совпадаютъ съ свободой торговли. На самомъ же дѣлѣ, какъ это и обнаруживается теперь все яснѣе и яснѣе, борьба идетъ, и шла 50—60 лѣтъ тому назадъ, не между двумя экономическими группами, а между двумя вѣковѣчными направленіями человѣческаго духа. Свободный международный обмѣнъ товаровъ, это—эмблема живого общенія народовъ, эмблема братства людей и взаимной солидарности. Тотъ, кто ставитъ своимъ идеаломъ лишь личное благополучіе или благополучіе лишь узкаго круга людей, опредѣленной группы соотечественниковъ, не можетъ мириться съ свободной торговлей, неминуемо влекущей за собою болѣе тѣсныя сношенія съ остальнымъ міромъ, болѣе свободную экономическую и, слѣдовательно, политическую дѣятельность и болѣе равномѣрное распредѣленіе выгодъ отъ роста торговли и промышленности. Что же касается спеціально Англіи, то, какъ извѣстно, первыя резолюціи, требовавшія снятія покровительственныхъ пошлинъ, были внесены въ парламентъ наиболѣе прогрессивнымъ премьеромъ Англіи въ первой половинѣ этого вѣка, Джорджемъ Каннингомъ, и эти резолюціи были отвергнуты палатой лордовъ по настояніямъ наиболѣе консервативнаго тогдашняго государственнаго человѣка, герцога Веллингтона. Сэръ Робертъ Пиль, номинально хотя и принадлежалъ къ консерваторамъ, долженъ былъ отдѣлиться отъ консервативной партіи, во главѣ которой онъ долго стоялъ, чтобы провести свой знаменитый билль въ 1846 г. Въ послѣдующіе затѣмъ годы дальнѣйшее освобожденіе англійской торговли отъ таможенныхъ путъ выпало на долю Гладстона. Слѣдуетъ, однако, сказать, что хотя протекціонистскія стремленія въ Англіи составляютъ исключительную принадлежность нѣкоторыхъ членовъ консервативной партіи, послѣдняя въ цѣломъ далеко не раздѣляетъ этихъ стремленій. Уже слишкомъ глубоко пустили корни принципы свободы торговли. Цѣлыя поколѣнія родились и выросли подъ ихъ дѣйствіемъ и вліяніемъ и, конечно, не какой-нибудь безсильной и безпочвенной агитаціи „чудаковъ“ расшатать ихъ. Этимъ и объясняется крайняя сдержанность и осторожность нѣкоторыхъ изъ консервативныхъ вождей, несмотря на завѣдомое сочувствіе ихъ протекціонизму и на легкое заигрываніе съ протекціонистами. Среди этихъ вождей лордъ Сольсбери,

Чэмберленъ и Бальфуръ не разъ высказывались въ духѣ, если не совсѣмъ враждебномъ къ фритредерству, то, съ другой стороны, въ довольно благосклонномъ къ покровительственнымъ пошлинамъ. Иногда въ своихъ рѣчахъ, имѣющихъ агитаціонный характеръ, наканунѣ выборовъ или на какомъ-нибудь торжественномъ обѣдѣ, они готовы щегольнуть парадоксомъ, независимостью взглядовъ, нѣкоторой смѣлостью сужденій, и Сольсбери, напримѣръ, не прочь пожаловаться на то, что у него въ рукахъ нѣтъ той таможенной палки, которая имѣется у другихъ дипломатовъ, или Чэмберленъ, поднимая бокалъ и цитируя какіе-нибудь стихи, выписанные имъ въ книжечку для этого случая изъ Теннисона, готовъ воспѣть союзъ всѣхъ частей имперіи, „дѣтей одной матери, сестеръ и братьевъ, выпорхнувшихъ изъ одной дѣтской", и при этомъ заявить, что такой союзъ можетъ быть дѣйствителенъ, лишь когда онъ будетъ закрѣпленъ однимъ таможеннымъ кольцомъ; но какъ только дѣло касается практическаго мѣропріятія, оба эти государственныхъ человѣка сейчасъ же объявляютъ себя безусловными фритредерами.

Хорошій примѣръ сказаннаго нами относительно прочности фритредерскихъ основъ въ Англіи и въ то же время крайней шаткости и неискренности фритредерства консервативныхъ вождей, представляетъ собою вопросъ о безпошлинномъ ввозѣ въ Англію премированнаго сахара. Этотъ вопросъ особенно обострился за послѣдніе годы и вотъ уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, какъ на него устремлены всѣ силы протекціонистовъ, вся агитація ихъ и вліяніе. Вкратцѣ вопросъ состоитъ въ томъ, что сахарное производство, вслѣдствіе разныхъ причинъ, переживаетъ на вестъ-индскихъ островахъ, принадлежащихъ Англіи, тяжелый кризисъ, конецъ котораго даже трудно и предвидѣть. Главное производство этихъ острововъ составляетъ сахарный тростникъ и очистка сахара, но вслѣдствіе безпрерывнаго паденія цѣнъ, продолжающагося приблизительно уже 16—17 лѣтъ, вестъ-индскимъ плантаторамъ все труднѣе и труднѣе дѣлается выдерживать конкурренцію европейскаго и американскаго сахара, вырабатываемаго изъ свекловицы. Въ то время какъ въ 1882 г. центнеръ рафинированнаго сахара на лондонскомъ рынкѣ стоилъ 29,14 шиллинга, въ 1896 г. онъ стоилъ только 14,75 шиллинга. При такомъ упадкѣ цѣнъ вывозъ сахара изъ вестъ-индскихъ острововъ значительно сократился, и многіе тамошніе плантаторы и заводчики вынуждены были прекратить свои дѣла. Если имѣть въ виду, что сахаръ и разные продукты его, какъ ромъ, патока и пр., составляютъ больше половины всей суммы

вывоза изъ этихъ острововъ, то не трудно себѣ представить то незавидное финансовое положеніе, въ которомъ за послѣдніе годы очутились туземцы, тѣмъ болѣе, что, привлеченные работой на плантаціяхъ, туда переселилось около 600,000 человѣкъ изъ Остъ-Индіи. Это свое бѣдствіе плантаторы приписываютъ исключительно преміямъ, которыя иныя государства выдаютъ своимъ сахарозаводчикамъ за вывозъ сахара за границу. Пользуясь этими преміями, сахарозаводчики могутъ брать высокія цѣны у себя дома и совершенно низкія за границей. А такъ какъ одна лишь Англія допускаетъ къ себѣ сахаръ безпошлинно, то весь премированный сахаръ устремляется на ея рынокъ и своей дешевизной вытѣсняетъ колоніальный.

Само собою разумѣется, что колонисты, это—въ данномъ случаѣ англійскіе финансисты, вложившіе свои капиталы въ вестъ-индскіе плантаціи и заводы. Къ этимъ „колонистамъ" присоединились и рафинадные заводчики въ самой Англіи, тоже, конечно, терпящіе отъ конкурренціи—и всѣ вмѣстѣ громко возопили о помощи. Но какая тутъ можетъ быть помощь? Приходится или наложить пошлину на сахаръ, ввозимый изъ странъ, гдѣ существуетъ правительственная поддержка преміями, или же посовѣтовать заводчикамъ имѣть терпѣніе или пріискать себѣ другое дѣло, болѣе выгодное. Во всякомъ случаѣ этотъ сахарный вопросъ представилъ собою для протекціонистовъ отличную почву для пропаганды своихъ принциповъ. Тутъ и имперскіе интересы, и отвѣтственность Англіи за благосостояніе своихъ колоній, и несправедливость конкурренціи, въ которой одна сторона поощряется преміями и пособіями, а другая дѣйствуетъ на собственный страхъ и рискъ, тутъ, наконецъ, и собственные интересы многихъ капиталистовъ, акціонеровъ, служащихъ,—а между тѣмъ, отъ установленія пошлины на премированный сахаръ въ Англіи никто почти не пострадалъ бы. Правда, фунтъ сахара стоилъ бы здѣсь дороже на полпенса или фартингъ, но можно ли говорить серьезно о такой маленькой жертвѣ, когда дѣло идетъ о спасеніи цѣлыхъ областей, которымъ грозитъ гибель. Всѣ аргументы, повидимому, благовидные, резонные и даже трогательные. Ужъ если вестъ-индскій сахаръ не тронетъ фритредеровъ и не дастъ побѣды протекціонистамъ, то что же можно ожидать отъ пшеницы, отъ коровьяго масла или мяса? Но на эти продукты пошлину наложить трудно, и естественно, протекціонисты возложили всѣ свои надежды на эту агитацію.

Однако, и она не выручила и кончилась ничѣмъ. Прави-

тельство отъ наложенія пошлины на ввозный сахаръ рѣшительно отказалось, но чтобы успокоить вестъ-индскихъ плантаторовъ и ихъ друзей, оно отправило коммиссію въ Вестъ-Индію для изслѣдованія вопроса на мѣстѣ. Коммиссія, состоявшая изъ трехъ членовъ, не считая секретаря и ученаго эксперта-ботаника, отправилась въ колоніи въ началѣ 1897 года и пробыла тамъ около четырехъ мѣсяцевъ, посѣтивъ Барбадосъ, Антвиллу, Монтсерратъ, Ямайку и другіе острова. Данныя, собранныя коммиссіей, составляютъ четыре тома in folio. На ихъ основаніи коммиссія пришла къ заключенію, что дешевизна сахара въ Англіи не столько зависитъ отъ премій, сколько отъ отсутствія акциза на него и вообще отъ свободы торговли. Въ то время, какъ преміи составляютъ отъ 25 шиллинговъ на тонну (въ Германіи) до 90 шиллинговъ (во Франціи), акцизъ составляетъ отъ десяти фунтовъ стерлинговъ (въ Германіи) до 24 (во Франціи), не считая, конечно, еще величины таможенной пошлины. Отъ этихъ платежей потребитель въ Англіи совершенно свободенъ, и поэтому если даже онъ будетъ платить пошлину въ размѣрѣ премій, то и тогда иностранный сахаръ обойдется ему дешевле, чѣмъ на мѣстахъ производства, такъ какъ за вывозимый сахаръ акцизъ не взимается, и съ этимъ дешевымъ сахаромъ вестъ-индскому конкуррировать нѣтъ возможности. Правда, есть мѣста, въ родѣ Барбадоса, имѣющія всѣ природныя данныя къ сахарному производству и дѣйствительно способныя конкуррировать съ европейскимъ и американскимъ сахаромъ, если бы не преміи. И ради благосостоянія этихъ-то, наиболѣе благопріятныхъ острововъ коммиссія рекомендуетъ правительству дѣлать всевозможное для уничтоженія премій, но и тутъ она не совѣтуетъ прибѣгать къ „уравновѣшивающимъ пошлинамъ" на ввозный сахаръ, такъ какъ при всемъ своемъ желаніи она не можетъ сказать, насколько дешевизна сахара зависитъ отъ премій и насколько отъ другихъ причинъ, не говоря уже о томъ, что установленіе пошлины противорѣчитъ общимъ принципамъ англійской экономической политики и отозвалось бы вредно на всѣхъ тѣхъ промыслахъ, которые зависятъ отъ дешеваго сахара, какъ: приготовленіе бисквитовъ, конфектъ, варенья и пр., чрезвычайно развившееся въ Англіи за послѣднія 10—15 лѣтъ. Къ этому заключенію коммиссія пришла, однако, не въ полномъ составѣ своемъ: за него высказались лишь два члена ея; третій же, а именно, предсѣдатель ея, оказался съ особымъ мнѣніемъ и нашелъ, что слѣдуетъ установить пошлину на сахаръ, привозимый изъ странъ, гдѣ его производство поощряется вывозными преміями.

Конечно, если бы правительство было увѣрено, что за нимъ стоитъ болѣе серьезная сила, чѣмъ слабая лига „соединенной имперіи“, что за нимъ стоитъ общественное мнѣніе, оно не задумалось бы послѣдовать протекціонистскимъ совѣтамъ предсѣдателя коммиссіи; но оно сознавало, что взгляды большинства коммиссіи совпадаютъ съ общимъ теченіемъ въ странѣ, и поневолѣ должно было дѣйствовать согласно этимъ взглядамъ. Отвергнувъ поэтому вмѣстѣ съ большинствомъ коммиссіи пошлину, какъ средство помощи, оно рѣшило ассигновать единовременныя и разныя ежегодныя пособія пострадавшимъ островамъ, какъ на улучшеніе путей сообщеній, на содержаніе пароходства, на сооруженіе центральныхъ складовъ и т. д., и затѣмъ приняло участіе въ сахарной конференціи, созванной въ іюнѣ прошлаго года бельгійскимъ правительствомъ. Конференція эта, какъ извѣстно, не пришла ни къ какимъ результатамъ. Многія изъ государствъ были бы сами рады освободить свое производство отъ такого, ничѣмъ не оправдываемаго покровительства и столь вреднаго для интересовъ страны, какъ вывозная премія. Они тяготятся ею, путаются и спотыкаются въ ими же созданной сѣти, но чтобы выйти изъ нея первымъ, ни у кого не достаетъ мужества. И конференція была созвана именно съ цѣлью одновременной отмѣны премій. Но это оказалось еще невозможнымъ. Германія, Австро-Венгрія, Бельгія и Голландія изъявили желаніе уничтожить у себя преміи, если Россія и Франція согласятся. Франція не соглашалась лишь на частичное уничтоженіе (прямыхъ премій), а Россія вовсе отказалась отъ обсужденія вопроса, заявивъ, что дѣйствующая въ ней система покровительства сахарному производству не составляетъ того, что̀ извѣстно подъ именемъ вывозной преміи. На этомъ вопросъ о международномъ соглашеніи съ цѣлью уничтоженія премій на вывозимый сахаръ остановился, хотя преміи эти продолжаютъ понынѣ всюду и вездѣ возбуждать много толковъ и споровъ. Англійское правительство, однако, на дняхъ показало, что хотя оно боится установить пошлину дома, оно съ легкимъ сердцемъ дѣлаетъ это тамъ, гдѣ оно можетъ дѣйствовать независимо, и подъ вліяніемъ своихъ калькутскихъ совѣтниковъ и остъ-индскихъ плантаторовъ и заводчиковъ, одобрило билль о взиманіи пошлины съ ввозимаго сахара, пользующагося преміями. Когда же въ англійскомъ парламентѣ дѣлается объ этомъ запросъ, то министръ по дѣламъ Индіи отдѣлывается отвѣтомъ, что онъ не можетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Индіи, хотя всѣмъ извѣстно, что „внутренними дѣлами“ Индіи правятъ въ Лондонѣ.

Этотъ вопросъ объ индійской пошлинѣ на сахаръ далеко еще не законченъ. Уже носятся слухи о новой международной конференціи въ Брюсселѣ и о томъ, что Германія и Австро-Венгрія, боясь потерять индійскій рынокъ, собираются отказаться отъ системы поощренія сахарнаго производства преміями. Значитъ, нѣтъ худа безъ добра, и англійскіе, да и не только англійскіе, фритредеры могутъ лишь радоваться такому исходу. Во всякомъ случаѣ это установленіе пошлинъ въ Индіи ясно показало, что тенденціи протекціонистовъ начинаютъ овладѣвать консервативными вождями Англіи, и что если послѣдніе остаются вѣрными принципамъ свободной торговли въ самой Англіи, то лишь изъ боязни возбудить противъ себя общій протестъ.

III.

Быть можетъ, протекціонизмъ въ Англіи имѣлъ бы гораздо бо̀льшій успѣхъ, если бы онъ не встрѣчалъ себѣ отпора въ дѣятельности Кобденскаго клуба, который съ неустаннымъ вниманіемъ оберегаетъ сокровище, завѣщанное великимъ борцомъ за свободу торговли, Ричардомъ Кобденомъ. Детальная исторія этого клуба еще не написана, но когда она будетъ написана, то, несомнѣнно, представитъ собою одну изъ самыхъ вѣрныхъ картинъ роста протекціонистскихъ стремленій въ Англіи, періодовъ ихъ оживленія и замиранія, побѣдъ и пораженій. Въ судьбѣ клуба, въ его вліяніи и авторитетѣ, какъ въ зеркалѣ, отразились общественно-политическія теченія Англіи за послѣднія слишкомъ 30 лѣтъ.

Клубъ былъ основанъ въ 1866 г., спустя годъ послѣ смерти великаго государственнаго человѣка, именемъ котораго онъ названъ. Ближайшіе сотрудники, друзья и послѣдователи Кобдена отлично сознавали, что фритредерамъ въ Англіи нельзя отдыхать на лаврахъ, что личные интересы многихъ общественныхъ группъ никогда не засыпаютъ, и невѣжество никогда такъ высоко не заноситъ голову, какъ въ разсужденіяхъ объ элементарныхъ основахъ международной торговли. Политическая экономія—это, кажется, единственная область, въ которой каждый считаетъ себя лицомъ компетентнымъ, особенно по прочтеніи одной-двухъ книгъ. Тѣмъ болѣе можно было ожидать оживленія протекціонистской агитаціи въ моменты угнетеннаго состоянія промышленности, въ такъ называемые кризисы, когда напуганное и падающее духомъ населеніе готово ухватиться за всякое сред-

ство и всѣ свои бѣдствія приписать одной какой-нибудь причинѣ, наиболѣе бросающейся въ глаза, хотя, быть можетъ, и наиболѣе обманчивой. Въ такіе-то моменты коммерческой нервности всегда полезно и необходимо трезвое слово, громкое и убѣжденное. Но, кромѣ поддерживанія принциповъ свободной торговли въ Англіи, предстояла, и еще предстоитъ, болѣе трудная задача распространенія этихъ принциповъ за границей, въ Европѣ, Американскихъ Штатахъ и англійскихъ колоніяхъ. И съ этой-то цѣлью было основано общество, извѣстное подъ именемъ Кобденскаго клуба и состоящее изъ ученыхъ и политическихъ дѣятелей, какъ Англіи, такъ и заграничныхъ. Въ лежащемъ передъ нами спискѣ первыхъ членовъ клуба, изданномъ въ 1874 г., мы встрѣчаемъ и много русскихъ именъ, какъ: В. П. Безобразовъ, ген.-лейтенантъ Грейгъ, Е. И. Ламанскій, проф. Ю. Янсенъ, И. Вернадскій, Э. Вреденъ, Тернеръ и др. Среди французскихъ членовъ мы видимъ: Шальмель-Лакура, Молинари, П. Леруа-Больё, Лессепса, Леона Сэ, Н. Симона, Мишеля Шевалье и много другихъ; среди нѣмцевъ — Шульце-Делича, Бунзена, Михаэлиса и др.; среди американцевъ—Макъ-Кулоха, Лонгфелло, генерала Уокера (Walker) и множество другихъ, очень извѣстныхъ ученыхъ, писателей и государственныхъ людей. Объ англичанахъ и говорить нечего. Съ перваго же момента къ клубу примкнули и вошли въ его комитетъ лучшіе и самые извѣстные общественные дѣятели и ученые. Идея основанія клуба принадлежитъ знаменитому автору „Исторіи цѣнъ", Торольду Роджерсу, и затѣмъ все его дальнѣйшее существованіе связано съ именемъ Томаса Бейли-Поттера, умершаго въ ноябрѣ прошлаго года на 81-мъ году жизни. Томасъ Поттеръ состоялъ почетнымъ секретаремъ клуба и его президентомъ до конца дней своихъ, поработавъ такимъ образомъ въ пользу его 32 года. Благодаря энергіи Поттера, не оставлявшей его до послѣднихъ мѣсяцевъ его жизни, Кобденскій клубъ собралъ кругомъ себя лучшія и самыя просвѣщенныя силы Европы и съумѣлъ создать несокрушимую скалу, о которую разбивались самыя высокія волны протекціонистскихъ движеній. Насколько клубъ въ свое время сталъ вліятеленъ, видно изъ того, что изъ 14 государственныхъ людей, составлявшихъ кабинетъ Гладстона въ 1880, 12 были членами клуба, а въ 1885, когда Гладстонъ подалъ въ отставку, изъ 16 министровъ 13 значились въ спискѣ кобденцевъ. Самъ Гладстонъ былъ членомъ комитета клуба и два раза предсѣдательствовалъ на его ежегодныхъ обѣдахъ. Среди этихъ предсѣдателей мы также находимъ

лорда Росселя, герцога Аргайля, Мишеля Шевалье, Чэмберлена, Джона Морлея, Чарльза Дилька, герцога Девонширскаго и другихъ. Правда, съ распадомъ либеральной партіи въ 1886 г. дѣла клуба значительно пошатнулись. Многіе изъ бывшихъ либераловъ, перейдя въ консервативный лагерь, отстали и отъ клуба, печать котораго съ девизомъ: „свобода торговли, миръ, благоволеніе между народами“ какъ бы рѣзала имъ глаза, но все-таки многіе еще остались, какъ: сэръ Джонъ Лёббокъ, Гошенъ, Леонардъ Коуртни и др., нынѣ принадлежащіе къ консервативной или, какъ они выражаются, юніонистской партіи.

Самыми дѣятельными членами клуба теперь состоятъ лордъ Фарреръ, серъ Робертъ Гиффенъ, лордъ Вельби, Гарольдъ Коксъ и не мало выдающихся членовъ парламента. Лордъ Фарреръ послѣ смерти Поттера избранъ президентомъ клуба, а Гарольдъ Коксъ секретаремъ. Первый былъ директоромъ „совѣта промышленности“ (Board of Trade) или, проще, фактическимъ министромъ промышленности Англіи. Это — замѣчательный старикъ, который, несмотря на свои 79 лѣтъ, полонъ энергіи и воодушевленія, отзывчивъ, какъ юноша, и неутомимъ, словно только-что вступилъ на арену борьбы. Свою защиту принциповъ свободы торговли онъ началъ книжкой, вышедшей въ первый разъ въ 1882 г. и съ тѣхъ поръ выдержавшей много изданій, а именно: „Free Trade versus Fair Trade“ (свобода торговли противъ „добросовѣстной“ торговли). Книжка эта оказалась одной изъ самыхъ лучшихъ, когда-либо написанныхъ по этому вопросу. Въ популярномъ и сжатомъ изложеніи, основываясь все время на цифрахъ и на всѣмъ извѣстныхъ фактахъ, авторъ постарался въ ней отвѣтить рѣшительно на всѣ возраженія и жалобы протекціонистовъ. У насъ перевели болтовню Вильямса „Made in Germany“, но въ своемъ родѣ единственная вещь лорда Фаррера или классическіе финансово-статистическіе очерки сера Роберта Гиффена, кажется, не удостоились перевода.

Книжка Фаррера была написана на просьбѣ покойнаго Поттера спеціально для Кобденскаго клуба, и съ тѣхъ поръ изъ-подъ пера ея автора вышелъ цѣлый рядъ брошюръ и книжекъ, составляющихъ отзывы на всѣ событія, касающіяся свободы торговли въ Англіи, и служащихъ какъ бы окопами кругомъ нея отъ нападеній протекціонистовъ. На смѣну ветеранамъ свободы торговли, выступаютъ, къ счастью, молодые писатели, среди которыхъ нынѣшній секретарь Кобденскаго клуба Гарольдъ Коксъ занимаетъ первое мѣсто. Его удачныя діаграммы,

печатавшіяся раньше въ „Daily Graphic", а затѣмъ изданныя отдѣльно, были перенесены на громадные картоны и, украшая собою юбилейную выставку въ Лондонѣ въ 1897 г., служили краснорѣчивымъ отвѣтомъ на жалобы Виллльямса объ упадкѣ Англіи.

Главная дѣятельность Кобденскаго клуба состоитъ въ литературной пропагандѣ принциповъ свободы торговли и въ поощреніи медалями и другими наградами практическихъ дѣятелей, оказавшихъ услуги дѣлу фритредерства. Такимъ образомъ, его золотыя медали получили премьеръ новой Южно-Валлійской колоніи за введеніе въ ней свободы торговли, премьеръ Канады Лорье—за приверженность къ кобденскимъ принципамъ и за старанія примѣнить ихъ въ экономической политикѣ Канады. Многіе писатели, особенно начинающіе и учащіеся въ разныхъ университетахъ, удостоились серебряной медали клуба или денежныхъ наградъ. Въ 1897 году клубъ рѣшилъ самъ открыть курсъ лекцій по политической экономіи и познакомить интересующихся вопросомъ о ввозѣ и вывозѣ съ теоретическими основами международной торговли и съ исторіей свободы торговли въ Англіи; и съ цѣлью приманки, клубъ назначилъ одну серебряную медаль, двѣ книжныя награды и дипломы отличившимся на экзаменѣ. Лекціи происходили въ стѣнахъ національно-либеральнаго клуба, политико-экономическій кружокъ котораго въ данномъ случаѣ присоединился къ кобденцамъ, принявъ участіе въ расходахъ и въ устройствѣ этого дѣла. Опытъ оказался очень удачнымъ. На лекціи записалось нѣсколько сотъ человѣкъ, молодыхъ и старыхъ, женщинъ и мужчинъ, и лекторъ оказался очень интереснымъ и знающимъ, нѣкто Альфредъ Мильксъ, который хотя и не извѣстенъ, какъ ученый, пользуется большимъ успѣхомъ, какъ популяризаторъ на публичныхъ чтеніяхъ. Отославъ слушателей къ книгамъ, указаннымъ имъ въ печатной программѣ лекцій, для болѣе серьезнаго изученія предмета, онъ самъ ограничился лишь общимъ очеркомъ какъ теоріи, такъ и исторіи свободы торговли, придавъ своему чтенію характеръ живой и увлекательной пропаганды. Каждая лекція, происходившая разъ въ двѣ недѣли, имѣла своего особаго предсѣдателя, выборъ котораго дѣлался въ зависимости отъ содержанія лекціи. Такъ, напр., на той, въ которой шла рѣчь о Кобденѣ, предсѣдательствовала его дочь, вышедшая замужъ за книго-издателя Фишера Унвина; на лекціи, въ которой говорилось о статистикѣ, предсѣдателемъ былъ лордъ Вельби, нынѣшній предсѣдатель лондонской думы (County Council) и авторитетъ по финансовымъ во-

просамъ. Нѣкоторые изъ предсѣдательствовавшихъ на этихъ лекціяхъ сопровождали послѣднія собственными большими рѣчами по затронутымъ въ нихъ вопросамъ. Всего было прочитано шесть лекцій. Несмотря, однако, на то, что курсъ былъ сравнительно небольшой, онъ многимъ изъ слушателей, особенно изъ слушательницъ, показался слишкомъ серьезнымъ, и къ экзамену явилось всего человѣкъ четырнадцать: экзаменъ былъ письменный, а экзаменаторами—лордъ Фарреръ со стороны Кобденскаго клуба и Дж. Леви, какъ представитель политико-экономической секціи національно-либеральнаго клуба. Большинство предложенныхъ вопросовъ имѣло чисто-академическій характеръ, какъ, напр., вопросъ объ ученіи Рикардо о сравнительной стоимости, о вліяніи колебаній денежнаго рынка на ввозъ и вывозъ, объ исторіи отмѣны „хлѣбныхъ законовъ" въ Англіи и т. под., но нѣкоторые изъ вопросовъ были прямо взяты изъ текущей жизни и были настолько характерны для борьбы, которую Кобденскому клубу приходится вести противъ протекціонистскихъ тенденцій, что считаю не лишнимъ привести ихъ здѣсь. Такъ, вопросъ третій гласилъ: „Мистеръ Дигль, бывшій предсѣдатель лондонскаго школьнаго совѣта, на основаніи одной газеты (The Councilor and Guardian") заявилъ слѣдующее: „государство нуждается въ извѣстномъ доходѣ, часть котораго получается пошлиной на чай. Въ производствѣ чая мы конкуррировать не можемъ, съ другой стороны, хлѣбъ, который мы сами можемъ производить, ввозимъ безпошлинно. Не лучше ли было бы снять пошлину съ чая и наложить ее на хлѣбъ и тогда плательщикъ налоговъ платилъ бы то же самое, между тѣмъ, какъ наше сельское хозяйство отъ этого выиграло бы". Что вы можете сказать насчетъ этого"?

Шестой вопросъ задавалъ слѣдующее: „Говорятъ, что насколько ввозная пошлина является источникомъ государственнаго дохода, настолько она не „покровительствуетъ". Будете ли поэтому считать покровительственной пошлину въ пять шиллинговъ на четверть хлѣба, если бы она приносила значительный доходъ? Если да, то какъ вы согласите этотъ отвѣтъ съ только-что сказаннымъ о несовмѣстности дохода съ покровительствомъ"?

Седьмой вопросъ: „Господа „Bryant and May" приглашаютъ покупать ихъ спички, чтобы поддерживать британскую промышленность. Положимъ, что мы всѣ послушались ихъ, — каковы были бы результаты"?

Послѣдній вопросъ былъ: „Въ передовой статьѣ Таймса отъ 25-го ноября 1897 г. было сказано, что никакими тарифными

манипуляціями Германія не въ состояніи уменьшить ввозъ въ нее британскихъ товаровъ безъ того, чтобы соотвѣтственно не сократить и вывоза германскихъ товаровъ въ Англію. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ"?

Этотъ опытъ непосредственнаго распространенія черезъ лекціи первыхъ основъ теоріи международнаго обмѣна, будетъ повторенъ и въ этомъ году, и не только въ Лондонѣ, но и въ провинціи. Насколько общество нуждается еще въ такомъ распространеніи, насколько даже такъ называемые образованные люди, съ учеными даже званіями, плохо разбираются въ экономическихъ вопросахъ, показала уже упомянутая выше книга Эрнеста Вильямса: „Made in Germany", на которой я остановлюсь особо.

IV.

О книгѣ: „Made in Germany" въ настоящее время въ Англіи почти забыли и, несмотря на свою молодость (ему всего лѣтъ 30), авторъ ея уже успѣлъ испытать на себѣ всю горечь мимолетнаго успѣха. Книга эта, какъ извѣстно, вышла въ 1896 г., и, желая воспользоваться выпавшимъ на ея долю успѣхомъ и ковать желѣзо пока горячо, авторъ въ слѣдующемъ 1897 г. выпустилъ вторую, въ прежнемъ же тонѣ и духѣ написанную и названную имъ „The Foreigner in the Farmyard" (иностранецъ на фермѣ); въ 1898 г. онъ издалъ „The Imperial Heritage" (имперское наслѣдство) и „Marching backwards (шествіе вспять). Все это очень жиденькія книжки, наскоро и аляповато понадерганныя въ полсотни или сотню страничекъ, напечатанныхъ крупнымъ шрифтомъ, но по своимъ достоинствамъ ничѣмъ не уступающія „Made in Germany". Однако, публика не оцѣнила ихъ, и никто изъ рецензентовъ даже словомъ не обмолвился. И это не удивительно. Гораздо болѣе страннымъ кажется, какъ такой мусоръ, который Джонъ Морлей не постѣснился въ публичной рѣчи назвать „плодомъ шарлатанства и невѣжества", могъ поднять такой шумъ,—правда, минутный, но зато необыкновенно громкій. Конечно, это можно объяснить лишь крайней заносчивостью англичанъ и ихъ нелюбовью къ нѣмцамъ. Привыкшіе много лѣтъ подъ рядъ быть первыми въ международной торговлѣ и въ фабричной промышленности, они съ изумленіемъ замѣчаютъ, что и другіе народы имъ не уступаютъ, что прогрессъ и цивилизація распространяются не только на Великобританскомъ островѣ, но и на континентѣ Европы, да

распространяются, къ тому еще, не хуже, чѣмъ у нихъ самихъ. Естественно, что это сильно язвитъ ихъ національное самолюбіе, и всякому шарлатану легко теперь возбудить къ себѣ вниманіе, играя на струнахъ этого уязвленнаго самолюбія. Вильямсъ, конечно, отлично знаетъ, что если Англіи и слѣдуетъ опасаться чьей-либо конкурренціи, то уже никоимъ образомъ не Германіи, что туча надвигается далеко не со стороны Нѣмецкаго моря, а съ совершенно противоположной стороны, съ дальняго горизонта Атлантическаго океана; тамъ, на западѣ, въ великой заатлантической республикѣ съ ея 70 милліонами обитателей, съ ея безконечными рессурсами, съ ея энергичнымъ, изобрѣтательнымъ, предпріимчивымъ населеніемъ, растетъ, дѣйствительно, конкуррентъ-гигантъ, великанъ-соперникъ, котораго не преодолѣешь. Но Вильямсъ также зналъ, что успѣхи Соединенныхъ Штатовъ Америки хотя и не совсѣмъ пріятны англичанамъ, никогда не затрогиваютъ ихъ національное самолюбіе. Англичане вполнѣ справедливо смотрятъ на американцевъ, какъ на своихъ отдѣлившихся братьевъ, которые говорятъ съ ними однимъ языкомъ, живутъ одной литературой, волнуются однѣми и тѣми же религіозными идеями, политическими идеалами, общественными вопросами. И поэтому промышленные и другіе успѣхи американцевъ составляютъ для англичанъ какъ бы предметъ фамильной гордости. Все-таки это успѣхи одной и той же „англосаксонской расы“. Другое дѣло—Германія. Ей простить успѣхъ ужъ никакъ нельзя. Правда, императоръ Вильгельмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напр., въ своей недавней телеграммѣ писателю Киплингу и въ нѣкоторыхъ застольныхъ рѣчахъ любитъ говорить объ общемъ англо-саксонскомъ происхожденіи, но, по глубокому убѣжденію всякаго англичанина, нѣмецъ все-таки не англо-саксъ, и, слѣдовательно, ростъ Германіи—прямая обида первенству Англіи и непозволительное посягательство на ея вѣковой престижъ. Нужно ли удивляться, что бойкій журналистъ, гоняясь за сенсаціей и не останавливаясь передъ искаженьемъ цифръ, ухватился за „Made in Germany“, какъ за якорь спасенія, и что онъ успѣлъ возбудить интересъ?

Но помимо этой ревнивости англичанъ къ успѣхамъ нѣмцевъ, огромную службу сослужилъ Вильямсу и лордъ Розбери. Нужно сказать, что когда книга раньше печаталась въ видѣ статей въ „New Review“, на нее мало кто обратилъ вниманія. Осталась она малоизвѣстной и послѣ отдѣльнаго изданія. Но вотъ лордъ Розбери на открытіи техническаго института въ Ипсомѣ 24 іюля 1896 г. завелъ рѣчь объ огромной важности

для Англіи техническаго образованія и между прочимъ сказалъ слѣдующее: „Недавно издана маленькая книжка, называющаяся „Made in Germany“, на которую считаю нужнымъ обратить ваше вниманіе. Для тѣхъ же, которымъ эта книжка казалась бы слишкомъ большой, могу рекомендовать послѣдній нумеръ журнала „Review of Reviews“, гдѣ дано краткое извлеченіе изъ нея“. Эти слова одного изъ самыхъ умныхъ государственныхъ людей Англіи рѣшили участь книги. Въ продолженіе недѣли послѣ этой рѣчи издатель Гайнеманъ получилъ отъ разныхъ книжныхъ магазиновъ требованія на 16 тысячъ экземпляровъ ея. Это, конечно, указываетъ на огромную популярность Розбери, но въ то же время подтверждаетъ старую истину, что „конь о четырехъ ногахъ, да спотыкается“, особенно если имѣть въ виду, что Розбери — одинъ изъ лучшихъ защитниковъ англійской свободы торговли и своей рѣчью въ Манчестерѣ, произнесенною имъ 1-го ноября того же года, онъ совершенно разрушилъ планы Чэмберлена насчетъ таможеннаго союза съ колоніями.

Мы не считаемъ нужнымъ войти здѣсь въ разборъ книжки Вильямса по существу. Достойная оцѣнка ей была сдѣлана въ „Daily News“ „Daily Graphic“, „Spectator“, „Economist“ и „Economic Review“ извѣстными спеціалистами по статистикѣ и политической экономіи. Отдѣльно изданы Кобденскимъ клубомъ двѣ превосходныхъ книжки: одна—„The German Bogey“ (нѣмецкое пугало) Джорджа Медли (Medley), а другая—Гарольда Кокса „Are we ruined by the Germans?“ (Разоряютъ ли насъ нѣмцы?). Книжку Медли любопытно было бы прочесть всякому, кто дѣйствительно желаетъ имѣть ясное представленіе о положеніи англійской крупной промышленности. Она составлена на основаніи точныхъ данныхъ (насколько вообще можно говорить о точности въ промышленной статистикѣ) и съ знаніемъ дѣла, о которомъ авторъ взялся разсуждать.

Но не останавливаясь на разборѣ по существу книжки Вильямса и отсылая читателя къ только-что поименованнымъ изданіямъ, не могу, однако, не прибавить, что цифры, приведенныя въ ней, не имѣютъ ни научнаго, ни практическаго значенія, такъ какъ лишены самыхъ главныхъ основъ всякихъ статистическихъ выкладокъ: во-первыхъ, онѣ не всегда вѣрны, во-вторыхъ, подобраны безъ системы, въ-третьихъ, часто сравниваются совершенно несоизмѣримыя величины и, наконецъ, въ-четвертыхъ, заключенія автора противорѣчатъ другъ другу и его ссылкамъ. Что же касается до средствъ, предлагаемыхъ авто-

ромъ для борьбы съ Германіей, то однѣ изъ нихъ, какъ протекціонизмъ, никуда не годятся, какъ видно даже изъ его собственныхъ разсужденій, а съ другими онъ очень опоздалъ, какъ, напр., съ совѣтами насчетъ техническаго образованія. Дѣйствительно, лѣтъ 10—15 тому назадъ Англія обращала мало вниманія на теоретическую подготовку своихъ техниковъ, но за послѣдніе годы, особенно съ введеніемъ совѣтовъ графствъ, она взялась восполнять этотъ пробѣлъ съ такимъ рвеніемъ, что уже начинаютъ раздаваться крики противоположнаго характера, будто техническое образованіе стало распространяться въ ущербъ общему (см., напримѣръ, „Nineteenth Century", 1899, мартъ. Достаточно сказать, что не далѣе какъ въ 1889 г. въ Лондонѣ была только одна средняя политехническая школа (не считая высшихъ институтовъ, „Лондонскаго" и Соутсъ-Кенсингтонскаго), а теперь ихъ одиннадцать, съ числомъ учащихся въ 50 тысячъ. Эти школы обставлены самыми лучшими инструментами, машинами, физическими кабинетами, лабораторіями, какіе только можно встрѣчать въ богатыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ континента. Что же касается до провинціи, то она даже значительно обогнала Лондонъ и теперь трудно указать на какой-нибудь большой англійскій городъ, который не имѣлъ бы своей политехнической школы съ среднимъ или высшимъ образованіемъ. Такъ что въ этомъ отношеніи совѣты Вильямса запоздали. Такого же рода цѣнностью обладаютъ и другія его средства, иныя изъ которыхъ были бы положительно вредны для развитія международной торговли Англіи.

Однако, допустимъ, что Вильямсъ правъ, что международная торговля Англіи падаетъ. Дѣйствительно ли это—такое несчастье? Дѣйствительно ли цифры ввоза и вывоза всегда характеризуютъ богатство страны, благосостояніе населенія, степень промышленности? Не замѣчаются ли въ экономической жизни народовъ симптомы новаго порядка вещей, при которомъ ввозъ и вывозъ должны играть все меньшую роль и цифры ихъ должны все больше блѣднѣть въ блескѣ другихъ цифръ, какія и не снились мудрецамъ, въ родѣ Вильямса и его друзей протекціонистовъ?

Перейдемъ къ этому вопросу въ слѣдующей главѣ.

V.

Старая поговорка, что въ гостяхъ хорошо, а дома еще лучше, вѣрна и въ экономической жизни народовъ. Какъ бы широко передъ вами ни раскрывали двери въ чужихъ домахъ, но если вы хотите быть сытымъ, одѣтымъ, довольнымъ, направьте всѣ ваши усилія на приведеніе въ порядокъ собственнаго дома. Раскройте собственныя двери и окна, впустите въ собственныя комнаты побольше свѣта и воздуха и побольше всего, что̀ вамъ на потребу. Говоря проще, не международная торговля составляетъ существеннѣйшую потребность народовъ, а внутренняя: освободите не столько первую,—хотя, конечно, и для ней нужна свобода, — сколько послѣднюю; дайте развернуться въ полную ширь, дайте возможность каждому работать гдѣ и что̀ онъ хочетъ, обезпечьте его трудъ, сдѣлайте его личность неприкосновенной, независимой, правоспособной, и торговля процвѣтетъ, и внутри вашихъ селъ и деревень, городовъ и мѣстечекъ появятся такіе колоссальные рынки, какихъ не найдете за предѣлами государства. Таковъ урокъ исторіи, таковы факты современной жизни. Америка процвѣтаетъ не изъ-за протекціонизма.

Послѣдній, если что̀ и сдѣлалъ, то именно нанесъ страшный вредъ транспортной торговлѣ Соед. Штатовъ, согнавъ, какъ ураганомъ, съ поверхности морей бывшій ихъ многочисленный торговый флотъ. Германія начала расти за послѣдніе два десятка лѣтъ, не благодаря протекціонизму. Австралія ростетъ не изъ-за протекціонизма. Во всѣхъ этихъ государствахъ ростъ благосостоянія идетъ вослѣдъ большому гражданскому развитію и связанъ съ свободнымъ духомъ и замѣчательными учрежденіями. Но самый лучшій примѣръ представляетъ собою Англія, та самая, которая еще въ 1896 г. праздновала 50-лѣтіе свободы торговли и которая успѣла открыть у себя дома такіе рынки, какихъ она за границей никогда не найдетъ, при всѣхъ „открытыхъ дверяхъ“ лорда Сольсбери.

Къ сожалѣнію, статистика очень скупа насчетъ внутреннихъ рынковъ. Въ ея распоряженіи имѣются болѣе или менѣе вѣрныя цифры, чтобы судить о международной торговлѣ, т.-е. о томъ, что̀ менѣе всего существенно для сужденія о благосостояніи народа и о степени его экономической производительности. Но она почти лишена данныхъ о народномъ потребленіи, о самомъ главномъ признакѣ экономическаго состоянія. Потреб-

леніе,—сказалъ А. Смитъ,—это единственная задача и цѣль производства. А между тѣмъ, что̀ мы знаемъ о потребленіи на душу населенія даже въ Англіи, въ странѣ царства статистики? По всей странѣ фабрики могутъ работать съ утра до ночи, а для насъ все-таки останется загадкой, для кого же онѣ работаютъ? Сколько сапоговъ, паръ платья, рубашекъ, велосипедовъ, подсвѣчниковъ, шляпъ, фортепіано, галстуковъ, книгъ, зонтиковъ и т. д. выпадаетъ на каждаго изъ насъ? Статистика этого не знаетъ.

Въ нѣкоторыхъ отчетахъ кооперативныхъ фабрикъ еще даются кое-какія подробности, но это капля въ морѣ англійскаго производства, и статистики выпущенныхъ съ фабрикъ и заводовъ предметовъ потребленія нѣтъ никакой, если не считать предметовъ, оплачиваемыхъ акцизомъ, т.-е. крѣпкихъ напитковъ.

Такимъ образомъ у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя бы непосредственно указали, какой рынокъ представляетъ собою Англія для сюртуковъ, рубахъ, туалетнаго мыла, кружевъ, стальныхъ перьевъ и т. д., но мы тѣмъ не менѣе имѣемъ возможность сказать, что рынокъ этотъ ростетъ съ каждымъ годомъ, что покупательная сила народа увеличивается и что у него такой огромный спросъ, который едва удовлетворяется существующимъ предложеніемъ. Спросъ на предметы потребленія, это значитъ спросъ на трудъ (вспомнимъ еще разъ старую истину: потребленіе есть единственная цѣль производства), и насколько этотъ спросъ великъ въ Англіи, увидимъ дальше. Пока же воспользуемся тѣми данными, которыми статистика обладаетъ. Данныя эти, правда, не касаются фабричнаго производства, а продуктовъ сельскаго хозяйства, притомъ не внутренняго производства, а внѣшняго. Но въ нихъ есть столько любопытнаго и характернаго, столько бытового и положительнаго, что, взглянувъ на нихъ, мы какъ бы охватываемъ однимъ взглядомъ и весь остальной рынокъ потребленія въ Англіи. Данныя эти заключаются въ цифрахъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, ввезенныхъ въ Англію для потребленія за послѣднія 15 лѣтъ, и изъ нихъ видно, какъ питаніе народа дѣлается все больше и лучше, какъ плохопитательные продукты, въ родѣ картофеля, вытѣсняются мясомъ и другими вещами, какъ рисъ замѣняется все больше пшеницей, цикорій—какао, маргаринъ—масломъ и т. д. Рискуя утомить читателя цифрами, я все-таки не могу не дать здѣсь маленькой таблицы, составленной на основаніи оффиціальныхъ отчетовъ.

Привезено въ Англію для внутренняго потребленія:

	Въ 1883 году.	Въ 1897 году.
Копченыхъ окороковъ	3.485.000 центнеровъ	6.383.000
Потребленія на душу	11,01 ф.	17,95 ф.
Мяса свѣжаго и соленаго	1.073.000 центнера	3.383.000
Потребленія на душу	3,39 ф.	8,83 ф.
Масла (въ 1886 году)	1.480.650 центнеровъ	3.146.000
Потребленія на душу	4,57 ф.	8,85 ф.
Какао	12.888.000 ф.	27.850.000
Потребленія на душу	0,36 ф.	0,70 ф.
Пшеницы	63.542.000 центнера	62.544.000
Потребленія на душу	200,76 ф.	175,89 ф.
Муки и крупы	16.193.000 центнера	18.472.000
Потребленія на душу	51,16 ф.	51,95 ф.
Яицъ	940.152	1.681.982
Потребленія на душу	26,52 шт.	42,23 шт.
Баранины	236.000 центнеровъ	3.188.000
Потребленія на душу	0,75 ф.	8,97 ф.
Картофеля	5.142.000 центнеровъ	3.884.000
Потребленія на душу	16,25 ф.	10,92 ф.
Сахара рафинаднаго	3.138.000 центнеровъ	15.614.000
Потребленія на душу	9,91 ф.	43,91 ф.
Чаю	170.780.000 ф.	231.328.000
Потребленія на душу	4,82 ф.	5,82 ф.

Таблица эта говоритъ сама за себя. Нужно лишь прибавить, что это увеличенное потребленіе ввозныхъ продуктовъ ничуть не является указаніемъ на то, что ихъ стали меньше производить въ самой Англіи. За исключеніемъ пшеницы, которой въ 1897 году было засѣяно меньше, чѣмъ въ 1883 г., всѣ другіе предметы показываютъ излишекъ противъ 1883 года. Такъ, рогатаго скота въ 1883 г.—5.962.000 [1]), въ 1897 г.—6.500.000, овецъ въ 1883 г.—25.068.000, а въ 1897 г.—26.340.000, лошадей (исключительно для земледѣльческихъ работъ) въ 1883 году было 1.410.000, въ 1897 г.—1.526.000.

Къ сожалѣнію, статистика ничего не говоритъ насчетъ птицеводства, но наврядъ ли и въ этой отрасли былъ упадокъ. Значитъ, народъ потреблялъ больше ввозныхъ продуктовъ просто потому, что у него было больше средствъ.

Любопытны также и цифры ввоза шерсти сравнительно съ ввозомъ хлопка. Оказывается, что первая все больше и больше вытѣсняетъ послѣдній и что англичане оставили въ 1897 г. для собственнаго потребленія на 151 милліонъ фунтовъ шер-

---

[1]) Ирландія не включена ни въ это, ни въ слѣдующія числа.

сти больше, чѣмъ въ 1883 году. Мы дальше скажемъ, какую роль играетъ въ международной торговлѣ Англіи этотъ увеличивающійся изъ года въ годъ спросъ ея населенія на заграничные предметы потребленія, что̀ кроѐтся подъ нимъ и какъ онъ долженъ мѣнять весь характеръ ввоза и вывоза. Пока же перейдемъ къ нѣкоторымъ другимъ фактамъ изъ промышленной жизни Англіи, которые говорятъ еще краснорѣчивѣе, чѣмъ статистика.

„Промышленная слава Англіи исчезаетъ, и Англія этого не сознаетъ!"—восклицаетъ Вильямсъ. И дѣйствительно, было бы очень мудрено, еслибы она это сознавала. Прочтемъ хотя бы слѣдующую замѣтку, появившуюся въ лондонской „Daily News" въ декабрѣ 1898. „Не часто случается,—пишетъ хорошо освѣдомленная газета,—чтобы хозяева испытывали затрудненія съ рабочими именно потому, что послѣднимъ хорошо платятъ, но такъ именно обстоитъ дѣло въ судостроительной промышленности на сѣверо-восточномъ прибрежьѣ (Англіи). Нѣсколько разрядовъ рабочихъ, какъ, напримѣръ, молотобойцы, работаютъ издѣльно и могутъ легко заработать фунтъ въ день, но не хотятъ работать по понедѣльникамъ или пятницамъ, довольствуясь всего тремя съ половиною рабочими днями въ недѣлю. Въ тѣ же дни, когда они не приходятъ на работу, ихъ можно видѣть разъѣзжающими въ громадныхъ фургонахъ цѣлыми партіями на скачки и другія спортивныя представленія или на сельскіе праздники. Между тѣмъ, все это время хозяева должны содержать всѣ свои заведенія со всѣмъ штатомъ служащихъ и рисковать штрафами за несвоевременное исполненіе заказовъ. Только-что сдѣланный подсчетъ показываетъ, что судостроительные рабочіе этой мѣстности теряютъ 30% рабочаго времени зря. Даже чернорабочіе стали усвоивать себѣ эту практику въ ужасающихъ размѣрахъ. Хозяева объясняютъ это высокой рабочей платой и недостаткомъ рукъ. По всему прибрежью нѣтъ совершенно безработныхъ... То же самое происходитъ и въ каменноугольной промышленности, въ которой углекопы не хотятъ работать больше 190 дней въ году, пользуясь всякимъ предлогомъ не являться на работу".

Такія жалобы хозяевъ менѣе всего, конечно, свидѣтельствуютъ объ упадкѣ промышленности, и цифры судостроительства подтверждаютъ ихъ; но вмѣсто того, чтобы опять утруждать вниманіе читателя рядомъ чиселъ, предпочитаю перейти къ другому роду промышленности, наиболѣе всего, по-моему, характеризующему благосостояніе населенія, уровень его матеріальной жизни и его требованій, а именно: возведенію жилищъ. Постройка фабрикъ, заводовъ, желѣзныхъ дорогъ, портовъ и т. п.,

не говоря уже о крѣпостяхъ, казармахъ, броненосцахъ, никогда не можетъ служить вѣрнымъ указателемъ экономическаго роста страны. Очень часто такая строительная дѣятельность вызывается не мѣстными потребностями, т.-е. не способностью населенія воспользоваться новыми сооруженіями, а спекуляціей мѣстныхъ или иностранныхъ капиталистовъ, ищущихъ новыхъ источниковъ дохода; государственныя же сооруженія часто предпринимаются на заемныя деньги. Само населеніе можетъ быть совершенно чуждо тому кажущемуся оживленію, которое временно вносятъ духъ спекуляціи или иностранные капиталы. Лишь постройка жилыхъ домовъ обнаруживаетъ несомнѣнный прогрессъ, экономическій и нравственный. Чѣмъ больше такихъ домовъ, чѣмъ лучше они строятся, тѣмъ, значитъ, населеніе богаче и обезпеченнѣе. Русская пословица: „не красна изба углами, а красна пирогами", не согласуется съ тѣмъ, что̀ мы видимъ въ жизни. Въ хорошемъ жилищѣ встрѣчаются и хорошіе пироги, а въ избѣ съ провалившейся крышей или накренившимся угломъ— увы! и насчетъ пироговъ тоже плохо. Первымъ шагомъ каждаго человѣка, едва улучшившаго свое положеніе, это — переходъ въ лучшую квартиру, болѣе свѣтлую, просторную, красивую. Бѣдность какъ бы физически сжимаетъ человѣка, тѣснитъ его, и когда бремя давящей нужды спадаетъ, онъ старается прежде всего расправить свои онѣмѣвшіе члены, вытянуться во весь ростъ. Какъ извѣстно, на этой-то психологической чертѣ людей нѣкоторые основываютъ взиманіе квартирнаго налога, не безъ основанія полагая, что размѣры квартиръ въ большей или меньшей степени отвѣчаютъ размѣрамъ доходовъ. Человѣкъ строитъ себѣ домъ, когда онъ обезпеченъ и достигъ извѣстной степени богатства, и разстается съ домомъ, лишь достигнувъ послѣдней степени бѣдности. Такимъ образомъ, если судить по тому, въ какихъ размѣрахъ Англія обстраивается теперь, то нѣтъ сомнѣнія, что она сильно ростетъ экономически.

И говоря о строительной промышленности, я опять предпочитаю цифрамъ слѣдующій замѣчательный фактъ. Въ началѣ апрѣля нынѣшняго года разыгралась стачка хозяевъ - подрядчиковъ противъ штукатурщиковъ. Подрядчики уже давно недовольны штукатурщиками. Послѣдніе, будто, ведутъ себя не хорошо, работаютъ лѣниво, берутъ дорого и, притомъ, не терпятъ ни малѣйшаго выговора со стороны подрядчика или надсмотрщика. Хозяева долго это терпѣли, но наконецъ общество ихъ, извѣстное подъ именемъ Employers' Association of Masters Builders, рѣшило уволить всѣхъ членовъ союза штукатурщиковъ.

Всего въ союзѣ послѣднихъ около 11,000 человѣкъ, и полагалось, что по крайней мѣрѣ половина изъ нихъ, если не три четверти этого числа, останется безъ работы. Однако, эти разсчеты подрядчиковъ оказались ложными, и, уволенные однимъ подрядчикомъ, штукатуры сейчасъ же приглашались другимъ, и почти ни одинъ рабочій не пострадалъ. Строительная горячка такова, что большинство членовъ общества подрядчиковъ отказалось даже уволить рабочихъ, тѣ же строители, которые не состоятъ членами этого общества, были очень рады перехватить къ себѣ всѣхъ уволенныхъ штукатуровъ, такъ что, въ концѣ концовъ, стачка кончилась ничѣмъ, хотя номинально она еще продолжается. Нормальная плата штукатурщику въ Лондонѣ, установленная союзомъ рабочихъ, составляетъ 10 пенсовъ за часъ, но эту норму сами подрядчики, гоняясь за рабочими, давно превысили, и обычная теперь плата — одинъ шиллингъ въ часъ (12 пенсовъ), а нѣкоторыя фирмы установили еще добавочную премію въ $2^1/_2$ шиллинга въ недѣлю всѣмъ тѣмъ, которые работали полную недѣлю. И эта усиленная строительная дѣятельность менѣе всего вызывается спекулятивными соображеніями. Обстраивается не одинъ Лондонъ или Ливерпуль, а вся Англія, вездѣ являются усиленныя требованія на новыя и улучшенныя жилища.

Въ виду только-что разсказаннаго нами, какъ смѣшны кажутся пророчества извѣстнаго англійскаго протекціониста первой половины этого вѣка, полковника Торренса, который писалъ въ 1843 г. въ открытомъ письмѣ сэру Роберту Пилю [1]: „Англійскій рабочій долженъ будетъ (если введутъ свободу торговли) обмѣнять свой пшеничный хлѣбъ на черный хлѣбъ континента, долженъ понизить свое привычное потребленіе животной пищи и покинуть чай и сахаръ, которые до сихъ поръ разсматривались, какъ необходимость его пищи. Паденіе будетъ сильное. Это будетъ спусканіе не съ высоты къ равенству, а отъ высшаго къ низшему".

Къ счастью, пророчества эти не оправдались, и мы видимъ огромный ростъ потребленія и, благодаря ему, все болѣе и болѣе увеличивающуюся промышленность, для которой даже уже не хватаетъ рукъ. Въ сравненіи съ этимъ расширеніемъ внутренняго рынка ввозъ и вывозъ играетъ все меньшую и меньшую роль не только по своимъ численнымъ оборотамъ, но и по своимъ задачамъ. Международный обмѣнъ перестаетъ быть цѣлью самъ по себѣ, источникомъ богатства, средствомъ для барышей, а дѣлается все больше и больше лишь орудіемъ для удовлетворенія извѣстныхъ потребностей. Прежнее объясненіе междуна-

[1]) Цитирую по книгѣ г. Янжула: „Англійская свободная торговля".

роднаго обмѣна, сдѣланное Рикардо, хотя и остается вѣрнымъ для прошлаго времени, наврядъ ли будетъ годиться въ будущемъ и уже начинаетъ терять свое значеніе въ настоящемъ. Не коммерческая *выгода*, не желаніе выиграть на цѣнѣ, на стоимости производства, служитъ побудительной причиной нынѣшняго обмѣна, а желаніе удовлетворить новую потребность, увеличивающійся спросъ. Англія вывозитъ не потому, чтобы нуждалась въ покупателѣ, а потому, что нуждается въ предметѣ привоза. Ей нуженъ чай, кофе, изюмъ, апельсины, мѣха, вина, золото и пр., которыхъ она дома добыть не можетъ, а безъ нихъ она обойтись не хочетъ, и въ уплату за это она вынуждена выработать для вывоза извѣстное количество ситцевъ, сукна и другихъ предметовъ, въ которыхъ нуждаются нѣкоторые другіе народы. Объясненіе — самое простое, но многіе принимаютъ результатъ за причину и въ увеличенномъ международномъ обмѣнѣ видятъ источникъ богатства, вмѣсто того, чтобы смотрѣть на него, лишь какъ на результатъ усиленнаго внутренняго потребленія. И ошибка эта происходитъ отъ того, что дѣйствительно явленія международнаго обмѣна въ наше время очень еще не ясны, и не только въ разныхъ странахъ, но и въ одной и той же странѣ могутъ существовать рядомъ два товарныхъ теченія: одно чисто коммерческое, вызываемое *выгодностью* обмѣна, а второе бытовое, такъ сказать естественное, вызываемое исключительно спросомъ. По своимъ вліяніямъ на рынокъ, т.-е. на цѣны, оба явленія вполнѣ сходны, но въ то время какъ первое отличается бо̀льшимъ вывозомъ, второе стремится къ превышенію ввоза. Въ первомъ случаѣ важно какъ можно больше *выручить*, какъ можно больше *заработать*, хотя бы заработокъ этотъ выражался векселями и бумагами; во второмъ случаѣ дѣло идетъ о полученіи какъ можно больше товаровъ, предметовъ потребленія.

Я, конечно, не имѣю никакихъ притязаній на открытіе какой-нибудь новой теоріи международнаго обмѣна. Я только хотѣлъ указать на то, что ввозъ и вывозъ связанъ не съ ростомъ внѣшнихъ рынковъ, не съ сооруженіемъ фабрикъ и заводовъ, не съ открытіемъ минеральныхъ залежей, а со вкусами и потребностями маленькаго обывателя. Тамъ, у него, въ его скромномъ жилищѣ, скрываются концы нитей, которыми двигаются корабли, отправляются поѣзда и вертятся колеса на заводахъ, и чѣмъ крѣпче эти нити, чѣмъ энергичнѣе онѣ дергаются, тѣмъ живѣе ввозъ и вывозъ, тѣмъ оживленнѣе промышленность.

С. И. Рапопортъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ДУБЪ.

Дубъ въ лѣсу пустынномъ выросъ—
Въ храмѣ грезы, въ царствѣ сновъ
Соловьевъ тѣнистый клиросъ,
Изумрудный тронъ орловъ.

Зимы бѣлыми фатами,
Вёсны стягомъ золотымъ
Безконечными годами
Тихо вѣяли надъ нимъ.

Безъ печали, безъ привѣта
Снѣгъ встрѣчая и росу—
Живъ для скорби, мертвъ для свѣта—
Жилъ отшельникъ въ томъ лѣсу.

Онъ подъ этимъ дубомъ старымъ
Книгу мудрую писалъ;
Грозной силой, властнымъ жаромъ
Трудъ святой горѣлъ, дышалъ...

Но, читая стихъ старинный,
Люди—глубже смысла словъ—
Слышатъ въ немъ полетъ орлиный,
Слышатъ гимны соловьевъ.

И надъ ветхими листами,
Какъ надъ дубомъ вѣковымъ,
Вѣютъ долгими годами
Зимы бѣлыми фатами,
Вѣсны стягомъ золотымъ...

ВЪ СѢВЕРНОЙ ГЛУШИ.

Передъ яркимъ, сочнымъ лугомъ,
Окаймивъ песчаный скатъ,
Исполинскимъ полукругомъ
Сосны старыя стоятъ...
Не остатки ли эстрады
Сохранилъ намъ рядъ вѣковъ,
Гдѣ изъ тканей грезъ и сновъ
Ткали эльфы и дріады
Саги сѣверныхъ лѣсовъ?
Не герои ли сѣдые,
Полубоги древнихъ рунъ
Тамъ внимали въ дни былые
Переборамъ вѣщихъ струнъ.
И застыли въ полукругѣ
Въ видѣ сосенъ, по ночамъ
До сихъ поръ внимая тамъ,
Въ шумѣ лѣса, въ плачѣ вьюги,
Эдды милымъ голосамъ?

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Да, осень... Осень, другъ мой бѣдный...
Луга желтѣютъ, глохнетъ садъ...
Къ концу приходитъ жизни блѣдной
Безцвѣтно-пестрый маскарадъ...
Какъ жалки, какъ ничтожно-странны
Страстей и прихотей былыхъ
Разоблаченные обманы—

Лоскутья масокъ шутовскихъ...
И только дѣтства сны и сказки
Блеснутъ порой во мглѣ ночей,
Какъ полный кроткой, грустной ласки,
Изъ-подъ докучной полумаски
Взглядъ милыхъ нѣкогда очей...

С. Фругъ.

ПО ВОПРОСУ О ЖЕРТВАХЪ
ПРОМЫШЛЕННЫХЪ ПРЕДПРІЯТІЙ.

Значительное распространеніе промышленныхъ предпріятій и повсемѣстное примѣненіе машинъ и различныхъ техническихъ аппаратовъ заключаютъ въ себѣ большую опасность для жизни и здоровья людей, занимающихся въ этихъ предпріятіяхъ. Ежегодно часть рабочихъ становится жертвою разныхъ профессіональныхъ заболѣваній, дѣлается неспособною къ труду, калѣчится и убивается тѣми или другими составными частями фабричныхъ механизмовъ, и это зло принимаетъ такіе крупные размѣры, что, по выраженію одного фабричнаго инспектора, большинство нашихъ фабрикъ является въ настоящемъ ихъ видѣ лабораторіями травматизма и источниками всевозможныхъ заболѣваній.

Вопросъ о предупрежденіи несчастныхъ случаевъ въ области промышленности долго не находилъ надлежащаго освѣщенія; усиленно развиваться онъ сталъ лишь съ того момента, когда регулированіе отношеній между хозяевами и рабочими сдѣлалось предметомъ особенныхъ заботъ правительствъ разныхъ странъ. Германія одна изъ первыхъ вступила на путь практическихъ мѣропріятій, и тамъ 6-го іюля 1884 года изданъ былъ, какъ извѣстно, законъ объ обязательномъ страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, формировавшій самостоятельныя страховыя учрежденія, на началахъ взаимности, между фабрикантами отдѣльныхъ производствъ (Berufsgenossenschaften). Не касаясь въ настоящее время сущности означеннаго закона, относительно котораго было высказано много pro и contra, мы здѣсь остано-

вимся лишь на одномъ изъ его послѣдствій, имѣющемъ для насъ весьма важное значеніе. До послѣдняго времени не существовало надежныхъ статистическихъ данныхъ, которыя позволили бы съ достаточной точностью судить о степени опасности различныхъ производствъ и о другихъ предметахъ, имѣющихъ тѣсную связь съ вопросомъ о предупрежденіи несчастныхъ случаевъ на заводахъ и фабрикахъ. Лишь съ появленіемъ ежегодныхъ отчетовъ германскаго имперскаго управленія по дѣламъ страхованія (Reichs-Versicherungsamt), которые относятся къ значительному количеству застрахованныхъ рабочихъ, сказанный вопросъ о предохраненіи отъ увѣчій и смерти сталъ получать болѣе правильное освѣщеніе, и данныя означенныхъ отчетовъ служатъ въ настоящее время главнымъ основаніемъ при рѣшеніи всевозможныхъ вопросовъ, касающихся разсматриваемаго дѣла.

Согласно означеннымъ даннымъ, въ 1896 году германскія фабрично-заводскія и строительныя предпріятія [1]) дали 233.319 несчастныхъ случаевъ (тяжелыхъ и легкихъ) при числѣ рабочихъ въ 5.734.680, при чемъ число смертей и тяжкихъ увѣчій равнялось 38.538. Земледѣльческіе же рабочіе, при числѣ въ 11.189.071 человѣкъ, дали въ 1896 году 91.099 несчастій, изъ коихъ на смерть и тяжкія увѣчья приходится 42.934 случая. Значитъ, на всѣхъ германскихъ рабочихъ приходится въ означенномъ году 324.418 несчастныхъ случаевъ, и изъ нихъ— 81.472 смерти и тяжелыхъ увѣчій (смерть—6.403 человѣка, полная инвалидность 1.218 чел., неполная инвалидность 42.473 чел. и временная неспособность къ труду въ теченіе болѣе 13 недѣль—31.378 чел.), при чемъ цифры эти, вслѣдствіе введенія усовершенствованныхъ быстро-вращающихся машинъ и замѣны ручного труда машиннымъ, съ каждымъ годомъ увеличиваются.

Такимъ образомъ, германскія промышленность и земледѣліе *ежегодно* даютъ число раненыхъ и убитыхъ, которое напоминаетъ число раненыхъ и убитыхъ во время самыхъ кровопролитныхъ войнъ.

Въ другихъ странахъ замѣчается то же самое явленіе, и профессоръ Шейссонъ, подробно изучившій этотъ предметъ во Франціи и другихъ государствахъ, приходитъ къ выводу, что современная промышленность представляетъ собою поле битвы, которое ежедневно покрывается многочисленными жертвами [2]).

---

[1]) Amtliche Nachrichten des Reichs-Versicherungsamts, 1898, № 1.

[2]) *А. Кеппенъ.* О предупрежденіи несчастныхъ случаевъ съ рабочими на заводахъ и рудникахъ, 1892, стр. 5.

Въ Россіи относительное число несчастій на заводахъ, фабрикахъ, рудникахъ, при строительныхъ и другихъ промышленныхъ предпріятіяхъ, вѣроятно, выше, чѣмъ въ Германіи; тамъ и культура выше, и фабричная инспекція дѣйствуетъ, сравнительно, давно; а главное, существующая тамъ обязательность страхованія является сильнымъ стимуломъ, побуждающимъ предпринимателя принимать соотвѣтствующія предохранительныя мѣры, такъ какъ размѣръ вносимой имъ преміи находится въ нѣкоторой зависимости отъ степени благоустройства его предпріятія. Статистическія свѣдѣнія, собранныя относительно несчастныхъ случаевъ во владимірской губерніи [1]), Привислянскомъ краѣ [2]), одесскомъ градоначальствѣ [3]), на горныхъ заводахъ, рудникахъ и промыслахъ [4]) и другихъ мѣстахъ, не отличаются большою точностью, такъ какъ собиратели означенныхъ свѣдѣній не ручаются за ихъ полноту и не знаютъ, удалось ли имъ зарегистрировать всѣ несчастные случаи. Цифры этихъ свѣдѣній мало отличаются отъ цифръ, показывающихъ число несчастныхъ случаевъ въ соотвѣтствующихъ отрасляхъ промышленности въ Германіи.

Изъ частныхъ указаній по этому предмету остановимся на слѣдующихъ. Докторъ Погожевъ нашелъ, что въ 6 изслѣдованныхъ имъ бумагопрядильныхъ мануфактурахъ московскаго уѣзда число травматическихъ поврежденій составляетъ 10% общаго числа рабочихъ, при чемъ на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ фабрикахъ процентъ означенныхъ поврежденій, легкихъ и тяжелыхъ, доходилъ до 22% общаго числа рабочихъ [5]). Д-ръ Михайловъ сообщаетъ, что на ярцевской мануфактурѣ [6]), съ контингентомъ въ $2^1/_2$ тысячи рабочихъ, несчастные случаи составляютъ около 13,5% общаго числа работающихъ; д-ръ Никольскій сообщаетъ, что на одномъ машиностроительномъ и механическомъ заводѣ

---

[1]) *А. Микулинъ.* Несчастные случаи на фабрикахъ и заводахъ владимірской губерніи. Труды всероссійскаго торгово-промышленнаго съѣзда 1896 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ.

[2]) *В. В. Святловскій.* Фабричный рабочій, 1889 стр. 140 и 223—224.

[3]) *А. Микулинъ.* Страхованіе рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ и заводахъ одесскаго градоначальства Труды всероссійскаго торгово-промышленнаго съѣзда 1896 г.

[4]) *А. Кеппенъ.* О страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ 1892 г., стр. 17.

[5]) *А. В. Погожевъ.* Фабричный бытъ Германіи и Россіи 1892 г., стр. 59—60.

[6]) *Михайловъ.* Опытъ изслѣдованія болѣзненности рабочихъ на бумагопрядильной фабрикѣ Хлудова 1882 г.

В. Святловскій. Фабричная гигіена, 1891.

въ Петербургѣ изъ 2.200 рабочихъ потерпѣли въ 1891 году разныя травматическія поврежденія 1.539 человѣкъ, что составляетъ 70% всего числа рабочихъ. Если сравнить означенныя цифры съ германскими, то окажется, что въ указанныхъ предпріятіяхъ число пораненій, увѣчій и смертей превосходитъ число несчастій въ соотвѣтствующихъ германскихъ производствахъ въ 5—6 разъ.

Значительное количество увѣчій и смертей замѣчается также во владѣльческихъ хозяйствахъ при усиленномъ распространеніи въ послѣднее время сельско-хозяйственныхъ машинъ. Въ „Екатеринославскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ" приведенъ докладъ мѣстнаго земскаго врача г. Сочинскаго, въ которомъ приводится результатъ его наблюденій въ продолженіе 14-лѣтней земской службы. Съ каждымъ годомъ,—говоритъ онъ,—число несчастныхъ случаевъ все увеличивается, и земская больница во время полевыхъ работъ можетъ быть сравнена развѣ съ пріемнымъ покоемъ военнаго времени: на одной койкѣ лежитъ больной съ оторванной рукой, тамъ—безъ ноги, тамъ—получившій серьезныя пораненія другихъ частей тѣла и т. д. Подобныя же свидѣтельства получаются и изъ другихъ губерній [1]).

Приведенные цифры и факты относятся спеціально къ *несчастнымъ случаямъ*, т.-е. къ такимъ явленіямъ, которыя оказываютъ гибельное вліяніе на жизнь и здоровье людей внезапно, въ теченіе небольшого промежутка времени. Промышленная жизнь даетъ еще много жертвъ, которыя являются послѣдствіемъ такъ называемыхъ *профессіональныхъ заболѣваній*, обязанныхъ своимъ возникновеніемъ дѣйствію причинъ, вліяющихъ на рабочихъ въ теченіе долгаго промежутка времени. Жертвы профессіональныхъ заболѣваній труднѣе поддаются учету, чѣмъ жертвы несчастныхъ случаевъ, такъ какъ разстройство здоровья рабочаго является обыкновенно послѣдствіемъ многоразличныхъ причинъ, и выдѣлить спеціальное вліяніе фабрики оказывается не всегда возможнымъ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя указанія могутъ дать намъ понятіе о томъ значеніи, которое имѣютъ означенныя профессіональныя заболѣванія для жизни и здоровья рабочихъ.

---

[1]) „Русскія Вѣдомости" 1895, № 55. Объ этомъ предметѣ см. также „Вѣстникъ общественной гигіены, судебной и практической медицины" 1891, № 12, ст. д-ра Войцеховскаго о травматическихъ поврежденіяхъ, происходящихъ отъ работы на земледѣльческихъ машинахъ.

Д-ръ Дементьевъ [1]), рядомъ долголѣтнихъ наблюденій и измѣреній рабочихъ въ фабрикахъ московской губерніи, обработывающихъ волокнистые матеріалы, доказалъ, что рабочіе этой группы оказываются, по сравненію съ нормальными людьми, ниже ростомъ, съ менѣе развитою грудью, съ худшимъ отношеніемъ послѣдней къ полуросту, легковѣснѣе и съ болѣе слабыми мышцами рукъ и стана. Мало того, организмъ этихъ рабочихъ изнашивается быстрѣе и сильнѣе—они скорѣе старѣются, у нихъ гораздо сильнѣе дѣлается старческое искривленіе позвоночника; при чемъ вредоносныя условія работы, которыя понижаютъ физическія качества рабочихъ (ростъ, объемъ груди, вѣсъ и проч.), повышаютъ и заболѣваемость, и смертность фабричныхъ рабочихъ.

То же самое подтверждаютъ почти всѣ изслѣдователи фабричной жизни. По словамъ А. Голгофскаго,—человѣка, болѣе 25 лѣтъ работавшаго на фабрикахъ, обработывающихъ волокнистые матеріалы,—при входѣ на фабрику свѣжаго человѣка поражаетъ видъ рабочихъ [2]): „они худосочны, ростомъ малы, хотя зрѣлаго и даже почтеннаго возраста, корпусъ недостаточно развитъ, всѣ части тѣла какъ-то миніатюрны, худоба бросается въ глаза, людей съ свѣжимъ и здоровымъ тѣломъ разъ-два, да и обчелся, а атлетовъ и въ поминѣ нѣтъ, словомъ, это какія-то пожилыя дѣти или молодые старики. Первое впечатлѣніе свѣжаго человѣка, къ сожалѣнію, оказывается не случайнымъ явленіемъ, а повсемѣстной дѣйствительностью".

По свидѣтельству г. Лазарева [3]), въ нашихъ фосфорныхъ заводахъ, устроенныхъ безъ всякихъ усовершенствованій, господствуетъ атмосфера фосфорной кислоты и фосфористаго водорода, при чемъ пять лѣтъ работы у горновъ или въ очистной такого завода совершенно достаточны, чтобы превратить здороваго человѣка въ ходячій трупъ съ черными зубами, хроническимъ ревматизмомъ и совершенно разстроенный печенью, т.-е. возвратить обществу, вмѣсто здороваго рабочаго, непроизводительнаго калѣку, лишеннаго всякихъ средствъ для прокормленія себя. То же самое имѣетъ мѣсто почти во всѣхъ спичечныхъ

---

[1]) *Е. М. Дементьевъ.* Фабрика, чтó она даетъ населенію и чтó она у него беретъ, 2-ое изд., 1897.

[2]) *А. Голгофскій.* Современный рабочій въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Труды всероссійскаго торгово-промышленнаго съѣзда въ 1896 году.

[3]) Записки Императорскаго Русскаго Техническаго Общества, 1886, вып. 4, стр. 181.

фабрикахъ, гдѣ полное отсутствіе вентиляціи, медицинской помощи и самыхъ элементарныхъ мѣръ предосторожности гибельно дѣйствуетъ на здоровье людей и причиняетъ тѣмъ болѣе печальныя послѣдствія, что на подобныхъ фабрикахъ работаетъ масса женщинъ и дѣтей, еще менѣе способныхъ переносить постоянное пребываніе въ асмосферѣ, пропитанной фосфорными газами.

По изслѣдованіямъ врачей Евтушевскаго Сулимы [1]) и др., обстановка труда въ нашихъ свеклосахарныхъ заводахъ крайне неблагопріятна для здоровья рабочихъ. Высокая температура воздуха, достигающая въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ 30 и болѣе градусовъ Р., при рѣзкихъ токахъ холоднаго наружнаго воздуха изъ открываемыхъ оконъ и дверей, вдыханіе вредныхъ для организма газовъ, какъ амміакъ, сѣрнистый водородъ и окись углерода, пребываніе въ сырости,—все это условія, которыя даютъ цѣлый рядъ какъ простудныхъ болѣзней, такъ и болѣзней кожи и глазъ, при чемъ имѣются указанія на случаи остраго отравленія сатуратчиковъ окисью углерода и на припадки хроническаго отравленія сѣроводородомъ у рабочихъ костокальнаго отдѣленія.

На стеклянныхъ заводахъ [2]) самая тяжелая и нездоровая работа,—это работа халявныхъ мастеровъ и рабочихъ въ составной; мастера во время работы подвергаются сильному жару отъ печи; разгоряченные и потные, они ищутъ такого мѣста, гдѣ бы ихъ продувало вѣтромъ; кромѣ того, для облегченія они купаются съ ранней весны до глубокой осени, отсюда масса простудныхъ болѣзней. Отъ постояннаго напряженія при выдуваніи стекла у рабочихъ развивается одышка; зрѣніе притупляется; на стеклянныхъ заводахъ замѣчается много чахоточныхъ. Составщики страдаютъ грудными и желудочными болѣзнями, благодаря пыли отъ сульфата, мѣлу и песку.

Профессоръ Эрисманъ [3]) нашелъ у *всѣхъ* рабочихъ осмотрѣнной имъ зеркальной фабрики въ клинскомъ уѣздѣ признаки хроническаго ртутнаго отравленія: общій видъ этихъ рабочихъ

---

[1]) *С. И. Евтушевскій.* О трудѣ женщинъ и подростковъ на свеклосахарныхъ заводахъ. Труды всероссійскаго торгово-промышленнаго съѣзда 1896 г

К. П. Сулима. Свеклосахарное производство въ санитарномъ отношеніи 1892 г.

[2]) *П. Н. Шатько.* О положеніи рабочихъ на Мальцевскихъ стеклянныхъ заводахъ. Труды всероссійскаго торгово-промышленнаго съѣзда 1896 г.

[3]) *Ѳ. Эрисманъ.* Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній клинскаго уѣзда, 1881.

въ высшей степени болѣзненный, худосочный; цвѣтъ лица блѣдный съ сѣроватымъ оттѣнкомъ; питаніе тѣла плохое, десны опухшія; отъ времени до времени является слюнотеченіе, руки дрожатъ. Означенные признаки нерѣдко сопровождаются лихорадочнымъ состояніемъ, катарромъ желудка, потерей зубовъ и другими, болѣе печальными послѣдствіями, при чемъ женщины отличаются меньшей способностью противодѣйствовать этому яду, чѣмъ мужчины. Такія же печальныя и рѣзкія явленія отравленія ртутью замѣчаются въ рудникахъ, гдѣ добывается этотъ металлъ, и во всѣхъ вообще заведеніяхъ, гдѣ приходится имѣть съ нимъ дѣло.

На заводахъ, изготовляющихъ электрическіе аккумуляторы, почти всѣ рабочіе заболѣваютъ свинцовымъ отравленіемъ; раньше или позже, но больница и сильныя страданія являются непремѣннымъ удѣломъ каждаго рабочаго, который занимается въ подобномъ заведеніи, устроенномъ безъ соблюденія мѣръ предосторожности. Свинцовыя отравленія, съ ихъ характерными признаками, производятъ опустошенія среди рабочихъ, которымъ приходится имѣть дѣло со свинцомъ и его солями.

Столь же печальныя послѣдствія замѣчаются на всѣхъ заводахъ, въ которыхъ производится обработка цинка и различныхъ его солей.

Крайне мрачныя картины нарисованы нашими фабричными инспекторами и другими авторитетными изслѣдователями русской промышленной жизни относительно нашихъ костеобжигательныхъ, клееваренныхъ, табачныхъ, красильныхъ, кожевенныхъ, цементныхъ, химическихъ и разныхъ другихъ заводовъ и фабрикъ, и относительно нашихъ рудниковъ и горныхъ промысловъ.

До семидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія смотрѣли довольно равнодушно на бѣдствія, причиняемыя фабричнымъ производствомъ, и полагали, что извѣстное количество увѣчій и смертей есть необходимая дань, которую общество обязано уплатить промышленности. Наблюденія и изслѣдованія въ этомъ направленіи доказали ошибочность подобнаго взгляда. Дознано въ послѣднее время, что не злой рокъ, не безпечность рабочихъ, не особыя явленія природы, наукой, будто бы, не изслѣдованныя, оказываются причиной несчастныхъ случаевъ и разныхъ болѣзней, а главною виною тутъ является игнорированіе вопроса о безопасности машинъ и разныхъ сооруженій. Время и умъ техниковъ и изобрѣтателей все время направлены были на разрѣшеніе самыхъ сложныхъ техническихъ и физическихъ задачъ, при чемъ въ послѣднее время сдѣланы были открытія, уди-

вившія міръ своей геніальностью; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вопросъ о защитѣ жизни и здоровья фабрично-заводскихъ и другихъ рабочихъ оставался въ тѣни, и имъ, сравнительно, мало занимались. При проектированіи новыхъ машинъ заботились объ ихъ простотѣ, дешевизнѣ, бо̀льшей продуктивности, компактности, удобствѣ перевозки, о красотѣ, наконецъ, но обыкновенно мало обращали вниманія на ихъ безопасность. Слѣдствіемъ этого является то обстоятельство, что современныя машины, дѣйствительно, поражаютъ своею легкостью, точностью отдѣлки, производя при этомъ, съ громадною силой и скоростью, самыя разнообразныя работы и продѣлывая необыкновенно сложныя манипуляціи; а между тѣмъ опасность отъ всѣхъ этихъ усовершенствованныхъ машинъ и станковъ не только не уменьшилась, а даже увеличилась. Эти плавные, изящные станки, двигающіеся нерѣдко со скоростью до 3 и болѣе верстъ въ минуту, значительно опаснѣе прежнихъ громоздкихъ, шумящихъ и еле ползающихъ машинъ и требуютъ поэтому особыхъ мѣръ предосторожности, въ какихъ прежніе станки и машины не нуждались.

Статистика несчастныхъ случаевъ показываетъ, что значительная часть увѣчій происходитъ отъ причинъ, которыя легко можно было устранить, и только небольшая, сравнительно, часть несчастныхъ случаевъ является слѣдствіемъ причинъ, которыя мы пока предотвратить не въ состояніи. Нѣтъ, однако, сомнѣнія, что и эта часть, съ появленіемъ новыхъ изобрѣтеній и нововведеній въ смыслѣ огражденія опасныхъ частей машинъ и устраненія вредныхъ моментовъ въ каждомъ производствѣ, уменьшится до еще болѣе низкихъ размѣровъ, что̀ вполнѣ подтверждается примѣрами тѣхъ заводовъ, гдѣ вопросъ о безопасности занимаетъ первенствующее положеніе, и гдѣ принимаются всевозможныя мѣры для защиты жизни и здоровья рабочихъ.

Извѣстный спеціалистъ по паровымъ котламъ, Рейхе [1]), сообщаетъ, что въ Англіи котлы, не подверженные никакому контролю, даютъ одинъ взрывъ на 500 котловъ; между тѣмъ какъ котлы, которые находятся подъ надзоромъ особыхъ ассоціацій, основанныхъ съ цѣлью предупрежденія взрывовъ котловъ, даютъ лишь одинъ взрывъ на 10.000 котловъ; значитъ, стоитъ только поставить вопросъ объ ослабленіи такихъ страшныхъ несчастій, какъ взрывы паровыхъ котловъ, на раціональную почву, чтобы получить уменьшеніе степени опасности въ 20 разъ. Паровымъ котламъ въ указанномъ отношеніи посчастливилось, и они почти

---

[1]) *Reiche*, Anlage und Betrieb der Dampfkessel, 1887.

во всѣхъ государствахъ служатъ предметомъ особыхъ заботъ; благодаря этому, они, какъ показываютъ германскія и австрійскія статистическія данныя, даютъ лишь 1/2 % всѣхъ несчастій, случающихся въ промышленной жизни; и это—несмотря на то, что паровые котлы являются однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ аппаратовъ въ фабрично-заводскомъ дѣлѣ.

Въ дебатахъ, происходившихъ въ англійскомъ парламентѣ при обсужденіи закона объ отвѣтственности работодателей (Employer's Liability Bill, 1880), Макдональдъ привелъ тотъ фактъ, что изъ числа 1.200 человѣкъ, убитыхъ за извѣстное время въ англійскихъ рудникахъ, не менѣе 1.100 лишились жизни вслѣдствіе причинъ, которыя легко могли быть предотвращены [1]).

„Наши личныя изслѣдованія въ теченіе 5 лѣтъ на фабрикахъ и заводахъ петроковской губерніи (гдѣ почти всѣ крупныя фабрики обращаютъ за послѣднее время самое серьезное вниманіе на огражденіе опасныхъ частей машинъ, — говоритъ старшій фабричный инспекторъ Рыковскій [2]),—привели къ положительному выводу, что со времени огражденія машинъ фабрики эти даютъ на 60—70% менѣе увѣчныхъ рабочихъ, чѣмъ ранѣе. Къ тому же выводу пришелъ и инженеръ-технологъ А. А. Микулинъ, который долгое время занимался изслѣдованіемъ того же вопроса на фабрикахъ владимірской губерніи". Если же еще установить болѣе правильный техническій надзоръ за производствами опасныхъ операцій съ машинами и приводами, ввести улучшенные исполнительные механизмы и обратить вниманіе на культурность рабочихъ, то число увѣчій должно уменьшиться въ еще болѣе значительной степени.

Такое оздоровленіе промышленныхъ предпріятій наблюдается на каждомъ шагу, какъ въ отношеніи несчастныхъ случаевъ, такъ и въ отношеніи профессіональныхъ заболѣваній.

Продолжительность жизни шлифовальщиковъ по металлу въ Англіи колеблется въ предѣлахъ отъ 35 до 40 лѣтъ; въ Германіи же, гдѣ на этотъ предметъ обращено серьезное вниманіе, и гдѣ введены надлежащимъ образомъ устроенные вытяжные приборы, продолжительность жизни означенныхъ рабочихъ достигла 50 лѣтъ [1]).

---

[1]) *В. Кирпичевъ.* О мѣрахъ предосторожности при обращеніи съ машинами и приводами. Труды съѣзда членовъ Императорскаго Русскаго Техническаго Общества въ Москвѣ въ 1882 г., т. II, 1883.

[2]) Труды коммиссіи, Высочайше учрежденной для составленія проекта положенія объ устройствѣ и содержаніи промышленныхъ заведеній и пр. Томъ VI, 1898, стр. 65.

[1]) *H. Albrecht.* Handbuch der praktischen Gewerbehygiene, 1894, стр. 87.

Въ кельнскихъ фабрикахъ, благодаря введенію въ Германіи спеціальнаго закона относительно работы въ заведеніяхъ, выработывающихъ свинцовые препараты, число свинцовыхъ отравленій, съ 50% всѣхъ рабочихъ въ семидесятыхъ годахъ, упало до 20% въ восьмидесятыхъ годахъ, а въ настоящее время оно значительно меньше этой послѣдней цифры. Вмѣшательство государства внесло еще болѣе рѣзкія измѣненія въ зеркальной промышленности: въ г. Фюртѣ въ 1885 году рабочіе хворали ртутнымъ отравленіемъ 5.463 дня, при чемъ 80% всѣхъ рабочихъ страдало этой болѣзнью; между тѣмъ за періодъ времени отъ іюня 1890 года по декабрь 1891 г. не было ни одного случая заболѣванія [1]).

Осторожность и опытность со стороны рабочихъ имѣютъ большое значеніе въ смыслѣ уменьшенія несчастій въ промышленныхъ предпріятіяхъ; но безъ устройства соотвѣтствующихъ огражденій и предохранительныхъ аппаратовъ означенныя качества теряютъ свою силу. Въ той обстановкѣ, при которой работаетъ большинство рабочихъ, при томительномъ физическомъ трудѣ, продолжающемся 10, 12 и болѣе часовъ, въ испорченномъ воздухѣ, въ плохо освѣщенныхъ помѣщеніяхъ, нерѣдко при высокой температурѣ, при томъ притупляющемъ стукѣ и шумѣ, которые имѣютъ мѣсто во всѣхъ мастерскихъ, и при поштучной работѣ, заставляющей рабочаго обращать главное вниманіе на продуктивность машины, ни въ какомъ случаѣ нельзя требовать со стороны рабочаго такого необыкновеннаго напряженія вниманія, чтобы онъ, находясь въ тѣсномъ пространствѣ, среди разныхъ опасныхъ, быстро вращающихся ножей, пилъ, кардъ и колесъ, могъ ежесекундно слѣдить за каждымъ своимъ движеніемъ. Ясно, что для уменьшенія числа увѣчій и смертей въ промышленныхъ предпріятіяхъ, эти послѣднія должны быть такъ устроены, машины и аппараты должны быть снабжены такими предохранительными приборами, работа должна быть такъ организована, чтобы рабочіе, по возможности, не подвергались увѣчьямъ и болѣзнямъ даже при той степени разсѣянности и неосторожности, которая свойственна натурѣ обыкновеннаго человѣка, находящагося въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находятся рабочіе въ означенныхъ предпріятіяхъ.

Зло, о которомъ идетъ рѣчь, должно и можетъ быть устранено. Болѣзни и увѣчья не связаны неразрывно съ промышленной дѣятельностью человѣка, а представляютъ лишь случайное,

---

[1]) Тамъ же, стр. 92. 115.

наносное явленіе, которое разрослось до значительныхъ размѣровъ и причиняетъ много зла, лишь благодаря халатности, инертности, препятствующей принимать надлежащія мѣры. Благопріятные результаты, достигнутые до настоящаго времени, даютъ полную увѣренность въ томъ, что человѣческій геній, будучи направленъ въ эту сторону, съумѣетъ устранить или значительно ослабить несчастные случаи и профессіональныя заболѣванія, благодаря которымъ сотни тысячъ самыхъ здоровыхъ, самыхъ работоспособныхъ людей ежегодно выбываютъ изъ строя. Предохранительныя мѣры и надлежащая организація труда являются мощнымъ средствомъ для борьбы даже съ такими бѣдствіями, какъ холера и другія эпидеміи, происхожденіе и сущность которыхъ намъ мало извѣстны; тѣмъ легче побороть такія явленія, какъ фабрично-заводскіе несчастные случаи и заболѣванія, которые находятся вполнѣ въ нашей власти и изученіе которыхъ не представляетъ особыхъ трудностей.

Каждая отрасль промышленности, каждое производство имѣетъ свои особенности и, въ отношеніи жизни и здоровья рабочихъ, представляетъ тѣ или другія опасности, которыя различаются между собою. Приходится изучать всѣ опасные моменты каждаго производства и, сообразно съ характеромъ опасности, принимать тѣ или другія мѣры или же устраивать соотвѣтствующія предохранительныя приспособленія. Но помимо этого, имѣются общія опасности, присущія почти всѣмъ отраслямъ промышленности; таковы: отсутствіе надлежащей вентиляціи; присутствіе въ воздухѣ пыли, вредныхъ или ядовитыхъ газовъ; пожарная опасность, нерѣдко влекущая за собой смерть или увѣчье рабочаго; высокая температура фабричныхъ помѣщеній; недостаточность освѣщенія; несоотвѣтствующій костюмъ рабочаго и т. д. Кромѣ того, имѣется много, такъ сказать, универсальныхъ механизмовъ и аппаратовъ, которые встрѣчаются почти во всѣхъ производствахъ и которые представляютъ значительную опасность для рабочаго, таковы: трансмиссіи, двигатели, паровые котлы, подъемныя машины, зубчатыя колеса и т. п. Эти послѣднія опасности отъ универсальныхъ механизмовъ, а также общія опасности, свойственныя почти всѣмъ производствомъ, изучены съ особой подробностью, прекрасно разработаны, и въ настоящее время имѣется цѣлый рядъ предохранительныхъ мѣръ и приспособленій, которыя прекрасно рѣшаютъ вопросъ о защитѣ жизни и здоровья рабочихъ отъ этихъ опасностей. Что касается до спеціальныхъ опасностей, присущихъ каждой отрасли промышленности, то въ этомъ отношеніи не всѣмъ производствамъ посчастливилось въ одинаковой

степени. Въ то время, когда для промышленныхъ заведеній, обработывающихъ металлы, дерево, волокнистые матеріалы и т. д., вопросъ о защитѣ жизни и здоровья рабочихъ поставленъ вполнѣ на практическую почву и рѣшается удовлетворительно,—другія производства не могутъ пока этимъ похвалиться и ждутъ еще своего детальнаго изученія и надлежащей разработки. Нѣтъ, однако, сомнѣнія, что при томъ интересѣ, который этотъ животрепещущій вопросъ повсемѣстно возбуждаетъ, сказанное изученіе не заставитъ себя долго ждать, и противъ всѣхъ опасностей, встрѣчающихся въ промышленной жизни, найдено будетъ соотвѣтствующее приспособленіе или предохранительная мѣра.

Чтобы показать, какое важное значеніе имѣетъ каждое обстоятельство, кажущееся на первый взглядъ незначительнымъ, мы остановимся на слѣдующемъ примѣрѣ. На многихъ заводахъ, построенныхъ на иностранные капиталы, въ первое время не только вся высшая администрація, но и мастера, десятники и другіе служащіе, стоящіе близко къ рабочимъ, состояли изъ иностранцевъ, мало понимающихъ русскій языкъ. Число несчастій при подобныхъ условіяхъ было очень велико. Но какъ только означенные служащіе замѣнены были людьми, хорошо понимающими русскій языкъ и умѣющими толково объяснять рабочимъ какъ устройство машинъ и аппаратовъ, къ которымъ они были приставлены, такъ и опасности, которыя угрожаютъ рабочимъ при поручаемыхъ имъ занятіяхъ, — немедленно число увѣчій и смертей рѣзко измѣнялось въ благопріятную сторону; при чемъ многія операціи, давшія частыя увѣчья при объясненіяхъ съ рабочими мимикою и односложными звуками, сдѣлались совершенно безопасными при болѣе правильной организаціи труда.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что введеніе въ фабрично-заводскую и технико-строительную жизнь предохранительныхъ и санитарныхъ мѣръ можетъ обременить промышленность лишними, непосильными для нея расходами, которые могутъ тормозить ея развитіе; можно думать также, что устройство разныхъ огражденій и предохранительныхъ приспособленій можетъ способствовать уменьшенію производительности тѣхъ машинъ и аппаратовъ, при которыхъ они устроены. Практика, однако, доказала безусловную ошибочность подобныхъ предположеній: большинство мѣръ, необходимыхъ для защиты жизни и здоровья рабочихъ, такого свойства, что при ихъ введеніи и соблюденіи продуктивность машинъ и предпріятій, а также качество работы значительно улучшаются, а произведенныя затраты быстро окупаются и служатъ на пользу промышленности. Этимъ объясняется

тотъ замѣчательный фактъ, что въ государствахъ, гдѣ введены законы объ отвѣтственности хозяевъ за увѣчья и объ обязательномъ примѣненіи предохранительныхъ и санитарныхъ мѣръ въ наиболѣе опасныхъ производствахъ, сопротивленіе, которымъ было встрѣчено появленіе этихъ законовъ, быстро улеглось, и черезъ нѣкоторое время хозяева стали вводить предохранительныя мѣры въ свои предпріятія не по принужденію, а по доброй волѣ, убѣдившись въ ихъ полезности для самого производства.

Извѣстно, напримѣръ, что однимъ изъ лучшихъ средствъ въ смыслѣ предохраненія отъ взрывовъ паровыхъ котловъ является аккуратное удаленіе со стѣнокъ котла образующейся накипи; но присутствіе этой накипи оказываетъ крайне вредное вліяніе въ отношеніи производительности самаго котла и, значитъ, экономіи въ топливѣ; такимъ образомъ, сравнительно ничтожные расходы на очистку котла и на примѣненіе мягкой воды съ значительнымъ избыткомъ вознаграждаются экономіей, которая получается на горючемъ матеріалѣ. Въ цементныхъ, алебастровыхъ и т. п. заводахъ наиболѣе опаснымъ моментомъ для здоровья рабочихъ оказывается присутствіе въ заводскихъ помѣщеніяхъ пыли, разрушительно дѣйствующей на дыхательные органы людей; но эта пыль составляетъ самую тонкую, самую цѣнную часть выработываемаго фабриката, и устраненіе безполезнаго выдѣленія этой пыли, вмѣстѣ съ собираніемъ ея въ особыя камеры, увеличиваетъ выходъ и улучшаетъ качество получающагося продукта. Въ костеобжигательныхъ, клееваренныхъ и т. п. заводахъ рѣзкій, губительный запахъ происходитъ отъ разложенія наиболѣе цѣнныхъ составныхъ частей костей; наличность запаха является, такимъ образомъ, лучшимъ признакомъ нераціональной конструкціи завода и неполной утилизаціи сырого матеріала; полученіе же болѣе значительнаго выхода болѣе доброкачественныхъ продуктовъ неразрывно связано съ устраненіемъ гнилостнаго запаха и оздоровленіемъ всего производства [1]).

Пожары на фабрикахъ ведутъ нерѣдко къ гибели рабочихъ, и людямъ, слѣдящимъ за этимъ дѣломъ, приходится ежегодно наталкиваться на ужасающія катастрофы въ этомъ отношеніи. Между тѣмъ, пожары эти имѣютъ своимъ послѣдствіемъ постоянное уничтоженіе имущества, принадлежащаго предпринимателямъ, и этимъ приносятъ имъ громадный вредъ. Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ частые пожары на бумагопрядиль-

[1]) Подробности объ этомъ предметѣ см. въ моей книгѣ: „Защита жизни и здоровья рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ", вып. I, 1891; вып. 2, 1892; вып. 3, 1894.

ніяхъ заставили фабрикантовъ выработать соотвѣтствующія предохранительныя мѣры при устройствѣ и содержаніи означенныхъ заведеній, и результатомъ этихъ мѣръ явилось рѣзкое ослабленіе ихъ сгораемости, при чемъ убытки уменьшились въ 8—10 разъ сравнительно съ убытками до принятія этихъ мѣръ [1]). Въ Россіи огнеопасность фабрично-заводскихъ предпріятій превосходитъ соотвѣтствующую же огнеопасность въ западно-европейскихъ государствахъ въ 5 и болѣе разъ [2]), что̀ служитъ однимъ изъ существенныхъ тормозовъ, препятствующихъ правильному развитію нашей промышленности, такъ какъ это влечетъ за собою излишній расходъ въ нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей, отъ котораго избавлена заграничная промышленность. Такимъ образомъ, принятіе мѣръ, имѣющихъ важное значеніе въ отношеніи матеріальныхъ интересовъ предпринимателей и раціональнаго развитія всей нашей промышленности, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ устраненіе или значительное ослабленіе указаннаго вида опасности, влекущей за собою много смертей и увѣчій.

Еще въ прошломъ столѣтіи, при Аннѣ Леопольдовнѣ, образована была коммиссія для изслѣдованія причинъ плохого качества суконъ, изготовлявшихся на тогдашнихъ суконныхъ фабрикахъ. По мнѣнію этой коммиссіи, основными причинами низкаго состоянія суконнаго производства являлись: неудовлетворительное устройство фабричныхъ строеній, отсутствіе свѣта и т. п. антигигіеническія условія работы; „валящійся сквозь щели неплотныхъ потолковъ песокъ и соръ—людямъ работу въ рукахъ мараетъ и портитъ; а полы иные не досками, ниже кирпичами или камнемъ, не выстланы, а которые выстланы, то гнилы". „Ткачи насилу денного свѣта имѣютъ, дабы тканье свое точно высмотрѣть, наименьше же сукну самовредительныя субтильныя худобы открывать" [3]).

Болѣе близкое знакомство съ нашими современными промышленными предпріятіями показываетъ, что многія изъ нихъ не ушли далеко отъ суконныхъ фабрикъ прошлаго столѣтія, въ смыслѣ пренебреженія самыми элементарными санитарными требованіями и—сообразно съ этимъ—въ смыслѣ плохого состоянія ихъ въ экономическомъ отношеніи.

Только рутина, косность, боязнь предъ новизной, слабое распространеніе техническихъ знаній, незнакомство съ задачами

---

[1]) „Пожарное Дѣло", 1898, стр. 684.

[2]) „Страховое Обозрѣніе", 1895, стр. 47.

[3]) *М. Туганъ-Барановскій.* Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ, 1898, стр. 26.

санитарной науки и подобныя обстоятельства являются причиной того печальнаго факта, что во многихъ мѣстахъ такъ цѣпко держатся за устарѣлые пріемы труда, за вредные и опасные способы производства, которые, съ одной стороны, причиняютъ рабочимъ увѣчья, смерть и всевозможныя профессіональныя заболѣванія, а съ другой—бьютъ по карману заводчиковъ и препятствуютъ надлежащему развитію промышленности. При ближайшемъ разсмотрѣніи каждаго производства оказывается, что надлежащее огражденіе машинъ и аппаратовъ, правильное ихъ размѣщеніе, примѣненіе предохранительныхъ приспособленій, раціональное устройство вентиляціи, освѣщенія и отопленія, правильная утилизація фабричныхъ отбросовъ и т. п. санитарныя мѣры всегда ведутъ или къ уменьшенію расходовъ производства, или къ увеличенію производительности предпріятія или, наконецъ, къ улучшенію качества изготовляемыхъ фабрикатовъ, т.-е. имѣютъ своею конечной цѣлью матеріальную выгоду самого предпринимателя.

Такимъ образомъ, изученіе разсматриваемаго вопроса приводитъ къ тремъ основнымъ положеніямъ: 1) Несчастные случаи и профессіональныя заболѣванія въ промышленныхъ предпріятіяхъ приняли громадные размѣры и даютъ значительное количество человѣческихъ жертвъ. 2) Бѣдствіе это не составляетъ необходимой принадлежности фабрично-заводской жизни, а является лишь наносной болячкой, которая вполнѣ поддается леченію. 3) Сказанное леченіе не ложится бременемъ на промышленность, а при умѣломъ его примѣненіи оно оказывается весьма полезнымъ для промышленности и способствуетъ ея развитію.

А. Прессъ.

ЕЩЕ О ТРЁСТАХЪ.

Письмо въ редакцію.

„Во всей исторіи роста всемірной промышленности не было переворота болѣе существеннаго, чѣмъ тотъ, который произошелъ за послѣднее десятилѣтіе, благодаря трёстамъ. Его внезапность такъ же замѣчательна, какъ и его грандіозность. Онъ произошелъ безъ той осторожной постепенности, которая обыкновенно сопровождаетъ помѣщеніе большихъ концентрацій капитала. Онъ не былъ руководимъ предшествовавшимъ опытомъ. Онъ не былъ постепеннымъ результатомъ естественной эволюціи. Онъ былъ просто грубымъ, внезапнымъ проявленіемъ сопротивленія необычно тяжелому давленію обыкновенно регулирующей силѣ конкурренціи. Все то, что̀ до сихъ поръ считалось экономистами фундаментальными основами промышленности и торговли, было ниспровергнуто этимъ переворотомъ. Это—необдуманная революція противъ наиболѣе существенной силы, регулировавшей производство, распредѣленіе и цѣнности—естественныхъ законовъ конкурренціи. Онъ перешелъ въ совершенный разрывъ всѣхъ доселѣ существовавшихъ отношеній между промышленными силами и обществомъ. Онъ представляетъ собою прекращеніе свободнаго обмѣна между производящими и коммерческими элементами, и созданіе исключительной производительной организаціи для всякаго производства, диктатамъ которой должны уступать всѣ другіе интересы. Въ частности, промышленность преобразовалась въ систему феодальныхъ корпорацій, изъ которыхъ каждая пользуется абсолютной властью въ районѣ своего производства, тогда какъ въ общемъ вся система эта составляетъ верховную власть въ торговыхъ сношеніяхъ всей націи. Эти нововведенія въ принятыхъ доселѣ методахъ промышленности хотя самымъ существеннымъ образомъ преграждаютъ доступъ граж-

данъ какъ къ самому поприщу промышленности, такъ и къ пользованію его плодами, въ то же время не принимаютъ въ соображеніе никакихъ легальныхъ препятствій, и игнорируютъ какъ настоящіе законы, такъ и могущія быть принятыми противъ нихъ впослѣдствіи мѣры. Лихорадочная поспѣшность этого переворота идетъ впередъ, ни передъ чѣмъ не останавливаясь и какъ бы ни надъ чѣмъ не задумываясь и конечно не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на общепринятыя требованія коммерческой нравственности, ни на неминуемыя его послѣдствія для самыхъ существенныхъ элементовъ человѣческой свободы, ни на неизбѣжныя опасности для общественнаго порядка".

Такимъ образомъ характеризуетъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ нумеровъ современное положеніе промышленности и торговли въ Сѣверо-Американскомъ Союзѣ „The New York Commercial Journal", газета чрезвычайно солидная, осторожная и вліятельная. Въ самомъ дѣлѣ, только въ теченіе января и февраля мѣсяцевъ настоящаго года было организовано въ Союзѣ 353 новыхъ комбинаціи, съ капиталомъ въ почти шесть милліардовъ долларовъ—$ 5,832, 882,842^{00}. Въ настоящій моментъ главный капиталъ дѣйствующихъ трёстовъ превышаетъ собою цѣнность всей промышленности Соединенныхъ Штатовъ, какъ она была опредѣлена всенародной переписью 1890 года. Я не разъ уже обращалъ вниманіе читателей „Вѣстника Европы" на феноменальный ростъ консолидаціи капитала въ Америкѣ—за послѣдніе два года онъ дошелъ до самыхъ грандіозныхъ, до самыхъ, въ сущности, необъятныхъ предѣловъ. Это какой-то безумный галопъ, утратившій всякую осторожность, всякое чувство мѣры. Та тщательная таинственность, въ которую, лѣтъ десять тому назадъ, были облечены всѣ попытки къ организаціи трёстовъ, теперь почти совсѣмъ отброшена въ сторону—никто не считаетъ нужнымъ скрывать что-либо, все дѣлается открыто, и часто безъ какихъ бы то ни было, даже самыхъ примитивныхъ, предосторожностей. Новѣйшимъ трёстамъ не зачѣмъ скрываться, не зачѣмъ облекаться въ секретъ—если они успѣшны сами по себѣ; нѣтъ теперь такой силы въ странѣ, которая могла бы имъ хоть сколько-нибудь, хоть какъ-нибудь противодѣйствовать. Преслѣдованія общественнаго мнѣнія и закона перестали быть имъ страшными или опасными, перестали вліять на ихъ осуществленіе или успѣхъ. Законъ оказался совершенно безсильнымъ. Хотя только очень немногіе штаты—незначительное, сравнительно, меньшинство—остались безучастными въ дѣлѣ законодательства противъ трёстовъ, тѣмъ не менѣе общая безсистемность этого законодательства и отсутствіе какой-либо связи между всѣми попытками къ нему привели къ тому результату, что оно осталось безъ всякаго

дѣйствія, причинивъ только временныя, несущественныя затрудненія имѣвшимся въ виду организаціямъ. Запретительное законодательство извѣстнаго отдѣльнаго штата имѣетъ силу только въ его предѣлахъ и не можетъ вліять какъ бы то ни было на другой, сосѣдній. Пока будетъ существовать въ Союзѣ хотя бы одинъ штатъ, легализирующій существованіе трёстовъ, они будутъ въ сущности неуязвимы во всѣхъ своихъ основахъ. А капиталъ вообще и трёсты въ особенности давно контролируютъ безусловно легислатуры нѣкоторыхъ штатовъ— такъ, маленькій штатъ Нью-Джерсэй давно служитъ самымъ вѣрнымъ ихъ убѣжищемъ, давно основалъ всю свою систему налоговъ на доходахъ съ обложенія дѣйствующихъ въ другихъ штатахъ и пользующихся покровительствомъ его законовъ корпорацій, и едва-ли можетъ быть хотя бы самая отдаленная надежда на то, что этотъ порядокъ измѣнится въ близкомъ будущемъ. Да и помимо этого, всѣ радикальныя законодательныя попытки отдѣльныхъ штатовъ противъ трёстовъ всегда оканчивались полнымъ fiasco по самой силѣ вещей. Штатъ Нью-Іоркъ, послѣ десятилѣтней борьбы съ сахарнымъ трёстомъ, борьбы, веденной съ необычными въ этомъ дѣлѣ энергіей и послѣдовательностью, долженъ былъ уступить въ концѣ концовъ по всѣмъ пунктамъ. Штатъ Канзасъ, находившійся лѣтъ пять тому назадъ безраздѣльно въ рукахъ аграріевъ-популистовъ, вступилъ-было въ открытую, свирѣпую борьбу съ капиталомъ радикальнымъ законодательствомъ по поводу организаціи банковъ, закладныхъ и процентовъ—и долженъ былъ почти сейчасъ же отмѣнить всѣ принятыя въ этомъ отношеніи мѣры, такъ какъ капиталъ мгновенно сплотился и стакнулся, и отказомъ въ какомъ бы то ни было кредитѣ сразу остановилъ всю промышленность и торговлю во всемъ штатѣ, разоривъ десятки тысячъ людей на всѣхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности и нанеся населенію такіе убытки, отъ которыхъ оно и до сихъ поръ не можетъ оправиться. Штатъ Арканзасъ вздумалъ-было бороться съ монополіей страховыхъ компаній—и достигъ только того, что всѣ онѣ сразу прекратили въ его предѣлахъ всякое страхованіе, и въ настоящій моментъ нѣтъ никакой возможности застраховать въ немъ какое-либо имущество въ сколько-нибудь надежномъ обществѣ. А всякая закладная, особенно городского имущества, дѣлаетъ страховой полисъ въ пользу закладчика обязательнымъ, и уничтоженіе такого полиса уполномочиваетъ закладчика немедленно подать ко взысканію, несмотря на срокъ займа. Читатель можетъ представить себѣ и самъ, какой, слѣдовательно, переполохъ произошелъ во всемъ штатѣ, какіе разнообразные и сильные интересы оказались затронутыми, и чѣмъ эта борьба должна неминуемо окончиться. Послѣдняя легислатура штата Миннесоты провела крайне радикальный, чрезвы-

чайно обстоятельно и многосторонне обставленный законъ, воспрещающій всякую дѣятельность въ предѣлахъ штата какъ мѣстныхъ, такъ и ино-штатныхъ трестовъ и комбинацій—и, покуда, единственнымъ результатомъ оказалось вздорожаніе вдвое или втрое почти всѣхъ жизненныхъ необходимостей, разореніе мѣстныхъ купцовъ, и многочисленныя петиціи губернатору созвать экстренную сессію для отмѣны только-что проведеннаго закона. Городское управленіе города Чикаго ополчилось противъ консолидаціи розничной торговли въ такъ называемыхъ department stores, о которыхъ мнѣ придется подробно говорить ниже. Были выработаны обстоятельныя, безусловно запретительныя постановленія, одобренныя и легислатурой штата—но всѣ онѣ были немедленно опротестованы заинтересованными купцами, и признаны противозаконными и противоконституціонными всѣми судебными инстанціями и штата и Союза. Я могъ бы указать десятки другихъ примѣровъ подобныхъ отдѣльныхъ случаевъ, приведшихъ къ тѣмъ же результатамъ по самымъ разнообразнымъ причинамъ, но считаю это излишнимъ въ виду уже вышеизложеннаго, и закончу этотъ пунктъ констатированіемъ того положенія, что опытъ прошлаго доказалъ уже безусловное безсиліе всѣхъ существующихъ методовъ обуздать консолидаціи капитала посредствомъ законодательства отдѣльныхъ штатовъ.

Также безсильной въ этомъ отношеніи оказалась и обще-законодательная власть Союза, конгрессъ. До сихъ поръ единственной практической попыткой съ его стороны обуздать консолидацію капитала былъ „Interstate Commerce Bill“, организовавшій спеціальную коммиссію для наблюденія за желѣзнодорожной монополіей и для удержанія ея въ извѣстныхъ предѣлахъ. Въ свое время на эту коммиссію и на ея будущую дѣятельность возлагались огромныя надежды—она была, такъ сказать, пробнымъ камнемъ для дальнѣйшаго законодательства въ томъ же направленіи. Надежды эти совсѣмъ не осуществились, дѣятельность коммиссіи по всѣмъ главнымъ, существеннымъ пунктамъ оказалась совершенно безплодной, и въ теченіе самыхъ послѣднихъ лѣтъ приняла въ сущности исключительно изслѣдовательно-статистическій, ученый характеръ. Ея ежегодные доклады, чрезвычайно поучительные, упорно указываютъ какъ на существующее зло, такъ и на господствующія тенденціи къ его постепенному росту—но и до сихъ поръ не дѣлали никакихъ практическихъ указаній на то, какими путями и мѣрами ихъ можно искоренить. А если даже такая несомнѣнно носящая обще-государственный характеръ отрасль человѣческой дѣятельности, какъ пути сообщенія, не поддается воздѣйствію находящихся въ распоряженіи конгресса средствъ и способовъ, то, что же можетъ онъ сдѣлать съ другими, гораздо менѣе об-

щими явленіями, не говоря уже о носящихъ прямо спеціальный характеръ? Какой-нибудь гвоздяной, башмачный или стеклянный трёстъ, все производство котораго сосредоточено въ двухъ, трехъ, иногда даже въ одномъ штатѣ, конечно, еще менѣе способенъ къ урегулированію такимъ обще-государственнымъ законодательствомъ, какимъ неизбѣжно является дѣятельность конгресса, и оно, въ практическомъ примѣненіи, встрѣтитъ еще большее количество камней преткновенія въ формѣ разныхъ несообразностей и несовмѣстимостей и съ конституціей, и съ отдѣльными штатными законоположеніями. Законодательство же принципіальное, противъ всяческой консолидаціи и трёстовъ вообще, во-первыхъ, неизбѣжно вторгнется въ такія политико-экономическія сферы народной жизни, которыя строго ограничены той же конституціей какъ принадлежащія вѣдѣнію отдѣльныхъ штатовъ, а во-вторыхъ, встрѣтитъ рѣзкое сопротивленіе въ народныхъ массахъ, ревниво берегущихъ ихъ принципы децентрализаціи и полную внутреннюю свободу дѣйствія этихъ штатовъ. Въ американской исторіи были примѣры попытокъ конгресса вторгаться такъ или иначе въ непринадлежащія ему по конституціи сферы—но не было примѣра ихъ успѣха.

По моимъ соображеніямъ, русской читающей публикѣ, или, по крайней мѣрѣ, извѣстной ея части, такое, повидимому, ненормальное положеніе дѣлъ можетъ показаться не только непонятнымъ, но и прямо невозможнымъ въ такой свободной странѣ, какой, въ ея представленіи, долженъ быть Сѣверо-Американскій Союзъ. Теоретикъ-идеалистъ долженъ думать, что разъ народная воля высказывается противъ извѣстнаго явленія, остается только уничтожить его. На дѣлѣ же это не только не такъ просто, какъ кажется, но и иногда совершенно недостижимо, такъ какъ часто, какъ, напримѣръ, и въ данномъ случаѣ, приходится имѣть дѣло не съ теоріями, а съ извѣстнымъ, плотно уже укоренившимся въ самой реальной дѣйствительности положеніемъ. Всегда можно подвести лошадь къ водопою, но нельзя заставить ее пить. Сумма существующихъ въ данный моментъ препятствій и условій можетъ быть такова, что тѣ точно опредѣленные, узкіе пути, посредствомъ которыхъ должна законно выражаться въ Америкѣ народная воля, неспособны преодолѣть ее. Народное голосованіе можетъ высказаться громаднымъ большинствомъ противъ трёстовъ, если будетъ имѣть къ тому случай, но оно не можетъ измѣнить такимъ принципіальнымъ вердиктомъ тѣхъ каналовъ и береговъ, въ которыхъ издавна течетъ народная жизнь, смести съ своего пути тѣ безчисленныя въ сущности путы, писанныя и неписанныя, законныя, и незаконныя, которыя составляютъ сумму современныхъ жизненныхъ условій. Въ данномъ случаѣ, по всѣмъ видимостямъ, онѣ

совершенно непреодолимы, и только или насильственный переворотъ, или медленные процессы эволюціи, имѣющіе продолжаться, можетъ быть, цѣлыя поколѣнія, могутъ привести къ цѣли. Нельзя сразу уничтожить трёсты, не затронувъ цѣлой необъятной массы другихъ, столь же существенныхъ для человѣческаго благосостоянія различныхъ путей къ урегулированію другихъ человѣческихъ отношеній. Современная народная жизнь такъ сложна, различные интересы такъ перепутаны и переплетены между собой, что невозможно затронуть однихъ, не касаясь въ то же время и всѣхъ остальныхъ. Штатъ Арканзасъ напалъ на грабившія его населеніе страховыя компаніи—а въ результатѣ получилась борьба чуть ли не со всѣмъ этимъ населеніемъ.

Ко всему этому необходимо присовокупить и тотъ крайне существенный факторъ, что многочисленныя мыслящія сферы начинаютъ все больше и больше склоняться въ пользу того мнѣнія, что потопъ трёстовъ есть не что иное, какъ извѣстная, вполнѣ законная стадія эволюціи капитализма вообще. Сферы эти думаютъ, что трёсты являются только естественнымъ результатомъ развитія трехъ главныхъ контролирующихъ современное положеніе дѣлъ во всемъ мірѣ силъ—пара, электричества и машиннаго производства, и обладаютъ вполнѣ раціональнымъ базисомъ для своего существованія. Чрезвычайно характернымъ выразителемъ приверженцевъ этого взгляда явился президентъ американской экспортной ассоціаціи, Тюрберъ, только-что давшій обстоятельное показаніе передъ правительственной промышленной коммиссіей въ Вашингтонѣ, изслѣдующей въ настоящее время именно вопросъ о трёстахъ. Лично Тюрберъ не заинтересованъ ни въ одномъ трёстѣ, былъ извѣстенъ какъ ихъ противникъ, и пользуется обширной репутаціей въ Союзѣ и какъ дѣлецъ, и какъ умѣющій сохранить безпристрастіе недюжинный политико-экономъ. Въ вышеупомянутомъ показаніи онъ говоритъ, что многолѣтнее изученіе исторіи и дѣятельности почти всѣхъ американскихъ современныхъ трёстовъ привело его къ тому заключенію, что успѣшными изъ нихъ являются исключительно тѣ, которые положили въ свою основу сокращеніе издержекъ производства, тогда какъ тѣ, которые появились съ опредѣленною цѣлью поддержанія и возвышенія цѣнъ и искорененія конкурренціи, неизмѣнно проваливались въ концѣ концовъ и ихъ устроители терпѣли милліонные убытки. Нельзя не признать, что противъ этого положенія, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, нѣтъ доказательствъ.

Трёсты веревочный, соломенной бумаги, проволочныхъ гвоздей, стальной, и десятки другихъ имъ однородныхъ распались съ громадными убытками и до сихъ поръ тщетно пытаются реорганизоваться. Съ другой стороны, желѣзно-дорожная консолидація, противъ которой

долгое время были сосредоточены всевозможныя законодательныя усилія, и которая и до сихъ поръ больше всѣхъ другихъ подвергается всевозможнымъ нападкамъ, достигла того, что съ 1865 по 1895 годъ средняя цѣна за провозъ одной тонны товара одну милю упала съ 3.08 до 72 центовъ, т.-е. больше чѣмъ вчетверо. Пониженіе это идетъ съ каждымъ годомъ все быстрѣе и быстрѣе. Тюрберъ вычислилъ, что, напримѣръ, если бы въ 1894 г. существовали тѣ же фрахты, что̀ и въ 1882, за одни эти двѣнадцать лѣтъ американскій народъ переплатилъ бы желѣзнымъ дорогамъ слишкомъ 2½ милліарда долларовъ противъ того, что̀ онъ дѣйствительно уплатилъ за этотъ періодъ, благодаря постепенному пониженію. Когда въ 1871 году былъ основанъ самый грандіозный и самый успѣшный современный трёстъ, Standard Oil Company, керосинъ стоилъ 25.7 центовъ за галлонъ, а въ 1898 г. эта цѣна спустилась до 5.7. Съ организаціей сахарнаго трёста цѣна на сахаръ упала съ 12 центовъ за фунтъ до 5. Цѣлымъ рядомъ такихъ же цифръ, не подлежащихъ никакому сомнѣнію, Тюрберъ доказываетъ, что хотя, въ нѣкоторыхъ изъ производствъ, благодаря этой консолидаціи, извѣстными элементами и были понесены значительные убытки, за ихъ неспособностью примѣниться къ новымъ условіямъ, но въ общей сложности народные барыши были несравненно больше убытковъ. Признавая въ то же время, что хотя, въ немногихъ опять-таки производствахъ, отъ этого процесса страдалъ и рабочій людъ за сокращеніемъ требованія на трудъ, онъ, въ общемъ, выигралъ гораздо больше отчасти благодаря пониженію цѣнъ, отчасти уже по одному тому, что былъ вынужденъ къ сплоченію и собственной организаціи, уже успѣвшихъ достичь того результата, что въ настоящій моментъ сумма барышей на капиталъ въ цѣнности каждаго продукта значительно сократилась, тогда какъ сумма вознагражденія за трудъ значительно возвысилась [1]). Продолжая, Тюрберъ говоритъ, что, по его мнѣнію, всякое законодательство противъ трёстовъ въ настоящее время было бы безтактнымъ и вреднымъ уже по одному тому, что капиталъ трёстовъ все болѣе и болѣе дѣлается достояніемъ народныхъ массъ, и что та таинственность, въ которую многіе изъ нихъ все еще облекаютъ свои финансовыя операціи, только способствуетъ надуванію и убыткамъ мелкихъ акціонеровъ. Въ заключеніе

---

[1]) Упомяну при этомъ, что, въ показаніяхъ передъ той же коммиссіей предсѣдателей американской федераціи труда Гомперса и четырехъ главныхъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ союзовъ, эта сторона аргументаціи Тюрбера была безусловно подтверждена. Они признали, что положеніе членовъ большинства рабочихъ союзовъ относительно заработной платы и числа рабочихъ часовъ теперь лучше, чѣмъ было когда-либо прежде, и что этимъ они обязаны исключительно силѣ своихъ организацій, явившихся въ свѣтъ какъ противовѣсъ консолидаціи капитала.

онъ утверждаетъ, что такъ какъ въ послѣднее время промышленность всего цивилизованнаго міра или уже перешла, или переходитъ въ руки такихъ же трёстовъ, и такъ какъ они, концентраціей громадныхъ капиталовъ въ однѣхъ рукахъ и всей своей дѣятельностью, внѣ всякаго сомнѣнія, удешевляютъ продукты всякаго производства, то дальнѣйшее ихъ преслѣдованіе въ предѣлахъ Союза неминуемо повредитъ его народному благосостоянію, такъ какъ затруднитъ конкурренцію съ другими государствами на всемірномъ рынкѣ—а этотъ рынокъ необходимъ для Америки, потому что, благодаря энергіи, изобрѣтательному генію и технической ловкости ея населенія, она и теперь производитъ вдвое больше, чѣмъ можетъ потребить сама.

Если, можетъ быть, Тюрберъ и правъ отчасти въ своемъ конечномъ выводѣ о значеніи трёстовъ какъ одной изъ переходныхъ стадій въ общей эволюціи капитализма, и, хотя нельзя совсѣмъ отрицать извѣстнаго значенія всѣхъ подобныхъ разсужденій, тѣмъ не менѣе я лично думаю, что большинство его заключеній далеко невѣрно. Такъ, хотя и несомнѣнно вѣрны тѣ десятки примѣровъ, которые онъ приводитъ относительно пониженія цѣнъ на извѣстные продукты и при условіи успѣшнаго ихъ контроля трёстами, изъ этого еще, конечно, не слѣдуетъ, что произошло это пониженіе благодаря имъ, а не другимъ, гораздо болѣе существеннымъ факторамъ. Пониженіе фрахтовъ произошло главнымъ образомъ потому, что населеніе Союза удвоилось, и его производительность удесятерилась за разсматриваемый имъ церіодъ; керосинъ упалъ въ цѣнѣ благодаря громаднымъ новооткрытымъ его залежамъ во всѣхъ концахъ Союза и большей эффективности русской конкурренціи; сахаръ сталъ дешевле благодаря сахарной свекловицѣ и радикальной разницѣ въ современной торговой политикѣ разныхъ государствъ сравнительно съ прежней. Да если бы даже, благодаря разнымъ побочнымъ обстоятельствамъ, трёсты эти и дѣйствительно способствовали пониженію цѣнъ, изъ этого, конечно, еще не слѣдуетъ, что именно это и составляетъ ихъ цѣль—мнѣ сдается, что было бы по меньшей мѣрѣ неблагоразумнымъ довѣрять имъ въ этомъ отношеніи, и что настоящее никоимъ образомъ не можетъ служить ручательствомъ и за будущее, когда, по какимъ-либо причинамъ, настоящая оппозиція имъ ослабнетъ или исчезнетъ. Они, конечно, организовались въ видахъ наживы—и не преминутъ вспомнить объ этомъ, разъ почва окажется благопріятной и не будетъ никакихъ преградъ къ осуществленію ихъ прямой цѣли. Не подлежитъ также сомнѣнію, что рабочія организаціи окрѣпли, благодаря политикѣ трёстовъ относительно труда—но вѣдь и самое ихъ зарожденіе было не чѣмъ инымъ, какъ послѣднимъ оставшимся имъ средствомъ самозащиты отъ насилій консолидаціи капитала, и было бы совершенно не нужно, еслибъ могли

продолжаться натріархальныя междучеловѣческія отношенія среднихъ вѣковъ. Правда и то, что въ самое послѣднее время многіе трёсты, какъ, напр., Standard Oil C°, Пульмановскихъ спальныхъ вагоновъ, даже общества нѣкоторыхъ большихъ желѣзныхъ дорогъ, всячески стараются распространить свои акціи въ небольшихъ количествахъ между народными массами—но до сихъ поръ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, распространеніе это происходило только между ихъ собственными служащими, и, понятно, способствовало только укрѣпленію самихъ трёстовъ, не имѣя ни малѣйшаго вліянія на главныя тенденціи ихъ общей политики, такъ какъ громадное, контролирующее вполнѣ все дѣло большинство акцій, конечно, остается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ рукахъ капитала, а мелкіе акціонеры служатъ только для разныхъ дутыхъ предлоговъ и тумана публики вообще. Наконецъ, во всей своей аргументаціи Тюрберъ совершенно упускаетъ изъ виду главный порокъ всякаго трёста—стремленіе къ монополіи производства, къ подавленію конкурренціи, и къ ослабленію и искорененію индивидуализма. Удивительно, что, какъ оно ни покажется на первый взглядъ парадоксальнымъ, конечныя цѣли трёста совершенно тождественны съ неизбѣжными результатами нео-марксизма. Я оставлю это сравненіе на размышленіе самого читателя, и остановлюсь нѣсколько подробнѣе на этой сторонѣ вліянія трёстовъ на нашу общественную жизнь.

Все государственное тѣло Америки, весь строй американской жизни основаны на индивидуализмѣ. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ нашей общественной жизни сказалъ какъ-то, что Америка потому и не представляетъ въ своей исторіи ни одного примѣра насильственныхъ политическихъ переворотовъ, что въ ней промышленная и коммерческая дѣятельность представляетъ достаточное поприще для удовлетворенія любого личнаго честолюбія, какъ бы велико оно ни было—что она своимъ строемъ даетъ единственное въ мірѣ зрѣлище цѣлой націи президентовъ. Онъ сказалъ это въ томъ смыслѣ, что здѣсь каждый мало-мальски выдающійся гражданинъ съ здравой головой на плечахъ стоитъ во главѣ одного или нѣсколькихъ предпріятій, состоитъ президентомъ одной, двухъ, а иногда и цѣлой полдюжины корпорацій. Такіе президенты являются обыкновенно неограниченными распорядителями управляемыхъ ими учрежденій—дѣловая дисциплина въ Америкѣ нисколько не ниже европейской военной, и даровитому индивидуализму всегда открыта такимъ образомъ торная, независимая дорога. Такой порядокъ вещей, по остроумному сравненію того же писателя, дѣйствуетъ въ отношеніи политической жизни страны совершенно точно такъ же, какъ и предохранительный клапанъ паровика, постоянно давая исходъ личному честолюбію. Трёсты, поглощая въ

себѣ сотни и тысячи отдѣльныхъ учрежденій и замѣняя ихъ распорядителей наемными приказчиками, естественно сокращаютъ возможность къ личному выдѣленію и возвышенію—и, тогда какъ въ промышленномъ мірѣ это касается только сотенъ и тысячъ индивидуумовъ, болѣе или менѣе добровольно подчиняющихся новымъ условіямъ изъ-за барышей, въ торговомъ, въ которомъ они тоже расплодились въ самое послѣднее время, ихъ прямо насильственныя жертвы въ одномъ этомъ отношеніи приходится считать уже десятками и сотнями тысячъ. Department stores, о которыхъ я уже упоминалъ выше, представляютъ собою самый разительный примѣръ этому. Они заключаются въ скопленіи подъ однимъ управленіемъ, подъ одной крышей, самыхъ разнообразныхъ, обыкновенно всевозможныхъ отраслей торговли. Концентрируется громадный капиталъ, десятки милліоновъ долларовъ наличными, нанимается или, еще чаще, строится огромный спеціально приспособленный домъ въ центрѣ города, во много этажей, домъ, какъ напр., въ торговлѣ бывшаго генерала-почтмейстера Союза, Ванемакера, въ городѣ Филадельфіи, занимающій цѣлый обширный кварталъ. Подъ его гостепріимной кровлей покупатель можетъ купить все, что̀ ему угодно, начиная съ модной коляски или дорогого рояля и кончая книгами, булавками, иголками или сверткомъ соли и сахару. Къ его услугамъ имѣются особыя гостиныя, кабинеты для письма, библіотека и газетная, ресторанъ, даже ванны и докторъ—въ особыхъ комнатахъ особо приставленныя няни займутъ дѣтей, если они взяты съ собой; есть телеграфная контора, банкъ, при помощи котораго можно совершить въ нѣсколько минутъ любую банковую операцію, занять денегъ, перевести или получить ихъ, размѣнять. Въ особомъ залѣ играетъ постоянно прекрасный оркестръ музыки, можно купить театральные, концертные, желѣзнодорожные и всяческіе другіе билеты; тутъ же исполняются всевозможныя порученія, гдѣ бы то ни было въ городѣ, во всемъ Союзѣ, даже въ Европѣ или Азіи. И все это даромъ, т.-е. предполагается что даромъ, разъ вы покупатель. Словомъ, въ такомъ department store можно провести незамѣтно и удобно цѣлый день съ утра до вечера, и, не выходя изъ-подъ крыши, обдѣлать всѣ свои дѣла. Кромѣ того, цѣны на все несомнѣнно не выше, а даже, въ большинствѣ случаевъ, ниже, чѣмъ въ обыкновенныхъ, спеціальныхъ лавкахъ и магазинахъ—что̀ все-таки оставляетъ компаніи огромные барыши, такъ какъ покупаетъ она товаръ мало того что оптомъ, а цѣлыми вагонами, иногда десятками вагоновъ, за наличныя деньги, и пользуется самымъ обширнымъ дисконтомъ всѣхъ своихъ счетовъ. Организаторскія способности американскаго дѣльца необъятны—и въ такомъ учрежденіи дѣло систематизировано до возможнаго совершенства, приспособлена всякая мелочь, достигнуто наибольшее сокращеніе

потребнаго труда, приказчики заняты все время, есть покупатели или нѣтъ, и всѣ расходы вообще доведены до возможнаго minimum'а. Нѣкоторые изъ нихъ дошли уже до того, что доставляютъ своимъ служащимъ квартиры и содержаніе въ тѣхъ же зданіяхъ, даютъ образованіе тутъ же ихъ дѣтямъ, страхуютъ ихъ отъ смерти и болѣзни, помѣщаютъ ихъ сбереженія, и т. д. Число служащихъ доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ—въ Чикаго уже насчитываютъ шесть магазиновъ, въ которыхъ оно превосходитъ четыре тысячи въ каждомъ. Вездѣ, гдѣ можно, мужской трудъ замѣненъ женскимъ, и даже дѣтскимъ, какъ болѣе дешевымъ и менѣе требовательнымъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ—въ Чикаго женщины составляютъ отъ 75 до 85% всѣхъ служащихъ.

Само собой разумѣется, что такія учрежденія мгновенно вытѣсняютъ мелкіе спеціальные магазины и лавки всякаго рода. И въ результатѣ неизбѣжно окажется, что очень скоро какая-нибудь дюжина такихъ всепродающихъ магазиновъ будетъ контролировать всю розничную торговлю такого города, какъ Чикаго, съ двумя милліонами жителей, и достаточно будетъ двухъ или трехъ, чтобы достичь того же въ Денверѣ или Омахѣ, городахъ съ двумя стами тысячъ жителей. Нужно ожидать и того времени, когда эти современные монстры, въ свою очередь, начнутъ поѣдать другъ друга — покуда же они съ величайшимъ успѣхомъ пожираютъ всю самостоятельную мелкую торговлю. Высчитываютъ, что въ одномъ городѣ Чикаго въ теченіе одного прошлаго года вынуждены были закрыться по этой причинѣ болѣе 20.000 самостоятельныхъ дотолѣ мелкихъ торговыхъ заведеній всякаго рода. И ихъ хозяевамъ, привыкшимъ къ распоряженію своимъ собственнымъ независимымъ дѣломъ, въ которое они вносили свою индивидуальность, теперь разореннымъ неравной борьбой, приходится или гурьбой идти въ приказчики въ ихъ же разорившія учрежденія, или искать другихъ поприщъ дѣятельности, новыхъ и незнакомыхъ. А эти department stores, представляющіе собою не что иное какъ громадные трёсты, только уже не промышленные, а чисто торговые, съ легкой руки вышеупомянутаго Ванемакера, ихъ признаннаго отца и изобрѣтателя, за послѣднія пять лѣтъ полонили не только большіе города Востока, а и весь Союзъ отъ Атлантическаго до Тихаго океана, и вытѣсняютъ съ каждымъ годомъ все большее и большее число народа изъ мелкихъ торговыхъ предпріятій. Бороться съ ними законодательнымъ порядкомъ, понятно, еще труднѣе и безнадежнѣе, чѣмъ съ трёстами промышленными—если человѣкъ можетъ заниматься продажей сотнями предметовъ, какъ любой спеціальный торговецъ бакалеей или краснымъ товаромъ, то почему не тысячами и не сотнями

тысячъ, и какъ возможно установить въ этомъ отношеніи какой-нибудь основательный, разумный предѣлъ?

А между тѣмъ, пагубное вліяніе этихъ новыхъ явленій не только на матеріальное благосостояніе цѣлыхъ сотенъ тысячъ доселѣ процвѣтавшаго населенія, но и на весь ихъ нравственный и умственный складъ, и несомнѣнно, и громадно. Люди, обращаясь изъ независимыхъ хозяевъ въ служащихъ, теряютъ самостоятельность, утрачиваютъ свою индивидуальность, даже свои воззрѣнія и понятія, обезличиваются, теряются въ массѣ безъ всякой надежды когда-либо выбраться на поверхность—и одно лицо, съ неограниченной властью распорядителя предпріятія, дѣлается распорядителемъ и ихъ судебъ, и благосостоянія. Некрасивая картина для свободной Америки, а между тѣмъ безусловно вѣрная, и, по моему крайнему разумѣнію, еще далеко не вполнѣ понятая и описанная во всѣхъ ея невеселыхъ сторонахъ. Въ то же время развивается она и развертывается все больше и больше, и съ невѣроятной быстротой, захватывая все бо̀льшія и бо̀льшія сферы. Въ настоящій моментъ совершенно невозможно предвидѣть, на чемъ она остановится—да и остановится ли прежде, чѣмъ окончательно смететъ съ лица земли всѣ настоящіе устои и жизненныя условія. Во мнѣ лично всегда жила глубокая вѣра въ практическое умѣнье американскаго народа успѣшно и во̀-время справляться съ самыми серьезными, съ самыми опасными проблемами—но, въ виду всеобъемлемости, и, главное, головокружительной быстроты происходящаго теперь передъ моими глазами экономическаго переворота, и я начинаю недоумѣвать и опасаться острыхъ потрясеній въ близкомъ будущемъ. Чансэй Диньюю, теперь федеральный сенаторъ отъ штата Нью-Іорка, сказалъ, что въ теченіе слѣдующихъ пяти лѣтъ консолидація капитала дойдетъ до такихъ неподозрѣваемыхъ еще теперь предѣловъ, что народу останется только одинъ выходъ—насильственный переворотъ. А онъ самъ—одинъ изъ успѣшнѣйшихъ современныхъ дѣльцовъ, много лѣтъ контролировавшій всѣ богатства семьи Вандербильтовъ, пользующійся въ то же время обширнѣйшей извѣстностью и популярностью во всемъ Союзѣ.

До сихъ поръ американскія политическія партіи неизмѣнно держались въ сторонѣ отъ всякихъ политико-экономическихъ вопросовъ, предоставляя ихъ рѣшеніе мудрости самого народа и судамъ. Онѣ отступили отъ этого вѣкового правила въ прошлую президентскую кампанію 1896 г., когда, благодаря могучей агитаціи аграріевъ и сильверитовъ, ввели въ свои національныя платформы вопросы денежный и о биметаллизмѣ. Внезапно назрѣвшій вопросъ о трёстахъ, хотя и не имѣетъ ничего общаго съ политикой, какъ она здѣсь понимается, успѣлъ уже, однако, настолько взволновать умы и теперь, что націо-

нальныя конвенціи партій будущаго года едва-ли окажутся способными воздержаться отъ его обсужденія и принципіальнаго рѣшенія такъ или иначе. И, на этотъ разъ, по всей вѣроятности, такого рѣшенія едва-ли можно будетъ избѣжать ничего не значущими, ни къ чему партіи не обязывающими фразами. Положеніе обостряется чрезвычайно быстро, и, ко времени созыва національныхъ конвенцій, къ лѣту будущаго года, конечно, дойдетъ до точки бѣлаго каленія, съ которымъ не справиться будетъ никакому фарисейству, никакому ханжеству даже самыхъ опытныхъ вожаковъ-политикановъ.

До сихъ поръ было принято думать, что протекціонизмъ былъ болѣе или менѣе отцомъ всяческихъ монополій, въ томъ числѣ, конечно, и промышленныхъ трёстовъ. Если это положеніе и могло быть отчасти вѣрно, то того же, конечно, никакъ нельзя сказать въ отношеніи трёстовъ торговыхъ, къ которымъ протекціонизмъ не имѣетъ и не можетъ имѣть ни малѣйшаго касательства. А въ то же время явились и другія доказательства, бросающія самыя серьезныя сомнѣнія на возможность раціональнаго признанія какой-либо связи между протекціонизмомъ и трёстами вообще. Еслибъ эта связь дѣйствительно существовала, трёстъ долженъ бы быть невозможнымъ въ такой безусловно фритредерской странѣ, какова Англія. А и въ ней онъ въ послѣднее время сдѣлался въ чисто промышленной сферѣ самымъ преобладающимъ факторомъ. Англійскій экономистъ Макъ-Кrости, въ своей превосходной статьѣ „Ростъ монополіи въ англійской промышленности“ [1]) перечисляетъ цѣлую массу различныхъ производствъ, которыя за послѣдніе года такъ или иначе сдѣлались абсолютными монополіями, главнымъ образомъ благодаря именно организаціи трёстовъ разнаго рода. Никель, ртуть, керосинъ, свинцовыя трубы, нитки, соль, алкали, винты, резиновыя шины—всѣ эти производства безусловно контролируются трёстами въ предѣлахъ самой Англіи. Стачка въ производствѣ стальныхъ желѣзнодорожныхъ рельсовъ такъ подняла цѣны, что открыла даже мѣстный англійскій рынокъ конкурренціи Америки, Германіи и Бельгіи. Даже все газетное дѣло страны консолидировалось въ послѣднее время въ одну обширную и прочную комбинацію. Дюжина бирмингамскихъ фирмъ контролируетъ все посудное производство, и т. д. Очевидно, слѣдовательно, что трёсты не суть дѣтища протекціонизма, и что современное стремленіе къ консолидаціи капитала развито одинаково и въ протекціонистскихъ, и въ фритредерскихъ странахъ. Если оно ушло въ Америкѣ дальше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, то причины этому нужно искать

---

[1]) The Growth of Monopoly in English Industry, by H. W. Mc Crosty, „Contemporary Review“ February, 1899.

не въ ея протекціонистской политикѣ, а, по моему мнѣнію, въ бо̀льшей энергіи и предпріимчивости американскаго народа вообще, въ и бо̀льшей его отзывчивости новымъ, почему-либо болѣе соотвѣтствующимъ современнымъ требованіямъ и болѣе выгоднымъ, путямъ и методамъ.

Необыкновенная быстрота этой политико-экономической революціи несетъ въ самой себѣ и многіе, задерживающіе ея конечное осуществленіе, элементы. Во-первыхъ, та страшная, подавляющая масса новыхъ бумажныхъ цѣнностей, которую представляетъ собою быстрая организація новыхъ комбинацій, неизмѣнно капитализируемыхъ вдвое или втрое, а часто впятеро и даже вдесятеро выше ихъ дѣйствительной стоимости, уже совершенно безнадежно запрудила американскій денежный рынокъ, неспособный поглотить обычными путями даже самую незначительную ея часть. Во-вторыхъ, поспѣшность организацій и торопливость и неряшливость въ составленіи ихъ уставовъ и опредѣленіи ихъ поприщъ дѣятельности и функцій дошли до такихъ предѣловъ, что породили, съ одной стороны, безконечное сутяжничество, съ другой, начали подрывать довѣріе публики къ прочности и цѣлесообразности и успѣшныхъ предпріятій. Одновременные барыши, т.-е. куртажъ устроителей, отъ состоявшихся организацій, такъ велики, что уже успѣлъ образоваться цѣлый классъ профессіональныхъ, такъ сказать, дѣльцовъ-организаторовъ, ненасытныхъ спекуляторовъ, часто не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія о практическихъ требованіяхъ комбинируемыхъ ими производствъ, никакого опыта, и владѣющихъ только огромными запасами ловкости, предпріимчивости и наглости,—само собой разумѣется, что поспѣшныя творенія ихъ рукъ хрупки и непрочны и распадаются отъ малѣйшаго соприкосновенія съ требованіями дѣйствительности. Частыя неудачи отнюдь не останавливаютъ, однако, уже вошедшей въ силу спекулятивной лихорадки—она, напротивъ, все усиливается, и немедленно за постигшей предпріятіе почему-либо неудачей начинаются десятки новыхъ попытокъ довести его до успѣшнаго конца. Хотя я и упоминаю объ этихъ временныхъ задержкахъ, я не хочу сказать этимъ, чтобъ онѣ имѣли серьезное значеніе—напротивъ, по моему мнѣнію, ихъ безсиліе только еще рельефнѣе подчеркиваетъ удивительную живучесть и непреодолимую силу происходящаго переворота.

Естественно, что читатель, прочтя все вышеизложенное, поже-

[1]) Нью-Іоркская биржа, чтобы остановить быстро развившуюся-было безумную спекуляцію бумажными цѣнностями промышленныхъ трёстовъ, только-что издала постановленіе, запрещающее котировку на ней бумагъ такихъ предпріятій, которыя не представили правильныхъ отчетовъ по крайней мѣрѣ за два года своего существованія.

ласть получить и опредѣленный отвѣтъ на вполнѣ законный, самъ собою напрашивающійся, вопросъ: къ чему же все это приведетъ, и чѣмъ же все это кончится? Но такой отвѣтъ, по моему мнѣнію, въ настоящій моментъ совершенно невозможенъ. Диньюю, какъ я имѣлъ случай изложить выше, рискнулъ-было дать такой отвѣтъ—но, несмотря на его громадный авторитетъ въ нашей общественной жизни, отвѣтъ этотъ встрѣтилъ такую массу противорѣчія и самыхъ вѣскихъ возраженій, что, очевидно, не удовлетворилъ никого. Чтобы дать его, необходимо обладать даромъ предвидѣнія, которымъ я, напримѣръ, къ сожалѣнію, не располагаю. Предсказывать же на основаніи своихъ личныхъ симпатій и антипатій дѣло крайне неблагодарное. Какъ я уже выяснилъ выше, принципіальный народный вердиктъ за или противъ трёстовъ можетъ получиться не раньше ноября 1900 года, т.-е. черезъ полтора года, если—что̀, въ скобкахъ, по всей вѣроятности, и случится—обѣ главныя политическія партіи не выскажутся одновременно въ своихъ національныхъ платформахъ противъ трёстовъ, чѣмъ, конечно, сдѣлаютъ такой вердиктъ невозможнымъ. Но и народный вердиктъ, какъ бы рѣшителенъ онъ ни былъ, мало пособитъ настоящему положенію дѣлъ, такъ какъ его сущность состоитъ не въ томъ, что̀ думаетъ о трёстахъ народное большинство или весь народъ, а въ томъ, что̀ съ нимъ дѣлать на практикѣ. Владѣя языкомъ и перомъ, не трудно, конечно, составить какія угодно программы, даже самыя благородно-возвышенныя—трудно приводить ихъ въ исполненіе. Въ пророкахъ въ родѣ Генри Джорджа или Брайяна и въ Америкѣ никогда не бываетъ недостатка—бѣда въ томъ, что ихъ теоріи обыкновенно оказывается совершенно невозможно осуществить на практикѣ посредствомъ тѣхъ путей, которыми располагаетъ народъ для приведенія въ исполненіе своихъ рѣшеній. Что убивать и красть не слѣдуетъ—было рѣшено человѣчествомъ еще многія тысячи лѣтъ тому назадъ, а и въ нашъ просвѣщенный вѣкъ орудуетъ противъ нихъ тоже допотопное средство—возмездіе. Предсказать, какъ поступитъ въ данномъ случаѣ американскій народъ, и съумѣетъ ли онъ рѣшить удовлетворительно и этотъ вопросъ головой, а не руками и оружіемъ, я не берусь, особенно въ виду того, что будущей президентской кампаніи придется одновременно дать отвѣты и на многіе другіе, столь же существенные, какъ и о трёстахъ, вопросы. Демократы, повидимому, рѣшили воскресить вопросъ серебряный—борьба между присоединителями и анти-присоединителями все обостряется и усиливается—и я лично совершенно не понимаю, какимъ образомъ на этотъ разъ добросовѣстный избиратель, имѣющій опредѣленные взгляды хоть бы на одни эти три вопроса, будетъ въ состояніи ихъ выразить. Я, напримѣръ, и анти-сильверитъ, и анти-присоединитель, и

анти-трёстистъ; а и теперь уже очевидно, что не можетъ быть такой національной платформы, которая совмѣщала бы въ себѣ хотя бы только эти три взгляда. А вѣдь имѣются и другіе, столь же существенные вопросы, какъ напр., протекціонизмъ и свобода торговли, монетная реформа, государственное владѣніе путями сообщенія, и т. д. Сотни тысячъ избирателей, вѣрнѣе, цѣлые милліоны, окажутся въ томъ же положеніи. Чтобы имѣть возможность голосовать, имъ придется вступать въ компромиссы съ своей совѣстью, рѣшить про себя, чѣмъ они могутъ поступиться. Американская система народныхъ голосованій не даетъ отвѣтовъ на отдѣльные вопросы—она даетъ ихъ только на цѣлыя платформы, какъ бы несовмѣстимы ни были для отдѣльнаго избирателя составляющіе ихъ отдѣльные пункты. И вотъ потому-то эти народные вердикты, разъ положеніе такъ сложно и спорно, какимъ оно является теперь, далеко неудовлетворительны и неизбѣжно носятъ характеръ неопредѣленности, что̀ и способствуетъ поддержанію дальнѣйшей агитаціи до тѣхъ поръ, пока не представится болѣе удобный случай.

П. А. Тверской.

23 апрѣля 1899,
г. Лосъ-Анжелесъ, Калифорнія.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1899.

Сельскохозяйственные рабочіе.

I.

Въ послѣднее время въ правительственныхъ сферахъ вновь поставленъ на очередь вопросъ о необходимости „упорядочить“ законодательнымъ путемъ отношенія между хозяевами и рабочими въ области земледѣльческой промышленности. Напомнимъ, что вопросъ этотъ у насъ выдвигается періодически, начиная съ того момента, когда крѣпостной трудъ былъ замѣненъ въ помѣщичьихъ хозяйствахъ вольнонаемнымъ. Затѣмъ также слѣдуетъ напомнить, что въ данномъ случаѣ такъ-называемый „рабочій вопросъ“ носитъ весьма своеобразный и даже совершенно исключительный характеръ. Эта исключительность выражается въ томъ, что въ разрѣшеніи его заинтересованы главнымъ образомъ наниматели, а не нанимающіеся. Вообще изъ указанныхъ двухъ договаривающихся сторонъ мы привыкли видѣть слабѣйшую и нуждающуюся въ законодательной защитѣ сторону въ нанимающихся. Такъ постепенно повсюду создавалось „рабочее законодательство“ въ сферѣ фабрично-заводской промышленности, гдѣ объектомъ законодательнаго вмѣшательства почти всегда служитъ защита интересовъ рабочихъ, а не хозяевъ, которые, какъ предполагается, и безъ того достаточно вооружены для защиты своихъ интересовъ. Аналогичный характеръ носитъ и наше фабричное законодательство. Не удивительно вмѣстѣ съ тѣмъ, что огромное большинство „хозяевъ“ является энергичнымъ поборникомъ принципа „свободы договора“ въ отношеніяхъ между нанимателями и нанимающимися, а равно столь же энергичными противниками всякаго законодательнаго вмѣшательства въ данную область. Но картина совершенно мѣняется, когда отъ фабрично-заводскаго промысла мы переходимъ къ сельскому

хозяйству. Въ этой области наниматели-хозяева уже фигурируютъ въ качествѣ стороны, угнетаемой нанимающимися—рабочими же. Они же требуютъ и законодательнаго вмѣшательства для защиты своихъ, якобы попираемыхъ рабочими, интересовъ. Самыя жалобы хозяевъ сводятся преимущественно къ тому, что нанявшіеся рабочіе не желаютъ выполнять принятыхъ на себя обязательствъ и либо вовсе не являются на работы въ экономіи, либо уходятъ съ нихъ въ самую горячую пору, отъ чего хозяйства теряютъ огромные убытки. Такого рода обстоятельство признается многими чуть не одной изъ главнѣйшихъ причинъ наблюдаемаго теперь помѣщичьяго „разоренія". Съ другой стороны мы видимъ, что правительство не оставалось глухимъ къ жалобамъ нанимателей-помѣщиковъ, и попытки законодательнаго вмѣшательства въ отношенія между хозяевами и рабочими здѣсь всегда направляются къ возможному огражденію интересовъ первыхъ. Въ этомъ своемъ стремленіи законодательство не остановилось даже передъ такимъ отступленіемъ отъ установленныхъ нормъ правоотношеній, какъ возведеніе нарушенія нанимающимся гражданскаго договора въ особый видъ уголовнаго преступленія.

Во всѣхъ попыткахъ придти законодательнымъ путемъ на помощь помѣщику-нанимателю подобнаго рода задача какъ бы распадается на двѣ главныя части. Одна изъ нихъ заключается въ томъ, чтобы вооружить власть наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ предотвратить нарушеніе рабочими договоровъ и побудить ихъ къ выполненію принятыхъ на себя обязательствъ. Съ этою цѣлью постоянно усиливаются наказанія за подобныя правонарушенія. Рядомъ съ этимъ законодательство стремится облегчить для нанимателей представленіе доказательствъ существованія договора, что̀, конечно, значительно облегчаетъ и возможность преслѣдованія ихъ нарушенія. Выполненіе первой части этой задачи оказалось дѣломъ сравнительно не труднымъ. Несравненно бо̀льшія затрудненія представляетъ собою достиженіе второй цѣли, которую ставитъ себѣ въ данномъ случаѣ законодательство. Уже при самыхъ первыхъ попыткахъ законодательнаго вмѣшательства было признано, что лучшимъ средствомъ для предоставленія въ руки нанимателя доказательствъ существованія сдѣлки найма явилось бы облеченіе всѣхъ договоровъ по найму сельскихъ рабочихъ въ письменную форму. Такимъ образомъ фактъ существованія договора былъ бы всегда на лицо. Дѣйствительно, еще „Временныя правила для найма сельскихъ рабочихъ", изданныя въ 1863 г., устанавливали обязательность рабочей книжки для всѣхъ лицъ, нанимающихся на работы далѣе 30 верстъ отъ мѣста своего жительства. Но за несоблюденіе этого правила не устанавливалось никакой кары. При такихъ условіяхъ обязательство превратилось въ право, которымъ почти

никто на практикѣ не пользовался, и рабочая книжка получила самое слабое распространеніе.

Естественно, что „Временныя правила“ не удовлетворили помѣщиковъ-нанимателей, и жалобы съ ихъ стороны продолжались. Подъ вліяніемъ ихъ была образована особая коммиссія, въ составъ которой вошли свѣдущія лица, приглашенныя изъ разныхъ районовъ Россіи, и которой поручалось выработать новый законопроектъ о наймѣ на сельскія работы. Въ 1875 г. такой законопроектъ вносился уже на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Въ основу его былъ положенъ принципъ обязательности рабочей книжки для нѣкоторыхъ видовъ сельскихъ работъ. Въ Государственномъ Совѣтѣ, однако, цѣлесообразность и своевременность подобной мѣры встрѣтила весьма энергичныя возраженія. При этомъ указывалось, что требованіе найма исключительно по письменнымъ договорамъ для всѣхъ видовъ труда представлялось бы невыполнимымъ. Многочисленныя же изъятія изъ этого правила дадутъ легкій способъ обхода закона, который въ результатѣ попираетъ всякое жизненное значеніе и превратится въ мертвую букву. Въ общемъ же, по мнѣнію Государственнаго Совѣта, введеніе обязательной рабочей книжки, „подвергая нанимающихся новымъ и весьма стѣснительнымъ формальностямъ, справедливо возбудило бы ропотъ и неудовольствіе въ массахъ рабочаго населенія; съ другой стороны, въ виду выяснившейся въ 1876 году невозможности присвоить рабочей книжкѣ значеніе безусловно обязательное, она представила бы для нанимателей огражденіе весьма несовершенное и только обманула бы ихъ надежды на новый законъ. Такимъ образомъ, вмѣсто пользы, возникли бы многіе поводы къ недоразумѣніямъ и преувеличеннымъ требованіямъ, которыя могли бы вести къ взаимному раздраженію; во всякомъ случаѣ новый законъ не удовлетворилъ бы никого и повелъ бы только къ неудовольствію“.

Отвергнувъ принципъ обязательности рабочей книжки, Государственный Совѣтъ въ то же время выразилъ мнѣніе, что цѣль, которая ею преслѣдовалась, могла бы быть достигнута вѣрнѣе и легче предоставленіемъ письменнымъ договорамъ по найму такого юридическаго значенія и такихъ преимуществъ, которыя способствовали бы добровольному ихъ введенію во всеобщее употребленіе. Въ числѣ желательныхъ преимуществъ Государственный Совѣтъ признавалъ: 1) присвоеніе письменному договору значенія документовъ, совершенныхъ и засвидѣтельствованныхъ въ установленномъ порядкѣ; 2) предоставленіе нанимателю права требовать принудительнаго привода къ нему самовольно ушедшаго рабочаго, нанятаго по письменному договору; 3) установленіе правила, въ силу котораго всякій наниматель обязанъ немедленно отпустить рабочаго по требованію перваго нанимателя.

отъ котораго рабочій самовольно ушелъ. Эти указанія Государственнаго Совѣта и послужили основаніемъ для выработки новаго законопроекта въ видѣ „Положенія о наймѣ на сельскія работы и въ служительскія по сельскому хозяйству должности",—получившаго 12 іюня 1886 г. санкцію закона, который дѣйствуетъ и до сихъ поръ.

II.

Составители проекта закона 12 іюня 1886 г. какъ бы вполнѣ понимали, что большинство помѣщиковъ, не успѣвшихъ еще забыть условій пользованія трудомъ при существованіи крѣпостного права, ждетъ отъ законодательнаго вмѣшательства въ отношенія нанимателей и нанимающихся на сельскохозяйственныя работы невозможнаго. Поэтому они сочли нужнымъ предпослать проекту оговорку, въ которой указывалось, между прочимъ, что „правила о наймѣ должны въ равной мѣрѣ ограждать обѣ стороны, и обезпеченію правъ нанимателя должно быть противопоставлено соотвѣтственное огражденіе интересовъ нанимающихся; въ частности укрѣпленіе силы договоровъ должно сопровождаться устраненіемъ изъ условій найма всего, что̀ можетъ обратить его въ новый видъ закабаленія или закрѣпощенія нанимающагося". Но самый законъ 1886 г., какъ извѣстно, далеко не удовлетворяетъ изложеннымъ въ приведенной оговоркѣ требованіямъ, хотя Государственный Совѣтъ значительно смягчилъ суровость по отношенію къ нанимающимся отдѣльныхъ пунктовъ законопроекта, выработаннаго при министрѣ внутреннихъ дѣлъ гр. Толстомъ. При обсужденіи его Государственный Совѣтъ призналъ, что въ числѣ мѣръ, предположенныхъ имъ въ огражденіе исправнаго выполненія сдѣлокъ по найму, обращаютъ на себя вниманіе: а) введеніе договорныхъ и разсчетныхъ листовъ, при чемъ сдѣлки въ этой формѣ, не будучи обязательными, пользуются, однако, значительными преимуществами; б) установленіе уголовной отвѣтственности за нарушеніе нанимающимися договоровъ и неисправное ихъ выполненіе, при чемъ такая отвѣтственность распространяется и на соучастниковъ въ лицѣ „сманивателей" рабочихъ; в) введеніе упрощеннаго порядка „судопроизводства по дѣламъ, возникающимъ изъ договоровъ найма, а также признаніе исковъ подобнаго рода подлежащими предварительному исполненію.

Поправки, внесенныя въ этотъ законопроектъ Государственнымъ Совѣтомъ, заключались, главнымъ образомъ, въ ограниченіи круга рабочихъ, на которыхъ должны были распространяться уголовная отвѣтственность за нарушеніе договоровъ и принудительное ихъ выпол-

неніе. Государственный Совѣтъ ограничилъ сферу ихъ примѣненія, во-первыхъ, только постоянными рабочими, нанимающимися на болѣе или менѣе продолжительные сроки, а во-вторыхъ, рабочими, нанятыми лишь по договорнымъ листамъ. Для устраненія же возможныхъ недоразумѣній на практикѣ было признано необходимымъ „съ положительностью выразить, что наемъ на сдѣльныя работы, а также на испольныя и на поденныя, которыя не могутъ быть приравнены къ срочному найму, производится на общихъ основаніяхъ, указанныхъ въ законахъ гражданскихъ". Это мнѣніе свое Государственный Совѣтъ мотивировалъ тѣмъ соображеніемъ, что на подобныя работы нанимаются обыкновенно домохозяева, имѣющіе свое имущество и пользующіеся нѣкоторымъ достаткомъ, чѣмъ облегчается возможность для нанимателей привлеченія ихъ къ имущественной отвѣтственности и устраняется надобность въ спеціальныхъ мѣрахъ, направленныхъ къ огражденію исправнаго выполненія договора. Что касается второго ограниченія, въ силу котораго уголовный порядокъ преслѣдованія нарушеній договоровъ могъ распространяться лишь на случаи найма по договорнымъ листамъ, то оно мотивировалось желаніемъ дать возможно большее распространеніе этой формѣ найма и устранить произволъ и злоупотребленія нашихъ судебныхъ инстанцій, которые сдѣлались бы весьма вѣроятными при сохраненіи уголовной отвѣтственности за нарушеніе словесныхъ договоровъ. Нужно, однако, сказать, что послѣдняя поправка Государственнаго Совѣта была парализована министерствомъ внутреннихъ дѣлъ внесеніемъ нарушеній словесныхъ договоровъ въ списокъ уголовныхъ проступковъ, подлежащихъ вѣдѣнію волостныхъ судовъ. („Временныя правила о волостномъ судѣ". 12 іюля 1889 г. ст. 17, 18 и 38).

Но, повторяемъ, и послѣ нѣкоторыхъ поправокъ въ законопроектѣ, сдѣланныхъ Государственнымъ Совѣтомъ, законъ 12 іюня 1886 г. о наймѣ на сельскія работы далеко не въ одинаковой мѣрѣ ограждаетъ интересы нанимателей и нанимающихся, при чемъ огражденіе интересовъ рабочихъ отодвинуто на задній планъ. Весьма наглядно доказываютъ и иллюстрируютъ такую односторонность этого закона отзывы губернскихъ совѣщаній, образованныхъ въ видахъ предстоящаго его пересмотра [1]). Нужно сказать, что въ составъ этихъ совѣщаній входили крупные землевладѣльцы и представители мѣстной администраціи, т.-е. лица, которыя едва ли могутъ быть заподозрѣны въ стремленіи подчинить интересы нанимателей интересамъ нанимаю-

---

[1]) „Сборникъ заключеній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру положенія 12 іюня 1886 года о наймѣ на сельскія работы". Части I и II. Спб. 1898 Изд. м-ва внутр. дѣлъ.

щихся. Между тѣмъ, огромное большинство совѣщаній останавливается на томъ обстоятельствѣ, что „Положеніемъ 12 іюня равновѣсіе между интересами нанимателей и рабочихъ нарушено весьма существенно и нарушено именно во вредъ нанимаемымъ“. (Отзывъ управл. вологодскою казен. пал.).

Обращаясь къ отдѣльнымъ пунктамъ Положенія, мы, дѣйствительно, видимъ, что изъ шести статей, выражающихъ собою „обязанзанности нанимателя“ (29—34), только по одной изъ нихъ (принудительная для рабочихъ замѣна денежной платы товарами) наниматель подвергается уголовной карѣ (ст. 31). Всѣ же остальныя „обязанности“, перечисленныя въ этихъ статьяхъ—вѣжливое и справедливое обращеніе съ рабочими, доброкачественность даваемой пищи, оказаніе медицинскаго пособія въ случаѣ болѣзни рабочаго и т. д. имѣютъ характеръ благопожеланій, неисполненіе которыхъ останется безъ всякихъ послѣдствій. Съ другой же стороны, „нанимателю предоставляется подвергать рабочихъ вычетамъ изъ заработной платы за прогулъ, за небрежную работу, за грубость и неповиновеніе хозяину и за причиненіе вреда хозяйскому имуществу“ (ст. 51). Но, по справедливому замѣчанію екатеринославскаго совѣщанія, „понятіе о небрежной работѣ, грубости и неповиновеніи весьма относительно и растяжимо; грубость рабочаго можетъ быть естественной и отнюдь не намѣренной; равно какъ и неповиновеніе можетъ быть кажущимся. Между тѣмъ, вычеты за эти проступки идутъ въ пользу хозяина и хозяинъ дѣлается судьей въ собственномъ дѣлѣ, при чемъ ему выгодно быть строгимъ“ („Сборн. заключ.“, ч. I, стр. 105). Таврическое совѣщаніе вообще признаетъ однимъ изъ крупнѣйшихъ недостатковъ положенія о наймѣ рабочихъ „отсутствіе карательнаго закона за неисполненіе нанимателями своихъ обязанностей, означенныхъ въ ст. 29—34 Положенія, тогда какъ рабочій, при неисполненіи своихъ обязанностей, означенныхъ въ ст. 35—39, такими карательными мѣрами облагается“. На то же несоотвѣтствіе указываютъ и многія другія совѣщанія въ своихъ заключеніяхъ.

Въ одинаково неравномѣрныя условія поставлены наниматели и нанимающіеся въ отношеніи выполненія договора. Такъ, рабочій, самовольно ушедшій отъ нанимателя и не возвратившійся по его требованію, подвергается уголовной отвѣтственности (ст. 103). Рядомъ съ этимъ, однако, наниматель можетъ отказать рабочему до окончанія срока договора за „лѣность“, „нерадѣніе“, „пьянство“, „буйство“, „дерзкіе поступки“, „грубость противъ нанимателя и членовъ его семьи“, „неосторожное обращеніе съ огнемъ“, „неспособность рабочаго исполнять работу“ и т. д. Уволенный рабочій имѣетъ право жаловаться въ судъ на увольненіе его хозяиномъ безъ законныхъ по-

водовъ. Но для возстановленія своего права и возмѣщенія со стороны хозяина убытковъ рабочій долженъ доказать, что онъ никогда не буйствовалъ, не грубилъ нанимателю, членамъ его семьи или приказчику, что къ работѣ онъ способенъ и т. п. Не удивительно, что по отзыву большинства совѣщанія, случаевъ предъявленія въ судъ жалобъ рабочими на увольненіе до окончанія срока договора вовсе не бываетъ.

Изъ приведенныхъ примѣровъ и сопоставленій наглядно видно, насколько законъ 12 іюня 1886 г. о наймѣ на сельскія работы мало удовлетворяетъ тому требованію, въ силу котораго, какъ говорится въ объяснительной къ нему запискѣ, „обезпеченію правъ нанимателя должно быть противопоставлено огражденіе интересовъ нанимающихся".

III.

При всей своей благожелательности по отношенію къ нанимающимся, законъ о сельскихъ рабочихъ 12 іюня 1886 г. весьма мало удовлетворилъ ихъ. Дѣйствительно, есть полное основаніе думать, что на практикѣ онъ почти вовсе не получалъ примѣненія. Причины такой судьбы его весьма разнообразны и довольно подробно выяснены какъ мѣстными совѣщаніями, о которыхъ мы говорили ранѣе, такъ и въ ходатайствахъ дворянскихъ собраній, а равно въ отзывахъ отдѣльныхъ лицъ.

Прежде всего законъ 1886 г. имѣетъ въ виду лишь наемъ срочныхъ рабочихъ, пользованіе трудомъ которыхъ наименѣе распространено въ нашихъ помѣщичьихъ хозяйствахъ. Обыкновенно число подобныхъ постоянныхъ рабочихъ въ каждомъ хозяйствѣ ограничивается наймомъ скотниковъ и скотницъ, кучеровъ и разной домашней прислуги, всѣ же работы собственно по производству сельско-хозяйственныхъ продуктовъ выполняются поденными рабочими или крестьянами, нанимающимися на такъ называемыя „сдѣльныя работы". Въ сѣверной и средней Россіи особенно распространенъ послѣдній видъ найма, когда нанимающіеся обязаны за извѣстную плату выполнить извѣстныя работы, напримѣръ, обработать или убрать десятину посѣва и т. п. Между тѣмъ, по ст. первой законъ 1886 г. не распространяется на поденныя, сдѣльныя и испольныя работы. Такимъ образомъ, въ отношеніи преобладающаго большинства случаевъ найма, законъ этотъ оказался для нанимающихъ совершенно безполезнымъ.

Но законъ 1886 г. не нашелъ себѣ примѣненія даже и при наймѣ срочныхъ рабочихъ. Причиною этого послужило отчасти то обстоя-

тельство, что наши крестьяне, среди которыхъ преобладаютъ неграмотные и лица, лишенныя всякихъ юридическихъ познаній, вообще избѣгаютъ заключенія какихъ-либо письменныхъ договоровъ и принятія на себя обязательствъ, выраженныхъ въ письменной формѣ. Въ виду же отмѣченной нами односторонности закона 1886 г., предоставляющаго всѣ выгоды отъ заключенія письменнаго договора почти только однимъ нанимателямъ, подобнаго рода осторожность и подозрительность крестьянъ нужно признать весьма предусмотрительною. Въ результатѣ заключеніе письменнаго договора со стороны нанимающагося можетъ быть только вынужденнымъ, подъ давленіемъ требованія нанимающаго, имѣющаго основанія опасаться нарушенія рабочимъ принятаго на себя обязательства. Къ числу причинъ, порождающихъ подобныя опасенія, слѣдуетъ отнести невыгодныя для нанимающагося условія найма, обремененіе его работою, плохое содержаніе или же та репутація, которую пріобрѣлъ себѣ рабочій. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ законъ не даетъ нанимателю достаточно средствъ, чтобы предотвратить для рабочаго возможность фактически нарушить договоръ и уйти отъ него ранѣе истеченія срока найма. Законъ, конечно, можетъ заставить рабочаго, подъ страхомъ уголовной кары, не покидать нанимателя до такого истеченія срока найма, но онъ безсиленъ побудить рабочаго выполнять сколько-нибудь добросовѣстно принятыя на себя обязательства. При недобросовѣстномъ же выполненіи ихъ наниматель всегда подвергаетъ себя риску понести весьма чувствительный имущественный ущербъ. Въ особенности это примѣнимо именно къ срочнымъ рабочимъ, которымъ ввѣряется надзоръ за живымъ и мертвымъ инвентаремъ хозяйства, и за цѣлостью всякаго иного, иногда очень цѣннаго, имущества. Въ силу такихъ условій ни одинъ хозяинъ не только не захочетъ прибѣгать къ „приводу“ черезъ полицію ушедшаго отъ него рабочаго, но даже volens-nolens отпустить его самъ при выраженномъ рабочимъ желаніи уйти. „Ежели онъ задумалъ уйти,—замѣчаетъ кн. Чолокаевъ,—то зачѣмъ ему уходить самовольно? онъ такъ начнетъ себя вести, что благоразумный хозяинъ самъ ему откажетъ“. Въ результатѣ нельзя не согласиться, что предоставленное нанимателямъ по закону право понуждать нанимающагося къ выполненію принятаго имъ на себя обязательства на практикѣ обращается въ мертвую букву. Такой результатъ, какъ мы видѣли, находится въ зависимости отъ такого же свойства подобныхъ обязательствъ, возможность недобросовѣстнаго выполненія которыхъ парализируетъ самыя суровыя требованія, предъявляемыя въ этомъ отношеніи закономъ.

Рядомъ съ этимъ многія совѣщанія указываютъ на нѣкоторыя несовершенства въ постановкѣ дѣла уголовнаго преслѣдованія лицъ,

какъ нарушающихъ письменные договоры по найму на сельскія работы, такъ и способствующихъ такому нарушенію. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время наниматель, отъ котораго ушелъ рабочій, долженъ заявить о томъ общей или волостной полиціи (ст. 99), послѣдняя же принимаетъ мѣры къ его разысканію и обязываетъ ушедшаго вернуться къ нанимателю. Если затѣмъ рабочій не исполнитъ такого требованія безъ уважительныхъ причинъ, то онъ привлекается полиціей къ уголовной отвѣтственности, при чемъ наниматель лишается уже права искать съ рабочаго убытки въ гражданскомъ порядкѣ (ст. 103). Такимъ образомъ,—жалуются наниматели,—уголовная отвѣтственность здѣсь замѣняетъ гражданскую отвѣтственность, а не дополняетъ ее, какъ это обыкновенно при уголовныхъ дѣяніяхъ, влекущихъ за собою какіе-либо убытки для потерпѣвшаго; затѣмъ рѣшеніе самаго вопроса о привлеченіи или непривлеченіи нарушителя договора къ уголовной отвѣтственности предоставляется въ сущности на усмотрѣніе полиціи. Точно такъ же, не потерпѣвшій поддерживаетъ обвиненіе на судѣ, а полиція, мало заинтересованная въ исходѣ его и не имѣющая даже возможности отнестись къ такой своей обязанности съ достаточнымъ вниманіемъ. За подобнаго рода порядокъ преслѣдованія рабочихъ, нарушившихъ договоръ найма, высказался и сенатъ, разъяснившій, что въ данномъ случаѣ преслѣдованіе возбуждается собственно за неисполненіе законныхъ распоряженій полиціи. Наконецъ, одинаково, по словамъ сельскихъ хозяевъ, потерпѣвшіе наниматели не могутъ пользоваться и предоставленнымъ имъ правомъ преслѣдовать въ гражданскомъ и уголовномъ порядкѣ лицъ, которыя нанимали рабочихъ, завѣдомо для нихъ связанныхъ уже ранѣе договорами найма на тѣ же сроки (ст. 99),—такъ какъ требуемую завѣдомость на судѣ установить очень трудно, и обвиняемый всегда можетъ сослаться на то, что онъ не зналъ о существованіи договора.

Но приведенныя жалобы едва ли имѣютъ сколько-нибудь существенное значеніе въ виду уже того обстоятельства, что лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ хозяинъ согласится держать у себя рабочаго, остающагося у него лишь подъ угрозою кары. Хотя 50-я статья какъ бы даетъ въ руки хозяина средство сдѣлать подневольнаго рабочаго исправнымъ и усерднымъ, предоставляя ему „подвергать рабочихъ вычетамъ изъ заработной платы за прогулъ, за небрежную работу, за грубость и неповиновеніе хозяину и за причиненіе вреда хозяйскому имуществу“, но на практикѣ это средство весьма мало дѣйствительно. Дѣло въ томъ, что рабочій имѣетъ въ такихъ случаяхъ полную возможность съ своей стороны „подвергать вычетамъ“ и хозяина путемъ недобросовѣстнаго выполненія своихъ обязанностей, при чемъ „причиненіе вреда хозяйскому имуществу“ сплошь и рядомъ не можетъ

быть покрыто даже всей его заработной платой. Въ результатѣ же подобный modus vivendi между ними всегда окажется болѣе убыточнымъ для хозяина, чѣмъ для рабочаго. Такимъ образомъ, если нанимающійся имѣетъ тѣ или другія побудительныя причины нарушить договоръ найма и все-таки подчиняется ему въ силу какой-либо внѣшней необходимости, то въ основѣ подобной необходимости въ огромномъ большинствѣ случаевъ лежатъ какія-либо другія отношенія, существующія между хозяиномъ и рабочимъ, а не законъ 12 іюня 1886 г. о наймѣ на сельскія работы. Не удивительно, что почти всѣ мѣстныя совѣщанія и отдѣльныя заслуженныя лица высказались въ смыслѣ полной его безполезности.

IV.

Подъ вліяніемъ жалобъ крупныхъ сельскихъ хозяевъ на безполезность для нихъ закона 12 іюня 1886 г. вопросъ объ „упорядоченіи" найма на сельскія работы вновь былъ поставленъ на очередь, такъ какъ подобныя жалобы за десять лѣтъ дѣйствія закона дали министерству внутреннихъ дѣлъ „достаточный матеріалъ для обоснованія отрицательнаго взгляда относительно практическаго значенія нѣкоторыхъ правилъ, принятыхъ положеніемъ 1886 г. въ цѣляхъ обезпеченія надлежащей отвѣтственности сельскихъ рабочихъ за неисполненіе договоровъ и предупрежденія найма договоренныхъ рабочихъ другими лицами". Въ связи съ этимъ на разсмотрѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ была передана по Высочайшему повелѣнію записка саратовскаго предводителя дворянства, г. Кривскаго, въ которой подробно установлялись тѣ начала, которыя должны быть положены въ основу закона о наймѣ сельскихъ рабочихъ въ интересахъ достиженія требуемыхъ цѣлей. Затѣмъ высказанныя г. Кривскимъ положенія формулированы министерствомъ въ видѣ „записки, содержащей предварительныя предположенія относительно тѣхъ въ дѣйствующемъ законодательствѣ измѣненій, кои оказались бы необходимыми въ случаѣ принятія проектированныхъ саратовскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства основныхъ опредѣленій по вопросу о наймѣ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ". Сдѣлано это было, вѣроятно, въ видахъ болѣе удобнаго обсужденія указанныхъ „основныхъ опредѣленій" различными совѣщаніями при участіи самихъ сельскихъ хозяевъ, съ мнѣніемъ которыхъ министерство желало познакомиться ранѣе, чѣмъ дать о нихъ собственное свое заключеніе.

Въ этихъ основныхъ опредѣленіяхъ прежде всего была высказана мысль, что наниматели никогда не будутъ ограждены отъ нарушенія

нанимающимися своихъ обязательствъ, если послѣдніе по прежнему будутъ имѣть возможность вновь продавать свой, уже разъ запроданный, трудъ. Слѣдуетъ именно устранить для нихъ эту возможность и создать „такой порядокъ, при которомъ рабочій и при полной готовности своей нарушить, хотя бы подъ угрозой наказанія, заключенный имъ договоръ новымъ наймомъ, более выгоднымъ, не могъ бы этого сдѣлать, по невозможности найти покупателя на свой запроданный уже первому нанимателю трудъ". Для достиженія такой задачи проектъ требуетъ, чтобы всѣ сдѣлки найма заключались не иначе, какъ по письменнымъ договорамъ, заносящимся въ особую книжку, которою долженъ быть снабженъ каждый рабочій. Нарушеніе этого требованія—и со стороны нанимателя, и со стороны нанимающагося—является уголовнымъ проступкомъ. Еще болѣе отвѣтственнымъ уголовнымъ проступкомъ является „заключеніе договора найма на сельско-хозяйственныя работы по договорной книжкѣ, если въ ней записанъ срочный договоръ съ другимъ нанимателемъ и если исполненіе новаго договора пріурочивается, завѣдомо, къ тому же самому, точно опредѣленному въ числахъ мѣсяца, сроку". Въ этомъ случаѣ лицо, нанявшее связаннаго договоромъ рабочаго, подвергается аресту до двухъ недѣль, кромѣ обязанности вознаградить потерпѣвшаго отъ нарушенія договора перваго нанимателя. Если же при этомъ второй наниматель „употребилъ особыя средства, чтобы сманить рабочаго, то наказаніе усиливается въ видѣ ареста до одного мѣсяца". Этотъ порядокъ, по мнѣнію защитниковъ проекта г. Кривскаго, вполнѣ обезпечиваетъ сельскихъ хозяевъ отъ нарушенія договоровъ найма со стороны рабочихъ. Въ данномъ случаѣ „рабочій, связанный однажды заключеннымъ договоромъ, не можетъ скрыть этого договора отъ другого нанимателя; послѣдній, въ свою очередь, будучи обязанъ потребовать книжку отъ рабочаго, не возьметъ уже нанятаго рабочаго, въ виду уголовнаго преслѣдованія и имущественной отвѣтственности передъ первымъ нанимателемъ; онъ не можетъ также и игнорировать книжку, такъ какъ наемъ безъ книжки запрещенъ; и, такимъ образомъ, *рабочій, не имѣя возможности никуда наняться до выполненія перваго договора, принужденъ будетъ выполнить договоръ, независимо отъ его выгодности*». Послѣднее ожиданіе и выражаетъ собою требуемый результатъ установленія проектируемаго порядка найма на сельско-хозяйственныя работы, въ основу котораго положена обязательность представленія нанимающимся договорной книжки.

Но проектъ г. Кривскаго встрѣтилъ очень мало сочувствія въ средѣ самихъ сельскихъ хозяевъ, пользующихся трудомъ наемныхъ рабочихъ. Ранѣе другихъ противъ проекта высказались вызванные для участія въ его обсужденіи, совмѣстно съ представителями вѣдомства, предво-

дители дворянства трехъ губерній изъ разныхъ районовъ Россіи— московской (кн. Трубецкой), симбирской (кн. Оболенскій) и херсонской (г. Сухомлиновъ). Въ своемъ заключеніи они прежде всего остановились на такихъ практическихъ затрудненіяхъ, съ которыми соединено осуществленіе мысли г. Кривскаго сдѣлать обязательнымъ предъявленіе договорной книжки при всякомъ случаѣ найма. По мнѣнію предводителей дворянства, выполненіе такого требованія создало бы огромныя неудобства для обѣихъ сторонъ, и при томъ не менѣе для нанимателей, чѣмъ для нанимающихся. Провѣрка прежнихъ записей въ договорной книжкѣ каждаго рабочаго, внесеніе туда новаго договора и необходимость, при неграмотности рабочаго, засвидѣтельствованія его въ волостномъ правленіи, — все это повлечетъ такой огромный ущербъ отъ потери драгоцѣннаго времени въ горячую страдную пору, который неспособенъ вознаградиться даже и обѣщаемыми выгодами проектируемаго порядка найма. Съ другой стороны, снабженіе поголовно всего рабочаго населенія договорными книжками и засвидѣтельствованіе самыхъ договоровъ въ случаѣ неграмотности рабочихъ ляжетъ тяжелымъ и едва ли посильнымъ бременемъ на органы крестьянскаго управленія. Затѣмъ предводители дворянства указали, что „въ настоящее время отношенія хозяевъ и рабочихъ по исполненію договоровъ найма не представляютъ въ общемъ чего-либо ненормальнаго“ и, слѣдовательно, для улучшенія ихъ не имѣется надобности въ столь обременительныхъ для обѣихъ сторонъ мѣрахъ. Наконецъ, предводители дворянства полагали, что „въ виду совпаденія предположеннаго новаго закона о наймѣ на сельскія работы съ поставленнымъ на очередь общимъ вопросомъ о мѣрахъ къ облегченію современнаго положенія помѣстнаго дворянства, изданіе этого закона,—устанавливающаго правила, при новизнѣ ихъ, во многихъ отношеніяхъ стѣснительныя для рабочихъ и въ то же время явнымъ образомъ направленныя, главнѣйше, къ лучшему огражденію интересовъ нанимателей,—можетъ породить въ крестьянскомъ населеніи нежелательные толки о возвращеніи дворянству помѣщичьей власти и вызвать опасное недовольство“. Поэтому они находили, что вообще при настоящихъ условіяхъ „принятіе законодательныхъ мѣръ, вносящихъ существенныя измѣненія въ отношенія сельскихъ хозяевъ и рабочихъ, представляется несвоевременнымъ и требующимъ чрезвычайной осторожности“.

Вслѣдствіе такихъ соображеній по поводу записки г. Кривскаго, высказанныхъ предводителями дворянства, признано было необходимымъ выяснить возможно всестороннѣе вопросъ о тѣхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ, которыя желательно было бы сдѣлать въ дѣйствующемъ законодательствѣ о наймѣ на сельскохозяйственныя работы. Съ этою цѣлью на мѣстахъ и были образованы особыя губернскія со-

вѣщанія изъ представителей мѣстной администраціи и сельскихъ хозяевъ. Затѣмъ вопросъ этотъ былъ переданъ на заключеніе сельскохозяйственнаго совѣта, ежегодно созываемаго при министерствѣ земледѣлія. По отношенію къ проекту г. Кривскаго заключенія какъ губернскихъ совѣщаній, такъ и сельскохозяйственнаго совѣта оказались въ общемъ тождественными съ приведенными выше соображеніями предводителей дворянства Съ другой же стороны, заключенія эти даютъ весьма богатый матеріалъ, выясняющій самыя причины обостряющихся въ нѣкоторыхъ случаяхъ отношеній между сельскими хозяевами и ихъ рабочими.

V.

Прежде всего огромное большинство мѣстныхъ совѣщаній совершенно отрицаютъ существованіе въ ихъ районахъ „рабочаго вопроса" въ сколько-нибудь острой формѣ, требующей энергичнаго вмѣшательства власти для защиты интересовъ сельскихъ хозяевъ, пользующихся трудомъ наемныхъ рабочихъ. Такъ, по заключенію виленскаго совѣщанія „какихъ-либо неустройствъ въ области отношеній между нанимателями и рабочими, которыя составляли бы общее явленіе, не замѣчается. Уклоненія рабочихъ отъ исполненія заключенныхъ договоровъ найма представляютъ собою явленія единичныя и крайне рѣдкія". Въ частности же, виленскій губернскій предводитель дворянства, гр. де-Броэль-Платеръ, показалъ, что въ теченіе его сорокалѣтней практики, по управленію своими имѣніями, у него „не было ни одного случая самовольнаго ухода рабочихъ до истеченія срока". Затѣмъ въ волынской губерніи „отношенія между нанимателями и рабочими настолько сносны, что не вызываютъ особыхъ нареканій сторонъ"... Въ воронежской губ. „уклоненія рабочихъ отъ исполненія заключенныхъ договоровъ найма встрѣчается не какъ общее явленіе, а только въ частныхъ случаяхъ, вслѣдствіе какихъ-либо особенныхъ причинъ". Въ екатеринославской губ. „при неимѣніи поводовъ къ нарушенію договоровъ, т.-е. при точной расплатѣ, хорошихъ харчахъ и т. п. рабочій, въ большинствѣ случаевъ, исправно исполняетъ свои обязанности". Въ минской губ. „уклоненія рабочихъ отъ исполненія заключенныхъ съ ними договоровъ найма общаго явленія не составляютъ". Для курской губерніи „признать уклоненіе рабочихъ отъ исполненія договоровъ общимъ явленіемъ нельзя". Однородныя же заключенія даютъ виленское, тамбовское, черниговское, казанское, ковенское, новгородское, херсонское, оренбургское, орловское, подольское, полтавское и тверское совѣщанія. Другія совѣща-

нія не указываютъ прямо на размѣры, которые приняло нарушеніе рабочими договоровъ найма и на общее значеніе этого обстоятельства для крупнаго сельскаго хозяйства, констатировавъ лишь существованіе подобныхъ фактовъ и отмѣтивъ ихъ причины. Наконецъ, на распространенность подобнаго зла, принимающаго характеръ общаго явленія и затрудняющаго успѣшное веденіе хозяйства, жалуются совѣщанія: владимірское, вологодское, костромское, московское, рязанское, симбирское, таврическое и харьковское.

Нѣкоторая разнорѣчивость заключеній совѣщаній въ весьма малой мѣрѣ можетъ быть приписана тому обстоятельству, что въ однѣхъ мѣстностяхъ рабочій вопросъ существуетъ, въ другихъ же онъ отсутствуетъ. Дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ, какъ мы видѣли, различныя показанія исходятъ отъ представителей районовъ, сельскіе хозяева которыхъ находятся приблизительно въ однородныхъ условіяхъ пользованія наемнымъ трудомъ. Таковы, напримѣръ, попавшія въ разныя группы губерніи таврическая, гдѣ, по свидѣтельству совѣщанія, нарушенія рабочими договоровъ найма представляютъ собою явленіе „общее", и херсонская или екатеринославская, въ которыхъ, согласно тому же свидѣтельству, „рабочій, въ большинствѣ случаевъ, исправно исполняетъ свои обязанности"; затѣмъ губерніи рязанская съ ея повсемѣстнымъ „неустройствомъ въ области отношеній между нанимателями и сельскохозяйственными рабочими" и тамбовская, гдѣ „случаи уклоненія рабочихъ отъ исполненія договоровъ о наймѣ относительно рѣдки и далеко не представляютъ собою обычнаго явленія". Можно думать поэтому, что наблюдаемое несовпаденіе заключеній представляетъ собою скорѣе результатъ случайнаго преобладанія лицъ, недовольныхъ существующимъ законодательствомъ о сельскихъ рабобочихъ, въ составѣ того меньшинства совѣщаній, которыя высказались за необходимость болѣе энергичной законодательной охраны интересовъ нанимателей. Мотивы же и причины такихъ пожеланій со стороны отдѣльныхъ хозяевъ весьма разнообразны. Въ этомъ отношеніи весьма поучителенъ отзывъ г. херсонскаго губернатора, кн. Оболенскаго (бывшаго симбирскаго губ. предводителя дворянства). „Добропорядочный хозяинъ,—говоритъ онъ,—никогда не встрѣчалъ необходимости прибѣгать къ преслѣдованію рабочихъ мѣрами, предоставленными ему закономъ, и разъ заслуженная репутація добросовѣстности экономіи вполнѣ обезпечиваетъ наличность какъ количественно, такъ и качественно рабочей силы, устраняя почти вовсе явленія нарушенія договоровъ". Вотъ почему „ярко выяснилось на совѣщаніи, что хорошими хозяевами называются тѣ въ херсонской губерніи, которые не знаютъ, что такое рабочій вопросъ". Затѣмъ, по словамъ кн. Оболенскаго, „большею частью сѣтованія на отсут-

ствіе болѣе строгой регламентаціи взаимныхъ отношеній нанимателей и рабочихъ раздаются отъ лицъ, управляющихъ имѣніями, оправдывающихъ этимъ малодоходность ввѣряемыхъ имъ имѣній". Послѣднее указаніе кн. Оболенскаго вполнѣ разъясняетъ намъ, почему рабочій вопросъ особенно близко принимаютъ къ сердцу петербургскіе „сельскіе хозяева", которые не живутъ въ своихъ имѣніяхъ и даже очень рѣдко посѣщаютъ ихъ, но, со словъ своихъ управляющихъ, наполняютъ департаменты, клубы и гостиныя воплями о „распущенности" рабочаго, которая ихъ якобы разорила. Между тѣмъ „сельскіе хозяева" этой категоріи, стоя близко къ источникамъ власти, являются наиболѣе вліятельными. Не удивительно, что въ результатѣ „рабочему вопросу", въ числѣ причинъ, угнетающихъ наше помѣщичье хозяйство, приписывается такое важное значеніе, какого онъ въ сущности совсѣмъ не имѣетъ, какъ то наглядно и доказывается отзывомъ большинства мѣстныхъ совѣщаній.

VI.

Что касается частныхъ проявленій неустройства въ области найма на сельскія работы, то въ данномъ случаѣ отдѣльные районы Россіи, дѣйствительно, представляютъ нѣкоторыя свои специфическія особенности. Въ этомъ отношеніи наши крупныя сельскія хозяйства могутъ быть подраздѣлены на три главныя категоріи въ зависимости отъ района, гдѣ онѣ находятся. Такъ, въ сѣверныхъ и центральныхъ губерніяхъ онѣ пользуются трудомъ исключительно мѣстныхъ рабочихъ, нанимаемыхъ при томъ преимущественно поденно, или на сдѣльныя работы, или же, наконецъ, взамѣнъ пользованія различнаго вида угодьями—пашней подъ посѣвъ, пастбищами, сѣнокосами и т. п. Въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ получило уже значительное развитіе батраческое хозяйство, ведущееся при помощи постоянныхъ рабочихъ. Затѣмъ въ южныхъ и юго-восточныхъ районахъ наблюдается въ очень широкихъ размѣрахъ пользованіе трудомъ пришлыхъ рабочихъ, нанимаемыхъ ими на сроки, или поденно.

Наименѣе недоразумѣній возникаетъ между нанимателями и нанимающимися, повидимому, въ тѣхъ районахъ, гдѣ получило наиболѣе широкое развитіе батраческое хозяйство. Весьма обстоятельную картину взаимныхъ ихъ здѣсь отношеній даетъ ковенскій предводитель дворянства, П. А. Столыпинъ. „Упорядоченность" такихъ отношеній въ западныхъ и отчасти юго-западныхъ губерніяхъ обусловливается значительнымъ количествомъ въ этихъ районахъ безземель-

ныхъ крестьянъ, которая создаетъ полную экономическую ихъ зависимость отъ помѣщиковъ. „На этой почвѣ,—замѣчаетъ П. А. Столыпинъ, — и создалось мѣстное батрачество, имѣющее много общихъ чертъ съ дореформеннымъ сельско-хозяйственнымъ строемъ“, т.-е. съ условіями пользованія трудомъ, которыя наблюдались у насъ при существованіи крѣпостного права. Дѣйствительно, въ западныхъ губерніяхъ помѣщики образовали въ своихъ имѣніяхъ цѣлые поселки изъ безземельныхъ крестьянъ, которые обязаны извѣстное число дней въ недѣлю работать на экономію. Между ними есть и почти полные батраки, все собственное хозяйство которыхъ ограничивается огородомъ и нѣсколькими штуками скота, въ дополненіе къ чему они получаютъ отъ помѣщика продовольствіе въ видѣ извѣстнаго выговореннаго количества зерна или муки. Этотъ паекъ называется „ординаріей“, а сами получающіе его „ординарщиками“. Обыкновенно трудъ ординарщика всецѣло принадлежитъ экономіи, собственное же его маленькое хозяйство ведется женою вмѣстѣ съ другими членами семьи. Но чаще всего и послѣдніе обязаны являться въ экономію на работу по первому ея требованію и за плату, заранѣе установленную для разныхъ сезоновъ. Вторую категорію рабочихъ, находящихся въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщику, представляютъ собою „каморники“ (камора—изба), т.-е. лица, живущія на арендуемыхъ ими за отработки участкахъ помѣщичьей земли. На каждомъ изъ такихъ участковъ обыкновенно имѣется и маленькая усадьба со всѣми необходимыми жилыми и хозяйственными постройками. Исправность подобныхъ рабочихъ обусловливается, конечно, ихъ экономическою зависимостью отъ своего принципала. Но живется имъ, подъ вліяніемъ такой зависимости, очень плохо. Намъ лично приходилось осматривать крупныя экономіи въ западныхъ губерніяхъ, располагающія сотнями прикрѣпленныхъ къ нимъ семействъ рабочихъ. Въ каждой изъ такихъ экономій имѣются особыя казармы, гдѣ и ютятся ординарщики съ ихъ семьями въ крошечныхъ клѣтушкахъ. Преобладающей у ординарщиковъ пищей является картофель, а хлѣбъ потребляется у нихъ лишь въ большіе праздники. Годовое жалованье ординарщика рѣдко превышаетъ 50 р. Не въ лучшихъ условіяхъ находятся и „каморники“. Тяжелое экономическое положеніе безземельныхъ крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ вызвало въ послѣдніе годы среди нихъ стремленіе къ эмиграціи. Ранѣе, они обыкновенно переселялись въ Америку, теперь же, по словамъ П. А. Столыпина, началось переселеніе въ Африку и, между прочимъ, въ Трансвааль. Наконецъ, изъ пограничныхъ районовъ масса крестьянъ уходитъ на заработки въ Пруссію.

Въ центральныхъ и сѣверныхъ губерніяхъ, какъ показываетъ

большинство совѣщаній, жалобы нанимающихъ на неисправность рабочихъ обусловливаются преимущественно получающимъ все большее и большее распространеніе наймомъ крестьянъ на лѣтнія работы съ зимы, когда они испытываютъ обыкновенно очень острую нужду въ деньгахъ и готовы согласиться на самую низкую плату за трудъ, только бы получить впередъ причитающійся заработокъ или хотя бы задатокъ. „Вслѣдствіе неблагопріятныхъ экономическихъ условій,—говорится въ заключеніи тамбовскаго совѣщанія,—подъ давленіемъ крайней нужды, чтобы какъ-нибудь пережить зиму и управиться съ различными домашними потребностями, а въ особенности съ уплатою повинностей, очень многіе изъ бѣдныхъ крестьянъ-домохозяевъ берутъ работу на предстоящую уборку полей еще съ осени, за крайне дешевую цѣну, чтобы получить только деньги впередъ; при этомъ подряжается иногда у нѣсколькихъ хозяевъ разомъ, въ особенности если у кого-либо изъ нихъ есть лишній въ семьѣ работникъ или лишняя лошадь, не соображая при этомъ того, что за зиму его обстоятельства могутъ измѣниться къ худшему, напримѣръ, вслѣдствіе убыли изъ семьи рабочихъ рукъ или такихъ случайностей, какъ падежъ рабочей скотины, а то и продажа ея за недоимки. Кромѣ того и почти никто изъ рабочихъ не принимаетъ во вниманіе и столь важнаго обстоятельства, какъ величина будущаго урожая; вообще разсчеты на возможность произвести то или другое количество работъ большинство изъ нихъ опредѣляетъ лишь предположительно, послѣдствіемъ чего и бываютъ случаи неисправнаго выполненія работъ. Такимъ образомъ взятый на себя крестьяниномъ подобный трудъ является для него не только скудно оплаченнымъ, но и вполнѣ непосильнымъ. Разумѣется, что съ наступленіемъ работъ, для исполненія таковыхъ онъ является несостоятельнымъ". Приблизительно тѣми же чертами рисуются результаты зимней наемки рабочихъ и въ заключеніяхъ всѣхъ другихъ совѣщаній. Всѣ они согласны, что этотъ видъ запродажи своего труда является для крестьянъ одной изъ формъ пользованія кредитомъ за очень высокіе проценты, поступающіе въ пользу нанимателя. Каковъ же самый размѣръ процентовъ, свидѣтельствуютъ слѣдующія данныя, относящіяся къ тамбовской губ. и приведенныя въ отзывѣ управляющаго мѣстною казенною палатою, С. А. Шпилева. Въ тамбовскомъ уѣздѣ за полную обработку и уборку одной десятины при нормальныхъ условіяхъ найма платится отъ 8 до 12 руб., а при зимнемъ наймѣ плата понижается до 4 р. 50 к. За жнитво лѣтомъ платятъ 5—7 р. съ десятины, при зимнемъ наймѣ отъ 2 р. 50 к. до 4 руб. Полная обработка „круга" (одна десятина озимаго и одна ярового) въ первомъ случаѣ обходится въ 22 р., во-второмъ—12 р. и т. д.

Условія, на почвѣ которыхъ зимній наемъ крестьянъ на лѣтнія работы получаетъ все большее и большее распространеніе, дѣйствуютъ одинаково деморализирующимъ образомъ какъ на нанимателей, такъ и на нанимающихся. Если крестьянинъ, подъ вліяніемъ нужды принимающій на себя такія обязательства, которыя онъ иногда завѣдомо для себя лишенъ возможности выполнить или отъ выполненія которыхъ онъ затѣмъ уклоняется вслѣдствіе невыгодности сдѣлки, то подобные поступки не могутъ быть, конечно, оправданы съ точки зрѣнія строгой нравственности. Но вѣдь одинаково нельзя оправдать и пользованія крестьянской нуждой для найма за половинную цѣну противъ дѣйствительной нормальной стоимости работъ, которыя должны быть выполнены нанимающимися. Между ними, по мѣрѣ обѣднѣнія крестьянъ и обостренія испытываемой ими въ зимнее время нужды въ деньгахъ, создается какой-то заколдованный кругъ, при чемъ уже очень трудно бываетъ рѣшить, какая изъ сторонъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ является иниціаторомъ и виновникомъ подобнаго ненормальнаго порядка найма рабочихъ. Дѣло въ томъ, что съ увеличеніемъ числа домохозяевъ, вынужденныхъ прибѣгать къ зимней запродажѣ своего труда, обезпеченіе экономіи рабочими безъ выдачи зимою задатковъ подъ лѣтнія работы становится сплошь и рядомъ совершенно невозможнымъ. Но предвидя, что часть выданныхъ задатковъ пропадетъ и часть нанятыхъ рабочихъ не явится на работы, помѣщики стремятся уравновѣсить значеніе этого невыгоднаго для себя обстоятельства пониженіемъ заработной платы и наймомъ бо̀льшаго количества рабочихъ, чѣмъ собственно имѣется въ томъ надобность. Одинъ изъ помѣщиковъ уфимской губ., г. Ляуданскій, разсказываетъ, напримѣръ, что ему и при зимнемъ, и при лѣтнемъ наймѣ рабочихъ уборка десятины одинаково обходится около 4 р. Хотя въ первомъ случаѣ номинальная наемная плата составляетъ всего 2 р., т.-е. вдвое ниже, чѣмъ во второмъ, но подобная разница уравновѣшивается неисправнымъ выполненіемъ нанятыми своихъ обязательствъ, „а остальное расходуется на *организацію* (?) воздѣйствія черезъ мелкихъ административныхъ лицъ (старостъ, старшинъ, урядниковъ)“. Вообще, по отзыву большинства совѣщаній, упадокъ экономическаго благосостоянія крестьянскаго населенія отзывается на помѣщичьихъ хозяйствахъ самымъ невыгоднымъ образомъ, постепенно сокращая контингентъ домохозяевъ, способныхъ доставлять имъ исправныхъ рабочихъ и арендаторовъ. Исключеніе составляютъ лишь хозяйства чисто кулацкаго типа, владѣльцы которыхъ умѣютъ какъ пользоваться крестьянскою нуждою для выгоднаго найма рабочихъ, такъ и обезпечить себѣ возможно исправное выполненіе подобныхъ обязательствъ.

Переходя, наконецъ, къ южнымъ и юго-восточнымъ губерніямъ, мы видимъ, что здѣсь недоразумѣнія между нанимателями и нанимающимися создаются, прежде всего, полною неупорядоченностью ежегодно направляющагося сюда, начиная съ весны, передвиженія рабочихъ изъ внутреннихъ малоземельныхъ губерній. Направляясь въ тотъ или другой районъ, рабочіе руководствуются обыкновенно при этомъ или обычаемъ, или разными слухами о видахъ здѣсь на урожай, которые, въ свою очередь, очень быстро измѣняются. Въ результатѣ распредѣленіе пришлыхъ рабочихъ по отдѣльнымъ районамъ является совершенно случайнымъ и вовсе не сотвѣтствующимъ испытываемой, въ каждомъ изъ нихъ, надобности въ нихъ. Между тѣмъ, отношеніе спроса къ предложенію опредѣляетъ собою и цѣны на рабочія руки. Поэтому въ теченіе лѣта такія цѣны подвергаются большимъ колебаніямъ въ зависимости отъ того, преобладаетъ ли въ данный моментъ спросъ на рабочія руки или предложеніе ихъ. Естественно, что въ первомъ случаѣ цѣны повышаются, и рабочіе стремятся воспользоваться выгоднымъ для себя обстоятельствомъ, покидая прежде нанявшихъ ихъ хозяевъ и переходя къ новымъ, предложившимъ лучшія условія. При второй комбинаціи происходитъ обратное, и хозяева стараются отдѣлаться отъ дорого нанятыхъ рабочихъ. По словамъ совѣщаній, нарушенія договоровъ съ обѣихъ сторонъ въ подобныхъ случаяхъ являются одинаково частыми. Надо сказать, однако, что у нанимателя есть при этомъ такая гарантія добросовѣстнаго исполненія нанявшимся договора, какъ отобранный у него паспортъ; послѣдній же въ данномъ отношеніи лишенъ всякихъ гарантій, такъ какъ обращеніе къ судебной защитѣ сопряжено съ потерей времени и денегъ, при томъ же большинство сдѣлокъ заключается на словахъ. Очевидно, что въ дѣйствительности хозяева гораздо чаще получаютъ возможность воспользоваться измѣнившимися къ ихъ выгодѣ условіями найма, чѣмъ рабочіе.

Другимъ, не менѣе распространеннымъ поводомъ для столкновеній, при выполненіи договоровъ найма въ южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ, служитъ часто весьма плохое содержаніе рабочихъ. Вообще надо замѣтить, что нашъ рабочій въ этомъ отношеніи является весьма нетребовательнымъ, но постановка жизни въ экономіяхъ сплошь и рядомъ переходитъ границы терпимаго даже при нашей нетребовательности. „Какъ примѣръ того, съ чѣмъ крестьяне иногда мирятся, только не лишиться бы заработка,—говоритъ управляющій тамбовскою казенною палатою, С. А. Шпилевъ,—позволяю себѣ привести два слѣдующіе случая. Въ одной весьма крупной экономіи была нанята артель около 70 человѣкъ; несмотря на то, что полицейскимъ протоколомъ была удостовѣрена полная негодность дававшагося имъ въ пищу мяса и въ немъ обнаружены были черви, только трое изъ всей артели вы-

разили свой протестъ молчаливымъ уходомъ съ работы, остальные же продолжали работать и питаться испорченной пищей. Въ другой богатой экономіи, въ текущемъ 1897 году, ушли съ работы 30 человѣкъ, которымъ предстояло съ ранней весной жить во время работы подъ открытымъ небомъ... Однако, болѣе половины этихъ рабочихъ, по настоянію старшины, вернулись обратно на работы [1] („Сборн. закл." часть II, стр. 88). По словамъ екатеринославскаго совѣщанія, „дурная или недостаточная пища, даваемая рабочимъ, и полное отсутствіе какихъ-либо помѣщеній для рабочихъ, даже крыши для жилья, а также употребленіе въ сельскомъ хозяйствѣ машинъ безъ предохранительныхъ приспособленій—явленія довольно обычныя".

Такимъ образомъ сущность рабочаго вопроса для хозяевъ южныхъ и юго-восточныхъ губерній сводится собственно къ ощущаемому иногда въ тѣхъ или другихъ районахъ недостатку въ рабочихъ рукахъ, что̀ обусловливаетъ собою повышеніе заработной платы за предѣлы нормальнаго ея уровня и побуждаетъ рабочихъ, нанявшихся по низшимъ цѣнамъ, требовать повышенія платы или уходить къ другимъ хозяевамъ. Но еще чаще, какъ мы видѣли, наблюдается и обратное явленіе, когда нарушеніе договора является выгоднымъ для нанимателя. Поэтому добросовѣстные наниматели и нанимающіеся находятъ выходъ изъ такого положенія, не устанавливая заранѣе реестра заработной платы, а условливаясь производить разсчетъ въ зависимости отъ разныхъ цѣнъ на рабочія руки въ каждый отдѣльный періодъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ острота рабочаго вопроса для сельскихъ хозяевъ данныхъ районовъ постепенно ослабляется вслѣдствіе увеличенія численности мѣстнаго населенія и постоянно расширяющагося примѣненія машинъ, что̀, конечно, значительно сокращаетъ надобность въ услугахъ пришлыхъ рабочихъ. На важное значеніе для сельскаго хозяйства подобнаго рода факторовъ и измѣненіе подъ вліяніемъ ихъ самыхъ условій найма рабочихъ указываетъ большинство совѣщаній. Въ результатѣ, по выраженію херсонскаго совѣщанія, отношенія между хозяевами и рабочими „мало-по-малу упорядочиваются сами собою". О сокращеніи же самыхъ размѣровъ передвиженія рабочихъ на югъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ собраны слѣдующія данныя. Въ періодъ 1870—80 гг. въ четыре новороссійскія губерніи (бессарабскую, екатеринославскую, таврическую и херсонскую) являлось ежегодно около 1.150 т. рабочихъ изъ внутреннихъ губерній, въ настоящее же время количество ихъ не превышаетъ 350 т. То же наблюдается и по отношенію къ юго-восточнымъ губерніямъ. Въ настоящее время, по

[1] Очень обстоятельныя свѣдѣнія, относящіяся къ данной области, можно найти въ изслѣдованіи врача Н. И. Терякова: „Сельско-хозяйственные рабочіе... въ херсонской губ.", изд. херсонской земской управы. Херсонъ, 1896.

словамъ кн. Н. В. Шаховского, на югѣ все болѣе и болѣе распространяется наемъ въ крупныхъ экономіяхъ мѣстныхъ крестьянъ для уборки хлѣба съ ихъ собственными машинами. Такъ, въ 1893 г. въ имѣніяхъ Фальцъ-Фейна (одного изъ крупнѣйшихъ таврическихъ землевладѣльцевъ) работало на сѣнокосѣ около тысячи крестьянскихъ машинъ. „Всѣ изложенныя данныя,—заключаетъ кн. Шаховской,—приводятъ къ мысли, что не особенно далеко то время, когда потребность въ пришлыхъ рабочихъ и совсѣмъ прекратится въ губерніяхъ и областяхъ нашего степного юго-востока".

VII.

Такимъ образомъ огромное большинство совѣщаній прежде всего отрицаетъ существованіе рабочаго вопроса въ такой острой для сельскихъ хозяевъ формѣ, которая требовала бы энергичнаго вмѣшательства законодательной власти для защиты ихъ попираемыхъ интересовъ. Затѣмъ, какъ видно изъ заключеній совѣщаній, неурядица въ этой области является отчасти результатомъ экономическихъ и бытовыхъ условій жизни, видоизмѣнить которыя, или устранить ихъ вліяніе, законодательство безсильно. Сюда нужно отнести, напримѣръ, обѣднѣніе крестьянъ, вызывающее запродажу ими своего будущаго труда; неупорядоченность передвиженія рабочихъ на заработки въ отдаленные районы; низкій уровень умственнаго развитія рабочихъ, несоотвѣтствующій требованіямъ, какія предъявляются къ нимъ помѣщичьими хозяевами, гдѣ вводятся разныя техническія улучшенія, слабое развитіе въ нихъ чувства законности и т. д. Наконецъ, къ случайнымъ причинамъ неурядицы принадлежитъ недобросовѣстность, проявляемая при выполненіи договоровъ найма одинаково какъ нанимающимися, такъ и нанимателями. Нѣтъ сомнѣнія, что для ослабленія послѣдняго фактора распространеніе письменныхъ договоровъ найма имѣло бы очень важное значеніе. Но способствовать достиженію такой цѣли не могутъ ни существующее законодательство о сельскихъ рабочихъ, ни тѣмъ болѣе тѣ измѣненія въ немъ, которыя предлагаются г. Кривскимъ.

Законодательство сплошь и рядомъ устанавливаетъ извѣстныя формы договоровъ, предоставляя воспользовавшимся ими тѣ или другія преимущества судебной защиты въ случаяхъ нарушенія заключенныхъ договоровъ. Таковы, напримѣръ, всякаго рода письменные акты, надлежащимъ образомъ засвидѣтельствованные, векселя, залоговые документы и т. д. Но при установленіи особо покровительствуемой формы договоровъ по найму на сельскохозяйственныя работы наше

законодательство зашло, какъ мы уже видѣли, слишкомъ далеко, создавъ для лицъ, воспользовавшихся ею, спеціальные законы, находящіеся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ самыми элементарными требованіями нормальныхъ правоотношеній, выразившихся въ общихъ законахъ. Подобнаго рода характеръ носитъ весьма значительное число „дополненій“ въ главѣ „о наймѣ по договорнымъ листамъ“ закона 12-го іюня 1886 г., устанавливающихъ, между прочимъ, уголовную отвѣтственность для рабочаго за нарушеніе имъ договора. Вмѣстѣ съ тѣмъ и весь этотъ законъ односторонне направленъ къ защитѣ интересовъ нанимателей, что̀, естественно, заставляетъ нанимающихся по возможности уклоняться отъ предоставленія въ руки нанимателя доказательства существованія договора путемъ заключенія его въ письменной формѣ. Въ результатѣ же законъ 1886 г. скорѣе тормозитъ распространеніе заключенія договоровъ въ письменной формѣ, чѣмъ способствуетъ ему.

Что касается указаній совѣщаній на нежелательность осуществленія проекта г. Кривскаго, устанавливающаго обязанность найма по письменнымъ договорамъ, то одни изъ нихъ носятъ характеръ общихъ теоретическихъ соображеній, другія же останавливаются на практическихъ неудобствахъ, къ которымъ повело бы примѣненіе этого проекта къ жизни. Въ первомъ отношеніи, по замѣчанію нѣкоторыхъ совѣщаній, принципъ обязательнаго найма, по письменнымъ договорамъ, находится въ явномъ противорѣчіи съ основными законами, которыми никому не воспрещается вступать въ договоры съ другими правоспособными лицами, какъ словесные, такъ и письменные. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя никому вмѣнить въ обязанность обезпечивать себя при гражданской сдѣлкѣ, чѣмъ это каждый считаетъ для себя необходимымъ и полезнымъ. Затѣмъ, устанавливая уголовную отвѣтственность за нарушеніе правилъ о формѣ договора, законодательство перевело бы сдѣлки по найму на сельскохозяйственныя работы изъ области частно-правовыхъ отношеній въ сферу публичнаго права и поставило бы ихъ въ совершенно исключительное положеніе передъ прочими видами личнаго найма, въ отношеніи которыхъ по прежнему будетъ допускаться та или другая форма договора въ зависимости отъ усмотрѣнія договаривающихся сторонъ.

Съ точки зрѣнія условій практическаго примѣненія предлагаемыхъ правилъ, совѣщанія прежде всего указывали, что подобныя правила вовсе непримѣнимы къ такимъ видамъ сельскохозяйственныхъ работъ, какъ сдѣльныя и испольныя. Правила требуютъ, чтобы рабочій не нанимался къ двумъ хозяевамъ на производство работъ въ одни и тѣ же сроки. Между тѣмъ, при испольныхъ и сдѣльныхъ работахъ сколько-нибудь точныхъ сроковъ для выполненія работъ установить

въ договорахъ нѣтъ никакой возможности, такъ какъ это зависитъ отъ многихъ случайныхъ условій, которыхъ нельзя предвидѣть заранѣе. Хлѣбъ, который подрядился убрать рабочій у двухъ хозяевъ, можетъ созрѣть въ одно время, а можетъ—и въ разное. Поэтому въ договорахъ на подобные виды найма обыкновенно пишутъ, что рабочій долженъ явиться „по первому требованію" нанимателя. Но ни второй наниматель, ни рабочій не могутъ, конечно, знать, когда наступитъ это „первое требованіе". Точно такъ же здѣсь нельзя установить какого-либо предѣла и въ отношеніи числа обязательствъ, которое способенъ исправно выполнить рабочій. Затѣмъ, какъ мы уже видѣли, почти непреодолимыя затрудненія встрѣтило бы примѣненіе проектируемыхъ правилъ и при наймѣ поденныхъ рабочихъ, въ особенности въ южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ, гдѣ, во время уборки хлѣба экономіями, приходится имѣть дѣло съ сотнями поденныхъ рабочихъ, а каждый часъ дорогъ. „Для нанимателя, — пишетъ балашовскій уѣздный предводитель дворянства, Н. Н. Львовъ,—отказъ рабочимъ въ пріемѣ во время нѣкоторыхъ спѣшныхъ полевыхъ работъ, каковы, напримѣръ, сѣвъ и уборка, грозитъ крупными потерями, а иногда и прямо разореніемъ. Слѣдовательно, удержать землевладѣльца отъ нарушенія новыхъ рабочихъ правилъ возможно лишь угрозой столь крупныхъ штрафовъ, чтобы заставить подчиниться всѣмъ требованіямъ закона, хотя бы подъ страхомъ потерять половину урожая. Никакія иныя взысканія не приведутъ къ цѣли". Въ результатѣ, „въ силу новыхъ рабочихъ правилъ, землевладѣлецъ будетъ поставленъ въ отчаянное положеніе—или подвергнуться огромному взысканію и уголовной карѣ, или остаться безъ рабочихъ рукъ въ самое горячее время".

Не менѣе важное затрудненіе для примѣненія проектируемыхъ правилъ заключается въ слабомъ распространеніи грамотности какъ между нанимающимися, такъ даже и нанимателями. Землевладѣлецъ самарской губ., Н. А. Шишковъ, напоминаетъ, между прочимъ, что „громадное число батраковъ и рабочихъ нанимается крестьянами же, какъ на короткіе сроки, такъ и на цѣлые годы. Въ этихъ случаяхъ письменные или вообще обставленные какими-либо формальностями договоры почти совершенно неизвѣстны и совершенно чужды условіямъ крестьянскаго быта". Масса же малограмотныхъ имѣется между приказчиками даже въ крупныхъ экономіяхъ.

Можно поэтому согласиться съ тѣми совѣщаніями, которыя предсказываютъ, что проектируемый законъ, какъ и дѣйствующій, превратится въ отношеніи большинства хозяйствъ въ мертвую букву. Въ данномъ случаѣ очень поучительна судьба отмѣненнаго закона, запрещавшаго рабочимъ отлучаться далѣе 30 верстъ отъ мѣста житель-

ства. „Предписаніе относительно паспортовъ въ дѣйствительности никогда не соблюдалось и служило лишь поводомъ къ поборамъ со стороны полиціи; то же самое ожидаетъ и проектъ о рабочихъ книжкахъ“ („Сборн. закл.“ II, стр. 33—34). Дѣйствительно, уже самая перспектива предоставленія права сельскимъ властямъ являться во всякое время въ экономіи для провѣрки, есть ли книжки у всѣхъ рабочихъ и правильно ли ведутся въ нихъ договорныя записи, не можетъ особенно улыбаться помѣщикамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ новая система найма, обѣщая лишь однѣ непріятности сколько-нибудь добросовѣстнымъ нанимателямъ, которые всячески отъ нея и открещиваются, можетъ служить весьма опаснымъ орудіемъ въ рукахъ недобросовѣстныхъ лицъ, пользующихся нуждою сельскаго населенія для извлеченія разныхъ выгодъ. Представьте себѣ, что въ какомъ-либо околоткѣ кулаки наймутъ съ зимы почти всѣхъ наличныхъ мѣстныхъ рабочихъ. Что же тогда останется дѣлать болѣе добросовѣстнымъ помѣщикамъ, не прибѣгающимъ къ ростовщическимъ пріемамъ найма? Они должны будутъ либо очутиться въ положеніи „вторыхъ нанимателей“, принимающихъ къ себѣ, подъ угрозой уголовной кары, рабочихъ, уже связанныхъ договорами найма съ другими лицами, или же просить этихъ первыхъ нанимателей о переуступкѣ имъ своихъ правъ за извѣстное вознагражденіе. Такимъ образомъ будетъ создана весьма благопріятная почва для посреднической торговли рабочими, которая отчасти практикуется уже и теперь. „Извѣстно,—говоритъ по этому поводу управляющій черниговскою казенною палатою,—что при наймѣ рабочихъ въ черниговской губ. на сахарные заводы сосѣдняго юго-западнаго края принимаютъ участіе евреи-коммиссіонеры, которые, нанимая рабочихъ, какъ бы по уполномочію отъ сахарозаводчиковъ, въ дѣйствительности являются поставщиками, торговцами чужого труда“. Бессарабское совѣщаніе также говоритъ о посредникахъ, „разъѣзжающихъ по деревнямъ и связывающихъ рабочій людъ по дешевой цѣнѣ нотаріальными и другими договорами на различныя сельскохозяйственныя работы, подъ угрозой крайне тяжелыхъ штрафовъ и съ правомъ перенайма другимъ лицомъ“... Нѣтъ сомнѣнія, повторяемъ, что проектируемый законъ далъ бы подобнымъ посредникамъ столь прочныя гарантіи выполненія законтрактованными рабочими своихъ обязательствъ, какими они теперь не пользуются. Ихъ права „первыхъ нанимателей“ получали бы охрану въ видѣ уголовной отвѣтственности, распространяющейся какъ на рабочихъ, нарушившихъ договоръ, такъ и на лицъ, воспользовавшихся ихъ трудомъ. Въ такомъ же привилегированномъ положеніи оказались бы и всѣ наниматели-кулаки, закабаляющіе рабочихъ съ зимы посредствомъ раздачи задатковъ подъ лѣтнія работы. Этимъ ка-

тегоріямъ нанимателей проектируемый законъ обѣщаетъ, конечно, доставить весьма крупныя выгоды. Не удивительно, что онъ находитъ себѣ среди сельскихъ хозяевъ не мало сторонниковъ.

Аналогичные результаты получились и при обсужденіи предложенія г. Кривскаго въ сельскохозяйственномъ совѣтѣ, который для этого былъ созванъ на экстренную сессію лѣтомъ прошлаго года. Совѣтъ также обратилъ вниманіе, главнымъ образомъ, на тѣ неудобства, которыя создала бы обязательность найма по договорнымъ книжкамъ для самихъ нанимателей. Провѣрка договорныхъ книжекъ и записей потребовала бы, по мнѣнію нѣкоторыхъ хозяевъ, устройства при экономіяхъ цѣлыхъ канцелярій, а за всякое упущеніе въ этомъ отношеніи наниматели рисковали бы уголовною и гражданскою отвѣтственностью передъ третьими неизвѣстными имъ лицами, потерпѣвшими отъ нарушенія нанятыми рабочими заключенныхъ ими ранѣе договоровъ. По отношенію же къ рабочему населенію обязательность найма по договорной книжкѣ явится возстановленіемъ прежней паспортной системы и даже въ гораздо болѣе суровомъ видѣ. Естественно, что подобныя требованія еще болѣе усилять отливъ рабочихъ изъ деревень въ города, на фабрики и заводы, гдѣ предложеніе труда и пользованіе имъ не окажутся обставленными столь суровой регламентаціей. Такое весьма вѣроятное послѣдствіе примѣненія проектируемаго закона отразится весьма невыгодно и на интересахъ сельскихъ хозяевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, сельскохозяйственный совѣтъ высказалъ пожеланіе, чтобы уголовная отвѣтственность для рабочихъ за нарушеніе ими договоровъ была распространена на всѣ виды найма, а не только на наемъ срочныхъ рабочихъ, какъ это установлено дѣйствующимъ закономъ. То же пожеланіе относится и къ вторымъ нанимателямъ, какъ къ участникамъ или пособникамъ въ совершеніи рабочими даннаго уголовнаго дѣянія. По мнѣнію, принятому большинствомъ членовъ совѣта, второй наниматель долженъ подвергаться уголовной и гражданской отвѣтственности и при наймѣ на сдѣльныя работы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда, принимая рабочаго, онъ знаетъ, что этимъ наймомъ или исполненіемъ его условій рабочій будетъ лишенъ возможности исполненія договора по договорному листу съ первымъ нанимателемъ. Такимъ образомъ большинство членовъ сельскохозяйственнаго совѣта, высказавшись противъ стѣсненій при наймѣ рабочихъ, которыя нарушаютъ интересы нанимателей, тѣмъ не менѣе нашло полезнымъ усилить отвѣтственность нанимающихся за неисполненіе принятыхъ на себя обязательствъ. Въ этомъ отношеніи оно разошлось съ большинствомъ заключеній мѣстныхъ совѣщаній, которое, какъ мы видѣли, отрицаетъ самое существованіе поводовъ для усиленія подобной отвѣтственности, а также не считаетъ уста-

новленіе ея способнымъ послужить къ „упорядоченію“ отношеній между сельскими хозяевами и рабочими, даже понимая такое „упорядоченіе“ въ общепринятомъ смыслѣ односторонней защиты интересовъ нанимателей..

VIII.

На ряду съ отзывами о значеніи закона 12-го іюня 1886 г. и о желательныхъ въ немъ измѣненіяхъ, въ цѣляхъ улучшенія отношеній между нанимателями и нанимающимися, многія мѣстныя совѣщанія съ своей стороны признали нужнымъ указать на нѣкоторыя мѣры, осуществленіе которыхъ могло бы способствовать достиженію требуемой задачи. Эти мѣры находятся въ тѣсной связи съ причинами, которыя, по мнѣнію совѣщаній, чаще всего лежатъ въ основѣ наблюдаемыхъ въ данной области неустройствъ и о которыхъ мы говорили выше. Такъ, по отношенію къ внутреннимъ губерніямъ на первый планъ выдвигается необходимость устранить вредное вліяніе заподрядовъ рабочихъ съ зимы на лѣтнія работы. Къ сожалѣнію, большинство рекомендуемыхъ для этой цѣли мѣръ едва-ли принадлежатъ къ числу удобовыполнимыхъ. Такъ какъ рабочіе, говорится въ заключеніи бессарабскаго совѣщанія, преимущественно неимущій людъ, нанимаются съ зимы на предстоящія лѣтнія полевыя работы и забираютъ всю или бо̀льшую часть условленной платы впередъ, единственно подъ вліяніемъ крайней нужды, то „было бы вполнѣ своевременнымъ открыть такимъ лицамъ въ мѣстныхъ казначействахъ, по предъявленію рабочихъ книжекъ, на возможно льготныхъ условіяхъ мелкій дешевый кредитъ съ занесеніемъ въ книжку выданной ссуды, которую первые же наниматели обязаны будутъ пополнить казнѣ изъ заработной платы рабочаго“. По мнѣнію подольскаго совѣщанія, задатокъ при наймѣ съ зимы не долженъ превышать 25 проц. условленнаго вознагражденія за всю работу, а удержаніе его изъ заработной платы слѣдовало бы производить частями, примѣнительно къ закону о взысканіи частныхъ долговъ. Затѣмъ 33 земскихъ начальника тамбовской губерніи высказались за полное воспрещеніе заблаговременной наемки рабочихъ и выдачи денегъ впередъ. Въ однородномъ смыслѣ высказался управляющій вологодской казенной палатой, полагающій, что договоры съ рабочими, заключенные за мѣсяцъ или хотя бы за полгода до срока ихъ выполненія, не должны имѣть никакой юридической силы. Въ этомъ отношеніи намъ представляется гораздо болѣе цѣлесообразнымъ второе его предложеніе о предоставленіи суду права освобождать рабочаго отъ отвѣтствен-

ности во всѣхъ случаяхъ, когда „наниматель, пользуясь тяжелымъ экономическимъ положеніемъ рабочаго, заключилъ съ нимъ явно невыгодный для рабочаго договоръ, чрезмѣрно понизивъ его вознагражденіе, т.-е. назначивъ это вознагражденіе значительно ниже нормальнаго, каковое вознагражденіе (его размѣръ) въ каждой данной мѣстности легко можетъ быть опредѣлено мѣстнымъ судебнымъ органомъ“.

По поводу приведенныхъ указаній слѣдуетъ напомнить, что законъ 24-го мая 1893 г. „о преслѣдованіи ростовщическихъ дѣйствій“ почти вовсе не можетъ быть распространенъ на такія дѣйствія сельскихъ ростовщиковъ. Дѣйствительно, мы видимъ, что по отношенію къ ростовщичеству въ городахъ этотъ законъ караетъ всякое единичное ростовщическое дѣяніе, тогда какъ по отношенію къ деревнѣ должно быть установлено, что подобныя дѣянія составляютъ профессію даннаго лица. Далѣе оказывается, что при изданіи закона о ростовщичествѣ вовсе даже не имѣлось въ виду—взиманіе чрезмѣрно высокихъ процентовъ при различныхъ видахъ такъ называемаго натуральнаго кредита зачислять въ разрядъ поступковъ наказуемыхъ и хотя бы просто предосудительныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на значеніе ростовщичества для городского и сельскаго населенія устанавливаются здѣсь двѣ совершенно противорѣчащія другъ другу точки зрѣнія. Такъ, въ первомъ случаѣ признакомъ ростовщическаго дѣянія признается фактъ „стѣсненныхъ обстоятельствъ“ заемщика, пользуясь которыми, „заимодавецъ заставляетъ его принять чрезмѣрно обременительныя условія ссуды“. Между тѣмъ, въ примѣненіи къ сельскому населенію лицо, выдавшее ссуду на обременительныхъ условіяхъ человѣку, находившемуся въ „стѣсненныхъ обстоятельствахъ“, признается уже не ростовщикомъ, подлежащимъ уголовному преслѣдованію, а благодѣтелемъ, такъ какъ „нерѣдко *своевременная ссуда, хотя бы и за большіе проценты, составляетъ для сельскаго обывателя не притѣсненіе, а, напротивъ, помощь и благодѣяніе*“. Въ соотвѣтствіи съ такимъ новымъ толкованіемъ значенія ростовщическихъ дѣяній и „мѣстный землевладѣлецъ, ссужающій крестьянъ деньгами или продуктами подъ условіемъ уплаты долга работою, цѣнность которой представляетъ собою весьма высокій процентъ на капиталъ, является отнюдь не утѣснителемъ заемщиковъ, а сосѣдомъ, спасающимъ ихъ отъ разоренія“ [1]). Едва ли нужно доказывать несостоятельность установленія подобнаго принципіальнаго различія между значеніемъ ростовщическаго кредита для сельскаго и городского классовъ населенія. И здѣсь,

---

[1]) „Законъ о преслѣдованіи ростовщическихъ дѣйствій 24-го мая 1893 г. съ изложеніемъ разсужденій, на коихъ онъ основанъ“. Изд. Госуд. Канц. Спб. 1893.

и тамъ одинаково могутъ быть случаи, когда возможность получить своевременно ссуду, хотя бы и за ростовщическіе проценты, является благодѣяніемъ, а ростовщикъ выступаетъ въ родѣ „благодѣтеля". Разница лишь та, что крестьянскому населенію, быть можетъ, чаще приходится прибѣгать къ помощи „благодѣтелей". Въ результатѣ же подобное толкованіе, вмѣстѣ съ распространеніемъ уголовнаго преслѣдованія въ деревняхъ только на профессіональныхъ ростовщиковъ, сдѣлало законъ 1893 г. совершенно непримѣнимымъ къ защитѣ отъ „ростовщическихъ дѣйствій" крестьянскаго земледѣльческаго населенія. Поэтому, кажется, еще не было ни одного случая привлеченія къ уголовной отвѣтственности представителей сельскаго ростовщичества. Въ частности же ростовщическій наемъ на сельскохозяйственныя работы при указанныхъ условіяхъ уже вовсе не можетъ быть отнесенъ къ категоріи дѣйствій, преслѣдуемыхъ по закону 1893 г., съ лишеніемъ сдѣлокъ этого рода ихъ юридической силы. Между тѣмъ, какъ видно изъ заключеній мѣстныхъ совѣщаній, даже сами сельскіе хозяева не раздѣляютъ взгляда на эти сдѣлки какъ на явленіе нормальное, къ устраненію котораго законодательная власть вовсе не должна стремиться тѣми или иными путями. Въ данномъ случаѣ мы сомнѣваемся, чтобы уголовныя кары, направленныя противъ „сосѣдей", спасающихъ крестьянъ отъ разоренія при помощи ростовщическаго кредита, сколько-нибудь улучшили положеніе послѣднихъ. Но вѣдь въ данномъ отношеніи теперь наблюдается нѣчто обратное, и законъ 12-го іюня 1886 г. о наймѣ на сельскія работы предоставляетъ уголовныя кары въ распоряженіе ростовщиковъ, которые, пользуясь ими, могутъ понуждать своихъ клиентовъ къ выполненію вынужденно принятыхъ ими на себя обязательствъ.

Затѣмъ многія совѣщанія указываютъ на необходимость болѣе точно установить тѣ требованія, которыя должны предъявляться къ хозяевамъ въ отношеніи содержанія рабочихъ и обращенія съ ними, т.-е. снабженія ихъ сколько-нибудь благоустроенными жилищами, доброкачественной пищей, предоставленія имъ отдыха, устраненія опасности при пользованіи машинами и т. д. Въ особенности на этомъ настаиваютъ совѣщанія изъ тѣхъ районовъ, гдѣ въ экономіяхъ скопляется періодически очень значительное число рабочихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мнѣнію совѣщаній, въ данномъ отношеніи необходимо организовать и надлежащій надзоръ за выполненіемъ предъявляемыхъ въ законѣ требованій. Такъ, бессарабское совѣщаніе высказалось за учрежденіе въ каждой губерніи спеціальнаго „по рабочимъ вопросамъ присутствія", которому предоставлено было бы право изданія обязательныхъ постановленій какъ для всей губерніи, такъ и для нѣкоторыхъ мѣстностей, коими (постановленіями) урегулировались бы отношенія между

нанимателями и рабочими". Далѣе, въ отмѣченномъ нами уже заключеніи 33-хъ земскихъ начальниковъ тамбовской губерніи говорится о желательности „по возможности подробно и точно регламентировать какъ качество, такъ и количество пищи, выдаваемой рабочему нанимателемъ, и чтобы помѣщенія, отводимыя для рабочихъ, вполнѣ бы соотвѣтствовали гигіеническимъ правиламъ"; а также „установить особое учрежденіе, которое вѣдало бы дѣла о наймѣ на сельскія работы". Херсонскій губернаторъ, кн. Оболенскій, подраздѣляетъ нанимателей на двѣ категоріи. Для первой изъ нихъ „заслуженная репутація добросовѣстности экономіи вполнѣ обезпечиваетъ наличность какъ количественно, такъ и качественно рабочей силы, устраняя почти вовсе явленія нарушенія договоровъ". Ко второй категоріи принадлежатъ сельскіе хозяева, со стороны которыхъ „эксплуатація рабочихъ нерѣдко проводится всевозможными способами. Здѣсь имѣютъ мѣсто и неправильный разсчетъ заработной платы, и чрезмѣрные вычеты за дни, проведенные въ болѣзни, и отсутствіе доброкачественной пищи, и даже умышленное уничтоженіе письменныхъ документовъ рабочихъ, отобранныхъ при заключеніи найма, о чемъ у рабочаго не остается никакихъ доказательствъ, если договоръ состоялся безъ свидѣтелей... Такимъ образомъ, если и признать, по мѣстнымъ условіямъ, желательность болѣе опредѣленной регламентаціи взаимныхъ отношеній хозяевъ и рабочихъ, то во всякомъ случаѣ подъ условіемъ учрежденія особой испекціи, подобно существующей инспекціи фабричной". Тульское совѣщаніе полагало бы наиболѣе цѣлесообразнымъ присвоить функціи такой инспекціи земскимъ начальникамъ, при чемъ разслѣдованіе ими на мѣстѣ причинъ возникновенія недоразумѣній между нанимателями и рабочими могло бы, по мнѣнію совѣщанія, предупреждать дальнѣйшія недоразумѣнія, что гораздо важнѣе принятія мѣръ карательныхъ по суду послѣ совершившагося уже нарушенія договора.

Можно присоединиться къ заключенію совѣщаній, что улучшеніе положенія рабочихъ въ экономіяхъ, достигнутое при содѣйствіи тѣхъ или другихъ мѣръ, дѣйствительно повело бы за собою и сокращеніе числа тѣхъ самовольныхъ уходовъ ихъ, на которые теперь такъ жалуются наниматели. Достаточно указать хотя бы на тотъ общепризнанный теперь фактъ, что по мѣрѣ развитія нашего фабричнаго законодательства и усиленія состава фабричной инспекціи различные безпорядки на фабрикахъ и заводахъ далеко не составляютъ уже такого общераспространеннаго явленія, какимъ они являлись ранѣе. Другая сторона вопроса заключается здѣсь въ томъ, что въ настоящее время экономіи, въ которыхъ скопляется значительное число рабочихъ, при отсутствіи всякаго надзора за ихъ содержаніемъ, являются

весьма опасными разсадниками всякаго рода эпидемій. Констатированное большинствомъ совѣщаній отсутствіе въ экономіяхъ благоустроенныхъ жилищъ для рабочихъ, крайне недоброкачественная пища и вода для питья, недоступность врачебной помощи создаютъ для этого весьма благопріятную почву. На такое значеніе данныхъ условій выполненія сельскохозяйственныхъ работъ постоянно указываютъ какъ земства, такъ даже и нѣкоторыя сельскохозяйственныя общества. Такъ XIII санитарный съѣздъ представителей земства и врачей херсонской губерніи высказалъ пожеланіе, чтобы „всѣ болѣе или менѣе крупныя хозяйства, съ значительнымъ числомъ рабочихъ рукъ, находились подъ фактическимъ санитарнымъ надзоромъ, подобно промышленнымъ заведеніямъ“...

Въ частности для районовъ, пользующихся въ значительной мѣрѣ услугами пришлыхъ рабочихъ, совѣщанія указываютъ на желательность такъ или иначе организовать руководство ихъ передвиженіемъ въ интересахъ установленія соотвѣтствія между нуждами и предложеніемъ на рабочія руки въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Херсонское земство, напримѣръ, приступило въ послѣднее время къ образованію такъ называемыхъ санитарно-продовольственныхъ пунктовъ для пришлыхъ рабочихъ. Здѣсь они получаютъ дешевую и свѣжую пищу, кое-какое пристанище до момента найма и медицинскую помощь въ случаѣ болѣзни. Эти пункты начинаютъ выполнять отчасти и функціи справочныхъ бюро какъ для нанимающихся, такъ и для нанимателей. Нужно сказать, впрочемъ, что вопросъ объ „упорядоченіи“ передвиженія рабочихъ изъ центральныхъ районовъ въ степные разработывается уже много лѣтъ, но, къ сожалѣнію, съ очень ничтожными практическими результатами. Постепенно разрѣшается онъ, какъ мы уже говорили, съ заселеніемъ нашихъ степныхъ губерній и распространяющимся тамъ примѣненіемъ машинъ, что̀ сокращаетъ самую надобность въ услугахъ пришлыхъ рабочихъ.

Наконецъ, землевладѣльцы районовъ, въ которыхъ помѣщичье хозяйство основано на батраческомъ трудѣ и гдѣ весьма значителенъ контингентъ профессіональныхъ рабочихъ, начинаютъ тревожиться въ виду усиливающагося стремленія этой группы населенія покинуть деревню, чтобы уйти на фабрику, въ городъ или даже эмигрировать. Для ослабленія такого стремленія помѣщиками теперь признается необходимымъ улучшить положеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ путемъ устройства для нихъ эмеритально-пенсіонныхъ, страховыхъ и вспомогательныхъ кассъ. „Сельскій рабочій,—говоритъ по этому поводу членъ ковенскаго совѣщанія К. А. Маревскій,—можетъ при нормальныхъ условіяхъ работать до 55-тилѣтняго возраста, затѣмъ около десятка лѣтъ въ качествѣ полурабочаго. Старость его ничѣмъ не обез-

печена; передъ нимъ нищенство. Такой же участи подвергаются искалѣченный или семья умершаго рабочаго". Естественно, что „каждый энергичный рабочій уже въ юные годы пугается предстоящей ему участи въ старости и стремится къ лучшему: оставляя родную страну, идетъ въ города и за море". Аналогичное мнѣніе высказываетъ и ковенскій уѣздный предводитель дворянства, П. А. Столыпинъ. Онъ ссылается на примѣръ Пруссіи, гдѣ каждый рабочій входитъ въ составъ членовъ какой-либо эмеритальной кассы, средства которой составляются изъ взносовъ, дѣлаемыхъ самими рабочими и хозяевами. Добавимъ, что къ осуществленію этой мысли уже приступило кіевское общество сельскаго хозяйства,—выработанный имъ проектъ устройства эмеритально-вспомогательной кассы для сельскохозяйственныхъ служащихъ и рабочихъ находится теперь на разсмотрѣніи правительства.

Наконецъ, нельзя не упомянуть о попыткахъ нѣкоторыхъ хозяевъ разрѣшить для себя рабочій вопросъ собственными средствами. Свѣдѣнія о такихъ попыткахъ мы находимъ, между прочимъ, въ описаніяхъ отдѣльныхъ русскихъ хозяйствъ (выдающихся по своему благоустройству), предпринятыхъ министерствомъ земледѣлія. Кстати замѣтимъ, что ни одинъ изъ этихъ хозяевъ не высказываетъ рѣзкихъ жалобъ по адресу рабочихъ, а также и не требуетъ какихъ-либо спеціальныхъ законодательныхъ мѣръ для улучшенія съ этой стороны своего положенія. Такъ въ экономіи А. И. Дриля (орловской губ., брянскаго уѣзда) „на отработки крестьяне являются исправно. Достигается это тѣмъ, что экономія, при назначеніи времени отработки и самой работы, всегда принимаетъ во вниманіе, располагаетъ ли въ данное время обязавшійся дворъ достаточнымъ числомъ рабочихъ рукъ и не будетъ ли отработка препятствовать его собственному хозяйству. Неявка на работу по уважительнымъ причинамъ всегда извиняется и до сихъ поръ не было еще ни одного случая, чтобы недоразумѣнія, возникавшія между крестьянами и экономіей, доходили до суда; они всегда оканчиваются миромъ". Въ извѣстномъ имѣніи И. І. Шатилова Моховомъ (тульской губ.) плата для срочныхъ рабочихъ устанавливается съ такимъ разсчетомъ, чтобы имъ не было выгоды переходить въ горячее время въ другія хозяйства на поденныя работы; пользованія же зимнимъ заподрядомъ экономія вовсе избѣгаетъ. Но наибольшаго вниманія заслуживаетъ способъ обезпеченія экономіи исправными рабочими, введенный въ практику проф. И. А. Стебутомъ въ его имѣніи при сельцѣ Кроткомъ, тульской губ. Здѣсь мы позволимъ себѣ сдѣлать маленькое отступленіе, сославшись на примѣръ почтеннаго профессора, какъ на яркое опроверженіе того ходячаго у насъ взгляда, что люди науки обыкновенно являются совершенно безпомощными, когда свою науку имъ приходится примѣнять къ дѣлу. И. А. Стебутъ ку-

пилъ въ 1876 г. имѣніе крайне запущеннымъ, почти разореннымъ, теперь же, „спустя двадцать лѣтъ,—какъ говорится въ описаніи,—имѣніе неузнаваемо". Оно является однимъ изъ самыхъ благоустроенныхъ въ нашемъ отечествѣ, дающимъ при томъ вполнѣ достаточный доходъ на затраченный капиталъ. Сюда ежегодно является масса молодежи, желающей поучиться практическимъ пріемамъ введенія въ хозяйство разныхъ улучшеній, рекомендуемыхъ наукой. Между прочимъ,—читаемъ мы въ томъ же описаніи,—И. А. Стебуту удалось „создать для Кроткаго надежныхъ тружениковъ, въ видѣ рабочихъ и надсмотрщиковъ разнаго рода, прекрасно изучившихъ свое дѣло и глубоко ему преданныхъ. Достигнуто это путемъ терпѣливаго и разумнаго толкованія всѣхъ распоряженій, съ допущеніемъ критики, а потомъ еще—посредствомъ системы вознагражденія, построенной на привлеченіи служащихъ къ участію въ барышахъ, такъ какъ служащіе, большею частію, получаютъ, кромѣ вознагражденія, и проценты съ того производства, въ которомъ они участвуютъ своимъ трудомъ". Дѣйствительно, мы видимъ, напримѣръ, что маслодѣлка въ хозяйствѣ И. А. Стебута, кромѣ жалованья, получаетъ 1 коп. съ ведра надоеннаго молока, 25 коп. съ пуда масла и 5 проц. съ суммы, вырученной отъ его продажи; садовникъ пользуется 10 проц. съ выручки отъ продажи продуктовъ сада; однородныя преміи получаютъ скотники, сторожа и всѣ годовые рабочіе. Поучительно и основанное на личной практикѣ мнѣніе И. А. о причинахъ переживаемаго теперь нашимъ крупнымъ сельскимъ хозяйствомъ кризиса. Въ основѣ его,—говоритъ И. А.,—лежатъ не разныя независящія обстоятельства и въ частности не деморализація рабочихъ, а во-первыхъ то, что владѣльцы имѣній почти вовсе не ведутъ хозяйство въ нихъ лично, при условіи обладанія требуемыми познаніями и оборотными средствами, а во-вторыхъ, то, что „малые доходы совершенно не соотвѣтствуютъ расходамъ землевладѣльцевъ, живущихъ нерѣдко по весьма широкому бюджету" [1]).

Таково въ общихъ чертахъ положеніе у насъ вопроса о пользованіи наемнымъ трудомъ въ сельскохозяйственныхъ предпріятіяхъ. Отношеніе нашего законодательства къ данному вопросу выражается преимущественно въ стремленіи обезпечить эти предпріятія исправными рабочими. Но подобнаго рода попытки пока не увѣнчались успѣхомъ; большинство же помѣщиковъ, лично ведущихъ хозяйство, сомнѣвается даже, чтобы содѣйствіе законодательства могло оказать имъ здѣсь сколько-нибудь существенную услугу. Въ основѣ такого скепти-

[1]) „Описанія отдѣльныхъ русскихъ хозяйствъ". Выпуски I—VIII. Спб. 1897—98.

цизма лежитъ уже самый характеръ сельскохозяйственныхъ предпріятій, при которомъ роль рабочаго не можетъ быть низведена до механическаго придатка къ машинѣ, какъ то наблюдается на фабрикѣ или заводѣ. Въ сельскомъ хозяйствѣ результаты труда находятся въ гораздо большей связи съ отношеніемъ къ нему со стороны каждаго отдѣльнаго рабочаго. Если при работѣ на себя онъ гораздо производительнѣе, чѣмъ при работѣ по найму, то это вполнѣ понятно. Отсюда и тѣ преимущества мелкихъ сельскохозяйственныхъ предпріятій, благодаря которымъ капитализація производства въ данной области дѣлаетъ сравнительно ничтожные успѣхи, несмотря на услуги, оказываемыя ей машинами. Быть можетъ, вслѣдствіе такихъ причинъ наибольшую устойчивость, повидимому, проявляютъ пока сельскохозяйственныя предпріятія, представляющія собою нѣчто среднее между указанными двумя крайностями. Къ нимъ нужно отнести, напримѣръ, хозяйства американскихъ фермеровъ или нашихъ нѣмцевъ-колонистовъ, которые какъ бы пользуются обоими этими преимуществами. Владѣльцы этихъ хозяйствъ работаютъ совмѣстно съ наемными рабочими, что̀ чрезвычайно выгодно отражается на производительности ихъ труда. Наши рабочіе заявляютъ, напримѣръ, что нѣмцы-колонисты ихъ хорошо кормятъ и хорошо платятъ, но требуютъ отъ нихъ такой напряженной работы, которая не для всякаго даже посильна. Въ послѣднемъ случаѣ имѣетъ, конечно, весьма важное значеніе то обстоятельство, что наши крестьяне плохо питаются, а потому и вообще они являются довольно плохими рабочими. Что же касается крупныхъ помѣщичьихъ хозяйствъ, то они, въ отношеніи утилизаціи труда наемныхъ рабочихъ, въ гораздо худшихъ условіяхъ. Между тѣмъ, большинство владѣльцевъ имѣній ведутъ въ нихъ хозяйство даже не лично, а при посредствѣ управляющихъ, со словъ которыхъ, какъ мы уже говорили, они главнымъ образомъ и жалуются на „распущенность“ рабочихъ, энергично требуя содѣйствія правительства для борьбы съ нею. Понятно, однако, что правительство можетъ, въ лучшемъ случаѣ, обезпечить формальное выполненіе договоровъ, которое, при условіяхъ пользованія трудомъ наемныхъ рабочихъ въ сельскохозяйственныхъ предпріятіяхъ, имѣетъ очень мало значенія.

Одинаково затруднительна и правительственная регламентація, направленная къ охраненію интересовъ нанимающихся противъ недобросовѣстности нанимателей, которая сплошь и рядомъ служитъ причиною нарушенія первыми принятыхъ на себя обязательствъ. По отношенію къ сельскохозяйственнымъ предпріятіямъ почти невозможно ни установить какого-либо точнаго распорядка пользованія трудомъ рабочихъ, какъ то дѣлается на фабрикахъ и заводахъ, ни наблюсти за

ихъ исполненіемъ. Заслуживаетъ вниманія, однако, что въ области огражденія нанимателей отъ недобросовѣстности нанимающихся законодательное вмѣшательство стремится дать болѣе того, что̀ оно можетъ, тогда какъ въ данномъ случаѣ не даетъ и того, что̀ вполнѣ осуществимо. Если мы затѣмъ напомнимъ, что подобная односторонность совершенно не имѣетъ мѣста при законодательномъ вмѣшательствѣ въ отношенія между хозяевами и рабочими въ фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ, то въ отмѣченномъ обстоятельствѣ нельзя не видѣть до нѣкоторой степени пережитка представленія о помѣщикахъ и ихъ рабочихъ, какъ сторонахъ юридически неполноправныхъ. Это представленіе, завѣщанное намъ крѣпостнымъ правомъ, вѣроятно, долго еще будетъ находить себѣ отраженіе при разрѣшеніи законодательнымъ путемъ вопроса о пользованіи трудомъ наемныхъ рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

Вл. Бирюковичъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1899.

Событія въ Сербіи. — Дѣло о заговорѣ противъ династіи Обреновичей въ лицѣ эксъ-короля Милана.—Приготовленія къ расправѣ съ противниками по поводу покушенія Княжевича.—Грубая мѣра относительно генерала Саввы Груича.—Сообщеніе канцеляріи сербскаго посольства въ Петербургѣ.—Итоги Гаагской конференціи.

Послѣднія событія въ Сербіи показываютъ наглядно, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ привела политика, устранившая опеку великихъ державъ надъ небольшими балканскими государствами, освобожденными усиліями России отъ турецкой власти. Сербскіе правители, пользуясь фикціею независимости, распоряжаются въ странѣ въ чисто-турецкомъ духѣ, вводятъ какой-то нелѣпый терроръ подъ предлогомъ защиты династіи Обреновичей, произвольно заключаютъ въ тюрьму самыхъ выдающихся людей королевства и цинично грозятъ имъ смертною казнью, а великія европейскія державы вынуждены пассивно смотрѣть на эти беззаконія, довольствуясь лишь закулисными дипломатическими совѣтами, которымъ давно уже привыкли не придавать серьезнаго значенія въ Бѣлградѣ. Сербіей правитъ теперь самовластно не король Александръ и не министерство Владана Георгіевича, а дважды удаленный изъ страны, формально отрекшійся отъ престола и отъ всякаго участія въ сербскихъ дѣлахъ, бывшій король Миланъ, неоднократно получавшій за это отреченіе крупныя суммы отъ сербскаго казначейства и нынѣ вновь водворившійся во власти подъ видомъ главнокомандующаго сербскою арміей. Подвиги этого эксъ-короля въ Парижѣ и въ другихъ мѣстахъ всѣмъ хорошо извѣстны, и никто не могъ понять, какимъ образомъ человѣкъ, столь сильно уронившій королевское званіе, смѣло выступилъ потомъ въ роли руководителя молодого короля и охранителя его династіи, которую онъ самъ же едва не погубилъ своимъ поведеніемъ. Такъ какъ Миланъ во время своего царствованія не разъ обнаруживалъ готовность продавать сербскіе интересы австрійцамъ и находилъ поэтому поддержку въ Вѣнѣ, то его замаскированное обратное воцареніе въ Сербіи приписывалось вліянію Австро-Венгріи; однако, на первыхъ порахъ онъ не выходилъ прямо изъ предѣловъ своихъ новыхъ функцій главнокомандующаго и только постепенно сталъ забирать власть въ свои руки, все болѣе вытѣсняя собою личность короля, за которымъ остался теперь въ сущности только голый титулъ.

Эксъ-король назначаетъ и отрѣшаетъ министровъ, жестоко преслѣдуетъ за неуважительные о себѣ отзывы въ частной перепискѣ и въ частныхъ разговорахъ, какъ за „оскорбленіе величества", и возстановляетъ свое прежнее личное господство безъ всякихъ церемоній. Ему не доставало только одного—полной расправы съ прежними противниками, сохранившими еще популярность и вліяніе въ народѣ, и желанный поводъ къ такой расправѣ нашелся: нѣкій Княжевичъ, уроженецъ Босніи, сдѣлалъ 6 іюля (нов. ст.) покушеніе на его жизнь, выстрѣливъ въ него на улицѣ четыре раза безъ ущерба для его здоровья и ранивъ только въ руку его адъютанта Лукича. Тотчасъ возвѣщено было, что неудавшееся покушеніе задумано и устроено враждебною Милану „радикальною партіею" (не имѣющею въ себѣ ничего радикальнаго), къ которой принадлежатъ наиболѣе видные дѣятели Сербіи; немедленно произведены были многочисленные аресты, какъ бы по заранѣе составленному списку; объявлено осадное положеніе, и всѣ заподозрѣнные преданы военному суду, съ примѣненіемъ къ нимъ законовъ военнаго времени, при чемъ приговоры не подлежатъ апелляціи и должны быть исполнены въ двадцать четыре часа. Въ числѣ арестованныхъ оказываются три бывшихъ министра: Пашичъ, Таушановичъ и Весничъ, два члена кассаціоннаго суда, пять профессоровъ, четыре директора гимназій, два священника, два полковника, два капитана, четыре адвоката и десять депутатовъ. Надо замѣтить, что сербская радикальная партія есть въ то же время руссофильская партія, что она стоитъ за тѣсное сближеніе и солидарность съ Россіею, и что именно съ этой точки зрѣнія она ненавистна Милану, который хорошо понимаетъ, что первый пунктъ руссофильской программы есть удаленіе его отъ власти. Желаніе покончить съ этой партіею однимъ ударомъ, истребивъ ея вождей при помощи военно-полевого суда, обнаружилось слишкомъ откровенно въ распоряженіяхъ эксъ-короля. „Радикалы", занимавшіе должности министровъ при королѣ Александрѣ, не могли быть врагами его династіи, хотя они несомнѣнно были и остаются противниками незаконнаго владычества его отца, Милана. Никола Пашичъ былъ министромъ-президентомъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ посланикомъ въ С.-Петербургѣ; только недавно онъ отсидѣлъ девять мѣсяцевъ въ тюрьмѣ въ Пожаревцѣ за мнимое оскорбленіе величества (т.-е. Милана), и ему не дали даже оправиться отъ этого испытанія: новый приказъ объ арестѣ захватилъ его въ дорогѣ, когда ему, вѣроятно, ничего еще не было извѣстно о происшедшемъ въ Бѣлградѣ. Къ дѣлу рѣшились припутать и представителя Сербіи при русскомъ дворѣ, генерала Савву Груича, пріобрѣвшаго здѣсь общія симпатіи и казавшагося обезпеченнымъ отъ личной или партійной

злобы уже въ силу занимаемаго имъ довѣреннаго политическаго поста; Миланъ и раньше пытался его устранить, какъ одного изъ предполагаемыхъ своихъ враговъ, и ждалъ только случая, чтобы свести съ нимъ старые счеты, хотя бы отъ этого пострадали возстановленныя Груичемъ хорошія отношенія съ Россіею. Внѣшніе и внутренніе интересы страны не играютъ никакой роли для Милана; онъ всегда готовъ принести ихъ въ жертву своимъ личнымъ чувствамъ и выгодамъ, какъ онъ многократно доказывалъ это на дѣлѣ. Генералъ Груичъ навлекъ на себя его неудовольствіе еще въ восьмидесятыхъ годахъ, въ бытность свою военнымъ министромъ и позднѣе министромъ-президентомъ; онъ не могъ быть пріятенъ ему уже потому, что ставилъ интересы Сербіи выше интересовъ Милана и его австрофильскихъ союзниковъ. Сдѣлавшись посланникомъ въ Петербургѣ при министерствѣ Пашича, Груичъ не принималъ уже участія въ борьбѣ партій и долженъ былъ съ прискорбіемъ видѣть, какъ отражается на политическомъ положеніи его отечества новое появленіе Милана въ сербской столицѣ; но не будучи обязанъ поддерживать какія-либо непосредственныя отношенія съ „главнокомандующимъ“, онъ продолжалъ служить Сербіи и королю Александру, тщательно оберегая послѣдніе остатки русской дружбы къ сербскому королевству. Внезапное удаленіе его въ отставку и вызовъ въ Бѣлградъ по обвиненію въ какихъ-то замыслахъ противъ династіи поразили всѣхъ своею необычайностью; даже корреспонденты нѣмецкихъ и австрійскихъ газетъ выражали свое удивленіе по поводу этой крутой мѣры и находили совершенно неправдоподобнымъ желаніе связать ее съ дѣломъ Княжевича. Вскорѣ выяснилось, что генералу Груичу ставятъ въ вину содержаніе частнаго письма его къ бывшему министру Весничу, гдѣ онъ высказываетъ мнѣніе, что политическія обстоятельства Сербіи и отношенія къ ней Россіи не измѣнятся къ лучшему, пока въ Бѣлградѣ фактически господствуетъ Миланъ,—мнѣніе, выражающее лишь въ самой мягкой формѣ общеизвѣстный фактъ, о которомъ сербскому посланнику при русскомъ дворѣ приходилось, вѣроятно, и оффиціально сообщать королю Александру; притомъ письмо было писано нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, по поводу одного инцидента, едва не приведшаго къ отъѣзду русскаго представителя изъ Сербіи. Повидимому, само сербское правительство (если оно еще существуетъ внѣ „главнокомандующаго“) не нашло возможнымъ исполнить первоначальное намѣреніе Милана и привлечь Груича къ дѣлу о заговорѣ, подъ столь ничтожнымъ и фантастическимъ предлогомъ; но грубое увольненіе такого крупнаго и уважаемаго всѣми сербскаго дипломата, совершенно незамѣнимаго на своемъ посту при данныхъ условіяхъ, пред-

ставляетъ печальный симптомъ неурядицы, созданной въ странѣ произволомъ эксъ-короля.

Подвергшійся покушенію главнокомандующій сербскою арміею, какъ оказывается теперь, устроилъ контроль за перепискою частныхъ лицъ,—что вовсе не входило въ его функціи,—и заранѣе собиралъ такимъ способомъ улики противъ радикаловъ, принимая простыя сужденія за доказательство участія въ будущемъ заговорѣ; онъ же потомъ руководитъ слѣдствіемъ, назначаетъ военный судъ, подчиненный ему же, и съ первой же минуты, не дожидаясь допроса Княжевича, возвѣщаетъ о виновности радикальной партіи. Невольно является потому мысль о фиктивности всего покушенія и объ искусственной подготовкѣ его самимъ Миланомъ; предположеніе такого рода нашло отголосокъ повсюду въ иностранной печати и не могло быть ничѣмъ опровергнуто. И дѣйствительно, чѣмъ объяснить указаніе на радикаловъ и послѣдовавшее затѣмъ арестованіе ихъ вождей, когда задержанный виновникъ покушенія не былъ еще подвергнутъ допросу и не могъ еще выдать никого изъ участниковъ? Аресты были произведены и надъ обвиняемыми учрежденъ военно-полевой судъ прежде, чѣмъ преступникъ успѣлъ дать тѣ показанія, которыя были желательны Милану. Назвалъ ли Княжевичъ какія-либо имена впослѣдствіи,—неизвѣстно; но хорошо освѣдомленные бѣлградскіе корреспонденты нѣмецкихъ газетъ рѣшительно отрицали это по отношенію къ радикаламъ. „Оффиціальное увѣреніе,—телеграфируютъ, напр., изъ Бѣлграда отъ 9 іюля въ „Кельнскую Газету“,—что виновникъ покушенія донесъ на нѣкоторыхъ радикаловъ, до сихъ поръ не подтвердилось, несмотря на всевозможныя усилія, направленныя къ тому, чтобы выманить у него такое указаніе“. Преступникъ Княжевичъ — простой рабочій, занятый въ последнее время въ военной купальнѣ на р. Савѣ, гдѣ часто бывалъ и Миланъ; быть можетъ, онъ и не имѣлъ свѣдѣній ни о какихъ политическихъ партіяхъ, и ему старались навязать разоблаченія, для которыхъ у него не было матеріала. Выходитъ такимъ образомъ, что эксъ-король Миланъ сознательно готовился совершить массовое избіеніе цѣлаго ряда политическихъ и общественныхъ дѣятелей подъ видомъ скораго военнаго правосудія, воспользовавшись для этого преступленіемъ, которое, по всей вѣроятности, было личнымъ дѣломъ одного человѣка. Подобное злодѣяніе, если оно въ самомъ дѣлѣ задумано Миланомъ, не могло и не можетъ быть допущено Европою, и мы убѣждены, что европейскіе кабинеты должны были бы своевременно остановить сербскихъ правителей на пагубномъ пути беззаконія.

Всеобщее негодованіе, вызванное приготовленіями сербскаго эксъ-короля къ кровавой расправѣ съ его политическими противниками, дало себя почувствовать и въ Бѣлградѣ; тамъ сочли нужнымъ отчасти

умѣрить тонъ и обратить нѣкоторое вниманіе на заграничное общественное мнѣніе, сохраняющее свою силу и авторитетъ даже при полномъ принудительномъ молчаніи внутри страны. Цензурныя строгости, столь щедро практикуемыя относительно туземной печати, не заглушаютъ громкихъ заграничныхъ протестовъ, съ которыми въ концѣ концовъ обязана считаться такая маленькая держава, какъ Сербія. Но мы не имѣемъ пока удовлетворительнаго оффиціальнаго разъясненія послѣднихъ сербскихъ событій. Нельзя считать разъясненіемъ голословное и безсодержательное опроверженіе, разосланное недавно въ русскія газеты канцеляріею сербскаго посольства въ Петербургѣ.

„Въ виду того,—говорится въ этомъ сообщеніи (см. „Новости" отъ 17 іюля),—что въ послѣднее время большинство извѣстій изъ Сербіи основаны на крайне неточныхъ свѣдѣніяхъ, сербское посольство принуждено заявить:

„Покушеніе на жизнь совершено было не только умышленно, но и съ подготовкою. Это фактъ, котораго ничѣмъ нельзя опровергнуть. Чрезвычайный, но не военный судъ ведетъ слѣдствіе сообразно и строго по закону. Никто изъ радикальной партіи не арестованъ изъ-за политическихъ убѣжденій. Арестованы не радикалы, но люди, которые обвиняются не на основаніи простыхъ догадокъ. Лучшимъ доказательствомъ можетъ служить тотъ фактъ, что главные изъ вождей радикальной партіи, какъ-то: гг. С. Груичъ, Симичъ, Вуичъ, Велимировичъ, Милославлевичъ, Уосимовичъ, Андра Николичъ, Пая Михайловичъ—не только не арестованы, но и не привлекались ни къ какой отвѣтственности. Равнымъ образомъ не тронутъ никто изъ членовъ бывшаго центральнаго радикальнаго комитета, а также и почти никто изъ выдающихся вождей радикальной партіи внутри страны".

Намъ кажется прежде всего, что сербское посольство, лишенное своего главы, перестало быть посольствомъ и не можетъ заявлять что-либо отъ своего собственнаго имени, пока нѣтъ замѣстителя, уполномоченнаго временно исполнять обязанности посланника или самостоятельно завѣдывать дѣлами посольства. Очевидно, сообщеніе, напечатанное въ нашихъ газетахъ, исходитъ отъ канцеляріи посольства, и въ такомъ случаѣ слѣдовало пояснить, что оно основано на свѣдѣніяхъ и указаніяхъ, полученныхъ оффиціально изъ Бѣлграда. Затѣмъ самый текстъ „разъясненія" ничего не разъясняетъ, а только запутываетъ вопросъ, совершенно ясный и простой. Какой судъ и по какимъ законамъ призванъ разбирать дѣло Княжевича и его мнимыхъ сообщниковъ? Почему производствомъ арестовъ и предварительнымъ слѣдствіемъ распоряжался потерпѣвшій экс-король, главнокомандующій арміею по своему оффиціальному званію? Канцелярія посольства отвѣчаетъ: „чрезвычайный, но не военный судъ ведетъ

слѣдствіе сообразно и строго по закону". Но какой это чрезвычайный судъ, въ чемъ его отличіе отъ военнаго, и каковы тѣ законы (конечно, тоже чрезвычайные, а не обыкновенные), которыхъ строго держится этотъ судъ,—остается неизвѣстнымъ. Судъ самого Милана или его клевретовъ, послушныхъ исполнителей его воли, есть несомнѣнно „чрезвычайный судъ", и однако не такой, вѣроятно, судъ противопоставляется здѣсь военному, какъ болѣе обезпечивающій интересы законности. Предусмотрѣно ли общими законами учрежденіе такихъ чрезвычайныхъ судилищъ, или особый судъ устроенъ для даннаго случая, съ цѣлью скорѣйшаго полученія обвинительныхъ приговоровъ? Самое понятіе чрезвычайнаго суда заключаетъ въ себѣ рѣзкое нарушеніе общепризнанныхъ и коренныхъ основъ правосудія. Арестованные по дѣлу Княжевича могли считать себя въ правѣ выражать въ своихъ частныхъ письмахъ какія угодно мнѣнія о неправильныхъ дѣйствіяхъ главнокомандующаго эксъ-короля, ибо это не запрещено законами; а при помощи чрезвычайныхъ судилищъ и новыхъ исключительныхъ законовъ можно тѣ же частныя мнѣнія признать преступными и подвергнуть людей смертной казни за прежнія ихъ слова, считавшіяся въ свое время дозволенными. Нечего и говорить, что такое распространеніе новыхъ законовъ и судилищъ на дѣйствія, относящіяся къ прошлому, противорѣчитъ элементарнымъ началамъ права и справедливости,—хотя бы судъ дѣйствовалъ при этомъ „сообразно и строго" по новому закону. Во всякомъ случаѣ, оффиціозное отреченіе отъ военно-полевого суда, о которомъ сообщалось раньше, выигрываетъ очень мало отъ неясной ссылки на чрезвычайный судъ, характеръ котораго при дѣйствіи осаднаго положенія не вызываетъ ни малѣйшаго довѣрія.

Не трудно повѣрить канцеляріи здѣшняго сербскаго посольства, когда она заявляетъ, что „покушеніе на жизнь было совершено не только умышленно, но и съ подготовкою". Нельзя дѣлать въ кого-либо четыре выстрѣла на улицѣ безъ умысла, а для стрѣльбы нужно достать револьверъ, что̀ и составляетъ „подготовку". Ничего другого не требовалось для того, чтобы Княжевичъ совершилъ свое безъискусственное, обставленное самымъ первобытнымъ образомъ покушеніе. Все дѣло въ вопросѣ, почему умыселъ и подготовка отнесены къ постороннимъ лицамъ и именно къ дѣятелямъ радикальной партіи. „Арестованы,—увѣряетъ сообщеніе,—не радикалы, но люди, которые обвиняются не на основаніи простыхъ догадокъ". Жаль только, что не сказано прямо, въ чемъ они обвиняются и какія именно основанія признаны важнѣе простыхъ догадокъ. Если они обвиняются въ недостаткѣ уваженія къ заслугамъ и достоинствамъ эксъ-короля, какъ правителя, то они, разумѣется, виновны, но едва-ли подлежатъ за это

законному преслѣдованію; притомъ въ видѣ смягчающаго обстоятельства они могли бы сослаться на то, что ихъ отрицательныя мнѣнія признаны и подтверждены оффиціально самимъ Миланомъ въ его актѣ отреченія отъ престола и въ его забытомъ нынѣ формальномъ обязательствѣ проживать внѣ предѣловъ Сербіи и не вмѣшиваться въ ея дѣла. Очень многіе благонамѣренные подданные короля Александра остаются при прежнемъ убѣжденіи Милана о необходимости окончательнаго удаленія его изъ Бѣлграда для пользы страны и династіи; и болѣе чѣмъ странно усматривать теперь въ этомъ оффиціально одобренномъ взглядѣ доказательство вражды къ дому Обреновичей или признакъ участія въ государственной измѣнѣ. Опасно вообще выдѣлять династію, какъ особую силу, противопоставляя ее народу и государству, и плохую услугу оказываютъ ей люди, настойчиво толкующіе о защитѣ ея отъ неприязненныхъ чувствъ значительной части общества, — особенно когда рѣчь идетъ о династіи чисто-туземной, вышедшей изъ народа и возвысившейся на памяти старожиловъ. Болѣе могущественныя династіи, чѣмъ домъ Обреновичей, теряли власть и значеніе подъ вліяніемъ ложной мечты, что династическіе интересы ограждаются крутыми мѣрами и произволомъ. Было бы крайне печально для сербской королевской фамиліи, если бы противники Милана были въ то же время врагами династіи; а между тѣмъ, такъ ставится вопросъ въ кругу единомышленниковъ эксъ-короля, заправляющихъ теперь дѣлами Сербіи. Связывать судьбу династіи съ личностью Милана и насильственно зачислять въ лагерь государственныхъ преступниковъ и популярнѣйшихъ людей страны, бывшихъ министровъ, въ родѣ Пашича и другихъ,—значитъ, очевидно, „не только умышленно, но и съ подготовкою“ толкать Сербію на путь серьезныхъ внутреннихъ потрясеній и замѣшательствъ, исходъ которыхъ невозможно предвидѣть. Что Пашичъ, Таушановичъ и ихъ товарищи по суду, въ числѣ всего 25 человѣкъ, суть дѣйствительно сообщники Княжевича,—этому не вѣритъ никто, не вѣритъ даже канцелярія здѣшняго сербскаго посольства, какъ видно изъ двусмысленныхъ словъ ея сообщенія о томъ, что арестованные радикалы „обвиняются не на основаніи простыхъ догадокъ“. Ясно, что Княжевичъ не указалъ на этихъ мнимыхъ соучастниковъ его покушенія и не могъ удовлетворить желаніе судей какимъ-либо правдоподобнымъ разсказомъ,—ибо въ противномъ случаѣ объ этомъ не умолчало бы сообщеніе, и этотъ важный фактъ былъ бы немедленно разглашенъ по телеграфу. Что касается уликъ, которыя важнѣе „простыхъ догадокъ“, то къ нимъ относятся, безъ сомнѣнія, частныя письма съ неблагопріятными отзывами о Миланѣ, о которыхъ мы говорили выше. Единственное утѣшительное извѣстіе, передаваемое сообщеніемъ,—

что многіе выдающіеся радикалы, между прочимъ, г. Савва Груичъ, „не тронуты" правительствомъ,—нуждалось бы въ нѣкоторыхъ оговоркахъ и поясненіяхъ;—напр., г. Груичъ „тронутъ" весьма существенно,—уволенъ отъ службы и, по газетнымъ извѣстіямъ, даже исключенъ изъ списка сербскихъ генераловъ, хотя, по признанію того же сообщенія, онъ „не привлекался ни къ какой отвѣтственности". Такимъ образомъ, по нынѣшнимъ оффиціально-сербскимъ понятіямъ, можно внезапно, не будучи даже выслушаннымъ, подвергнуться весьма чувствительнымъ карамъ и лишиться пріобрѣтенныхъ служебныхъ правъ, при отсутствіи всякихъ законныхъ поводовъ къ какой-либо отвѣтственности.

Остается только выжидать, чѣмъ окончится тягостный кризисъ, въ который вовлечена злополучная Сербія эксъ-королемъ Миланомъ. Европейская дипломатія не можетъ относиться съ пассивнымъ равнодушіемъ къ сербскимъ и вообще балканскимъ дѣламъ; принципъ невмѣшательства имѣетъ свои условія и границы, и если сербскія событія примутъ оборотъ, угрожающій общему спокойствію и миру на востокѣ, то заинтересованнымъ державамъ придется такъ или иначе заняться возстановленіемъ законнаго порядка въ Сербіи. Не только въ Россіи, но и въ западной Европѣ все болѣе сознается необходимость положить конецъ произвольному хозяйничанью отставного короля въ странѣ, гдѣ внутреннія волненія легко создаютъ почву для крупныхъ международныхъ усложненій. Кромѣ политики, существуютъ еще интересы человѣколюбія, и эти интересы настолько могущественны въ современномъ культурномъ мірѣ, что они не допустятъ исполненія какихъ-либо кровавыхъ замысловъ въ Бѣлградѣ, хотя бы и прикрытыхъ внѣшними формами судебнаго приговора.

Конференція мира, засѣдавшая въ Гаагѣ, окончила свои занятія и закрылась 30 іюля (н. ст.). Она выработала и утвердила три важныя конвенціи — „о мирномъ разрѣшеніи международныхъ споровъ" путемъ посредничества и правильнаго третейскаго суда, о „законахъ и обычаяхъ войны на сушѣ", и „о примѣненіи къ морской войнѣ началъ женевской конвенціи 1864 года"; первая изъ этихъ конвенцій подписана шестнадцатью государствами, а обѣ другія—пятнадцатью. Сверхъ того, приняты три деклараціи, запрещающія: 1) пускать взрывчатые снаряды съ воздушныхъ шаровъ и другими подобными новыми способами; 2) употреблять снаряды, имѣющіе единственною цѣлью распространеніе удушливыхъ или разлагающихъ газовъ, и 3) употреблять пули, легко разрывающіяся въ человѣческомъ тѣлѣ;—послѣднія двѣ деклараціи не подписаны Англіею. Въ заключительномъ

актѣ конференціи выражено пять слѣдующихъ пожеланій: 1) чтобы было ограничено бремя военныхъ тягостей и расходовъ въ интересахъ матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія человѣчества; 2) чтобы вопросъ о правахъ нейтральныхъ державъ былъ включенъ въ программу ближайшей конференціи; 3) чтобы вопросы, относящіеся до типа и калибра ружей и орудій во флотѣ, были разсмотрѣны правительствами съ цѣлью придти къ однородному рѣшенію на будущей конференціи; 4) чтобы въ ближайшемъ будущемъ собралась спеціальная конференція для пересмотра женевской конвенціи, и 5) чтобы дальнѣйшимъ конференціямъ предоставлено было обсудить вопросы о неприкосновенности частной собственности въ морской войнѣ, и о запрещеніи или регулированіи права бомбардировки портовъ, городовъ и селеній морскими военными силами. Два пункта этихъ пожеланій, 3-й и 5-й, не приняты Англіею, которая вообще весьма неохотно соглашается ограничивать въ чемъ-либо свои техническія и боевыя преимущества на случай морской войны. Противъ нѣкоторыхъ принципіальныхъ нововведеній возражала съ особенною энергіею Германія, которая прежде всего позаботилась о полномъ устраненіи вопроса о мѣрахъ къ ограниченію дальнѣйшихъ вооруженій; эта существенная часть русской программы была похоронена въ засѣданіи первой (военной) коммиссіи, послѣ обстоятельной рѣчи полковника Шварцгофа, признаваемой многими блестящею. Еще ранѣе, 9 іюня, Германія, въ лицѣ своего делегата профессора Цорна, рѣшительно высказалась въ третьей коммиссіи противъ проекта постояннаго международно-третейскаго суда, предложеннаго Англіею и поддержаннаго Соединенными Штатами. Германскія возраженія по своему категорическому тону грозили на первыхъ порахъ разстроить главнѣйшую работу конференціи и произвели на большинство присутствовавшихъ непріятное впечатлѣніе. Впослѣдствіи нѣмецкіе делегаты, получивъ новыя инструкціи изъ Берлина, сдѣлались болѣе сговорчивыми и старались по возможности облегчить соглашеніе путемъ соотвѣтственныхъ уступокъ и компромиссовъ; между прочимъ, они выразили свое согласіе на устройство постояннаго бюро международнаго третейскаго суда въ Гаагѣ, что̀ и вошло въ окончательный текстъ конвенціи. Много содѣйствовалъ практическому успѣху этого дѣла предсѣдательствовавшій въ коммиссіи г. Леонъ Буржуа, который съ чисто-французскимъ умѣніемъ сглаживалъ противорѣчія и всегда находилъ формулу, способную устранить разногласіе. Положительное содержаніе проекта о третейскомъ судѣ выработано главнымъ образомъ профессоромъ Ѳ. Ѳ. Мартенсомъ, принимавшимъ самое дѣятельное участіе въ его обсужденіи.

Чтобы оцѣнить значеніе результатовъ, достигнутыхъ въ Гаагѣ,

достаточно вспомнить, что брюссельская конференція 1874 года, созванная также по почину Россіи для установленія правилъ и обычаевъ войны, не могла добиться принятія державами выработаннаго и одобреннаго ею проекта; а задача, которую не удалось тогда разрѣшить, окончательно исполнена теперь въ ряду другихъ, составляя лишь третью или даже только четвертую долю вполнѣ законченныхъ и утвержденныхъ державами работъ Гаагской конференціи. Эти работы суть готовые международные трактаты по общимъ вопросамъ, интересующимъ одинаково всѣ культурныя націи и государства,—трактаты, заключенные сразу большинствомъ державъ и представляющіе цѣлые новые отдѣлы международнаго законодательства. Каждая изъ этихъ конвенцій въ отдѣльности есть крупное событіе въ области международнаго права, и ни одна изъ нихъ не могла бы состояться въ такомъ объемѣ и значеніи—особенно въ такой поразительно короткій срокъ,—если бы о нихъ предприняты были переговоры обычнымъ дипломатическимъ путемъ. Прошло бы много лѣтъ прежде, чѣмъ различныя державы согласились бы формально признать для себя обязательнымъ опредѣленный кодексъ правилъ и обычаевъ войны; постановленія брюссельской конференціи 1874 года были, правда, приняты въ руководство для армій нѣкоторыхъ державъ, но это добровольное усвоеніе нѣкоторыхъ общихъ принциповъ имѣло еще мало общаго съ дѣйствительнымъ и точнымъ соглашеніемъ, которое достигнуто на Гаагской конференціи. Притомъ самыя правила подверглись тщательному пересмотру и вполнѣ приспособлены къ современнымъ требованіямъ и условіямъ, равно какъ и къ интересамъ сильныхъ и малыхъ державъ. Такъ же точно примѣненіе правилъ Женевской конвенціи къ морской войнѣ, съ нѣкоторымъ усовершенствованіемъ и измѣненіемъ ихъ по существу, считалось дѣломъ серьезнымъ и труднымъ, хотя и въ высшей степени желательнымъ, и заботы объ этомъ еще долго оставались бы безплодными при обычномъ медленномъ ходѣ всякихъ реформаторскихъ попытокъ въ сферѣ международнаго права. Наконецъ, обсужденіе и принятіе подробно разработаннаго устава о третейскомъ судѣ вводитъ совершенно новый элементъ въ практику международныхъ отношеній и превращаетъ въ прочную и постоянно дѣйствующую систему то, что̀ прежде примѣнялось случайно по отдѣльнымъ и большею частью незначительнымъ поводамъ. О скоромъ осуществленіи чего-либо подобнаго не мечтали спеціалисты международнаго права еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Нужно было особое общее настроеніе, созданное иниціативою Россіи и широкою программою конференціи, чтобы сдѣлать возможнымъ практическій успѣхъ этихъ смѣлыхъ начинаній, далекихъ одинаково и отъ отвлеченныхъ утопій и отъ установившихся взглядовъ и пріемовъ

дипломатіи. Это особое настроеніе, выражавшееся единодушно въ печати и въ обществѣ, неизмѣнно сопутствовало занятіямъ Гаагской конференціи и побудило участвовавшія въ ней правительства пойти значительно дальше, чѣмъ предполагалось первоначально. Идея вѣчнаго мира осталась, конечно, въ сторонѣ, вопреки преувеличеннымъ надеждамъ многихъ популярныхъ писателей и проповѣдниковъ; мысль объ ограниченіи и регулированіи вооруженій не привела ни къ чему положительному, но все-таки она высказана конференціею въ принципѣ, въ видѣ пожеланія для будущаго, а это само по себѣ есть уже несомнѣнный шагъ впередъ, сравнительно съ недавнимъ прошлымъ. Если великія военныя державы принципіально сами осудили свою систему непрерывныхъ вооруженій и признали желательность ея смягченія или измѣненія, то это можетъ отчасти служить залогомъ того, что желанная перемѣна дѣйствительно когда-нибудь наступитъ и что придуманы будутъ способы для постепеннаго достиженія поставленной цѣли. Какъ бы то ни было, Гаагская конференція далеко не оправдала насмѣшливыхъ предсказаній пессимистовъ, и не подлежитъ сомнѣнію, что она займетъ почетное мѣсто въ новѣйшей политической исторіи Европы.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1899.

— **Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Томъ VIII. 1733—1734 гг. Спб. 1898.**

Намъ раньше случалось указывать это изданіе, которое теперь, къ восьмому тому, заключаетъ постановленія по вѣдомству православнаго исповѣданія съ 1721 до 1734 года. „Источники“ русской исторіи за послѣднее время чрезвычайно размножаются и въ особенности размножаются описаніемъ архивовъ и изданіемъ архивныхъ документовъ: еще не такъ давно этотъ матеріалъ бывалъ почти недоступенъ для изслѣдованія; даже пользованіе архивными документами въ ихъ непосредственномъ, иногда мало разобранномъ видѣ, бывало возможно только для немногихъ по спеціальнымъ разрѣшеніямъ. Понятно, что открытіе и описаніе архивовъ (хотя еще не коснувшееся нѣкоторыхъ основныхъ архивовъ) открываетъ для историковъ громадную массу фактовъ, разработка которыхъ должна со временемъ чрезвычайно расширить и оживить изложеніе нашей старой исторіи. Правда и то, что изслѣдованіе не въ состояніи слѣдовать въ ту же мѣру за обнародованіемъ матеріаловъ, — таковы, напримѣръ, обширныя изданія Имп. Русскаго Историческаго Общества, въ которыхъ собрана такая обширная масса данныхъ, въ особенности для исторіи дипломатической. Настоящее изданіе синодальныхъ постановленій, вмѣстѣ съ идущимъ одновременно „Описаніемъ документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Синода“, въ высокой степени любопытно какъ для исторіи церковнаго управленія, такъ и вообще для исторіи быта, нравовъ и понятій, потому именно, что церковное управленіе постоянно соприкасалось съ фактами быта. Со временемъ, когда изданіе документовъ обниметъ значительный періодъ времени, возможна будетъ чрезвычайно любопытная картина нравовъ церковныхъ и народ-

ныхъ. Новое церковное управленіе,—сколько ни отвергали бы нѣкоторые новѣйшіе критики его каноническую законность въ сравненіи съ прежнимъ патріаршимъ управленіемъ,—несомнѣнно сохраняло многія старыя черты прежней администраціи. Оно старалось, какъ и прежняя патріаршая, потомъ „мѣстоблюстительская" власть, ввести порядокъ въ церковную жизнь, но встрѣчалось съ тѣми же первобытными понятіями и нравами и также, вѣроятно, разсчитывало на силу приказовъ и предписаній, когда въ дѣйствительности въ народѣ и даже въ болѣе образованныхъ кругахъ господствовалъ уровень понятій, для котораго нужны были не предписанія, а школы.

Для изслѣдователей народнаго быта будутъ интересны, напримѣръ, дѣла о „языческихъ жертвоприношеніяхъ", какія совершались невдалекѣ отъ самой столицы въ деревняхъ копорскаго уѣзда. По слѣдствію, произведенному опредѣленными отъ святѣйшаго синода слѣдователями, а именно, ямбургскимъ протопопомъ Ѳедоровымъ и петербургскаго гарнизона поручикомъ Ушаковымъ, оказалось, что староста деревни Валговичъ Тихонъ Ѳедоровъ и крестьянинъ Ефимъ Никитинъ съ товарыщи, 21 человѣкъ, „оныя суевѣріи чинили и допросами своими въ томъ, не запираяся, имянно показали, что они, при имѣющемся въ той деревнѣ у часовни, при стѣнѣ, огороженномъ обрубомъ крестѣ, въ день святыхъ мученикъ Флора и Лавра, празднуя, приносили къ тому кресту пѣтуховъ и закалали, и тѣхъ пѣтуховъ кровь опускали подлѣ того креста въ траву, и срѣзывая съ тѣхъ же пѣтуховъ половину головы съ гребнемъ, также и пѣтуховы кости, и отъ приносимаго изъ дворовъ своихъ ястія, отламывая по кусочку, клали тому кресту подлѣ обруба; сверхъ же того, приводя быка предъ Ильинскою пятницею, въ воскресенье, на скотской прогонъ, подлѣ огорода онаго старосты Тихона Ѳедорова, убивали—и того быка мясо, на томъ же мѣстѣ, по частямъ межъ себя дѣлили; что-де то все они чинили для того, что и дѣды и отцы ихъ такъ творили, чая себѣ отъ Бога милости, и дѣлали то все съ простоты,—а учителей на то ихъ суевѣрство никого не было и не имѣется. А благочестіе-де христіанское у нихъ въ деревнѣ Валговичахъ издревле было, и вѣры благочестивой не оставляли, и благочестію христіанскому послѣдуютъ они вси, и особливого обычая не держатся и въ церковь Божію ходятъ",—всѣмъ этимъ язычникамъ велѣно было учинить „безпощадное плетьми наказаніе, дабы ими и, на то смотря, другими такихъ и тому подобныхъ суевѣрствъ впредь чинено не было"; но кромѣ того съ нихъ велѣно было взять подписку, чтобы они такихъ суевѣрствъ впредь никогда не чинили ни явно, ни тайно, а ежели станутъ чинить, то будутъ за то отосланы „къ жесточайшему гражданскому истязанію". Такимъ же образомъ поступлено было съ крестьянами другой деревни,

десятью человѣками, которые чинили подобныя суевѣрія во „дни Воздвиженія Честнаго Креста и святыхъ пророка Иліи и великомученика Георгія, при имѣющихся въ разныхъ мѣстехъ крестахъ".

Такимъ же образомъ поступлено было и съ другими крестьянами, которые „во дни Воздвиженія Честнаго Креста и святыхъ мученикъ Флора и Лавра, мнимую святыню совершая, святыя иконы и народъ и лошадей водою кропили, и ладаномъ кадили, и на образъ святыхъ мученикъ Флора и Лавра пивомъ наливали"; а еще „жесточая" велѣно было учинить наказаніе крестьянину Парамону Иванову, который совершалъ тѣ же вышеписанныя суевѣрія, „сверхъ же того, въ день святаго пророка Иліи, за всѣхъ суевѣрствовавшихъ на крестъ пивомъ поливалъ". Потомъ велѣно было всѣхъ этихъ крестьянъ обязать подпиской, чтобъ они „впредь къ церкви божіей съ женами своими и съ дѣтми молитися во вся воскресные дни и въ Господскіе праздники ходили, и во святые посты постилися, и повсягодно исповѣдывалися, и святыхъ таинъ причащалися, и въ уреченные постные дни, въ праздникъ Воздвиженія Честнаго Креста Господня, и въ среды и въ пятки отъ запрещенныхъ ѣствъ хранилися и дѣтей своихъ, по наставленію священническому, благочестію и страху божію учили неотложно".

Въ томъ же копорскомъ уѣздѣ, по слѣдствію тѣхъ же протопопа Өедорова и поручика Ушакова, оказалось въ деревнѣ Пескахъ другое суевѣріе,—между прочимъ, живой остатокъ старинныхъ братчинъ: „Той деревни крестьяне Юрья Игнатьевъ съ товарыщи имѣли подъ двумя дубовыми древами крестъ деревянной гнилой, на которомъ подписи не знать, и тому кресту праздновали въ день святыхъ апостолъ Петра и Павла, и варили у того креста брашинское пиво, и принося икону во имя Петра и Павла и, зажегши свѣчи, молились; а приносилъ тое икону Юрья Игнатьевъ и пивомъ на оной крестъ и на икону поливалъ лѣтъ съ тридцать; и то брашинское пиво, принося отъ того креста къ себѣ въ домъ, всѣ тоя деревни крестьяне и посторонніи у него Юрьи въ домѣ роспивали повсягодно. Да при той же-де деревнѣ имѣется часовня деревянная, которая построена безъ указу, тому нынѣ шестой годъ, празднуютъ въ той часовнѣ дву деревенъ, Лужицъ и Песковъ, крестьяне оной, Юрья Игнатьевъ съ товарыщи, во дни Успенія Пресвятыя Богородицы и святыхъ апостолъ Петра и Павла, и, принося сыръ, масло, пироги и пиво пьютъ"...

Изъ слѣдствій вообще оказывалось, что если, напримѣръ, ко дню святого пророка Иліи крестьяне „били барана общаго и варили брашинское (т.-е. братчинское) пиво повсягодно" и совершали другія вещи въ почесть пророку Ильѣ, то все это „чинили по старому обыкновенію, какъ дѣлали дѣды и отцы ихъ, чая добра, а учителей

на то никого не было; и нынѣ-де они крестьяне благочестію христіанскому послѣдуютъ вси, и особливаго обычая никто изъ нихъ не держится". Это было, безъ сомнѣнія, совершенно справедливо: они просто держались прадѣдовскаго обычая.

Эта картина прямо переноситъ насъ въ XV—XVI столѣтіе, во времена Іосифа Волоцкаго и Стоглава: какъ тогда, такъ и теперь судьямъ не приходилъ въ голову вопросъ, могли ли иначе жить эти люди? Въ своемъ деревенскомъ захолустьѣ они были, очевидно, совершенно заброшены; если съ прадѣдовскихъ временъ они исполняли эти „языческіе", въ дѣйствительности двоевѣрные обычаи, этого не могли не знать мѣстные пастыри,—между тѣмъ судьи и не спросили этихъ пастырей; простодушное невѣдѣніе исправляли не какой-нибудь заботой о школѣ или пастырскомъ обученіи, а просто плетьми, „при народномъ собраніи", а также отбираніемъ подписокъ,—это послѣднее считалось полнымъ обезпеченіемъ. Понятно, что въ глазахъ самихъ жителей это нашествіе слѣдователей и судей было только несчастной случайностью; у ихъ сосѣдей происходило, конечно, то же самое, но слѣдователи только не добрались до нихъ, а когда гроза прошла, и здѣсь, вѣроятно, понемногу возобновился старый обычай.

Уголовный фактъ, открывшійся, вѣроятно, вслѣдствіе близости къ столицѣ, остается любопытенъ въ этнографическомъ отношеніи. Копорскій уѣздъ до завоеванія края и основанія Петербурга составлялъ далекое захолустье; въ этой нѣкогда новогородской области видимо шла старинная жизнь съ укоренившимся двоевѣріемъ, т.-е. съ приспособленіемъ старыхъ преданій къ церковному обычаю, съ пирами и братчинами, съ закалываніемъ быковъ, пѣтуховъ и „общихъ барановъ", и съ полнымъ убѣжденіемъ въ своемъ христіанскомъ благочестіи. И не слѣдуетъ вовсе думать, чтобы суровое отношеніе слѣдователей и судей къ народному обычаю могло происходить отъ Петровской реформы или, можетъ быть, отъ господства Бирона (всѣ описанныя дѣла происходили при имп. Аннѣ Іоанновнѣ),—совершенно то же отношеніе можно видѣть въ Стоглавѣ и въ царскихъ грамотахъ XVII в. И теперь, какъ прежде, одинаково не понимали, что средствомъ противъ народныхъ суевѣрій должны быть не плети, а школа, которая приготовляла бы по крайней мѣрѣ хоть разсудительныхъ пастырей для городского и сельскаго народа.

Приведенный образчикъ даетъ понятіе о характерѣ нравовъ. Эти нравы были вообще очень грубые и тяжелые и въ синодальныхъ распоряженіяхъ встрѣчаемъ подобныя указанія не только относительно простонародной массы или низшаго духовенства, но и относительно духовенства высшаго. Въ одномъ случаѣ синодъ вынужденъ запрещать архіерейское служеніе архіепископу Досиѳею за преданіе имъ

анаѳемѣ архимандрита и игумена; въ другомъ, епископамъ малороссійскихъ епархій вообще запрещается предавать клятвѣ мірянъ; въ третьемъ случаѣ синодъ оставляетъ въ силѣ отлученіе, наложенное псковскимъ архіепископомъ на кабацкихъ откупщиковъ за обиду мѣстныхъ священниковъ; намѣстника кіевскаго Златоверхаго монастыря и эконома того же монастыря приказывается наказать шелепами за ложный доносъ на игумена; принимаются мѣры въ защиту приходскихъ священниковъ отъ жестокостей помѣщиковъ и т. д.,—не говоримъ о преслѣдованіяхъ раскола и ересей, такъ какъ эти преслѣдованія идутъ неизмѣнно отъ второй половины XVII вѣка.

—Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга восьмая, изданная почетнымъ членомъ Археологическаго Института княземъ Ѳ. А. Куракинымъ, подъ редакціею В. Н. Смольянинова. Саратовъ. 1899.

Новый томъ „Архива“ представляетъ опять большую массу документовъ XVIII столѣтія. Въ началѣ помѣщены дипломатическія бумаги князя Бориса Куракина изъ временъ Петра Великаго (за 1713 годъ); но большая часть тома занята дипломатической и личной перепиской кн. Александра Б. Куракина за 1775—1777 годы: это—письма къ нему отъ русскихъ и иностранныхъ государственныхъ людей и дипломатовъ, близкихъ знакомыхъ и родныхъ, и нѣсколько замѣтокъ домашняго характера. Эти бумаги относятся главнымъ образомъ ко времени университетской жизни А. Б. Куракина и С. С. Апраксина въ Лейденѣ, къ путешествію В. Кн. Павла Петровича въ Берлинъ въ 1776, наконецъ, къ первой дипломатической миссіи А. Б. Куракина къ шведскому королю Густаву III, результатомъ которой былъ пріѣздъ короля въ 1777. Наконецъ, нѣсколько документовъ имѣютъ отношеніе къ масонской дѣятельности князя Куракина. „По нѣкоторымъ извѣстіямъ,—замѣчено въ предисловіи VIII тома „Архива“,—князь А. Б. Куракинъ тотчасъ по возвращеніи изъ-за границы, т.-е. еще въ 1773 г., имѣя отъ роду всего 21 годъ, вступилъ въ масонскій орденъ тампліеровъ, а именно въ петербургскую его ложу, т. н. Capitulum Petropolitanum, заимствованную Елагинымъ изъ Англіи и подчиненную съ 1772 г. лондонской ложѣ-матери“. Но въ то же время проникли въ Россію и другія такъ называемыя масонскія „системы“ и между ними начался разладъ и вмѣстѣ желаніе проникнуть въ высшія масонскія таинства,—при чемъ предполагалось, что онѣ могутъ заключаться въ шведскихъ ложахъ. „Это обстоятельство,—продолжаетъ предисловіе,—и подало поводъ къ тому, что князь Александръ Борисовичъ, отправленный къ шведскому королю съ из-

вѣщеніемъ о вторичномъ бракѣ Павла Петровича, получилъ отъ петербургскихъ братьевъ полномочіе вести переговоры съ главной стокгольмской ложей и принять отъ нея посвященіе „въ высшіе градусы“. При посольствѣ князя, конечно, не безъ цѣли, былъ отправленъ Панинымъ, въ качествѣ секретаря, масонъ Вильгельмъ Розенбергъ, братъ Георга Розенберга, учредителя гамбургской ложи „Трехъ золотыхъ розъ“, переселившагося въ 1774 г. въ Петербургъ и бывшаго нѣкоторое время главнымъ помощникомъ Рейхеля. Шведскіе вольные каменщики охотно откликнулись на зовъ своихъ русскихъ братьевъ, и самъ герцогъ Карлъ Зюдерманландскій, братъ шведскаго короля, посвятилъ князя Куракина въ таинства шведскаго масонства, снабдивъ его кромѣ того конституціями экосскихъ, т.-е. шотландскихъ, національныхъ ложъ, а также „клейнодами“, или символическими масонскими знаками и инструментами, при чемъ было условлено, чтобы князь былъ гроссмейстеромъ русской провинціальной ложи съ правомъ передать свое званіе князю Г. П. Гагарину и съ подчиненіемъ этой ложи главному шведскому капитулу“. Лѣтомъ 1777 г., по случаю пріѣзда Густава III въ Петербургъ, происходили блестящія соединенныя собранія въ ложѣ Аполлона, въ которой „мастеромъ стула“ состоялъ Георгъ Розенбергъ. По шведской системѣ и кн. Александръ Борисовичъ учредилъ въ Петербургѣ ложу св. Александра, а затѣмъ, въ маѣ 1779 г., на тѣхъ же основаніяхъ появилась русская великая провинціальная ложа подъ управленіемъ князя Г. П. Гагарина, назначеннаго префектомъ и національнымъ великимъ мастеромъ, и ему въ 1780 г. была прислана особая инструкція за подписью короля и графа Бильке“.

Редакторъ изданія замѣчаетъ, что принадлежность къ масонству двухъ приближенныхъ людей великаго князя, кн. Гагарина и кн. Куракина, возбудила подозрѣніе императрицы и что вслѣдствіе этого они оба были удалены изъ Петербурга, Гагаринъ въ Москву, а Куракинъ въ саратовское имѣніе; онъ замѣчаетъ, впрочемъ, что удаленіе князя Куракина имѣло и другія причины. „Насъ удивляетъ немного,—продолжаетъ редакторъ,—что князь Куракинъ, совершенно свободный отъ модныхъ въ тѣ времена сантиментальности и мистицизма, могъ такъ горячо предаваться масонскимъ дѣламъ, но мы должны принять въ соображеніе авторитетъ Ордена въ прошломъ вѣкѣ, когда къ нему принадлежали лучшіе люди и даже коронованныя особы, а также общечеловѣческую наклонность къ постиженію тайнъ бытія и человѣческаго духа, которыя, по мнѣнію многихъ, были извѣстны руководителямъ Ордена“ и т. д. Можно было бы прибавить, и особливо относительно кн. Куракина, что здѣсь имѣла значеніе и простая свѣтская мода. Люди, съ которыми кн. Куракинъ (тогда еще очень мо-

лодой человѣкъ) сносился по масонскимъ дѣламъ въ Стокгольмѣ, были люди аристократическаго круга, гдѣ онъ исключительно вращался. Изъ переписки его видно, что рѣчь о масонскихъ матеріяхъ заходила у него и съ дамами.

Въ концѣ книги помѣщено не малое собраніе писемъ одной изъ дамъ этого шведскаго аристократическаго круга, графини Ферзенъ: письма наполнены выраженіями самой нѣжной привязанности, которая осталась, кажется, платоническою, а также разсказами о свѣтскихъ новостяхъ изъ придворнаго и аристократическаго круга ихъ общихъ знакомыхъ. Эти разсказы не лишены интереса, какъ черты нравовъ. Въ одномъ письмѣ находятся, между прочимъ, подробности о праздникѣ, который данъ былъ королемъ въ честь королевы-матери. Передъ тѣмъ она была больна, и на праздникѣ радость о ея выздоровленіи изображена цѣлымъ драматическимъ представленіемъ, гдѣ въ курьезномъ псевдо-классическомъ стилѣ является на сцену „великая жрица“, „хоръ жрецовъ“, „оракулъ“, „Аполлонъ“, „граціи“, „Эскулапъ“, „Момусъ“ и т. д.; благодарность за исцѣленіе королевы приносится „богамъ“. Великая жрица поетъ, обращаясь къ Эскулапу:

Daignez accepter notre prière,
Esculape, nous t'implorons,
Louise, à son heure dernière,
Est celle pour qui nous prions.
Hélas! de ce courroux sévère,
Grand dieu! ne lancez point les traits.
Voulez-vous ôter de la terre
Et votre image et vos bienfaits?

Хоръ подкрѣпляетъ молитвы, и затѣмъ „оракулъ“ изрекаетъ:

Peuples, les immortels sont touchés de vos pleurs;
Ils vous rendent Louise et leurs mânes tutélaires
Ne vous ont reservé le plus grand des malheurs
Que lorsque vous aurez mérité leur colère.

Хоръ благодаритъ „боговъ“:

Que le plaisir nous entraîne vers ces autels bienfaisans!
Vous qui nous rendez la Reine, dieux, recevez notre encens! и т. д.

Удивительно, какъ не бросалась въ глаза нелѣпость этихъ обращеній къ „богамъ“ по случаю болѣзни королевы.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1895 годъ. Спб. 1898.

Это былъ послѣдній отчетъ, изданный при жизни покойнаго директора Публичной Библіотеки, А. Ѳ. Бычкова. 1895 годъ знамена-

теленъ въ исторіи Библіотеки тѣмъ, что 1-го іюня этого года былъ высочайше утвержденъ новый штатъ ея, который долженъ былъ вступить въ дѣйствіе съ новаго 1896 г. Отчетъ начинается историческимъ изложеніемъ положенія Библіотеки, которое потребовало, наконецъ, значительнаго расширенія ея средствъ, такъ какъ безъ этого она переставала, наконецъ, удовлетворять потребностямъ русской науки и нуждамъ образованія, какъ основное государственное учрежденіе этого рода. Указавъ высокое просвѣтительное значеніе Библіотеки, „Отчетъ" замѣчаетъ: „Открытая на общую пользу въ 1810 году, Императорская Публичная Библіотека считается нынѣ по числу рукописей и томовъ печатныхъ книгъ *третьею* между знаменитѣйшими изъ европейскихъ библіотекъ, существующихъ по нѣсколько вѣковъ, и *первою* среди библіотекъ Россіи.

„Въ теченіе долголѣтняго своего существованія Императорская Публичная Библіотека, по мѣрѣ возможности, служила дѣлу просвѣщенія, но за послѣдніе годы, при тѣхъ средствахъ, недостаточныхъ и даже, можно сказать, скудныхъ, которыя ей назначены по штату, она положительно не въ состояніи была болѣе стоять на подобающей ей высотѣ и удовлетворять цѣлямъ своего назначенія.

„Развитіе научной и литературной дѣятельности за послѣднее время, выражающееся значительнымъ увеличеніемъ числа произведеній печати, ежегодно появляющихся въ свѣтъ, естественно должно было вліять и на постоянный ростъ Библіотеки, который нельзя остановить безъ существеннаго вреда для самого учрежденія".

Требовалось увеличеніе средствъ и на пріобрѣтеніе книгъ, и на управленіе Библіотеки (гдѣ оказывался недостатокъ средствъ для одного изъ существенныхъ отправленій Библіотеки—для каталогизаціи), наконецъ, для внѣшнихъ хозяйственныхъ потребностей (какъ содержаніе зданій, служителей и проч.). Въ своихъ отчетахъ за послѣднія десятилѣтія Библіотека постоянно указывала, что штатъ Библіотеки (утвержденный въ маѣ 1874) не удовлетворялъ больше ея потребностямъ и назначенію. Отчетъ приводитъ любопытныя подробности объ этомъ положеніи вещей. На покупку книгъ и рукописей русскихъ и иностранныхъ по прежнему штату опредѣлено было 26.000 р.; изъ этой суммы на покупку иностранныхъ книгъ приходилось 17.000—18.000 рублей. Между тѣмъ, самое возростаніе иностранной литературы сдѣлало, наконецъ, эту цифру крайне недостаточной. „Слѣдуетъ также принять во вниманіе, что за послѣднее время возникло много новыхъ, неизвѣстныхъ прежде, отраслей знанія, каковы, напримѣръ, ассиріологія, астрофизика, бактеріологія, гипнотизмъ и др., а нѣкоторые отдѣлы знанія (напр., статистика, метеорологія, ученіе объ электричествѣ въ разнообразныхъ практическихъ его примѣненіяхъ, из-

слѣдованіе внутренней Африки и др.) до того развились, что появившіяся сочиненія по нимъ образовали цѣлыя библіотеки; требованія на эти сочиненія со стороны читателей постоянно предъявлялись, а Императорская Публичная Библіотека, по недостатку средствъ, едва имѣла возможность пріобрѣтать только немногіе изъ наиболѣе выдающихся трудовъ по этимъ частямъ. Съ усовершенствованіемъ фотографическихъ и фототипическихъ способовъ воспроизведенія предметовъ возростаетъ также постоянно число сочиненій и изданій археологическихъ, художественныхъ, естественно-историческихъ и медицинскихъ, снабженныхъ обширными и дорого стоющими атласами, и опять Библіотекѣ приходилось отказываться отъ покупки многихъ подобнаго рода несомнѣнно важныхъ изданій, которыя должны были бы въ ней находиться".

„Отчетъ" указываетъ еще два обстоятельства, которыя отзывались неблагопріятно на пріобрѣтеніи иностранныхъ книгъ, а именно, повышеніе стоимости книгъ и паденіе нашего курса: за двадцать лѣтъ, съ 1874 по 1893, Библіотека понесла убытка на курсѣ болѣе 135.000 или въ годъ среднимъ числомъ около 6.800 руб., такъ что на иностранныя книги Библіотека могла тратить только отъ 8.000 до 9.000. „Только нѣкоторые отдѣлы Библіотеки, которыми по ихъ полнотѣ она справедливо гордится не только въ Россіи, но и въ Европѣ, и на устройство которыхъ затрачены десятки лѣтъ упорнаго труда и не малыя денежныя средства, а именно: иноязычныхъ сочиненій о Россіи, путешествій въ Палестину и вообще сочиненій о ней, изданій сочиненій римскаго поэта Горація со всѣми ихъ объясненіями, изслѣдованіями и переводами на всѣ языки, портретовъ Императора Петра Великаго, пополнялись всѣми вновь появившимися гдѣ бы то ни было книгами и гравюрами, а также еще въ ней не имѣвшимися, при чемъ иногда для отдѣленія иноязычныхъ сочиненій о Россіи книги и брошюры, составляющія библіографическую рѣдкость, приходилось покупать за большія деньги".

Горацій есть, пожалуй, случайная ученая прихоть, и его могъ бы съ бо̀льшимъ интересомъ замѣнить, напримѣръ, Шекспиръ; но всѣ другіе названные предметы, безъ сомнѣнія, имѣютъ великую важность въ русской первенствующей библіотекѣ.

Чтобы показать наглядно нужды Библіотеки, „Отчетъ" приводитъ слѣдующія цифры по отдѣленію юридическихъ и политическихъ наукъ: „Въ то время, какъ число вышедшихъ въ теченіе 1884—1890 гг. сочиненій по этимъ наукамъ на нѣмецкомъ языкѣ достигло цифры 12,520, для отдѣленія было пріобрѣтено 1.044 сочиненія на этомъ языкѣ; изъ 4,937 сочиненій, вышедшихъ за это время на французскомъ языкѣ, куплено было Библіотекою 523 сочиненія, а изъ 4,348 сочиненій на

англійскомъ языкѣ только 110 сочиненій, и такимъ образомъ ученые, занимающіеся спеціально англійскимъ и американскимъ правомъ, почти не могли находить въ Библіотекѣ нужныхъ имъ книгъ". То же относится къ отдѣленіямъ исторіи, богословія, философіи, военныхъ и морскихъ наукъ, восточной филологіи и проч. Библіотекѣ слишкомъ часто приходилось отвѣчать на требованія отказами.

Параллельно съ этимъ, скудость средствъ сказывалась и въ другихъ сторонахъ библіотечнаго дѣла. Такъ, на переплетъ книгъ и рукописей Публичная Библіотека тратила ежегодно до 6,000 рублей; но какъ велики могутъ быть требованія на это дѣло въ большихъ библіотекахъ, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: въ Британскомъ Музеѣ по смѣтѣ 1895 года на переплетъ книгъ и рукописей назначено 9,000 фунт. стерлинговъ, а Національной Библіотекѣ въ Парижѣ въ 1895 г. было отпущено на этотъ предметъ 48,000 франковъ.

1895 годъ былъ послѣдній, въ которомъ дѣйствовалъ старый штатъ 1874 года. Съ 1896 года средства Библіотеки удвоились, а затѣмъ предпринято было расширеніе самаго зданія обширной пристройкой, теперь почти законченной. То и другое останется памятью по А. Ѳ. Бычковѣ, который положилъ много усилій на это внѣшнее и внутреннее обогащеніе Публичной Библіотеки.

И на этотъ разъ „Отчетъ" Библіотеки имѣетъ обширное приложеніе. Здѣсь находятся, во-первыхъ, бумаги Гнѣдича, а именно, письма къ нему Державина, Батюшкова, Капниста, Шишкова, Загоскина и другихъ; во-вторыхъ, письма кн. П. А. Вяземскаго — къ Гнѣдичу, Пушкину, Н. А. Полевому, кн. В. Ѳ. Одоевскому, Жуковскому, Шевыреву и др.

— Исторія русской педагогіи. М. И. Демковъ. Часть I. Древне-русская педагогія (X—XVII вв.). Изданіе 2-е, исправленное. Спб. 1899.

Авторъ смотритъ на исполненіе своей задачи очень скромно. Въ предисловіи къ первому изданію настоящей книги онъ говорилъ: „Предлагаемая „Исторія русской педагогіи" представляетъ первую попытку свести воедино разбросанные факты изъ исторіи нашего воспитанія и образованія. Какъ первый опытъ, она представляетъ существенные недостатки, зависящіе и отъ новости дѣла, и отъ недостаточности знаній автора, и отъ того, что многіе отдѣльные вопросы, необходимые для исторіи русской педагогіи, до сихъ поръ еще не разработаны". Онъ не смѣшиваетъ исторію педагогіи съ исторіей просвѣщенія, но, конечно, справедливо думаетъ, что „для лучшаго пониманія нашей исторіи педагогіи необходимо напомнить важнѣйшіе факты изъ исторіи просвѣщенія и привести ихъ въ тѣсную связь".

Успѣхъ книги, достигшей съ 1896 года второго изданія, указываетъ, что есть настоятельная потребность въ подобномъ трудѣ, потому что дѣйствительно есть не мало работъ по отдѣльнымъ частямъ этого историческаго вопроса, но не было его цѣльнаго обозрѣнія. Авторъ относился къ своей работѣ очень внимательно. По каждой эпохѣ онъ собираетъ свѣдѣнія о школахъ и способахъ преподаванія, о педагогическомъ значеніи школъ монастырскихъ, о воспитательномъ значеніи старой книжности, затѣмъ въ болѣе позднюю пору о прямыхъ воздѣйствіяхъ ученыхъ книжниковъ и власти на школьное образованіе и т. д. Способъ изложенія состоитъ въ послѣдовательномъ указаніи фактовъ, при чемъ по каждому отдѣльному предмету или періоду авторъ приводитъ и относящіеся къ нимъ источники и новыя изслѣдованія. Въ немногихъ случаяхъ онъ изслѣдуетъ вопросы по существу и вмѣшивается въ историческіе споры о складѣ старой русской жизни и письменности. Есть, однако, въ этомъ и немалые пробѣлы. Стараясь раскрыть идеалъ старыхъ педагоговъ, авторъ опредѣляетъ его словами памятниковъ—и какъ будто полагаетъ вопросъ рѣшеннымъ. Напримѣръ:

„Основная цѣль почти всѣхъ древне-русскихъ сборниковъ—доставить назидательное чтеніе—пришлась по вкусу и потребностямъ древнерусскихъ читателей; вотъ почему эти сборники неоднократно переписывались и имѣли большое распространеніе въ древне-русскомъ обществѣ. „Пчелы“, напр., признаютъ, что источникъ и мать мудрости есть добродѣтель, что учить надо нравомъ, примѣромъ добродѣтельной жизни, а не словомъ только, что ученье должно быть пріемлемо съ радостью, должно быть пріятно и интересно учащимся...

„Прологи и патерики настойчиво проводили христіанское ученіе о любви къ Богу и ближнему и своей идеализаціей монашества способствовали у насъ развитію монастырей, бывшихъ въ древности разсадниками просвѣщенія (?)...

„На педагогическія воззрѣнія и убѣжденія нашихъ предковъ весьма вліяла Библія и св. отцы церкви, но особеннымъ вліяніемъ, почетомъ и авторитетомъ пользовался І. Златоустъ...

„Златоустъ прямо высказываетъ убѣжденіе, что зло вкореняется вслѣдствіе дурного воспитанія...

„Въ Измарагдѣ настойчиво проводится мысль, что для духовнаго спасенія необходимо книжное ученіе и что спасеніе получается не за исполненіе внѣшнихъ обрядовъ религіи, но за добродѣтельную жизнь и любовь къ ближнему...

„Домострой по преимуществу воспитывалъ волю старшаго и въ этомъ отношеніи соотвѣтствовалъ точно задачамъ русской жизни, проявленнымъ исторіей, которая и вся можетъ быть резюмирована, какъ

медленный процессъ выработки твердой воли. Предписанія Домостроя хотя по временамъ отличаются суровостью и имѣютъ недостатки, въ общемъ направлены къ благой цѣли—твердому, прочному устроенію русской семьи, какъ основы всего русскаго государства"... (стр. 129—131).

Подобнымъ образомъ, въ общихъ тезисахъ въ концѣ книги мы читаемъ слѣдующіе выводы:

„Школа XI и XII вв. носила церковный характеръ, она являлась для малыхъ дѣтей преддверіемъ храма Божія.

„Византія дала намъ вѣру, гражданственность и литературу и, въ общемъ, имѣла благотворное вліяніе на древнюю Русь.

„Храмы, особенно монастыри, явились у насъ первыми разсадниками христіанскаго народнаго просвѣщенія, они были школами нравственности.

„Книга и Божественная мудрость отождествлялись въ сознаніи древне-русскаго человѣка. Самостоятельному чтенію книгъ придавалъ онъ большее значеніе, чѣмъ школѣ.

„Въ XV в. существовало довольно частныхъ элементарныхъ школъ...

„Школьные азбуковники свидѣтельствуютъ, что въ XVII в. были школы, гдѣ преподавались и нѣкоторые свѣтскіе предметы: ариѳметика, грамматика" (стр. 307—309).

Итакъ, повидимому дѣло обстояло весьма благополучно: была постоянная проповѣдь о добродѣтели, о любви къ Богу и ближнему; монастыри были школой нравственности и т. д.; но отношеніе поученій къ фактамъ жизни остается неясно. Кромѣ того, педагогія есть не только воспитаніе, но и обученіе; не только водвореніе нравственности, но и сообщеніе познаній. И въ томъ и въ другомъ отношеніи древняя русская жизнь представляла черты, значеніе которыхъ авторъ забылъ опредѣлить. Чтеніе книгъ (напримѣръ, нѣкоторыхъ отеческихъ писаній) для должнаго ихъ пониманія требовало извѣстной умственной подготовки, которой слишкомъ часто не было. Монастыри, на пространствѣ древней русской исторіи, бывали весьма различнаго характера и, напримѣръ, могли не быть особенно назидательны тѣ монастыри, о которыхъ иронически говорилъ Іоаннъ Грозный, съ боярскою роскошью и множествомъ подвластныхъ, почти крѣпостныхъ крестьянъ. Далѣе, вторая задача педагогіи—обученіе, т.-е. сообщеніе хотя до нѣкоторой степени научныхъ знаній, въ Московской Россіи совершенно отсутствовало до второй половины XVII вѣка, да и тогда началось только въ крайне скудныхъ размѣрахъ. Говоря о Домостроѣ, авторъ оспаривалъ мнѣніе ученыхъ, смотрѣвшихъ на него слишкомъ благодушно, но и самъ признаетъ, что Домострой, „по преимуществу воспитывая волю старшаго", въ этомъ „соотвѣтствовалъ точно зада-

чамъ русской жизни"; но не говоря о томъ, что въ этомъ отношеніи Домострой не представлялъ чего-нибудь новаго (потому, что „въ немъ излагаются обычаи, образовавшіеся издавна, въ теченіе всей древне-русской жизни, преподаются наставленія, составившіяся подъ вліяніемъ всей древне-русской письменности", стр. 117), его мораль не совершенно безупречна, какъ это указывалъ уже С. М. Соловьевъ; а кромѣ того, этотъ кодексъ московской педагогіи XVI вѣка даже не подозрѣвалъ существованія второй, существенной задачи педагогіи, т.-е. обученія какимъ-либо научнымъ знаніямъ. Для правильной оцѣнки старой русской педагогіи автору ея исторіи должно было бы обратить вниманіе на эту ея сторону: отъ началъ Домостроя идетъ до настоящей минуты то недовѣріе или пренебреженіе къ научнымъ познаніямъ, которое, къ сожалѣнію, до сихъ поръ отличаетъ нашу народную массу и многихъ ея руководителей, утверждающихъ, что они именно разумѣютъ духъ русскаго народа и знаютъ его „истинныя потребности". Самыми настоящими продолжателями древней Руси XVI и XVII вѣка были, конечно, старовѣры: въ ихъ быту, вслѣдствіе его вынужденной замкнутости, сложились многія почтенныя черты, но извѣстно, въ какую крайнюю односторонность перешла у нихъ самая вѣра и до какой степени этотъ міръ остался чуждымъ наукѣ, хотя бы элементарной. Подобныя соображенія, намъ кажется, автору слѣдовало бы имѣть въ виду при обработкѣ предмета въ послѣдующемъ изданіи, какого мы желали бы его труду.

Въ вышедшемъ недавно собраніи сочиненій Гилярова-Платонова помѣщенъ его старый разборъ „Исторіи русской церкви" пр. Макарія. Это былъ высоко заслуженный трудъ, вносившій въ изслѣдованіе предмета много новаго и важнаго матеріала, много цѣнныхъ соображеній, но Гиляровъ-Платоновъ очень справедливо находилъ въ этомъ трудѣ одинъ чрезвычайно существенный недостатокъ — отсутствіе исторической перспективы. Если бы авторъ „Исторіи русской педагогіи" вникнулъ въ эту статью Гилярова-Платонова, онъ, вѣроятно, призналъ бы, что подобный недостатокъ перспективы можетъ найтись и въ его книгѣ, и книга выиграла бы, если бы онъ былъ устраненъ.

—Валерій Лясковскій. Братья Кирѣевскіе, жизнь и труды ихъ. (Изданіе Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. Выпускъ III). Спб. 1899.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, г. Лясковскій издалъ книжку объ А. С. Хомяковѣ; теперь онъ разсказываетъ біографію двухъ лицъ того же славянофильскаго круга, разсказываетъ съ тѣмъ же сочувствіемъ къ

ихъ личности и дѣятельности не только какъ историкъ, но и какъ человѣкъ, принимающій преданія ихъ школы. Біографія написана легко и интересно и можетъ съ пользою послужить для тѣхъ, кому эти лица мало извѣстны. Новаго здѣсь собственно немного; главныя данныя почерпнуты изъ того, что̀ было разсказано ближайшими друзьями Кирѣевскихъ послѣ ихъ смерти въ 1850-хъ годахъ. Здѣсь нѣтъ и исторической оцѣнки ученія Ивана Кирѣевскаго. Біографъ излагаетъ его большею частью словами самого Кирѣевскаго или словами Хомякова; указываетъ сочувственные отзывы о личности Кирѣевскаго со стороны даже его теоретическихъ противниковъ, — но теперь, когда прошло уже болѣе сорока лѣтъ по смерти Ивана Кирѣевскаго, и когда въ русской умственной жизни прошло столько новыхъ явленій, могло бы, кажется, наступить время для исторической критики.

Задача, конечно, не легкая; но намъ кажется, что хотя бы попытка ея рѣшенія составляетъ необходимую принадлежность біографіи. Для опредѣленія самой личности важно установить, что̀ внесено было мыслителемъ новаго въ умственное содержаніе общества; какъ это новое было принято; какіе вызвало результаты, положительные или отрицательные; что̀ изъ сказаннаго имъ сохранитъ историческую важность какъ положительное пріобрѣтеніе или вызовъ къ новому изслѣдованію.

Къ сожалѣнію, многія подробности вопроса, какой ставилъ Кирѣевскій, до сихъ поръ не имѣютъ въ нашей литературѣ полнаго права гражданства; поэтому могло произойти, что философія Кирѣевскаго, какъ и богословіе Хомякова, надолго бывали какъ будто забываемы или вспоминались только случайно отъ времени до времени и не столько съ всесторонней исторической критикой, сколько съ выраженіями восторженныхъ, но туманныхъ сочувствій, или не вполнѣ досказаннаго отрицанія. Но если біографъ ставитъ себѣ спеціальную задачу, онъ былъ бы обязанъ, по крайней мѣрѣ, указать историческое положеніе ученія, если не рѣшать самого историческаго вопроса. Къ этому послѣднему могло бы въ данномъ случаѣ побудить, напримѣръ, то, что философія Кирѣевскаго вызвала спеціальное изученіе у одного изъ самыхъ замѣчательныхъ славянскихъ ученыхъ нашего времени, Т. Г. Масарика (Slovanské studie. I. Slavjanofilstvi—I. V. Kirějevského. 1889). Проф. Масарикъ изучалъ Кирѣевскаго по интересу цѣлаго вопроса о восточной и западной цивилизаціи, вопроса, важнаго и для опредѣленія новѣйшей „славянской идеи“; къ писателю онъ относится съ полнымъ сочувствіемъ и уваженіемъ, но и съ полной независимостью; по своему историческому образованію и философской учености, по своему вѣроисповѣдному безпристрастію, онъ былъ критикомъ компетентнымъ, — и если онъ во многихъ случаяхъ не согласенъ ни

съ исторической постановкой вопроса у Кирѣевскаго, ни съ его богословскими толкованіями, его взгляды имѣютъ право на вниманіе русской исторической критики, а также и біографіи.

Помощь пострадавшимъ отъ неурожая. Литературно-художественный сборникъ. Изданіе газеты „Курьеръ". Москва. 1899.

Нашъ литературный міръ отличается однимъ симпатичнымъ качествомъ: онъ охотно дѣлится своимъ трудомъ на общую пользу, когда складчиной предполагается служить какой-либо общественной цѣли, литературной или филантропической. За послѣднее время вышло нѣсколько сборниковъ, между прочимъ, весьма значительнаго объема —для увеличенія средствъ на сооруженіе памятника Пушкину, на образовательное предпріятіе въ память Бѣлинскаго, наконецъ, въ помощь голодающимъ. Съ этой послѣдней цѣлью московская газета „Курьеръ" издала настоящій сборникъ, гдѣ находимъ, между прочимъ, имена весьма уважаемыхъ и талантливыхъ писателей. Сборникъ изданъ въ большомъ форматѣ, чтобы кромѣ вкладовъ литературныхъ дать мѣсто вкладамъ художественнымъ и музыкальнымъ. Здѣсь, какъ и въ болѣе раннихъ сборникахъ подобнаго рода, на первомъ планѣ встрѣчаемъ одно изъ произведеній К. Р., отрывокъ изъ поэмы „Севастіанъ-мученикъ". Отрывку предшествуетъ предисловіе редакціи сборника о содержаніи этой поэмы, „принадлежащей къ числу лучшихъ произведеній симпатичнаго поэта. Поэма начинается съ описанія торжественнаго жертвоприношенія въ честь Венеры. Всѣ — отъ цезаря до послѣдняго нищаго—преклоняются предъ дивнымъ изображеніемъ богини красоты. Только одинъ трибунъ—христіанинъ Севастьянъ „не поникъ отважной головою". На вопросъ разъяреннаго цезаря онъ открыто славитъ Христа и называетъ безумной старую вѣру. При трепетномъ молчаніи царедворцевъ и всего собранія ликторы, по мановенію цезаря, уводятъ дерзкаго трибуна. Затѣмъ слѣдуетъ поэтическая картина южной ночи. Уснулъ великій Римъ, на храмы, на чертоги налегла таинственная тьма, сторожатъ изваянные боги рощи палатинскаго холма. Все спитъ. Не спитъ только молодой узникъ, привязанный къ стволу кипариса и ожидающій казни. Вспоминаетъ онъ дѣтство, вспоминаетъ мать, впервые разсказавшую ему про Того, Кто въ міръ тоски и слезъ намъ любви ученія святыя и грѣховъ прощеніе принесъ. Вспоминаетъ молодой узникъ свои героическіе подвиги, далекую Галлію, родной Медіоланъ... Новая картина изображаетъ мучительныя пытки, которымъ подвергаютъ осужденнаго. Въ садъ прокрадываются „двѣ жены" и умоляютъ палачей отдать имъ

израненнаго страдальца. Прельщенные золотомъ, мучители уступаютъ просьбамъ... Далѣе описаніе цирка, гдѣ ждутъ любимаго зрѣлища— травли христіанъ дикими звѣрьми. Появляется цезарь. Торжественная процессія предшествуетъ ему; громъ музыки встрѣчаетъ его, и вдругъ кимвалы стихли, смолкли бубны, застылъ киѳаръ и гуслей звукъ, въ отдаленьи замеръ голосъ трубный, все кругомъ недвижно стало вдругъ. Оцѣпенѣвъ отъ ужаса, и цезарь, и все собраніе въ суевѣрномъ страхѣ устремляютъ къ стѣнѣ свои взоры. Неожиданное появленіе мученика и его рѣчь, полная восторженной вѣры и неземного вдохновенія, и составляютъ содержаніе предлагаемаго отрывка. Рѣчь производитъ потрясающее внечатлѣніе, но постепенно цезарь выходитъ изъ оцѣпенѣнія, гордый духъ въ немъ снова встрепенулся и страстное желаніе Севастьяна „пріять двойной вѣнецъ" во славу Христа исполняется".

Далѣе находимъ въ сборникѣ имена г. Гольцева; недавно начавшаго свою дѣятельность беллетриста М. Горькаго, гг. Гославскаго, Громницкаго, Вл. Ладыженскаго, Мамина-Сибиряка, Медвѣдева, Михѣева, Обнинскаго („Первый банковый крахъ", интересныя воспоминанія о процессѣ Струсберга), Тимковскаго, Антона Чехова, Чирикова, Янжула, г-жъ Лохвицкой и Щепкиной-Куперникъ. Нѣкоторые изъ разсказовъ имѣютъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ тому народному бѣдствію, которымъ вызвано и появленіе сборника. Прямо относится къ нему разсказъ г. Горькаго: „Голодные (съ натуры)". Авторъ изображаетъ голодныхъ, которыхъ онъ видѣлъ на волжскомъ пароходѣ: на пароходѣ они отправлялись собирать милостыню въ такое мѣсто, гдѣ еще можно было на нее надѣяться, потому что въ своемъ краю уже не „подавали". Разсказъ, безъ сомнѣнія, правдивъ, но и нѣсколько неряшливъ. Съ первой строки читаемъ: „Пришлось мнѣ недавно ѣхать верстъ за сто внизъ по Волгѣ, и на обратномъ пути видѣлъ я голодающихъ". На нашъ взглядъ эти слова „внизъ" и „на обратномъ пути" не имѣютъ смысла, если не указано, откуда авторъ поѣхалъ „внизъ": волжское пароходство занимаетъ около трехъ тысячъ верстъ. Разсказъ г. Мамина-Сибиряка: „Счастливый Аблай"—есть опять эпизодъ изъ быта голодныхъ. Дѣло относится къ 1892 году. Башкиръ Аблай былъ извѣстный конокрадъ и захваченъ съ поличнымъ. Его судили, но на судѣ произошло нѣчто неожиданное: крестьяне, которые были обвинителями и свидѣтелями противъ него на первомъ слѣдствіи, на судѣ отказывались отъ своихъ показаній, а подсудимый на судѣ былъ очень веселъ. Прокуроръ и защитникъ были очень смущены неожиданнымъ оборотомъ дѣла, когда, наконецъ, прокуроръ успѣлъ выяснить дѣло простымъ вопросомъ къ одной свидѣтельницѣ:

„— А кто васъ научилъ, Матрена Мошкина, показывать теперь совсѣмъ другое, чѣмъ у слѣдователя.

— Кому учить-то...—смутилась баба.—Вѣстимо, дѣдушка Тимоѳей... Крѣпко наказывалъ. Ты, говоритъ, дура, не перепутай... Аблайка-то хочетъ на всю зиму на казенные хлѣба въ острогъ попасть, а мы его не пустимъ. Пусть лучше самъ на волѣ съ голоду подохнетъ... Ужъ ежели наши крестьяне голодаютъ, такъ башкиршикамъ-то безъ смерти смерть.

— А ты видѣла, какъ Аблай воровалъ лошадь у дѣдушки Тимоѳея.

— Какъ же не видать—не слѣпая. Своими глазами видѣла, ну, и своихъ мужиковъ скричала... Тогда же его и пымали“.

Когда судъ все-таки приговорилъ Аблая къ тюремному заключенію, Аблай былъ очень доволенъ, мужики негодовали на „Аблайкино счастье“; дѣдушка Тимоѳей былъ возмущенъ...

Многіе художники доставили въ сборникъ свои рисунки, напримѣръ, гг. Васнецовъ (В. М.), Виноградовъ, Касаткинъ, Левитанъ, Пастернакъ, Переплетчиковъ, Полѣновъ, Рѣпинъ, Сѣровъ и другіе. Рисунки почти всѣ—въ новѣйшемъ эскизномъ родѣ, гдѣ какая-нибудь отчетливость считается излишней, вѣроятно, считается даже недостаткомъ; но изъ этого выходитъ то, что, напримѣръ, на рисункѣ г. Сѣрова у мужика на мѣстѣ рта оказалась какая-то черная кривая дыра.

Наконецъ въ музыкальномъ отдѣлѣ сборника приняли участіе П. И. Бларамбергъ, И. М. Ипполитовъ-Ивановъ, Н. Р. Кочетовъ и Ю. Д. Энгель.—Т.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, поступили въ редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Арнольдъ, Ѳ. К.—Русскій лѣсъ. Томъ II-й, часть 2-я. Съ 425 гравюрами. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 99. XIV и 585 стр. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Богдановичъ, Л. А.—Иностранные университеты. Вып. II-й. Университеты Германіи и годы студенчества ея знаменитыхъ людей. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. М. 99. III, 301 стр.

Бѣлинскій, В. Г. — Систематическое собраніе сочиненій. Основанія его критики и отзывы о выдающихся произведеніяхъ литературы. Спб. 99. (На второмъ листѣ: 1900). Изданіе Николая Зинченко. Выпускъ V. („За одинъ рубль пять томовъ до 50-ти печатныхъ листовъ большого, 8⁰, формата убористаго, но четкаго шрифта, безъ пересылки“).

Варбъ, Е (Браве). Наемные сельскохозяйственные рабочіе въ жизни и въ законодательствѣ. Общественно-юридическіе очерки. М. 99. XIV и 219 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Вороновъ, И.—Матеріалы по народному образованію въ Воронежской губерніи. Подъ редакціей и съ предисловіемъ Ф. А. Щербины. Изданіе Воро-

нежскаго Губернскаго Земства. Воронежъ. 99. 6, IX, 206 и 240 стр., и діаграммы.

Гамбаровъ, Ю. С., проф.—Сборникъ по общественно-юридическимъ наукамъ. Выпускъ первый. (Подъ редакціей проф. Гамбарова). Спб. 99. (Изданіе О. Н. Поповой). III, 192 стр. Ц. 1 р.

Герасимовъ, М.—Элементарная анатомія, физіологія и гигіена, съ добавленіемъ первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ. Руководство для городскихъ и другихъ элементарныхъ училищъ. Пятое изданіе, исправленное и дополненное. Съ 98 рисунками въ текстѣ. Въ четвертомъ изданіи одобрено ученымъ комитетомъ мин-ва нар. просвѣщенія. Спб. 99. 190 стр. Ц. 75 к.

Гиббинсъ, Г. Б.—Очеркъ исторіи англійской торговли и колоній. Переводъ съ англійскаго А. В. Каменскаго. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 99. 123 стр. Ц. 50 к.

Долгоруковъ, В. А.—Путеводитель по всей Сибири и средне-азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Годъ четвертый. Томскъ. 99. 96, 411, XVI, 126 (французскій текстъ), 112 стр., съ портретами, рисунками.

Дюковъ, Е., д-ръ.—Гомеопатія какъ вопросъ земско-общественной медицины. (По поводу преній о гомеопатіи на Харьков. Губернскомъ Земскомъ Собраніи 1898 г.). Харьковъ. 99. 24 стр.

Ладыженскій, В., и *Орелкинъ*, П.—Бесѣды по вопросамъ воспитанія и обученія въ народныхъ школахъ. Изданіе редакціи журнала „Русск. Мысль". М. 99. 182 стр. Ц. 75 к.

Новицкій, А. П.—Исторія русскаго искусства. Выпускъ третій. М. 99. Стр. 161—240. Подписная цѣна безъ доставки въ Москвѣ 10 р., съ пересылкой и доставкой—12 р. (Цѣлое сочиненіе въ 12 выпускахъ).

Осиповъ, Н. О.—Винная монополія, ея основныя начала, организація и нѣкоторыя послѣдствія. Спб. 99. 125 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Пушкинъ, А. С.—Сочиненія. Съ портретомъ автора, художника В. А. Сѣрова, и 66-ю рисунками художниковъ: А. С. Архипова, А. Н. Бенуа и пр. Съ приложеніемъ біографіи Пушкина, написанной И. И. Ивановымъ. Три тома. XXXIV, 375, 406, 396 стр. М. 99. (Изданіе П. П. Кончаловскаго). Ц. 6 р.

——— Сказки. М. 99. 4. 67 стр. Съ портретомъ Пушкина. (Отъ Моск. Гор. Общественнаго Управленія учащимся въ I отдѣленіи городскихъ начальныхъ училищъ).

——— Стихотворенія. М. 99. 79 стр. (Отъ Моск. Гор. Общественнаго управленія учащимся во II отдѣленіи городскихъ начальныхъ училищъ).

——— Избранныя сочиненія. Изданіе Московскаго городского общественнаго управленія. М. 99. 710 стр. (Отъ Моск. Городского Обществ. управленія учащихся въ III отдѣленіи городскихъ начальныхъ училищъ).

Радцигъ, М. А.—Современное положеніе вопроса о леченіи туберкулезныхъ больныхъ въ загородныхъ санаторіяхъ. М. 99. 39 стр.

Фаусекъ, Викторъ. Этюды по вопросамъ біологической эволюціи Спб. 99. (Библіотека „Научнаго Обозрѣнія"). 101 стр. Ц. 60 к.

Ячевскій, А. А.—Грибныя паразитныя болѣзни виноградной лозы. Описаніе важнѣйшихъ встрѣчающихся въ Россіи паразитныхъ грибковъ виноградниковъ, съ указаніемъ способовъ леченія и борьбы. Пособіе для садовладѣльцевъ и виноградарей. Съ 5 раскрашенными таблицами и 18 рисунками въ текстѣ. (Министерства земледѣлія и госуд. имуществъ). Спб. 99. 83 стр. Ц. 50 к.

Bollack, Léon, La langue bleue—Bolak—langue internationale pratique. Paris. 1899. X, 479 стр.

— Журналы Лохвицкаго очередного уѣзднаго земскаго собранія XXXIV. Созывы 5, 6, 7, 8 и 9 октября. Лохвицкъ. 1899. 96 стр.

— Краткій обзоръ начальнаго народнаго образованія въ Херсонской губ. за 1897 г. (Херсонская губ. Земская Управа). Херсонъ. 99. II, 94 стр.

— Общій отчетъ Елисаветградской уѣздной Земской Управы за 1898 г. Елисаветградъ. 99. 500, 28 стр.

— Отчетъ Главнаго Управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей за 1897 г. Спб. 99. XIII, III, 263.

— Отчетъ о ходѣ акцизнаго дѣла въ Закавказскомъ краѣ и Закаспійской области за 1897 г. Завѣдующаго акцизными сборами Закавказскаго края и Закаспійской области, Л. Л. Першке. Спб. 99. 136 стр.

— Помощь пострадавшимъ отъ неурожая. Литературно-художественный сборникъ. Изданіе газеты „Курьеръ". М. 99. 4°. 112 стр. и 14 стр. нотъ. Ц. 1 р.

— Сборникъ консульскихъ донесеній. Годъ второй. Вып. IV. Спб. 99. 183 стр.

— Совѣтъ съѣзда нефтепромышленности за 1898 г. и очерки нефтяной промышленности въ Грозномъ и Америкѣ. Съ приложеніемъ 9 діаграммъ, 3 картъ и 3 разрѣзовъ буровыхъ скважинъ. Баку. 1899. 237, 98, 19 стр.

— Состояніе и нужда казеннаго лѣсного хозяйства въ Сибири. (Министерство Землед. и Государ. Имуществъ). Спб. 99. 5, 352 стр.

— Статистическое отдѣленіе Александрійской уѣздной земской Управы. Къ вопросу о вліяніи занятій, экономич. положеній и грамотности сельскаго населенія на нѣкоторыя стороны начальнаго народнаго образованія. Александрія. 99. XVIII, 29 стр.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА

ПО ПОВОДУ АКАДЕМИЧЕСКАГО ИЗДАНІЯ „Сочиненій Пушкина“.

Изданіе сочиненій Пушкина, предпринятое вторымъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ, конечно, является самымъ крупнымъ памятникомъ недавняго пушкинскаго юбилея. Тщательно провѣренный и внимательно объясненный текстъ произведеній поэта даетъ превосходный матеріалъ для изученія его жизни, творчества и литературныхъ отношеній; на долю почтеннаго редактора изданія выпало много усерднаго, кропотливаго труда, выполненнаго не только съ совершеннымъ знаніемъ дѣла, но и съ большою любовью къ нему,—и результаты этой продолжительной работы вполнѣ оправдали тѣ надежды, съ какими уже давно ожидалось академическое изданіе Пушкина. Литературно-историческія примѣчанія, которымъ отведено около двухъ третей вышедшаго теперь перваго тома, заключаютъ множество чрезвычайно цѣнныхъ и интересныхъ указаній; нѣкоторыя изъ этихъ примѣчаній разрослись въ цѣлыя изслѣдованія,—какъ, напр., примѣчаніе къ посланію „Къ моему Аристарху“, занимающее цѣлыхъ 20 страницъ, и др. Здѣсь даны свѣдѣнія о взаимныхъ соотношеніяхъ между различными произведеніями поэта и объ отношеніи послѣднихъ къ обстоятельствамъ его жизни и къ сочиненіямъ другихъ писателей, русскихъ и иностранныхъ, объяснены часто встрѣчающіеся у Пушкина историческіе и бытовые намеки, указаны и сопоставлены отзывы какъ современной поэту, такъ и позднѣйшей русской критики объ его произведеніяхъ; словомъ, составитель примѣчаній старался по возможности всесторонне освѣтить каждое произведеніе поэта, не исключая и самыхъ незначительныхъ. Такая задача требовала, конечно, большого труда и усердныхъ разысканій, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, если нѣкоторыя мелкія подробности ускользнули отъ вниманія изслѣдователя, который не вездѣ воспользовался тѣмъ, что̀ уже было сдѣлано ранѣе другими лицами, занимавшимися изученіемъ Пушкина. Цѣль настоящей замѣтки—дать нѣсколько указаній на замѣченныя нами мелкія неточности и такимъ образомъ посильно содѣйствовать возможно болѣе правильному и полному установленію и объясненію пушкинскаго текста. Мы располагаемъ свои замѣчанія въ томъ хронологическомъ порядкѣ, которому слѣдуетъ изданіе.

Въ примѣчаніи къ стихотворенію „Эвлега“ (прим., стр. 36) указано, что эта пьеса представляетъ довольно близкій переводъ одного эпизода изъ поэмы Парни „Иснель и Аслега“, и для сличенія приведенъ цѣликомъ подлинникъ; но не обращено вниманія на то, что эта поэма Парни (Isnel et Asléga, poème imité du scandinave,—напечатана впервые въ 1802 г., а въ 1808 явилась вторично, въ значительно измѣненномъ видѣ и съ раздѣленіемъ на 4 пѣсни, котораго не было въ первомъ изданіи) еще ранѣе Пушкина служила источникомъ многихъ подражаній и заимствованій для нашихъ поэтовъ. Такъ, изъ нея переводили: *Крыловъ*—романсъ: „Въ краю чужомъ, Аслега, другъ мой милый“; *Давыдовъ*—романсъ: „Сижу на берегу потока“, и *Батюшковъ*—„Сонъ воиновъ“.

Въ стихотвореніи „Городокъ“ (стр. 72—73), перечисляя писателей, вошедшихъ въ завѣтную „сафьянную тетрадь“, Пушкинъ, между прочимъ, говоритъ:

Но назову-ль дѣтину,
Что доброю порой
Тетради половину
Наполнилъ лишь собой?
О ты, высотъ Парнаса
Бояринъ небольшой,
Но пылкаго Пегаса
Наѣздникъ удалой!
Намаранныя оды,
Убранство чердаковъ,
Гласятъ изъ рода въ роды:
Великъ, великъ Свистовъ!
Твой даръ цѣнить умѣю,
Хоть право не знатокъ,
Но здѣсь тебѣ не смѣю
Хвалы сплетать вѣнокъ:
Свистовскимъ должно слогомъ
Свистова воспѣвать!

Въ примѣчаніи къ этому мѣсту (прим., стр. 81) объяснено значеніе рукописныхъ „тетрадей“ того времени и указано, что первые восемь изъ приведенныхъ нами стиховъ относятся къ извѣстному непечатному поэту Баркову, но далѣе замѣчено, что подъ „Свистовымъ“ разумѣется графъ Д. И. Хвостовъ, котораго звали этимъ прозвищемъ въ кругу тогдашнихъ молодыхъ литераторовъ. Намъ представляется очевиднымъ, что все выписанное нами мѣсто относится къ одному лицу,—именно къ тому, о которомъ Пушкинъ говорилъ: „даже имени такого не смѣю громко произнесть“; имя „Свистова“ попало въ копію стихотворенія (подлинника не имѣется), по всей вѣроятности, просто случайно, какъ первое подходящее для замѣны „Баркова“ и,

притомъ, самимъ Пушкинымъ упомянутое въ концѣ стихотворенія. Произведеніямъ гр. Хвостова, очевидно, не было мѣста въ завѣтной тетради.

Въ сказкѣ „Бова“ (стр. 96) находится, между прочимъ, обращеніе къ Вольтеру:

> Ты, который на Радищева
> Кинулъ-было взоръ съ улыбкою.

Это упоминаніе объ отношеніи Вольтера къ Радищеву, сколько намъ извѣстно, остается до сихъ поръ не объясненнымъ. Напрасно мы искали объясненія и въ примѣчаніяхъ Л. Н. Майкова.

Въ примѣчаніи къ знаменитому посланію къ Жуковскому „Благослови, поэтъ“ (1817 г.), довольно подробно говорится объ отношеніяхъ Пушкина къ „Арзамасу“, Жуковскому и Карамзину. Здѣсь, какъ литературную параллель къ стихамъ 8—17, кстати было бы привести строфу 2-ю гл. VIII „Онѣгина“ („Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ...“) и слѣдующіе стихи изъ переведеннаго И. И. Дмитріевымъ „Посланія отъ англійскаго стихотворца Попа къ доктору Арбутноту“ (Соч. Дмитріева, изд. 1823 г., т. I, стр. 67):

> Конгревъ меня хвалилъ, Свифтъ не былъ мой хулитель,
> И Болингброкъ, сей мужъ, достойный вѣчныхъ хвалъ,
> Другъ старца Драйдена, съ восторгомъ обнималъ
> Въ отважномъ мальчикѣ грядущаго поэта.

Именно эти стихи кн. П. А. Вяземскій примѣнялъ къ отношеніямъ Карамзина къ Пушкину (см. Соч. Вяз., VII, 150).

Точно такъ же нуждался бы въ примѣчаніи и стихъ объ Озеровѣ:

> Къ вамъ Озерова духъ взываетъ, други,—мести!

Смерть автора „Дмитрія Донского“, какъ извѣстно, приписывалась, между прочимъ, и литературнымъ огорченіямъ; на завистниковъ его таланта есть много указаній въ литературѣ того времени. См., напр., *Капниста* „Посланіе къ Озерову“ (Сѣверный Вѣстникъ 1805, № 5), *Батюшкова* басню „Пастухъ и Соловей“ (Соч., I, 39), В. Л. *Пушкина* „Посланіе кн. Вяземскому“ въ Росс. Музеумѣ 1815 г., *Дашкова* „Письмо къ новѣйшему Аристофану“ (Сынъ Отеч. 1815, № 42), *Вигеля* Воспоминанія, III, 126. *Жуковскій*, въ своемъ посланіи къ кн. Вяземскому и В. Пушкину (1814) также упоминаетъ объ Озеровѣ: „Потомство грозное,—отмщенья!“ (Соч., изд. 1878 г., I, 336—337). Главнымъ виновникомъ его гибели современники считали кн. Шаховского (см. С. Отеч. 1816, ч. XXXIII, № 45, стр. 267; Соч. кн. Вяземскаго, VII, 258).

Наконецъ, слѣдовало бы объяснить также и стихъ „Пускай *бесъ-*

дуютъ отверженные Феба", заключающій въ себѣ указаніе на извѣстную „Бесѣду любителей россійскаго слова", во главѣ которой стоялъ осмѣянный арзамасцами „Мевій"—Шишковъ.

Въ посланіи 1817 г. къ В. Л. Пушкину и на стр. 390 примѣчаній упоминается „извѣстное" стихотвореніе кн. Д. П. Горчакова „Святки". Къ сожалѣнію, эта сатира начала нынѣшняго столѣтія въ настоящее время совершенно неизвѣстна, потому что остается до сихъ поръ внѣ печати. Въ виду этого не лишнимъ было бы, можетъ быть, указаніе, что нѣкоторыя свѣдѣнія о „Святкахъ" имѣются въ Русск. Старинѣ 1871 г., т. IV, стр. 681, и въ Соч. кн. Вяземскаго, VII, 258.

Въ заключеніе, позволимъ себѣ отмѣтить двѣ-три опечатки. Стр. 96, ст. 42: „Царь Додонъ со *славою* царствовалъ",—слѣдуетъ: „со *славой*"; стр. 121, ст. 13: „*Нашъ* Либеръ, заикаясь..."—слѣдуетъ: „*Намъ*"; стр. 132, ст. 133: „Съ *цыгаркой* дымною въ зубахъ",—въ рукописи: „Съ *цыгаррой*"; стр. 208, ст. 153: „Блѣднѣетъ *ужъ*",—слѣдуетъ: „Блѣднѣетъ *уголь*", какъ это было указано еще Я. К. Гротомъ въ Нов. Времени 1887, 17 марта, № 3968.

П. Морозовъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

E. M. de Vogüé. Les Morts qui parlent. Paris. 1899. Стр. 382.

Мельхіоръ-де-Вогюэ, критикъ и публицистъ, перешелъ съ нѣкотораго времени въ разрядъ романистовъ. „Jean d'Agrève", напечатанный въ Revue de Deux Mondes,—его первый опытъ въ этомъ родѣ, „Les Morts qui parlent"—второй. Качества, отличавшія критическіе очерки академика, сохранились и въ его романахъ, въ особенности во второмъ. Вогюэ умѣетъ схватывать настроенія своей эпохи и людей своего времени и отражать внѣшній обликъ, вкусы и желанія французовъ въ данный моментъ общественной жизни. Въ свое время онъ очень тонко угадалъ, какое значеніе русскій романъ можетъ имѣть для французской литературы; онъ увидѣлъ при этомъ въ русскомъ романѣ не его сущность, а лишь черты, нужныя для обновленія французской беллетристики, погрязшей въ крайностяхъ натурализма. Забывая многосторонность и углубленность великихъ русскихъ романистовъ, онъ свелъ ихъ ученіе къ элементарной проповѣди жалости и человѣколюбія; этимъ онъ, если можно такъ выразиться, угодилъ французамъ и—по-своему—обновилъ французскій романъ.

Съ тѣхъ поръ измѣнилось очень многое въ интересахъ и вкусахъ французскаго общества, и опять чуткій Вогюэ оказался вѣрнымъ показателемъ времени. У французовъ начинается жестокое разочарованіе въ принципахъ, на которыхъ построена ихъ государственная и общественная жизнь. Они еще продолжаютъ произносить „убѣжденныя" слова о гражданскихъ чувствахъ, но событія послѣднихъ лѣтъ не могли не внести разочарованія въ умы и души болѣе или менѣе искреннихъ и любящихъ истину людей во Франціи. Это настроеніе еще не было отражено во французской литературѣ. Великіе пессимисты, Стендаль, Флоберъ, и талантливые ихъ преемники, Гонкуры и другіе, были разочарованы въ общественныхъ идеалахъ и потому глубоко презирали политику, удалялись отъ общественной жизни и судили ее какъ одинокія возвышенныя души судятъ толпу и ея суетные помыслы.

Теперь разочарованіе проникаетъ въ массы—и этотъ чрезвычайно характерный моментъ, еще не опредѣлившійся во французской жизни,

но все болѣе надвигающійся,—отраженъ въ романѣ „Les Morts qui parlent“. Вогюэ рисуетъ моментъ перелома. Разница между его этюдами о русскомъ романѣ и его собственнымъ романомъ та, что въ первомъ трудѣ онъ былъ оптимистомъ и указывалъ путь, ведущій къ спасенію отъ унижающаго гнета натурализма. Въ романѣ же онъ всецѣло—отрицатель. Онъ раскрываетъ закулисную сторону парламентской жизни, слѣдитъ за борьбой партій, вводитъ читателя въ кухню парламентскаго режима во Франціи, рисуетъ дѣятелей всѣхъ партій, развертываетъ драматичное зрѣлище яркихъ моментовъ въ жизни парламента: избраніе депутатовъ, сверженіе министерства, избраніе президента, удаленіе депутата-соціалиста изъ залы засѣданія и т. п. Всѣ эти черты и нити объединены въ изображеніи цѣльнаго образа политическаго дѣятеля—соціалиста съ атавическими склонностями къ личной власти въ какихъ угодно парламентскихъ и общественныхъ формахъ. Этотъ герой служитъ для автора удобнымъ орудіемъ для полнаго развѣнчанія всего режима. Искренность, знаніе и пониманіе всего строя болѣе всего отличаетъ собой романъ Вогюэ. Онъ рисуетъ психологію парламентаризма, а съ фактической стороны вмѣщаетъ всю исторію послѣднихъ лѣтъ французской политической жизни, отмѣчая вліяніе разныхъ процессовъ и разоблаченій.

Въ основѣ романа Вогюэ лежитъ столь часто разрабатываемая въ наукѣ идея наслѣдственности. Люди не вольны въ своихъ стремленіяхъ. Они лишь мнятъ себя самостоятельными—на самомъ дѣлѣ въ нихъ „говорятъ мертвецы“, т.-е. всѣ поколѣнія ихъ предковъ. Эту идею Вогюэ проводитъ въ исторіи своего героя Элеазара Байонна, соціалиста съ безудержнымъ влеченіемъ къ власти, славѣ и всѣмъ земнымъ благамъ. Байоннъ напоминаетъ Лассаля, и авторъ подчеркиваетъ это сходство; мысль о Лассалѣ постоянно занимаетъ Байонна, онъ подражаетъ нѣмецкому соціалисту и хочетъ играть его роль во Франціи. Судьба Байонна—повтореніе исторіи Лассаля. Двѣ силы борются въ молодомъ, смѣломъ и талантливомъ политическомъ дѣятелѣ. По происхожденію онъ—еврей, членъ семьи, разбогатѣвшей въ торговыхъ предпріятіяхъ. Основателемъ фирмы былъ скромный поставщикъ крестьянъ маленькаго городка, и его небольшое заведеніе носило названіе „Au fumier de Job“. Вывѣска изображала библейскаго Іова на гноищѣ. Въ короткое время „fumier de Job“ превратился въ колоссальный, чрезвычайно величественный на видъ домъ въ лучшей части города, и только дощечка у входа въ контору—„Exportation des engrais chimiques“—выдавала родство знатной торговой фирмы съ незатѣйливымъ дворомъ „au fumier de Job“. Герой романа, любимецъ парижскаго общества, знаменитый ораторъ, пользуется капиталомъ дома Байоннъ и комп., забывая о характерѣ и сущности предпріятія,

дающаго ему возможность свободнаго и безбѣднаго существованія. Онъ полонъ великихъ замысловъ и вступаетъ на политическую арену съ твердымъ намѣреніемъ бороться противъ всѣхъ злоупотребленій буржуазнаго строя. Ему дороги интересы рабочаго класса, и онъ смѣло вступаетъ въ ряды оппозиціи—чтобы тотчасъ же стать ея главой. Это положеніе въ парламентѣ не мѣшаетъ ему сдѣлать блестящую политическую карьеру. Краснорѣчивый, блестящій ораторъ крайней лѣвой играетъ первенствующую роль и страннымъ образомъ пріобрѣтаетъ симпатіи всѣхъ партій. Его родственники, богатые оппортунисты и финансисты, съ нѣкоторымъ удовольствіемъ смотрятъ на то, какъ онъ „играетъ въ соціализмъ". Они гордятся имъ, считаютъ родъ его убѣжденій „пикантнымъ" и даютъ ему „перебѣситься". Они увѣрены въ „крови Байонновъ" и знаютъ, что въ нужный моментъ, т.-е. когда этого потребуютъ интересы его парламентской карьеры, пылкій Элеазаръ ловко откажется отъ своихъ крайнихъ взглядовъ, чтобы сойтись съ правительственнымъ центромъ и самому стать министромъ.

Двѣ женщины поддерживаютъ каждая своимъ вліяніемъ враждебныя силы въ душѣ Элеазара. Онъ страстно любитъ русскую княжну Дарію Верагину, пламенную защитницу народныхъ интересовъ. Она признаетъ въ Байоннѣ только народнаго трибуна, разжигаетъ въ немъ ненависть къ притѣснителямъ. Подъ ея вліяніемъ Байоннъ произноситъ свои обличительныя рѣчи въ парламентѣ и пожинаетъ успѣхи своего таланта. Въ его душѣ, однако, нѣтъ безкорыстнаго интереса къ защищаемому имъ рабочему классу. Онъ хочетъ лишь пробить себѣ путь къ славѣ этой менѣе избитой дорогой—и потомъ ловко устроить свою карьеру. Но, главнымъ образомъ, ему хочется добиться любви Даріи. Онъ любитъ ее; и кромѣ того ея красота и знатность льстятъ его самолюбію. Ради нея онъ преувеличиваетъ свою ненависть къ буржуазіи, и, въ самомъ дѣлѣ, она увлечена благородствомъ его стремленій, его безкорыстіемъ, даритъ ему дружбу, позволяетъ говорить о любви—и слѣдуя ея указаніямъ, исполняя ея волю въ ущербъ своимъ интересамъ, Байоннъ близокъ къ тому, чтобы стать мужемъ блестящей княжны, львицы парижскаго общества. Но другое женское вліяніе, болѣе отвѣчающее его атавистическимъ инстинктамъ, парализуетъ отчасти усилія благородной русской энтузіастки. Элеазара любитъ его отдаленная родственница, актриса Роза Эстеръ, интригантка, привлекающая къ себѣ весь Парижъ своимъ необычайнымъ умомъ.

Всѣ считаютъ ея образъ жизни безупречнымъ. Трогательная дружба соединяетъ ее съ престарѣлымъ маркизомъ Кермаэкъ, который помогъ ей поступить на сцену, любитъ ее какъ отецъ и безусловно вѣритъ

въ ея добродѣтель. Она соединяетъ вокругъ себя дѣятелей всѣхъ партій и управляетъ незамѣтнымъ образомъ игрой парламентскихъ партій. Ей очень ловко удается черезъ своихъ друзей, и при помощи разныхъ обѣщаній отдѣльнымъ депутатамъ, свергнуть министерство и замѣнить его другимъ, состоящимъ изъ ея ближайшихъ друзей. Когда новое министерство у власти, Роза Эстеръ достигаетъ цѣли; ее принимаютъ на сцену Théâtre Français, и она пріобрѣтаетъ опьяняющую власть надъ парижской толпой, славу за границей — и держитъ въ своихъ рукахъ всѣ нити политической жизни. Она любитъ Элеазара. Никто не знаетъ, что они родственники, что она изъ семьи Байонновъ. Но полюбивъ Элеазара и отдавшись ему, она постоянно говоритъ ему о крови Байонновъ и разжигаетъ его честолюбіе, требуетъ отъ него шаговъ, компрометирующихъ его въ глазахъ его партіи, но полезныхъ для его карьеры. Элеазаръ согласенъ съ нею, но любовь къ Даріи сильнѣй. Онъ продолжаетъ держаться на высотѣ избранной имъ политической миссіи, — до тѣхъ поръ, пока Эстеръ узнаетъ о предстоящей свадьбѣ Байонна съ русской княжной. Этого она не хочетъ допустить. Она отправляется къ княжнѣ Верагиной — предложить ей билеты на благотворительный вечеръ — и открываетъ ей, что Байоннъ еврейскаго происхожденія, и что она, Эстеръ, его возлюбленная. Верагина возмущена тѣмъ, что Элеазаръ скрывалъ отъ нея свое происхожденіе,—и его связью съ актрисой. Въ Версали, передъ выборами президента, она вызываетъ Байонна въ садъ и тамъ осыпаетъ его упреками. Она готова порвать съ нимъ изъ-за его нечестнаго утаиванія, но послѣ объясненій Байонна прощаетъ его: онъ обѣщаетъ произнести въ парламентѣ рѣшительную рѣчь, послѣ которой всѣ его шансы получить министерство падутъ, и онъ станетъ въ откровенную оппозицію съ большинствомъ въ палатѣ. Байоннъ обѣщаетъ, чтобы вернуть расположеніе Даріи, но въ глубинѣ души рѣшается прежде всего составить себѣ карьеру, попасть въ министры. Онъ увѣренъ, что успѣхъ будетъ лучшимъ его оправданіемъ въ глазахъ русской фанатички, и что ему удастся сочетать выгоды блестящей политической карьеры съ удачей въ любви и бракѣ. Въ торжественной обстановкѣ, въ наэлектризованной ожиданіемъ важныхъ событій палатѣ Байоннъ вступаетъ на трибуну. Крайняя лѣвая ожидаетъ отъ него рѣшительныхъ заявленій. Но онъ говоритъ неопредѣленно, центръ начинаетъ прислушиваться къ его словамъ о довѣріи правительству. Понемногу обрисовывается истинный смыслъ его рѣчи—въ немъ говоритъ кандидатъ на министерскій портфель. Одинъ ихъ членовъ крайней правой иронически проситъ его сознаться въ своемъ желаніи „ночевать въ ту же ночь въ министерствѣ". Лѣвая смущена, но все это покрывается бѣшеными рукоплесканіями центра. Байоннъ опьяненъ своимъ успѣ-

хомъ, — но въ это время онъ слышитъ чуткимъ ухомъ движеніе въ ложѣ президента. Дарія, сидѣвшая тамъ, поднялась съ мѣста, сорвала съ корсажа красныя розы—подарокъ Элеазара—и поспѣшно ушла изъ ложи, захлопнувъ за собой дверь. Байоннъ приходитъ въ безуміе, замѣтивъ уходъ Даріи. Поблѣднѣвъ такъ, что ему предлагаютъ сдѣлать перерывъ, онъ продолжаетъ говорить, но уже въ совершенно противоположномъ духѣ. Происходитъ смятеніе, онъ говоритъ палатѣ невозможныя дерзости къ величайшему восторгу крайней лѣвой. Палата требуетъ, чтобы дерзкій ораторъ былъ выведенъ. Элеазаръ сопротивляется. Офицеръ республиканской гвардіи, который долженъ его вывести, оказывается знакомымъ—Байоннъ видѣлъ его наканунѣ на вечерѣ, и ему казалось, что Дарія благосклонна къ нему. Онъ наноситъ ударъ офицеру, пытается сорвать съ него эполеты. Скандалъ заканчивается дуэлью Элеазара съ офицеромъ—и, какъ Лассаль, Байоннъ убитъ въ поединкѣ; истинная причина дуэли—Дарія. Трагическій конфликтъ человѣка новаго вѣка, борца за свободу и просвѣщеніе съ „мертвецами“, т.-е. съ унаслѣдованнымъ инстинктомъ эгоизма и духа наживы, разрѣшается въ судьбѣ Элеазара Байонна смертью. Такъ Вогюэ объясняетъ психологическую основу судьбы Лассаля.

„Голосъ мертвецовъ“ слышится ему, однако, не только изъ-за пламенныхъ рѣчей трибуна. Наблюденія надъ личной судьбой своего героя Вогюэ распространяетъ на психологію всей общественной жизни Франціи. Нѣсколько главъ романа чрезвычайно талантливо рисуютъ физіономію палаты депутатовъ въ бурные дни интерпелляцій и паденія министерства. Въ главѣ: „Le Bain de Haine“, новоизбранный депутатъ пораженъ тѣмъ, что дебаты приняли бурный характеръ, когда задѣтъ былъ вопросъ чисто религіознаго свойства. Ему казалось, что при всемъ различіи политическихъ партій всѣ онѣ сходятся въ одномъ—въ равнодушіи къ церкви и религіи. Въ отвѣтъ на это его собесѣдникъ, опытный политикъ, развиваетъ свою теорію мертвецовъ, говорящихъ устами живыхъ. „Если вы хотите понять,—говоритъ онъ своему молодому собесѣднику,—въ чемъ узелъ всѣхъ преній, знайте, что у насъ существуетъ одинъ только вопросъ—религіозный. На этотъ разъ онъ вполнѣ обнажился; обыкновенно онъ скрытъ подъ другими, но всегда онъ одинъ составляетъ основу всѣхъ нашихъ распрей. Только религія возбуждаетъ къ спорамъ всѣхъ этихъ скептиковъ и равнодушныхъ... Боссюэтъ былъ глубоко правъ, говоря, что религіозное чувство держится дольше всѣхъ другихъ въ людяхъ“. Молодой депутатъ съ трудомъ вѣритъ этому объясненію, но долженъ признать фактъ, который видитъ собственными глазами, т.-е. фактъ волненій изъ-за религіозныхъ вопросовъ у людей, равнодушныхъ къ религіи. Какъ это объяснить?—спрашиваетъ онъ. Его старшій другъ даетъ

объясненіе: „Вы полагаете, что видите передъ собой движенія и слышите слова только пятисотъ восьмидесяти современниковъ, вполнѣ сознательно дѣйствующихъ и отвѣчающихъ за себя? Это совершенно ложно. На самомъ дѣлѣ вы видите и слышите лишь нѣсколько маннекеновъ, появляющихся на минуту на сценѣ жизни. Они дѣлають рефлекторныя движенія; въ ихъ словахъ—эхо другихъ голосовъ. За ними видна цѣлая толпа, миріады мертвецовъ выталкиваютъ впередъ этихъ людей, управляютъ ихъ движеніями, диктуютъ имъ рѣчи. Мы думаемъ, что попираемъ ногами остывшій пепелъ нашихъ предковъ, а на самомъ дѣлѣ они насъ окутываютъ со всѣхъ сторонъ и подавляютъ насъ. Мы задыхаемся подъ ихъ тяжестью. Они въ нашихъ костяхъ, въ нашей крови, въ нашемъ мозгу. Когда выдвигаются на сцену великія идеи и страсти—внемлите ихъ голосу. Это голосъ мертвецовъ". Въ главахъ „A Versailles" и „La Renverse" проводится также идея преемственности въ политической жизни, и романистъ иллюстрируетъ свою теорію очень удачными картинами дѣйствительности. Ироническій тонъ описаній подчеркиваетъ отношеніе автора къ неизлечимо больному парламентаризму во Франціи. Одна изъ самыхъ удачныхъ сценъ—паденіе министерства. Правительство предложило ordre du jour, и за него оказалось меньшинство голосовъ въ палатѣ. Раздаются крики: Demission! Demission! (Отставка).

„Справа раздались злобные насмѣшливые возгласы, сдерживаемые лишь выраженіемъ безпокойства; на скамейкахъ центра растерянное молчаніе, напоминающее состояніе членовъ семьи въ комнатѣ умершаго. Всякій внутренно подсчитывалъ итоги своихъ потерь, невозможность исполнить взятыя на себя обязательства и обѣщанія. Можно было ясно различить въ душахъ парламентскихъ Перретъ глухой звукъ разбивающихся молочныхъ кувшиновъ (намекъ на басню Лафонтена Perrette et le pot au lait). Жакъ увидѣлъ передъ собой похоронную церемонію, при которой ему пришлось часто присутствовать впослѣдствіи. Одиннадцать осужденныхъ поднялись, взяли портфели, сошли съ министерской скамьи и гуськомъ направились къ выходу съ лѣвой стороны, сопровождаемые насмѣшливымъ крикомъ соціалистовъ. Жестокое злорадство усилилось, когда старый и толстый министръ торговли стукнулся о скамейку, мимо которой прошелъ, и уронилъ свой портфель. Одинъ за другимъ они проходили въ общую дверь, проглатывавшую ихъ, и исчезли какъ тѣни. Ни одна рука не протянулась къ этимъ людямъ, которые еще часъ тому назадъ должны были хитростью спасаться отъ пристающихъ къ нимъ льстецовъ и просителей".

Прекрасный pendant къ этой сценѣ—избраніе президента въ Версали, ликованіе толпы, которая чувствуетъ себя около коляски новаго президента, какъ у колыбели новорожденнаго младенца. Глава

„La Renverse“, заканчивающаяся удаленіемъ Байонна изъ залы засѣданія, тоже написана очень колоритно и съ глубокой ироніей. Давая полную картину парламентскихъ нравовъ, Вогюэ приходитъ къ самымъ грустнымъ выводамъ: „Наша старая земля, состоящая изъ праха мертвецовъ, отравлена. Мы ее всю разрыли, чтобы выстроить на ней новое зданіе: но она выдыхаетъ міазмы, скопленные нашими вѣковыми распрями—и мы умираемъ отъ болотной лихорадки“.

Нужно мужество для такихъ признаній, и Вогюэ его обнаружилъ. Его романъ—интересный „документъ жизни“ и какъ таковой прочтется съ большимъ интересомъ всякимъ, кто захочетъ вникнуть въ психологію общественной жизни Франціи.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 августа 1899.

Какъ иногда пишется исторія.—Газета, рекомендующая удаленіе „корифеевъ профессорскаго хора“ --Радикальное средство уменьшить число студентовъ.—Практическія занятія въ университетахъ.—Два циркуляра министра народнаго просвѣщенія.— „Недоросли изъ крестьянъ“.—Нѣсколько словъ о церковно-приходскихъ школахъ.— Закрытіе московскаго юридическаго общества.

Въ началѣ іюня мѣсяца состоялось въ Петербургѣ собраніе попечителей учебныхъ округовъ и ректоровъ университетовъ, для разсмотрѣнія предположеній министерства народнаго просвѣщенія по вопросамъ высшаго образованія. Въ чемъ заключаются эти предположенія и какъ отнеслись къ нимъ гг. попечители и ректоры—мы не знаемъ; не знаемъ также, почему не было признано нужнымъ раздвинуть рамки совѣщанія и привлечь къ участію въ немъ профессоровъ, не занимающихъ административныхъ должностей. Можно надѣяться, однако, что проектъ, составленный министерствомъ, будетъ сообщенъ, раньше окончательнаго утвержденія, на заключеніе университетскихъ совѣтовъ. Въ такомъ серьезномъ дѣлѣ въ высшей степени важно выслушать всѣ мнѣнія, всѣ взгляды, не исключая тѣхъ, которые идутъ въ разрѣзъ съ господствующимъ теченіемъ; только такимъ путемъ можно избѣжать односторонности, обусловливаемой слишкомъ однороднымъ составомъ совѣщанія. Есть, впрочемъ, точка зрѣнія, съ которой односторонность—не недостатокъ, а достоинство, лишь бы только она согласовалась съ волей начальства. „Горячо сочувствуя“ именно малочисленности собранія, созваннаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, „Московскія Вѣдомости“ усматриваютъ самую цѣль этого собранія вовсе не въ критической оцѣнкѣ министерскихъ предположеній. „Составъ нашего министерства народнаго просвѣщенія,—такъ разсуждаетъ реакціонная газета,—въ настоящее время таковъ, что ему до тонкости извѣстны всѣ стороны нашего университетскаго быта. Въ виду этого, министерству нѣтъ необходимости пополнять какіе-нибудь свои пробѣлы въ ясномъ пониманіи университетскаго вопроса и колебаться въ выборѣ способовъ коренного его рѣшенія; но министерству необходимо удостовѣриться въ доброй исправности всѣхъ своихъ мѣстныхъ органовъ, дабы быть вполнѣ увѣреннымъ, что всѣ попечители и ректоры стоятъ на высотѣ своего положенія и способны, по физическимъ и духовнымъ своимъ силамъ, а также по своимъ убѣжденіямъ, въ точности исполнить тѣ предначертанія, которыя возложитъ на нихъ

правительство для реорганизаціи нашей университетской жизни"[1]). Итакъ, даже за высшими чинами министерства не признается права на роль совѣтниковъ, даже отъ нихъ ожидается только безпрекословная исполнительность! Министерство все знаетъ, все умѣетъ, не нуждается ни въ чьихъ указаніяхъ и созываетъ своихъ представителей, со всѣхъ концовъ Россіи, только для удостовѣренія въ томъ, что они не одряхлѣли и не обзавелись претензіей на „собственное сужденіе"!.. Мы вполнѣ убѣждены, что настоящее настроеніе министерства не имѣетъ ничего общаго съ приписываемымъ ему „Московскими Вѣдомостями", и видимъ въ приведенной нами тирадѣ только новую иллюстрацію тому, до чего можетъ дойти систематизація подобострастія и преклоненія передъ оффиціальнымъ авторитетомъ[2]).

Существу вопроса объ „упорядоченіи" университетовъ „Московскія Вѣдомости" посвятили рядъ статей, не лишенныхъ интереса по своей несомнѣнной связи съ однимъ изъ теченій, существующихъ въ нашемъ обществѣ. Аргументація газеты сводится, въ главныхъ чертахъ, къ слѣдующему: для реорганизаціи нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній нужны не новые законы, а новые люди (men, not measures). Приписывать неустройство университетовъ уставу 1884-го года нельзя уже потому, что онъ, въ сущности, *никогда не дѣйствовалъ* (курсивъ въ подлинникѣ). Исполненіе его было поручено тѣмъ именно лицамъ, которыя, изъ эгоистическихъ и партійныхъ видовъ, были злѣйшими его противниками—тѣмъ самымъ „либеральнымъ" профессорамъ, которыхъ онъ лишилъ дорогой имъ автономіи. Отсюда рядъ искаженій устава, составляющихъ „позорнѣйшую страницу въ исторіи нашего народнаго просвѣщенія". „Либеральная клика" профессоровъ дружно сплотилась, чтобы уничтожить уставъ 1884 года—и, не встрѣчая серьезнаго отпора со стороны „великодушно близорукаго" и „растерявшагося" правительства, побѣдоносно уничтожила его. Необходимо избѣжать повторенія прежней ошибки. Для этого достаточно, на первое время, принять „мѣры строгости" по отношенію „нѣкоторыхъ главныхъ корифеевъ либеральнаго профессорскаго хора", вся сила котораго основывалась доселѣ на бездѣятельной снисходительности къ нему правительства. Если бы у насъ существовалъ законъ, гласящій, что во время

[1]) Въ этой многоэтажной фразѣ, русской только по словамъ, но отнюдь не по внутреннему строю, мысль какъ нельзя больше соотвѣтствуетъ формѣ; и та, и другая одинаково связаны и несвободны. „Свои пробѣлы въ ясномъ пониманіи", „добрая исправность", „возлагать предначертанія"—все это стилистическіе перлы, вполнѣ достойные прикрываемаго ими содержанія

[2]) Что назначеніе совѣщанія состояло вовсе не въ томъ, въ чемъ усматриваютъ его „Московскія Вѣдомости", это видно, между прочимъ, изъ того, что оно имѣло, какъ сообщаютъ газеты *шестнадцать* засѣданій—а для удостовѣренія въ „доброй исправности" достаточно было бы, конечно, и одного.

студенческихъ безпорядковъ университеты закрываются и во все время ихъ закрытія профессора считаются уволенными отъ государственной службы, у насъ никогда никакихъ университетскихъ безпорядковъ и не было бы... Съ удаленіемъ главной, коренной причины университетскихъ волненій воспрянетъ духомъ тотъ многочисленный составъ добросовѣстныхъ профессоровъ, который терроризуется своими „либеральными“ товарищами и „либеральною“ прессой. Преобладающее вліяніе на студентовъ получать профессора не „легкаго“, а серьезнаго научнаго направленія, которые теперь либо держатся въ сторонѣ, либо мужественно, но тщетно борятся съ ненормальными явленіями университетской жизни. Что касается до нерѣшительныхъ, колеблющихся, то они станутъ самыми преданными слугами правительства, какъ только поймутъ, что въ его рукахъ навсегда сосредоточена вся сила. Слѣдующимъ шагомъ должно быть уменьшеніе числа студентовъ, которое имѣлъ въ виду уставъ 1884 г. и которое не осуществилось только потому, что не осуществился самый уставъ. Зачетъ полугодій, положенный въ основаніе устава, предполагаетъ близкое знакомство преподавателя съ каждымъ изъ слушателей, организацію научныхъ практическихъ занятій и свободное развитіе приватъ-доцентуры, благодаря которому было бы возможно чтеніе нѣсколькихъ параллельныхъ курсовъ по одному и тому же предмету и раздѣленіе студентовъ на небольшія группы. „Либеральные“ профессора выставили на видъ несовмѣстимость такой организаціи съ громаднымъ числомъ студентовъ, мѣшающимъ, между прочимъ, и устройству параллельныхъ курсовъ, которые были бы опасною конкурренціей для профессоровъ „легкаго направленія“. Вынужденное сдѣлать выборъ между сокращеніемъ числа студентовъ и сохраненіемъ прежняго „стаднаго“ ихъ состоянія, правительство остановилось на послѣднемъ. Предстоитъ, слѣдовательно, возвратиться къ мысли составителей устава 1884 г. и ограничить доступъ въ университеты, открывъ его только для наиболѣе способныхъ молодыхъ людей — напримѣръ, для тѣхъ, которые могутъ выдержать выпускной въ гимназіи экзаменъ не просто *удовлетворительно*, а *хорошо*. Вся масса *совершенно негодной для науки* (курсивъ въ подлинникѣ) „удовлетворительной посредственности“ должна получать не аттестаты зрѣлости, а простыя „выпускныя свидѣтельства“, съ извѣстными правами по гражданской и военной службѣ, но безъ права поступленія въ университетъ. Не слѣдуетъ допускать до университетской науки такихъ „среднихъ“ людей, которые, уже по складу своего ума, всегда будутъ находиться въ непримиримой враждѣ съ наукой... Когда уменьшится число студентовъ, ничто не будетъ мѣшать требованію отъ нихъ практическихъ занятій, подъ серьезнымъ и строгимъ контролемъ. Теперь студенты, особенно на юридическомъ факультетѣ,

ограничиваются слушаніемъ (или неслушаніемъ) лекцій, изъ года въ годъ, съ кое-какими дополненіями, повторяемыхъ профессорами и служащихъ, въ литографированномъ видѣ, единственнымъ матеріаломъ для подготовки къ экзаменамъ. Экзамены, полу-курсовые и курсовые, представляютъ собою поверхностный и, слѣдовательно, никуда негодный видъ контроля; нужно замѣнить ихъ другой, хорошей системой. „Что̀ можетъ препятствовать этому"?—спрашиваетъ, въ заключеніе, газета.—„Многочисленность студентовъ? Сократите ее. Недостаточность матеріальныхъ средствъ? Увеличьте ихъ. Упорство лѣнивыхъ профессоровъ и студентовъ? Удалите ихъ. Не бойтесь этихъ энергическихъ мѣръ! Лишь онѣ спасутъ наши университеты отъ грозящей имъ гибели; всякія жалкія полумѣрыокончательно ихъ погубятъ" [1]... Нѣсколько дней спустя послѣ окончанія ряда статей, содержаніе которыхъ резюмировано нами выше, московская газета сама выдаетъ имъ хвалебный аттестатъ, провозглашая, устами одного изъ своихъ сотрудниковъ: „однѣ только *Московскія Вѣдомости* говорятъ разумное слово объ университетахъ". Посмотримъ, насколько заслужена эта аттестація.

Исторія устава 1884-го года, въ томъ видѣ, въ какомъ она изложена „Московскими Вѣдомостями", поражаетъ своею странностью. Этотъ уставъ составленъ и введенъ въ дѣйствіе въ такое время, передъ которымъ преклоняется и благоговѣетъ реакціонная печать, такимъ министромъ, котораго она и при его жизни, и послѣ его смерти не переставала осыпать восторженными похвалами. Какимъ же образомъ то самое правительство, первымъ признакомъ „возвращенія" котораго было именно изданіе новаго университетскаго устава [2]), то самое правительство, несокрушимая энергія котораго была и продолжаетъ быть предметомъ безконечныхъ славословій, внезапно оказывается „растерявшимся" и „великодушно близорукимъ", т.-е. характеризуется эпитетами, примѣняемыми обыкновенно, на страницахъ псевдо-охранительныхъ газетъ, только къ эпохѣ великихъ реформъ? Какимъ образомъ одна изъ сторонъ дѣятельности гр. И. Д. Делянова оказывается „позорною" страницей въ исторіи нашего просвѣщенія?... Насъ увѣряютъ, далѣе, что уставъ 1884 г. имѣлъ въ виду уменьшеніе числа студентовъ. Почему же эта цѣль не была выражена ни въ самомъ уставѣ, ни въ многочисленныхъ правилахъ и инструкціяхъ, его дополнявшихъ и развивавшихъ? Почему изъ всѣхъ мѣръ, принятыхъ министерствомъ въ первые годы послѣ изданія устава 1884 г., когда не было еще и рѣчи о какихъ-либо отступленіяхъ отъ него, къ умень-

---

[1]) Одновременно съ этимъ рекомендуется возстановить въ гимназіяхъ *настоящую классическую систему*, безъ всякихъ послабленій.

[2]) Извѣстный возгласъ Каткова: „Господа, встаньте! правительство идетъ, правительство возвращается!"—былъ произнесенъ именно по поводу обнародованія университетскаго устава 1884-го года.

шенію числа студентовъ была направлена, и то не прямо, только одна—циркуляръ 1887 г. (объ ограниченіи пріема въ гимназіи учениковъ изъ среды такъ-называемыхъ низшихъ сословій), дѣйствіе котораго могло отразиться на университетахъ лишь много лѣтъ спустя? Вѣдь если практическія занятія, въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ намѣтилъ уставъ 1884 г., возможны только при сравнительно небольшомъ числѣ участниковъ, то начать нужно было, очевидно, съ устраненія „скученности", а не съ измѣненія формъ преподаванія. Введенный ex abrupto, при прежнемъ переполненіи аудиторій, зачетъ полугодій, какимъ регламентировали его правила 1883 г., страдалъ, слѣдовательно, органическимъ недостаткомъ и былъ заранѣе обреченъ на неудачу. Чтобы возложить отвѣтственность за эту неудачу на „либеральныхъ профессоровъ", нужно было бы доказать, что у министерства народнаго просвѣщенія былъ готовъ другой планъ дѣйствій, обдуманный, цѣлесообразный и разбившійся исключительно о злонамѣренное упорство „либеральной клики". На существованіе такого плана московская газета только намекаетъ, рѣшительно ничѣмъ его не подтверждая; но если онъ и не принадлежитъ къ числу тенденціозныхъ выдумокъ, то во всякомъ случаѣ коренная ошибка въ его выполненіи—перестановка конца на мѣсто начала—зависѣла всецѣло отъ самого министерства. Не „либеральные" профессора взяли на себя починъ изданія правилъ 1885 г., не они поспѣшили установить порядокъ, когда еще не была подготовлена почва, не были созданы условія для его примѣненія... Совершенно невѣрно, далѣе, что осуществленіе устава было ввѣрено его „злѣйшимъ противникамъ". Господствующую роль взяло на себя министерство, непосредственными помощниками котораго явились его избранники — попечители, ректоры, деканы. Инструкціонныя дополненія къ уставу—а ихъ въ данномъ случаѣ было особенно много: уставъ 1884 г. открывалъ для нихъ просторъ особенно широкій — исходили не отъ факультетовъ и совѣтовъ, а изъ министерскихъ канцелярій; мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что самое содержаніе ихъ большинству профессоровъ становилось извѣстно въ одно время съ студентами, т.-е. послѣ обращенія ихъ къ исполненію. Безспорно, *примѣнять* правила приходилось профессорамъ—но они ихъ и примѣняли, впредь до измѣненія ихъ или отмѣны. Утверждать, какъ это дѣлаетъ московская газета, что уставъ 1884 г. *никогда не дѣйствовалъ*, значитъ впадать въ явное и грубое преувеличеніе; справедливо только то, что онъ (или, точнѣе, изданныя въ дополненіе къ нему инструкціи и правила) во многомъ *пересталъ* дѣйствовать или дѣйствуетъ не такъ, какъ предполагали его составители. Почему же и какъ это случилось? Потому ли, что предписываемое не соблюдалось, или потому, что были взяты

назадъ или существенно видоизмѣнены самыя предписанія? Двухъ различныхъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ быть не можетъ. Не собственною же властью профессоровъ возстановлены переходные экзамены, не собственною властью факультетовъ упразднены нѣкоторыя изъ числа правилъ о зачетѣ полугодій. Когда министерство отступало, на томъ или другомъ пунктѣ, отъ своихъ первоначальныхъ намѣреній или требованій, причиною этому было, конечно, не противодѣйствіе профессоровъ, активное или хотя бы пассивное, а собственное убѣжденіе въ томъ, что не все начертанное на бумагѣ оказывается пригоднымъ для жизни. Приведемъ этому два примѣра, особенно краснорѣчивыхъ. Правила о зачетѣ полугодій, изданныя въ 1885 г., обратили историко-филологическіе факультеты въ спеціальныя школы для изученія классической древности, какъ будто бы всѣ ихъ слушатели готовились быть преподавателями древнихъ языковъ. На долю такихъ предметовъ, какъ философія, сравнительное языкознаніе, русская литература, исторія всеобщая и русская, географія и этнографія, исторія западно-европейскихъ и славянскихъ литературъ, было отведено, изъ *восемнадцати* лекцій въ недѣлю, только *четыре*. Основными, общеобязательными предметами признавались только древніе языки; практическія занятія были сведены почти исключительно къ чтенію древнихъ авторовъ и къ переводамъ съ древнихъ или на древніе языки. Послѣдствія такой явно анормальной системы обнаружились очень скоро: историко-филологическіе факультеты стали пустѣть, поступали туда преимущественно мало способные молодые люди, помышлявшіе только объ учительствѣ изъ-за куска хлѣба. Въ 1889 г., напримѣръ, въ Кіевѣ поступило на историко - филологическій факультетъ меньше десяти студентовъ, въ Одессѣ и Харьковѣ—только по четыре; въ Петербургѣ, въ 1888 г., на историко-филологическій факультетъ поступило 31 лицо, между тѣмъ, какъ въ 1882 г. на первомъ курсѣ этого факультета числилось 81, въ 1883 г.—107 студентовъ. Необходимость перемѣны бросалась въ глаза; но кто же раньше всего (въ 1889 г.) высказался за нее оффиціально? Ректоръ с.-петербургскаго университета (покойный Владиславлевъ) и деканъ историко-филологическаго факультета, ужъ конечно не имѣвшіе ничего общаго съ „либеральнымъ" направленіемъ... Въ томъ же 1889 г. предстояло образовать въ первый разъ испытательныя коммиссіи для производства государственныхъ экзаменовъ. Составители устава 1884 г. придавали большое значеніе смѣшанному составу этихъ коммиссій, т.-е. призыву въ ихъ среду, кромѣ профессоровъ, и другихъ постороннихъ университету лицъ. Ничто не мѣшало министерству широко воспользоваться свободой, предоставленной ему, въ этомъ отношеніи, уставомъ; ни о какомъ давленіи или противодѣйствіи со стороны профессоровъ здѣсь не могло быть и рѣчи. И что̀ же? Испытательныя коммиссіи 1889 г. явились не чѣмъ

инымъ, какъ факультетами, въ нѣсколько сокращенномъ лишь составѣ; только предсѣдателями ихъ были назначены профессора другихъ университетовъ или лица, не занимавшія болѣе профессорской каѳедры... И во всѣхъ остальныхъ отступленіяхъ отъ духа или буквы устава самый сильный микроскопъ не обнаружитъ, мы въ томъ убѣждены, никакихъ признаковъ „интриги", шедшей отъ какой-либо профессорской „клики" и опутавшей своими сѣтями „растерявшееся" министерство. Не слѣдуетъ, наконецъ, упускать изъ виду, что изъ числа краеугольныхъ камней, на которыхъ построенъ уставъ 1884 г., многіе остаются неприкосновенными и въ настоящее время: по прежнему профессора, деканы, ректоры назначаются, а не выбираются, по прежнему существуютъ государственные экзамены, по прежнему взыскивается гонораръ и читаются параллельные курсы, по прежнему крайне ограниченно значеніе университетскихъ совѣтовъ и крайне широка власть попечителя и ректора...

За искаженіемъ прошедшаго слѣдуетъ, въ статьяхъ „Московскихъ Вѣдомостей", стремленіе испортить будущее. Рекомендуется, во-первыхъ, удаленіе „нѣкоторыхъ главныхъ корифеевъ либеральнаго профессорскаго хора". Что подобные совѣты несовмѣстимы съ достоинствомъ печати, которой менѣе всего подобаетъ апеллировать къ дискреціонной власти—это понятно само собою; но псевдо-охранительные публицисты давно уже перестали стѣсняться элементарнѣйшими правилами профессіональной этики. И отъ нихъ, однако, можно требовать хоть одного: признанія общеизвѣстныхъ фактовъ. Читая злобныя реквизиторіи нашихъ добровольныхъ accusateurs publics, можно подумать, что случаевъ увольненія профессоровъ за „направленіе" у насъ, со времени введенія въ дѣйствіе устава 1884-го г., не было вовсе. На самомъ дѣлѣ примѣненіе „спасительной" строгости не представляло бы, въ области университетскаго преподаванія, ничего новаго. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно назвать С. А. Муромцева, М. М. Ковалевскаго, О. Ѳ. Миллера, В. И. Семевскаго, оставившихъ университетскія каѳедры не по собственной волѣ, именно въ ту эпоху, когда, по увѣренію „Московскихъ Вѣдомостей", „растерявшееся" правительство положило оружіе передъ „либеральною кликой". Отступленій отъ устава 1884-го года удаленіе этихъ лицъ не остановило — а нашему высшему образованію нанесло чувствительную потерю; къ профессорамъ „легкаго направленія" названныхъ нами лицъ не рѣшатся причислить даже самые ожесточенные ихъ противники. Нужно имѣть особенную храбрость, чтобы стоять за систематическое возобновленіе подобныхъ экспериментовъ... Такою же храбростью, и только ею, отличаются и сказки о „терроризаціи" однихъ профессоровъ другими, а также либеральною прессой. Слабое развитіе корпоративной жизни въ средѣ нашихъ университетовъ устраняетъ всякую возможность

искусственнаго воздѣйствія профессорскаго меньшинства на большинство и даже большинства на меньшинство. Въ печати никогда не обсуждается ни содержаніе профессорскихъ лекцій, ни личное отношеніе отдѣльныхъ профессоровъ къ общеуниверситетскимъ или студенческимъ дѣламъ; въ чемъ же можетъ заключаться приписываемая ей устрашающая сила? Въ тенденціозныхъ отзывахъ объ ученыхъ трудахъ профессоровъ? Но вѣдь всякое явно несправедливое мнѣніе можетъ встрѣтить отпоръ со стороны органовъ другого лагеря и обрушиться на того, кто его высказалъ. Нужно быть, притомъ, черезчуръ робкимъ, чтобы бояться газетной или журнальной критики, хотя бы самой пристрастной. Меньше чѣмъ гдѣ-либо она опасна именно въ научной сферѣ: репутаціи создаются и поддерживаются здѣсь вовсе не большою публикою, а слѣдовательно и не періодическою печатью. Ужъ если говорить о „терроризаціи", то она скорѣе мыслима со стороны тѣхъ газетъ, нападенія которыхъ служатъ иногда предвѣстниками оффиціальной репрессіи... Хороши, далѣе, были бы тѣ профессора, въ которыхъ удаленіе ихъ товарищей вызвало бы подъемъ духа! Ко всякому внѣшнему ограниченію свободы мнѣній настоящій ученый не можетъ относиться иначе, какъ отрицательно. Какихъ бы взглядовъ онъ ни держался самъ, онъ признаетъ только одинъ способъ ихъ защиты, одинъ способъ борьбы съ ихъ противниками—чисто научный. Возрадоваться молчанію, наложенному на опальныхъ профессоровъ, могли бы только тѣ представители „нерѣшительной, колеблющейся", ко всему, кромѣ собственныхъ выгодъ, равнодушной массы, поддержка которыхъ явилась бы для учебной администраціи источникомъ скорѣе слабости, чѣмъ силы... Отмѣтимъ еще два обвиненія противъ „либеральныхъ" профессоровъ, весьма близко подходящія къ тому, что̀ принято называть клеветою. Нерасположеніе этихъ профессоровъ къ системѣ зачета полугодій приписывается, между прочимъ, тому, что послѣдовательное ея проведеніе уменьшило бы число студентовъ и облегчило бы, тѣмъ самымъ, организацію параллельныхъ курсовъ, читаемыхъ приватъ-доцентами, т.-е. опасными конкуррентами „профессоровъ легкаго направленія". На самомъ дѣлѣ устройству параллельныхъ курсовъ благопріятствуетъ, очевидно, не малочисленность, а многочисленность студентовъ. Чѣмъ больше общее число слушателей, тѣмъ больше шансовъ, что ихъ хватитъ на нѣсколькихъ лекторовъ—и наоборотъ. Этимъ объясняется, между прочимъ, и то обстоятельство, что наплывъ приватъ-доцентовъ особенно великъ именно въ наиболѣе многолюдныхъ университетахъ. Опасаться конкурренціи профессора, управляемые эгоистическими мотивами, могли бы, притомъ, только потому, что она грозитъ уменьшеніемъ ихъ гонорара; но вѣдь громадное большинство профессоровъ высказалось еще недавно за совершенную отмѣну гонорара, и руководящую роль въ

этомъ большинствѣ играли именно профессора „либеральнаго“ направленія... Другой обвинительный пунктъ выставляетъ профессоровъ—конечно, опять-таки „либеральныхъ“—не только попустителями, но прямыми виновниками университетскихъ безпорядковъ: такихъ безпорядковъ,—увѣряетъ московская газета,—не было бы вовсе, если бы, по закону, съ самаго ихъ начала до самаго конца профессора считались уволенными отъ государственной службы. Настоящую роль профессоровъ во время студенческихъ волненій обнаружитъ безпристрастная исторія, для которой еще не настало время. Пока ея нѣтъ и быть не можетъ, печати, даже самой безцеремонной, слѣдовало бы воздерживаться отъ голословныхъ утвержденій, идущихъ гораздо дальше оффиціально собраннаго матеріала.

Вторая мѣра, предлагаемая реакціонной печатью — уменьшеніе числа студентовъ путемъ пріема въ университетъ лишь тѣхъ учениковъ гимназій, которые окончили курсъ не только *удовлетворительно*, но *хорошо*. Въ основаніи этого предложенія лежитъ фикція, по которой болѣе успѣшное окончаніе гимназическаго курса является доказательствомъ способности къ научнымъ занятіямъ, а менѣе успѣшное—признакомъ посредственности, осужденной на „непримиримую вражду съ наукой“. Нужно ли доказывать всю несостоятельность такого взгляда? Кому неизвѣстно, что безнадежно посредственными оказываются, сплошь и рядомъ, самые прилежные ученики средней школы, а блестящія научныя дарованія раскрываются у тѣхъ, кто на школьной скамьѣ тяготился рутиной и не могъ искусственно возбудить въ себѣ одинаковый интересъ ко всѣмъ главнымъ предметамъ гимназическаго курса? Съ особеннымъ правомъ это можно сказать именно о нашихъ гимназіяхъ, не потому, конечно, что въ нихъ угасъ духъ гимназической реформы 1871-го года, а потому, что еще слишкомъ сильно его вліяніе. Сошлемся, въ подтвержденіе нашей мысли, на свидѣтеля, достовѣрнаго какъ по близкому знакомству съ предметомъ, такъ и по своей благонадежности. Вотъ что̀ говоритъ г. Розановъ, бывшій учитель прогимназіи и гимназіи, сотрудникъ „Русскаго Вѣстника“ и „Русскаго Обозрѣнія“: „ученики гимназій разсѣиваются ежечасно, неустанно, по опредѣленной трафареткѣ, послѣ чего—и очень скоро—становятся неопредѣленно разсѣяны, безвнимательны вообще ко всякому дѣлу. Едва ученикъ, въ возрастѣ 15-16 лѣтъ — ученикъ непремѣнно даровитый, съ огонькомъ, съ искрой,—начнетъ привязываться къ чему-нибудь, полюбитъ особенно какой-нибудь предметъ въ гимназическомъ преподаваніи, какъ его сперва предупреждаютъ объ опасномъ его положеніи, а потомъ немедленно и выгоняютъ... Пушкинъ говорилъ о себѣ, что онъ въ отрочествѣ и даже потомъ всегда былъ органически неспособенъ къ математикѣ; разумѣется, онъ былъ бы выгнанъ теперь изъ четвертаго класса гимназіи.

Да, нашъ Пушкинъ, наша краса народная, этотъ несравненнѣйшій умъ въ нашей исторіи, былъ бы исключенъ просто „по § 34—за неуспѣшность", и если бы былъ бѣденъ, долженъ былъ бы опредѣлиться въ почтальоны или на телеграфъ, за предполагаемою неспособностью къ другимъ, высшимъ родамъ дѣятельности и ученія... Въ пятомъ-шестомъ классѣ уже вы видите учениковъ, самыхъ живыхъ, оригинальныхъ, которые, на всякую вашу попытку спросить урокъ, отвѣчаютъ: *не готовилъ*, а при крайнемъ вашемъ недоумѣніи объясняютъ: *мы выходимъ*. Почти не помню я примѣра, чтобы выходили неспособнѣйшіе, и, напротивъ, помню очень многихъ ярко даровитыхъ, о трудности для которыхъ какого бы то ни было ученья не могло быть и рѣчи" („Сумерки просвѣщенія", стр. 163—4). Дальше г. Розановъ приводитъ два примѣра: одинъ изъ его учениковъ, талантливый, хорошій мальчикъ горячо интересовался классическимъ міромъ—и „разумѣется,—его выгнали" (разумѣется—потому, что этотъ исключительный интересъ дѣлалъ его недостаточно внимательнымъ къ другимъ предметамъ); одинъ изъ товарищей г. Розанова, страстно любившій ботанику, самъ вышелъ изъ VIII-го класса, потому что „не былъ въ силахъ, не могъ болѣе ни сидѣть въ классѣ, ни готовить уроковъ". „Разумѣется,—прибавляетъ г. Розановъ,—онъ дѣйствительно готовилъ уроки и дѣйствительно слушалъ въ классѣ, когда мы только обманывали и вообще кончили курсъ, ничего не дѣлая". Допустимъ, что у этого юноши хватило бы терпѣнья еще на нѣсколько мѣсяцевъ, т.-е. до окончанія курса: болѣе чѣмъ вѣроятно, что онъ выдержалъ бы экзаменъ съ отмѣткою *удовлетворительно* и попалъ бы, такимъ образомъ, въ категорію тѣхъ, которыхъ московская газета предлагаетъ признать „непримиримо враждебными" наукѣ! Та же судьба постигла бы и любителя классическаго міра, если бы гимназическое начальство оказалось болѣе снисходительнымъ и позволило бы ему дотянуть лямку до конца, несмотря на слабыя познанія по математикѣ и другимъ предметамъ. А между тѣмъ, изъ такихъ одностороннихъ „любителей" настоящіе научные дѣятели выходятъ, безъ сомнѣнія, гораздо чаще, чѣмъ изъ среды исполнительныхъ и благонравныхъ учениковъ, аттестатъ которыхъ не оставляетъ желать ничего лучшаго... Рядомъ съ примѣрами, почерпнутыми изъ ежедневной педагогической практики, не трудно было бы привести много другихъ, имѣющихъ историческое значеніе. Ограничимся однимъ, какъ нельзя болѣе характеристичнымъ. Знаменитый не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ математикъ Остроградскій былъ взятъ отцомъ изъ третьяго класса гимназіи, гдѣ онъ прилежаніемъ не отличался; одно время онъ намѣревался опредѣлиться въ военную службу. потомъ готовился въ студенты у преподавателя военныхъ наукъ, и только на второмъ курсѣ университета почувствовалъ влеченіе къ

математическимъ занятіямъ. Семнадцати лѣтъ отъ роду онъ окончилъ курсъ съ аттестатомъ на званіе дѣйствительнаго студента, но скоро, по распоряженію министерства, былъ лишенъ этого аттестата. Съ формальной точки зрѣнія, слѣдовательно, онъ былъ неудачникомъ, которому непозволительно мечтать объ ученой карьерѣ; между тѣмъ, тридцати лѣтъ отъ роду, онъ былъ уже ординарнымъ академикомъ. Если бы при дѣйствіи системы, рекомендуемой „Московскими Вѣдомостями", появился второй Остроградскій, ему не удалось бы попасть въ университетъ—а можетъ быть, не удалось бы и окончить курсъ въ гимназіи.

Привилегированные обладатели отмѣтки: *хорошо*, получивъ доступъ въ университетъ, должны, по плану „Московскихъ Вѣдомостей", продолжать свои занятія въ такомъ же духѣ и смыслѣ, въ какомъ они велись на гимназической скамьѣ. Правила о зачетѣ полугодій, въ неполномъ осуществленіи которыхъ московская газета усматриваетъ чуть ли не главную причину университетскихъ непорядковъ, отличались именно избыткомъ регламентаціи, стремленіемъ обратить университетскую аудиторію въ подобіе гимназическаго класса [1]). Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно привести одинъ параграфъ правилъ (5-й), отражающій въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, ихъ главную цѣль и общій характеръ: „для зачета полугодій принимаются въ основаніе данныя студентомъ доказательства своего прилежанія въ изученіи предметовъ факультета; оцѣнка же результата его занятій принадлежитъ правительственнымъ коммиссіямъ". Роль профессора сводилась, такимъ образомъ, къ чему-то меньшему, чѣмъ даже роль гимназическаго учителя; послѣдній хотя и обязанъ слѣдить за прилежаніемъ учениковъ, но ему не возбраняется обращать вниманіе и на степень сознательнаго усвоенія ими сообщаемыхъ имъ знаній. Неудивительно, что правила, исходившія изъ глубокаго недоразумѣнія и ставившія какъ профессоровъ, такъ и студентовъ въ явно фальшивое положеніе, остались, въ бо̀льшей или меньшей степени, мертвой буквой. Отсюда, конечно, еще не слѣдуетъ, что въ университетѣ вообще нѣтъ мѣста для практическихъ занятій и упражненій. Напротивъ того, онѣ могутъ и должны играть въ немъ большую роль: весь вопросъ—въ ихъ устройствѣ и способѣ ихъ веденія. Замѣтимъ, прежде всего, что онѣ и теперь имѣютъ весьма широкое примѣненіе. Работы въ кабинетахъ и лабораторіяхъ обязательны для естественниковъ и математиковъ, работы въ клиникахъ—для медиковъ. Для филологовъ вездѣ или почти вездѣ существуютъ историческія и филологическія семинаріи. Изученіе восточныхъ языковъ немыслимо безъ чтенія и перевода написанныхъ на этихъ языкахъ сочиненій. Остается, затѣмъ, только юридическій фа-

[1]) Подробный разборъ правилъ о зачетѣ полугодій былъ данъ нами вслѣдъ за ихъ обнародованіемъ (см. обществ. хронику въ № 10 „Вѣстн. Евр." за 1885 г.).

культетъ, къ которому „преимущественно“ и относятся замѣчанія „Московскихъ Вѣдомостей“. Какимъ образомъ недостатокъ, свойственный одному факультету, можетъ отражаться на всемъ университетѣ—это понять довольно трудно, тѣмъ болѣе, что наибольшее число участниковъ въ студенческихъ безпорядкахъ даютъ обыкновенно факультеты физико-математическій и медицинскій, а не юридическій. Самый недостатокъ, притомъ, вовсе не такъ великъ, какъ утверждаетъ московская газета. Въ петербургскомъ, напримѣръ, университетѣ существовали, въ послѣдніе годы, практическія (семинарскія) занятія по государственному, уголовному, гражданскому праву; первокурсники (по крайней мѣрѣ еще недавно) обязаны были представлять письменныя работы по исторіи русскаго права. Весьма вѣроятно, что отъ петербургскаго университета не отличаются, съ этой стороны, и другіе. Мы далеки, впрочемъ, отъ мысли, чтобы въ этомъ направленіи ничего болѣе не оставалось сдѣлать; наоборотъ, остается сдѣлать еще весьма многое—но не по образцу правилъ 1885-го года, а на другихъ началахъ, болѣе соотвѣтствующихъ характеру и цѣлямъ университетскаго преподаванія. Организація серьезныхъ практическихъ занятій, которымъ и мы придаемъ большое значеніе—отнюдь не меньшее, чѣмъ чтенію лекцій, — вполнѣ совмѣстна съ полукурсовыми и даже ежегодными экзаменами. Отношеніе реакціонной печати къ вопросу объ экзаменахъ поражаетъ, вообще, своею странностью. Признавая ихъ, въ одномъ случаѣ, „поверхностнымъ и никуда не годнымъ видомъ контроля“, она въ другомъ случаѣ держится за нихъ какъ за каменную гору и придаетъ имъ громадную важность. Какъ бы удачно ни былъ произведенъ студентомъ зачетъ всѣхъ восьми (или десяти) полугодій, онъ все-таки долженъ пройти черезъ горнило государственнаго испытанія, которое, почему-то, признается свободнымъ отъ всѣхъ недостатковъ, свойственныхъ экзаменамъ вообще. Гораздо правильнѣе было бы признать, что эти недостатки свойственны ему въ несравненно бо̀льшей степени. Элементъ случайности, отъ котораго такъ часто зависитъ исходъ экзамена, усиливается параллельно съ увеличеніемъ экзаменныхъ требованій — а эти требованія достигаютъ своего максимума именно при государственномъ испытаніи, если оно производится такъ, какъ этого хотѣли составители устава 1884-го года и хотятъ его газетные поклонники. Возобновить въ памяти, со всею подробностью, всѣ предметы четырехлѣтняго университетскаго курса всего легче не тому, кто вынесъ изъ университета серьезное развитіе и глубокія знанія, а тому, кто относился ко всѣмъ наукамъ съ одинаковымъ внѣшнимъ усердіемъ и внутреннимъ равнодушіемъ, ни на одной изъ нихъ не останавливался больше, чѣмъ на другихъ, и усовершенствовалъ въ себѣ способность быстро вспоминать и столь же быстро забывать. Большое преимущество имѣетъ, далѣе, флегматикъ—

передъ человѣкомъ воспріимчивымъ и нервнымъ, здоровякъ — передъ человѣкомъ болѣзненнымъ или слабымъ; въ иныхъ случаяхъ помогаютъ и матеріальныя средства, съ помощью которыхъ можно заручиться услугами опытныхъ репетиторовъ и устроить то, что нѣмцы называютъ Einpauken. Защитникамъ государственныхъ испытаній, въ ихъ первоначально намѣченномъ видѣ, меньше всего подобаетъ возставать противъ экзаменовъ вообще: одна половина ихъ мнѣнія является прямымъ опроверженіемъ другой.

Все изложенное нами выше было уже написано, когда мы прочли въ газетахъ циркуляръ министра народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ, отъ 5-го іюля. „Въ совѣщаніи гг. попечителей учебныхъ округовъ и начальниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, — говоритъ г. министръ, — происходившемъ подъ моимъ предсѣдательствомъ въ минувшемъ іюнѣ мѣсяцѣ, было, между прочимъ, обращено вниманіе на крайне неравномѣрное распредѣленіе студентовъ между отдѣльными университетами, благодаря чему одни университеты имѣютъ сравнительно ограниченное число учащихся, тогда какъ другіе, и особенно столичные, чрезмѣрно переполнены слушателями. Это переполненіе сказывается всего сильнѣе на первыхъ курсахъ и, являясь одною изъ важныхъ причинъ, препятствующихъ правильному веденію учебныхъ занятій, достигаетъ по факультетамъ юридическому и медицинскому и естественному отдѣленію физико-математическаго такихъ предѣловъ, при которыхъ не только настоящій составъ преподавателей не можетъ должнымъ образомъ справиться съ возложенными на него обязанностями, но въ аудиторіяхъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ не хватаетъ мѣста для наличнаго числа студентовъ. Это крайнее переполненіе нѣкоторыхъ университетовъ, какъ видно изъ данныхъ, имѣющихся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, происходитъ, главнымъ образомъ, отъ наплыва въ эти университеты лицъ, окончившихъ курсъ гимназій другихъ округовъ. Въ устраненіе на будущее время столь нежелательнаго явленія, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство рекомендовать получившимъ въ текущемъ году аттестаты и свидѣтельства зрѣлости держаться при поступленіи въ университетъ своего округа, съ предупрежденіемъ, что въ университетахъ другихъ округовъ они могутъ не найти мѣста; лицамъ же, получившимъ аттестаты и свидѣтельства зрѣлости въ округахъ, гдѣ нѣтъ университетовъ, рекомендовать отправляться: изъ виленскаго округа въ университеты юрьевскій, московскій и с.-петербургскій, изъ кавказскаго округа—въ университеты харьковскій, новороссійскій и св. Владиміра, изъ оренбургскаго округа — въ казанскій и томскій, изъ сибирскихъ гимназій на факультеты юридическій и медицинскій—исключительно въ томскій университетъ, а на прочіе факультеты—въ казанскій. Независимо отъ

сего, въ тѣхъ же видахъ, прилагая при семъ, для руководства при пріемѣ студентовъ въ текущемъ году, примѣрную таблицу, соображенную съ числомъ лицъ, поступающихъ въ университеты, съ размѣрами помѣщеній и учебныхъ средствъ, покорнѣйше прошу ваше превосходительство предложить начальству ввѣреннаго вамъ университета дозволять переходъ принятыхъ студентовъ съ факультета на факультетъ лишь въ томъ случаѣ, если этому переходу не препятствуетъ предположенный составъ курсовъ; въ противномъ же случаѣ— рекомендовать такимъ студентамъ переходъ въ другіе университеты". Къ этому циркуляру приложена приблизительная таблица возможнаго численнаго состава первыхъ курсовъ юридическаго, физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ (факультеты историко-филологическій и восточныхъ языковъ не приняты во вниманіе, такъ какъ на нихъ избытка студентовъ не замѣчается).

	Факультеты.			
Университеты.	Юридическій.	Физико- (матем.).	Математ. (естеств.).	Медицинскій.
С.-Петербургскій .	400	200	200	—
Московскій . . .	400	250	200	250
Св. Владиміра . .	300	150	100	200
Харьковскій. . .	200	100	75	175
Новороссійскій . .	120	60	100	—
Казанскій . . .	75	40	30	100
Варшавскій. . .	150	70	40	100
Юрьевскій . . .	120	30	40	150
Томскій. . . .	150	—	—	120

По словамъ примѣчанія къ этой таблицѣ, „предполагаемая численность первыхъ курсовъ „даетъ возможность принять въ университеты бо̀льшее число лицъ по сравненію съ прошлымъ 1898—99 учебнымъ годомъ". Разъ что число студентовъ въ нѣкоторыхъ университетахъ признано чрезмѣрно высокимъ, болѣе равномѣрное распредѣленіе ихъ между университетами представляется, безъ сомнѣнія, лучшимъ средствомъ уменьшить переполненіе университетскихъ аудиторій. Той же самой цѣли можно, конечно, достигнуть открытіемъ новыхъ университетовъ и расширеніемъ существующихъ—но какъ то, такъ и другое требуетъ времени и новыхъ расходовъ. Во всякомъ случаѣ, циркуляръ министра народнаго просвѣщенія свидѣтельствуетъ о томъ, что точка зрѣнія министерства не имѣетъ ничего общаго съ тою, за которую такъ усердно ратуютъ его непрошенные совѣтники и панегиристы. Въ намѣренія министерства, какъ видно изъ примѣчанія къ вышеприведенной таблицѣ, вовсе не входитъ уменьшеніе *общаго числа* студентовъ, и реакціонная печать совершенно напрасно трудилась надъ изобрѣтеніемъ различія между аттестатами зрѣлости и выпускными свидѣтельствами.

Нѣсколько дней спустя послѣ циркуляра, опредѣляющаго, для каждаго университета, максимальную цифру вновь поступающихъ студентовъ, распубликованъ другой циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, отъ 10-го іюля, слѣдующаго содержанія: „Во исполненіе Высочайшей воли, выраженной въ правительственномъ сообщеніи 24 мая сего года, по совѣщаніи съ попечителями учебныхъ округовъ и начальниками высшихъ учебныхъ заведеній, я призналъ возможнымъ оказать снисхожденіе всѣмъ участникамъ бывшихъ въ текущемъ году безпорядковъ, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ, пребываніе коихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ будетъ признано вреднымъ для правильнаго хода учебныхъ занятій и которые, поэтому, не должны быть принимаемы ни въ какое учебное заведеніе. Всѣ же прочіе, уволенные изъ высшихъ учебныхъ заведеній, должны быть раздѣлены на двѣ категоріи: 1) тѣ, которые могутъ быть обратно приняты въ то же учебное заведеніе въ августѣ текущаго года; если бы по числу мѣстъ въ учебномъ заведеніи или инымъ соображеніямъ лица этой категоріи не могли быть всѣ приняты въ число студентовъ, то возможно зачислять ихъ съ января будущаго года или допускать прямо къ испытаніямъ въ маѣ 1900 года, съ зачисленіемъ ихъ, по выдержаніи испытанія, въ студенты; 2) тѣ, которые могутъ быть приняты обратно въ то же учебное заведеніе въ августѣ 1900 г. Сюда, между прочимъ, могутъ быть отнесены и тѣ, которые во время безпорядковъ были исключены безъ права обратнаго поступленія въ какое-либо учебное заведеніе, если будетъ признано, по имѣющимся о нихъ свѣдѣніямъ, что отъ нихъ нельзя ожидать вреднаго вліянія на товарищей и на правильный ходъ учебныхъ занятій. Самое распредѣленіе лицъ на эти категоріи я предоставляю усмотрѣнію вашего превосходительства, по соглашенію съ начальствомъ учебнаго заведенія и мѣстною администраціею. Всѣ желающіе быть принятыми должны подать прошеніе въ то учебное заведеніе, изъ котораго были удалены, и быть поставлены въ извѣстность, что, въ случаѣ новаго ихъ участія въ безпорядкахъ, они будутъ исключены безъ права обратнаго поступленія въ какое-либо учебное заведеніе".

Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія предположено образовать зимою текущаго года коммиссію, которой будетъ поручено разработать всесторонне вопросъ объ улучшеніяхъ нашей общеобразовательной средней школы. Попечителямъ учебныхъ округовъ предложено избрать, изъ числа наиболѣе опытныхъ, образованныхъ и даровитыхъ педагоговъ, отъ 2 до 4 представителей и передать послѣднимъ, для руководства въ ихъ подготовительныхъ работахъ, указанія министерства о задачахъ предстоящей коммиссіи. Въ чемъ будутъ заключаться эти задачи—газетное сообщеніе не объясняетъ; но

судя по той радости, которую оно возбудило въ обществѣ, можно предполагать, что рѣчь идетъ не объ обостреніи существующей системы, а скорѣе о ея смягченіи. Не сбудутся, повидимому, ожиданія газетныхъ обскурантовъ, съ точки зрѣнія которыхъ одинаково желательно уменьшеніе числа какъ студентовъ, такъ и гимназистовъ. Достиженію этого послѣдняго результата можетъ служить, съ одной стороны, увеличеніе затрудненій, съ которыми сопряжено окончаніе гимназическаго курса, съ другой—ограниченіе самаго доступа въ гимназіи. Прямого предложенія возстановить дѣйствіе циркуляра 1887 г. мы еще не встрѣчали, но въ косвенныхъ намекахъ на необходимость этой мѣры нѣтъ недостатка. Сюда относится, напримѣръ, новая варіація на темы: „всякъ сверчокъ знай свой шестокъ" и „не въ свои сани не садись", озаглавленная: „Недоросли изъ крестьянъ" („Московскія Вѣдомости" № 183). Поводомъ къ ней послужило слѣдующее обстоятельство. Учительница начальной школы, замѣтивъ между своими учениками особенно способнаго мальчика, содѣйствовала помѣщенію его въ прогимназію. По прошествіи трехъ лѣтъ оказалось, что у матери его нѣтъ рѣшительно никакихъ средствъ содержать сына въ городѣ. Надѣясь найти какой-нибудь выходъ изъ этого положенія, покровительница мальчика выражаетъ убѣжденіе, что „Богъ не запрещаетъ жаждущимъ духовной пищи стремиться къ свѣту познаній, какого бы сословія они ни были и въ какомъ бы матеріальномъ убожествѣ ни жили". За такое убѣжденіе ей пришлось выслушать подробную нотацію, конечно, не столько для нея самой, сколько для болѣе многочисленныхъ и болѣе вліятельныхъ слушателей. „Короткій смыслъ" этой „длинной рѣчи" заключается въ томъ, что средняя общеобразовательная школа должна быть открыта исключительно для дѣтей привилегированныхъ сословій.

Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 189) напечатана корреспонденція изъ Каменецъ-Подольска, сообщающая о слѣдующемъ любопытномъ инцидентѣ. Въ нѣсколькихъ нумерахъ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостей" (т.-е. газеты оффиціальной) была помѣщена, въ іюнѣ мѣсяцѣ, статья, въ которой, на основаніи отчетовъ подольскаго епархіальнаго училищнаго совѣта и церковно-школьной хроники „Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей" (т.-е. источниковъ опять-таки оффиціальныхъ), представлена была безотрадная картина современнаго состоянія въ подольской губерніи церковно-приходскихъ школъ. Идя чисто экстенсивнымъ путемъ, развитіе церковно-школьнаго дѣла выражается въ подольской епархіи весьма значительными цифрами школъ и учащихся, но многія изъ этихъ школъ, по сознанію самого духовенства, если не числятся только на бумагѣ, то во всякомъ случаѣ влачатъ самое жалкое существованіе, ибо вы-

званы къ жизни принудительнымъ путемъ, такимъ же путемъ поддерживаются и, располагая чисто нищенскими матеріальными средствами, должны пользоваться въ качествѣ учителей отставными солдатами и другими такими же грамотеями [1]), ютиться въ сторожкахъ и тому подобныхъ помѣщеніяхъ и подолгу оставаться безъ учебныхъ книгъ и пособій, безъ бумаги, безъ чернилъ, перьевъ и т. д. Статья „Губернскихъ Вѣдомостей“ обратила на себя вниманіе наблюдателя церковныхъ школъ въ имперіи, г. Шемякина, вслѣдствіе чего она была подвергнута обсужденію въ ближайшемъ засѣданіи епархіальнаго училищнаго совѣта. Училищный совѣтъ нашелъ, что неблагопріятныя для церковныхъ школъ сужденія „Губернскихъ Вѣдомостей“, проникнувъ чрезъ волостныя правленія въ крестьянскую среду, могутъ затруднить для духовенства выполненіе возложенной на него задачи, и постановилъ ходатайствовать, чтобы подлежащимъ начальствомъ была преграждена возможность появленія такихъ сужденій въ мѣстномъ оффиціальномъ органѣ, тѣмъ болѣе, что церковныя школы въ подольской губ. удовлетворяютъ, по мнѣнію совѣта, тѣмъ спеціальнымъ требованіямъ, которыя объявлены при ихъ учрежденіи... Сопоставимъ съ этимъ постановленіемъ статью о церковно-приходскихъ школахъ, появившуюся недавно въ одномъ изъ періодическихъ изданій духовнаго вѣдомства—„Церковномъ Вѣстникѣ“. По мнѣнію „Церковнаго Вѣстника“, при сколько-нибудь многочисленномъ приходѣ самому священнику учить въ школѣ некогда. Дѣла у сельскаго священника много; для посторонняго поверхностнаго взгляда оно незамѣтно, но массу отнимаетъ времени. Къ тому же, сельское духовенство занято хозяйствомъ, составляющимъ существенную часть его благосостоянія, дающимъ средства къ содержанію семьи и образованію дѣтей. Требовать, чтобы священникъ всецѣло отдалъ себя школѣ, значитъ обречь его семью на произволъ судьбы. Священникъ, который по недѣлямъ не имѣетъ свободнаго часа для занятія и по Закону Божію, не можетъ также сколько-нибудь успѣшно выполнять обязанности хотя бы только наблюдателя; между тѣмъ, въ настоящее время главный контингентъ учителей и учительницъ въ церковно-приходскихъ школахъ состоитъ изъ молодыхъ людей обоего пола, окончившихъ и неокончившихъ курсъ въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Большинство ихъ, особенно изъ неокончившихъ курса—дѣти-подростки, малоопытные, съ неустановившимися взглядами. Въ школахъ грамоты учительствуютъ преимущественно крестьяне-грамотеи, дающіе мало гарантій благотворности ихъ вліянія на умственное и нравственное развитіе учащихся у нихъ дѣтей. Да и удовлетворительныхъ учите-

---

[1]) Нужно полагать, что эта послѣдняя подробность касается только школъ грамоты.

лей набрать негдѣ, при чемъ, по увѣренію „Церковнаго Вѣстника", въ недалекомъ будущемъ еще немалое число изъ наличнаго ихъ состава уйдетъ, въ виду матеріальныхъ выгодъ, въ казенныя винныя лавки, на что уже и слышались сѣтованія изъ тѣхъ губерній, гдѣ введена винная монополія. По замѣчанію „Церковнаго Вѣстника", къ такому печальному положенію дѣла народнаго образованія въ церковно-приходскихъ школахъ легко относиться могутъ только тѣ, *которые считаютъ достаточнымъ для народной массы умѣнье читать, писать съ грѣхомъ пополамъ, да знаніе нѣкоторыхъ правилъ ариѳметики.* Эти послѣднія, подчеркнутыя нами слова могутъ служить лучшимъ опроверженіемъ взгляда, выраженнаго—если вѣрить корреспонденціи „Русскихъ Вѣдомостей"—подольскимъ епархіальнымъ училищнымъ совѣтомъ. „Спеціальныя требованія", объявленныя при учрежденіи церковно-приходскихъ школъ, теперь оффиціально признаны недостаточными; такъ, напримѣръ, первоначально двухлѣтній курсъ ученья обращенъ въ трехлѣтній, по примѣру министерской и земской школы. Какъ бы, впрочемъ, ни были скромны эти требованія, онѣ никогда не падали до того уровня, о которомъ идетъ рѣчь въ статьяхъ „Подольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей" и „Церковнаго Вѣстника". Едва-ли когда-нибудь предполагалось, что въ церковно-приходской школѣ будетъ обучать, почти безъ всякаго надзора, подростокъ, не окончившій курса даже въ низшемъ учебномъ заведеніи, а школа грамоты будетъ предоставлена безконтрольно произволу „крестьянина-грамотея". Чтобы положить конецъ подобному положенію вещей, нужно, прежде всего, посмотрѣть ему прямо въ глаза, открыто признать его существованіе. Такъ и поступаетъ „Церковный Вѣстникъ"—но другого способа дѣйствій держится подольскій епархіальный совѣтъ: онъ хочетъ прикрыть печальную дѣйствительность покровомъ молчанія. Достигнуть этого очень легко, гораздо легче, чѣмъ что-нибудь измѣнить къ лучшему—но какая отъ того польза для дѣла, для народа?.. Крестьяне, притомъ, вовсе не нуждаются въ указаніяхъ „Губернскихъ Вѣдомостей" (которыхъ они, за крайне рѣдкими исключеніями, и не читаютъ), чтобы знать настоящее положеніе церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты... Чѣмъ бо̀льшаго оставляетъ желать это положеніе, тѣмъ важнѣе разрѣшеніе, данное Прав. Сенатомъ давно возбуждавшему разномысліе вопросу о правѣ земскихъ собраній прекращать выдачу пособій на церковно-школьное дѣло. Макарьевское (нижегородской губерніи) уѣздное земское собраніе постановило, въ 1895 г., отказаться, съ 1897 г., отъ всякаго расхода на церковно-приходскія школы. Депутатъ отъ духовнаго вѣдомства въ макарьевскомъ земскомъ собраніи обжаловалъ это постановленіе въ губернское по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствіе, но жалоба его была оставлена безъ послѣдствій. Тогда свящ. Орловскій принесъ жалобу

сенату, въ которой указалъ, что, согласно Высочайшему повелѣнію 23-го октября 1878 г., земское собраніе не имѣло права прекратить выдачу пособія церковно-приходскимъ школамъ, такъ какъ означенный расходъ опредѣленной срочности не имѣлъ, а потому долженъ считаться для земства обязательнымъ. Сенатъ, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, нашелъ, что „по неоднократнымъ разъясненіямъ его, обжалованіе опредѣленій земскихъ собраній, постановленныхъ по большинству голосовъ, не предоставлено закономъ отдѣльнымъ гласнымъ, оставшимся въ меньшинствѣ, а посему жалоба свящ. Орловскаго, какъ участвовавшаго въ земскомъ собраніи на правахъ гласнаго, обсужденію сената по существу не подлежитъ". Входя, однако, въ порядкѣ надзора, въ разсмотрѣніе настоящаго дѣла, правительствующій сенатъ нашелъ, что, „такъ какъ выдача макарьевскимъ земствомъ пособій церковно-приходскимъ школамъ производилась на основаніи правилъ, утвержденныхъ въ 1889 г. земскимъ собраніемъ, а по § 6 этихъ правилъ всякая школа, имѣющая насущную необходимость въ пособіи земства, должна ежегодно, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, обращаться съ просьбою по сему предмету въ уѣздную управу, то нельзя не признать, что производившіяся земствомъ назначенія въ пособіе школамъ имѣли срочный характеръ и что поэтому примѣненіе къ нимъ закона 23-го октября 1878 года не можетъ имѣть мѣста". На этихъ основаніяхъ жалоба свящ. Орловскаго оставлена сенатомъ безъ послѣдствій.

Съ глубокимъ сожалѣніемъ отмѣчаемъ въ нашей хроникѣ закрытіе московскаго юридическаго общества, такъ много потрудившагося для нашей науки. Обстоятельства, вызвавшія эту мѣру, пока еще неизвѣстны (у „Московскихъ Вѣдомостей" имѣется, конечно, готовое ея объясненіе но мы не видимъ достаточной причины считать г. Грингмута истолкователемъ распоряженій министерства народнаго просвѣщенія). Совѣту московскаго университета предоставлено войти съ ходатайствомъ объ учрежденіи новаго юридическаго общества, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) всѣ профессора юрид. факультета состоятъ членами общества по своей должности, и 2) предсѣдатели общества и его отдѣленій должны быть избираемы изъ профессоровъ юрид. факультета и утверждаемы министромъ народнаго просвѣщенія.

22-го іюня обнародованъ Высочайшій рескриптъ на имя финляндскаго генералъ-губернатора, слѣдующаго содержанія: „При закрытіи вами 18 минувшаго мая чрезвычайнаго Сейма представители сословій довели до Моего свѣдѣнія о тревожномъ ихъ настроеніи, вызванномъ предстоящимъ преобразованіемъ воинской повинности въ великомъ

княжествѣ Финляндскомъ и обнародованіемъ Манифеста 3 февраля сего года. Къ прискорбію Моему, изъ рѣчей ландмаршала и тальмановъ Я усматриваю, что земскіе чины не усвоили соображеній общегосударственной пользы, коими необходимость этихъ мѣръ обусловливается, и дозволили себѣ неумѣстныя о нихъ сужденія. Поручаю вамъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, что сужденія сіи неправильны и не соотвѣтствуютъ установившемуся съ начала нынѣшняго столѣтія положенію дѣлъ, при коемъ Финляндія есть составная часть государства Россійскаго, съ нимъ нераздѣльная. Я желаю также, чтобы Финскому народу было извѣстно, что, принявъ при восшествіи на Престолъ священный долгъ пещись о благѣ всѣхъ народностей, Россійской Державѣ подвластныхъ, Я призналъ за благо сохранить за Финляндіей особый строй внутренняго законодательства, дарованный ей Моими Державными Предками. Въ то же время Я принялъ на Себя, какъ наслѣдіе прошлаго, заботу объ опредѣленіи силой положительнаго закона отношеній великаго княжества къ Россійской Имперіи. Въ этихъ видахъ Мною утверждены основныя положенія 3 февраля сего года, опредѣляющія правила объ изданіи общегосударственныхъ законовъ, касающихся Финляндіи. Въ порядкѣ, указанномъ симъ законодательнымъ актомъ, непоколебимомъ и впредь, получатъ направленіе труды чрезвычайнаго Сейма и будутъ приняты въ соображеніе при окончательномъ начертаніи военнаго закона. Ожидая отъ васъ настойчиваго образа дѣйствій къ утвержденію въ умахъ населенія края истиннаго значенія мѣръ, предпринимаемыхъ для укрѣпленія связи Имперіи и великаго княжества, Я надѣюсь, что вѣрноподданническая преданность Финскаго народа, въ которой Я не сомнѣваюсь, будетъ засвидѣтельствована на дѣлѣ и облегчитъ вамъ исполненіе Моихъ предначертаній".

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

Іюль — Августъ 1899.

Книга седьмая — Іюль.

Книга восьмая. — Августъ.

БИБЛIОГРАФИЧЕСКIЙ ЛИСТОКЪ.

Сборникъ общихъ юридическихъ знанiй. Подъ редакцiей проф. Ю. С. Гамбарова. Вып. I. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1899. Стр. III + 192. Ц. 1 р.

Книжка эта, имѣющая еще другое заглавiе („Сборникъ по общественно-юридическимъ наукамъ“), представляетъ собою начало болѣе обширнаго изданiя, посвященнаго разработкѣ вопросовъ права и правовѣдѣнiя въ связи съ другими отдѣлами соцiальныхъ явленiй. Мысль о такомъ изданiи, какъ видно изъ предисловiя, возникла при составленiи программъ московской „коммиссiи по организацiи домашняго чтенiя“, въ виду оказавшагося у насъ недостатка подходящихъ литературныхъ пособiй по общественно-юридическимъ наукамъ. Изъ статей, помѣщенныхъ въ первомъ выпускѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманiя критическiй этюдъ М. М. Ковалевскаго о сравнительно-историческомъ изученiи права и объ отношенiи юриспруденцiи къ соцiологiи. Этотъ общiй очеркъ современнаго положенiя правовѣдѣнiя дополняется затѣмъ обстоятельными статьями—проф. Ю. Гамбарова о „правѣ въ его основныхъ моментахъ“ и г. С. Булгакова о „хозяйствѣ и правѣ“; сверхъ того, напечатаны еще разсужденiя г. П. Новгородцева о „правѣ и нравственности“, и г. А. Горбунова о „развитiи государства въ западной Европѣ“. Въ сборникѣ удѣлено значительное мѣсто разъясненiю и защитѣ того соцiально-философскаго направленiя, которое вошло у насъ въ моду въ послѣднiе годы подъ именемъ „экономическаго матерiализма“; но доводы, представленные въ интересной статьѣ г. Булгакова, едва ли покажутся читателямъ достаточно ясными и убѣдительными.

А. Гобсонъ. Джонъ Рёскинъ, какъ соцiальный реформаторъ. Перев. съ англ. П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва, 1899. Стр. X+353. Ц. 1 р.

Джонъ Рёскинъ давно уже пользуется въ Англiи великою славою и авторитетомъ, какъ „генiальный“ писатель-проповѣдникъ; его мысли и изреченiя приводятся и комментируются въ качествѣ глубокихъ истинъ; его книги и статьи, касающiяся разнороднѣйшихъ предметовъ житейской философiи—морали, эстетики и экономики, изучаются спецiальными обществами, основанными съ этою цѣлью во многихъ городахъ, по англiйскому обычаю. Но внѣ предѣловъ Англiи и особенно у насъ идеи Рёскина еще мало извѣстны, и потому систематическое изложенiе существенной части его доктрины, относящейся къ соцiальнымъ и экономическимъ вопросамъ, представляетъ несомнѣнный интересъ для русскихъ читателей. Будучи поклонникомъ Рёскина и признавая его генiальнымъ мыслителемъ, Гобсонъ не отказывается однако отъ права критики по отношенiю къ его теорiямъ; онъ не только излагаетъ, но и разбираетъ его ученiя, и иногда доказываетъ ихъ несостоятельность довольно рѣзко, какъ, напр., по вопросу о войнѣ. Полное отсутствiе системы въ сочиненiяхъ самого Рёскина и нѣкоторая разбросанность и противорѣчивость его разсужденiй служатъ достаточнымъ оправданiемъ для предпринятой Гобсономъ сводной работы, появившейся нынѣ въ русскомъ переводѣ. Быть можетъ, Гобсонъ слишкомъ преувеличиваетъ научное и практическое значенiе идей комментируемаго имъ писателя. „Рёскина,—говоритъ онъ,—слѣдуетъ признать величайшимъ изъ общественныхъ реформаторовъ нашего вѣка не только потому, что онъ высказалъ наибольшее количество важныхъ истинъ по самымъ разнообразнымъ и жизненнымъ вопросамъ въ выраженiяхъ поразительно сильныхъ, но и потому, что онъ сдѣлалъ энергичную и удачную попытку понять и выразить и потребности человѣческаго общества, какъ всеохватывающаго цѣлаго, и процессъ общественной реформы, во всей ея полнотѣ и цѣлостности“. Но это преувеличенiе не отражается на критическомъ анализѣ и выводахъ Гобсона, являясь отчасти лишь реакцiей противъ распространеннаго взгляда, по которому Рёскинъ есть только остроумный и блестящiй литераторъ, склонный къ парадоксамъ и мало компетентный въ серьезныхъ вопросахъ соцiальной и особенно экономической науки. Въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ книги разсужденiя Рёскина сопоставляются съ идеями графа Льва Толстого, а также Карлейля (названнаго „Карлилемъ“ въ русскомъ переводѣ), съ которымъ онъ вообще имѣетъ много общаго.

Царскiя дѣти и ихъ наставники. Историческiе очерки Б. Б. Глинскаго. Съ портретами и иллюстрацiями. Изданiе ред. журнала „Дѣтское Чтенiе“. Стр. 282. Ц. 1 р. 25 к.

Роскошно изданная книга г. Глинскаго заключаетъ въ себѣ обстоятельные и живо написанные историческiе разсказы о дѣтствѣ и юности Петра I и его преемниковъ, о воспитанiи его дочерей, объ Екатеринѣ II и ея сынѣ, объ Александрѣ I и Лагарпѣ, о Николаѣ I и его воспитателѣ генералѣ Ламздорфѣ, и объ Александрѣ II и В. А. Жуковскомъ. Всѣ эти очерки, за исключенiемъ статьи о Николаѣ I, были первоначально напечатаны въ „Дѣтскомъ Чтенiи“ за 1897—98 гг. и вполнѣ приспособлены къ уровню пониманiя юной читающей публики, для которой они предназначены.

Законы объ узаконенiи и усыновленiи дѣтей, съ объясненiями, извлеченными изъ мотивовъ закона 1891 года, и съ разъясненiями по опредѣленiямъ Прав. Сената. Составилъ Я. А. Канторовичъ. Спб. 99. Стр. 120. Ц. 50 к.

Многочисленныя изданiя г. Канторовича, имѣющiя цѣлью сдѣлать доступными публикѣ различные отдѣлы нашего законодательства, прiобрѣли уже значительную популярность, благодаря своимъ несомнѣннымъ достоинствамъ—толковому распредѣленiю матерiала, ясности и полнотѣ комментарiевъ, и наконецъ дешевизнѣ. Въ настоящей книжкѣ, сверхъ постановленiй и разъясненiй закона, изложены также предварительныя свѣдѣнiя объ историческомъ ходѣ нашего законодательства о незаконнорожденныхъ и о современномъ положенiи у насъ институтовъ узаконенiя и усыновленiя.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ **1899** г.

(Тридцать-четвертый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20, и товарищества „Издатель“, Невск. пр., 68—40.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжныхъ магазинахъ: Н. И. Мамонтова, на Кузнец.-Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой; въ маг. „Русск. Мысли“ и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз.: „С.-Петербургскій Книжн. Складъ“ и Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

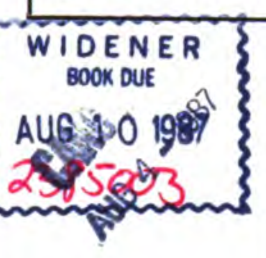
Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

WIDENER
BOOK DUE
AUG 1 0 1987